

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

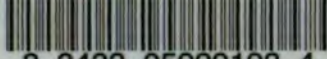
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

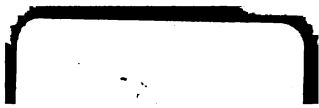
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929193 4

Cellar
15B7

* OCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

=

*Ἐροὶ δὲ τὸ ἀσχερὸν, τοῖς ἐτίθευς μὴ δύνανθαι περὶ
ἀνοῦ τὰ δίκαια μῆτε γυῖναι μῆτε ποιῆσαι; Ὀρε
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προσηγορέων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπισημοῖς οὐχ ὁμοίαν καταλιπεῖν τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

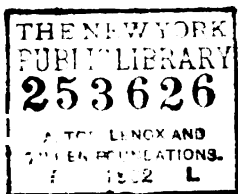
=

ТОМЪ ДВЯНОСТО-ДЕВЯТЫЙ.

=

САПКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ВОЗВОЛЯЕТСЯ,

отъ чего, ~~чтобы~~ по сообщенію представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое
своемъ изданіи. Санктпетербургъ, 31 декабря 1849.

Ценсоръ Н. Срезневскій,

Ценсоръ Н. Влагинъ.

**БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНИЯ.**

І.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЖИТЕЙСКАЯ ШКОЛА.

=

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

=

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ конвату второго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

**ГЛАВНСКІЙ, одиѣ, входитъ съ бумагами,
банковыми билетами, письмами
и разбрасать ихъ на столѣ.**

Ага! теперь моя взяла!

Вотъ сладкій плодъ, за тяжкое терпѣнье!

Благодарю Творца!... жена передала

Мнѣ въ руки всё свое имънье!...

Вотъ деньги!... Вотъ онъ!... въ моихъ рукахъ!

Вотъ этотъ.... дьявольскій, всдвижуцій рычагъ,
 Который нами вѣчно помыкаетъ,
 Который манитъ всахъ, прельщаетъ каждый часъ,
 Путь къ чести, путь прямой, широкій открываетъ!
 И въ бедну страшныхъ золь толкаетъ грѣшныхъ насъ!
 Показывая билеты.

Тутъ все. Да! съ деньгами — таланту ходъ и слава!
 Служащій, или нѣтъ, все ищутъ, ловятъ ихъ!
 Вся сладость тутъ!... и вся житейская отвратъ,
 Для умныхъ, дураковъ, для добрыхъ и для злыхъ!
 Да! вотъ и я теперь: ставъ полнымъ господиномъ,
 Будь извергомъ въ душѣ.... съ врагами — золь и строгъ....

Забудь, что я рожденъ христіаниномъ.
 Какъ много бѣ деньгами я зла надѣлать могъ!!
 Какимъ бы могъ я сдѣлаться животнымъ!
 И вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнымъ и почетнымъ!...

Нѣтъ! Боже сохрани!... хоть въ нѣсколько годовъ
 Пронелъ я школу бѣдъ, лишеній,
 Хоть тѣмъ терпѣлъ обидъ, и зла, и притѣсненій
 Отъ разнородныхъ дураковъ,
 Отъ негодаевъ и плутовъ....

Но, все-таки, враги пускай живутъ и тужать,
 А деньги.... мнѣ, авось, на доброе послужать!
 Кладезь билеты въ карманъ, потомъ звонитъ. Входитъ ка-
 мердиньеръ Иванъ.

Эй! кто тамъ есть?... а! это ты, Иванъ?
 (Серіозно) Ну, что? все ль сдѣлано по волѣ господина?

ИВАНЪ.

Все-съ.

ГЛЕНСКІЙ, грозитъ.

То-то-же! смотри: за плутни, нѣтъ обманъ,
 За все взыщу!...

ИВАНЪ.

Да.... я-съ.... ей-Богу, не причина,
 Что вы.... прогнѣвались....

ГЛЕНСКІЙ.

Прогнѣвались! дуракъ!

Будь честенъ! слушайся! что я велѣлъ, то дѣлай!

Будь съ совѣстью не грязною, а бѣлой!

Ты берскій гвѣзь тебя не будетъ страшень такъ.

ИВАНЪ, съ поклоненъ.

Да и-съ.... мнѣ кажется....

ГЛЕНСКІЙ.

Ну, да! я вижу.... знаю....

Что всѣхъ другихъ получше ты;

За те ужь прочіе.... всѣ плуты и скоты,

Которыхъ здѣсь въ дому нѣтъ я не желаю!

Всѣ нынче въ городѣ: лакен, повара,

Кухарки, няньки, кучера,

Все, что ползеть и лезеть въ услуженье,

Все избаловано! и служить на мученье!...

ИВАНЪ, пожимая плечами.

Конечно-съ.... всякій есть нашъ братъ....

ГЛЕНСКІЙ.

Да; знаю я, добра въ васъ сколько!

Три добродѣтели у вашей братьи только:

Можешничество, пьянство, и развратъ!

Смотри же, берегись!... Чтѣ, мастеръ нашъ каретный

Былъ нынче?...

ИВАНЪ.

Былъ-съ; все снова осмотрѣлъ,

Видеть ужь опять.

ГЛЕНСКІЙ.

А этотъ плутъ всесвѣтнѣй,

Любителъ лошадей?

ИВАНЪ.

Да-съ; также быть хотѣлъ.

ГЛЕНСКІЙ.

Скажи имъ, чтобъ они напрасно не шатались.

А просто, чтобъ рзыались поскорѣй.

Ну, а кухарка, есть?

ИВАНЪ.

Да цѣлыхъ три являлись;

И, какъ мнѣ кажется, хорошія-съ, ей-ей!

А впрочемъ....

ГЛЕНСКІЙ.

Выбери-жь, получше, по дѣльнѣе,

И завтра, пусть переэжижутъ къ намъ.
 (Отдавая письмо). Вотъ, къ Турухтановой пошли письмо скорѣе;
 А это вотъ.... доставь Блецкой, самъ.

ИВАНЪ.

Кому же дома быть-съ? тронхъ ужъ вы усади,
 Четвертый, съ тетушкой позжалъ закупать,
 Гавриль, барыня одѣться приказали,

Повдуть; кажется, гулять!

И если я уйду, кому же быть въ приемной?
 глинскій, строго.

Я дома! такъ ступай, не умничай, уродъ!

Гаврилю пусть съ письмомъ итеть....

Карету отложить.

ИВАНЪ, про себя.

Отъ, баринъ экономной,

Бѣда для нашей братьи!

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ГЛИНСКІЙ, одиень.

Ну!

Теперь, какъ мужъ, на все полезное готовый,
 И любящій свою прекрасную жену,

Взгляну еще на штатъ мой новый,

Для блага общаго который сдѣлалъ я....

Читая про себя, говорить хотѣлъ.

Да! кажется.... полезно.... м.... приятно!

Не многословие.... и полезно.

Но, этотъ штатъ едва ль пойметъ наша жена!

Вся важность въ томъ: во вкусахъ согласитесь....

А вкусы женъ бываютъ.... ой! ой! ой!

Что мужу нравится, женъ не такъ годится!

А нуще, какъ жена съ горячей головой.

Такъ значить, чтобъ мой штатъ имѣлъ свое начало,

То я начну съ жены, лишь силы бы достало....

Хоть, можетъ-быть, я ей не угожу,

И удивлю ее.... из разсержу,
Уж! какъ быть! въ сѣняхъ нововведенъ,
Всегда почти встречаютъ затрудненъ!
А потому и мнѣ, чтобъ дать себѣ понять,
Но надобно лишь духомъ упадать.

Изъ спальни жены раздается сильный и продолжительный
звонокъ.

А! вотъ она звонитъ!... у! какъ истеричливо!...

Я ей обязанъ всемъ, такъ долгъ водить

Сперва начать, какъ водится, учтиво ...

А если? Ну, ужъ такъ.... какъ кровь заговорить.

Другой звонокъ.

ЯЗВЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ГЛИНСКІЙ сидитъ у стола; ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА въ шляпкѣ, готовая
ѣхать со двора.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, встревоженная.

Мой другъ, помилуйте!... да что жъ это такое?

ГЛИНСКІЙ, учтиво.

А что, мой другъ?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Куда все люди разбрелись?

ГЛИНСКІЙ, также.

Да въ разные мѣста. Въ дому насъ только двое....

Жена, да мужъ .. я радъ, что мы одни сошлись!

Намъ, другъ мой, надобно серьезнымъ позаняться....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ, кстати задумали! я ѣду въ магазинъ,

У графа завтра балъ....

ГЛИНСКІЙ.

Но я прошу остаться....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, займись себѣ одинъ,

А я сейчасъ ѣду, какъ ты хочешь!

Снова звонитъ.

ГЛЕНСКИЙ.

Да не звони, мой другъ! ты по пусту хлопочешь,
Я всѣхъ людей услалъ!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Какъ! всѣхъ? рѣшительно?...

ГЛЕНСКИЙ.

Ивана даже нѣту....

По этому, ужъ кстатѣ, приказалъ
И отложить твою карету.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ мило! вотъ умно! да кто же васъ просилъ?

ГЛЕНСКИЙ,

Никто. Я такъ ужъ самъ заблагоразсудилъ....

Затѣмъ, что право намъ заняться дѣломъ нужно!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Да вы съ ума сошли! вотъ очень мнѣ досужно!

Вѣдь завтра графъ на балъ ждетъ насъ!

Мнѣ надобно заняться туалетомъ,

Давайте денегъ мнѣ сейчасъ,

Я иду!..

ГЛЕНСКИЙ,

Какъ! еще? ну вотъ, вѣдь я объ этомъ,

То есть: объ деньгахъ—то и долженъ говорить.

Дружечекъ! я давалъ, покуда было можно....

Теперь, я выдачу хочу остановить,

Затѣмъ, что ты фравитишь собираешься безбожно!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, не понимая.

Какъ! что это? Что вы сказали мнѣ?...

ГЛЕНСКИЙ.

Да то, что *слѣдуетъ* сказать своей женѣ.

Мнѣ долгъ велить сказать.... ты, право, чт' ни *схватнишь*,

Такъ безо всякаго отчета и истратнишь!

Нельзя! Намъ жизнь впередъ такъ надо повести,

Чтобъ экономію немножко соблюсти.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Что вы?... опомнитесь!...

ГЛЕНСКИЙ, оцѣвъ ласково.

Опомнися немного, Digitized by Google

Но ужь и ты 'за то опомнись! ради Бога!

Я радъ тебя лелзять! обожать!

Готовъ тебя беречь, прилично одевать,

Что нужно — дамъ тебя я вволю....

Но донески мотать, ей Богу, не позволю!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Что?... что?...

ГЛАНСКІЙ.

Да больше ничего,

Что вѣтъ никакъ нельзя пускаться въ мотовство.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, посмотрѣвъ на него довольно долго, говоритъ съ насмѣшкою.

Да чьи же деньги—то у васъ? спросить нельзя ли?...

ГЛАНСКІЙ, спокойно.

Твои.... которыя теперь моими стали.

Теперь и ты сама, и домъ, и серебро,

И люди, все.... мое законное добро!

Вѣдь мы не старики, навѣрно дѣтки будутъ,

И сжали теперь истратимъ все какъ—разъ,

А дѣтки выростутъ, да сами не добудутъ,

Такъ стыдъ и грѣхъ останутся на насъ!

По этому себѣ, что нужно, мы назначимъ,

А лишнее, на чернѣй день припречемъ!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

А!... такъ—то вы? ..

ГЛАНСКІЙ.

Да, да. Пусть я хоть и богатъ,

Однако, васъ любя, составилъ новѣй штатъ.

Вышняя бумагу.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, едва удерживая досаду.

Такъ вы.... для денегъ лишь.... за мною.... волочилисъ?....

Какая низость!....

ГЛАНСКІЙ, еще ласковѣе.

Нѣтъ, душа!....

Сперва, вы сами мнѣ, отдѣльно, полюбились....

А деньги мнѣ прищамъ, такъ.... въ родъ барыша.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, съ горячностью.

Такъ нѣтъ же, если такъ! по вашему не будетъ!

Нѣтъ! нѣтъ!....

ГЛАЗИНСКИЙ, также.

Какъ нѣтъ?... пойми же, ангалъ мой,

Отъ экономіи — тебя вѣдь не убудеть!

Мы только уменьшимъ въ дому расходъ большой.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Я не согласна! нѣтъ!...

ГЛАЗИНСКИЙ.

Но, надо согласиться!

Вѣдь я пропну тебя! чтобъ, даешь... не... браниться.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, съ гордостью смететъ въ
рукава.

Бранить-ся?!... вспомните : чѣмъ были вы ?..

ГЛАЗИНСКИЙ.

Чѣмъ былъ,

Ужъ тѣмъ, дружечекъ мой, отнынѣ я не буду.

Хоть помню все : что васъ всегда любилъ,

Что вѣрно вамъ служилъ... и вѣчно не забуду :

Что на *вдовъ* женился я,

Не на дѣвицъ....

Такъ помните жъ и вы, душа моя :

Что надо замужемъ умненько жить въ столицѣ!

А кто мотааетъ здѣсь на вздоръ, да *рококо*....

Несостоятельнымъ окажется легко!

Ужъ кто у насъ въ долгахъ, такъ жилъ хоть для *бонтона*,

Все продають съ аукціона!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Такъ значить, я... попала въ обманъ?

ГЛАЗИНСКИЙ, очень спокойно.

Ни сколько!... я хочу спасти лишь свой карманъ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ! этотъ тонъ... меня въ отчаянье приводитъ!..

Да я о счастья, о жизни хлопочу!

И если для того, что лишнее выходитъ,

Мнѣ дѣла нѣтъ! и знать я не хочу!

ГЛАЗИНСКИЙ.

Но лучше лишнее убить для доброй цѣли;

На пользу бѣдныхъ можно отпускать,

Чѣмъ дать, чтобъ все добро у насъ тѣ люди съѣли,

Которыхъ, душенька, людьми не стоить звать!
 Къ чему жъ роскошничать? давать балы, объемы?
 Не глупо ли? зачѣмъ? ты знаешь ли людей?
 Вѣдъ варваровъ, враговъ, злодѣевъ нѣтъ страшнѣй,
 Какъ петербургскіе друзья и дармоеды!

Хоть вѣкъ корми, хоть вѣкъ служи друзьямъ,
 Хоть дѣлай имъ по-царски угощенье!

Но если вдругъ нужда случится намъ,
 Такъ лѣду куска у нихъ не выпросишь въ Крещенье!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, съ крикомъ.

Неправда! я не вѣрю вамъ отнюдь!

Вы прежде иначе о жизни разсуждали!

Вы вѣчный рай мнѣ обѣщали!

Теперь же, какъ меня успѣли обмануть,

Какъ я для васъ рѣшилась сдѣлать глупость,

Все вдругъ вамъ въ руки передать,

У васъ явились разсчетливость и скупость....

Нѣтъ! этому на зло вамъ не бывать!....

ГЛЫНСКІЙ, едва удерживаясь.

Послушайся жъ хоть голоса разсудка!....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, съ бѣшенствомъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не слушаю!.... Я презираю васъ!

Да! ваша адская, убійственная шутка,

Которой такъ хитро вы обманули насъ,

Заставить дѣйствовать на зло вамъ! поневолю....

ГЛЫНСКІЙ, съ достоинствомъ и громко.

Жена, молчи!! и знай: ужъ нечего скрывать!

Роль прежнюю теперь не буду я играть!

Теперь явлюся я въ своей высокой роль!

И слушаться себя заставлю какъ Богъ святъ!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, тоже.

Вы?! вы заставите?

ГЛЫНСКІЙ, громче.

Молчать, вамъ говорить!!!

И слушать: — прежде, мной могли вы забавляться,

Теперь, друзья мои!.... довольно вамъ шутить!

Кто ждалъ, что буду я всю жизнь свою сгибаться,

Тотъ предо мной теперь согнется, можетъ быть! ...

Все болѣе разгорячался.

Долой притворства маску! прочь смиренье!

Теперь не вы, — я силу взял!

Ко мнѣ должны имѣть вы уваженье!

Въ моихъ рукахъ — жена, и домъ, и капиталъ!

Въ моей теперь, въ моей все власти!

На все отнынѣ — мой законъ!

Вся ваши прихоти и пагубныя страсти,

Какъ зло опасное — я съ корнемъ вырву вонъ!!!

Жена отступаетъ отъ него въ страхѣ и удивленіи.

Что? ... вы и руки врознь!.... вамъ это диво?

Такъ быть должно.... я васъ умнѣй.

И какъ я дѣйствовать намѣренъ справедливо,

(Грозя ей) Такъ докажу сейчасъ женѣ моей!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ! я.... уйду!.... мнѣ.... страшно....

ГЛЕНСКІЙ.

Неужели?

Взявъ ее за руку.

Однако жъ, я остаюсь васъ прощю....

Вы, иначе, меня и слушать не хотѣли.

Не бойтесь же! я васъ не укушу!

Хоть страшнѣе я для васъ, и золь, подобно звѣрю....

Но, все-таки прощю впередъ:

Не падать въ обморокъ! теперь ужъ не рассчитаю!

Я этимъ пошлымъ слабостямъ не вѣрю.

И такъ.... безъ вашей тетки, безъ друзей,

Сперва собой займемся, домою, знаешь, сами....

А тамъ — и внѣшними дѣлами

Распорядимся по умнѣй.

Показывая ей бумагу.

Во-первыхъ, вотъ мой штатъ.... простой и экономный,

Который сдѣлалъ я, какъ мужъ и господинъ.

Дать трехъ баловъ — нельзя! расходъ огромный....

Такъ будетъ балъ всего въ году одинъ!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, всплеснувъ руками.

Возможно ли!?

ГЛЕНСКІЙ.

И то, въ день вашихъ именинъ.

Въ мой же, ничего не будетъ — и не нужно!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Какъ! ничего?

ГЛЕНСКІЙ.

Да! да! я такъ рѣшилъ, сказалъ!

Такъ измѣнять нельзя! и недосужно!

Положимъ, вамъ сперва

Все это слышать очень больно....

Но первый пылъ пройдетъ, очнется голова,
Увидишь пользу ты, и будешь предовольна!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, чуть не плача.

Нѣтъ! этого не можетъ быть!.... нѣтъ! нѣтъ!

Я не утѣшусь вѣчно!....

ГЛЕНСКІЙ.

Пустое, ангелъ мой! (*Смотря въ бумагу*) Но вотъ еще предметъ,
Который для мужей тяжелъ безчеловѣчно!

Вотъ что: абонементъ на ложу — исключень!

Мы създдимъ въ оперу разъ шесть, во весь сезонъ,

И только.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Только?....

ГЛЕНСКІЙ.

Да!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, про себя.

О! я умру съ досады!...

(*Ему*) Но, опера вѣдь васъ не разорить?....

ГЛЕНСКІЙ.

О, нѣтъ ...

Но, тряпки модныя, и всѣ твои наряды,

Вотъ разореніе! вотъ гдѣ грабежъ, мой свѣтъ!

Когда бъ вы музыкой одною наслаждаться

Умѣли въ оперѣ, пусть такъ, душа моя....

Такъ нѣтъ! вамъ только бы нарядомъ отличаться!

А музыка у васъ послѣдняя статья!

Да и не вы одинъ, безъ толку, безъ оглядки,

Знай тинутся, пользуютъ въ аристократки,

Кричатъ про оперу, да дѣлаютъ изъянь!

А ссылаютъ въ музыкѣ, — лишь «Красный сарафанъ!»

И такъ, чтобъ не запеть намъ хуже этой пьески,
Не абонируюсь, душа моя! хоть тресни!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Такъ, значить, я съ тоски должна убить себя?

ГЛЕНСКІЙ.

Не нужно. Я найду занятъе для тебя.

Какъ жить начнемъ уютно, аккуратно,
Въ хозяйствѣ дни пойдутъ полезно и пріятно....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Но, я хозяйкой быть не въ силахъ никогда!

ГЛЕНСКІЙ.

Вотъ въ этомъ-то все зло и вся твоя беда!

Будь мужемъ я, жены-хозяйки,
Тогда бы ~~арядъ~~ ~~на~~ было и этой тетке злой,
Безстыдной, алчной негодяйки!
И я-то, можетъ-быть, не соорился бы съ тобой.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Какъ! вы и тетунку хотите ужъ обидеть?....

ГЛЕНСКІЙ.

Да, эта гръшная, заблудшая душа,

За васъ должна жъ меня возненавидеть,
Особенно, какъ ей не будетъ барыня.

Но такъ какъ я ея всѣ подвиги земные,

И всѣ грѣхи успѣлъ поразузнать,

То ей могу напомнить дни *былые*,

И вѣрный путь къ спасенію указать.

Но, тетку всторону! объ ней не хлопочите.

Пойдемте далѣе....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Что жъ вы еще хотите?

ГЛЕНСКІЙ.

По штату слѣдуетъ: прислугу уменьшить.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Да развѣ можно намъ?....

ГЛЕНСКІЙ.

Да, да, все можетъ быть.

Прислуги тьма. Зачѣмъ? и что въ ней проку?

Льются только, пьютъ, шалаютъ,

Безъ дѣла, даромъ хлѣбъ здать!
И такъ, окромя дѣлухъ, всѣхъ пустимъ по оброку!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Какъ! только слугъ двоихъ держать?

Помыслите! и здать за каретой,
Служить и мнѣ, и вамъ, и всѣхъ гостей встрѣчать....

ГЛАНСКІЙ.

Все можно! все! держась стѣнъ вотъ этой:

•Чтобъ лучше было намъ, и легче для людей,
•Такъ надобно продать всѣхъ нашихъ лошадей,
•Карету, дрожки, все! а въ дождикъ.... и повсюду
•Съ женой съ общественныхъ каретахъ здать буду!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, ужасаясь.

Творецъ мой! какъ! чтобъ я рынулась?... я?...

О, стыдъ!....

ГЛАНСКІЙ.

Какой же стыдъ, душа моя?

Кареты славныя! въ нихъ люди есть, не хуже

Тебя, или меня.... да и кому-же

Для насъ, ты расуди, какая польза тутъ:

За гривенникъ, тебя верстъ осемь провезутъ!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Но я не сяду възкъ!....

ГЛАНСКІЙ.

Нѣтъ, сядешь, какъ случится!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Не сяду! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

ГЛАНСКІЙ, строго.

Прошу не горячиться

И дѣлать такъ, какъ я хочу!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ! я ...

ГЛАНСКІЙ

Молчать!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Я вамъ....

ГЛАНСКІЙ.

Молчать!!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ну, пусть! молчу...

Но, я....

гЛЕНСКІЙ, въ бѣшенствѣ.

Молчать всегда!! весь въкъ повиноваться!!

Не смѣть ни словомъ возражать!

Иначе, я васъ въкъ заставлю пресмыкаться!

Отъ взгляда одного заставлю васъ дрожать!

Не буду слушать я ни жалобъ, ни упрека,

Забуду все!.... и уничтожу васъ!

Да! да! я поступлю безжалостно! жестоко!

Схвативъ ее за руку.

Чтобъ только былъ исполненъ мой приказъ!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, съ робостью,

Из....воль....те....

гЛЕНСКІЙ, про себя, смотря на жену и стараясь прійти въ спокойное состояніе.

Жаль ее!.... но.... такъ и быть!.... (Ей ласково) послушай:

Вѣдь я.... люблю тебя!.... не будь же злой крикушей!....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, почти сквозь слезы.

Вы?... лю-би-те?....

гЛЕНСКІЙ, съ чувствомъ.

Люблю! какъ мужъ и человѣкъ!

Любовью чистою, законной!

И отъ души желаю, чтобъ на въкъ

Тебя отвлечь отъ пропасти бездонной!

И такъ.... утѣшь меня, мой свѣтъ!

Не дѣлай мнѣ на зло, въ досаду....

Въ общественной каретѣ, сядешь?....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Я?... о, нѣтъ!....

гЛЕНСКІЙ, стиснувъ зубы и возвышая голосъ.

Не-ся-дешь??...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, съ покорностью и бро-саясь въ кресла.

Сяду! сяду! сяду!

Помолчавъ немого.

Такъ вотъ, то счастье?... блаженство?... рай земной....
 Которые вы мнѣ судили?.....

ГЛАНСКІЙ.

Другъ ты мой!

Когда бь одобрила ты цѣль моей реформы,
 И противъ мужа не пошла,
 Такъ вѣрно бы и не вступили въ споръ мы,
 И для себя — во мнѣ ты все бы, все нашла!
 Ты, душенька, о счастьи мечтаешь?

А гдѣ искать его? и въ комъ? не понимаешь!
 Все счастье жены, вотъ въ чемъ заключено:
 «Жить съ мужемъ, вѣрной быть, съ нимъ вѣрвать въ одно;
 «Быть христіанкою! а главное: стараться
 «Законной власти покоряться!....»

Законъ святой, насъ всѣхъ спасаетъ и хранитъ!

А ты, свой вспылчивый характеръ обнаружа,
 Забыла главное, что Церковь говоритъ:

«Жена, да убьется мужа!»

Снова смотритъ на бумагу и продолжаетъ.

Ну.... дальше: чтобъ сберечь здоровье, бодрый духъ,
 Чтобъ насъ не грабили здѣсь повара уроды,
 Мы уменьшимъ ужъ кстати, милый другъ,
 И наши всѣ столовые расходы.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Вы.... голодомъ меня хотите уморить?....

Ну, что жь! ужъ за одно.... извольте, уморите!

ГЛАНСКІЙ.

Ахъ, другъ мой! не грѣшишь ли? ну, что вы говорите?

Напротивъ, я хочу, чтобъ было намъ чѣмъ жить!

Богъ милостивъ! глядишь, намъ дастъ семейство,
 Хорошихъ дѣточекъ.... ну, такъ за что же намъ
 Дать обокрасть себя, злодѣямъ поварамъ?

Вѣдь это, было бь ужъ злодѣйство!

А поваръ нашъ.... ой! ой! разбойникъ! супостать!

Онъ, крадетъ въ годъ здѣсь болѣе трехъ тысячъ!

Его въ полици мнѣ надо бь было высечь,

А такъ бы ужъ и дать похвальный аттестатъ.

Но, чортъ съ ними!.... дальше: ты въ погребъ задолжала?

Зачѣмъ? вѣдь ты же пьянъ? и я почти не пью....

Но, съ теткой эту я обдѣлаю статью.

Мнѣ надо знать, куда она вино дѣвала?

Его, какъ вижу я, изрядный былъ запасъ.....

А все истреблено! ликеры, ромъ и водка!

Но къмъ? неужто въ добрый часъ

Все высосала тетушкина глотка?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Послушайте! меня вы въ правъ притѣснять....

Но, тетушку мою... . прошу не обижать!

Она....

ГЛЕНСКІЙ.

Ну, объ ея владычествѣ проклятемъ,

Мы послѣ!.... а теперь, займемся новымъ штатомъ....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Чего жъ еще меня хотите вы лишить?

ГЛЕНСКІЙ.

Да есть еще кой-что, — жъ сдѣсанью состоядд....

Все надо строго обсудить!

Не должно ничего оставитъ безъ вымандя.

Иногда аи бумагу.

Вотъ, видишь: чтобъ во всемъ жена мнѣ помоге,

Прошу, чтобъ гардеробъ свой дольце берегла!

Теперь, ты замужемъ должна быть скромной, тихой,

Хозяйничать, беречь весь домъ,

А не заботиться о томъ,

Чтобъ быть отчаянной кокеткой и франтихой!

При мнѣ — мамъя, да и не нужно вамъ

Съ друзьями прежними, бастодой заниматься.

Они.... я понятъ ше! кодятъ и рады бз къ намъ,

Но я ужъ сдѣлалъ планъ, какъ съ ними развязаться.

По ихъ понятьямъ: честь и совѣсть маминъ жена

Ничтожны такъ... какъ въскатый лимонъ!

Пусть такъ! но, мысли жгъ аюсь, мы переживемъ!

Когда самгъ въ отщепенъ — переживемъ!

И такъ, душа моя, прошу васъ не забыть:

При всахъ порядкахъ новизнъ,

Въ годъ надо намъ прожить,

На бодино, какъ три тысячи цѣлковыхъ.

А семь-то тысячъ серебромъ,
Въ сохранную казну, мы каждый годъ положимъ,

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ! Богъ мой! какъ! да чья тутъ жить? втроемъ!

Помыслите! да мы никакъ не можемъ....

Глинскій, перебивая ее.

Пустое! я вѣдь такъ устрою все дѣла,

Чтобъ не втроемъ, вдвоемъ остаться.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Вдвоемъ?... а тетушка?...

Глинскій.

Ты съ ней изволь разстаться....

Мнѣ надо, чтобъ она въ отставку подала.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Какъ! тетку добрую, родную?...

Глинскій, невольно приходя въ негодованіе.

Вонъ, эту сурію! воровку записную!

Вонъ, эту сиротинку! безстыдную вдову!

Она, умышленно соблазны здѣсь заводитъ!

Она тебѣ друзей, поклонниковъ находитъ!

Нѣтъ! эту вѣдму я скину!

Я у нее за все потребую отчету!

Она не ждетъ, какъ я успѣлъ ее узнать....

Я сбавлю спясъ съ нея, и отниму охоту

Въ моемъ дому хозяйки роль играть!

Вотъ я ее голубушку! отважу

Производить въ дому моемъ покражу!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Какъ! вы осмѣлитесь, безъ всякаго стыда

Обидѣть женщину? и вамъ не грѣхъ? не стыдно?

Глинскій.

На дѣло доброе осмѣлось я всегда!

Она ужъ такъ себя ведетъ неблаговидно,

Что всякій мужъ, любя жену свою,

(Съ которой можетъ все случиться),

И въ хвостъ, и въ голову, обязанъ гнѣть змью,

Которая въ дому его гнѣдится!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, постепенно разгорячалась:

Такъ послѣ этого... не мужъ вы! а злодѣй!

Вы истощаете послѣднее терпѣнье!...

Нѣтъ! лучше я отъ васъ уйду! уйду скорѣй!

Пусть взяли вы себѣ мое имѣнье!

Но легче мнѣ отъ бѣдности страдать,

Чѣмъ съ вами жить, и видѣть,

Какъ мужъ меня во всемъ старается стѣснять,

Линять всѣхъ радостей, — какъ ищетъ онъ обидѣть,

Мою родню, и всѣхъ друзей моихъ;

Да! лучше съ вами мнѣ скорѣй, скорѣй разстаться!

По-крайней-мѣрѣ я свободна буду вѣкъ!

И буду хоть однимъ въ досадѣ утѣшаться:

Всѣмъ говорить, кричать, что вы за человѣкъ!

Да! да! пусть слышать всѣ! что вы неблагодарный,

И страшный эгоистъ! скупецъ! и льстецъ коварный!

Что лишь наружно вы добры и хороши,

Но въ васъ ни чувства нѣтъ! ни сердца! ни души!

Что вы злодѣй! мучитель! и предатель!

Вы — извергъ злой!

Чудовище! обманщикъ! варваръ мой!

Вотъ, мужа мнѣ какого далъ Создатель!

Горько плачетъ.

Г л и н с к і й, громко и весело.

Ну! вотъ и славно, милый другъ!

Я радъ, что мыслей ты и чувства не скрывала!

Душевно радъ! что прямо вдругъ,

Взяла меня и отщелкала!

О! это самый добрый знакъ!...

Когда бъ ты всю свою досаду затаила....

Какъ многія изъ женъ.... мнѣ хуже бъ втрое было!

Теперь же, я съ тобой полажу кое-какъ....

Да! да.... узнай, моя заблудная головка:

Когда бы я тебя душевно не любилъ,

Когда бы честью твоей, моя плутовка,

Вполнѣ какъ мужъ, не дорожилъ, —

То бы бѣжать тебѣ, позволилъ я охотно!

Тыгь бодрше, что мететь ты стала безотчетно.

Однакожь, нѣтъ, дружечекъ мой:

Но думалъ я шутить: ни бракомъ, ни любовью....

И нехочу никакъ съ моею женою

Подвергнуться насмѣшкамъ и злословью!

Я знаю: что теперь лишь только трудно мнѣ,

Тысятъ идеямъ дать прямое направленье....

Но я вѣдь ужъ добьюсь, добьюсь вполнѣ,

Что ты поймешь мое къ тебѣ расположенье!

Такъ дамъ ли я тебѣ уйти?

И отъ кого жъ уйти? отъ друга! властелина!

Ну, словомъ — отъ меня!... ахъ, Господи прости!

Да послѣ этого, я былъ бы не мужчина!

Нѣтъ, ангель мой, нѣтъ, нѣтъ! ужъ вы

Оставьте лучше вся дурація угрозы,

Свои вся выходы, отчаянье и слезы

Весь вздоръ повыкиньте скорѣй изъ головы,

И будемъ жить: умно, миролюбиво!

Ласкаясь къ ней.

Но такъ ли?... а?... дай ручку....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ! не дамъ!

Я зла на васъ!... зла страшно!...

ГЛЫНСКІЙ.

Что жъ за диво!

Но ручку дайте!...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ!...

ГЛЫНСКІЙ.

Такъ я возьму и самъ!

Вереть ея руку, цалуеть, потомъ говорить холодно,
безъ крика, но рѣшительно и твердо.

А въ заключенье, вамъ, Евгенія Петровна,

Рѣшительно, и твердо я скажу:

Что жить, и дѣлать все, должны мы — полюбовно....

Иначе.... въ гнѣвъ я.... я васъ не пощажу!....

Запомните жъ слова мои, отнынѣ

И на всегда! я слову господинъ!

Не думать ни объ комъ! Ни объ одномъ мужикѣ?
 Вся мысль ваша—я, я долженъ знать одинъ!
 Во мнѣ найдете вы отца, вѣдуну, друга!...

Но... если жъ вы извините хоть разъ....
 Я такъ вступаю въ права законнаго супруга,
 Что буду гнать, и гнать до гроба васъ!...
 Не пожалю я, ни денегъ! ни здоровья!
 Чтобъ опозорить васъ! съ лица земли стереть!
 Донта шепетомъ.

У смертнаго явлюся изголовья!
 Чтобъ вамъ не дать спокойно умереть!!!
 Не съ примирительнымъ объятіемъ
 Я передъ вами появлюсь....

Но громогласно я осыплю васъ проклятіемъ!
 И мстить за честь свою, предъ Богомъ поклянусь!
 Поворачиваетъ ее къ себѣ лицомъ.

Смотрите жъ на меня! хоть это вамъ и больно....

И прямо дать прощу отвѣтъ сейчасъ!
 Что?... врите вы мнѣ?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, смотря на него, отъѣхавъ
 смиренно.

О, да!... смотря на васъ...
 Повзрять всякая невольно.
 Вашъ взглядъ мнѣ ясно говоритъ:
 Что съ вами пользы нѣтъ.... ни спорить, ни браниться....
 Увы! хоть больно мнѣ!... но долгъ велитъ....
 И участи своей должна я.... покориться!

ГЛИНСКІЙ, падая ее.

А!... вотъ хвалю за это я!
 Такой отвѣтъ вполне жены моей достоинъ!
 Ну, отдохни нѣ теперь.... поди, душа моя....
 Твой нѣжный организмъ неминуемо разстроится....
 Съ чувствомъ.

Теперь согласна ты во всемъ со мной?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Во всемъ.

ГЛИНСКІЙ.

Не сердись?...

ЖИТЕЙСКАЯ ШКОЛА.

ЕВГЕНИА ПЕТРОВА.

О, нѣтъ!..

ГЛАВНСКІЙ.

Ты вовсе доброй на свѣтѣ!

Ну, а гулять со мной согласишься?..

ЕВГЕНИА ПЕТРОВА.

Да.... но, въ чемъ?

Искать, слѣдемъ мы.... въ общественной каретѣ?..

ГЛАВНСКІЙ.

Въ своей, пока....

ЕВГЕНИА ПЕТРОВА.

Въ своей?... какъ рада бѣ я быда!...

А то, за гривенн.... о! да я бы умерла!....

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГЛАВНСКІЙ, одинъ.

Ну, Левъ Ивановичъ! одно сломилъ ты дѣло!

И дѣло трудное! съ любимую женой!...

Показывая на сердце.

Все, что вотъ тутъ, давнымъ давно сидѣло....

Все выказалъ тебѣ, прекрасный демонъ мой!...

Характеръ мой, цѣль жизни, силу воли

Узнавъ теперь, поймешь, чѣмъ быть должна она?

И будетъ привыкать къ другой, степанной роли,

Къ которой женщина природой создана.

Сначала ей неловко, дико будетъ,

Хозяйству скромному все время посвящать....

Но, черезъ годъ, другой.... Богъ дастъ, кой-что прибудеть,

Такъ выйдетъ добрая жена, хозяйка, мать....

Ну словомъ: женщина — какъ слѣдуетъ! ей-Богу!

Вся важность въ томъ: какъ мужъ сначала дастъ дорогу?

Съ молоденькой, неопытной женой,

Не надо прибѣгать ни къ похваламъ, ни къ лести;

Но, мужу надо быть съ душой и головой,

Чтобъ вывести жену — на путь добра и чести!

А если, видимъ, что жена
 Капризна, вѣтренна, развратна и дурна,
 Такъ тутъ, виновенъ мужъ! мужъ олухъ! дурачина!
 Который не рожденъ для роли господина!
 Съ душонкой слабой, кто женѣ чуть волю далъ,
 Ослабилъ повода.... пропалъ!
 И хоть чиновный мужъ, богатый, разъодѣтый,
 Но ужъ дуракъ! дуракъ отъявленный! отпѣтый!
 И такъ.... чтобы вполне, по штату жизнь начать,
 Такъ надо тетюшку скорѣе въ руки взять!
 А тамъ .. друзьямъ жены, задамъ я по пилюль....
 Чтобъ ей, отнынѣ, никогда
 Всѣ эти господа
 Не городили чорта въ стул!
 Подковникъ Франтъ, и Говорковъ злодѣй,
 Не будутъ болѣе въ числѣ ея друзей! ...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ГЛИНСКІЙ и ИВАНЪ.

ГЛИНСКІЙ.

А! ты ужъ здѣсь!... ну, что тебѣ сказала
 Елецкая?...

ИВАНЪ.

Да что-съ! прочемши письмоцо,
 Съ нимъ къ бабушкѣ своей старушкѣ побѣжала,
 У той, отъ радости, вдругъ ожило лицо!

И внучкѣ къ вамъ собираться приказала.

Привѣдутъ, васъ благодарить....

глинскій, про себя.

Бѣдняжка! а она надежды не имѣла,

И даже мнѣ поверить не хотѣла,

Что я ей жениха съумѣю возвратить.

Ивану.

А къ Турухтановой-старухѣ, что? ходили?

ИВАНЪ.

Ходилъ, Гаврило-съ.

ГЛИНСКИЙ.

Что-жь?...

ИВАНЪ.

И тамъ объ васъ кричать!

Старушка съ дочками, такъ васъ благодарили,
 Что слышно, образъ ванъ, тамъ вымѣнять хотѣть!
 Но, я забылъ сказать: васъ ждутъ давно въ пріемной,
 Андрей Сергѣичъ....

ГЛИНСКИЙ, про себя.

А! пріятель и злодѣй....

(Ивану). Ну, что? чай-сердится?...

ИВАНЪ.

О, нѣтъ-съ.... такой сталъ скромной....

Прикажете принять-съ?...

ГЛИНСКИЙ.

Да, да, зови скорѣй!

Иванъ уходитъ.

(Одинок). Злодѣй мой, кстатн здѣсь! мы съ нимъ на все готовы!

Грабъ всѣмъ его дѣламъ далъ строгій оборотъ....

Отставку подписалъ, и какъ начальникъ новыи,

Онъ сдѣлалъ на него такой начеть,

Что Говорковъ теперь, какъ плутъ повсюду рыщеть,

Чтобъ какъ-нибудь себя немножко оправдать....

Хоть деньги есть свои, но онъ занять все ищеть,

Чтобъ бѣднякомъ прослыть!... Ну, что-жь? легко сыскать!

Есть случай вѣрный на примѣтъ....

А я-же, слово далъ помочь;

И Турухтановой — Аннетъ

Женихъ онъ въ масть! она радеменька, не прочь....

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ГЛИНСКИЙ и ГОВОРКОВЪ, одѣтый въ черномъ фракѣ, скромно.

ГЛИНСКИЙ, серьезно.

А! это вы?... что вамъ угодно?

ГОВОРКОВЪ, весьма учтиво, и часто ему
 кланяясь.

Агъ, Левъ Ивановичъ.... прошу меня простить....

Быть-можетъ, вамъ не такъ свободно?...

Но я въ несчастіи.... мнѣ можно извинить?...

ГЛЫНСКІЙ.

Что дѣло ваше.... какъ?...

ГОВОРОКОВЪ

Охъ!... очень худо!

Со вѣсхъ стѣронъ бѣда грозить!..

Не знаю самъ.... ужъ развѣ только чудо,

Мое несчастіе немножко облегчить!

Вѣдь какъ подумаешь: вы, Левъ Ивановичъ, точно

Могли бѣ мои грѣхи, ошибки всѣ прикрытъ?...

Что-жъ дѣлать? всякъ-ли безпорочно

У насъ способенъ прослужить?

Мы, смертные, всѣ слабые.... ей Богу!

Конечно, я предъ вами согрѣшилъ,

Мзиналъ вамъ выйдти на дорогу...

Но я, въ душѣ, всегда, ей-Богу, васъ любилъ!

ГЛЫНСКІЙ.

Любили? Вы? Благодарю покорно!

ГОВОРОКОВЪ.

Ей-ей, любилъ, какъ могъ! и какъ умѣлъ!..

Хотя, для васъ, сомнительно, безспорно....

Что оправдать любви моей я не успѣлъ.

Я зналъ, что человекъ вы дѣльный, добрый, честный,

Вы графу обо мнѣ, могли бѣ представить такъ:

Что я бы получилъ лишь выговоръ словесный,

А все служилъ бы кое-какъ.

ГЛЫНСКІЙ.

Ха! ха! такъ вы меня желаете увѣрить,

Что все, что я терпѣлъ отъ васъ:

Обиды, клеветы, насмѣйки каждый часъ,

Все это, изъ любви?... К чему же лицемерить?

Хоть васъ моложе я, но жилъ среди заботъ,

И испыталъ людей довольно, увѣряю....

Я вижу: кто здѣсь добръ, кто честенъ, кто здѣсь скотъ....

Кто вы такой? я очень знаю!

ГОВОРОКОВЪ.

Нѣтъ, Левъ Ивановичъ....

г л и н с к и й, перебивая.

Нѣтъ! позволѣте досказать:

На службѣ, вы меня всѣдневно презирали!

Желали просто въ грязь втоптать!

Кого-же? сироту! хоть очень твердо знали,

Что я свой долгъ усердно исполнялъ;

Что не вымаливалъ награды, чиновъ, прибавокъ,

Что я отъ всѣхъ подрядовъ и поставокъ,

Казенной нитки не укралъ!

Межъ тѣмъ, какъ вы....

(Говорковъ со страхъ нъ оглядывается, нѣтъ-ли кого?)

Не бойтесь! насъ здѣсь двое....

(Нѣтъ ни ушей чужихъ, ни глазъ).

Межъ тѣмъ, какъ вы, презрѣвъ все честное, святое,

Вдругъ ложной правдою морочить стали насъ,

Нашли людей трусливыхъ, легковѣрныхъ,

Заставили молву повсюду распустить

О вашей честности, о всѣхъ дѣлахъ примѣрныхъ,

А тайно.... какъ изволили грѣшнить?...

Я, напримѣръ: хитрилъ, старался

Завлечь вдову, любя ее душой!

Ея имѣнье взялъ, потомъ признался,

Что это сдѣлалъ я вотъ съ цѣлю какой:

Во-первыхъ, чтобъ спасти ее отъ заблужденій,

Сласти отъ мотовства, отъ позднихъ угрызеній;

И во-вторыхъ, я самъ, при деньгахъ долженъ быть

Затѣмъ, чтобъ честно вѣкъ отечеству служить!

Вотъ цель моя, жениться на богатой,

И я достигъ ея! — а вы, какъ я открылъ:

Вы разжигались неправдою проклятой!

Вамъ развѣ.... чортъ одинъ подарковъ не носилъ!

Г О В О Р К О В ъ.

Помилуйте! вашъ тонъ меня обезкуражилъ!...

Хоть я не безъ грѣха.... но нѣтъ меня простой:

Повѣрьте, все что я ни нажилъ,

Давно ужъ прожито! ей-ей!...

Г л и н с к и й.

Неправда! нѣтъ! карманъ вашъ въ родъ губки.... Digitized by Google

Пожили се.... такъ выльется добро:

И злато, и серебро,

Вся многоцѣнные сервизы, вазы, кубки....

Говорковъ.

Ей Богу, нѣтъ уже ничего!

Друзья-пріятели, да грѣшныя интрижки,

Порастащили все изъ дома моего!

А пуще срезали проклятыя картинки,

Къ которымъ съ юныхъ лѣтъ я началъ страсть питать!....

Глинскій.

Такъ значить: какъ пришло, такъ и ушло опять?

Да нѣтъ! у васъ осталось же хоть мало?..

Говорковъ, съ отчаяніемъ.

Такъ думаютъ и всѣ!.... но, право, все пропало!

Все прожилъ! все! вамъ честію клянусь!....

Глинскій.

Какою честію? чужою?

Говорковъ.

Нѣтъ, честію своею, остальною....

Что я теперь какъ рыба объ ледъ бьюсь!

Какъ графа мнѣ смягчить? вотъ главная забота!

Нельзя ли?..

Глинскій.

Нѣтъ! васъ графъ не пощадитъ!

Говорковъ.

Но, онъ для васъ.... свой вѣрно гнѣвъ смягчить!

Нельзя ли вамъ, меня избавить отъ начета?

Глинскій.

Нѣтъ! не могу. .. когда бъ ты былъ не правъ,

Противъ его, или моея особы,

Тогда конечно, я и графъ,

Твои проказы все простить могли легко бы....

Но графъ твердитъ: что ты, долгъ службы позабылъ!

И точно, ты вездѣ въ отчетахъ накутилъ!

Какъ на ревизію все старое поступить,

Такъ графъ съ тебя все взыщеть! не уступить!

Садятся у стола.

Говорковъ.

Я знаю!.... (оглядываясь) но счастья, у васъ вѣдь средства есть...

У гроба въ снѣгъ вы.... какъ человекъ известный....
 А я бы вамъ за то.... подарочекъ чудесный,
 Здѣсь предложить, имѣлъ бы честь....

ГЛИБСКИЙ, всматриваясь въ свѣтлыя по-
 голованиѣмъ.

Молчать! иначе я.... въ лицо тебя ударю!!
 Посмотрѣвъ на него съ презрѣніемъ.

Долгъ службы — свято! честно исполняй!

Служи душой родному Государю!

Иначе.... вонъ пошелъ! и мѣста не марай!....

ГОВОРКОВЪ, униженно.

Простите! виновать.... я въ горь, сбился съ толку!

Я думалъ....

ГЛИБСКИЙ, рѣвно.

Что ты думалъ? что? ну! ну!

«Что я-дискать, авось! съ нимъ слажу въ тихомолку?

«Авось, закрою грѣхъ, какъ бымо встарину?» —

— Нѣтъ, старые крючки! хоть тресните съ досады,

Но вашимъ плутнямъ всемъ *теперь* ужъ нѣтъ пощады!

Ты все внесешь!....

ГОВОРКОВЪ, въ большомъ горѣ.

Все! все! да что жъ, какъ средства нѣтъ?

Хоть вразумите вы.... вѣдь бѣдный гривенникъ просить!....

ГЛИБСКИЙ.

Какъ заплатить начесть? быть такъ! я дамъ советъ.

Вонъ, Турухтанова за васъ все деньги вносить....

ГОВОРКОВЪ, обрадовавшись.

Неужто?!

ГЛИБСКИЙ.

Да. И вы, навѣрно спасены.

ГОВОРКОВЪ.

Безъ обезпеченья?....

ГЛИБСКИЙ.

Нѣтъ, есть кой-что въ предметъ :

Во обезпеченье, жениться вы должны

На старшей дочери, Аннетъ.

ГОВОРКОВЪ, ужасаясь.

Какъ! что-съ?.... да вѣдь она.... страхъ какъ дурна!.... старая!

ГЛННСКІЙ.

За то чувствительна, добра!

И все взысканіе внести безпрекословно.

Говорковъ.

Да ей, вѣдь подь-сорокъ!....

ГЛННСКІЙ, холодно.

По больше.... сорокъ ровно.

Васъ будетъ парочка, какъ тутъ.

Вы пожили: — теперь, безъ мѣста, безъ имѣнья,

За грѣшныя дѣла попались подь судъ,

Такъ эта вамъ жена — на мѣсто утѣшенья.

ГОВОРКОВЪ, отступая и пожимая плечами.

Ахъ! Левъ Иванычъ!.... вы ужасный человекъ!

Я утѣшенье въ васъ однихъ найти старался,

А вы желаете, чтобъ я погибъ на вѣкъ

Чтобъ изъ огня — да въ полымя бросался!

Ну! вижу я.... что вы вполне,

За все воздать хотите мнѣ!

По виду, данъ советъ благой, чистосердечно....

А знаете, что мнѣ страдать придется вѣчно!....

ГЛННСКІЙ.

Вѣдь я жъ отъ васъ страдалъ, обиженъ былъ во всемъ,

Такъ ваша очередь! долгъ красенъ платежемъ!

Но сбудется ль все это? нѣтъ-ли?

Раздумывать вамъ некогда, ей-ей!

Извольте же спасать себя отъ пегля,

На Турухтановой женитесь поскорѣй!

Я слово далъ за васъ, извольте къ ней явиться!

Сейчасъ же! слышите? сейчасъ! тамъ ждутъ

Чтобъ съ вами деньгами и чувствомъ подѣлиться....

Тамъ васъ утѣнять и спасуть!

ГОВОРКОВЪ.

Ахъ, Богъ мой! сколько бѣдъ! вотъ участь человека!....

(Глинскому). Да кромѣ старости, невѣста-то калѣка!

ГЛННСКІЙ.

Немножко.... ничего! за то она съ умомъ.

Г О В О Р К О В Ъ .

Съ умнѣть-то пусть ее! да гадко, что съ горбомъ!

Г Л И Н С К И Й .

Но въ ней вѣдь вамъ судьба спасенье посылаетъ!...

Г О В О Р К О В Ъ .

Все такъ! за то и пыткой угрожаетъ!

Г Л И Н С К И Й .

О, нѣтъ! она для васъ лишь деньги берегла,

Для васъ единственно такъ пышно расцвѣла!

И при несчастьи васъ утѣшить, расцалуетъ...

Видно жъ, говорятъ! ..

Г О В О Р К О В Ъ .

Ну! прямо въ петлю суеть!

А дѣлать нѣчего! Ужъ какъ ни разсуждай....

(Глинскому). Такъ больше средства нѣтъ?...

Г Л И Н С К И Й , нетерпѣливо.

Нѣтъ! нѣтъ! ступай! ступай!

Ты во грѣхамъ своимъ ни сколько не въ потерѣ.

Жена стара! съ горбомъ! такъ что жъ?

Взысканіе внесешь по-крайней-мѣрѣ,

И буйную свою головушку спасешь.

Иди жъ! благодари, что я тебя сосваталъ!..

Г О В О Р К О В Ъ , кланяясь.

Спасибо, батюшка! разодолжилъ! .. упряталъ!

У х о д и т ь .

Я В Л Е Н І Е С Е Д ь М О Е .

Г Л И Н С К И Й одиетъ, потомъ И В А Н Ъ .

Г Л И Н С К И Й .

Прощай!... ну, одного врага я съ нею сжилъ!

Жизнь моей, теперь едва ль онъ будетъ милъ?

Садится и пишетъ записку.

Но какъ волковника поймать бы мнѣ въ ловушку?...

А кончить съ теткою, сейчасъ же я пойду,

Постой.... пошлемъ къ нему, вотъ это... *билле-ду*....

Пусть, пусть придетъ.... я здѣсь задамъ ему ппрушку!

Продолжалъ писать, зоветъ громко.

Иванъ!... (*Иванъ выходитъ*). Съясовать полковника! сказать:
 Что тайно отъ меня, придти сюда ихъ просить,
 И, какъ онъ явится, мнѣ тотчасъ же дать знать!
 Отдастъ ему записку.
 А тѣтка, тамъ?... (*Указывая на боковую дверь*).

ИВАНЪ.

Итъ, здѣсь.... сойчасъ покупки вносятся....

УХОДИТЪ.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

ТОТЪ ЖЕ, И ТУРУСОВА, выходя изъ куртки.

ТУРУСОВА.

Ну, вотъ я!...

ГЛЕНСКІЙ, съ притворною ласкою.

Ахъ! тетюшка!... вы съ чѣмъ?

Безцѣнная! добрыйшая! родная! ..

Откуда вы?...

ТУРУСОВА, не обращая на него вниманія:

Молчи!... гдѣ наша молодая?...

Хочетъ идти въ спальню Евгенин.

ГЛЕНСКІЙ, заграждая ей дорогу.

Позвольте жъ!... вы меня въ грязь топчете совсѣмъ!...

Къ женѣ нельзя теперь, — она не такъ здорова....

ТУРУСОВА.

Ахъ, батюшки! что съ ней?... мнѣ надо посмотреть....

ГЛЕНСКІЙ.

Нельзя! чтобъ не было чего-нибудь худова,

Я приказалъ и дверь оттуда запереть.

ТУРУСОВА, удивляясь.

Что? приказалъ? женѣ? и отъ меня?...

ГЛЕНСКІЙ.

А что же?

Я такъ люблю ее! люблю, берегу....

Что ужъ теперь.... избави Боже!

Но дамъ къ женѣ войти ни другу, ни врагу.

Какъ-такъ?...

ТУРУСОВА.

ГЛЕНСКИЙ.

Да такъ.

ТУРУСОВА.

Да что ты! шутникъ, что ли?...

ГЛЕНСКИЙ.

Какия шутки тутъ!

Противъ моей законной воли,

Ужь шутки въ сторону! я мужъ ея, не шутя!

ТУРУСОВА.

Да что ты, батюшка. помилуй! Богъ съ тобою!...

ГЛЕНСКИЙ.

Да Онъ со мной всегда и былъ, и есть!

Всѣ вѣдь Богомъ!... (Взявъ у нея картонку) Ну, что? съ покупкой вы? съ какою?

Что вы еще женѣ изволили принесть?...

ТУРУСОВА, хочетъ взять назадъ.

Тебѣ-то что? твое ли дѣло?... что ты

Тутъ суешься? и что за вздоръ несешь?...

ГЛЕНСКИЙ.

А вы несете что?... я дѣлаю расчеты,

Итоги подвожу, считаю каждый грошъ,

Такъ долженъ знать, чего вы накупили?

Зачѣмъ? и нужно ли? и что вы заплатили?

ТУРУСОВА.

Ого? такъ значитъ, ты?...

ГЛЕНСКИЙ, перебивая ея.

Да я сказалъ вамъ: мужъ!

Мужъ; такъ-какъ слѣдуетъ, законный! настоящий!

Имѣющій жену, свой домъ, доходъ, къ тому-жъ

Какъ надо, человекъ — по совести служащій,

Какъ слышно, не дуракъ, и многихъ по честнѣй....

Такъ прямо и на все могу смотреть! ей-ей!

Положивъ картонку на лѣво со сценъ, открываетъ и разсматриваетъ.

Что это?... моды все.... новѣйшіе фасоны!...

Ничтожное, французское дрянцо?

На что выспинивать изволить наши жены

Россійское серебро?...

Какъ эта дрянъ тонка.... сквозна.... щеголевата....

Какъ тутъ для нашего климата!...

Что дали вы за эту дрянъ?...

ТУРУСОВА, про себя.

Эй, ей, не надивлюсь я этой перемывъ!...

Увидя, что онъ мнетъ въ комокъ матерію.

Ахъ! что ты! что ты портишь! перестань!...

ГЛАНСКІЙ, бросая матерію въ уголъ.

Весь лишній вздоръ откинемъ съ *nota bene!*

Красива, и мила жена моя,

Безъ ново-моднаго тряпья!

Пускай различныя старухи, да уроды

Скрываютъ всю грязь подъ вычурами моды!

ТУРУСОВА.

Ахъ, батюшки! да ты, мой свѣтъ

Съ ума сошелъ! забылся!...

ГЛАНСКІЙ.

Напротивъ, тетинька: прозрѣлъ и просвѣтился!

И назидательный хочу вамъ дать совѣтъ!...

ТУРУСОВА.

Какъ! мнѣ совѣтывать?!..

ГЛАНСКІЙ.

Васъ это удивляетъ?

Вы старье меня.... по это не мѣшаетъ;

У насъ не даромъ же толкуютъ на Руси:

Не стараго, *бывалого* спроси!

Что? долго ль вы еще хотите подвизаться

Во тьмѣ суеть, зла, сплетень, и тревогъ?...

ТУРУСОВА, постотрѣвъ на него.

А? .. что?...

ГЛАНСКІЙ.

А то, что время бы уняться!

Иначе, знаете, прогнѣвается Богъ!

И горе будетъ вамъ!... вы пожили ужъ вволю,

И погрѣшили, чай?... да вотъ, нельзя ль узнать:

Съ-тѣхъ-поръ, какъ стали вы здѣсь домогъ управлять,

Такъ сколько вы себя припрятали на долю?

ТУРУСОВА, обидясь.

Какъ! за кого же ты меня считаешь? а?...
 ГЛИНСКІЙ.

ГЛИНСКІЙ.

За току. Сколько жъ вы вымали барышня?
 ТУРУСОВА.

ТУРУСОВА.

Врешу векорно! Какъ! да развѣ я воровка?
 ГЛИНСКІЙ, продолжая спокойно дѣлать
 вопросы.

ГЛИНСКІЙ, продолжая спокойно дѣлать
вопросы.

Такъ сколько жѣ? вѣдь вамъ тутъ было ловко
 и выгодно....
 ТУРУСОВА.

ТУРУСОВА.

Мой Богъ! что жъ это за допросъ?!
 ГЛИНСКІЙ.

ГЛИНСКІЙ.

Такъ сколько жѣ вы спрятали? а? что-съ?
 ТУРУСОВА.

ТУРУСОВА.

Очехнись! ты меня позоришь безъ оглядки!...
 ГЛИНСКІЙ.

ГЛИНСКІЙ.

Да, да, такъ сколько жѣ? гдѣ, вы спрятали остатки?...
 ТУРУСОВА.

ТУРУСОВА.

Я? спрятала?..,
 ГЛИНСКІЙ.

ГЛИНСКІЙ.

Ну, да.... какую часть?
 Къ любостыжанью здѣсь и въ женщинахъ есть страсть!
 Отъ кухни, отъ вина, отъ шелку и атласу....
 Да мало ль было отъ чего!
 Такъ сколько жѣ спрятали всего
 Вы — въ сберегательную кассу?...

Къ любостыжанью здѣсь и въ женщинахъ есть страсть!
 Отъ кухни, отъ вина, отъ шелку и атласу....
 Да мало ль было отъ чего!
 Такъ сколько жѣ спрятали всего
 Вы — въ сберегательную кассу?...

Отъ кухни, отъ вина, отъ шелку и атласу....
 Да мало ль было отъ чего!
 Такъ сколько жѣ спрятали всего
 Вы — въ сберегательную кассу?...

Да мало ль было отъ чего!
 Такъ сколько жѣ спрятали всего
 Вы — въ сберегательную кассу?...

Такъ сколько жѣ спрятали всего
 Вы — въ сберегательную кассу?...

Вы — въ сберегательную кассу?...

ТУРУСОВА.

Я? я?... каковъ! да это вонъ изъ рукъ!
 ГЛИНСКІЙ.

ГЛИНСКІЙ.

Ну, да! такъ сколько жѣ изъ рукъ пошло въ сундукъ?
 ТУРУСОВА.

ТУРУСОВА.

Постой!... здоровъ ли ты?..
 ГЛИНСКІЙ.

ГЛИНСКІЙ.

Здоровъ — всекъ тѣмъ на горе,
 Кто запачкался у насъ въ житейскомъ морѣ!
 А такъ какъ — чистоты душевной нѣтъ у вдовъ,
 Такъ сколько жѣ взяли вы здѣсь на душу грѣховъ?

Кто запачкался у насъ въ житейскомъ морѣ!
 А такъ какъ — чистоты душевной нѣтъ у вдовъ,
 Такъ сколько жѣ взяли вы здѣсь на душу грѣховъ?

А такъ какъ — чистоты душевной нѣтъ у вдовъ,
 Такъ сколько жѣ взяли вы здѣсь на душу грѣховъ?

ТУРУСОВА.

Ты смѣешь обо мнѣ имѣть такое мнѣнье?...
 глинскій.

ГЛИНСКІЙ.

Ну, да! имѣю; и имѣлъ!

Но прежде, видите.... не могъ я, и не смѣлъ

Пресѣчь въ дому грабежь и разоренье;

За что теперь....

ТУРУСОВА.

Ого! какъ ты заговорилъ!

Ну! что же сдѣлалъ ты?...

ГЛИНСКІЙ.

Реформу въ ходъ пустилъ!

И разоренія, авось, совсѣмъ не будетъ,

Когда грабителей домашнихъ поубудеть!

Ахъ! кстати: слышалъ я сейчасъ,

Что нынче выхвать хотите вы отъ насъ?

ТУРУСОВА, всплеснувъ руками.

Что?!.. кто это совралъ? и въ мысляхъ не имѣла!...

ГЛИНСКІЙ.

Напрасно. Вамъ вѣдь здѣсь теперь не будетъ дѣла....

Съ реформой такъ дѣла мы поведемъ,

Что не дадимъ пропасть копѣйкъ серебромъ.

Такъ согласитесь: безъ пользы здѣсь трудиться,

Какая жъ радость вамъ?

Хозяйствовать я самъ хочу учиться,

Такъ дамамъ... никакимъ здѣсь умничать не дамъ!

ТУРУСОВА.

Я не могу опомниться!. *вотъ ново!...

Да отчего ты вдругъ, такъ смѣлъ и дерзокъ сталъ?

Смотри: вѣдь у жены и домъ, и капиталъ,

И если я скажу хоть слово,

Такъ ты и самъ отъ насъ вѣкъ будешь безъ гроша!

ГЛИНСКІЙ.

Неужто?... экая вы добрая душа!

За тѣмъ-то вѣрно вы до свадьбы

И предписали мнѣ условія сейчасъ?...

Но чтобъ исполнилъ я, такъ прежде вамъ узнать-бы:

Что точнѣ ль я глупѣ васъ? Digitized by Google

Нтъ!... да, убралась десь, дакъ тутъ, да умъ хватился!

Свора, какъ водится, приобрѣла къ рукамъ свору.

Потомъ распаралась

Прибрѣть къ рукамъ... видѣли, и всю ся казну!

Турусова умишляница

Да-съ! утвердила есе она, въ часъ дѣлуна.

На мнѣ своего законнаго супруга!

Ахъ! да! да! да!

ТУРУСОВА, ПРИБРАЕ КЪ РУКАМЪ

Что?! что!...

ГЛЕНСКІЙ, СПОКОЙНО.

Да болыно ничего,

Что я одинъ хозяинъ здѣсь всего!

Жить нельзя, у ней слаба натура.

ТУРУСОВА.

Какъ! есе вамъ отдала?...

ГЛЕНСКІЙ.

Все! все!...

ТУРУСОВА, СЪ ОТЧАЯННЫМЪ ДВИЖЕНІЕМЪ.

Ахъ! дура! дура!!!

ГЛЕНСКІЙ.

вамъ хотѣлось бы, чтобъ мужъ-то былъ дуракъ?

Нтъ, тетинька.... оно немножечко не такъ!

Хоть и съ расчетомъ вы живете....

Однакожь, тутъ, ошибдися въ расчетъ!

Вы ждали, что я взявъ красавицу жену,

Позволю ей и вамъ проказить безконечно?

Нтъ, душеньки! я васъ въ дугу согну,

Да такъ, что вамъ не выпрямиться вѣчно!

ТУРУСОВА.

Какъ! и ме-ня?!.

ГЛЕНСКІЙ.

О, всѣхъ воровокъ и воровъ,

Развратницъ, сплетницъ, всѣхъ взявъ въ руки я готовъ!

Такъ вамъ, какъ вдовицкѣ во-первыхъ — неутышной,

А во-вторыхъ — и многогрешной,

Хочу совѣтъ я предложить:

Что вамъ въ монастырь свой надо вѣкъ дожить.

ТУРУСОВА, отступая съ гнѣвомъ:

Какъ! въ монастырь? мнѣ?... мнѣ?...

ГЛЕНСКІЙ.

Вашепожалованіе!

Пора покаяться, пожить уединенно...

Я знаю все про васъ! для этойъ вдовы,

Какъ вы,

Въ монастырь вѣстится вѣчно надо!

А иначе — сюда! не миновать вамъ ада!

ТУРУСОВА, выходя изъ тертіа.

Ахъ, варваръ! да меня онъ просто гонить вонъ!

Меня! жены своей родную тетку!

Предписываетъ намъ какой-то свой законъ,

Ну! славный мужъ! нашли же мы находку!

Прошу покорнѣе! морочить всѣхъ кругомъ,

Самъ явно всѣхъ насъ разоряетъ,

А попрекаетъ мнѣ во всемъ!

Да грѣшницей еще какой-то называетъ!

ГЛЕНСКІЙ, разгорячась.

Да! называю! называлъ!

И буду называть! я этотъ слухъ умножу,

Чтобъ городъ весь твой проказы зналъ!

И совѣсть я твою, и душу растревожу!

Всю жизнь твою вполне съумю я раскрыть!

Я поручусь за справедливость слуха!

Да! встрѣтившись съ тобой, всѣ станутъ говорить:

Вотъ грѣшница! вотъ скверная старуха!

Да! я добьюсь, чтобъ ты покаяться ушла!

ТУРУСОВА, нѣсколько конфузится.

Да что жъ... я... сдѣлала?..

ГЛЕНСКІЙ, схвативъ ее за руку.

Какъ что? ужъ ты забыла?

А какъ ты съ мужемъ ввѣкъ жила?

За что? и для кого? ты мужа уморила?

ТУРУСОВА, съ ужасомъ.

Я! у-мо...?

ГЛЕНСКІЙ, грозно перебивая ее.

Да! твоя проклятая рука,

Своей безприманкой въ могилу бѣдняка!

Я все узналъ, что только было можно...

Твой мужъ былъ добрый, честный человекъ,

Любилъ тебя! а ты все въкъ

Съ нимъ обходилася безсовѣстно! безбожно!

Турсова хочетъ говорить.

Молчи! я это все отъ твоихъ людей узналъ,

Къ кому твой мужъ въ несчастіи прибѣгалъ.

Ты, какъ и многія безправственные жены,

Дурчила его съ какимъ-то молодцомъ;

Забывъ свой долгъ и все священные законы,

Все въ мужъ доброе, и стыдъ, и совѣсть въ немъ,

Ты все умышленно убила!

Все умъ его ты такъ старалась помрачить,

Что бѣдный, изгнанный, сталъ съ горя пить, и пить...

И такъ его ты въ гробъ бѣднягу положила!

Турсова снова хочетъ говорить

Молчи!! а для кого ты сдѣлала сей грѣхъ,

Тотъ бросилъ самъ тебя, и проклиналъ прежде всѣхъ!

Такъ чувствуешь ли ты все эти заблужденья,

Закоренѣлая вдова?

Тебѣ ведь нѣтъ ни здѣсь, ни Тамъ прощенья!

И, если до того дуна твоя черства.

Какъ смѣешь ты здѣсь жить, безъ совѣсти и вѣры?

Ты вредное и злое существо!

Ты — хуже женщины! ты — хуже злой холеры!

Вонь! вонь! ты язва! вонь изъ дома моего!!!

Отталкивать се отъ себя.

ТУР С О В А, въ изнеможеніи и страхѣ па-
даетъ въ кресла.

Охъ... смерть моя!... охъ... тяжело... охъ! больно...

Г А Н С К І Й.

А!... больно? грязная душа!

Постой! вотъ я пройму тебя невольно!

Но будешь ты искать здѣсь барыня!

Къ намъ не любовь въ тебѣ, не дружбы постоянство!

Есть! тутъ Гудино я вижу окаянство!

Т Р Р Р С О В А, высклевываясь из дверей:

Охъ!... охъ!...

Г Л Ж И С Н Ы Й.

Заохада! ага!...

Осматривая се.

Что? ... смерть пришла? ударъ?... поможемъ!.. (кричитъ съ глубиною.)

Эй! живо!

Кто тамъ? Иванъ! слуга!

Двое слугъ показываются въ дверяхъ.

Позвать ширюльничка! и кровь пустить скорѣе!

Слуги уходятъ.

Т У Р У С О В А, вскакиваетъ въ бѣшенствѣ.

Нѣтъ! кровопійца, нѣтъ!

Я буду жить, на зло тебѣ, *сипо льтъ!*!

Когда меня ты такъ порочишь,

Такъ я ужъ ни на что сама не посмотрю!

Ругай меня, срами, какъ хочешь!

Я и тебя злодѣй, за это уморю!

Я отучу тебя отъ этого нахальства!

Пойду, ко всемъ пойду! вступлюся за себя!

Я сдѣлаю, что все возстануть на тебя

Отъ низшаго — до высшаго начальства!

О! къ графу съ жалобой бѣгу теперь же я!

Вся подвиги твои я распишу, раскрашу,

Какъ я обижена, и какъ жена твоя....

О, заварю такую кашу,

Что ввѣкъ не расклевать! И съ мѣста ты слетишь!

И репутацію навѣки потеряешь!

И нехотя женѣ имѣнье возвратишь!

Всенепремѣнно пострадаешь!!

Совсѣмъ—таки, совсѣмъ погибнешь, пропадешь!

Ужъ графъ мойкъ слезамъ повѣритъ, безъ сомнѣнья....

Сегодня жъ ты другое запоешь:

Не будешь разглашать чужія прегрѣшеня!

Оставишь этотъ тонъ, забудешь эту сивьсь!....

Едва не плачетъ съ досады.

Ну, что жъ! пусть я.... жила въ замужествѣ несправно. ..

Съ отчаяньемъ крикомъ

Да развѣ я одна, всѣхъ больше здѣсь
Обманывала мужа? вотъ забавно!

Вотъ выдумалъ! нѣтъ, батюшка! поди,
Другихъ—то женъ поближе разгляди!

Они—ка ты другихъ критическимъ—то взглядомъ:

Мужья обмануты вездѣ и сплошь и рядомъ!

А то ишь я грѣшна! я только! да постой,

Вотъ я, злодѣй раздвѣляюсь съ тобой!!

Убѣгаетъ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ГЛІНСКІЙ, одинъ, потомъ ИВАНЪ.

глинскій.

Ступай! проклятое, заблудшее творенье!

Уезъ, я измученъ весь!... (Бросаясь на диванъ) поѣду.... освѣжусь...

Возьтись съ бабами.... ужасное мученье!...

Да ужъ за то, я имъ во вѣкъ не подчинюсь.

Звонитъ. Входитъ Иванъ.

Поди, скажи женѣ, чтобы она одѣлась,

Я общалъ и жду, чтобы ѣхать съ ней гулять.

Иванъ уходитъ. Подумавъ немного, говоритъ.

Ну, чѣмъ—то графъ рѣшить? скорѣй—бы знать хотѣлось....

А что, какъ тетку станеть защищать?

Онъ человекъ ужъ старій.... слабій....

Она начнетъ рыдать, насканетъ нустяковъ,

И онъ.... весьма легко, растаетъ передъ бабой!

По службѣ, знаю я, хоть строгъ онъ и суровъ,

Но, съ женщиной, совсѣмъ быть можетъ не таковъ?

Иной — чуть живъ, почти на ладонь дышетъ,

А ради женщины, неволью все подчинеть!

Вскачетъ.

Да, впрочемъ, что бы тамъ она ни напела,

Хоть графъ, хоть всѣ начнутъ за нихъ вступаться,

Я всѣмъ скажу: въ мои семейныя дѣла,

Нѣтъ дѣла никому вѣнаться!

Такъ тетку эту я сживу отсюда прочь!

Потомъ.... полковника поймать бы страхъ пріятно!
 Спасти Елецкую, какъ сироту, какъ дочь....
 О! горе сироты, мнѣ больше всѣхъ понятно....
 Надина истинно добра, мила, честна,
 Всѣ качества прекрасныя имѣетъ!
 И вдругъ, за то одно, что дѣвушка бѣдна.
 Злодѣй забылъ ее, срамить... и не краснѣетъ!
 Увила Елецкую.
 Ахъ! вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ГЛИНСКІЙ и ЕЛЕЦКАЯ, одѣтая просто.

ЕЛЕЦКАЯ, съ чувствомъ.

Мой другъ! мой добрый, рѣдкій другъ!
 Какъ васъ благодарить? прошу васъ, научите....
 Отъ горя, зла и жесточайшихъ мукъ
 Меня избавить вы хотите?...
 Честь бѣдной дѣвушки, хотите вы спасти....
 О! этихъ милостей, я ввѣкъ не позабуду!
 Я новой жизнью обязана вамъ буду!
 Какія жертвы вамъ могу я принести?...

глинскій, взявъ ее за руку.

Не нужно, Надинька! я жертвъ не добиваюсь!
 Мнѣ только жаль, что ты влюбилась безъ ума
 Въ повѣсу, игрока! я только опасаюсь,
 Чтобъ бѣдной жертвой ты не сдѣлалась сама!
 Полковникъ, человекъ разсѣянный, не станетъ
 Твоею чистою любовью дорожить!
 Твои прекрасныя надежды онъ обманетъ!
 И послѣ свадьбы, бросить можетъ-быть!...
 За чтѣ жъ погибнешь ты, невинное созданье?
 Ужъ онъ тебя однажды осмѣялъ,
 К чему жъ еще испытывать страданье?
 Подумай о себѣ....

ЕЛЕЦКАЯ, съ увлечениемъ.

Нѣтъ! что бѣ онъ ни сказалъ,

Хотя бѣ еще отвергъ меня съ презрѣниемъ!

Хотя бѣ мнѣ вновь пришлось несчастье испытать!

Я все перенесу съ надеждой и терпѣниемъ....

Лишь только бы ему, ему принадлежать!

Я знаю: въ будущемъ, быть-можетъ, мнѣ придется,

Възъ слезы лить отъ мужа моего!....

Мнѣ все-равно! но, это сердце бьется,

Живеть лишь только для него!!

Да, да!.... онъ сжадется надъ этимъ сердцемъ вѣрнымъ!

Если вновь ко мнѣ онъ взоры обратитъ,

И хоть малѣйшей лаской наградитъ,

Я и се почту блаженствомъ непримѣрнымъ!....

глинскій,

Бядяжечка! ну, ну, утѣнитесь.... такъ и быть!

Изъ состраданья къ вамъ, все сдѣлать я рываюсь....

Отъ для моей жены изволилъ васъ забыть,

Но, какъ женился я, такъ я жъ и постараюсь

Вамъ возвратитъ его опять.

Я жду его, чтобъ здѣсь вѣрнѣй атаковать,

И совершенно разсчитаться.

ЕЛЕЦКАЯ.

Но, я боюсь....

глинскій.

Чего? бѣда не велика!

Утѣнитесь.... но, чтобъ намъ разсвѣяться пока,

Повѣдьте-ка съ нами покататься.

(Особо) Пусть за нее, хлопочетъ и жена,

Оно спокойнѣе и лучше.... (Увидя эсэну) Вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ и ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, одѣтая въ шляпкѣ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, мужу очень почтительно,
не замѣчая Елецкой.

Мой другъ, меня вы ждете?... я готова....

ГЛЫНСКІЙ.

И я готовъ, мой ангелъ.... но взгляди,
Кто здѣсь?....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ! это ты, Надина? извини,

Я выпче....

ГЛЫНСКІЙ, тихо Евгенія.

Что межъ нами было, ей ни слова!

Я жалобъ слышать не люблю!...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, тихо мужу.

Я и не думала....

ГЛЫНСКІЙ, также.

Неужли? вотъ хвалю!

Ты добрая жена!.... (вслухъ) Ахъ, да! ты знаешь:
Какъ много передъ ней, полковникъ виновать?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, разсѣянно.

Полковникъ?.... ахъ, да.... да.... (Елецкой) Ты все страдаешь?
Все любишь? и надѣешься?....

ГЛЫНСКІЙ.

Да! этотъ хватъ

Самъ ей клялся въ любви, далъ слово съ ней взычаться,

Къ нимъ ѣздилъ какъ женихъ.... и вдругъ

Какъ началъ за тобой, ты помнишь, увиваться,

И бросилъ бѣдную! Не стыдно ль, милый другъ?....

Да помнишь, за нее и ты его бранила?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Я?... нѣтъ...

ГЛЫНСКІЙ.

Какъ, нѣтъ? при мнѣ, ты прямо говорила:

Что Наденьку тебѣ ужасно жаль.... потомъ,

Ты стала звать его — безбожникомъ, злодѣемъ,

Самолюбивымъ хвастуномъ,

Пу? помнишь?....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Да.... такъ что жъ?....

ГЛЫНСКІЙ.

Ну, вотъ, мы съ ней имѣемъ

Теперь одно въ виду:

Поправить какъ-нибудь бѣду,
 Слести честь дѣвушки, осмѣянной публично;
 Зладью прямо доказать:
 Что безнаказанно нельзя такъ поступать!
 Что это страхъ грѣшно, нечестно, неприлично....
 Не правда ль, ангель мой?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, убѣжденная.

О!... да ...

ЕЛЕЦКАЯ.

Какъ вы добры!

ГЛИНСКІЙ.

Да; мы все сдѣлаемъ для васъ, какъ для сестры!
 Я обѣщаль, и долженъ постараться.
 (Жель) Но, это ничего! а съ теткой что сейчасъ
 Происходило здѣсь, у насъ!
 О! сцена страшная!.....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Вы ждали къ ней придраться!

Зачѣмъ? она предобрая....

ГЛИНСКІЙ.

Она?

Нѣтъ! ты ошиблась въ ней!... ты женщина-находка!
 Добра, чувствительна, смирна,
 А тетка....

Когда бъ ты все узнала про нее,
 Все грѣшное житье-бытье....

То ты-бъ отъ ужаса и страха помертвѣла!
 И никогда бъ ее здѣсь видѣть не хотѣла!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Возможно ль!....

ГЛИНСКІЙ.

Да! какъ я все вспомнилъ ей теперь,
 Она, какъ дикій звѣрь
 Остервенилась!

И хоть созналася, но, все и всѣхъ браня,
 Вдругъ къ грѣшу съ жалобой пустилась на меня!
 И страшнымъ мщеніемъ грозилась!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Неуми?.....

ГЛННСКІЙ.

Да! вотъ вамъ родня! А какова?

Кричить: что жены *всѣ* у насъ мужей не любятъ!

И что нарочно ихъ какъ мухъ, моряютъ и губятъ!

А? какова вдова?....

ЕЛЕЦКАЯ.

Какъ! всѣхъ оклеветать! и ей не стыдно?....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Какъ ей не грѣхъ?

ГЛННСКІЙ.

Она грѣховъ не хочетъ знать!

Поэтому, мой другъ, должна ты понимать :

Что съ ней намъ вмѣстѣ жить, весьма не благовидно!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Конечно....

ЕЛЕЦКАЯ.

Да....

ГЛННСКІЙ.

Такъ мы и разойдемся съ ней!

Пусть графъ ее какъ хочетъ защищаетъ,

Пусть насъ бранить и осуждаетъ,

А мы увдемъ поскорѣй!

Подаетъ обѣимъ руки.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, со вздохомъ,

Ахъ! тетушка!...

ГЛННСКІЙ.

Богъ съ ней! она тебѣ не тетка!

А злой твой врагъ! змѣя! искаріотка!...

Идутъ въ глубину.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ, и на встрѣчу имъ ТУРУСОВА, съ письмомъ въ рукѣ.

ТУРУСОВА, съ торжествующимъ видомъ.

Куда? куда? постойте! нѣтъ, друзья!

Себя не дамъ въ обиду я!...

Елецкой съ презрѣніемъ.

И вы, бедняжка, здесь?... мое вамъ всемъ почтенье!

Глинскому, показывая письмо.

Ну! злѣйшій врагъ людскихъ грѣховъ:

Читай! читай судьбы своей рыценье!

При всѣхъ читай! и будь на все готовъ!

Графъ разомъ все рѣшилъ, дай Богъ ему здоровья!

Читай! на! на!

Узнаешь ты, какъ наша участь вдовья

Высоко имъ оценена!

Вельможа истинный! и выказалъ учтивость,

И понялъ все какъ умный человекъ,

Отъ защитилъ меня и отдалъ справедливость!

А ты, злодѣй! погибъ! погибъ на вѣкъ!

глинскій, взявъ у нея письмо, въ недоумѣнн.

Какъ! графъ.... повѣрилъ?... вамъ?...

турусова, съ злобною радостью.

Повѣрилъ совершенно!

Такъ я тебя, ха! ха!... отдала отменно!

глинскій, посмотрѣвъ на жену, на тетку,
качаетъ головой, потомъ чи-
тасть громко

«Почтенный Левъ Ивановичъ! Скажи пожалуйста, что за скверная
баба являлась ко мнѣ?»

ЕВГЕНІЯ И ЕЛЕЦКАЯ.

Какъ! что!...

турусова, ужасался.

Что?!.. какъ?!..

глинскій, вскрикнувъ на Турусову.

Молчать!!!

Продолжасть вслухъ читать письмо.

«Неужели ты и твоя милая жена, можете терпѣть подлѣ себя
такое вредное существо? Эта гадкая старуха можетъ отравить все
ваше счастье! Она отъ злости, наговорила мнѣ столько всякаго вздо-
ру, что я за лучшее почелъ, скорѣй отъ нея избавиться! Советую
и тебѣ, Левъ Ивановичъ, непременно сдѣлать тоже. А если ты
не сумѣешь отъ нея избавиться, то я, для пользы вашей, поста-
раюсь упрятать эту фурию въ приличное ей мѣсто!»

Торжественнымъ голосомъ.

Да! справедливость графъ умѣетъ отдавать!!

ТУРУСОВА.

Такъ эдакъ-то?!.. (хочетъ обнять Евгению) Племянница!...
глинскій, спохотиво заступивъ ей доро-
гу, отводитъ въ сторону и го-
ворить.

Куда ты?...

Не смѣть и прикасаться къ ней!..

Твоя рука, душа, и твой языкъ проклятый,

Опасны для жены моей!

Турусова неволью трепещеть.

Тебѣ нѣтъ мѣста между нами!

Иди! и навсегда отсюда удались!

Иди! и съ теплою молитвой, со слезами

Хоть разъ одинъ ты къ Богу обратись!

Не отвергай святаго дѣла!

Пока въ тебѣ хоть искра есть стыда,

Пока еще совсѣмъ душа не зачерствѣла,

Смирись, и увзжай отсюда навсегда!

Тихо, сквозь зубы.

Когда жъ еще съ женой тебя застану вмѣстѣ....

Какъ гадину тебя, я раздаваю на мѣсть!!

Отталкивая ея руку

Ступай!...

ТУРУСОВА, едва переводя дыханіе, сквозь
слезы.

Да!... такъ.... ты.... правъ.... уйду.... сего же дня... ..

Вздохнувъ и покачавъ головой.

Нашелся-жъ человекъ, что.... пристыдилъ меня!!

Уходитъ закрывая лицо руками.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, ей вслѣдъ.

Прощайте, тетунка!

глинскій, весело.

Дай Богъ не возвращаться!

Взявъ обѣихъ подъ руки.

Ну, вотъ! теперь пріятно покататься!

Уходить.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ комнату втораго дѣйствія, съ некоторыми измѣненіями въ уборкѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ИВАНЪ и ЗВѢЗДИНЪ, блѣдые обыкновеннаго.

ИВАНЪ.

Пожалуйте съ....

ЗВѢЗДИНЪ.

Ну? что? она здорова?...

ИВАНЪ.

Все слава Богу-съ. Левъ Иванычъ....

ЗВѢЗДИНЪ,

Что мнѣ въ немъ!

Что? какъ она? она-то что?... готова

Меня принять? или нѣтъ? гдѣ? гдѣ она? пойдѣмъ!...

ИВАНЪ.

Кто? барыня-съ?...

ЗВѢЗДИНЪ.

Да! да! я весь къ ей услугамъ!

ИВАНЪ.

Къ услугамъ барыни-съ?...

ЗВѢЗДИНЪ, не слушая его.

Она меня ждала?

Но я не могъ! я такъ страдалъ недугомъ....

Что чуть болѣзнь меня въ могилу не свела!

Но я воскресъ! и брошюся сюда!

Что? какъ она? что думаетъ объ мужѣ?

Бываетъ Говорковъ?

ИВАНЪ.

Нѣтъ сударь, никогда.

ЗВѢЗДКИНЪ.

А съ мужемъ, какъ она?...

ИВАНЪ.

Теперь живутъ похуже,

По экономнѣе, чѣмъ прежде....

ЗВѢЗДКИНЪ.

Неужели?

Я это зналъ впередъ.... однако-жъ гдѣ мы?

Въ ея-ль мы комнату пришли?

Я ей принесъ прочесть конецъ моей поэмы,

Хочу ея печаль пооблегчить,

И ей же плодъ трудовъ сердечныхъ посвятить!

Вынимаетъ тетрадь.

ИВАНЪ.

Какъ-съ? прямо барынь? нѣтъ, трудно-съ, извините....

Безъ барина нельзя ихъ видѣть....

ЗВѢЗДКИНЪ.

Полно брать!

Все можно!...

ИВАНЪ,

Нѣтъ, нельзя-съ.... а ежели хотите,

Такъ вотъ онъ....

Звѣздкинъ идетъ по указанію Ивана.

Тамъ.... съ баринномъ сидятъ,

Пожалуйте....

Звѣздкинъ, быстро ворочаясь назадъ-

Ахъ! что ты! мнѣ не нужно

Чтобъ баринъ твой тутъ былъ и слышалъ насъ!

ИВАНЪ.

Ну, какъ угодно вамъ, а иначе нельзя-съ.

ЗВѢЗДКИНЪ.

Пустое! я приѣду, какъ будетъ ей досужно;

А между-тѣмъ, чтобъ ей вполне меня понять,

Прошу тебя тихонько ей отдать

Вотъ эту рукопись, мое произведеніе....

Но ей самой! я такъ хочу! *(отдаетъ тетрадь)*

А тамъ, какъ только я минути улучу,

Явлюсь самъ ей услышать мнѣнье.

ИВАНЪ, смотря на право.

Да съ мужемъ кажется... сюда идетъ она...

ЗВЪЗДКИНЪ.

Ахъ, какъ ты глупъ! не мужъ мнѣ нуженъ, а жена!

Уходитъ торопливо.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ИВАНЪ, одинъ.

Нѣтъ; барыню отдать вы сами не хотите ль?

А я порядки все обязанъ наблюдать.

Ему-то все-равно.... онъ видишь, сочинитель!

Такъ гдѣ жъ ему порядки знать?

Нѣтъ, въ нашей должности побывать бы онъ изволилъ,

Такъ баринъ мой его... у! вотъ бы какъ прошколилъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ГЛИНСКІЙ и ИВАНЪ.

ГЛИНСКІЙ, выходя изъ комнату своей жены.

Иванъ! Иванъ! сейчасъ въ окно изъ спальни я

Полковника на улицъ замѣтилъ!

Узнай-ка, точно ль онъ? чуть спросить про меня,

Такъ надо, чтобъ и ты, и каждый здѣсь отвѣтилъ:

Что я увѣхалъ къ графу!

ИВАНЪ.

Хорошо-съ.

Идетъ и снова возвращается назадъ.

Ахъ, виновать! забылъ! вотъ-съ, къ барыню принесъ

Тетрадочку, тотъ баринъ бѣдный,

Который мастеръ сочинять....

ГЛИНСКІЙ, взявъ тетрадь.

А! это нашъ поэтъ, съ своей поэмой бѣдной!

(Про себя) Да, надо и ему урокъ еще задать.

ИВАНЪ.

Огнь, было къ барынь хотѣлъ тайкомъ явиться,
Да я сказалъ: нельзя-съ!

ГЛИНСКІЙ.

Конечно, не годится:

Все, что жень изволятъ присылать,
Всегда должны мнѣ прежде показать,
А иначе — бѣда: жень, тебѣ, всѣмъ людямъ!
Смотри же, помните!

ИВАНЪ.

Ужъ какъ же-съ, не забудемъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГЛИНСКІЙ, олецъ.

Ванюшка мой, хоть глупъ, и часто мелеть вздоръ,
За то послушенъ и не воръ, —
А это рѣдкость здѣсь. — Ну, милый нашъ полковникъ!
Прошу пожаловать! вы мстить хотите мнѣ?
Желаете какъ другъ и истинный любовникъ
Представиться моей жень?
Пожалуйте! я вамъ готовлю встречу....
Когда свиданіе не кончится добромъ,
По-крайней-мѣрѣ, я ужъ за одно отвѣчу,
Что будетъ помнить огнь мой домъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГЛИНСКІЙ и ЕЛЕЦКАЯ, выходятъ изъ спальни его жены.

ЕЛЕЦКАЯ, встревоженная.

Ахъ, другъ мой! это огнь! огнь точно....

ГЛИНСКІЙ.

Можетъ статься....

Когда огнь явится, намъ скажутъ. Стало быть,

Извольте свѣсть вотъ тутъ.... и дождитесь:

Показываетъ на кресло; оловянный стулъ.

А я войду къ жонѣ, чтобъ слушать и слѣдить

За объясненіемъ вашимъ осторожно.

Старайтесь же, чтобъ онъ васъ понялъ, оцѣнилъ,

Употребите все, что можно;

Авось, увидитъ онъ, какъ дурно поступилъ?

Не оскорбляйте лишъ въ немъ гордости словами.

Пусть только слышитъ онъ, какъ истинно любите!

Откройте душу передъ нимъ,

И можетъ-быть, онъ сядетъ надъ вами?

Во всякомъ случаѣ, чтобъ ни было у васъ,

Защиту верную найдете вы у насъ!

(Елецкая со слезами на глазахъ, бросается къ нему на грудь).

Ну, полно.... если мы поступимъ справедливо,

Тогда, авось! все кончится счастливо!

Иванъ, отворивъ среднюю дверь.

Полковникъ здѣсь!

ГЛЕНСКІЙ.

Проси. (Иванъ уходитъ) Ну, ну, смѣлай!

Онъ образумится! не бойтесь, не дрожите....

Я буду слышать все изъ тѣхъ дверей.

Но обо мнѣ ему отнюдь не говорите!

Чтобъ онъ интриги тутъ моей не замѣчалъ,

Пусть думаетъ, что васъ случайно повстрѣчалъ.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЕЛЕЦКАЯ, садится подлѣ цѣтника, потомъ КРАСНОЩЕКОВЪ.

Елецкая, про себя, дрожащимъ голосомъ.

О, Боже мой! подай мнѣ твердость и терпѣнье.

Ахъ! все! все можешь сдѣлать Ты!

Даруй мнѣ силу убѣжденья!

И не оставь на звѣкъ несчастной сироты!

Береть въ руки найденную на столѣ книгу.

КРАСНОЩЕКОВЪ, обращаясь къ Ивану.

Сиди?... благодарю!.. (Входитъ, не видя Елецкой) Прекрасно! пре-

Все точно такъ, какъ и за-равнь ожидалъ:

Мужъ — въ должности, а женочкѣ угоднѣ,
Чтобъ въ это время я роль друга здѣсь игралъ!

О! эта роль мнѣ страхъ пріятна и знакома,

Особенно, когда нѣтъ мужа дома.

Притомъ же, онъ насъ всѣхъ дурачилъ, надувалъ,

Такъ стало быть, мнѣ есть причина

Отмстить за всѣхъ ему!... (*Замычкая Елецкую, сидящую къ нему спиною*) Ахъ! вотъ она никакъ!...

Одна.... грустить.... (*Ей, съ любезностью*) Madame!.... (*Елецкая обращается къ нему лицомъ*) Что вижу я? Надина!...

(*Про себя*) Ахъ, чортъ возьми! попалъ въ просакъ!..

(*Ей*) Какъ! это вы?...

ЕЛЕЦКАЯ.

Да... я! а вы не ожидали?

Скажите мнѣ:

Евгенію Петровну вы искали?

Желали вѣрно съ ней побить наединѣ?...

КРАСНОЩЕКОВЪ, нѣсколько сконфуженный.

Ну, да.... такъ что жъ? тутъ вовсе нѣтъ дурнова....

Хоть не женился я на ней....

Хоть и.... обидно мнѣ.... но, все-таки, я снова

Стараюсь быть.... въ числѣ ея друзей.

ЕЛЕЦКАЯ, вздохнувъ глубоко.

Да!... дружбой истинной вы многихъ надвляли...

Всѣхъ помните, всѣмъ рады угодить,

Вы, только лишь одну.... меня забыли!

И только недругомъ моимъ рѣшились быть.

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Нисколько! вы... ошиблись....

ЕЛЕЦКАЯ, съ быстротою.

Неужели?

О! еслибъ это правда! то тогда!...

(*Качая головой*) Но, нѣтъ... у насъ въ дому вы быть не захотѣли!

Такъ стало, небыли мнѣ другомъ никогда!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Напротивъ: я... Но, гдѣ жъ хозяйка дома? by Google

ЕЛЕЦКАЯ, скрывая досаду.

Здѣсь! здѣсь! извольте обождать!...

Вотъ, видите: я вамъ, какъ будто незнакома!

Вы отъ меня готовы убѣжать...

Бойтесь вы, что я могу наскучить

Бесѣдою моею!...

А не бойтесь.... терзать меня, и мучить,

Всегдашнюю холодностью своею!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Да что жъ мнѣ дѣлать? вотъ прекрасно!

Насильно чувствовать.... нельзя же!...

ЕЛЕЦКАЯ.

Вамъ?

Однако, прежде вы, умъли же такъ страстно,
Всѣ чувства выражать, когда являлись къ намъ...

Когда, по милости молвы,

Моя богатою невестой почитали,

Вы вспомните, какъ вѣжны были вы?

Вы говорили мнѣ : « что я, одна на свѣтъ,

« Могла вамъ страсть чистѣйшую внушить!

« И что у васъ одно желаніе въ предметъ :

« Чтобъ я умѣла васъ достойно оцѣнить!

« Что я, прекрасное созданье!

« Твердили вы : что я всѣхъ лучше, и добрей.....

« Лишь бы на вашу страсть, на ваше я желанье

« Отвѣтила любовью своею!...

— Вы помните? и что жъ! не зная людей и свѣта,

Я вамъ повѣрила.... и чувствамъ предалась!

Любовью вашею согрѣта —

Я, слишкомъ, можетъ-быть, безумно увлеклась!

Но о послѣдствіяхъ ужъ я не разсуждала!

Я не умѣла думать, не могла,

На слово каждое вамъ страстью отвѣчаю!

Всю жизнь любви на жертву отдала!

Бесѣды ваши, мнѣ казались блаженствомъ!

Несанная — душой, какъ я впитала вамъ,

Вы представлялись мнѣ какъ-то совершенствомъ!

Я словно вѣрила и клятвамъ, и слезамъ,
 Считала дни, часы, минуты я считала,
 Какъ васъ ждала къ себѣ! вы помните? всегда
 Въ восторгъ, въ радости на встрѣчу вамъ бѣжала!
 И упрекнуть ни въ чемъ не смѣла никогда!

Скучали вы... и я грустила!

Вы были веселы, и веселилась я!

• Вотъ, вотъ какъ въ первый разъ я въ жизни полюбила!...

И что же? какъ любовь оцѣнена моя?!

Лишь только я случайно вамъ сказала,
 Какъ не богата я приданымъ... Боже мой!
 Вы вдругъ взглянули такъ... что я васъ не узнала!

И въ тотъ же мигъ увхали домой!

Что съ вами сдѣлалось? понять я не умѣла!
 Въ боязни, долго васъ опять къ себѣ ждала....

Безъ сна три ночи просидѣла,

И столько плакала... что чуть не умерла!!

Межъ тѣмъ, меня вездѣ невѣстой огласили,

Узнали всѣ, что мы обручены,

И что же! вдругъ при мнѣ, въ гостяхъ вы объявили :

Что вы въ Евгению Петровну влюблены!

Послушайте : пускай такіе здѣсь найдутся :

Что безъ разсчета жить не могутъ дня, —

И, если вамъ пришлось въ расчетъ обмануться....

Такъ вы, хоть-бы на срамъ не бросили меня....

Нѣтъ! жалость всякая отъ васъ была далеко!

Забыто было все : любовь и честь моя!

И поступили вы со мною такъ жестоко!....

Что видитъ Богъ! не заслужила я! (рыдаетъ.)

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Ну, что жъ! простите мнѣ.... я виноватъ.... ~~положимъ~~...

Жалю васъ.... но доженъ вамъ сказать :

Что наши горести мы болѣе умножимъ,

Когда все прошлое начнемъ припоминать....

Оглядываясь кругомъ.

Я обстоятельствомъ связавъ!

И потому, какъ быть! ~~разсчитывать~~ ~~обязанъ~~!

Чтобъ въ обществѣ себя не уронить,
 Чтобъ съ будущей женой нигдѣ не оградиться,
 Я *долженъ*, признаюсь, повыгоднѣй жениться!
 По этому, меня, должны вы... позабыть.

ЕЛЕЦКАЯ, почти съ дрожью.

Забить?! о, Боже мой! да я сама ждала!
 О томъ молила я Творца!
 Къ нему въ раскаяньи, въ слезахъ я прибѣгла,
 Ждала мнѣмъ страданіямъ конца!....

Но, все напрасно! не смягчила
 Его молитвою святой!....

Ахъ! оттого, что все надѣялась, любила!
 Да и теперь еще люблю васъ всею душой!
 Ну, научите же : вы знаете искусство

Какъ можно, чувствами играть?

Скажите! какъ убить священнѣйшее чувство?

Какъ вы умѣете : любить и забывать?

Ну, научите же! такъ я васъ позабуду!

И если вамъ, нельзя принадлежать,

Такъ я хоть тѣмъ обязана вамъ буду,

Что научусь людей бездушныхъ презирать!

КРАСНОЩЕКОВА.

Послушайте жь! ...

ЕЛЕЦКАЯ, схвативъ его за руку.

Ахъ! нѣтъ! прости! при всемъ желаньи

Науку страшную постигнуть я боюсь!

Тебя любить, любить я только въ состояньи,

А презирать — не смѣю! не рѣшусь!

Я все прощу тебѣ! все! все я извиняю!

Всю вѣтренность твою, насмѣшки надо мной,

Смотри.... смотри, какъ я тебя прощаю....

О! сжался же надъ бедной сиротой!!

Падаетъ перелъ нимъ на колѣни.

КРАСНОЩЕКОВА, хладнокровно поди-
 мая ее.

Мой другъ! вотъ видите... мнѣ... деньги очень нужны....

А вамъ, какъ вижу я.... одна любовь нужна :

Такъ мы, по-прежнему, такъ только.... будемъ дружны,
А все-таки, жена мнѣ съ деньгами нужна!

ЕЛЕЦКАЯ, въ отчаяніи бросается
въ кресло.

О, Боже мой!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Другаго нѣтъ спасенья!
Я, правду говорю, какъ человекъ прямой,
Вы моего-то положенья
Не понимаете нисколько, ангелъ мой!

Сядитъ подлѣ нея.

Приданого у васъ.... душъ осемьдесятъ? Мало!
Ужасно мало! Чѣмъ тутъ жить?
Будь осемь-сотъ у васъ (какъ думалъ я сначала),
Тогда бѣ, обязанъ былъ я вами дорожить....
Ужъ это такъ вездѣ, я васъ увѣрить смѣю,
Всѣ женихи разсчитываютъ такъ.

ЕЛЕЦКАЯ.

Ахъ! вы.... безжалостны!...

КРАСНОЩЕКОВЪ.

О, нѣтъ! я васъ жалю....
Но, право, не могу вступить я съ вами въ бракъ!
Утѣштесь же.... не станемъ огорчаться....
Здѣсь, зачастую такъ бываетъ у иныхъ.
Женихъ съ невестою — сойдутся, обручатся,
А чуть разсчетъ не такъ.... и разойдутся въ мигъ!
Ragole d'honneur!... (*встаетъ*). И такъ, забудьте горе!
Лишь не встрѣчайтесь со мной наединѣ,
Разсѣйтесь какъ-нибудь.... и вскорѣ
Вы позабудете, ей-Богу, обо мнѣ.
Страсть ваша быть должна тиха и кладнокровна,
А то, бѣда!... Но, гдѣ жъ Евгенія Петровна?

Евгенія вышла нѣсколько ранѣе и слушала его.

Она, чай, ждетъ меня?...

СВЯТЫНКА ПЕТРОВНА.

ТЪ ЖЕ, + ЕВГЕНИИ ПЕТРОВНЕ.

ЕВГЕНИИ ПЕТРОВНЕ, поспешно отдаваясь
передъ нѣмъ.

Я здѣсь! я здѣсь, друзья!

Все сплелась!....

КРАСНОЩЕКОВЪ, особо.

Ай! ай!

ЕВГЕНИИ ПЕТРОВНЕ, особо.

Хоть вѣрсо бѣ не хотѣла....

Оъ нѣмъ лѣно осориться, хоть въ мысляхъ не имѣла,

Но долгъ водить.... и повинуюсь я.

КРАСНОЩЕКОВЪ, особо.

Что нѣ это? кто — кого нѣ насъ поймать желаетъ?

И, не за тѣмъ пришла?....

ЕВГЕНИИ ПЕТРОВНЕ, утѣмая Еленой.

Но плачь.... не плачь, другъ мой!...

КРАСНОЩЕКОВЪ, особо.

А! такъ Евгения скитрила надо мной!

И роль чувствительной посредницы играть!

Такъ нѣтъ же! ужъ себя въ обиду я не дамъ.

ЕВГЕНИИ ПЕТРОВНЕ, смъ волнуясь.

Послушайте: хоть васъ я видѣть не желаю,

Вы сами вздумали....

КРАСНОЩЕКОВЪ, удивляясь.

Какъ! что? и? самъ?...

Показывая письмо.

Позовьте... чья нѣ рука? вотъ это написана?

ЕВГЕНИИ ПЕТРОВНЕ, стараясь скрыть смущеніе.

Не знаю.... чья? (Нѣтъ себя) Ну, такъ! мой милый мушкетъ,

И нѣтъ, и каждому, голову твою урокъ!

Велухъ, съ усмѣшкой.

Вы удивляетесь?... но, дьяво не объ этомъ.

Надана, истинно васъ любить! Любить, да!

За что жь ее врандъ нѣмалымъ святомъ

Вы, бросить, осрамить хотите навсегда?

Краснощекоевъ хочетъ говорить, но она не допускаетъ.

Не возражайте: нѣтъ! расчеты ваши ложны!

Она бидѣтъ меня... но можно малымъ жить,

Когда вы будете умны и осторожны,

И карты бросите, чтобъ деньги не сорить.

Да! если скромно жить начнете,

Безъ пышности и роскоши пустой,

Вы счастье прочное скорѣе съ ней найдете,

Чѣмъ съ богатѣйшею женою!

За счастье ваше я тогда ручаюсь!

Ну! миръ! скорѣе миръ! и дьяво рѣшено!

(Про себя) Творецъ мой! я себя невольно удивляюсь:

Ужъ вотъ, и я учу, какъ надо жить умно!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

За вашъ советъ, благодарю покорно!

Хоть признаюсь, отъ васъ.... никакъ его не ждалъ....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, про себя.

Я тоже, признаюсь....

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Хоть вы, добры, безспорно....

Но, какъ и чѣмъ мнѣ жить? я лучше рассчитаю.

А потому, возьмите расписку....

Съ нотариусомъ я увидѣться съѣзжу....

Хочетъ уйти.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, заграждая ему дорогу.

Полковникъ! сжальтесь! я, я за нее прощусь!

Я умоляю васъ!...

КРАСНОЩЕКОВЪ, сѣмьсь.

Ха! ха! къ чему трудиться?

Напрасно! тутъ сама судьба противу насъ!

Идетъ, потому въспомнивъ, возвращается.

Ахъ, да! что вашъ супругъ?... открылъ себя дорогу?

Ну? что? здоровъ ли онъ?...

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМЬЕ.

ТЪ ЖЕ, и ГЛИНСКИЙ, вошелъ въ ту минуту, какъ полковникъ обратился къ Евгѣнѣ.

ГЛИНСКИЙ, спокойно, становясь между ними.

Я, слава Богу!

Потирая руки.

А вы, здоровы ли? я радъ, что вижу васъ!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Да, да и мы, какъ тутъ явились между нами!

Parole d'honneur! дивлюсь.... (Про себя) О! это заговоръ!

ГЛИНСКИЙ.

А вы какими здѣсь судьбами?

Я не дивлюсь, parole d'honneur!...

Обращаясь къ Еленѣ и Евгѣнѣ.

Друзья мои, врену васъ удалиться....

Къ чему страдать и плакать ни о чемъ?

Позвольте лучше мнѣ съ вами объясниться,

и, можетъ быть, скорѣй поладжу съ вами во всемъ.

КРАСНОЩЕКОВЪ, про себя.

Ого! и онъ туда жъ?... вотъ это мило!

Но нѣтъ, мой другъ! владѣю не за свое!

ГЛИНСКИЙ, съ чувствомъ нагну руку жаны.

Благодарю тебя! ты честно поступила!

Теперь, води, утѣшь.... и успокой ее. (Прочюжаетъ изъ).

Еленка уходитъ закрывъ лицо платкомъ.

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Тутъ стало быть, и мнѣ ужъ время распрощаться....

Хочетъ уйти.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ГЛИНСКИЙ и КРАСНОЩЕКОВЪ.

ГЛИНСКИЙ, хладнокровно.

Нѣтъ, вамъ недѣла... извольте-ка остаться.

Запереть дверь на ключъ, и класть его въ карманъ.

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Какъ! что это? позволю ли мнѣ ~~уважать?~~...

ГЛИБСКІЙ.

Я заперъ дверь, чтобъ вамъ не вздумали мѣшать.

Посмотрѣвъ на него пристально.

Съ Падной вы обручены... мы знаемъ.

Скажите жъ мнѣ одно въ отвѣтъ:

Рѣшились вы, вполне быть свѣтскимъ негодяемъ?

Нужны добрыхъ чувствъ въ васъ тѣни даже нѣтъ?

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Послушайте: я васъ прощу, такъ смѣло

Мнѣ дерзостей къ глаза не говорите!

Хоть въ вашемъ домѣ я.... но...

ГЛИБСКІЙ, передразнивая его,

Не! но! что жъ за дело?

Но думаете ли вы меня остановить?...

КРАСНОЩЕКОВЪ, съ удивленіемъ.

И васъ, и всякаго, кто только уваженъ!

Ко мнѣ забываете! всегда же....

ГЛИБСКІЙ, насмѣливаясь.

Васъ уважать? я стану, я? когда

Извѣстно мнѣ все ваше поведеніе?

Когда извѣстно мнѣ, что въ честномъ домѣ

Вы входите съ намѣреннымъ безчестнымъ!

Когда встречаюсь я съ повзрослою игрокомъ!

Мнѣ уважать его? остаться безсловеснымъ?

Смотреть, какъ онъ проказитъ безъ компа?

Какъ все прекрасное позоритъ безъ зазрынья?

Помилуй! да тебя, не нужно уваженія,

Довольно будь названьемъ — подлнца!

КРАСНОЩЕКОВЪ, горячо.

О! если такъ! то я готовъ забыться!

И вамъ сейчасъ на двѣли дамъ ку!...

ГЛИБСКІЙ, схвативъ его за руку, гово-

рить сквозь зубы, едва удерживая гнѣвъ.

А если.... ты меня заставишь разсердиться, —

То я сейчас.... твой черанг размою!!!

Отткнула его руку.

Ты уж молчи!.... я дверь не даром запираю!

Ты не шикни еще, какъ съдуешь, со мной...

А я... вотъ какъ свои пять пальцевъ, твою зряю,

Тебя, любезный франтикъ мой!

На картонномъ зеленомъ полъ,

Иль въ будоражъ, какъ храбится себя по волъ,

Геройствуй тамъ, и самодрозъ!

(Сосавъ кулаки). Но, здать... хбь! погрозь!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Такъ чтожъ.... дамъ.... отъ меня угодно?

ГЛАВНИСКИЙ.

Угодно мнѣ: чтобъ ты, хоть въ жизни разъ

Окончилъ дѣло благородно!

И каинныя дѣла, при мнѣ, сейчасъ!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Нѣтъ, сударь! нѣтъ! заступничество ваше

Но можетъ тутъ нисколько пособить!

Ты не советую мѣшаться въ дѣло наше;

Иль хлопотать о томъ, чего не можетъ быть.

ГЛАВНИСКИЙ, перебивая, строго.

Все можетъ-быть! когда у человека

Иль воля добрая, прямая честь, и стыдъ!

Какой-бы ни былъ онъ, красавецъ, иль калва,

Все можетъ онъ, все злое победить!

Тебѣ жъ до сей поры въдъ удавалось

Грѣшить, дурачиться, дурачить, дѣлать зло...

Однако же, покуда не досталось,

Пера вспомниться! что было, то прошло!

Хоть злыя мерзости здать многими удаются,

Однако жъ не всегда, нвые обожгутся;

И если ты до-этихъ-поръ

Умѣлъ кой-какъ свои дитришки ладить,

Теперь велья! и дѣвушки поводъ

Ты должонъ свадьбою немедленно загладить.

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Я до жездъ? а?...

ГЛИНСКІЙ.

Да! да!

Ты долженъ завтра же жениться на Елецкой!

КРАСНОЩЕКОВЪ, рѣшительно.

Жениться, мнѣ, на ней? такъ нѣтъ же! никогда!

На зло и вамъ! и ей!

ГЛИНСКІЙ, улыбаясь.

Нѣтъ, лжешь, разбойникъ свѣтскій!

Но ты, а я ужь сдѣлаю на зло!

И такъ какъ слѣдуетъ: формально, по законамъ

Я острамлю твое красивое чело

Въ примѣръ другимъ любезнымъ фанфаронамъ!

КРАСНОЩЕКОВЪ, стараясь смѣяться.

Забавно!... какъ же такъ?...

ГЛИНСКІЙ.

Забавно не тебѣ,

Намъ будетъ только лишь забавно!

Я, о твоей давно забочуся судьбѣ,

И въ состояніи тебя пристроить славно!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Ха! ха! ха! ха!...

ГЛИНСКІЙ.

Ужъ смѣйся, или нѣтъ,

Но, я прошу! я! я! не накликайте бѣдъ!

Съ чувствомъ.

Надѣна любить васъ, и любить нѣжно! страстно!

(Хоть вы любви не стоите такой!)

Не мучьте же бѣдняжку вы напрасно!

Она, быть можетъ вамъ примѣрною женой:

Она—характеръ вашъ, и сердце вамъ исправить.

Проказы, глупости, все бросить васъ заставить!

Любовью чистою и нѣжностью своей,

Она—исторгнетъ васъ изъ омута страстей!

Простить вамъ все былыя заблужденья!

Поймите лишь ее! она такъ хороша!

Она достойна не презрѣнья,

Но истинной любви, какъ чистая душа!

Я эту дѣвушку, я вѣкъ бы не оставилъ!

Опомнитесь полковникъ! весь свой вѣкъ
Вы, подъ вліяніемъ ея души и правилъ,
Жить снова будете какъ честный человѣкъ!

КРАСНОЩЕКОВЪ, равнодушно.

Славно за сѣзъ! ха! ха!...

ГЛАНСКІЙ, съ досадою.

Опять сдѣлаетъ!

Принимая холодный токъ и неполадку моего

Ну! если даромъ я поступался за *нее*....

Такъ видно мнѣ теперь придется,

Вступитья лучше за *себя*!

Съ презрѣніемъ.

Послушай: ты, какъ франтъ, гуляка и повѣса,
Изволилъ въ карты все, что можно проиграть;
А чтобъ въ глазахъ невестъ имѣть побольше вѣса,
Засмѣныхъ писемъ ты изволилъ надовать....

Да жалъ, въ чадѣ проказъ и спекуляцій новыхъ,
Не заплатилъ гроша и сроки пропустилъ;
А здѣсь, вотъ, два письма.... въ три тысячи цѣлковыхъ,
Я дешево, за пол-цѣны купилъ;

И какъ тебѣ платить я знаю, точно нечѣмъ,

А мнѣ не хочется терять,

Такъ мы хоть память—то твою увѣковѣчимъ!...

КРАСНОЩЕКОВЪ, растерявшись.

Что жъ? вы еще съ меня хотите вексель взять?

Извольте ...

ГЛАНСКІЙ.

Нѣтъ; ужъ я, пускай еще истрачу,
А лучше знаешь что? въ тюрьму тебя упрячу!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Въ тюрьму? меня!...

ГЛАНСКІЙ.

Да, да, любезный мой!

Такихъ голубчиковъ всегда въ тюрьму сажаютъ:
Тамъ много есть такихъ, живутъ, и разсуждаютъ

О грѣшной суетѣ мірской!

А мы-то, грѣшнѣе, убытки переносимъ,
И каждо-мѣсячно за содержанье вносимъ!

(ИЗЪЯВЛЕНІЕ ЧЛЕНА СОВѢТА)

Нать! вы.... надеюсь я.... какъ честный человекъ...

Вы.... прибгать не станете?...

ГДЕСЯСКИЙ.

Нать! давай!

Въ расчеланный, спекулятивный вѣкъ,
Гдѣ все подвержено соблазну и обману,
Гдѣ ораны, игры, забывши стыдъ и чось,
Берутъ, не отдають, теряють въ обществѣ антрим,
Вредъ обществу стараются напроць,
Такіе все у насъ въ тюремномъ заключеніи!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Но я!...

ГДЕСЯСКИЙ.

А вы.... вы кто? вы кто?

Другихъ вы лучше знаете?...

Вы также доброе все считаете въ жизни!

А вредъ наносите, подобно адной лавѣ!

Не варите даждя своему личному!

Обманывали всѣхъ, успѣли разориться,

О! вамъ по всѣмъ правамъ, давай верѣ въ тюрьму!

КРАСНОЩЕКОВЪ, ДАЖЕ СЕБѢ ДЪ ЧУВСТВОМЪ
РАСКАЯНІЯ.

О! да!... оу правъ!... оу правъ!... съ нимъ надо помириться....

(Ему). Послушайте: изъ дѣлхъ я деньги долгу,

И все, съ процентами вамъ, право, заплачу!

ГДЕСЯСКИЙ.

Нать! поздо! ты меня послушь не проувишь!

Изъ взры ты у всѣхъ ужъ вынешь, мой дружокъ,

Ты въ жизни сей, одно получишь:

Въ тюрьмѣ свой теплый уголокъ!

При томъ же, вѣдь оно и очень кстати, право....

Новьоту — ты покинулъ, осмѣлѣть,

На уваженіе людей — динился права,

Иманье — въ карты проигралъ,

Засмныхъ писемъ надавалъ,

Ну, словомъ: сдѣлалъ все, какъ человекъ долженъ!

Чого жъ тебѣ еще? садись въ тюрьму, любезный!

Вслушайте жь!...

ГЛАВСКІЙ.

О чемъ? о подвѣдкѣ вѣнчѣ?
 Да вотъ, какъ о тебѣ повонду мы россичемъ,
 Услышимъ, многого домыслимъ!
 Особенно отъ женщинъ помыслимъ.
 •Вообразите! скажутъ: вотъ сыбаба-то!
 •Любовный нашъ полковникъ, молодецъ,
 •Который такъ сражалъ дивныхъ богатыр,
 •И столько-многомъ дивическихъ сраженъ,
 •Котораго весь свѣтъ любилъ и уважалъ!
 •И что жь теперь? въ тюрьмѣ на лаврахъ почивать!

КРАСНОЩЕКОВЪ, въ отчаяніи.

Какъ! этакъ, осрамить себя на цѣлый вѣкъ?...
 Ужасно!.. (Ему) Знайте же: поступокъ вашъ погубить
 И Наденьку!... За что жь? она меня такъ любитъ!
 Ну, пусть я виноватъ! что жь! грѣшный человекъ!
 Но мы.... вѣдь вы ея защитникъ и опора,
 Она, какъ вижу я, отъ васъ отрады ждетъ,
 И другъ!... вы знаете ль? что моего позора
 Она не вынесетъ! она себя убьетъ!

ГЛАВСКІЙ, равнодушно.

Не думаю. Теперь, она хотъ вами бредитъ,
 Но мы какъ васъ упрячемъ отъ грѣха,
 Такъ съ бабушкой она въ деревню ужъ уедетъ,
 И тамъ найдетъ себѣ другаго жениха.

КРАСНОЩЕКОВЪ, убѣдительно.

Нѣтъ, Левъ Наденьку! нѣтъ! узнайте:
 Теперь я вижу самъ, какъ дурно поступилъ!
 Я виноватъ во всемъ, лишь насъ не разлучайте!
 Она проститъ мнѣ все! пусть я и гадъ, и кутила,
 Но вижу: срокъ пришелъ! дора остепениться!
 Супруга ваша, мы, и Наденька сама
 Увидятъ, что я могу остановиться!
 Что не совсемъ еще я вынулъ изъ ума!
 Лишь передъ Наденькой, меня вы не осрамите.

Да! да! какъ только съ ней я помирюсь,
Клянусь вамъ честно! parole d'honneur! жемчюсъ!
глинскій.

Не вѣрю! нѣтъ! ужъ какъ хотите!
И благозвучное у васъ — parole d'honneur,
Ей Богу, чистый вздоръ!

Оставьте же, любимое словечко,
Я вамъ не словомъ, даюсъ докажу:
Какое теплое готовлю вамъ мѣстечко; —
Объ этомъ я сейчасъ и Надинькѣ скажу....

Дверь спальни отворится; вдали видны Евгения и Елецкая.

Ахъ! вотъ она, съ моею женою!....

Кочетъ идти нѣтъ на встрѣчу.

краснощекоевъ, удерживая его, тихо.

Ужасный человекъ! прошу тебя! молчи!

Хоть для нее... когда ужъ я не стѣю!

глинскій, про себя.

Ага! струхнулъ!... (Ему) Нѣтъ, нѣтъ, скажу! не хлопочи!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ, ЕВГЕНІЯ И ЕЛЕЦКАЯ.

глинскій.

Ну, Надинька, ты здѣшь?

Елецкая, не смотря на полковника.

Да-съ....

глинскій.

Ну, съ Богомъ!

А мы, нѣтъ за тебя, тутъ спорили о многомъ.

Онъ, началъ каяться, да я не вѣрю, нѣтъ!

Хоть началъ увѣрять, и спорилъ,

Хоть всячески *пароль-доннериль*,

Все вздоръ! все ложь! и мой тебѣ совѣтъ....

краснощекоевъ, все время его стараясь удерживать.

Жестокій человекъ! прошу васъ! замолчите!

Перейдя къ Елецкой.

Да! да! предъ вами я... безъ меры виноватъ!

Но, нужаль меня вы вѣчно не простите!

ГЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ! Нѣтъ!....

КРАСНОЩЕКОВЪ, перобывая его.

Постойте же!....

ГЛЕНСКІЙ, про себя.

Ага! невольно хватъ!

КЛЕЦКАЯ, въ большомъ удивленіи.

Какъ! что сказали вы? отъ васъ ли это слышу?...

ГЛЕНСКІЙ.

Да, онъ хоть кается, но лучше посадить....

КРАСНОЩЕКОВЪ, ему.

Злодай!.... (Елецкой) Да! знайте же: я весь отъ васъ завишу!

Готовъ у всякъ прощенія просить!

Я, точно, глупостой, вреда надвѣлалъ много!

Васъ заставлялъ и плакать и страдать!

Простите мнѣ! простите ради Бога!

Отнынѣ радъ я жизнь за васъ отдать!

Все! все радъ отдавать я! лишь скажите надо мною!...

ГЛЕНСКІЙ, про себя.

Какъ хорошо, таккъ, проинколивать тюрьмою!

Идетъ и отпирать средній выходъ.

КЛЕЦКАЯ, въ волненіи и радости.

Ахъ! Боже мой! не смѣю вѣрить я!

Я васъ должна простить?... о! да! я васъ прощаю!

Даетъ ему свою руку.

Ахъ! какъ я счастлива!... (цалуетъ Евгенію) О, добрые друзья!

Бросаясь къ Гленскому на шею.

Вамъ, вамъ обязана я этимъ счастьемъ! знаю!

Одинъ лишь вы могли его мнѣ возвратить!

Но, какъ?

ГЛЕНСКІЙ.

Да очень просто....

КРАСНОЩЕКОВЪ, рѣшительно.

Не скрываете!

Когда ужъ я прощенъ, все можно говорить!

Я самъ ей все скажу! (Елецкой и Евгенію) Да, да, узнайте.

Показывая на Гленскаго.

Вотъ, этотъ человекъ, о немъ хотѣлъ я писать,

Кому готовилъ я, все равно,

Онъ вразумилъ меня, и доказалъ:

Что самъ я существо заблудшее! дурное!

Что я у пропасти! и точно: я пропалъ!

Съ чувствомъ Елецкой.

Линьась твоей любви и уваженья,

Я вижу, будущность какаю-нибудь такую:

Я точно, допущу до срама и презрѣнья!

О! нуженъ былъ урокъ! и пусть покажетъ я!

Глинскому.

Когда вы на меня представите возмущенье?

Глинскій.

Ну, ужъ теперь, объ этомъ ни гу-гу!

Когда миритесь вы, въ чемъ все мое желанье...

Красношвейковъ и Елецкая, вѣсть.

О, да! на языкъ!

Глинскій, тихо смѣ.

Такъ я дотерплю вамъ могу.

Красношвейковъ, обнимая Гавдекина.

Благодарю!...

Глинскій, переходя къ жень.

А ты? молчишь, не поспрашиваешь!

Евгенія Петровна, смотря на мужа.

Да, точно, я молчу.... и лишь дивлюсь тебѣ!

Какъ это ты, все дѣлаешь? все знаешь?

Заботись о каждомъ судьбѣ?

Начнешь кого бранить, такъ прямо, смело, вольно,

И виноватые — смиряются сейчасъ!

Сказалъ: что тетюшка раскается невольно,

И вотъ, она ужъ къ намъ не кажетъ глазъ!

Показавъ на Елецкую.

Она, и я, полковника просили

Чтобъ онъ раскаялся, невѣсту пощадилъ....

И что жъ? двѣ женщины его не побѣдили,

А ты одинъ, сейчасъ же побѣдилъ!

Иди: какъ давеча, заспорили мы двое,

Я знала, что меня не убѣдитъ никто!

И вот, мое могущество сменилось
 Перед твоимъ — рвительно ничто!
 Ну, словомъ: вся твоей покорны воле!
 Какъ? гдѣ? и отчего ты столько воли взялъ?
 ГЛЕНСКИЙ.

Да просто, оттого, что я, въ житейской школѣ,
 Прележный вась уроки изучалъ!

ЯВЛЕНИЕ СЕВЕРНАГО ПРАВИТЕЛЯ

ТЪ ЖЕ и ИВАНЪ, потомъ ТУРУСОВЪ, потомъ СЕВЕРНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ,
 престома платя.

иванъ, Гленскому.

Сейчасъ, къ вамъ съ истиннымъ — особннымъ почтомъ,
 Являсь Анна Алексевна....

всѣ.

Поужли?

гленскій, сердито.

Земъ еще она даритъ насъ посылками?

всѣ.

Да съ вами навсегда проститься вѣнъ принял.

Прикажете войти?

гленскій.

А! скажи проститься.—

Прому покорна... очень радъ...

Иванъ уходитъ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, Елецкой.

Ну, вотъ! вы слышите? ну какъ тутъ не дивиться!

Кто съ тогужу смирился?!

ЕЛЕЦКАЯ, ей

О! мужъ твой сущій кладъ!

ГЛЕНСКИЙ.

Посмотримъ, для чего опять она являлась?

Узнаемъ, точно ли душа ея смирилась?

ТУРУСОВА, входитъ кланяясь низко.

Почтитель, добрый, Левъ Ивановичъ.... я промю,

Но гвалтъся....

ГЛННСКІЙ, строго ей.

Ну? что? за чѣмъ ты? я не знаю. . .

ТУРУСОВА.

Вамъ и Егеньюшкѣ, поклонъ мой приношу....

Прощайте, батюшка....

ГЛННСКІЙ.

Ты здѣшь?...

ТУРУСОВА.

Уажкаю....

Вы предрекли такую мнѣ судьбу....

Вы образумили старуху.... такъ простите....

Простите грашную рабу,

И съ миромъ въ путь далекій отпущите....

ГЛННСКІЙ, взявъ ее за руку, говоритъ
вполголоса.

Смотри! да точноль ты, смирилася душой?

Раскаилася?...

ТУРУСОВА.

Да! да! родимый мой!...

ГЛННСКІЙ.

Такъ!... только.... все вы каетесь—то разю....

Иная баба... жить не можетъ безъ соблазна!

ТУРУСОВА, съ трепетомъ.

Нѣтъ батюшка! нѣтъ! Боже сохрани!

(Егеньюшкѣ) Ахъ! онъ не вѣрить мнѣ, какъ я переродилася!...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, переходя къ нему.

Да, да, повѣрь мой другъ! взгляни:

Она, какъ вижу я.... во всемъ перемѣнилася.

Не дай же ей отъ насъ обиженной уйти!

Будь добръ!...

ГЛННСКІЙ.

Да я не съ злой душой!

(Турусовой ласково) Ну, тетюшка, голубушка! прости!

Прости насъ грѣшныхъ! Богъ съ тобой!

Я забываю обо всемъ!

Но ужъ и ты, въ своемъ жилищѣ тихомъ,

Забывъ о грѣшномъ и зломъ —

Смотри жъ, не поминай насъ жкомъ!

ТУРУСОВА.

Итъ, ужъ небаки Богъ! не мнѣ васъ осуждать...

На это у меня не станетъ духу!

Простите, лишь меня старуху....

И пусть васъ освѣтитъ Господня благодать!

Прощайте!

Обищается съ Еленой и Елецкой.

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА И ЕЛЕЦКАЯ.

Добрый путь!...

ГЛЕНСКИЙ, обвиняя ее.

Прощай! (особо) Ну, слава Богу!

Прощай, голубушка.... (Давая ей кредитный билетъ) Вотъ, на... на дорогу....

ТУРУСОВА, съ поклономъ принимая.

Благодарю покорно мой родной!

Живите счастливо, спокойно,

А я.... я чувствую, жить съ вами недостойна....

Прощайте же!... пора старухъ на покой!

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢЖЕ, кромѣ ТУРУСОВОЙ.

ГЛЕНСКИЙ, вздыхая свободно.

Ужъ точно у меня вотъ съ плечъ гора свалилась!!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Ну, Левъ Ивановичъ! вы.... герой! ей-ей!

И я дивлюсь!...

ГЛЕНСКИЙ.

Чему? что-жъ можетъ-быть простымъ?

Во-первыхъ: тутъ сама судьба распорядилась,

А во-вторыхъ: одинъ ли я, враговъ своихъ

По обстоятельствамъ житейскимъ усмирю?

Вспомните.

Ахъ! вотъ еще.... я одного изъ нихъ

Въ своемъ карманѣ все таскаю....

Гимнаста тетраду.

Но этотъ врагъ, ужь прямо *записной!*
 Съ-тахъ-поръ какъ я женатъ, все злобой дышетъ.
 Онъ, чтобъ прельстить жену мою собою,
 Знай на меня стинки ругательныя пишетъ!

Отдавая тетрадь жемъ.

На, на, мой другъ, прочти скорый....
 За то, что вся его считаютъ за ребенка,
 Онъ точно злая собаченка,
 Такъ воть и лаетъ на мужей!

Прочти мой другъ, посмейся надо мною,
 А я съ-подвойничкомъ отираюсь въ набивку
 Чтобъ окончательно завязать ихъ судьбу.

КРАСНОШЕЕЦОВЪ.

О, съ удовольствіемъ!...

ЕЛЕЦКАЯ.

А мнѣ, польза?...
 ГЛАНСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ...

Займитесь вы пока, другимъ предметомъ,
 (Показывая на тетрадь) Вотъ нища вамъ.... (Особо) Желалъ бы
 очень жить:

Согласна ли жена моя съ постомъ?

И становъ ли надъ мужемъ хотѣтъ?

Уводитъ съ собою Красношеева.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА и ЕЛЕЦКАЯ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, смотря вслѣдъ мужу.

И добръ.... и вслышнѣвъ онъ.... и важнѣ.... и смѣется!...

И очень простъ.... и страшно строгъ!...

То—дальновидѣнъ, смѣль.... то какъ въ обманъ дается!...

Подумавъ немного, обращается къ Елецкой.

Связать мнѣ надъ нимъ? Или нѣтъ?

ЕЛЕЦКАЯ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Да отъ вѣдѣнья сего, чтобъ я надъ нимъ смѣлась!

Чтобы прочла, какъ тутъ его чернить,

Какъ осуждаютъ и бранятъ...

Хоть этого я знать отнюдь не добивалась.

Къ чему жъ меня къ себѣ охолождать?

Къ чему, какъ-будто бы меня вооружаетъ?...

Нѣ только можеть-быть... лишь испытать желаетъ?

ЕЛЕНКАЯ.

Да; очень можеть быть!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Такъ что же мнѣ?... читать?...

Полобопытствовать, что пишутъ тутъ объ мужѣ?

ЕЛЕНКАЯ.

Ахъ, нѣтъ, Евгеша!... къ чему же?

Когда вполне ты мужу предана,

Когда ты въ немъ себя подвору, друга видишь,

То вѣрять глупостямъ, смѣяться не должна,

Иначе, ты его обидишь!

Нѣтъ! ради Бога не читай!

Ни мужа, ни себя, прошу, не упикай!...

Пока злится ты: онъ мальчикъ сумасбродный,

Безумствуетъ, ругаетъ все и всѣхъ,

Такъ можно ль, женщину прямой и благородной

Съ нимъ быть какъ заодно? да это даже грѣхъ!

Притомъ, онъ и тебя совсѣмъ не уважаетъ!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Не уважаетъ?...

ЕЛЕНКАЯ.

Да!

Какой же женщиной тебя онъ почитаетъ,

Когда ругается надъ мужемъ безъ стыда?

Воужли, къ мальчику ты такъ равнодушна,

Что рада предочестъ?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

О, нѣтъ, напротивъ: онъ

Такъ бредить обо мнѣмъ остороженно, и скупно,

Что мнѣ рѣзительно сазнать!

Нѣтъ, другъ мой, ты меня не знаешь.

Отрады никакой я тутъ не нахожу,

Напрасно ты подозреваешь....

Вотъ, какъ и бранью я, и лестью дорожу!

Бросаетъ тетрадь на полъ.

Влецка я, весело.

Ну, вотъ! и коротко, и ясно, и приятно!

Поднявъ тетрадь.

Весь этотъ вздоръ, твой мужъ принявъ обратно,

Узнаетъ отъ меня: какъ ты добра! мила!

И будетъ радъ, что ты ни строчки не прочла...

Хочетъ идти.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ, и ИВАНЪ.

ИВАНЪ, Евгения.

Владимиръ Федорычъ прѣхалъ снова,

И хочетъ, барыня, васъ видѣть....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, обрадовавшись.

А! проси!

ИВАНЪ, идя въ кабинетъ барыни.

Такъ барыню оказать....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ! барыню ни слова!

ИВАНЪ.

Помилуйте! нельзя-съ.... да Боже упси!

Вздъ онъ приѣдетъ!...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Зови! мы сами скажемъ.

ИВАНЪ.

Да-съ, если такъ, — а то вѣдь мнѣ бѣда!

Уходитъ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ну, другъ мой, помоги!... отнынѣ навсегда

Проучимъ деракаго! покажемъ

Какъ дѣлать отъ людей порядочныхъ цѣнить;
 Какъ лести и брань его мы понимаемъ,
 Какъ сами мы умѣемъ говорить,
 Хотя поэмъ не сочиняемъ.

ЕЛЕНКАЯ.

Прекрасно! пусть урешь волучить отъ отъ насъ!
 Прячется на лѣво за кибитку.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ, и ЗВѢЗДКИНЪ, входитъ быстро, не замѣчая ЕЛЕНКОЙ.

ЗВѢЗДКИНЪ.

Ахъ!... вы оди! оди! благословенный часъ!

Съ чувствомъ.

Простите бѣднаго, измученнаго друга!

Что съ вами я до сей поры не могъ

Дѣлать часовъ отраднаго досуга!...

Я все писалъ, писалъ, измучился. .. и слегъ!

Ахъ! если бѣ знали вы, какъ тяжело быть поэтомъ!

Но, вы прочли, что я вамъ посвятилъ?

Вы поняли, какъ, я предъ цѣлымъ свѣтомъ

Жалелъ васъ, мужей бездушныхъ обличилъ?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, притворяясь разслабленною.

Какъ? что?... кого?... я вовсе не читала.

ЗВѢЗДКИНЪ.

Какъ! рукопись слуга не отдавалъ вамъ?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ!

Я ничего не знаю..... не видала....

ЗВѢЗДКИНЪ.

И не видали?! вотъ, какъ цѣнится поэтъ!

О! слуги здѣсь исполнъ народъ злодѣйской!

Ихъ любопытство трудно удержать!

Какъ! то, что только вамъ хотѣлъ я передать,

Все то сперва читается въ лакейской!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, насильственно.

О, бѣдный! бѣдный вы извои!

звездкинь, ей торопнѣ...

О, да!... благодарю за жалость о поэта!...

Да! долженъ я сказать: что наконецъ
Но улыбается ничто мнѣ въ этомъ свѣтѣ!

Все! все противъ меня идетъ:

Съ талантомъ я... не признаваемыхъ считаемъ!

Васъ страстно полюбилъ, жениться собираюсь...

Но васъ другой изъ рукъ моихъ беретъ!

Двигни голосомъ.

О! это такъ меня разстроило... убило!

И такъ въ душѣ моей

Всю злость расшевелило!...

Что какъ пантера я... загрызъ бы всѣхъ мужей!!!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

А!... значить вы весьма осторожно,

И зло писали мнѣ про мужа моего?

звездкинь, всестово.

О! страшно, я... отчаянно, безбожно!

Нехотово, я вамъ изобразилъ его!

Я, такъ сказать, его провелъ по всемъ изгибамъ

Грѣховнаго пути! да такъ, что волосъ дыбомъ!

Сказалъ: какъ онъ, злодѣй, тиранить васъ! гнететь!

Какъ красоту онъ вашу губить,

Какъ онъ чины и деньги любить!

Какъ взятки страшныя беретъ!

Какъ онъ....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, смѣется, скрывая свою досаду.

Ха! ха! ха! ха!... прекрасно! поздравляю!

звездкинь.

Вамъ нравится?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Хитро сочинено!

Хоть правды тутъ и таять нѣтъ, я знаю,

Но что до правды намъ? лишь было бы вредно.

Да сильно сказано. Вамъ, какъ поэту, можно

Поэтизировать, черпать все изъ жизни, свѣтъ,

Въ угоду жонкѣ, браните мужемъ безбожно,
 Въ стихахъ прощайте все, хоть пусть и смысла нѣтъ.
 Но мало мнѣ, что вы.... на мужа сочинили;
 Вы мнѣ должны всею утѣхъ угодить:
 Я требую, чтобъ вы, все силы приложивъ
 Еще одинъ портретъ въ стихахъ изобразить.

ЗВЪЗДАКНИТЪ.

О! съ радостью! кого хотите!
 Кто вамъ противенъ здѣсь? не досажу? Я пропущу.
 Лишь нику дайте мнѣ! лишь только намекайте...

К. Г. Д. В. Л. П. К. Т. Р. О. В. И. А.

А вотъ послушайте: его я опишу...

Выразительно.

Вы мнѣ къ своимъ стихамъ еще представьте:
 Какъ женою ко мнѣ любовію горить;
 И къ этому весь вздоръ, всю глупости прибавьте,
 Какія только лишь влюбленный говорить!

Представьте мнѣ: что онъ и худъ, и блѣденъ,
 Чтобъ онъ смѣшенъ былъ, и простоватъ,
 Чтобъ былъ — душою и сердцемъ беденъ,
 Да и разсудкомъ не богатъ.

Чтобъ мальчикъ былъ, межъ тѣмъ самолюбивый,
 Довольно дерзкій, и пустой,
 Длиноволосый, не красивый,
 Но чтобы занявъ себя собой;
 Чтобъ также корчилъ онъ поэта
 Собѣ и всемъ на перекоръ!
 Чтобъ съвѣтъ бранить — не знавъ свѣта,
 И чтобъ самъ хвалитъ свой вздоръ!
 Чтобъ на людей достойныхъ, честныхъ,
 (Которыхъ, вѣкъ оный не дождеть),
 Въ словахъ и фразахъ неумастныхъ,
 Все жалъ, что въ голову придетъ!
 Мужей браните вы исправно,

Отъ мальчишки и мальчишка.... тогда

Видно ужъ, будешь мнѣ ласково!
 Слышишь! не правда ли?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Предотавьте мнѣ еще.... что еще изъ мести
 Добиться хочеть одного:
 Чтобъ я, презрѣвъ законы чести,
 Забыла мужа моего!

Но такъ какъ я отнюдь не измѣнила
 И не умью измѣнить....

Такъ надобно, чтобъ я въ отвѣтъ сказала
 Тому, кто мнѣ принеся надобдать:

«Кто въ угожденьи мнѣ смѣется
 «Надъ мужемъ, тотъ смѣионъ мнѣ самъ!
 «Тотъ ни любви здѣсь не дождется,
 «Ни похвалы своимъ стншкамъ!

Елецкая выходитъ къ нимъ и также подписывается.

Ахъ! да и ты пришла сюда, Наина!
 Я рада! вѣдь и ты такъ думаешь, какъ я;
 Но правда ли? когда смѣионъ мужчина,
 Такъ можно ли любить его?...

ЕЛЕЦКАЯ, улыбаясь.

Возьми!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ну такъ чего же можетъ здѣсь дожждаться
 Отъ насъ, подобный человекъ?
 Того, что станемъ мы смѣяться!
 Смѣяться громко! долго! цѣлый вѣкъ!

Объ начинаютъ хохотать все громче и громче. Звѣздинъ стоя
 въ серединѣ, сперва серьезно поглядываетъ на обихъ, по-
 томъ принуждаетъ себя насильно захохотать, но смѣхъ его
 выходитъ какой-то судорожный, натянутый, Елецкая, нахо-
 хотавшись, уходитъ съ тетрадкою въ кабинетъ Глинскаго.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТАДЦАТОЕ.

ЗВѢЗДКИНЪ, и ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, бредутъ по дворѣ,
продолжая сѣяться.

ЗВѢЗДКИНЪ.

Чашево.... ха! ха! ха! какъ это.... все представить....

То.... можно бы.... смѣяться всѣхъ заставить!...

Но.... кто же тотъ, который... такъ смѣшонъ?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Но несли?... такъ вотъ вамъ полная картина:

Полу-вѣсть, полу-любезникъ онъ,

Полу-хвастунъ, полу-мужчина,

И въ полномъ смыслѣ — сумасбродъ!

ЗВѢЗДКИНЪ.

Кто жъ это?... (Особо) Чортъ возьми! ужъ не на мой ли счетъ?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ну, несли!

ЗВѢЗДКИНЪ, скрывая досаду.

Кто? я? вотъ это неподобно!...

И всезнаю все.... но.... только.... какъ понять?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Такъ вотъ мой мужъ вамъ объяснить подробно!

ЗВѢЗДКИНЪ, испугавшись.

Вашъ мужъ?! о! я пропалъ! нельзя ли убѣжать?...

Хочетъ уйти и сталкивается лицомъ къ лицу съ Глинскимъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ, ГЛИНСКІЙ, КРАСНОЩЕКОВЪ и ЕЛКОВАЯ.

ГЛИНСКІЙ, строго.

Ба! кто это?.... жена! кто это?....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Это... геній,

Незамечательныхъ, непризнанныхъ твореній.

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Да это Звѣздкинъ!

ГЛЕНСКИЙ, прищипывая.

А! блуждающий поэт!

Который, так темно за туманами ругаетъ себя....

Но, вы, какъ помню я.... вѣдь съ мось бжгать хотѣли,
Зачѣмъ же съ мось пришли?....

Звездкинъ, не зная что отвѣчать.

Я... я... пришелъ.... узнать...

ГЛЕНСКИЙ, шепотомъ: въ лѣву. сорвался!

Что? что? обидѣлъ? зачѣмъ вы прилепли?....

звездкинъ,

Я... я... нкъ мизаніе.... желалъ бы услышать ...

гленскій..

• Какое мизаніе?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Онъ написалъ поэму,

Которой, признаюсь, и не читала я....

ГЛЕНСКИЙ.

Ахъ, да! на старую, избитую-то тѣму?

Показывалъ ему тетрадь.

Но эту ль?...

звездкинъ, въ ужасѣ.

У него она!... беда моя!...

ГЛЕНСКИЙ.

Скажите: на кого вы это.... сотворили?

А?...

звездкинъ, быстро.

Право на на дась совсамъ!

ГЛЕНСКИЙ.

Пусть такъ, однако же, зачѣмъ

Жизнь мою вы это испортите?...

звездкинъ, про себя.

О! я предчувствую, что онъ меня убьетъ!

(Ему) Я... право... это такъ....

ГЛЕНСКИЙ.

Какъ такъ?

звездкинъ.

Да такъ.... я былъ той вѣрой....

ГЛЕНСКИЙ.

Какой?....

Что... женщина прекрасная, поистине...

ГЛИНСКИЙ.

А что войска?....

КОНОВАЛЕНКО.

Да то....

СЛУЖБА...

Ну, что?....

СЛУЖБА...

Что... есть примары...

ГЛИНСКИЙ.

Какие?....

СЛУЖБА...

Разные ...

СЛУЖБА...

На службу, час?

СЛУЖБА...

Всегда...

СЛУЖБА...

Такъ только-то?....

СЛУЖБА...

Да, с... болями...

СЛУЖБА...

На много же!

СЛУЖБА...

Что ж! я... за многими не гонюсь...

СЛУЖБА...

А что? вы слушаете?....

СЛУЖБА, презрительно.

Какъ водится, служу,

Но, только такъ, на службу не хожу.

СЛУЖБА...

Прекрасно! только такъ, считается?....

СЛУЖБА...

Считается.

СЛУЖБА...

Да, такъ и слугаги умно!

Служба должна служить, безъ сомненья!....

ГРЕШНАЯ СЛОВНОСТЬ.

ЗВЪЗДИНЪ.

Я думаю!... Такъ вы, какого мнѣнія,
На счетъ?....

ГЛЕНСКІЙ.

Стинковъ-то вашихъ? вотъ оно:

Поззію свою закутайте.... въ валенки,
И спрячьте въ детскую, или въ пещу нескорай!

ЗВЪЗДИНЪ, обидѣвшись.

Какъ! въ пещу?!

ГЛЕНСКІЙ.

Да, да, да! зачѣмъ писать стинковки,
Неужные ни мнѣ, и ни жень моей?

Тутъ, вѣтъ ни истины, ни въ мысляхъ благородства,
А на поэзію — пародія! уродство!

Тутъ лишь бессильное ругательство, вранье,
Такъ знайте жъ, вотъ *сполнь* вамъ мнѣніе мое:

Вы — тоже, какъ у насъ есть выскочки иные,
Которыхъ съ *гени* толкаютъ на показъ,

Межъ тѣмъ, какъ ихъ создательница пустыя,

Посредственности ниже въ десять разъ!

Но, пусть кто хочетъ, тамъ, дивится ихъ маранью,

Однако, каждый вздоръ печатать не должны,

Чтобъ не мѣшали здѣсь прямому дарованью

Всѣ эти блудные, смѣшные пачкуны:

Поэмъ, романчиковъ, рассказовъ, повѣстунекъ,

Всѣхъ этихъ дѣтскихъ, жалкихъ побрякушекъ,

Въ которыхъ пищи вѣтъ — ни сердцу, ни уму,

Ни вамъ, ни мнѣ, и никому!

Зачѣмъ же портятъ мозгъ, и напрягаютъ мышцы

Чернорабочіе, пустыя борзописцы?

(Звѣздину) Вы слинкомъ молодой, незрѣлый человекъ,

На жизнь и на людей глядите криво, слѣпо,

И если бы мой сынъ напачкалъ такъ слѣпо,

Такъ я-бъ его.... какъ родится, поубь!

ЗВЪЗДИНЪ.

Какъ! только-то?.. (Про себя) Вандализмъ! (Ему) Мое почтеніе!

Уходить скоро.

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

... ТЪ ЖЕ, КРОМЪ ЗВЪЗДИНА.

ГЛЕНСКИЙ, кричитъ ему въ окно.

Простите! познате жъ благо изстало!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Бранили!

ГЛЕНСКИЙ, торжественно.

Теперь, да здравствуетъ мой домъ!

(Женя) Теперь, мой ангелъ, мы какъ должно заживемъ!

Враговъ и недруговъ, авось молчать заставимъ?

Показывая на Еленку и Краснощекова.

А нтъ какъ женимъ мы, въ деревню жить отправимъ,

Но правда ли, друзья?

ЕЛЕНКА И КРАСНОЩЕКОВЪ.

Какъ васъ благодарить?..

ГЛЕНСКИЙ.

Не нужно! я такъ радъ, что могъ вамъ пособить!

(Женя) А за твое, мой другъ, прямое поведенье,

Покорность, честность, добрый нравъ,

За все, въ чемъ я передъ тобой не правъ,

Я... отдаю тебѣ назадъ твое имънье!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, обрадовавшись.

Какъ!?

ГЛЕНСКИЙ.

Да! чтобъ никогда ты не могла сказать:

Что обобралъ тебя твой мужъ неблагородно!

Нтъ! на дуну грѣха я не хочу принять!

Возьми имънью, влады имъ какъ угодно!..

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Возможно ли!?

ГЛЕНСКИЙ, пристально смотря на нее.

Да! да! хозяйкой будь всему!

Все, все, возьми!..

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, долго смотритъ на него съ удовольствіемъ, потомъ говоритъ рѣшительно.

Такъ нтъ же! не возьму!

Я вижу, что меня ты любишь, уважаешь,
 Так мне теперь, конечно, ничего!
 Окромя мужа моего!

КРАСНОУФИЙСКОЕ: М. В. ГИМНАЗИИ, ВЪЕЗДЪ.

Прекрасно!..

Т. ГИМНАЗИИ; въ восторгѣ обинная жону.

Душечка!.. меня ты полюбила!

(Особо) Не приняла! въ ней-будеть, 'будеть прокъ!
 Друзья! вотъ вамъ примѣръ! вотъ женамъ всѣмъ урокъ!
 Чего жъ еще желать, въ моей счастливой долѣ?...

Е. Г. ГИМНАЗИИ, ПЕТРОГРАДЪ.

Того, чтобъ истинный судья теперь сказалъ:

Что съ дивной ты, въ Никитинской Школѣ
 Уроки даешь преподавать!..

Н. Н. ГРИГОРЬЕВЪ

ЗАМОСКОВНАЯ ЛЬТОПИСЬ

О НАШИХЪ ЖЕНСКИХЪ ДѢЛАХЪ И О ДРУГИХЪ

=

КНИГИ ВТОРОЯ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

VI.

Одно изъ оконъ комнаты, въ которой Петръ Петровичъ расположился на покой, выходило на обширный балконъ второго этажа. Рядомъ черезъ стѣну находилась небольшая зала. Черезъ нее проходили на балконъ, съ котораго можно было наслаждаться прелестнымъ видомъ на садъ, часть парка, озеро, обставленное красивыми холмами; отличныя дороги, благоустроенныя поля, умытые луга, гладко причесанныя рощи Утѣшина, одного изъ самыхъ чистоплотныхъ и образованнѣйшихъ имѣній въ нашей губернии. Петръ Петровичъ, знатокъ дѣла, сравнивалъ Утѣшино съ англійскими имѣніями и всегда говорилъ объ немъ съ восторгомъ. Онъ особенно уважалъ здѣшняго управляющаго, русскаго Нѣмца изъ Эстляндіи, и каждое утро бесѣдовалъ съ нимъ часа по два и по три о тукахъ и сѣвооборотахъ. Прочіе сосѣди говорили между собою: это такъ чисто, хорошо, красиво, что владѣльцы должны быть банкроты!..

Балконъ этотъ былъ любимымъ убѣжищемъ общества въ вечернее время, когда роса начинала устилать землю жемчужнымъ ковромъ, прославленнымъ поэтами, обезславленнымъ докторами. Въ смежной залѣ слышались голоса прохаживающихся дамъ и мужчинъ, которые разговаривали между собою громко, вообще довольно веселымъ слогомъ. Имя Александра Оттовича повторялось безпрестанно въ ихъ бесѣдѣ. Какъ Петръ Петровичъ ни напрягалъ слухъ и вниманіе, не было возможности уразумѣть въ чемъ дѣло. Другое имя, слышавшееся въ залѣ, принадлежало знаменитому человеку съ меланхолическимъ характеромъ. Рѣчь очевидно шла о женитьбѣ, сватаніи, отказѣ, ссорѣ. Хилковский, не понимая, какая связь могла быть между этими двумя именами, ужасно безпокоился. Письмо Владислава, найденное Настасьей Аеонасьевной въ бумагахъ Александра, приходило ему на умъ и умножало опасенія. Вдругъ Евгенія Ивановна, расхаживая на балконе съ одной своей пріятельницей, достойною ея подругой по страсти къ лепетанію и кокетству, останавливается съ ней противъ самаго окна комнаты, которое было открыто, но завѣшено спущенной сторой, и говорить въ слухъ:

— У нихъ вышла страшная исторія!... Бѣдный Александръ Оттовичъ!...

— Въ-самомъ-дѣлѣ? вскрикиваетъ испуганная пріятельница.

— Ну, да!.. я сама слышала. Онъ долженъ бѣжать отсюда. Это уже рѣшено.

Петръ Петровичъ не выдержалъ, вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ зеркалу и сталъ поспѣшно причесывать свои сѣдые волосы и поправлять классическій бѣлый галстухъ, который носитъ онъ и донынѣ въ честь великому Тѣру. Разговоръ между-тѣмъ продолжался.

— А жаль будетъ Александра!... говорила подруга.

— А мнѣ скорѣе жаль было бы того.... другого.... сказала Евгенія Ивановна. Что такое Александръ?... женится.... и кончено! Тотъ по-крайней мѣрѣ....

— Такой угрюмый!... такой сердитый!... подхватила подруга. Онъ, разумеется, не проститъ ему!... Жаль!... очень жаль!... У меня были виды на Александра. Я собиралась по-кокетничать съ нимъ немножко, лишь-только онъ женится. Очень интересно было бы вскружить ему голову....

У Петра Петровича волосы, только-что причесанные,

встали дыбомъ. Какія страшныя открытія для дядина сердца! Съ одной стороны хотѣтъ обидѣть и прогнать племянника, съ другой — еще хуже! — свести съ ума, при началѣ такъ заботливо устроиваемаго счастья, будущую опору агрономіи. Онъ долженъ былъ снова прибѣгнуть къ гребенкѣ.

— У тебя удивительная страсть къ тѣмъ, которые уже не могутъ располагать собою! замѣтила Евгенія Ивановна.

— Да!... признаюсь.... отвѣчала подруга. Они безопаснѣе.... осторожнѣе.... Впрочемъ, [что же мнѣ дѣлать? Ты уступила мнѣ однихъ только семейныхъ?... У тебя страсть совсѣмъ противоположная.

— Да! это моя система, съ живостью сказала Евгенія Ивановна. Александръ интересовалъ меня, пока я не узнала съ достовѣрностью объ его женидѣлѣ. Но если онъ женится.... или.... все равно.... уѣдетъ... а онъ долженъ уѣхать непременно, въ томъ будь увѣрена!... Заволинь ужасно разсердился,... если въ неженатыхъ окажется рѣшительный недостатокъ.... такъ я.... знаешь ли, что я сдѣлаю.... съ досады?...

— Не знаю.

— Большое дѣло!

— Какое же?

— Я пріймусь за агронома!... клянусь тебѣ!... я вскружу голову Петру Петровичу!... Онъ будетъ отъ меня безъ памяти, когда я захочу. Увидишь, какъ это будетъ забавно!

Пріятелиницы расхохотались. Петръ Петровичъ, при видѣ всѣхъ этихъ наглыхъ посягательствъ, поскорѣе набросилъ скюртку, вооружился табакеркою и носовымъ платкомъ и побѣжалъ на балконъ, съ намѣреніемъ прямо атаковать Евгенію Ивановну. Во рту у него уже былъ готовый вопросъ: «Позвольте, сударыня! вы говорите, что у моего Александра вышла страшная исторія съ Владиславомъ Васильевичемъ?... откуда вы это знаете?... Какъ?... за что?» Но пока почтенный агрономъ достигъ балкона, хозяйка явилась въ залу, разговоръ принялъ немедленно другой оборотъ, и Петръ Петровичъ долженъ былъ остановиться здѣсь съ достоюлжнмъ почтеніемъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ, они вмѣстѣ вышли на балконъ. Подруга Евгенія Ивановны вскорѣ удалилась и остались только Варвара Михайловна, Петръ Петровичъ, да любезная болтушка, которая любитъ возмущать сердца однихъ неженатыхъ и объявляя свой честолюбивый, коварный замыселъ поработить

себѣ перваго агронома нашей губерніи. Не долго думать, Евгенія Ивановна, посмотрѣвъ на него съ зоографической улыбки, обратилась къ хозяйкѣ и начала:

— Ахъ, Варвара Михайловна! не знаю, право, можно ли говорить вамъ это, но я, просто, въ восторгѣ, въ изумленіи отъ васъ. Я готова васъ расцѣловать: вы — удивительная женщина! вы образецъ всѣмъ матерямъ!

— Что такое? что же я сдѣлала? спросила Голова съ удивленіемъ.

— И вы еще спрашиваете? да какъ послѣ такого необыкновеннаго поступка не быть отъ васъ въ восхищеніи!

— Я сдѣлала необыкновенный поступокъ?

— Какъ же! у васъ дочь полная хозяйка своему сердцу!.. вы позволяете ей выбирать жениха по ея собственному вкусу, сказала со вздохомъ Евгенія Ивановна, у которой была четырехлѣтняя дочь и которая вчера еще передъ сномъ думала себѣ такую думу: «Для моей Саши, когда она вырастетъ, я сама выберу жениха.... чудеснаго.... по моему вкусу.... она полюбитъ его тотчасъ и выйдетъ.... а не полюбитъ, такъ выйдетъ изъ любви ко мнѣ.... чтобы мнѣ угодить... а не захочетъ, такъ я.... знаю что съ ней сдѣлаю!»

Неожиданный диамрамбъ привелъ Голову въ такое сильное смущеніе, что она нѣсколько секундъ не нашлась что отвѣчать.

— Я вовсе не заслуживаю вашихъ восторговъ, сказала она наконецъ холодно: я даже не понимаю вашихъ словъ. Вы говорите, что Надежда кому-то отказала.... позвольте спросить, отъ кого вы это слышали, отъ нея или отъ меня?

— Да! Евгенія Ивановна! примолвилъ вдругъ Петръ Петровичъ, позвольте васъ спросить также....

— Ради Бога, Варвара Михайловна, не браните меня, что мѣшаюсь не въ свои дѣла! прервала Евгенія Ивановна. Конечно, я этого отъ васъ не слыхала, но.... вѣдь давно всѣ знаютъ, что Заволинъ имѣлъ виды на вашу дочь и всѣ знаютъ, что онъ получилъ отказъ. Зачѣмъ же скрывать съ тѣмъ, что вамъ приписать величайшую честь?... Заволинъ слишкомъ много возмечталъ о себѣ. Надежда Николаевна опрокинула эти мечты однимъ словомъ, по праву, данному ей вами. Мнѣ пикогда въ такомъ случаѣ не жаль мужчинъ: имъ по дѣломъ! Они такіе тщеславные! такіе гордецы! Вы не хотите признаться изъ состраданья къ оставшему

женху.... но что же тут жалеть его!... Урокъ всѣмъ имъ, нечего сказать. И вы можете этимъ гордиться.... я искренно, отъ всего сердца уважаю васъ. Мать, которая не принуждаетъ дочери къ выгодному замужству.... да это небывалая, невиданная вещь.

Лицо Головой становилось мрачнѣе и мрачнѣе. Эти похвалы очевидно приходились ей не по нутру.

— Боже мой! не думайте обо мнѣ ничего такого.... не толкуйте моихъ словъ въ дурную сторону.... Право, я говорю отъ души. Вы — женщина высокаго, необыкновеннаго образа мыслей, какихъ въ свѣтѣ мало.... очень мало!

— При всей признательности за такое лестное мнѣніе, сказала Голова очень учтивымъ тономъ, я не могу не выразить вамъ, что ваши слова крайне меня удивляютъ.....

— Это отъ того, перебилъ Хилковскій, что вы не знаете, какъ Евгенія Ивановна не любитъ тѣхъ, которые уклоняются отъ ея владычества.....

— Полноте шутить. Я говорю серіозно....

— Я вовсе не шучу. Не говорили ли вы сами....

— Перестаньте! Теперь не кстати повторять такіе пустяки. Я растрогана, восхищена! Если бы вы знали какъ я рада, что нашла наконецъ женщину, раздѣляющую мои собственные мысли о замужствѣ.... Предоставить на волю дочери отказать такому жениху!.... ахъ, Варвара Михайловна! какая вы рѣдкая, неподражаемая мать!

Голова не отвѣчала. Пока Евгенія Ивановна осыпала ее похвалами, она отвернулась и поднесла платокъ къ глазамъ. Она заплакала. Петръ Петровичъ это видѣлъ. Отчего? За отказъ выгоднымъ женихамъ матери сердятся, но не плачутъ. Хилковскій, взглянулъ на Евгенію Ивановну, съ намѣреніемъ проникнуть ея чистосердечіе и, въ то же время, найти мѣстечко своему вопросу о провозглашеніи племянника въ опасности. Но та ничего не замѣчала. Она болтала безъ умолку и вертѣлась. Мудрый агрономъ, чтобы отвлечь ее и дать разстроенной Головой возможность удалиться и добиться толку, счелъ нужнымъ снова вмѣшаться въ разговоръ.

— Растолкуйте мнѣ ваши восторги, сказалъ онъ: я не совсѣмъ васъ понимаю.... вы радуетесь, что Надежда Николаевна не выходитъ замужъ?... это почему?....

— Потому что это доказываетъ, какъ она умна, рассудительна, благоразумна и какая у нея превосходнѣйшая мать.

Не противно ли смотрѣть, какъ всѣ другія матери хитрятъ, хлопочутъ, выбиваются изъ силъ, чтобы поскорѣе сбыть дочекъ съ рукъ! Я краснѣю отъ стыда за женщинъ, когда подумаю, какъ бѣгаютъ онѣ за женихами! На что это похоже! Чтобы не остаться въ старыхъ дѣвахъ, выходятъ часто Богъ знаетъ за кого!

— Я не вижу, почему бы приходиться отъ этого въ такое негодование? Что за преступленіе желать выйти замужъ! Будто весело оставаться на старости лѣтъ одинокой, не видѣть въ послѣдній часъ вокругъ себя ни привязанности, ни благодарности, и пресѣчься на отрѣзъ на землѣ, не проливъ своего существованія въ существѣ другихъ, не передавъ частицы своей жизни, пока вы еще богаты жизнью, въ другое подобное вамъ твореніе, которое бы еще продолжало васъ, когда въ васъ жизни не хватитъ на дальнѣйшія издержки бытія. Предразсудокъ противъ старыхъ дѣвъ..... если только онъ предразсудокъ.... заключаетъ въ себѣ, по моему, очень спасительное наставленіе....

— Но также и много вреднаго, согласитесь, Петръ Петровичъ. Не будь этого безтолковаго предразсудка, сколько несчастныхъ жертвъ избѣгло бы незаслуженнаго заключенія! Это вы, господа мужчины, выдумали и поддерживаете для своей пользы всѣ насмѣшки надъ старыми дѣвами, потому что, безъ этого, за многихъ изъ васъ никто бы не пошелъ!

Петръ Петровичъ былъ отчасти того же мнѣнія; но какъ онъ только прикрывалъ ретираду Головой, то и не прерывалъ миловидной своей собесѣдницы добросовѣстнымъ признаніемъ. Она продолжала:

— Этимъ вы только и берете. Этимъ только содержите насъ въ страхъ и униженіи. Хорошо ли, великодушно ли вы поступаете? Неужели вы сами не сожалеете о женщинахъ, которыхъ доводите до смѣшнаго и даже до низостей посредствомъ опасенія не выйти замужъ, тогда какъ сами безнаказанно уклоняетесь во всю жизнь отъ брака, когда не находите себѣ друга по сердцу. Это опасеніе часто заставляеть молодыхъ особъ, съ большимъ ущербомъ для ихъ нравственности и душевной чистоты, прибѣгать къ средствамъ, унижающимъ ихъ достоинство, кокетничать, прельщать.....

— Позвольте, позвольте! это становится казуснымъ вопросомъ..... Такъ кокетничать не хорошо?..... безнравствен-

но?... виновность?... преступление?... А кто доведет это искусство у себя до совершенства... позвольте васъ спросить!.....

— Пойдите!.... пойдите!.... это совсѣмъ не то... кокетство раздѣляется на два разряда... одно безвинное, даже благородное, если хотите, это такое, какъ мое....

Хмиковскій долженъ былъ засмѣяться.

— Это ужъ слишкомъ тонко, сказалъ онъ. По моему разумѣнью, у кокетства, въ какихъ бы видахъ оно ни представлялось, всегда одна цѣль: вскружить мужчинѣ голову.... заставить его страдать, мучиться, жертвовать всѣмъ, безъ цѣли и пользы для него, а единственно для своей воли. Кажется, что такъ?... и согласитесь, Евгенія Ивановна, что оно нехорошо, несправедливо, можно сказать—безсовѣстно.....

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не такъ. Кокетство, какъ я уже сказала, дѣлится на двое. Одно, прегадкое, препротивное, а его ненавижу: это — кокетство съ цѣлью найти себѣ жениха. Этимъ кокетствомъ молодая особа унижаетъ себя, какъ-будто выпрашивая, чтобы изъ милости на ней присваивались: «пожалуйста! женитесь, дескать, на мнѣ, ради Бога! умоляю васъ!... посмотрите, какъ я хороша!» Фи, это гадко! А другое кокетство—другое дѣло.—Вы обратили злое замѣчаніе свое лично на меня, Петръ Петровичъ, продолжала Евгенія Ивановна съ самою прелестною изъ своихъ улыбокъ, съ самымъ задорнымъ изъ своихъ взглядовъ: хорошо! такъ я буду говорить о себѣ. Я замужемъ и не могу имѣть видовъ никакихъ.... корыстнаго намѣренія во мнѣ предполагать нельзя.... притомъ же я не различаю никого, кокетничаю вдругъ со всѣми.... для меня всѣ мужчины равны. Замѣйте, однако, что я не трогаю женатыхъ.... Пусть мужъ занимается женою. Это его долгъ. А для меня долгъ слятое дѣло. Чтò касается до прочихъ, бездолжностныхъ, то они общее добро, произвольная добыча. Находите ли вы въ мужчинахъ охоту преступленіемъ?

— Нисколько! Это—коренное мужское дѣло... даже дѣло хозяйское.

— А чтò за разница между охотою и такимъ кокетствомъ?... Оно тоже, знаете, дѣло хозяйское.... дѣло доброй хозяйки, повторила Евгенія Ивановна, улыбаясь еще вѣжливѣе: истреблять дикость, искоренять грубость

чувствъ, вселять мысли и мечты, высокія, поэтическія, изящныя въ мужчинахъ.... не та ли же охота, не то ли же благородное занятіе? Другія женщины быють только на выборъ; по одному, тѣхъ, кто имъ особенно нравится; я—напротивъ; я нахожу болѣе удобнымъ и полезнымъ.... болѣе хозяйственнымъ, Петръ Петровичъ, прибавила она съ новою улыбкою и глубокимъ взглядомъ, стрѣлять по всѣмъ, не пренебрегать ни какой добычи.... старъ ли онъ или молодъ, мнѣ все равно. Да я съ Сергѣемъ Павловичемъ кокетничаю безъ памяти: такъ посудите же сами о преступности такого кокетства. Казаться хорошею и любезною всѣмъ.... Что тутъ дурнаго, скажите?

Петръ Петровичъ находилъ въ душѣ, что казаться такой хорошею и такой любезной, какъ была въ ту минуту Евгенія Ивановна, не только нѣтъ ничего дурнаго, но оно даже чудесно, отрадно, упоительно. Толова давно уже ушла съ балкона. Онъ не замѣтилъ этого. Никогда не предполагалъ онъ въ этой вѣтренной или, какъ онъ выражался, *поверхностной* женщинѣ, столько разсужденія, столько ума, столько силлогизма совершенно сократическаго. Она почти переубѣдила его. Петру Петровичу показалось, что вся его мудрость перешла въ Евгенію Ивановну и что она такъ же хорошо, какъ самъ онъ, понимаетъ даже и агрономію. Но какъ она вспомнила о старыхъ мужчинахъ, онъ не могъ не вспомнить о коварномъ замыслѣ противъ его самого, объявленномъ недавно подругѣ у окошка. Мужская гордость въ немъ проснулась. Очарованіе разсѣялось. Лицо, только-что сіявшее сладостнымъ ощущеніемъ, приняло угрюмый отливъ чувства личнаго достоинства.

— Я думаю, Евгенія Ивановна, сказалъ онъ важно, что послѣ Сергѣя Павловича вы въ нужномъ случаѣ не пренебрегли бы свернуть и мою сѣдьющую головушку. Вы, право, опасная женщина. Я того и гляжу, что вы вдругъ вздумаете выстрѣлить и по мнѣ и долженъ заранѣе принять противъ васъ мѣры предосторожности.

Евгенія Ивановна засмѣялась. «О! великій мужъ! подумала она: онъ не примѣчаетъ того, что я уже выстрѣлила по немъ!.... что я уже съ нимъ кокетничаю!.... Хорошо! дѣло идетъ на ладъ. Пойдемъ далѣе». И она вдругъ призадумалась, стала важною, приняла видъ серьезный и интересный.

— А вы думаете, сказала она, что я не посмѣю

послать на вашу мудрость? О, вы ошибаетесь! Дастъ Богъ, когда-нибудь доберусь я и до васъ. Погодите, дайте время — Послушайте, Петръ Петровичъ, прибавила она съ живостью и чувствомъ: вы, я полагаю, считаега меня просто дурочкой....

— Какъ это возможно!

— Ну, да такъ! признайтесь!.... а если не дурочкой.... если это слово находите вы слишкомъ жесткимъ, недостойнымъ васъ.... такъ по-крайней-мѣрѣ женщиной вѣтренной, легкомысленной, у которой нѣтъ ни чувства, ни соображенія. Но вѣтренность вѣтренности рознь, Петръ Петровичъ. Бываютъ вѣтренности по неволѣ, по принужденію, по обстоятельствамъ, которыя не всегда и не всякому можно сказать. Иногда подъ оболочкою притворной вѣтренности скрывается чувство сильное, великодушное, готовое на всякую преданность.... Вы думаете, что я, въ моей вѣтренности, въ моей глупости, въ моей дури, не понимаю блага той небесной дружбы, которая доступна только великимъ душамъ, возвышеннымъ разумамъ, и землю превращаетъ въ рай.... что я даже не въ состояніи завидовать Настасьѣ Аванасьевнѣ.... (она тяжело вздохнула), что я не вижу, какой вы удивительный, безпримѣрный другъ женщинѣ, которая, быть-можетъ, и не создана понимать ни васъ, ни вашу дружбу.... что я такъ-таки ничего не смыслю, ничего не знаю, ничего не чувствую, живу какъ грибокъ, не смѣкаю, что вы за человекъ, не чувствую, какой вы стоите преданности, какого счастья заслуживаете?....

Двѣ чудесныя слезинки засіяли на ея красивыхъ глазахъ: я думаю, онѣ были у ней въ карманѣ, приготовленныя совсѣмъ для другаго случая.

— Скажите, Петръ Петровичъ, великое ли было бы это преступленіе, если бы когда-нибудь я дерзнула спроворить васъ у Настасьи Аванасьевны и употребила на это маленькое кокетство?.... сказала она, смѣняя эти двѣ алмазныя слезы золотою улыбкою, и протягивая мудрому агроному свою бѣлую, крошечную ручку, которую онъ схватывалъ, пожалъ и поцѣловалъ съ неописаннымъ восторгомъ.

Мудрый агрономъ совершенно растаялъ. Если бы онъ былъ увѣренъ, что Настасья Аванасьевна не сидитъ гдѣ-нибудь въ залѣ за занавѣской, по своему достохвальному обы-

чаю, онъ упалъ бы немедленно на колѣни и принесъ бы сердце свое въ жертву новому идолу.

О! женщина! твое настоящее названіе — слабость!

Если это не правда, такъ я не гожусь даже и въ Шекспиры. А кто ужъ нынче не Шекспиръ, прости Господи!

Что значить твоя прославленная сила возлѣ утлой женской улыбки! И чѣмъ мудрѣ ты, тѣмъ слабѣе. Ты просто — тщеславіе и больше ничего!

Евгенія Ивановна медленнымъ и великолѣпнымъ шагомъ направилась къ двери.

— Постойте!... погодите!... Евгенія Ивановна, куда же вы уходите? закричалъ Петръ Петровичъ почти съ отчаяніемъ, думая про себя: «Удивительная женщина!... я не зналъ ея... въ первый разъ на свѣтѣ наружность меня обманула!»... Оставайтесь здѣсь немного. Я хочу поговорить съ вами.

Онъ побѣжалъ за нею.

— Нѣтъ! нѣтъ! сказала она важно; не останусь!... мнѣ нужно уединеніе... я пойду прогуляюсь въ саду... въ моей любимой аллеѣ....

— Но теперь уже роса начала садиться.

— Нужды нѣтъ... я взволнована... я наговорила вамъ болѣе, чѣмъ слѣдовало... Виноваты вы! Вы обидѣли меня своимъ ко мнѣ презрѣніемъ.

— Презрѣніемъ! съ ужасомъ вскричалъ агрономъ.

— Презрѣніемъ ли, чѣмъ угодно... только вы долго обижали меня въ своемъ обо мнѣ понятіи, и сегодня особенно задѣли за живое. Прощайте!

— Куда же вы летите?... не ходите гулять теперь: опасно!... Ахъ, да! я вспомнилъ. У меня къ вамъ есть дѣло....

— Какое?

— Я хотѣлъ, если позволите, спросить васъ.... какъ бы сказать....

— О чемъ же?

— Да о томъ, что вы недавно, вотъ здѣсь у этого окошка, говорили Прасковѣ Сергѣевнѣ. Скажите, пожалуйста, что значить эта страшная исторія между Александромъ и.... и.... Вы рассказывали, что онъ долженъ бѣжать, уѣхать....

— Я слышала.

— Отъ кого?

— Не могу сказать.

— Да за что же?

— Спросите у Александра Оттовича. Онъ долженъ знать лучше всѣхъ. Прощайте, прощайте!....

И она дала ему еще разъ свою ручку. Она стояла въ дверяхъ. Только-что Петръ Петровичъ захватилъ это мягкое сокровище въ свои агрономическія лапы и хотѣлъ поднести ее къ губамъ, какъ въ противоположной двери замылилась грознымъ страшилищемъ Настасья Аванасьевна. Съ нею шла Надежда. Рука Евгеніи выпала мгновенно изъ нитвическихъ рукъ Петра Петровича. Евгенія удалилась, но, на проходѣ, она съ прежнею вѣтренностью бросилась на шею къ Надеждѣ и поцѣловала ее въ обѣ щеки.

— Другъ мой! я отъ васъ въ восхищеніи; я васъ обожаю. Вы поступили необыкновенно. На вашемъ мѣстѣ я бы не устояла противъ такого соблазну. Вамъ всѣ женщины завидовали бы, а вы отвергли!.... Вы удивительно умны!

Съ этими словами она порхнула внизъ. Надежда остолбѣла отъ ея неожиданныхъ восторговъ. Привѣтствіе было ровно столько же легкомысленно, сколько и необъяснимо. Петръ Петровичъ видѣлъ Надежду смущенною и самъ пришелъ въ большое смущеніе.

— Вы, Надежда Николаевна, не должны обижаться.... этимъ.... такъ сказать.... комплиментомъ, сказалъ онъ въ защиту прелестной чародѣйки, разбойницы, змѣи, наведшей на него обаяніе. Евгенія Ивановна сказала это отъ добраго сердца. Слова иногда вырываются у ней.... какъ бы сказать?.... бурно... но сердце, увѣряю васъ.... преудивительное.... преблагородное....

— Да, я не понимаю, что такое она сказала?

— Возможно ли?

— Увѣряю васъ. Растволкуйте, если знаете.

— Какъ, Надежда Николаевна! неужели вы не отгадываете? Евгенія Ивановна слышала стороной.... что Владиславъ Васильевичъ предлагалъ вамъ свою руку и что вы.... удивительное дѣло!.... вы ему отказали.... Правда ли это?....

Надежда сначала ничего не отвѣчала, потомъ съ движеніемъ нѣсколько горделивымъ она подняла голову и, взглянувъ пристально на Хилковскаго, сказала съ легкимъ нетерпѣніемъ:

— Что жъ тутъ удивительнаго, если бы это и было такъ?

— О! удивительнаго ничего нѣтъ.... для васъ, Надежда Николаевна; но для другихъ.... очень удивительно.... да я думаю и для самого Заволина.... такіе люди, какъ онъ, къ отказамъ не привыкли....

Надежда не отвѣчала. Она хотѣла-было что-то сказать, но потомъ какъ-будто одумалась и промолчала. Петръ Петровичъ продолжалъ:

— Какъ старый другъ вашего семейства, какъ человѣкъ, желающій вамъ искренно добра, я рѣшусь сказать вамъ, что этотъ отказъ для меня самого очень огорчителенъ. Во-первыхъ, вы остались бы здѣсь, у насъ; во-вторыхъ, мнѣ кажется, что вы были бы съ нимъ совершенно счастливы.... Человѣкъ высокаго ума.... и прекраснаго характера. Счастье было въ вашихъ рукахъ.

— Благодарю за участіе, но для этого надобно, чтобы Владиславъ Васильевичъ сдѣлалъ предложеніе, а онъ и не думаетъ о томъ.

— Надежда Николаевна, сказалъ Хилковскій, взявъ ея руку: я зналъ вашу матушку, когда васъ еще не было на свѣтѣ; съ перваго свиданія вы меня очаровали; я принимаю въ васъ глубокое, сердечное участіе; позвольте же откровенно вамъ сказать: сватался или нѣтъ за васъ Заволинъ, до этого я допытываться не стану; но у меня вѣдь есть глаза. Я знаю и безъ Евгениі Исаиовны навѣрное, что Заволинъ васъ любитъ и что отъ васъ зависитъ быть женой этого рѣдкаго человѣка. Вы были бы счастливѣйшей женщиной на свѣтѣ....

— Петръ Петровичъ, отвѣчала Надежда, пожавъ ему руку, я тоже очень васъ люблю. Если вы съ перваго разу почувствовали ко мнѣ влеченіе, я тоже отличила васъ. Вы высказали при мнѣ нѣсколько мнѣній, которыя пріобрѣли вамъ мое полное уваженіе, и скажи мнѣ другой то, что вы теперь сказали, я боюсь, что я бы не отвѣтила ему. Но васъ, Петръ Петровичъ, я такъ уважаю, ваше участіе такъ глубоко трогаетъ меня, что вамъ, одному только вамъ скажу, Петръ Петровичъ, что ни Заволину, ни кому другому не быть мнѣ мужемъ. Я никогда не выйду замужъ.... никогда!...

— Почему?

— Потому что.... потому что замужство меня не прель-

щаетъ; я уже не въ такихъ лѣтахъ, чтобы мечтать о томъ, какъ бы поскорѣ надѣтъ чепчикъ.... Я счастлива.... у себя дома.... зачѣмъ мнѣ мѣнять вѣрное на невѣрное?

— Чтѣ жъ! какія ваши лѣта? Вамъ больше не можетъ быть какъ много, много двадцать пять. Вся жизнь еще передъ вами; соскучитесь вы быть одинокой....

— Я не одна; у меня есть мать.

— Этой привязанности недоволено, чтобы наполнить жизнь. Дѣти не могутъ любить родителей такъ, какъ они ихъ любятъ, потому-что для родителей заключается въ дѣтахъ цѣль. Мать перестаетъ жить своей жизнью и живетъ жизнью дѣтей. Подумайте только, какая тоска овладѣетъ вами, когда у васъ не станетъ матери.

— У меня останутся любимыя мои занятія....

— Завятой недостаточно для того, чтобы быть довольнымъ жизнью.

— На свѣтѣ такъ много горя, Петръ Петровичъ, что если на мою долю выпадетъ одна только скука, такъ это еще можно перенести. Счастливою можно быть женщиной только съ любимымъ мужемъ, а я, по моему характеру, уже не могу теперь любить....

— Надежда Николаевна, мнѣ кажется, что вы нѣсколько преувеличиваете вашу такъ-называемую холодность.... Если вамъ никто не понравился до-сихъ-поръ, то изъ этого не слѣдуетъ, что вы теперь уже не можете быть счастливы съ человѣкомъ, который имѣлъ бы всѣ права на ваше уваженіе, котораго со временемъ вы бы непременно полюбили, не пылко и безумно, но какъ друга, какъ опору для жизни, какъ отца вашего семейства.... Скажите, неужели не отрадно сочувствовать тому, кого самъ Богъ поставилъ, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, выше другихъ людей? Неужели непріятно носить имя такого человѣка, быть предметомъ его привязанности, его попеченій, его заботъ? Чтѣ же послѣ этого и называется-то счастьемъ!

Надежда молчала. Щеки ея, обыкновенно блѣдныя, покрывала краска; она была видимо взволнована, но не отвѣчала ничего.

— Надежда Николаевна, продолжалъ Хилковскій, дайте мнѣ слово, что вы подумаете серьезно о томъ, чтѣ я теперь сказалъ вамъ....

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ! этого невозможно.... Я равнодушна къ подобнымъ прельщеніямъ, какъ бы велики

они ни были.... иди ни казались. Меня удивляетъ только то, откуда Евгенія Ивановна подхватила это извѣстіе.... я чуть не сказала: эту сплетню....

— Ей кто-то сообщилъ за новость.... она слышала.... увѣряю васъ, что она нисколько не виновата.... всѣ говорили объ этомъ.

— Странное дѣло! произнесла Надежда и ушла на балконъ, гдѣ Настасья Аванасьевна оставалась одна во время всего этого разсужденія, кашляя, заглядывая въ залу и мигая Петру Петровичу, съ которымъ хотѣла она говорить о своихъ дѣлахъ. Сказавъ нѣсколько учтивыхъ словъ Настасья Аванасьевнѣ, Надежда удалилась.

— Петръ Петровичъ! гдѣ Александръ? быстро и грозно спросила Настасья Аванасьевна.

— Не знаю.

— То-то и есть, что вы ничего не знаете. Онъ вдругъ ускакалъ въ городъ, не простая даже съ невѣстой. Зачѣмъ это?

— Александръ уѣхалъ? съ испугомъ вскричалъ Петръ Петровичъ, вспомнивъ о страшной исторіи. Онъ уѣхалъ въ городъ?... Ахъ, Боже мой, и я тоже....

— И вы тоже съ нимъ уѣхали?...

— Нѣтъ, не уѣхалъ, но уѣду.... сейчасъ!... Прощайте. Мнѣ некогда.

И онъ тронулся съ мѣста скорымъ шагомъ.

— Чтò это съ вами?... спросила она съ крайнимъ удивленіемъ. Куда вы?

Петръ Петровичъ чуть-чуть не отвѣчалъ на это: «Въ любимую аллею Евгеніи Ивановны!» Но, къ счастью, спохватился во время.

— Пойдите! Чтò такое говорили вы съ Наденькой?... Чтò сказала ей Евгенія Ивановна?... чтò она слышала.

— Ничего!... такъ!... она ни въ чемъ не виновата, отвѣчалъ мудрый агрономъ ей въ торопяхъ, убѣгая въ городъ прямою дорожкой чрезъ любимую Евгеніи Ивановны аллею, хотя эта опасная аллея, настоящая пещера Цирцеи, гдѣ можно оставаться на вѣки и забыть о страшной исторіи, которой онъ хотѣлъ воспрепятствовать всѣми мѣрами, и не была на пути его. Ничего!... Евгенія Ивановнѣ говорили,... она только слышала, увѣряю васъ....

Пустьки! Евгенія Ивановнѣ ничего не говорили. Она не слышала, а просто и безцеремонно подслушала, и сама она

всего разказада. Какъ всегда бываетъ при подслушиваніи, она подхватила лишь нѣсколько безсвязныхъ фразъ, дополнила ихъ своимъ пылкимъ воображеніемъ, и сочинила сплетню во всей формѣ. Евгениі Ивановнѣ, которой тщательное нравственное воспитаніе не внушило невольнаго омерзѣнія къ подслушиванію и подслушивающимъ, давно и ужасно хотѣлось узнать, что такое говорятъ между собою Надежда и Владиславъ. Задача была тѣмъ любопытнѣе, что Надежда обыкновенно принимала его у себя, въ своихъ покояхъ, и нередко бесѣдовала съ нимъ очень долго наединѣ. Въ этотъ день Евгениі Ивановна, подъ предлогомъ просьбы исправить великое горе — зашить на ней лопнувшее канзу, — дробралась въ комнату горничной Надежды и употребила тамъ всю свою ловкость, чтобы въ то же время проникнуть сущность таинственныхъ разсужденій Владислава и Надежды. Кое-что она услышала, — остальное прибавила отъ себя — и имѣла удовольствіе пустить въ ходъ очень интересную, страшную, трагическую сплетню, которой и не рассчитывала возможныхъ послѣдствій. Вотъ во всей дипломатической точности разговоръ, который она изуродовала своимъ разказомъ.

Владиславъ. Я буду говорить съ вами съ невѣроятною откровенностью. Не только я васъ не понимаю, но даже вамъ не вѣрю. Если бы я повѣрилъ вашимъ словамъ, то — мое собственное дѣло, самолюбіе, эгоизмъ въ сторону — я долженъ былъ бы глубоко сожалѣть о васъ... то-есть, о томъ направленіи, которое вы дали своимъ мыслямъ и убѣжденіямъ.

Надежда. Зачѣмъ и о чемъ жалѣть?... Вы согласитесь, что такое важное для жизни намѣреніе не можетъ быть дрянно недобудуманно. Если я рѣшилась на него послѣ глубокихъ размышленій, стало быть такъ нужно для счастья моего.

Владиславъ. Вы выбрали себѣ странное счастье....

Надежда. У всякаго свое счастье. О вкусахъ, цвѣтахъ и снстіяхъ спорить нельзя.

Владиславъ. Оно такъ. Но это намѣреніе вполне противорѣчитъ тому образу мыслей, который вы, по вашему характеру, должны имѣть....

Надежда. Такъ есть намѣренія, положенныя для каждаго характера заранѣе?

Владиславъ. Разумѣется! Иначе быть не можетъ въ природѣ.

Надежда. Въ такомъ случаѣ вы не довольно знаете мой характеръ, чтобы о томъ судить.

Владиславъ. О! я знаю васъ больше чѣмъ вы думаете.... больше чѣмъ вы сами себя знаете.

Надежда. Это какъ?

Владиславъ. Вѣдь мы знакомы съ давнихъ временъ, а я не совсѣмъ тупоуменъ. Вы были другомъ покойной моей сестрѣ. Если по обстоятельствамъ я не могъ тогда сблизиться съ вами, мнѣ было довольно видѣться съ вами часто, слышать ваши разсужденія и знать ваши мысли изъ разсказовъ Саши, чтобы опредѣлить тотъ разрядъ человѣческихъ сущностей, къ которому вы по организациіи своей, физической и нравственной, принадлежите по природѣ. Вотъ почему я не вѣрю ни одному слову вашего письма. Съ возобновленія нашего знакомства я вполне убѣдился, что вы кажетесь не тѣмъ, что вы на самомъ дѣлѣ. Вы страстны.... очень страстны!... вулканъ, прикрытый золою и скоріями, простывшими въ холодной атмосферѣ извѣстныхъ высотъ, я вамъ говорю это.

Надежда. О! Владиславъ Васильевичъ, я не способна притворяться. Да и зачѣмъ, съ какой мнѣ стати разыгрывать роль....

Владиславъ. Я столько васъ уважаю, что и не могу васъ считать способною къ притворству. Но вы находитесь подъ вліяніемъ ложныхъ убѣжденій, которыя составили вы о себѣ и о счастіи. Если вы не хотите быть вполне откровенною со мною, этого еще я не въ правѣ называть притворствомъ. Не всю правду говорить отнюдь не значитъ говорить ложь. Вы и не обязаны откровенностью въ отношеніи ко мнѣ! Что такое я для васъ! — Ничего!

Надежда. О! нѣтъ! нѣтъ! не думайте и не говорите этого, ради Бога! Я отъ васъ въ восторгѣ. Я удивляюсь вамъ. Я вамъ сказала: я васъ обожаю. Помните всегда это, Владиславъ. Я пламенно желаю, чтобы вы считали меня вашимъ вѣрнымъ, преданнымъ другомъ. Послушайте, вотъ вамъ моя рука: если бы я только хотѣла выйти замужъ, или если бы я когда-нибудь вздумала это, я выбрала бы васъ одного.... васъ непременно.

Владиславъ. Но зачѣмъ же вы не хотите?... Зачѣмъ не вздумаете!

Надежда. Я объяснила причины въ письмѣ.

Владиславъ. Позвольте прочесть это письмо вмѣстѣ съ вами, потому-что я рѣшительно его не понимаю. Я буду читать, а вы дѣлайте комментаріи.

«Простите, милый и добрый другъ — я уже называю васъ такъ, Владиславъ Васильевичъ — простите, что я не отвѣчала вамъ немедленно, тотчасъ; но вы сами такъ хотѣли, и къ-тому же я была очень взволнована, растрогана вашимъ драгоценнымъ письмомъ, я не имѣла даже времени собраться съ мыслями. Я вамъ давно и душевно предана, я исполнена удивленія къ вашему генію; я васъ обожаю — видите, какъ я открываю съ вами? — то, что вы предлагаете, было бы для меня и честью и блаженствомъ, и даже самая привязанность моя къ покойной и обожаемой вмѣстѣ сестрѣ вашей составила бы новую прелесть въ общей судьбѣ нашей; но, къ несчастію, для меня разумѣется, между нами лежитъ *невозможность*. Я уже распрорядилась моею будущностью и моею судьбою. И по моимъ лѣтамъ и по моему характеру я рѣшилась навсегда остаться старой дѣвой. Сердце мое было уже однажды разбито и я тогда еще, давно, дала обѣтъ не вступать ни въ какой союзъ. Съ того времени всѣ мысли мои устремились къ двойному счастью — посвятить себя матушкѣ и, вмѣстѣ съ упоеніемъ во-сторговъ, доставляемыхъ искусствами, достигнуть независимости, которая сдѣлалась для меня идеаломъ блаженнаго состоянія на землѣ. Не разстройвайте этого, добрый другъ, для общаго нашего счастья. Я хорошо взвѣсила и оцѣнила мой характеръ: онъ богатъ преданностью безграничною, но не способенъ въ общей ежедневной жизни по своей ледовитости или — какъ другіе объ немъ говорятъ — апатіи, которой онъ вполнѣ имѣетъ неспособную наружность. Я сама сознаюсь въ этомъ. Будьте мнѣ другомъ, искреннимъ другомъ. Вы будете?... неправда ли? и постараемся въ прелесть доброй, вѣрной дружбы найти столько же и еще болѣе душевнаго счастья, сколько другіе не находятъ тамъ, гдѣ весь свѣтъ предполагаетъ храмъ блаженства и гдѣ нерѣдко окрывается входъ въ адъ. Въ отношеніяхъ дружбы я съумѣю заслужить вашу привязанность, которую навѣрно потеряла бы за свой характеръ въ другомъ родѣ союза. Если когда нибудь вы встрѣтите женщину, которой отдадите свое сердце, вы мнѣ скажете объ этомъ и я буду любить ее вмѣстѣ съ вами. Бывайте у насъ — у меня, если угодно — и упря-

« шиваю, умоляю васъ объ этомъ; бывайте какъ можно чаще, и какъ у себя дома, какъ у вѣрнаго друга вашего; доставьте мнѣ счастье видѣть и слышать васъ безпрестанно и оставаться независимой: вотъ счастье!... По моимъ понятіямъ, счастья выше независимости и искренней дружбы съ гениальнымъ человекомъ быть не можетъ. Я буду вѣчно признательна вамъ за такое очаровательное состояніе. Докажите, что вы на меня не сердитесь, и меня по прежнему уважаете, и пріѣзжайте къ намъ сегодня же. Пріѣзжайте непременно: Я буду ждать васъ.

Надежда, улыбаясь. Кажется, все очень ясно. Я не хочу имѣть васъ мужемъ для нашего общаго счастья... и причина тому — мой характеръ, мой образъ мыслей, а не вашъ. Это не требуетъ никакого комментарія.

Владиславъ. Вы полагаете, что этимъ вы уже сказали все; а что умъ мой долженъ быть вполне удовлетворенъ такими доводами.

Надежда. Нѣтъ, Владиславъ, я еще не все сказала въ своемъ письмѣ. Я забыла одно очень важное обстоятельство. Вы такое совершенство, такой удивительный мужчина, такой великій человекъ, что дѣлать изъ васъ вещь самую обыкновенную, право, жаль. Боже мой! изъ васъ умной женщины должно сдѣлать себѣ нѣчто необыкновенное, славное, великое — истиннаго друга. Вотъ ваше назначеніе, Владиславъ. Я честолюбива, и чувствую, что вы окажете мнѣ гораздо болѣе чести, болѣе отличія, давь мнѣ свою дружбу, чѣмъ давь свое имя. Мужъ и жена — какъ всѣ!... но друзьями останемся мы только, пока будемъ взаимно заслуживать себѣ уваженіе и привязанность всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ дружбу прелестью жизни и кладомъ души.

Владиславъ, смеясь. Какъ шутка, это очень мило. Эти слова я принимаю въ шутку или, если угодно, въ очень лестный комплиментъ. Но вы знаете мое мнѣніе на счетъ дружбы между женщиною и мужчиною внѣ брака. Это — мечта, невозможность, небывальщина. Природы передѣлать нельзя. Между лицами двухъ различныхъ или, правильнѣе сказать, *противоположныхъ* половъ, можетъ существовать одно только связывающее чувство, любовь. Какую дружбу хотите вы учредить между огнемъ и порохомъ?

Надежда. При всемъ вашемъ необыкновенномъ умѣ, Владиславъ, вы ужасный мужчина на этотъ счетъ.

Владиславъ. Точно такъ же какъ вы — ужасная женщина.

по этой статьѣ. Женщины любятъ лелѣять въ пылкомъ своемъ воображеніи, которое всегда паритъ выше дѣйствительности, несбыточную мечту объ истинной дружбѣ...

Надежда. Которой мужчины не могутъ или не хотятъ понять, потому-что ихъ воображеніе, лишенное жизненной теплоты, ползаетъ всегда ниже дѣйствительности. Если справедливо что любовь — эгоизмъ вдвоемъ, то столько же справедливо, что дружба двойное самоотверженіе. Надо съ обѣихъ сторонъ умѣть пожертвовать чѣмъ-нибудь.... если угодно — многимъ.... такъ мечта осуществится. Самопожертвованіе — естественное движеніе души для женщины, потому-что женщина слаба. Она всегда готова къ нему и, натурально, предполагаетъ то же самое расположеніе и въ мужчавѣ; но для мужчины самопожертвованіе трудъ, большое усиліе, египетская работа, неестественное положеніе. Зачѣмъ жертвовать, кажется вамъ, когда можно все превозмочь, добыть все силою ума или силою руки. Сдѣлайте же быть слабымъ, Владиславъ, если вы такъ сильны!

Владиславъ. Извините, не сдѣлаю. Я чувствую, что я силенъ, то-есть, что я страстенъ. Безъ моей силы, безъ этой страсти, я перестану быть тѣмъ, что я есть. Вы отвергаете меня какъ мужа и приказываете мнѣ въ этомъ нисѣмъ бывать у васъ какъ можно чаще. Это невозможно. Я не выдержу такой пытки. Я съ ума сойду отъ любви къ вамъ.

Надежда. Неужели это сила?

Владиславъ. Именно, сила.

Надежда. Не умѣть перенести....

Владиславъ. Перенести страданія?... очень благодаренъ! Развѣ я — женщина? Однѣ только женщины, по слабости своей организаціи, сильны для страданій; всѣ ихъ наслажденія связаны со страданіями, и онѣ въ страданіяхъ находятъ даже наслажденія, которыя, впрочемъ, приготовлены имъ самою природою. Бывать у васъ я не стану.

Надежда. Я буду въ отчаяніи.... я умру съ тоски!

Владиславъ. Такъ выходите за меня замужъ.

Надежда. Невозможно!

Владиславъ. Вы любите меня?

Надежда. Я васъ обожаю.... но я васъ не люблю.... того любезню, какой вы требуете; я люблю васъ, какъ обожаемаго брата, какъ друга, которому предана безпредѣльно.

Владиславъ, перемѣняясь съ лицомъ. Вы ужасны!... Вы все

свое!... Я говорю вамъ еще разъ, что вы сами не понимаете себя. Это — любовь, и съ этимъ вы можете смѣло выходить за меня. Вы увидите, что это — чистая любовь и сами со временемъ будете смѣяться своему заблужденію.

Надежда. Нѣтъ, это не любовь! Я чувствую.... вотъ здѣсь (указывая на сердце), что это не любовь.

Владиславъ. Чтѣ вы понимаете! Вы не переувѣрите меня, что, родясь женщиной, съ женскою организациею, вы не рождены быть женою и матерью, что въ васъ нѣтъ къ семейной жизни естественнаго и непреодолимаго влеченія, что чувство любви чуждо вашей крови, его наслажденія недоступны вашему воображенію, которое для него-то преимущественно и устроено такимъ пылкимъ, восторженнымъ. Никогда не соглашусь я, пока изъ ума не выбьюсь, что, будучи женщиной, съ этой тоненькой, прозрачной женскою кожей, съ этимъ сладкимъ, кроткимъ, пугливымъ взглядомъ, и, слѣдовательно, чувствуя себя слабою, въ васъ нѣтъ врожденной склонности искать себѣ покровителя, защитника, чтобы опереться на его силу; что вы не ощущаете предести оградить себѣ мощностію человѣка, которому удивляетесь; что вамъ не обольстительно состоять во власти существа, почитаемаго вами за высшее и совершеннѣйшее, промѣнять свою сладкую независимость на его любовь, исполнять его желанія, предать свою утлую, нерѣшительную волю его твердой волѣ, повиноваться ему....

Надежда (съ жаромъ). О! это я ощущаю очень живо!... повиноваться я готова.... до слѣпой, безграничной преданности.... до рабства.... до самозабвенія. Я хочу вамъ повиноваться. Другъ мой!... Владиславъ!... умоляю!... докажи-те, что вы меня искренно любите!

Владиславъ (въ восторгъ). Чѣмъ же это?... О! всѣмъ, что хотите!... Чѣмъ? чѣмъ?... говорите!

Надежда. Давайте мнѣ приказанія. Я хочу исполнять вашу волю во всемъ.... во всемъ!... хочу вамъ повиноваться....

Владиславъ (съ нѣкоторымъ удивленіемъ). Чтобы я давалъ вамъ приказанія!

Надежда (восторженно). О! да! да!... я только тогда буду чувствовать себя счастливою.... совершенно счастливою.... впервые въ жизни.... когда исполню первое ваше приказаніе. Приказывайте! приказывайте!... вы увидите мою преданность.

Владиславъ. Извольте! Выходите же за меня замужъ.

Надежда (падувшись и отворачиваясь). Чтѣ это такое!

Владиславъ, твердо. Я вамъ приказываю!

Надежда съ досадою. А я васъ не слушаюсь!

Владиславъ, въ изумленіи. Вы же сами только-что хотѣли исполнять мои приказанія?... повиноваться мнѣ безусловно... быть этимъ впервые совершенно счастливою?...

Надежда съ живостью. Да чтѣ же это вы приказываете мнѣ такія вещи, которыхъ я не хочу?... Приказывайте мнѣ все то, что я хочу: увидите, какъ я рабски буду вамъ повиноваться!

Владиславъ хохоча. О! женщины! женщины!... Ахъ, какъ это мило!... Вотъ урокъ!

Надежда, серьезно. Разумѣется, урокъ! Надо умѣть приказывать слабости. А то.... такъ.... взять да и приказывать какъ мужчинѣ: на чтѣ это похоже? Кто женщинѣ приказываетъ то, чего ей въ душѣ не хочется, тотъ — тиранъ. Это ясно!

Владиславъ, весело. Ваша правда, Надежда. Теперь и для меня это стало совершенно ясно.

Надежда. Разумѣется! Въ этомъ-то и состоитъ прелесть нашего повиновенія любимому мужчинѣ, нашей зависимости отъ него. А вы думали въ другомъ?... Извините! Другаго повиновенія женщины, если онѣ не совершенно глупы, не понимаютъ. Я — въ особенности. Вотъ почему я дорожу независимостью, полною и чистою независимостью. Теперь вы понимаете?

Владиславъ, въ раздумьѣ. Понимаю.... кое-какъ.... выходитъ, что женское повиновение — рабство для мужнины. Но... эта независимость, которою вы такъ дорожите, будетъ для васъ пагубою. Я боюсь за васъ. *(Бросаясь вдругъ передъ нею на колѣни, схватываетъ ея руки и страстно цѣлуетъ их)* Надежда!... другъ мой милый!... Заклинаю васъ!... послушайте меня... для собственнаго вашего блага. Оставьте эти ребяческія мечтанія о прелестяхъ полной и чистой независимости. Выходите за меня. Вы будете наслаждаться именно такою зависимо-стью, какую только-что вы мнѣ описали, и повиноваться тѣмъ повиновениемъ, котораго сейчасъ представили мнѣ прелестный образчикъ. Приказанія я буду давать вамъ только о томъ, чего вамъ самимъ захочется.... все, все на свѣтѣ слѣлаю для полнаго вашего счастья.... ошастливьте только меня! согласитесь на мои желанія! не мучьте меня долѣе!.. Дружбу такъ легко превратить въ бракъ, сбожаніе въ чи-

стю любовь!... Не упрямитесь, Надежда, не приводите меня въ отчаяніе и не готовьте себѣ горя. Моя пламенная просьба вмѣстѣ и благой совѣтъ.... совѣтъ друга, Надежда!

Надежда, спокойно. Нельзя, Владиславъ! нельзя!... говорю вамъ: я уже распорядилась моею судьбою. Я знаю, что все это было бы такъ, какъ вы говорите; я вполне увѣрена въ величіи и красотѣ вашей свѣтлой, сильной, гениальной души; нисколько не сомнѣваюсь я въ томъ, что съ вами, подъ вашимъ кровомъ, я провела бы жизнь въ самомъ полномъ блаженствѣ, какого только можно достигнуть посредствомъ счастливаго и блестящаго брака.... но тутъ есть «невозможность».

Владиславъ, вскакивая съ отчаяніемъ. Вы опять съ своей «невозможностью»!... Что за такая «невозможность»? Значить, вы дали слово другому.

Надежда. Никому.

Владиславъ. Такъ вывлюблены въ другаго. Въ такомъ случаѣ говорите со мною откровенно. Зачѣмъ терзаетъ меня? Зачѣмъ жестокими загадками мучить друга, котораго вы обожаете?.. Вы влюблены? Вы молчите: стало быть это правда? Ну, да! такъ и есть!... вы влюблены! (*Съ упрямкомъ.*) Но тогда.... милая Надежда....

Надежда. Молчаніе не ложь, говорили вы; да оно тоже и не признаніе. Когда считаешь не нужнымъ отвѣчать, что тогда дѣлать?... скажите!

Владиславъ. Не нужнымъ отвѣчать. Это почему?... Что за удовольствіе находите вы пытаться меня этими непостижимыми таинственностями?... Въ дружбѣ, такой, о которой вы мечтаете, первое условіе—полная откровенность. (*Съ огорченіемъ.*) Вы все-таки молчите, Надежда?... Вы безчеловѣчно немилосерды со мною!... Этому молчанію, этимъ уклоненіямъ отъ собственнаго своего счастья, этимъ страннымъ предлогами къ странному, неестественному состоянію независимости другой причины быть не можетъ, кромѣ любви.... и любви неудачной.... (*Насмысливо.*) Да! да! милая Надежда, вы позволите быть влюблены.... и бесполезно.... Дѣло ясное и очевидное!.... И я скажу вамъ даже въ кого. Этотъ Александръ Оттовичъ.... съ которымъ вы такъ часто переглядываетесь.... который васъ убійственно ревнуетъ ко мнѣ.... я это замѣтилъ!... опъ-то и есть тотъ человѣкъ, для котораго меня отвергаете.... котораго я....

Слова эти, по несчастію, были подслушаны Евгеніей Ива-

вождѣ, и притомъ дурно подслушаны, и они-то послужили ей основаніемъ къ сплетнѣ, которая встревожила все общество.

Надежда, съ живостью. Перестаньте, ради Бога!... вотъ что выдумали!... Какъ вы можете вообразить, чтобы я, зная васъ... зная такъ давно... обожая васъ... избрала себѣ предметомъ любви Александра Отговича?

Владиславъ. Почему жъ вѣтъ!... Молодой мужчина.... красивый собою.... довольно образованный!...

Надежда. Прибавьте еще: добрый мальчикъ.... прекрасная, благороднѣйшая душа.... все это справедливо, и болѣе чѣмъ достаточно для внушенія страстной любви молодой женщи-нѣ.... но не мнѣ!... Мои понятія объ идеальномъ мужчинѣ далеко превосходятъ это отличное собраніе водевильскихъ добродѣтелей и преимуществъ.

Владиславъ. Но онъ васъ ревнуетъ!

Надежда. Не ревнуетъ!

Владиславъ. Развѣ я слѣпъ?

Надежда. Нѣтъ, вы одарены превосходнымъ зрѣніемъ, но вы ошибаетесь. Онъ не ревнуетъ, а скорѣе завидуетъ, боится, досадуетъ.... и то не за себя.

Владиславъ, съ удивленіемъ. Не за себя?... вотъ новость! за кого же? Говорите.... говорите, умоляю васъ.... будьте благородно откровенны.... не мучьте меня, Надежда, этими жестокими загадками....

Надежда. Вы хотите непременно?

Владиславъ, съ горечью. Я, кажется, даже заслуживаю этого.... и за обиду, наносимую моему бѣдному самолюбію.... и по званію друга, въ которое вы меня возводите.

Надежда. Посмотрите же, какъ я вамъ предана, и сколько у меня.... здѣсь (*указывая на сердце*) благодарности къ вамъ за честь, которую оказываете вы мнѣ своимъ предложеніемъ.... сколько довѣрія, сколько дружбы.... если я рѣшаюсь нарушить чужую тайну для устраненія неуѣстной мысли объ обидѣ вашему самолюбію. Слушайте, Владиславъ! Этотъ молодой человѣкъ завидуетъ вамъ за другаго... за своего друга.... за свой идеалъ, которому онъ преданъ безпредѣльно. Богъ надѣлилъ его качествомъ, которымъ не богаты ни вы, ни я, и которое, быть-можетъ, необходимо для счастья.... восторженностью. Онъ энтузіастъ. Душа его — вся изъ огня.... изъ того чистаго, свѣтлаго, небеснаго огня, который назначенъ горѣть передъ жертвен-

никогда прекраснаго и высокаго на землѣ и который такъ чудесно освѣщаетъ путь гениальныхъ людей на ней. Съ той же страстью, съ тѣмъ же пылкимъ порывомъ, съ такимъ же восторгомъ, какъ нынче предается онъ агрономіи вслѣдствіе случайнаго сближенія съ умнымъ и благороднымъ сельскимъ хозяиномъ, своимъ дядею, прежде занимался онъ музыкою по поводу одного гениальнаго артиста, который сталъ для него идеаломъ прекраснаго и предметомъ пламеннаго обожанія; потомъ, познакомившись съ однимъ великимъ живописцемъ, онъ точно также пристрастился къ живописи и къ ея знаменитому представителю.... отдалъ ему все свое удивленіе, всю преданность, всю эту прекрасную, восторженную дружбу, которой нельзя не уважать въ благородной молодой душѣ, хотя она можетъ по временамъ сдѣлаться безпокойною для другихъ и даже возбуждать кое-чьи подозрѣнія.

Владиславъ, вскакивая. Мон?

Надежда, спокойно, съ кроткою улыбкою. Ну, положимъ, хоть бы и ваши!

*Владиславъ, съ отчаяніемъ, судорожно ударивъ себя ладонью по лбу и засунувъ пальцы въ свои длинные черные волосы. Боже мой! я — несчастный!... всѣ мои надежды убиты!... О! такъ это гораздо серьезнѣе, нежели какъ я полагалъ! Доселѣ, признаюсь, я думалъ, что вы только ребячитесь.... что въ вашей прекрасной головкѣ засѣла пустая мечта о небывалой дѣвичьей независимости, и вы хотите принести ей въ жертву положительную цѣль женской жизни, но что со-временемъ... мало-по-малу.... вы переубѣдитесь и образумитесь. А теперь!... (*мрачно взглянувъ на Надежду*) теперь я вижу....*

Надежда. Что я ничего не сказала и что вы ничего не понимаете?

Владиславъ, съ горькою насмѣшкою. Напротивъ, сударыня, вы сказали все, и я понимаю остальное.

Надежда, твердо. Вы ничего не понимаете! За что, прошу, хотите вы обидѣть меня этимъ саркастическимъ возраженіемъ? Чтѣ я вамъ сказала?

Владиславъ. О! вы сказали многое! Вы сказали, что безъ обиды будь сказано, вы — влюблены!

Надежда, съ жаромъ. Я не влюблена!

Владиславъ. Вы сказали, что есть человекъ, чьи восторженные друзья имѣютъ право ревновать васъ ко мнѣ за него.... или, какъ вы говорите, завидовать, страшиться.... Зна-

чтѣ, вы не свободны?... вы связаны даннымъ словомъ?... вы общали, и за вами присматриваютъ. Зачѣмъ же вы это не сказали мнѣ откровенно, съ перваго слова?

Надежда, спокойно и съ достоинствомъ. Я никому не общала.... Я совершенно свободна.... Присматривать за мною я не дала и никогда не дамъ права никому въ свѣтѣ.... а если кто простираетъ усердіе восторженной дружбы, быть-можетъ, слишкомъ далеко, я въ этомъ не виновата. Довольно, когда я умѣю простить и ему.... и вамъ.... ненужныя подозрѣнія. Если бы этотъ молодой человѣкъ имѣлъ случай сблизиться съ вами: если бы вы его удостоили своего вниманія и своей дружбы, если бы онъ увидѣлъ передъ собою все величіе вашего ума, весь блескъ вашего генія, онъ непремѣнно и точно также былъ бы вашимъ энтузіастомъ и, изъ преданности къ вамъ, вѣроятно, преслѣдовалъ бы меня порядкомъ, хотя я вамъ и не давала никакихъ общаній. Положимъ, что.... примѣрно сказать.... и въ этомъ, согласитесь, не было бы ничего страннаго.... что на свѣтѣ есть другой отличный человѣкъ, которому бы вздумалось..., *Владиславъ.* Имѣть вкусъ, подобный моему?... не правда ли?

Надежда. Конечно!... Вѣдь это возможно!... и, послѣ васъ, даже и нисколько не баснословно... позвольте мнѣ, Владиславъ, быть немножко самолюбивой. Вы сами даете мнѣ право на это.

Владиславъ. Я знаю, что вы умны и когда захотите, съумѣете вывернуться. Но сказаннаго вы не воротите, при всемъ умѣ своемъ и при всей вашей любезности. Въ письмѣ вашемъ находятся слова: *сердце мое уже было разбито однажды...* Это, позвольте мнѣ сказать, состоитъ въ связи съ поводами къ услужливой ревности или безкорыстной зависти Александра Оттовича.

Надежда, таинственно. Можетъ-статься.

Владиславъ, живо. Не можетъ-статься, а вѣрно; я вполне убѣжденъ въ этомъ; особенно вспомнивъ, кстати, кое-что изъ разказовъ моей покойной Саши, вашего друга. Этотъ Александръ Оттовичъ бывалъ и у нея; но чаще у васъ, и тогда онъ былъ нераздѣльный спутникъ, родъ лупы, одного молодого и знатнаго иностранца, свѣтомъ котораго онъ свѣтился....

Надежда. Потому-что у иностранца было много свѣту....

Владиславъ. Знаю, знаю. Нѣкоторое время онъ былъ въ

модѣ въ нашемъ петербургскомъ свѣтѣ, приобрѣталъ страшные успѣхи....

Надежда. Вполнѣ заслуженные гениемъ его.

Владиславъ. Не спорю. У него былъ примѣчательный талантъ къ живописи....

Надежда. Огромный!... несравненный!... одинъ изъ удивительнѣйшихъ, какіе извѣстны въ искусствѣ!...

Владиславъ. Можетъ-быть. Женщины приходили въ ужасный восторгъ....

Надежда. Вы видите, что и мужчины также.... живое доказательство — Александръ Оттовичъ.

Владиславъ. Да! я мужчины; но особенно женщины. Одна богатая Ирландка, вдова, летала за нимъ по всей Европѣ... какъ бишь ее?... забылъ фамилію. И не мудрено. Красавецъ, знаменитъ, знатное имя....

Надежда. Умень, краснорѣчивъ, обходителенъ, благороденъ, великодушенъ, съ блестящимъ воображеніемъ, съ сердцемъ, полнымъ теплоты, полнымъ прекраснѣйшихъ чувствъ, возвышенныхъ стремленій....

Владиславъ. О! о! другъ Надежда! съ какимъ жаромъ вы объ немъ говорите! Видите, что вы въ него влюблены! Не правду ли я сказалъ?... Вы покраснѣли.

Надежда. Я только отдаю ему справедливость. Такой человекъ можетъ прилично получать похвалы даже отъ тѣхъ, въ комъ онъ не возбуждаетъ любви. Я имѣю право говорить объ немъ: онъ былъ друженъ съ нашимъ семействомъ.

Владиславъ. То-есть, съ вами.

Надежда. Ну, да! со мной!... и я горжусь этимъ. Когда мы жили въ Римѣ, гдѣ послѣ выставки его картины «Паденіе Ниневіи» весь городъ провожалъ его съ энтузіазмомъ отъ Ватикана до самой виллы Маттеи, предоставленной ему богатыми земляками, наследниками Годоя.... испанскаго Князя Мира, вы знаете!... гдѣ ему давали серенады, праздники, торжества, онъ, скромно уклоняясь отъ всѣхъ этихъ почестей, воздаваемыхъ его гению, почти сжедневно бывалъ у насъ.... онъ и его отецъ, котораго этотъ молодой человекъ буквально обожаетъ....

Владиславъ, съ улыбкою. А! отецъ!... отставной карлистъ... нынче испанскій эмигрантъ.... довъ Хосе-Марія-Хеорхіо-Фернандо-Иниго герцогъ де-Вальфлорида-и-Алькасеръ, графъ де-Марашо, маркизъ де-Понтальто, сеноръ де-Касатокъ-и-Неркъ - агуась-и - Пеньяро-и - Валь-де-Пеньясъ-и-отросъ....

безденежный грандъ первой степени.... потомокъ Аппиба-
ла, Юлія-Цезаря и Генсерика... аррагонскій дворянинъ, бла-
городнѣ всѣхъ на свѣтѣ....

Надежда. Вы его знаете?

Владиславъ. Встрѣчалъ въ обществѣ и все это имѣлъ
удовольствіе слышать отъ него самого. Разъ какъ-то, не
знаю зачѣмъ, онъ былъ у меня, не засталъ, и оставилъ ви-
зитную карточку съ девятью гербами и полнымъ исчислені-
емъ всѣхъ этихъ именъ, прозвищъ и титуловъ. Незабвен-
ная карточка! Она до того поразила меня своей странностью,
что съ одного разу навсегда укоренилась въ моей памяти.
Не понимаю, какъ этотъ благородный Готъ и Вандалъ мо-
жетъ обѣдать съ нами: всѣ мы должны казаться ему холо-
пами.

Надежда, съ досадою. Полно пасмѣхаться надъ добрымъ и
честнымъ старикомъ... надъ человѣкомъ....

Владиславъ. Безпрѣдѣльно смѣшнымъ....

Надежда. Скажите скорѣе несчастнымъ....

Владиславъ. Нѣтъ, не скажу. Несчастіе его происходитъ
отъ его непомѣрнаго тщеславія, отъ родовой гордости, про-
стертой до сумасбродства, и отъ личнаго ничтожества, до-
ходящаго до тупости. Онъ несчастенъ тѣмъ, что отецъ или
дѣдъ его разорился и свадебныя платья испанскихъ коро-
левъ, которыя вѣсколько столѣтій отдавались его роду по-
слѣ брачнаго пира на сохраненіе, перешли въ другой домъ,
болѣе богатый и болѣе сильный. Онъ несчастенъ тѣмъ, что
роскошью и пышностью не затмѣваетъ другихъ грандовъ въ
Мадридѣ, и что въ его отечествѣ почестей, знатности и бо-
гатства достигли люди съ умомъ, съ дарованіемъ, съ муже-
ствомъ, съ трудолюбіемъ, а эти люди, по родословной, по-
томки домовъ тремя, четырьмя очками моложе его допотоп-
наго роду. Онъ несчастенъ тѣмъ, что едипственннй сынъ
его не паркетный рыцарь, не молодой дѣптій, не щеголь-
ской осель, но извѣстный въ Европѣ художникъ; что въ сы-
нѣ этомъ удивляются его таланту, а не его историческому
происхожденію. Вотъ его несчастія! Я помню.... покойная
Саша говорила мнѣ, что онъ хотѣлъ женить сына на этой
богатой сумасшедшей Ирландкѣ, для того, чтобы сынъ не
жизль предлога или нужды заниматься кистью и пересталъ
быть знаменитымъ. Онъ стыдится благороднаго ремесла
своего сына, и живетъ между-тѣмъ продажею картинъ, ко-
торыя тотъ производитъ мучительно, въ потъ чела, съ тратою

жизненныхъ силъ, среди горячихъ мыслей, пожирающихъ сонъ, спокойствіе, здоровье.

Надежда, съ чувствомъ. Рѣдкій сынъ!... удивительный молодой человекъ!... какъ онъ преданъ отцу!

Владиславъ. Вы, я вижу, не на-шутку влюблены въ донъ Эммануэля Вальфлориду!...

Надежда, иъвно. Говорю вамъ, что не влюблена!... но онъ мнѣ другъ... другъ умный и благородный.... и я его....

Владиславъ. Что?

Надежда. Обожаю.... такъ же какъ и васъ.

Владиславъ. Обожать и любить, по вашему, не одно и то же?

Надежда. Есть отгѣнокъ.

Владиславъ. И я.... увы!... пропадаю въ глубокой тѣни этого отгѣнка.... Это горько. А!... вы его обожаете!

Надежда. Обожаю.

Владиславъ. А онъ въ васъ влюбленъ.... просто, безъ всякихъ отгѣнковъ?... такъ ли?

Надежда. Не знаю. Это его тайна.

Владиславъ. И между вами — дружба?... Хороша дружба, гдѣ одинъ мучится страстью, а другой, оставаясь холоднымъ, поджигаетъ губительный огонь этой страсти. Такой дружбы вы требуете и отъ меня. Не говорилъ я вамъ, что дружба между лицами разныхъ половъ — дѣло невозможное?

Надежда. Не говорила ли я вамъ, что если съ обѣихъ сторонъ умѣютъ жертвовать излишкомъ чувствъ и желаній, то она очень возможна. Кромѣ дружбы.... прекрасной, самой благородной дружбы, я ничего болѣе не знаю отъ дошъ Эммануэля Вальфлориды!... Между нами главную и самую очаровательную нравственную связь образуетъ чудная общность мыслей и понятій, которую постепенно учредили моя пламенная любовь къ искусствамъ, одинаковость вкусовъ, продолжительное и близкое знакомство, бесѣды, одушевленные равнымъ энтузіазмомъ къ прекрасному, и даже нѣкоторое сходство любимыхъ занятій.... Вы знаете, что я также посвящаю часть моего времени, и, можетъ-быть, самую отрадную, живописи.

Владиславъ. Какъ не знать! Я видѣлъ многія ваши работы.... очень мило!... по позвольте мнѣ сказать.... если бъ вы вышли за меня замужъ, я бы запретилъ вамъ заниматься живописью.

Надежда. О!... посмотрите, каковъ мой покорнѣйшій слуга и обожатель Владиславъ!... онъ уже собирался быть тираномъ, лишь только попадетъ въ мужа! Признайтесь, сударь, что я очень умно дѣлаю, упорно оставаясь въ дѣвцѣхъ, несмотря на всѣ ваши великія прельщенія. Послѣ этого я еще болѣе дорожу моею независимостью, надъ которою вы изволите насмѣхаться. Теперь я дѣлаю чтѣ хочу.... а тогда....

Владиславъ. А тогда вы дѣлали бы что должно. Для женщины есть въ жизни занятія существеннѣе и отраднѣе живописи. Искусство не женское дѣло. Это напрасная трата времени. Тутъ женская мысль, женская рука ничего не смогутъ.

Надежда, съ большимъ одушевленіемъ. Вы ошибаетесь! Смогутъ иногда то, чего не смогутъ многіе мужчины. Когда женщина принесетъ искусству то, чтѣ свойственно исключительно ея полу и его слабости, и чего мужчины принести ему не въ состояніи.... коротко сказать, когда она украситъ его своей нѣжною женскою слабостью, возьмѣ той блестящей силы, которую получаетъ оно отъ мужскаго генія, не выигрываетъ ли здѣсь ничего полнота искусства и его очарованіе? Слушайте меня, неумолимый судья моего бездарнаго пола! Нѣсколько лѣтъ тому, во время выставки въ Академіи Художествъ, мы съ маменькой и двумя знакомыми дамами старались взглянуть на копію небольшой картины Доминикина, списанную одною изъ нашихъ соотечественницъ, дѣвушкою подобно мнѣ. Передъ нами, у самой картины, стояла группа мужчинъ, въ которой по малому росту, по прелестнымъ свѣтло-русымъ кудрямъ, по большой, чудной головѣ, я различила Карла Брюллова. Онъ долго, пристально разсматривалъ картину: потомъ, вдругъ оборотаясь къ одному изъ мужчинъ, съ улыбкою, которой выраженія я никогда не забуду, сказалъ своимъ живописнымъ языкомъ: «Бабѣ сердце нигдѣ не «скроется!... тотчасъ видна женщина.... мужчина никогда «не скопировалъ бы съ такимъ чувствомъ»! Значитъ, есть въ искусствѣ стороны, недоступныя мужчинамъ: Зачѣмъ не предоставить ихъ женщинамъ? Зачѣмъ лишать его этого прибавочнаго достоинства»....

Владиславъ. Чувство въ живописной копіи? Это достоинство признаться не совсѣмъ понятно. Для меня оно уже такъ тонко, что я бы его и не примѣтилъ.

Надежда. Вот видите!... а великій художникъ не только примѣтилъ, но и оцѣнилъ. Надо знать языкъ, на которомъ искусство выражается. Если бы женщины умѣли только копировать мужчинъ съ чувствомъ, не довольно ли уже этого, чтобы не вырывать имъ изъ рукъ кисти или пера, когда онѣ находятъ въ нихъ отраду и наслажденіе, и не прогонять цѣлый полъ въ дѣтскую и въ кухню, подводя всѣхъ насъ подъ одинъ уровень. Не всѣ же женщины одинаково созданы. Надо и въ насъ, точно такъ же какъ и въ мужчинахъ, допустить нѣкоторое разнообразіе организацій, способностей, естественныхъ назначеній.

Владиславъ. Вы, я вижу, рѣшительно назначены быть независимой и дѣвицей. Право, жаль, что, какъ вы говорите въ письмѣ, между нами залегла *невозможность* и намъ нельзя сочетаться законнымъ бракомъ: вотъ бы ужъ поспорили!... до слезъ!... по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ ночамъ!

Надежда. Очень жаль!... Будьте увѣрены, что я душевно сожалею.

Владиславъ. Мы лишаемся несказаннаго наслажденія.

Надежда. Безспорно. Я — въ особенности. Спорить съ вами, спорить безпрестанно, безконечно съ такимъ мужчиною — огромное, невыразимое счастье, верхъ земнаго блаженства. Это я очень хорошо чувствую и понимаю. Супружество наше было бы одинъ вѣчный, безпрерывный споръ, жизнь — безконечная гирланда спору.

Владиславъ. А теперь.... вотъ видите!... На самомъ интересномъ пунктѣ спору, мы должны разстаться!... Поздно.... мнѣ пора въ городъ. Прощайте, Надежда. Проклятая *невозможность!* Залегла и лежитъ.... Не провалится ли она сквозь землю въ непродолжительномъ времени?

Надежда. Не думаю.

Владиславъ, съ усмѣшкою. А что бы намъ попробовать перелѣзть черезъ нее?... Черезъ крѣпостныя стѣны перелѣзаютъ. Чтобы вытурить Испанцевъ, перелѣзли черезъ гibraltarскіе утесы.... Какой чудесный примѣръ къ подражанію. Попытаемся!

Надежда. Не могу!... не хочу!... Оставьте Испанцевъ въ покоѣ: они ни въ чемъ не виноваты. Погодите.... не уѣжайте! Мнѣ больно съ вами разстаться. Вы не гнѣваетесь на меня, мой другъ?

Владиславъ. Гнѣваться я не имѣю права. Но я — въ отчаяніи.

Надежда. Постарайтесь утѣшиться. Удостойте другую вашего выбора и женитесь. Я буду искреннимъ другомъ какъ вамъ, такъ и той, которая васъ полюбитъ достойною васъ любовью и заслужитъ вашу.

Владиславъ. Да я все-таки отъ васъ не отказываюсь. Вы еще образумитесь. А если нѣтъ, то я женюсь не иначе, какъ на той, кого вы сами для меня выберете.

Надежда. И она должна непременно быть дѣвушка съ состояніемъ?

Владиславъ. Непременно. Это—моя система.

Надежда. Такъ вотъ вторая невозможность! Черезъ эту ужъ и перелѣзть нельзя... потому-что я бѣдна... по-крайней-мѣрѣ далеко не такъ богата какъ вообще полагаютъ. Я и по этой части не гожусь для васъ.

Владиславъ. Для васъ я сдѣлалъ бы многія исключенія изъ коренныхъ правилъ моей философіи.

Надежда. Не дѣлайте, мой другъ. Я, право, не стою. Простите меня и будьте счастливы съ другою всѣмъ счастьемъ, какого вы заслуживаете. Тогда, при вашей двойной дружбѣ, и я буду вполне счастлива. Другомъ мнѣ вы должны быть... должны непременно!... Я вамъ приказываю.

Владиславъ. Вотъ теперь вы не умѣете приказывать!... приказываете то, чего я не хочу.

Надежда, улыбаясь и протягивая ему руку. Женщина имѣетъ право и въ любви и въ дружбѣ приказывать какъ ей угодно. Мужчина — нѣтъ!... Прощайте, Владиславъ. До свиданія. Пріѣзжайте завтра. Я не могу жить здѣсь безъ васъ.

— Завтра пріѣду, сказалъ Владиславъ, съ нѣжностью поцѣловавъ ей руку, которую онъ послѣ прижалъ крѣпко къ своему сердцу съ глубокимъ вздохомъ.

Онъ ушелъ очень печальнымъ, со слезами на глазахъ. Надежда провожала его до дверей, потомъ воротилась къ дивану, медленно опустилась на подушку, закрыла лицо руками и заплакала, сказавъ только горестнымъ голосомъ: — Судьба!...

— Ты не спишь, Наденька? сказала мать ея, входя въ тотъ же вечеръ къ ней въ комнату.

Она давно уже была въ постели. Двѣ свѣчи горѣли возлѣ изголовья. Лежа навзничъ, въ одной рукѣ, небрежно брошенной на одѣяло, держала она раскрытую книгу; другая была откинута вверху и, загибаясь на подушку, подхо-

дила подъ голову. Устремленные въ потолокъ глаза указывали на глубокую задумчивость, а слеза, остановившаяся среди блѣдной щеки, ясно обнаруживала печальное расположеніе мыслей.

— Не сплю, отвѣчала Надежда, какъ бы выходя вдругъ изъ оцѣпенѣнія и поворачиваясь къ матери, которая, подойдя, садилась возлѣ ея постели. Я думаю, всю ночь не усну сегодня. Какой день! какой день.... Ахъ!... душа вся измучена!...

Она остановилась.

— Я также довольно встревожена, промолвила мать послѣ непродолжительнаго молчанія. Что это за странные слухи, другъ мой, распространились здѣсь сегодня?

— Да!... я и сама удивляюсь!... сказала дѣвушка. Видно у стѣнъ есть уши.

— Надо быть осторожнѣе, замѣтила мать, опять промолчавъ немного. Здѣсь воздухъ переноситъ мысли и каждый повѣвъ его — новая сплетня. Александръ Оттовичъ уѣхалъ въ городъ?

— Да!... уѣхалъ.... я не могла удержать его.

— Зачѣмъ уѣхалъ?

— Вѣрно за тѣмъ, чтобы еще сегодня написать къ своему другу о случившемся. Этого я очень боюсь. Но онъ мнѣ говорилъ, что ѣдетъ посмотрѣть, нѣтъ ли писемъ изъ Петербурга.

— А Хилковскій, говорятъ, поскакалъ за нимъ ночью. Что это значитъ, другъ мой?

— Этого ужъ я не могу объяснить. Испугался чего-нибудь.... этихъ сплетней, можетъ-быть. Они очень забавны, дядя съ племянникомъ. Дядя стережетъ племянника, племянникъ боится дяди, и другъ друга они никакъ понять не могутъ.... Но Богъ съ ними. Ты не сердись на меня?

— Могу ли я на тебя сердиться, Надя!... Развѣ ты у меня не хозяйка своему уму и своей волѣ?

— Сколько позволяютъ обстоятельства, маменька!

Рыданіе — потомъ громкій поцѣлуй — раздались въ ночной тишинѣ; потомъ нѣжный голосъ произнесъ:

— Успокойся, другъ мой. Я ничего знать не хочу. Это твой дѣла и ты рѣшай ихъ по своему разумію. Я всѣмъ буду довольна.

О! нѣтъ! нѣтъ!... я знаю, что тебѣ очень жаль!... А ты думаешь, можетъ-быть, что и мнѣ не жаль!... Можно ли рав-

подушно отказаться отъ такого человѣка?... О! сколько мнѣ это стоило!... Я бы могла любить его. О! и какъ бы я его любила, если бы....

Онѣ снова зарыдали. Надежда продолжала сквозь слезы.

— Тебѣ такъ бы хотѣлось видѣть меня счастливой.... Ты такъ страдаешь за меня! Напрасно.... увѣрю тебя, что теперь я уже совсѣмъ спокойна и счастлива.... Благодарю тебя, что пришла: мнѣ такъ хорошо съ тобой!... Не достаетъ только одного: если бы рѣшилась ты понять, что мнѣ ничего не нужно въ жизни, ничего, кромѣ сладкой надежды провести ее съ тобой.... Вотъ опять ты плачешь!... ради Бога!... Зачѣмъ не хочешь ты понять, что я совершенно счастлива съ тобою и что этого счастья не промѣняю я ни на какое другое въ свѣтѣ.

— Наина, милый другъ! какъ же ты хочешь, чтобы я не страдала?... Я мать! Я знаю, что можетъ-быть и есть на свѣтѣ счастье гораздо полнѣе этого, и могу ли я привыкнуть къ мысли, что оно не суждено тебѣ?... что ты сама не судила его себѣ.... Мнѣ жаль тебя.

— Боже мой! чтѣ это всѣ вы такъ обо мнѣ жагѣете, тогда какъ я очень довольна всѣмъ и всѣми? Вотъ и тому сегодня было очень жаль меня. Послушай! Ты говоришь, что жаль меня, а между-тѣмъ не хочешь сдѣлать того, о чемъ я столько разъ просила!... Къ-чему намъ эта суетная жизнь?... Къ-чему эти гости?... этотъ шумъ?... это веселье?... Мнѣ тяжело....

— Но тебѣ необходимо разсѣяніе....

— Ахъ! мнѣ нужно спокойствіе и больше ничего.... Уговаривая тебя ѣхать сюда, я воображала, что мы будемъ здѣсь вести уединенную жизнь, а выходитъ—здѣсь еще хуже, чѣмъ въ Петербургѣ; мнѣ не даютъ перевести духъ.... я утомлена.... измучена.... Уѣдемъ, уѣдемъ поскорѣе....

— Пожалуй.... когда хочешь, на дняхъ....

— Нѣтъ, подождемъ свадьбы Александра; ты знаешь, какъ я его люблю....

— Ахъ! ужъ этотъ Александръ! Онъ выводитъ меня изъ терпѣнія иногда. По какому праву преслѣдуетъ онъ тебя?... съ какой стати?...

— По праву восторженной привязанности къ другу, которую стоить уважать. Этотъ добрый Александръ!... Онъ несносенъ.... но несносенъ такъ мило!... Когда подумаю, какъ онъ боится.... какъ бы ему хотѣлось....

— Но онъ много дѣлаетъ за тебя. Безъ него можетъ-быть ты бы и забыла....

— Я?... никогда!

— Почему знать! если бы онъ не говорилъ съ тобою все объ немъ да объ немъ; если бы ты, вслѣдствіе этихъ разговоровъ, не избѣгала развлеченій, если бы не думала все объ одномъ....

— Неужели ты до-сихъ-поръ не убѣдилась, что это *одно* навсегда слилось съ моими мыслями, вошло въ мое существо, стало кровью, теплотою и свѣтомъ моей жизни? Забыть!... Зачѣмъ забывать?... развѣ забвенія нельзя замѣнить рѣшеніемъ твердой воли? Я удостовѣрилась, что мнѣ предназначено страдать, и я рѣшилась страдать.... тихо.... тайно.... не беспокоя и не смущая никого. Страданіе, глубокое страданіе.... сдѣлалось уже для меня естественнымъ состояніемъ.... я въ немъ нахожу отраду, занятіе, опору, развлеченіе.. . Другъ мой! Въ страданіи есть счастье, когда оно происходитъ изъ добраго чувства. Нѣтъ пріятнѣйшаго тирана, какъ собственная своя мечта.... мечта дорогая.... мечта задушевная, посвященная чедовѣку совершенному, идеальному.... Съ нею никогда не скучно на-единѣ; а когда я не одна, то мнѣ стоить только быть возлѣ тебя, и я счастливейшая женщина въ мірѣ. О! позволь мнѣ страдать и никогда не разлучаться съ тобою!...

Она бросилась къ матери на шею, и долго, долго оставались онѣ въ объятіяхъ другъ друга, не говоря ни слова. Наконецъ мать сказала:

— Что жъ нашъ Заволинъ?... какъ принялъ онъ твой отказъ.

— Онъ, кажется, очень опечаленъ.... но еще болѣе удивленъ, я думаю. Онъ никакъ не воображалъ, что можно не принять его предложенія.... Но мы разстались друзьями....

Мать вздохнула.

— Да!... моя судьба — мѣнять любовь на дружбу, продолжала Надежда.

— Невыгодная мѣна, мой другъ!...

— Что жъ дѣлать!... все же лучше, чѣмъ ничего. Но Заволинъ дорожитъ, не хочетъ давать своей дружбы: онъ все еще надѣется. О независимости молодой особы онъ и слушать не хочетъ. А я у тебя — такая свободная, такая счастливая!... О! мы никогда не разстанемся съ тобою....

Мать и дочь долго еще разсуждали о великихъ событіяхъ

того дня. На слѣдующее утро Александръ прислалъ Надеждѣ запечатанный пакетъ, въ которомъ содержалось нѣсколько писемъ. Одно изъ нихъ, казалось, тронуло ее до глубины души. Она нѣсколько разъ перечитывала его, плакала, цѣловала драгоценный листокъ и, наконецъ, бережно положила въ очень красивый ящикъ, наполненный письмами того же формата и почерка. Петръ Петровичъ воротился только послѣ полудня, не поймавъ ни гдѣ негоднаго племянника. По всѣмъ собраннымъ свѣдѣнiямъ, изъ которыхъ явствовало, что Александръ не былъ у Заволина и что между ними нѣтъ никакихъ дѣлъ ни сношенiй, Петръ Петровичъ долженъ былъ признаться передъ своей совѣстью, что мудрость его сдѣлалась жертвою легкомысленной бабьей сплетни; но положенiе его въ Утѣшинѣ не стало отраднѣе отъ этого досаднаго открытiя. Сказанная бабья сплетня происходила изъ розовыхъ и сладкихъ губокъ Евгени Ивановны, которая, продолжая благодушно начатое вчера, исподоволь, во все болѣе и болѣе подкапывала крѣпостные фундаменты непоколебимой дружбы агронома и Настасьи Аванасьевны. Какъ обвинить обольстительницу! Нужно было мучительно удостовѣрять Настасью Аванасьевну, что все это вздоръ, пустяки, что нѣтъ никакой опасности для Александра, и въ то же время съ одной стороны искусно выгородить Евгению Ивановну, съ другой скрывать съ великимъ раченiемъ отъ стараго и взыскательнаго друга слабость къ молодой и любезной вѣстовщицѣ, готовую превратиться въ любовь, а о прямомъ объясненiи съ племянникомъ и думать было нечего, допустивъ себя до такой неблагоприличной мистификаци, хотя въ прямомъ объясненiи заключался единственный выходъ изъ этой бездны сомнительныхъ обстоятельствъ и подозрѣнiй.

Надежда замѣтно измѣнялась. Прежнее равнодушное спокойствiе замѣнилось выраженiемъ тревожнаго унынiя на лицѣ. Оно прояснялось только, когда прiѣзжалъ Заволинъ. Мужественная страдалица какъ-будто отдыхала съ нимъ. Цѣлые дни иногда проводили они вмѣстѣ, гуляли, разсуждали, спорили — спорили до обмороку — до блаженства — и вотъ одинъ довольно интересный отрывокъ ихъ безконечныхъ споровъ:

— Однако жъ вы страдаете, Надежда?...

— Кто это вамъ сказалъ?

— Будто трудно видѣть! Вы не хотите предаться вамъ.

му чувству, вы боретесь сами съ собой, и эта борьба разрушает ваше здоровье, помрачает вашу жизнь. Зачѣмъ не хотите быть любимой? зачѣмъ не любить, когда вы.... уже любите.

— Вы не понимаете меня, добрый другъ мой. Любить кого бы то ни было.... даже васъ.... замѣтите: даже васъ!... я не только не хочу, но и не могу, если бы и захотѣла. Отъ первой привязанности у меня не осталось силъ.... Моё счастье заключается теперь въ одномъ спокойствіи; мнѣ ничего больше не нужно....

— Кому вы это говорите! Женское сердце неистоимо на привязанности: по этой части оно одарено геркулесовою силою. На мѣстѣ Архимеда, я сказалъ бы: дайте мнѣ женское сердце.... если угодно, разбитое въ дребезги.... я подниму вселенную. У женщины не осталось силъ любить!... вотъ новость!... У солнца не осталось свѣту!

— Увѣряю васъ, Владиславъ, что солнце это во мнѣ погасло и вы, какъ послѣдній человѣкъ Байрона, погибли бы въ жестокой суккѣ. Считайте меня только другомъ; выкиньте изъ головы мысль о возможности быть мной любимымъ, но не разставайтесь со мною такимъ образомъ. Вы можете много сдѣлать для моего счастья и не хотите этого понять. Есть ли, въ числѣ земныхъ наслажденій, что-нибудь выше и лучше наслажденія дѣлиться мыслями съ человѣкомъ рѣдкаго ума, сильной и свѣтлой души, который хочетъ, и слѣдовательно, умѣетъ сочувствовать всѣмъ движеніямъ нашей мысли, нашего сердца? Знайте же, что не видѣтъ васъ больше — глубоко, чрезвычайно огорчить меня. Если Богу было угодно опредѣлять мнѣ одиноко свершить мой земной путь, если другаго счастья у меня быть не можетъ, что жъ удивительнаго, что я жадно хватаюсь за возможность отдохнуть въ дружескихъ свиданіяхъ съ человѣкомъ, съ которымъ, чтобы провести одну половину жизни, я, при другихъ обстоятельствахъ, охотно бы отдала другую. Вы забываете, что положенія наши не равны. Если отказъ мой причинилъ вамъ нѣкоторое огорченіе, зато у васъ остаются въ утѣшеніе ваша слава, ваши дѣти, надежда встрѣтить женщину, съ которой можете столько же и еще болѣе быть счастливымъ, сколько со мною; а у меня что останется?... Вы увѣряли меня въ безграничной преданности, а не хотите пожертвовать пустыми опасеніями, будто бы любовь ко мнѣ можетъ уничтожить спокойствіе вашей жизни. Какой

«возвѣтъ! Когда любить искренно, есть ли время такъ заботиться о собственномъ своемъ спокойствіи? Притомъ вы слишкомъ положительны; вы не можете поддаться эфирнымъ волнамъ любви. Бури ея бессильны для вашей мудрости: онъ у васъ стихаютъ на предѣлахъ глубокой мысли, залитой великими соображеніями, и не смѣютъ проникнуть въ ея высокое царство. Нѣтъ, любовь никогда не возмутитъ спокойной прелести вашей прекрасной жизни; не сами ли вы мнѣ сказывали, что какъ бы сильно ни любили, вы бы однако жъ не женились никогда на дѣвушкѣ безъ состоянія. Стало-быть, чувство у васъ, какъ почти всегда у мужчинъ, не беретъ перевѣсу надъ дѣломъ. Предусмотрительность, дальновидность, благоразумный расчетъ — ваша часть на землѣ. Чувствовать и дѣлаться жертвами чувства — удѣлъ нашъ, женскій, прелестъ и горе нашего назначенія.

— Я это сказалъ по любви къ моимъ дѣтямъ. Я не хочу, чтобы они боролись съ нуждой въ первые годы жизни и далъ себѣ слово, если женюсь вторично, обезпечить ихъ благосостояніе....

— Я такъ и поняла васъ, и слова ваши нисколько не нарушили во мнѣ того благороднаго понятія, которое постоянно внушаете вы всякому о своемъ образѣ мыслей; вовсе-таки это доказываетъ, что благоразуміе—первостепенное качество вашего характера, вашей организаціи, какъ вы говорите, и на этомъ основаніи я встаю формально противъ нашей разлуки. Я не могу лишитъ васъ ума; онъ слишкомъ огроменъ, я слишкомъ ничтожна.... но при моемъ ничтожествѣ я могу быть не бесполезною вашему уму. Не сознавались ли вы мнѣ сами, что въ моемъ обществѣ, при моемъ любопытствѣ, подвижности моего воображенія, въ теплотѣ моего вниманія къ каждому вашему слову, мысль въ васъ выдѣлывается свободнѣе и часто, когда вы мнѣ излагаете какой-нибудь предметъ, идея ваша объ немъ вдругъ просвѣтляется, встрѣчаетъ новые виды, достигаетъ ббльшей опредѣлительности, совершенствуется.... И это утѣшало меня каждый разъ чрезвычайно. Это показывало мнѣ, что женщина не такъ бесполезна для блеску мужскаго ума, какъ утѣряютъ глупцы, которые, не имѣя идей въ головѣ, добродушно убѣждены, что съ женщиною не объ чемъ и бесѣдовать тому, кто не расположенъ болтать о любви и вздорахъ.

Заволгитъ не давалъ отвѣту. Онъ ходилъ по комнатѣ съ нахмуреннымъ челомъ, съ важнымъ до мрачности видомъ.

Она замолчала; потомъ заговорила о постороннихъ предметахъ.

Во время этихъ бесѣдъ въ Александрѣ замѣтно было таинственное сообщеніе взглядами и знаками съ Надеждою, необъяснимыхъ для Петра Петровича и столько тревожащихъ его заботливостъ о судьбѣ ума и счастья юнаго свѣтила великой науки Тара. Они иногда имѣли такой неповторимый и опасный характеръ, что не будь здѣсь Евгенія Ивановны, Петръ Петровичъ, чтобы прекратить эти пылныя и спасти племянника, вдругъ увезъ бы изъ Утѣшина его, невѣсту и Настасью Аванасьевну, которая уже начинала помышлять о побѣгѣ. Но Евгенія Ивановна такъ мила!... женщина такъ слаба!...

Въ одинъ вечеръ, послѣ отъѣзду Заволина, бесѣда между Александромъ и Надеждою въ углу залы, вполголоса, со всѣми признаками глубокой таинственности, была такая продолжительная и такая задушевная, что... право!... не будь здѣсь Евгенія Ивановны... которой, какъ нарочно, въ этотъ вечеръ вздумалось быть обольстительнѣе чѣмъ когда-нибудь... къ-счастью Настасья Аванасьевна уже спала... Не могу вамъ выказать, сколько эта бесѣда измучила Петра Петровича. А между-тѣмъ она была совершенно невинная. Вотъ она:

— Кончится тѣмъ, что вы выйдете за него замужъ. Я это предчувствую!

— Полноте! какъ вамъ не стыдно!... Будто вы не знаете, что этого не можетъ быть?

— Мало ли что бываетъ, чего быть не можетъ.

— Александръ! не доставало только того, чтобы и вы возстали противъ меня?... Неужели вы не видите, что я страдаю?... неужели вамъ не жаль меня!...

— Простите... но съ нѣкотораго времени я опять васъ не понимаю... право... мнѣ кажется... вы между прочими отчаянными рѣшеніями вашими, рѣшились полюбить его...

— Если бы это и было, то вы понимаете очень хорошо, что до васъ бы оно не касалось нисколько и что я не была бы обязана вамъ отчетомъ.

— Не сердитесь на меня, Надежда Николаевна!... простите мои нескромныя замѣчанія!... Очень естественно, что чувствуя здѣсь сердце друга, котораго счастье дороже мнѣ моего собственнаго, я желалъ бы видѣть надежду

оно въ малой безопасности. Вы уже нанесли ему жестокий ударъ, который едва ли перенесетъ онъ. Вопреки всѣмъ его ожиданіямъ, вы привели намѣреніе совершенно противоположное его и вашему счастью. Ни его письма, ни мои слова, просьбы, убѣжденія, переломать васъ не могутъ. Вынче же, эта короткость.... Да! я вижу, что счастье удаляется отъ него болѣе и болѣе!

— Вамъ не нравится моя короткость съ Заволиннымъ.

— По-крайней-мѣрѣ.... извините меня..... я не вижу въ ней особенной необходимости. Къ чему она? зачѣмъ она?

— Зачѣмъ, что у меня уже не достаетъ силъ жить въ такомъ томленіи; зачѣмъ, что я хотѣла отдохнуть въ обществѣ человѣка, котораго геній всегда чаровалъ меня; зачѣмъ, наконецъ, что я не могу же вести вѣчно такой безотрадной жизни!

— То-есть, вы хотите излечиться отъ одной страсти другой страстью: это очень предусмотрительно....

— Послушайте, милостивый государь! если бы я не знала, что эти слова внушены вамъ привязанностью, драгоценною для меня по ея предмету, я бы наконецъ рассердилась на васъ серьезно. Вы такъ обожаете чуднаго учителя, что для его удовольствія, искрошили бы въ прахъ шестнадцатую ученицу; заключили бы меня въ гаремныя стѣны; заперли бы въ хрустальный сундукъ и спрятали на днѣ моря. Но вы знаете, что и оттуда женщина, когда захочетъ, девяносто девять разъ обманетъ ревнивца. Чтò вы за такой Турокъ на чужомъ пиру? Въ Стамбулѣ дорого заплатили бы за такого върнаго и неутомимаго стража женской добродѣтели.

— Вы бравите меня ужасно!

— Потому-что вы ужасно этого заслуживаете. Подозрѣнія ваши неумѣстны: не опасайтесь! чувства мои неопытны, ничтò не въ состояніи поколебать ихъ. Но, ради Бога! неужели вы забыли, что кромѣ любви есть въ благородныхъ душахъ чувство высшее, невольное, такъ же какъ и самая любовь, чувство удивленія и восторгу къ тому, кто совершенствомъ своимъ не похожъ на другихъ людей? Если бы вамъ удалось встрѣтить женщину необыкновеннаго ума и таланта, музыкантшу, живописицу, писательницу, все равно, неужели вы, несмотря на страсть вашу къ негѣстѣ, не сочли бы себя счастливымъ быть въ числѣ ея друзей? Я уверена, что вы не пренебрегли бы такой че-

сти при всей вашей любви. А мнѣ, которой суждено страдать на свѣтѣ, которой будущее не общаетъ ничего кромѣ горя, одиночества, тоски, мнѣ позволительно было искать отрады.....

— Кто же вамъ судилъ страдать? Одиночество вы общали себѣ. Снимите обътъ, и дѣло съ концомъ.... И, увидите, Надежда Николаевна : вы снимете его.... не.... для Заволина!

— Мы, вѣроятно, не увидимся съ нимъ болѣе никогда.

— Какъ такъ?....

— Мы скоро уѣдемъ, а здѣсь онъ не хочетъ видѣться со мной.

— Почему?

— Потому-что со мной болѣе нѣтъ ему дѣла. Онъ обратился на меня свое вниманіе затѣмъ, что находилъ во мнѣ все необходимое для званія его жены. Мои лѣта, мое предполагаемое состояніе, спокойный характеръ, холодная наружность, все показалось ему довольно приличнымъ для этого; но съ-тѣхъ-поръ, какъ я сказала ему, что было время, когда я страстно любила и что послѣ этой любви я рѣшилась не выходить за мужъ, онъ можетъ-быть опасается увлечься возрастающею привязанностью ко мнѣ до вторичнаго предложенія мнѣ своей руки. Есть мужчины, которые не любить, даже не уважаютъ женщинъ, способныхъ къ сильной страсти. Сказать откровенно, я думаю, что Заволинъ изъ числа такихъ мужчинъ.

— Кто смѣетъ не уважать васъ! Вы женщина, передъ которой надо преклониться съ благоговѣніемъ. Какъ! вы имѣли возможность провести жизнь въ блаженствѣ и повинувшись внушеніямъ своего великодушія, добровольно отказались отъ всего! Великодушіе свое, конечно, простираете вы слишкомъ далеко; если бы вы любили счастье любимаго, вы умѣрили бы этотъ порывъ благородства, преувеличеннаго по моему убѣжденію; но какъ бы то ни было, что съ-тѣхъ-поръ..... какъ вы такъ благородно пожертвовали своей будущностью, никто на свѣтѣ не стоитъ такъ высоко какъ вы въ моихъ глазахъ....

— А между-тѣмъ не можете удержаться отъ подозрѣній, и вѣчно преслѣдуете меня. Вспомните, какъ жестоко вы упрекали меня съ самаго начала, будто я всѣмъ мѣрами стараюсь завлечь Заволина и хочу поймать его. Дошло до того, что я должна была показать вамъ письмо

съ его предложеніемъ и убѣдить, что если бы я хотѣла быть его женою, то это зависѣло отъ меня. Вы успокоились, но не надолго: теперь опять за то же принялись. Вы мучите меня; а между-тѣмъ я знаю, что вы меня любите. Мнѣ часто приходитъ на мысль, что было бы гораздо лучше, если бы этого никто не зналъ. Въ душевныхъ огорченіяхъ преданность самыхъ дорогихъ лицъ становится иногда невыносимо тяжелою. Кто можетъ знать, что происходитъ въ душѣ; кто понимаетъ, какъ глубока рана!.... Каждое напоминаніе только растравляетъ эту рану: напримѣръ моя добрая, милая мать! Ея старанія меня разсѣять, ея уговоры, вмѣсто пользы, наносятъ мнѣ вредъ..... Вы тоже, Александръ, ваши увѣщеванія, ваша рыцарская преданность другу, ваша недоувѣрчивость, нерѣдко сводитъ меня съ ума.

— Простите, простите!...

— Что же станете вы дѣлать, когда меня не будетъ здѣсь?

— Такъ вы увѣждаете непременно?... и въ скоромъ времени?...

— Послѣ вашей свадьбы, Александръ. Я хочу оставить васъ въ полномъ счастіи.... Однако мы слишкомъ долго заговорились. На васъ смотрятъ. Видите ли, въ какомъ безпокойствѣ вашъ дядя?... А знаете ли, что такое онъ думаетъ? То же самое, что вы думали обо мнѣ. Онъ воображаетъ.... по-крайней-мѣрѣ ему часто кажется.... я это ясно вижу.... будто я завлекла васъ и хочу поймать себѣ жениха Фелицы.

— Быть не можетъ!

— А я въ томъ совершенно увѣрена. Женскій инстинктъ рѣдко ошибается. Оба вы — большіе агрономы.... сказала Надежда, вставая съ улыбкою.

VII.

Въ слѣдующій вечеръ, когда гости сидѣли всѣ въ залѣ, охваченъ грозой на дворѣ; когда по небу ходили тучи, Евгенія Ивановна, за случайнымъ отсутствіемъ Петра Петровича, чтобы не терять времени по-напрасу, кокетничала съ Христородамъ Панкратьевичемъ, который, охорашиваясь, гордо

посматривалъ на всѣхъ. Елена Тимоѣевна бросала на посѣщаемые взгляды, такъ-какъ Христофоръ Памкратъевичъ удостоивалъ особеннаго вниманія дочь ея. Александръ шептался съ Фелицей, словомъ, каждый былъ занятъ чѣмъ-нибудь не дверь отворилась и все замолкло вдругъ. Мужчины, дѣвочки, дамы, всѣ переглянулись съ изумленіемъ: на порогѣ стояло новое лицо, лицо незнакомое, неслыханное никому въ Угѣишии. Откуда вѣдалась эта дама, такъ странно одѣтая, съ такими ловкими манерами, такая хорошенькая, такъ граціозно поклонившаяся всѣмъ? Въ черномъ шюльковомъ платьѣ, завернувшись въ турецкую шаль, въ прорезенькой, но премиленькой шляпкѣ, съ небрежно откнутымъ кружевнымъ водемомъ, она поразила всѣхъ своей аристократическою осанкою и прекраснымъ лицомъ, исполненнымъ горделивой прелести. Учтиво привѣтствуя изумленное собраніе, она подошла прямо къ хозяйкѣ и сказала ей по-французски, не съ легкимъ иноземнымъ акцентомъ:

— Вы нѣкогда, еще въ Италіи, ежели изволите помнить, любезно приглашали меня, если я когда-нибудь приѣду въ Россію и вы будете въ деревнѣ, захватить къ вамъ, въ вашъ замокъ, посмотрѣть ваши помѣстья, провести въ нихъ нѣсколько времени въ вашемъ обществѣ. Я ѣду изъ Петербурга, черезъ Москву, въ Одессу и нарочно своротила съ дороги, чтобы воспользоваться вашимъ милымъ предложеніемъ. Не обременю ли я васъ, если осмѣлюсь просить у васъ гостеприимства на нѣсколько дней?

Покаместъ Варвара Михайловна отвѣчала, что очень рада... что никакъ не ожидала, молодая дама обернулась и, окинувъ взоромъ собраніе, остановила глаза на Надеждѣ, которая вмѣсто того, чтобы подойти къ гостѣ, какъ слѣдовало бы дочери хозяйки, только поклонилась, не поднимая глазъ. Необыкновенная блѣдность покрывала лицо Надежды; губы ея дрожали, глаза были полны слезъ. Съ выраженіемъ страшной тоски во взорѣ, обернулась она къ Александру, который также, чрезвычайно встревоженный, тотчасъ подошелъ къ ней. Между-тѣмъ, какъ всѣ глядѣли съ любопытствомъ на пріѣзжую, онъ тихо и торопливо говорилъ съ Надеждой.

— Какъ здѣсь у васъ все прекрасно! продолжала иностранка. Я съ восхищеніемъ любовалась на ваши земли, черезъ которыя долго проѣзжала я сегодня. Миѣ сказывали, что всѣ эти окрестности — ваши. Какъ это устроено, обдѣлено,

чисто, красиво, живописно!... совершенно английское по-чисть!

Разговоръ пошелъ по этой части. Петръ Петровичъ, какъ агрономъ, и Александръ, какъ племянникъ агронома, приняли въ немъ участіе. Варвара Михайловна старалась явить съ блескомъ всю радушиную любезность русской сибѣрской дамы, принимающей иностранцевъ въ своемъ домѣ и желавшей поддерживать великую славу русскаго имени. Надежда вѣсело вышла и, когда воротилась черезъ полчаса, съ лица ея исчезли всѣ признаки волненія; оно было такъ же спокойное, какъ въ прежнее время; даже слѣдовъ унынія, по утраченнаго всѣхъ въ послѣдніе дни, какъ-будто не бывало: напротивъ чрезвычайное одушевленіе покрывало всѣ ея черты. Въ ту минуту, какъ вошла Надежда, молодая дама говорила о томъ, какъ много удовольствія лишилась она въ дорогѣ, потому что не знала русскаго языка; какой чудный городъ Москва, какое великолѣпное государство — Россія, какъ всѣ на этой земли добры, услужливы, радушны, гостеприимны, какъ усердно поютъ, какъ бойко живутъ припѣваючи: только разстоянія немножко велики и трактиры немножко неудобны....

Разговоръ зашелъ о нашихъ великолѣпныхъ степяхъ: эти не болѣе нашихъ трактировъ нравились прекрасной Ирландкѣ. Она называла ихъ сухопутнымъ океаномъ безъ кораблей — «Еще скучнѣе, говорила она, чѣмъ по синей пучинѣ, плавать безконечно по этимъ волнамъ зелени, и не встрѣчая нигдѣ слѣдовъ присутствія человѣка. Въ Петербургѣ уже много стращали меня неудобствами путешествія въ степяхъ, но я не виѣла еще объ нихъ надлежащаго понятія....

— И между-тѣмъ вы рѣшились, перебилъ Александръ: пуститься въ степи, переплыть этотъ зеленый океанъ, чтобы проникнуть въ наше захоlustь! Какъ же это?... Вы удивительно храбры, миледи!

Невозможно передать перомъ той молніи гнѣву, которая вдругъ блеснула въ глазахъ пріѣзжей, когда она, на ироническое замѣчаніе молодаго человѣка, съ колкимъ выраженіемъ бросила ему въ отвѣтъ, по-англійски, эти слова:

— Какъ это? да вамъ такъ же хорошо извѣстно — какъ и мнѣ!

Между-тѣмъ, какъ Надежда, дрожа и блѣднѣя, прикладывала руку ко лбу, чтобы отереть вдругъ выступившій

холодный потъ, Александръ съ усмѣшкою, холодно поклонившись, отвѣчалъ по-французски :

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ живу въ деревнѣ, я совершенно забылъ по-англійски, миледи, и не имѣю чести васъ понимать.

И, не дожидаясь возраженій, отошелъ къ Фелицѣ сказать ей одну изъ тѣхъ любезностей, которыя у жениховъ рождаются какъ золотистые эфемеры въ прекрасное лѣтнее утро, и подобно имъ умираютъ вечеромъ, послѣ свадебнаго шара. Послѣ того онъ уже не заводилъ разговоровъ съ пріѣзжею красавицею, которой прелестныя черты такъ неожиданно исказило мимолетное неудовольствіе. Съ большимъ присутствіемъ духа она замѣтила впечатлѣніе, произведенное въ присутствующихъ этимъ маленькимъ приключеніемъ, хотя англійской фразы ея не понималъ никто, кромѣ Петра Петровича, Александра и Надежды. Гнѣвное ея выраженіе, и мгновенная блѣдность дочери хозяйки не могли укрыться отъ нѣсколькихъ десятковъ любопытныхъ я — хочу сказать провинціальныхъ — глазъ. Чтобы отвлечь ихъ вниманіе, прелестная леди засмѣялась и начала рассказывать очень мило, очень забавно, свои путевыя приключенія. Все собраніе хохотало. Не развеселилась только одна особа. Встревоженная, унылая, словно пораженная страшнымъ ударомъ, сидѣла Надежда до того неподвижною и блѣдною, что сердце внимательнаго Петра Петровича закипѣло горячимъ состраданіемъ, и полный глубокаго участія взоръ его послѣдовалъ за нею, когда, тщетно стараясь побѣдить свое волненіе, она встала, сказавъ матери, что страдаетъ страшною головною болью, и ушла въ свою спальню.

Среди бесѣды, ловко, незамѣтно, приказанія были отданы почтеннѣйшею Варварою Михайловною, образцовою русскою барыней-хозяйкой, о приготовленіи для новой гостьи двухъ отличныхъ комнатъ съ англійскими коврами, съ тончайшимъ ирландскимъ бѣльемъ, и съ шотландскою посудою, съ полнымъ велико-британскимъ комфортомъ, парижскимъ щегольствомъ и петербургскою роскошью. Варвара Михайловна сама повела ее въ это прелестное отдѣленіе, которое восхитило путешественницу. А между-тѣмъ — о, Боже мой! — сколько толковъ поднялось въ Утѣшинѣ съ досужихъ языковъ! Излагать ихъ подробно не стоитъ: всѣ эти толки, по древнему положенію о толкахъ, были бестолковы. Самая дѣльная часть ихъ заключалась въ

вопросъ, учинившомъ Петромъ Петровичемъ Александру Отговору:

— Ты знаешь эту даму?

— Видалъ въ Петербургѣ, въ нѣкоторыхъ домахъ.

— Кто она?

— Леда Джорджіана Круперъ.

— Замужняя или дѣвица?

— Вдова.

— Зачѣмъ она пожаловала сюда?

— Не могу сказать. Фантазія прелестной леди,.... путешествуетъ!.... надо же куда нибудь дѣвать сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода.

— «Не могу сказать», у тебя, кажется, нѣтъ не совсѣмъ русское значеніе. «Не могу сказать» значитъ: не знаю. А ты, сколько я понялъ изъ ея англійскаго отвѣту тебѣ, знаешь хорошо тайну этого путешествія.

— Какъ скоро тутъ есть тайна, дялюшка, такъ я ничего не знаю и ничего не могу сказать.

— Изволь! я и не допытываюсь. Сто тысячъ фунтовъ доходу! Знаешь ли, Александръ, что это не шутка! Два милліона съ половиной. Чортъ возьми! съ такимъ доходомъ можно предпринимать славные агрономическіе опыты. Вотъ бы намъ съ тобою такой доходецъ!.... мы сдѣлали бы удивительныя открытія въ плодоперемѣнности!.... усовершенствовали бы сельское хозяйство до превращенія украинскаго быка въ золотого тельца. И она такъ богата?

— Да, къ-несчастью.... очень богата, сказалъ Александръ.

— Чтѣ это значитъ?.... къ несчастью?.... это почему?....

— Проматываетъ безтолково.... отвѣчалъ Александръ, зиннаясь.

— Ну, я вижу, что мои вопросы приводятъ тебя въ смущеніе: ты не хочешь нарушить чужихъ секретовъ, которые тебѣ вѣрены, по смыслу того же отвѣта. Это прекрасно. Благородный и честный человѣкъ долженъ всегда свято хранить подобныя довѣренности. Я первый сторонюсь отъ того, чтѣ могло бы заставить тебя проболтаться, даже передо мною, хотя, теперь, я немножко смѣкаю въ чей дѣло; тутъ замѣшанъ, кажется, твой знаменитый пріятель.... и эти нисья.... Ну, да это до меня не касается. Смотри только, Александръ.... въ этомъ я полагаюсь на

твоему дважатности... чтобы эти тайнотвенности не травмировали и не огорчали по напрасну твоей невѣсты.... Надеюсь, что ты уважаешь особу, которую берешь въ подруги жизни... постарайся, какъ благородный и честный человекъ, чтобы счастье ея не было нарушено чуждыми секретными дѣлами, въ которыхъ обстоятельства дали тебѣ участіе.....

— Не бойтесь, дядюшка, сказалъ молодой человекъ, съ жаромъ пожимая руку Петра Петровича: она теперь выѣдетъ полное довѣріе къ моей добросовѣстности и совершенно спокойна.

— Я очень радъ, примолвилъ Петръ Петровичъ и отошелъ, къ великой радости молодого человека.

Не много узнавъ Петръ Петровичъ, и подобно всѣмъ прочимъ долженъ былъ теряться въ догадкахъ, почему и на второй день и на третій нервно вздрагивала Надежда, когда Ирландка невзначай приближалась къ ней, отчего никогда ни прямо, ни косвенно не обращалась Надежда рѣчью къ леди Джорджіанѣ, отчего лицо дѣвушки такъ страшно измѣнялось каждый день? Если хотите, Надежда удивительно похорошѣла, внутреннее волненіе придавало чудную прелесть ея неподвижному лицу. Но отъ этой прелести становилось больно сердцу: каждая черта такъ и искрилась страданіемъ; въ глазахъ не видѣлись, но чувствовались слезы, какъ—будто готовыя хлынуть ручьемъ. Что лежало въ прошлой жизни этихъ женщинъ? отчего одна занесивала всѣ средства сблизиться съ другой, не спускала съ нея глазъ, подмѣчала каждое движеніе, сохраняя притомъ горделивый видъ, а другая не обращала на ту вниманія, не показывала ни словомъ, ни взглядомъ, что замѣчаетъ присутствіе ея, взнемогала подъ гнетомъ этого присутствія, которая скорѣе ошущала сердцемъ, чѣмъ видѣла глазами. Надежда обладала удивительнымъ искусствомъ не видѣть окружающихъ. Какъ прежде угожденія молодежи разбивались объ ея наружный ледъ, такъ теперь всѣ уловки леди Джорджіаны проскользали незамѣтно отъ нея. Эта невнимательность была такъ непринужденна, такъ естественна, что преодолѣть ее ни у кого не дошло бы силъ. Леди Джорджіана это, какъ видно, знала, и иногда кровью яркою струей приливала къ ея и безъ того розовымъ щекамъ, и кружева багнетоваго платка разле-

завязь въ кусочки подъ нетерпѣливыми пальчиками, готовые съ досады все разломать да исковеркать.

Напоонецъ настала дѣнь, когда, въ этой гнѣмой борьбѣ, силы измѣнили Надеждѣ и по Утѣшину разнеслась вѣсть, что она занемогла. Напрасно сочувствительная приятельница добивалась навѣстить больную. Варвара Михайловна заявила, что дочь ея не можетъ ничего принять: ей необходимо совершенное спокойствіе; Иванъ Павловичъ такъ приказалъ. Тогда всѣ — къ Ивану Павловичу.

— Скажите, докторъ, чѣмъ больна она? что съ нею? неужели нельзя и навѣстить?

— Нельзя, никакъ нельзя! Какъ можно больную безречь! отвѣчалъ Иванъ Павловичъ во всѣ стороны.

— Да что это за болѣзнь? простуда?... нервныя привалки?... лихорадка?

— Одна изъ тѣхъ болѣзней, которая очень трудно объяснить не-врачамъ.... болѣзнь довольно сложная.... мнѣ пришлось бы прочесть вамъ цѣлый курсъ медицины.... а меня въ другомъ мѣстѣ ждутъ больные.

И Иванъ Павловичъ исчезалъ.

Съ тѣхъ-поръ, какъ Надежды не было видно, леди Джорджіана стала совсѣмъ не та. Веселость ея пропала. По цѣлымъ часамъ она сидѣла задумавшись, и въ этой думѣ было что бурное, безпокойное, мерцавшее зловѣщимъ огнемъ въ лазуревыхъ глазахъ, пробѣгавшее судорожнымъ движеніемъ по вязаннымъ губамъ, омрачавшее тяжелымъ облакомъ прѣкрасное лицо. Въ эти минуты даже и мужчина, страстно влюбленный въ леди Джорджіану, отскочилъ бы отъ нея. Вся прелесть исчезла; она становилась непріятна, нехороша.

— Воля ваша, Петръ Петровичъ, сказалъ Сергій Павловичъ, мнѣ эта иностранка вовсе не нравится.... а вамъ какъ?

— Я нахожу напротивъ, что она очень хороша собою....

— Оно такъ.... да фзіономія-то, фзіономія поглядите.... въ ней такое что-то.... любопытное, съ позволенія сказать.— Знаете ли, Петръ Петровичъ, продолжалъ Мирвудовъ, понизивъ голосъ, я смѣкаю, что Надежда Николаевна-то нездорова отъ нея....

— И! полноте, Сергій Павловичъ: что это за мысль!

— Да ужъ я вамъ скажу, я подмѣтилъ, она преслѣдовала Надежду Николаевну глазами такимъ манеромъ, какъ-будто хотѣла, съ позволенія сказать, съдѣлать: та, бѣдная, ѣжилось.

Жилась, да и захворала.... Бѣдто вы не вѣрите дурному глазу?... Жалко, право, такая милая дѣвица.... притащилъ же нелегкій эту бусурманку. Какъ вамъ угодно, Петръ Петровичъ, а я хочу выпроводить ее отсюда....

— Помилуйте, Сергѣй Павловичъ, какое вамъ дѣло? развѣ вы хозяинъ здѣсь?

— Я не могу перенести; мнѣ жалко бѣдняжку.... Послушайте, мадамъ миледи, сказалъ онъ, подходя къ Джорджіанѣ, у меня въ городѣ есть прехорошенькія комнатки, на лучшей улицѣ, въ прекрасно отдѣланномъ домѣ....

Джорджіана взглянула на него съ удивленіемъ и отбѣчала по-французски:

— Я не понимаю васъ.

— Сдѣлайте одолженіе, Христофоръ Панкратьевичъ, переведите! продолжалъ Мирвулловъ, обратясь къ дородному господину, пришедшему въ восторгъ отъ этого предложенія.

— Благоволите сказать ему, что я все-таки его не понимаю, возразила Англичанка, небрежно выслушавъ переводъ.

— Онъ предлагаетъ вамъ квартиру въ своемъ домѣ, въ городѣ.

— Чтó это значитъ?... вскричала Джорджіана, нахмуривъ брови; мнѣ переѣхать въ его домъ?... съ какой стати? чтó это за идея?

— Онъ говорить, что здѣсь въ деревнѣ тѣсно и скучно, а въ городѣ вамъ будетъ просторнѣе, веселѣе: васъ тамъ не станутъ беспокоить.... больныхъ тамъ нѣтъ.... онъ отлаеъ свой домъ въ полное ваше распоряженіе и надѣется, что вы окажете ему честь....

Джорджіана вспыхнула.

— Докторъ! докторъ! закричала она Ивану Павловичу, проходившему черезъ комнату къ больной. Ваше присутствіе здѣсь необходимо; мнѣ кажется, что этотъ господинъ помѣшался.

Она такъ надменно посмотрѣла на своего любезнаго собесѣдника, что и Сергѣй Павловичъ и его переволчикъ со страхомъ отретировались между-тѣмъ, какъ докторъ отбѣчалъ:

— Напрасно вы такъ думаете, миледи; я напротивъ нахожу, что это прекрасная идея: онъ во всю свою жизнь ничего умнѣе не сказалъ.

— То-есть, вы вмѣстѣ съ нимъ хотите выпроводить меня отсюда? продолжала Джорджіана, устремивъ на него ис-

пытующій и безпокойный взоръ. Скажите, ради Бога, какъ я должна понимать эти любезности?...

— Я, миледи, медикъ; любезность не мое дѣло, и, когда меня спрашиваютъ, я долженъ повиноваться долгу моего званія прежде всего....

— Вы говорите со мною загадками....

— Вашъ необыкновенный умъ, отъ котораго столько разъ приходилъ я въ восхищеніе, съ-тѣхъ-поръ какъ имѣю честь быть знакомымъ съ вами.... вашъ умъ ручается мнѣ вполне, что если только вамъ угодно будетъ сообразить обстоятельства, то вы вполне поймете то, что я хотѣлъ сказать.

Пылающіе глаза Ирландки всплыли въ спокойное лицо доктора, который холодно вынесъ этотъ взглядъ.

— Любезный докторъ, сказала она, уводя его въ сосѣдній будоаръ: вы отгадали.... или вы знаете зачѣмъ я здѣсь?...

— Я?... я ничего не знаю....

— Зачѣмъ же вы гоните меня?

— Я уже сказалъ вамъ, что я медикъ: по моему мнѣнію, моя пациентка не поправится, пока вы здѣсь, и какъ скоро вы меня спрашиваете, гдѣ вамъ приличнѣе избрать себѣ пребываніе....

— Такъ я кажусь вамъ такой страшной?...

— Вы мнѣ кажетесь, напротивъ, необыкновенно милою и умною....

— Однако жъ, по вашему, мое присутствіе имѣетъ дѣйствіе одинаковое съ головою Медузы?...

— Не для всѣхъ. Въ особенности, не для меня. Будь я болѣе подобно моей пациенткѣ, и предстаньте вы вдругъ предъ моей постелью, это явленіе произвело бы самое благодѣтельное вліяніе на мое здоровье....

Джорджіана замолчала. Грудь ея тяжело вздымалась, лицо горѣло, руки холодѣли.

— Докторъ, сказала она вдругъ, дрожа и таинственно, наклоняясь къ нему: мнѣ нужно переговорить съ ней.... Помогите, любезный докторъ! доставьте мнѣ случай.... Позвольте за вами пройти къ ней....

— Этого не возможно! важно возразилъ Иванъ Павловичъ: она находится теперь въ такомъ сильномъ нервномъ раздраженіи, что не въ состояніи вынести никакихъ объясненій....

Джорджіана сжала руками лобъ.

— Я съ ума сойду!... прошептала она: проѣхать двѣ тысячи версты!... не имѣть покою ни днемъ, ни ночью.... жить пѣлые годы одной мыслью.... и не быть въ состояніи осуществить ея!... Докторъ!.... то свиданіе мнѣ дороже жизни. когда я рѣшилась отступить отъ принятыхъ обычаевъ.... Послушайте!.... я богата.... я готова пожертвовать многимъ!.... очень многимъ!.... за одинъ часъ!....

Мнѣ пріятно, къ чести медицинскаго факультета, доложить вамъ, что Иванъ Павловичъ ни на секунду не задумался и отвѣчалъ:

— Неужели вы думаете, что я, устоявъ противъ вашихъ просьбъ, миледи, въ состояніи поколебаться изъ корысти?....

Джорджіана окаменѣла. Гнѣвъ или волненіе не допустили ее сказать ни слова. Задыхаясь, ова упала на стулъ.

— Успокойтесь, миледи.... я понимаю, что вы не привыкли уступать обстоятельствамъ.... обстоятельства сами всегда спѣшили уступать вамъ.... но бываютъ случаи, когда благоразуміе....

Иванъ Павловичъ сдѣлалъ шагъ къ дверямъ.

Джорджіана залилась слезами.

— Пойдите.... не уходите.... прошептала она: развѣ вамъ хочется, чтобы я тоже заболѣла?.... Мнѣ нужно говорить съ ней.... понимаете ли.... нужно!.... Ахъ, докторъ, теперь у ней не достало бы силъ отказать мнѣ.... Помогите, умоляю!....

Иванъ Павловичъ воротился и сѣлъ возлѣ. О чемъ онъ съ ней говорилъ, какими доводами убѣждалъ, это опять — ихъ секретъ. Все, что я могу довести до свѣдѣнія вашего, состоитъ въ томъ, что послѣ довольно продолжительнаго разговору, леди Джорджіана рѣшилась переѣхать въ городъ и тамъ ждать выздоровленія больной. Это былъ великій подвигъ добросовѣстнаго врача не только телѣсныхъ, но и душевныхъ недуговъ: онъ добился своего. Леди Круперъ обѣщала оставить въ покоѣ его пациентку, пока она страдаетъ, это было все, чего онъ желалъ. Въ тотъ же вечеръ отправилась Джорджіана въ городъ, къ великому торжеству Сергѣя Павловича, который то-и-дѣло твердилъ Петру Петровичу, что это онъ уговорилъ ее.

VIII.

Въ жизни человѣка встрѣчаются такіе дни, которымъ назначено оставить въ памяти слѣды невагладимые, глубоко

будущаго, длиннѣе годовъ. Таково было для всѣхъ участвующихъ въ этой церемоніи августа двадцать первое число. Съ самаго уже утра дѣла поступили подъ вліяніе неблагороднаго звѣзда. Настасья Аонасьевна разбранила друга своего Петра Петровича, — и по-дѣломъ: какъ же! изъ ихъ деревни получено было извѣстію, что приданое Фелицы наконецъ привезли. День свадьбы приближается, а Петръ Петровичъ съ своимъ племянникомъ и не думаютъ воздержаться во своихъ, чтобы похлопотать о послѣднихъ приготовленияхъ къ критической эпохѣ, къ великому перелому въ бытіи, къ счастью или горю всей жизни. На что это похорке! Одного соблазняютъ предательскія улыбки Елены Ивановны. Другой занятъ Богъ знаетъ какими тайнами, а счастье или горе — на дворѣ! Настасья Аонасьевна первое дѣло — хотѣлось тотчасъ же скакать домой, посмотреть наряды, Фелица также сгорала нетерпѣніемъ полюбоваться на свои чепчики, прелестныя вывѣски новой судьбы, присланные изъ рая чепчиковъ, столичнаго города Санктпетербурга. Дѣвицъ старинное преданіе злословія обводитъ въ томъ, что многія изъ нихъ выходятъ замужъ единственно для того, чтобы имѣть право надѣть чепчикъ страшный упрекъ!... да развѣ чепчикъ для дѣвицы — не запрещенный плодъ?... Я не полагаю, чтобы въ-самомъ-дѣлѣ дѣвицы иногда выходили замужъ только изъ-за чепчиковъ: но если бы и такъ было — какъ скоро это запрещенный плодъ — не законная ли она причина, чтобы сдѣлать глупость? И мудрено ли, что Фелица надулась, вида, это, не смотря на прибытіе чепчиковъ, ни Александръ, ни его дѣда не трогаются съ мѣста, Петръ Петровичъ разсуждалъ очень хладнокровно, что еще время терпитъ—усиѣмъ, милая—въ эту минуту вдругъ оставить Утѣшину; оно и безъ того опустѣло; болѣзнь Надежды разогнала почти все общество—уѣхать теперь и неожиданно, значило бы встревожить и озаботить хозяйку, и безъ того уже очень печальную. Александръ несмотря на просьбы Фелицы оставаться весь день съ нею, торжественно уѣхалъ въ городъ, по весьма важному для больной дѣлу, какъ говорилъ онъ. Фелица плакала на зарыдѣ. Да и какъ же плакать! Чепчики прислали; а тутъ какое-то важное дѣло, о которомъ ей и не говорить; не выдать чепчиковъ!.. и даже не знать тайны!... Да этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы рѣшиться на самыя отчаянныя шаги!

День прошелъ въ ужасномъ разстройствѣ. Александръ воротился. Фелица не хотѣла съ нимъ говорить: она предвидѣла, что любопытство ея столкнется съ вѣчнымъ и вѣчно несноснымъ его отвѣтомъ: «погоди, мой ангелъ!... а узнаешь все послѣ; теперь нельзя; не мое дѣло, я не могу говорить; будь спокойна и люби меня: я тебя обожаю», — и предпочла весь день сердиться. Это ужасно огорчало жениха; онъ терялъ голову. Тѣмъ болѣе, что и тѣтка Фелицы явно показывала ему свое неудовольствіе, и дядя былъ не въ духѣ. Александръ не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться, за кого приняться, не зналъ и ходилъ по комнатамъ насупивъ брови такъ страшно, какъ Юпитеръ Олимпійскій, когда хочетъ произвестъ землетрясеніе. Ему казалось, что и Петръ Петровичъ на него разсердился. А у Петра Петровича было другое горе.... Евгенія Ивановна весь вечеръ кокетничала съ двумя молодыми мужчинами, которые пріѣхали изъ города осведомиться о здоровьи Надежды Николаевны, и на агронома не обращала вниманія. Съ досады Петръ Петровичъ бросился въ самую глубину философіи и надумалъ множество думъ, не очень лестныхъ для человѣчества. Послѣ продолжительной ходьбы по своей спальнѣ, послѣ многихъ любопытныхъ соображеній о дружбѣ людей вообще и женщинъ въ особенности, агрономъ, не находя утѣшенія даже и въ назидательномъ чтеніи Коммерческой Газеты, добросовѣстно изучаемой каждый вечеръ, сбирался уже приступить къ ночному туалету, какъ вдругъ кто-то постучался въ его дверь.

— Кто тамъ? спросилъ онъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ, взглянувъ на часы, показывавшіе уже въ исходѣ первый.

— Отворите!... ради Бога отворите! отвѣчали ему за дверью.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Петръ Петровичъ, узнавъ этотъ голосъ; что такое?... что случилось?

Онъ бросился къ дверямъ.

Фелица, трепещущая отъ волненія, схватила его подъ руку и, таща къ двери, повторяла:

— Пойдемте! пойдемте!... если вы меня любите, подите со мною!... Я умру, если вы не пойдете!

— Да что же такое? что случилось? спрашивалъ онъ, чрезвычайно испугавшись.

Но Фелица не выпускала изъ рукъ Хилковского и на-

недѣ увлекла его за собой, едва давъ ему время поймать на столѣ фуражку.

— Вѣрно съ Настасьей Аванасьевной что-нибудь такое?... Она замогла.... Не послать ли за докторомъ верховаго?... твердятъ запыхавшійся Петръ Петровичъ, едва поспѣвая слѣдовать за Фелицей. — Пстой!... Пстой!... Куда же ты?... кричалъ онъ, увидѣвъ, что она ведетъ его въ садъ. Тамъ темно!

— Скорѣ!... скорѣ!... мы не поспѣемъ.... шептала она, судорожно сжимая его руку.

— Пстой! возразилъ Петръ Петровичъ, насильно останавливая ее. Скажи прежде, что такое?... куда мы такъ бѣжимъ!...

— Ахъ, не держите!.. скорѣ!... скорѣ, ради Бога!... мы не успѣемъ ихъ найти!...

— Кого же?... кого, мой ангелъ?...

— Да мы!... Александра съ ней!

— Александра съ Надеждой Николаевной? Ну, пускай ихъ!... у нихъ есть тайныя дѣла, ни до тебя, ни до меня не касающіяся.... Оставь ихъ!... Какая тебѣ нужда!

— Я хочу знать!... хочу!... хочу!... смерть хочу!... Затѣмъ онъ, негодный, не говоритъ мнѣ ничего. Я должна все узнать или не переживу этой ночи. Я видѣла ихъ сама: они только-что ушли....

— Куда?...

— Сюда!... въ садъ.... Я за ними побѣжала.... и услышала у забора топотъ лошадей.... Тогда я воротилась поскорѣй за вами.... ахъ, Петръ Петровичъ!... ахъ, мой голубчикъ!... помогите!... я пропаду гдѣ-нибудь въ темнотѣ.... пойдите!

И она тащила его съ силою корчи, съ давленіемъ обиды, съ непреодолимостью раздраженнаго женскаго любопытства. У Петра Петровича не достало сердца, онъ повиновался противъ воли. Они не шли, а бѣжали. Въ концѣ саду послышался топотъ лошадей. Фелица бросилась къ забору; онъ за ней. Тамъ, на дорогѣ, стоялъ дорожный экипажъ; ящикъ дремалъ на козлахъ; лошади фыркали и отряхивались отъ пѣны. Но Надежды и Александра нигдѣ не было видно, хотя вышедшая изъ-за тучъ полная луна сіяла чистѣйшимъ серебристымъ зеркаломъ и вся ближайшая окрестность была хорошо освѣщена.

Петръ Петровичъ хотѣлъ уже приступить къ разсужде-

нію о бесполезности и неприличіи этого поиска, какъ Фелица опять, схвативъ его за руку, пустилась бѣжать съ нимъ. Но Хилковскій, употребивъ послѣднее усиліе, высвободилъ руку и объявилъ, что не пойдетъ ни шагу дальше, во-первыхъ, потому-что у него захватываетъ духъ, во-вторыхъ, бѣгать по саду нѣтъ никакой нужды, лучше подождать здѣсь; кто-нибудь придетъ же къ экипажу. Но Фелица не слушала, она тащила за руку агронома къ одной бесѣдкѣ, говоря что-то въ торопяхъ.

Подмѣтивъ, какъ Александръ выходилъ въ садъ съ Надеждой и побѣжавъ сначала за ними, она видѣла, что они направились въ эту сторону и истинникъ женскаго сердца, который все знаетъ — все — и мужскую мудрость за ноясь себя заткнетъ — только мы, женщины, не всегда ему повинуемся, по милости мужчинъ, которые насъ обманываютъ — этотъ истинникъ говорилъ ей, что они — здѣсь.

Любопытная невѣста и наблюдательный дядя подошли къ бесѣдкѣ, выстроенной въ фантастическомъ вкусѣ, съ стеклянными дверями со всѣхъ четырехъ сторонъ. По серединѣ, на мраморномъ столикѣ, стоялъ круглый глухой фонарикъ, изъ котораго свѣтъ билъ въ потолокъ, оставляя стѣны въ полумракѣ. Но для смотрящихъ со двора, изъ ночной темноты, такой полу-мракъ не скрываетъ ничего.

Опираясь на руку агронома, который отъ усталости едва держался на ногахъ, Фелица жадно приложилась ко стеклу.

ДЕЙЛА.

ЖЕНЩИНА.

=

La vie est une œuvre qui demande du courage
et de la raison.

Mme. DE STAEL.

Письмо Софьи къ своей пріятельницѣ.

Другъ мой! болѣе двухъ лѣтъ я тебя не видала, и почти столько же времени мы не писали другъ къ другу. Чтѣ бы это значило? неужели любящее сердце мое могло разлюбить тебя при другихъ обстоятельствахъ жизни?... Нѣтъ, я буду откровенна съ тобою какъ въ первой юности нашей, и загляну поглубже въ свое сердце, выпрошу его, и скажу тебѣ мою догадку: вѣрь ей какъ прямой искренности твоего друга. Миѣ тяжело было молчать, но я молчала, или потому-что счастье скупо, — я понимаю то высокое счастье, которымъ такъ рѣдко наслаждаются люди, — или потому-что оно одно, исключительно занимало меня, и можетъ-быть я боялась твоей дружбы, какъ сердце боится разсудка. Какъ бы то ни было, я виновата передъ тобою, моимъ единственнымъ другомъ; и теперь, когда счастье мое рушилось, разлетѣлось дымомъ, я къ тебѣ, къ тебѣ приклоняю свою печальную голову, безцѣнная моя!... Между любовью и дружбою разница необъятная. Гдѣ искать пріюта осиротѣлому въ любви сердцу, когда дружба не подастъ руки помощи, — когда она отринетъ слезы скорби и не освѣтитъ участіемъ большую душу?... Но чтѣ скажу я тебѣ? сьумѣю

ли дать отчетъ даже самой себѣ, какъ пролетѣло время моего счастья?... И что такое счастье женщины, такой какъ я? Не безумство ли это, въ которомъ утопаетъ душа? не мечта ли, въ которую вѣруеть она какъ въ лучшее божество свое, ищетъ и проклинаетъ ее, страдаетъ своимъ блаженствомъ и живетъ безъ прошедшаго и будущаго? Зато ея настоящее такъ уповательно, что душа, нѣжась въ этомъ раю, не помнитъ ничего и не видитъ окружающаго міра: она одна съ своимъ безконечнымъ восторгомъ; люди кажутся ей пигмеями, до которыхъ ей нѣтъ дѣла; у ней одинъ властелинъ, виновникъ ея блаженства, — любовь.

Смотрѣла ли ты на небо въ прекрасную лѣтнюю ночь, когда бриллантовыя звѣзды покрываютъ его пространство? любовалась ли величіемъ моря, въ синевѣ котораго терялся твой взоръ?... О! я знаю, что ты умѣешь чувствовать все прекрасное. Сколько разъ я видѣла, какъ ты восхищаешься твореніями поэтовъ! я видѣла твои слезы, вырванныя звуками аккордовъ Бетговена и Моцарта.... Да, душа твоя не чужда прекрасному! Но, другъ мой, не суди по этимъ знакомымъ тебѣ впечатлѣніямъ о моемъ утекшемъ счастьи: тутъ всѣ сравненія будутъ невѣрны или, лучше сказать, тутъ нѣтъ сравненій. Любовь сама по себѣ есть что-то цѣлое, полное, близкое, можетъ-быть, къ совершенству. Она занимаетъ намъ всякую поэзію: и поэзію звуковъ, и поэзію образовъ. Я это испытала, милая моя, и пережила свое счастье. Утомленная душа моя не способна болѣе ни мыслить, ни чувствовать. Я равнодушна и къ морю, и къ природѣ, и къ людямъ: моя поэзія погасла съ пробужденіемъ моимъ къ дѣйствительности, гдѣ я увидала въ любимомъ человѣкѣ.... человѣка! Не спрашивай меня болѣе, заклинаю тебя. Воспоминаніе тягостно: оно умертвитъ меня, если существенность не овладѣетъ мною и твоя великодушная дружба не вступитъ въ свои права. Другъ мой? я хотѣла бы перелить въ твою душу все, что тяготитъ мою; но есть горести, о которыхъ не достаешь воли и силъ говорить. То, что я уже тебѣ сказала; вылилось какъ-то неволью изъ больнаго сердца: я не могла остановить порыва чувствъ моихъ, и теперь, изнеможенная, бросаю перо: силы души и здоровье измѣняются мнѣ. Прощай!

Другое письмо отъ Софьи къ ея пріятельницѣ.

Добрая Наталія, я писала къ тебѣ прежде своей болѣзни, и помню, что получила отвѣтъ; но я дурно поняла его: болѣзнь уже терзала меня, и только теперь, когда я пришла въ память, я вспомнила о твоёмъ письмѣ, искала его, но не нашла; вѣроятно, оно пропало вмѣстѣ съ моими слезами: я такъ много плакала, Наташа!

Въ письмѣ своемъ ты, кажется, говорила мнѣ много хорошаго, напоминала о разсудкѣ, вѣрѣ, упованіи въ будущность.... Прекрасные совѣты! они достойны благородной души твоей. Я постараюсь исполнить ихъ; но, другъ мой, не гордись моимъ послушаніемъ: мнѣ не трудно повиноваться, потому-что я не размышляя исполняю все, чтѣ совѣтуютъ мнѣ добрые люди. Я помню, что я мать. И звѣри не бросаютъ дѣтей своихъ: какъ же мнѣ не обратиться къ молитвѣ обязанностямъ, не вырвать изъ памяти моего прошедшаго!... Но я буду говорить по порядку: мнѣ хочется пріучить себя соображать и связывать мысли. Я постараюсь какъ можно складнѣе изложить тебѣ повѣсть мою со дня какъ меня обвинчали: боюсь, чтобы и ты, какъ всѣ окружающіе, не сочла меня дурочкою, которая ничего не помнитъ. Докторъ увѣряетъ, будто я теперь совершенно здорова; говоритъ, что у меня была бѣлая горячка, но прошла и не возвратится болѣе. Богъ знаетъ, утѣшаться ли этой мыслью, и не лучше ли было бы потерять навсегда разсудокъ.... Безумная, чтѣ я говорю!... Наташа, сегодня я, въ первый разъ послѣ болѣзни, видѣла дѣтей моихъ. Они ласкали меня, цѣловали мои руки, какъ-будто я добрая, нѣжная мать. Бѣдныя дѣти! чего вы лишились!... страшно вспомнить!... Богъ видитъ, что я люблю дѣтей моихъ; я живу. Выслушай мой печальный разсказъ. Я не безумная, я все помню.

Ты знаешь, мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда опекуны мои выдали меня замужъ. Послѣ родителей моихъ осталось небольшое наслѣдство, а въ чужихъ рукахъ оно сдѣлалось еще меньше. Зато эти чужіе постарались пристроить меня: такъ называли они мое замужство. Благодарю Провидѣніе! Оно послало мнѣ добраго, почтеннаго человѣка, который хотѣлъ уберечь мою юность, осчастливить сиротство. Ему было тогда сорокъ-пять лѣтъ; но, не смотря на то, онъ могъ

заставить любить себя, и я полюбила его какъ дѣти любятъ отца. И мудро ли! въ дѣтствѣ моемъ никто не обращалъ на меня вниманія; я росла какъ дикій полевой цвѣтокъ. Я не помню моихъ родителей, а знаю только то, что скучно расти бездомной сиротою и какъ кукушкѣ искать чужаго гнѣздышка, куда бы пріютить свою сирую голову. Мужъ мой былъ человѣкъ честный и любилъ меня искренно; онъ ни въ чемъ не отказывалъ мнѣ, и если не роскошь, то совершенное довольство окружало меня. Я была счастлива, если можно имѣть понятіе о счастьи въ пятнадцать лѣтъ. Природа дала мнѣ любящее сердце: могла ли я отвѣчать неблагодарностью на ласки и привязанность моего мужа? Я во всемъ ему повиновалась, слушала его наставленія какъ урокъ добраго учителя; но часто, признаюсь, я сокращала наши бесѣды, ускользала отъ своего наставника какъ рѣзвый школьникъ отъ грамматики, и прежде, нежели онъ замѣчалъ побѣгъ мой, я успѣвала вспорхнуть на ближній пригорокъ нашего сада, откуда раздавался мой голосъ въ веселыхъ пѣсняхъ. Почтенный человѣкъ прощалъ эти шалости, рѣзвость «дикой серны», какъ называлъ онъ меня, когда я по нѣскольку разъ въ день обѣгала холмы и рощи нашей усадьбы. Мы жили очень уединенно. Сельская свобода взлелѣяла меня и довершила едва начатое воспитаніе. Прогулки по тѣнистымъ холмамъ и живописнымъ берегамъ моря восхищали и воспламеняли мое воображеніе; восторженная душа моя слѣдила природу вездѣ, гдѣ она являлась ей въ своей дѣвственной красотѣ. Довольствуясь моею свободою, я была счастлива настоящимъ; дни текли за днями: я не замѣчала ихъ однообразія... Да; я играла моею весною, не заботясь о будущемъ. Мужъ занимался чтеніемъ и хозяйствомъ; онъ былъ счастливъ, видя меня довольною.

Прошло три года моего замужства, и у меня было двое дѣтей. Я утѣшалась ими какъ куклами, наряжала какъ амуровъ, завивала ихъ прекрасныя кудри, и носила малютокъ по любимымъ горамъ, гдѣ они щебетали какъ птички, едва выговаривая слова. По зимамъ, мы уѣзжали въ городъ; но городская условная жизнь не занимала меня: любовь къ свободѣ манила въ деревню, гдѣ счастливилъ меня мой горы, мое море, звонкія пѣсни молодости и мечты обо всемъ, что начинало представляться моему любопытному взору. Наконецъ я пристрастилась къ чтенію: въ одно лѣто я прочла

множество книгъ. Бюффонъ, Карамзинъ, Руссо, Пушкинъ и Жуковский знакомили меня съ природою и людьми. Мнѣ дали Байрона: читая его, я перестала предаваться веселымъ мечтамъ и начала задумываться о вещахъ неопредѣленныхъ, не совѣтъ для меня понятныхъ; во мнѣ родилось какое-то новое чувство, — томная, сладостная боль въ душѣ и въ сердцѣ. Тѣмъ лѣтомъ въ сосѣдство наше пріѣхалъ одинъ молодой человекъ изъ столицы. Онъ познакомился съ нами, бывалъ каждый день, и съ-тѣхъ-поръ всѣ дни моей жизни такъ спутались въ моей памяти, что я ничего не умѣю сказать тебѣ обстоятельно. Я помню одно: онъ любилъ меня, и я любила его. Не спрашивай какъ это случилось: такіа чувства внезапно, невольно овладѣваютъ душою прежде, нежели узнаешь, что это любовь. Я никогда не подозрѣвала моего преступленія: я любила, и совѣсть не мѣшала мнѣ быть счастливой; я любила, и раскаяніе не тяготило души моей; я любила и думала, что весь міръ раздѣляетъ со мной мое счастье, весь міръ завидуетъ мнѣ. Наташа! не было ли это ужъ признакомъ моего безумія? оно оказалось тогда, какъ всѣ несчастія обрушились на мою голову, когда небо, въ справедливомъ гнѣвѣ, наказало меня какъ преступницу.... Тяжело воспоминаніе, но сладоссны мечты прошедшаго счастья! Бывало, каждый день ожидала я его на томъ пригоркѣ, гдѣ мы сиживали съ тобою близъ моря. Вдругъ, клубомъ взвѣется пыль на большой дорогѣ; летитъ конь; сердце затрепещетъ, хочетъ выпрыгнуть изъ груди; я вскрикну отъ радости и побѣгу домой, а тамъ выйду въ гостинную такъ тихо, спокойно, какъ-будто ничего не чувствую и ко всему равнодушна. Но онъ скоро понялъ это мнимое равнодушіе, угадалъ мою мечтательную привязанность; онъ молчалъ, но глаза его говорили: «Софія, люблю тебя». Не сновидѣніе ли это, Наташа?... куда все дѣвалось? гдѣ любовь? гдѣ счастье мое? гдѣ онъ?... Смотрю кругомъ и никого не вижу; мнѣ холодно.... тяжело на груди.... темнѣетъ въ глазахъ.... кажется, тамъ, вдали, люди смѣются, а покойники плачутъ, дѣти рвутъ цвѣты на могилѣ отца.... вотъ они приносятъ гирлянды, убираютъ меня къ вѣнцу, и онъ будетъ, конечно, моимъ шаферомъ.... Прекрасно! черное платье, бѣлые цвѣты, да могилы, все факелы да пѣсни.... «Исаія ликуй».... «Вѣчная память».... Славныя пѣсни!

Эти письма, или отрывки изъ писемъ Софьи къ своей пріятельницѣ, лучше всего могутъ ознакомить съ главнымъ лицомъ моего грустнаго повѣствованія. Что дѣлать! есть на свѣтѣ такія существа, которымъ мудроно ладить съ общимъ уставомъ жизни. Они никогда не могутъ быть счастливы. Эти люди составляютъ особенную касту въ человѣчествѣ: они живутъ болѣе внутреннею, нежели внѣшнею жизнью; у нихъ свой образъ мыслей, свое понятіе о вещахъ. Всего этого нисколько не понимаютъ люди положительные: они только умѣютъ обвинять несчастныхъ мечтателей, смѣяться надъ ними, давать имъ на каждомъ шагу толчки, и не чувствуютъ, какъ жестоко оскорбляютъ ихъ самосознаніе, какъ уничтожаютъ восторженные ихъ чувства.... Увы! эти бѣдныя сердца скитаются какъ паріи въ мірѣ вещественномъ, и скоро дѣлаются жертвами пошлой жизни. Къ такой кастѣ людей принадлежатъ болѣею частью женщины; одаренныя отъ природы великимъ запасомъ чувствительности и раздражимости; многія изъ нихъ увлекаются идеализмомъ, составляютъ себѣ высокое понятіе о людяхъ, и бываютъ совершенно несчастливы, когда неминуемое разочарованіе открываетъ имъ панораму дѣйствительности во всей наготѣ ея. Моя героиня принадлежала къ числу именно такихъ женщинъ-страдалицъ.

Софья не знала своихъ родителей. Отецъ ея умеръ за нѣсколько дней до ея рожденія, а смерть отца была причиною смерти матери: она оставила этотъ міръ въ минуту преждевременнаго рожденія сиротки Софьи. Послѣ небогатыхъ людей рѣдко являются родственники: по-крайней-мѣрѣ у Софьи не оказалось никого. Софью призрѣло чужое семейство, котораго глава называлъ себя опекуномъ сироты и взялъ подъ свое отцовское покровительство двѣсти душъ родового имѣнія покойныхъ родителей-малютки. Я не буду описывать младенчество этого ребенка, скажу только, что опекуны мало заботились о нравственномъ его развитіи. Къ Софьѣ ходили наемные учителя, но для души ея не было учителя: она сама старалась разгадывать тайны предметовъ, которые представлялись ея дѣтскому любопытству, а когда спрашивала на что-нибудь объясненія у своихъ благодѣтелей, ей отвѣчали очень простодушно: «Много будешь знать, скоро состарѣешься». Малютка иногда улыбалась, иногда, утирая слезы, уходила прочь. Такъ прошло печальное дѣтство Софьи: она

росла, училась и мечтала какъ умѣла, безъ помощи опытнаго друга-матери или наставника.

Опекуна этой дѣвицы звали Иваномъ Михайловичемъ. У Ивана Михайловича былъ хорошій знакомый, Александръ Петровичъ, котораго онъ, по дальновидности своей, давно уже назначалъ въ женихи Софѣ. Дѣло было слажено по-приятельски; но какъ почтенный Александръ Петровичъ былъ истинно добрый и не глупый человѣкъ, то онъ не хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, не посоветовавшись напередъ съ ея сердцемъ. Одно упустилъ изъ виду мой сорока-пятилѣтній пріятель: онъ не догадался, что сердце, у котораго неожиданно спросили—«Любишь ли ты Александра Петровича?» не могло не отвѣчать—«Люблю-съ». И оно отвѣчало очень справедливо, потому-что Софья, въ-самомъ-дѣлѣ, всей душою любила нареченнаго жениха своего. Иначе не могло и быть: онъ съ малолѣтства зналъ ее, и всегда былъ ея заступникомъ у стараго опекуна, который часто грозилъ наказаніемъ малюткѣ за ея дѣтскія шалости или милую рѣзвость, столь свойственную этому возрасту. Кто дарилъ ребенку затѣйливыя игрушки и прекрасныя галантерейныя вещицы на Новый годъ или въ Свѣтлое Воскресенье?... Кто! Александръ Петровичъ. Кто, чтобы позабавить Софью, присыдалъ на масляницѣ и въ другіе праздники свою нарядную четвероногую коляску, въ которой семейство Ивана Михайловича каталось около горъ или въ екатерингофскомъ паркѣ? Всѣ тотъ же Александръ Петровичъ. Наконецъ, кто былъ внимательнѣе всѣхъ къ малюткѣ Софѣ? кто такъ дружелюбно бесѣдовалъ съ нею, поддѣлываясь подъ ея возрастъ? кто такъ краснорѣчиво описывалъ ей свое помѣстье, этотъ аристократическій замокъ на берегу моря, гдѣ изъ каждаго окна виднѣются красивые лѣса, горы, сады и бесѣдки? Опять Александръ Петровичъ. Какъ не сказать было Софѣ въ заключеніе всего: «Я такъ благодарна вамъ за ваше доброе вниманіе ко мнѣ, такъ благодарна, что и сказать не умѣю! Располагайте мною какъ вашимъ искреннимъ другомъ. Я согласна выйти за васъ замужъ. Вы повезете меня въ деревню, Александръ Петровичъ, не правда ли?»

— Страхъ люблю деревню! продолжала она. Мнѣ кажется, тамъ такъ весело, такъ свободно жить и любить!

— Кто же вамъ мѣшаетъ и въ городѣ любить меня, Софья Николаевна?

— Ахъ, Александръ Петровичъ! я не объ васъ говорю. Васъ я вездѣ равно любить буду. Нѣтъ, я разумѣю любить что-то такое.... прекрасное.... напримѣръ, любить Бога, природу.... Здѣсь, въ столицѣ, мѣшаютъ и думать и чувствовать. Горько станетъ, Александръ Петровичъ, когда никто не понимаетъ, что у васъ на умѣ. Эти барышни, которыя ѣздятъ къ маменькѣ точно куклы разряженныя, говорятъ не то, что думаютъ, да я что-то сомнѣваюсь, полно и думаютъ ли онѣ объ чемъ-нибудь. У нихъ одиѣ рѣчи, — балы и танцы, танцы и балы. Намедни приѣхали къ намъ двѣ дѣвицы, и увидѣли у меня въ рукахъ русскій журналъ; «Гі, та сѣге! кто читаетъ русскія книги! какъ тебѣ не стыдно!»... Боже мой! страхъ больно было мнѣ слушать эти слова: да развѣ онѣ не любятъ своей родины?

Софья долго разговаривала съ своимъ женихомъ. Мнѣ удалось подслушать ихъ бесѣду. Можетъ-быть, еще въ первый разъ Софья рѣшилась размышлять вслухъ и смѣло выражать свои мысли, какъ-будто говорила сама съ собою. Эта свобода выразаться ей до того понравилась, что она каждый день съ нетерпѣніемъ ожидала приѣзда жениха своего и провожала его съ печальнымъ видомъ.... Милая дѣвушка! она вѣрила въ счастье жизни; опытность еще не показала ей ничего. О! какъ я завидую этому состоянію! съ какою радостью промѣнилъ бы я свою очерствѣлую душу на такія милья заблужденія! Лучше обмануться, но быть прежде того хоть мысленно счастливымъ, чѣмъ не обманываться, но и не наслаждаться. Вѣрьте, куда вѣрится!

Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ; приданое подготавлилось на деньги Александра Петровича; наконецъ все закипѣло въ домѣ опекуна, наступилъ октябрь, назначилъ день свадьбы.

Скучно, мрачно сѣверное небо въ октябрѣ мѣсяцѣ повсюду, а въ пышномъ Петербургѣ оно такъ скупое свѣтитъ, что едва отличаешь сумерки отъ блага дня. Лишь-только наступитъ утро, смотришь — черная ночь стережетъ его, и внезапно окинетъ своимъ покрываломъ столицу; туманъ гуетымъ, сѣрымъ облакомъ виситъ надъ домами; въ стекла сыплется изморозь; гудитъ вѣтеръ; клокочетъ и бушуетъ Нева.... по-неволя тоска ляжетъ на душу и все померкнетъ

въ глазахъ. Таково свойство нашего суроваго климата. Осенняя природа не веселитъ людей: старики страдаютъ физически, да и молодежь заражается скукой, хандрою, начинаютъ мечтать подъ вой вѣтра и печально смотреть на летящія желтые листья. По-крайней-мѣрѣ я имѣлъ случай сдѣлать это замѣчаніе, глядя на прекрасную невѣсту Александра Петровича; какъ тучи на небѣ были мрачны мысли ея; весь день ходила она повѣсивъ голову; по-временамъ слезы катились по розовымъ щечкамъ. Одинъ я, можетъ-статься, замѣтилъ ихъ, потому-что пристальнѣе другихъ смотрѣлъ на прекрасную дѣвушку, наблюдая ту женскую ловкость, съ какою она украдкою отирала эти брилліантовыя слезы.... Ахъ, какъ хороша была эта дитя-невѣста! Какъ теперь смотрю на нее: бѣлое тюлевое платьице; бѣлый вѣнокъ на головѣ, граціозно склонившійся къ самой щечкѣ; на шеѣ жемчужная нитка, подарокъ Ивана Махайловича; заплаканные глаза, маленькій ротикъ, бѣлая шейка.... предельно что за дѣвочка! «Дай Богъ любви да согласія!» думалъ я, прижавшись къ скромному уголку. Счастливъ мой пріятель... Деньги! — Да, деньги, продолжалъ я думать, смотря вслѣдъ толпѣ, отправлявшейся въ церковь: не будь Александръ Петровичъ богатъ, не посвататься бы ему за Софью Николаевну. Подлинно, деньги славная вещь! Сколько благъ въ мірѣ покупается ими! Мало того: какихъ почестей, славы достигаютъ люди посредствомъ денегъ! Деньги двигаютъ всей вселенной, развиваютъ науки и просвѣщеніе, даютъ возможность дѣлать добро, исторгаютъ слезы благодарности, доставляютъ друзей, да еще вѣрныхъ, неизмѣнныхъ друзей, потому-что дружба, основанная на благодарности, въ нашемъ человѣческомъ быту все-таки самая надежная дружба. А сколько ни думай, золотого пороку не выдумаешь.... Ну, да что толковать! Стану рассказывать свою повѣсть.

Я часто навѣщалъ молодыхъ; бывалъ, гащивалъ у нихъ въ деревнѣ. Тамъ-то узналъ я коротко Софью Николаевну. Къ-несчастію своему, она не походила на женщинъ, какихъ мы обыкновенно встрѣчаемъ: вѣтъ! это было существо совсѣмъ особенное. Въ ней такъ явственно отражалась простая, неиспорченная природа, что, смотря на нее, бывало, невольно вздохнешь о баснословномъ вѣкѣ, овечкахъ, ручейкахъ и другихъ идиллическихъ принадлежностяхъ небывалой Аркадіи. Только наша «идиллія», какъ въ-самомъ-

дѣлѣ домашніе прозвали Софью, не имѣла ничего общаго съ книжными пастушками: въ ея нязщвой простотѣ господствовала мысль; она мечтала умомъ, не однимъ сердцемъ. Чистая душа ея, знакомясь съ земнымъ и небеснымъ колебалась, чему отдать преимущество; находясь съ людьми, милыми ея сердцу, она желала никогда не разставаться съ землею; устремляя любопытный взоръ свой въ небесное, она порывалась туда, гдѣ живутъ ангелы. «Хорошо жить, хорошо и умереть, любя жизнь, говорила она: потому-что мы только до-тѣхъ-поръ можемъ любить нашу жизнь, пока душа наша свѣтла какъ одежда серафима.» Довольная перемѣною своей участи, Софья съ жаромъ благодарила Провидѣніе за эту милость. Она не догадывалась еще, что есть на свѣтѣ другое счастье, которое ей совѣмъ незнакомо: счастье любви. Зато она понимала дружбу и вполне наслаждалась ею. У Александра Петровича была племянница, двумя годами старѣе Софьи. Она часто гостила у нихъ. Эти двѣ молодости сошлись и, разумѣется, сдружилась тѣсно, какъ только можно сдружиться въ ихъ возрастѣ: «дружны какъ двѣ вишенки на одномъ стебелькѣ», сказалъ бы Шекспиръ. Я вспоминалъ это сравненіе всякой разъ, когда видѣлъ моихъ красавицъ, Казалось, одна только смерть могла разлучить ихъ сердца. Признаюсь, я завидовалъ этому гармоническому согласію, напоминавшему мнѣ, полу-старикъ, мою пылкую юность, время, когда товарищъ, избранный сердцемъ, былъ для меня другое я, когда счастье его было мое собственное счастье, когда не было жертвы, которой я не принесъ бы въ пользу моего друга. О! тогда себялюбіе дремало, а эгоизмъ еще не былъ извѣстенъ неопытной душѣ моей; тогда я не имѣлъ еще понятія о тѣхъ родахъ дружбы, гдѣ все основано на расчетѣ, на взаимныхъ выгодахъ, и гдѣ каждое слово можетъ поколебать довѣріе двухъ друзей!... «Наслаждайтесь, ловите время!» думалъ я, глядя на беззаботное блаженство этихъ милыхъ женщинъ, и не помышляя, что завистливый врагъ всякаго земнаго счастья вѣтъ уже гнѣздо надъ благословеннымъ кровомъ невинности.

Мы разстались. Я не могъ долѣе осени жить въ деревнѣ у друзей моихъ, а они въ ту зиму не пріѣзжали въ столицу. Такимъ образомъ мы не видались около года. Между-тѣмъ поселился въ ихъ сосѣдствѣ одинъ молодой человекъ, пріѣзжій изъ Петербурга. Они познакомились. Молодой человекъ

съ достоинствами Руслова нигдѣ не бываетъ лишнимъ, а въ деревнѣ его цѣнятся какъ рѣдкость, какъ бриллантъ, найденный въ пустынь. Семейство моего пріятеля вполнѣ оцѣнило Дмитрія Львовича. Онъ не походилъ на дюженныхъ свѣтскихъ модниковъ, или избранныхъ львовъ, красоту столичныхъ салоновъ: наружность его отличалась выраженіемъ ума; въ глазахъ отсвѣчивалась душа, а въ разговорѣ проглядывало сердце, незаржавленное опытомъ жизни. Такой человекъ не могъ не очаровать семейства Запольскихъ, и оно всей душой полюбило его. Софья особенно обращала вниманіе на задумчивость Дмитрія Львовича. Она подозрѣвала, что онъ несчастливъ, но боялась узнать обстоятельства его жизни: узнать, что онъ точно несчастливъ, казалось ей потерять часть своего собственного спокойствія. Такъ скоро любовь закрадывается въ сердце женщины! Это подземный восточникъ, который долго таится невидимый и незнаемый, но, вдругъ, пробившись на поверхность земли, летитъ неукротимымъ потокомъ, наводняетъ цвѣтущія пажити и луга, и прачивляетъ тысячу бѣдствій своею силою. Впрочемъ, эта любовь свойственна только душамъ восторженнымъ, неиспорченнымъ кознями свѣта.

Какъ часто осуждаемъ мы людей, особенно женщинъ, за вѣкъ маловажные проступки, не разбирая причинъ о обстоятельствъ, которыя способствуютъ къ увлеченію неопытной юности! Никогда не должно судить одинаково обо всѣхъ, смотрѣть одними глазами на каждого человека: что взыщется въ одномъ, можетъ быть преступленіемъ въ другомъ. Есть рассчитанныя, предвидѣнныя погрѣшности; отъ которыхъ могла бы удержать опытность жизни: худо, ежели человекъ видитъ неизбѣжность паденія, и все-таки идетъ впередъ, идетъ и падаетъ. Но есть и проступки, такъ сказать, шевинные, проступки, въ которые вовлекаются незаметно, не зная даже, что это проступокъ; исполняя только требованія сердца человеческого. Могла ли Софья не полюбить Дмитрія? могъ ли Дмитрій не полюбить Софьи? Ему уже было двадцать пять лѣтъ, а онъ еще никогда не любилъ: вѣрсь, сирота, воспитанникомъ царско-сельскаго лица; потомъ вступилъ въ статскую службу, получилъ двачина и вѣрсть, и задумалъ наконецъ, въ дурные годы неурожая, навѣстити мужичковъ своихъ, помочь имъ словомъ и дѣломъ, а въ то же время и отдохнуть отъ занятій, отъ однообразнаго круженія жизни въ шумной столицѣ. Русловъ

никогда не былъ большимъ мечтателемъ: онъ съ первыхъ лѣтъ юности старался направлять свой умъ на полезное; дѣятельность всегда была его сферой; болѣе всего онъ боялся увлекаться сердцемъ. Но самая эта осторожность не доказываетъ ли, что душа его не чуждалась цвѣтовъ поэзии, и что онъ старается только подавлять ее разсудкомъ, который всегда преслѣдуетъ сердце, какъ своего вѣчнаго врага. Въ поступкахъ и характерѣ Дмитрія было много загадочнаго для Софьи, а это-то самое и развивало въ ней любовь къ нему. Женщины никогда не цѣнятъ людей по ихъ настоящимъ достоинствамъ или недостаткамъ: онѣ почти всегда приписываютъ имъ или великія добродѣтели, или чудовищныя пороки, къ которымъ тѣ вовсе неспособны. Софья очень хорошо знала Руслова, но никогда не могла увѣрить себя, чтобы онъ не походилъ немножко на Байрона или по-крайней-мѣрѣ на автора *Méditations poétiques*, ея любимыхъ писателей, хотя совсѣмъ несходныхъ между собою. Впрочемъ, есть эпохи въ жизни каждаго человѣка, когда душа самая положительная принимаетъ поэтическое направленіе, выходитъ изъ своихъ обыкновенныхъ границъ, увлекается чувствомъ. Тогда человѣкъ смотритъ на все въ какую-то волшебную призму и видитъ все иначе. Это случается особенно въ періодъ любви: любовь, какъ извѣстно, есть то же, что опиумъ, котораго обворожительное дѣйствіе дурманитъ разсудокъ. Умъ помрачается, благоразуміе умолкаетъ, сердце похищаетъ верховную власть и начинаетъ одно управлять всѣми поступками. Такая-то роковая эпоха наступила и въ жизни Дмитрія, когда онъ узналъ Софью. Онъ полюбилъ ее съ перваго свиданія, но долго самъ не подозрѣвалъ въ себѣ этой привязанности: довѣренность къ своему разсудку мѣшала ему замѣтить новое чувство. Наконецъ.... кто можетъ удержать пылъ волкана? кто смирить море, когда оно разволнуется и завоюетъ, покрывшись сѣдою пѣною? Молодые люди полюбили другъ друга со всѣмъ жаромъ страсти. Любовь — въ высшей степени эгоистъ. Софья предана была одному чувству; всѣ мысли ея стремились къ одному предмету. Неужели ли она могла забыть, что у ней есть мужъ, которому исключительно должно принадлежать ея сердце? что, любя другаго, она отнимаетъ лучшее достояніе своего мужа?... Увы! не будемъ обвинять ее: она не понимала хорошо обязанностей, которыя добровольно приняла на себя съ семнадцати лѣтъ. Во снѣ и на яву она видѣла одного

любимица души своей, а все прошедшее считала только преступномъ къ жизни. Александръ Петровичъ не обращалъ вниманія на любовь молодыхъ людей: онъ довѣрчиво радозался, видя ихъ веселыми, счастливыми. Поэтическая душа Софьи ограждала ее отъ подозрѣній мужа: онъ зналъ, что ее увлекаетъ всякая новость, что она не можетъ быть равнодушна къ пріязни Руслова, и не находилъ въ этомъ ничего вредоудительнаго.

Такимъ образомъ пролетѣли два года. Молодые люди любили и мечтали; они были счастливы своей чистой, горячей, вѣрующей любовью. «Дмитрій! говорила иногда Софья: можетъ-быть, любить тебя есть уже преступленіе, потому-что я за мужемъ.... Да, это преступленіе, говоритъ мнѣ законъ совѣсти. Но такая глубокая, возвышенная, чистая привязанность можетъ ли считаться преступленіемъ противъ закона?... Дмитрій! еслибъ я видѣла тебя прежде хоть только одно мгновеніе, я бы умерла, а не рѣшилась принадлежать другому. Я уважаю Александра Петровича, люблю его какъ отца дѣтей моихъ.... и только! Я не подозрѣвала, выходя за мужъ, что есть другое чувство, кромѣ того, которое я питала къ жениху моему. Привязанность къ тебѣ открыла мнѣ мое заблужденіе: теперь я понимаю, что то была не любовь, а только благодарность.—Дмитрій! продолжала бѣдная женщина; еслибъ ты былъ моимъ мужемъ, я, кажется, любила бы тебя еще болѣе, я проводила бы дни мои какъ вѣрная собачка у ногъ твоихъ!»

Такия рѣчи не всегда нравились молодому человѣку.

— Эта мечтательность, милая Софья, сказалъ онъ однажды: не соотвѣтствуетъ обыкновенному порядку жизни человѣческой, гдѣ все движется прозою.

— Ты шутишь, Дмитрій, возразила Софья. Развѣ мы съ тобой можемъ думать и чувствовать разнымъ образомъ? развѣ ты менѣе любишь?

— Я люблю тебя, Софья! къ-несчастію, люблю много!... Но я, можетъ-быть, иначе понимаю любовь. Въ женѣ моей я желалъ бы видѣть болѣе разсудительной, положительной привязанности ко мнѣ, болѣе гармоніи съ общественной жизнью.

— Право?... Я тебя не понимаю, Дмитрій.

Слезы навернулись на глазахъ Софьи; она задумалась. Это были первыя горькія слезы молодой женщины; онѣ выкатились изъ сердца оскорбленнаго, непонятаго; онѣ

были предвѣстниками другихъ, еще болѣе горькихъ слезъ, которыя было суждено проливать Софѣ.

Разговоръ продолжался; но какъ передать все, что говорить на языкѣ любви? и много ли тѣхъ, которые понимаютъ лепетъ влюбленнаго сердца? Всякій, въ свою очередь, любилъ или любитъ, но не всѣ одинаковымъ образомъ. Есть любовь возвышенная, святая, готовая на всѣ роды жертвованій, сплавающая два сердца въ одно; но эта любовь требуетъ многихъ условій, — главное, она требуетъ совершенной гармоніи; а гдѣ найти это сокровище въ природѣ человѣка?... Увы! чувство такого рода по-большей-части не достигаетъ полнаго своего развитія: разочарованіе внезапно гаситъ его кроткій огонь, и оно, какъ цвѣтокъ на не родной почвѣ, вянетъ прежде цвѣтенія.

Мы увидимъ далѣе, такъ ли было и съ Софѣй; теперь обратимся къ ея разговору съ Дмитріемъ. Этотъ разговоръ былъ причиною многихъ золъ: молодые люди не вспомнили, что бесѣдка, гдѣ Александръ Петровичъ имѣлъ привычку отдыхать послѣ обѣда, недалеко отъ той лужайки, на которой они бесѣдовали. Ктому же они недавно видѣли его въ полѣ, при крестьянскихъ работахъ. Но въ этотъ день Александръ Петровичъ, чувствуя себя нездоровымъ, ранѣе обыкновеннаго возвратился съ работъ, и, не повидавшись съ Софѣй, легъ отдохнуть въ привычной бесѣдкѣ. Роковая участь неизбѣжна. Александръ Петровичъ не желалъ подслушивать, но не могъ не слышать Софѣина разговора. Неужели надобно говорить о нѣмомъ отчаяніи оскорбленнаго мужа, почти старика! Оно понятно всякому, у кого сердце бьется любовью къ ближнему, кто душою сочувствуетъ чужому горю. Пріятель мой почти безъ памяти ушалъ на деревную скамью. Онъ не винилъ Софѣй: онъ проклиналъ себя за свое заблужденіе. «Глупецъ! думалъ онъ: съ чего я взялъ, что она можетъ любить меня? Мои волосы уже начинаютъ бѣлѣть, а она съ каждымъ днемъ расширяется, она красавица, и ей только девятнадцать лѣтъ!... Ахъ, Софѣя, Софѣя!... Но нѣтъ! ты не узнаешь моей печали: я скрою отъ тебя свои чувства, ревность.... я уѣду, когда не достанетъ силъ притворяться.... умру далеко отъ тебя!»

Въ тотъ же вечеръ, когда Софѣя, задумчивѣе обыкновеннаго, сидѣла за чайнымъ столикомъ, вѣшедшій слуга доложилъ ей, что нужно послать за докторомъ, что баринъ воротился домой и чувствуетъ себя очень дурно. Софѣя побѣ-

жала въ кабинетъ мужа. Она изумилась, взглянувъ на него: лицо Александра Петровича было блѣдно какъ полотно, по щекамъ текли слезы; онъ видимо страдалъ.

— Что съ вами, Александръ Петровичъ? сказала испуганная женщина.

Онъ вздрогнулъ и горько улыбнулся, услышавъ ея голосъ; багровый румянецъ покрылъ блѣдныя щеки. Софья приложила руку къ его головѣ.

— Что съ вами?... что съ тобою?... повторяла она въ отчаяніи.

— Ничего, Софья, отвѣчалъ онъ. Это простуда и утомленіе: день такъ зноешь!... Я давно чувствовалъ себя нездоровымъ.... теперъ лежу, и.... если не встану, не жалѣй обо мнѣ, Софья: молись и береги дѣтей.

При словѣ «дѣтей», они оба заплакали. Софья поблѣднѣла и бросилась на колѣни предъ постелью мужа; она хотѣла что-то сказать, но Александръ Петровичъ перебилъ ея рѣчь: онъ видимо не желалъ ея исповѣди.

— Софья, сказалъ онъ: прости меня! Я виноватъ передъ тобою какъ человекъ. Соединивъ судьбу мою съ твоею, я думалъ о возможности нашего общаго счастья: я ошибся.... какъ всѣ люди ошибаются; прости меня! Я вдвойнѣ виноватъ: я отнялъ у тебя свободу и оставилъ на волѣ твою пламенную мечтательность. Зато.... Но полно!... Софья, береги дѣтей, не передавай имъ своей чувствительности, научи ихъ жить на землѣ, между людьми.... не между ангелами. Береги свое доброе имя, не жертвуй ни имъ, ни дѣтьми для шибкаго, невѣрнаго счастья. — Твоя молодость.... продолжалъ онъ уже въ бреду; я надѣялся.... мои старанія угождать тебѣ.... я ошибся.... прости!....

Но Софья уже не слыкала послѣднихъ словъ: ее вынесли безъ чувствъ изъ комнаты мужа. Докторъ не заставилъ ожидать своего прибытія: онъ явился, осмотрѣлъ больного, остался при немъ ночевать, истощилъ все свое искусство, усердіе; но.... всѣ мольбы и слезы Софьи были напрасны: горячка Александра Петровича усиливалась съ каждымъ днемъ болѣе, и скоро ему стала уже ненужна помощь земная: черезъ пять дней Александръ Петровичъ умеръ на рукахъ Софьи, не переставая благодарить ее за тѣ немногіе дни счастья, которыми она подарила его въ первые годы супружества.

Отдавъ послѣдній долгъ брешнымъ останкамъ мужа,

Софья не могла устоять противъ душевныхъ страданій. Она употребила всѣ силы, чтобы безмолвно покориться своей участи. И въ-самомъ-дѣлѣ: къ чему расточать слова, просить соболѣзнованія? Но нѣтъ! сердце преодолѣло. Софья не жаловалась на судьбу свою; за то внутренно переносила страшныя мученія. Мысль, что она, можетъ-быть, виновница смерти достойнаго человѣка, отца.... О! въ жизни иной женщины есть такія мгновенія, которыхъ никогда не поймутъ мужчины. Въ эти мгновенія онѣ старѣютъ годами; совѣсть умерщвляетъ ихъ моральное существованіе. Грозный, неутомимый судья, она, не какъ ангель-утѣшитель, но какъ мстящій духъ правды, безпрестанно стоитъ предъ ними и укоряетъ въ преступленіи. Но надобно, чтобы женщина была женщина съ женскимъ сердцемъ, женскимъ умомъ. Тогда прощай все прошедшее; забыты мечты, забыты всѣ радости, забыта сама любовь. Раскаяніе поглощаетъ всѣ мысли и чувстваванія. Таково именно и было состояніе Софьи; она страдала какъ-нельзя-болѣе, и наконецъ занемогла, занемогла страшно. Болѣзнь ея обнаружилась отсутствіемъ памяти: дѣтей, друзей, могилу мужа, она все смѣшивала въ своихъ запутанныхъ мысляхъ, говорила безъ связей, и въ этомъ нестройномъ лепетѣ безумія создавала что-то свое. Но и сумасшествіе Софьи отражало въ себѣ ея нѣжную, поэтическую душу. Я съ глубокимъ прискорбіемъ смотрѣлъ на этотъ живой портретъ Офеліи: та же грація, та же прелесть, и по-временамъ она также пѣвала, — пѣвала не Шекспировы стихи: нѣтъ! она слагала свои пѣсни обливаясь слезами на могилѣ мужа. Вотъ что я сохранилъ въ памяти изъ ея безумныхъ мечтаній:

«Гдѣ я? гдѣ я?... вокругъ меня кресты,

Да могилы... да цвѣты!....

Не могла.... нѣтъ! то не могла:

Брачное то ложе....

Ложе брачное, могила —

Не одно ль и то же?

Почию я сіяніе огней,

Роль играю и ллѣй,

Кларъ поеть и тихо и печально

Гимны мнѣ вѣщальны;

А на мнѣ варадъ гнѣхальный —
Саванъ погребальный!»

Такъ прошли лѣтніе и осенніе мѣсяцы. Наконецъ молодость и наука восторжествовали: Софья начала выздоравливать. Въ это-то время она писала второе письмо, помѣщенное въ началѣ моего повѣствованія. Оно было адресовано къ той доброй пріятельницѣ, о которой я говорилъ, описывая первое время замужства Софьи, и пошло ко мнѣ потому, что пріятельница Софьи, черезъ годъ послѣ смерти своего дяди, Александра Петровича, стала моею женою. Софья не была откровенна въ письмѣ своемъ: она тогда еще не совсѣмъ оправилась отъ болѣзни и скрывала ее; какой-то стыдъ удерживалъ несчастную отъ признанія, что разсудокъ ея иногда помрачается. Пріѣхавъ къ ней въ деревню, мы узнали ея тайну. Не трудно было понять, что болѣзнь не проходитъ частью оттого, что Софья продолжаетъ жить среди мѣстъ, полныхъ горестными воспоминаніями. Мы рѣшились силою увезти ее изъ деревни. Въ городѣ мало-по-малу она начала оправляться: припадки сумасшествія все становились рѣже и рѣже, задумчивость разсѣявалась. Наконецъ Софья выздоровѣла совсѣмъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнился ея характеръ. Искусство и дружба возвратили намъ и обществу Софью, но Софью уже не пылкую, не мечтательную, не поэтическую: то была совершенно другая женщина. Оставимъ ее покуда, и вспомнимъ о Дмитріи, который вскорѣ послѣ смерти Александра Петровича уѣхалъ за границу и, годъ спустя, писалъ оттуда слѣдующее письмо:

« Лондонъ.

« Никогда не располагая путешествовать, любя всей душою мое отечество, я всегда думалъ такъ: «Хорошо тому, у кого есть родная земля, кто не родился космополитомъ.» Но человекъ часто принужденъ дѣйствовать вопреки своимъ убѣжденіямъ или правиламъ. Я покинулъ родину, и можетъ-быть на всегда. И куда бросила меня горькая участь? гдѣ нахожусь я?... О! далеко, далеко отъ тѣхъ благословенныхъ краевъ, куда носила меня мечта въ первые годы юности; далеко отъ цвѣтущихъ береговъ Андалузій, отъ древняго Капитолія, отъ развалинъ Рима. Идѣтъ, я блуждаю въ положительной, умной Англій, и въ такую минуту, когда бѣдный разумъ мой не способенъ ни къ какимъ вѣща-

нимъ ощущеніямъ. Безмысленно смотрю я на изумительную дѣятельность Англичанъ, на неимовѣрную ихъ способность къ изобрѣтеніямъ, и не могу оцѣнить великаго народа.

«Вотъ уже годъ, какъ я оставилъ Россію, и съ-тѣхъ-перъ не писалъ тебѣ, надѣясь совершенною неизвѣстностью о моемъ настоящемъ прервать послѣднюю цѣпь, связывающую меня съ соотечественниками и милыми сердцу. Не знаю, какъ назовешь ты этотъ поступокъ, но онъ мнѣ стоилъ великихъ усилій. Давно уже я прокливаю свой недоумчивый нравъ, свою гордость, которая мнѣ надѣлала много зла. Я стыжусь быть слабымъ и не умѣю быть твердымъ, потому-что люблю глубоко, истинно, такъ, какъ, можетъ-быть, рѣдко любятъ люди. Я люблю Софью. Софья свободна... Было время, и она любила меня, любила всѣмъ сердцемъ. Тебѣ извѣстна наша взаимная привязанность: я раздѣлялъ съ тобой все, что у меня было на душѣ; ты знала мою Софью. Могли ли мы не полюбить другъ друга? могли ли утратить это чувство одинъ отъ другаго? Нѣтъ, это было бы выше силъ человѣческихъ. Софья, какъ неиспорченное свѣтомъ дитя, не могла подозревать ничего предосудительнаго въ чувствѣ, которое ко мнѣ питала; она, восторженная, не умѣла повиноваться разсудку; она не ссорилась съ своею совѣстью, не понимала, что, любя другаго, оскорбляетъ своего мужа; не понимала, что онъ одинъ въ правѣ владѣть ея сердцемъ; а я... я не рѣшался, не хотѣлъ выводить изъ заблужденія эту мечтательную душу: я боялся попятить ей условія нашей жизни. Сказать — «Софья, ты преступница, потому-что любишь меня» — значило отравить всю ея жизнь, тѣмъ болѣе, что вѣдь я самъ любилъ ее. Заглушивъ чувство своей обязанности къ этому семейству, я благоговѣлъ предъ любовью Софьи. Но не долго продолжалось мое блаженство. Вдругъ, почти внезапно, странная мысль закралась въ мое сердце. Я сталъ наблюдать, изучать характеръ Софьи... и что жъ увидѣлъ я въ ослабленіи моего разума?... Мнѣ показалось, будто любовь ея ко мнѣ — не болѣе, какъ мечта пламеннаго воображенія; что такая женщина, какъ Софья, не можетъ никого не любить, и, если бы на моемъ мѣстѣ былъ не я, а какой-нибудь другой молодой человѣкъ, только не совсемъ чуждый, то Софья полюбила бы и его. Эта мысль преслѣдовала меня каждую минуту; она намещивала мнѣ страшныя предположенія и шепотомъ такъ овладѣла мною, что и почти возненавидѣлъ

Самое. Но мнѣ пробудилось мнимо-оскорбленное достоинство мужчины, заскреблося глупое самолюбіе, и ужасная борьба сердца съ разумомъ обезсильвала меня: я изнывалъ и притворялся. Нѣжная привязанность Софьи не была опѣшанною какъ должно; ласковыя слова пропадали въ воздухѣ или лежались на сердцѣ только для того, чтобы тяготить его мучительной пыткой. Между-тѣмъ Софья не замѣтила во мнѣ переменъ; довѣрчивая душа ея судила обо мнѣ во собѣ: гордость и скрытность мою она принимала за качества болѣе благородныя, потому-что мой жестокой образъ мыслей былъ совершенно чуждъ ея добротѣ и кротости. Такъ прошло нѣсколько времени. Я не имѣлъ довольно твердости оставить Софью, видѣлъ ее всякій день и страдалъ отъ любви ея. Я проклиналъ въ душѣ моей поэтическую мечтательность этой женщины: она отражалась въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ поступкѣ, и она-то погубила мое счастье. Я осуждалъ ее! я видѣлъ одну холодность въ этомъ горячемъ бреду молодого воображенія, какъ я называлъ восторженность Софьи. Мнѣ было грустно; я думалъ: «Если бы Софья была и свободна, я вся-таки не выбралъ бы ее водругую моей жизни. Она можетъ любить пламенно, но любить только мечту свою, не мужа. Чуть любимый предметъ обманетъ ее поэтическія мечтанія, она тотчасъ отречется отъ любви своей...» Такъ ошибочно думалъ я о свойствахъ Софьиина сердца, а между-тѣмъ продолжалъ видѣть ее. Иногда у меня бывали минуты безъ мыслей, минуты, въ которыя я не могъ размышлять ни объ чемъ... О! тогда я былъ счастливъ; тогда я вѣрилъ словамъ ея, вѣрилъ голосу ея сердца.

«Одинъ разъ мы говорили съ Софьей, и мужъ ея слышалъ нашъ разговоръ. Послѣдствія тебѣ извѣстны. По кончинѣ Александра Петровича, я не видалъ Софьи. Я уѣхалъ за границу съ мыслию можетъ-быть никогда не возвратиться въ Россію. Но что такое всѣ наши предположенія, вся наша воля, особенно моя воля? Это только борьба сердца съ разумомъ. Могу ли я жить въ разлукѣ съ Софьей? что мнѣ такая жизнь?... Пустота, ничтожество. Гордость, съ которою я судилъ сердце Софьи, давно исчезла. Если бы Софья и въ-самомъ-дѣлѣ была виновата передо мной, я простилъ бы ее. Вижу одного себя, какъ безумца, и у ногъ ея готовъ просить состраданія... не емѣю сказать любви, даже дружбы. Не захочетъ ли она слушать мою исповѣдь?

Безъ всякой надежды, безъ всякихъ видовъ, потому только, что я не могу имѣть никакой тайны отъ Софьи и хочу обнаружить передъ ней все мое раскаяніе, прошу тебя, мой другъ, быть посредникомъ между нами. Постарайся ее увидѣть и передай ей все, что я тебѣ написалъ. Съ трепетомъ буду ожидать твоего отвѣта, какъ приговора о жизни или смерти.»

Пріятель Руслова — знакомый мнѣ человекъ. Получивъ это письмо, онъ принесъ его ко мнѣ и просилъ поступить какъ я думаю. Впоследствии я узналъ причину такого равнодушія его къ дѣлу своего друга: онъ самъ имѣлъ виды на Софью.... Вотъ каковы друзья!... Да что ужъ и говорить о дружбѣ тамъ, гдѣ замѣшались любовь и женщина.

Мы долго разсуждали съ женой, что дѣлать въ этомъ затруднительномъ обстоятельстве. Наташа, правда, съ перваго слова рѣшила, что надобно показать письмо.

— Незвѣстность о любимомъ человекѣ — хуже смерти, говорила она. Притомъ вотъ что я думаю. Если Софья все еще любитъ Руслова, то, прочитавъ это письмо, самолюбіе ея восторжествуетъ надъ любовью; а этого-то и должно желать, потому-что, согласись, Русловъ не стѣнитъ быть ея мужемъ. Какъ могъ онъ такъ несправедливо обвинять этого ангела!... Ахъ, какъ вы злы, мужчины!... Да, я покажу Софѣ письмо: оно послужитъ ей цѣлебнымъ бальзамомъ, рецептомъ, который навѣрное ее вылечитъ.... если только она больна.

— Послушай, Наташа, замѣтилъ я: да полно нужно ли ее вылечить?

— А какъ же! вскричала жена: неужели вы думаете, что такое гадкое мнѣніе, какое позволилъ себѣ Русловъ насчетъ Софьи, можетъ остаться безъ наказанія?... Нѣтъ, милостивый государь, этихъ вещей не прощаютъ. Я хочу наказать его, отмстить за оскорбленіе Софьи. Съ чего онъ взялъ?... какъ онъ осмѣлился?...

— Прекрасно, мой другъ; но не лучше ли предоставить все это самой Софѣ?

— Нѣтъ, она слишкомъ добра. Сверхъ-того, можетъ-быть, и гордость не позволитъ ей самой за себя вступиться. Я буду дѣйствовать за нее.

Я не хотѣлъ противорѣчить вспыльчивой женѣ моей, и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Ну, дѣлай какъ знаешь. Я васъ, женщина, право не

понимаю: или я слишкомъ глупъ, или вы слишкомъ умны, только въ васъ есть что-то для меня рѣшительно непостижимое. Вещи, которыя мы, мужчины, едва замѣчаемъ, иногда огорчаютъ васъ до послѣдней крайности. Не спорю, что Софья много перенесла; но какъ было можно до такой степени измѣниться въ характерѣ и образѣ мыслей?

«Въ-самомъ-дѣлѣ. думалъ я про себя: кто теперь узнаеть въ Софьѣ Николаевнѣ ту идиллію, которою мы прежде такъ восхищались? Бывало, весело смотрѣть на нее: сколько жизни въ ея рѣчахъ, въ ея поступкахъ! Что слово, то мысль или чувство. А какъ мила бывала она въ своей комнатѣ: и перо и книги, и кисти и ноты; она любила все, что прекрасно. А теперь!...»

Уговоривъ жену мою не спѣшить съ письмомъ Дмитрія Львовича, я въ тотъ же день зашелъ къ Софьѣ.

— Что подѣлываете, Софья Николаевна?

— Мало ли дѣла у хозяйки! отвѣчала она.

— Все такъ, сударыня; но, послѣ хозяйственныхъ хлопотъ, вы рисуете, читаете?

— Нѣтъ, я занимаюсь рукодѣльемъ: это гораздо полезнѣе.

— Но не пріятнѣе. согласитесь, Софья Николаевна?

— Увѣряю васъ, для меня всѣ занятія равны. Въ простыхъ я вижу болѣе пользы. Живопись волнуетъ воображеніе, музыка разстраиваетъ нервы: и то и другое вредно.

«Правду сказать, оно очень не глупо сказано», подумалъ я, но въ то же время горько вздохнулъ, вспомнивъ прежнюю Софью. Боже мой! гдѣ это милое, поэгическое созданіе, эта прекрасная идиллія?... Увы! вотъ она передо мною.... съ ключами и счетами, съ безжизненнымъ спокойствіемъ на лицѣ!

— Вы такъ любили все изящное, Софья Николаевна. Теперь я не вижу у васъ ни одной книги.

— Я почти ничего не читаю, отвѣчала она. Впрочемъ, есть книги.... такія, изъ которыхъ можно почерпнуть что-нибудь полезное.

— Не «Хозяйственныя-ли записки» или «Домашній лечебникъ?» спросилъ я съ досадою.

Софья, не знаю съ какой мыслью засмѣялась, и, не отвѣчая на мой вопросъ, сказала, что она, къ-сожалѣнію, не можетъ раздѣлить со мной пышнѣшняго утра.

— Это не очень вѣжливо, даже не по-дружески—бросить гостя, мужа вашей пріятельницы, Софья Николаевна!

— Извините. Мнѣ надобно ѣхать въ ряды. Теперь то время, когда дешевы лимоны, и ихъ запасаютъ на зиму.

Эти слова вывели меня изъ себя: я ушелъ.

— Боже мой! вскричала жена моя, когда я рассказалъ о свиданіи своемъ съ Софьей: что это съ нею сдѣлалось? Конечно, женщина не должна чуждаться житейской прозы; но предаться ей до такой степени—это крайность! Неужели мы на то образуемъ свой умъ, свое сердце, чтобы быть ключницами и няньками? Неужели можно нравиться порядочному человѣку, имѣя только качества искусной хозяйки?

Послѣ этого, насъ уже ничто не удерживало показать Софѣ письмо Руслова: прозаическое направленіе ея характера, спокойствіе, которое было замѣтно во всѣхъ ея поступкахъ, ручались намъ, что признаніе и раскаяніе Дмитрія не будутъ имѣть на нее большаго вліянія. Нѣсколько дней спустя, Наташа, вооружась женскою гордостью и мнимымъ презрѣніемъ къ мужчинамъ, прочла другу своему роковыя строки.... Софья выслушала до конца; на лицѣ ея не показалось ни румянцу, ни блѣдности: она была по-видимому совершенно спокойна, но взяла однако жъ письмо Руслова изъ рукъ Наташи, прочла его сама, и, отдавая, сказала:

— Онъ живъ!... Мнѣ что-то казалось, что его уже нѣтъ на свѣтѣ....

Одинокая слеза выкатилась на ея щеку.

— Дмитрій правъ! примолвила Софья: я не осчастливила бы его своей любовью. Два сердца не могутъ любить съ равною силою: одно всегда любить больше и бываетъ въ страдательномъ положеніи; его не поймутъ, осудятъ, и наконецъ бросятъ. Дмитрію не нравилась моя восторженность. Теперь я не та: его жестокий урокъ и несчастія измѣнили меня; я передѣлала свой характеръ.... не говорю объ усидяхъ...., я достигла цѣли: живу безъ вѣдома сердца; разумокъ управляетъ моею волею. Но.... я бы желала, Наташа, чтобы онъ увидѣлъ меня такою, какова я теперь: что скажетъ онъ о положительной Софѣ? не пожалѣетъ ли прежняго?... Признаюсь, это моя мечта. Она малодушна, конечно; но.... что дѣлать! слабость! За то, это уже послѣдній проступокъ: я искуплю его всей своей будущностью.

— По этому я могу заключить, что ты еще любишь Дмитрія, сказала Наташа.

— Я уважаю память моего мужа, отвѣчала Софья съ до-

спонсоровъ: прочее — все суета!... Мы всё — рабы прищотей и фантазій, сами не знаемъ, что любимъ въ себѣ и въ другихъ. — Дмитрій! вскричала она потомъ, и бросилась въ дѣтскую.

Наташа не могла понять, что хотѣла сказать Софья; но имя Дмитрія, казалось ей, вылетало изъ сердца, которое еще любить. По несчастію, во все остальное время дня, жепѣ моей никакъ не удалось возобновить неоконченнаго разговора: Софья каждый разъ уклонялась, какъ-скоро Наташа заводила рѣчь о Дмитріѣ Львовичѣ. Наконецъ онѣ простились. Наташа, пріѣхавъ домой, поспѣшила сообщить мнѣ результатъ своей экспедиціи. «Женщины! женщины! сколько въ васъ непонятныхъ противорѣчій!» думалъ я, слушая Наташу, когда она, со всѣмъ жаромъ женскаго краснорѣчія, передавала мнѣ разговоръ свой съ Софьей.

Было жаркое время. Июнь мѣсяць, во всемъ блескѣ своей красоты, подарилъ намъ прекрасною погодою. Весь Петербургъ переселился на дачи; и я, скромный чиновникъ, поселился съ женой въ небольшой хижинѣ близъ Черной Рѣчки: мѣсто, правда, не совсѣмъ поэтическое, — виды хороши тамъ только для близорукихъ, да и прогулки по берегу мутнаго ручья не весьма привлекательны, не многимъ отличаются отъ уличныхъ въ городѣ: также тѣсно и душно и шумно, особенно для человѣка, привыкшаго въ лѣтнее время дышать на просторѣ, взбираться на крутизны, и любоваться оттуда живописными мѣстоположеніями. Я помню, въ Крыму.... Но остановись, мое рѣзвое воображеніе! вспомнимъ лучше о моемъ добромъ отцѣ, который училъ меня не сбиваться съ дороги. Бывало, я начну говорить ему объ одномъ и тотчасъ сверну на другое. «Стои, Михайло! вскрикивалъ онъ. Когда надлежитъ идти прямо, такъ ни сворачивай въ сторону: оступишься, упадешь или увязнешь въ болотѣ». Досадно, бывало, станеть мнѣ, и согласишься съ отцомъ. Несмотря на то, я все-таки не отсталъ отъ привычки сворачивать въ сторону, и не могу по-дѣла не вдумать въ иной разскалъ того, что совсѣмъ нейдетъ къ дѣлу. Такъ и теперь, заговоривши о Черной Рѣчкѣ, чуть-было не отправился на мою милую родину.

гдѣ я былъ молодъ, безнеченъ!.... Ну, да объ родивъ и объ молодости моей поговорю уже въ другой разъ, а покуда далѣе Черной Рѣчки не пойду: мнѣ и здѣсь хорошо съ доброй женой и малютками, которыхъ люблю больше жизни.

Они, сердечные, какъ ласточки, ожили на свѣжемъ воздухѣ. Жена была въ восхищеніи отъ зелени тѣнистыхъ аллей и садовъ, не могла нахвалиться сѣверною Венеціею, какъ называла она невскіе острова. Одно огорчало ее: Софью никакъ не могли уговорить переѣхать къ намъ на дачу: она утверждала, что переѣзды хлопотливы, а лѣтнее кочевье не приноситъ никакой пользы. «Впрочемъ, чтобъ сдѣлать и вамъ и себѣ удовольствіе, я буду видѣться съ вами, прибавляла она. Привезу и дѣтей: пусть иногда погуляютъ.»

Прошло шесть недѣль; Софья точно пріѣхала съ семействомъ, и, убѣдясь нашею просьбою, согласилась провести съ нами нѣсколько дней. Эти дни были торжествомъ для жены моей. Она употребила все стараніе, чтобъ украсить нашъ скромный уголокъ: и цвѣты, и маркизы, и легкія скамьи, и диванчики, красовались, первые въ окнахъ, другіе въ малюткѣ-палисадникѣ, посрединѣ котораго плутишка Амуръ, спрятавъ свою рафаэлевскую головку въ бѣлые и розовые цвѣтки душистаго горошку, по-временамъ таинственно выглядывалъ на улицу, гдѣ непрерывно порхали дамы и казалеры, иногда останавливаясь у нашей рѣшетки, непритворно любуясь на живыхъ амурчиковъ, дѣтей Софьи, которымъ не доставало только крылышекъ для совершеннаго сходства съ Амуромъ, сторожомъ садика. Дѣти Софьи какъ двѣ капли воды походили на мать, а надо замѣтить, она ни на минуту не переставала быть всё той же красавицей, какою мы ее знали прежде: напротивъ, совершенныя дѣта придали ей что-то величественное, озарили ея красоту достоинствомъ, котораго она не имѣла въ первой веснѣ своей. Казалось, что Софья погружена въ свою душу, въ мыслящую часть существа своего, и это придавало столько значительности ея чертамъ, что нельзя было не любоваться на эту прекрасную женщину.

Однажды, полъ-вечеръ, двѣ подруги сидѣли на балконѣ и въ разсѣяніи посматривали на окружающіе предметы.

— Восхитительный день! сказала Наташа: какъ будетъ хорошо вечеромъ, Софья?

— Всѣ дни равно прекрасны у Бога, отвѣчала Софья: если мы вѣримъ, что въ каждомъ днѣ Его есть цѣль, вѣнцѣнная для насъ смертныхъ.

— Послушай, Софья! съ живостью вскричала моя жена: бываютъ минуты, когда можно только чувствовать, а не разсуждать. Оставь хоть на нѣсколько секундъ свои глубокія размышленія; посмотри лучше на мѣсяцъ какъ прекрасно выходитъ онъ изъ-за вершинъ зелени и освѣщаетъ берега нашей рѣчки! Лучи его отражаются въ водѣ, играя съ волнами!

— Важу, равнодушно отвѣчала Софья.

Казалось, она задушила вздохъ, который хотѣлъ вырваться изъ ея груди.

— А видѣла ли ты, Наталья, мужчину, которой такъ быстро промчался верхомъ мимо насъ?

— Глаза мои обращены къ небу; я въ эту минуту не хоту видѣть ничего, что дѣлается на землѣ, отвѣчала шутливо жена моя: я мечтаю.... я поэтъ....

— А этотъ мужчина знакомый намъ человѣкъ, продолжала Софья: это Дмитрій Львовичъ проѣхалъ.

Наташа съ удивленіемъ устремила глаза на свою подругу: она не могла понять, какъ Софья говоритъ такъ равнодушно о Дмитріи.

— Дмитрій Львовичъ! вскричала она.

— Ну, да.

— Софья.... ты каменная!.... Неужели появленіе Дмитрія въ эту минуту не встревожило, не испугало тебя? Неужли сердце твое не облилось кровью, и прошедшее....

Наташа не успѣла досказать своей мысли, потому-что Софья ужъ не было на балконѣ: она ушла въ свою комнату и заперла дверь. Мы не видали ея въ продолженіе всего вечера. Вышла гостя наша уже на другой день, когда мы сидѣли за утреннимъ чаемъ. Лицо ея было блѣдно; слѣды безсонной ночи отражались въ прекрасныхъ глазахъ ея; но она съ необыкновеннымъ искусствомъ сохраняла видъ спокойствія, который такъ изумлялъ мою Наташу.

На другой день всадникъ на ворономъ конѣ опять проѣхалъ мимо нашего цвѣтника. Дамы мои видѣли и узнали его, а онъ, кажется, насъ не замѣтилъ.

Софья собиралась въ геральдъ, несмотря на дружескіе упреки Наташи, которая просила ее остаться еще на сколько дней. Всѣ просьбы были напрасны. Наконецъ жена моя рѣшилась отпустить свою пріятельницу, съ условіемъ, чтобы, прежде ея отъѣзду, еще разъ погулять вмѣстѣ на Власиномъ Островѣ. На это Софья согласилась. Мы быстра доплыли внизъ по теченію рѣки, и зеленые берега съ своими пушистыми садами, цвѣтниками и дачами, двигались мимо нашихъ глазъ, какъ декорація въ балетѣ «Кесарь въ Египтѣ». У повороту въ проливъ между Крестовскимъ и Каменнымъ Островами, намъ встрѣтился великолѣпный катеръ, наполненный дамами и мужчинами. Красавицы, въ щегольскихъ нарядахъ, свѣсиво посматрѣли на насъ; но молодой человѣкъ, управлявшій рулемъ, вскрикнулъ и уронилъ въ воду шляпу, которая была у него въ рукѣ. Произошло маленькое смятеніе; катеръ остановился. Между-тѣмъ наша легкая лодочка стрѣлой проскользнула мимо и понеслась даѣе по теченію. Софья гордо улыбнулась, оглянувшись назадъ; Наташа задумалась. Мы много гуляли; наконецъ, утомясь, сѣли подъ тѣнь пыльных березокъ. Черезъ нѣсколько минутъ, вдали, на дорожкѣ, показалось то же самое общество, съ которымъ встрѣтились мы на водѣ. Оно шло медленно въ нашу сторону. Я обратилъ все свое вниманіе на Софью: ничего!.... какъ-будто ей и дѣла нѣтъ, что черезъ минуту она, можетъ-статься, будетъ говорить съ тѣмъ, кто былъ предметомъ ея цѣлнѣйшей привязанности. Толпа поравнялась съ нами. Дмитрій остановился, снялъ шляпу, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить ни слова.... Софья, напротивъ, была спокойна по-прежнему и даже ободрила его своей прстой рѣчью. Въ спокойномъ взглядѣ ея не было ничего, кромѣ удовольствія отъ встрѣчи съ старымъ знакомымъ. Разговоръ ограничивался однимъ свѣтскими привѣтствіями. Желая придать ему больше жизни, думая, что Софья не можетъ же оставаться всегда такую безчувственною. Наташа стала просить Дмитрія, чтобы онъ проводилъ насъ домой, если это не будетъ неприятно его дамамъ. Какое-то, Дмитрій совѣтъ забыть своихъ дамъ. Слова жены моей напомнили ему тяжкій долгъ учтивости. Онъ рассказывался съ нами, но сказалъ, что побѣжитъ только извиниться передъ своимъ обществомъ и потомъ придетъ къ намъ на Черную Рѣчку.

— В самомъ счастливъ мою встрѣчу, въ замѣшательствѣ говорилъ онъ Наташѣ: и не могу не воспользоваться позволеніемъ быть у васъ.

— Да, да, прѣзжайте, повторяла вѣтренница Наташа: и прѣзжайте скорѣй, если хотите застать у насъ Софью; она покидаетъ меня сегодня же вечеромъ.

— Я охотно жертвую лишнимъ часомъ для стараго знакомаго, сказала Софья.

Дмитрій ушелъ; мы поѣхали. Я не поэтъ и не наблюдаю челоѣческаго сердца, однако жъ и мнѣ нельзя было незамѣтить удивительной драмы, которая разыгрывалась въ этотъ вечеръ за нашимъ чайнымъ столикомъ. Одишь уже Дмитрій могъ служить богатымъ сюжетомъ для наблюдателя. Лице его поминутно измѣнялось. Видно было, что въ душѣ молодато челоѣка происходитъ страшная борьба чувствъ: оно выражало попеременно то изумленіе, то удовольствіе, то отчаяніе, то надежду. Дмитрій былъ въ странномъ положеніи противъ Софьи. Зашла рѣчь объ его путешествіи.

— Чтѣ заставило васъ покинуть Англію? спросила у него Софья.

— Невозможность быть счастливымъ на чужой сторонѣ, отвѣчалъ Руслонъ.

Всѣ замолчали.

— Я бы любила Англію болѣе нежели всякую другую часть Европы, сказала наконецъ Софья.

— За чтѣ такое предпочтеніе, Софья Николаевна? спросилъ Дмитрій.

— Тамъ, отвѣчала она: совершается великая операція надъ умомъ челоѣка; тамъ торжествуетъ разумъ, покоряя подъ свое владычество страсти. Можеть-быть, Англичане, болѣе чѣмъ другой народъ, удалились отъ простоты и естественности; можеть-быть, они не довольно чувствительны къ красотамъ природы; зато ихъ по преимуществу можно назвать челоѣками: всѣ способности, отличающія челоѣка отъ животныхъ, развиты у нихъ въ высшей степени, и оди своей практической дѣятельностью, своею изобрѣтательностью, приносятъ огромную пользу всему челоѣческому роду.

Руслонъ, казался, хотѣлъ противорѣчить Софѣ; но я не могъ хорошенько понять его словъ: онъ видимо, былъ въ замѣшательствѣ и терзался.

— Я полагаю, продолжала между-тѣмъ Софья: что Ан-

рика, какъ страна всего положительнаго, имѣла бы для меня еще болѣе занимательности. Тамъ, говорятъ, уже все продано въ жертву одному уму и расчету: поэзія, мечтательность, нѣжность чувствъ тамъ считаются глупостью, вздоромъ.

Говоря это, Софья почти непримѣтно улыбнулась.

— Вы ли это?... вскричалъ Русловъ: васъ ли я слышу, Софья Николаевна?

— Время, Дмитрій Львовичъ, измѣняетъ людей, показывая имъ ошибки ихъ молодости; время и опытность — великіе наши наставники, согласитесь.

— Vous moralisez, madame.

— Я говорю искренно свои мысли, отвѣчала Софья.

— Но неужели ваши мысли избрали постояннымъ собесѣдникомъ своимъ одинъ сухой разсудокъ, не допуская ни малѣйшаго участія сердца?

— Сердце обманываетъ, Дмитрій Львовичъ. Я предпочитаю разсудокъ: онъ одинъ можетъ свѣтить на темномъ пути нашей жизни.

— Это софизмъ, Софья Николаевна. Вы шутите; вы хотите насъ мистифровать.

— Увѣряю васъ, нѣтъ. Я говорю то, что думаю въ самомъ дѣлѣ.

— Но вы мать прекрасныхъ малютокъ; вы нѣжная мать; а можете ли разумъ брать верхъ надъ сердцемъ матери?

— А если и любовь мою къ дѣтямъ я почерпаю также изъ разума, а не изъ сердца? сказала Софья.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Дмитрій: вы отступаете отъ порядка, установленнаго природою; вы лишаете себя дравъ, которыя она вамъ дала, и отнимаете у другихъ счастье видѣть въ васъ женщину со всѣми преимуществами своего пола. Женщина только тогда можетъ нравиться, когда не походитъ на насъ, мужчинъ. Она нравится своимъ сердцемъ, своею изящною чувствительностью. Мы не ищемъ въ ней гениальнаго ума, философія, обличительныхъ познаній: это недаунтизмъ; мы цѣнимъ ея сердце....

— Но такая женщина, перебила Софья, замѣтите, Дмитрій Львовичъ, болѣе или менѣе всегда склонна къ мечтательности; а это можетъ вредить ея собственному благу и никогда не составитъ счастья разсудительнаго мужчины.

Софья горько улыбнулась при этихъ словахъ, и, будто не

замѣтить впечатлѣнія, которое произвели они на Дмитрія, обернулась къ Наташѣ съ вопросомъ:

— Долго ли ты проживешь на дачѣ, Наталья?

— Сколько можно долѣе, отвѣчала жена моя, и онѣ заговорили о хозяйствѣ, въ которомъ Софья обнарудила необыкновенно глубокія свѣдѣнія.

Я взглянулъ на Дмитрія: онъ сидѣлъ блѣдный, опершись на руку, и казался погруженнымъ въ мысли. Черезъ нѣсколько минутъ Софья встала, обняла Наташу, дружески поклонилась мнѣ и Руслову, и, завернувши въ маленькіе клоки своихъ дѣтей, оставила наше общество, которое безъ нея, какъ безъ своего свѣтила, сдѣлалось очень печально и молчаливо. Дмитрій также скоро уѣхалъ; Наташа задумчиво пошла въ свою комнату.

Во весь остатокъ лѣта Софья не возобновила болѣе своего востъщенія. Жена моя, будучи мамой-кормилицей, не могла покинуть ребенка. Такимъ образомъ онѣ не видались слишкомъ два мѣсяца. Въ началѣ сентября, не смотря на заманчивые дни ясной осени, мы переѣхали въ городъ. Наташа вѣтерпѣливо желала провѣдать своего друга. Мы не замедлили явиться къ Софѣ Николаевнѣ; но каково же было наше удивленіе, когда мы нашли въ ея комнатахъ совершенное опустошеніе!

— Что это значитъ? вскричала Наташа, смотря на обнаженныя стѣны и огромные ящики, которые люди Софьи поспѣшно зашивали въ рогажи. — Что ты дѣлаешь? продолжала она, вбѣжавъ въ кабинетъ Софьи и заставъ ее укладывать книги, ноты и разныя принадлежности живописи.

— Я ѣду, отвѣчала Софья. Прости меня, милый другъ: я хотѣла скрыть отъ тебя это намѣреніе до послѣдней минуты; мнѣ было жаль, добрая Наталья, отравлять имъ твои веселые дни на дачѣ.

Онѣ бросились обнимать другъ друга и плакали какъ дѣти. Я махнулъ рукой и, прослезясь, выбѣжалъ на улицу. «Женщины! думалъ я: скоро ли вы перестанете быть для насъ загадкою?» Эта новая фантазія Софьи мнѣ очень не нравилась. «Бѣдная Наташа! продолжалъ я думать: какъ она будетъ грустить; а я... чѣмъ мнѣ ее утѣшить? кто замѣнитъ ей Софью?»

На городской башнѣ пробило четыре часа. Я все бѣжалъ, не оглядываясь, по Невскому Проспекту, и, кажегся, чуть ли не разговаривалъ самъ съ собой вслухъ. Ежели это прав-

да, то прохожіе, вѣрно, считали меня помѣшаннымъ. Но вдругъ, среди моихъ размышленій, я получилъ такой сильный толчокъ, что шляпа моя слетѣла и укатилась на мостовую. Вслѣдъ за ней катилась другая шляпа. Я, бросившись за своей, поднялъ объѣ, и, отдавая чужую человѣку, стоявшему съ открытой головой на тротуарѣ, узналъ въ немъ Дмитрія Львовича.

— Ба!... какими судьбами?

Русловъ печально улыбнулся. Лицо его было блѣдно и пасмурно. Онъ молча пожалъ мнѣ руку, потомъ спросилъ, куда я иду, и получивъ отвѣтъ, что я самъ не знаю, куда иду, предложилъ мнѣ идти *туда вмѣстѣ*. Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, не говоря ни слова. Наконецъ я немножко опомнился.

— Софья Николаевна уѣзжаетъ въ деревню, сказалъ я.

— Знаю, отвѣчалъ Дмитрій. Я самый несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Я обожаю эту женщину; я умру отъ своей любви; а она!... Но здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ, Михайло Ивановичъ, пойдете ко мнѣ: вы знаете, чѣмъ кончилось мое послѣднее свиданіе съ нею.

Мы пришли на квартиру Руслова. Я сѣлъ и превратился весь въ нетерпѣніе слышать, что онъ мнѣ скажетъ. Но Дмитрій Львовичъ, кажется, позабылъ обо мнѣ: онъ ходилъ по комнатѣ и молчалъ. Я началъ постукивать палкой, чтобы пробудить его отъ задумчивости; онъ не понималъ меня.

— Велите дать мнѣ сигару, наконецъ сказалъ я довольно сердито.

Русловъ опомнился. Сигару подали. Онъ сѣлъ противъ меня и началъ говорить.

— Я знаю, что письмо, писанное мною изъ Лондона къ Б***, читано Софьей. Послѣ этого, мнѣ не нужно говорить вамъ о многомъ. Вы могли видѣть, какъ жестоко наказанъ я за предубѣжденіе свое противъ ея характера; само Провидѣніе вступилось за Софью и уничтожило меня, неблагодарнаго эгоиста. Давно уже я вполне созналъ свою несправедливость къ высокимъ чувствамъ этой женщины, и горькое раскаяніе поселилось въ душѣ моей. Бросить чужой міръ и летѣть туда, гдѣ живетъ она, сдѣлалось моимъ единственнымъ желаніемъ. Я не могъ дожидаться отвѣту на свое письмо, бросился на пароходъ, и въ двѣ недѣли мы были въ Россію. Кронштадтъ, русскіе люди, русскій языкъ, все это обезумило меня радостью; я ждалъ въ восторгѣ

свиданія съ Софьей и побѣжалъ къ Б***, узнать, показывалъ ли онъ ей письмо, что она отвѣчала, какъ обо мнѣ думаетъ. Б*** отвѣчалъ, что онъ передалъ нисымо вамъ и рѣшительно ничего не знаетъ, потому-что Софья нѣтъ въ Петербургѣ. Можете судить о моемъ отчаяніи. Я не зналъ, къ кому обратиться, гдѣ отыскать васъ. Какъ сумасшедшій, скитался я по улицамъ, забѣгалъ во всѣ департаменты, надѣясь въ числѣ служащихъ встрѣтить вашу фамилію: все напрасно. Такъ прошло двѣ недѣли. Кузины уговорили меня ѣхать на острова; я согласился.... О, Боже мой! если бъ вы знали, что стало со мною, когда я вдругъ увидѣлъ Софью!... Вы были свидѣтелемъ нашей встрѣчи: вѣрно замѣтили мое смущеніе. Я не могъ говорить, я не смѣлъ говорить; она сама ободряла меня. Но ея рѣчь, этотъ холодный, безжизненный разговоръ со мной, какъ съ простымъ знакомымъ, котораго вчера видѣла, приводили меня въ еще большее замѣшательство. Я не зналъ что подумать, не подозревая той переменны, которая случилась въ характерѣ Софьи. Чѣмъ болѣе разговоръ завязывался между нами, тѣмъ болѣе удивляла она меня своей положительностью. Я видѣлъ въ ней только умъ, въ которомъ не просвѣчивало ни капли чувства. «Это ли моя Софья, мой полуземной ангелъ, моя прекрасная идиллія?» думалъ я.

— Но вспомните всѣ обстоятельства, при которыхъ вы съ нею разстались, сказалъ я, перебивъ слова Дмитрія: вспомните всѣ несчастія, которыхъ вы были причиной; вспомните наконецъ, что она мать, купившая, можетъ-быть, безуміемъ это равнодушіе къ жизни и людямъ; вспомните все, и не спѣшите осуждать Софью.

— Мнѣ ли осуждать ее! вскричалъ Дмитрій: я могу только удивляться и страдать.... Но выслушайте, ради Бога, выслушайте меня до конца. Софья уѣхала съ дачи. Я не опомнился отъ послѣднихъ словъ, которыя она мнѣ сказала: они поразили меня прямо въ сердце.... Да! Софья имѣла право умертвить всѣ мои надежды. Послѣ этого роковаго свиданія, я проводилъ время безъ цѣли, безъ утѣшенія, безъ друга.... одинъ съ растерзаннымъ сердцемъ моимъ. Я не смѣлъ къ ней явиться, но вездѣ искалъ случая встрѣтиться съ нею. Напрасно! Софья нигдѣ не являлась. Я рѣшился писать къ ней; просилъ, умолялъ о прощеніи. Мнѣ возвращали нераспечатанныя письма. «Что дѣлать?» спрашивалъ я самъ у себя въ отчаяніи, и рѣшился наконецъ

ѣхать къ Софѣ, войти, если нужно, безъ доклада, объясниться и услышать отъ нея свой приговоръ. Поступокъ дерзкій! но отъ него зависѣло рѣшеніе моей участи, все счастье или несчастье моей жизни. Перемена, происшедшая въ Софѣ, глубоко огорчила меня. Смотря на эту женщину въ полномъ смыслѣ благоразумную, положительную, я горько жалѣлъ о томъ мечтательномъ существѣ, которое всякую минуту готово было улетѣть въ міръ фантазій. Мысль, что я иѣкогда осуждалъ это въ Софѣ, лежала тяжелымъ камнемъ на моемъ сердцѣ. О! ежели бы можно было воротить прошедшее! Тогда, восторженная, мечтательная, она любила меня, любила всей душою; теперь, смотря на меня безпристрастно, какъ разсудительная женщина, она, можетъ-быть, видитъ одно заблужденіе въ своихъ прежнихъ чувствахъ, и сдѣлалась ко мнѣ равнодушна, можетъ-быть, даже ненавидитъ меня какъ виновника своихъ заблужденій. О, Софья! скажи еще разъ люблю! пусть это будетъ обманъ, пусть сердце твое не участвуетъ въ словѣ, но... обмани меня, Софья! я буду и тѣмъ доволенъ. Въ этихъ мечтахъ, я подѣхалъ къ ея крыльцу и велѣлъ доложить о себѣ. Сердце мое трепетало въ ожиданіи отвѣта. Не прошло двухъ минутъ, слуга воротился съ приглашеніемъ — «Приказали просить». Я прошелъ столовую, гостинную; не смѣя идти далѣе, я остановился у дверей третьей комнаты, гдѣ сидѣла Софья на диванѣ; двое малютокъ возлѣ нея разбирали азбучныя карты. Увидѣвъ меня, Софья встала и сказала спокойно: «Вы ко мнѣ писали, но не получили отвѣта. Я догадывалась, что вы пріѣдете, и предпочла личное объясненіе. Чтѣ вамъ угодно?» Я остолбенѣлъ; этотъ холодный пріемъ лишилъ меня языка и памяти. Между-тѣмъ, Софья, ни на секунду не теряя своего спокойствія, сѣла на прежнее мѣсто, указала мнѣ стулъ, и молвила нѣсколько словъ малюткамъ. Положеніе мое было убійственно. Но надобно же было приступить къ дѣлу: я собрался съ духомъ и сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Софья Николаевна, вы обезоруживаете меня своей непривѣтливой встрѣчей. Скажите, могу ли я быть откровеннымъ, говорить съ вами языкомъ сердца?» Она бросила на меня гордый взглядъ и отвѣчала: «Говорите; я буду васъ слушать.» — Позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ, продолжалъ я: но будьте искренны, умоляю васъ жизнью моею, всѣмъ, чтѣ для васъ и для меня свято; любили ли вы меня когда-нибудь? — «Я никогда ни-

почему любила такъ, какъ любила васъ», отвѣчала она. Сердце мое замерло отъ восторга. — И вы увѣрены, сказали вы уже довольно силъ: вы увѣрены, что эта любовь была не мечта вашего пылкаго сердца, любовь истинная? — «О! это ужъ слишкомъ много! возразила Софья, покраснѣвъ немного: въ отвѣтъ моему я сказала вамъ все. — Но къ чему вѣдетъ этотъ разговоръ, Дмитрій Львовичъ? прибавила она съ прежнимъ спокойствіемъ. Я не понимаю васъ.» — Софья! вскричалъ я: если въ груди твоей бьется сердце, сжалось надо мной.... позволь мнѣ надѣяться!... не отвергай руки моей! — «Благодарю васъ за честь, Дмитрій Львовичъ», сказала она. Я не могъ слышать этой официальной фразы; я ужаснулся жестокости этой женщины. Сердце мое невольное заговорило, рѣчь полилась, я вспомнилъ прошедшее, вспоминалъ золотые дни нашего счастья; я осыпалъ Софью упреками въ бѣдственной перемиѣ ея образа мыслей; я сознался въ своемъ заблужденіи; я клялся, просилъ, умолялъ, плакалъ.... Она выслушала меня благосклонно, улыбулась и отвѣчала: «Довольно! довольно!... Я съ избыткомъ награждена за все свои страданія. Пора кончить интрижку». Съ этимъ словомъ, у нея брызнули слезы. «Я люблю тебя, Дмитрій, продолжала она: любила тебя истинною любовью, и буду любить до послѣдней минуты жизни, потому-что не въ моей волѣ разлюбить. Ты былъ несправедливъ, осуждая во мнѣ пылкую, молодую восторженность и не вѣря моему чувству. Вотъ, теперь я не та, и ты вновь осуждаешь.... мою положительность! Но, Дмитрій.... не вѣрь тому, что видятъ во мнѣ другіе. Я нашла въ себѣ столько силъ, чтобы подавить свою мечтательность, казаться не тѣмъ, что я въ самомъ дѣлѣ, и съ достоинствомъ исполнять свои обязанности; но измѣнить сердце свое я не могла: оно осталось прежнимъ. Я хотѣла испытать тебя, Дмитрій. Ты любишь положительную Софью, не правда ли? и жалѣешь еще болѣе о Софѣ мечтательницѣ? Прости меня! это была послѣдняя фантазія моего сердца. Я люблю тебя попрежнему!» Она зарыдала.—Софья!... Софья!... ты меня любишь! Вотъ все, что я могъ сказать.—«Люблю, отвѣчала она: но.... не могу принадлежать тебѣ. Счастье опять меня увлечетъ: я буду любить тебя не какъ жена и мать семейства; нѣтъ! я сдѣлаюсь опять восторженной Софьей; а такая любовь не осчастливитъ тебя, мужчину, и отниметъ много у дѣтей моего перваго мужа. Чувства недѣлимы. Дми-

трій!» — Софья! что ты говоришь? вскричалъ я. — Но Софья уже не слушала; она указала мнѣ на малютокъ и примолвила: «Отецъ ихъ, умирая, сказалъ: «Люби и береги дѣтей, не передавай имъ своей чувствительности, не жертвуй ими для мнимаго, невѣрнаго счастья». Кому же я принадлежу, Дмитрій Львовичъ?... Скажите. Я облумала свое положеніе. Между нами все кончено: я мать этихъ сиротъ».

— Неужли она сказала, «все кончено»? простоудушно спросилъ я у Дмитрія, не умѣя съ перваго разу понять самоотверженія Софьи.

— Да, отвѣчалъ Русловъ: она именно сказала «все кончено». Потомъ она подала мнѣ руку, а другой обняла дѣтей и залилась слезами. «Я люблю тебя, Дмитрій», повторила она въ послѣдній разъ, и сдѣлала мнѣ, знакъ чтобы я вышелъ. Я не смѣлъ противиться этому приказанію. Святость материнскихъ чувствъ осынила меня какъ-бы волшебною силой; я рѣшился повиноваться приговору.

Дмитрій замолчалъ. Мы долго сидѣли, не говоря ни слова. Наконецъ я разсчелъ, что мое участіе бесполезно для бѣднаго молодаго человѣка, и, крѣпко пожавъ его руку, ушелъ домой.

Наташи еще не было. Она пріѣхала поздно и была такъ печальна, что я боялся ее разспрашивать. Бѣдняжка сама поспѣшила раздѣлить со мной свое горе. «Мы не увидимъ болѣе Софьи, сказала она: Софья уѣхала навсегда въ свои дальнія деревни, утѣшая себя мыслью, что Дмитрій Львовичъ любитъ ее и какъ мечтательницу и какъ положительную Софью».

Женщины! подумалъ я.

Е. И. ВА.

=

ПИСЬМА ИЗЪ ИТАЛІИ.

=

III.

САЛЕРНО.

Салернскій заливъ можетъ поспорить красотой съ Неаполитанскимъ. Городъ Салерно живописно бѣлѣтся у голубыхъ волнъ Средиземнаго-моря, окруженный зеленѣющими холмами, за которыми поднимается къ матово-голубому небу цѣлый амфитеатръ разноцвѣтныхъ утесовъ.

Здѣсь нѣтъ Везувія, который придаетъ столько драматизма Неаполю; но горы Граньяно достойны кисти Сальватора-Розы; это одна изъ высочайшихъ отраслей Аппенинъ, а итальянскій воздухъ умѣетъ рдить свои горы съ эффектомъ неподражаемымъ, магическимъ.

На гребнѣ скалистой пирамидальной горы, подымающейся высоко надъ городомъ, живописно рисуются развалины средне-вѣковыхъ укрѣпленій.

На заднемъ планѣ картины видѣются еще три полуразрушенные феодальные замка, чернѣющіеся на вершинѣ холмовъ, какъ орлиныя гнѣзда. Это единственные мрачные эпизоды блистательной салернской панорамы.

Этотъ берегъ, воспѣтый поэтами Августова вѣка, до-сихъ-поръ вполне оправдываетъ ихъ восторги.

Салерно, городъ знаменитый въ лѣтописяхъ среднихъ вѣковъ, нынѣ живетъ на счетъ своей минувшей славы.

Желѣзо Сарациновъ истребило здѣсь почти всѣ слѣды языческой эпохи. Зато Салерно хранитъ нѣсколько памятниковъ цивилизаци, которая еще во времена Августа называлась древнею.

Салернскій соборъ — настоящій музей пестунскихъ древностей.

Мраморныя колонны, порфировыя вазы, барельефы и мозаики были перенесены сюда изъ роскошнаго города Сибаритовъ.

Храмъ Святаго-Матеея украшенъ многими остатками отъ храмовъ Нептуна и Цереры. Разрушенное Сарацинами, это зданіе было перестроено Робертомъ Гвискаротъ, сыномъ Танкреда, воспѣтаго Тассомъ, но сохранило весьма немногое слѣдовъ своего прежняго готическаго блеску. По несчастію и прекраснѣйшіе античныя матеріалы употреблены въ дѣло не совсѣмъ удачно. Двѣ неподобнѣйшія колонны изъ verde antico, превращенныя въ кандеябры, увѣнчаны капителями съ вѣтвями — весьма сомнительнаго вкуса. Языческій саркофагъ, на которомъ изображено похищеніе Прозерпины и погоня Цереры, служитъ гробомъ католическому епископу. Двѣ античныя вазы, замѣчательной красоты, избраны сосудами для святой воды. Барельефы одной изъ этихъ вазъ представляютъ сцену изъ похода Александра Македонскаго въ Индію; на другой — изображены веселыя сцены уборки винограда.

Есть тутъ еще два древніе саркофага, представляющіе торжество Вакха и Ариадны...

Странно видѣть это сближеніе вакханальныхъ оргій и языческихъ празднествъ съ обрядами католицизма!

Дворъ собора окруженъ перистилемъ: это десятка три было-мраморныхъ, порфировыхъ и гранитныхъ колоннъ, перенесенныхъ сюда изъ Пестума. Нѣкоторыя — коринтскаго ордера, другія — сложнаго и болѣею частью принадлежатъ къ эпохѣ упадка искусства.

Подъ перистилемъ помѣщены четырнадцать саркофаговъ, частью греческихъ, частью римскихъ. На этотъ разъ всѣ они пусты; христіанскій прахъ не занялъ мѣсто языческаго. Вы можете любоваться граціозными барельефами античнаго рѣзца, безъ всякаго опасенія встрѣтить крышку средневѣковаго на-

стерства, на которой обыкновенно рельефно изображалась лежащая фигура, со сложенными на груди руками, съ окостенѣвшими членами; эффектъ, производимый ими, тѣмъ не пріятнѣе, что мраморъ отъ времени принимаетъ колоритъ вырытой изъ земли кости. На замѣчательнѣйшемъ изъ этихъ саркофаговъ изображена охота Мелеагра, любимый сюжетъ той эпохи, когда охотники почитались героями; барельефы прочихъ представляютъ головы языческихъ жертвъ, обвитыя гирляндами и лентами, и все это исполнено съ окончательностью и вкусомъ, которыхъ тайна исчезла вмѣстѣ съ древними мастерами.

По серединѣ двора красуется огромный античный бассейнъ, изъ сплошной массы гранита. Форма его той изящной простоты, которая не далась новѣйшему искусству.

Была попытка перевести этотъ бассейнъ въ Неаполь, но попорченный край гранитной массы обличаетъ только опрометчивость неаполитанскихъ инженеровъ.

Потомъ подвели меня къ гробницѣ знаменитаго папы Григорія-Седьмаго, папы, пытавшагося провозгласить себя главою христіанскихъ государей, и встрѣтившаго сильнаго соперника въ германскомъ императорѣ. На могилѣ Григорія-Седьмаго невольно припоминаю всю эту любопытную борьбу: вижу злополучнаго Генриха-Четвертаго, отлученнаго отъ Церкви, въ власницѣ, опоясанной веревкой, и на колѣняхъ вымаливающаго у папы прощеніе; потомъ является передо мной Генрихъ, осаждающій Римъ и противопоставившій Гильдебранту антипапу Климента-Третьяго. Извѣстно, чѣмъ кончилась эта борьба, нанеся столько ударовъ католицизму: Григорій призвалъ къ себѣ на помощь Нормандца Роберта Гвискара, герцога Калабріи, который возстановилъ папу на ватиканскомъ тронѣ, но не безъ кровопролитія. Это произвело на Римлянъ невыгодное впечатлѣніе, и Григорій-Седьмой послѣдовалъ за своими освободителями, когда они отправлялись въ Салерно. Онъ скончался здѣсь въ 1085 году. На гробницѣ, кажется, по его желанію, вырѣзана эпитафія:

«Я любилъ правосудіе и ненавидѣлъ несправедливость: за это умираю въ изгнаніи.»

«Dilexi justitiam, et odivi iniquitatem, propterea morior in exilio».

Подземный приделъ собора съ истинно-восточною роскошью украшенъ рѣдчайшими ираморамн всѣхъ цвѣтовъ. Сіяніе лаппадъ отражается стѣнами и колоннами какъ зеркаломъ.

По серединѣ церкви, подъ престоломъ, хранятся мощи Святаго-Матеея, которому посвященъ салернскій соборъ. Бронзовыя статуи двухъ католическихъ святыхъ, поставленныя на этомъ священномъ мѣстѣ, привлекають сюда толпу поклонниковъ. Но предметъ, заслуживавшій, по мнѣнію чичероне, особеннаго вниманія, предметъ, къ которому онъ подвелъ меня съ благоговѣніемъ и гордостью, былъ обломокъ какой-то древней колонны. Проводникъ пригласилъ меня преклонить колѣна и приложить ухо къ этому глубоко-изрытому камню.

Я исполнилъ желаніе, и услышалъ звукъ, подобный звуку, какой издають раковины.... Набожный проводникъ увѣрилъ, что это шумъ льющейся крови христіанина, который былъ обезглавленъ на этомъ самомъ камнѣ.

Когда я вышелъ изъ прохладнаго подземелья на теплыя плиты мостовой, въ лицо мнѣ повѣяло Африкой. Живописный городъ Салерно защищенъ отъ всѣхъ вѣтровъ полукружіемъ своихъ горъ; но томительный широко нѣветъ къ нему доступъ совершенно свободный.

Впрочемъ, въ эти извилистыя и узкія улицы проникають только совершенно отвѣсные лучи солнца, и гуляющій здѣсь можетъ почти впродолженіе цѣлаго дня наслаждаться тѣнью... градусовъ въ тридцать тепла.

Часъ *сіасты* еще не кончился, рѣшетчатые ставни были повсюду закрыты, когда я углубился въ лабиринтъ незнакомыхъ улицъ, безъ проводника, по моей методѣ, и тщательно устраняя всѣхъ чичероновъ, которые настойчиво предлагаютъ иностранцу свои услуги.

Эти одинокія прогулки имѣють своего роду прелесть. Я рѣдко спрашиваю дорогу, хотя часто заблуждаюсь; зато вижу много оригинальнаго, о чемъ путешественники побольшей-части умалчивають. Довѣрившись проводнику, рискуете видѣть только то, что онъ считаетъ достопримѣчательнымъ. А опытомъ дознано, что такому существу достопримѣчательнѣе серебряннаго шіастра кажется только одно: золотой имперіаль.

Освѣжившись, сколько было можно, въ гостиницѣ „Солнца“, я вышелъ на морской берегъ, гдѣ, по пробуждающейся дѣятельности, замѣтна была близость вечера. Я прыгнулъ въ ярко-раскрашенную лодку и, благодаря упругимъ мышцамъ веселаго баркарола, нигомъ очутился на серединѣ этого чудеснаго залива, великолѣпно обставленнаго полукружіемъ высокихъ утесовъ. Видъ города и поднимающихся надъ нимъ горныхъ громадъ — не только выше всякой поэтической реплики, но ускользаетъ даже отъ даровитѣйшей кисти. Эта сцена очаровываетъ всѣмъ кокетствомъ отдаленія. Желтыя, вагія скалы принимаютъ колеръ магической, точно оббитыя фиолетовыми парами іода; безцвѣтныя волны здѣсь густо-сини, кляъ индиго.

Далеко по заливу разнесся унылый звонъ католическихъ колоколовъ, которые оплакиваютъ умирающій день, по выраженію Данта:

Che raja'l giorno pianger che si muore.

Ночь быстро потушила послѣдніе золотые отблески на гребняхъ скалъ, и мы остались посреди залива въ глубокомъ мракѣ. Глаза наши могли остановиться только на огонькахъ, сверкавшихъ по всему берегу.

Однако жъ скоро ночь приняла свою обыкновенную прозрачность. Мракъ въ южныхъ странахъ глубокъ только въ первый часъ по закатѣ солнца.

Позже, даже и безлунная ночь позволяетъ различать предметы. Южная природа любитъ блескъ, какъ красавица. Небо сверкаетъ звѣздами; воздухъ — чиріадами свѣтящихся насекомыхъ, этихъ живыхъ искръ; волны — фосфорическимъ сіяніемъ.

На волнахъ залива каждое судно зажигаетъ свой фонарь, каждая рыбацья лодка зажигаетъ свою смолистую лучину, и отраженіе отъ всѣхъ этихъ огней золотистыми витыми столпами падаетъ въ темныя, едва дышащія волны.

Я напомнилъ гребцу, что ему будетъ на макароны. Баркаролъ нигомъ одушевился, двинулъ лодку съ геркулесовскою силой, и громко запѣлъ свою любимую баркаролу:

-Massaroni, massaroni!
Buoni, buoni massaroni!

Questa sera macaroni!
 Con una bella amorosa!

Жизнь южнаго города развѣртывается вполнѣ только въ часы прохлады. Двадцать три градуса тепла, при безвѣтріи— вотъ что называется здѣсь вечерней прохладой. Но воздухъ такъ прозраченъ и легокъ, что дышать имъ—сущее наслажденіе.

Набережная, улицы, открытыя настежь кофейни и магазины осыпаны огнями. Вечеромъ все населеніе выходитъ на улицу. Всѣ окна, всѣ двери настежь; въ верхнихъ этажахъ домовъ по большей части темно, никого нѣтъ дома. Только на черномъ грунтѣ открытаго окна кое-гдѣ бѣлется одинокая женская фигура.... Это, вѣроятно, Джульетта, ожидающая своего Ромео; потому-что трудно допустить, чтобъ это была бесплодная мечтательница. Южная любовь не знакома съ нашею мечтательностью, а любить жизнь, со всѣми ея очарованіями и невзгодами.

Какъ же сильно забьется сердце изумленнаго странника, когда его вдругъ остановитъ за пуговицу неизвѣстный, порядочно одѣтый челоуѣкъ и вѣжливо предложитъ познакомиться съ синьориной.... Случается, на волканическую мостовую, къ ногамъ вашихъ падаетъ цвѣтокъ, и нѣжное знакомство завязывается съ идиллическою простотою.

Салернскія улицы въ отношеніи шуму, веселости и живописнаго неряшества нимаго не уступаютъ неаполитанскимъ.

У самаго моря, на набережной, наставлены ряды соломенныхъ стульевъ для охотниковъ и охотницъ до устриць. Причудливыя *плоды моря*, *frutti di mare*, разложены предъ вами на яркой, лоснящейся зелени морскихъ травъ, съ которыхъ еще сыплются серебристыя капли. Каждый ларь освѣщенъ шкаликами. Ни одинъ продавецъ не успокоится до-тѣхъ-поръ, покуда не успѣетъ подозвать васъ полюбоваться на цѣлую коллекцію улитокъ, коралловъ и розовыхъ раковинъ. Если же вы купите что-нибудь, въ надеждѣ умѣрять жаръ краснорѣчія этихъ шумныхъ торговцевъ, то очень ошибетесь: это средство — ободреніе къ новымъ крикамъ.

Между-тѣмъ я присоединяюсь къ пирующимъ. Сажусь за общій столъ, освѣщенный вѣдными лучерями, въ которыхъ

горитъ оливковое масло, и женскими глазами, въ которыхъ тѣнится столько страсти.

Я позавидовалъ проворству этихъ веселыхъ собесѣдниковъ, которые умѣютъ болтать, шутить, ловить нѣжные взгляды, вздыхать и глотать устрицы въ одно и тоже время, не забывая запивать все это бѣлымъ вулканическимъ виномъ, которое стоитъ передъ нами въ широкихъ, оплетенныхъ солономъ бутылкахъ съ узкимъ горлышкомъ, между грудями цедретей.

Пирующие съ одинаковымъ удовольствіемъ выслушиваютъ страстные крики — „Aqua gelata“, и каватины гитаристовъ, которые осаждаютъ столъ нерѣдко съ двухъ сторонъ.

Далѣ, разставлены на улицѣ столики съ арбузами, разрѣзанными на мелкія части; цѣлыя корзины колоссальнѣйшихъ арбузовъ видны подъ столами и все это окружено толпою полунагихъ ребятишекъ, простоволосыхъ женщинъ въ коротенькихъ платьяхъ, и подудѣтыхъ, но благонравныхъ и трудолюбивыхъ рыболововъ, которыхъ путешественники не умѣютъ отличать отъ ладзароновъ. Несмотря на толкотню, продавцы продолжаютъ громогласно приглашать освѣжиться на полтрава и менѣе: арбузъ здѣсь принадлежитъ къ разряду швейскихъ лакомствъ.

Подвижныя лавчонки продавцевъ замороженной воды, разклеванные ярчайшими красками, освѣщены шкаликами; четыре колонки, поддерживающія крышку, обвиты гирляндами апельсинныхъ и лимонныхъ вѣтокъ, сорванныхъ вмѣстѣ съ плодами. На стойкѣ, по обѣимъ сторонамъ, подлѣ боченковъ съ водою, апельсины и лимоны сложены въ красивыя цирланды, и за цѣлымъ строемъ стакановъ, гдѣ есть стаканъ для ребенка и стаканъ для исполина, виднѣется румяное и снисходительное лицо продавца, надъ которымъ намалевано изображение ада и чистилища.

По окончаніи Ave-Maria, черноглазые синьоры выходятъ изъ церквей, продолжая махать вѣерами, которыми освѣжали свое лицо, стоятъ на колѣняхъ передъ Мадонной, и спѣвать, съ обнаженными руками и плечами, на уличную прогулку, гдѣ въ одинъ вечеръ, въ одинъ часъ, въ одной парѣ глазъ найдете страсти несравненно болѣе, чѣмъ во всѣхъ сонетахъ и канцолахъ дессера Петрарки.

Подъ другимъ небомъ, подобная прогулка была бы невыносимо скучна, однообразна; здѣсь, это оживленный раутъ, при блескѣ звѣздъ и фонарей, раутъ, переложенный на итальянскіе нравы.

Передъ открытыми кофейнями, на выставленныхъ на улицу стульяхъ сидятъ разноцвѣтная, говорливая толпа и потребляетъ неслыханное количество мороженого и улыбокъ.

Коляски въ одну лошадь останавливаются у дверей кофейни. Блѣдныя ручки прелестныхъ женщинъ, сидящихъ въ этихъ экипажахъ, машутъ вѣрами и не долго ищутъ знакомыхъ. На коляску облакачиваются со всѣхъ сторонъ свѣтскіе львы, во фракѣ послѣдняго парижскаго покроа, въ блонзъ галстухъ, на которомъ рѣзко обрисовывается черная шелковистая борода. Нѣжный шопотъ заглушенъ звуками гитары бродячихъ музыкантовъ; открытая мѣна пламенными взглядами не прерывается ни нескромнымъ любопытствомъ прохожихъ, останавливающихся поглядѣть на красоту синьоръ, ни шербетами, непрерывно приносимыми къ коляскѣ.

Впрочемъ, все это сцены болѣе или менѣе обще-европейскія. Немножко удалившись въ эти тѣсныя, извилистыя улицы, я встрѣтилъ сцену чисто національную: публичное насыщеніе макаронами. Это въ меньшихъ размѣрахъ неаполитанская *strada Medina*.

Костры лавровыхъ сучьевъ пылаютъ на мостовой, подъ глубокими котлами, у которыхъ суетятся женщины, напоминающія Макбетовскихъ вѣдьмъ. Шумныя толпы уличныхъ гастрономовъ уже собрались. Обнаженные руки и ноги въ непрерывномъ движеніи отъ нетерпѣнія.

Голодные рыболовы, возвратившіеся съ моря, утомленные факины, пересчитавшіе въ десятый разъ всѣ заработанные въ продолженіе дня карлины, и наконецъ знаменитые ладзароны, умѣющіе добыть себѣ нѣсколько грановъ, открывая и закрывая дверцы экипажей или помогая причалить къ берегу лодку, или, наконецъ, выконючить у иностранца подачку за носку зонтика, или за указаніе улицы,—всѣ собираются вокругъ завѣтнаго котла и заглядываютъ въ него съ невыразимымъ вожделеніемъ. Одинъ запахъ макаронъ заставляетъ многихъ хохотать и прыгать отъ радости. Зажиточные гости

приносить съ собою приличныя миски и плошки, но ладзаронъ приходитъ съ пустыми руками.

Ладзаронъ никогда и ни въ чемъ не затрудняется. Улыбаясь снимаетъ онъ свой коричневый шерстяной колпакъ съ нечесаной отроду головы, тряхнетъ имъ раза два объ руку, или просто въ шутку выколотитъ его объ голову сосѣда, и, подавая одинъ грань, велитъ наложить въ колпакъ вкуснѣйшихъ макаронъ съ подливкой.

Почувствовавъ себя владѣльцемъ этого сокровища, онъ воодушевляется; потомъ, закинувъ назадъ голову до-нѣльзя, загребаетъ лѣвой пятернею горсть макаронъ, поднимаетъ ихъ высоко надъ опрокинутымъ лицомъ и, потряхивая рукою, спускаетъ эти бѣдыя, влажныя нити въ свой широко-разинутый ротъ.

Если макароны очень вкусны, то онъ, кушая, перепрыгиваетъ съ ноги на ногу.

Трапеза кончена; ладзаронъ утирается рукавомъ своей рубахи, или тѣмъ, что отъ нея остается на его плечахъ, стираетъ излишекъ жиру съ колпака о свои ноги, и снова плотно надѣваетъ его на курчавую голову. Потомъ, онъ отходитъ въ сторону и ложится на гладкія плиты лавы, нагрѣтыя на всю ночь солнцемъ, и, обративъ лицо къ звѣздамъ, сладко засыпаетъ, въ твердомъ убѣжденіи, что прохожіе съ должнымъ вниманіемъ перешагнутъ черезъ спящаго.

Въ нашемъ туманномъ краю, солнечный день цѣнится какъ сухая рѣдкость; каждымъ клочкомъ голубаго неба всѣ спѣшатъ насладиться, какъ узники минутами прогулки. Барометръ у насъ доставляетъ не мало пищи для свѣтской бесѣды.

Здѣсь, подъ этими щедрими солнцемъ, о погодѣ всѣ забываютъ, неблагодарные, потому-что наслаждаются ею.

Снѣгъ здѣсь—атмосферическій феноменъ. Зимой видно его только на макушкѣ горъ, лѣтомъ—только въ шербетахъ.

Не удивляйтесь, если въ неаполитанской книжкѣ какого-нибудь туриста встрѣтите замѣтку, въ родѣ слѣдующей:
„Видѣлъ бѣлое облако“.

Сегодня въ моей памятной книгѣ и самъ запису:

„Видѣлъ въ первый разъ закатъ неаполитанскаго солнца въ тучахъ.“

Обыкновенно солнце здѣсь опускается въ море при безоблачномъ горизонтѣ и не представляетъ тѣхъ волшебныхъ контрастовъ свѣта и тѣни, золота и пурпура, какими разнообразятся утра и вечера на сѣверѣ.

Вчера, прїѣздъ нашъ въ Салерно былъ ознаменованъ дождемъ. Буря не было; но капли дождя испестрили гладкую мостовую кружками, величиною въ женскую ладонь. Всѣ жители вышли на улицу насладиться дождемъ, какъ у насъ выходятъ погрѣться на весеннемъ солнышкѣ. Ребятишки, отиѣнно любящіе дождь подъ всѣми широтами, съ шумомъ веселья прыгали на улицѣ, раздѣвшись до-нага. Полногрудыя Итальянки, кормившія младенцевъ у дверей своихъ жилищъ, не прерывали этого мирнаго занятія ни на минуту; другія — спокойно продолжали публично чесать свою косу, которой, скажу мимоходомъ, цозавидовала бы не одна баронесса. Изъ за желѣзныхъ рѣшетокъ полубалконовъ, какими украшено здѣсь почти каждое окно, выглядывали цвѣты, наклоненныя заботливою рукой подъ драгоценныя капли дождя; мѣстами, между туберозъ и маньолій выставлялась и прелестная рука, обнаженная до плеча, и роскошно округленное плечо, которому такъ и хочется остудить томительный жаръ молодости.

Насладившись дождемъ какъ слѣдуетъ, по мѣстному обычаю, я возвратился въ свою бѣлую комнату, отличавшуюся гораціевскою простотой: тамъ было душно, какъ въ канрской банѣ.

Я открылъ окно, обращенное на уединенный дворикъ, на которомъ цвѣлъ кактусъ и два или три куста голубоватаго ялов. Между ними, въ эту минуту, стояла молоденькая дѣвушка въ спенсерѣ амарантоваго цвѣту: она тоже не упустила случая насладиться дождемъ — граціозно приподняла свои короткія одежды повыше колѣна, и съ невольнымъ смѣхомъ любовалась, какъ освѣжающія капли падали на ея прелестную ножку. Вотъ какимъ невиннымъ образомъ подсматрѣлъ я эту розовую, съ золотистымъ оттѣнкомъ, ножку, подлинную итальянскую ножку, которая знатоками цѣнится выше античныхъ мраморовъ. Боязливо поглядывая кругомъ,

сидящими вдругъ встрѣтилась съ мной любознательный взоръ... вскрикнула съ дѣтскою стыдливостью и исчезла подъ аркадами, позабывъ со страху крошечные башнечки на толстыхъ деревянныхъ подошвахъ. Этой дѣвушкѣ четырнадцать лѣтъ, но формы ея развиты окончательно и притомъ съ совершенствомъ, которому позавидовали бы наши двадцатилѣтнія красавицы.

На другой день она принесла мнѣ букетъ померанцовыхъ цвѣтовъ и миртовыхъ вѣтокъ и приглашала меня на свою свадьбу, назначенную черезъ три дня. Этого улыбающегося ребенка выдавали замужъ за пятидесятилѣтняго парня, — ремеслою контрабандиста, который откровенно сознавался, что не можетъ спокойно заснуть, если у его изголовья нѣтъ аркаженнаго карабина.

— *Eh! va bene!* повторялъ отецъ невесты съ веселымъ и таинственнымъ видомъ, потирая руки, какъ-будто окончилъ выгоднѣйшую спекуляцію.

Я завтракалъ подъ величественными листьями пальмы. Мнѣ подали безнгодную итальянскую ветчину съ свѣжини фигами, которыхъ зеленая оболочка волелаась отъ зрѣлости и испускала розовый сыреть.

Толпа босоногихъ зѣвакъ въ красныхъ шерстяныхъ колпачкахъ, съ обнаженными до плечъ руками, окружила меня и разширивала какъ невидаль.

Иностранецъ для нищихъ здѣсь то же, что сахарная прианка для мухъ. Но тутъ нищенство дѣйствовало по правиламъ коммерціи.

Каждый предлагалъ мнѣ купить что-нибудь: черепокъ какой-то глиняной вазы, обломокъ капители, статуэтку божка-иската, уродца вершка въ полтора величиною, или просто кусочки мраморныхъ мозаикъ, найденные гдѣ-нибудь въ разрушенномъ храмѣ или въ разоренной гробницѣ. Остроумнѣйшіе, съ таинственной улыбкой, предлагали мнѣ бронзовыхъ Пріановъ, весьма удачно поддѣланныхъ. Въ Неаполѣ существуютъ фабрики для издѣлія древностей. Эти заведенія поддерживаются въ цѣлущеемъ состояніи примѣрными усердіемъ британскихъ антикваріевъ-туристовъ.

Поглядѣвъ на всѣ эти вещицы, я отдалъ должную сиреведливость искусству, съ какимъ онѣ поддѣланы. Продавцы обидѣлись; поглядѣли на меня съ улыбкой сожалѣнія, какъ на сущаго невѣжду въ археологiи, или какъ на человѣка, добровольно отказывающагося отъ возможности приобрести сокровища—за безцѣнокъ.

Тутъ явилась группа женщинъ, по-видимому происходившихъ по прямой линiи отъ Гарпiй. Въ ихъ передникахъ скрывался новый запасъ античныхъ бездѣлокъ, изготовленныхъ на прошедшей недѣлѣ. Отдѣлаться отъ этихъ болтливыхъ торговокъ было потруднѣе. Онѣ раскладывали свой товаръ вокругъ меня на землю, на скамью, гдѣ я сидѣлъ, наконецъ, на мои колѣни. Черные глаза этихъ загорѣлыхъ горожанокъ сверкали рѣшимостью—продать во что бы то ни стало.

— Такъ вы ровно ничего не хотите, sellenza? — спросила меня довольно строгимъ тономъ самая бойкая.

Я отрицательно покачалъ головою, и надо было видѣть, съ какимъ комическимъ негодованiемъ обратилась эта женщина къ своимъ союзницамъ, какъ—будто вызывая ихъ на рѣшительныя мѣры.

Но самыя сибтливныя рѣшились немедленно приступить къ мѣновому торгу. Опытъ былъ довольно удаченъ. Желая вымѣнять какого-нибудь глинянаго божка—пената на ломтикъ ветчины или на сочную фигу, эти антикварки, подъ предлогомъ указанiя на желаемыя части моего завтрака, хватали ихъ руками, позеленѣвшими отъ яри-мѣдянки, которою густо покрыты ихъ металлическiя бездѣлки.

Разумѣется, къ этимъ кускамъ я уже не прикасался.

Эта сцена показалась мнѣ, послѣ обѣда, очень забавною.

IV.

РАЗВАЛИНЫ ПЕСТУМА.

На одной изъ грязнѣйшихъ и, быть-можетъ, живописнѣйшихъ салернскихъ улицъ, я нанялъ за нѣсколько карлиновъ *carriolo*, красноколесую одноколку, и рано утромъ отправился по дорогѣ къ Пестуму.

Бываю, сибльчаки, пускавшіеся вдоль калабрской дороги на эту классическую почву бандитовъ, заблаговременно дѣлали свое духовное завѣщаніе, и горячо обнимались съ друзьями. Конечно, все это были некто иные, какъ поэты, находившіе Неаполь предметомъ слишкомъ избитымъ, и мечтавшіе о новыхъ путяхъ, о странахъ неизвѣданныхъ, о народѣ, годномъ въ эпопею, о величественныхъ пустыняхъ, по которымъ прошли всѣ боги и герои Великой-Греціи.

Въ наше время дороги въ Италиі, не исключая калабрской, отличаются самою тривиальною безопасностью, безопасностью, которая способна взбѣсить не одного британскаго туриста. Поэтические бандиты, съ чувствомъ достоинства и съ ножемъ, требующіе кошелка или жизни, къ общему удовольствію почти перевелись и на сценѣ.

На всемъ пространствѣ Италиі, отъ венеціанскихъ лагуновъ до неаполитанскаго взморья, — надо признаться, — я не нашелъ ни одного скорпіона у себя подъ подушкой, не встрѣтилъ ни одного бандита на дорогахъ. Это однако жъ не помѣшало мнѣ познакомиться съ ними въ картинныхъ галереяхъ. Типъ италіанскаго бандита почитается образцовымъ. Живописцы какъ-будто согласились между собою представлять его въ остроконечной шляпѣ, надвинутой на брови, съ карабиномъ въ рукѣ, съ четками подъ локтемъ, съ книжаломъ и четырьмя пистолетами за поясомъ. Для полноты картины, прибавляется молоденькая женщина въ праздничномъ нарядѣ, съ маленькимъ разбойничкомъ у груди; случается, вся эта позіи семейства замѣнена борзой собакой.

Нередко энтузіасты принимали перваго попавшагося на глаза калабрскаго охотника — за бандита.

Кромѣ того существуетъ предположеніе, будто бандиты успѣхами цивилизаціи нынче вынуждены скрываться подъ личвою трактирщиковъ, веттуриновъ и другихъ честныхъ людей, и систематически грабятъ подъ предлогомъ счетовъ....

Достовѣрные путешественники повѣствуютъ, будто въ нѣкоторыхъ дорожныхъ гостинницахъ существуютъ битыя чашки, которыя подаются каждому пріѣзжему и потомъ регулярно ставятся на счетъ. Къ-сожалѣнію, я еще не испыталъ этихъ впечатлѣній.

Случается, правда, мнѣ слышать шумъ около гостинницы: но это ложная тревога. Это британскій филантропъ или испанскій прогрессистъ пытаются, съ помощью палки, отгучить бѣднаго факина отъ излишней услужливости.

Впрочемъ, на дорогахъ здѣсь царствуетъ миръ и пыль золотого вѣка. Кошелекъ съ пиастрами несомнѣнно безопаснѣе въ моемъ карманѣ на калабрской дорогѣ, чѣмъ въ моей прелестной неаполитанской квартирѣ.

Съ этимъ убѣжденіемъ, я вскарабкался на *cofficolo*.

Весь этотъ знаменитый экипажъ состоитъ изъ пары высокихъ колесъ и маленькаго сѣдалища, и надо имѣть неаполитанское воображеніе для того, чтобы умѣть извлечь изъ этой несложной вещи столько выгодъ, сколько здѣсь извлекается.

На тѣсномъ сѣдалищѣ помѣщается обыкновенно какая-нибудь привилегированная особа, которой изъ уваженія предлагаются возжи и даже предоставляется почетное право платить за цѣлую компанію разнообразнѣйшихъ пассажировъ, которые спѣшатъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для поѣздки, куда кому нужно.

Вокругъ основнаго пассажира группируются опоздавшіе путешественники: одинъ становится на ось, другой на подножку, третій на оглоблю и держится за сосѣда; кромѣ того, можно сѣсть на задокъ, на ручки главнаго сѣдалища; покуда ступня можетъ найти какую-нибудь точку опоры на этомъ шаткомъ экипажѣ, хозяинъ его съ неподражаемою самоувѣренностью говоритъ, что мѣсто есть. По этой неаполитанской методѣ остовъ одноколки очень скоро маскируется совершенно, и вашему взору представляется живописнѣйшая, цвѣтистая грозда мужчинъ, женщинъ, дѣтей, ладзароновъ и капуциновъ, которые несутся съ быстротою вихря, и длинный бичъ вьется и хлопаетъ надъ ихъ головами.

За неимѣніемъ козелъ, веттурино правитъ своей лошадкой, стоя сзади всѣхъ и расположивъ свои босыя ступни отчасти на оси одноколки, отчасти на рессорахъ.

Но это еще не все. *Cofficolo* забираетъ новыхъ пассажировъ. Подъ экипажемъ прикрѣплена веревочная сѣтка, мотающаяся между колесами, вершкахъ въ пяти отъ земли. Это собственно мѣсто для клади; но Неаполитанецъ, не при-

выкипѣи къ пѣшеходному странствію, съ удовольствіемъ ложится и покачивается въ сѣткѣ вмѣстѣ съ мѣшками и чемоданами.

На этотъ разъ мнѣ таки посчастливилось. Вѣроятно, охотники до такихъ живописныхъ побѣздокъ еще спали, потому-что веттурино не могъ собрать полной коллекціи. Тѣсное сѣдалище пришлось мнѣ раздѣлять только съ однимъ, впрочемъ довольно дюжимъ фермеромъ, хотя и надо было признать физическую невозможность уміститься ему на пространствѣ менѣе трехъ четвертей скамеечки.

Потомъ, дружески придерживаясь за мою ногу, прицѣпился на алую оглоблю молодой факино, въ небрежнѣйшемъ ночномъ нарядѣ, который, къ удовольствію художниковъ, не скрываетъ мускулистыхъ членовъ, достойныхъ античнаго рѣзца и навоминающихъ своимъ колоритомъ теплые тоны коринеской бронзы.

Обязательный веттурино откровенно признался мнѣ, что вызвался, по знакомству, завезти этого парня въ ближайшую локанду, куда ему надо было доставить два боченка вина,—и дѣйствительно, одинъ изъ этихъ боченковъ покачивался въ веревочной сѣткѣ, прикрѣпленной подъ экипажемъ, а другой, изъ предосторожности, чтобъ не разбился, тщательно уложенъ былъ подъ кирами пассажировъ.

Около Салерно вы видите и маслины и тѣнистыя деревья почтенныхъ лѣтъ; видите деревушки съ виноградниками, поля, засыпанные мансомъ; далѣе — дорога пролегаетъ по желтой, опаленной солнцемъ равнинѣ, обнесенной съ лѣвой стороны горами, съ правой Тирренскимъ Моремъ. Но это прекрасное море слишкомъ пустынно, а виноградники и малые города, бѣлѣющіеся у подножья горъ, слишкомъ удалены отъ дорогъ, и не оживляютъ сцены.

Дорога все становилась пустыннѣе, пейзажи суровѣе. Съ жутью утра, на которую я рассчитывалъ, очень скоро мнѣ изѣтнѣла. Августовское солнце раскалило небо до-бѣла. Я говорю безъ всякой иперболы. Если вы обличите орлиную дерзость поглядѣть на это солнце, вы не увидите ни солнца, ни небесной синевы; васъ ослѣпитъ невыносимо сіяющій, раскаленный до-бѣла куполь. Не на этомъ ли феноменѣ осно-

вывалось одно изъ тысячи космогоническихъ мечтаній, мечтаніе древнихъ о „мѣдношъ“ небѣ?

Мѣстами, близъ дороги видѣются одинокіе кресты, скромно напоминающіе о какой-нибудь забытой могилѣ.

Древніе устраивали свои кладбища при вѣздѣ въ городъ, окошляли изящными саркофагами большія дороги. Если не надгробная надпись, то граціозныя барельефы; если не барельефы, то по-крайней-мѣрѣ мраморная скамья непреѣнно привлекала прохожаго. Смерть окружена была возможнымъ изяществомъ.

Въ католической Италіи эти поэтическіе обычаи вывелись. Смерти возвращены всѣ неоспоримыя ея права на безобразіе. Неаполитанскія кладбища, гдѣ покойниковъ сваливаютъ въ общую яму, — представляютъ картину въ высшей степени ужасную. У большихъ дорогъ хоронятъ только злополучныя жертвы бандитовъ. Кресты, поставленные на этихъ могилахъ, быть-можетъ оффиціальными руками, служатъ злобѣйшими указателями...

Во всей Италіи, чѣмъ нѣкто пустыниѣ, глуше, чѣмъ окрестныя овраги и тѣснины подозрительныѣ, тѣмъ болѣе наставлено этихъ плачевныхъ замѣтъ. Зато, проѣзжая мимо такого дорожнаго sampio-santo, вы будете кореннымъ образомъ ограждены отъ нападеній скуки: мысль, что вы сами сію минуту можете сдѣлаться предлогомъ къ новому памятнику, навѣрное разсѣветъ васъ по-крайней-мѣрѣ столько, сколько любая мелодрама.

Между-тѣмъ кудравый феккино, достигнувъ цѣли своего путешествія, ловко сврыгнувъ съ оглобли на всемъ скаку нашей маленькой, но бодрой лошади, которая отличалась отъ чухонскихъ лошадей только развѣ лавровою вѣткою, воткнутою въ хомутъ, для защиты конской головы отъ слѣпной и солнца. Чернобородый возничій охотно принялся за выгрузку боченковъ, обнявъ каждый по-очередно и, безъ обнянковъ открывая завѣтное четырехугольное отверстіе, облакивалъ въ вино свои усы и часть носа, съ сознаниемъ заслуженной награды. Часомъ позже, дородный мой спутникъ, все время молча считавшій что-то по пальцамъ, или можетъ-быть даже гадавшій какъ хиромантикъ, — спустился къ порогу своей одинокой фермы, что конечно было бы для него не-

возможно безъ нашей общей помощи. Лошадка, почуввъ освобожденіе отъ главнаго груза, изъявила свое удовольствіе звонкимъ ржаніемъ и помчалась несравненно веселѣе.

Мы остались вдвоемъ на этой калабрской дорогѣ, пользуясь такою трагическою знаменитостію.... Нѣкоторыя мѣста были до-того безлюдны и подозрительны, что наводили на меня тоску по моей трости, оставленной въ Неаполь, трости, въ которой скрывался, на всякій случай, надежный стилетъ. Появлялась ли изъ-за куста коническая шляпа пастиуха, или слышался вдали свистокъ охотника, — все это учащало біеніе моего сердца.

Что касается до моего чернобородаго возницы, то онъ былъ вооруженъ однимъ только бичемъ. Мало того, онъ былъ раздѣтъ едва не до-нога, вѣроятно съ цѣлюю представить какъ можно менѣе пищи корыстолюбію и алчности бандитовъ.

Напрасно я искалъ глазами какого-нибудь естественнаго оружія. Растительное царство здѣсь представляло мнѣ только ко зубристые клинки алая....

Для развлеченія, я завелъ разговоръ.

— А что, часто здѣсь у васъ ставятъ такіе кресты?

— Да кому же ставить-то, 'cellenza?

— Какъ, развѣ нынче здѣсь у васъ ужъ не нападаютъ на путешественниковъ?

— Хоть и подстрѣлили бы кого, такъ — будьте спокойны — друзья ни за что не дадутъ ему истлѣть въ этой неосвященной землѣ.

— Такъ можно опасаться?... сказалъ я торопливо и не скрывая своего законаго безпокойства.

— Можно, 'cellenza! отвѣчалъ Италіянецъ, флегматически почесываясь.

— А развѣ у тебя нѣтъ карабина?

Извѣстно, что въ Калабріи карабинъ общеупотребительнѣе и популярнѣе, чѣмъ у насъ трость.

— Какъ не быть, 'cellenza.

— Зачѣмъ же ты не взялъ его съ собою?

— Э, еще пожалуй утащатъ его на дорогѣ-то.

И чернокудрый молодецъ оглушительно захопалъ надъ мою голову своимъ длиннымъ бичемъ, который, въ случаѣ

надобности, могъ бы съ успѣхомъ замѣнить удочку. Мы ячались, какъ-будто за нами гнался легионъ Вельзевула, котораго Неаполитанецъ труситъ по-крайней-мѣрѣ столько же, какъ и своего знаменитаго патрона San-Genpaго.

Четыре часа времени промелькнули незамѣтно. Полуиссохшая рѣка перерѣзала псперегъ нашу дорогу, и спѣшила увести въ море остатокъ своихъ мутно-желтоватыхъ водъ. Эта рѣка въ древности называлась Silagus; въ средніе вѣки — Silago, а нынче Sele. Вода ея имѣетъ свойство окаменять разныя сколько-нибудь твердыя вещества. Разумѣется, эти любопытныя метаморфозы созершаются чрезвычайно медленно, и предметы, превращенные въ минераль, сохраняютъ одну только свою первобытную форму.

Не знаю, существовалъ ли на этой рѣкѣ мостъ во времена Сибаритовъ; знаю только, что нынѣшніе положительныя путешественники должны девольствоваться плохимъ паромомъ. Полдюжины Калабрійцевъ, завѣдывающіе этой переправой, поселены на берегу въ камышевыхъ шалашахъ, и во многихъ отношеніяхъ похожи на Башкирцевъ. Нарѣчіе, на которомъ эти люди объясняются, могло бы оскорбить даже англійское ухо. Этотъ музыкальный итальянскій языкъ, такой сладостный въ устахъ примадонны или принчипессы, низведенъ здѣсь на степень языка лапландскаго.

При всемъ томъ есть фразы, произносимыя съ ясностью, которая рѣшительно не позволитъ иностранцу отговариваться непониманіемъ. Особенно внятно и выразительно, вѣроятно отъ слишкомъ частаго повторенія, выговаривается фраза: «Una botiglia, signori!»

На плечахъ этихъ бѣдняковъ сохранились костюмы, въ какихъ Сальваторъ Роза представлялъ ихъ предковъ. Нѣкоторые прикрываютъ свое туловище только необходимѣйшею одеждою, оставляя свои мускулистые, бронзированные загаромъ члены — обнаженными; другіе, напротивъ, наряжаются въ овчину, мѣхомъ наружу. Коническая калабрская шляпа здѣсь беретъ очевидный перевѣсъ надъ фригійскимъ колпакомъ.

Покуда мы переправлялись на противоположный берегъ, мнѣ неотступно предлагали приобрести окаменѣлыхъ птицъ — ихъ гнѣздъ, вѣтвей и прочая. Всѣ эти окаменѣлости произ-

водится рѣкою безъ всякой посторонней помощи и составляютъ немаловажную статью въ торговлѣ окрестныхъ бѣдниковъ.

— Вотъ, signore, окаменѣлый стебелекъ.

— На что синьору твой стебелекъ? Вотъ лучше птичье гвѣздышко.

— Посторонитесь, — ушибу! кричалъ третій, таща рогатый пень, до-того сохранившій свои формы, что ботаникъ безъ затрудненія приискалъ бы латинское прозвище породы, къ которой принадлежалъ окаменѣлый пень.

Я не могъ взять цѣлую коллекцію окаменѣлостей.

Я взялъ на память одинъ стебелекъ, и заплатилъ пиастръ за все остальное, чего не могъ взять и что мнѣ предлагалось съ такимъ усердіемъ.

Продавцы были обрадованы какъ сущія дѣти. Потому они вронячески переглянулись между собою, и насмѣялись мнѣ въ глаза.

Я былъ уже въ четырехъ миляхъ отъ Пестума.

На пустынномъ поморьи, поросшемъ тростниками, я уже искалъ глазами изящныя жолобчатыя колонны, которыя поэту кажутся похожими на группу женщинъ, претерпѣвшихъ морскую бурю и обвитыхъ влажными складками своихъ греческихъ тюникъ.

— Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ убиты бѣдные Англичане! замѣтилъ мой возница, указывая бородой на дорогу, на которой я, съ любопытствомъ туриста, сталъ искать слѣдовъ преступленія.

И онъ разсказалъ мнѣ этотъ трагическій случай, хлопая бичемъ на самыхъ патетическихъ мѣстахъ разсказа.

Молодой джентльменъ и хорошенькая леди, обвинявшіеся въ Англіи, тотчасъ послѣ свадьбы отправились въ Италію. Это обыкновеніе у Англичанъ понятіе въ большой модѣ.

Англичане не безъ справедливости полагаютъ, что любовь въ ихъ сердцахъ можетъ успѣшно развиваться только подъ вліяніемъ итальянскаго луча.

Прелестная чета, — потому-что это точно была прелестная чета, провела въ Италіи медовый мѣсяцъ. Въ Неаполѣ все завидовали этимъ счастливымъ. Они возвращались изъ Пестума въ сопровожденіи слуги, который сидѣлъ на козлахъ

коляски, — вдругъ трое или четверо бандитовъ остановили экипажъ, и грозили смертью, если немедленно не будутъ выданы имъ деньги и багажъ. По несчастію, молодой путешественникъ не струсилъ и намѣревался оказать энергическое сопротивленіе... Испуганная жена, сообразившая дѣло умнѣе, умоляла его бросить бандитамъ мѣшокъ съ пастроми, лежавшій на днѣ кузова коляски. Между-тѣмъ, слуга вступилъ въ открытую борьбу и былъ ошеломленъ однимъ ударомъ. Англичанинъ нагнулся, за мѣшкомъ или за пистолетами — неизвѣстно; по-крайней-мѣрѣ, бандиты были убѣждены, что за пистолетами, и выстрѣлили изъ своихъ карабиновъ. Въ ту минуту, какъ они прицѣлились въ мужа, жена обхватила его руками и прикрыла собою. Двѣ пули пролетѣли сквозь тѣло несчастной въ грудь мужа и смертельно ранили обоихъ. Бандиты скрылись, какъ водится, не позабывъ добычи; поселяне, услышавшіе выстрѣлы, прибѣжали на мѣсто и увидали молодую чету, облитую кровью. Англичанина перенесли въ ближайшій придорожный шалашъ, гдѣ несчастный скоро скончался. Молодая вдова его, подававшая надежду, была перенесена въ локанду, существующую въ Пестумѣ.

Два англійскіе офицера, пріѣхавшіе полюбоваться Пестумомъ вскорѣ послѣ этой катастрофы, оказали соотечественницѣ всевозможныя пособія, какія допускаетъ итальянская локанда, удаленная отъ города, и заботились о раненой съ нѣжностью братьевъ.

Она, бѣдняжка, безпрестанно освѣдомлялась о мужѣ.... Ее увѣрили, что онъ въ сосѣднемъ домѣ, что ему легче, но что опасно было бы перенести его.... Забывая о своихъ ранахъ, со слезами умоляла она, чтобы ей доставили возможность увидѣться съ мужемъ, быть-можетъ въ послѣдній разъ передъ смертью.... Кто могъ бы отказать бѣдняжкѣ въ этой послѣдней просьбѣ, еслибъ не было уже поздно....

Она скончалась вечеромъ слѣдующаго дня, не подозрѣвая участи мужа.

— Давно ли это случилось? спросилъ я заботливо, потому-что Итальянецъ представилъ страшное происшествіе такъ наглядно, какъ-будто самъ былъ очевидцемъ этого не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ.

— Годовъ пять было имъ въ-ту-пору....

— Это значитъ добрая четверть столѣтія назадъ.... Ну, а ищите какъ?

— Ничего здѣсь спокойно.

Въ-самомъ-дѣлѣ, кругомъ было спокойствіе покинутого, забытаго кладбища.

— Благодареніе королевскихъ карабинеровъ, — прибавилъ Итальянецъ съ чувствомъ, — убійцы здѣсь перевелась.... Ограбить, пожалуй, ограбить до вничья.... но на томъ и остановиться, и basta!

Что мы толковали мой собесѣдникъ, помрачить мое воображеніе было трудно: я мечталъ уже о розахъ Пестума.

Не пугайтесь меня, я не археологъ. Я не умѣю восхищаться горами античнаго мусора, которымъ такъ богата почва Италіи; не заставляю васъ отыскивать красоты въ какой-нибудь статуѣ, дотого обглощенной временемъ, что — не говорю уже о утраченныхъ рукахъ, головѣ и ногахъ, — самое туловище похоже на ново-зеландскаго фетиша.

Если остатокъ стѣны, какини такъ изобилуетъ римская пустыня, не представляетъ собою ничего монументальнаго и не пробуждаетъ во мнѣ никакого историческаго воспоминавія, я — извините мою холодность! — вижу тутъ только груду добраго кирпичу, и ограничиваюсь сожалѣніемъ, что тайна составленія цемента, выдержавшаго тысячелѣтія, утрачена, не достигла до насъ вѣсть съ этими постройками.

Полуразрушенная громада Колизея волнуетъ мою душу едва-ли не сильнѣе, чѣмъ трагедія Эврипида или Софокла; изящныя гробницы Помпеи производятъ на меня быть-можетъ такое же глубокое впечатлѣніе, какъ Моцартовъ режиссёръ.... Но страшныя, безобразныя массы кирпичу, носящія въ Римѣ пышное названіе „цезарскихъ дворцовъ“ — заставляютъ меня только пожалѣть, что время, варварство и фанатизмъ отняли у насъ удовольствіе видѣть всѣ эти чертоги хотя бы въ томъ видѣ, въ какомъ остался Пантеонъ и триумфальныя арки римскаго форума, что мы живемъ о нихъ слухное и, можно не безъ основанія сказать, ложное понятіе по *реставраціямъ*, которыя сочиняются нынѣшнимъ, далеко не античнымъ воображеніемъ.

Изъ стержня колонны, изъ обломка архитрава, наши зѣдчиче пытаются возсоздать монументъ, храмъ, дворецъ; точно

такъ же, какъ натуралистъ, изъ обломка челюсти, ребра, позвонка, возсоздаетъ ихтиосавра или мамонта.... И натуралисты и зодчіе, случалось нерѣдко, производили чудовищъ.

По счастью, колоннады Пестума сохранили всѣ свои изящныя линіи почти неприкосновенными, и оставили весьма мало работы воображенію реставраторовъ.

Впрочемъ, десятки вѣковъ могутъ еще пройти по этимъ зданіямъ, и все-таки здѣсь будетъ чѣмъ полюбоваться произведенія греческаго генія сохраняютъ красоту и благородство — даже въ послѣднихъ своихъ обломкахъ.

Исторія Пестума темна. Объ этомъ городѣ чаще упоминали поэты, чѣмъ историки. Пестумскія розы были, повидимому, славнѣе пестумскихъ гражданъ.

Весьма древнія медали, найденныя здѣсь въ землѣ, представляютъ изображеніе бородатаго Нептуна, которому первоначально посвященъ былъ этотъ приморскій городъ, называвшійся *Посидоніей*. Основаніе его приписываютъ финикійскимъ и греческимъ мореходамъ. Достоверно только то, что это происходило въ весьма отдаленную эпоху: свидѣтель — средній изъ трехъ храмовъ, почти ровесникъ египетскимъ пирамидамъ.

Многія племена въ послѣдствіи времени оспаривали другъ у друга этотъ уголокъ земли. Сибариты нѣжились здѣсь на розахъ; наконецъ Римляне явились въ мѣдныхъ шишакахъ и латахъ.... Августъ въ свое время посѣтилъ пестумскіе храмы, и смотрѣлъ на нихъ какъ на образцы древняго зодчества.

За тысячу лѣтъ до нашего времени, этотъ роскошный городъ былъ сожженъ Сарацинами. Жители частью истреблены, частью разбѣяны по окрестностямъ.... Мертвый городъ былъ забытъ и отданъ въ полное владѣніе природы. Историки не искали его, окрестные поселяне, можетъ-быть, и знали о существованіи этихъ развалинъ, но избѣгали ихъ, потому-что языческія зданія вообще почитались обиталищемъ нечистой силы.

Не раньше какъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, какой-то неаполитанскій живописецъ, великій искатель невиданныхъ пейзажей, случайно набрелъ на покинутыя развалины Пестума, полу-скрытыя богатою растительностью, которая въ нѣ-

сколько вѣковъ могла пріобрѣсть всю дѣвственность и непроходимость американской рощи.

Разумѣется, надо благодарить людей, которые снова вывели на свѣтъ этихъ свидѣтелей глубокой древности.

Ничто не разрушаетъ самыхъ массивныхъ построекъ такъ дѣлательно, какъ корни растеній.

Но я хотѣлъ бы видѣть эти портики въ живописномъ убранствѣ природы,—эти изящные стержни, обвитые дикимъ виноградникомъ, капители обвѣшанные цвѣтами, зеленѣющія вѣтви, выглядывающія изъ каждой разсѣлины архитрава, гирлянды плюща, свѣсившагося съ фронтоновъ, кустарники и разнообразныя травы, ползущія по широкимъ ступенямъ подъ портики....

Впрочемъ и безъ этого передо мной теперь картина восхитительная. Посреди желтой, опаленной пустыни, одиноко стоятъ три храма, съ своими дивными колоннадами, которыя какъ-будто пропитаны солнечными лучами; фасады ихъ обращены къ морю, котораго вѣчный шумъ отсюда едва слышенъ. Это голубое и пустынное море, и далекій амфитеатръ голубоватыхъ горъ, поднимающійся на заднемъ планѣ, дивно довершаютъ картину.

Спокойное величіе этой сцены производитъ впечатлѣніе неизяснимое.

Я сѣлъ на обломокъ архитрава, обросшаго дикими фіалками. Передо мною три зданія, древнѣйшія въ Европѣ, но отсюда я почти не вижу ущербовъ, нанесенныхъ этимъ портикамъ столѣтіями.

Нѣкоторыя изъ внутреннихъ колоннъ упали, фронтоны повреждены весьма немного; но безъ этого пестумскіе храмы не были бы развалинами.

Молнія и вѣка нанесли немного ударовъ этимъ массивнымъ зданіямъ. По счастью, удары времени въ высшей степени художественны.

Если эта вулканическая почва не подвергнется какому-нибудь перевороту, еще многія поколѣнія будутъ восхищаться колоннами Пестума.

Эти колонны просты и величественны, какъ стихи Гомера.

Я подошелъ къ среднему изъ трехъ портиковъ; это храмъ

Нептуна. Антикварии, основываясь на величии этого храма, записали его на имя Нептуна, которому посвященъ былъ въ глубокой древности и весь этотъ городъ, носившій некогда названіе Нептунія или Песидонія.

Очевидно только одно, что этотъ портикъ древнѣйшій изъ трехъ пестумскихъ портиковъ.

Въ этой архитектурѣ красота греческаго стиля отзывается патриархальною суровостью первобытныхъ вѣковъ. Это зданіе принадлежитъ къ героической эпохѣ, когда грандіозная простота цѣнилась въ искусствѣ выше всего.

Камень, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ золотистый солнцемъ юга, не чернѣетъ отъ древности, какъ подъ нашими влажными небомъ, а принявъ теплые желтоватые оттѣнки, впадающіе въ колеръ шафрана, и даже въ тоны пурпура или всю роскошь красокъ, какія поздняя осень придаетъ винограднымъ листьямъ.

Камень, изъ котораго сложены эти массивныя зданія, — родъ грубаго мрамора, и не принимаетъ полировки, но тѣмъ неменѣе отесанъ съ геометрическою точностью.

Храмъ Нептуна окруженъ тридцатью-шестью колоннами древнѣйшаго дорическаго стиля. Всѣ онѣ, по древнему обыкновенію, безъ базъ и опираются своими желобчатыми стержнями о платформу, возвышающуюся отъ земли на три исполинскія ступени, которыми окружено зданіе со всѣхъ четырехъ сторонъ.

По мягкому мху, которымъ облѣпленъ античный щепень, я вошелъ во внутренность пустой храминны. Она тоже украшена четырнадцатью колоннами, только разбѣры ихъ нѣсколько легче.

Эти колонны поддерживаютъ полуразрушенный архитравъ, на которомъ возвышается еще рядъ небольшихъ колоннъ; но этихъ изящныхъ подпоръ кровли осталось не болѣе пяти съ одной стороны и, кажется, трехъ съ другой. Одна изъ этихъ колоннъ опалена молніей, но устояла. Платошь и кровля истреблены временемъ совершенно. Ихъ замѣняетъ съ дивнымъ эффектомъ голубой куполъ неба.

Два жертвенника, найденные въ святилищѣ этого храма, были обращены къ востоку.

Полъ покрытъ былъ богатѣиши мозаиками, которые бѣднѣею частью украшаютъ нинѣ сацердотскій соборъ.

Недалеко отъ Нептунова храма находилса нестумскій театръ, но онъ разрушенъ въ такой степени, что существуетъ только въ воображеніи любителей древности. По-крайней-мѣрѣ я не могъ распознать здѣсь даже и плана его, котораго напрасно искалъ въ крапивѣ, дроздѣ и въ кустарничкахъ, гдѣ скорѣе наступиши на змѣю, чѣмъ на какой-нибудь поучительный остатокъ древности. Нѣсколько разсыпанныхъ, вросшихъ въ землю или покрытыхъ растеніями камней — вотъ все, что осталось отъ нестумскаго театра.

Впрочемъ, одинъ археологъ заранѣе предвѣстилъ мнѣ восхищаться этииъ несуществующимъ зданіемъ, на томъ основаніи, что нѣсколько обломковъ и барельефовъ, найденныхъ здѣсь, свидѣтельствуютъ о великолѣпнмъ театра и о цѣлѣтущей архитектурной эпохѣ, въ которую онъ построенъ.

Шаговъ на сто въ сторону отъ несуществующаго театра, видно еще нѣсколько обломковъ, которыми давно, задолго до рожденія всѣхъ нашихъ родоначальниковъ, — овладѣла природа. Это остатки амфитеатра, который былъ, по обыкновенію древнихъ, въ центрѣ города.

Здѣсь, если нельзя догадаться, сколько именно уступовъ заключалъ въ себѣ этотъ амфитеатръ, можно по-крайней-мѣрѣ видѣть, что онъ былъ эвальной формы; отчасти сохранились также подземныя камни, гдѣ содержались хищныя змѣи цирка.

Шагахъ въ пятидесяти отъ этихъ обломковъ, возвышается почти во всей своей первоначальной красотѣ храмъ Цереры.

Если главнѣйшее изъ этихъ зданій было заведено принцессою богиней морей, покровителю Финикійцевъ, конечно надо было почтить память и богини, которая такъ равноестно поклмась о плодородіи нестумскихъ равнинъ.

Храмъ Цереры несравненно меньше сосѣднихъ портиковъ, за то онъ легче, граціознѣе и, разумеется, молеже Нептунова храма нѣсколькими вѣками. Дорическій стиль утрачиваетъ здѣсь свой первобытный характеръ силы, простоты и энергіи, и уже не чуждается украшеній.

И этотъ храмъ съ четырехъ сторонъ окруженъ порти-

капи. Фронтоны поддерживаются каждый шестью колоннами боковые перистилы представляют каждый по тринадцать столповъ, безъ базъ; три широкія ступени окружаютъ всѣ зданіе.

Я вошелъ въ пустынную хранину, гдѣ не осталось ничего, кромѣ шести колоннъ и полуразрушеннаго помоста, на которомъ видны осколки истребленныхъ мозаикъ.

Отсюда я поднялся еще четыре ступени и проникнулъ въ капище, пережившее своихъ боговъ. Я стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жрецъ приносилъ свои кровавыя жертвы и гдѣ еще нынче нерѣдко путешественники совершаютъ возліянія богу винограда.

Третій изъ пестумскихъ портиковъ, открытый со всѣхъ сторонъ, не имѣетъ никакихъ слѣдовъ внутренней хранины для жертвоприношеній, и потому почитается просто портикомъ, вѣроятно, назначавшимся для народныхъ собраній, или для прогулки гражданъ.

Это зданіе нѣсколько меньше храма Нептуна и цѣлаго болѣе храма Цереры, но богаче колоннами. На фасадѣ ихъ девять; по сторонамъ насчиталъ я по осемнадцати. Кромѣ того внутри этотъ портикъ раздѣленъ былъ вдоль колоннадой, отъ которой, впрочемъ, осталось не больше трехъ столповъ.

Это зданіе тоже дорического стиля, но красота колоннъ и капителей, триглыфы на фризѣ, и разныя архитектурныя украшенія, доказываютъ, что это зданіе принадлежитъ къ эпохѣ послѣдняго развитія дорического стиля.

Эти памятники, какъ бы мы ни расположены были преувеличивать ихъ размѣры, отнюдь не громадны. Храмы Пестума и даже Агригента — пигмеи въ сравненіи, напримеръ, съ громадною базиликой ватиканской, — но производятъ впечатлѣніе неизъяснимое, понятное только тому, кто его испыталъ.

Это античная красота, спокойная и ясная, не ослѣпляющая васъ внезапно, но овладевающая душой, не смущая ея: это красота, какую обладаютъ гексаметры Илиады и барельефы Партефона.

Теплый, золотистый колоритъ, наложенный вѣками на эти изящныя стержни, игра свѣту и тѣни подъ изящными пери-

стѣлани, голубизна неба и моря, попеременно являющаяся глазу въ промежуткахъ колоннъ, все это производитъ эффекты магическіе.

Долго лежалъ я одинъ подъ тѣнью перистилы Нептунова храма. Вокругъ меня была тишина и заустѣнье Фиванды. Только классическій кузничекъ не прерывалъ своихъ металлическихъ звуковъ въ травѣ, да зеленныя ящерицы выбѣгали изъ разсѣлинъ, образовавшихся между камнями ступеней, и грѣлись на пальцѣхъ солнцѣ.

Ползучія лозы дикаго виноградника, тростниковый шалашъ пастуха, полевой цвѣтокъ, распустившійся за-ночь — все это представляло поразительные контрасты съ этими величественными памятниками первобытной цивилизаціи. Пустыня, угрюмыя зданія и улыбающаяся природа неволятъ къ думѣ; но въ этой думѣ нѣтъ ничего печальнаго.

Даже глядя на развалины, охотно прощаешь вѣкамъ, которые разрушаютъ такъ грандіозно.

Воображеніе мое снова населяло эту прибрежную пустыню. Я переносился въ эту таинственную, отдаленную эпоху, воображалъ себя жителемъ Великой-Греціи. Вокругъ этихъ портиковъ тѣснились ряды зданій; шумныя толпы тѣснились подъ портиками; по улицамъ звучалъ языкъ Гомера; у пристани видѣлись тирійскія мачты....

Теперь здѣсь мертвая тишина и заустѣнье: только храмы остались незаблѣмы; только море съ той поры не прерывало своего иѣрнаго гула.

Гдѣ же розы Пестума, расцвѣтавшія два раза въ годъ, розы, прославленныя Виргиліемъ, Овидіемъ, Марціаломъ, Проперціемъ?

Въ кустарникахъ, окружающихъ храмы, я нахожу одинъ шиповникъ: ужели это одичалыя розы Сибаритовъ?

Какъ бы то ни было, а эти дикія розы заставляютъ празднаго странника мечтать столько же, какъ и эти дорическіе храмы.

Все измѣнилось на здѣшнемъ берегу, — даже природа. Благоуханія розъ давнымъ давно уничтожено ядовитыми испареніями болотистой почвы.

Mal'agia завладѣла этимъ некрополемъ, и царствуетъ здѣсь почти круглый годъ.

Черные буйволы, пасущіеся въ этой пустынѣ, одни ожигаютъ картину. Нѣсколько камышевыхъ шалашей разсыяно между кустами. Два пастуха, выползшіе изъ этихъ кочевыхъ пещеръ, блѣдные, истощенные, похожи болѣе на тѣни Оскевъ или Финикійцевъ, оплакивающихъ свои разоренныя могилы.

Одинъ изъ этихъ призраковъ встрѣтилъ меня на безлюдномъ морскомъ берегу, и утрюмо нахмуравъ брови, проговорилъ отрывисто:

— *La carita!*

Глядя на фizioномію пастуха и на суковатую дубинку, которая была у него въ рукѣ, трудно было рѣшить, просьба ли это, или требованіе.

— Не уступишь ли, мой другъ, свою палку за десять грановъ? спросилъ я бѣдняка.

Онъ поглядѣлъ на меня съ недоувѣрчивостью, потому-что въ-самомъ-дѣлѣ, предлагаемая цѣна была — непохѣрная, неестественная.

Убѣдившись, что я не шучу, бѣднякъ не устоялъ противъ искушенія, и такимъ способомъ былъ обезоруженъ.

Видя всѣ преимущества моего положенія, которыя самъ продалъ такъ опрощливо, онъ смягчилъ свой тонъ и даже обѣщавъ поможеться за меня Мадоннѣ.

Пестумъ былъ окруженъ высокими стѣнами, циклопической постройки. Это видно по длинной, эллиптической чертѣ развалинъ, которыя представляютъ множество огромныхъ, правильно отесанныхъ камней, достойныхъ Хеопсовой эпохи.

Изъ четырехъ воротъ, видны только восточныя, и то полуразрушенныя. На аркѣ ихъ уцѣлели два барельефа: на одномъ изъ нихъ можно различить дельфина — символъ древнихъ мореходовъ, основавшихъ городъ.

Мѣстами каблукъ мой ударялъ о камни античной достовой, выглядывающей изъ-подъ травы.

За чертою городекой стѣны, близъ того мѣста, гдѣ были западныя ворота, найдено множество разрушенныхъ гробницъ, которыя были покрыты твердымъ стюкомъ и живописью. Я не вижу тутъ ничего, кромѣ разсыянныхъ каменныхъ обломковъ, полускрытыхъ кустарникомъ и травою.

Въ этомъ же мѣстѣ было открыто множество воинскихъ доспѣховъ, быть-можетъ временъ Менелая и покоренія Трои;

также нѣсколько разъ замѣчательной красоты, съ греческими надписями. Все это хранится теперь въ неаполитанскомъ музее.

Долго еще я бродилъ по пестунской пустынѣ. Эта бѣлая почва, эта мрачная зелень, эти храмы, давно разцвѣченные тысячелѣтіями, въ отдаленіи желтоватыхъ горъ съ лиловыми отблесками, и это море, которое, взбѣгая на низменный берегъ, не принимало мутно-зеленоватого цвѣту, а сохраняло всю свою лазурь съ карминными отблесками, — все эта картина производила на меня впечатлѣніе новое, глубокое, незабвенное.

Я надѣревался провести ночь на развалинахъ Пестуна. Поинтересъ Байронъ замѣтилъ въ своихъ запискахъ, что никакія развалины не могутъ сравниться съ колоннадами Пестуна и Агригента, особливо при лунномъ освѣщеніи. На такой авторитетъ всегда можно положиться. Кстати же у насъ была недѣля полнолуныя. А неаполитанское полнолуные — тотъ же день, только серебристо-глубокой, вмѣстѣ золотого.

Я чувствовалъ утомленіе, какъ-будто подъ вліяніемъ широкко. Правда, зной былъ нумидійскій, и ни облачка, ни вѣтерка!

Когда я отошелъ шаговъ на сто отъ развалинъ, то замѣтилъ, что испаренія, поднимавшіяся подъ вліяніемъ солнца изъ болотъ, окружали портики золотистою атмосферой.

Въ такую минуту, изнеможенный странникъ поневолѣ мирится съ полудюжиною новѣйшихъ зданій, которыя выросли на этой классической почвѣ и сначала кажутся слѣдствиемъ неуспѣшныи посреди этого заустыня, въ сосѣдствѣ тысячелѣтнихъ храмовъ.

Я вошелъ въ скучную локанду съ удовольствіемъ, какого можетъ-быть не доставлялъ мнѣ еще ни одинъ итальянскій валаццо. Термометръ показывалъ тридцать-два градуса въ тѣни.

Нѣсколько бѣдняковъ, съ впадыми глазами, съ осунувшимися скулами, оказали мнѣ все гостепріимство, дозволяемое ихъ средствами. Они приготовили мнѣ завтракъ, впрочемъ, далеко не египетскій; но я не успѣлъ проглотить кусокъ

хлѣба, какъ глаза мои стали смыкаться противъ моей воли; отяжелѣвшая голова склонилась къ груди.... и я уже перенесся изъ этой горючей пустыни въ землю, которая и велика и обильна....

Хозяинъ локанды растолкалъ меня на самомъ любопытномъ мѣстѣ моей грезы.

— Ради Мадонны, синьоръ, что вы дѣлаете?

— Кажется, я вздремнулъ....

— Нѣтъ, вы просто заснули!

Эта фраза была произнесена такимъ тономъ, какъ-будто сонъ почитался здѣсь преступленіемъ.

— А хоть бы и заснулъ? — сказалъ я простодушно.

— Синьоръ позабылъ, что у насъ еще не декабрь.

— Такъ развѣ у васъ спятъ только въ декабрь? спросилъ я съ ужасомъ, потому-что наступалъ еще только августъ.

— Eh! s'poge, si! Только зимою.

— Какъ же вы-то?

— Да ужъ мы попривыкли; да и намъ-то сонъ дается не даромъ: лихорадка вотъ не отвязывается.

И онъ указалъ мнѣ на свое зеленоватое лицо и на прислужниковъ, которые все говорили болѣзненнымъ голосомъ и бродили какъ тѣни.

Убийственная *malaria* отиѣтила свои жертвы безпощадно.

Между-тѣмъ я чувствовалъ, какъ мои вѣки упали на отуманенные зрачки. Никогда сонъ не искушалъ меня съ такою чародѣйскою силою.

— Только лихорадка? Идетъ на лихорадку! воскликнулъ я геройски. — Дайте мнѣ заснуть хоть минутку, злодѣи.

Я готовъ былъ отдать два года здоровья за одинъ часъ сна.

— И на смерть идетъ? спросилъ меня хозяинъ съ любопытствомъ, пристально поглядѣвъ мнѣ въ глаза.

Тутъ я немножко очнулся.

— Случалось, замѣтилъ хозяинъ, неосторожные путешественники и не просыпались....

Я призадумался. Хозяинъ показался мнѣ просто инквизиторомъ. Потомъ, чувствуя, что и живо не могу удержать голову на плечахъ, я прошепталъ:

— Не тревожить меня.... я сплю.

— Э, синьору угодно рискнуть.

— Вагъ какое дѣло?! прошептавъ я, не открывая глазъ.

— Хорошо синьору говорить; ему сложуть руки, да и баста; а съ насъ вѣдь стануть взыскивать....

Это замѣчаніе вразумило меня, — какъ безчеловѣчно своею неумѣстною кончиной подвергать честныхъ людей отвѣтственности.

— Неужели же нѣтъ никакого средства противъ этого невидимаго вампира?

— Какъ не быть, s'pogè! Вотъ оно передъ вами.

Я онъ съ добродушной улыбкой потрелъ своей синевой рукой «ляжку, полную вина и оплетенную соломой.

— Per Basso, s'pogè! присовокупилъ мой хозяинъ съ заѣтыми одушевленіемъ: безъ этого чудеснаго бальзама, жизнь въ такой убійственной сторонѣ была бы невыносима.

И въ подтвержденіе своей теоріи, онъ наполнилъ стаканы, не забывая и себя.

Я выпилъ стаканъ этого кислватаго вулканическаго вина съ нетерпѣливостью, какъ-будто нектаръ, дающій безсмертіе.

Въ-самомъ-дѣлѣ, вино меня немножко оживило. Безъ большихъ усилій я докончилъ свой походный завтракъ; потомъ даже взялся за карандашъ, и написалъ вамъ эти строки — воль небомъ Пнеагора.

Я не виноватъ, если и моему письму сообщилась снотворность неаполитанской мареммы.

Предупредительный хозяинъ, замѣтивъ, что я снова начинаю утрачивать жизненную энергію, предложилъ мнѣ повторить и даже удвоить приѣмъ его испытаннаго лекарства.

Однако я, опасаясь не безъ основанія, чтобъ эта вакхова лихорадка не погрузила меня окончательно въ летаргію, нашелъ еще въ себѣ достаточное количество силы, чтобы рѣшительно отвергнуть эту пагубную методу.

Эта прихоть больнаго очевидно не понравилась моему вестунскому врачу, у котораго выгодные пациенты такъ рѣдки.

— Не знаете ли вы средства... не головокружнаго? спросилъ я слабымъ голосомъ.

— Какъ не знать! знаю, 'cellenza! отвѣчать хозяинъ съ ироническимъ полу-поклономъ.

— Какоя же?

— А вѣхать выпасться.... въ Салерно.

Я поспѣвовалъ спасительному совѣту, и простился издали съ этими убійственными, но дивными развалинами.

Когда я удалился отъ зараженнаго поморья не болѣе, какъ на версту, какъ на зло, о снѣ не было уже и помину.

В. ЯКОВАНЪ.

=

ЗАМОСКОВНАЯ ЛЬТОПИСЬ

О НАШИХЪ ЖЕНСКИХЪ ДѢЛАХЪ И О ДРУГИХЪ.

=

КНИГИ ВТОРЫЯ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

IX.

Фелица долго стояла у бесѣдки. Петръ Петровичъ, по-
свѣтѣвъ, совѣстливо удалился всторону; но дѣвушку лю-
бопытство припаяло къ стеклу. Она не думала отходить. Въ
бесѣдкѣ были три человѣка, Надежда, Александръ и пожи-
лой незнакомецъ, низкаго росту, но благородной и даже при-
ятой наружности. Слова ихъ громкой и одушевленной бесѣ-
ды невнятно доходили до ея слуха: она еще разъ обошла
бесѣдку и остановилась противъ не совершенно затворенной
двери. Съ этой стороны свѣтъ отъ фонаря позволялъ лучше
видѣть любопытнаго гостя, который стоялъ передъ софою,
опустивъ голову на грудь. Лѣта не согнули его стана. Сѣдые
волосы красиво осыпали серебряными кудрями открытій
лобъ. Этотъ старичокъ былъ чудно хорошъ, съ своими чер-

ными какъ ночь глазами, съ гордымъ выраженіемъ лица. Съ перваго взгляду было видно, что не блѣдное солнце сѣвера навело этимъ теплымъ колоритомъ его смуглыя щеки. Въ глазахъ мерцалъ огонь юга. Черты лица, рѣзкія, угловатыя, поражали своей суровой красотой.

Прямо противъ него сидѣла на софѣ Надежда, съ мольбой, тоскою, съ тяжкимъ страданіемъ во взорѣ, неподвижно, едва дыша.

Нѣсколько поодаль, опершись рукою на мраморный столикъ, стоялъ Александръ.

Нѣсколько секундъ было тихо, только вѣтеръ шумѣлъ въ щеляхъ двери, да легкій стонъ вырывался изъ груди Надежды, какъ-будто готовый лишиться чувствъ.

— Чтѣ жъ? вдругъ произнесъ старикъ, поднявъ голову, и устремивъ на Надежду напряженный взоръ. Вы не согласны?

— Нѣтъ! нѣтъ! прошептала она, залившись слезами. Это невозможно!... я не могу!...

Старикъ зашагалъ нетерпѣливо.

Ахъ, женщины!... говорилъ онъ съ негодованіемъ: и вы называете это любить!... Вотъ то самоотверженіе, которымъ вы такъ хвалились!... Эгоизмъ!... повсюду эгоизмъ!...

Надежда вздрогнула, и гордо поднявъ голову, бросила на старика укоряющій взоръ.

— Вы жестоки!... вы несправедливы... сказала она нѣмнѣвшимъ голосомъ: не этого ожидала я отъ васъ....

— Да!... я жестокъ!... я несправедливъ!... говорилъ онъ, качая головою. Вы сдѣлали все, чтѣ могли... Я несправедливо требую отъ васъ еще новой жертвы... Вы слабое твореніе. Я безразсудный... сумасшедшій человѣкъ!...

— Боже мой! воскликнула Надежда, ломая въ отчаяніи руки: вы не хотите меня понять!... Чтѣ говорите вы о новыхъ жертвахъ?... Я принесла въ жертву все... развѣ я думала о себѣ, когда любила донъ-Эммануэля?... развѣ, для его пользы, въ томъ видѣ какъ вы пользу его понимаете, я не добровольно отказалась отъ всего, рѣшась болѣе чѣмъ на смерть свою... рѣшась этимъ отказомъ разорвать сердце любимаго человѣка, за счастье и спокойствіе котораго сто жизней отдала бы я охотно? Развѣ я колебалась, развѣ я была слаба, когда вы требовали, чтобы я собственною рукою убила мое счастье и всѣ мои надежды?... Или вы забыли?... говорите!.. Забыли вы?...

Старикъ молча закрылъ лицо руками. Голосъ Надежды звучалъ скорбью, когда она произносила эти слова:

— Скоро же память вамъ измѣнила!... А я надѣялась, что за недостаткомъ состраданія, по-крайней-мѣрѣ уваженіе сохранился венарушимо въ вашей душѣ ко мнѣ.... Герцогъ! я дорогою цѣной купила это уваженіе.... всѣмъ блаженствомъ моей жизни, всѣми чувствами моего сердца, я заплатила за него.... Вы все забыли!... все!...

— Я не забылъ.... я помню.... но я надѣялся, что преданность ваша моему сыну безпредѣльна и отправился сюда въ твердой увѣренности, что вы мнѣ поможете обезпечить оковчательно его счастье и вмѣстѣ мое положеніе въ свѣтѣ, значеніе моего сына, достоинство моего роду.... Я надѣялся, что вамъ стоить только переговорить, что вы не можете равнодушно смотрѣть на отчаяніе и слѣзы человѣка, котораго вы были готовы съ восторгомъ назвать отцомъ своимъ.... Ваша маменька терпѣть меня не можетъ.... можетъ-быть и справедливо.... за васъ!... но вы.... вы всегда оказывали мнѣ чувство доброй дочери, даже и отказавшись принять это имя, и я надѣялся....

— Вы надѣялись, герцогъ, съ живостью прервала Надежда, что я уступчивость мою волѣ отца любимаго мною и меня любящаго человѣка не посовѣщусь простереть до безчеловѣчія?... что лишивъ его всѣхъ утѣшеній надежды, я сама поднесу ему чашу безконечнаго горя, увѣряя всей моей любовью, что это — безконечное блаженство?... Обезпечить значеніе вашего сына?... Развѣ значеніе донъ-Эммануэля такъ ничтожно въ обществѣ.... въ свѣтѣ.... въ Европѣ.... чтобы вамъ съ вами можно было ограждать его?... развѣ онъ въ упадкѣ?... развѣ гений его угасаетъ, имя его уже не возбуждаетъ восторговъ, творенія его мысли и руки не заставляютъ всѣхъ уважать въ немъ человѣка высшаго разряда?... Чтѣ мы можемъ сдѣлать для него въ этомъ отношеніи? Значеніемъ своимъ обязанъ онъ не вамъ, и не мнѣ....

— Живописи! возразилъ старикъ, вздернувъ голову и надувъ губы съ неподражаемымъ выраженіемъ презрѣнія.

— Да! живописи! съ жаромъ вскричала Надежда: именно живописи, искуству, уму, самому себѣ!... и этимъ онъ великъ!... больше насъ съ вами, герцогъ, насъ, которые всѣмъ обязаны нашимъ родителямъ и сами ничѣмъ нестѣсняемся.... Гораздо больше.

— А этого не должно быть, угрюмо отвѣчалъ старикъ. Въ

свѣтъ есть такія положенія, въ которыхъ люди весь свой нѣтъ, весь блескъ, должны получать отъ предковъ, подъ опасеніемъ презрѣнія отъ себѣ равныхъ. Сынъ въ такихъ случаяхъ не можетъ затмѣвать отца. Знатнѣе и важнѣе своихъ предковъ онъ никогда быть не въ состояніи.

— Почему жъ нѣтъ? возразила дѣвушка. Развѣ могутъ быть запрещенія на человѣческое совершенство? Развѣ избраннѣйшій природою не позволено соединять въ себѣ всѣ роды отличій, всѣ дарованія, всѣ славы?

— Въ извѣстныхъ обстоятельствахъ.... это нейдетъ.

— Неидетъ имѣть геній?

— На то есть особенный классъ людей!.. сказалъ старикъ надменно, съ ледовитымъ равнодушіемъ высокообрѣя, ощущающаго свое безсиліе.

— А! такъ это другое дѣло, примолвила она негодующимъ тономъ, и отворотилась.

— Я не хочу.... и никто изъ моихъ не желаетъ.... для Эммануэля.... славы живописца, художника.... Если бы онъ происходилъ отъ Мурильо.... и по-крайней-мѣрѣ отъ Рафаэля-Санціо.... урбинскаго гражданина....

— Котораго почитали величайшіе государи его вѣка.... пылко перервала дѣвушка. Это по-крайней-мѣрѣ превосходно!... Да онъ и происходитъ отъ Мурильо и Рафаэля?

— Какъ такъ! вскричалъ старикъ, съ ужасомъ отскочивъ назадъ. Никогда!... родъ Вальфлоридовъ не имѣлъ ничего общаго съ этими.... людьми!... развѣ только въ такихъ случаяхъ, когда нѣкоторые изъ нашихъ покупали у нихъ картины.

— Герцогъ! важно сказала Надежда. Вы пріѣхали сюда упрашивать моей помощи.... моей милости?... а этими сарказмами насчетъ живописи, искусства, художника, вы не тронете моего сердца.... Я даже опасуюсь, что вы такими отзывами возбудите во мнѣ чувства, которыхъ до-нынѣ не ожидали. *Anch'io son pittore*, донъ-Хосе де-Вальфлорида!... вы забываете это. Вы забываете тоже, что мой покойный братъ былъ художникъ и ставилъ себѣ въ честь заслужить въ свѣтѣ это имя. Я сама, отдавая сердце мое донъ-Эммануэлю, я обожала въ вашемъ сынѣ великаго современнаго живописца, а не испанскаго гранда, графа и герцога.... я готова была быть женою живописца.... понимаете ли вы меня.... жить его кистью.... и гордиться ею.

— Извините, милая и добрая Надежда, отвѣчалъ незнако-

ночь, утнамалъ и смилгчая своей голосъ. Я не имѣлъ никакого намеренія сказать что-нибудь лично вамъ неприятное или неудобное. Я только разсуждалъ.... такъ.... вообще.... Мы съ вами не можемъ понять другъ друга совершенно въ этомъ отношеніи. Случай поставилъ насъ на двухъ различныхъ точкахъ, съ которыхъ, разумѣется, смотримъ мы на предметъ равно.... по необходимости.

—Что вы хотите сказать этимъ, герцогъ? произнесъ твердымъ голосомъ Александръ, выѣшываясь въ ихъ разговоръ. Ко всѣмъ, не вполнѣ умѣстнымъ разсужденіямъ вашимъ, вы присовокупляете теперь новую оболу для благородной особы, съ которою, по вашей настоятельной просьбѣ, успѣлъ я доставить вамъ честь этого свиданія. Вы позволяете своему самолюбію становиться на такую высокомерную точку, что я принужденъ столкнуть его оттуда изъ уваженія къ этой особѣ, нашей гостепримной хозяйкѣ. Если вы тщеславитесь историческою знатностью своего роду и происходите, во вашему мнѣнію, отъ Генсериха, который разграбилъ беззащитный Римъ, то она можетъ, въ свою очередь, показать вамъ неопровержимыя доказательства происхожденія своего, черезъ царей казанскихъ, отъ Батыя, Гулака и Чингисхана, которые вдругъ сожгли Пекинъ, Москву и Испагань, покорили Индію и Палестину....

—Отъ Чингисхана и Бату-хана! съ несказаннымъ удивленіемъ воскликнулъ старикъ, снимая шляпу съ головы и почтительно кланаясь Надеждѣ. Извините, благородная Надежда, высокій другъ мой: я не зналъ.... Какъ же это вы никогда мнѣ не говорили, что происходите... отъ... отъ...

—Отъ трехъ такихъ ужасныхъ варваровъ?... подхватилъ Александръ.

—Такихъ знаменитыхъ завоевателей, дополнилъ старикъ. Чингисханъ!... вѣдь онъ, я думаю, еще дремлетъ Августа Цезаря?

—Какъ же! продолжалъ Александръ, улыбаясь. Чингисханъ воевалъ еще съ дѣдомъ Аннибала, покорилъ Египетъ, осаждалъ Карфагенъ, и сенатъ карфагенскій откупился отъ него только тѣмъ, что уступилъ ему Испанію, которой впрочемъ великій Чингисханъ, предокъ донны Надежды, не взялъ, за тогдашнюю незначительностью края... Вы найдете это въ любой исторіи.

—Да! да! я знаю... самонадѣянно примолвилъ старикъ. Какъ же это... скажите, милая Надежда.... вы гордитесь та-

кимъ завиднымъ происхожденіемъ.... а я нигдѣ не видалъ въ вашемъ домѣ родословнаго древа....

— У насъ это не принято, отвѣчалъ за нее Александръ. Множество русскихъ родовъ могутъ доказать такое же блестящее начало, и ни одинъ изъ нихъ не думаетъ объ этомъ. Вотъ изволите видѣть, герцогъ : потомка благороднѣйшаго Чингиза, обладателя всей Азіи и большей части Африки и Европы, не сочла недостойнымъ себя владѣть кистью....

— Удивительно!... повторялъ старикъ, рассказывая по бѣсѣдкѣ между Надеждою и Александромъ. Значитъ, я не зналъ Россіи!... Вы, любезный донъ Александръ, подаете мнѣ совсѣмъ другое понятіе о вашемъ славномъ отечествѣ...

— Но на-счетъ одной статьи, сказала Надежда, вы также остаетесь при своихъ прежнихъ понятіяхъ. Вы полагаете, герцогъ, что счастья сына и своего достоинства не можете вы обезпечить ничѣмъ другимъ кромѣ богатства.

— Да! отвѣчалъ онъ: чтѣ касается до этого, то простите меня, мой юный другъ, я не могу измѣнить моего убѣжденія. Бываютъ такія имена, такія фамиліи, такіе титулы, которые, безъ богатства, не только лишены всего блеску, но даже смѣшны и возбуждаютъ жалость....

— Когда они сопряжены съ надменностью, прощаемою нищими самолюбіями одному только золоту, присовокупила Надежда.

— Даже и въ отсутствіи всякой надменности, продолжалъ старикъ: при самой простой гордости, позволенной благородству и честности. Имя Вальфлоридовъ одно изъ такихъ именъ. Въ нашемъ отечествѣ, безъ золота, безъ роскоши, безъ пышности мы посрамлены. Испанецъ не можетъ понять нищаго Вальфлориду: онъ его презираетъ. Геній тутъ не спасетъ, Да! да! Вальфлориды по преимуществу люди отличные изъ золота. Богатство.... или какъ вы говорите, золото.... имъ такъ же необходимо какъ воздухъ, свѣтъ и вода.

— Будь оно даже приобрѣтено во что-бы то ни стало, сказала Надежда.

— Да въ настоящемъ случаѣ оно приобрѣтается очень естественно, возразилъ онъ : посредствомъ брака! Такъ составилось икогда и колоссальное богатство, и огромное значеніе предковъ донъ-Эммануэля, все брачными союзами!...

— Нельзя сказать, чтобы для мужичины это былъ самый естественный путь къ богатству, важно замѣтила Надежда. Многие находятъ, что богатство Рубенса.... и даже богат-

ство Каталани.... были приобрѣтены гораздо естественнѣе. За богатство, получаемое черезъ бракъ, можно заплатить горемъ всей жизни своей, зависимою сильнаго существа отъ существа слабаго, избалованнаго, своенравнаго, униженнаго, срамомъ....

— Я не думаю, сказалъ герцогъ, чтобы этимъ замѣчаніемъ нѣтъ на ту особу, которую моя отцовская попечительность выбрала для моего сына. Моя опытность въ людяхъ—достаточное ручательство въ настоящемъ случаѣ. Мое родительское право.... вы навѣрное не думаете оспаривать моего родственнаго права при выборѣ супруги сыну?

— О! нѣтъ! нѣтъ! съ жаромъ воскликнула дѣвушка: я признаю ваши права.... я признала ихъ торжественно.... я ихъ утвердила такими пожертваніями, которыя не предоставляютъ мѣста прекословію. Изъ уваженія къ нимъ я потушила въ себѣ пламенную страсть сердца.... а вы знаете, герцогъ, что это требуетъ страшныхъ усилій души и вужества, для женщины, почти сверхъестественнаго.... Но вы требовали этого.... вы.... отецъ Эммануэля, который ужаснулся моего пожертванія, какъ безчеловѣчія съ моей стороны.... какъ неблагодарности за его прекрасную любовь.... какъ бѣдствія за всю жизнь свою.... Онъ увѣренъ, что одна я.... одна изъ всѣхъ женщинъ.... въ состояніи вознмать всякое движеніе его гениальной мысли, получивъ для этого, кромѣ нужнаго врожденнаго инстинкта, достаточное художественное образованіе. Никакое самоотверженіе не возлагаетъ на меня обязанности дѣйствовать изъ благоговѣнія передъ ними вопреки моей совѣсти и ея убѣжденіямъ. Донъ-Эммануэль былъ свободенъ; что жъ онъ прежде, при всей своей безграничной преданности вамъ, не взялъ той, которую вы для него избрали?... Видно, онъ убѣжденъ, что эта особа не рождена быть ему другою жизни, мыслей и занятій. И вы прибѣгаете теперь къ моему содѣйствію, вы требуете, чтобы я уговорила донъ-Эммануэля не оказывать вамъ дальѣ сопротивленія, единственнаго, на которое сыновняя любовь его могла отважиться?... Я увѣрена, такъ же какъ и вы, что мое слово было бы совершенно достаточно: скажи я, что этотъ бракъ нуженъ для моего счастья и моего спокойствія, этотъ великодушный молодой человекъ немедленно отдастъ свою руку вашей избранницѣ. Но я солгу, сказавъ это: я всю

жизнь буду оплакивать мое пагубное вмешательство, и никогда не прощу себя того, что добровольно, по слабости моей къ вамъ, лишивъ сына вашего того счастья, съ которымъ сердце его давно породнилось всѣми надеждами своими, сама толкнула его въ пропасть горя и униженія, въ домашній адъ, способный пожечь его небесныя вздохи, его славу, его величїе.... Ваша protégée опередила васъ, герцогъ; она была здѣсь....

— Она была здѣсь? она къ вамъ забѣжала? съ удивленіемъ вскричалъ старикъ.

— Да! она сама была здѣсь, и спросите у него, предвѣждала Надежда: онъ самый преданный другъ вашему сыну и вамъ.... преданный до вреда моему спокойствію.... и моему здоровью.... спросите, какое впечатлѣніе произвело во мнѣ появленіе-этой женщины....

— И вы не были тронуты ея любовью? ея отчаяніемъ? ея рѣшимостью прибѣгнуть лично къ великодушію своей гонительницы? сказалъ герцогъ съ чувствомъ и съ явственнымъ смущеніемъ. О! вы исполнены въ отношеніи къ этой женщинѣ непопозволительной несправедливости, добрая моя Надежда! Вы увлекаетесь предубѣжденіемъ соперницы. А я все еще на васъ надѣюсь. — Если вы остались равнодушною къ слезамъ той, которая можетъ упрекнуть себя въ разстройствѣ мечты вашей о счастьи, то слезы отца донъ-Эммануэля, падая на ваши руки, вѣроятно не упадутъ на холодный мраморъ, продолжалъ старикъ, настраивая свой голосъ на слезный камертонъ гонгорической трагедіи и вдругъ схватилъ холодныя руки дѣвушки и бросился передъ нею на колѣни.

Надежда съ испугомъ вскочила съ софы, между-тѣмъ какъ онъ еще прижималъ ея руку къ губамъ своимъ. Слеза отца Эммануэля дѣйствительно капнула на ея безчувственную кожу, въ которой всѣ нервы замерли отъ глубокаго и продолжительнаго душевнаго страданія. — Встаньте, герцогъ! встаньте! вскричала она. Вы раздираете мнѣ сердце. Эти мольбы напрасны. Себя принести въ жертву я могла рѣшиться, но Эммануэля—никогда!.. не просите, не требуйте... вы не вырвете моего согласія.... нѣтъ! нѣтъ! о! тысячу разъ нѣтъ!

— То-есть, возразилъ старикъ съ горькою досадою, вставая на ноги: вы согласились отказаться отъ донъ-Эммануэля, когда надѣялись, что онъ не будетъ никому принадлежать,

что вы вѣчно будете владѣть его сердцемъ, если не его руку.... о! дивное самоотверженіе!

— Александръ! воскликнула Надежда съ глухимъ рыданіемъ: Александръ! чтожь вы не говорите ничего?... зачѣмъ запрещаете отцу Эммануэлю, какъ сынъ его меня любилъ. Скажите ему, если онъ не знаетъ или забылъ все совершенно, какъ донъ-Эммануэль еще передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербурга, у погъ моихъ выпрашивалъ моего согласія... такъ отъ меня.... отъ одной меня.... зависѣло быть его женою, а какъ я отказала.... Скажите же ему, зачѣмъ я отказалась!

— Герцогъ все знаетъ, отвѣчалъ молодой человекъ отрывисто: онъ не могъ забыть....

— Я знаю.... я не забылъ.... я все помню, отвѣчалъ старикъ, подходя снова къ Надеждѣ. О! тогда я васъ обожалъ!... вы скалились надъ сѣдиной отца вашего друга.... вы не захотѣли становиться между отцемъ и сыномъ.. вы благородно протянули мнѣ руку и сказали «будьте спокойны; я сына не отниму у отца....» Вы сдержали ваше обѣщаніе.... вы уѣхали, когда я васъ объ этомъ умолялъ.... вы даже запретили донъ-Эммануэлю писать къ вамъ.... Онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ покровительству этого благороднаго молодого человека, чтобы имѣть объ васъ какое-нибудь вѣстіе.... Это утѣшеніе было для него необходимо: онъ страдалъ ужасно послѣ вашего отъѣзду.... онъ и теперь еще.... не скрою этого отъ васъ.... и теперь ужасно мраченъ, задумчивъ, хворъ, какъ-будто убитъ горемъ.... Но вѣдь, вы знаете, это пройдетъ.... непременно пройдетъ!... все на свѣтѣ проходитъ!... Радости и хлопоты первыхъ дней союза съ молодой и прекрасной женщиной, это—такой переворотъ въ жизни молодого мужчины.... онъ легко забудетъ все прошедшее.... (Надежда вздрогнула). Вы поступили съ изумительнымъ самоотверженіемъ.... Скажите же наконецъ откровенно, зачѣмъ вы не хотите довершить такъ благородно начатое?... что имѣете вы противъ этой женщины?...

— Зачѣмъ, что этотъ союзъ обречетъ донъ-Эммануэля на безпрерывное и безконечное страданіе.... будетъ источникомъ несчастія.... я уже говорила вамъ это.

— Какъ можно все знать напередъ?... Развѣ она не обладаетъ всѣмъ, что обѣщаетъ мужу счастье?... развѣ она не удивительно хороша собой? развѣ она не любитъ его безъ памяти?

— Не любить! вскричалъ Александръ : ваше сіятельство изволите ошибаться; я вамъ скажу.... если и мнѣ позволено подать свой голосъ въ дѣлѣ о счастіи моего друга... я же вамъ скажу, что *эта женщина* не любить ни донъ-Эммануэля, ни кого бы то ни было на свѣтѣ.... Она любить страстно, до безпамятства.... саму себя!... и свое тщеславіе! Ей непріятно, съ этимъ огромнымъ богатствомъ, быть вдовою сэръ Томаса Крупера, попавшаго въ баронеты изъ манчестерскихъ фабрикантовъ. Мечта о знатности обуяла ея причудливое воображеніе и она готова теперь отдать все за ваши титулы, которые со временемъ перейдутъ къ донъ-Эммануэлю.... обѣщаетъ выкупить всѣ ваши замки и владѣнія.... обезпечить вамъ самымъ огромнымъ доходъ.... О! теперь она все сдѣлаетъ для васъ и для вашего сына.... только, смотрите, герцогъ! умирайте поскорѣ!... чтобы герцогскій титулъ вашъ перешелъ въ непродолжительномъ времени къ донъ-Эммануэлю и она могла развезить визитныя карточки съ именемъ герцогини де-Вальфлориды, графини де-Сьеррасъ-Нивосасъ, баронессы де-Мучось-Отрость: а то она и васъ.... и вашего сына....

— Пойдите! возразилъ старикъ, останавливая его рукою: не горячитесь! вы нещавидите леди Джорджіану.... не знаю почему....

— Потому, перебилъ молодой человѣкъ съ сверкающими глазами, что леди Джорджіана не женщина, а демонъ; мужъ ея, умный и благородный человѣкъ, умеръ въ Римѣ съ горя; она заѣла его; своимъ адскимъ характеромъ она положила его въ гробъ. Донъ-Эммануэль за это и терпѣть ея не можетъ. Вы не могли забыть, что мужъ ея былъ ему другомъ. Самъ онъ мнѣ рассказывалъ неоднократно, какъ она отравила жизнь этого прекраснаго человѣка и сколько ненавидитъ онъ ее за это. Кокетство ея, въ отношеніи къ донъ-Эммануэлю, началось еще до кончины ея мужа. Пренебреженіе вашего сына раздражило ея гордость и теперь она хочетъ поставить на своемъ. И съ такой женщиной хотите вы связать жизнь вашего сына! съ женщиной, которая сверхъ-того ничего въ немъ не смыслитъ, не въ состояніи понять ни одной его мысли, раздѣлить его чувствованій, согрѣть его стремленій? Она занята только паружностью: кокетство, наряды, убранства, мебель, балы, обѣды, театры, потѣхи пустаго соперничества въ роскоши, вотъ куда не-

сетя ея плоскодонное воображеніе. Ихъ склонности противоположны, ихъ вкусы разны....

— Но богатство было бы общее....

— Я, какъ мужчина, скорѣ могу понять васъ относительно къ этой непреложной причинѣ, продолжалъ Александръ: но, повѣрьте мнѣ, герцогъ, даромъ она богатства сего не отдастъ; дорого оно вамъ обойдется съ ея своеобразнымъ и страннымъ характеромъ.

— Одно онъ видитъ къ моему имени.... я не знаю другаго. Мужчина при томъ, въ большомъ свѣтѣ, располагаетъ всегда средствами уклониться отъ послѣдствій непріятнаго характера жены или, по-крайней-мѣрѣ, утѣшиться....

— Не спору, что вашъ свѣтъ представляетъ къ тому многія удобства и даже ободряетъ вашихъ несчастныхъ мужей и несчастныхъ женъ увлекательными для нихъ привраами. Но донъ-Эммануэль не созданъ для большого свѣта: весь его темпераментъ направленъ къ домашнему быту, къ размышленію и дѣйствію въ отрадномъ спокойствіи и умной бесѣдѣ у себя, въ своемъ кабинетѣ.... и сверхъ-того, онъ неспособенъ жертвовать ни какимъ разсчетомъ....

— Разсчетомъ? вскричалъ старикъ, вздрогнувъ, какъ-будто его ужалила змѣя. Вы меня-то упрекаете въ разсчетахъ?.... Всепоглощающую мысль цѣлой жизни вы называете разсчетомъ?... О! Богъ съ вами, молодой человекъ!... Вы хоть и мужчина, однако жъ меня не понимаете. Гдѣ вамъ понять, что накопили въ этой груди долги, тяжелые годы! Для васъ жизнь открыта широкой и свѣтлой полосой, вамъ не выпало на долю тяжкое бремя поддержать значеніе своего роду, васъ не связываетъ обѣщаніе, данное у смертнаго одра отцу.... Въ вашемъ молодомъ отечествѣ страсти, понятія и предразсудки старой Испаніи не извѣстны. Я въ нихъ роился, взрость, меня воспитали въ этихъ мысляхъ, отецъ, передавая мнѣ грузную кипу своихъ безчисленныхъ титуловъ, основывалъ на мнѣ свои надежды.... Я далъ ему слово, что возвращу имени Вальфлоридовъ прежнее его сіяніе. Онъ мечталъ о богатомъ союзѣ для меня. Онъ былъ гордъ, тщеславенъ, какъ мы всѣ, и его томила мысль, что древнія владѣнія нашего роду гибнуть въ алчныхъ рукахъ кредиторовъ. Онъ и прочіе родные назначали мнѣ одну изъ самыхъ важныхъ и блестящихъ партій въ Испаніи. Дѣло было почти слажено съ обѣихъ сторонъ между родителями. А я... что сдѣлалъ я?... какъ сдержалъ слово, данное добровольно?...

я провёл молодость у ногъ другой женщины, бѣдной для меня дѣвушки, иностранки, которая была потомъ моею женою. Я забылъ о родовыхъ обязанностяхъ и о заѣщаніи отца.... Нѣтъ! продолжалъ герцогъ съ горькою улыбкою: я не забывалъ.... я помнилъ хорошо.... но я не имѣлъ силъ бороться съ своею страстью.... Я всю жизнь былъ слабымъ, ничтожнымъ человѣкомъ.... я поддался вліянію женщины, видѣлъ ея глазами, мыслить какъ она.... а она не понимала того, что лежало у меня на душѣ тѣмъ угрызеніемъ; ей были чужды нравы и понятія моей родины.... Она.... подобно этой.... была Англичанка. Она передала сыну моему свой образъ мыслей и свой характеръ. Эммануэль, я знаю — те Испанецъ, онъ — Англичанинъ, онъ Италіанецъ, онъ Русской, если хотите, но арагонскаго, кастиланскаго, въ немъ ничего нѣтъ. И прежде всего онъ художникъ. Послѣ кончины его матери, моя совѣсть пробудилась; я утѣшалъ себя тѣмъ, что сынъ вмѣсто меня успокоитъ въ могилѣ прахъ моего отца. Но сынъ, чуждый моихъ идей, вмѣсто того, чтобы сочувствовать родовому долгу, страстно предался искусству, только и живетъ для него.... Политическіе перевороты нашего отечества, лишивъ насъ послѣдняго состоянія нашего, еще болѣе привязали его къ полотну и кисти.... Встрѣча съ вами въ Римѣ, куда судьба насъ забросила, продолжалъ Испанецъ, обратясь къ Надеждѣ, окончательно разрушила мои мечты.... Послѣ вашего отъѣзда, мы отправились въ Лондонъ, гдѣ родные моей покойной жены предлагали мнѣ гостепріимство и помощь въ присканіи для донъ-Эммануэля богатой партіи.... Но я не умѣлъ устоять противъ настоятельныхъ просьбъ сына: борясь самъ съ собою, я переѣхалъ съ нимъ туда, гдѣ были вы.... О! да! я всегда былъ слабымъ, ничтожнымъ человѣкомъ, я уже вамъ сказалъ.... и голосъ стараго Испанца прервался на этихъ словахъ.

— Не унижайте себя, герцогъ, за снисхожденіе къ чувствамъ такого сына каковъ вашъ, сказалъ Александръ, подходя къ нему и пожимая его руку: вамъ не въ чемъ упрекать себя.... что удивительнаго, что вы, отецъ, не могли сопротивляться желаніямъ донъ-Эммануэля, когда онъ насъ, чужихъ, стороннихъ и меня перваго совершенно сводитъ съ ума! Послѣ двухъ, трехъ свиданій я предался ему всею душою.... О! какъ очарователенъ вашъ сынъ! какая могучая натура! югъ и сѣверъ передали ему лучшіе дары свои....

Его умъ, талантъ, бесѣда.... его свѣтлое, очаровательное, въ высшей степени живописное воззрѣніе на все.... эти величественные порывы сильной души, эти прекрасные образы, лучащіеся безпрестанно изъ неисчерпаемо яркаго воображенія, кого необворожатъ.... Я — женщина, безъ памяти въ него влюбленъ.

— Я это знаю, сказалъ старикъ, невольно улыбаясь восторгу, внушаемому его потомкомъ, и потому, не смотря что вы ужасно вредите моимъ надеждамъ, я очень люблю васъ, донъ Александръ!

— Я ужасно врежу, перебилъ молодой человекъ нетерпѣливо: чѣмъ же я виноватъ! Тѣмъ ли, что вмѣстѣ съ донъ-Эммануэлемъ не люблю леди Джорджіаны и вмѣстѣ съ нимъ предать достойной особѣ, которую избрали его умъ и его сердце, какъ единственное существо, которое въ состояніи составить его счастье....

— Но мой долгъ!... мое обѣщаніе!... завѣтъ моего отца!... говорилъ старикъ. О! если бы вы хоть вполонину были такъ богаты, какъ леди Джорджіана.... клянусь, Надежда, я бы не сопротивлялся вашей взаимной любви.... Развѣ я могу забыть, сколько я вамъ обязанъ?... развѣ когда-нибудь изъ памяти моей изгладится та несравненная минута, когда на вопросъ мой о вашемъ состояніи, вы отвѣчали мнѣ прямо и откровенно: «Я далеко не такъ богата, какъ это думаютъ, мы тоже обременены долгами....» и подвергли судьбу свою на мое рѣшеніе? Сердце мое рѣшало въ вашу пользу, но обязанность званія моего.... мнѣ непременно нужна для донъ-Эммануэля богатая.... очень богатая невѣста!... Я не могу.... не долженъ уступить, милая Надежда! Согласитесь! умоляю! почтите мои сѣдые волосы! помогите!... Донъ-Эммануэль, которому вы возвратили свободу выбору, нуждается только въ ободреніи.... именно, въ вашемъ ободреніи....

— Да это безчеловѣчіе! сказалъ Александръ. Какъ можно требовать такія вещи! Не довольно ли того, что они дали мнѣ слово не жениться... вы хотите еще помѣшать мнѣ жить другъ для друга....

— Герцогъ! перебила Надежда, не обращая вниманія на выходку Александра: вотъ вамъ моя рука, вы знаете, что я не лгу; ни ревность, ни какое другое эгоистическое чувство, не управляетъ моимъ рѣшеніемъ; я не могу помогать вамъ, оттого, что я убѣждена твердо и выше всякаго сомнѣ-

нія, что леди Джорджиана не подруга вашему сыну и женщина страшная.... Помните, что сверх-того онъ питаетъ къ ней отвращеніе. Такъ что же я могу тутъ сдѣлать? Мнѣ ли еще болѣе растравлять его рану, которую сама нанесла ему въ угожденіе вамъ? Какъ могу я требовать такой жертвы отъ него? Развѣ я не любила его? Развѣ счастье его для меня не дороже всего на свѣтѣ.... О! не просите! не настаивайте! Это свыше моихъ силъ!

— Такъ никто не сжалятся надъ горемъ старика, передъ которымъ скоро откроется могила?... О Боже мой! Боже мой! неужели я долженъ умереть съ такимъ тяжкимъ долгомъ на душѣ!...

Испанецъ съ глухимъ рыданіемъ протянулъ къ Надеждѣ руки, готовый снова съ мольбою упасть къ ея ногамъ....

Она поблѣднѣла, губы ея зашевелились и можетъ-быть роковое согласіе слетѣло бы съ языка, если бы въ это самое мгновеніе не раздался крикъ. Онъ былъ до того неожиданъ, до того страненъ, среди ночнаго безмолвія, что всѣ трое задрожали; но между-тѣмъ какъ герцогъ и Надежда только безотчетно перепугались, Александръ вздрогнулъ совсѣмъ отъ другаго впечатлѣнія. Этотъ крикъ долетѣлъ до его сердца и молодой человѣкъ стремглавъ бросился къ двери, которая отворилась прежде чѣмъ онъ успѣлъ къ ней подбѣжать.

Вся эта сцена между Испанцемъ, Александромъ и Надеждой шла такъ быстро, горячо и живо, что ни Фелица, ни Петръ Петровичъ, расхаживавшій задумчиво возлѣ бесѣдки, не имѣли времени сообразиться. Когда герцогъ вымаливалъ содѣйствіе Надежды, Фелица, задыхавшаяся отъ волненія, трепещущая изъ опасенія, чтобы Надежда не рѣшилась уступить просьбѣ, громко вскрикнула и бросилась къ ней.

— О! сжаьтесь надъ ней! говорила она, заливаясь слезами и протянувъ къ Испанцу руки: она такъ любитъ вашего сына! Онъ будетъ несчастливъ съ *той*.... Согласитесь на ихъ бракъ. Я упаду на колѣни передъ вами.... Я буду плакать и просить васъ.... Что вамъ стоитъ согласиться?... Всѣ ваши доводы неосновательны: вы — жестокосердый отецъ!... когда они такъ любятъ другъ друга, зачѣмъ имъ не жениться?... Развѣ это въ Испаніи такъ тиранить дѣтей своихъ?... У насъ этого не водится.... Да! да! я васъ прошу.... пожалуйте, согласитесь!... Вы должны согласиться.

Фелица была виѣ себя отъ волненія. Старый графъ

смотрѣлъ на нее встревоженнымъ и блуждающимъ взоромъ. Ея внезапное появленіе, ея слезы, ея рѣзкія сужденія, приели его въ смущеніе и въ краску. Фелица была еще дѣтя: ея доброе, воспріимчивое сердце сильно поразилося этою сценой, ей было такъ жалъ Надежды, что, не въ силахъ удержаться, она громко всхлипывала и прижималась къ груди подруги. Но та не обращала вниманія на ея слезы и поцѣлуй. Передъ ней все еще сверкала умоляющій взглядъ герцога, въ ухахъ раздавался его отчаянная просьба.

Вторженіе Фелицы естественно положило конецъ этой драмѣ, тягостной для Надежды и Александра. Пылкія слова дѣвушки, какъ-будто пристыдили старика. Онъ не смѣлъ говорить болѣе. Всѣ добровольно вышли изъ бесѣдки. Фелица кликнула Петра Петровича: тотъ подошелъ, и она при всѣхъ стала пересказывать ему страшныя требованія отца донъ-Эммануэля, съ своими замѣчаніями. Старикъ онѣмѣлъ. Въ первый разъ, вѣроятно, самъ онъ почувствовалъ всю несообразность кичливыхъ надеждъ своихъ на леди Джорджіану.

— И чтѣ вамъ эта леди Джорджіана! лепетала добрая дѣвушка, обращаясь снова къ нему. Если у васъ такое жестокое сердце, что вы никакъ не хотите видѣть сына счастливымъ съ Надиной, если у васъ такая страсть къ богатству, что вы готовы погубить этого бѣднаго молодого человѣка для выкупу своихъ замковъ въ Испаніи, такъ зачѣмъ не пощадите для него другой богатой невѣсты? Мало ли ихъ въ Петербургѣ? Мало ли въ другихъ земляхъ? Которая не выйдетъ за него?... если только самъ онъ захочетъ!... Александръ! ты мнѣ сказывалъ, что твой другъ былъ воспитанъ вмѣстѣ съ какой-то своей кузиной.... что они донинѣ дружны и переписываются, что она богата и не хочетъ выходить замужъ.... Не хочеть—это пустяки: вѣрно не хочеть потому, что всѣ женихи тамъ—дрянь. А когда ей предложить донъ-Эммануэля, такъ и захочется. Вотъ и невѣста ему!...

Герцогу было очень неловко, не смотря на окружающую темноту. Онъ сказалъ вполголоса Александру: -- Мнѣ нечего ожидать здѣсь болѣе. Пора ѣхать. Проводите меня, другъ мой, до экипажа. — *A los pies, sennoга*, присовокупилъ онъ, кланяясь Надеждѣ, что значитъ: «я у вашихъ ногъ, сударыня.»

— *Beso la mano de Usted, cahallero-duca*, отвѣчала грустно она чисто-кастильскою любезностью, которой бы навѣрно

не произнесла ни на какомъ другомъ языкѣ. Посудите только какая смѣшная странность: тамъ женщины въ подобномъ случаѣ отвѣчаютъ мужчинамъ: *цѣлую вашу руку, кавалеръ!*

— Петръ Петровичъ, говорила между-тѣмъ добродушная болтушка, продолжая распорядиться: подите съ ними.... да убедите герцога сдѣлать такъ, какъ я сказала. Вы такой умный человекъ!... Онъ васъ послушается. Не правда ли, душенька Надина, что это было бы гораздо умнѣе?... Какой странный человекъ!

Надежда не отвѣчала. Герцогъ, Александръ и Петръ Петровичъ шли впереди. Надежда и Фелица слѣдовали за ними шагахъ въ десяти.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, ваше сіятельство, говорилъ старый Петръ Петровичъ старому донъ Хосе де-Вальфлориды: *извините, что я осмѣливаюсь подавать вамъ совѣтъ.... съ этой стороны вамъ ожидать нечего.... принщите другую невѣсту для вашего сына. Конечно, нельзя знать напередъ, будетъ ли онъ счастливъ съ другою, но въ союзѣ съ леди Джорджиной ему и даже вамъ предстоитъ столько неудобствъ, что встрѣтившееся здѣсь затрудненіе быть-можетъ послано вамъ самимъ небомъ для вашего блага.*

Испанецъ устремилъ изумленный взоръ на человека, который говорилъ ему такъ важно и съ такимъ заслуженнымъ благородіемъ. Онъ не отвѣчалъ, но странная улыбка образовалась на губахъ его и въ головѣ мелькнуло что-то похожее на мысль. Они подходили къ дорогѣ. Герцогъ остановился.

— Прощайте, милая Надежда, сказалъ онъ. Извините, что я утруждалъ васъ.... Видно, не судилъ мнѣ Богъ. — А если я найду другую, по совѣту, который мнѣ даютъ здѣсь ваши друзья, примолвилъ онъ тихимъ голосомъ, устремивъ испытующій взоръ на Надежду: вы не станете упрямитесь?... вы не откажете мнѣ въ вашей помощи, въ нужномъ случаѣ?

Надежда молчала нѣсколько секундъ. По лицу ея медленно катились слезы. Фелица прильнула къ ея рукѣ. Александръ, стоявшій возлѣ, смотрѣлъ на нихъ съ безпокойнымъ любопытствомъ.

— Если донъ-Эммануэль не будетъ питать къ ней явнаго отвращенія.... полагайтесь на меня, проговорила наконецъ Надежда тихо, такъ тихо, что едва можно было разобрать Испанецъ, протянулъ руки надъ ея пониженной головою:

— Богъ да благословитъ васъ, прошептала онъ, отирая выкатившуюся слезу.

X.

Герцогъ Вальдоридъ уже мчался по большей дорогѣ, Петръ Петровичъ, Александръ, Надежда и Фелица шли медленно домой. Слабая, истомленная Надежда съ любовью благословляла въ душѣ дѣвушку, которая съ своимъ будущимъ дядею явилась такъ кстати, чтобы придать другой оборотъ тягостной бесѣдѣ съ Иппанцемъ и его надеждамъ. Не имѣя силъ благодарить Фелицы и Хилковскаго словами, она жала къ руки со слезами искренней признательности. Женихъ и свѣста не говорили другъ съ другомъ. Послѣ тревоги, произведенной въ предъидущей сценѣ, Александръ не сказалъ Фелицѣ еще ни слова. Лицо его было такъ мрачно, что Фелица невольно еробѣла и шла возлѣ него, не смѣя распротъ рта. Когда Петръ Петровичъ, проводивъ Надежду до дверей ея комнаты, отправился къ себѣ на верхъ и Александръ располагался послѣдовать его примѣру, Фелица схватила его за руку и прошептала, глотая слезы.

— Александръ! ты сердншься? ты недоволенъ?

— Я?... нисколько! отвѣчалъ онъ голосомъ, противорѣчившимъ словамъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! я вижу, что ты недоволенъ.... ахъ, не уходи, не оставяй меня такъ!... сердце мое такъ полно!... многое мнѣ хочется высказать тебѣ, другъ мой.... если бы ты зналъ, какъ я тебя люблю!

— Позвольте усомниться, сказала молодой человекъ такъ ниль холоднымъ тономъ, что Фелица поблдиѣла.

Александръ никогда не говорилъ съ ней такъ.

— Усомниться! прошептала она съ испугомъ, во мнѣ? въ ней любя?... чтъ вы это Александръ!...

— Любовь! сказалъ онъ, грустно качая головою, чувство великое и восторженное. Гдѣ нѣтъ безпредѣльнаго довѣрія, тамъ нѣтъ настоящей любви. Вы за мной подсматриваете? Чтъ это за нашествіе произвели вы съ Петромъ Петровичемъ на бесѣдку, въ которой мы собрались говорить о дѣлѣ, тайномъ для всего міра кромѣ насъ трехъ? Можно ли позволить себѣ болѣе неприличнй поступокъ? Можно ли слѣлатъ мнѣ

болѣе глубокую обиду? Вы обращаете мою привязанность въ игрушку и забавляетесь ею безъ всякой жалости.

— Вы сами обидѣли меня, скрывая это свиданіе отъ меня, отвѣчала она надувшись. Глѣ же было сегодня дѣльный день ваше безпредѣльное довѣріе?

— Не могу же я говорить вамъ всего! Бываютъ чужія тайны....

— Вы должны по-крайней-мѣрѣ предупредить меня, что тутъ есть чужая тайна. Я имѣю на это непреложное право, потому-что я женщина и любопытство — одно изъ коренныхъ свойствъ моей натуры, какъ нѣжность и красота.

Александръ не могъ не почувствовать, что она говоритъ дѣльно, но женихъ былъ не въ духѣ: любезность его званія сбѣжала отъ него; онъ не зналъ, какъ выпутаться изъ вины, и продолжалъ капризничать.

— Но вы были увѣрены, что я васъ обожаю, говорилъ онъ: доказательствомъ служить то, что вы ни сколько не грустили.... были веселы и довольны, какъ всегда. Ваше сегодняшнее поведеніе есть простое слѣдствіе тщеславнаго желанія мучить человѣка, надъ которымъ вы властвуете его же любовью. Это — капризь! О! если бы знали, сколько я уже страдалъ отъ васъ.

— А сколько я-то страдала! Сначала, вы своимъ необъяснимымъ поведеніемъ, непростительно возбудили во мнѣ ревность. Развѣ умные мужчины такъ дѣйствуютъ? Кто, въ присутствіи своей невѣсты, жены или любовницы, ведетъ съ другою загадочныя тайны, обнаруживаетъ знаки взаимнаго соглашенія, исключаетъ ее изъ преимуществъ, не только любви, но даже и самой простой вѣжливости?.... Потомъ вы благоволили оказать мнѣ полу-довѣріе.... успокоили на счетъ отношеній вашихъ къ Наденькѣ, и неосторожностями своими.... я называю это только неосторожностями.... безпрестанно раздражали мое любопытство, чувство такое близкое къ ревности.... Вы — тиранъ!

И это было правда! сознаться въ несообразности своего поведенія не хотѣлось ему, и онъ предпочелъ обвинять женщину въ капризахъ.

Не обращая вниманія на непоколебимые доводы дѣвушки, мосьё Александръ сказалъ: — Нѣтъ, нѣтъ, вы играете моей любовью!.... Вы ужасно капризны и самоуправны. Я васъ такъ обожалъ, я не могъ безъ сладостнаго содроганія слышать этотъ голосъ, который

звучать музыкою въ моихъ ушахъ!.... А вы только и изъясняли предлоги, чтобы мучить меня на основаніи этого обожанія. Помните мои слова, Фелица! женщина, которая позволяетъ себѣ играть привязанностью мужчины, затѣваетъ опасную игру... Капризы, какъ бы ни были они прикрываемы любовью или любезностью, надоѣдаютъ наконецъ! Если бы еще это происходило отъ сомнѣнія въ любви моей, я бы легче перенесъ.... это еще извинительно; но вы.... вы были твердо увѣрены во мнѣ, вамъ только хотѣлось доказать власть свою надо мною, вамъ только было досадно, зачѣмъ я оказываю другой знаки уваженія.... Если бы вы были свидѣтельницей, какъ я, того, что сдѣлала эта другая.

— Такъ зачѣмъ же вы не сдѣлали меня свидѣтельницей этого? Право, милостивый государь, стоило дать мнѣ хотя въ общихъ словахъ понятіе о высокой красотѣ вашихъ странныхъ отношеній къ ней, о вашемъ удивленіи ея необычайнымъ подвигамъ. Разумѣется, я не измѣнила бы вамъ; я снухѣла бы дорожить уваженіемъ, которое бы вы мнѣ оказали довѣренностью къ моей вамъ преданности. Александръ! почему же я могла все это знать?.... какъ мнѣ было догадаться, что она любитъ этого Испанца, о которомъ вы говорили всегда съ такимъ восторгомъ.... и какую роль играете вы въ этой любви?

— Я никакой роли не играю!.... проложалъ надменно господинъ мужчина. Я могу имѣть друзей!.... я могу быть повѣреннымъ другихъ!.... Вамъ до этого дѣла нѣтъ. Мнѣ случилось встрѣтить человѣка, который очаровалъ меня богатѣйшими божескими дарами, я преклонился съ изумленіемъ, съ любовью, передъ нравственнымъ превосходствомъ этого человѣка и принялъ искреннее участіе въ исторіи его сердца: вотъ и все тутъ.... Какъ инстинктъ любви вашей, если вы дѣйствительно меня любили, какъ деликатность ваша не сказали вамъ, что если у меня есть тайны, то вы обязаны ихъ почитать?.... Бѣгать за мною ночью!.... подстерегать!.... подслушивать!.... это не дѣлаетъ вамъ чести, прощайте.... я разстроенъ.... вы меня разстроили.... О! женщины, женщины!....

И такъ далѣе — все, что говорятъ иногда многіе настоящіе мужья. И, не дожидаясь возраженій, не обращая вниманія на слезы, москѣ Александръ изволилъ уйти.

Фелица, конечно, была ужасно избалована Петромъ Пе-

тровичемъ и теткой. Она привыкла, чтобы ее носили на рукахъ, чтобы ей глядѣли въ глаза, чтобы ею восхищались. Приѣздъ къ Толовымъ неприятно подѣйствовалъ на нее. Увидѣвъ, что не она стоитъ на первомъ мѣстѣ, что самъ даже Александръ оказываетъ Надеждѣ чрезвычайное уваженіе, что кромѣ-того у нихъ есть еще какіе-то секреты, сношенія, совѣщанія, горделивая головка ея взбунтовалась. Колкіе намеки, грозные взгляды, всѣ неумовимыя мелочи, которыя хуже бурныхъ сценъ выводятъ изъ терпѣнія, посыпались на Александра. Ему грозили разрывомъ безрестанно, будучи впрочемъ увѣрены, что разрыву быть не можетъ. Головой собственно Фелица не опасалась. Умственные тонкости, поражавшія агронома, не примѣчались беззаботною Фелицей; она была такъ самолюбива, такъ увѣрена въ себѣ, что опасеніе предпочтенія другой, потрясло бы ее только до-тѣхъ-поръ, пока ей не случилось бы остановиться передъ зеркаломъ и полюбоваться на свою юность. Но ей было досадно, зачѣмъ Александръ такъ высоко цѣнитъ Надежду и не объясняетъ причинъ своего благоговѣнія. Она начала насмѣхаться надъ Надеждой при немъ. Онъ горячо заступался. Отсюда неприятности, ссоры и безтолковыя письма, такъ нанулавшія двухъ старшихъ друзей. Если бы Александръ самъ былъ нѣсколько постарше, по-опытнѣе, по-умнѣе, онъ вѣроятно успѣлъ бы обдѣлать все съ полнымъ соблюденіемъ приличій и охраненіемъ достоинства и спокойствія своей невѣсты. Невозможно благоразумія и терпѣнія, и миръ процвѣталъ бы между ними. Но — подите, ищите благоразумія въ молодыхъ мужчинахъ!.... А между-тѣмъ мы любимъ предпочтительно молодыхъ мужчинъ.... Какъ это странно устроено: что если бы благоразуміе отдать молодымъ, а глухости — вѣтренности — вѣтрянности — недогадливости — старикамъ? Гораздо было бы веселѣе.

Въ теченіе времени кое-какое количество благоразумія отыскалось у жениха: онъ счелъ по-крайней-мѣрѣ необходимымъ не доводить невѣсты до ревности таинственностью своихъ поступковъ. Кое-что онъ объяснилъ ей, но не умѣлъ довольно тонко удовлетворить ея любопытства — обращался съ нимъ безъ надлежащаго уваженія — считая любопытство въ ней, женщицѣ, порокомъ.

Ахъ, Господи, Боже мой! любопытство — въ насъ по-року! Вольно вамъ отпустить на счетъ нашего любопытства

всѣ возможныя колкости, остроты и эпиграммы: но уважать вы его обязаны ровно столько же, какъ уважаете скромность и стыдливость; обижать его вы не смѣете. Какъ-скоро я — женщина, я должна быть любопытна. Нелюбопытная женщина была бы самый любопытный уродъ къ природѣ. Это говорить и мой докторъ — докторъ интересный — хотя онъ и мужчина.

Но любопытство заводитъ женщинъ слишкомъ далеко. Онѣ всегда требуютъ отъ мужчинъ откровенности полной и безусловной, забывая, что чужими тайнами нельзя распедавать. Но мужчины опять преувеличиваютъ свою сиритность, не повѣряя любимой женщинѣ даже того, что собственно касается до нихъ. Отъ этого вѣчныя недоразумѣния, потому что одни требуютъ слишкомъ многого, а други ничего дать не хотятъ.

Колкости Фелицы такъ сильно раздражали Александра, ссоры опротивѣли до-того, что при всемъ страстномъ желаніи быть съ нею неотступно, онъ не могъ избавиться отъ болѣзненного, тяжелаго чувства, тяготѣвшаго надъ нимъ въ присутствіи ея. Охъ ужъ эти мнѣ ссоры и упреки! Когда мы женщины поймемъ, что мужчинѣ, этому *дьяволову* существу, на свѣтѣ не до мелочей!

Сцена въ бесѣдкѣ поразила Фелицу чрезвычайно. Мало того, что въ первый разъ совершенно поняла она родъ отвошеи Александра къ Надеждѣ, въ первый разъ вкусила она одинъ изъ драгоценнѣйшихъ плодовъ любопытства — знаніе того, что есть на свѣтѣ горе, о которомъ женщина въ девичности своей и не воображаетъ. Она спрашивала себя, что стало бы съ нею, если бы ей, изъ тщеславныхъ расчетовъ, велѣли отказаться отъ Александра и почувствовала въ полной мѣрѣ, какъ онъ дорогъ ей. Едва дождавшись разсвѣту, бросилась она къ Надеждѣ, чтобы утѣшить ее помирить ее съ Александромъ, но при видѣ слѣдовъ безсонной ночи и всѣхъ признаковъ возвращающейся болѣзни на истомленномъ страданіями лицѣ Надежды, чувство собственной печали замолкло въ добромъ женскомъ сердцѣ Фелицы. Слезы горячаго участія заструились по щекамъ. Что такое въ-самомъ-дѣлѣ было ея минутное горе — вѣдь Александръ помирится съ ней, она въ томъ не сомнѣвалась — въ сравненіи съ этимъ безотраднѣйшимъ горемъ, которому не предвидится конца! Со вчерашней сцены, между этимъ ребенкомъ и этой женщиной, уже перешедшей всѣ

степени страсти и сердечной муки, безмолвно установилась задушевная пріязнь. Надежда явилась глазамъ Фелицы такимъ высокимъ, изумительнымъ созданиемъ, она такъ добродушно признавалась ей, что и величіе Настасьи Аванасьевны, и мудрость Петра Петровича, и тиранство Александра — отъ котораго, пропадай тамъ хоть весь свѣтъ, а она не откажется—поблекли въ ея воображеніи. Невольный взрывъ участія Фелицы, вдругъ вырвавшійся изъ глубины юной души крикъ, ея искреннія слезы, тронули глубоко Надежду, и вотъ снова прикованная къ болѣзненному изголовью, во время долгихъ, тяжкихъ дней, когда Фелица не отходила отъ ея постели, она мало-по-малу перелила въ это дѣтское, наивное сердце грустную повѣсть своей любви. Трепеща при сладостныхъ и вмѣстѣ страшно болѣзненныхъ воспоминаніяхъ, то заливаясь горькими слезами, то съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, то съ ледяной дрожью во всѣхъ членахъ, говорила Надежда о прошлыхъ дняхъ. Счастіе и горе также быстро смѣнялись въ ея жизни, какъ въ разказѣ этотъ румянецъ и эта дрожь. Немногимъ досталось на долю испытать блаженство, какое испытала Надежда вначалѣ, въ первомъ упоеніи любви своей, но также немногія перенесли ту страшную борьбу, то раздирающее страданіе, которыя вынесла она, когда отецъ Эммануэля, больной, почти умирающій, упалъ къ ея ногамъ, умоляя сжалиться надъ его отчаяніемъ, его мольбами, и когда она дала ему торжественное обѣщаніе не быть женой возлюбленнаго. Не одними просьбами стараго Испанца было вырвано это обѣщаніе. Надежда была очень благородна и очень горда. Мысль вступить въ семейство, котораго глава не умѣетъ оцѣнить ея, и быть предметомъ раздоровъ между отцомъ и сыномъ, не умѣщалось въ ея головѣ. Отецъ и сынъ любили другъ друга необыкновенно; она боялась, что настанетъ день, когда — почему знать — можетъ—быть въ душу Эммануэля заронится упрекомъ сожалѣніе того, что онъ привелъ отца въ отчаяніе. Лучше — горе, лучше — всѣ мученія разлуки, чѣмъ уловить въ душѣ обожаемаго человека эту минуту сожалѣнія. Надежда протянула Эммануэлю руку на вѣчное прощаніе, съ твердымъ рѣшеніемъ никогда не отдавать ему этой руки. Уѣхать было необходимо. Она чувствовала, что скоро у ней не достанетъ силъ вынести его сосѣдство. Какъ устоять противъ скорби, противъ отчаянія, противъ страстныхъ просьбъ Эммануэля! Опи

уѣхала, и увезла съ собой рѣшительное объявленіе молодаго Испанца, что онъ не будетъ мужемъ никакой другой женщины. Сама Надежда не давала Эммануэлю подобнаго объѣта: она даже нашла въ себѣ силы скрыть отъ него и отъ самой себя весь пылъ своей страсти, но, внутренно живя и дыша только этой страстью, она превратилась въ ледъ для всѣхъ и для всего. Мало-по-малу убѣжденіе въ томъ, что она исполнила долгъ свой, и что Эммануэль никогда ея не забудетъ, довели ее до нѣкотораго спокойствія, купленнаго конечно дорогой цѣной. Ей, какъ женщиנѣ, было отрадно думать, что Эммануэль не женится — по-крайней-мѣрѣ не женится безъ ея согласія — и что она все еще властительница его судьбы. Кому изъ насъ не пріятно думать, что мужчина, этотъ великанъ, этотъ царь природы — нашъ рабъ и въ нашихъ рукахъ. Да, впрочемъ, ему нигдѣ лучше и быть не можетъ какъ у насъ подъ каблукомъ.

Спокойствіе Надежды возмутилось предложеніемъ Владислава. Представивъ ей всѣ нравственныя выгоды союза съ человѣкомъ, отличнымъ отъ другихъ людей, оно напоминало ей о невозможности другаго столько же нравственно-выгоднаго союза съ человѣкомъ, столько же замѣчательнымъ. Не переставая ни на минуту благоговѣть передъ Эммануэлемъ, Надежда не могла однако не думать съ горькимъ сожалѣніемъ, какъ странно поступила съ ней судьба. Пославъ ей въ жизни возможность союза съ двумя истинно превосходнѣйшими людьми, она положила неодолимую преграду между этими людьми и ею; одного она обожала, но тотъ не могъ ей принадлежать, другой былъ достойный обожанія, но предложенія его сама она не могла принять. Не смотря, что голова была полна Эммануэлемъ, не смотря что жить въ одиночествѣ, среди дорогихъ воспоминаній объ немъ, было уже счастіемъ для нея, все же ей жаль — зачѣмъ Заволинъ полюбилъ ее послѣ Эммануэля, жаль было бы не знать Эммануэля, и жаль опять, зная Эммануэля, чувствовать себя неприступною для любви къ Владиславу. Таково противорѣчіе человѣческаго сердца, что при этомъ сожалѣніи, она любила двухъ — и ни одного не любила — и все-таки любила *того* — перваго — хоть и увѣряла себя, что наконецъ страсть ея побѣждена великодушнымъ усиліемъ. Сердце женщины необъяснимо даже для нея самой, не только для мудрецовъ.

Надежда собственно не знала, что такъ сильно овлекл

ее къ Владиславу, была ли это прелесть его гениальнаго ума, самодлюбіе ли ея было тронута его предпочтеніемъ— или она чувствовала потребность отдохнуть отъ бурныхъ волненій страсти въ спокойной дружбѣ, въ стройной, успокоительной его привязанности — во всякомъ случаѣ, перемена Владислава, его непоколебимое рѣшеніе не только не видѣться, но даже какъ-будто вовсе забыть обо всемъ, не смотря на угтронія въ неизмѣнной дружбѣ, глубоко огорчали ее. Какъ женщина, то-есть, существо несравненно лучше мужчины, способное ко всякому самоотверженію, она не понимала, чтобы можно было такъ много заботиться о самомъ себѣ. Изъ опасенія не возмущать своего снокоиствія, Заволинь, обѣщавшій ей вѣчную преданность, теперь знать объ ней не хотѣлъ, ни разу даже не освѣдомился объ ея здоровьѣ, когда она такъ страдала, когда она такъ была больна! Ни любовь, ни дружба не шли ей въ прокъ: Эммануэля она оттолкнула, Владиславъ покинулъ ее. Вслѣдствіе чего, эпизодъ съ Заволинымъ снова расшевелилъ нѣсколько успокоившееся волненіе Надежды: она опять стала страдать и тосковать. Александръ, въ качествѣ повѣреннаго, только умножалъ горестъ разлуки, и еще болѣе ее растроивалъ, и все-таки она любила его, какъ любить все, что напоминаетъ намъ любимое. Впрочемъ какъ быть! — это былъ единственный человекъ, съ которымъ она могла говорить объ Эммануэлѣ, говорить такъ, какъ хотѣлось ей самой. Мать старалась всѣми мѣрами заставить ее позабыть Эммануэля, а Александръ поддерживалъ и раздувалъ ея огонь. Прошу тутъ выдержать — чтобы сердце не лопнуло!

Сейдясъ случайно, по любви къ искусствамъ, съ Эммануэлемъ, Александръ былъ увлеченъ гениальнымъ талантомъ живописца, его поэтическимъ характеромъ и истинно замѣчательнымъ умомъ. Онъ привязался къ нему съ тѣмъ пылкимъ восторгомъ, который въ юныя лѣта овладѣваетъ душой свѣжей, благородной, чуждой зависти и разсчета, при видѣ поразительнаго превосходства. Души не свѣжія, нѣсколько пожилыя, рѣдко бываютъ способны къ такимъ порывамъ. Мужчины ужасны между собою — въ сто разъ хуже женщинъ въ отношеніи къ женщинамъ — ужъ не простятъ своему брату ни малѣйшаго умственнаго преобладанія! — Забдять! — Затравятъ клеветою! — съ лица земли сметутъ. Къ-счастью, женщины — всегда спасительницы —

подберутъ тотчасъ и приберегутъ себѣ жертвы ихъ злобы. Когда дядя сдѣлалъ Александру извѣстное предложеніе о деревнѣ, онъ, кромѣ дѣйствительной склонности къ сельской жизни, рѣшился принять вызовъ нѣсколько и оттого, что Толковы туда же отправлялись, и донъ-Эммануэль съ жаромъ уговаривалъ его послѣдовать за Надеждою и стараться переменить ея намѣренія. Влюбленному молодому Испанцу было отраднѣе думать, что онъ такимъ-образомъ можетъ получить объ ней извѣстія, потому-что Надежда не хотѣла ни сама писать, ни получать писемъ отъ Эммануэля. Александръ взялъ на себя должность секретаря. Такимъ-образомъ Надежда знала все объ Эммануэлѣ, читала и берегла какъ сокровища всѣ письма Испанца къ Александру, наполненные ей одной. А Александръ сначала мечталъ, что тщеславный старшій Испанецъ когда-нибудь усовестится и согласится на счастье его друга. Потомъ любовь къ Фелицѣ окончательно рѣшила его остаться съ дядей, и собственная страсть заставила принять еще живѣйшее участіе въ любви Эммануэля. Онъ сталъ почти ревнивымъ за него, боялся, чтобы Надежда его не разлюбила, дрожалъ за ихъ мечтательное блаженство, дѣлалъ ей сцены, словомъ, страшнымъ образомъ волновалъ несчастную. Прїездъ леди Джорджіаны довершилъ разстройство Надежды: она старалась угадать причину этого нежданнаго посѣщенія.

Эта богатая и своенравная Ирландка была вдовою человѣка, котораго Эммануэль искренно любилъ. Зная, сколько вытерпѣлъ отъ нея покойный мужъ, при всемъ пристрастіи живописцевъ къ *формѣ* — а форма у леди Джорджіаны была очаровательная — молодой Испанецъ презиралъ ее — и, презирая, писалъ ея портреты, въ угожденіе отцу — и терпѣлъ съ неслыханнымъ геройствомъ ея опасное кокетство изъ любви къ Надеждѣ, то-есть, чтобы доказать себѣ, избранной и ей, что при любви къ Надеждѣ, оно вовсе не опасно. У миледи давно и положительно рѣшено было прибрать его къ рукамъ. Вѣжливость Эммануэля поддерживала въ ней надежду на успѣхъ — быть-можетъ и нѣкоторая любовь, приведенная въ разсужденіе затрудненіями, заставляла ее упорно преслѣдовать предпріятіе — во всякомъ случаѣ, леди Джорджіана, подстрекаемая отцомъ молодого человѣка, была увѣрена, что побѣда останется на ея сторонѣ. Для большой безопасности она наконецъ употребила противъ непобѣдимаго самую рѣшительную мѣру: стала безъ памяти

восхищаться живописью, не зная въ ней толку и не будучи даже способною чувствовать ее. Этимъ надѣялась она окончательно прельстить Эммануэля. Но послѣ отъѣзду Надежды, когда леди Джорджіана ожидала навѣрное и въ очень скоромъ времени увидѣть его у ногъ своихъ, молодой человекъ вдругъ перемѣнился къ ней совершенно. Онъ не хотѣлъ даже говорить съ нею — объявлялъ при всякомъ случаѣ что никогда не женится — и избѣгалъ встрѣчь съ прелестною вдовою.

Въ такихъ обстоятельствахъ дѣлать больше ничего не оставалось, какъ обратиться къ великодушной Надеждѣ и просить ее о довершеніи великой жертвы. И герцогъ и леди Джорджіани были на этотъ счетъ одинаковаго мнѣнія. Можно легко вообразить, сколько труда стоило леди Джорджіанѣ заглушить свою гордость и рѣшиться умолять соперницу, но характеръ Надежды былъ ей извѣстенъ, она рассчитывала на благородство и возвышенность ея души. Къ тому такой поступокъ былъ бы даже заслугою въ Эммануэлевыхъ глазахъ! Какъ будетъ онъ, благородный, великодушный, цѣнить это добровольное униженіе! Не говоря отцу ни слова, леди Круперъ простилась съ нимъ на время подѣ предлогомъ путешествія къ Черному морю и прикатила въ Утѣшино. Старому герцогу пришла въ голову такая же идея. Рассчитывая на самотверженіе Надежды, уже давшей ему торжественное доказательство своего безкорыстія, онъ отправился къ ней тайкомъ отъ сына, сказавъ ему, что уѣзжаетъ въ Москву по нужному дѣлу на короткое время. Онъ сердился на Александра, такъ же какъ и на Надежду, но имѣлъ довѣріе къ восторженному другу своего сына и написалъ заранѣе къ нему и черезъ него къ Надеждѣ о необходимой нуждѣ переговорить съ ней о счастіи и судьбѣ Эммануэля. Это было чрезвычайно трудно для Надежды, потому-что мать ея, по весьма понятной причинѣ, не любила стараго Испанца и просила ее не имѣть никакихъ сношеній съ этимъ безразсуднымъ, пронырливымъ и кичливымъ старикомъ. Въ городѣ у Толовыхъ былъ свой домъ, но принять тамъ путешественниковъ не предвидилось возможности, Надежда была еще слаба послѣ болѣзни, и провинціалы — такіе любопытные!

На другой день все было бы извѣстно. Многие, пожалуй,

прискакали бы въ Утѣшино поздравлять Варвару Михайловну съ отличными связями ея любезной дочери—какъ же!—самъ знаменитый герцогъ Нарваэъ, великій грандъ и самовластный правитель всѣхъ Испаній, прїѣзжалъ прямо изъ Мадрита къ Надеждѣ Николаевнѣ совѣщаться съ нею на счетъ брака инфанты съ французскимъ принцемъ и протеста Англіи противъ этого нарушенія условій утрехтскаго міра! Опять потоки слезъ, опять раздрающія сцены, опять просьбы навсегда отказатья отъ всякихъ сношеній съ Вальфлоридами. Въ деревнѣ, въ ихъ огромнѣйшемъ саду, это было и удобнѣе и безопаснѣе. Александръ придумалъ ночь и безсѣду, и ему поручено было устроить свиданіе — съ тѣмъ однако жъ условіемъ, чтобы, для охраненія спокойствія матери, оно послѣдовало немедленно послѣ прїѣзду герцога въ городъ и чтобы послѣ аудіенціи старый грандъ убрался тотчасъ во-свояси, не оставаясь въ городѣ ни одного лишняго часу. На прїѣздъ его никто не обратилъ вниманія, хотя въ губернскихъ вѣдомостяхъ и стоялъ весь его титулъ, но путешественники и иностранцы безпрестанно мелькаютъ мимо насъ. Ни леди Круперъ ни Варвара Михайловна не подозрѣвали его присутствія.

Послѣ свиданія, Надежда снова занемогла и долго тянулось ея выздоровленіе. Утѣшино совершенно опустѣло. Свадьба была отложена еще надолго. Фелица объявила, что не оставитъ Надежды, пока здоровье къ ней не возвратится. Петръ Петровичъ успѣлъ между-тѣмъ разтолковать Александру и Фелицѣ, въ чемъ каждый изъ нихъ неправъ и какъ самъ онъ мудръ во всемъ. Нарѣченные благополучно помирились. Но нужно ли говорить объ этомъ?

Наконецъ Петръ Петровичъ и Настасья Аванасьевна увезли дѣтей домой. День свадьбы былъ наконецъ назначенъ и весь городъ приглашенъ. Надежда обѣщала прїѣхать къ невѣстѣ наканунѣ. Экипажъ уже стоялъ у подъѣзда, когда слуга подалъ ей два письма. Одно, по словамъ доклада, было получено съ почты, другое привезъ посланецъ Владислава Васильевича.

Надежда торопливо ушла къ себѣ. Варвара Михайловна, ничего не зная о письмахъ, долго ждала ея. Наконецъ Надежда вошла, но до того встревоженная, что мать вскрикнула:

— Надежда! ангелъ мой! ты опять страдаешь?

— Ничего.... сказала она чуть слышно : не пугайтесь.... Отослите эту записку съ парочнымъ; я иду къ Фелицѣ, что не могу сегодня быть у нихъ.... мнѣ дурно.... прежній нервный припадокъ возвратился.... Но я надѣюсь, что завтра буду здорова; мнѣ нужно успокоиться. У невѣсты теперь будетъ шумно.... я лучше сдѣлаю, если приѣду завтра рано къ вѣнчальному обряду.

Но заснуть, не успокоиться хотѣла Надежда : она всю ночь не смыкала глазъ.... Сначала она заливалась горькими слезами, потомъ лежала передъ образомъ Спасителя, потомъ писала долго, долго, до утра.

XI.

Свадебный пиръ былъ въ полномъ разгарѣ, все вертелось, все играло. Даже Настасья Афанасьевна, на радости, удостоила сдѣлать съ Петромъ Петровичемъ два круга вальса, не танцовавши уже пятнадцать лѣтъ. Александръ блаженствовалъ съ своей Фелицей, то танцуя, то перешептываясь съ ней въ уголку. Въ такой торжественный и упоительный вечеръ, онъ, конечно, занимался только своей женою, не думая и не заботясь о другихъ. Но вотъ Фелица умчалась съ кѣмъ-то въ вихрь вальса, Александръ остался одинъ, слѣдя глазами за ея развѣвающимися воалемъ, за пышными локонами, за томнымъ взоромъ, который и издали искалъ его.... Сердце Александра сильно билось, онъ былъ такъ счастливъ въ эту минуту.... вдругъ чей-то тяжкій вздохъ неприятно поразилъ его. Кто это горюетъ на его свадебномъ пирѣ? кто огорченъ, кто вздыхаетъ, когда ему бы хотѣлось, чтобы весь свѣтъ блаженствовалъ вмѣстѣ съ нимъ? Онъ обернулся съ болѣзненнымъ, тяжелымъ чувствомъ : позади его, облокотясь на окно, сидѣла Надежда блѣднѣе луннаго свѣту.

— Надежда Николаевна!... милая Надежда Николаевна! сказалъ Александръ, наклонившись къ ней почти съ испугомъ; что это съ вами?...

До-сихъ-поръ онъ не имѣлъ времени рассмотреть Надежду. Она приѣхала съ матерью почти къ самому вѣнчу.

Разумѣется, что въ такой день Александръ не обращалъ ни на кого вниманія : дотога ли было ему! Только теперь его поразила страшная блѣдность Надежды, глаза ея были обведены синей полосой, щеки впали.... Александръ, встревожившись чрезвычайно, снова повторилъ вопросъ.

— Забудьте обо мнѣ сегодня, думайте о вашемъ счастьи, не спрашивайте меня, другъ мой!... подите.... такъ-жѣте.... оставьте меня одну....

— Нѣтъ.... нѣтъ.... шептала молодой человекъ съ испугомъ, скажите мнѣ!... сердце мое чувствуетъ, Надежда Николаевна, вѣрно случилось что-нибудь?...

— Ничего.

— Вы не хотите сказать мнѣ правды.... не узнали ли вы чего о донъ-Эммануэлѣ?...

— Милый Александръ, прошптала Надежда, судорожно схватъ его руку, не произнесите этого имени никогда при мнѣ.... Слышите ли?... никогда!... все кончено!

— Чтѣ такое?... что случилось? ради Бога, говорите!

— Тише!... тише!... на насъ смотреть.... успокойтесь, съ здоревъ.

— Такъ это вѣрно встревожила васъ негодная Ирландка ... Я говорилъ, что не надо приглашать ея. Но Настасья Аванасьевна на томъ настояла: какъ, говорятъ, обойти ее, когда весь городъ приглашенъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, леди Круперъ ни въ чемъ не виновата.... Послѣ, когда-нибудь, я скажу вамъ. Подите къ Фелицѣ. Она васъ не видитъ и, навѣрное, беспокоится.

Она встала, не замѣчая, что съ двухъ противоположныхъ концовъ залы, двѣ пары глазъ провожали ее испытующимъ взоромъ. Два глаза принадлежали Владиславу, другіе два блѣдной дѣвушкѣ, печально сидѣвшей въ самомъ дальнемъ углу. Александръ хотѣлъ было итти за Надеждой, но леди Круперъ предупредила его. Подойдя къ Надеждѣ, она протянула ей руку, сказавъ нѣсколько любезныхъ словъ и тихо увлекая за собой. Александръ хотѣлъ отправиться за ними, но Надежда обернулась къ нему, съ строгимъ и мѣстѣ умоляющимъ лицомъ.

Оставьте насъ.... теперь мнѣ нечего ее бояться.... шепнула она ему мимоходомъ, съ глазами полными слезъ.

Молодой человекъ печальный, озабоченный, повернулъ

назадъ, но въ эту минуту Фелица подбѣжала къ нему съ востигительной улыбкой; онъ забылъ и Эммануэля и Надежду и все и всѣхъ....

Между-тѣмъ Надежда рука объ руку съ леди Джорджианой проходила по комнатамъ, наполненнымъ толпой гостей. Обѣ, какъ бы угадывъ я другъ друга, направилась къ дальнему, удивленному кабинету и рядомъ опустились на диванъ. Леди Джорджиана разсматривала Надежду пристально и долго.

— Вы очень похудѣли, сказала она наконецъ.

— Я была больна, отвѣчала холодно Надежда.

— Да, я знаю и вѣроятно никто столько не сожалѣлъ о томъ, какъ я.

Надежда молча поклонилась.

— О! не благодарите, я не заслуживаю.... Въ этомъ случаѣ я сожалѣла болѣе о самой себѣ. Ваша болѣзнь помѣшала мнѣ объяснитьсь съ вами, а я пріѣхала затѣмъ изъ-за двухъ тысячъ верстъ. Мнѣ сказалъ вашъ докторъ, что васъ не надо беспокоить, я послушалась и вотъ уже другой мѣсяцъ жду.

Надежда продолжала хранить молчаніе. Леди Джорджиана опять начала черезъ нѣсколько минутъ :

— Вы понимаете, что сдѣлать такую дальнюю поѣздку меня могла побудить только очень важная причина.... но вы вѣрно знаете, зачѣмъ я здѣсь.

— Знаю я или нѣтъ, теперь это все равно, миледи.

Ирландка взглянула на нее съ удивленіемъ.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, сказала она.

На губахъ Надежды мелькнула горькая улыбка. Леди Джорджиана въ недоумѣніи снова устремила на нее пытли-вый взоръ.

— Послушайте, сказала она вдругъ, подвинувшись къ Надеждѣ съ выраженіемъ и трогательной мольбы и какого-то какъ будто бы благоговѣнія, я знаю, вы женщина удивительная, благороднѣе, великодушнѣе васъ никого на свѣтѣ нѣтъ.

— Эти похвалы вовсе излишнія, отвѣчала Надежда, опять печально улынувшись, онѣ ни къ чему васъ не приведутъ.

— Вы думаете, что я говорю это съ тѣмъ, чтобы задобрить васъ лестью, вы ошибаетесь, я совершенно увѣрена въ благородствѣ и великодушіи вашихъ чувствъ. Не будь я убѣждена въ томъ, меня не было бы здѣсь; я знаю, что

вы одна изъ тѣхъ немногихъ женщинъ, которымъ счастье любимаго выше всего.... О! будьте ангеломъ хранителемъ его жизни.... не отвергайте моихъ просьбъ!.... Вы уже сдѣлали подвигъ немаловажный, вы уже показали, какъ велика ваша душа.... вы уже положили преграду между мною и вами.... остается только довершить. Не будьте великодушны въ половину.... вы отказались отъ любви его, зачѣмъ же не позволить другой женщинѣ любить его?... Вы не можете быть его женою, зачѣмъ же осуждать его на одиночество, зачѣмъ не предоставить другой окружить блаженствомъ его жизнь?... Судите сами, какъ выиграетъ его талантъ, который вѣрно вы внутренно гордитесь, когда онъ будетъ обезпеченъ, окруженъ удобствами, станетъ писать не для того, чтобы добывать насущный кусокъ хлѣба, а для удовольствія, для славы.... не будете ли вы сами счастливы за него?...

Надежда сидѣла неподвижная и блѣдная.

— Вотъ какъ разсуждаютъ люди! сказала она наконецъ задумчиво и скорѣе отвѣчая на собственную свою мысль. Вотъ какъ разсчитываютъ на благородство и самоотверженіе! Если удостоиваютъ считать женщину великодушною и благородной, то безжалостно требуютъ отъ нея жертвы, не разсуждая, что можетъ—быть эта жертва свѣше ея силъ. Какое имъ дѣло до чужихъ страданій! только бы ихъ виды были приведены въ исполненіе.

— Но когда дѣло идетъ о счастьи такого человѣка, каковъ донъ—Эммануэль Вальфлорида, кто можетъ думать о себѣ? Если бы я была на вашемъ мѣстѣ, если бы судьба поставила на долю вамъ, а не мнѣ это состояніе, которое необходимо для того, чтобы носить имя Вальфлоридовъ.... неужели вы сомнѣваетесь, что я бы поколебалась хоть нѣсколько секундъ? О! клянусь! я бы взяла съ восторгомъ вашу руку и сама поставила бы васъ подъ вѣнецъ....

— Миледи, сказала Надежда тихо и съ грустной и вмѣстѣ нѣсколько иронической улыбкой: теперь именно настало время привести въ дѣйствіе ваши слова. Если вы такъ безкорыстно любите Эммануэля, то радуйтесь, блаженствуйте....

— Чтò хотите вы сказать? прошептала Ирландка, измѣняясь въ лицѣ.

— Донъ Эммануэль женится, отвѣчалъ Надежда вставая.

Глухой крикъ вырвался изъ груди леди Джорджіаны. Она бросилась къ Надеждѣ и схватила ея руку внѣ себя.

— На комъ? на комъ? шептала она задыхаясь.... на васъ!... выужели на васъ?

— На мнѣ?... посмотрите на мое лицо, миледи, счастливой ли невѣстѣ принадлежитъ оно.... На мнѣ?... полноте, миледи! развѣ вы забыли, что я бѣдна!

— Но на другой онъ не женится безъ вашего согласія....

— Я дала его.

Леди Джорджіана упала на стулъ. Ломая въ отчаяніи руки, задыхаясь отъ ревности, она повторяла отрывисто....

— Я опоздала!... проклятый докторъ!... опоздала я!...

— О нѣтъ, миледи, не сожалѣйте.... не сердитесь, ни вамъ и, можетъ-быть, никому на свѣтѣ не уступила бъ я его, кровъ ея....

— Да кто жъ она?... воскликнула Ирландка, кто эта женщина, для которой вы рѣшились принести въ жертву и себя и другихъ?.... О ледовитое созданіе! въ васъ дружба превозмогла любовь!

— Эта женщина не только мнѣ не другъ, миледи, но даже я и не видала ея никогда....

— Такъ вотъ чтó! вскричала леди Джорджіана съ злобною улыбкой.... вамъ измѣнили, и позволеніе-то пришлось поневолѣ дать; о! если бы вы знали, какъ я объ васъ жалѣю!

— Напрасный, миледи, трудъ. Эммануэль не способенъ измѣнить ни своимъ чувствамъ, ни данному слову, онъ женится, потому что это хочу я.

— Эммануэль женится! воскликнулъ третій голосъ на порогѣ двери. На комъ это?....

— На Кларѣ Лангвудъ, отвѣчала Надежда и отвернулась, чтобы скрыть выкатившуюся слезу.

Ирландка страшно поблѣднѣла. Съ отчаяніемъ и съ яростью въ сердцѣ оставила она кабинетъ, осыпая мысленно упреками несчастнаго доктора, которому приписывала она свою неудачу. Пока она играла съ нимъ дуэты, да слушала его любезности, другая успѣла перебить у ней жениха. Тотчасъ уѣхала она въ городъ, а на другой день и слѣдъ ея простылъ. Съ-тѣхъ-поръ у насъ объ ней ничего не слыхали, но многіе еще помнятъ ея роскошь и красоту....

Александръ прислалъ воздѣ Надежды и тревожно, съ удивленіемъ ей говорилъ:

— Чтó это вы сказали, Надежда Николаевна?... не по-

слышалось ли мнѣ?... Донъ - Эммануэль женится, и потому что этого вы хотите?

— Ваша Фелица выдала мисъ Клору замужъ за него. Я только утвердила бракъ, составленный ею и вашимъ дядюшкою. Что же мнѣ болѣе дѣлать? Впрочемъ, я имъ очень благодарна: онъ будетъ счастливъ съ нею, онъ меня забудетъ.... все на свѣтѣ забывается, Александръ!

— Фелица? Петръ Петровичъ?... мисъ Клара?... Ничего не понимаю. Я не могу прійти въ себя отъ удивленія.... Растолкуйте, что вы это говорите? Да кромѣ того мисъ Клара въ Лондонѣ, а донъ-Эммануэль въ Петербургѣ.... какъ же они сошлись?... когда?... гдѣ?...

— Не сошлись еще, но скоро сойдутся....

— Тутъ навѣрное что-нибудь не такъ. Вы опять увлеклись своими преувелченіями по части благородства. Вы забрали себѣ въ голову, что донъ-Эммануэль будетъ счастливъ съ Кларой.... и.... но позвольте вамъ сказать: донъ-Эммануэль не ребенокъ, нельзя распоряжаться самовольно его судьбой; да и что вы хлопочете?... онъ не послушаетъ васъ, я въ томъ увѣренъ.

— Я употребила такой аргументъ, противъ котораго онъ не устоитъ. Послушайте, мой милый Александръ, вѣдь вы меня любите только изъ привязанности къ донъ-Эммануэлю; признайтесь, вы покровительствовали нашей любви оттого, что вамъ казалось, будто я способна составить его счастье.... не качайте головою.... я знаю, что это такъ. Представьте же себѣ, что есть другая женщина на свѣтѣ, которая, кромѣ душевныхъ качествъ, кромѣ своей кротости и доброты, кромѣ красоты, юности, граціи, дастъ еще богатство: что жъ вы противъ этого скажете?

— Во-первыхъ, сколько мнѣ помнится, мисъ Клара вовсе не богата....

— Вы все забыли въ попыхахъ счастья, Александръ. Вѣдь братъ ея умеръ; она стала единственной наследницей огромнаго имѣнія....

— Ахъ! да! помню!... донъ-Эммануэль писалъ мнѣ объ этомъ. Да! конечно! она теперь богата.

— На горе его гению. Ахъ! Александръ! его чудный талантъ утонетъ въ этомъ морѣ золота.... Богатство — врагъ дарованія: природа, заботливая о своихъ дарахъ, создала да-

рваніе бѣднымъ и воспитываетъ его вдали отъ соблазновъ и развращеній роскоши. Пропалъ нашъ великій художникъ!... слава оставитъ его, вдохновеніе заснетъ.... Я ужасно печальна. Чему мы станемъ удивляться? чѣмъ будетъ гордиться?

— Да онъ не женится! Онъ душевно преданъ искусству... и онъ такъ любитъ васъ, что никогда не возьметъ другой.

— Я вамъ сказала, что у меня есть для этого аргументъ неопровержимый.

— Какой? какой? позвольте узнать...

— Я написала ему, что мы оба дурно дѣлаемъ, увлекаясь романтической мечтой, что есть на свѣтѣ человекъ, который, по моимъ понятіямъ, можетъ составить мое счастье, но что я буду считать себя свободной только въ такомъ случаѣ, если самъ онъ женится на Кларѣ, и что я сама хочу выйти замужъ, Александръ... ж.

Говоря это, Надежда была до того изнурена страданіемъ, что Александръ недовѣрчиво покачалъ головою.

— Уходите... васъ вѣрно Фелица ищетъ... Уходите! Я не могу говорить. Александръ всталъ, Бросивъ полный состраданія взоръ на Надежду, онъ вышелъ изъ комнаты. Надежда закрыла руками лицо.

— Извините меня, Надежда Николаевна, сказала вдругъ блѣдная дѣвушка, входя и садясь возлѣ нея. Я зашла нечаянно сюда и услышала... ваши послѣднія слова... вы выходите замужъ, такъ ли я поняла?

Надежда вздрогнула. Она такъ ознакомилась съ страданіемъ, что тонъ этого голоса задѣлъ ее за живую струну. Она отгадала въ этихъ простыхъ звукахъ столько затаеннаго горя, что пристально и безмолвно устремила на блѣдную дѣвушку полный сочувствія свой взоръ. Никто не замѣчалъ, что съ нѣкоторыхъ поръ дочь Елены Тимоѣевны стала еще блѣднѣй, что она очень похудѣла, что сдѣлалась еще молчаливѣй и грустнѣй.

— Простите меня, Надежда Николаевна, продолжала она робко, что я бѣдная, ничтожная дѣвочка осмѣлюсь вамъ докучать... но вы мнѣ кажетесь такою доброю и милою... могу ли я просить васъ сказать мнѣ только одну вещь?... Вы выходите замужъ, сейчасъ вы сказали...но здѣсь есть только одинъ человекъ, который можетъ быть вашимъ мужемъ. зачѣмъ же вы такъ печальны, если вы рѣшились выйти за него?

— Я ни за кого не выхожу, моя милая Наташа, отвѣчала Надежда, взявъ ея руку: вы не такъ поняли мои слова.

Яркій румянецъ разлился по блѣднымъ щекамъ Наташи.

— Неужели это правда?... прошептала она.

— Совершенная правда, увѣряю васъ.

Наташа съ замѣшательствомъ приподнялась съ своего мѣста.

— Пожалуйста не подумайте обо мнѣ ничего такого, сказала она запинаясь, это я только такъ спросила васъ.

— Будьте спокойны, отвѣчала Надежда, сдѣлавъ видъ, будто не замѣчаетъ ея смущенія. Я очень хорошо понимаю, что это былъ самый простой вопросъ.

Наташа повернула къ двери, но потомъ остановилась, перебирая съ замѣшательствомъ въ рукахъ платокъ, снова подошла къ Надеждѣ и прошептала ей съ волненіемъ:

— Какъ вы думаете?... Владиславъ Васильевичъ очень васъ любитъ?... вашъ отказъ ужасно огорчить его?

— Милая Наташа, отвѣчала Надежда, обнявъ ея рукою, Владиславъ Васильевичъ не можетъ никого сильно любить. Умъ его дотога озабоченъ важными соображеніями, воображеніе дотога завалено разнообразными и глубокими мыслями, что привязанность къ женщинѣ не можетъ занимать большаго мѣста въ его бытіи и та, которой бы вздумалось полюбить его, должна имѣть много самоотверженія, много любви, много твердости, воли, чтобъ пріобрѣсти вліяніе надъ его сердцемъ. Таіе характеры не всѣмъ доступны, мой милый другъ.

Наташа, ничего не отвѣчая, тихо вышла изъ кабинета. Надеждѣ показалось, что на глазахъ ея мелькнула слеза.

Оставшись одна, Надежда прошла по комнатѣ медленнымъ, грустнымъ шагомъ, потомъ сѣла къ письменному столу, вынула письмо изъ кармана, распечатала и принялась перечитывать его; вычеркнула кое-что, прибавила двѣ три строчки.

— Пора отдать его, прошептала она.

Вотъ что было въ этомъ письмѣ, начертанномъ рукою, быстро увлекаемой потокомъ чувствъ :

- Благодарю васъ, Владиславъ, благодарю, другъ дорогой и некрещенно любимый; вы не повзрите, какую тяжесть сняло съ груди моей
- ваше благородное письмо. Вы возвысили меня въ моихъ собственныхъ
- глазахъ, вы показали мнѣ, что я ничего не утратила въ вашемъ

« уваженіи, а я этого такъ боялась, Владиславъ! Я дрожала, чтобы
 « вы не сочли меня холодной кокеткой, не приписали желанію замѣть
 « васъ въ свои свѣти моихъ настоятельныхъ просьбъ о нашихъ свиданіяхъ к, надо сказать правду, ваше совершенное забвеніе навесело мнѣ
 « ударъ тяжкій и вовсе незаслуженный.... мнѣ было такъ больно, что
 « вы не поняли меня!

« Теперь, при возобновленіи вашего предложенія, этого торжественнаго
 « доказательства вашего уваженія, я считаю долгомъ сказать вамъ всю правду,
 « Владиславъ. Не оскорбляйтесь ею, другъ мой; вамъ говоритъ ее женщина,
 « всей душою и всѣмъ сердцемъ жаждущая вамъ добра. Нѣтъ, не могу
 « быть вашею женою, не могу что бы ни говорили вы. Какъ можемъ мы
 « быть счастливы другъ съ другомъ, судите сами, Владиславъ. Помните ли, когда вы
 « бивались узнать люблю ли я другаго.... именно его.... котораго вы
 « и назвали? Я не обманывала васъ, отвѣчая, что не влюблена. Любви
 « не можетъ быть послѣ потушенія надежды, и, особенно, добровольнаго
 « потушенія. Когда живительный свѣтъ этой благодатной лампы погасъ — въ
 « темнотѣ — въ страшной темнотѣ — остается только воспоминаніе о любви —
 « горечь и ядъ, отстоявшіеся на двѣ чашни обътованнаго блаженства —
 « антоновъ огонь души, который пожираетъ насъ, когда уже воспаленія
 « сердца прошли и страсть исчезла изъ груди. Это — тоже страсть, если
 « угодно — но только не страсть-любовь, а скорѣе страсть-грусть,
 « страсть-холодъ. Я была вдова страсти, носила трауръ по любви. Желать
 « вашей дружбы было извинительно и понятно: это могъ быть бальсамъ для
 « моей снѣжей раны. Вы хотѣли удостоятъ меня званія вашей жены и,
 « узнавъ, что я не гожусь для этого, безжалостно бросили меня, кому
 « обѣщали быть другомъ, что бы ни случилось и какой бы ни былъ мой
 « отвѣтъ! Другъ — великое слово, Владиславъ! Другу не все равно,
 « когда скорбятъ, когда страдаютъ, когда валяются на краю гроба,
 « когда призываютъ его какъ надежду. Другъ отвѣчаетъ по-крайней-мѣрѣ,
 « когда къ нему пишутъ, и приноситъ утѣшенія, когда нуждаются въ
 « утѣшеніи несчастные больные, огорченные. Вы другъ — безъ дружбы.
 « Какое же взаимное сочувствіе предстоитъ намъ въ брачномъ союзѣ?
 « что могу дать я вамъ? что можете дать вы мнѣ? Вамъ нужна только
 « жена, а не другъ. Но чтобы быть вашею женою нужно, на зло вамъ,
 « для вашего блага,

любить васъ такъ глубоко и такъ тепло, чтобы можно было луча-
 ми своего сердца распалить этотъ величественный Шницбергенъ мо-
 гучихъ и блестящихъ льдовъ, который вы называете нашимъ серд-
 цемъ. Я, блѣдная, холодная, блуждающая звезда, не въ состоянн
 совершить такого подвига; я устала душою; я измучена страдані-
 емъ; и сама нуждаюсь въ нежной заботливости друга — такого
 друга, какимъ быть вы не способны, Владиславъ, потому-что не
 хотите или не любите женской дружбы систематически. Нѣтъ, мы не
 созданы другъ для друга: во мнѣ недостаетъ достаточнаго коли-
 чества любви, въ васъ — пужной пропорціи дружбы. Я не скажу
 вамъ, по пошлomu примѣру неудавшихся любовниковъ: Забудьте
 меня, я васъ забуду. Такіе люди какъ вы, не забываются, и они
 съ своей стороны не забываютъ того, что однажды было ихъ
 любимую мыслью. Но я дамъ вамъ благой и искренній совѣтъ:
 женитесь непременно — только не на мнѣ — потому-что вліяніе
 женщины необходимо для вашей души и вашего сердца, ищите, ищи-
 те, и найдете, и пусть будетъ она безъ состоянія, лишь бы только
 сама была драгоценная. Не презирайте богатствъ сердца, Влади-
 славъ: для прекрасной жизни они дороже золота. Вы сохраните для
 меня хорошенькое мѣстечко въ вашей памяти, среди вашихъ чу-
 десныхъ мыслей, нѣкогда милыхъ подругъ моихъ, а я все-таки —
 издали — тихо — безмолвно — буду васъ... *обожать*.

«Надежда».

Это отвѣтъ на письмо Заволина, полученное Надеждой на-
 канунѣ, письмо, въ которомъ онъ снова уговаривалъ ее
 быть его женой. Сказать правду, я думаю, Заволинъ не
 сомнѣвался въ вторичномъ отказѣ, но, послѣ своего холод-
 наго забвенія, ему было совѣстно встрѣтиться съ Надеж-
 дой, а свиданіе наступало. Онъ былъ посаженнымъ отцомъ
 Фелицы, и счелъ нужнымъ оказать Надеждѣ эту вѣжливость.
 По-крайней-мѣрѣ такъ поняла это Надежда. Она хотѣла
 сама отдать ему отвѣтъ на балѣ; въ суматохѣ свадебнаго
 шуру еще не успѣла вручить письмо.

Подвинувъ свѣчу, она протянула за сургучемъ руку, по-
 томъ задумалась, опустила голову и время отъ времени под-
 носила платокъ къ глазамъ.

— Надежда Николаевна, сказалъ подходя къ ней Хил-
 ковскій, вы не здоровы?... или вы огорчены?...

— Да, мой добрый Петръ Петровичъ! отвѣчала она, поднявъ на него глаза, омоченные слезами. Да! я очень нездорова, очень огорчена.

— А я думалъ, что у васъ болѣе твердости. Вы такъ мужественно покорились своей судьбѣ! Зачѣмъ эта слабость?... Уповайте болѣе на благость Провидѣнія: мало ли что еще можетъ случиться!

— Ахъ! случилось то, чего и не воображала я!

— Чтò жъ такое? вы пугаете меня?

— Драма моей жизни разыграна... занавѣсъ опустился... все кончено, и въ честь этой скучной пьесы, оставшейся безъ развязки, ни одно рукоплесканіе не раздалось. Мнѣ не предоставлено даже права думать, что я еще любима...

— Какъ не предоставлено?.. Думать можно всегда. Но.... расскажите мнѣ все. Не наврала ли вамъ чего эта Ирландка?.. или не написали ли вамъ чего изъ Петербурга? Не всему можно вѣрить: мало ли чтò говорить?

Съ трудомъ удерживая слезы, Надежда рассказала эгрному, что судьба ея дѣйствительно рѣшена Фелицею. Кузина донъ-Эммануэля, о которой герцогу намекнула эта пылкая дѣвушка, подруга дѣтства — нынче его невѣста. Мысль, брошенная въ воздухъ ребенкомъ, засѣла мѣднымъ гвоздемъ во лбу бывшаго испанскаго гранда. Мисъ Клара Лангвудъ считалась очень богатою: братъ ея умеръ недавно — донъ-Эммануэль былъ очень огорченъ его кончиною и писалъ о томъ Александру, который, разсуждая съ Фелицею, сказалъ только эти слова: «Теперь эта дѣвушка одна изъ первыхъ невѣстъ въ Англіи; все богатое имѣніе брата переходитъ къ ней». Это замѣчаніе вспомнила Фелица при выходѣ изъ бесѣдки, и добрая вѣтренница вдругъ пустилась сватать за нее молодаго Испанца. А старому Испанцу вужно было указать на деньги съ невѣстой: всѣ его мысли — по счету весьма не многочисленныя — немедленно устремлялись туда. Онъ тотчасъ написалъ къ опекунамъ мисъ Клары и къ ней самой. Предложеніе было принято. Хотя привязанность Эммануэля и Клары никогда не переходила границъ дружбы, но дѣтскія привязанности дѣвушекъ такъ легко превращаются въ любовь.... а у молодыхъ мужчинъ.... Ахъ! Боже мой! мужчины!... да у нихъ любовь ни по чемъ. Они влюбляются и разлюбляютъ, сами о томъ не думая. Надежда

чувствовала это и, со времени свиданія съ герцогомъ, часто страшилась она послѣдствій болтовни Фелицы. Странно! ужъ какъ мы, кажется, въ пылу самоотверженія, желаемъ блага, наслажденія и счастья нашимъ возлюбленнымъ, за которыхъ сами выйти не можемъ: а пусть только возлюбленный коснется мыслью другой женщины, это такъ больно, что и сказать нельзя. А женись онъ на другой, такъ, просто, можно умереть съ горя. Ужасно досадно! Возлюбленные должны принадлежать намъ или никому. Уступить возлюбленнаго.... о! лучше уступить жизнь. Старый герцогъ не забылъ обѣщанія, исторгнутаго у Надежды при прощаніи. Едва отвѣтъ изъ Лондона пришелъ въ Петербургъ, онъ написалъ къ Надеждѣ, умоляя сдержать слово.

— Вчера получила я это письмо, продолжала она, а уже сегодня отвѣчала на него. Герцогъ напоминаетъ мнѣ о обѣщаніи.... котораго вы сами, Петръ Петровичъ, были свидѣтелемъ и отчасти причиною.... Онъ пишетъ, что если я уговорю его сына на этотъ бракъ, они оба уѣдутъ тотчасъ въ Англію, и тамъ донъ-Эммануэль безъ труда согласится.... Мисъ Клара такъ мила! она такъ искренно привязана къ нему! Вы понимаете, Петръ Петровичъ, что когда дѣло шло о леди Джорджіанѣ, со мною сладить никто не могъ. Я гордилась вліяніемъ своимъ на судьбу донъ-Эммануэля, я устояла бы противъ него самого. Но Клара! Клара, о которой онъ говорилъ всегда съ такимъ восторгомъ, что могу я сдѣлать противъ нея?

— Но вѣдь это пишетъ вамъ герцогъ: почему вы знаете, что донъ-Эммануэль....

— Онъ долженъ согласиться, когда я такъ убѣдительно прошу его.... когда я написала къ нему, что онъ обязанъ жениться, чтобы возвратить мнѣ свободу располагать собою, что это нужно для счастья моего.... Сначала онъ будетъ считать это пожертвованіемъ для моего блага.... а тамъ.... я буду далеко, а Клара будетъ на глазахъ.

— Для вашего счастья, сказали вы? Надежда Николаевна: такъ вы раздумали!... ахъ! какъ я радъ этому!... вы точно хотите попробовать счастья съ другимъ?... Дѣло! дѣло!... вы удивительная умница!

Ничего не отвѣчая, Надежда схватила сургучъ, запечатала письмо и встала.

— Никогда! ни съ кѣмъ! воскликнула она. Простите меня, Петръ Петровичъ, что я въ такой радостный для вашего дому день печалю васъ. Теперь все это глубоко затаится на днѣ сердца и никто не увидитъ у меня ни горя ни слезъ.... Да и объ чемъ горевать?... объ чемъ плакать?... Онъ будетъ счастливъ!...

— Но вы?... что будетъ съ вами, Надежда Николаевна?..

Она опустила голову на обѣ руки, и тяжкій вздохъ былъ единственнымъ ея отвѣтомъ....

ДЕЙЛА.

=

RENDEZ-VOUS.

=

I.

— Это ужасно! Это просто ни на что не похоже... то-есть похоже на старость! Въ бакенбардахъ просѣдь показывается...

Такъ восклицалъ, передъ зеркаломъ, нѣкто Бурлинъ, Аркадій Александровичъ, вытирая бороду одеколономъ и опускавая бритву въ горячую воду.

— Убирай! сказалъ онъ человѣку, занятому чѣмъ-то въ смежной комнатѣ.

Тотъ повиновался, и началъ было снимать со стола приборъ, досаждающій ежедневно всѣмъ брюнетамъ: но баринъ приказалъ ему взять въ обѣ руки по свѣчѣ.

Новое приказаніе исполнено, и Поликарпъ, со свѣчками въ рукахъ, ждетъ дальнѣйшаго распоряженія...

Аркадій Александровичъ выставяетъ, по-очередно, каждую изъ своихъ только-что выбритыхъ, лоснящихся щекъ....

Поликарпъ смотритъ съ равнодушіемъ, убѣждающимъ, что онъ давно привыкъ къ подобнымъ продѣлкамъ господина....

— Ничего не видишь?

— А что прикажете видѣть?

— Много съдыхъ волосъ ?

Осторожный и неглупый Поликарпъ не зналъ что отвѣчать. Какъ парень смышленный, онъ въ минуту, однакожъ, сообразилъ, что, для избѣжанія какого-либо неудовольствія, всего лучше прибѣгнуть къ отвѣту косвенному, и, въ свою очередь, сѣбло предложилъ вопросъ :

— Не къ невѣстѣ ли собираться изволите ?

Аркадій Александровичъ собирался куда-то на преферансъ, но вдругъ перемѣнилъ намѣреніе, и когда Поликарпъ, ставя свѣчи на столъ, спросилъ : фракъ или скюртукъ надѣнете ? онъ, разсѣянно и медленно, вымолвилъ вполголоса : ни то, ни другое....

Физиономія Поликарпа, на этотъ разъ, пришла въ нѣкоторое движеніе ; вытаращенные глаза его вопросительно устремились на барина....

— Ну, развѣ не понимаешь ?.... остаюсь въ халатѣ, дома.... Иди спать, или со двора.... что тебѣ угодно и на что ты рассчитывалъ, еслибъ я поѣхалъ....

Поликарпъ не былъ очень удивленъ этою неожиданною отпѣною. Служа Бурлину лѣтъ двадцать, и все въ Петербургѣ, онъ столько же успѣлъ изучить неровный характеръ барина, сколько и колебанія здѣшняго барометра. Аркадій Александровичъ выросъ, возмужалъ и нажил бакенбарды съ просьбью подѣ влияніемъ этого непостояннаго и своенравнаго климата, которымъ признательно пользуются только мѣстные фельетонисты, когда у нихъ истощается запасъ новостей и свинцовый рудникъ дарованія....

— Позови Африкана....

Вошелъ мальчикъ лѣтъ семнадцати, вопреки своему имени, бѣлый какъ алебастръ, румяный какъ роза и красивый какъ дѣвушка, одѣтый казачкомъ ; съ виду онъ мало походилъ на двороваго мальчишку....

Это былъ круглый сирота, младшій, и, по смерти братьевъ, единственный сынъ кормилицы Бурлина. Въ память, что она нѣкогда питала его своимъ млекою, Африканъ катался у добраго барина какъ сыръ въ маслѣ. Вся его обязанность состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ набивать, раскуривать и подавать Аркадію Александровичу трубку, да хо-

дѣть въ театрѣ за билетомъ, и за самимъ Аркадіемъ Александровичемъ, когда ему приводилось прихворнуть слегка. Преданный барину, какъ отцу, Африканъ отличался безукоризненнымъ благонавіемъ. Единственнымъ порокомъ его было куреніе папировъ, тихомолкомъ отъ Бурина и Поликарпа, который называлъ папировы французскою дрянью и предпочиталъ имъ русскій полугарь....

Зная, зачѣмъ его позвали, Африканъ подалъ барину трубку, и потомъ хотѣлъ поправить дурно, по обыкновенію, горѣвшія стеариновыя свѣчи: но Аркадію Александровичу угодно было изъявить желаніе, чтобъ онѣ совсѣмъ были погашены.

Оставшись одинъ, Аркадій Александровичъ и не думалъ спать. Лежа на диванѣ и кура въ потьмахъ, онъ погрузился въ глубокое размышленіе о случайныхъ словахъ Поликарпа, предался мечтамъ о своей невѣстѣ. Надобно знать, что у Аркадія Александровича никогда не было невѣсты. Но по тому самому мысль о женитьбѣ заняла его до такой степени, что онъ принесъ въ жертву ей весьма пріятную партію въ преферансъ. Это совершенно въ порядкѣ вещей. Когда перебѣсившагося, пожилаго холостяка все мало-по-малу перестаетъ занимать въ жизни, онъ начинаетъ хлопотать о возрожденіи ея въ потомствѣ. Потомство, конечно, не скажетъ спасибо за такую, нѣсколько позднюю о немъ заботу, за этотъ жалкій даръ обносковъ собственнаго, давно истраченнаго существованія. Къ чести Аркадія Александровича надлежитъ прибавить, что онъ самъ чувствовалъ анахронизмъ своего размышленія, и вообще не щадилъ себя, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго, внутренняго его монолога....

. Да, да, поздно вато вздумалъ! И пусть-бы только въ этомъ отношеніи.... нѣтъ, я во всемъ отсталъ отъ всѣхъ своихъ сверстниковъ! Всѣ они сдѣлали карьеру и могутъ похвалиться, что не даромъ и съ толкомъ жили. Я не глупѣе ни одного изъ нихъ, честень, по-крайней-мѣрѣ, не менѣе, добръ и кротокъ какъ голубка, довольно трудился — и ничего не вышло изъ моей дѣятельности.... не вышло, вѣроятно, потому, что у меня нѣтъ этой практической смышлености, нѣтъ этого ловкаго умѣнья съискать и взять.... Вотъ ужъ

мнѣ тридцать-девять стукнуло, а я все еще сижу у моря и жду погоды, до-сихъ-поръ не устроился, не приготовилъ себѣ спокойной старости, которая не за горами.... тутъ сидитъ (при этомъ онъ не совсѣмъ нѣжно погладилъ лѣвый бакенъ).... А кто виноватъ? Много пропустилъ я погодъ и ясныхъ дней, не умѣлъ воспользоваться удобными случаями: оттого и мало надеждъ впереди, утѣшительныхъ воспоминаній въ прошломъ.... Правда, мнѣ рѣдко рутировало.... да это людскія выдумки, будто иному не рутируетъ, то-есть, судьба не благопріятствуетъ. Наши личныя ошибки, неосновательность, необдуманность въ предпріятіяхъ обыкновенно приписываемъ несчастію, необъяснимой неудачѣ — а объяснись добросовѣстно самъ съ собою, такъ и увидишь, что промахнулся, прытко и горячо, или медленно, лѣниво повелъ дѣло.... Ахъ, еслибъ можно было воротить лѣтъ двадцать, сохранивъ теперешнюю опытность и созрѣлость разсудка! Разсоривъ двѣ трети жизни, не время, на сороковомъ году, начинать карьеру.... Чувствую, что я уже утомился, выбиваюсь изъ силъ. Душа и тѣло просятъ покоя.... Лучше покончили товарищи и друзья моей молодости, и живутъ себѣ припѣваячи, пожиная плоды своихъ заслуженныхъ успѣховъ....

« У Ивана Петровича трехъ-этажный домъ, премилыя дѣти и хорошее положеніе въ свѣтѣ....

« Федотъ Алексѣевичъ ѣздитъ на парѣ и играетъ большую въ клубѣ....

« Андрей Александровичъ даетъ, говорятъ, за дочерью двѣсти тысячъ.... Присватался бы, да ей только-что минуло шестнадцать лѣтъ. Слишкомъ молода для меня — въ отцы ей гожусь — да и онъ, какъ старый пріятель, на-прямки, пожалуй, спросить: а что у тебя у самого есть?.... Мнѣ бы, этакъ, вдову, среднихъ лѣтъ, съ капиталомъ....

« Семень Ивановичъ очень удачно пустился въ значительныя подряды.... Онъ, можетъ-быть, принялъ бы меня въ долю, да я почти ничего не скопилъ, всѣ свои доходы обыкновенно проживалъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ....

« Анеиподистъ Григорьевичъ купилъ въ прошломъ году де-

ревню съ двумя заводами и фабрикою.... купилъ за безцѣноку....

• Сергѣй Онуфріевичъ записался въ гильдію и открылъ обширную торговлю папиросами....

• Вотъ благоразумные, дѣльные, обстоятельные люди, не лихъ чета! Что я? Пустѣйшій человекъ! идеалистъ, мечтатель, филантропъ на словахъ, какъ всѣ нынѣшніе, отцвѣтшій франтъ, толстякъ безъ аппетита и съ плохимъ пищевареніемъ.... Я добръ, это неоспоримо, потому что я такъ рожденъ, такова моя натура.... Да кому я сдѣлалъ добро, важное, ощутительное? Ни другимъ, ни себѣ! Сознаться, я даже нѣсколько эгоистъ, люблю только себя, свои выгоды и удобства; за то и меня никто особенно не любитъ, исключая развѣ Африкана, пока не выросъ, не избаловался. Въ самой добротѣ моей сомнѣваются, утверждая, что у меня скверный, колкій языкъ, что мой озлобленный умъ вѣчно ищетъ слабыхъ сторонъ, спиць въ глазу ближняго, и не забываетъ своихъ бревенъ... Это еще лестные отзывы касательно моего ума — по мнѣнію иныхъ, я просто глупецъ, фантазѣръ, дѣлецъ во вздорѣ, вздорный въ дѣлѣ.... И чуть ли они не правы, если сдѣлать повѣрку на результатахъ моей жизни.... Хлопоталъ я много и долго — а что вышло? Нуль, или самая незначительная цифра, неопредѣленная единица!... Вѣдь говорить же пословица: кто въ двадцать не умѣтъ (а я въ двадцать былъ только повѣса), въ тридцать не женать, въ сорокъ не богатъ, тотъ чорту брать.... Отличное родство!... Меня дурно воспитали.... Весь человекъ, вся его жизнь зависать отъ того, какъ ведены были его дѣтство, юность. — А мои прошли безъ руководителей.... Я и сестра, порученные гувернеру и гувернанткѣ, росли почти сами по себѣ.... а гувернеръ переписывался съ гувернанткой изъ одной половины дома въ другую, и кончилось тѣмъ, что обихъ прогнали, когда они, развѣ, не во-время, сошлись на одной половинѣ.... Потомъ позволили мнѣ читать всякіе романы и сочинять стихи, отчего у меня постепенно образовалась въ головѣ дурь и неурядица.... Я не доучился ни ариметикѣ, ни грамматикѣ, и послѣ кое-какъ кончилъ курсъ. Позднѣе, недостатокъ системати-

ческаго ученія: я старался поглубинѣе прилежнѣе чтеніемъ но терпѣніе мнѣ измѣняло — я не могъ долго и постоянно заниматься однимъ предметомъ.... Отъ исторіи и филологіи я вдругъ переходилъ къ естественнымъ наукамъ и къ агрономіи, отъ языковъ къ астрономіи или медицинѣ.... Желая знать все, я ни на чемъ не остановился, кое-что постигъ здравымъ смысломъ, но удовлетворительно и вполне ничего не изучилъ... Въ памяти моей хаотически перемѣшались всевозможные отрывки.... Бросался я на разныя поприща, гнался за нѣсколькими зайцами, и не поймалъ ни одного.... Такъ прошла лучшая поря жизни, и теперѣ остаются незнаградимыя сожалѣнія, бесплодное раскаяніе, а въ будущемъ ожидаетъ меня брюзгливая старость холостяка, если не сжалятся надо мною какая-нибудь великодушная купеческая дочь, отдастъ мнѣ свою руку и отцовскій лабазъ....»

Изъ этихъ откровенныхъ сознаний, отчасти преувеличенныхъ, отчасти истинныхъ, видно, что Аркадій Александровичъ принадлежалъ къ большинству современной генерации, которое, неразсчитливо расточивъ молодость, въ минуты дурнаго расположенія духа, обращается къ строгой ревизіи своего прошедшаго, и думаетъ какъ-бы поправить разстроеными свои дѣлишки насчетъ прекрасной половины рода человеческого.... Въ двадцать-семь лѣтъ Аркадій Александровичъ промоталъ родительское наслѣдіе, изрядно покутивши въ Петербургѣ и съѣздивши два раза за границу; до тридцати лѣтъ онъ влюблялся по два раза въ мѣсяць; въ тридцать пять серьезно принялся за службу, какъ за единственное почти для него средство существованія, а въ тридцать-девять задумалъ стать семьяниномъ, и напрасно перебиралъ списокъ старыхъ своихъ привязанностей.... Однѣ состарѣлись, другія потеряны были изъ виду, скрылись гдѣ-то или выбыли изъ столицы; третьи вышли за-мужъ и встрѣчались съ нимъ очень хладнокровно, даже гордо, въ справедливую отплату за то, что онъ нѣкогда жестоко игралъ ихъ сердцемъ и не рѣшился окончательно приобрѣсть его вѣствъ съ рукою. Новыя красавицы на него уже не заглядывались, потому-что сорокалѣтній мужичина не находка.... Высокій ростомъ, полный, съ рѣдкими волосами на головѣ и съ густыми бакенбардами; въ

которыхъ, къ довершенію зогъ, рано показалась прелесть, онъ мало походилъ на жениха и могъ понравиться невдругъ, не безъ помощи долгаго ухаживанья, блестокъ ума, любезности, искусственныхъ очарованій, которыя никогда не замѣнятъ свѣжести и обольщеній первой молодости. Отъ нея остались у Бурлина только поблекшій румянецъ, да живые, выразительные глаза, и ему оказывали иногда вниманіе дамы среднихъ лѣтъ и весьма совершеннолѣтнія дѣвицы, вниманіе, убійственное для самолюбія, помнившаго побѣды гораздо болѣе драгоценныя.... Въ такомъ отчаянномъ положеніи, онъ принужденъ былъ наконецъ прибѣгнуть.... страшно выговорить... къ свахѣ....

Аркадій Александровичъ позвонилъ.

Опять явился Африканъ, успѣвшій между-тѣмъ выкурить два напираса. Въ одной рукѣ несъ онъ свѣчу, въ другой держалъ маленькій пакетъ, котораго Бурлинъ тотчасъ не замѣтилъ, потому-что лежалъ на диванѣ, въ глубинѣ комнаты....

— Поликарпъ дома?

— Нѣтъ, ушелъ со двора..., вы позволили....

— Приготовь мнѣ чаю.... Да, послушай, Африканъ.... если придетъ та женщина, что третьяго-дня утромъ приходила,пусти ее....

— Вотъ принесли письмо съ городской почты....

— Письмо? повторилъ Бурлинъ, выхватилъ пакетецъ изъ рукъ Африкана и вскочилъ съ своего ложа....

Аркадій Александровичъ ни отъ кого не ожидалъ письма, и особенно такого миниатюрнаго, такого общительнаго. Оно разсѣвало благовоніе по всей комнатѣ, и адресъ очевидно написанъ былъ женскою рукою. Изящная облатка съ нетерпѣливымъ оторвана, и Бурлинъ жадно читаетъ блѣдно-голубой, раздушенный листокъ. Неожиданное посланіе заключало въ себя слѣдующія строки:

— Не правда ли, почеркъ совершенно незнакомый, потому-что я пишу къ тебѣ въ первый и, по всей вѣроятности, въ послѣдній разъ? *Надюсь*, не отгадаешь?... Мы такъ давно разстались, что ты едва ли и вспомнишь меня. Однакожъ, мнѣ пришла фантазія видѣть тебя, сказать тебѣ нѣсколько

словъ.... Сестрамъ угодно, чтобъ я ѣхала съ ними на балъ, въ ***. Это сегодня. Приѣзжай и ты.... Непременно приѣдешь.... Мужчины любопытнѣе и самолюбивѣе женщинъ. Любопытство и самолюбіе, безъ сомнѣнія, заставятъ тебя исполнить желаніе *знакомой незнакомки*.... »

И никакой подписи, ни даже первой буквы имени.

Знакомая незнакомка угадала: Аркадій Александровичъ никакъ не могъ отгадать ее, сколько ни ломалъ голову и память. Въ былые годы, нѣжныя записочки часто валялись на его письменномъ столѣ, всегда, впрочемъ, подписанныя какой-нибудь прелестной Маріей, Софіей, Варварой, Вѣрою, Наталіей, Александриной; но уже лѣтъ десять, какъ подобныя посланія стали приходиться къ нему рѣже и рѣже, а наконецъ и вовсе прекратились.... Но вотъ, послѣ продолжительнаго антракта, когда онъ основательно считалъ піесу молодости оконченною, и не думалъ, чтобъ завѣса когда-либо снова поднялась, опять старинныя искушенія, если не какая-нибудь насмѣшка....

II.

Сладостное чувство радости наполнило его увядающее сердце, разогрѣло хладѣющее воображеніе. Нѣсколько разъ быстро прошелся онъ по комнатѣ, посмотрѣлся въ зеркало и улыбнулся: издали просѣди бакенбардъ нельзя было замѣтить.

«Чтожъ, я еще не старикъ? подумалъ онъ. Какой старикъ! Тридцать-девять лѣтъ, да это настоящая, цвѣтущая пора мужчины. Пожалуй, скажутъ еще: молодой человекъ, и только мальчишкой никто не назоветъ....

«Жениться ранѣе и не должно.... Мужъ, отецъ, долженъ быть человекъ степенный, солидный, совершенно созрѣлый, съ опытомъ, съ уроками жизни. Жениться въ двадцать или въ двадцать-пять — просто глупость, ребячество, ошибка, и ошибка неисправимая!... Невидимо улетаютъ десять, пятнадцать лѣтъ.... смотришь, полная комната чадъ, цѣлое новое поколѣніе, мужеска и женска пола, а жена, недавно еще такая

диданка, такой розанчикъ — чуть не старуха!... Ея нѣкогда стройная, гибкая, какъ пальма, талія страшно раздобрѣла, и вся она стала неповоротлива, неграціозна.... когда самъ только-что входишь въ перу, мужаешь.... И бойся часто бѣдить въ оверу, чтобъ, въ ущербъ домашняго счастья, не плѣниться ~~слишкомъ~~—нибудь первымъ контралятомъ, или второю пѣвицею, которая, уступая примадоннѣ въ славѣ и величіи, всегда, какъ водится, моложе и прекраснѣе.... не засмотрѣться ~~слишкомъ~~ на юную танцовщицу, или на пышную львицу въ бевозарѣ....

Аркадій Александровичъ не скоро бы кончилъ свои парадоксы, еслибъ не взглянулъ на большіе стѣнные часы, ко-торыхъ тяжеловѣсный маятникъ билъ медленный, разбѣренный тактъ его носительному разсужденію. Девять съ половиною, искать некогда....

— Поликарпъ, одѣваться.... живѣе!

Африканъ, стоя у дверей и вида, что надобно ожидать ~~вспышки~~, робко сказалъ: онъ еще не воротился....

— А, еще не воротился, бездѣльникъ! Вотъ я его!... въ каменной, вѣрно, сидитъ?... Чортъ возьми! я не могу его дождаться....

И онъ ударилъ рукою по столу: фарфоровая вазочка, съ ~~дѣлами~~, упала на полъ невинною жертвою этого неумѣреннаго движенія; жалобно зазвенѣли ея разбитыя кусочки. Подлинная ихъ, Африканъ осмѣлился тихо вымолвить:

— Не сердитесь, Аркадій Александровичъ.... я съумѣю услужить вамъ.... не хуже Поликарпа....

— Ну, такъ подавай скорѣе.... черный фракъ, бѣлый жилетъ ~~лике~~.... бѣлый галстухъ.... пѣтъ, не бѣлый!... Въ бѣломъ брюнеты походятъ на муху въ молокъ.... Черный атласный ~~китокъ~~....

Африканъ опрометью бросился въ комнату, гдѣ стоялъ ~~шкафъ~~ съ платьемъ Бурлиша. но черезъ минуту возвратился въ кабинетъ, безъ платья, очень печальный, почти испуганный. Онъ не могъ выговорить ни слова....

— Что тамъ еще? нетерпѣливо спросилъ нашъ женихъ. Ужъ не обокрали ли меня?

— Нѣтъ-съ, не обокрали.... а шкафъ запертъ.... ключъ у Поликарпа....

— Запертъ!?... Негодный!... Зачѣмъ-же онъ уносить ключъ съ собою?... Дѣлать нечего: приходится сломать замкъ....

И Бурлинъ самъ отправился къ шкафу, для совершенія этой неприятной операціи. Благополучно учинивъ, со взломомъ, похищеніе своей собственности, онъ, при помощи Африкана, кое-какъ обошелся безъ Поликарпа, и черезъ полчаса, совсѣмъ готовый, закутывался въ шубу....

Судьба! бормоталъ онъ, сходя съ лѣстницы. — Поѣзжай я на преферансъ, прогулялъ бы это таинственное, интересное свиданіе, и втораго, за невнимательность, пренебреженіе къ первому, оскорбленная гордость не назначила бы....

Но кто бы это могла быть? — продолжалъ онъ, садясь въ первыя попавшіяся санки извозчицы. — Точно ли старая знакомка, засидѣвшаяся дѣвушка, или вдовушка?

Не Марья ли Петровна? Живая, пламенная женщина.... только ей ужъ подѣ тридцать.... Странно, что она не вышла замужъ?... Хороша, умна, образована и съ кое-какими приданымъ.... Мы, бывало, пѣвали виѣсть, играли въ четыре руки, и я чаще прикасался къ ея пальцамъ, нежели къ клавишамъ, за что, обыкновенно, она такъ мило, такъ благосклонно грозила мнѣ пальчикомъ.... Извиняясь, я цѣловалъ ея маленькую, кругленькую руку.... но рукою, злодѣй, не воспользовался, прошелъ мимо, будто бы считая себя недостойнымъ обладать ею....

Чего же теперь она отъ меня хочетъ? Напомнить наши древніе дуэты? Но, увы, мы оба спали съ голоса.... теноръ мой невыносимо сипитъ.... и она, конечно, не намѣрена предложить мнѣ роль развалившагося альбона, въ которомъ берегутся засохшіе цвѣты и пожелтѣвшіе листья....

Я брежу, наговариваю на ункую Марью Петровну. Это совсѣмъ не ея мелкій, бисерный почеркъ!

Онъ скорѣе походитъ на руку Варвары Михайловны....

Опять вздоръ! Станетъ писать ко мнѣ Варвара Михайловна?

У нея есть мужъ; она имъ гордится и не пропускаетъ

случая похвалиться передо мною своимъ счастьемъ. Въ ея словахъ всегда слышенъ смыслъ: видите ли, monsieur Бурлингъ,—нашлись и получше васъ!

Гораздо правдоподобнѣе, что записочка отъ Вѣры Максимовны? Она вѣчно за романами и повѣстями, и ей мечтается, что она ихъ героиня. Жаль, что я не помню ея почерка. Кажется, она когда-то отвѣчала мнѣ на мое страстное письмо, брошенное въ ея рабочій ящикъ....

Впрочемъ, надъ почеркомъ нечего останавливаться. Известно, что его измѣняютъ, когда желаютъ, чтобъ тайна намъ не извѣстна, особенно, если, боясь компрометации, не подписываютъ имени. Отъ такого посланьица, въ случаѣ надобности, можно и отречься....

Всего бы пріятнѣе встрѣтить на балѣ Софью или Александрину, то-есть, чтобъ одной изъ нихъ принадлежало это обязательное приглашеніе? Мнѣ сдается, что я къ обѣимъ не совѣмъ еще равнодушень..

Ахъ, не худо бы, ежелибъ авторомъ его была даже плутовочка Лиза!

О дняхъ моихъ невинныхъ проказъ съ нею я сохраняю нѣсколько милыхъ воспоминаній.... сосѣдняя дача.... рѣчка, хоть бы и Черная.... зелень, деревья, цвѣты, захожденіе солнца, тишина и мракъ вечера.... уединенная прогулка.... Потомъ, въ августѣ, дядя повезъ ее въ деревню, и я съ ними.... навязался.... Августъ и сентябрь не уступали срединѣ лѣта.... густая роща, темный лѣсъ опушены еще были листьями, какъ въ юлѣ... мы бродили вдвоемъ по полямъ и перелѣскамъ, катались въ лодкѣ по озеру, ловили сѣткою рыбу, а минуты и часы быстро уплывали....

Только позднимъ вечеромъ, при свѣчахъ, я долженъ былъ, не морщась, принимать наказаніе за неисчислимыя, упоительныя отрады дня — играть съ дядюшкой въ пикетъ, по меньшей мѣрѣ, до полуночи....

Но и тутъ отыскивались облегчительныя обстоятельства. Лиза садилась подлѣ меня такъ близко, что ноги наши становились подъ столомъ; въ продолженіе вечера, нѣсколько разъ роняла платокъ, который, разумеется, слѣдовало поднимать и вручать ей, и тому подобныя затѣи, не замѣаемыя

старикомъ, потому—что онъ исключительно былъ занятъ дамами, ваятами и тузами....

А изъ-за какихъ пустяковъ мы разошлись съ Лизою!

Разъ утромъ я долго гулялъ въ саду, ожидая ея прихода. Былъ уже одиннадцатый часъ. Соскучась утомительнымъ ожиданіемъ, я подкрался къ окну ея спальни. Оно было плохо заперто; тихонько я отворилъ его, заблаговременно прикрывшись вѣткою раскидистой березы, росшей у самаго окна....

Лиза вставала съ постели, накидывая старую шаль на обнаженные плечи, художественныя какъ у натурщицы. Настя, ея горничная, обувала ее....

Желая внимательнѣе разсмотрѣть эту заманчивую картину, я выпустилъ изъ рукъ вѣтку.... она предательски зашумѣла... Обѣ меня увидѣли. вскрикнули.... я убѣжалъ и не показывался въ домъ до обѣда....

Въ столовой Лизавета Павловна привѣтствовала меня шадутыми губками и такимъ важнымъ, почтительнымъ реверансомъ, что я, при всеѣ моеѣ привычномъ донъ-жуанствѣ, невольно смутился, и, въ свою очередь, отвѣчалъ почтительнымъ, церемоннымъ поклономъ....

За обѣдомъ она со мною ни слова; все угождала дядюшкѣ, говорила о хозяйственныхъ дѣлахъ, разрѣзала ему цыпленка, а мнѣ душу своимъ оскорбительнымъ негодованіемъ....

Послѣ обѣда, съ обѣихъ сторонъ, не было и поминна о заведенной прогулкѣ. Дядюшка ушелъ спать, племянница удалилась въ свою комнату; я велѣлъ осѣдлать лошадь и носкакалъ по полямъ, по доламъ.... нарочно заговаривалъ съ хорошенькими крестьянками, подарилъ имъ желатаго серебра, называлъ ихъ красавицами, красными дѣвицами, зная, что обо всеѣ этомъ доведено будетъ до свѣдѣнія барышни, которую вся усадьба считала моею невѣстою....

Вечеромъ неизбѣжная партія въ пикетъ. Лизавета Павловна не являлась. На другой, на третій, на четвертый день та же исторія, тотъ же гнѣвъ. Ясно, что это была обдуманная продѣлка Лизы. Мнимымъ, притворнымъ неудовольствіемъ она надѣбалась ускорить давно ожидаемое объясненіе, воспользоваться нескромнымъ случаемъ, чтобъ положить конецъ двусмысленному положенію.... потому что до-сихъ-поръ между нами не было

произнесено ни одного серьезнаго слова: мы только шутили, играли взаимно....

Наконецъ и методическій дядюшка замѣтилъ внезапную переѣтну въ нашихъ отношеніяхъ. На пятый вечеръ, зао пикетомъ, онъ, какъ будто мимоходомъ, съ наружною беззаботностью, спросилъ: что у васъ, тамъ, съ Лизою... разидвка?

— Да, маленькая... И подумалъ: ого! начинаются разспросы и допросы... приближается роковая минута... Да или нѣтъ? — Быть или не быть — женатымъ?...

Нѣсколько разъ въ жизни приводилось мнѣ быть почти женихомъ и ни разу мужемъ... Мужайся! говорилъ я обыкновенно самому себѣ, когда наступало рѣшительное мгновеніе... Не дай страсти одолѣть тебя окончательно!... Сохрани еще годъ, другой, свободу холостяка... Перебѣсись, перебѣсись хорошенько, другъ мой, Аркадій Александровичъ!

И послѣ такого неразумнаго самоувѣщанія, я кончалъ дѣло образцовою, безупречною ретирадою, истинно стратегическимъ отступленіемъ...

На этотъ разъ я озадачилъ непріятеля быстротою и неожиданностью своего маневра. Въ то время, когда обольстительный противникъ медленно развивалъ свои силы, готовая, подъ крыломъ Купидона, къ неодолимому нападенію цѣлымъ фронтомъ, я, ночью, тихо снялся съ поля битвы — постыдно бѣжалъ на почтовой тройкѣ, какъ Наполеонъ изъ Россіи....

Бурлингъ увлекся своими воспоминаніями и забылъ, что ѣдетъ на простомъ ванькѣ. Передъ нимъ, не смотря на морозъ, воскресала согрѣвающая кровь молодость.... Но санки остановились у подъѣзда ярко освѣщеннаго дома, и очнувшійся герой нашъ, взбираясь по роскошной лѣстницѣ, снова обратился къ главному вопросу настоящаго: кто бы это могла быть?

III.

Аркадій Александровичъ рѣдко посѣщалъ многолюдныя общества, великолѣпныя собранія. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ не

могъ уже блистать самъ, все для него потускло, все потеряло свой привлекательный колоритъ, свои радужные переливы и скрадывающія тѣни.

— Нынче веселятся какъ-то скучно, монотонно, говорятъ онъ товарищамъ молодости.

— Нѣтъ, Аркадій Александровичъ: веселятся по прежнему... только мы съ тобою постарѣли и оттого намъ такъ кажется... Поймемъ, что для всякаго возраста есть свой характеръ, свои условія, и кто насильно хочетъ молодиться или стариковать, тотъ непремѣнно будетъ за это наказанъ въ самомъ себѣ.... Посмотри, сколько радости и счастья написано на беззаботныхъ лицахъ этихъ юношей, этихъ молодыхъ женщинъ—настоящій цвѣтникъ! А загляни въ дальнія комнаты—тамъ морщины на лбахъ, карты на зеленыхъ столикахъ, сигары во рту... осень людская!..

Оркестръ гремѣлъ.... Эти стройные, восхитительные звуки болзненно поразили слухъ Бурлина, когда-то восторженно имъ внимавшій. Съ трепетною благодарностью сердца, спѣшилъ онъ, бывало, на ихъ гармонической, упоющей призывъ—ноги его не слышали подъ собою земли или паркета, глаза его живо разбѣгались, искали и находили....

Теперь робко, неуверенно вошелъ онъ въ залу, и скромно остановился у дверей... Однѣ пары носились, другія отдыхали; опახала обвѣвали свѣженькія, розовыя личики, на которыхъ легко было прочесть чувство свѣтлаго, невозмутимаго веселія, ожиданій, надеждъ.... За цѣлую недѣлю хлопотали, готовились къ этому баду, съ нетерпѣніемъ считали оставшіеся дни, часы, минуты — и вотъ эти минуты наконецъ настали—какое блаженство! О, остановись время! никогда не кончайся балъ!

Именно эти слова, эти затаенныя восклицанія, вычиталъ Аркадій Александровичъ въ нѣжномъ, счастливомъ взглядѣ одной блондушкой красавицы, которая тихо разговаривала съ затанутымъ и завитымъ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцатитрехъ и очень пріятной наружности....

Бурлинъ преглупо вздохнулъ, и лице его свернулось въ кислѣйшую гримасу — смѣсь досады, зависти, поздняго сочувствія и горькой насмѣшки....

Оркестръ уюолкъ; танцовавшіе разбрелись по другинъ замѣтъ, и, забывая предостерегательныя совѣты медицины, родительской или супружеской заботливости, утоляли внутренній жаръ прохладительными или мороженными. Услужливыя кавалеры щедро подносили эти полуяды, отъ которыхъ почти въ каждый сезонъ угасаютъ двѣ, три прекрасныя, только-что начатыя жизни....

Аркадій Александровичъ медленно обошелъ всѣ залы. Ни одного знакомаго женскаго лица. Многія изъ нихъ улыбаются, смѣются, но эти очаровательныя улыбки, эти обворожительныя смѣхи, обнаруживающіе форму коралловыхъ устъ и жемчужныя зубы -- нисколько до него не относятся; никто на него даже не взглянетъ, какъ на новое лице...

Бурлинъ усталъ ходить и претерпѣвать это обидное невниманіе къ его полнолѣтней особѣ. Въ самомъ сатирическомъ расположеніи духа утѣся онъ на диванѣ въ пунцовою комнатѣ, съ двумя мраморными каминными подъ огромными зеркалами, и началъ разсматривать чудесный лѣпной потолокъ рококо.

Но потолокъ, какъ бы ни былъ онъ хорошъ, нельзя разсматривать долго — согласитесь, что это не небо, на которое никогда не нагляднисься... Опустивъ очи долу, Аркадій Александровичъ впалъ въ разсѣянное созерцаніе одного изъ каминовъ, находя въ немъ аналогію съ своими размышленіями... Хорошенькая жена, миленькія дѣти, кейфъ у каминна, въ послѣдніе годы составляли любимую, единственную мечту этого скучавшаго одиночествомъ челоуѣка. Онъ сталъ уже забывать настоящее для воображаемаго будущаго, какъ его ласкательную фантазію грубо нарушилъ подошедшій къ нему знакомецъ, докторъ съ длиннымъ носомъ, ученый теоретикъ, оставившій практику для баловъ и вечеринокъ, нѣмецъ, любившій говорить остроты на русскомъ языкѣ....

Онъ схватилъ Бурлина подъ руку и скороговоркою сказалъ: я вашъ тотчасъ будетъ показывать одинъ дамъ съ большиимъ аппетитомъ.... Здѣсь много за ней поводачиваются...

Послѣднія слова, нѣсколько заглушенныя снова загремѣвшимъ оркестромъ, пояснили, что хотѣлъ сказать докторъ первую, отчасти темною половиною фразы.

— Вотъ она! прибавилъ извѣдъ вполголоса, потому-что въ двухъ шагахъ отъ нихъ, облокотившись на руку виднаго мужчины, стояла та, о которой шла рѣчь....

Аркадій Александровичъ поправилъ жилетъ, галстухъ, и подошелъ къ ней на правахъ стараго знакомаго, надумавъ:— Такъ эта записочка отъ нея? Нѣтъ никакого сомнѣнія!— Удовольствіе и радость засверкали въ его глазахъ....

— Аркадій Александровичъ! съ теоретическимъ, казалось, удивленіемъ воскликнула Лизавета Павловна. — Васъ ли я вижу? Какими судьбами?... Ужъ не ищете ли здѣсь невесты?... Пора, пора!

Отставной Донъ — Жуанъ былъ пораженъ равнодушіемъ, безопаснымъ тономъ ея щекотливыхъ вопросовъ. — Нѣтъ, не она сочинительница приглашенія? Не такъ говорить, не такъ смотреть женщина, умоляющая о свиданіи.— Полъ шевелился подъ наблуками Бурлина....

— Николай Сергѣевичъ, сказала Лизавета Павловна, обращаясь къ видному мужчине, который былъ не кто иной, какъ ея супругъ.— Рекомендую.... старинный нашъ знакомый, другъ покойнаго дядюшки — они всегда играли въ пикетъ... Лѣтъ десять тому, Аркадій Александровичъ нарочно пріѣзжалъ къ намъ въ деревню, чтобъ составить партію дядюшкѣ....

Аркадій Александровичъ закурилъ губу, и кровь бросилась ему въ голову....

Николай Сергѣевичъ вѣжливо ему поклонился и протянулъ руку. Бурлинъ подалъ свою, чувствуя, что она холодна какъ сталь и тяжела какъ камень....

Лизавета Павловна, ангажированная локтемъ инженеромъ, не могла продолжать разговора, исполненнаго интересныхъ воспоминаній....

Слѣдя глазами за вальсирующею бывшею своею невестою, и сознавая, что она роскошно разцвѣла, онъ проклиналъ вышеописанное свое бѣгство, тѣмъ болѣе, что у Лизаветы Павловны была весьма доходная деревенька; но тогда, въ апогеѣ своихъ подвиговъ, Аркадій Александровичъ питался блистательнѣйшими упованіями, простирая дерзновенные вѣды на первоклассныхъ богачихъ, нѣжилъ надежды обаятельнымъ полумилліономъ. Ему, вѣроятно, неизвѣстна была исто-

рія одного фата, который забраковалъ сотню избранныйшихъ невестъ, и кончилъ тѣмъ, что женился на своей кухаркѣ, кѣсой и рабоватой...

Лизавету Павловну не оставляли въ покоѣ. Она переходила съ рукъ въ руки и зажигала сердца танцоровъ. Бурлину тяжело было смѣтрѣть на это торжество женщины, которая иногда ловила его взгляды и трепетала при мысли о томъ принадлежать ему. Обойдя еще разъ все залы, не встрѣтя болѣе никого, томимый несбывшимся ожиданіемъ, онъ медленно вошелъ въ кабинетъ для чтенія... машинально взглянулъ въ русскія газеты — тамъ два знаменитые автора гнѣвно укоряли другъ друга въ бездарности... началъ перелмстывать въ журналъ какую-то повѣсть, но случайно бросившися ему въ глаза, на первыхъ страницахъ, безчисленныя опечатки, тяжелые обороты, выжатое остроуміе и велемудрыя разсужденія, заставили его непосредственно перейти къ французской Иллюстраціи. Не углубляясь въ текстъ, онъ сталъ разсматривать политичеками, и грустно задумался надъ одною разрисованною страницей...

Раздѣленная на четыре квадратика, она изображала четыре возраста человека...

Въ первомъ квадратикѣ, пухленькій десятилѣтній мальчикъ играетъ, весело гоняетъ обручъ...

Ну, точно ли подумалъ Аркадій Александровичъ.

Во второмъ квадратикѣ, тотъ-же мальчикъ, достигнувъ двадцати лѣтъ, гоняется за хорошенькою дѣвушкой...

И это съ нами бывало, мысленно подтвердилъ Бурлинь.

Въ третьемъ квадратикѣ — квадратная фигура сорокалѣтняго мужчины, толстака, въ чертахъ лица котораго вы признаете, однакожъ, сходство съ мальчикомъ и юношей, гонявшимся за обручемъ и дѣвушкой... Чтожъ онъ дѣлаетъ?

Передъ нимъ яства и питія. Съ наслажденіемъ подноситъ онъ къ губамъ рюмку...

Это не я... нынчею я никогда не буду... Между-тѣмъ, дѣйствительно, пора бы поужинать...

Наконецъ, въ четвертомъ квадратикѣ — шестидесятилѣтній старикъ. Лобъ и лице его изрыты морщинами. Никакой страсти, никакого движенія въ его потухшемъ, но умномъ и

проницательною взоръ, исполненномъ размышленій и омытовъ жизни. Онъ сидитъ надъ книгами и считаетъ деньги....

Кажется, мнѣ нечего будетъ считать въ старости — я жилъ не расчетливо....

И съ этими словами, онъ отодвинулъ въ сторону красно-рѣчивую Иллюстрацію, которая, на одномъ листкѣ, безъ словъ, рассказала однообразную, печальную повѣсть земнаго нашего существованія, соединивъ въ такомъ близкомъ разстояніи безпечное дѣтство и безстрастную старость; всталъ съ нѣкаго, спокойнаго кресла и отправился — въ столовую....

Но въ этотъ вечеръ не суждено было совершиться ни одному изъ его намѣреній, желаній и ожиданій....

Въ смежной съ столовою залѣ онъ сошелся лицомъ къ лицу съ Варварой Михайловной....

Аркадій Александровичъ задрожалъ отъ радости.— Это она ко мнѣ писала?

Варвару Михайловну провожала какая-то важная пожилая дама. Онъ разговаривали. Увидѣвъ Бурлина, старая пріятельница кивнула ему головою и остановилась....

Она одѣта была съ большимъ вкусомъ; полнота тридцатилѣтней женщины, при высокомъ ростѣ, нисколько не портитъ ея стройной талии.... Массивный золотой браслетъ не потемнѣлъ матовой бѣлизны ея руки, въ которой, граціозно прислонивъ ее къ груди, держала она очень красивый вѣеръ. Черные локоны осыпали ея продолговатое лицо, неровно колеблясь около щекъ, нѣсколько блѣдныхъ, едва отбѣнявшихся легкимъ, прозрачнымъ румянцемъ....

Бурлинъ внутренно поздравлялъ себя съ возобновленіемъ счастья, съ побѣдою воспоминаній, возвращавшихъ ему сердце Варвары Михайловны.

— Васъ не удивляетъ, что я на балѣ? начала она. Малое сомнѣніе, остававшееся еще въ умѣ Донъ-Жуана, исчезло при этомъ вопросѣ-намекѣ. Онъ старался очаровательно улыбнуться, какъ улыбался во дни оны.... Но мнительность, недоувѣрчивость его еще не совсѣмъ разсыпались: ему показалось, что тонкая, чуть замѣтная насмѣшка пробѣжала по маленькимъ, алымъ губамъ Варвары Михайловны....

— Не осудите меня, продолжала она: я принесла жертву

(Аркадій Александровичъ утопалъ въ блаженствѣ). Вы знаете, какъ я люблю моего Мишеля, и сколько онъ достоинъ нѣжнѣйшей, безграничной привязанности.... Онъ желалъ, онъ умолялъ, чтобъ я повѣхала, развлекалась.... Двѣ недѣли я не отходила отъ его постели.... вы, вѣрно, слышали, онъ, мой ангелычкъ, хворааетъ.... но, благодареніе Создателю, опасность миновалась.... О, я была бы въ отчаяніи, я не пережила бы!... Послѣ такого счастья.... Подобные мужья нынче рѣдки, и мы, бѣдныя женщины, должны ихъ цѣнить.... Миѣ все-таки не слѣдовало бы оставлять его.... Но я поспѣшу къ нему....

И, снова кивнувъ коварной головкой, она пошла далѣе, шлепая своимъ шелковымъ платьемъ....

— Я дуракъ! съ бѣшенствомъ прошепталъ Бурлипъ.— Какъ ногъ я, хотя на одну минуту, вообразить, что въ этой лицезбѣркѣ есть не высохшая капля чувства и памяти прошедшаго.... Она умѣетъ только хвастать своимъ счастьемъ и колоть нитъ меня....

Путешествіе въ столовую было отиѣнено: насильственный аппетитъ, пробужденный портретомъ сороколѣтняго витязя, совершенно пропалъ послѣ этой обманчивой встрѣчи, повѣявшей роскошною мечтою и заключенной ѣдкимъ разочарованіемъ.... Аркадій Александровичъ начиналъ думать, что таинственная записочка не что иное, какъ мистификація, шалость какаго-нибудь досужаго пріятеля, мастера поддѣлываться подъ женскую руку, и направилъ шаги свои къ выходу, безъ сожалѣнія покидая балъ, на которомъ былъ лишнимъ, сверхштатнымъ гостемъ, ни кѣмъ не замѣченнымъ, ни для кого не интереснымъ.... Но, въ этотъ памятный ему вечеръ, обманамъ, фантазмагоріямъ, не было конца. Когда онъ уныло шелъ по коридору, за нимъ вдругъ послышалась легкая, то-ропливая поступь, и кто-то тихо, нѣжно, съ любовію, назвалъ его по имени....

— А? Напослѣдокъ-то!.... Хорошо, что я еще не ушелъ? Такъ это не мистификація?.... Ко миѣ писали и ждутъ здѣсь....

Онъ обернулся....

Передъ нимъ, сладостно, обольстительно улыбаясь, стояла великолѣпная дама, въ пухъ разряженная. Весь косметическій магазинъ Кнопа израсходованъ былъ на ея ланитахъ

и устахъ, горѣвшихъ какъ жаръ. Обворожительная улыбка ея открывала два ряда прелестнѣйшихъ зубовъ — твореніе природы или дѣятеля, выходящаго сверхъ дѣло безукоризненно. Но ни превосходитѣйшія бѣдила и румяна, ни насурмяченныя брови, ни эти совершеннѣйшія зубы — удивительное произведеніе современнаго искусства, ни изысканный нарядъ не могли скрыть неумолимыхъ сорока лѣтъ и еще болѣе неумолимаго недостатка врожденнаго благообразія, которое придаетъ выдающую красоту, но безъ котораго и семнадцатилѣтняя дѣвушка напрасно задумала бы подняться...

— Олимпиада Платонова!... Честь имѣю кланяться...

— Всегда однѣ фразы, холодныя и церемонныя, — сказала она съ пламеннымъ укоромъ. — Вы, кажется, собираетесь уѣзжать... О, Бога ради, помедлите нѣсколько минутъ!... Я должна переговорить съ вами... сегодня или никогда...

Бурлинь непременно бы расхохотался, еслибъ не пришелъ въ отчаяніе отъ этой послѣдней встрѣчи, которая ясно разъяснила всѣ его недоумѣнія. — И такъ, вотъ кто сочинительница секретнаго приглашенія на балъ!! Это она... Возможно-ли быть несчастіе меня?

Разумѣется, что вопли и восклицанія несчастнаго Донъ-Жуана не вырвались наружу, остались въ его отягощенныхъ мысляхъ. Онъ затруднился въ ствѣтѣ, не желая быть дерзкимъ и грубымъ, и въ то же время желая отвязаться отъ этой красавицы-чудовища...

Но кто же была она?

Этого не зналъ хорошенько и самъ Аркадій Александровичъ. Когда-то, лѣтъ шесть или семь тому, она преслѣдовала его въ маскарадахъ, и хотя маска скрывала ея лице, онъ, по ея слышномъ патетическимъ рѣчанъ, въ пераыя минуты интриги догадался... Еще не видавъ лица Олимпиады Платоновны, создалъ въ воображеніи своемъ портретъ ея, удивительно похожій, похожій до-того, что узналъ ее съ перваго взгляда, столкнувшись съ нею, лѣтомъ, въ Павловскомъ воксалѣ. На ней была красная мантилья, и уже одна эта яркость наряда обратила на нее общее вниманіе публики, итѣрно гулявшей подъ звуки оркестра господина Гунгля. Ни мало сама не краснѣла, не смущаясь этою внимательностью, она, въ свою оче-

руда, зашла Бурлина, и, сделавъ на него стремительное нападеніе, быстро увлекла его въ дальнія аллеи, по другую сторону пруда, отдѣляющаго паркъ отъ воксала. Наступали сумерки, пора поездовъ и любви. Олимпиада Платоновна заговорила о полуракѣ вечера, о природѣ, о красотахъ свѣтлыхъ ночей, о своей къ нимъ симпатіи, такимъ рожаническимъ, такимъ бурнымъ языкомъ, такимъ раздвирательнымъ тономъ, что Аркадій Александровичъ, не шутя, почувствовалъ дурноту и бросился на первую скамейку. Сострадательная спутница не оставила его и, по этому случаю, выразила ему всю нѣжность, участіе и заботливость. Съ великимъ трудомъ избавился онъ отъ ея излишней благосклонности, воспользовавшись первымъ звонкомъ, призывавшимъ обратно въ Петербургъ кратковременныхъ гостей Павловска. Непослѣднее еще два, три встрѣчались они случайно; въ послѣднюю зиму Олимпиада Платоновна не показывалась въ парке, и это обстоятельство подало поводъ къ слухамъ, будто ея похитила холера. Внезапный привидѣніемъ, правымълибѣ страшилищемъ, предстала она горченному Бурлину....

— Вы меня выслушаете, *Аркадій?* сказала она.

— Къ вашимъ услугамъ, милостивая государыня: я слушаю васъ....

— Ахъ, я не могу говорить.... я такъ долго ношу признаніе это въ моемъ бѣдномъ сердцѣ!... только примѣръ Пушкинской Татьяны ободряетъ меня.... О, не будьте, какъ Онѣгинъ, жестоки къ моему неодолимому чувству!....

Эти совершенно непозволительныя пошлости окончательно изъяснили нашего героя. Онъ понялъ необходимость сильной, рѣшительной мѣры и, не запинаясь, отвѣчалъ страстной Мессалинѣ:

— Помните, я совсѣмъ не Онѣгинъ!... а что касается вашего чувства — простите откровенность — вы ужъ такъ много чувствовали, что я не хотѣлъ бы быть однимъ изъ бесчисленныхъ предметовъ вашего лестнаго выбора....

Нѣжная, страстная женщина вдругъ обратилась въ живую фурію, отъ злости побаровѣла сквозь румяна, жесто-

во взглянула на Бурлина и прошипѣвъ : грубіанъ! я отомщу тебѣ! величественно удалилась...

Бурлинъ опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы, словно за нимъ гнались, отыскавъ свою шубу, завернулся въ нее, и, въ дверяхъ, чуть не сбиль съ ногъ трехъ входившихъ дамъ. Еще не пробило двѣнадцати, и новые, запоздалые гости спѣшили на балъ, долженствовавшій продолжиться до четырехъ часовъ утра. Музыка гремѣла, а на улицѣ шелъ снѣгъ, свистѣлъ вѣтеръ, и фонарщики поправляли фонари....

IV.

Толпа извозчиковъ, осаждавшихъ подъѣздъ, предлагала Аркадію Александровичу свои услуги, но онъ не слышалъ ихъ усерднаго призыва; рѣзкій холодъ захватывалъ ему горло, но онъ не чувствовалъ холода, и съ разбѣянною торопливостію шелъ по тротуару въ легкихъ лакированныхъ полусапожкахъ. Мелкія, но досадныя происшествія онисаннаго вечера и простуда не остались безъ послѣдствія. Разстроенный душевно встрѣчами съ Лизаветой Павловной, Варварой Михайловной и Олимпіадой Платоновной, промочивъ ноги, схвативши кашель и зубную боль, отцвѣтшій Донъ-Жуанъ не могъ на-утро встать съ постели. Африканъ хлопоталъ около барина, поилъ его липовымъ цвѣтомъ, обвязывалъ ему шею платкомъ, окутывалъ его одѣяломъ! Поликарпъ посланъ былъ за докторомъ.... Большой опасности не оказалось. Благодаря теплой комнатѣ, діетѣ и микстурамъ, Бурлинъ черезъ недѣлю совершенно оправился тѣлесно.... но не духомъ.... Зеркало снова смутило его духъ: въ теченіе этой недѣли на бакенбардахъ прибыло много сѣдыхъ волосъ....

— Откажемся навсегда отъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ свѣтѣ, оставимъ свѣтъ, полюбимъ уединеніе, сказалъ онъ самому себѣ съ тяжелымъ вздохомъ, и рѣшился начать жизнь анахорета. Давно не отворявшійся, забытый шкафъ съ книгами приведенъ былъ въ порядокъ. Африканъ смелъ ниль съ классиковъ, и Аркадій Александровичъ принялся ихъ перечитывать съ напряженнымъ вниманіемъ, имѣя въ виду оты-

скать въ нихъ мудрые уроки жизни, весьма кстати, когда миновало двѣ ея трети. Напряженное вниманіе, разумѣется, скоро изтѣнило, и классики, съ должнымъ почтеніемъ, убраны были на верхнюю полку; взамѣнъ ихъ взяты со второй Вольтеръ и Руссо, то же, пожалуй, классики: но холодная, извѣстная насмѣшливость одного никакъ не ладилась съ теплотою и восторженіемъ, великодушными порывами другаго. Вольтера и Руссо смѣнили сперва нѣмецкіе мыслители, потомъ Шатобрианъ, Гюго, Сю, Дюма, Жоржъ-Зандъ и Польде-Кокъ, изъ чего выходила изрядная путаница, которой не пособилъ и Гетевъ Фаустъ, зацутававшій дѣло до послѣдней крайности. Обремененный множествомъ идей, приносящихъ честь человѣческому генію, но не принесшихъ человечеству ни счастья, ни разрѣшенія вѣчныхъ загадокъ, Бурлинъ перенесся воображеніемъ въ Индѣйскую Хижину, послѣдовалъ за Павломъ и Виргиніей, Бернардена-де-Сенъ-Пьера, сочувствовалъ страданіямъ Вертера, перелистывалъ семейныя картины Августа Лафонтена, повѣсти Тика, Клаурена, отдыхалъ за свѣтлыми романами Вальтеръ-Скотта, Купера и прелестными, меланхолическими разсказами Шарля Нодіе, простодушно вспоминая поэтическіе случаи своей молодости, рисовавшаго природу, женщинъ и любовь неподражаемою кистью оригинальнаго ума и нѣжнаго сердца.... Такъ прошло болѣе мѣсяца. Аркадій Александровичъ нигдѣ не показывался, почти безвыходно сидѣлъ дома: Африкану рѣдко удавалось тайкомъ выкурить папироску, а Поликарпу отлучиться въ пивную лавочку. Въ одинъ вечеръ, когда Бурлинъ намѣревался уже низойти къ нѣкоторымъ отечественнымъ писателямъ, къ нему вошелъ докторъ, не тотъ, кто прописывалъ ему микстуры, а тотъ, который ничего никому не прописывая, любилъ балы и остроты на русскомъ языкѣ....

Понимю страсти къ разсыянной жизни и къ остротамъ, докторъ былъ человѣкъ очень не глупый, образованный и, шлохой практикантъ науки, хорошо разумѣлъ практику искусства ладить съ людьми и съ самимъ собою. Единственная неровность, какую встрѣчалъ онъ въ окружающемъ его личествѣ, это былъ горбъ его длиннаго носа, придававшій ему

выраженіе насмѣшливости. Вовсе не походя на Валентштейна (не дантиста петербургскаго, а Шиллерова героя), онъ вѣчно улыбался, и всегда веселый, болтливый, умѣлъ развеселять другихъ. Аркадій Александровичъ, въ своемъ одиночествѣ, душевно обрадовался посѣщенію этого господина, и охотно отложилъ книгу въ сторону.

— А, Карлъ Карлычъ? Добро пожаловать!

— Я добра не жалую, я самый злое существо, отвѣчалъ Карлъ Карлычъ въ видѣ остроты или каламбура.

Бурлинь терпѣть не могъ остротъ, каламбуровъ и ничего подобнаго, удаляющаго прямой, логическій ходъ мысли. Зная, что докторъ совершенно измѣнялъ характеръ своего объясненія, когда начиналъ рѣчь на природномъ языкѣ, Аркадій Александровичъ продолжалъ по-нѣмецки разговоръ, приводимый здѣсь въ буквальномъ переводѣ....

— Напротивъ, вы добрѣе всѣхъ моихъ знакомыхъ и пріятелей.... только вамъ заблагоразсудилось навѣститъ меня. И примите за это мою искреннѣйшую благодарность....

— Не за что! Кромѣ удовольствія васъ видѣть — а мы давно уже не видались — у меня къ вамъ маленькая просьба....

Ай, ай! подумалъ Бурлинь. Не хочетъ ли онъ просить займы?... Презатруднительное положеніе.... въ настоящую минуту я совсѣмъ не богатъ.... да и вообще этого рода одолженія ведутъ къ различнымъ неудобствамъ, могутъ посорить....

— Къ вашимъ услугамъ.... все, что могу.... что отъ меня зависитъ....

Карлъ Карлычъ залпалъ громкимъ хохотомъ, и потомъ оба пристально посмотрѣли другъ на друга.

Бурлинь, въ халатѣ, небритый, съ блѣднымъ и задумчивымъ лицомъ, зачитавшійся, погруженный въ неопредѣленные созерцанія, разыгрывалъ роль безнадежнаго психическаго пациента передъ этимъ докторомъ, у котораго почти вовсе не было пациентовъ.

Карлъ Карлычъ, въ новомъ фракѣ, въ модномъ жилетѣ, въ превосходномъ парикѣ, казался не систематическимъ, суровымъ врачомъ, а франтомъ, который пріѣхалъ именно

«Съ тѣмъ, чтобъ занять собою, другую, или собирается на балъ...»

— Куда это вы такъ снарядились, Карлъ Карлычъ? Ужь конечно, не для одного визита ко мнѣ...

— Отъ васъ, въ двѣнадцатомъ часу.... теперь десять.... залто-ка подать чаю.... отъ васъ я ѣду въ маскарадъ на Большомъ театрѣ.... Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ и вы ѣхали со мною?... Въ этомъ—то и состоитъ моя просьба....

— И, Карлъ Карлычъ, что я буду дѣлать въ маскарадѣ?

— Да то же, что и другіе....

— А что они дѣлаютъ?

— Ничего....

— Вотъ действительно немудреное занятіе!

— Однакожъ, весело.... ходишь себѣ подъ музыку, въ вострой, многолюдной толпѣ; болтаешь съ знакомыми, которыхъ всегда встрѣтишь тамъ человекъ двадцать.... а маски бѣгаютъ, визжатъ, истинируютъ.... немножко съ ними по-дурачишься.... проголодаешься — поужинаешь.... устанешь, и сильно заснешь....

— Воля ваша, я не вижу тутъ особенной веселости, и самъ нѣтъ оживленной цѣли.... наприѣбрь, свиданія, заранѣе условленнаго, или надежды на свиданіе съ тою, которую интересуешься....

— Да, конечно.... но зачѣмъ предполагать отсутствіе цѣли, или возможности случайнаго, неожиданнаго примлоченія, новаго знакомства....

— Для усѣха въ цѣляхъ и новыхъ знакомствахъ, докторъ, почтенный докторъ, не лишнее—первая молодость, юношеская красота....

— Это ошибка; могутъ нравиться всѣ возраста, когда умѣешь пользоваться ихъ преимуществами....

— Ахъ, наши съ вами преимущества, Карлъ Карлычъ, кончатся, на точкѣ замерзанія.... Сколько вамъ лѣтъ?

— Сорокъ—пять.... а вамъ?

— Тридцать—девять....

— Ну, теперь ясно, теперь я понимаю, отчего вы ханжливѣе.... Тридцать—девять, то есть, сороковой—это самый несчастный, самый несчастный годъ въ жизни мужчины, то-

же, что для женщинъ двадцать-девятый, съ которыми нѣтъ трудно и горестно разстаться, потому что за нихъ слѣдуетъ роковой *тридцатый* — пора Бальзаковской поэзии и первыхъ морщинокъ.... Выслушайте меня.... я хочу вамъ сдѣлать подарокъ — сказать испытанное и пережитое мною. Изъ словъ моихъ, нѣсколькими годами прежде, узнаете вы нѣкоторыя истины, право, не шуточные....

Докторъ поправилъ галстухъ и важно продолжалъ:

— Въ тридцать-пять лѣтъ мужчина совершенно созреваетъ физически и морально. Увлеченія его становятся ровнѣе, медленнѣе; пылъ прошелъ; надежды, желанія, радости нѣсколько остыли; онъ узналъ людей, свѣтъ и себя; опытъ скрылъ отъ него многія очарованія, но оставилъ еще нѣстечко для завѣтныхъ вѣрованій и стремленій — онъ торопится достигнуть послѣднихъ и, разумеется, не скоро въ томъ успѣваетъ, если прошедшимъ не приготовилъ настоящаго и будущаго.... Проходятъ три, четыре года. Молодость минула, а старость не настала. Этотъ средній, *средний* возрастъ — самый мучительный и досадный. Хочешь остановить быстро улетающіе дни, недѣли, мѣсяцы; не варуть привыкаешь къ горькой мысли, къ отравляющему убѣжденію, что весна давно отцвѣла и лѣто на исходѣ. Желудокъ, дурно переваривающій котлетку, голова, страдающая отъ рюмки хереса или бокала шампанскаго, откуда ни взявшій ревматизмъ и прочія неприятныя новизны печально напоминаютъ, что приближается осень, что организмъ началъ разстраиваться.... начался продолжительный, постепенный процессъ его распаденія, которое, извѣстно всякому, кончается совершеннымъ его разрушеніемъ, смертью. Эти первыя о ней строгія напоминанія, когда протекло уже больше половины жизни, и не прожить столько, сколько прожилося, и прожить далеко не такъ, какъ прожилося — рождаютъ удивляющія размышленія, тоску.... Между-тѣмъ остатки молодости еще бродятъ, страсти не умолкли вовсе, порою пробуждаются даже сильнѣе и упорнѣе, нежели въ дѣйствительной молодости, — рѣже любовь, чаще суетное честолюбіе и жалкая жажда корысти, преобладающія страсти сорокалѣтнихъ людей. Натуры горячія, чувствительныя, не умѣющія или не-

способны овладеть собою, иногда и не переживают этой переходной поры, изнывают и падают въ борьбѣ, не уравновѣшенной благоразуміемъ и скромнымъ сознаниемъ своихъ силъ; а кто переживетъ, кому перевалило за сорокъ, нѣтъ нѣтъ, грѣшному, — тотъ, значить, *выздоровѣлъ*, оправдался, примирился съ жизнью, съ ея вѣковѣчнымъ порядкомъ и съ собственною особою, удостоверился въ неизбѣжности совершившагося, въ томъ, что иначе не бываетъ и не можетъ быть.... И вотъ сорока-пяти-лѣтній человекъ снова окрѣпъ, снова молодъ, въ смыслѣ опредѣлившагося, окончательнаго убѣжденія. Умѣренность, воздержаніе, опытное изученіе полезнаго и вреднаго для него, возвращаютъ ему спокойствіе и здоровье, утраченное несоразимыми и ускоренными движеніями молодости. Его ни что уже слишкомъ не радуетъ, не приводитъ въ восторгъ, — ни что (прекрасный замѣтъ!) слишкомъ и не печалитъ, не убиваетъ. Ему ужъ не заплакать, какъ юношѣ — источникъ слезъ изсякаетъ въ эти годы — и не засмѣяться звонкимъ, безпечнымъ смѣхомъ двадцати-трехлѣтняго повѣсы. Онъ только улыбается, и съ улыбкою, то ироническою, то грустною, смотритъ на жизнь, свѣтъ и людей, познавъ всему здѣшнему настоящую цѣну.... Ни больше, ни меньше — видитъ жизнь какъ жизнь, свѣтъ какъ свѣтъ, людей какъ людей, не лучше, не хуже.... Высказательный къ самому себѣ, снисходительный къ другимъ, расположенный ко всемъ.... Объ этомъ можно было бы распространиться: но вы не мальчикъ, которому должно развивать подробности и примѣненія. Полагаю, что и программа моя для васъ длинна — это замѣчаю я по вашему лицу, неужко, однако, повеселѣвшему.... Короче, поѣдемъ въ маскарадъ!

— Не отрицаю справедливости вашего разсужденія: но что общаго между его *истинами* и поѣздкою въ маскарадъ?... Вы что-то странно улыбаетесь, не иронически и не грустно?

— Надобно сознаться, вы проникательны, да и я не сбываюсь.... нѣтъ поручили непременно привести васъ въ маскарадъ.

— Кто поручилъ? спросилъ Бурлингъ съ нетерпиміемъ.

— Это тайна: я не могу извинить наскрадной интриги, въ которой нѣсколько участвую.... Впрочемъ, какъ хотите—наставать, убѣждать не буду.... потеряете только вы....

Карлъ Карлычъ закурилъ сигару и, съ своимъ беззаботнымъ, равнодушнымъ видомъ, сталъ разсматривать кабинетъ Аркадія Александровича, полный самаго живописнаго лирическаго беспорядка, украшенный картинами и статуэтками, заваленный книгами. Въ одинаковыхъ рамкахъ, рядомъ висѣли портреты Шиллера и Лолы-Монтесъ, Наполеона и Рубина, гоножи Сталь и Кульнева; подлѣ гравюры, изображавшей ватерлооскую битву, повѣшался акварельный рисунокъ, посвященный крестьянской свадьбѣ; недалеко Кабрера и Франклинъ смотрѣли другъ на друга, точно также какъ бюсты Фридриха-Великаго и Тальмы, поставленные на шкафу; одна этажерка вмѣчалась гипсовыми каррикатурами, работы господина Степанова: писатели наши, которые никогда не сходятся ни въ домахъ, ни въ мѣстностяхъ, составляли здѣсь дружескую группу.... Въмѣсто письменнаго стола, по срединѣ комнаты, стоялъ большой круглый столъ, обтянутый зеленымъ сукномъ; но на этомъ столѣ не было ни чернильницы, ни карандаша, ни перьевъ, валявшихся по окнамъ; зато помадная банка прикрывала десточку почтовой бумаги, а настоящій прессыкъ, съ собачкою поверхъ плитки, придавлялъ кипу, Богъ въсть для чего хранимыхъ, всякаго рода афишъ; комфортабельное пресло было заново обито краснымъ сафьяномъ, а изъ тюфяка стараго дивана вылезала сѣрая шерсть; другой, изящный диванчикъ, казалось, только-что принесли отъ Гамбса....

Бурлинъ, молча, ходилъ по комнатѣ. Карлъ Карлычъ не прерывалъ молчанія, наблюдая, какое дѣйствіе произвели его слова. Онъ замѣчалъ въ чертахъ лица Аркадія Александровича волненіе и колебаніе. Допъ-Жуанъ нашъ дѣйствительно размышлялъ о томъ, на что рѣшиться: ѣхать или не ѣхать? Карлъ Карлычъ, олицетворяя собою искушеніе, не переставалъ замысловато улыбаться; но лишь только воля Аркадія Александровича подчинилась этой соблазнительной, говорящей улыбкѣ, въ воображеніи его неотступно возникалъ отталкивающий образъ Олимпіады Платоновны.... — А можетъ-быть и не она? Безъ сомнѣнія, Карлъ Карлычъ съ нею не свяжется.

и если изльз на себя роль посредника, вѣрно, стоило труда; вѣрно-какая-нибудь хорошенъкая... Хорошенъкая?... Какое до меня дѣло хорошенъкимъ!... Пустяки! Лучше остаться здѣсь; въ халатѣ....

Когда подали чай, гость и хозяйнѣ прекратили безмолвіе, но разговоръ не обращался къ предложенію Карла Карлыча, хотя мысль Бурлина тайно вилась около заманчивыхъ словъ доктора. Отринутый за устарѣlostью волокита, давно уже, нѣсколько лѣтъ, не посѣщадъ маскарадовъ. Бывалыя, увлекательныя минуты этой общей бѣготни, этихъ яркихъ ночей, запрыгали въ его памяти, и, въ отдаленіи воспоминанія, такъ прелестно, такъ восхитительно, какъ не доводилось имъ быть и на самомъ дѣлѣ....

— А по какому случаю, вслѣдствіе чего, вы, милостивый государь, собираетесь туда? съ притворною шутильностью спросилъ Аркадій Александровичъ, маскируя, въ свою очередь, внезапный оборотъ вопроса, не имѣвшего ни малѣйшаго отношенія къ Мегмету — Али, о которомъ они начали было рѣчь по поводу тогдашняго газетнаго извѣстія о египетскомъ героѣ, нынѣ переселившемся въ невѣдомую обитель гурій, обѣщанныхъ лжепророкомъ....

— Я, отвѣчалъ Карлъ Карлычъ, бросая окурокъ сигары, — я... очень просто! Вы знаете, у меня, кромѣ васъ, пропасть кредителѣй. Мы сговорились ужинать, въ литерной ложѣ, на счетъ того, кто выиграетъ что-нибудь въ аллегри....

— А, такъ сегодня и аллегри, и у васъ литерная ложа? Вы хорошо распорядились.... А ежели изъ васъ никто ничего не выиграетъ?

— Не ворожите неудачи! При отсутствіи фортуны, всё, разумеется, проигрываемъ: ужинъ будетъ на общій счетъ.... Однакожь, рѣшайтесь, потому-что скоро одиннадцать....

— Нѣтъ, я не поѣду; мнѣ не совсѣмъ здоровится....

— Въ качествѣ врача, обязываюсь вамъ замѣтить, что замеченія способствуютъ здоровью. Не бросайтесь въ крайности.... Въ постоянномъ уединеніи, какъ и въ шумѣ свѣта, не найдете счастья.... Не дурачьтесь!... я хочу сказать, надобно иногда и подурачиться, мѣшать дѣло съ бездѣльемъ....

Эти дополнителныя истины, смѣло выраженыя Карломъ

Карлычъ, были извѣстны Бурлину дѣтъ двадцать тому; слѣдовательно, по обветшалости своей, не могли его убѣдить. Кончилось тѣмъ, что докторъ отправился одинъ....

V.

Послѣдуемъ за докторомъ—весельчакомъ, любителемъ развлеченій. Полночный часъ, нѣкогда съ печальною, мрачною торжественностью ударявшій въ старинныхъ замкахъ, ужасныхъ подземельяхъ и пустынныхъ аббатствахъ, описанныхъ въ старинныхъ романахъ, собралъ въ залѣ Большаго театра многочисленныхъ искателей радости и выигрышныхъ нумеровъ быстрой лотереи, въ минуту разрѣшающей сомнѣнія неизвѣстности и ожиданія надежды. И ежеминутно зала болѣе и болѣе наполнялась. Изъ обѣихъ ея дверей безпрестанно входили новыя лица, открытыя и закрытыя; съ обѣихъ подставныхъ лѣстницъ, ведущихъ въ коридоръ бель-этажа и оттуда въ верхніе залы, безпрестанно спускались щеголи въ бѣлыхъ перчаткахъ и черныя домино. Въ началѣ втораго часа всюду было уже полно и тѣсно; два оркестра музыки, попеременно игравшіе, покрывали неумолкающій говоръ толпы. Три колеса аллегри мужественно выдерживали неугомонную осаду множества желавшихъ попытать счастья: не выпадесть ли завидный жребій обладанія роскошною каретою или коляскою, на лежачихъ рессорахъ; иные, менѣе притязательные, любовно поглядывали на красивыя, обитыя малиновымъ бархатомъ санки и богатыя пролетки; серебро, золото, серьги, браслеты, шали, платки, шелковыя матеріи, разноцвѣтныя мантильи, множество привлекательныхъ бездѣлушекъ, тоалетныхъ, кабинетныхъ, будоарныхъ вещей и вещицъ, симметрически красовавшихся на недоступной и недосыгаемой высотѣ, обаятельно привлекали взоры обоого пола; маленькія, миловидныя воспитанницы театральной школы, торопливо вынимающія билетки, стянутыя проволочнымъ колечкомъ, едва успѣвали удовлетворять безконечнымъ требованіямъ.... Карлъ Карлычъ, сопровождаемый двумя пышными масками, тщетно искалъ удачи у всѣхъ трехъ колесъ и хотѣлъ уже отойти

отъ послѣдняго, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, увидѣлъ... Бурлина, также протагивавшаго руку къ колесу...

— Ага, не выдержали, прѣехали!.. Ну, очень радъ... лучше поздно, нежели вовсе не прѣзжать...

Аркадій Александровичъ смутился и, развертывая поданные ему въ это время билетки, которые оказались пустыми, такъ какъ онъ не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ довольно крупной печатной надписи: Аллегри, вполголоса отвѣчалъ:

— Да... послѣ васъ напала на меня такая тоска, что я опрометью погнался сюда за развлеченіемъ...

— Однакожь, не позабыли выбраться и принарядиться очень заботливо...

Докторъ не договорилъ: пышныя маски увлекли его.

Аркадій Александровичъ, простоявъ еще у колеса двѣ, три минуты, пустился бродить по залу. Онъ, за исключеніемъ перчатокъ, былъ весь въ черномъ. Фракъ, сшитый моднымъ вортнымъ, сидѣлъ на немъ какъ нельзя превосходнѣе; тоненькая золотая цѣпочка, продѣтая въ петлю чернаго бархатнаго жилета, извиваясь змѣйкою, исчезала въ карманъ, хранившемъ часы; изъ-подъ рукавовъ чуть виднѣлось батистовое бѣлье. Томный скукою и апатіей, Донъ-Жуанъ былъ очень интересенъ, съ блѣдностью и задумчивостью, которая чудесно шла къ его умному и выразительному лицу. Шляпа скрывала рѣдкіе, повылбзіше волосы, увеличивавшіе натуральную ширину лба; на бакенбардахъ, рачительно подчесанныхъ, не виднѣлось убійственной просѣди, поглощенной какимъ-то художественнымъ способомъ...

Не смотря на эту выгодную, хотя и нѣсколько поддѣланную наружность, Бурлина не интриговали. Только двѣ маски затронули его мимоходомъ. Одна шепнула ему:—Посчастливилось ли тебѣ аллегри? Жаль, что не разыгрываютъ невесты... можетъ-быть, судьба вняла бы твоимъ мольбамъ, бѣдненькій, сорокалѣтній любезникъ!—Въ этомъ намѣшливомъ, укоризненномъ шепотѣ, Аркадій Александровичъ узналъ голосъ незабвенной Лизаветы Павловны. Поинявшаго красавца бросило въ жаръ, Другая сказала довольно громко:—И ты въ маскарадъ?... Зачѣмъ? Невѣсты сюда не ѣздятъ, а дама, особенно счастливая замужествомъ, въ тебя не

вдѣлѣтъся. И она побѣжала прочь, схвативъ подъ руку молодого гвардейца, принесшаго ей цѣлый десятокъ билетовъ. По этой похвалѣ счастливымъ замужествомъ, Бурлинъ нешибочно распознавалъ, что надъ нимъ надвигается, лицемерно-добродѣтельная Барбара Михайловна. Онъ почувствовалъ омякъ...

— О Боже! воскликнулъ онъ въ глубинѣ уязвленнаго самолюбія. — Недостаетъ встрѣчи съ пламенною Олимпіадою Платовною, чтобы вполнѣ и буквально повторились сцены того бала, въ собраніи.... Повнесло же меня сюда!... Это все Карлъ Карлычъ.... Что за продѣлка?... Ужъ не въ заговоръ ли онъ противъ меня?... Нѣтъ, имъ не удастся! Ускользну поскорѣе...

И Аркадій Александровичъ торопливо пробирался къ дверямъ.... Не тутъ-то было!... У самыхъ дверей остановила его третья маска...

— Ты кажется, уходишь?... Погоди... еще рано... пойдемъ со мною!..

Не дожидаясь отвѣта, она подала ему руку....

Пріятное удивленіе, мгновенная радость смѣнили досаду и огорченіе. Нѣжный, мелодическій и какъ будто знакомый голосъ коснулся слуха Бурлина. Сердце его забилося неровно, кровь взволновалась, въ рукѣ его дрожала крошечная, тепленькая ручка....

Маска была небольшого роста, но чрезвычайно хорошо сложена; мастерски, изобрѣтательно скроенное домино обнаруживало всю гибкость и пластическую красоту ея стройнаго стана; напущонъ, многихъ безобразій, ловко обрисовывалъ ея кругленькую головку; блонды ея строгой маски закрывали весь подбородокъ, такъ что невозможно было подсмотреть ни одной черты лица. Скромная, изящная походка, граціозные приемы и движенія — все показывало, что это не совсѣмъ обыкновенная искательница маскарадныхъ приключеній; въ самомъ дыханіи ея, вырывавшемся изъ поленькой груди, вѣяло что-то роскошное и плѣнительное. Обвороженный своимъ внезапнымъ счастьемъ, которое не всякъ промѣняетъ даже на выигрышъ дорогой кареты, Аркадій Александровичъ долго не могъ произнести ни слова, и наконецъ...

ослабнись, слегка пожать прелестную ручку своей спутницы, съ трудомъ выговаривать:

— Развѣ, ты знаешь меня, прекрасная маска?

— Давно....

Это короткое, двусложное слово выговорено было медленно, протяжно, съ какими-то страданіемъ....

— И ты меня знаешь.... зналъ когда-то, прибавила она тихо, едва слышно.

Бурливъ совсѣмъ растерялся. Звуки гармонического голоса были, точно, ему знакомы; но онъ никакъ не могъ вспомнить, гдѣ и когда ихъ слышалъ.

— Сидеть, сказалъ онъ, указывая на два свободныя кресла. Я усталъ, а ты меня мучишь....

Онъ съли. Маска смотрѣла на него своими голубыми, кроткими глазами. И глаза эти показались ему знакомы; но онъ напрасно старался припомнить.

— Часто ли ты бываешь въ маскарадахъ? спросилъ онъ къ невольномъ смятенію.

— Очень рѣдко....

— Ты замужемъ?

— На это здѣсь не отвѣчаютъ....

— Молода?

— Вотъ вопросъ!.... впрочемъ успокойся, я не старуха.

— Хороша?

— Не дурна.... могу понравиться, если захочу.... Въ меня влюблялись.... и до безумія.... Лѣтъ тринадцать тому, всѣ находили меня очень миленькою дѣвочкой....

— Лѣтъ тринадцать? Стало, я зналъ тебя ребенкомъ?

— Почти.... Ахъ, какъ ты забывчивъ!.... Неужели все еще не узнаешь?.... Я нисколько не перемѣняю голоса.... Или, можетъ-быть, онъ перемѣнился отъ времени?

Бурливъ выходилъ изъ себя, стиснулъ свой лобъ, а все не могъ узнать, припомнить.... Увидѣвъ въ толпѣ Карла Карлыча, онъ попросилъ у своей маски позволенія оставить ее на минуту, и бросился къ доктору....

— Карлъ Карлычъ! Бога ради, скажите: кто эта маска, что меня интригуетъ?

— А я почему знаю, кто васъ интригуетъ?

— Да вѣдь вы говорили, что вамъ поручено было непременно привезти меня въ маскарадъ?

— Я пошутилъ.... Извините.... Протѣзжалъ я мимо вашей квартиры, и мнѣ вздумалось завернуть къ вамъ.... напиться чаю... Вотъ и все!.... А вы и повѣрили?

— И литерная ложа.... тоже выдумка?

— Нѣтъ, это правда.... Да что толку! Ужинъ нашъ разстроился. Двое не пріѣхали, а двое уѣхали.... преслѣдовать какое-то домино.... чтобъ убѣдиться въ своихъ догадкахъ.... Угодно воспользоваться ложей?

Бурлинь съ благодарностью принялъ обязательное предложеніе и вернулся къ своей интересной маскѣ.

— Какъ ты добра.... ты меня дожидаясь....

— Я нарочно для тебя пріѣхала....

— Нарочно? О, это уже слишкомъ!.. Я или очень счастливъ.... или ты смѣешься надо мною?

— Смѣюсь?... я готова плакать.... Ты меня не узналъ; но все равно.... я хотѣла только видѣть тебя, проститься съ тобою, потому-что скоро уѣзжаю навсегда изъ Петербурга.... Прощай!!

И она, вставая, съ замѣтнымъ волненіемъ подала ему руку.

— Нѣтъ, нѣтъ! мы такъ не можемъ разстаться.... ты должна сказать мнѣ, кто ты?.... Знаю ли я тебя, или не знаю... но.... какъ это ни глупо.... ты производишь на меня такое сильное впечатлѣніе, что я, право, лишаюсь разсудка.... теряюсь....

— Боже мой! на насъ смотрять, насъ слушаютъ.... Прощай!!... Можетъ-быть, когда-нибудь вспомнишь, *догадаешься*, кто была эта маска.... Она желаетъ тебѣ счастья.... Прощай!!

Бурлинь удержалъ ее за руку....

— Это жестоко, прекрасная маска!.... Умоляю, скались надо мною, не скрывайся болѣе!.... Или я сойду съ ума.... здѣсь, въ твоихъ глазахъ.... въ глазахъ этой толпы....

Маска трепетала; Бурлинь не выпускалъ ея руки....

— Послушай, — продолжалъ онъ: если дѣйствительно ты нарочно для меня пріѣхала, посвяти мнѣ великодушно еще четверть часа; если, какъ говоришь, давно меня знаешь, то, конечно, не сомнѣваешься въ моемъ благородствѣ.... я не упо-

треблю во зло твоего снисхожденія, твоей доброты.... Послушай... здѣсь неудобно объясненіе; здѣсь мы будемъ сѣвшы... Пріятель уступилъ мнѣ литерную ложу.... Пойдемъ туда....

Послѣ короткой нерѣшимости, она согласилась; они пошли на верхъ, и черезъ пять минутъ сѣдѣли уже наединѣ другъ противъ друга. Сжимая ея руку, Аркадій Александровичъ сказалъ ей: прежде нежели назовешь себя, сними маску?

— Нѣтъ, маску я сниму не теперь!.... И тагъ, ты все еще не узнаешь меня?.... Довольно!.... Я тебя обманывала.... ты меня и не знаешь.... но ты зналъ мою сестру....

Новая мистификація!

Бурлинъ выпустилъ руку загадочной маски и опустилъ свою несчастную голову. Онъ, серьезно; терялъ рассудокъ, разстроенный книгами и продолжительнымъ уединеніемъ.

Маска взглянула на него съ состраданіемъ и сама взяла его руку.

— Дай мнѣ слово, что ты не будешь меня прерывать? — сказала она. Общай выслушать меня терпѣливо, безмолвно, до конца? Я расскажу тебѣ исторію моей бѣдной сестры....

Аркадій Александровичъ поклялся, что исполнить ея волю. Его терзало и странное, необъяснимое любопытство, и какое-то неопредѣленное, глубокое чувство. Онъ смотрѣлъ въ глаза очаровательнаго домино, и ему показалось, что въ нихъ блестяли слезы. Щеки Бурлина разгорѣлись, и собственные глаза его сверкали болѣзненно....

— Говори же, говори, маска! сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ, котораго не могъ одолѣть. Онъ отдалъ бы пять лѣтъ постылой жизни, только бы ужъ знать все, что услышитъ....

Музыка громко раздавалась въ залѣ, и при этихъ веселыхъ, праздничныхъ звукахъ, маска тихо и печально начала свой мнимо-таинственный рассказъ....

VI.

— Тринадцать лѣтъ тому, на Петербургской-Сторонѣ, близъ крестовскаго перевоза, въ собственномъ деревянномъ домикѣ,

жидо. небогатое семейство.... вдова съ четырьмя дѣтьми. Старшей былъ шестнадцатый годъ, второй четырнадцать, двухъ младшимъ — одной десять, другой девять лѣтъ.... Видишь, какъ я обстоятельно рассказываю.... Самая слабая память должна проясниться....

При первыхъ словахъ маски Аркадій Александровичъ вздрогнулъ, хотѣлъ было прервать ее, но данное имъ обѣщаніе удержало его....

— Домикъ, съ небольшимъ, но старымъ, тѣнистымъ садомъ, походилъ на дачу. Красивенькій флигелекъ, изъ трехъ уютныхъ комнатокъ, въ лѣтніе мѣсяцы отдавали въ наемъ. Въ маѣ 183 года занялъ его молодой человекъ, высокій, стройный.... прибавить ли, очень интересный, милый, и, повидимому, такой скромный, застѣнчивый....

Бурлинъ тяжело вздохнулъ....

Перевезли изъ города его мебель, такую модную, такую затѣйливую, а гнѣдая лошадка и дрожки были у него еще лучше. Почти каждое утро онъ уѣзжалъ, говорили, на службу, никогда не обѣдалъ дома и возвращался вечеромъ, часу въ седьмомъ, гулялъ въ саду, который былъ весь ему предоставленъ, или игралъ въ бесѣдкѣ на скрипкѣ, навѣвая романсы нѣжными, задушевымъ голосомъ....

Донъ-Жуанъ закашлялъ....

— Въ садъ выходило нѣсколько оконъ домика. Подлѣ одного изъ нихъ, въ своей комнатѣ, обыкновенно вышивала въ пальцахъ старшая дочь хозяйки. Ее звали....

— Катенькой! вскричалъ Аркадій Александровичъ....

— Такъ-то вы держите слово! Если не будете молчать, я не доскажу и оставлю васъ. Чтѣ за ребячество вдругъ напало? Вѣдь умѣли же не нарушать молчанія тринадцать лѣтъ.... Слушайте спокойно....

— Катенька.... если вамъ угодно такъ называть ее.... Катенька вышивала въ пальцахъ, а жилецъ, по вечерамъ, иногда и утромъ, выходилъ въ садъ, вѣжливо ей кланялся. Она отвѣчала на поклонъ, и тѣмъ ограничивалось ихъ знакомство....

— Въ іюнѣ старушка-хозяйка заболѣла. На третьи сутки, около полуночи, ей сдѣлалось очень дурно. Послали за бли-

найтихъ врачей, и не нашли его. По сужатохъ въ домъ, жилецъ узналъ о случившемся, и самъ поскакалъ за своимъ докторомъ. Эта услуга снискала жильцу благодарность и расположение семейства, въ которомъ онъ скоро сталъ домашнимъ, роднымъ человѣкомъ и — началъ ухаживать за Катенькой. Дѣвочкѣ не трудно было вскружить голову. То была ея первая и единственная склонность....

— Онъ подарилъ ей раззолоченный альбомъ, исписавъ всѣ его страницы стихами собственного сочиненія, которые она находила совершенными, потому-что онъ говорилъ въ нихъ о своей любви и выхвалялъ ея блѣдную красоту.... Этого мало.... Онъ говорилъ ей не въ альбомѣ, а много, много разъ наединѣ, что черезъ годъ женится на ней, и сорвалъ нѣсколько поцѣлуевъ съ ея дѣтеки-довѣрчивыхъ устъ.... Онъ намекалъ и старушкѣ о своемъ намѣреніи. Мать Катеньки радовалась, и не запрещала дочери сближенія съ добрымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ.... Глупенькая Катенька вся предалась чувству, наполнявшему ея невинное сердце, которое не имѣло ни малѣйшаго понятія о великосвѣтской любви... А можетъ-быть, жилецъ и въ-самомъ-дѣлѣ тогда любилъ Катеньку.... Его страстные рѣчи, его умоляющій, глубокій взоръ могъ бы увѣрить и опытную кокетку. По цѣлымъ часамъ ходили они, руку объ руку, въ любимой аллеѣ и, разставаясь позднимъ вечеромъ, долго прощались до утра, шкъ-будто разставались на годъ....

— Въ половинѣ августа эти уединенныя свиданія, эти сердечныя бесѣды прекратились постепенно. Жилецъ сталъ чаще уѣзжать, рѣже навѣщать хозяйское семейство; чѣмъ-то озабоченный, развлеченный, началъ обращаться съ Катенькой холоднее, задумывался, суетился. Горничная Катеньки узнала отъ людей его, что онъ ѣздитъ, куда-то, на богатую дачу, ежедневно тамъ обѣдаетъ, проводитъ весь вечеръ, и-передала это извѣстіе своей барышнѣ. Катенька стосковалась. Четыре дня она его не видала. Онъ не показывался ни у-нихъ, ни въ саду, утромъ выходилъ изъ дому боковою калиткою, за флигелемъ. Влюбленная дѣвушка не знала что и подумать. Разъ, въ полдень, блуждая, печальная, по той любимой аллеѣ, она внезапно вошла въ бесѣдку. На сто-

лъ лежала забытая, запыленная скрипка, а подъ нею какая-то тетрадь, въ легкомъ переплетѣ, съ незавязанными ленточками. Катенька развернула ее. Это были не ноты. Въ портфель хранились разныя письма, записочки, нѣсколько листовъ чистой почтовой бумаги и, между-ними, акварельная головка, чудо какая хорошенькая, гораздо, гораздо лучше Катенькиной!...

(Ахъ, это была головка Александрины! сказалъ про себя Бурлинь.)

— Бѣдная дѣвушка, при всей неопытности, поняла въ чей дѣло. Она не рѣшилась, не позволила себѣ читать писемъ и записочекъ, хотя они, вѣроятно, обнаружили бы ей, *которую* любовью жильца была она. Она только горько заплакала, схватилась рукою за сердце, больно занывшее, и убѣжала въ свою комнату, заперлась. Ее звали обѣдать, она не пошла къ столу, сказала, что нездорова.... Потомъ въ ней пробудилось чувство гордости, она отерла слезы, и ни слова старушкѣ о своемъ открытїи.... Но мать догадалась раньше дочери, что молодой человекъ вѣтриникъ, и что на него не должно полагаться, какъ на многихъ городскихъ. Слуста недѣлю, она сообщила и Катеньки свои мысли, совѣтовала ей забыть вертопраха и впередъ быть осторожнѣе....

— Еще не пожелтѣлъ ни одинъ листъ на деревьяхъ сада, не увядали цвѣты, а онъ измѣнился....

(Аркадій Александровичъ провелъ рукою по своему горьвшему лбу и не смѣлъ взглянуть на маску. Въ послѣднихъ словахъ ея, трепетно произнесенныхъ, слышался скорбный мелодическій стонъ. Онъ слушалъ опустивъ глаза.)

— Однакожъ, въ сентябрѣ, молодой жилецъ вспомнилъ о своихъ хозяйкахъ, навѣстилъ ихъ два раза, и даже привезъ Катенькѣ роскошную бонбоньерку съ конфектами. Онъ считалъ ее за ребенка, котораго можно утѣшить сахаромъ. Катенька приняла: она не хотѣла показать и тѣни неудовольствїя, весело съ нимъ разговаривала, улыбалась. А что было у нея на сердцѣ!... Ей показалось, будто бы онъ больше похорошѣлъ, и она любила его пуще прежняго....

— Вотъ, въ-самомъ-дѣлѣ, листья стали желтѣть и опадать, цвѣты повали; въ саду вылъ осенній вѣтеръ. Дачники соби-

радсь переезжать въ городъ. Собрался и Катенькинъ эсе-
лихъ, пришелъ проститься съ хозяйками, просилъ позволенія
продолжать знакомство, былъ безсовѣстно учтивъ и любез-
енъ, на-пронцанъ поцѣловалъ у Катеньки руку и слегка
помагъ ее.... Сердце Катеньки разрывалось отъ любви и не-
годования. Наконецъ ему ничего не стоило сказать, что онъ
и на слѣдующее лѣто найметъ у нихъ дачу....

— Прошла зима. Они и не слыхали ничего о своемъ жиль-
цѣ, а Катенька вслухъ о немъ не вспоминала, но мать и
сестры замѣчали, что она худѣетъ, томится.... Наступила но-
вая весна, зелень пробивалась въ саду. Пришли нанимать да-
чу, но не отъ прошлагодняго жильца. Катенька и не надѣя-
лась.... но — я не скрою и тайныхъ ея мыслей — она меч-
тала о немъ и думала, что, можетъ-быть, онъ опять пере-
ѣдетъ къ нимъ. Ей былъ только семнадцатый годъ....

— Миновало нѣсколько вѣснъ, миновала и весна Катеньки.
За ней сватались достойные люди, но она, по какому-то
капризу, не вышла замужъ, а потомъ подурнѣла. Съ пер-
вымъ своимъ женихомъ Катенька не встрѣчалась: но молва,
отъ времени до времени, приносила ей вѣсти объ его успѣ-
хахъ въ свѣтѣ, и всѣ, кто его зналъ, отзывались о немъ са-
мымъ выгоднымъ образомъ....

— Вторая сестра, Любинька, была счастливѣе. Первая склон-
ность не обманула ее. Мужъ ея, простой человекъ, добрякъ,
но писалъ ей стиховъ, не дарилъ альбомовъ и бонбоньерокъ,
но никогда и не заставлялъ ее плакать, а почти уже десять
лѣтъ какъ ихъ обвѣнчали. И двѣ младшія сестры выходятъ
замужъ. По смерти старушки, онѣ остались на попеченіи
Катеньки, которая старалась замѣнить имъ мать и воспита-
тельница. Она дѣлилась съ ними своими немногими познані-
ями, хозяйничала, читала, изрѣдка выѣзжала въ свѣтѣ для
сестеръ, и такъ прошла ея молодость.... Но каждую весну,
когда приходили нанимать флигель, сильно, страдальчески би-
лось ея сердце, растравлялись воспоминанія по давно мипув-
шей веснѣ.... а когда, въ срединѣ лѣта, густо разрастались
лѣтви деревъ стараго сада, лучшимъ наслажденіемъ ея было
бродить по завѣтной аллеѣ.... Здѣсь онъ клялся когда-то, что
любитъ ее до безумія.... Она, безъ клятвы, отвѣчала ему,

что никогда не полюбитъ другого, и не содрала... Только, быть-можетъ, на Петербургской-Сторонѣ остались такіе постоянныя, такіе глупыя сердца...

— Нынѣшнюю зиму Катенька съ сестрами гостить у зятя, мужа Любиньки, который получилъ мѣсто въ губерніи, и послѣ свадьбы свояченицъ отправляется туда. Съ ними поѣдетъ и Катенька... Сентиментальная причудница, помня Петербургъ, она намѣрена провести послѣднее время въ своемъ уединенномъ, ветхомъ домицкѣ, проестись навсегда со стѣнами, гдѣ родилась, гдѣ умерли ея родители.... надежды и мечты.... Да притомъ надобно похлопотать.... домъ запродаютъ уже.... Его покупаетъ одинъ докторъ.... Карлъ Карлычъ ***.... Ты, кажется, его знаешь....

— Вотъ вся исторія Катеньки... Правда, тринадцать лѣтъ тянулись для нея нѣсколько продолжительнѣе моего разсказа.... Я забыла только недавнее обстоятельство. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, у нея родилось странное желаніе видѣть ихъ стариннаго жильца, сказать ему, что она долго его помнила. Карлъ Карлычъ, пріятель мужа Любиньки, разъ случайно назвалъ его. Катенька хитро выведала адресъ и, съ мѣсяцъ, рѣшилась написать къ нему, по городской почтѣ....

(Аркадій Александровичъ едва удержался отъ восклицанія.)

— Сестры-невѣсты слишкомъ занялись своимъ туалетомъ, и Катенька поздно пріѣхала съ ними въ собраніе. Нетерпѣливый, онъ не дождался. Они встрѣтились въ дверяхъ. Онъ бѣжалъ какъ угорѣлый.... Неловко было его остановить, да онъ, вѣроятно, и не узналъ бы Катеньку. Въ тринадцать лѣтъ она очень перемѣнилась.... Теперь, пожалуй, я сниму маску....

Капшонъ упалъ на плеча и по нимъ рассыпался каштановые волосы.... Разстроенный Аркадій Александровичъ, ромня сходство сестеръ, съ минутою былъ въ варварскомъ сомнѣніи, кто передъ нимъ: Любинька или сама Катенька?

Но эти блѣдныя щеки, эти голубые глаза, ихъ кроткій и вѣжливый взглядъ, эта дрожащая рука, которую она ему подаетъ, тяжело убѣдили его, что онъ видитъ передъ собою забытую жертву юношеской шалости, беспечнаго обмана....

Во рассказъ Катеньки только одно было несправедливо: она не подурнѣла, она не такъ выразилась о неизбежной вѣрности.... Это, конечно, была не шестнадцатилѣтняя дѣвушка; не красавица въ первомъ разцвѣтѣ—годы взяли свое—но прелестная, необыкновенно привлекательная женщина, подобно ясному, теплаго дня въ началѣ осени. Тихая грусть, редкая мечтательностью, не иссушила, не обезобразила ее: она прекрасно сохранилась, какъ далеко не сохранился вѣстойный предметъ ея долговѣтнаго сокрушенія. Аркадій Александровичъ, въ сравненіи съ нею, былъ просто дрянь...

— Ахъ, Катенька, Катенька!.. Ну, виноватъ... простите!

Онъ ничего больше не могъ выговорить. Его мучило не раскаяніе, а состраданіе и—новое чувство: Катеньки для него не существовало, но онъ почти уже влюбился въ домино, съившее маску. Въ умѣ его мелькнула мысль—загладить давнишній простушокъ....

— И, полноте! я не считаться съ вами пріѣхала... я исполнила капризъ сердца, и спокойно оставлю Петербургъ. Возвращаю вамъ клятву вашу и себѣ свободу, забвеніе... После этого свиданія мнѣ будетъ легче... мои смѣшныя воспоминанія пройдутъ....

Эти слова кольнули самолюбіе Бурдина.

— Вы правы, Катерина Петровна, сказалъ онъ: я не стою и не стою такой постоянной привязанности. Тогда, по крайней-мѣрѣ, она врушена была красивымъ молодымъ человекомъ.... Идеаль уничтожился.... двадцати—шестилѣтній юноша смотритъ старикомъ....

— Вы перемѣнились... однакожъ я васъ узнала...

Досада, тщеславіе, невольная дань прошедшему, укоръ совѣсти, увлеченіе настоящимъ, врожденная пылкость, романтическая встрѣча, наскучившая жизнь холостяка—все это видѣтъ настроено жалкаго Донъ-Жуана, и у него быстро вырвались слова, изумившія Катерину Петровну:

— Тринадцать лѣтъ счастья для меня погибло.... Я поступилъ нехорошо.... сознаюсь.... но я былъ бы счастливъ снова, еслибъ получилъ полное прощенье....

Она поняла его и не дала договорить, поспѣшно надѣла маску и бросилась къ двери... Бурлинъ не пустилъ ее... Избѣгая сцены... можетъ-быть, и сама увлеченная, она еще разъ повѣрила Аркадію Александровичу, согласилась, черезъ два дня, принять его въ домикъ на Петербургской-Сторонѣ. Онъ просилъ этого свиданія такъ неотступно, такъ, казалось, искренне, что трудно было отказать... Взволнованный, влюбленный въ маску, уѣхалъ онъ изъ театра.... Черезъ два дня, смущенный его предложеніемъ, Катенька общала ему рѣшительный отвѣтъ.... — Судьба, судьба! думалъ онъ.

VII.

На другой день Бурлинъ проснулся поздно, какъ обыкновенно просыпаются тѣ, которые провели ночь на балѣ или въ маскарадѣ. Ему снились Катенька и домино, въ видѣ двухъ разныхъ лицъ. Настоящее всегда беретъ верхъ надъ прошедшимъ; двадцати-девятилѣтняя Катерина Петровна больше занимала его воображеніе, нежели та робкая, простодушная дѣвушка, которую нѣкогда пламенно любилъ онъ въ продолженіе полутора мѣсяца, и бросилъ для какой-то блистательной Александрины, въ свою очередь брошенной для новой переходчивой склонности. На протяженіи двадцати лѣтъ, этихъ склонностей было разсыпано столько, что память не успѣвала подбирать ихъ и сохраняла лишь главнѣйшія, ознаменованныя чрезвычайными обстоятельствами. Незамѣтная дѣвушка Петербургской-Стороны, какъ мелкая жемчужина, выпала изъ длинной нити его воспоминаній, а Подликарпъ, не замѣняя ему Лепорелло, не велъ хропологическаго и числительнаго списка похощеній своего господина. Второе путешествіе за границу, предпринятое вскорѣ послѣ знакомства съ Катенькой, разнообразными эпизодами совершенно заслонило тихій, ми-

молетный эпизодъ у крестовскаго перевоза; да притомъ ему казалось, что тогда сама Катенька разсталась съ нимъ безъ большого сожалѣнія, довольно равнодушно; онъ былъ увѣренъ, что она давно вышла замужъ и взаимно забыла свою дѣтскую любовь. Не то узнавъ онъ изъ вчерашняго разказа въ литерной ложѣ. Эта коротенькая повѣсть, выслушанная лишь съ безмолвною тоскою сердца, это роскошное, изящное домино, въ которомъ можно было признать какой-нибудь драгоценный перлъ аристократическаго дома Большой-Морской или Англійской-Набережной, произвели на него глубокое впечатлѣніе, расположили его къ сладостнѣйшимъ ощущеніямъ. Не мало утѣшена была и раздраженная гордость Аркадія Александровича. Въ то самое время, когда Лизавета Павловна, Варвара Милайлловна и инья оказывали ему такое обидное пренебреженіе, вчерашнее неожиданное возобновленіе старой, сданной въ архивъ интрижки, пріятно удостовѣряло его, что одно вѣрное, благородное сердце безнадежно билось для него тринадцать долгихъ лѣтъ. Бурливая фантазія его опять усѣлась у камина; онъ мечталъ, какъ вскорѣ счастливо заживетъ съ очаровательною Катериною Петровною, заплативъ вмѣстѣ съ тѣмъ и долгъ рѣдкому, невѣроятному постоянству этой возвышенной женщины. Африкантъ и Поликарпъ давно не видали барина въ такомъ веселомъ расположеніи. Онъ былъ всѣмъ доволенъ, и слабымъ кофе, и жидкими сливками, и безвкуреннымъ бѣлымъ хлѣбомъ, принесеннымъ изъ булочной, не разсердился даже, что комнаты не были еще истоплены и вѣтеръ ходилъ въ залѣ: ему было тепло и отрадно въ халатѣ на мѣху и съ согрѣвающимися мечтами въ радостной душѣ... Но судьба, которую онъ считалъ виновницей и покровительницей вчерашняго приключенія, готовила ему, и не далѣе какъ сегодня, въ то же утро, новое испытаніе, новое искушеніе..... Въ половинѣ втораго, у дверей его раздался сильный звонокъ....

— Вѣрно, Карлъ Карлычъ, съ торопливымъ объясненіемъ своей продѣлки?

Но это былъ не Карлъ Карлычъ — слѣпое орудіе описаннаго свиданія (Катерина Петровна интриговала посред-

ствожь одной пріятельницы, искусно уприсившей доктора заманить Бурлина въ маскарадъ): это была.... сваха....

— Опоздала матушка! сказалъ про себя Аркадій Александровичъ, облекся въ длиннополый домашній сюртукъ и вышелъ въ гостиную, куда Африканъ провелъ любопытную гостью....

Аграфена Ивановна не принадлежала къ числу тѣхъ простодушинокъ, устроительницъ супружескаго счастья, которыя въ нашихъ романахъ и водевиляхъ, обыкновенно выводятся на сцену, подъ именемъ Савишнъ или Кузьминшнъ, въ тѣлогрѣйкахъ и съ головою, повязанною платкомъ. Аграфена Ивановна занимала почетное мѣсто въ особомъ разрядѣ свахъ высшаго полета. На ней была богатая шляпка и дорогая шаль; ея шелковое коричневое платье и всѣ принадлежности ея наряда, не безъ вкуса и не безъ претензій, доказывали, что, посвятивъ себя неутомимымъ хлопотамъ къ коммерческому составленію брачныхъ союзовъ, сама она отнюдь не чуждалась желанія нравиться. Среднихъ лѣтъ, достаточно, но не слишкомъ дородная, чернобровая, съ пылающими какъ жаръ ланитами, съ кокетливой улыбкой малиновыхъ губъ, хитрая, шутливая, она, при помощи такой нарядности, весьма успѣшно вела свое дѣлопроизводство, приносившее ей изрядные проценты. Теперь Аграфена Ивановна явилась къ Бурлину, съ доброю вѣсточкой. Послѣ шестинедѣльныхъ стараній, она наконецъ отыскала ему невѣсту....

Бурлипъ, какъ и ожидать должно, принялъ это извѣстіе холодно, однакожъ учтиво поблагодарилъ сваху за труды, спросилъ объ имени, званіи и положеніи невѣсты....

— Круглая сирота, — отвѣчала Аграфена Ивановна: ни отца, ни матери, ни дяди, ни тетки, двадцатый годъ отъ роду и двадцать тысячъ годоваго дохода....

— Двадцать тысячъ.... это не дурно, это даже очень хорошо, подумалъ Бурлинъ и мысленно же прибавилъ: у Катерины Петровны, по всей вѣроятности, нѣтъ двадцати тысячъ.... за то Катерина Петровна, лично, неоцѣненное созданіе....

— Молода для меня: я почти вдвое старѣе.... А хорошенькая?

— Вотъ, посмотрите !....

Аграфена Ивановна достала изъ ридикюля и подала Аркадію Александровичу миниатюрный, на слоновой кости, портретъ его суженой.

Донъ-Жуанъ ахнулъ отъ удивленія и невольнаго восторга: писанная красота перваго разбора, обворожительная брѣвня!... Страстные глаза, словно живые, заглянули прямо въ сердце сорокалѣтняго вѣтряника....

— Да пойдетъ ли она за меня? спросилъ онъ, все еще отговариваясь и лада съ своею совѣстью....

— Это ужъ мое дѣло.... обрѣйте только бакенбарды — будете казаться десятью годами моложе.... а мужчина вы не противный и ловкій....

Бурлинь задумался.... онъ боролся между блѣдною Катериною Петровною и яркимъ, обольстительнымъ портретомъ....

— Послѣ-завтра вы представитесь Глафирѣ Николаевнѣ.... я предупредила.... разрисовала васъ.... Она васъ съ нетерпѣннѣмъ ожидаетъ....

— Послѣ-завтра? воскликнулъ Бурлинь. Въ среду?

Это былъ день назначеннаго свиданія въ домикъ на Петербургской-Сторонѣ.

— Не лучше ли въ четвертокъ, въ пятницу?.... Я, право, не могу опомниться.... сообразить....

— Невозможно! Непременно надобно въ среду.... я имѣю на это свои причины, — значительно отвѣчала Аграфена Ивановна.

— Въ которомъ часу?

— Утромъ, въ двѣнадцать....

Аркадій Александровичъ вздохнулъ свободнѣе. Къ Катеринѣ Петровнѣ онъ общалъ пріѣхать въ третьемъ: слѣдственно, по его расчету, можно было поспѣть къ обѣимъ невѣстамъ, старой и новой....

— Почему не посмотрѣть? рѣшилъ онъ въ умѣ. Представиться, не значить еще посвататься.... — Да и дѣйствительно ли портретъ рабски изображаетъ подлинникъ? Художники, какъ стихотворцы, страшно иногда льстятъ !.... Во всякомъ случаѣ, портретъ двушки, которая ищетъ жениха черезъ сваху — вещь подозрительная....

Аграфена Ивановна и Бурлинъ разстались дружески. Онъ проводилъ ее до передней, гдѣ Африканъ воздѣлъ на нее бурый лисій салопъ, съ широкимъ собольимъ воротникомъ, покрытый чернымъ бархатомъ. Аграфена Ивановна потрепала мальчика по щекѣ и подарила ему золотой. Вотъ какая важная это была сваха! Она понимала, что въ обширныхъ спекуляціяхъ необходимы крупные расходы, сторицею вознаграждаемые....

Внезапныя происшествія и перемены въ положеніи Аркадія Александровича отдалили, на неопредѣленное время, замышленное вчера чтеніе русскихъ авторовъ, хотя до роковаго полудня середи оставались еще половина понедѣльника и цѣлый вторникъ. Собственный его романъ, принявшій вдругъ драматическій оборотъ, крутое направленіе, очевидно запутывался, угрожалъ катастрофой. Безпокойство и тревога овладѣли душою Донъ-Жуана. Уединеніе было теперь немѣстно. Желая сократить время, онъ отправился на Невскій проспектъ, гдѣ передъ обѣдомъ приобрѣтають прогулку и аппетитъ, ищутъ развлеченія отъ мученій извѣстности и неизвѣстности, показываютъ себя и смотрять другихъ. Потомъ, обѣдая въ ресторанахъ, онъ столкнулся съ двумя знакомыми и, непосредственно изъ ресторана, перешагнувъ съ ними въ Михайловскій театръ, хлопалъ, вибѣсть съ прочими, г-жѣ Плесси, и — такъ убитъ былъ остатокъ понедѣльника. Во вторникъ поднялась неистовая сѣверная непогода, вьюга, метель, бушевалъ степной вѣтеръ, идущихъ и бѣдующихъ поражалъ хладъ и мразъ велий. — Таковъ былъ канунъ достопамятнаго дня, долженствовавшаго покончить судьбу Бурлина....

Въ среду наступило затишье. Въ десять часовъ утра, Аркадій Александровичъ, не безъ сожалѣнія, обрилъ свои густыя бакенбарды, въ одиннадцать одѣлся молодцомъ.... въ двѣнадцать....

Что тутъ длинно разсказывать?

Художники не всегда льстятъ; имъ нерѣдко трудно бываетъ перехитрить природу. Копія оказалась слаба передъ оригиналомъ, вѣрнымъ, но тусклымъ дагерротипомъ — не болѣе!....

Съѣзость первой молодости, восхитительная улыбка, бойкій умъ, образованіе, звонкій голосокъ — этого и не можетъ передать кисть — но все это было найдено въ прекрасномъ подлинникѣ миниатюры, оправленной въ перспективную рамку двадцати тысячъ годового дохода....

Ударилъ трн, когда Бурлинъ разстался съ веселой, румяной сироткой, Глафирой Николаевной. На Петербургскую ѣхать было уже поздно....

Къ чести Аркадія Александровича, нельзя умолчать, что онъ чувствовалъ угрызение совѣсти; но онъ скоро успокоился, вспомянувъ конецъ объясненія съ Катериной Петровной, которая безъ особеннаго восторга приняла его рыцарскіе намеренія....

Черезъ недѣлю, Аграфена Ивановна окончательно уладила дѣло. Она выговорила себѣ семь тысячъ и взяла вексель съ Бурлина. Формальнаго обрученія не послѣдовало, такъ какъ свадьба не отлагалась въ долгій ящикъ. Женихъ занялъ у ростовщика на подарки и осыпалъ ими юную невесту. Помолвленные видѣлись почти ежедневно и, не довольствуясь тѣмъ, переписывались. Африканъ служилъ почталономъ. Онъ относилъ краснорѣчивыя посланія Донъ-Жуана и приносилъ милые отвѣты Донны Глафиры — въ отсутствіе же барина немилосердо жегъ папиросы, купленные на пятую часть разбѣяннаго золотаго....

Балъ въ дворанскомъ собраніи представлялъ Аркадію Александровичу удобство вненародно блеснуть своимъ счастьемъ. Незадѣльные брилліанты горѣли на головѣ, шеѣ и рукахъ Глафиры Николаевны, при ослѣпительномъ освѣщеніи главной залы, а неподдѣльная красота богатой сиротки обратила на нее общее вниманіе. Какой-то двадцати-четырёхлѣтній завитой львенокъ особенно ею заинтересовался, безпрестанно ее ангажировалъ, и они летали очень интересной парочкой. Бурлинъ любовался своею собственностью въ чужихъ рукахъ. Карлъ Карлычъ отъ души поздравлялъ его съ удачнымъ выборомъ: но что всего болѣе удовлетворяло его самолюбіе — это скрытная досада недавно еще торжествовавшихъ Лизаветы Павловны и Варвары Михайловны. — Ахъ,

какъ я рада, что вы наконецъ устраиваетесь.... признаюсь, я отчаявалась за васъ.... сказала одна. — Составьте счастье этой *миленькой*.... возьмите прищёръ съ моего мужа — говорила другая.... Олимпіада Платоновна, безыбно насурнившая брови, не сказала ни слова, не поклонилась даже Бурдину: но онъ замѣтилъ въ глазахъ ея выраженіе непримиримой злобы....

Плѣненный балнымъ успѣхомъ невѣсты и собираясь самъ быть у нея вечеромъ слѣдующаго дня, Аркадій Александровичъ, утромъ, предварительно, отправилъ къ ней новое посланіе, наполненное льстивѣйшими, но искренними привѣтствіями....

Нетерпѣливо ожидаемый съ отвѣтомъ Африканъ возвратился.... возвратился, сгибаясь подъ бременемъ тяжелой ноши: всѣ подарки щедраго жениха были присланы обратно, при коротенькой запискѣ, въ которой невѣста, ясно и твердо, объявляла, что она передумала....

Три дня Донъ-Жуанъ не ѣлъ и не пилъ, губы у него перепеклись и потрескались, на лбу непрерывно выступалъ холодный потъ, глаза потемнѣли и ввалились.... Въ концѣ злополучной недѣли онъ поѣхалъ къ Аграфенѣ Ивановѣ требовать объясненія сыгранной съ нимъ шутки. Аграфена Ивановна спокойно отдала ему вексель и законически отвѣчала, что случилось несчастіе: кто-то, безыменнымъ письмомъ, очернилъ, оклеветалъ нашего благороднаго героя, изобразивъ его безпутнѣйшимъ водокитой, безчувственнымъ, холоднымъ развратникомъ. Письмо это Глафира Николаевна нашла у себя по возвращеніи съ бала. — Къ тому же, прибавила сваха: на балъ приглянулся ей молодой человекъ, который все съ нею танцовалъ.... Въ-самомъ-дѣлѣ, она молода для васъ, Аркадій Александровичъ.... Но, не печальтесь.... я сыщу вамъ другую невѣсту.... Вѣдь вамъ все равно — лишь бы была, съ изряднымъ приданымъ, пригожая женщина, та или эта?... А теперь мнѣ надобно услужить Глафирѣ Николаевнѣ.... Танцовщикъ не изъ важныхъ и будетъ радъ такой оказіи....

Мартовское солнце согнало снѣгъ съ петербургскихъ улицъ, открыло выбитую мостовую.... На Петербургской-Сторонѣ, въ нѣкихъ мѣстахъ, почти не было проѣзда по озерамъ лужъ и бездннмъ глубочайшей грязи.... съ крышъ лились въ жолоба вутые потоки, а подѣ крышами неугомонно чирикали перитые плебен воробьи, радуясь, въ простотѣ своей, первымъ мѣсяцимъ днямъ.... По глухому переулку, близъ крестовскаго перевоза, шагомъ тащились дрожки. На нихъ сидѣлъ человекъ лѣтъ сорока, блѣдный, съ полусѣдыми бакенбардами, въ бекешѣ съ изношеннымъ бобровымъ воротникомъ, въ тошлой фуражкѣ, надвинутой на глаза.... — Стой здѣсь! сказалъ онъ извозчику, когда дрожки, послѣ значительныхъ усилій, достигли ветхаго деревяннаго домика, нѣсколько саженъ котораго уныло глядѣли въ небольшой заглохшій садъ. Соидя съ дрожекъ, пожилой господинъ вошелъ въ отворенную калитку, и встрѣтивъ на дворѣ старика въ оборванномъ бѣловомъ сюртукѣ, спросилъ его: дома Катерина Петровна?

— Катерина Петровна?!... Онѣ съ мѣсяць уже выѣхали изъ Петербурга, и домъ проданъ....

— Можно войти въ комнаты?

— Пожалуйте, если угодно.... только никого нѣтъ.... пусто....

Пожилой господинъ обошелъ все комнаты домика, потомъ вошелъ въ полуразвалившійся флигель и въ садъ, гдѣ зрѣкій вѣтерокъ медленно качалъ вершины старыхъ обнаженныхъ деревьевъ; въ углу одной аллеи торчала сѣрая бесѣдка, распахнувшіяся, изломанныя двери шатались на заржавѣвшихъ, испорченныхъ петляхъ....

Старикъ съ удивленіемъ и любопытствомъ глядѣлъ на нежданнаго посетителя, долго осматривавшаго домъ, флигель и садъ.... Уходя, странный гость сунулъ ему въ руку нѣсколько мелкаго серебра, но у калитки опять остановился.... Къ воротамъ подъѣзжали другія дрожки....

— Аркадій Александровичъ?... Какими судьбами?... Не да-ту ли ищите?

— Дачу ищу, Карлъ Карлычъ.... Гибельная грязь.... а лѣ-

тожь здѣсь хорошо, сухо.... я жилъ въ этомъ домѣ.... дѣтъ четырнадцать тому.... Узнать нельзя.... все перемѣнилось....

— Давненько, грязненько, — отвѣчалъ докторъ, придумявая, по обыкновенію своему, нѣмецко-русскую остроту. — Теперь я хозяинъ *таковой* замка.... буду его возобновлять *на своемъ вкусъ*....

— Кстати, Карлъ Карлычъ.... не извѣстно ли вамъ, въ какой губерніи зять Катерины Петровны получилъ мѣсто?

— Очень извѣстно. Я *оставаюсь* немножко въ долгахъ съ Катериной Петровной, и *сообщаетъ ей для васъ* адресъ....

Знакомые потолковали еще минутъ пять и распрощались: Бурлинъ тѣмъ же трактомъ поѣхалъ назадъ въ городъ; докторъ, сопровождаемый старикомъ-дворникомъ, важно направилъ стопы въ свой замокъ....

Героическій поступокъ съ Катериной Петровной не давалъ покоя громко возставшей совѣсти бѣднаго Аркадія Александровича. Отказавшись навсегда отъ иныхъ невѣсть, онъ прибѣгнулъ измученной душою къ послѣдней надеждѣ на безграничную доброту этой женщины, увѣренный, что ее тронетъ полное и горестное раскаяніе любимаго человека.... Не зная навѣрное, что она уже далеко, напрасно предпринималъ онъ позднюю и трудную поѣздку къ крестовскому перевозу.... Грустный видъ мѣста первоначальной ихъ любви живо воскресилъ въ его памяти тогдашнія впечатлѣнія, снова пробудилъ горькій плачъ по безразсудно-утраченной молодости. Шестнадцатилѣтняя Катенька и роскошное домино, соединеніе прошедшаго съ настоящимъ, образовали для него осеннюю мечту его разочарованной, поблекшей жизни. Поня, какъ нѣкогда увлекли Катеньку его плохіе стихи, онъ вздумалъ испытать надъ Катериной Петровной силу своей нынѣшней, зрѣлой прозы. Двѣ недѣли сочинялъ отверженный Донъ-Жуанъ затруднительное посланіе, и наконецъ, по сообщенному Карломъ Карлычемъ адресу, отправилъ его на почту. Эта отчаянная элегія дѣйствительно могла разжалобить. Описывая свое страданіе и томительное одиночество, Бурлинъ не притворялся, не выдумывалъ. Какъ всѣ огорченные, потерявшіе вѣру въ счастье, онъ искренно желалъ при-

днуть къ нѣжному, любящему сердцу, готовому все забыть и простить, плакать и страдать вмѣстѣ съ нами. Вторичное обращеніе къ Катеринѣ Петровнѣ становилось уже не жертвою, а мольбою....

Но прошли апрѣль, май, іюнь, а отвѣта не приходило. Аркадій Александровичъ пересталъ и ожидать, безропотно, вкорился заслуженной участи. Онъ совсѣмъ одичалъ, одѣвался небрежно, ходилъ гулять въ гавань, на взморьѣ, по нѣкимъ часамъ угрюмо смотрѣлъ то на волны, то на небо. Вотъ однажды вечеромъ возвратился онъ съ такой прогулки, и Африканъ подалъ ему письмо....

Радость блеснула въ его потухшихъ глазахъ. — Это отъ нее!.. Если она отвѣчаетъ, она сжалилась надо мною.... О Боже!..

Съ нетерпѣніемъ, дрожащею рукою, сломалъ онъ печать. Письмо точно было отъ Катерины Петровны. Она писала:

25 іюля 184*.

Только вчера переслали къ намъ изъ города въ деревню ваше письмо отъ 9 апрѣля. Содержаніе его удивило меня. Какой вы странный человекъ! Послѣ свиданія нашего въ наскарадѣ, я ждала васъ въ назначенный день и часъ, и ждала, сознаюсь, съ неровнымъ біеніемъ сердца.... Я все еще любила васъ.... по воспоминанію старыхъ, или, лучше сказать, молодыхъ лѣтъ.... Вы не пріѣхали.... Я подумала.... что-нибудь очень важное удержало васъ; ожидала на другой, на третій день.... Потомъ мы услышали отъ Карла Карлыча, что вы женитесь, и что ваша невѣста прехорошенькая.... Одну минуту мнѣ было тяжело, но я скоро успокоилась.... потому, что, какъ вы сами сказали, первый идеалъ исчезъ.... Увидѣвъ васъ по прошествіи тринадцати лѣтъ, я убѣдилась, что обманывалась упрямымъ чувствомъ. Если я не вышла замужъ, это, вѣроятно, оттого, что мнѣ никто не нравился.... Душевно сожалею, что ваша женитьба разстроилась.... но все къ лучшему. У васъ доброе сердце, но склонности и ощущенія переходчивыя: вы не могли бы долго любить вашу жену, и были бы оба несчастливы. Въ сорокъ лѣтъ трудно переѣшиться, исправиться. Я не думаю о замужствѣ. Благодарю

васъ за предложеніе. Принятіе его, мнѣ кажется, было бы взаимнымъ великодушіемъ.... Я привыкла къ мысли всегдашняго дѣвчества, и не скажу, что я несчастлива.... Здѣсь очень хорошо.... здоровый климатъ, прекрасная природа, живописныя мѣстоположенія надъ извилястою рѣкою, высокіе берега, горы, дремучій лѣсъ, и маленькая, но избранная бібліотека.... Однакожъ, я иногда вспоминаю о нашемъ старомъ домикѣ, садѣ, на Петербургской-Сторонѣ. Карлъ Карлычъ все переломаеъ, и ничего не^д останется отъ прежняго.

д.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ,

=

САМУИЛЬ ТИТМАРШЪ

И ЕГО ВОЛЬНОЙ ГОГГАРТИЕВСКОЙ АЛМАЗЪ.

=

ПОВѢСТЬ ТЭКЕРЯ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

I.

Еслибъ я владѣлъ перомъ Джорджа Робинса, я достойно описалъ бы вамъ Воронье-гнзздо, — такъ называлось мѣстопребываніе мистра Броу въ Фульгемъ; — за неизвѣніемъ его, достаточно будетъ сказать вамъ, что это прелестная дача, съ прекрасными лугами и просѣками, соседними къ рѣкѣ, богатыми фруктовыми садами и оранжереями, съ конюшнями и всякими пристройками, огородами; словомъ, настоящая подгородная усадьба перваго разряда, *rus in urbe*, какъ говорилъ главный аукціонистъ, продавая ее, нѣсколько лѣтъ спустя, съ молотка.

Я пріѣхалъ въ субботу за полчаса до обѣда; щеголь лакей безъ ливреа проводилъ меня въ назначенную мнѣ комнату; другой лакей,

въ ливреѣ шоколаднаго цвѣта съ золотыми галунами и гербомъ фамилии Броу на пуговицахъ подаль мнѣ на серебряномъ подносѣ серебряный же бритвенный приборъ. Въ шесть часовъ былъ большой обѣдъ, на который я имѣлъ честь явиться въ фонтъ-итальянскомъ фракѣ и въ новыхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ бантами.

Когда я вошелъ, Броу взялъ меня за руку и представилъ своей женѣ, толстой, блѣлокурой женщинѣ, въ светло-голубомъ атласномъ платьѣ; потомъ дочери, длинной, сухой дѣвицѣ, съ виду лѣтъ осемнадцати, съ черными глазами, бровями въ полпальца толщины и съ презлою физиономіею.

— Белинда, душа моя, сказалъ мистръ Броу, этотъ молодой человекъ одинъ изъ моихъ конторщиковъ и былъ на нашемъ балу.

— А! сказала мисъ Белинда, вздернувъ носъ и закинувъ голову назадъ.

— Но не простой конторщикъ, мисъ Белинда; поэтому прошу тебя бросить съ нимъ свою аристократическую слезъ. Онъ племянникъ графини Дромъ, и я убѣжденъ, что онъ скоро займетъ высокое мѣсто въ нашемъ учрежденіи и въ лондонскомъ купечествѣ.

При имени графини Дромъ, — я разъ двадцать уже разуврялъ мистра Броу въ нашемъ родствѣ, но все напрасно, — при имени графини Дромъ мисъ Белинда сдѣлала мнѣ почтительный реверансъ, устремила на меня пристальный взоръ и сказала, что она постарается сдѣлать Воронье-гнѣздо пріятнымъ мѣстопребываніемъ всѣмъ друзьямъ ея папаша. — У насъ сегодня почти не будетъ *du monde*, продолжала мисъ Броу; мы сегодня *en petit comité*; но я надѣюсь, что прежде, чѣмъ вы оставите насъ, вы увидите здѣсь *une société*, о которомъ *содержите на souvenir agréable*.

Изъ этого испещренія фразъ французскими словами я тотчасъ удостоивался, что мисъ Броу была дѣвушка съ самымъ моднымъ воспитаніемъ.

— Неправда ли, прекрасная дѣвушка? шепнулъ мнѣ мистръ Броу, который очевидно гордился мисъ Белиндою, какъ только можетъ отецъ гордиться дочерью. — Что-жъ ты молчишь, бука? вѣдь прекрасная дѣвушка? Конечно ты у себя въ Сомерсетшайръ никогда не видывалъ подобнаго воспитанія?

— Не видалъ, сэръ, честное слово! отвѣчалъ я лукаво; потому-

Что и все это время думалъ про себя, что нѣкоторая милая особа въ тысячу разъ лучше; проще и благороднѣе.

— Чѣмъ же занималась весь нынѣшній день моя милая дочка? спросилъ папаша.

— О, папаша, j'ai rincé немножко на арфѣ, а капитанъ Фицджигъ игралъ на олейтѣ. Не правда ли, капитанъ?

Капитанъ Фрэнсисъ Фицджигъ отвѣчалъ: — Точно такъ, Броу; ваша прекрасная дочь изволила rincé на арфѣ, touché на форте-пiano, gratter на гитарѣ и écogché два, три романса; и потомъ мы сдѣлали une promenade à l'eau.

— Какъ, капитанъ, вскричала мистрисъ Броу, ходили по водѣ?

— Полноте, мамаша, вѣдь вы не говорите по-французски, сказали мисъ Белинда съ улыбкою.

— Это большой недостатокъ, сударыня, сказалъ Фицджигъ съ важностью; я совѣтую вамъ и вашему супругу, такъ-какъ вы выезжаете въ grand-monde, взять нѣсколько уроковъ французскаго языка; или по-крайней-мѣрѣ затвердить дюжину другую французскихъ фразъ, и мѣстами пересыпать ими свою рѣчь. Я полагаю, сэръ, что вы всегда говорите по-французски въ своей конторѣ, или какъ бышь называется мѣсто вашего служенія?

И мистръ Фицджигъ всадилъ въ глазъ стеклышко и сталъ разсматривать меня съ ногъ до головы.

— Нѣтъ, сэръ, мы говоримъ по-англійски, отвѣчалъ я, потому-что знаемъ свой родной языкъ лучше французскаго.

— Не всякому были даны ваши средства, мисъ Броу, продолжалъ капитанъ. Не всякому удалось вожжировать comme nous autres! Mais que voulez-vous, сэръ? вамъ надо корпеть надъ входящими и исходящими книгами, балансами и расчетами; мисъ Белинда, какъ называется вся эта дрянь по-французски?

— Какъ можно это спрашивать! Je n'en sais rien, разумется.

— Надо выучиться, мисъ Броу, сказалъ папаша. Дочь англійскаго купца не должна стыдиться того, что даетъ хлѣбъ ея етцу. Я не стыжусь своего званія, я горжусь имъ. Кто знаетъ Джона Броу, знаетъ и то, что за десять лѣтъ онъ былъ бѣднымъ конторщикомъ, какъ пріятель мой Титмаршъ, а теперь у него полмилліона денегъ. Есть ли въ палатѣ чловѣкъ, котораго слухали бы съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ Джона Броу? Есть ли вельможа въ государствѣ, ко-

торый могъ бы задать лучший объѣдъ, чѣмъ Джонъ Броу? или дать лучшее приданое дочери? Да, сэръ, ничтожный человекъ, который говорить съ вами, когда захочетъ, можетъ купить иное владѣтельное герцогство! Но во мнѣ нѣтъ гордости, — нѣтъ, нисколько. Вотъ дочь моя, — посмотрите, — когда я умру, она будетъ наследницею моего богатства, а я развѣ горжусь? Нѣтъ, нисколько; я всегда говорю: кто ей полюбится, тотъ и будетъ ея мужемъ. Будь это вы, мистръ Фицджигъ, сынъ великобританскаго лорда; или вы, Вильямъ Тиддъ. Какое мнѣ дѣло?

— О! вздохнулъ молодой человекъ, называвшійся Вильямомъ Тиддомъ, молодой человекъ чрезвычайно блѣдный, съ черною лентою на шеѣ вмѣсто галстука и съ откинутыми воротничками, какъ на портретахъ Байрона. Онъ стоялъ облокотившись на камень, и большіе зеленые глаза его ни на минуту не сходили съ мисъ Броу.

— О, Джонъ, милый Джонъ, вскричала мистрисъ Броу, схвативъ руку мужа и цѣлуя ее: ты не человекъ, а ангелъ!

— Изабелла, не лести! я человекъ, — простой, честный лондонскій гражданинъ, безъ всякой гордости. Однимъ только горжусь я, — тобою и моею дочерью! — Такъ-то мы живемъ въ своемъ семействѣ, любезный Титмаринъ; житье наше смиренно и скромно, но счастливо, какъ слѣдуетъ въ благочестивомъ семействѣ. Изабелла, оставь мою руку.

Изабелла безропотно опустила руку мужа, и только тяжелый вздохъ поднялъ ея полную грудь. Я любилъ эту простую, добрую женщину, и возымѣлъ еще большее почтеніе къ мистру Броу. Не можетъ быть дурнымъ человекомъ тотъ, кого такъ любить жена.

Вскорѣ за тѣмъ доложили, что объѣдъ на столѣ, и я имѣлъ честь вести мисъ Броу, которая, какъ мнѣ показалось, грозно оглянулась назадъ на капитана Фицджига, осмѣлившагося предложить руку ея матери. Капитанъ сидѣлъ за столомъ по правую руку мистрисъ Броу, а мисъ Белинда поспѣшила усясться подлѣ него, представивъ мнѣ съ Тиддомъ садиться по другую сторону стола.

За объѣдомъ были, какъ водится, въ числѣ другихъ блюдъ, какая-то огромная морская рыба, черепаший супъ и вареный каплунокъ. Отчего это никакой большой объѣдъ не можетъ обойтись безъ вѣчнаго варенаго каплуна? Супъ былъ не то, что у Роундгенда, а настоящій черепаший, который я отвѣдывалъ въ первый разъ въ жиз-

ни. Я замѣтилъ, что мистрисъ Броу, которая очень усердно угощала меня, положила самые жирные куски изъ супу на тарелку мужа, и что она зарыла нѣсколько кусочковъ грудники каплуна подъ прочіе куски, чтобы они дошли до него.

— Я человекъ простой, говорилъ мистръ Броу, и предпочитаю простой обѣдъ. Терпѣть не могу всякъ вашихъ затѣйливыхъ кувшиновъ, хотя держу Француза повара для тѣхъ, кто не разделяетъ моего мнѣнія. Я не эгоистъ и не имѣю предрасудковъ; для мисъ Беллиды подаются у меня бешамель и другія вычуры, до которыхъ она охотница. Капитанъ, отдайте этого *воллмонга*.

За обѣдомъ выпито несмѣтное количество шампанскаго и старой мадеры; для охотниковъ стояли на столѣ огромныя серебряныя кружки портеру. Мистръ Броу ставилъ себя въ честь ничего не употреблять кромѣ пива; а когда дамы встали изъ-за стола, онъ сказалъ: — Господа, Тиггинсъ будетъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы вино не переводилось со стола; здѣсь не считаютъ стакановъ. — И за тѣмъ онъ растянулся въ своихъ креслахъ и заснулъ.

— Это его вседневный обычай, шепнулъ мнѣ мистръ Тиддъ.

— Подай мнѣ бутылочку съ желтою печатью, Тиггинсъ, сказалъ капитанъ; вчерашнее светло-красное вино немножко вяжеть и ужасно не нравится мнѣ.

Надо признаться, что вино за желтою печатью было совсѣмъ не то, что розоліо, которымъ подчивала меня тетюшка Гоггарти.

Я скоро узналъ, что такое былъ мистръ Тиддъ, и чего онъ добивался.

— Чудо дѣвушка, не правда-ли? сказалъ онъ мнѣ.

— Кто? спросилъ я.

— Какъ кто? разумеется, мисъ Беллида, вскричалъ Тиддъ. Какой смертный видалъ такіе чудные глазки, такой станъ сальфиды?

— Не мѣшало бы ей быть немножко поплотнѣе, мистръ Тиддъ, сказалъ капитанъ, и имѣть брови потоньше. Эти огромныя брови придаютъ дѣвушкѣ злоую, сварливую физиономію. *Qu'en dites-vous*, мистръ Титмаршъ, какъ сказала бы мисъ Броу?

— Я скажу, что это превосходное вино, сэръ, отвѣчалъ я.

— О, вы, я вижу, малый очень умный! сказалъ капитанъ. *Volto scio*, не такъ-ли? и соннаго хозяина уважаете?

— Я печатаю мистра Броу, сэръ, какъ перваго лондонскаго:кумца и моего начальника.

— И я тоже, водкавалъ Тиддъ; и черезъ двѣ недѣли, когда достигну совершеннолѣтїя, докажу ему свое доверенность на дѣлѣ.

— Чья? спросилъ я.

— Наде знать сказать, сэръ, что черезъ двѣ недѣли, четырнадцатаго июля, я получу — гмъ! — очень хорошее состоянїе, которое покойный отецъ мой сдѣлалъ въ торговлѣ.

— Снажи безъ обмановъ, Тиддъ, портняжъ мастеровогомъ.

— Онъ былъ портняжъ, сэръ, что жъ изъ этого? Я воспитывался въ университетѣ и имѣлъ душу возвышенную.

— Позно, не горчись, Тиддъ, сказалъ капитанъ, вышывая дощатый стаканъ.

— И такъ, мистръ Титварнъ, я получу значительное состоянїе по наступленїи мнѣ совершеннолѣтїя. Мистръ Броу объяснилъ мнѣ, что я могу получать съ своихъ двадцати тысячъ фунтовъ по тысячѣ двести фунтовъ въ годъ, и я обещалъ употребить ихъ на приобретение акцій.

— Вестдидльскаго общества, сэръ? спросилъ я.

— Нѣтъ, другой компанїи, которой директоръ онъ же, и которая также надежна и также выгодна. Мистръ Броу старинный другъ нашего семейства, сэръ, и очень любитъ меня; онъ говоритъ, что съ моими способностями мнѣ непременно должно поступить въ парламентъ; а тамъ, — устроивъ свою судьбу съ этой стороны, можно будетъ подумать и о женитьбѣ.

— Охъ ты, честолюбецъ! вскричалъ капитанъ. Когда, бывало, я отдавалъ тебѣ бока въ школь, и въ голову не приходило мнѣ, что я колотилъ будущую знаменитость.

— Продолжайте, продолжайте, господа, сказалъ мистръ Броу протыпаясь. — Я только однимъ глазомъ сплю, и все слышу. Да, Тиддъ, вы будете въ палатѣ, или не будь я Джонъ Броу! Получишь съ своихъ денегъ шесть процентовъ въ годъ, или назови меня обманщикомъ. — Что жъ до моей дочери, обратись къ ней самой, а не ко мнѣ. Одного требую я отъ своего будущаго зятя, чтобы онъ былъ честный, благородный человекъ, какъ вы все, господа.

Тиддъ при этихъ словахъ сдѣлалъ таинственную ужимку, и когда

капитанъ, когда опять опустился въ кресла и уснулъ, онъ взглянулъ на капитана, и, приложивъ палецъ къ бровямъ, покачалъ головою.

— Бр! сказалъ капитанъ, я говорю правду въ глаза; и если вамъ угодно, вы можете пересказать мое сужденіе мисъ Броу.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ, и насъ позвали пить кофе. Почти капитанъ пилъ дуэты съ мисъ Броу; Тиддъ смотрѣлъ на нее и жалчалъ; я смотрѣлъ картинки въ альманахахъ, а мистрисъ Броу сидѣла поодаль и ввязала чулки для бѣдныхъ. Капитанъ явно смѣялся надъ мисъ Болиндю, надъ ея жеманными движеніями и рѣчами; но несмотря на его грубые насмѣшки, она, казалось, питала къ нему самое безграничное уваженіе, и безропотно сносила его презрѣніе.

Въ полночь капитанъ Фиджигъ отправился въ свои казармы, а Тиддъ и я въ отведенныя намъ комнаты. На слѣдующее утро, воскресный день, въ восемь часовъ разбудилъ насъ большой колоколь, а въ девять мы все собрались въ столовой, гдѣ мистръ Броу прочелъ вслухъ утреннія молитвы, потомъ главу изъ священнаго писанія, и наконецъ импровизировалъ духовное увѣщаніе. При этомъ присутствовали все члены семейства и все домохадцы, кромѣ Фраулуза повара, котораго я видѣлъ съ своего мѣста, какъ онъ прогуливался по фруктовому саду въ бѣломъ колпакѣ и съ сигарою въ зубахъ.

Этотъ обрядъ мистръ Броу совершалъ каждое утро, и въ будни, ровно въ восемь часовъ. Тиддъ въ этотъ день съ нами не объѣдалъ; онъ викакъ не рѣшался отказаться отъ своей черной ленты и отъ откидныхъ воротниковъ à-la-Vuigon, и потому мистръ Броу отправилъ его въ театръ.

— Послушай, любезный другъ Титмаршъ, сказалъ онъ мнѣ: пожалуйста на сегодня сними свою бриліантовую булавку; люди, которые соберутся у меня сегодня, не любятъ такихъ побрякушекъ, и хотя я, съ своей стороны, не вижу ничего предосудительнаго въ этомъ невинномъ щегольствѣ, однако же я не желаю оскорблять тѣхъ, которые строже смотрятъ на вещи. Ты самъ увидишь, что и жена моя и мисъ Броу также покоряются моему желанію въ этомъ отношеніи.

И действительно, онъ объѣдалъ къ столу въ черномъ платьѣ

и съ платочками на шеѣ; между-тѣмъ, какъ обыкновенно платъ мнѣ Броу только-что не сваливалось съ плечъ.

Каштангъ очень часто прѣзжалъ къ мистру Броу, и мнѣ Белинда была каждый разъ въ восторгъ. Однажды я встрѣтилъ его, гуляя по берегу рѣчки, и мы довольно долго разговаривали.

— Мистръ Титмаршъ, сказалъ онъ, сколько я васъ видѣлъ до этого времени, вы кажетесь честнымъ и прямымъ молодымъ человекомъ; по этому я рѣшился обратиться къ вамъ за некоторыми объясненіями, которыя вы можете дать мнѣ. Во-первыхъ, скажите мнѣ, сдѣлайте милость, — вы можете положиться на мою честь, что это останется между нами, — что такое ваше страховое общество? Вы водитесь съ купцами и близко видите всѣ торговыя дѣла; скажите же, надежны ли дѣла вашей компаніи?

— Сэръ, сказалъ я, я вамъ говорю откровенно и по чести: я считаю ихъ надежными. Правда, компанія существуетъ еще всего четыре года; но когда она учредилась, мистръ Броу былъ уже человекъ съ большимъ весомъ въ торговомъ мірѣ, и имѣлъ огромныя связи. Каждый конторщикъ въ нашей конторѣ заплатилъ, такъ-сказать, за свое мѣсто тѣмъ, что или самъ взялъ акціи, или имѣеть акціонеровъ между своими родными. Мнѣ открылся путь тѣмъ, что матушка употребила небольшую сумму денегъ, оставшуюся намъ послѣ отца, на покупку рентъ для себя самой, и преміи для меня. Она призвала для совѣта всѣхъ родныхъ и нашихъ стряпчихъ, Годжа и Смитерса, людей очень хорошо извѣстныхъ въ нашей сторонѣ, и всѣ единогласно объявили, что она не могла сдѣлать ничего благоразумнаго, какъ отдать эти деньги въ вестдидльсекское общество. Броу одинъ имѣеть полмилліона фунтовъ стерлинговъ, а кредитъ его стоитъ милліоновъ. Скажу вамъ еще болѣе: на дняхъ я писалъ къ одной изъ своихъ тѣтушекъ, у которой есть не дурной капитадецъ наличными деньгами, и которая просила у меня совѣта; я писалъ къ ней и совѣтовалъ положить эти деньги въ наше общество. Какого еще лучшаго доказательства хотите вы отъ меня въ томъ, что я вполне убѣжденъ въ надежности нашего учрежденія?

— Не уговаривалъ ли васъ къ тому Броу?

— Не то что уговаривалъ, а только откровенно высказалъ мнѣ свою мысль; онъ и всѣмъ намъ откровенно говоритъ свои предположенія. «Господа, говоритъ онъ, цѣль моя заключается въ томъ, чтобы по

каръ возможности расширить кругъ дѣйствія нашего учрежденія. Я хочу поддѣлать въ прочія учрежденія въ Лондонѣ. Наши условія несправедливо умереннѣе условій прочихъ заведеній; но мы можемъ ихъ поддерживать, а это откроетъ намъ необъятное поприще. Но для этого мы должны трудиться неусынно. Каждый акціонеръ и каждый человекъ, состоящій на службѣ нашего общества, долженъ стараться доставать намъ новыхъ вкладчиковъ, не заботясь о ничтожности вносимой суммы; дѣло въ томъ чтобы было какъ-можно-болѣе вкладчиковъ. — Сообразно съ этимъ правиломъ, директоръ нашъ угвариваетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и даже слугъ брать акціи, или сдѣлаться вкладчиками нашего учрежденія; даже дворникъ его нашъ акціонеръ; такимъ-образомъ онъ старается захватить всѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Меня, напримѣръ, онъ поставилъ почти надъ всеми моими товарищами, давъ мнѣ мѣсто, котораго я никакъ не могъ надѣяться; я гошчу у него, и вы сами видите, какъ меня ласкаютъ; зачѣмъ? За тѣмъ, что у тетушки моей есть три тысячи фунтовъ, а мистру Броу хочется, чтобы она вложила эти деньги въ наше предпріятіе.

— Это что-то подозрительно, мистръ Титмаршъ.

— Отчего же, сэръ? онъ этого вовсе не скрываетъ. Когда вопросъ будетъ рывенъ, такъ ли, иначе ли, я увѣренъ, что мистръ Броу не будетъ болѣе обращать на меня ни малѣйшаго вниманія. Но теперь я ему нуженъ. Мѣсто очистилось какъ разъ къ тому времени, какъ я ему попался; вотъ онъ и далъ его мнѣ, а чрезъ меня онъ надѣется заманить моихъ родныхъ. Онъ самъ говорилъ мнѣ это, какъ мы были сюда.

— Титмаршъ, говорилъ онъ, вы человекъ положительный и разсудительный, и должны понимать, что я не далъ бы вамъ этого мѣста за то только, что вы честны, и что у васъ хорошій почеркъ. Еслибъ къ этому времени въ распоряженіи моемъ была другая, меньшая награда, я далъ бы ее; но выбору не было, вы мнѣ нужны, и я далъ, что случилось подъ рукою.

— Вотъ что называется дѣйствовать прямо и откровенно; но скажите мнѣ, что за нужда мистру Броу такъ биться изъ пустыхъ трехъ тысяченокъ?

— Еслибъ дѣло шло о десяти тысячахъ, сэръ, мистръ Броу былся бы не болѣе и не менѣе. Видно, что вы не знаете лондонскаго купечества, не знаете, какъ бьются наши биржевые герои изъ того, чтобы

расширить кругъ своего дѣйствія. Дайте мистру Броу, послѣдняго бѣтрака, онъ точно также откажетъ удѣляться около него ради успеха своего начинанія. Взгляните на бѣднаго Тидда съ его двадцатью тысячами фунтовъ. Директоръ точно также завадалъ имъ; ему нужны все капиталы, какія онъ можетъ только прибрать къ рукамъ.

— Ну, а если онъ приберетъ ихъ къ рукамъ, да и дастъ тѣмъ!

— Мистръ Броу, сэръ? Вы шутите; послѣ этого можно, пожалуй, сказать, что и англійскій банкъ въ одинъ прекрасный день дастъ тѣмъ съ чулками капиталами. — Но вотъ другая жертва мистра Броу; его дворянинъ Гетсъ.»

Мы подошли и я заговорилъ съ старикомъ Гетсомъ.

«— Мое почтеніе, дядя Гетсъ, сказалъ я, прямо приступая къ дѣлу; вѣдь вы также мой повелитель, тамъ въ конторѣ вестдидльсекскаго общества?

— Какъ же, сэръ, отвѣчалъ старикъ Гетсъ, оскаливъ зубы. Онъ былъ отставной служитель, и имѣлъ огромную семью на старости лѣтъ.

— Вы вѣрно получаете огромное жалованье, дядя Гетсъ, что успѣли скопить деньги и можете покупать акции нашего общества?»

Гетсъ сказалъ намъ; сколько онъ получалъ жалованья; потомъ мы спросили, исправно ли оно ему платилось, на что онъ божился, что у него такой добрый и милостивый господинъ, какого врядъ ли можно отыскать во всемъ мѣрѣ; что онъ взялъ двухъ дочерей его къ себѣ въ услуженіе, двухъ сыновей его помѣстилъ въ безденежную школу для бѣдныхъ, третьяго отдалъ на свой счетъ въ ученье, и рассказалъ намъ еще множество другихъ благодѣяній, оказанныхъ ему сострадательнымъ господиномъ. Леди Броу одѣвала всѣхъ его дѣтей; мистръ Броу дарилъ имъ теплыя одѣяла и шубы на зиму, и кормилъ ихъ круглый годъ. Словомъ, по его мнѣнію, такого щедраго, сострадательнаго семейства не бывало съ сотворенія міра.

«— Что-жь, сэръ, сказалъ я капитану, убѣдились ли вы теперь? Мистръ Броу даетъ вѣтмъ людямъ во сто разъ больше, чѣмъ получаютъ отъ нихъ барыша; а между-тѣмъ онъ все-таки принудилъ Гетса взять акціи нашего общества.

— Мистръ Титмаринъ, сказалъ капитанъ, вы хороній человекъ, я признаюсь, что доводы ваши довольно убѣдительны. Теперь, скажите

мнѣ еще, дѣлайте милость, что вы знаете о мнѣ Броу и ея будущемъ состояніи?

— Броу отдать ей все, что имѣетъ, — по-крайней-мѣрѣ онъ это самъ говоритъ.»

Но вѣроятно капитанъ при этомъ отвѣтѣ подмѣтилъ какое-то особенное выраженіе въ моемъ лицѣ, потому-что онъ замѣчался и сказалъ:

«— Какъ-то, любезный мистръ Титмаринъ, вы находите, что и при всемъ этомъ дорого заплатить тотъ, кто возьметъ ее? Сказать правду, я почти готовъ согласиться съ вами.»

— Зачѣмъ же, если осмѣлюсь спросить, капитанъ Фицджинъ, вы такъ увѣрены около нея?

— Мистръ Титмаринъ, сказалъ капитанъ, у меня двадцать тысячъ фунтовъ долгу.»

И онъ немедленно отправился въ домъ мистра Броу и посватался на его дочеря.

По моему разумѣнію, этотъ поступокъ со стороны капитана былъ не совсѣмъ честенъ и благороденъ, потому-что его представлялъ въ домъ мистръ Тиддъ, его школьный товарищъ, а онъ тотчасъ отбилъ у мистра Тидда сердце богатой невесты. Броу ужасно взбѣсился и даже ругалъ дочь, — какъ мнѣ сказывалъ потомъ капитанъ, — когда узналъ, что она приняла предложеніе мистра Фицджига; но наконецъ, увидѣвъ капитана, онъ довольствовался тѣмъ, что взялъ съ него честное слово хранить это дѣло въ тайнѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Капитанъ Фицджинъ открылся только мнѣ и офицерамъ своего полка, какъ онъ мнѣ говорилъ; впрочемъ послѣднимъ онъ сказалъ это уже послѣ того, какъ Тиддъ, достигши совершеннолѣтія, отсчиталъ свои двадцать тысячъ фунтовъ въ руки нашего директора. Въ тотъ же день онъ отправился просить руки мисъ Броу, и, разумѣется, получилъ отказъ. Между-тѣмъ, слухъ о помолвкѣ капитана сталъ расходиться втихомолкъ, и вся его знатная родня, герцогъ Донкастеръ, графъ Синкбарсъ, графъ Крабсъ и прочее стали поочередно являться засвидѣтельствовать свое почтеніе семейству Броу; Генри Рингвудъ взялъ, а графъ Крабсъ обѣщавъ взять на хорошую сумму акцій вестдальскаго общества. Курсъ нашихъ акцій возвысился; казалось, вестдальскому обществу суждено было сдѣлаться первымъ страховымъ обществомъ въ королевствѣ.

Вскоре послѣ моей повѣдки въ Фульгемъ, получилъ я письмо отъ моей любезной тѣтушки. Она писала мнѣ, что посоветовавшись съ слепертонскими стряпнями, Годжемъ и Смитерсомъ и получивъ ихъ одобреніе, рѣшилась последовать моему совету. Она даже заявила своей вкладъ на мое имя, и разсыпалась въ похвалахъ моей чистоты и расторопности, о которыхъ Броу писалъ ей въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ тѣтушка уведомляла меня, что по смерти ея, акціи эти будутъ принадлежать мнѣ. Вы можете себя представить какой весь это придало мнѣ въ компаніи. Въ качествѣ акціонера, я присутствовалъ на слѣдующемъ годичномъ собраніи, и съ удовольствіемъ слышалъ, какъ мистръ Броу, въ мастерской рѣчи, объявилъ дивиденду на этотъ годъ по шести процентовъ. Этотъ дивидендъ былъ тотчасъ же и выданъ черезъ рѣшетку.

«— Ты, кажется, родился въ сорочкѣ, плуть, сказалъ мнѣ мистръ Броу; знаешь ли, что побудило меня дать тебѣ твое теперешнее мѣсто?»

— Тѣтушкины деньги, сэръ, отвѣчалъ я.

— Какъ бы не такъ! Очень нужны мнѣ эти глушья три тысячи фунтовъ! Мнѣ сказали, что ты племянникъ леди Дромъ, а леди Дромъ бабушка леди Дженъ Престонъ; мистръ Престонъ же такой человекъ, что если захочетъ, можетъ сдѣлать намъ много добра. Я звалъ, что они присылали тебѣ и дичины, и всякихъ припасовъ. Когда же я увидѣлъ на моемъ балу, что леди Дженъ подала тебѣ руку, и какъ любезно она съ тобою разговаривала, я принялъ всѣ сказки Абеде-него за сущую правду. Вотъ что доставило тебѣ мѣсто, а совсѣмъ не твои дрянныя три тысяченки фунтовъ. Но вотъ, недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ ты гостилъ у насъ въ Фульгемъ, встрѣтился я съ Престономъ въ палатѣ, и хотѣлъ подбится къ нему въ милость тѣмъ, что далъ у себя хорошее мѣсто его родственнику. — «Чортъ возьми этого наглаго враля!» вскричалъ Престонъ; «родственникъ мнѣ! Кажется, вы принимаете за правду бредни старой Дромъ? У нея, просто, такая страсть, что съ кѣмъ она ни сойдется, тотчасъ пойдетъ пересчитывать всю родню и выведетъ какъ дважды два, что новый знакомый ей также родня. То же было и съ этимъ Титмаршемъ!» — А между-тѣмъ, сказалъ я, смѣясь, черезъ это щенокъ Титмаршъ получилъ славное мѣсто, и теперь уже нельзя по-

ночь длу». — И такъ ты видишь, продолжалъ нашъ директоръ, что ты обязанъ мѣстомъ вовсе не деньгамъ твоей почтенной тѣтушки, а ...

— А тѣтушкиной брилліантовой булавкѣ, подхватилъ я.

— Вотъ счастливецъ! сказалъ мистръ Броу, ударивъ меня по плечу, и отходя отъ меня.

И я самъ считалъ себя удивительнымъ счастливецомъ въ самомъ дѣлѣ.

II.

Не знаю какъ это случилось, но въ теченіе слѣдующаго полугодія мистръ Роундгендъ, секретарь и актуаріусъ общества, бывши до-тѣхъ-поръ такимъ ревностнымъ приверженцемъ мистра Броу и вестдильскаго общества, вдругъ поссорился съ ними, взялъ обратно свой вкладъ, продалъ предоставленные ему на пять тысячъ фунтовъ акціи съ хорошимъ барышемъ, и отказался отъ мѣста, бравя компанію и директора самымъ жестокимъ образомъ.

Мистръ Гайморъ занялъ мѣсто секретаря и актуаріуса, мистръ Абеднего сдѣлался главнымъ конторщикомъ, а я вторымъ, съ жалованьемъ по двѣсти фунтовъ въ годъ. На слѣдующемъ собраніи нашемъ, въ январь 1823 года, я вполне убѣдился въ неосновательности брани мистра Роундгенда на вестдильскаго общества, когда главный директоръ, въ одной изъ самыхъ блестящихъ рѣчей, какія мнѣ случалось когда-либо слышать, объявилъ, что полугодовой дивидендъ составляетъ четыре процента, то-есть осемь процентовъ въ годъ, и я послалъ своей тѣтушкѣ сто двадцать фунтовъ стерлинговъ, проценты съ ея капитала за полгода.

Это такъ обрадовало мою почтенную тѣтушку, мистрисъ Гоггартн, что она тотчасъ прислала мнѣ назадъ десять фунтовъ, на карманныя деньги, и просила моего совѣта, не лучше ли ей продать Слюппертотъ и Скваштейль, и положить все свои деньги въ нашу компанію.

Я счелъ благоразумнѣйшимъ посоветоваться объ этомъ предметѣ съ самымъ мистромъ Броу. Мистръ Броу объявилъ, что уже нельзя приобрести акцій иначе, какъ съ значительною наддачею; но когда я представилъ ему, что имѣю на примѣтъ на пять тысячъ фунтовъ акцій, которыя можно купить *à pari*, то онъ отвѣчалъ, что когда

такъ, что онъ и самъ охотно уступить изъ своихъ акцій на пять тысячъ фунтовъ at par, тѣмъ болѣе, что у него много акцій вестминстерскаго общества, а прочія дѣла его нуждаются въ пособіи наличными деньгами. Въ заключеніе нашего разговора, который я обѣщалъ передать тѣтушкѣ, директоръ объявилъ мнѣ, что онъ рѣшился учредить мѣсто собственнаго секретаря при директорѣ, и что онъ прочилъ меня на эту должность, съ прибавкою къ моему жалованью пятидесяти фунтовъ.

И такъ, я имѣлъ теперь двѣсти пятьдесятъ фунтовъ въ годъ, а мисъ Смитъ семьдесятъ. Мы же дали другъ другу слово, какъ скоро у насъ наберется триста фунтовъ въ годъ....

Само собою разумется, что Густя, а черезъ него и вся контора, знали мои отношенія къ Мери Смитъ. Покойный отецъ ея былъ во флотъ капитаномъ, и считался отличнымъ морякомъ; и хотя, какъ я уже сказывалъ, у Мери было всего приданаго семьдесятъ фунтовъ къ годъ, а я, какъ всѣ говорили, при настоящемъ своемъ положеніи въ конторѣ и въ лондонскомъ купечествѣ, могъ имѣть виды на болѣе богатую невесту, однако же друзья мои рѣшили, что это очень хорошая партія, и я былъ доволенъ. Да и кто же не былъ бы доволенъ такимъ сокровищемъ, какъ моя Мери? Что касается до меня, увѣрю васъ, я не промѣнялъ бы ея, хоть и безъ гроша приданаго, на родную дочь самого лорда-мера.

Мистеръ Броу, разумется, былъ предупрежденъ о предстоящей моей женитьбѣ. Впрочемъ, онъ зналъ рѣшительно все, что касалось до кого-либо изъ его конторщиковъ. Я думаю, Абеднего пересказывалъ ему каждый день, что каждый изъ насъ вѣз за обѣдомъ. Его свѣдѣнія о нашихъ дѣлахъ были истинно изумительны.

Онъ спросилъ меня, гдѣ былъ положенъ капиталъ Мери; я объявилъ ему, что деньги ея были въ трехъ-процентномъ обеспеченномъ займѣ, — всего двѣ тысячи триста-тридцать-три фунта, шесть шиллинговъ, осемь пенсовъ.

— Любезный другъ, сказалъ онъ мнѣ, помнится, что будущая мистрисъ Титмаршъ можетъ имѣть съ своего капитала по-крайней-мѣрѣ семь процентовъ, и онъ будетъ такъ же надежно храниться, какъ въ англійскомъ банкѣ; развѣ учрежденіе, во главѣ котораго находится Джонъ Броу, не самое надежное изъ всѣхъ учреждений Англій?

И самъ то же думалъ, и общалъ поговорить объ этомъ передъ свиданіемъ съ спекулянтами Мери.

Лейтенантъ Смитъ, дядь Мери, сначала довольно косо смотрѣлъ на эту вѣнчанную любовь. Я долженъ даже признаться, что онъ одинъ рѣш, заставъ меня насдѣнъ съ Мери, — я, кажется, въ этотъ день сощеловалъ даже кончики ея пальчиковъ, — схватилъ меня за воротъ, и вытолкнулъ за дверь. Но тенерешній Самуиль Титмаршъ, съ двумястами пятидесятью фунтами въ годъ жалованья, да сверхъ-того съ надеждою на наслѣдство послѣ тѣтки въ полтораста фунтовъ ежегоднаго дохода, правая рука Джона Броу, знаменитѣйшаго человека въ Лондонѣ, былъ совсѣмъ не то, что прежній Самоулушка, ничтожный конторщикъ и сынъ бѣдной пасторской вдовы. Старикъ написалъ мнѣ довольно милостивое письмо, поручилъ мнѣ купить ему у Ромашова носокъ паръ шерстяныхъ носковъ и четыре шерстяныя фуфайки, и даже принялъ ихъ отъ меня въ подарокъ, когда я прѣхалъ въ Лондъ, — въ блаженномъ июнѣ мѣсяцѣ 1823 года, — за моего милого Мери.

Мистръ Броу очень заботился о помѣстьяхъ моей тѣтушки въ Слюскротъ и Сквештейль, которыхъ она еще не продала, хотя поговаривала о томъ; но живѣнно же мистра Броу грѣшно и стыдно было допускать, чтобы особа, въ которой онъ принималъ такое искреннее участіе, — какъ и вообще во всѣхъ родственникахъ своего любезнаго наслѣдскаго друга, — чтобы такая особа получала съ своего капитала только три процента, между-тѣмъ, какъ въ другомъ мѣствѣ она могла получать осемь. Съ этого времени онъ уже всегда называлъ меня Самоулушкой, и говорилъ *ты*, — что прежде случалось только когда онъ былъ въ необыкновенно веселомъ духѣ, — ставилъ меня въ привѣтъ всѣмъ моимъ товарищамъ, которые передавали мнѣ все его вѣщанья; говорилъ, что для меня всегда готовъ приборъ въ Фульгемъ, и часто бралъ меня туда съ собою. Впрочемъ, я тамъ видалъ много гостей, и Маквортеръ говорилъ обыкновенно, что онъ приглашалъ меня только въ дни, назначенные для гостей второй руки. Впрочемъ, я вовсе не желалъ водиться съ знатною, къ которой я не принадлежалъ по рожденію, и даже, сказать правду, не имѣлъ большой охоты ѣздить въ Фульгемъ. Мисъ Белинда мнѣ очень не нравилась. Послѣ помоявки ея за капитана Фицджига и послѣ того, какъ мистръ Тиддъ внесъ свои двадцать тысячъ фунтовъ, и знатная родня

капитана приступила къ некоторымъ изъ обществъ, находившихся въ управленіи нашего директора, мистръ Броу вдругъ изъявилъ свое неодобреніе, что капитанъ сватался только изъ корыстныхъ видовъ, и рѣшился испытать его, объявивъ, что онъ или долженъ взять мисъ Броу безъ гроша, или вовсе не получить ея руки. Вслѣдствіе этого капитанъ Фицджеридъ выхлопоталъ себѣ назначеніе въ колоніи, а мисъ Броу стала сварливѣе, чѣмъ когда-либо. Я однако жъ невольно думалъ, что она избавилась отъ партіи, не обещавшей добра, и жалелъ о бѣдномъ Тиддѣ, который возвратился на приступъ влюбленный болѣе прежняго, и котораго мисъ Белинда терзала еще болѣе прежняго. Отецъ ея наконецъ напрямки объявилъ Тидду, что присутствіе его въ Фульгемъ весьма неприятно Белиндѣ, и что хотя самъ онъ его любитъ и уважаетъ, однако жъ принужденъ просить его прекратить свои посѣщенія. Бѣдняжка! заплатилъ свои двадцать тысячъ фунтовъ имъ за что! Теперь что значили для него шесть процентовъ въ сравненіи съ шестью процентами въ придачу къ рукамъ мисъ Белинды Броу?

Мистру Броу было такъ жаль бѣднаго влюбленного пастушка, какъ онъ называлъ меня, и онъ принималъ такое сильное участіе въ моемъ счастьи, что далъ мнѣ отпускъ на два мѣсяца и велѣлъ ѣхать въ Сомерсетширъ. Я уложилъ въ чемоданъ двѣ новыя пары платья отъ фонтъ-Штильца, которыя я заказалъ на случай некотораго событія, носки и фуфайки лейтенанта Смита, цѣлую пачку нашихъ программъ и два письма отъ Джона Броу, одно къ моей матушкѣ, нашей почтенной вкладчицѣ, другое къ мистрисъ Гоггарті, нашей дорогой акціонеркѣ. Мистръ Броу писалъ, что самый желанный отецъ не могъ пожелать лучшаго сына, чѣмъ я; что онъ смотритъ на меня какъ на роднаго сына, и совѣтовалъ убедительно мистрисъ Гоггарті немедленно продать свое имѣніе, потому-что, говорилъ онъ, поземельная собственность въ цѣнѣ, но неизменно должна упасть въ скоромъ времени; цѣна же акцій вестдальсекскаго общества сравнительно низка, а чрезъ два года должна необходимо удвоиться, утроиться, даже учетвериться.

Такимъ образомъ я собрался и простился съ моимъ добрымъ Густею. Я зналъ, что уже не вернусь на свою квартирку на Салисбургскомъ скверѣ, и потому на прощаніи роздалъ небольшіе подарки семейству своей хозяйки. Она сказала, что никогда не имѣла такого

золотаго жильца; въ похвалъ этой, можетъ-быть, не такъ много лестнаго, потому-что Колокольный переулочъ состоитъ въ вѣдѣнн Флинтской тюрьмы, и жильцы ея по-большей-части были арестанты, которые, представивъ за себя поручительство, могли жить не въ зданн тюрьмы, а въ подвѣдомственномъ ей кварталѣ. Что касается до Густы, онъ такъ плакалъ и рыдалъ, что не могъ даже скушать кусочка жаренаго бутерброда съ ветчиною, которымъ я хотѣлъ угостить его на завтракъ въ кофейнѣ; когда же я ушелъ, онъ все стоялъ въ воротахъ почтоваго двора, махая шляпою и носовымъ платкомъ, такъ-что ему, кажется, придавили ногу колесами почтовой кареты; по-крайней-мѣрѣ, проѣзжая черезъ ворота, я слышалъ, какъ онъ ревелъ. Какъ непохожи были мои теперешнн чувства, когда я гордо сидѣлъ на козлахъ, подлѣ кучера, Джама Варди, съ тѣмъ, чтѣ я чувствовалъ въ последнее свое путешествіе въ этой же каретѣ, когда разставался съ моею милою Мери и ѣхалъ въ Лондонъ съ своею брильянтовою булавкою.

Когда мы пріѣхали въ Грумплей, — мѣстечко въ трехъ миляхъ отъ лнней деревни, гдѣ почтовая карета обыкновенно останавливается, чтобы выпить рюмочку элю въ польтоновскомъ кабацѣ, — вокругъ гостинницы собралась такая толпа народа, какъ-будто бы проѣзжалъ самъ мистръ Попльтонъ, нашъ членъ въ палатѣ. Тутъ былъ и содержатель гостинницы, и всѣ именитые люди мѣстечка. Тутъ же былъ и Томъ Уилеръ, ямщикъ почтоваго заведенія мистрисъ Ринсфордъ, въ нашемъ городѣ; онъ погонялъ пару старыхъ почтовыхъ клать, впряженныхъ.... Боже мой, да, точно.... въ желтой каретѣ тѣтушка, въ которой она вызжала три раза въ годъ; она сидѣла въ ней, въ турецкой шали и въ новой шляпкѣ съ перомъ; махала въ окно кареты бѣлымъ платкомъ, а Томъ Уилеръ кричалъ «ура», а толпа босоногихъ, оборванныхъ грумплейскихъ мальчишекъ бѣжала за каретою и также орала во все горло «ура», сама не зная за что и про что. Какъ однако жъ перемѣнилась роль Тома Уилера? я помню какъ онъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, стегнулъ меня арапникомъ и согналъ съ запятокъ, на которыя я влѣзъ, чтобы прокатиться.

За тѣтушкиною каретою ѣхала бричка флота лейтенанта Смита, который сидѣлъ въ ней съ своею супругою, и самъ правилъ своею ста-

рою и жирною малорослою лошадкою. И посмотрѣвъ на заднюю сѣмью, не увижу ли тамъ въ некоторой особѣ.... О, глупецъ! а некоторая особа сидѣла съ тѣтушкою въ желтой каретѣ; лицо ея зарумянилось какъ пюнь и сіяло счастьемъ и красотою! — О, какъ оно сіяло счастьемъ и красотою! На ней было бѣлое платьице и прозрачный голубой съ желтымъ шарфъ: тѣтушка говорила, что это гоггартисское цвѣта; но я до настоящаго времени не понимаю, что общаго между Гоггартами и голубымъ и желтымъ цвѣтами.

Вдругъ кондукторъ почтовой кареты затрубилъ, и четверня ея воскакала; мальчишки опять заорали; меня кой-какъ сунули въ карету, между Мери и тѣтушкою; Томъ Уилеръ стегнулъ своихъ гвздокъ; а лейтенантъ, — который дружески пожалъ мнѣ руку, и котораго собака на этотъ разъ не изъявила ни малѣйшаго желанія укусить меня, — лейтенантъ такъ усердно началъ колотить жирные бока своей лошаки, что паръ поднялся отъ нихъ столбомъ. И такимъ небывалымъ, торжественнымъ шествіемъ вступили мы въ нашу деревню.

Добрая матушка и мои девять сестеръ, все въ нанковыхъ сенокорахъ, — у меня въ чемоданъ было по подарочку для каждой, — не шая средствъ нанять экипажъ, ждали насъ у дороги передъ деревнею, и какъ онѣ махали и руками и платками! Тѣтушка почти не смотрѣла на нихъ, а только величаво кивнула головою, что, впрочемъ, прости-тельно женщины ея состоянія; Мери же Смитъ махала имъ въ отвѣтъ руками и платкомъ не хуже ихъ самихъ. Ахъ, какъ плакала, какъ радовалась добрая матушка, когда обняла меня; называла меня своимъ утѣшнѣмъ на старости, своимъ сокровищемъ; смотрѣла на меня какъ на чудо добродѣтели и генія, между-тѣмъ, какъ я былъ просто счастливчикъ, которому, при помощи добрыхъ друзей, повезло такъ, что онъ, самъ того не подозревая, вдругъ очутился важнымъ и достаточнымъ человекомъ.

Между нами было напередъ улажено, что я не буду жить у матушки. Хотя она была не совсѣмъ въ ладахъ съ мистрисъ Гоггартъ, однако же она говорила, что я для собственнаго своего добра долженъ поселиться у тѣтушки. Такимъ-образомъ она сама лишила себя удовольствія имѣть меня при себѣ; что касается до меня, то, хотя матушкинъ домъ былъ гораздо бѣднѣе, однако же для меня онъ былъ несравненно лучше роскошныхъ палатъ мистрисъ Гоггартъ, не говоря

дике и проклятомъ резолю, которое я теперь долженъ былъ глотать уже не станнами, а кружками.

И такъ мы поехали прямо къ мистрисъ Гоггартъ: у нея былъ приготовленъ по этому случаю большой обѣдъ, и даже нанятъ линный шуга. Выходя изъ кареты, она дала Тому Уилеру шесть пенсовъ, смѣясь, что это ему на ведку, а что за лошадей она рассчитается послѣ съ мистрисъ Ринсеръ. Томъ очень разсердился, бросилъ деньги, и ужасно ругался; на что тѣтушка очень справедливо сказала ему, что онъ грубиянъ и наглець.

Тѣтушка такъ любила меня, что почти не выпускала изъ глазъ. Каждое утро мы сводили счеты, и разсуждали по цѣлымъ часамъ о томъ, какъ выгодно будетъ продать Словертонъ; однако жъ онъ не продавался, потому что никто не давалъ Годжу и Смитерсу назначенной тѣтушкою цены. Она часто утѣрала меня также, что по смерти своей все свое имущество завѣщаетъ мнѣ.

Годжъ и Смитерсъ также дали вечеръ; и чрезвычайно честили меня, какъ и вообще все жители деревни. Кто не могъ дать обѣда, шалъ на чай, и все пили за здоровье жениха и невесты. Сколько разъ Мери краснѣла послѣ обѣда или ужина отъ нескромнаго намека на предстоящую перемѣну въ ея судьбѣ.

Наконецъ назначенъ и день обряда, и 24 июля 1823 года я оказался счастливымъ супругомъ самой хорошенькой невесты во всемъ Сомерсетширѣ. Мы пошли къ вѣнцу къ дому матушки, по ея настоятельному желанію; мои девять сестеръ были подружками невесты, и Густа Госкинсъ нарочно прискакалъ изъ Лондона, чтобы быть моимъ шаферомъ. Онъ занялъ мою прежнюю комнату у матушки, гостилъ у насъ неделю и уехалъ съ разнебою въ сердца, которую породили глаза мнѣ Винни Титмаршъ, моей четвертой сестры. Это я узналъ впоследствии.

Тѣтушка была очень милостива къ намъ въ день свадьбы. За нѣсколько недѣль еще передъ тѣмъ она велѣла мнѣ писать въ Лондонъ, чтобы мнѣ выслали три богатыхъ платья для Мери отъ знаменитой мадамъ Мантанинъ, и нѣсколько бездѣлушекъ и нитыхъ носовыхъ платковъ отъ Говеля и Джемса. Все эти вещи были мнѣ высланы, и я подарилъ ихъ невестѣ; но мистрисъ Гоггартъ сказала мнѣ, что она сама позаботится объ уплатѣ, что я нашелъ весьма милостивымъ отъ нея. Она одолжила намъ также свою желтую карету, чтобы ѣхать въ

церковь, и собственными ручками сшила своей милею племянницъ, мистрисъ Титмаринъ, прекрасный ридикюль изъ малиноваго атласу. Въ ридикюль была рабочая коробочка съ полнымъ рабочимъ приборомъ, потому-что тетушка надѣялась, что мистрисъ Титмаринъ никогда не броситъ иголки, былъ въ немъ также кошелекъ, содержавшій нѣсколько серебряныхъ пепсовъ и какую-то рѣдкую монетку. — Пока вы будете хранить ихъ, моя милая, сказалъ мистрисъ Гоггартъ, вы не будете нуждаться; я усердно молю Бога, чтобы вы сохранили ихъ. — Въ карманъ кареты нашли мы также корзинку бисквитовъ и бутылку розоліо. Мы засмѣялись и отдали драгоценный напитокъ Тому Умлеру, которому онъ, кажется, понравился не болѣе, чѣмъ намъ.

Считаю излишнимъ упомянуть, что я пошелъ къ вѣнцу во фракъ фонтъ-штилъцевской работы (четвертый въ одинъ годъ!) — и что на груди моей горѣлъ большой гоггартіевскій брильянтъ.

III.

Весь нашъ медовый мѣсяцъ мы провели въ строеніи плановъ будущей своей жизни въ Лондонъ, и построили себѣ настоящій рай въ миниатюрѣ. И мудрено-ли? лѣта мои и моей молодой жены, сложенные вмѣстѣ, едва дошли бы до сорока; притомъ, скажу откровенно, я, съ своей стороны, никогда не находилъ ничего дурнаго въ строеніи воздушныхъ замковъ, а между-тѣмъ оно доставляетъ столько удовольствія.

Само собою разумется, что я еще до отъезда изъ Лондона дѣлательно занялся прискачаніемъ мѣста, гдѣ бы прилично было поселиться людямъ съ нашими ограниченными средствами. Вдвоемъ съ Густей, въ свободные отъ службы часы, обвѣдали мы весь городъ и всѣ предмѣстья, и выборъ нашъ остановился на небольшомъ, уютномъ домикѣ въ Камдентоунъ, съ садикомъ, будто нарочно приготовленнымъ для нѣкаго мелкаго народца, когда онъ явится, съ конюшнею и сараемъ, если намъ удастся завестись лошадыю и кабриолетомъ; и почему жъ бы не завестись годика черезъ два-три? — мѣсто здоровое, вольный воздухъ, не слишкомъ далеко отъ торговыхъ частей города, — и за все это — тридцать фунтовъ въ годъ. Я описалъ Мери этотъ уголокъ съ такимъ же восторгомъ, какъ

Санко описываетъ Жиль-Блазу Ливіасъ ; и моя молодая жена заранѣе радовалась своему будущему хозяйству, обѣщала сама стряпать самыя лакомыя кушанья, особенно ягодныя пудинги, до которыхъ я страшный охотникъ, и приглашала Густю обѣдать каждое воскресенье въ гераньевою бесѣдкѣ (такъ называлась эта дачка), съ тѣмъ только, чтобы онъ не курилъ своихъ скверныхъ сигаръ. Густя же уверялъ, что онъ отъищеть квартирку въ нашемъ сосѣдствѣ; потому-что онъ и слышать не хотѣлъ о возвращеніи въ Колокольный-переулокъ, гдѣ мы были счастливы вдвоемъ. Добрая Мери сказала, что она попроситъ свою невестку Винни поселиться у нея, чтобы ей не было скучно; при этомъ она лукаво взглянула на Госкинса, а онъ покраснѣлъ и пробормоталъ только: — Это зачѣмъ?

Но всѣ наши золотыя мечты, всѣ наши сладостныя надежды рассыпались въ прахъ по возвращеніи нашемъ изъ небольшого послѣ-свадебнаго путешествія, когда мистрисъ Гоггарті объявила намъ, что провинція ей надоела, и что она рѣшилась ѣхать въ Лондонъ съ своими дорогими племянникомъ и племянницею, присмотрѣть за ихъ хозяйствомъ и познакомиться съ своими столичными друзьями.

Что тутъ было дѣлать? Мы мысленно отправляли почтенную тѣтушку — куда бы то ни было, только не въ Лондонъ. Но дѣлать было нечего; мы принуждены были взять ее съ собою, потому-что, какъ говорила матушка, еслибъ мы ее оскорбили отказомъ, имѣніе ея перешло бы въ другія руки, а намъ, молодымъ супругамъ, оно, конечно, было бы не лишнимъ.

И такъ мы возвратились въ столицу въ довольно пасмурномъ настроеніи духа; мы совершили поѣздку на почтовыхъ, въ собственномъ экипажѣ мистрисъ Гоггарті, потому-что надо же было привезти въ городъ ея карету, да и прилично ли особѣ ея лѣтъ и званія ѣхать въ дилижансѣ. На мою долю пришлось заплатить четырнадцать фунтовъ прогонъ, что почти истощило оставшіяся у меня небольшой запасъ денегъ.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, начались хлопоты и неприятности съ квартирантѣмъ; въ три недѣли мы перемѣнили три квартиры. На первой мы поссорились съ хозяйкою: тѣтушка уверяла, что она отрезала кусочекъ отъ бараньяго жаркаго, поданнаго намъ къ обѣду. Со второй мы съѣхали вотъ почему: тѣтушкѣ показалось, что служанка — мы нанмали квартиру съ прислугою, — что служанка

крапа сальные очарки; наконецъ, съ третьей частию, что на следующее же утро тётюшка вышла къ чаю съ лицомъ опухшимъ и покусаннымъ нѣкими незваными гостями. Однимъ словомъ, я былъ измученъ и взбѣшенъ безпрестанными хлопотами и кочеваніемъ съ квартиры на квартиру, и безконечными розсказнями, жалобами и бранью тётюшки. Что-же касается ея знатныхъ друзей, то никого не было въ Лондонъ, и тётюшка принялась опять мучить меня своими претензіями на то, что я не представилъ ее Джону Броу и лорду и леди Типтофъ, ея родственникамъ.

Когда мы пріѣхали въ Лондонъ, мистръ Броу находился въ Брайтонъ; по возвращеніи его, я сначала не хотѣлъ говорить ему, что привезъ съ собою тётюшку, и что нуждаюсь въ деньгахъ. Когда же наконецъ я принужденъ былъ открыться ему въ последнемъ и просить его дать мнѣ часть жалованья впередъ, онъ сдѣлалъ недовольное лицо; но какъ скоро я объяснилъ, что причиною моего безденежья былъ пріѣздъ въ Лондонъ мистрисъ Гоггартъ, онъ заговорилъ другимъ языкомъ.

— Давно бы такъ сказалъ, любезнѣйшій; теперь выходитъ другое дѣло, сказалъ онъ. Мистрисъ Гоггартъ въ такихъ лѣтахъ, что должно ей во всемъ угождать. Вотъ тебѣ сто фунтовъ, и прошу тебя смѣло обращаться ко мнѣ, какъ скоро понадобится еще.

Эти деньги дали мнѣ возможность вывернуться до того времени, когда тётюшка заплатитъ свою долю въ хозяйствѣ. На слѣдующій день мистръ и мистрисъ Броу пріѣхали въ своей великолѣпной каретѣ четвернею, сдѣлать визитъ мистрисъ Гоггартъ.

Это было въ тотъ самый день, какъ бѣдная моя тётюшка вышла къ чаю съ лицомъ въ такомъ обидномъ положеніи, и она не приминула объяснить мистрисъ Броу причину этого явленія, и сказать, что въ Гоггартъ-кастлѣ, ея сомерсетнайскомъ помѣстьи, она никогда и не слыхала и въ голову ей не приходило о подобныхъ гадкихъ, отвратительныхъ тваряхъ.

— Боже милостивый! вскричалъ мистръ Джонъ Броу, особъ вашего званія, вашего рождения терпѣть такія ужасныя непріятности! почтенной родственницѣ моего милого Титмарша! Нѣтъ, сударыня, да не скажутъ, что Джонъ Броу допустилъ мистрисъ Гоггартъ изъ Гоггартъ-кастля до такого униженія, пока онъ можетъ предложить ей тихое, скромное, спокойное жилище, — разумется далекое, суда-

вещи, отъ того великолѣдія, къ которому вы привыкли по своему черескому положенію, Изабелла, душа моя... Белинда, просите мистрисъ Гоггарти. Скажите ей, что домъ Джона Броу принадлежитъ ей съ погребовъ до чердаковъ; да, сударыня, повторю: съ погребовъ до чердаковъ.... И прощу, — умоляю — приказываю, чтобы вещи мистрисъ Гоггарти изъ Гоггарти-кастля были немедленно отнесены въ мою карету! Потрудитесь, мистрисъ Титмаршъ, потрудитесь сами собрать ихъ, чтобы ваша достопочтенная тѣтушка не подвергалась болѣе прежнимъ неудобствамъ.

Мери вышла, взумленная этимъ приказаніемъ. Но, разсуждала она, мистръ Броу вѣдь великій человекъ, и благодѣтель ея мужа. И хотя гдупешкая заплакала, принявшись укладывать и увязывать огромные тѣтушкины чемоданы, однако же исполнила порученіе и потомъ вышла съ улыбающимся лицомъ къ тѣтушкѣ, которая въ это время разсказывала мистру и мистрисъ Броу, какіе великолѣпные балы давались въ Дублинѣ у лорда-намѣстника въ то время, какъ эту должность занималъ лордъ Чарльвиъ.

— Ваши чемоданы готовы, тѣтушка, но я не могу поднять ихъ, сказала Мери.

— Конечно, гдѣ вамъ поднять ихъ? сказалъ Джонъ Броу, быть можетъ нѣсколько пристыженный. — Эй! Георгъ, Фредерикъ, Августъ, взойдите сюда на минуту, свесите въ карету чемоданы мистрисъ Гоггарти изъ Гоггарти-кастля, которые вамъ здѣсь покажутъ.

Заботливость мистра Броу до шла до того, что когда его блоручьи лакеи отказались отъ работы, которую считали для себя унижительною, онъ самъ взялъ два чемодана и понесъ ихъ въ карету, говоря дорогою такъ громко, что слова его были слышны на всю улицу: — Джонъ Броу не гордецъ; нѣтъ, въ немъ нѣтъ ни на-волеось гордости; и если слуги его слишкомъ знатны и спѣсивы, онъ подастъ имъ примѣръ смиренія.

Мистрисъ Броу также сбѣжала съ лѣстницы и выхватила одинъ чемоданъ изъ рукъ мужа; но чемоданъ былъ для нея слишкомъ тяжелъ, и потому она довольствовалась тѣмъ, что съела на него, и сдразнивала всѣхъ прохожихъ, не ангелъ ли сущій ея мужъ, мистръ Джонъ Броу?

Такимъ образомъ тѣтушка оставила насъ. Я ничего не зналъ объ

этомъ, потому-что находился въ это время на службѣ; но возвращаясь домой въ пять часовъ съ Густою, я увидѣлъ мою милую Мери, которая высунулась въ окно, улыбалась намъ и дѣлала знаки, чтобы мы вошли оба. Это удивило меня, потому-что тѣтушка терпѣть не могла Госкинса, и даже не разъ говорила мнѣ, что или онъ или она должны оставить домъ. Мы вошли, и вотъ Мери, осушившая уже слезы, встрѣтила насъ съ самымъ улыбающимся личикомъ, смѣялась, хлопала въ ладоши, прыгала и безпрестанно жала руку Густы. И чтѣ жъ вы думаете, выдумала проказница? Просто не поверите: объявила, что она хочетъ вхатъ съ нами въ воксаль.

Такъ какъ столъ былъ накрытъ только на три прибора, Густя робко, съ трепетомъ сѣлъ на указанное ему мѣсто; тогда мистрисъ Титмаршъ рассказала намъ все, что случилось, и какъ мистрисъ Гоггартъ уѣхала въ Фульгемъ въ великолѣпной каретѣ мистра Броу, запряженной четвернею дорогихъ коней.

— Пусть себѣ вѣдетъ съ Богомъ! сказалъ я, къ стыду своему; и право, наши телячьи котлетки и ягодный пуддингъ показались десятѣро вкуснѣе, чѣмъ тѣтушкѣ Гоггартъ ея богатый обѣдъ на серебрѣ въ Вороньемъ-гвездѣ.

Мы провели самый пріятный вечеръ въ воксаль. Густя настоялъ на томъ, чтобы мы позволили ему угостить насъ. Во все время отсутствія тѣтушки, которое продолжалось три недѣли, мы ни разу не пожелали, увѣряю васъ, чтобы она возвратилась, потому-что безъ нея было намъ гораздо веселѣе и спокойнѣе. Моя милая Мери обыкновенно приготавливала мнѣ позавтракать передъ отправленіемъ моимъ къ дождности; а по воскресеньямъ былъ для насъ настоящий праздникъ: мы ходили смотрѣть, какъ обѣдали дѣти въ воспитательномъ домѣ, и слушали прекрасную музыку; но какъ ни хороша была музыка, еще лучше было смотрѣть на самихъ дѣтей, на ихъ невинныя, счастливыя личики! Въ будни мистрисъ Титмаршъ ходила обыкновенно около пяти часовъ прогуляться, по лѣвой сторонѣ улицы, къ Гольборну, и иногда доходила даже до Сноу-гиля. Въ этой прогулкѣ навѣрно встрѣчались ей два молодые пріятели изъ конторы вольнаго вестандльсекскаго страховаго общества, и потомъ какъ весело возвращались они втроемъ обѣдать! Однажды мы поспѣли къ ней въ то самое время, какъ какой-то уродъ на высокихъ каблукахъ, съ папкою съ золотымъ набалдашникомъ, съ огромными усами, которые

исправили ему почти все лицо, скакали зубы подъ пелюку Мери и то-то говорилъ ей. Это было передъ самую фабрикою Дея и Мартина, которая въ то время вовсе не походила на нынѣшнее прекрасное зданіе; уродъ стоялъ тутъ, заговаривая съ Мери и пожирая ее глазами, когда мы съ Густею налетѣли на него, схватили за воротъ и въ одно мгновеніе онъ полетѣлъ кубаремъ подъ извожничью колоду и растянулся на грязной соломѣ. Стоявшіе тутъ водовозы и извозчики поджали бока и захохотали во все горло. Но все-го лучше было то, что парикъ и усы его остались у меня въ рукахъ.— Не обижай его слишкомъ, Самуилъ, сказала Мери. И такъ мы отдали ему парикъ, который одинъ изъ извозчиковъ нахлобучилъ на свою шапку и торжественно отнесъ ему среди общаго хохота.

Отъ началъ—было кричать несвязныя рвчи, изъ которыхъ я слышалъ только:—*aggrétez,—Français,—champ d'honneur.* Но мы продолжали путь, и Густя обратился только къ мосье Французу, приставивъ большой палецъ къ носу и раскинувъ остальные. При этомъ между извозчиками поднялся новый хохоть, еще громче прежняго. Этимъ кончилось приключеніе.

Недѣлю черезъ полторы по отъѣздѣ тѣтушки, получилъ я отъ нея письмо, которое сообщая здѣсь, исправивъ только, для удобства читателя, нѣкоторые обороты и ошибки противъ правописанія, потому-что тѣтушка не сильна была въ грамматикѣ.

Любезный племянникъ, я сначала серьезно помышляла о возвращеніи въ Лондонъ, гдѣ ты и моя племянница, безъ-сомнѣнія, ощущаете мое отсутствіе; потому-что она, бѣдняжка, незнакома съ обычаями столицы, неопытна въ экономіи и во всемъ необходимомъ для жены и хозяйки, и, конечно, съ трудомъ можетъ управиться безъ меня.

Скажи ей, чтобъ она ни подъ какимъ предлогомъ не давала за годъ болѣе шести съ половиною пенсовъ за лучшіе куски, а въ супъ четыре пенса съ половиною; и что масло перваго сорту стѣитъ въ Лондонѣ осемь съ половиною пенсовъ; на пудинги же и на кухни пусть употребляетъ масло похуже и подешевле. Мистрисъ Титмаринъ очень дурно уложила мои чемоданы, такъ что гвоздемъ отъ замка протерло мое желтое шелковое платъе. Я починила его и уже надѣвала два раза на вечерахъ,—просто семейные, но богатые вечера,—которые давалъ мой гостепріимный хозяинъ: а въ субботу на боль-

ной обѣдъ давала гороховое бархатное, и вѣлъ меня къ столу юркъ Скарамучъ. Обѣдъ былъ самый великолѣпный. Сѣлъ къ дѣлкѣ мнѣ, скакъ, съ обоухъ концевъ стола, одна бѣлая, другая темная; цотомъ цалтусъ и лосось, съ огромными мисками подливки изъ морскихъ раковъ. Одни раки стѣили пятнадцать шиллинговъ, а цалтусъ три гинекъ; лосось подавъ на столъ цалый, всомъ по-крайней-мѣрѣ фунтовъ двадцать, а ужъ нѣтъ того, чтобы подавали бжодо въ другой разъ; вѣтъ недѣля уже, а той лососины не увидишь, ни даже холодной къ завтраку или въ винегретъ. Такая расточительность была бы какъ разъ по душъ мистрисъ Титмаринъ; знаю ее; стыдно-де, скажеть, сальные огарки считать! Счастье вамъ, молодые люди, что есть у васъ сцаруха-тѣтка, которая иной разъ присмотритъ, да научитъ; а есть еще люди, которые, если бъ не то, что у нея конюлекъ плотехъ, готовы бы ее за дверь выпроводить. Я не о тебѣ говорю, Самойлушко; ты, надо правду сказать, всегда былъ нѣжнымъ и почтительнымъ племянникомъ; но есть такіе люди. Пусть же ихъ будутъ спокойны; немного остается мнѣ прожить на свѣтъ; а вотъ-то будутъ радоваться, какъ положить меня въ гробъ!

«А въ воскресенье мнѣ больно не поздоровилось; вдругъ боль такая въ желудкѣ, что я думала пришелъ послѣдній часъ. Я полагаю, что это можетъ быть отъ подливки изъ морскихъ раковъ; но докторъ Блоггъ, за которымъ тотчасъ послали, сказалъ, что онъ боится, не желудочная ли чахотка; однако же прописалъ мнѣ шлюли и микстуры, отъ которыхъ мнѣ стало легче. Пожалуйста, сходи къ нему, успеешь какъ-нибудь на обратномъ пути изъ должности; посылаю тебѣ и адрессъ; кланяйся ему отъ меня и дай одинъ фунтъ и шиллингъ. При мнѣ нѣтъ денегъ, кромѣ десятифунтовой ассигнаціи; остальные въ моей шкатулкѣ, на твоей квартирѣ.

«Хотя гостепріимный мистръ Броу такъ богато услаждаетъ своихъ гостей, однако же, увѣряю тебя, онъ не забываетъ и нищи для духа. Во всемъ здѣсь богатство и роскошь; чай, завтракъ, обѣдъ, все подается на серебряной и золотой посудѣ; на каждой вещи его гербъ и девизъ, улей съ латинскою надписью Industria, то-есть «трудъ»; на всемъ, даже на рукомойникѣ и умывальницѣ въ моей комнатѣ.

«Мистрисъ Броу, сказать между нами, пустая женщина; ни характера, ни ума. Чтò жъ касается мисъ Беланды, это злая, каприз-

не, оставшаяся безъ меня; я одинъ разъ уже поправился, а теперь не
переломъ, и минуты не, осталась бы въ дома, а слѣдъ минутъ.
Броу не принялъ моей спорной, и не принималъ ее: вѣроятно, что
рѣдъ мнѣ.

«Я знаю, право, когда я вернусь въ городъ; здесь мнѣ такъ
хорошо и такъ меня любятъ. Доктора Блогъ говоритъ, что «уль-
пнскій воздухъ самое лучшее леченіе для моей конституціи; а какъ
когда не хотѣть ходить со мною гулять, то мистръ Грейдингъ.
Видно былъ такъ добръ, что несколько разъ ходилъ со мною;
какъ сладостно съ такимъ умникомъ считатьъ те же Путной, го-
къ Вандсвортъ, и дивиться чудесамъ природы. Я говорилъ съ
нимъ и съчетъ моего слопертонскаго имѣнія; онъ не разделяетъ мнѣ-
на мистра Броу и не оговяръ мнѣ продавать его; но въ этомъ
дѣлѣ я никого не слушаю, а разужу сама.

«Между-тѣмъ ты долженъ прискать себѣ квартиру поудобнѣе и
нормальнѣе, да смотри, чтобы постель мою каждый день сограва-
ла, и чтобы въ дождливые дни разводили огонь въ моемъ каминѣ.
И скажи мистрисъ Титмаршъ, чтобы она приотрала за мной са-
мымъ шелковымъ платьемъ, и держала его въ готовности въ тому
время, какъ я приѣду; а мой малиновый снелсеръ мажетъ она
купить себѣ. Надюсь, что она не таскаетъ тѣхъ трехъ прекрасныхъ
лентъ, которыя ты подарилъ ей; пусть она бережетъ ихъ на дру-
гое время, когда ей нужно будетъ пощеголять. Я скоро представлю
се моей пріятельницѣ мистрисъ Броу, и другимъ моимъ хорошимъ
знакомымъ. Остаюсь

«любящая тебя тѣтка».

«Я писала, чтобы мнѣ прислали изъ Сомерсетнаира ящикъ розо-
ло. Когда онъ прибудетъ, пожалуйста прійми его, и прішли поло-
вину сюда, да разуметсяя, заплати за провозъ. Я намѣрена пора-
довать этимъ подарочкомъ моего добраго хозяина, мистра Броу».

Мистръ Броу самъ отдалъ мнѣ это письмо въ конторѣ, прося
внимать, что распечаталъ его по ошибкѣ. Письмо было подано
ему съ цілою кипюю другихъ писемъ, и онъ распечаталъ его не
взглянувъ на надпись. Но онъ увѣрялъ, что не читалъ его, чему я
былъ очень радъ, потому-что вовсе не желалъ, чтобы онъ узналъ
ничью тѣтушки о его женѣ и дочери.

На следующий день привезши, остановившийся в гостиницѣ Том-са, прислалъ въ контору сказать мнѣ, что онъ очень желаетъ погово-рить со мною о важномъ дѣлѣ. Я пошелъ, и каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ стариннаго своего пріятеля Смитерса, фирмы «Годжъ и Смитерсъ». Онъ только-что вышелъ изъ дилжанса и не успѣлъ еще снять дорожнаго платья.

— Любезный другъ мой, Титмаршъ, сказалъ онъ мнѣ; вы ближайшій наследникъ вашей тѣтушки, и я долженъ сообщить вамъ но-вость, которую следуетъ вамъ знать. Она писала намъ; чтобы мы прислали ей ящикъ ея доморощенога вина, которое она называетъ розолію, и которое лежитъ въ нашихъ кладовыхъ вмѣстѣ съ ея ме-белью.

— Ну, сказалъ я, улыбаясь, по моему пусть она раздаритъ свое розолію, сколько ей угодно; отрекаюсь отъ всѣхъ правъ своихъ на него.

— Вѣрю, сказалъ Смитерсъ, да не въ томъ дѣло, хотя, сказать правду, мебель ея очень мѣшаетъ намъ. Дѣло въ томъ, что въ припискѣ къ своему письму, она приказываетъ объявить въ газетахъ, что слопертонское и скваштейльское имѣнья продаются немедленно, потому-что она располагаетъ сдѣлать другое употребленіе изъ сво-ихъ капиталовъ.

Я очень хорошо зналъ, что слопертонское и скваштейльское имѣ-нія были для господъ Годжа и Смитерса очень не дурною оброчною статьею; потому-что тѣтушка была въ вѣчныхъ тяжбахъ съ своими мѣзниками, и дорого платилась за свою страсть тягаться. По этой причинѣ, забота мистра Смитерса на счетъ продажи этихъ имѣній казалась мнѣ не совсѣмъ безкорыстною.

— Неужели, мистръ Смитерсъ, вы пріѣхали въ Лондонъ затѣмъ только, чтобы сообщить мнѣ это? Вамъ бы лучше немедленно ис-полнить волю тѣтушки, или взать въ Фульгемъ посоветоваться съ нею объ этомъ предметѣ.

— Помилуйте, мистръ Титмаршъ! развѣ вы не видите, что какъ скоро она продастъ имѣніе, она отдастъ деньги мистру Броу, а ко-гда деньги будутъ въ его рукахъ....

— Она будетъ получать семь процентовъ вмѣсто трехъ; въ этомъ я еще не вижу большой бѣды.

— А чѣмъ же они обезпечены, разсудите сами. Онъ человекъ

честный, неттошный, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя. Но почему здѣтъ? мало ли что можетъ случиться? Вдругъ какое-нибудь несчастье въ торговлѣ, и эти сотни компанiй, въ которыхъ онъ участвуетъ, разорятъ его, — вовлекутъ въ совершенную гибель. Вотъ, напримеръ, компанiя нибирнаго пива, которой онъ директоромъ; о ней идутъ очень неблагопрiятные слухи. Или компанiя бакинскихъ мѣшковыхъ промысловъ; акцiи ея очень падаютъ, а Броу также директоръ. Компанiя патентованныхъ пожарныхъ трубъ, — акцiи упали на тридцать-пять процентовъ и объявленъ новый выпускъ, котораго никто не раскупишь.

— Ну, такъ, мистръ Смитерсъ! У мистра Броу на пять сотъ тысячъ фунтовъ акцiй вольнаго вестдидьсекскаго общества, а разлѣ курсъ ихъ падаетъ? Да и кто же совѣтовалъ тѣтушкѣ пустить свои деньги въ это предпрiятiе, позвольте спросить?

Я зналъ, что на это Смитерсу нѣчего было отвѣчать.

— Все это правда; это очень выгодное предпрiятiе, конечно, и притомъ доставило вамъ триста фунтовъ въ годъ, любовный Титмаршъ; и вы можете насъ поблагодарить за участiе, которое мы всегда принимали въ васъ, — по истинѣ, мы любили васъ, какъ роднаго сына, а мисъ Годжъ по настоящее время еще не оправилась отъ удара, который нанесла ей нѣкоторая свадьба. — Не станете же вы упрекать насъ за то, что мы были виновниками вашего счастья и благосостоянiя?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ я, дружески пожавъ ему руку и принявъ стаканъ вина съ бисквитами, который онъ велѣлъ подать.

Смитерсъ однако же снова приступилъ ко мнѣ: — Титмаршъ, скажите онъ, повѣрьте мнѣ, вытащите свою тѣтку изъ Вороньяго-гнѣзда. Она писала къ мистрисъ С** предлинное письмо о какомъ-то прождоухъ, который ходитъ гулять съ нею, о Граймзъ-Вапшотъ. Этотъ человекъ шьетъ выды на нее. Въ 1814 году онъ былъ подъ судомъ въ Лаккастеръ за подлогъ, и едва вынесъ голову изъ петли. Берегитесь его: отъ шестъ выды на ея деньги.

— Пустяки, сказалъ я, вынимая изъ кармана письмо мистрисъ Гоггартъ; вотъ читайте сами.

Смитерсъ со вниманiемъ прочиталъ письмо, которое по видимому очень смущило его, и отдавая его мнѣ, сказалъ: — Когда такъ, Титмаршъ, то я пропну васъ только о двухъ вещахъ, которыми вы меня

принятого обещаете: во-первыхъ, чтобы ни дѣтъ живой не было позволено ѣхать въ Лондонъ; а во-вторыхъ, позволите мнѣ свободно сегодня у васъ съ вашимъ прелестною шенелю.

— Охотно обещаютъ и то и другое, отвѣчалъ я, охваченъ. Но если вы хотите обѣдать у меня, то о приездѣ вашемъ будетъ извѣстно, потому что у насъ обѣдаютъ пріятель мой Густя Госкинсъ; онъ почти каждыя день обѣдаетъ у насъ съ-тикъ-поръ, какъ тѣтушка ушла къ Броу.

Смитерсъ такъно засмѣялся, и сказалъ: — Надо за бутылкою пить съ него слово молчать.

Послѣ этого мы разстались до обѣда.

Послѣ обѣда неотличивый законникъ опять пріоталъ ко мнѣ, и не стѣтъ разъ къ нему присоединялось Густя и моя жена, которая въ этомъ случаѣ дѣйствовала совершенно безкорыстно, — и дамо больша чѣмъ безкорыстно, потому что отдала бы все на свѣтъ затѣлъ только, чтобы не жить въ одномъ домѣ съ тѣтушкой. Но она говорила, что доводы мистра Смитерса убѣждали ее; да и самъ я пріужденъ былъ признать ихъ справедливость. Но я засѣлъ на своего коня, я обвинялъ на отразъ, что тѣтушка имѣетъ право расселить своихъ вѣдомъ какъ ей заблагоразсудится, и что и на кону жить никакого вѣдѣнія на ее дѣйствія.

Послѣ чаю оба гостя вышли вмѣстѣ, и Густя сказывалъ мнѣ послѣ, что Смитерсъ разспрашивалъ его о дѣлахъ компаніи, о мистрѣ Броу, обо мнѣ и моей женѣ, и обо всемъ, что до насъ касалось. — Вы счастливый молодой человекъ, мистръ Госкинсъ, говорилъ онъ, и кажется большіе пріятель съ этого очаровательною молодую чотого. — Ни это Густя отвѣчалъ, что онъ смѣло считаетъ себя нашимъ другомъ, что онъ въ продолженіе шести недѣль вятнадцать разъ обѣдалъ у насъ, и что на свѣтъ не найдется болѣе добраго, благороднаго и гостеприимнаго малаго, чѣмъ я. Все это повторю не затѣвъ, чтобы трубить себѣ похвалу, но потому что эти распросы Смитерса имѣли тѣсную связь съ послѣдующими событіями, которыя будутъ разсказаны въ настоящей исторіи.

На слѣдующій день, когда мы сидѣли за столомъ надъ холодною жареною бараниною, отъ которой наканунѣ Смитерсъ облизывалъ себя пальчики, и Густя раздвѣлялъ нашу скромную трапезу, вдругъ раздался шумъ извозничьей кареты, которая остановилась у моего подъезда. Мы сначала не обратили на нее вниманія; потомъ послышавъ

они только шли на хвосты; впрочемъ кто-нибудь изъ верхнихъ этажей, думали мы. Но вотъ вдругъ дверь распахнулась, и на порогъ предстала — сама мистрисъ Гоггарт! Густя, который только судачилъ пьну съ кружки портера, чтобы вкушать чудное питье, и который все время морилъ насъ со смеху своими розсказнями и шуточками, при видѣ мистрисъ Гоггартъ поставилъ кружку, поблѣднѣвъ, и не зналъ куда смотрѣть. Сказать правду, и все мы чувствовали себя какъ-то неловко.

Тётушка посмотрѣла свысока на Мери, потомъ сверкнула гнѣвнымъ взглядомъ на Густю, сказала. — правда, совершенная правда, мой бѣдный коммивояжёръ! — Заѣхавъ она сбросилась въ истерикахъ въ мои объятья, и увѣрала, клялась, почти рыдая, что никогда, никогда не оставитъ меня.

И никто изъ насъ не могъ постичь, откуда такое необыкновенное возмущеніе въ мистрисъ Гоггартъ. Когда бѣдная Мери довольно неохотно протянула ей руку, она оттолкнула ее; а когда Густя сказалъ мнѣ съ робостью: — Я здѣсь, кажется, лишній, Самуиль; я лучше уйду! — мистрисъ Гоггартъ сурово взглянула ему прямо въ лицо, вѣжливѣе указала пальцемъ на дверь, и сказала: — Я тоже думаю, сэръ, что вамъ бы лучше выйти.

— А я думаю, что мистръ Госкинсъ можетъ оставаться здѣсь сколько ему угодно, возразила жена моя съ твердостью.

— Я знаю, что вы это думаете, сударыня, отвѣчала мистрисъ Гоггартъ съ злобною усмѣшкой. Но слова и Мери и тётушки были совершенно потеряны для Густя, потому-что онъ, не дожидаясь ихъ, схватилъ шляпу, и я слышалъ, какъ онъ скатился съ лѣстницы.

Ссора кончилась, какъ водится, тѣмъ, что Мери залилась слезами, а тётушка принялась повторять еще съ большимъ жаромъ, что она знаетъ, что еще не поздно, и что съ этого дня она никогда, никогда не оставитъ меня.

— Что могло побудить тётушку воротиться, и еще такою сердитою? сказалъ я Мери, когда мы остались вечеромъ одни въ своей комнатѣ; но жена увѣрала, что она не знаетъ, и не понимаетъ. Только много лѣтъ спустя узналъ я причину этой ссоры и внезапнаго появленія мистрисъ Гоггартъ.

Гадкій, жирный, грубый крошка Смитерсъ разсказалъ мнѣ это, какъ мистерекою предѣлку, въ прошломъ году, въ то же время,

когда показалъ мнѣ письмо господь Гиксона, Диксона, Паксона и Джаксона, которое было приведено выше.

— Другъ мой, Титмаршъ, сказалъ онъ, вы рѣшились оставить мистрисъ Гоггартъ въ Вороньемъ-гнѣздѣ, въ когтяхъ Броу, а я рѣшился, во что бы ни стало, вырвать ее оттуда. Я рѣшился убить, такъ сказать, однимъ выстрѣломъ двухъ самыхъ смертельныхъ враговъ вашихъ. Я совершенно ясно видѣлъ, что преподобный Граймсъ-Вапшотъ подбирался къ денежкамъ вашей тѣтушки, и что мистръ Броу имѣлъ на нихъ такіе же хищническіе виды; то-есть, просто хотѣлъ ограбить ее. Вотъ я и съѣзъ въ Фульгемокій дилижансъ, и какъ прѣхалъ, отправился въ ту же минуту на квартиру Граймса. — Сэръ, сказалъ я ему, отыскавъ почтеннаго проповѣдника, — онъ пилъ горячій джинъ, въ два часа по полудни, или по-крайней-мѣрѣ въ комнату ужасно пахло водкою; — сэръ, сказалъ я ему, въ 1814 году васъ судили въ ланкастерскомъ ассизномъ судѣ за подлогъ...

« — И оправдали, сэръ, сказалъ Вапшотъ. Провидѣніе раскрыло мою невинность.

« — Однако же въ 1816 году не оправдали отъ обвиненія въ худомъ поведеніи, сказалъ я, и вы высидѣли два года въ Йоркской тюрьмѣ. — Надо вамъ сказать, что я хорошо зналъ всю исторію моего молодца, потому что у меня былъ приказъ объ арестованіи его, когда онъ еще былъ пасторомъ въ Клифтонѣ. Я продолжалъ, не давая ему опомниться отъ первыхъ ударовъ: — Мистръ Вапшотъ, вы ухаживаете за одною почтенною особою, которая въ настоящее время гоститъ у мистра Броу; если вы не дадите мнѣ слова прекратить свое ухаживаніе и отказаться отъ всякихъ видовъ на нее, я выведу васъ на свѣжую воду.

« — Я уже обѣщаль, сказалъ Вапшотъ, съ видомъ изумленія, и въ то же время нѣсколько успокоившись, — я торжественно, клятвенно обѣщаль мистру Броу, который приходилъ ко мнѣ сюда вѣнече утромъ, бранился, клялся... О, сэръ, просто страхъ беретъ, когда слышишь подобныя клятвы и ругательства на устахъ такого благочестиваго чловѣка!

« — Какъ, мистръ Броу былъ здѣсь? спросилъ я съ удивленіемъ.

« — Какъ же; я полагаю, что вы оба по одному слѣду пришли сюда. Вы, видно, хотите жениться на вдовѣ съ слопертонскимъ и скваштейскимъ помѣстьями? не такъ ли? Ну, женитесь-себѣ, Богъ

съ вами. Я уже далъ честное слово, что не буду имѣть ни какого дѣла со вдовою, а честное слово Вапшота свято.

« — Я полагаю, сэръ, сказала я, мистръ Броу обѣщала вышвырнуть васъ изъ дому, если вы еще разъ покажетесь.

« — Вы видѣлись съ нимъ; это по всему видно», отвѣчалъ Вапшотъ, пожавъ плечами. Тутъ я вспомнилъ, что вы мнѣ говорили о распечатанномъ письмѣ, и теперь я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что Броу съ намѣреніемъ вскрылъ и что онъ читалъ его.

« — Такимъ образомъ одна птичка подстрелена; и я, и Броу, оба мѣтили въ нее. Теперь оставалось мнѣ стрѣлять въ самое Воронье-гнѣздо; и вотъ я отправился, приготовивъ приманки и заряды.

« Я прѣхалъ туда уже въ половинѣ девятого, и проходя черезъ ворота, увидѣлъ знакомую фигуру, прогуливаншуюся по фруктовому саду. Это была ваша тѣтушка, сэръ. Но мнѣ хотѣлось повидаться сначала съ любезными хозяйками; потому-что, видите ли, Титмаринъ, изъ письма мистрисъ Гоггарти я догадывался, что онъ жилъ какъ кошки съ собаками, и надѣялся вырвать ее изъ дому посредствомъ кривой ссоры съ ними».

Я засмѣялся, и признался Смитерсу, что онъ собаку съѣлъ въ плутни.

« — И казалось, сама судьба помогала мнѣ, продолжалъ онъ; мисъ Броу, какъ нарочно, сидѣла въ гостиной и что-то брэнчала на гитарѣ и пѣла совершенно не въ тонъ. Но вошедши въ комнату, я закричалъ лакою, какъ можно погромче, чтобы онъ не шумѣлъ, потомъ постоялъ нѣсколько времени неподвижно, и наконецъ приблизился къ ней на дыпочкахъ. Мисъ Броу видѣла каждое мое движеніе въ зеркалѣ; однако же она притворилась, будто не видѣла меня, и окончила свою арию блистательною рюлдою.

« — Боже мой! вскричалъ я; простите мнѣ, сударыня, что я превралъ эту дивную гармонию, что пришелъ такъ невзначай и осмѣлился слушать, не испросивъ на то дозволенія.

« — Вы къ матушкѣ, сэръ? спросила мисъ Броу со всею любезностью, какую только могло принять на себя лицо ея. — Я мисъ Броу, сэръ.

« — Желалъ бы я, сударыня, чтобы вы позволили мнѣ не сказать ни слова о моемъ дѣлѣ, пока вы не споете еще одну изъ вашихъ обо-рожительныхъ мелодій.

« Она не рѣшилась пѣтъ, но по лицу видно было, какъ лестны ей были мои слова. — Что вамъ угодно, сэръ? спросила она.

« — Я имѣю дѣло къ одной почтенной дамѣ, которая въ настоящее время гостить у вашего почтеннаго батюшки.

« — О, къ мистрисъ Гоггари! сказала мисъ Броу, бросившись къ колокольчику, и дернувъ его. — Джонъ, пошли за мистрисъ Гоггари, въ фруктовый садъ, просить ее сюда; вотъ господинъ, который желаетъ съ нею видѣться.

« — Я знаю, продолжалъ я, знаю причуды мистрисъ Гоггари, какъ никто ихъ не знаетъ, сударыня; и понимаю, что по причудамъ этимъ и по своему воспитанію, она не можетъ быть вамъ вполне пріятною собесѣдницею. Я знаю, что вы не любите ее; она писала къ намъ въ Сомерсетинайръ, что вы не любите ее!

« — Какъ! она сплетничаетъ на насъ своимъ знакомымъ? вскричала мисъ Броу — а я только того и хотѣла. — Если мы ей не правимся, зачѣмъ же она живетъ у насъ?

« — Да, она немножко долго погостила, подхватилъ я, и я увѣренъ, что ея племянникъ и племянница давно уже стосковались по ней. Сдѣлайте милость, сударыня, не уходите; вы, можетъ-быть, пособите мнѣ въ дѣлѣ, за которымъ я пріѣхалъ.

« А дѣло-то, за которымъ я пріѣхалъ, сэръ, было просто завязать по всемъ правиламъ генеральное сраженіе между хозяйскою дочерью и гостьею, послѣ котораго я собирался сдѣлать воззваніе къ мистрисъ Гоггари въ томъ смыслѣ, что неужели она послѣ того можетъ еще оставаться въ домѣ, съ членами котораго она входить въ такихъ непріязненныхъ отношеніяхъ? И что жъ, сэръ, генеральное сраженіе было дано: мисъ Белинда открыла огонь, сказавъ, что до нея дошло, что мистрисъ Гоггари клеветала на нее передъ своими знакомыми. Но хотя мисъ Белинда послѣ этого вывѣжала въ ярости, крича, что если эта низкая женщина не выѣдетъ отъ нихъ, то она сама убьютъ изъ родительскаго дома, однако же любезнѣйшая тѣтушка ваиа только захохотала и сказала: А, знаю я штуки этой злой дѣвчонки, но, благодаря Бога, у меня доброе сердце, а религія повелѣваетъ намъ прощать оскорбленія. Я не выѣду изъ дому ея благороднаго отца, не оскорблю своимъ отъездомъ этого достойнаго, почтеннаго друга.

« Тутъ я попытался преклонить мистрисъ Гоггари состраданіемъ. —

Ваша племянница, сказалъ я, мистрисъ Титмаринъ, съ нѣкотораго времени, какъ говорилъ мнѣ бѣдный мужъ ея съ безпокойствомъ, чувствуетъ по утрамъ тошноту; стала раздражительна, скучна; — все признаки, сударыня, въ значеніи которыхъ невозможно сомнѣваться, когда идетъ рѣчь о молодой женщинѣ, недавно вышедшей замужъ.

«Мистрисъ Гоггарти сказала мнѣ на это, что у нея есть чудесныя капли, что она пошлетъ ихъ мистрисъ Титмаринъ, и убѣждена, что онѣ помогутъ ей.

«Послѣ этихъ двухъ неудачъ, какъ мнѣ ни тяжело было, я долженъ былъ прибѣгнуть къ послѣдному средству, оставившемуся у меня въ запасъ. Теперь это дѣло давно прошедшее и забытое, и потому я могу сказать вамъ все. И такъ я сказалъ ей: — Сударыня, сказалъ я, есть еще обстоятельство, о которомъ я долженъ поговорить съ вами, но не смѣю... Видите ли, я вчера обѣдалъ у вашего племянника, и засталъ у него за столомъ молодаго человека съ самыми простыми приемами, но который, очевидно, ослѣпилъ вашего племянника, и — боюсь я, — успѣлъ произвести слѣшкомъ сильное впечатлѣніе на вашу племянницу. Имя его Госкинсъ. Посудите сами, сударыня; человекъ, который при васъ никогда не бывалъ въ домъ, въ теченіе трехъ недѣль шестнадцать разъ обѣдалъ у вашего доверчиваго племянника; послѣ этого вы сами представите себѣ — о чемъ я даже и не смѣю думать.

«Клюеть, подумалъ я про себя. И въ-самомъ-дѣлѣ, тѣтушка ваша вдругъ вскочила, и черезъ десять минутъ она уже сидѣла въ моей насмной каретѣ, и мы ѣхали обратно въ Лондонъ. Ну, что, сударь? каково!

— И вы осмѣлились разыграть эту чудесную штуку на счетъ моей жены, мистръ Смитерсъ? сказалъ я.

— Конечно, на счетъ вашей жены; но вѣдь для вашей же общей пользы!

— Счастіе ваше, сэръ, сказалъ я, что вы старикъ, и что съ-тѣхъ-поръ прошло уже десять лѣтъ; не то я далъ бы вамъ такую потасовку аранникомъ, о какой вы, мистръ Смитерсъ, при всемъ вашемъ умѣ, и понятія не имѣете.

Такимъ-то образомъ мистрисъ Гоггарти воротилась въ Лондонъ, и снова поселилась у своего племянника. Это же было причиною

новой наней перемѣны квартиры; я нанялъ домъ въ Бернардской улицѣ; а что мы тамъ пережили и испытали — составить теперь предметъ моей рвчи.

IV.

Мы наняли хорошенькій домикъ въ Бернардской улицѣ, а тѣтушка выписала изъ деревни всю свою мебель, которой было бы достаточно на меблированіе двухъ такихъ домовъ; впрочемъ, она обошлась намъ очень дешево, потому-что мы заплатили только за провозъ ея изъ Бриера.

Четыре мѣсяца уже мистрисъ Гоггарти жила у насъ, а я не получалъ еще отъ нея ни полушки. Наконецъ, когда я принесъ ей третій ея годовой дивидендъ, восемьдесятъ фунтовъ, она дала мнѣ изъ нихъ пятьдесятъ, сказавъ, что это совершенно достаточно за квартиру и столъ старушки, которая вѣтъ не больше воробья.

Я самъ вдалъ въ деревнѣ, какъ она съѣдала по девяти воробьевъ въ пуддингъ; но она была богата и я не смѣлъ жаловаться. Если она сберегала по-крайней-мѣрѣ по шести-сотъ фунтовъ въ годъ тѣмъ, что жила у насъ, все это должно же было, со временемъ, перейти ко мнѣ. Мы съ Мери утѣшались этимъ, и заботились только о томъ, какъ бы съ своими небольшими средствами сводить концы съ концами. Не легкое было дѣло держать домъ въ Бернардской улицѣ, и еще что-нибудь откладывать въ сторону изъ четырехъ сотъ семидесяти фунтовъ, которые составляли весь нашъ годовой доходъ. Но какое еще мнѣ счастье, что я имѣлъ эти четыреста семдесятъ фунтовъ!

Въ то время, какъ мистрисъ Гоггарти выезжала изъ Вороньяго гнѣзда въ каретъ Смитерса, мистръ Броу въѣзжалъ въ ворота на своей сѣрой четвернѣ. Любопытно было бы посмотреть, какъ смотрѣли другъ на друга эти два человѣка въ ту минуту, какъ одинъ увозилъ у другаго добычу изъ самой его берлоги, и подъ самымъ его носомъ.

На слѣдующій день мистръ Броу пріѣхалъ навѣстить мистрисъ Гоггарти, и божился, что не уѣдетъ, пока она не поѣдетъ съ нимъ; что онъ слышалъ о Непростительномъ поступкѣ своей дочери, и въ-

даль се въ слезахъ и на колѣнахъ испрашивающую у Бога прощенья своего грѣха. Однако же мистръ Броу принуждёнъ былъ вѣхать отъ насъ одинъ безъ тѣтушки, потому что ее удерживало еще болѣе сильное побужденіе. Она почти не выпускала бѣдную Мери изъ глазъ, расечатывала всѣ письма, приходившія на имя моей жены, и воздерживала всѣ ея письма. Мери открыла мнѣ всѣ эти страданія только много лѣтъ спустя; тогда же она не говорила мнѣ о томъ ни слова, и всегда съ улыбкою на устахъ встрѣчала своего мужа, когда онъ возвращался отъ своей ежедневной работы. Что касается до Гуски, тѣтушка такъ напугала его, что онъ носу не показывалъ во все время нашего пребыванія на этой квартирѣ; онъ довольствовался тѣмъ, что осведомлялся о здоровьѣ Мери, которую онъ столько же подлюбилъ, какъ меня.

Мистръ Броу, по отъѣздѣ отъ него тѣтушки, сталъ сильно гнѣзваться на меня. Что я ни дѣлалъ, все было дурно; онъ бранилъ меня разъ по десяти въ день, и бранилъ въ присутствіи всей конторы. Это наконецъ вывело меня изъ терпѣнія, и я одинъ разъ объявилъ ему напрямки, что я не простой служащій на жалованьи у компаніи, но имѣю съ тѣмъ и акціонеръ ея на значительную сумму; что всѣ его усудовольствія на мое нерадѣніе и мои ошибки ничто иное, какъ ни на чемъ не основанныя придирки, и что я не намѣренъ терпѣть грубаго обращенія ни отъ него, ни отъ кого другаго. Мистръ Броу отвѣчалъ, что всегда такъ бываетъ; что не случалось ему еще полюбить молодого человѣка, который не отплатилъ бы ему неблагодарностью; что онъ уже привыкъ не ожидать отъ дѣтей своихъ ничего кромѣ вѣроломства и презрѣнія, и что будетъ ежедневно молить Бога объ отпущеніи мнѣ этого грѣха. А за минуту передъ тѣмъ онъ бранилъ и проклиналъ меня, и говорилъ со мною хуже, чѣмъ съ послѣднимъ чернорабочимъ. Но все это оттого, что я уже не хотѣлъ сносить спѣси мистрисъ Броу или надменнаго смиренія ея супруга. Пока я былъ одинъ, я возволялъ имъ дѣлать со мною что имъ было угодно; но я не хотѣлъ, чтобы жена моя подвергалась новымъ униженіямъ, какъ въ тотъ день, когда они увезли мистрисъ Гоггартн.

Въ заключеніе Броу предостерегъ меня противъ Годжа и Смитерса. — Остерегайтесь ихъ, сказалъ онъ; если бъ не моя честность, эти два давно поглотили бы помѣстья вашей тѣтушки; между-тѣмъ какъ я, для ея пользы, — чего ты, безразсудный упрямецъ, не хочешь по-

нять, — совѣтовалъ ей продать ихъ, ея безсовѣстные, жадные стряпчие имѣли дерзость просить за продажу ихъ десять процентовъ за труды.

Мнѣ казалось, что въ этомъ была нѣсколько и правда. Во всякомъ случаѣ, когда два плута побранятся, честный человекъ выигрываетъ, потому-что остается при своемъ; а я съ этого времени началъ подозревать, какъ ни прискорбно мнѣ сказать это, что съ обѣихъ сторонъ, и въ стряпчемъ и въ Броу была своя доля плутовства. Особенно хотѣлось мистру Броу запустить свои когти въ имѣніе моей жены; онъ опять, по обыкновенію, совѣтовалъ мнѣ употребить ея капиталъ на покупку акцій нашей компаніи, на что я отвѣчалъ ему, въ десятый разъ, что жена моя еще несовершеннолѣтняя, и что, слѣдовательно, небольшое имущество ея совершенно не зависить отъ моего распоряженія. Этотъ отвѣтъ ужасно взбѣсилъ мистра Броу, и я скоро убѣдился, по обращенію со мною Абедего, что я уже совершенно утратилъ его милость. Меня уже не отпускали въ неурочные дни, не давали мнѣ болѣе денегъ впередъ; вскорѣ даже должность собственнаго секретаря при директорѣ упразднена, и я очутился опять на прежнихъ двухъ стахъ пятидесяти фунтахъ жалованья. Это меня, впрочемъ, нимало не печалило; я все-таки имѣлъ достаточное содержаніе, усердно исполнялъ свои обязанности, и знать не хотѣлъ Броу.

Около этого времени, въ началѣ 1824 года, компанія ямайскаго инбирнаго пива прекратила платежи, и закрылаея; лопнула въ одинъ щелчокъ, какъ говорилъ Густя. Акцій компаніи патентованныхъ пожарныхъ трубъ упали съ шестидесяти-пяти на пятнадцать фунтовъ. Наши акціи однако же держались еще значительно выше паря; вольное вестдильсекское общество поднимаю голову выше любого лондонскаго торговаго учрежденія. Брань Роундгенда на директора имѣла, конечно, нѣкоторое вліяніе, потому-что онъ обвинялъ его въ злоупотребленіи довѣрія акціонеровъ и вкладчиковъ, и въ самовольномъ распоряженіи капиталами; однако же члены еще крѣпко держались между собою, и компанія стояла непоколебимо какъ скала.

Возвратимся къ положенію дѣлъ на моей квартирѣ. Наши тѣсные покои были завалены тетушкиною старинною мебелью; громоздкій, старый флигель на кривыхъ ножкахъ и съ дребезжащими, порванными на половину струнами, занимаъ три четверти нашей небольшой гостиной. Мистрисъ Гоггартъ каждый день садилась къ нему и по цвѣ-

льготъ часамъ угощала насъ пьесами, бывшими въ модѣ при лордѣ Чарльзѣ, или пѣла разбитымъ голосомъ чувствительные романсы, современные ея дѣвичеству, такъ-что намъ по бѣльшей части стоило утѣсненныхъ усилій, чтобъ не расхохотаться.

Смѣшно было также видѣть перемѣну, совершившуюся въ это время въ характерѣ мистрисъ Гоггартъ. Въ деревнѣ, гдѣ ова была однимъ изъ первыхъ лицъ въ околodкѣ, она довольствовалась приглашать на чашку чаю въ шесть часовъ, а затѣмъ на партію въ вистъ по два пенса; въ Лондонѣ же она и слышать не хотѣла объ обѣдѣ ранѣе семи часовъ; условилась съ извозчикомъ, чтобы онъ два раза въ недѣлю привозилъ ей щегольской кабриолетъ, чтобы провѣхаться по парку; крошкa и перекраивала, выворачивала и перешивала всѣ свои старыя платья, мантилы, чепцы и прочее тряпье, а бѣдная Мери должна была сидѣть за ними съ утра до ночи, чтобы приладить эти старыя тряпки къ послѣдней модѣ. Сверхъ-того она завела новый парикъ, а въ одно прекрасное утро на щекахъ ея явился новый румянецъ, какимъ никогда не надѣляла ее природа, и отъ котораго пришла въ изумленіе вся Бернардская улица, не привычная еще къ такимъ обычаямъ.

Наконецъ ей вздумалось даже, что намъ необходимо надлежало держать лакея и одѣвать его въ ливрею. И вотъ мы наняли парня лѣтъ шестнадцати, и нахлобучили на него одну изъ старыхъ ливрей, привезенныхъ тѣтушкой изъ Сомерсетшайра, пришивъ къ ней только новые воротники, обшлага и пуговицы; на пуговицахъ были изображены соединенные гербы Титмаршей и Гоггартъ, именно дроздъ, выступающій въ бой и боровъ въ доспѣхахъ. Мнѣ, признаться, эта ливрея съ гербовыми пуговицами показалась сначала очень смѣшною и неумѣстною, хотя родъ нашъ дѣйствительно очень стараго и хорошаго происхожденія. Но что за хохоть, о Боже! поднялся однажды въ конторѣ, когда явился маленькій человѣчекъ въ огромнѣйшей ливрѣ, съ богатырскою палицею, и подаль мнѣ записку отъ мистрисъ Гоггартъ изъ Гоггартъ-кастля! Далѣе, тѣтушка завела такой порядокъ, чтобы письма, носовые платки и прочее подавались всегда на серебряномъ поднось. Я думаю, что если бъ у насъ былъ ребенокъ, она и его велѣла бы положить на серебряный поднось. Впрочемъ, доселѣ такъ же мало основанія было намеку мистра Смитерса на этотъ счетъ, какъ и другой, рассказанной вамъ низкой его выдумкѣ. Тѣтушка и

Мери почти каждый день важно ждали въздъ и впередъ по Новой-дорогѣ, а малолетний ланей слѣдовалъ за ними въ своей лицевой и съ огромною палкою съ золотымъ набадашникомъ. Несмотря на эту пыльность и важность, и хотя тѣтушка не переставала хвалиться своими знатными друзьями, однако же проходили дни за днями, недели за неделями, а у насъ не видавъ было ни души живой, и во всамъ Лондонъ, я думаю, не шло бы дома унылые и ошученные.

По воскресеньямъ мистрисъ Геггарти ходила обыкновенно въ церковь Святаго-Павла; а вечеромъ въ молельню анабаптистовъ. Это былъ день свободы и отдыха для насъ съ Мери; мы отправлялись въ церковь воспитательнаго дома, гдѣ у насъ было постоянное мѣсто, слушали чудесную проповѣдь, и жена моя съ завистью поглядывала на прелестныя личики дѣтей; признаться, и мои глаза постоянно обращались туда же. Не раньше однако жъ, какъ черезъ годъ послѣ свадьбы, сообщила она мнѣ нѣчто, чего я здѣсь не скажу, но что преисполнило и ее и меня невыразимую радостью.

Номню, что она открыла мнѣ эту тайну въ тотъ самый день, какъ компанія бафинскихъ звѣрныхъ промысловъ закрылась, поглотивъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, капиталъ въ триста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и представивъ на покрытие его простой лоскутокъ бумаги, заключавшій торговый договоръ съ различными индѣйскими племенами. Вскорь затѣмъ тѣ же самые Индѣйцы изрубили своими топорами агента компаніи. Нѣкоторые злые языки утверждали, будто Индѣйцы и не думали изрубить агента по той простой причинѣ, что ни тѣхъ Индѣйцевъ, ни агента никогда не бывало, и указывали даже въ Лондонъ домъ, въ которомъ сочинена вся эта сказка. Какъ бы то ни было, но мнѣ было жаль бѣднаго Тида, который такимъ образомъ въ одинъ годъ потерялъ свои двадцать тысячъ фунтовъ. Я встрѣтилъ его въ тотъ же день въ Сити; на немъ лица не было; онъ сказалъ мнѣ, что у него не было уже ничего, кромѣ тысячи фунтовъ долгу, и что ему оставалось только просить милостыню. Однако же онъ этого не сдѣлалъ, а былъ вскорь затѣмъ арестованъ и долго просидѣлъ въ Флитской тюрьмѣ. Впрочемъ, пріятная новость, сообщенная мнѣ моею Мери, какъ вы можете себя представить, скоро вытѣснила изъ моей головы и Тида и компанію бафинскихъ звѣрныхъ промысловъ.

Возвѣдъ затѣмъ приключились въ лондонскомъ Сити другія проше-

проектъ, который доказалъ, что положеніе нашего директора было не совсемъ такъ твердо, какъ еще по-большей-части полагади. Три изъ его компаній разительно рухнули; а четырехъ другихъ ходили достоярны слухи, что имъ не миновать банкротства; даже въ дождливый всмалдоекскомъ обществѣ послѣдня собранія директорскіе были очень бурны, и кончились тамъ, что многіе члены совѣта подали къ отставку. Мѣста ихъ замѣщены благопріятелями мистра Броу, людьми невѣстными и ничтожными, которыхъ онъ съ этою дѣлю дѣлалъ въ общество. Мистръ Броу разошелся также съ Гофомъ, по той причинѣ, говорилъ онъ, что ему довольно было дѣла по одному всмалдоекскому обществу, и что онъ намеренъ мало-помалу отдѣлаться отъ всякихъ другихъ дѣлъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, чаще общество представляло достаточно занятій для самаго дѣятельнаго человека, не говоря даже о другихъ обязанностяхъ мистра Броу по нанию его члена парламента и о семидесяти двухъ процессахъ, которые обрушились на него какъ на главнаго директора обанкротившихся компаній.

Здѣсь надлежало бы мнѣ, можетъ-быть, описать отчаянныя усилія мистрисъ Гоггарті втереться въ знатный кругъ. Странное дѣло: несмотря на положительныя слова лорда Типтофа, она упорно настаивала на близкомъ родствѣ своемъ съ леди Дромъ; и какъ-скоро узнала изъ газетъ, что леди Дромъ возвратилась въ Лондонъ съ своими внучками, немедленно приказала заложить вышеупомянутый лабриолетъ, объѣхала ихъ всѣхъ, и у всѣхъ оставила свою визитную карточку: «Мистрисъ Гоггарті изъ Гоггарті-кастля», роскошно выгравированную готическимъ шрифтомъ съ украшеніями, и нану, «мистръ и мистрисъ Титмаршъ», которую она нарочно для того напечатала.

Она готова бы силою прорваться въ подъездъ леди Джонъ Пресвитъ и приступомъ взойти на лѣстницу, несмотря на убѣжденія и молбы Ме.и, если бѣ только швейцаръ, принявшій карточки, сколько-нибудь ободрилъ ее къ тому своею наружностью. Но этотъ выскочекъ, пораженный, вѣроятно, ее страннымъ видомъ и нарядомъ, сталъ неподвижнымъ колоесомъ въ самыхъ дверяхъ, и объявилъ, что ему на-строга приказано никого не пускать къ миледи. На что мистрисъ Гоггарті замаянула на него кулакомъ изъ окна

кареты, и сказала, что она будет на него жаловаться, и ему не удастся на своемъ мѣсть.

При этой угрозы швейцаръ только расхохотался; мистрисъ Гоггарти дѣйствительно написала къ министру Эдварду Престону письмо, полное негодованія и жалобъ на наглость и дерзость его прислуги; но министръ Престонъ не уважилъ ея жалобы, а возвратилъ ей письмо съ покорнѣйшею просьбою, чтобы она не беспокоила его впредь своими визитами. Преуморительно было смотреть на досаду и ярость тѣтушки по полученіи этой записки. Когда Соломонъ подаль ее на серебряномъ подносы, тѣтушка, увидѣвъ печать мистра Престона и имя его въ уголку конверта, вскричала съ радостью: — Ну, что, Мери, кто изъ насъ правъ? — и побилась объ закладъ съ моею женою, о шести пенсахъ, что въ этомъ конвертѣ заключается приглашеніе на обѣдъ. Она проиграла пари, но не заплатила, а довольствовалась тѣмъ, что весь день бранила бѣдную Мери, не пощадила и меня.

Я охотно распространился бы о наблюденіяхъ своихъ надъ большимъ свѣтомъ, къ которымъ привели меня упорныя усилія мистрисъ Гоггарти, попасть въ среду его; но должно признаться, свѣдѣнія мои довольно ограничены, потому-что это продолжалось всего полгода, и я не много имѣлъ случаевъ наблюдать его. Ктому же большой свѣтъ былъ уже много разъ и весьма подробно описанъ разными сочинителями романовъ и повѣстей, которыхъ я не намѣренъ исчислять, но которые, будучи сами членами знатныхъ фамилій, или находясь въ услуженіи у знатныхъ вельможъ, или, наконецъ, будучи ихъ прилебальщиками, конечно несравненно лучше знакомы съ этимъ предметомъ, чѣмъ простой конторщикъ страховаго общества.

Но не могу умолчать о знаменитомъ приключеніи нашемъ въ итальянской оперѣ, куда мистрисъ Гоггарти почти насильно затаскала насъ, потому-что это театръ, посѣщаемый по преимуществу большимъ свѣтомъ. Всемъ извѣстно, что по окончаніи спектакля знатные почитатели театра собираются въ общей залъ, гдѣ они толкаются и давятся не хуже другихъ, въ ожиданіи своихъ экипажей; — замѣчу мимоходомъ, что презабавною чучелою смотрѣлъ въ сѣняхъ нашъ маленькій Соломонъ съ своею огромною палицею, среди своихъ щеголей-собратовъ высшаго полету! И такъ, пока мы вмѣстѣ съ другими давились въ залъ, мистрисъ Гоггарти налетѣла на леди Дромъ, которую я, по требованію ея, долженъ былъ указать, и стала рекоменда-

доваться ей родственницею и пересчитывать всю ихъ общую родню. Но у леди Дромъ видно была долга память на родню только когда ей было благоудно; на этотъ же разъ она разсудила совершенно забыть родство свое съ Титмаршами и Гоггарти. Она не только не признала насъ, но даже вслухъ дивилась наглости дерзкой бабы, — такъ честила она мою почтенную тѣтушку, и вовсе горло стала звать констебля.

Эта и нѣсколько другихъ неудачъ въ такомъ же родѣ убѣдили наконецъ тѣтушку «въ суетѣ сего нечестиваго міра», какъ она выражалась, и она все болѣе и болѣе обращалась къ назидательнѣйшему и истинно душеспасительному обществу. Она свела нѣсколько драгоценныхъ знакомствъ въ собраніи анабаптистовъ, и между прочими возобновила дружбу съ своимъ фульгемскимъ пріателемъ, мистромъ Граймсъ-Вапшотомъ. Мы не знали въ то время о свиданіи его съ Смитерсомъ, а самъ Граймсъ не заблагоразсудилъ открыть намъ это обстоятельство. Я однако жъ сообщилъ мистрисъ Гоггарти дошедшее до меня свѣдѣніе, что любимый ея Граймсъ былъ нѣкогда подъ судомъ за подлогъ, но она объявила на отръзъ, что это низкая выдумка клеветниковъ и завистниковъ; а онъ сказалъ на это, что я и Мери обрѣтаемся еще во тьмѣ кромѣшной, и что намъ не мновать хлябей ада, которыми онъ особенно любилъ приправлять свое вѣиство. Подъ руководствомъ и по совѣтамъ своего достойнаго учителя, тѣтушка скоро совсѣмъ перестала ходить въ церковь Святаго-Понкратія, а стала по три раза въ недѣлю посвящать бесѣды Граймса-Вапшота, усердно пещись объ обращеніи къ его ученію всѣхъ нищихъ нашего квартала и шить бѣлье для новорожденныхъ, которое она раздавала этой заблудшей паствѣ. Не подумала же она, однако жъ, шить дѣтское бѣлье мистрисъ Титмаршъ, хотя уже очевидно было, что скоро будетъ въ немъ нужда, а предоставила позаботиться о томъ ей самой, да моей матушкѣ и сестрамъ въ деревнѣ. Не припомню въ точности, но едва ли не говорила она даже, что грѣшно запасаться на завтрашній день, и что слѣдуетъ возложить во всемъ упованіе на благость и предусмотрѣніе Промысла. Какъ бы то ни было, но мистръ Граймсъ-Вапшотъ безпрестанно ходилъ къ намъ пить пуншъ и джинъ, и обѣдалъ у насъ гораздо чаще, чѣмъ обѣдывалъ прежде бѣдный Густа.

Впрочемъ, мнѣ было не до него и не до его дѣйствій, потому что,

признаться, финансы мои къ этому времени начали ужасно разстроиваться, а сверхъ-того я имѣлъ множество заботъ и неприятностей и по дѣламъ службы и въ частной жизни.

Въ отношеніи финансовъ, я получилъ, правда, отъ мистрисъ Гоггарти пятьдесятъ фунтовъ; но изъ этихъ денегъ я долженъ былъ заплатить за провозъ изъ Сомерсетшайра на почтовыхъ, за провозъ тѣтушкина имущества изъ деревни, за отдѣлку, окраску, оклейку дома; изъ нихъ же долженъ былъ покрывать расходы на водку, вина и вообще краше напитки, которые выпивалъ мистръ Граймсъ съ наведенными имъ пріятелями, — эти почтенные господа на отразъ отказались отъ тѣтушкина розоліо, — и наконецъ безчисленное множество другихъ мелкихъ расходовъ, сопряженныхъ съ содержаемъ дома въ одной изъ лучшихъ частей Лондона.

Въ довершеніе бѣдствія, въ минуту самаго ужаснаго моего бездѣнья, получилъ я счетъ мадамъ Мартолини, счеты господъ Говда и Джемса, счеты барона фонъ-Штильца, и наконецъ счетъ мистра Полниуса за оправу моей брильянтовой булавки. И все эти счеты, какъ обыкновенно случается, словно сговорились нагрянуть на меня на одной недѣль. И представьте мое изумленіе, мой ужасъ, когда я представилъ ихъ мистрисъ Гоггарти и она отвѣчала: — что жъ, любезнѣйшій! ты получаешь препорядочное жалованье. Если же тебѣ угодно заказывать платья и булавки у самыхъ модныхъ мастеровъ, надо платить; но думай, чтобъ я стала потакать твоей расточительности и дала тебѣ хоть шиллингъ сверхъ платы, и безъ того уже слишкомъ щедрой, которую ты получаешь отъ меня за квартиру и столъ.

Могъ ли я открыть Мери поступокъ мистрисъ Гоггарти, особенно въ настоящемъ ея состояніи? А какъ ни тяжело было положеніе дѣлъ дома, положеніе дѣлъ на службѣ начинало принимать еще болѣе мрачный и грозный видъ.

Я уже говорилъ, что мистръ Роувдгендъ отказался отъ своего мѣста; вскорѣ послѣ него вышелъ и Гаймаръ; Абеднего сдѣлали главнымъ конторщикомъ, Однажды утромъ, отецъ Абеднего призвалъ въ нашу контору, и былъ тотчасъ введенъ въ собственный кабинетъ директора. Выходя оттуда чрезъ нѣсколько времени, онъ дрожалъ, задыхался и все время бормоталъ сквозь зубы какія-то слова, изъ которыхъ можно было понять только, что онъ былъ въ ужасномъ гнѣз. Какъ-скоро онъ сошелъ въ контору, «Господа», началъ онъ, обращаясь

къ конторщикамъ; но мистръ Броу, слѣдовавшій за ними, перебилъ его и сказалъ умоляющимъ голосомъ: — «Молчите только до субботы!» — Наконецъ онъ кой-какъ успѣлъ вывести разъяренного Жида на улицу.

Въ субботу Абеднего младшій также навсегда оставилъ нашу контору и я сдѣлался главнымъ конторщикомъ, на четырехъ стахъ фунтахъ въ годъ жалованья. Это была роковая недѣля для общества. Въ понедѣльникъ, когда я явился на службу и занялъ свое мѣсто у главной конторы, и первый, по праву своего мѣста, взявъ газеты, первое, что бросилось мнѣ въ глаза, было слѣдующее извѣстie: «Въ Гоундсичѣ произошелъ ужасный пожаръ, истребившій до тла сургучную мануфактуру мистра Менаха и смежное съ нею складочное мѣсто готового платья, принадлежащее мистру Шадраху. На сургучной мануфактурѣ шло двадцать тысячъ фунтовъ лучшей голландской смолы которую пламя обхватило и уничтожило въ одно мгновенie. У мистра Шадраха было заготовлено сорокъ тысячъ паръ платья, по заказу польскаго кацика, для обмундирования его кавалерiи».

Менахъ и Шадрахъ были оба изъ Жидовъ и родственники Абеднего; оба были застрахованы у насъ на всю сумму понесенныхъ ими убытковъ. Несчастный пожаръ этотъ приписывали неосторожности глупато и пьянаго сторожа Ирландца, находившагося въ службѣ мистра Шадраха, который опрокинулъ въ сараѣ штофъ водки и искалъ его со свѣчкой. Хозяева прислали этого сторожа въ нашу контору, и дѣйствительно, мы все были свидѣтелями, что онъ и тогда еще былъ пьянъ мертвецки.

И будто этого еще было недостаточно, тѣ же газеты, въ отдѣлѣ некрологовъ, извѣстили о кончинѣ ольдермана Пэша, надъ дородностью котораго мы любили подшучивать въ счастливыя времена; теперь уже было не до шутокъ! Ольдерманъ Пэшъ былъ застрахованъ въ нашемъ учрежденiи на пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Эти два пожара были самыми тяжелыми ударами, какie претерпѣла наша компанiя. Правда, въ 1822 году пожаръ также истребилъ вандлейскую бумагопрядильню, застрахованную у насъ въ осьмидесяти тысячахъ фунтовъ; и въ томъ же году взорвало фабрику патентованныхъ безопа выхъ спичекъ, застрахованную въ четырнадцати тысячахъ фунтовъ; но многie говорили, что убытки общества далеко не доходили до объявленной имъ суммы; некоторые утверждали даже, что это былъ просто газетный пуфъ, пущенный компанiею въ видъ объявленiя. Я не

могу сказать ничего положительнаго по этому предмету, потому-что никогда не видалъ книгъ нашего учрежденія за первые года.

Мы были чрезвычайно поражены этими несчастными извѣстiями; мистръ Броу, противъ ожиданiя нашего, прiѣхалъ въ контору на своей четверть такъ же спокоенъ и веселъ какъ всегда, и долго шутилъ и смѣялся на подъездѣ съ встрѣтившимся ему случайно прiятелемъ.

— Господа, сказалъ онъ, входя въ контору, вы читали, вѣроятно, сегодняшнiя газеты; онѣ содержатъ извѣстiе, весьма прискорбное для меня. Я разумью кончину почтеннаго ольдсманна Пэша, одного изъ нашихъ вкладчиковъ. Но если что можетъ умѣрить скорбь мою объ утратѣ этого достойнаго мужа, то это то, что въ будущую субботу, въ одиннадцать часовъ утра прiятель мой, мистръ Титмаринъ, — нынѣ нашъ главный конторщикъ, — выдастъ вдовѣ и дѣтямъ его пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ изъ кассы. Что касается несчастiя, постигнаго господѣ Шадраха и Мешаха, въ немъ нѣтъ ничего невозвратимаго, и оно не можетъ никому причинить такой сильной горести. Въ будущую субботу, или какъ скоро нанесенные ими убытки будутъ достоверно исчислены, мистръ Титмаринъ выдастъ имъ изъ кассы сорокъ, пятьдесятъ, осемьдесятъ, сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ, смотря потому, какъ будутъ оцѣнены ихъ убытки. Вся ихъ потеря будутъ вознаграждены; а хотя для насъ это, конечно, значительная выдача, однако жъ, господа, мы можемъ выдержать ее. Джонъ Броу самъ могъ бы, въ случаѣ нужды, принять ее на себя, и это очень мало стѣснило бы его. Мы должны привыкать переносить несчастiя, какъ перенесли доселѣ счастье, и во всѣхъ положенiяхъ жизни быть твердыми и покорными воли Промысла, какъ слѣдуетъ ближнему разумному человеку.

Въ тотъ же вечеръ рѣчь мистра Броу явилась во всѣхъ газетахъ, и я не понимаю, кто бы могъ сообщить ее, потому-что никто изъ нашихъ не выходилъ въ этотъ день изъ конторы до самаго выхода вечернихъ газетъ. Но какъ бы то ни было, а рѣчь была напечатана. Въ концѣ же недѣли, несмотря на увѣренiя мистра Роундгенда, который говорилъ повсюду, что онъ готовъ держать пари о пяти на одинъ, что наследникамъ ольдсманна Пэша не выдать своихъ денегъ, — въ субботу я самъ выдалъ изъ кассы повѣренному мистрисъ Пэшу, пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ и, слѣдовательно, мистръ Роундгендъ проигралъ пари.

Разсказать ли, какъ были добыты эти деньги? Теперь, по прошествии двадцати лѣтъ не можетъ быть никакого вреда въ раскрытіи этого обстоятельства; а сверхъ того оно дѣлаетъ большую честь двумъ лицамъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ.

По своему званію главнаго конторщика, я часто имѣлъ случай бывать въ кабинетъ мистра Броу; онъ опять сталъ ко мнѣ милостивъ и доверчивъ и, повидимому, былъ ко мнѣ расположенъ лучше чѣмъ когда либо.

— Титмаринъ, другъ мой, сказалъ онъ мнѣ однажды, впервые въ меня поводящій, испытующій взоръ: слыхалъ ли ты о горестной участи знаменитаго некогда въ Лондонѣ мистра Зильберниммда?

— Какъ не слыхать? мистръ Зильберниммдъ, Ротшильдъ своего времени, — слыхалъ я даже, что самъ Ротшильдъ въ молодости былъ простымъ конторщикомъ у Зильберниммда, — Зильберниммдъ, вообразивъ, что онъ не въ состояніи удовлетворить всѣхъ поступившихъ къ нему векселей, съ отчаянія лишилъ себя жизни; еслибъ онъ прожилъ еще только до четырехъ часовъ того дня, онъ узналъ бы, что могъ еще располагать наличнымъ капиталомъ въ четыреста фунтовъ.

— Сказать тебѣ откровенно, продолжалъ мистръ Броу, я нахожусь теперь въ такомъ же точно положеніи, какъ Зильберниммдъ. Бывшій товарищъ мой, Гофъ, надавалъ векселей на нашу фирму на огромную сумму, и я принужденъ былъ уплатить ихъ. На меня обратилось четырнадцать акцій, представленныхъ кредиторами этой проклятой компаніи имбирнаго пива; всѣ долги стараются свалить на мою шею, потому-что всѣмъ извѣстно, что я богатъ. Теперь, если мы не выгадаемъ времени, я буду не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Однимъ словомъ, если къ субботѣ мы не добудемъ пяти тысячъ фунтовъ, компанія наша погибла.

— Какъ! Вестдильсекское общество! вскричалъ я, вспомнивъ о небольшомъ вкладѣ бѣдной матушки, составлявшемъ почти все ея состояніе. — Невозможно; дѣла наши въ самомъ цвѣтущемъ состояніи!

— Надо только добыть къ субботѣ пять тысячъ фунтовъ, и тогда все спасено; и если ты добудешь ихъ. — я знаю, что ты можешь, — я дамъ тебѣ за нихъ десять тысячъ фунтовъ.

Затѣмъ мистръ Броу показалъ мнѣ до послѣдней копейки все счета общества и собственные свои счета; и доказалъ, какъ дважды два четыре, что съ помощью этихъ пяти тысячъ фунтовъ дѣла наши

пойдутъ опять какъ нельзя лучше, но что, за невѣжествомъ этой сущности, они неминуемо остановятся и компанія рухнетъ. Какъ онъ это доказалъ, я не берусь рѣшнить; но мнѣ рассказывали, что одинъ знаменитый чело­вѣкъ, — имени его не припомню, — говорилъ что дайте ему только лоскутокъ бумаги и карандашъ, и онъ докажетъ вамъ все, что угодно.

Я обещалъ еще разъ постараться уговорить тѣтушку дать свои деньги. Она выслушала меня довольно ласково, и почти готова была согласиться. Я уведомилъ о томъ директора. Онъ въ тотъ же день явился къ ней съ визитомъ, съ женою и съ дочерью, и еще разъ величественная карета Броу, запряженная четвернею дорогихъ коней, остановилась у нашего подъезда.

Но мистрисъ Броу была плохая дипломатка; вмѣсто того, чтобы принять видъ, будто оказываетъ благодареніе мистрисъ Гоггартн, угваривая ее отдать свои деньги, она съ перваго слова залилась слезами, и даже бросилась къ ея ногамъ, умоляя ее спасти ея милаго Джона. Это тотчасъ возбудило подозрѣнія тѣтушки; вмѣсто того, чтобы дать займы требуемыхъ денегъ, она написала мистру Смитерсу, чтобы онъ немедленно прѣхалъ къ ней, потребовала отъ меня, чтобы я отдалъ ей ея акціи, которыя, какъ я уже говорилъ, оставались въ моихъ рукахъ, и наконецъ осыпала меня бранью и упреками, говоря, что я гнусный обманщикъ разорилъ ее и ввергъ въ нищету.

Откуда же оставалось мистру Броу взять денегъ? Я расскажу вамъ. Однажды, когда я былъ въ его кабинетъ, старикъ Гетсъ, фургемскій дворникъ, принесъ тысячу двѣсти фунтовъ отъ мистра Больза, ростовщика, къ которому, сказалъ онъ, барыня приказала ему отнести все ея серебро. Отдавъ деньги, старикъ долго шарилъ въ карманахъ и наконецъ вытащилъ пяти-фунтовую ассигнацію, которую дочь его скопила на службѣ и прислала ему. Онъ просилъ мистра Броу дать ему еще акцію вестдидльскаго общества. Онъ говорилъ, что готовъ отдать руку на отсѣченіе, если дѣла не пойдутъ опять на славу; и что когда усльпавъ случайно, какъ мистръ Броу, прохаживаясь съ своею супругою по фруктовому саду, плакалъ и отчаявался, и говорилъ, что вотъ изъ-за нѣсколькихъ ничтожныхъ фунтовъ, изъ-за шары шиллинговъ, рухнетъ самый богатѣйшій домъ въ Европѣ, онъ, Гетсъ, и подумалъ да разсудилъ съ своею женою,

что и мнѣ следовало отдать все, что имѣю, чтобы пособить самымъ добрымъ и милостивымъ господамъ, какихъ не найти на всемъ свѣтѣ.

Въ этомъ заключалась сущность словъ Гетса. Мистръ Броу съ восторгомъ пожалъ ему руку, и — взялъ его пять фунтовъ. — Гетсъ, сказавъ онъ, эти пять фунтовъ будутъ лучшимъ вкладомъ во мнѣ твою жизнь.

Что они действительно были лучшимъ его вкладомъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но не на землѣ суждено было бѣдному старцу получить награду за свою посильную лепту.

И это былъ не единственный примѣръ великодушія: сестра мистрисъ Броу, мисъ Доу, бывшая не въ ладахъ съ директоромъ почти съ самаго того времени, какъ онъ сдѣлался знаменитымъ человекомъ, пришла въ контору съ готовою дѣвственностью, и сказала: — Броу, Изабелла прѣзжала нынче утромъ ко мнѣ; она говорила мнѣ, что вы нуждаетесь въ деньгахъ, и вотъ я принесла вамъ свои четыре тысячи фунтовъ; это, какъ вы знаете, все мое имущество; дай Богъ, чтобы оно принесло пользу вамъ и моей милой сестрѣ, которая была мнѣ доброю и любящею сестрою почти до послѣдняго времени.

Мисъ Доу положила бумагу на столъ. Мистръ Броу призвалъ меня, чтобы быть свидѣтелемъ этого благороднаго поступка; со слезами въ глазахъ повторилъ мнѣ слова невестки; потому-что, говорилъ онъ, мнѣ могое онъ поверять все помыслы своей души. По этому случаю былъ я свидѣлемъ и свиданія Гетса съ его господиномъ, которое происходило часъ спустя по выходѣ мисъ Доу. Добрая, благородная мистрисъ Броу! какъ она трудилась, чтобы выручить мужа! Добрая, великодушная женщина, твое сердце было праведно и чисто, и ты заслуживала лучшей доли! Но зачѣмъ жалеть о ней? она до настоящей минуты убѣждена, что мужъ ея настоящій ангелъ, и любитъ его еще больше съ-такъ-поръ, какъ онъ впалъ въ несчастіе.

Въ слѣдующую субботу, какъ я говорилъ, повѣренный наслѣдниковъ ольдермана Пэна получилъ отъ меня въ конторѣ пять тысячъ фунтовъ. — Титмаршъ, другъ мой, сказалъ мнѣ послѣ того мистръ Броу, не жалѣй о деньгахъ своей тѣтки; не огорчайся тѣмъ, что она отобрала у тебя свои акціи. Я знаю, что ты честная, благородная

душа, ты никогда не бранилъ меня за глаза, какъ всѣ эти конторскіе щенки; и ты еще будешь богатъ, я составлю твое счастье!

Недѣлю спустя, въ субботу, я сидѣлъ съ женою, съ мистромъ Смитерсомъ и съ тѣтушкою, и преспокойно пилъ чай, когда на подъѣздъ послышался стукъ, и мнѣ доложили, что какой-то господинъ ждалъ меня въ залъ, и желалъ со мною поговорить. Это былъ чиновникъ «особыхъ порученій» при мидльсекскомъ шерифѣ, мистръ Эминадабъ. Онъ пріѣхалъ арестовать меня, какъ члена и акціонера вольнаго вестдидьсекскаго общества, по иску купца и портнаго мастера Фонтъ-Штильца.

Я вызвалъ Смитерса и просилъ его ради Бога ничего не говорить Мери.

— Гдѣ Броу? спросилъ мистръ Смитерсъ.

— Броу? сказалъ мистръ Эминадабъ; — Броу приказалъ вамъ кланяться и пожелать всякаго благополучія, сэръ. Онъ изволилъ завтракать сегодня утромъ въ Кале.

XI.

И такъ, въ эту роковую субботу меня усадили въ наемную карету, и увезли изъ моей уютной квартирки и отъ моей милой, бѣдной жены, которую я поручилъ мистру Смитерсу утѣшить и успокоить, какъ умѣлъ. Онъ сказалъ, что я долженъ былъ отлучиться на нѣкоторое время по дѣламъ общества, и бѣдная Мери сама уложила въ чемоданчикъ мое бѣлье и платье, окутала мнѣ шею теплымъ шарфомъ, и просила спутника моего не опускать стеколъ кареты, на что онъ отвѣчалъ, злобно оскаливъ зубы, что она можетъ совершенно положиться на него. Путешествіе наше было непродолжительно; за шиллингъ отвезли насъ въ Приказный переулочекъ, и посадили передъ назначеннымъ домомъ.

Домъ, передъ которымъ остановилась карета, принадлежалъ повидимому къ полудюжинѣ домовъ той же улицы, имѣвшихъ одинаковое назначеніе. Ни одинъ человекъ, я думаю, не можетъ безъ содроганія проходить мимо этихъ домовъ. Всѣ окна на улицу снабжены крѣпкими желѣзными рѣшетками, а надъ грязнымъ подъѣздомъ блестяла мѣдная доска съ надписью: «Эминадабъ», чинов-

ннѣ особыя порученій при мидльсекскомъ шерифѣ. Когда мы подошли, небольшой рыжеволосый Жидъ отворилъ первую дверь, и принялъ меня съ своимъ имуществомъ.

Какъ-скоро мы вошли, онъ заперъ дверь и заложилъ ее тяжелымъ болтомъ, и я очутился противъ другой, такой же крѣпкой двери съ огромнымъ всяческимъ замкомъ. Мы вошли въ эту дверь, и вступили наконецъ въ сѣни.

Считаю излишнимъ описывать ихъ. Они были точь въ точь какъ сѣни въ десяткѣ тысячъ другихъ домовъ въ нашемъ мрачномъ лондонскомъ Сити. Тутъ былъ грязный корридоръ съ грязною лестницею, а въ корридорѣ двѣ грязныя двери, отворявшіяся въ двѣ такія же грязныя комнаты, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, и представлявшія притомъ тотъ видъ мрачной и грязной роскоши, о которомъ я теперь не могу вспоминать безъ тайнаго содроганія. Стѣны были обвѣшаны кругомъ лубочными картинками въ дрянныхъ рамкахъ, — то-ли дѣло чудесныя картины внучатаго брата моего Инсманджело Титмарша! — на каминѣ огромныя бронзовыя часы, нѣмъ и канделябры старинной французской работы; около стѣнъ всѣмъ столовъ, уставленныхъ огромнымъ количествомъ серебряной бирингемской посуды. Должно сказать вамъ, что мистръ Эминадабъ не только арестовалъ тѣхъ, которые были не въ состояніи платить, но осуждалъ также деньгами тѣхъ, которые могли платить, и такимъ образомъ онъ уже разъ по десяти продавалъ и покупалъ каждую изъ этихъ вещей.

Я уговорился, что мнѣ дадутъ на ночь заднюю комнату, и пока грязная Еврейка готовила мнѣ постель на небольшой софѣ въ темномъ углубленіи, — горе тому, кто осужденъ спать на ней! — меня пригласили въ большую гостиную. Мистръ Эминадабъ уговаривалъ меня не уходить, и сказалъ въ утѣшеніе, что я на этотъ разъ буду обѣдать даромъ съ обществомъ вновь прибывшихъ гостей. Я не хотѣлъ обѣдать, но я радъ былъ не оставаться наединѣ, даже до прибытія Густа, который жилъ неподалеку и за которымъ я послалъ нарочнаго.

Было восемь часовъ вечера. Въ большой гостиной я засталъ четыре человѣка, собиравшихся садиться за столъ. И — о удивленіе! въ числѣ ихъ увидѣлъ я мистра Б**, молодаго человѣка, принадлежавшаго къ высшему обществу и одного изъ законодателей моды, который только-что пріѣхалъ за полчаса на почтовыхъ, въ сопровожденіи мистра Лока-

человѣка горючего тюрмы. Мистръ Б** — былъ арестованъ въ слѣдующему случаю. Онъ былъ добрый, беззаботный молодой человѣкъ, и поручился на значительную сумму за одного своего пріятеля, который, принадлежа къ одной изъ знатнѣйшихъ и почетнѣйшихъ семействъ, заварилъ его честью и самую торжественною клятвою, что уплатитъ означенныя векселя. Поручившись по векселямъ пріятеля, мистръ Б**, по свойственной ему безпечности, совсѣмъ забылъ о нихъ; разнымъ образомъ и одолженный имъ пріятель, по какому-то несчастному случаю, забылъ о нихъ, и вмѣсто того, чтобы быть въ Лондонѣ къ сроку уплаты, уехалъ за границу, не предупредивъ даже мистра Б**, что въслѣдствіе по векселямъ надеть на него. Несчастный молодой человѣкъ долго лежалъ въ горячкѣ въ Брайтонѣ, болнаго видѣли его, съ постелею, и отвезли, въ проливной дождь, въ горючего тюрму; болѣзнь его возобновилась съ новою силою, и когда онъ достаточно оправился, его посадили въ потурочную карету и перевезли въ Лондонъ, къ мистру Эппингаму, гдѣ я съ нимъ и встрѣтился; онъ былъ блѣденъ, худъ, но по прежнему веселъ и беззаботенъ; лежалъ на софѣ и заказывалъ обѣды, на которыхъ я былъ приглашенъ. Больше было смотреть на него; на лицѣ его было явственно написано, что дни его уже счтены.

Мистръ Б** конечно не имѣетъ ничего общаго съ моими разсказами; однако жъ я не могъ удержаться, чтобы не поговорить о немъ и о состояніи, въ которомъ я видѣлъ его. Онъ тотчасъ послалъ за своимъ стряпчимъ и за докторомъ; первый поспѣшно разсчитался съ его кредиторами, а второй устроилъ всю его земные расчеты, потому что по освобожденіи изъ домоваго дома *, онъ уже не могъ справиться отъ удара, нанесеннаго ему арестомъ; онъ чухъ, чухъ, и чередъ, въпомнюща недѣль умаръ. И хотя много прошло лѣтъ съ того времени, и много пережилъ я дружескихъ собѣдій, однако же не забуду этого до самой смерти. Я часто вижу виновника его смерти, который

* Въ Англіи, лица, арестуемыя за долги, не отправляются тотчасъ въ долговыя тюрмы, а проводятъ сначала нѣкоторое время въ частныхъ тюрмахъ, устроенныхъ въ домахъ того особаго сословія, которое заведуетъ арестованіемъ должниковъ. Тутъ, обыкновенно, содержатся стряпчие, и вообще люди, живущіе поборами съ ближняго, дерутъ съ нихъ, что сколько можно. Зато сарнастическій языкъ народа называетъ эти заведенія: *trading houses*, по-нашему живодернями.

почти каждый день сидитъ у окна одного моднаго клуба. — Желалъ бы я знать, спокойно ли ему спится, и вкусны ли ему его пыльные обеды? Любопытно бы также знать, заплатилъ ли онъ наследникамъ мистра Б** деньги, которыя несчастный внесъ за него, и которыя ему стоили жизни.

Если исторія мистра Б** не имѣетъ ничего общаго съ моею исторіею, и помѣщена здѣсь только ради правоученія, то казая мнѣ нужа подробно описывать обедъ, которымъ онъ угостилъ меня въ долговомъ домѣ мистра Эмпадаба? Однако же и тутъ есть свое правоученіе; и потому я долженъ дать читателямъ вѣрный отчетъ, въ чемъ состоялъ этотъ обедъ.

За столомъ было пять человѣкъ, и подали три серебряныя миски супу, именно: черепашій супъ — разумеется не настоящій, — бульонъ, и супъ съ потрохами. За тѣмъ следовали, также на серебряныхъ блюдахъ, огромный кусокъ лосося, жареный гусь, жареная бранья лонатка, жареная дичь, и разнаго рода легкія блюда. Такъ имѣть итѣ въ долговомъ домѣ тотъ, кто имѣетъ средства и охоту лѣзть, и за такимъ обедомъ, до котораго я однако же не дострогивался, потому-что уже объедалъ; да и слишкомъ тяжело было у меня на душѣ, — всталъ моя Густа, поспѣшнѣйшій ко мнѣ по полученіи моей записки.

Густа никогда не видалъ еще ни тюремъ, ни долговыхъ домовъ, и сердце его стѣснилось, когда рыжій Жиденокъ, Мовша, впустилъ его и заперъ за нимъ многочисленныя, окованныя желѣзомъ двери. Зато онъ остолбенѣлъ отъ изумленія, увидѣвъ меня за бутылкою добраго вина, въ комнатѣ, освѣщенной золочеными лампами; шторы были опущены, и за ними не видать было желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ. Мистръ Б**, мистръ Локъ — брайтонскій тюремный чиновникъ, мистръ Эмпадабъ и еще одинъ богатый Жидъ, одного съ нимъ ремесла, весело съ нимъ бесѣдовали за стаканомъ вина

— Просите сюда, сказалъ Б**, подавайте сюда пріятеля мистра Титмарига; кланюсъ честию, я люблю смотреть на моншенниковъ, а хотъ убійте, мистръ Титмаригъ, я считалъ васъ первымъ моншенникомъ во всемъ Лондонѣ. Вы перещеголяли самаго Брей; ой-Богу, перещеголяли! онъ, до-крайней-мѣры, тамъ уже и смотритъ моншенника, но дитю

знаешь, съ кзмъ имъешь дѣло. А на вась посмотринь, побожнисья, что олицетворенная честность.

— Отпустилъ штуку, мой соколикъ; сказалъ мистръ Эминадабъ, подмигнувъ своему прятелю, мистру Іехонафату, и указывая на меня.

— Славная пожива! сказалъ Іехонафатъ.

— Сидитъ за триста тысячъ фунтовъ, сказалъ Эминадабъ; правая рука мистра Броу, а всего двадцать четвертый годъ!

— Мистръ Титмаринъ, ваше здоровье, сэръ, сказалъ мистръ Локъ въ норывъ восторга. — Ваше здоровье, сэръ, желаю болве удачи въ другой разъ.

— Полно, полно, сказалъ Эминадабъ, оставьте его въ покоѣ.

— Что это значить, сэръ? вскричалъ я? въ изумленіи; — за что я сижу? вѣдь вы арестовали меня за девяносто фунтовъ.

— Оно такъ, сэръ; — но тамъ есть еще полмилліончика; ну, вы сами знаете, сэръ. То не мое дѣло, простые торговые расчеты. Ну, известно, по дѣлу Броу. Не хоронее дѣло, да вамъ-то какъ не вынутаться? О, мы знаемъ вашу милость; положу голову на отсвченіе, что вы выйдете цѣлы изъ-подъ суда, а у мистрисъ Титмаринъ, глядь, хорошенькій капиталецъ.

— У мистрисъ Титмаринъ свое небольшое состояніе, сэръ, сказалъ я; что жъ изъ этого?

— Въ присутствующіе громко захохотали и начали говорить, что я продувной малый, что я всякаго проведу, и дѣлать другія замѣчанія, которыя я никакъ не могъ себя объяснить. Только послѣ уже понялъ я, къ крайнему моему прискорбію, что они принимали меня за гнуснаго обманщика и мошенника, и полагали, что я обокралъ кассу вольнаго вестдидьскаго общества; а чтобы укрыть деньги отъ взысканія, перевелъ ихъ на имя жены.

Среди этого разговора вошелъ Густя; и феть! какъ свиснулъ онъ, увидявъ, чѣмъ мы были заняты!

— Ой ве, геръ фонъ Іюль! вскричалъ Эминадабъ. Мы все захохотали.

— Садитесь, сказалъ мистръ Б**, садитесь, и смочите свитокъ! Эй, Эминадабъ, еще бутылку бургонскаго для мистра Госкинса.

И не успѣлъ Густя опомниться гдѣ онъ, какъ уже сидѣлъ съ ними за столомъ, и въ первый разъ въ жизни пилъ кло-де-вужо. Онъ ска-

зая, что отъ роду еще не отвеждалъ бергамскаго, на что мистръ Эминнадабъ презрительно оскаляя зубы, и сказалъ ему правильное названіе вина.

— Еще бутылку завѣтнаго! восклицалъ мистръ Б**.

— Старога! подхватилъ Густа, и мы всѣ захохотали; но Жидки на этотъ разъ уже не смѣялись.

— Ну полно, сэръ, сказалъ пріятель мистра Эминнадаба; мы здѣсь все люди хорошіе, а хорошіимъ людямъ не годится сутить надъ хорошими людьми.

По окончаніи пирушки, я ушелъ съ Густею въ свою комнату, чтобъ поговорить о своемъ дѣлѣ. На счетъ ответственности, которой я могъ бы подвергнуться въ качествѣ акціонера востандльсекскаго общества, я былъ совершенно спокоенъ, потому-что, хотя это и могло возмѣть меня сначала въ нѣкоторыя хлопоты, однако же я очень хорошо зналъ, что никогда не былъ акціонеромъ; акціи были на имя неизвѣстнаго, и дивидендъ по нимъ выдавался предъявителю; тѣтушка же отобрала у меня свои акціи и, слѣдовательно, я былъ свободенъ. Но прискорбно было мнѣ думать, что у меня около ста фунтовъ долгу, но бѣльшей части торговцамъ, рекомендованнымъ мнѣ тѣтушкою, и какъ она съ самаго начала обѣщала принять на себя уплату ихъ счетовъ, то я рѣшился писать къ ней, напомнить ей обѣщаніе и просить ее въ то же время выручить меня изъ долгу мистра фонъ-Штильца, по которому я былъ арестованъ. Этотъ долгъ былъ сдѣланъ конечно не по ея желанію, а по желанію мистра Броу; я никогда не навязалъ бы его на себя безъ настоятельнаго требованія мистра Броу.

И такъ, я написалъ къ ней, просилъ ее заплатить всѣ эти долги, и уже утѣшался надеждою въ понедѣльникъ увидѣться опять съ моею Мери. Густа взялся доставить письмо, и обѣщавъ отдать его въ воскресенье послѣ обѣда, въ собственные руки мистрисъ Гоггарти, пригнѣвъ всѣ нѣвры, чтобы Мери не узнала о моемъ горестномъ положеніи. Мы простились около полуночи; я легъ и старался по возможности уснуть на узкой и грязной софѣ мистра Эминнадаба.

Наступило утро, ясное и тихое; солнце блистало такъ весело! я слышалъ радостный звонъ колоколовъ; какъ хотѣлось бы мнѣ идти съ женою въ церковь воспитательнаго дома! но тройная желѣзная дверь скрывала мою неволю, и мнѣ оставалось только читать молитвы въ своей комнатѣ, а потому-къ идти прогуляться по двору, находившемуся

въ задней части здания. Поварите ли? самый дурень этого былъ застававшая клетка. Толстая желѣзная решетка покрывала, въ видѣ навеса, все пространство двора; и въ эту-то клетку сходили бѣдные люди мистра Эминадаба подышать вольнымъ воздухомъ.

Они видали меня въ окно моей комнаты, съ молниеносностью въ рукахъ.

Я былъ очень радъ, когда приходъ Густа и мистра Самтерера избавилъ меня отъ общества дурныхъ людей, съ которыми здѣсь находился. Оба пришли съ предлинными лицами. Ихъ ввели къ моему кабинету, и мною Эминадабъ, не дожидаясь моего приказанія, тотчасъ подалъ бутылку вина и бисквитовъ; я съелъ это чрезвычайное количество съ его стороны.

— Выпейте стаканъ вина, мистръ Титмаркъ, оказалъ Самтерер, и прочтите письмо. Вы написали нынче утромъ трогательное письмо къ тетюшкѣ, и вотъ вамъ на него отвѣтъ.

Я выпилъ стаканъ вина и почти съ трепетомъ началъ читать:

«Сэръ!

«Если вы, зная, что я имѣла намѣреніе завѣщать вамъ по смерти моему имуществу, рѣшились убить меня, чтобы завладѣть имъ, вы очень ошиблись. Ваша низость, ваша гнусная неблагодарность, конечно убили бы меня, если бы я не научилась, *благодаря Бога*, искать утѣшенія съ иной стороны.

«Вотъ ужъ скоро годъ, какъ я терплю отъ васъ *всякія жестокости*. Я всею пожертвовала, отказалась отъ своей безмятежной жизни въ деревнѣ, гдѣ все почитали имя Гоггарти, отдала свою цѣнную мебель, вина, серебро, посуду и столовую и кухонную; всею пожертвовала, чтобы доставить счастье, благосостояніе и почетъ вашей дому. Я безропотно сносила *спесь и грубости* мистрисъ Титмаркъ; осыпала ее подарками и благодарностями. Я пожертвовала собою, отказалась отъ знатнаго общества, къ которому привыкла съ дѣтства, затемъ, чтобы жить съ вами, и быть вашей руководительницею и заботливницею, чтобы удерживать васъ, если возможно, отъ *расчетливости и мотовства*, которыя, какъ я всегда предвѣдала и предсказывала вамъ, должны были рано или поздно свергнуть васъ съ трюфета. Такой расточительности, такого мотовства я никогда, никогда не видала. Масло расточали, какъ-будто оно дешевле воды; уголь

какъ соръ; свѣчи, чай, мясо—все вамъ было ни по чѣмъ. Однимъ тамъ, что забирали для своего стола въ мясной лавкѣ, можно бы прокормить десятъ семействъ.

«А теперь, когда вы сидите въ тюрьмѣ, — справедливое наказаніе за всѣ ваши злодѣянія, за то что обманули меня на три тысячи фунтовъ, украли у родной матери ничтожную сумму, которая для нея, бѣдливки, составляла все ея достояніе, — она впрочемъ не можетъ такъ сильно опечалиться своей утратой, потому-что всю жизнь прелакала вѣсти въ ниществѣ, — вѣнчалъ въ долги, которыхъ не въ состояніи выплатить, хотя должны были знать, что такое ничтожное содержаніе не дозволяло вамъ такъ бросать деньги, — теперь вы знаете еще дороже ценить, чтобъ я залетѣла за васъ ваши долги! Нѣтъ, соръ, довольно того, что жить ваша, но вашей милости, должна будетъ жить на счетъ прихода, и жонка вашей придется мести улицы; я, но-крайней-мѣрѣ, посмотрѣвъ на то, что вы такъ безбожно обокрали меня и довели на старости лѣтъ до сравнительной бѣдности, я уйду въ деревню, гдѣ могу еще жить съ нѣкоторыми удобствами, на которыхъ званіе мое дастъ мнѣ право. Мебель въ вашемъ домѣ принадлежитъ мнѣ; а вы, я полагаю, что вы намерены поселить свою супругу на улицѣ, тогда предупреждаю васъ, что завтра же велю вывести все свое добро изъ вашей квартиры.

«Мистръ Смитеръ скажетъ вамъ, что я наговаривалась завѣщать вамъ все мое богатство. Но нынче утромъ, я въ присутствіи его торжественно разорвала свое духовное завѣщаніе, и отнынѣ отрекаюсь отъ всякихъ сношеній съ вами и съ вашей нищею роднею.

«Сусанна Гоггарти».

«Я согрѣла змью у груди своей, и она ужалила меня».

Привязуюсь, когда я прочталь это письмо, я былъ въ такомъ бѣшенствѣ, что почти забылъ бѣдственное положеніе, въ которое оно меня сварило, и утѣжившее мнѣ разореніе.

«Далъ же вы маху, Титмаршъ, записать ваше письмо! оказалъ мистръ Смитеръ. Вы сами приставили себя покъ къ горлу, соръ, сами себя лишили хорошенкаго имѣнія, пяти-сотъ фунтовъ годового доходу. Моя доверительница, мистрисъ Гоггарти, принесла изъ своей комнаты духовное завѣщаніе, какъ она вамъ пишетъ, и при васъ бросила въ огонь».

— Счастіе, что жены твоей не было дома, прибавилъ Густи. Она пошла нынче утромъ въ церковь съ семействомъ доктора Сольца, и прислала сказать, что проведетъ у нихъ весь день. Ты знаешь, что она всегда рада, когда можетъ избавиться отъ общества мистрисъ Гоггарти.

— Никогда не умѣла понять, съ которой стороны хлѣбъ ей имѣется! подхватилъ мистръ Смитерсъ. Вамъ слѣдовало бы дожидаться, сэръ, чтобы тѣтушка была въ хорошемъ расположеніи духа, улучшить удобнѣй часть, и между-тѣмъ призвать денегъ съ иной стороны. Я, сэръ, почти успѣлъ уже примирить ее съ потерей ее въ этой несчастной компаніи, доказавъ ей, что я опасенъ изъ когтей Бруа ея остальное имущество, которое этотъ мерзавецъ проглотилъ бы въ одинъ день! И еслибъ вы, мистръ Титмаршъ, предоставили мнѣ упротнть это дѣло, я васъ совершенно помирилъ бы съ мистрисъ Гоггарти; устранилъ бы все затрудненія; самъ далъ бы вамъ взаимы эту ничтожную сумму.

— Вы дадите? вотъ чудо! вскричалъ Густи, схвативъ руку Смитерса, и сжавъ ее такъ крѣпко, что стряпчій прослезился.

— Благородный другъ, сказалъ я, дасть мнѣ деньги, когда знаешь, въ какомъ я нахожусь положеніи, и что я не въ состояніи платить.

— Пойдите, сэръ, тутъ-то и помѣха! возразилъ мистръ Смитерсъ. Я сказалъ, что далъ бы вамъ денегъ взаимы; и точно далъ бы признанному наследнику мистрисъ Гоггарти, далъ бы въ эту же минуту, потому-что ничто такъ не радуеть сердца Роберта Смитерса, какъ то, когда онъ можетъ обязать друга. Я съ радостью услужилъ бы вамъ, и довольствовался бы простою роспискою отъ вашей почтенной тѣтушки. Но теперь, сэръ, совсѣмъ другое дѣло; чѣмъ можете вы обезпечить меня? — ровно ничѣмъ, какъ вы сами весьма справедливо замѣтили.

— Конечно ничѣмъ, сэръ.

— А безъ обезпеченія, сэръ, вы конечно не можете надѣяться, что вамъ стануть кредитовать, — никто не станеть. Вы человекъ опытный, дѣловой, мистръ Титмаршъ, и я вижу, что взгляды наши на вещи совершенно одинаковы.

— А имѣніе его жены? сказалъ Густи.

— Имѣніе жены? Ба, сэръ, мистрисъ Титмаршъ несовершеннаго имѣнія, и мнѣ не получить ни полннллннга изъ ея имѣнія. Нѣтъ, я не

хочу имѣть дѣла съ имѣніями, еще не выпешдшими изъ-подъ опеки. Но вотъ что : ваша матушка имѣетъ въ нашей деревни домъ и лавку; пусть она дастъ на нихъ закладную....

— Никогда, сэръ, отвѣчалъ я. Матушка уже довольно пострадала за меня, и притомъ же она должна содержать моихъ сестеръ. И если вы хотите обязать меня, мистръ Смитерсъ, то я убедительно прошу васъ не говорить ей ни слова о моемъ настоящемъ положеніи.

— Вы говорите, какъ благородный человекъ, сэръ, сказалъ мистръ Смитерсъ, и я въ точности исполню ваше требованіе. Я сдѣлаю больше, сэръ : познакомлю васъ съ однимъ почтеннымъ здѣшнимъ дошнъ, съ моими пріятелями, господами Гигзомъ, Битзомъ и Блэтервикомъ, которые сдѣлаютъ для васъ, что будетъ въ ихъ силахъ между-тѣмъ, сэръ, желаю вамъ добраго утра.

Съ этимъ мистръ Смитерсъ взявъ шляпу и вышелъ изъ комнаты; потомъ, посоветовавшись еще разъ съ тетушкою, какъ я узналъ впоследствии, въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Лондона въ почтовой каретѣ.

Я опять послалъ взрнаго своего Густю осторожно открыть котику моей женѣ, боясь, чтобы мистрисъ Гоггартъ не сказала ей всего слишкомъ внезапно; я зналъ, что она была на это способна въ минуту гнѣва. Но черезъ часъ онъ возвратился запыхавшись, и сказалъ мнѣ, что мистрисъ Гоггартъ уложила и увязала все свое добро въ чемоданы, и уѣхала въ наемной каретѣ. Зная, что Мери должна вернуться домой только вечеромъ, Госкинсъ остался до того времени со мною; въ девять часовъ, послѣ скучнаго, тяжелаго дня, онъ опять оставилъ меня, и пошелъ сообщить ей горестное извѣстіе.

Въ десять часовъ раздался ужасный стукъ и звонъ на подъездъ; черезъ нѣсколько минутъ, бѣдная жена моя была въ моихъ объятіяхъ, а Густя сидѣлъ въ углу и рыдалъ какъ ребенокъ, между-тѣмъ, какъ я вслѣдствіи старался утѣшить и успокоить ее.

На слѣдующее утро я удостоился визита мистра Блэтервика, который, узнавъ отъ меня, что у меня въ карманѣ всего три гинеи, объявилъ безъ обиняковъ, что стряпчіе живутъ только платою за свои труды. Онъ совѣтовалъ мнѣ оставить заведеніе мистра Эминадаба, потому-что житье у него обходилось слишкомъ дорого. Между-тѣмъ, какъ я сидѣлъ повѣсивъ голову, вошла моя жена; наканунѣ съ ея трудомъ убѣдился разстаться со мною и возвратиться домой.

— Эти гадкіе люди пришли сегодня въ четыре часа утра, оклеивши окна, — за четыре часа до свѣту.

— Какіе гадкіе люди? спросилъ я.

— Послали насъ троею тѣтною, вынести ей мебель, отъѣзжая Мери; мнѣ мнѣ они все уложили и увезли. И я дала имъ восты все, что угодно; мнѣ было слышно, что грустно, чтобы разбираться, что мнѣ, что чужое. Этотъ гадкій мистръ Вапшотъ былъ съ ними; когда я вышла, онъ стоялъ еще на подъѣздѣ, и отправлялъ послѣднюю тѣсту. Я отобрала только вамъ твою одежду, и часть вещей, да книги, которыя ты наиболѣе любишь читать, — и некоторыя вещи, которыя я приготовила для — для дитяти. Жалованье слугамъ было уплачено сначала до Рождества; я дополнила имъ остальное, и вотъ, смотри, въ ту минуту, какъ я выходила, пришла почта, и я получила свой полугодовой доходъ, тридцать пять фунтовъ. Видно, Богъ насъ еще по советамъ покинулъ, Самуэль!

— Не угодно ли вамъ уладить счетъ мой, мистръ какъ былъ васъ? закричалъ въ эту минуту мистръ Эминадабъ, отворивъ дверь; онъ все это время, какъ я полагаю, совѣтовался съ мистромъ Бюстерингомъ. — Мнѣ нуженъ номеръ для одного господина. Для нашей братьи онъ, кажется, не по карману.

И онъ, поврите ли? сунулъ мнѣ въ руку счетъ въ три гинны и шесть пенсовъ и за два дня пошелъ на его грязной и свѣрной квартирѣ.

Когда я выходилъ, около двери тѣснилась толпа праздничныхъ людей. Если бы я былъ одинъ, мнѣ стало бы стыдно всего этого народа; теперь же я думалъ только о доброй, милой женѣ, которая кѣмъ-то опираясь на мою руку и улыбалась мнѣ небесною улыбкой; мнѣ казалось, что само небо, или по-крайней-мѣрѣ ангелъ небесный въ лицѣ ея сопровождалъ меня въ английскую тюрьму. О, я любилъ Мери и прежде, и блаженъ кто любить, когда молодость и надежда улыбаются ему съ яснаго, безоблачнаго неба; но быть въ несчастіи и быть любимымъ доброю, благородною женщиною! передъ лицомъ себя утверждалъ, что нѣтъ вѣкъ утѣшеній, нѣтъ вѣкъ радостей, которыя оно даровало мнѣ, самую милую, самую неопытную была я, когда я шелъ по Гамбургской улицѣ въ тюрьму, и гонимый вой

Мои волосы на мѣсяцъ плыть! Повѣрьте, я уже не заботился о тюрманскомъ приговѣ, сдвинутомъ противъ меня; клянусь Богомъ, я не щадилъ его. Я цѣловала ее, миловала, и — плакала съ нею вмѣстѣ. Но прежде чѣмъ мы дошли до назначеннаго мѣста, слезы истекли съ ея глазъ, и она, красная и улыбаясь счастьемъ, вышла изъ тюрьмы черезъ веретани тюрмы, какъ дочь вельможи, вступающая въ дворецъ королевы.

XII.

Напротивъ вестдальскаго общества сдѣлалось скоро предметомъ толковъ въ гаворъ, и все лица, причастныя къ нему, были преданы всеобщему порицанію и презрѣнію, какъ обманщики и воры. Разговаривали, что Броу бѣжалъ съ милліоннои фунтовъ наличныхъ денегъ. Даже обо мнѣ, бѣднякѣ, говорили, будто я заранѣе отприслалъ въ Америку сто тысячъ фунтовъ, и только выжидалъ окончанія суда, чтобы жить богатымъ человекомъ. Это мнѣніе имѣло много защитниковъ въ тюрьмѣ, и, какъ ни странно, доставляло мнѣ некоторое уваженіе, которымъ, однако же, какъ легко можно догадаться, я вовсе не имѣлъ желанія пользоваться. Мистеръ Эмпадабъ, въ часъ своихъ посещеній въ флиговую тюрьму, положительно объявлялъ, что я главный мальчишка; былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ Броу, и не отложилъ даже шиллинга на черный день. Мнѣнія однако жъ были очень различны; и мнѣ кажется, что тюремщики справа на меня какъ на претоната хитреца и лицемера, принимавшаго личину бѣдности, чтобы тѣмъ ловче провести судей и надуть публику.

Господа Абедего, отецъ и сынъ, сдѣлались также предметомъ общаго подозрѣнія и порицанія; сказать правду, я никогда не могъ толкомъ узнать настоящихъ отношеній ихъ къ мистру Броу и вестдальскаго компаніи. Изъ книгъ нашей конторы явствовало, что мистру Абедего были произведены огромныя денежныя выдачи отъ компаніи; но онъ представлялъ векселя, подписанные мистромъ Броу, которыми доказывалъ, что мистръ Броу и компанія оставались должниками его на гораздо значительнѣйшія суммы. Въ тотъ самый день, какъ я былъ призванъ въ конкурсный судъ для депозита; мистръ Абе-

днего явился съ обоими гоудсандическими фабрикантами подтвердить присягою действительность ихъ претензій; они подняли ужасный шумъ, вызывались на самыя ужасныя клятвы въ удостовѣреніе своей правоты. Но господа Джаксонъ и Паксонъ вывели противъ нихъ того самаго сторожа Ирландца, которому приписывалась причина несчастія, и даже, какъ мнѣ рассказывали, сказали тремъ Жидамъ, что у нихъ имѣлись въ рукахъ такія улики, которыя могли повести этихъ господъ на виселицу, и что они ихъ предъявятъ, если тѣ не отступятся отъ своихъ исковъ. Послѣ этого они вышли изъ суда, и потомъ уже никто не слышалъ я о понесенныхъ ими убыткахъ. Я, съ своей стороны, имѣю основательныя причины полагать, что директоръ нашъ действительно бралъ деньги у Абеднего, что онъ далъ ему акціи въ видѣ преміи и въ обезпеченіе потомъ долженъ былъ ихъ вдругъ выкупить на наличныя деньги, и, вѣроятно, съ огромною потерей, и тѣмъ самъ ускорилъ банкротство компаніи и собственное свое разореніе. Считаю излишнимъ исчислять здѣсь всѣ компаніи, въ которыхъ участвовалъ Броу; скажу только, что компанія, въ которой находились деньги бѣднаго Тидда, заплатила своимъ кредиторамъ менѣ двухъ пенсовъ съ фунта; а она, изъ всѣхъ этихъ компаній, дала еще самый большой дивидендъ.

Что касается до нашей, — любопытную сцену привелось мнѣ видѣть, когда привели меня изъ флитской тюрьмы въ конкурсный судъ для дачи отвѣта въ качествѣ главнаго конторщика и бухгалтера вестдидсекскаго общества.

Бѣдная жена моя, несмотря на то, что ей подходилъ срокъ, непременно захотѣла идти со мною, равно какъ и добрый, вѣрный другъ мой Густя Госкинсъ. Посмотрѣли бы вы, какая собралась толпа: послушали бы, какой поднялся шумъ, когда меня ввели въ присутствіе.

— Мистръ Титмаршъ, сказалъ председатель, когда я подошелъ къ столу; мистръ Титмаршъ, вы были ближайшимъ довереннымъ лицомъ къ мистру Броу, его главнымъ конторщикомъ и акціонеромъ компаніи на весьма значительную сумму?

— Только номинальнымъ акціонеромъ, сэръ, отвѣчалъ я.

— Разумется, только номинальнымъ, продолжалъ председатель, обращаясь къ товарищамъ съ язвительною улыбкою: вамъ должно быть весьма пріятно думать, сэръ, что вы имѣли долю во всемъ граб...

во всякъ выгодахъ предпріятія, а теперь можете отречься отъ участія въ потеряхъ, сказавъ, что вы были только номинальнымъ акціонеромъ.

— Плуть! мошенникъ! проревывалъ голосъ въ толпѣ. Это была бѣшеный голосъ отставнаго капитана и бывшаго акціонера общества, Саарра.

— Молчать тамъ въ толпѣ! закричалъ председатель.

Во все это время Мери, блѣдная какъ смерть, съ безпокойствомъ смотрѣла въ лицо то председателю, то мнѣ. Густя, напротивъ, была красива какъ индѣйскій пѣтухъ, и окидывала залу взоромъ, полнымъ негодованія.

— Мистръ Титмаринъ, продолжалъ председатель, я имѣлъ удовольствіе видѣть въ судѣ описокъ поступившихъ на васъ взысканій; изъ него явствуетъ, что вы состоите должны значительную сумму мистру Штильцу, одному изъ первыхъ здѣшнихъ портныхъ; не дурную тоже сумму знаменитому ювелиру мистру Полоніусу; еще болѣе въ самыя извѣстныя модныя магазины; и все это при двухъ стахъ фунтахъ въ годъ жалованья. Принимая въ соображеніе вашу молодость, надо сознаться, что вы не теряли времени.

— Идетъ ли это къ дѣлу, сэръ? сказалъ я; за тѣмъ ли я призванъ сюда, чтобъ дать отчетъ въ своихъ частныхъ долгахъ, или чтобы показать, что мнѣ извѣстно о дѣлахъ вестдидльсекскаго общества? Что жъ касается участія моего въ обществѣ, сэръ, у меня есть мать и нѣсколько сестеръ....

— Плуть! воръ! проревывалъ опять капитанъ.

— Зажмите же ротъ этому негодю! закричалъ Густя съ необыкновенною смѣлостью. Присутствіе захохотало; это ободрило меня, и я продолжалъ смѣлѣе.

— Мать моя, четыре года назадъ, сэръ, получивъ наслѣдство въ четыреста фунтовъ стерлинговъ, совѣтовалась съ своимъ стряпчимъ, мистромъ Смитерсомъ, о томъ, какъ ей выгоднѣе употребить эту сумму. Въ это время только-что открылось вольное вестдидльсекское общество, и по совѣту стряпчаго, деньги были отданы въ это учрежденіе за ежегодную ренту, а я чрезъ то получилъ мѣсто конторщика. Вы можете считать меня законнымъ злодѣемъ на томъ основаніи, что я заказывалъ себѣ платье у мистра фонъ-Штильца; но вы едва ли можете предполагать, чтобъ я, девятнадцати-лѣтній юноша, много понималъ въ дѣлахъ

общества, на службу которого я поступилъ двадцатью конторщикомъ, занятивъ, такъ-сказать, за это мѣсто вкладомъ моей матери. Нѣсколько времени послѣ того, сэръ, выгодные проценты, предложенныя обществомъ, соблазнили одну мою богатую родственницу, и она рѣшилась купить значительное число акцій....

— Кто побудилъ къ тому вашу родственницу, если позволите спросить?

— Я долженъ признаться, сэръ, сказалъ я, покраснѣвъ, что я самъ писалъ ей о томъ. Но прошу васъ принять въ соображеніе, что родственница моей было шестьдесятъ лѣтъ, а мнѣ двадцать второй годъ. Она употребила нѣсколько мѣсяцевъ на размышленіе, прежде, чѣмъ приняла мое предложеніе, и совѣтовалась съ своей стряпчихой. Я сдѣлалъ ей это предложеніе по внушенію мистра Броу, который даже самъ предлагалъ мнѣ письмо, и котораго я въ то время считалъ богачемъ самого Ротшильда.

— Родственница ваша положила свои деньги на ваше имя, а вслѣдъ за тѣмъ, вы, мистръ Титмаршъ, если свѣдѣнія наши не обманчивы, были повышены мимо двѣнадцати вашихъ товарищей, въ награду за услугу, оказанную вами, доставленіемъ этихъ денегъ?

— Это совершенная правда, сэръ. — Какъ я сказалъ это, я видѣлъ, что Мери начала отирать глаза, а уннъ Густъ (лица его я не видѣлъ) сталъ краснѣе раскаленного угля. — Это совершенная правда, сэръ; и при теперешнемъ оборотѣ дѣла, я искренно сожалею о томъ. Но тогда я думалъ, что могъ въ одно и то же время блюсти пользу своей тѣтки и свою собственную; вы должны помнить, сэръ, какъ высокъ былъ тогда курсъ нашихъ акцій.

— Давно, сэръ; по доставленіи этихъ денегъ, вы тотчасъ сдѣлались довереннымъ человекомъ мистра Броу; бывали у него въ домъ, и скоро въ третѣихъ конторщиковъ сдѣлались главнымъ; въ этой должности вы состоили во время бѣгства вашего директора?

— Сэръ, вы не имѣете никакого права дѣлать мнѣ эти вопросы, и какъ здѣсь собралось болѣе ста нашихъ акціонеровъ, то я охотно буду отвѣчать вамъ, чтобы очистить свою совѣсть передъ ними, сказалъ я, пожавъ руку Мери. — Да, я действительно сдѣлался главнымъ конторщикомъ. Но почему? потому-что все прочіе вышли изъ нашей конторы. Я точно былъ вхожъ въ домъ мистра Броу, и гостилъ у него. Но почему? потому-что, сэръ, у тѣтки моей были еще деньги, которыми

она могла отдать въ компанію. Теперь я вижу все это совершенно ясно, хотя въ то время я этого не понималъ. Доказательствомъ же, что министру Броу нужны были только деньги моей тетушки, а не я, служить то, что когда она прѣехала въ Лондонъ, директоръ нашъ почти силою увезъ ее изъ моей квартиры къ себѣ въ Фульгемъ, и никогда не думалъ приглашать къ себѣ ни меня, ни моей жены. Да, сэръ, и онъ выманилъ бы у нея послѣднія деньги, еслибъ стряпчій ея не конзилъ ей отдать ихъ. За нѣсколько времени до паденія компаніи, какъ скоро она узнала, что есть сомнѣнія на счетъ состоятельности компаніи, она отобрала у меня свои акціи, — вамъ извѣстно, сэръ, что это акціи на имя предъявителя, — и распорядилась ими, какъ сама заблагоразсудила. Вотъ, господа, все, что касается собственно до меня. Мать моя, желая доставить сыну средства пропитанія, положила въ компанію свой небольшой капиталъ, — и онъ пропалъ. Моя тѣтка положила гораздо значительнѣйшій капиталъ, который долженъ былъ со временемъ принадлежать мнѣ, — и онъ также пропалъ. Я же самъ, послѣ четырехъ лѣтъ службы, остаюсь ни съ чѣмъ, и съ опозореннымъ именемъ. Изъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь, какъ бы много они не потеряли чрезъ несостоятельность компаніи, есть ли кто, чтобъ пострадалъ отъ нея больше меня?

— Министръ Титмаригъ, сказалъ предсѣдатель смягченнымъ голосомъ, и взглянувъ на сидѣвшаго подлѣ него газетнаго корреспондента, — вашъ разсказъ едва ли можетъ быть помѣщенъ въ газеты, потому-что, какъ вы сами говорили, это обстоятельства, лично до васъ относящіяся, которыхъ вы не были обязаны открывать, если бъ сами не сочли нужнымъ и приличнымъ; слѣдовательно на него можно смотреть, какъ на частную бесѣду между нами и господами присутствующими. Однако же, если бъ его напечатать, онъ могъ бы, быть-можетъ, сдѣлать некоторое добро, и предостеречь многихъ, если они захотятъ слушать предостереженіе, отъ страсти слѣпо пускаться въ предпріятіе, подобное тому, въ которомъ вы участвовали. Изъ вашего разсказа ясно видно, что вы были жертвою, какъ всѣ присутствующіе здѣсь. Не я вамъ скажу, сэръ, что еслибъ вы не гнались такъ жадно за барышами, вы, я думаю, не дались бы въ такой грубой обманъ, сохранили бы деньги вашей родственницы, и онъ со временемъ принадлежалъ бы вамъ. Какъ скоро человекъ погонится за огромными барышами, разсудокъ, кажется, оставляетъ его; въ жаднѣ своей къ скоро-

му обогащанію, онъ уже не сомнѣвается въ его вѣрности, преобрѣтаетъ осторожностью и не слушаетъ разумныхъ совѣтовъ. Кроме сотенъ честныхъ семействъ, разорившихся только отъ того, что слѣпо довѣрились вашему учрежденію, и заслуживающихъ искренняго состраданія, есть сотни такихъ, которые пустились въ него не за тѣмъ, чтобы получать небольшой доходъ съ своего капитала, а увлеченные духомъ спекуляціи; эти, по мнѣнію моему, вполне заслуживаютъ постигнуть ихъ участь. Пока дивиденды выплачиваются исправно, никто ни о чемъ не спрашивается; мистръ Броу могъ добывать деньги для своихъ акціонеровъ хоть по большимъ дорогамъ, они объ этомъ не позаботились бы, а преспокойно клали деньги въ карманъ. Но что за польза говорить объ этомъ, продолжалъ председатель съ жаромъ, — сегодня увидѣли одного мошенника, и открываютъ тысячу жертвъ его; а явятся завтра другой, новыя тысячи жертвъ будутъ черезъ годъ окружать этотъ столъ; и такъ будетъ, я думаю, во вѣки вѣковъ. Перейдемте къ дѣлу, господа!

Когда я объяснилъ все, что мнѣ было извѣстно о дѣлахъ вестдальскаго общества, — а извѣстно мнѣ было очень немногое, были определены другія лица, состоявшія при конторѣ. Потомъ я пошелъ назадъ въ тюрьму, ведя подъ руку бѣдную жену. Мы должны были пройти сквозь толпу, наполнявшую всю комнату, и сердце мое облилось кровью, когда я увидѣлъ среди ея дворника мистра Броу, бѣднаго старика Гетса, который отдалъ послѣднія свои деньги, чтобы помочь своему господину въ бѣдѣ, и который оставался на старости безъ пріюта и безъ хлѣба, съ десятию дѣтьми на рукахъ. Неподалеку отъ него былъ капитанъ Спарръ, но гораздо непріязненнѣе расположенный ко мнѣ; Гетсъ, при приближеніи моемъ почтительно приложилъ руку къ шляпѣ; задорливый же капитанъ протерся впередъ, махая своею бамбуковою тростью, и утверждая съ клятвами и ругательствами, что я былъ сообщникомъ Броу. — Проклятіе притворному мошеннику! кричалъ онъ; что тебѣ за надобность была разорять меня, отставнаго офицера? — И онъ все наступалъ на меня съ тростью. Но на этотъ разъ Густя, несмотря на то, что онъ былъ отставной офицеръ, схватилъ его за воротъ и отбросилъ назадъ, говоря: — хоть посмотрѣлъ бы на жену, невѣжа, и молчалъ! — Капитанъ Спарръ взглянулъ на мою жену, и покраснѣлъ со стыда еще болѣе, чѣмъ прежде отъ власти.

— Отецъ жалъ мнѣ ее, что вышла за такого негодяя, пробормоталъ онъ, и отомелъ. Затѣмъ мы вышли съ женою изъ суда, и возвратились въ свою мрачную комнату въ тюрьмѣ.

Тяжело было мнѣ думать, что моя нѣжная Мери должна сдѣлаться матерью въ этомъ мрачномъ жилищѣ несчастія и преступленія; и отецъ хотѣлось бы мнѣ, чтобъ по-крайней-мѣрѣ кто-нибудь изъ нашихъ родныхъ находился на это время при ней. Но бабушка ее не могла покинуть старика мужа; а моя матушка писала, что какъ мистрисъ Гоггартъ съ нами, то ей гораздо лучше было оставаться въ деревнѣ съ дочерьми. — «Счастлива ты, продолжала добрая душа, счастлива ты, что въ постигшихъ тебя несчастіяхъ имѣешь при себѣ богатую тѣтку, и можешь надѣяться на ея великодушную помощь!» — Да, великодушная помощь, нечего сказать! Но гдѣ же могла быть мистрисъ Гоггартъ? Изъ письма матушки очевидно было, что она не писала ни къ кому изъ своихъ знакомыхъ, и даже не отправилась въ деревню, какъ грозилась.

Но какъ матушка потеряла уже довольно денегъ изъ-за меня, и какъ ей было довольно хлопотъ и заботъ въ деревнѣ, чтобъ прокормить моихъ сестеръ изъ своихъ небольшихъ средствъ; узнавъ же о моемъ положеніи, она непременно продала бы последнее свое платье, чтобы помочь мнѣ; то мы съ Мери рѣшились не открывать ей настоящаго нашего положенія, какъ ни горестно и ни беспомощно оно было! Старикъ Смитъ; дядь Мери, также не имѣлъ ничего, кромѣ небольшого пенсіона и своего ревматизма; и мы въ-самомъ-дѣлѣ ни откуда не могли ждать ни утѣшенія, ни помощи.

Этотъ періодъ моей жизни, эта ужасная тюрьма, являются мнѣ теперь какимъ-то смутнымъ воспоминаніемъ лихорадочной грезы. Знаете ли, что такое тюрьма? знаете ли, что въ ней всего болѣе леденитъ вашу кровь? странное дѣло, по мнѣ кажется, что это не столько уныніе ея, какъ ея веселость. Милая жена моя, благодаря Бога, не понимала большей части гнусностей, здѣсь происходившихъ. Притомъ она никогда не выходила изъ комнаты до сумерекъ, а весь день сидѣла за шитьемъ, готовя запасъ шаночекъ и платицѣвъ для ожидаемаго гостя. Она до-сихъ-поръ увѣряетъ, что не была въ то время несчастною; но затворничество имѣло вредное вліяніе на здоровье бѣдняжки, привыкшей къ вольному, деревенскому воздуху; она становилась со дня на день все блѣднѣе и блѣднѣе.

Противъ окна нашего были устроены кегли; тутъ проводилъ я каждый день часа два; сначала я ходилъ туда неохотно, и только ради здоровья, но потомъ находилъ даже удовольствіе въ этихъ прогулкахъ. Это было прелюбопытное мѣсто. Тутъ было свое общество, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ; между представителями его, первое мѣсто занималъ сынъ лорда Дюссеса, и многіе изъ содержавшихся въ тюрьмѣ такъ добивались чести ходить съ нимъ, и говорили съ такою увѣренностью о его роднѣ, какъ-будто они сами принадлежали къ повсамъ. Въ числѣ ихъ особенно бросался въ глаза бѣдный Тидль. Изъ всего богатства осталась у него только туалетная шкатулка и халатъ въ крупныхъ цвѣтахъ; къ этимъ сокровищамъ онъ присоединилъ еще чудесную пару усовъ, которою чванился какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ. Хотя онъ по временамъ горько жаловался на свою несчастную долю, однако же, мнѣ кажется, когда притомъ приносили ему гинеею, онъ былъ такъ же счастливъ, какъ въ скоротечный періодъ своей львиной жизни. Часто видалъ я на дачахъ и на водахъ разряженныхъ щеголей, которые оглядываются на каждую проходящую женщину, съ нетерпѣніемъ ждутъ каждаго парохода и каждаго экипажа, будто отъ пріѣзда ихъ зависитъ ихъ жизнь, и таскаются весь день по публичнымъ гуляньямъ, чтобъ показать свое модное платье. Такія же существа встрѣчаются и въ тюрьмахъ; они также глупы и также разряжены, съ тѣмъ различіемъ, что платье на нихъ поистертѣе; это денди съ нерасчесанными бородами и протертými локтями.

На такъ называемую бѣдную половину тюрьмы я не ходилъ.

Между-тѣмъ, небольшой нашъ денежный запасъ видимо тощалъ, и сердце мое щемилось при мысли о томъ, какая судьба могла ожидать мою бѣдную жену, и на какомъ ложѣ могъ родиться нашъ ребенокъ. Но небо сохранило меня отъ этого новаго испытанія, — небо, и мой добрый, неутомимый Густя Госкинсъ.

Стряпчіе, которымъ рекомендовалъ меня мистръ Смитерсъ, говорили мнѣ, что я могъ выпросить себѣ позволеніе жить въ чертъ Флитской тюрьмы, если могу представить поручителей на сумму поступившихъ на меня взыскацій; но какъ я ни смотрѣлъ въ глаза мистру Бэтервику, онъ не вызвался поручиться за меня, а я не зналъ ни одного домохозяина въ Лондонѣ, котораго я могъ бы просить о томъ. Былъ однако же одинъ, котораго я не зналъ; это старикъ, мистръ Госкинсъ, кожевонный торговецъ въ Скорняжнѣй улицѣ, добрый тол-

стикъ, который привезъ и свою толстую положившу и представилъ ее моей жонѣ. Хотя мистрисъ Госкинсъ и принимала отчасти видъ покровительства, — мужъ ея былъ вольнымъ общникомъ цеха и мѣтилъ въ ольдерманы, пожалуй даже въ лорды-меры перваго торговаго города въ свѣтъ,—однако же она изъявила намъ искреннее участіе; а мужъ ея бѣгалъ и хлопоталъ безъ отдыху, пока не выхлопоталъ мнѣ разрѣшенія жить въ чертъ тюрьмы, и пользоваться сравнительною свободою.

За квартирою дѣло не стало. Моя прежняя хозяйка, мистрисъ Стокъсъ, прислала свою дочь Джемайму сказать намъ, что первый этажъ у нея свободенъ и къ нашимъ услугамъ. Мы заняли первый этажъ, а когда, въ концѣ недѣли, я пришелъ къ хозяйкѣ, чтобъ отдать ей деньги, добрая старушка со слезами на глазахъ сказала мнѣ, что она покамѣстъ не нуждается въ деньгахъ, и что у меня въ моемъ положеніи не можетъ быть лишнихъ. Я не настаивалъ, потому-что въ-самомъ-дѣлѣ у меня оставалось всего пять гиней, и по настоящему, мнѣ не следовало брать такой дорогой квартиры, но срокъ моей жены приближался, а я не хотѣлъ лишнить ее на время родовъ немногихъ удобствъ, какія намъ были еще по силамъ.

Дѣвницы Госкинсы приходили каждый день сидѣть съ моею женою; это были предобрыя, премилыя дѣвушки. Здоровье Мери поправилось, какъ скоро она вышла изъ смрадной тюрьмы и могла каждый день выходить на свѣжій воздухъ. Какъ весело прохаживались мы вдвоемъ по улицамъ и по Чатамской площади! а между-тѣмъ я былъ нищимъ, и совѣсть нерѣдко упрекала меня въ томъ, что я могъ еще по временамъ ощущать счастье.

На счетъ ответственности по дѣламъ компаніи я былъ совершенно спокоенъ. Кредиторы могли взыскивать только съ директоровъ, а ихъ нигдѣ не оказывалось. Мистръ Броу былъ за-моремъ, и къ чести его должно сказать, что между-тѣмъ, какъ всѣ воображали, что онъ вывезъ съ собою нѣсколько сотенъ тысячъ фунтовъ, онъ жилъ на какомъ-то чердакѣ въ Булони, едва имѣя нѣсколько шиллинговъ въ карманѣ, и не зная за что вѣзаться, чтобъ не умереть съ голоду. Мистрисъ Броу, какъ добрая и любящая жена, послѣдовала за нимъ и ничего не вывезла изъ Фульгема, кромѣ бывшаго на ней платья; мисъ Белинда была не въ лучшемъ положеніи, но безпрестанно сердилась и роптала. Чтѣ касается до прочихъ директоровъ,—когда стали наводить справки въ Эдинбургѣ

Ф. мистръ Мулли, оказалось, что были одинъ только мистръ Мулли, некогда съ усердиемъ занимавшій въ Эдинбургѣ должность адвоката, въ 1800 году удалившійся на островъ Скай; когда же его тамъ отыскали, оказалось, что онъ отъ роду не слышалъ ни о какомъ вестдальсекскомъ обществѣ. Генералъ сэръ Дюнисій О'Таллоранъ внезапно выехалъ изъ Дублина и возвратился въ Еватимальскую республику. Мистръ Шеркъ имѣлъ однимъ статейками, которыя онъ писалъ въ одной газетѣ. Мистръ Мекро, членъ парламента и королевскій адвокатъ, ничего не имѣлъ, кромѣ того, что получалъ отъ нашей дирекціи за присутствіе на ея собраніяхъ. Оставался одинъ человекъ, который могъ поддаться высканію, мистръ Менстрѣ, богатый чатамскій судохозяинъ; но на повѣрку вышло, что онъ былъ просто мелкій торговецъ и имѣлъ лавку мелкихъ морскихъ снарядовъ, которой весь капиталъ не составлялъ десяти фунтовъ стерлинговъ. Мистръ Абеднегъ былъ также въ числѣ директоровъ и мы уже видали, какъ онъ отдавался.

— Если нѣтъ больше опасости со стороны вестдальсекской компаніи, сказалъ мистръ Госкинсъ, отецъ, — отчего бы вамъ не попытаться заключить сдѣлку съ вашими кредиторами; а кто же лучше поведетъ дѣло, какъ не милешкая мистрисъ Титмаршъ, которой умилыныя глазки свячатъ самаго жестокосердаго портнаго и самую несговорчивую модистку въ мірѣ.

Согласно этому рѣшенію, въ одно ясное февральское утро, моя милая Мари обняла меня и сказала мнѣ, чтобъ я не унывалъ, и отправилась съ Густею въ наемной каретѣ уговаривать моихъ заимодавцевъ. Не думалъ я за годъ передъ тѣмъ, чтобы дочери храбраго Смита пришлось ходить смиренною просительницею по портнымъ и модисткамъ, но она не понимала стыда, который чувствовалъ я, — или по-крайней-мѣрѣ говорила, что не понимала, — и мужественно пошла исполнить порученіе, не сомнѣваясь въ успѣхѣ.

Вечеромъ она пріѣхала домой и сердце мое сжалось отъ горестнаго предчувствія. Я видѣлъ по лицу ея, что вѣсть не добрая. Она вѣскольکو минутъ не могла вымолвить слова, была блѣдна какъ смерть и со слезами цѣловала меня. — Вы расскажите, мистръ Госкинсъ! проговорила она наконецъ, рыдая; и Густя рассказалъ мнѣ всѣ подробности этого горестнаго дня.

— Что ты думаешь, Самундъ? сказалъ онъ; старая твоѣ тѣтка, по приказанію которой ты заказалъ вещи, писала ко всѣмъ

«ты обманщикъ, мошенникъ, что ты выдумалъ, будто она заказывала ищи, что она готова положить голову подъ топоръ, присягою подтвердить, что все это ложь; и что они должны съ тебя одного пробовать уплаты. Никто и слышать не хочетъ о твоёмъ освобожденіи; вѣршеникъ Монталини выдумалъ даже говорить такіа дерзости, что я этого былъ разругать его; да только бѣдная Мер... мистрисъ Титмарить вскрикнула и упала въ обморокъ; я тотчасъ вынесъ ее, и вотъ она, совсѣмъ болячая.

Въ эту ночь неутомимый Густя долженъ былъ ѣхать на почтовыхъ въ докторомъ Сольтсомъ, а на слѣдующее утро у насъ былъ сынъ. Я не знала, радоваться ли мнѣ или плакать, когда мнѣ показали бѣднаго, самаго младенца; но Мери увѣряла, что она счастливѣйшая женщина въ мѣрѣ, и совершенно забывала все свое горе, няньчась съ ребенкомъ. Она выдержала роды благополучно и утверждала, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого прелестнаго младенца, и что хотя у леди Типтофъ, которую, какъ мы читали въ газетахъ, родила въ тотъ же день, — была постель крытая шелкомъ и домъ на Гросвенорскомъ-Скверѣ, однако же у нея не могло быть ребенка милѣе нашего маленькаго Густя. Мы назвали его Густею, потому — что по комъ было намъ дать ему имя, какъ не по добромъ, върномъ нашемъ другъ? Къ крестинамъ пригласили мы въскольکو пріятелей на чашку чаю и, увѣряю васъ, провели веселый, пріятный вечеръ.

Здоровье родильницы было, благодаря Бога, въ наилучшемъ состояніи, и сердце радовалось, смотря на нее въ положеніи, въ которомъ, какъ кажется, самая непригожая женщина дѣлается красавицею, — съ младенцемъ у груди. Ребенокъ былъ слабаго сложенія, но она этого не видѣла; мы были въ крайней бѣдности, но она объ этомъ не заботилась. Ей и когда было горевать подобно мнѣ; въ карманъ у меня оставалась одна гинея, и я не смѣлъ гадать о томъ, что будетъ съ нами, когда она выйдетъ; я только молилъ Бога, чтобъ Онъ научилъ меня и послалъ мнѣ силу; и среди своихъ заботъ и горя, благодарилъ Его за то, что опасность родовъ миновалась и что, какая участь ни готовилась бы намъ, жена могла встрѣтить ее вооруженная силою и здоровьемъ.

Я просилъ мистрисъ Стоксъ отвести намъ комнатку подешевле, гдѣ нибудь на чердакѣ, чтобъ она намъ обходилась въ несколько шиллинговъ; какъ добрая старушка ни уговаривала меня остаться на квартирѣ,

которую мы занимали, я находилъ; что теперь, когда жена моя была совершенно здорова, непрослительно было бы насъ лишать великодушную хозяйку главнаго ея средства пропитанія. Наконецъ она убедилась моими доводами и обещала отвести намъ комнату наверху, какъ я хотѣлъ, и устроить ее со всевозможнымъ удобствомъ. Джамайме объявила, что она сочтетъ за счастье, если ей позволить ходить за матерью и за ребенкомъ.

Наконецъ новая квартира наша была приготовлена; я сначала не рвался прямо сказать Мери объ этой переменѣ; но скоро убедился, что всѣ увертки и обиняки были излишни; когда я кончилъ, она сказала: — И только! — и взяла меня за руку, посмотрѣла съ своею небесною улыбкою, и обещала, что она съ помощью Джамаймы будетъ держать комнатку нашу чисто и хорошо. — И сама буду стирать тебѣ объѣдъ, прибавила она; вѣдь ты говоришь, что никто не умѣетъ лучше меня дѣлать слоенные пудинги.

Иной разъ, право, подумаешь, что есть женщины, которымъ пріятна бѣдность. Впрочемъ, я не говорилъ Мери, до чего дошла наша бѣдность, и она вовсе не подозрѣвала, до какой степени расходы на стирпчихъ, въ тюрьмѣ и на доктора истощили небольшую сумму, съ которою мы перѣехали въ Флитскую тюрьму.

Не суждено было, однако же, ни ей, ни ея ребенку жить подъ крышею. Мы рѣшились перебраться на новую квартиру въ понедѣльникъ утромъ; въ субботу же вечеромъ у малютки начались судороги, и все воскресенье несчастная мать нянчилась съ нимъ и молилась; но Богу угодно было отнять у насъ невиннаго младенца, и въ полночь она прижимала къ груди одинъ трупъ. Миръ праху его! Теперь вокругъ насъ бѣгаютъ другія дѣти, здоровыя и веселыя, и изъ сердца отца почти изгладилась память объ этомъ малютокъ; но не проходитъ, кажется, дня, чтобы мать не вспомнила о своемъ первенцѣ, который пробылъ съ нею такъ мало; и часто, часто водить она дочерей своихъ на могилку, въ которой онъ поконится, и до-сихъ-поръ она носить на шеѣ крошечный бѣлокурый локонъ, который она срезала съ головки младенца, когда онъ улыбался ей изъ своего гроба. Мнѣ не разъ случалось забывать день его рожденія, но ей — никогда; и часто, среди посторонней бесѣды, вдругъ одно слово показываетъ, что она еще думаетъ о ребенкѣ, — простой намекъ, но который для меня невыразимо трогателенъ.

Но стану описывать ея горести : такія вещи священные и заветныя, и человекъ не долженъ класть ихъ на бумагу, чтобъ весь свѣтъ читалъ ихъ. Я даже совсѣмъ не упоминалъ бы о смерти ребенка, если бы она не была для насъ путемъ къ новому земному счастью, какъ сама Мери не разъ сознавалась со слезами и благодарностью.

Между-тѣмъ, какъ жена плакала надъ своимъ сыномъ, другіе мысли, къ стыду своему долженъ я сознаться, свалились въ моей душѣ съ горестью объ утратѣ. Съ-тѣхъ-поръ я не разъ размышлялъ о томъ, какъ нужда превозмогаетъ, — какъ она притупляетъ и истребливаетъ чувства сердца; и опытъ научилъ меня быть благодарнымъ за насущный хлѣбъ. Премудро включено въ нашу ежедневную молитву это сознание нашей немощи, когда мы молимъ Всевышняго о дарованіи намъ насущнаго хлѣба и огражденіи насъ отъ искушенія. Вѣчно надобно размышлять объ этомъ.

Младенецъ лежалъ въ своей плетеной колыбелькѣ, съ кроткою, неподвижною улыбкою на устахъ, — я думаю ангелы небесныя съ ликоваіемъ встрѣчали эту невинную улыбку! — и только на слѣдующій день, когда жена моя прилегла на постель, а я сидѣлъ подлѣ нея, вспомнилъ я положеніе его родителей; вспомнилъ, не могу сказать съ какимъ страданіемъ, что мнѣ не на что было похоронить его, и другія слезы отчаянія потекли изъ глазъ моихъ. Тутъ только рѣшился я обратиться къ помощи матушки, потому-что на мнѣ лежала священная обязанность. Я взялъ листъ бумаги, и написалъ къ ней письмо у изголовья умершаго сына, написалъ ей въ какомъ мы были положеніи. Но, благодаря Бога, я не имѣлъ надобности послать это письмо; потому-что, открывъ конторку, чтобы достать сургучъ и запечатать роковое письмо, я нечаянно увидѣлъ свою брилльентовую булавку, которую я было совсѣмъ забылъ, и которая давно уже лежала въ одномъ изъ ящиковъ конторки.

Я заглянулъ въ спальню; бѣдная жена моя спала; она уже три дня и три ночи не смыкала глазъ, и наконецъ уснула отъ истощенія силъ. Я побѣжалъ съ своею булавкою въ лавку старыхъ вещей, и получилъ за нее семь гиней. Возвратившись домой, я отдалъ деньги хозяйкѣ, и велелъ ей купить все что нужно. Жена моя спала; когда она преснулась, мы уговорили ее сойти въ покон хозяйки, а между тѣмъ сдѣлали всѣ нужныя приготовленія и положили младенца въ гробъ.

На свиданіи день, когда все было кончено, мистрисъ Стоксъ дала мнѣ три гинен сдачи. Тутъ я не могъ удержаться, чтобы не сказать ей всю бѣдственность нашего положенія; я сказалъ ей, что это послѣднія наши деньги, и что когда онѣ выйдутъ, я не знаю уже что будетъ съ самою доброю женою, какою Богъ когда-либо награждалъ человека.

Жена моя была въ низу съ служанкою. Бѣдный Густя, бывшій со мною, не менѣ кого либо изъ насъ опечаленный, взялъ меня подъ руку и повелъ внизъ. Мы долго гуляли съ нимъ и зашли далеко за мостъ, совершенно забывъ о тюрьмѣ и ея чертѣ; Густя старался утѣшить меня чѣмъ только могъ.

Только вечеромъ возвратились мы домой. Первое лицо, встрѣтившее меня въ домѣ, была моя добрая матушка; она со слезами бросилась въ мои объятія и нѣжно журила меня за то, что я не открылся ей въ своей нуждѣ. Она никогда и не узнала бы ея, говорила она; но не получила отъ меня никакихъ извѣстій послѣ того, какъ я возвращалъ ей скорое рожденіе ребенка, и молчаніе мое беспокоило ее; встрѣтивъ на улицѣ мистра Смитерса, она стала разспрашивать его обо мнѣ; мистръ Смитерсъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ и страхомъ сказалъ ей, что невѣстка ея, кажется, должна провести время родовъ въ очень неудобномъ мѣстѣ; потомъ, что мистрисъ Гоггартъ уехала отъ насъ; и наконецъ, что я въ тюрьмѣ. Получивъ это свѣдѣніе, бѣдная матушка тотчасъ пустилась въ путь, и когда я вошелъ, она только что пріѣхала изъ тюрьмы, гдѣ ей указали мою квартиру.

Я спросилъ ее, не видѣла ли она моей жены, и какъ она ее нашла. Къ немалому моему удивленію, матушка отвѣчала, что когда пріѣхала, Мери уже не было дома, что она выпыла со двора съ хозяйкою. Пробыло восемь часовъ; — девять, — а ея все еще не было.

Наконецъ въ десять часовъ возвратилась — не жена моя, а мистрисъ Стоксъ, и съ нею молодой человекъ, который, войдя въ комнату, дружески взялъ меня за руку и сказалъ: — Мистръ Титмаршъ, не знаю помните ли вы меня: мое имя Титгофъ. Я пріѣхалъ къ вамъ съ запискою отъ мистрисъ Титмаршъ и съ порученіемъ отъ жены; она искренно раздѣляетъ вашу горе, и проситъ васъ не беспокоиться на счетъ отлучки мистрисъ Титмаршъ. Жена ваша была такъ добра, что согласилась провести ночь у леди Ти-

решу и-д. вѣдѣть, что вы не будете отдавать на ся. оруженна, когда еще оставите больную мать и больного мамонца.

Лордъ Титмаръ договорилъ еще немного, и вышелъ. Въ одно-
ду Мери было радко, что мистрисъ Стокъсъ мнѣ все разскажетъ.

XIII.

— Мистрисъ Титмаринъ, сударыня, начала мистрисъ Стокъсъ; на время, такъ я удовлетворю ваше любопытство, сударыня, позвольте мнѣ замѣтить, что добродѣтельные люди на землѣ рѣдки; и что рѣдко удается видѣть одного, а темъ болѣе двухъ въ одномъ семействѣ. И сынъ вашъ, и невѣстка, сударыня, оба принадлежать къ числу ясныхъ рѣдкихъ существъ; вѣрьте, сударыня, моему слову, я не лгу.

Матушка отвѣчала, что она благодарить Бога за насъ обомъ, и мистрисъ Стокъсъ продолжала:

— Нынешнимъ утромъ, сударыня, какъ кончились пох... церемонія, сударыня, мы усадили невѣстунку вайну въ моей бѣдной комнаткѣ, и она все плакала, горемычная, да разсказывала про своего отлетѣвшаго ангелочка. Господи, Боже мой! какъ-ся, всего мѣсяцъ прожилъ, и никому бы въ голову не пришло, что онъ могъ въ такое короткое время сдѣлать столько вещей! Но материнскій глазъ зорокъ, сударыня, и у меня также былъ такой ангелочекъ, царствіе ему небесное! мой милый Антоина; когда еще не родилась моя Джемайма; теперь пошелъ бы ему двадцать-четвертый годъ, когдабъ остался жить на нашемъ нечестивомъ свѣтѣ... Но не о немъ рѣчь, сударыня, а о томъ, чтъ случилось.

— Такъ вотъ, сударыня, мистрисъ Титмаринъ сидѣла здѣсь внизу, пока мистръ Титмаринъ разговаривалъ съ другомъ своимъ, мистромъ Госкинсомъ; бѣдняжка даже не тронула обѣда, а я еще такъ старалась, чтобы онъ былъ по вкусу, и послѣ обѣда я насмѣ уговорила ее выпить капельку вина съ водою, и омокнуть сухарекъ. Помните ли, это былъ первый кусокъ съ третьяго дня.

— Я хотѣла, сударыня, развлечь ее разговоромъ; но какъ она не слушала, то я и подумала, что лучше оставить ее въ покоѣ; а она, бѣдняжка, все сидитъ да смотритъ на моихъ малютокъ, которыя во-

зались на ковра. Въ то самое время, какъ мистръ Титмаринъ ушелъ со двора съ мистромъ Госкинсомъ, пришелъ мальчикъ съ газетою, — онъ всегда приходитъ въ четвертомъ часу, сударыня, — и я принялась читать ее. Но мнѣ какъ-то не читалось, потому-что я все думала о томъ, какъ печально смотрѣлъ мистръ Титмаринъ, выходя изъ дому, и что онъ говорилъ мнѣ, что деньги его почти все вышли; такъ вотъ я то и дѣло прерывала чтеніе и уговаривала мистрисъ Титмаринъ не сокрушаться такъ, и рассказывала ей про моего покойнаго Антошу.

«— Ахъ, сказала она, зарывавъ, и смотря на моихъ малютокъ, у васъ, мистрисъ Стоксъ, есть другія дѣти, а у меня онъ былъ одинъ!

«Да и опустила голову, и опять залилась слезами, вотъ такъ, что сердечко такъ и надрывается; я знала, что какъ она поплачетъ, легче станеть, и опять принялась за газету; — я каждый день читаю газеты, сударыня; такъ пріятно знать, что дѣлается въ больномъ свѣтѣ.

«Вотъ читаю я, сударыня, и первое, что вижу: «Требуется немедленно особа съ одобрительными аттестатами, въ должность кормилицы; явиться въ ^{№ 11} на Гросвенорскомъ-Скверъ». Боже великій! говорю я, бѣдная леди Типтофъ больна; потому-что я знала, сударыня, квартиру леди Типтофъ, и знала, что она родила въ одинъ день съ мистрисъ Титмаринъ; къ слову сказать, и миледи знаетъ мой домъ, потому-что однажды завязала сюда.

«Вотъ мнѣ и пришла въ голову мысль. Милая мистрисъ Титмаринъ, говорю я, вы знаете какая добрая душа вашъ мужъ, и въ какой онъ теперь бѣдности....

«— Знаю, сказала она съ видомъ удивленія.

«— Знаете ли что? говорю я, смотря ей пристально въ глаза: леди Типтофъ, — она и мужа вашего знаетъ, ищетъ кормилицы для своего сына, лорда Пойнингса. Хотите быть вполне примѣрною женою? возьмите это мѣсто; онъ вамъ, можетъ-быть, замѣнитъ того, котораго Богъ у васъ отобралъ.

«Какъ она, бѣдняжка, задрожитъ, да покраснѣетъ! Тутъ я сказала ей, что вы сказывали мнѣ напередъ, мистръ Титмаринъ, на счетъ вашихъ денежныхъ обстоятельствъ. И не успѣла я досказать, какъ она уже вскочила, надѣла шляпку, и говорить: — Пойдемте, пойдемте! И

черезъ пять минутъ она опиралась на мою руку и шла со мною къ Гроувенорскому-Скверу. Свежий воздухъ не сдѣлалъ ей вреда, мистръ Титмаршъ; во всю дорогу она одинъ только разъ заплакала, когда увидѣла няньку, гулявшую съ ребенкомъ по скверу.

«Лакей открываетъ намъ дверь, и говоритъ. — Вы уже сорокъ-пятю пришли искать этого мѣста; но прежде всего позвольте сдѣлать вамъ предварительный вопросъ: вы не Ирландка ли?

«— Нѣтъ, отвѣчаетъ мистрисъ Титмаршъ.

«— Хорошо, сударыня, говоритъ лакей; я уже слышу по произношенію. Извольте идти сюда; вы увидите еще другихъ кандидатокъ на верху; но я отослалъ ихъ уже сорокъ-четыре, потому-что всѣ были Ирландки.

«И вотъ насъ повели на верхъ; лѣстница вся устлана мягкими коврами, и пожилая женщина, принявшая насъ, сказала, чтобы мы не говорили громко, потому-что сама миледи только черезъ комнату. Я спросила о здоровьѣ младенца и миледи, и она отвѣчала, что они совершенно здоровы; но, говоритъ, докторъ сказалъ, что леди Титшоъ слишкомъ слаба сложеніемъ, чтобы кормить сына, и вотъ по этому ищутъ кормилицу.

«Въ комнатѣ была еще другая молодая женщина, такая рослая, здоровая, что просто диво; она сердито и съ презрѣніемъ посмотрѣла на меня и мистрисъ Титмаршъ и сказала: — Я имѣю письмо отъ герцогини, у которой я кормила дочь, и полагаю, мистрисъ Бленкинсонъ, что миледи не скоро найдетъ другую кормилицу, подобную мнѣ. Пять футовъ шесть дюймовъ росту, имѣла оспу; жена лейбъ-гвардіи капрала, совершенно здорова; имѣю хорошіе аттестаты, употребляю одну воду; что жъ касается ребенка, сударыня, хоть будь ихъ шестеро у миледи, меня на всѣхъ станеть.

«Пока эта женщина говорила свою длинную рѣчь, изъ соседней комнаты вышелъ маленькій господинъ весь въ черномъ, и ходилъ словно по бархату. Гренадерина встала и низко ему поклонилась, потомъ сложивъ руки на своей богатырской груди, повторила ту же рѣчь. Мистрисъ Титмаршъ даже не встала со стула, а только чуть-чуть наклонилась; мнѣ это, правду сказать, показалось невѣжествомъ, потому-что по всему было видно, что это самъ докторъ. Онъ пристально взглянулъ на нее, и говоритъ: — Ну, а вы, голубушка, также пришли искать мѣста?

«— Да, сэръ, оказала она и покраснѣла.

«— Вы кажетесь очень важнаго сложения; сколько мѣсяцевъ вашему ребенку? Сколько у васъ было дѣтей? есть ли у васъ аттестаты?

«Жена ваша ничего не отвѣчала; по этому я вышла впередъ, и говорю: — Сэръ, говорю я, эта молодая женщина только-что лишилась перваго своего ребенка, и не привыкла искать мѣсть, потому-что она дочь флота капитана; извините ее, что она не встала передъ вами, какъ вы вошли.

«Когда я это сказала, докторъ съѣлъ и началъ ласково говорить съ нею; онъ говорилъ ей, что опасается, что она не будетъ имѣть успѣха, потому-что мистрисъ Горнеръ сильно рекомендована герцогинею Донкастерскою, родственницею леди Типтофъ. Въ эту минуту вышла сама миледи, такая красавица, сударыня, и щеголиха! въ прекрасномъ кружевномъ чепцѣ и въ свѣтломъ кисейномъ капотѣ.

«Вмѣстѣ съ миледи вышла изъ ея комнаты нянька, и пока миледи говорила съ нами, все время ходила взадъ и впередъ въ другой комнату, качая на рукахъ ребенка.

«Сперва миледи поговорила съ мистрисъ Горнеръ, а потомъ обратилась къ мистрисъ Титмаршъ. Но мистрисъ Титмаршъ, почти не слушала ея, что конечно было очень невѣжливо, а только во все время смотрѣла въ другую комнату, такъ вотъ, сударыня, изъ всѣхъ глазъ и смотрѣла на ребенка. Миледи спросила, какъ ее зовутъ, и есть ли аттестаты; но какъ она не отвѣчала, то я стала отвѣчать за нее; рассказала, что она жена прекраснѣйшаго человека въ мѣрѣ, что миледи даже знаетъ его, и привозила ему однажды часть дичины и фрукты. Леди Типтофъ повидимому очень изумилась, и я рассказала ей все, какъ вы сдѣлались главнымъ конторщикомъ, и какъ этотъ мошенникъ Броу разорилъ васъ. — Бѣдняжка! сказала миледи, а мистрисъ Титмаршъ все ни слова, все смотритъ да смотритъ только на ребенка; а гренадерша мистрисъ Горнеръ смотритъ на нее, будто хочетъ ее съѣсть.

«— Бѣдняжка! говоритъ миледи, ласково взявъ руку мистрисъ Титмаршъ; и такая, кажется, молоденькая! Сколько вамъ лѣтъ, моя милая!

«— Пять недѣль и два дня, говоритъ жена ваша, зарыдавъ.

«Мистрисъ Горнеръ захохотала во все горло; но на глазахъ миледи навернулись слезы; она поняла, чг. было на умѣ у бѣдняжки.

«— Молчать! сказала миледи гнѣвнымъ голосомъ гренадеринъ. Въ это время ребенокъ въ другой комнатѣ началъ кричать.

«Какъ только жена ваша услышала крикъ, какъ вскочить со стула, и какъ бросится впередъ, да прижметъ объ руки къ груди, и говорить: — Дитя, — дитя, — дайте его мнѣ! — и опять залилась слезами.

«Миледи посмотрѣла на нее, потомъ побѣжала въ другую комнату, и сама принесла ей младенца, а малютка такъ и прижался къ ней, словно къ родной; и какъ хороша была она, моя сердечная, съ младенцемъ у груди.

«Какъ миледи увидѣла это, что жъ вы думаете? поглядѣвъ на нее немножко, и обвила своими бѣленькими ручками шею жены вашей, и даже поцѣловала ее.

«— Моя милая, говоритъ миледи, я убѣждена, что у васъ такая же добрая душа, какъ прекрасно лицо, и вы будете кормить моего малютку; благодарю Бога, что Онъ послалъ мнѣ васъ!

«Это собственныя ея слова; а докторъ Блэндъ, стоявшій подлѣ, говорить. — Второй Соломоновъ судъ!

«— Я полагаю, миледи, что я вамъ уже не нужна? говорить гренадерина съ низкимъ поклономъ.

«— Не нужны, отвѣчала миледи гордо, и гренадерина вышла; тогда я рассказала исторію вашу во всей подробности, и мистрисъ Бленкинсонъ удержала меня на чашку чаю, и я видѣла прекрасную комнату, которая отведена мистрисъ Титмаринъ, у самой опочивальни леди Типтофъ. Потомъ прѣхалъ лордъ Типтофъ домой, и какъ узналъ все, немедленно захотѣлъ ѣхать сюда со мною въ наемной каретѣ; надо, говорить, просить извиненія, что безъ вѣдома вашего удержали вашу жену.

Тутъ кончился рассказъ мистрисъ Стоксъ. Мнѣ все время невольно представлялась въ умѣ какая-то тайная связь между этимъ страннымъ происшествіемъ, которое разлило утѣшеніе среди нашей горести, дало намъ кусокъ хлѣба въ нашей защитѣ, и мою брильянтовую булавку; мнѣ казалось, что сбытъ ея далъ другой оборотъ моей судьбѣ, и доставилъ иного рода счастье моему дому. Когда кто кого любитъ, не наслажденіе ли чувствовать, что вы облагодѣтельствованы тѣмъ, кого любите? Такое же наслажденіе ощущалъ и я. Я гордился, я былъ счастливъ, зная, что жена моя была въ состояніи работать и добывать хлѣбъ для себя и для меня въ такое время, когда я былъ

лишень всѣхъ средствъ прокормленія. Что я могъ дѣлать? Въ тюрьмѣ былъ одинъ или два молодыхъ чело­вѣка, которые могли работать, — это были литераторы; одинъ изъ нихъ написалъ въ тюрьмѣ свое «Путешествіе по Месопотаминъ», другой— «Очерки Альмака». Но я, какое занятіе могъ я придумать, кромѣ того, что шататься взадъ и впередъ по улицѣ, да глазѣть на окна ольдермана Вейтмана, или смотрѣть на грязнаго старика, что подметалъ улицу на перекресткѣ. Я ни разу не далъ ему ни полушки; но завидовалъ его ремеслу и метлу, и деньгамъ, которыя безпрестанно сыпались въ его старую, истертую шляпу. Но мнѣ даже не позволялось взять въ руки метлу.

Раза два или три, — не больше, потому-что леди Типтофъ не желала, чтобы сынъ ея часто вдыхалъ смертнѣйшій воздухъ салисбургскаго квартала, — милая Мери пріѣзжала повидаться со мною въ богатой каретѣ. Какъ радостны были эти встрѣчи! я даже, чтобы не таять грѣха, два раза, когда никого при насъ не было, садился въ карету, чтобы прокатиться съ нею; довозилъ ее до дому, и тотчасъ пересаживался въ наемную карету и отправлялся назадъ. Но это случилось всего два раза, потому-что это было дѣло опасное, и могло вовлечь меня въ большія непріятности; притомъ за проздъ назадъ отъ Гросверноръ-Сквера къ Лодгэтъ-гилю должно было заплатить каждый разъ три шиллинга.

Добрая матушка осталась между-тѣмъ жить со мною, чтобы усладить мое одиночество. Однажды мы оба чрезвычайно изумились, получивъ письмо изъ деревни, въ которомъ насъ извѣщали о бракосочетаніи мистрисъ Гоггартъ съ мистромъ Граймзъ-Вапнотомъ. Матушка, которая никогда не жаловала мистрисъ Гоггартъ, сказала, что она въ жизнь не проститъ себѣ, что позволяла мнѣ проводить столько времени у этой гадкой, неблагодарной женщины; и что и я и она сама справедливо наказаны за то, что поклонились маммонъ корысти и позабыли кровныя чувства ради денегъ тѣтушки! — Аминь! сказалъ я, теперь конецъ всѣмъ нашимъ корыстнымъ расчетамъ! Тѣтушкины деньги и тѣтушкина брильянтовая булавка были главною причиною моихъ бѣдствій; теперь же, слава Богу, и то и другое ушло; и я долженъ пожелать тѣткѣ всякаго благополучія, и сказать, что не зави­дую долъ мистра Граймзъ-Вапнота.

Такимъ образомъ мы совсѣмъ выкинули изъ головы мистрисъ Гоггартъ, и нисколько не горевали объ утратѣ ея денегъ.

Маленькій лордъ Пойннингъ былъ окрещенъ не прежде какъ въ шестъ мѣсяцъ. Воспріемниками отъ купели были какой-то герцогъ и вышесомннутый мистръ Эдвардъ Престонъ, и добрая леди Анна Престонъ, о которой я уже говорилъ прежде. Ей рассказали всю исторію моей жены; и она, какъ и сестра ея, очень любила мою Мери, и была къ ней чрезвычайно добра. Впрочемъ ядо сказать и то, что не было въ домъ ни одной души, изъ господъ или ихъ слугъ, которая не любила бы это тихое, кроткое существо; все служили ей такъ же усердно, какъ самой своей госпожѣ.

Я совсѣмъ—было забыть сказать, какое счастье доставило мнѣ прекрасное поведеніе моей жены.

Въ день крестинъ, мистръ Престонъ хотѣлъ подарить ей сперва пяти-фунтовую, а потомъ двадцати-фунтовую ассигнацію, но она отказалась; но не отказалась отъ подарка, который сдѣлали ей обѣ леди вместе, а подарокъ этотъ былъ ни болѣе, ни менѣе какъ освобожденіе мое изъ элитской тюрьмы. Стряпчій лорда Типтофа уплатилъ все предъявленные на меня ко взысканію документы, и эти благодѣтельныя крестины сдѣлали меня опять свободнымъ человѣкомъ. Ахъ, кто опишетъ всю радость этого дня, и веселый обѣдъ нашъ въ комнатѣ Мери, въ домъ лорда Типтофа, когда самъ лордъ съ своею супругою пришелъ позжать мнѣ руку и поздравить меня!

— Я говорилъ объ васъ мистру Престону, сказалъ милордъ, тому самому господину, съ которымъ вы такъ знаменито поборанились; онъ прощаетъ васъ, хотя онъ самъ былъ кругомъ виноватъ, и обѣщаетъ что-нибудь для васъ сдѣлать. Между-тѣмъ мы поѣдемъ къ нему на дачу, въ Ричмондъ, и будьте увѣрены, мистръ Титмаршъ, что я не впрямую напомнить ему объ васъ.

— Мистрисъ Титмаршъ еще лучше напомнить своими глазками, сказала миледи: мистръ Престонъ ни въ чемъ не откажетъ ей; онъ просто по-уши влюбленъ въ нее.

Мери покраснѣла, а я засмѣялся, и все мы было какъ-нельзя-болѣе счастливы. И въ-самомъ-дѣль, я скоро получилъ изъ Ричмонда письмо, въ которомъ меня повѣщали, что я определенъ въ должность четвертаго канторщика въ экспедиціи факельнаго и сургузнаго сборовъ, съ жалованіемъ по осмыдесяти фунтовъ въ годъ.

Въ насѣющее время я занимаю должность управляющаго лорда Титмара и его правая рука; счастливый отецъ; весь академикъ джентльмена.

бить и уважать мою жену; а Густа Гескинсъ, мой шурина, Фургель, въ товарищество съ своимъ добрымъ отцомъ, кожевенный товаромъ и потыкаетъ всѣхъ своихъ племянниковъ и племянницъ своими шутками и прибаутками.

Что касается до мистра Броу, одной его исторіи хватило бы на несколько томовъ. После того, какъ скрылся изъ лондонскаго торговаго міра, онъ стяжалъ громкую славу за границею, гдѣ перепробовалъ все званія, непыталъ все ступени счастья и нищеты. Одному, по-крайней-мѣрѣ, нельзя не подивиться въ немъ; его мужеству и силѣ воли, которыхъ не могли укротить никакія неудачи, никакія бѣдствія; притомъ мнѣ кажется, какъ я уже говорилъ, что въ душѣ его было и хорошее; если родные такъ неизменно любили его. О Роундгендѣ я могу отзываться только съ похвалою. Процессъ его съ Тиддомъ еще свяжъ въ памяти нублинн; признаюсь, не постигаю я, какъ Тиддъ, такой мечтательный, такой поэтический, могъ влюбиться въ эту запальчивую жиромъ, жеманную, глупую бабу, мистрисъ Роундгендъ, которая и по лѣтамъ уже годилась ему въ матери.

Какъ-скоро дала наши неправилно, мистеръ и мистрисъ Грайвъ-Вашнотъ стали домогаться мировой; и мистеръ Вашнотъ открылъ мнѣ всю низость поведенія мистра Смитерса въ дѣлѣ Броу. Смитерсъ также пытался подбитися ко мнѣ, когда я ездилъ однажды въ Сомерсетшайръ; но я осадилъ его безъ церемоній, какъ показано выше.

— Онъ, и никто кромѣ его, говорилъ мнѣ мистеръ Вашнотъ, ублажилъ мистрисъ Гейтартъ, какъ мистрисъ Грайвъ, кунить акціи востидльскаго общества; за что онъ, разумется, получилъ прекрасное вознагражденіе. Но какъ-скоро онъ увидѣлъ, что мистрисъ Гейтартъ пошла въ руки мистра Броу, и что онъ является дехода, который получалъ отъ тяжобъ ея съ арендаторами, и отъ управленія ея-делами по имѣнію, онъ рѣшился вырвать ее изъ рукъ мистра Броу, и нарочно затѣялъ врихатъ въ Лондонѣ. Онъ также, продолжалъ мистеръ Вашнотъ, стараясь имѣть видъ своего языка на меня; но небу уродно было разстроить его нѣкая возни. Изъ слѣдствій о несостоятельности Броу, мистеръ Смитерсъ не имѣлъ нищаго, потому-что тогда являлся на связую воду собственнѣе его участіе въ дѣлахъ компаніи. Въ отсутствіе его изъ Лондона я ездилъ съ Фургель, — стараясь не събурговать никакой вѣстухи. Но тои, саръ, я былъ сурдъ въ дѣлѣ Смитерса

есть потрешной благодати, но не могу утаить отъ васъ, что мистрисъ Гоггарти имѣють недостатки, которыхъ все мое рвеніе не успѣло искоренить. Она дрожитъ надъ своими деньгами, сэръ; и я не могу располагать ея богатствомъ, какъ надлежало бы мнѣ въ моемъ вѣнѣ, потому-что она прячетъ послѣднюю копейку подъ замокъ, и даетъ мнѣ только полъ-крона въ недѣлю на карманныя издержки. Вѣра въ ея, притомъ, чрезвычайно крутъ. Въ первые годы нашего супружества, я пытался переломить ее, и даже каралъ ее; но упорство ея, признаюсь, побѣдило мое рвеніе. Я уже не дѣлаю ей никакихъ увѣщаній, но какъ агнецъ покоряюсь велѣніямъ ея, и она даетъ со мною, что хочетъ.

Въ заключеніе своего разсказа, мистръ Вапшотъ занялъ у меня полъ-крона,—это было въ 1832 году, въ сомерсетской кофейнѣ, что на набережной, гдѣ онъ назначилъ мнѣ свиданіе; — потомъ я видѣлъ какъ онъ зашелъ насупротивъ въ портерную лавочку, а черезъ полчаса вышелъ оттуда, лавируя по улицѣ, въ совершенномъ опьяненіи.

Онъ умеръ черезъ годъ послѣ того; вдова его, называвшаяся теперь мистрисъ Гоггарти-Граймзъ-Вапшотъ изъ Гоггарти-кастля, сказала, что на могилѣ незабвеннаго должно забыть все земныя вражды, и предложила пріѣхать къ намъ и поселиться у насъ, платя намъ, разумется, приличное вознагражденіе. Но мы съ женою потѣпительно уклонились отъ этого предложенія. Тетушка очень разгнѣвалась, назвала насъ неблагодарными тварями, продажными, дунами, и снова уничтожила свое духовное завѣщаніе, которое она, въ порывѣ великодушія, опять-было написала въ мою пользу; теперь она завѣщала все свое наследство ирландскимъ Гоггарти. Однако же, увидѣвъ однажды жену мою въ одной коляскѣ съ леди Типтофъ, и услышавъ, что мы были приглашены на большой балъ въ Типтофъ-кастль, и что я сталъ богатымъ человекомъ, она еще разъ раздумала; передъ смертью призвала меня къ себѣ и отказала мнѣ слоперстонскую и сквантейльскую мызы, со всеми деньгами, которыя она скопила въ пятнадцать лѣтъ. Миръ ея праху! она оставила мнѣ препорядочное состояніе.

Хотя самъ я не литераторъ, однако же внучатный братецъ мой, Мисель-Анджело Титмаршъ, — который обыкновенно пріѣзжаетъ къ намъ, когда на карманъ его найдетъ повременная чахотка, и говорить у насъ по нѣскольку мѣсяцовъ, — увѣряетъ, что замислилъ менѣ

могут принести пользу публикѣ, — я думаю скорѣе не ему ли? — Если такъ, очень радъ служить и ему и публикѣ, и затѣмъ имѣю честь кланяться, прося каждаго, кто прочтетъ ихъ, зарубить себѣ на память слѣдующее: — Когда есть у тебя деньги, не бросай ихъ, не осматрѣвшись; а еще осмотрительнѣе будь на счетъ денегъ родныхъ и пріятелей; помни, что для того, чтобъ получить огромные барыши, надо много рисковать; и что крупные, опытные капиталисты нашего королевства не стали бы довольствоваться четырьмя процентами, если бъ могли получать больше, не подвергаясь опасности; пуще всего совѣтую тебѣ не пускаться, сломя голову, въ спекуляціи, которыхъ дѣйствія не въ виду и управляются людьми, которыхъ благонамѣренность и честность тебѣ не вполне известны.

ВАЛЕРІЯ.

АВТОБІОГРАФІЯ.

СОЧИНЕНІЯ МАРРІСТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Я оставила въ заглавіи этой книги имя, данное мнѣ при крещеніи. Если читатель не поспушаетъ прочитать ее до конца, то не знаетъ, чѣмъ сдѣлалась я теперь, послѣ жизни, полной приключеній. Я не буду отнимать у него времени, распространяясь въ предисловіи, но сейчасъ же разскажу о моемъ рожденіи и воспитаніи, и познакомлю васъ съ моими родственниками. Это необходимо: время рожденія и дѣтство еще не такъ важны; но важно воспитаніе, потому-что оно подготавило много событій въ моей жизни. Многое зависитъ, однако же, отъ происхожденія, и во всякомъ случаѣ упомянуть о немъ должно для полноты картины. И такъ, начнемъ съ начала.

Я родилась во Франціи. Отецъ мой происходилъ отъ младшей линии старинной дворянской фамиліи; онъ былъ сынъ стараго офицера и самъ служилъ офицеромъ въ арміи Наполеона. Онъ былъ съ нимъ въ итальяскомъ походѣ и, продолжая сопровождать его во всехъ кампаніяхъ, дослужился до капитана кавалеріи. Онъ отличался много разъ; получилъ орденъ почетнаго легіона; императоръ любилъ его и всѣ

были уврены, что отецъ мой быстро пойдетъ впередъ, — какъ вдругъ онъ сдѣлалъ сильную ошибку. Эскадронъ его стоялъ въ маленькомъ городкѣ Цвейбрюккенъ, на берегу Эрбаха; тутъ онъ увидалъ мать и влюбился и женился. Поступокъ былъ извинителенъ: такой красавицы, какъ мать моя, я не видывала; притомъ она была отличная зыкантина, хорошей фамилии, и съ приданнымъ довольно значительнымъ.

Читатель скажетъ, можетъ-быть, что отецъ мой, женившись, не сдѣлалъ вовсе никакой ошибки. Это правда: ошибка состояла не въ томъ, что онъ женился, а въ томъ, что послушался матушки и испортилъ свою карьеру. Онъ хотѣлъ оставить жену до конца кампаніи у родителей. Она этого не захотѣла и отецъ мой исполнилъ ея желаніе. Наполеонъ не препятствовалъ своимъ офицерамъ жениться, но не любилъ, чтобы жены ихъ слѣдовали за арміей. Вотъ почему отецъ мой лишился чести своего полководца. Мать моя была такъ хороша собою, что всѣ тотчасъ же замѣтили ее; объ этомъ не замедлилъ узнать и Наполеонъ, и это вооружило его противъ моего отца.

Въ первый годъ послѣ свадьбы родился старшій братъ мой, Августъ; вскорѣ потомъ мать моя сдѣлалась опять беременна, и это обрадовало отца: онъ былъ женатъ уже годъ, и, любуясь красотой своей жены, уже рассчитывалъ, достаточно ли вознаграждаетъ его обладаніе такою женщиной за потерю командованія бригадой.

Для оправданія моего отца, я должна сообщить читателю подробности, которыя, можетъ-быть, ему неизвѣстны. Наполеонъ, какъ сказала, не запрещалъ своимъ офицерамъ жениться; ему нужны были люди для войска, но только для войска: онъ не дорожилъ супругами доставлявшими ему большею частью дѣвочекъ. Но если, напротивъ того, жена дарила своего мужа шестью или семью мальчиками, и если онъ былъ военный, то могъ быть уврѣнъ, что получить возмездную пенсію. Мать моя родила сына, и такъ-какъ извѣстно, что женщина большею частью продолжаетъ производить дѣтей того пола съ котораго начала, то всѣ поздравляли ее съ новою беременностью и предсказывали, что, благодаря ея плодовитости, мужъ скоро получитъ пенсію. Отецъ мой былъ того же мнѣнія, и надѣялся, что пенсія вознаградитъ его за потерю бригады. Мать моя съ уврѣенностью говорила, что родитъ сына.

Но всѣ предсказанія и надежды разрушило мое появленіе на свѣтъ. Отецъ мой былъ огорченъ, и перенесъ это съ твердостью мужчины.

Мать моя была не только огорчена, но и разсержена. Она была женщина вспыльчивая и получила ко мнѣ какое-то отвращеніе. Съ лѣтами это чувство не ослабывало, а усиливалось, и, какъ вы увидите, было главною причиною всѣхъ моихъ несчастій.

Отецъ мой, находя неудобнымъ возить съ собою жену въ дальніе походы, и надеясь, можетъ-быть, снова заслужить милость императора и получить бригаду, предложилъ матери возвратиться съ двумя дѣтьми къ своимъ родителямъ. Маменька рѣшительно отказалась отъ этого, не согласилась отослать въ Цвейбрюккенъ меня и брата моего Августа. Тамъ жили мы въ то время, когда отецъ слѣдовалъ за судьбою императора, а мать за судьбою своего мужа. Я почти не помню дѣда и бабушки съ материнской стороны; помню только, что я прожила у нихъ до семилѣтняго возраста, и потомъ переселилась съ братомъ въ Люневиль, къ матери отца моего, которая пожелала заняться нашимъ воспитаніемъ.

Этого желала, какъ я говорю вамъ, бабушка, а не дѣдушка, бывшій тогда еще въ живыхъ. Будь его воля, онъ не призвалъ бы насъ въ Люневиль; онъ не любилъ дѣтей. Но бабушка имѣла свое, независимое отъ мужа состояніе, и настояла на томъ, чтобы мы переехали къ ней. Я часто слышала, какъ дѣдушка говорилъ ей объ издержкахъ по случаю нашего у нихъ пребыванія, и какъ бабушка отвѣчала: «En bien, monsieur Chateauneuf, c'est mon argent que je dépense».

Надо описать вамъ дѣдушку. Онъ служилъ во французской арміи, и вышелъ въ отставку съ чиномъ майора и орденомъ почетнаго легіона. Это былъ высокій, статный старикъ, съ бѣлыми какъ серебро волосами. Въ молодости онъ слылъ, говорятъ, однимъ изъ храбрѣйшихъ и красивѣйшихъ офицеровъ во французской арміи. Онъ думалъ только о своемъ покоѣ; дѣтскій шумъ сильно беспокоилъ его и вотъ почему онъ не любилъ дѣтей. Мы видѣли его чрезвычайно рѣдко. Если мнѣ, бывало, случится забѣжать къ нему въ комнату, онъ сейчасъ погрозилъ мнѣ розгой.

Люневиль прекрасный городъ въ мѣртскомъ департаментѣ. Замокъ, или лучше сказать дворецъ, — великолѣпное, обширное зданіе, въ которомъ жили некогда Лотарингскіе герцоги; и потомъ жилъ король Станиславъ, основавшій военную школу, бібліотеку и госпиталь. Дворецъ этотъ — квадратное зданіе, съ прекраснымъ фасадомъ.

Передъ нимъ бьетъ фонтанъ. Въ срединѣ двorca есть широкая площадь, а за нимъ обширный садъ, содержимый въ большой чистотѣ. Одну сторону двorca занимали офицеры полка, стоявшаго въ Люневиль, другую солдаты; остальное было назначено для старыхъ и станныхъ офицеровъ, получающихъ пенсію. Въ этомъ—то прекрасномъ саду поселился на остальную жизнь дѣдушка и бабушка. За исключеніемъ Тюльери, я не знаю во Франціи двorca, который могъ бы сравниться съ люневильскимъ. Въ немъ поселилась и я; тогда мнѣ было семь лѣтъ, и съ этого времени начинается собственно моя жизнь.

Я описала вамъ дѣдушку и наше жилище. Теперь позвольте познакомить васъ съ бабушкой, моей милой, доброй бабушкой, которую я такъ горячо любила при жизни, и которой память уважаю такъ глубоко. Она была невелика ростомъ, но въ шестьдесятъ лѣтъ не утратила еще своей красоты и держалась прямо какъ стрѣла. Ни надъ кѣмъ, кажется, не пролетѣло время такъ легко; волосы ея были черны какъ смоль и ниспадали до самыхъ коленъ. Вся находилъ это чрезвычайно замѣчательнымъ явленіемъ, и она гордилась тѣмъ, что у нея нѣтъ ни волоска сѣдаго. Она потеряла уже много зубовъ, но морщинъ на лицѣ ея не было, и для шестидесяти—лѣтней старушки она была необыкновенно свѣжа. Не состарѣлась она и душою, — остряла и вѣчно шутила. Офицеры, жившіе во дворцѣ, не выходили изъ ея комнатъ и предпочитали ея общество обществу молодыхъ женщинъ. Она страстно любила дѣтей и всегда участвовала въ нашихъ играхъ; но при всей своей живости, она была женщина правдивая и религіозная. Она прощала лѣнь и шалости; но ложь и нарушеніе правилъ чести всегда влекли за собою для меня и моего брата строгое наказаніе. Она говорила, что честность несомнѣнна съ обманомъ, и что изъ лжи сами собою возникаютъ всѣ прочіе пороки. Правду считала она основаніемъ всего добраго и благороднаго; прочія же вѣтви воспитанія были, по ея мнѣнію, сравнительно неважны, и ничего не значили безъ любви къ истинѣ. Она была права.

Я и братъ мой ходили каждый день въ школу. Служанка наша, Катерина, отводила меня въ школу послѣ завтрака и приходила за мною въ четыре часа послѣ обѣда. Это было счастливое время моей жизни. Съ какою радостью возвращалась я во дворецъ и всматрива-

иногда; чтобы испугать бабушку, приходилъ къ ней въ окно! Она и сердилась и смѣялась!

Бабушка была, какъ я замѣтила, религіозна, но не ханжа. Главнымъ предметомъ ея было внушить мнѣ любовь къ правдѣ и она неутомимо проповѣдовала свою цѣль. Если я, бывало, провинюсь, ее огорчать проступокъ мой, а мысль, что я, можетъ-быть, стану отпираться. Предотвращенія жи она изобрѣла престранное средство: она разсказывала, что видѣла проступокъ мой во снѣ. Она не обвиняла меня тогда, не увѣрившись напередъ, что я дѣйствительно виновата, потому говорила мнѣ поутру: «Валерія, мнѣ сегодня снился сонъ; какъ не могу забыть его. Снится мнѣ, что будто ты забыла свое обещаніе, вошла въ буфетъ и съѣла большой кусокъ пирога».

При этомъ она смотрѣла на меня очень пристально; я, слушая ее, дрожала и потупляла глаза, и когда сонъ былъ досказанъ, я лежала у ногъ ея, припавши лицомъ къ ея кознямъ. За проступки покаяніе я должна была молить Бога о прощеніи, и потомъ меня сажали въ тюрьму, то-есть запирали на нѣсколько часовъ въ моей спальнѣ. Катерина служила у бабушки уже давно и пользовалась большими привилегіями; она позволяла себѣ высказывать свое мнѣніе и могла ворчать сколько угодно, чего и не упускала дѣлать всякій разъ, когда меня сажали подъ арестъ. «*Toujours en prison cette pauvre fille*. Это не хорошо, сударыня; выпустите ее». Бабушка отвѣчала мнѣ очень спокойно: «ты добрая женщина, Катерина, только ничего не смыслишь въ воспитаніи». Иногда однако же ей удавалось выпросить ключъ, и тогда меня освобождали раньше назначеннаго срока.

Заключеніе въ тюрьму было для меня наказаніемъ очень тяжелымъ: меня сажали всегда ввечеру, по возвращеніи изъ школы и, слѣдовательно, лишали возможности играть. Во дворецъ жило много женовъ офицеровъ, и у меня было много подругъ. Дѣвочки ходили въ саду за дворцовымъ садомъ собирать цвѣты и плести гирлянды, которыя вѣшали потомъ на веревкѣ, натянутой поперегъ двора. При наступленіи ночи всѣ выходили изъ своихъ квартиръ съ фонарями, танцовали *gondé* и веселились до-тѣхъ-поръ, пока не наставала пора ложиться спать. Окна моей спальни выходили на дворъ, и, сидя въ тюрьмѣ, я имѣла неудовольствіе видѣть передъ собою игры, въ которыя мнѣ нельзя было участвовать.

Въ доказательство вѣрности системы моей бабушки, я расскажу

вамъ одинъ случай. У дѣда моего было помѣстье мѣли за четыре отъ Люневилля. Часть его была отдана въ наемъ фермеру, другому онъ завѣдывалъ самъ и жилъ на получаемые съ нея доходы. Съ этой фермы получали мы молоко, масло, сыръ, фрукты и всякую всячину. Въ этой части Франціи умѣютъ топить и очищать масло на зиму, но соля его. Оно не портится и очень пріятно на вкусъ; по-крайней-мѣрѣ мнѣ оно очень нравилось. Въ буфетѣ стояло банокъ двадцать этого масла, и его брали изъ нихъ поочередно. Я не смѣла сдѣлать похищенія изъ той банки, которая стояла на очереди, потому-что это сейчасъ бы замѣтили; я принялась за послѣднюю и почти опорожнила ее прежде, нежели бабушка замѣтила мою продѣлку. Вслѣдъ за тѣмъ ей, по обыкновенію, приснился сонъ. Она начала пересчитывать всѣ банки: открываетъ первую — полна; открываетъ вторую — полна; третью — полна; и когда очередь еще далеко не дошла до послѣдней, я стояла уже на колынахъ и досказывала сонъ бабушки. Я не въ силахъ была выслушать осмотра всѣхъ двадцати банокъ. Съ этого времени я, не дожидаясь конца сновидѣнія, признавалась въ моемъ проступкѣ.

Мнѣ было уже девять лѣтъ, когда я провинилась въ другомъ, болѣе важномъ дѣлѣ. Я расскажу вамъ этотъ случай ради оригинальности наказанія, которое съ пользою можетъ быть употреблено и вами. Дѣти офицеровъ, жившихъ во дворцѣ, то-есть собственно дѣвочки, устроивали иногда въ саду праздникъ, нѣчто въ родѣ пикника: одинъ приносили пироги, другія фрукты, третьи деньги (по нѣскольку су), для покупки конфектъ или что вздумается обществу.

Бабушка давала мнѣ на эти случаи всегда фрукты, цѣлую кучу яблокъ и грушъ, привозимыхъ намъ съ фермы. Однажды одна изъ дѣвочекъ, постарше меня, сказала мнѣ, что фруктовъ у нихъ довольно, а чтобы я принесла денегъ. Я попросила у бабушки нѣсколько су, но получила отказъ. Подруга моя сказала: «да ты украдь деньги у дѣдушки». Я не соглашалась, но она начала надо мною смѣяться, и довела меня до того, что я рылась. Давши ей слово, я была въ самомъ непріятномъ положеніи. Я знала, что воровать дурно, а подруга не забыла внушить мнѣ, какъ дурно не исполнять своихъ обѣщаній. Я не знала, что мнѣ дѣлать. Цѣлый вечеръ была я въ такомъ волненіи, что бабушка не знала, что подумать. Я стыдилась нарушить данное слово и дрожала при мысли о

предстоящемъ поступкѣ. Наконецъ я легла въ постель, но не спала. Около полуночи я встала, прокралась потихоньку въ комнату дѣдушки, подошла къ его платю, лежавшему на стулѣ, обшарила карманы и украла — два су!

Достигши цѣли, я ушла назадъ къ себѣ въ комнату. Не могу описать вамъ, что было со мною, когда я снова легла въ постель; — во всю ночь не смыкала я глазъ, и на другое утро явилась блѣдная, истомленная, трепещущая. Оказалось, что дѣдушка подсмотрѣлъ, какъ я воровала деньги, и сказалъ это бабушкѣ. Бабушка призвала меня къ себѣ.

— Поди сюда, Валерія, сказала она. Мнѣ снился сегодня ужасный сонъ: будто одна дѣвочка прокралась ночью въ комнату своего дѣдушки....

— Я не выдержала, — бросилась къ ея ногамъ и воскликнула:

— Да, да! и украла два су!

Я залилась слезами, и цѣлый часъ не могла ни встать, ни поднять глазъ. Наказаніе было строгое. Меня замкнули на десять дней; во всего ужаснѣе было то, что меня призывали всякій разъ, когда кто-нибудь къ намъ приходилъ, и бабушка торжественно представляла меня гостямъ съ словами:

— Permettez, madame (или monsieur), que je vous présente mademoiselle Valérie, qui est enfermée dans sa chambre pour avoir volé deux sous de son grand-père.

Стыда моего нельзя выразить словами. Это повторялось разъ десять на день. Уходя въ свою комнату, я заливалась горькими слезами. Наказаніе было строго, но благотворно. Послѣ этого я скорее согласилась бы вытерпеть пытку, нежели тронуть чужую вещь. Испытаніе было радикальное.

Пять лѣтъ пробыла я подъ надзоромъ бабушки, внушившей мнѣ горячую любовь къ правдѣ. Я могу сказать по совѣсти, что я была невинна, какъ агнецъ, — но скоро все это должно было измениться. Наполеонъ былъ низведенъ съ престола и отвезенъ на безлюдную скалу. Во французской арміи сдѣланы большія перемѣны. Гусарскій полкъ, въ которомъ служилъ отецъ мой, былъ распущенъ, и отца причислили къ драгунамъ, назначеннымъ въ Люппель. Онъ прибылъ туда съ матушкой и семью дѣтьми. Всѣхъ насъ было у него, следовательно, девять. Въ послѣдствіи число наше

возросло до четырнадцати, — семь сыновей и семь дочерей. Блг Наполеонъ на тронъ, онъ непременно далъ бы моему отцу великй Приказъ родителей былъ для меня источникомъ и радости, и тѣмъ Мнѣ ужасно хотѣлось увидѣть братьевъ и сестеръ, и сердце мнѣ рвалось къ отцу и матери, хотя я ихъ почти не помнила. Одна же я боялась, что меня отнимутъ у бабушки, да и сама она это не желала. Къ-несчастью, такъ и случилось. Меня съ братьями немедленно взяли домой.

Черезъ недѣлю полкъ моего отца получилъ приказаніе выступить въ Нантъ; но я успѣла уже убѣдиться въ это время, что участь моя будетъ горька. Я исполняла въ домѣ должность служанки и няньки при младшихъ моихъ братьяхъ; къ неописанному моему несчастью, матушка по прежнему пыталась ко мнѣ отвращеніе, и не выходило почти дня, чтобы она меня не наказывала.

Мы отправились въ Нантъ; я думала, что не переживу разлуки съ бабушкой, горько плакавшей на прощаньи. Отецъ охотно оставилъ бы меня у нея, и она обещала отказать мнѣ свое имѣніе; но это предложеніе только пуще разгнѣвало матушку. Она объявила, что я останусь въ Люневиль, а отецъ мой ни въ чемъ ей не отказывается.

Прибывъ въ Нантъ, мы расположились въ казармахъ. Я должна была стлать постели, мыть дѣтей, ходить гулять съ младшими изъ нихъ, и исполнять все, что ни прикажутъ мнѣ братья или сестры. Гардеробъ, которымъ снабдила меня бабушка, былъ очень хорошъ; его у меня взяли и перешили мои платья для сестеръ; всего обиднѣе было для меня то, что сестеръ учили музыкѣ, танцамъ и другимъ искусствамъ, а мнѣ нельзя было пользоваться уроками, хотя учителя не взяли бы за это ни гроша лишняго.

Я живо помню, что чувствовала въ это время. Я чувствовала, что отъ всей души люблю матушку, люблю ее горячо, но она все по прежнему не любила меня.

Любимцемъ матушки былъ второй братъ мой, Павелъ; онъ былъ удивительный музыкантъ: игралъ на чемъ угодно, читалъ самыя трудныя ноты съ перваго разу. Матушка сама была хорошая музыкантъна, и полюбила его за это дарованіе. Ему позволено было приказывать мнѣ, что вздумается. Но за меня заступался Августъ, и порядкомъ отплачивалъ Павлу. Только это не помогало.

Судить такого обращенія со мною было: то, что оно
 делалось по мнѣ, все, внушенное бабушкой. Страхъ наказанія
 заставлялъ меня лгать и обманывать. Даже братъ Аппостъ го-
 тился вѣдаться въ этотъ перекъ, жалѣя меня. «Валерія», пе-
 рече онъ, выбѣгая ко мнѣ на встрѣчу, когда я возвращалась де-
 лать прогулки съ маленькимъ братомъ, «матушка недовольна,
 скажи сказать то и то». То и то, разумеется, была ложь; я лгала
 смело, краснѣла и запинаясь; ложь не могла укрыться, и мнѣ на-
 казали за то, что иногда и не заслуживало наказанія. Поймавши меня
 мамъ, матушка никогда не забывала говорить объ этомъ отцу, и
 отъ-малу онъ началъ думать, что я заслуживаю такого обращенія,
 шалунья, скрытная дѣвочка.

Я была счастлива только уходя изъ дому. Но это случалось, когда
 мамъ послали гулять съ маленькимъ братомъ моимъ Пьеромъ. Окон-
 чивъ домашнія работы, я должна была нести его на воздухъ. Если
 мамъ капризничалъ и капризничалъ, то прогулка начиналась немедленно. Я
 делала это, и щипала его, чтобы заставить плакать и выйти съ нимъ
 изъ дому. Я сдѣлалась жестокою. Съ какимъ негодованіемъ отвергла
 я эти такіе поступки полгода тому назадъ!

Матушка воображала, что обращеніе ея со мною известно толь-
 ко домашнимъ, но она ошибалась. Обо мнѣ сожалѣли все офицеры
 и жиніе ихъ, жившіе въ казармахъ.

Жена одного изъ высшихъ офицеровъ, также жившаго въ казармахъ,
 была ко мнѣ особенное участіе. У нея тоже была дочь Валерія. Уходя
 изъ дому, я обыкновенно приходила къ нимъ, и видя какъ ласкается и
 обнимаетъ мою тезку мать ея, я невольно плакала, чувствуя, что ли-
 шена этого наслажденія.

— О чемъ ты плачешь, Валерія?

— О, зачѣмъ меня также не ласкаютъ? Что я сдѣлала?

II.

Нѣсколько дней спустя, я пошла гулять съ маленькимъ Пьеромъ. Я
 была погруженная въ глубокую думу и перенеслась мысленно въ Лю-
 ксембургъ, къ моей милой бабушкѣ. Вдругъ я поскользнулась и упала.
 Когда удержалъ Пьера, я сама ушиблась очень больно; но къ

несчастно, и онъ ушибся не легче. Онъ заплакалъ и застоналъ; я старалась его утѣшить, но безуспѣшно. Часа два проходила я, не смѣя показаться домой; но наконецъ стемнѣло, и я принуждена была воротиться. Пьеръ, не умѣвшій еще говорить, продолжалъ стонать и плакать, и я рассказала все, какъ было. Матушка наказала меня за это

Я подумала о всѣхъ моихъ страданіяхъ, и рѣшилась оставить, скрепя сердце, домъ родительскій. На разсвѣтъ я встала, одѣлась, вышла боеспѣшно изъ казармъ и отправилась въ Люневиль, отстоявшій отсюда за пятнадцать миль. На половинѣ дороги встрѣтился со мною солдатъ нашего полка, когда-то служившій у насъ въ домъ. Я хотѣла-была пройти возлѣ него незамѣченной, но онъ узналъ меня. Я просила его не мѣшать мнѣ, и сказала, что иду къ бабушкѣ. Яковъ сказалъ, что онъ не скажетъ никому ни слова.

— Но, прибавилъ онъ, до Люневилля еще далеко, и вы уставите. За деньги васъ кто-нибудь довезетъ.

Онъ сунулъ мнѣ въ руку монету въ пять франковъ, и мы разошлись. Я дошла наконецъ до фермы моего дѣдушки, отстоявшей, какъ уже вамъ извѣстно, за четыре мили отъ города. Прямо въ Люневиль идти я боялась: я знала, что дѣдушка, пожалуй, приметъ меня не охотно. Я рассказала свою исторію женѣ фермера, и умоляла ее пойти къ бабушкѣ и сказать ей, что я здѣсь. Она уложила меня въ постель, и на другое утро пошла въ Люневиль. Бабушка тотчасъ же прислала за мною шарбантъ. Добрая старушка заплакала, снявши со меня простое синее платье изъ бумажной матеріи. Дѣдушка былъ очень недоволенъ моимъ пріѣздомъ.

— Если ты не хочешь, чтобы я пріютила ее у себя въ домъ, сказала она, то во всякомъ случаѣ не можешь помѣшать мнѣ исполнить мой долгъ и распорядиться моими деньгами, какъ мнѣ угодно. Я отправлю ее въ школу на мой счетъ.

Какъ только сшили мнѣ новое платье, меня отвезли въ лучший пансіонъ въ Люневиль. Вскорѣ потомъ пріѣхалъ мой отецъ; его прислала за мною матушка; но бабушка не выдала меня. Онъ ушелъ безъ меня. Я пробыла въ пансіонѣ полтора года, — оправилась, отдохнула и дѣлала быстрые успѣхи въ ученьи.

Но счастью моему не суждено было продлиться. Чувства, пробужденныя во мнѣ худымъ обращеніемъ, затихли, правда, въ эти полтора года, но въ пансіонѣ мнѣ было такъ хорошо, что я

не ждала возвратиться домой. По истеченіи этихъ осемнадцати мѣсяцевъ, полкъ моего отца получилъ приказаніе перейти въ какой-то городъ, названіе котораго я забыла; но дорога шла черезъ Люневиль. Матушка перестала съ нѣкоторыхъ поръ говорить отцу, чтобы онъ взялъ меня изъ пансіона. Дамы въ Нантъ начали обходиться съ нею очень холодно, и она сочла за лучшее оставить меня въ пансіонѣ. Но теперь она опять потребовала моего возвращенія, обѣщая отцу быть со мною ласковѣе и обучать меня наравнѣ съ прочими сестрами. Она сказала даже бабушкѣ, что сознаетъ свою ошибку и досадуетъ за прошедшее. Братъ Августъ, отецъ мой и бабушка уговорили меня возвратиться домой. Матушка сдѣлалась со мною очень ласкова; я чувствовала потребность любить ее, оставила пансіонъ и уѣхала съ ними.

Но усаживъ мы поселиться въ новомъ жилищѣ, какъ гнѣвъ матушки разразился надо мною сильнѣе прежняго. Братъ Августъ вступался за меня, и въ семействѣ нашемъ было вѣчное несогласіе. Я познакомилась со многими, и проводила въ гостяхъ цѣлые дни. Намѣсканія матушки заставили меня снова возвратиться въ Люневиль. Я не сказала этого никому, даже Августу. Трудно было выйти изъ главныхъ воротъ дома незамѣченною, и узелокъ возбудилъ подозрѣніе. Съ другой стороны дома можно было ускользнуть въ дырку въ рѣшетчатое окно. Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, но я была очень тонка. Я попробовала просунуть въ рѣшетку голову и увидѣлась, что могу пролезть всѣмъ тѣломъ. Я схватила мой узелокъ и поспѣшила въ контору дилижансовъ. Дилижансъ готовъ былъ отойти въ Люневиль; вѣды туда было больше полудня. Я сѣла въ карету. Кондукторъ взялъ меня, и подумалъ, что все въ порядкѣ. Мы уѣхали.

Со мною сѣдѣлъ какой-то офицеръ съ женою. Они спросили меня, куда я ѣду. Я отвѣчала: къ бабушкѣ, въ Люневиль. Имъ показалось странно, что я одна; они начали спрашивать меня, и мало-по-малу я рассказала имъ всю свою исторію. Дама изъявила—было желаніе взять меня къ себѣ, но мужъ ея былъ благоразумнѣе и сказалъ, что у бабушки мнѣ будетъ лучше.

Около полудня мы остановились перемѣнить лошадей въ гостинницѣ *de l'Or*, за четверть мили отъ Люневия. Тутъ я ушла, ни слова не сказавши кондуктору; но онъ зналъ меня и мою бабушку, и не обратилъ на это вниманія. Я ушла потому, что дилижансъ высадитъ

бы, меня какъ разъ передъ домою бабушки, и я повстрѣнно встрѣтилась съ дѣдушкой, проводившимъ тутъ большую часть дня, гуляя на солныцѣ. Я боялась увидать его прежде бабушки. Въ городѣ была у меня дядя, и я была очень дружна съ кузавою Маріей, прекрасной, доброй дѣвушкой. Я рѣшилась пойти къ нимъ, и спросить кузину сходитъ къ бабушкѣ. Трудность состояла въ томъ, чтобы добраться до ихъ дома, не проходя мимо дворца или даже не переходя черезъ мостъ. Я рѣшилась идти берегомъ до тѣхъ поръ, пока не поравняюсь съ рощицей позади дворца; и дожидаться тамъ отлива. Я знала, что тутъ можно перейти въ бродъ.

Добравши до мѣста, я села на узелокъ и просидѣла на берегу часа три; потомъ сняла чулки и башмаки, завязала ихъ въ узелъ, приподняла юбку и перешла рѣку въ бродъ. На противоположномъ берегу я опять обулась и пошла черезъ рощу къ дому моего дяди. Его не было дома, и я рассказала свое несчастье Маріи; она въ ту же минуту надѣла шляпку и пошла къ бабушкѣ. Эту ночь я провела опять въ моей прежней спальнѣ, и, отходя ко сну, горячо благодарила Бога.

Дни спокойствія снова для меня настали, но дѣдушка не давалъ бабушкѣ покоя по случаю моего у нихъ пребыванія. Однако же я пробыла у нихъ болѣе года, и выучилась въ это время плести кружева и вышивать. Между-тѣмъ, дядя мой присоединился къ дѣдушкѣ, и они общими силами напали на бабушку. Причина была вотъ какая: когда меня не было здѣсь, бабушка часто дѣлала подарки кузинѣ Маріи, безспорно заслуживавшей ея любовь; но теперь она издерживала много на меня, и Марія была какъ-будто забыта.

Это не нравилось дядюшкѣ; онъ и дѣдушка начали утверждать, что теперь мнѣ уже пятнадцать лѣтъ и что они должны повинноваться воле моего отца, не перестававшаго требовать о моего возвращенія. Бабушка не знала, что ей дѣлать; они довели ее до того, что наконецъ она согласилась отослать меня къ родителямъ, переѣхавшимъ между-тѣмъ въ Кольмаръ. Я ничего объ этомъ не знала. Насталъ день рожденія бабушки. Я выпила ей превосходный sautet и поднесла его вмѣстѣ съ букетомъ цвѣтовъ. Бабушка обняла меня, залилась слезами и сказала, что мы должны разстаться, и что я должна возвратиться къ отцу.

— Да, милая Валерія, продолжала бабушка, ты должна вернуться

ара. Я не могу прощивать этому долгие. Силы мои слабѣютъ.
 — Очень старую.

— Я не старалась изменить ей шампронія. Я знала, сколько терпѣла
 она за меня, и чувствовала, что въ свою очередь могу споспѣевать ради
 нея. Я горько плакала. На слѣдующее утро явился батюшка и об-
 ъяснилъ. Онъ радовался, что я такъ выросла и поправилась. Я про-
 шла съ бабушкой и дедушкой, котораго носѣть уже не видала, по-
 тому что онъ умеръ черезъ три мѣсяца послѣ моего отъѣзда изъ
 дома.

Не выщите, любезный читатель, что я такъ много говорю объ этомъ
 въ моей жизни. Вы должны узнать, какъ была я воспитана, и по-
 чему оставила потомъ родительскій домъ. Въ Кольмаръ матушка приняла
 меня въ девять, но это продолжалось не долго.

— Когда, я помню, одинъ изъ офицеровъ, не предполагая, чтобы я
 могла его слышать, сказалъ другому: «Ma foi, elle est jolie — elle
 a l'air de deux ans, et elle s'est raffinée».

— Я была тогда еще такой ребенокъ, что не поняла значенія этихъ
 словъ.

— Зачемъ мнѣ надо постарѣть двумя годами? Я думала видѣть
 въ выраженіи такъ долго, что почти заговула. Внимательность офи-
 церовъ и комплименты, которые говорили они на мой счетъ отцу, дѣ-
 ла на него больше впечатлѣнія, нежели я предполагала. Можетъ-быть,
 я чувствовала, что дѣйствительно можетъ мною гордиться... и это
 будило въ немъ силы. Помню особенно одинъ случай. Предстояла
 церемонія-рещенія двухъ новыхъ колоколовъ. Офицеры сказали батюшку,
 одновременно должна присутствовать на церемоніи, и возвратясь домой
 объявила матушкѣ, что намърентъ взять меня завтра съ собою.

— Нельзя, отвѣчала она. У ней нѣтъ приличнаго платья.

— А почему это? спросилъ отецъ мой. Приготовьте ей къ завтра-
 шнему платью непременно.

Матушка замѣтила, что такимъ приказомъ нельзя шутить, и сочла
 необходимымъ исполнить его желаніе.

На другой день я сопровождала отца, который былъ на церемоніи
 по долгу службы; онъ стоялъ въ церкви впереди другихъ, и я, стоя
 подле него, видѣла все какъ нельзя лучше. Я была одѣта очень хоро-
 шо, и отцу моему наговорили множество комплиментовъ на мой счетъ.
 — Я была одѣта очень хорошо. Передъ церковью были выстроены войска для са-
 мого обряда.

блудови порядна; процессія вступила въ церковь; спискомъ шелъ подъ багдахиномъ, окруженный духовенствомъ; за ними шелъ хоругвы и шли дати съ серебряными курительницами въ рукахъ. Колокола стояли посреди церкви, покрытые бѣлымъ покрываломъ, украшенные лентами и гирляндами. Восприемники ихъ были избраны изъ знатнѣйшихъ жителей города. Органъ и военная музыка смѣняли другъ друга, пока не началась служба и крещеніе колоколовъ. Одинъ изъ члѣвъ имя Эйлалинъ, другой Люцлинъ. Церемонія была прекрасная.

III.

Въ Кольмарѣ жила старшая сестра моей матери. Я проводила у ней большую часть времени. Когда полкъ моего отца получилъ приказъ идти въ Парижъ, она просила, чтобы меня оставили у нея, но матушка не согласилась и сказала, что долгъ матери не позволилъ ей удалить дочь отъ своего надзора. Между-тѣмъ, черезъ два года она сказала отцу, что если бы сестра захотѣла взять Клару, меньшую сестру, такъ она согласилась бы. Дѣло въ томъ, что тетя какъ общала дать мнѣ хорошее приданое.

Мы прошли Люневиль, и я въ послѣдній разъ увидѣла бабушку. Она просила, чтобы меня оставили при ней, и снова общала отказать мнѣ все свое имѣніе; но матушка и слышать этого не хотѣла. Не было у нея четырнадцать дѣтей; она легко могла бы обойтись безъ меня, и это облегчило бы отца; но она ни за что не хотѣла со мною разстаться, изъ чего все таки слѣдуетъ заключить, что она меня любила. Мнѣ очень хотѣлось остаться у бабушки. Она много пострадала со смерти дѣдушки. Но мать моя была неумолима. Мы прибыли въ Парижъ и поселились въ казармахъ близъ бульваровъ.

У меня никогда не было недостатка въ друзьяхъ. Я познакомилась съ женою полковника, присоединившись къ намъ въ Парижѣ. У ней не было дѣтей. Я повѣряла ей свои житейскія непріятности и она утѣшала меня.

Это была женщина очень религіозная; бабушка же воспитала меня въ тѣхъ же правилахъ, и я поправилась ей за мое благочестіе. У нея была сестра, богатая вдова, жившая въ улицѣ Сентъ-Онорэ: женщина живая, веселая, но вѣчная, не задумывавшаяся надъ словами, дѣла

бы удовлетворить минутному чувству. Я постоянно встрѣчала ее въ домъ полковника, и она пригласила меня къ себѣ. Полковникъ былъ начальникомъ моего отца, и потому желанія матушки разорвать связь мою съ его женою оставались тщетны. Я проводила все мое время въ дома.

Мнѣ остается разказать только два непріятныхъ случая. Читатель додумаетъ, можетъ-статься, что я и то уже довольно ему разказала; но такъ-какъ это два послѣдніе случая, и притомъ особеннаго рода, то я и прошу его выслушивать ихъ. Разъ меня наказали вотъ за что: одинъ молодой офицеръ оказывалъ мнѣ особенное вниманіе. Я любила бывать съ нимъ вмѣстѣ, но мысль о замужствѣ вовсе не приходила мнѣ въ голову; я была еще совершенный ребенокъ. Въ одно утро оказалось, что онъ сдѣлалъ предложеніе моему отцу; отецъ согласился, но спросилъ матушки, и радуясь, вѣроятно, случаю пристроить меня. Когда онъ поручилъ ей спросить меня, согласна ли я на этотъ союзъ, она была не въ духъ. Я отвѣчала ей — «Non, papa, je ne veux pas. Il est trop poig». — Онъ былъ недуренъ собою, но очень смуглъ.

Матушка, къ моему изумленію, была чрезвычайно мною недовольна, что мнѣ стоило много слезъ.

Случай этотъ узнали въ казармахъ и все взяли мою сторону. Я отказалась отъ одной довольно непріятной работы, и меня опять наказали, — это случилось въ послѣдній разъ, но очень жестоко, такъ что меня почти нельзя было узнать.

Я опять оставила родительскій домъ и отправилась къ полковницѣ.

— Что тутъ съ нею дѣлать, сестра? сказала полковница. Посмотримъ. Во всякомъ случаѣ, Валерія, я оставляю васъ здѣсь на нѣсколько дней, покамѣстъ что-нибудь будетъ рѣшено. Теперь уже почти ночь; вы почете у меня.

— Я теперь боюсь возвратиться домой.

— Милая Валерія, сказала полковница успокоивающимъ голосомъ.

— Оставь ее мнѣ, сказала сестра ея. Я поговорю съ нею. Полковникъ пріѣхалъ сейчасъ домой и ты должна принять его.

Госпожа Аларъ (такъ звали полковницу) вышла изъ комнаты. Тогда сестра ея сказала мнѣ :

— Другъ мой, вы должны непременно возвратиться домой; но вамъ не для чего тамъ оставаться: покамѣстъ у меня есть свой уголокъ, вы не будете безъ пріюта. Только выслушайте меня. Я желаю

услужить вамъ; но вы должны взвѣсить всѣ обстоятельства прежде нежели на что-нибудь рѣшитесь. Я говорю вамъ, что могу принять васъ къ себѣ. Никто однако же не можетъ ручаться за свою жизнь и если Богу угодно будетъ отозвать меня, вы останетесь безъ пріема. Что вы тогда станете дѣлать?

— Вы очень добры, отвѣчала я, но я рѣшилась; буду работать ради насущнаго хлѣба, какъ могу. Доставьте мнѣ только работу и я буду благословлять васъ до конца жизни. Теперь я вижу, какъ поступокъ мой былъ не благоразуменъ.

— Я не допущу васъ до необходимости работать ради насущнаго хлѣба, пока я жива; но когда умру, вы узнаете, что значить быть одной на свѣтъ.

— Догадываюсь, сказала я, грустно качая головою.

— Засните теперь, а завтра скажите мнѣ, на что вы рѣшились.

— Я не смѣю отъ стыда возвратиться домой.

IV.

Черезъ часъ госпожа д'Альбре опять пришла ко мнѣ и заговорила со мною. Но въ словахъ моихъ не было почти связи, и это встревожило ее. Между-тѣмъ полковникъ пріѣхалъ домой и жена разсказала ему, что случилось. Онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, взялъ свѣчку, взглянулъ на меня и сказалъ.

— Я не узналъ бы ее, *moi de ma vie!*

Полковникъ и жена его выпали. Я между-тѣмъ пришла въ чувствіе. Госпожа д'Альбре подошла ко мнѣ, наклонилась къ моему лицу и сказала:

— Валерія!

— Что? отвѣчала я.

— Успоковились ли вы? Можете ли вы меня выслушать?

— Могу, отвѣчала я.

— Такъ слушайте же, вотъ мой планъ: полковникъ отвезетъ васъ домой; завтра я скажу вамъ, какъ вести себя. Завтра вечеромъ вы убѣжите изъ дому, я буду ждать васъ на углу улицы съ некоей каретой. Я увезу васъ къ себѣ и никто, даже сестра моя, не будетъ знать, гдѣ вы. Подумайте, что вы прощаете, и такъ-такъ

васъ должны выступить недѣли черезъ двѣ въ Лионъ, то никто не знаетъ, что вы еще живы, если только скрыть васъ до того времени.

— Благодарю васъ, благодарю! Вы не знаете, какъ вы меня осчастливили, отвѣчала я, прижимая руку ея къ сердцу, сильно бывшему. Да благословить васъ Богъ, мадамъ д'Альбре. О, какъ я буду вамъ молиться! Теперь вспоминая этотъ дурной поступокъ, я удивляюсь, какъ могла на него ринуться при любви моей къ батюшкѣ и матушкѣ; хорошо зная, что всѣ мои бѣдствія происходили оттого, что бѣдная матушка была самаго вспыльчиваго характера.

Мадамъ д'Альбре заплакала, потомъ пожелала мнѣ доброй ночи и спать. Я старалась заснуть, но не могла. Разъ только я задремала, мнѣ привидѣлось, что матушка опять меня наказывала. Я вскрикнула, проснулась, и уже болѣе не засыпала. Я встала на разсвѣтъ и испуганно взглянула въ зеркало. Я ужаснулась: такъ лицо мое блѣднѣло. Служанка принесла мнѣ кофе; я выпила, и ждала прихода полковника.

Въ первый и единственный разъ видѣла я эту добрую женщину въ жизни. Она кликнула съ лѣстницы своего мужа; онъ вошелъ, посмотрѣлъ на меня, не сказалъ ни слова и удалился. Черезъ полчаса пришла мадамъ д'Альбре и дала мнѣ наставленія, которымъ по глупости своей, я послѣдовала въ точности. Она принесла мнѣ черный воаль, предполагая, что у меня нѣтъ такого; потомъ ушла, сказавши, что полковникъ послалъ за моимъ отцомъ, и что она желаетъ присутствовать при ихъ свиданіи.

Отецъ мой явился, и полковникъ осыпалъ его упреками за такое поведеніе матушки со мною. Потомъ онъ послалъ за мною мадамъ д'Альбре. Отецъ отшатнулся назадъ при моемъ появленіи и сказалъ:

— Полковникъ, вы правы. Я заслуживаю ваши упреки. Теперь пойдите повзвѣдать со мною. Пойдемъ, Валерія, бѣдное дитя мое.

Когда онъ взялъ меня за руку и хотѣлъ вести изъ комнаты, мадамъ д'Альбре сказала полковнику:

— Любезный Алларъ, вы берете на себя большую отвѣтственность, что позволяете увести ее домой....

— Да, ма снѣге. Мосье де-Шатонъ-Фъ, я къ вашимъ услугамъ.

Я во все это время не произнесла ни слова. Мадамъ д'Альбре повѣла мнѣ чернымъ воалемъ и закрыла имъ лицо мое. Мы уехали съ отцомъ.

цомъ и полковникомъ домой. Мы вошли въ комнату, гдѣ сидѣла матушка, и отецъ отдернулъ съ лица моего воаль.

— Посмотрите, сказалъ онъ строгимъ голосомъ, до чего довелъ васъ ваша запальчивость.

Отецъ пробылъ съ четверть часа со мною и утѣшалъ меня. Я слушала и не отвѣчала. Слезы выступали у меня на глазахъ. Онъ оставилъ меня и ушелъ изъ дому. Во весь этотъ день я не отвѣчала ни полслова на то, что говорили мнѣ братья и сестры, приходившіе ко мнѣ въ комнату. Такъ научила меня мадамъ д'Альбрѣ, да мнѣ и самой не хотѣлось говорить. Служанки, принесшія мнѣ обѣдъ и уговаривавшія меня съѣсть что-нибудь, не добились отъ меня ни какого отвѣта, и наконецъ одна изъ нихъ заплакала и сказала.

— Она съ ума сошла!

Отецъ не возвращался къ обѣду; матушка не выходила изъ своей комнаты до вечера. Вечеру онъ возвратился и пошелъ къ ней. Она ждалась полчаса до времени, назначеннаго мадамъ д'Альбрѣ. Я ждала слышала на верху горячій споръ. Я была одна: матушка запретила сестрамъ и братьямъ входить ко мнѣ въ комнату; я набросила воаль спокойно вышла изъ дому.

Мадамъ д'Альбрѣ ждала меня съ каретой на условленномъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я была уже на новосельѣ, въ великолѣпномъ жилищѣ мадамъ д'Альбрѣ. Она провела меня въ маленькій кабинетъ возлѣ ея комнаты, и никто кромѣ одной верной служанки не зналъ, что я въ домѣ. На слѣдующій день мадамъ д'Альбрѣ отпрямилась въ казармы, пробыла весь день у сестры, и вечеромъ зашла ко мнѣ.

— Все вышло такъ, какъ мы ожидали, сказала она, снимая шляпку. Васъ нигдѣ не находятъ, и никто не подозреваетъ, что вы здѣсь. Сначала подумали, что вы ушли къ полковницѣ, и отецъ вашъ сталъ за лучшее подождать до утра. Тутъ, къ удивленію его, оказалось, что къ полковницѣ вы не являлись. Спросили гусара, стоявшаго вѣчеру на часахъ; онъ отвѣчалъ, что часовъ въ осемь какая-то молодая дѣвушка, которую онъ принялъ за мадамъ де-Шатонессъ, вышла изъ воротъ, но что на ней былъ тюлевый воаль, и лица онъ не видалъ. Когда отецъ вашъ и полковникъ отпустили гусара, сестра заплакала и сказала: «О, она верно бросилась въ Сену!» Отецъ вашъ и полковникъ были поражены не меньше ея. Я застала ихъ какъ разъ въ эту минуту.

— Сестра, сказала мнѣ мадамъ Алларъ, — Валерія ушла изъ казармъ.

— Какъ? когда? говорю я. О, я этого ожидала!

— Я закрыла лицо платкомъ и притворилась, что плачу. Только изъ любви къ вамъ, Валерія, рѣшилась я на этотъ обманъ. Обстоятельства меня оправдываютъ. Видя мои слезы, они не могли подозревать, что вы у меня. Вскорѣ потомъ полковникъ сдѣлалъ знакъ вашему отцу, и они вышли. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они отправились въ Могдусъ, узнать, не оправдалось ли ихъ опасенія.

— Что это такое, Могдусъ? спросила я.

— А вы не знаете? Это маленькое зданіе на берегу Сены, куда кладутъ тѣла, найденныя въ рѣкѣ, чтобы ихъ могли узнать родственники или знакомые. Ниже моста въ рѣкѣ протянута крѣпкая большая сѣть; въ нее попадаютъ тѣла, унесенныя теченіемъ. Впрочемъ, нынѣ пропадаютъ безъ вѣсти.

Мадамъ Алларъ поѣхала въ казармы на слѣдующій день. Всѣ узнали о томъ, что я пропала безъ вѣсти. Отецъ опять ходилъ въ Могдусъ; меня искали напрасно.

— Ваша мнимая смерть принесла по-крайней-мѣрѣ одинъ хорошій плодъ, сказала мнѣ мадамъ д'Альбрѣ: отецъ вашъ взялъ все въ свои руки.

— Бѣдный отецъ и матушка! отвѣчала я со слезами. Мнѣ жаль ихъ.

— Конечно его жаль, сказала мадамъ д'Альбрѣ; но его мучить больше всего совѣсть. Эгоизмъ заглушалъ въ немъ состраданіе и онъ принесъ васъ въ жертву, лишь бы избавиться отъ семейной перебранки и шума. Подумайте только, Валерія: если вы хотите воротиться домой, то время еще не ушло. Полкъ выходитъ не раньше четверга.

— Я боюсь воротиться домой.

— Да и сказать вамъ правду, эта исторія выставитъ васъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ, если вы воротитесь домой. Вы причинили много горя сестрѣ моей и ея мужу. Они примутъ васъ уже не такъ радушно, потому-что вы играли ихъ чувствами. Послѣ всего, что случилось, вы не можете быть счастливы въ вашемъ семействѣ. Отецъ вашъ легко можетъ обойтись и съ тринадцатью дѣтьми; у него только и состоянія, что его шпaga. Я все это обдумала прежде, нежели сдѣлала вамъ предложеніе, и теперь думаю, что вамъ лучше оставаться здѣсь.

— Откуда моему было бы знать, если бы онъ зналъ, что я жива.

— Я и сказала бы ему, еслибъ это было возможно.

— Вы правы.

— Кажется.

— Да, отвѣчала я, все это правда, а все-таки я не могу не жалеть о немъ. Я послѣдовала вашему совету, но чувствъ моихъ уничтожить не могу.

— Они дѣлаютъ вамъ честь, и я не порицаю васъ за нихъ. Тогда не давайте имъ слишкомъ много воли.

До отбытія полка въ Лионъ оставалось еще три дня. Я была въ сильной печали. Я воображала себѣ, какъ мучится отецъ; я готовилась бѣжать въ казармы и броситься въ объятія родителей.... Мадмъ д'Альбре удержала меня. Теперь мнѣ понятны неосторожность и необдуманность советовъ ея, но тогда я была слишкомъ молода и легкомысленна.

— Я принесла вамъ новости, сказала мадамъ д'Альбре, возвратясь изъ казармъ, куда ѣздила провожать сестру. Братъ вашъ, Августъ, возвратился, но переведенъ въ другой полкъ, въ Брестъ.

— Отчего? Видѣли вы его?

— Да; онъ былъ у полковника. Онъ сказалъ, что не можетъ оставаться въ полку послѣ всего случившагося, и потому желаетъ остаться прежній полкъ.

— А отецъ?

— Отецъ предоставилъ это на его волю. Онъ чувствуетъ его положеніе, такъ же какъ и зять мой, давній свое согласіе на переводъ вашего брата. Августъ ужасно о васъ сожалеетъ. Я думаю, что онъ поступилъ хорошо....

— Я не могу о томъ судить.

— Я возвратилась домой, когда полкъ уже выступилъ въ казармы отъѣзжали. Вы знаете: полковникъ вызывается послѣдній. Теперь вы свободны; заключеніе ваше кончилось, и вы можете ходить по всемъ компаніямъ. Прежде всего мы должны заняться вашимъ гардеробомъ. Я довольно богата; мы распорядимся этимъ сейчасъ же. Позвольте сказать вамъ однажды навсегда, — я не буду повторять этого на словахъ, но постараюсь доказать на дѣлѣ, — считайте меня матерью; вывели васъ изъ родительскаго дома, я рѣшилась замѣнить вамъ мать.

Я люблю васъ , потому-что вы достойны любви. Будьте же ко мнѣ добрычны и любите меня въ свою очередь.

— Благодарю васъ, благодарю васъ, отвѣчала я, заливаясь слезами, и припадомъ къ ней лицомъ.

V.

Нѣсколько дней я провела спокойно. Мадамъ д'Альбрѣ суетилась въ утрямъ за устройствомъ моего гардероба. Меня радовали и удивляли и богатство выбираемыхъ ею нарядовъ.

— Это для меня слишкомъ хорошо, говорила я, разсматривая вещь за другою. Вспомните, что вѣдь я дочь бѣднаго челоуька.

— Да, была, отвѣчала мадамъ д'Альбрѣ, цѣлуя меня въ лобъ; но дочь бѣднаго челоуька пропала, а вы теперь protégée госпожи д'Альбрѣ. Я уже сказала знакомымъ, что жду изъ Гасконьи молодую женщину, которую взяла къ себѣ вмѣсто дочери. Вы можете называться по прежнему; въ Гасконьи нѣтъ недостатка въ Шатонефахъ и они соотстояли даже когда-то въ родствѣ съ фамилією д'Альбрѣ. Я увѣрена, что если порыться, то можно доказать, что мы съ вами кузины. Какъ скоро вы оправитесь, мы поѣдемъ на нѣсколько мѣсяцевъ ко мнѣ въ Лондонъ, а на зиму воротимся въ Парижъ. Что, мадамъ Паонъ была?

— Да, и сняла съ меня мѣрку для платья. — Дайте мнѣ поплакать, — я такъ много вамъ благодарна!

Мадамъ д'Альбрѣ обняла меня, и я оросила слезами ея руку. Черезъ недѣлю мы поехали въ Бретань, въ почтовой коляскѣ мадамъ д'Альбрѣ. Передъ нами ѣхалъ курьеръ. Она не жалѣла денегъ.

Я должна познакомить читателя съ нею поближе. Когда мадамъ д'Альбрѣ предложила мнѣ свое покровительство, я никакъ не думала, что она знатная особа; сестра ее вышла за мужъ за челоуька средней руки, и во время пребывания ея съ мужемъ въ Парижъ мадамъ д'Альбрѣ старалась, изъ деликатности, являться у нихъ за-просто; я думаю, что она, такъ же какъ и они, принадлежить къ среднему сословію. Я ошиблась.

Мадамъ д'Альбрѣ породнилась своимъ замужствомъ съ одною изъ знатнѣйшихъ фамилій Франціи. Мужъ ея умеръ черезъ три года послѣ свадьбы; дѣтей у нихъ не было, и богатое наследство его доста-

лесь жонъ; желая, чтобъ она опять вышла замужъ, онъ утвердилъ свое имѣніе за ней и ея дѣтьми, а если дѣтей не будетъ, то за другой вѣтвью фамиліи д'Альбрѣ. Я узнала, что она получаетъ шестьдесятъ тысячъ ливровъ годоваго доходу, и что кромѣ того у нея есть еще замокъ въ провинціи и отель въ улицѣ Сентъ-Онорѣ, котораго она занимала, впрочемъ, только часть. Со смерти ея мужа прошло ужъ болыше десяти лѣтъ, но ни одному изъ многочисленныхъ ея поклонниковъ не удалось получить ея руку. Ей было тридцать четыре года; она была еще очень хороша собой, и принята (что, впрочемъ, само собою разумѣется) въ лучшемъ парижскомъ обществѣ. Вотъ кто являлся въ казармы такъ за-просто и принялъ меня подъ свое покровительство.

Я могла бы рассказать многое о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ мною въ замкѣ. Общество было тамъ неподобное; мадамъ д'Альбрѣ рекомендовала меня всѣмъ какъ свою кузину. Замѣтивши, что у меня есть музыкальныя способности и хорошій голосъ, она пригласила для меня искусныхъ учителей, и я, желая доказать ей мою благодарность, трудилась неутомимо и дѣлала такіе успѣхи, что сами учителя изумлялись. Музыка и вышиванье составляли мое единственное занятіе; каждую вышитую вещь я подносила мадамъ д'Альбрѣ. Мнѣ не хотѣлось въ Парижъ; я съ неудовольствіемъ думала о томъ, что надо будетъ уѣхать изъ замка.

До переселенія моего къ мадамъ д'Альбрѣ, я испытывала только горе, и не знала, что значитъ ласка. Страхъ былъ господствующимъ моимъ чувствомъ и придавилъ во мнѣ и тѣлесное и умственное развитіе. Теперь меня пригрѣли любовь и участіе. Похвалы, которыхъ я до-сихъ-поръ не слышала, ободрили меня, и дарованія мои начали развиваться такъ быстро, что я сама себя дивилась. Я не знала своихъ способностей, не доверяла себѣ, и почти считала себя душой. Внезапная перемѣна обращенія оказала на меня самое удивительное вліяніе. Въ нѣсколько мѣсяцевъ я выросла почти на три дюйма, и такъ разцвѣла, что, несмотря на всякое отсутствіе тщеславія, не могла не вѣрить, когда мнѣ говорили, что я очень хороша собою и сдѣлаю впечатлѣніе въ Парижѣ. Впрочемъ это не породило во мнѣ желанія ѣхать въ столицу. Мнѣ было здѣсь слишкомъ хорошо, и я не промѣняла бы дружбы мадамъ д'Альбрѣ на лучшаго мужа во Франціи. Когда гости мадамъ д'Альбрѣ заговариваютъ, бывало, о моемъ будущемъ замужствѣ, я постоянно отвѣчала: je ne veux pas. Я не скрывала, что мнѣ не хочется ни зѣму

въ Парижъ, и мадамъ д'Альбрё, не желавшая со мною разстаться такъ скоро и чувствовавшая, что я по молодости не могу жить одна, обрадовалая меня, сказавши, что не думаетъ пробыть въ Парижъ долго, и что не намѣрена часто вывозить меня въ общество. Такъ и было. Мы приехали въ Парижъ; для меня пригласили лучшихъ учителей; но вызвала я съ мадамъ д'Альбрё рѣдко, по утрамъ, да раза два въ театрѣ. Музыка занимала почти все мое время; я пожелала учиться по-англійски, — мнѣ достали учителя.

Между-тѣмъ я сблизилась съ мадамъ Паонъ, о которой, кажется, уже сказала, что она была первая модистка въ Парижѣ. Это случилось вотъ какъ: я шила очень хорошо; у меня было много вкуса и я забавлялась въ замкѣ, придумывая разные новости, не для себя, а для мадамъ д'Альбрё. Она не разъ была удивлена моими выдумками и всегда находила, что онѣ исполнены съ большимъ вкусомъ. По приѣздѣ въ Парижъ, мы, разумется, отправились сейчасъ къ мадамъ Паонъ взглянуть на новыя моды, и она замѣтила мой даръ изобрѣтенія. Всякій разъ, когда мадамъ д'Альбрё заказывала себѣ новое платье, меня звали на совѣтъ, и такъ какъ мадамъ Паонъ была женщина очень благовоспитанная, то мы съ нею и сошлись.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ со времени нашего приѣзда въ Парижъ. Мадамъ Паонъ замѣтила однажды мадамъ д'Альбрё, что такъ какъ я учусь по-англійски, то мнѣ не мѣшало бы заходить къ ней по утрамъ для бесѣды съ двумя милыми Англичанками-модистками, которыхъ она взяла къ себѣ для объясненія съ англійскими покупателями. Она утверждала, что эта практика будетъ для меня гораздо полезнѣе уроковъ. Мадамъ д'Альбрё согласилась; мнѣ тоже понравилась эта мысль, и три или четыре утра въ недѣлю проводила я у мадамъ Паонъ.

Надо, однако, познакомить васъ съ заведеніемъ мадамъ Паонъ; иначе вы можете подумать, что *grôcière* знатной дамы была слишкомъ снисходительна, дѣлая визиты модисткѣ. Мадамъ Паонъ была первая модистка въ Парижѣ, и, какъ это обыкновенно случается, въ близкихъ отношеніяхъ со всеми дамами. Она шила для двора, и всѣ выхваляли себя въ особенную честь заказывать у нея платье. Заведеніе ея находилось въ улицѣ Септъ-Онорè, не помню въ чьемъ великолѣпномъ домѣ; она занимала цѣлый рядъ прекрасныхъ комнатъ, наполненныхъ богатыми, изящными нарядами. Въ каждой комнатѣ была

щегоольски одетая девушка, и все говорило о тонкомъ, художественномъ вкусѣ хозяйки. Черезъ анфиладу комнатъ проходили въ арисманъ мадамъ Паонъ, — большой, превосходно убранный салонъ. Мужчинъ въ ея магазинъ не было; только въ конторѣ сидѣли за своими столами шесть писцовъ. Прибавьте къ этому, что у мадамъ Паонъ были прекрасныя манеры, что она была хороша собою, высокаго, величественнаго роста, богата, держала у себя многочисленную прислугу и щегольской экипажъ, имѣла загородный домъ, куда увъзжала каждую субботу послѣ обѣда, — и вы согласитесь, что мадамъ д'Альбрѣ очень могла позволить посѣщать мнѣ мадамъ Паонъ.

Я часто сообщала ей какую-нибудь новую мысль; она постоянно со мною соглашалась, тотчасъ же прилагала эту мысль къ дѣлу, и извлекала изъ нея матеріальную пользу. Каждая вещь подвергалась моему сужденію, и мадамъ Паонъ не разъ говорила: «что за удивительная выпала бы изъ васъ модистка! Но, къ-несчастью модистки свѣта, это невозможно».

Наконецъ, сезонъ въ Парижѣ почти миновался, и я обрадовалась, когда мадамъ д'Альбрѣ заговорила объ отъездѣ. Въ Парижѣ я слѣдала очень большіе успѣхи въ музыкѣ и англійскомъ языкѣ. Я възжала только на маленькіе вечера, да и то неохотно. Я довольствовалась обществомъ мадамъ д'Альбрѣ, и не желала другаго. Я была вполне счастлива, и это можно было прочесть на моемъ лицѣ. Я вспоминала о родителяхъ и братѣ Августѣ, и строила воздушныя замки: мечтала, какъ предстану я имъ вдругъ совершенно неожиданно, — какъ брошусь въ ихъ объятія и буду умолять раздѣлить со мною мое воображаемое богатство.

Мнѣ было почти восемнадцать лѣтъ. Я уже годъ находилась подъ покровительствомъ мадамъ д'Альбрѣ, и старыя вдовы, пріѣзжавшія къ ней въ замокъ, безпрестанно твердили ей, что пора бы меня пристроить. До известной степени мадамъ д'Альбрѣ соглашалась съ ихъ мнѣніемъ; но ей не хотѣлось со мною разстаться, а я тоже рѣшилась не покидать ея. Я не желала выйти замужъ; я много объ этомъ думала, и известныя мнѣ примѣры замужства были не въ моемъ вкусѣ. Всякій разъ, когда рѣчь заходила о моемъ замужствѣ, я просила мадамъ д'Альбрѣ, по отъездѣ гостей, не слушать ихъ совѣтовъ, потому-что рѣшилась остаться въ дѣвушкахъ и прошу только позволить мнѣ прожить весь вѣкъ съ нею.

— Вѣрно, Валерии, отвѣчала мадамъ д'Альбрѣ, но считаю долгомъ не позволить вамъ въ этомъ случаѣ слушаться только вашихъ чувствъ. Такая дѣвушка, какъ вы, создана не для скуки одинокой жизни. Я не хочу васъ торопить, но если кто-нибудь сдѣлаетъ выгодное предложеніе, я сочту своимъ долгомъ постараться измѣнить ваши мысли, хотя и не прибѣгну ни къ какимъ средствамъ, кромѣ убѣжденія. Я слишкомъ счастлива вашимъ обществомъ и не желаю съ вами разстаться; но удерживать васъ противъ вашихъ выгодъ было бы съ моей стороны страшнѣйшій эгоизмъ.

— Благодарю Бога, что у меня нѣтъ никакого состоянія, сказала я; въ подобныхъ случаяхъ никто не предложитъ руки своей бѣдной дѣвушкѣ.

— Это васъ не спасетъ, отвѣчала мадамъ д'Альбрѣ, смѣясь; много удовольствуются надеждами на будущее; найдутся, можетъ-быть, и такіе, которые удовольствуются лично вами, безъ всякихъ прибавленій.

— Едва ли, сказала я; вы имѣете обо мнѣ слишкомъ высокое мнѣніе, и напрасно думаете, что и другіе смотрятъ на меня тѣми же глазами. Скажу только, что если найдется такой безкорыстный искатель моей руки, я поставлю его въ моемъ мнѣніи выше другихъ мужей, хотя и не на столько, чтобы ради его пожелала перемѣнить моего положенія.

— Хорошо, увидимъ, отвѣчала мадамъ д'Альбрѣ. Экипажъ поданъ; принесите-ка мнѣ шляпку и шаль.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ нашего возвращенія въ замокъ, нѣкто господинъ Г**, потомокъ древней бретанской фамиліи, прожившій послѣдніе два года въ Англіи, возвратился къ отцу своему во Францію и посѣтилъ мадамъ д'Альбрѣ. Она знала его съ дѣтства и приняла его очень радушно. Я должна описать вамъ его, потому-что онъ играетъ въ послѣднюю роль въ моей маленькой драмѣ. Это былъ мужчина въ тридцати, довольно худой, но стройный; черты лица пріятныя, но извѣженныя; приемы очень ловкіе, свѣтскіе; много ума и любезности въ обращеніи съ женщинами. Я никогда еще не видала такого свѣтскаго челоуѣка. Онъ пѣлъ очень хорошо, игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ, рисовалъ каррикатуры, — словомъ, за что ни брался, все у него выходило хорошо. Нечего и говорить, что съ такими талантами онъ, какъ старинный пріятель, былъ принятъ въ

домъ мадамъ д'Альбрё очень радушно, и каждый день являлся въ замокъ. Я скоро съ нимъ сблизилась, и любила проводить съ нимъ время, — но не больше. Онъ ухаживалъ за мадамъ д'Альбрё столько же, сколько и за мною, и не было никакого основанія предполагать, что онъ имѣеть виды на кого-нибудь изъ насъ: Мадамъ д'Альбрё думала, однако же, не такъ, потому что я пѣла съ нимъ дуэты и разговаривала по-англійски. Она и другія надо мною подсмѣивались.

Прошло два мѣсяца, и господинъ Г** началъ какъ-будто ухаживать больше за мною. Мнѣ самой это показалось. Мадамъ д'Альбрё въ этомъ не сомнѣвалась, и не мѣшала. Онъ былъ наследникъ богатаго имѣнія и не имѣлъ надобности брать за женой приданое.

Около этого времени одна Англичанка, леди Батерстъ, путешествовавшая съ своей племянницей, дѣвочкой лѣтъ четырнадцать, приняла приглашеніе отца господина Г** провести недѣлю у него въ замкѣ, отстоявшемъ отъ помѣстья мадамъ д'Альбрё миль на пять. Это была очень милая дама, и мы часто съ нею видались.

Черезъ нѣсколько недѣль нослъ пріѣзда леди, я гуляла на террасѣ одна. Тутъ подошелъ ко мнѣ Г** — Сказавши слова два о красотѣ осеннихъ цвѣтовъ, онъ продолжалъ :

— Какъ различны обычаи двухъ народовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга всего только нѣсколькими лье воды! — Я говорю о Французакъ и Англичанахъ. У насъ, во Франціи, не спрашиваютъ о чувствахъ и наклонностяхъ дѣвушки, а обращаются прямо къ родителямъ, и если они находятъ партію приличною, такъ объявляютъ дѣвушкѣ, чтобъ она готовилась къ перемѣнѣ образа жизни. Въ Англии на оборотъ: тамъ обращаются къ дѣвушкѣ, стараются заслужить ея любовь, и потомъ уже, увѣрившись въ ея согласіи, просятъ согласія старшихъ. Чтò, по вашему, лучше и естественнѣе?

— Я выросла во Франціи, мосьё Г**, и предпочитаю обычаи Франціи; родители и попечители лучше всякаго другаго могутъ судить о выгодахъ и невыгодахъ партіи, и я думаю, что не увѣрившись напередъ въ ихъ согласіи, не должно отдавать своего сердца, во избежаніе неприятностей.

— Да, въ некоторыхъ случаяхъ это такъ, отвѣчалъ онъ; но какъ же позволять любить до замужства? Да и намъ пріятно ли вести къ олта-

но женщи́ну, которая отдаёт свою руку можетъ-быть безъ всякаго сдержаннаго расположенія, и даже, можетъ-быть, съ отвращеніемъ?

— Не думаю, чтобы родители захотѣли навязывать дочери мужа, къ которому она чувствуетъ отвращеніе, отвѣчала я; любовь, не сильная до замужества, можетъ усилиться послѣ. Но я не могу, да и не желаю высказывать моего мнѣнія объ этомъ предметѣ.

— Такъ-какъ вы со мною не согласны, возразилъ онъ, то я боюсь сдѣлать предложеніе по-англійски, то-есть увѣрить васъ въ моей любви и спросить вашего согласія прежде, нежели обращусь къ мадамъ д'Альбрѣ.

— Я отвѣчу вамъ откровенно, — и можетъ-быть вы хорошо сдѣлаете, что нарушили наши обычаи: это избавить васъ отъ труда обратиться къ мадамъ д'Альбрѣ. Благодарю васъ за честь, но не могу принять вашего предложенія. Теперь вы знаете мои чувства, и конечно, будете столько великодушны, что не станете беспокоить мадамъ д'Альбрѣ.

— Разумвется, отвѣчалъ онъ оскорбленнымъ голосомъ, — только съ условіемъ: общайте и вы не говорите ей объ этомъ.

— Извольте; я считаю это вашею тайною.

— И позвольте мнѣ надѣяться, что это не лишитъ меня вашей дружбы, и что мы останемся съ вами въ прежнихъ отношеніяхъ.

— Всегда рада сохранять ихъ съ друзьями мадамъ д'Альбрѣ. Позвольте пожелать вамъ добраго утра.

Я ушла къ себѣ въ комнату и начала разсуждать о случившемся. Я сердилась на Г** за его смѣлость, тѣмъ болѣе непозволительную, что онъ зналъ зависимость мою отъ мадамъ д'Альбрѣ, зналъ, что я не дамъ согласія безъ ея вѣдома. Я не любила его, — это вѣрно, — хотя и находила удовольствіе съ нимъ бесѣдовать. Мнѣ стало жаль, что я общалась не говорить объ этомъ мадамъ д'Альбрѣ, но слово было дано, и я рѣшилась сдержать его.

Я думала, что онъ мало-по-малу отъ насъ отстанетъ, но ошиблась. Онъ продолжалъ посѣщать насъ по прежнему очень-часто, и оказывалъ то же вниманіе мнѣ и мадамъ д'Альбрѣ. Это мнѣ не нравилось; я начала избѣгать его, и онъ естественно бывалъ чаще съ мадамъ д'Альбрѣ, нежели со мною. Мадамъ д'Альбрѣ на это догадывалась: она уже соединила насъ въ своемъ воображеніи, и каждый день ждала, что онъ попроситъ у нея руки моей; но мало-по-

милу, но знаю какъ и почему, она пререстала на это сердитая, и предполагала мнѣ уходить изъ комнаты и дѣлать что угодно, не возвращаясь никакимъ съ ея стороны замечаніемъ.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла подѣ конецъ осени. Леди Батерстъ уговорили остаться въ Бретани, и мы безпрестанно ждали. Она часто приглашала меня пріѣхать къ ней на нѣсколько недель въ Англію, и я въ шутку отвѣчала, что пріѣду. Однажды поутру мадамъ д'Альбрѣ сказала мнѣ :

— Мадамъ Батерстъ опять просила меня отнустить васъ съ ней въ Англію. Если вы не прочь погостить у нея, вместо того, чтобы вѣхать въ Парижъ, такъ я согласна.

— Я общала ей шутя.

— А леди Батерстъ думала, что вы говорите серьезно; да и я тоже: я дала ей слово, что вы поѣдете съ ней. Я думала доставить вамъ этотъ случай усовершенствоваться въ англійскомъ языкѣ и развѣяться; совѣтую вамъ вѣхать. Это васъ займетъ; маленькая перемѣна сдѣлаетъ вамъ пользу; кроме-того, я замѣчаю, что вниманіе мосье Г**—вамъ неприятно, такъ надо васъ отъ него избавить.

— Я не могу поступать противъ вашего желанія, отвѣчала я съ грустью, потому-что сердце не предвѣщало мнѣ ничего добраго; я вѣду, но только потому, что вы этого хотите.

— Это будетъ къ лучшему, моя милая Валерія. Я дала за васъ слово, и мнѣ было бы неприятно взять его назадъ. Согласитесь, душа моя; я напишу къ леди Батерстъ, чтобъ она приготовилась принять васъ.

— Ваши желанія для меня законъ, отвѣчала я, и ушла къ себѣ въ комнату. Тутъ я бросилась на постель, и плакала горько, сама не зная о чемъ.

Дней черезъ десять леди Батерстъ пріѣхала взять меня въ замокъ отца мосье Г**, гдѣ я должна была остаться до слѣдующаго утра, то-есть до отъѣзда въ Парижъ. Мнѣ тяжело было разстаться съ мадамъ д'Альбрѣ; въ послѣдніе дни она сдѣлалась ко мнѣ еще ласковѣе и внимательнѣе прежняго.

— Богъ да благословитъ васъ! говорила она. Прощайте мнѣ два раза въ недѣлю; я буду ждать васъ съ нетерпѣніемъ.

Я простилась съ нею въ слезахъ, и проплакала до самаго пріѣзда въ замокъ отца Г**.

Сдвинь и слыть его приняли меня съ церемонною вѣжливостію; послѣдній былъ очень въ духу.

— Увы! гонериль онъ, какую пустыню оставяете вы за собою! Ваша страсть къ путешествіямъ убійственна; мы васъ уже не увидимъ!

Она сказала это съ такою пронаей, что я не знала, что подумать, и только встревожилась. Чего бы не дала я, чтобъ отказаться отъ сей поездки! Но желаніе мадамъ д'Альбрэ было для меня закономъ. Чибъ избавилась отъ тягостныхъ мыслей, я пустилась въ разговоръ съ Каролиной, племянницей леди Батерстъ, и такъ-какъ мы собирались выехать на разсвѣтъ, то и разошлись съ вечера рано. На слѣдующее утро мы уехали. Въ Парижѣ пробыли мы только день, потомъ отправлялись въ Булонь и съѣли тамъ на корабль.

Былъ ноябрь. На срединѣ канала насъ окружилъ такой густой туманъ, что мы съ трудомъ понали въ гавань. Мы повхали въ Лондонъ; туманъ не снимался, и когда мы достигли предмѣстій, онъ усилился до такой степени, что люди вели лошадей по улицамъ, держа въ рукахъ факелы. Я слышала, что Англія triste pays, и повѣрала этому. Я свросила леди Батерстъ:

— Est-ce qu'il n'y a jamais de soleil dans ce pays, madame?

— Божь, есть, и еще какое прекрасное! отвѣчала она смѣясь.

На слѣдующій день мы отправились въ помѣстье леди Батерстъ, провести тамъ святки. Не успѣли мы отъѣхать отъ Лондона трехъ миль, какъ туманъ исчезъ, солнце просіяло, и безлистая вѣтвь деревьевъ, покрытая инеемъ, засверкали алмазами. Въ ту минуту, когда погода переменилась, и четыре почтовыхъ лошади мчали насъ во всю прыть, Англія показалась мнѣ прекрасною. Въ помѣстьѣ леди Батерстъ все мнѣ очень понравилось: хорошо устроенные сады, оранжереи, красота всѣхъ мелочей, чистота дома и мебели; лондонскіе ковры въ комнатахъ и на лѣстницахъ показали мнѣ прекрасною выдумкою. Не понравилось мнѣ только общество, состоявшее, какъ мнѣ показалось, изъ скучныхъ эгоистовъ. Только Каролина была жива, и мы сидѣли съ ней обыкновенно въ маленькомъ будуарѣ, гдѣ намъ никто не мшалъ. Тутъ я занималась музыкой и разговаривала съ Каролиной, по просьбѣ леди Батерстъ, то во-французски, то по-англійски, ради обоюдной нашей пользы.

Я два раза писала къ мадамъ д'Альбрэ, и на одно письмо полу-

чила ласковый отвѣтъ; но она ни слова не упоминала о моемъ возвращеніи, хотя мы условились, что я прогочу въ Англію только недѣли три или мѣсяць. Недѣли черезъ двѣ послѣ моего пріѣзда въ Феронльдъ, я получила отъ мадамъ д'Альбрѣ второе письмо, такое же ласковое, но огорчившее меня извѣстіемъ, что она сильно простудилась и страдаетъ грудью. Я отвѣчала ей въ ту же минуту, просила позволенія пріѣхать и ухаживать за ней во время болѣзни. Цѣлыхъ три недѣли не было никакого отвѣта; я была въ ужасномъ волненіи и печали, думая, что мадамъ д'Альбрѣ не можетъ писать по болѣзни. Наконецъ я получила отъ нея письмо. Она писала, что была очень нездорова, и что медики посоветовали ей вѣхать на зиму въ южную Францію. Она не могла откладывать этой поѣздки, и потому написала къ леди Батерстъ, что просить ее, если можно, позволить мнѣ прогостить у нея до весны, когда она надѣется возвратиться въ Парижъ. Леди Батерстъ прочла мнѣ это письмо и сказала, что очень рада видѣть меня у себя подольше. Я, разумѣется, поблагодарила ее, но на душѣ у меня было горько. Я написала къ мадамъ д'Альбрѣ и высказала ей мои чувства. Но такъ-какъ она уже уѣхала между-тѣмъ на югъ Франціи, то письмо мое, я знала, не можетъ измѣнить ея намѣренія. Я просила ее только извѣщать меня о своемъ здоровьи.

Меня утѣшали однако же ласки леди Батерстъ и Каролины, моей постоянной собесѣдницы. Многіе посѣщали леди Батерстъ, многіе даже жили у нея въ домѣ — но общества не было. Днемъ мужьями занимались лошадьми, собаками, ружьями. Вечеромъ мы ихъ тоже почти не видѣли, потому-что они рѣдко вставали изъ-за стола раньше того времени, когда я и Каролина уходили къ себѣ въ комнату. Женщины вели себя точно какъ-будто другъ друга боится и вѣчно на сторожѣ.

Прошли святки. Отъ мадамъ д'Альбрѣ не было извѣстій. Это меня поразило и было источникомъ многихъ горькихъ слезъ. Я во-ображала себѣ, что она умерла вдали отъ всѣхъ близкихъ людей. Я часто говорила объ этомъ съ леди Батерстъ; она извиняла ее молчаніе, какъ умѣла, но, казалось, не желала распространяться объ этомъ предметѣ. Наконецъ я вспомнила о мадамъ Паонъ, и написала къ ней, спрашивая, не извѣстно ли ей что-нибудь о мадамъ д'Альбрѣ? Я разсказала ей, какъ попала въ Англію, какъ мадамъ д'Альбрѣ заболѣла, и какъ безпокомтъ меня ея молчаніе. На другой день

послѣ-того, какъ я написала это письмо, Каролина, сидя со мною въ будуарѣ, сказала :

— Мистрисъ Корбетъ говорила тѣтушкѣ, что дней десять тому назадъ видѣла мадамъ д'Альбрѣ въ Парижѣ.

— Не можетъ быть! отвѣчала я; она въ южной Франціи.

— Я сама такъ думала, продолжала Каролина; но мистрисъ Корбетъ сказала, что видѣла ее въ Парижѣ, и тѣтушка въ ту же минуту выслала меня за чѣмъ-то изъ комнаты. Я увѣрена, что ей хотѣлось поговорить съ мистрисъ Корбетъ безъ свидѣтелей.

— Чтѣ бы это значило? сказала я. Сердце не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго. Я несчастна, Каролина!

Я закрыла лицо руками и опустила голову на столъ; слезы покатились изъ глазъ моихъ.

— Поговорите съ тѣтушкой, сказала Каролина, стараясь меня утѣшить. Не плачьте, Валерія; вѣдь все это, можетъ-быть, недоразумѣніе.

— Я сейчасъ же поговорю съ леди Батерстъ, сказала я, поднявъ голову. Это лучше всего.

Я ушла къ себѣ, освѣжила глаза водою, и пошла искать леди Батерстъ. Я нашла ее въ оранжереѣ, гдѣ она отдавала какія-то приказанія садовнику. Черезъ минуту она взяла меня подъ руку и мы пошли по террасѣ.

— И дамъ Батерстъ, сказала я, Каролина ужасно меня огорчила, сказавши, что мистрисъ Корбетъ видѣла мадамъ д'Альбрѣ въ Парижѣ. Какъ можетъ это быть?

— Сама не понимаю, отвѣчала леди Батерстъ; если только мистрисъ Корбетъ не обозналась.

— А какъ вы думаете?

— Ничего не знаю; я написала въ Парижѣ, чтобы мнѣ изъяснили это непонятное дѣло. Черезъ нѣсколько дней мы узнаемъ истину; не могу повѣрить — и если это правда, такъ мадамъ д'Альбрѣ воступила со мною нехорошо: я очень рада видѣть васъ у себя, но зачѣмъ же было просить меня оставить васъ у меня на зиму, подъ предлогомъ повѣздки на югъ Франціи, если она осталась въ Парижѣ? Я этого не понимаю, и покаместъ все это не подтвердится, ничему не вѣрю. Мистрисъ Корбетъ съ ней не знакома и могла ошибиться.

— Она верно ошиблась, сказала я. Только странно, что я не получаю отъ мадамъ д'Альбрё известій. Тутъ что-нибудь да не ладно.

— Не будемъ больше объ этомъ говорить. Черезъ нѣсколько дней загадка разъяснится.

И действительно, черезъ нѣсколько дней загадка разъяснилась: я получила отъ мадамъ Паонъ слѣдующее письмо.

«Любезная мадамозель Шатонезъ! Письмо ваше очень меня удивило. Приготовьтесь узнать неприятныя для васъ, я думаю, вѣсти. Мадамъ д'Альбрё въ Парижѣ, и вовсе не уѣзжала въ южную Францію. Увидѣвшись съ нею, я спросила объ васъ. Она сказала, что вы въ гостяхъ у одной дамы въ Англии, что вы оставили ее, что у васъ какая-то *manie pour l'Angleterre*, — и пожала плечами. Я хотѣла разспросить ее подробнѣе, но она прервала разговоръ, заговоривши о шелковомъ платьѣ. Я увидѣла, что тутъ что-то не ладно, но не могла понять, въ чемъ дѣло. Послѣ того я увидѣла ее опять недѣль черезъ пять. Она пріѣхала ко мнѣ съ господиномъ Г**, известнымъ всему Парижу отчаяннымъ игрокомъ, человекомъ дурнымъ, но свѣтскимъ. Впрочемъ, его еще лучше знаютъ въ Англии, откуда онъ принужденъ былъ, говорятъ, уѣхать вслѣдствіе какой-то грязной карточной исторіи. Я опять спросила объ васъ, и на этотъ разъ мнѣ отвѣчалъ господинъ Г**. Онъ назвалъ васъ неблагодарною и прибавилъ, что имя ваше не должно быть произносимо въ присутствіи мадамъ д'Альбрё.

«Прекрасное лицо господина Г** приняло при этихъ словахъ удивленное выраженіе, и я собственными глазами удостовѣрилась, что онъ действительно дурной человекъ. Мадамъ д'Альбрё замѣтила на это только, что впредь будетъ осторожнѣе при выборѣ *demoiselle de compagnie*. Меня поразили эти слова; я думала, что вы съ ней совѣтъ въ другихъ отношеніяхъ. Недѣль черезъ двѣ мадамъ д'Альбрё объявила мнѣ, что выходитъ замужъ за Г**, и заказала новое подвенечное платье. Загадка объяснилась; но почему, выходя за мужа за Г**, она лишаетъ васъ своего вѣковѣчества, и за что Г** и васъ зомъ, — этого я не знаю. Вотъ все, что мнѣ известно; мнѣ весьма пріятно будетъ получать отъ васъ известія, если вы, и такъ далѣе».

Эмилія Паонъ,

урожденная Меро.

Тайна объяснилась. Прочитавши письмо, я упала на софу и не скоро могла опомниться. Я была одна въ моей спальнѣ; голова у меня кружилась, въ глазахъ было мутно. Я достала воды, и только черезъ полчаса могла придти въ чувство. Тогда все сдѣлалось для меня ясно, какъ нельзя яснѣе. Я поняла двойное ухаживанье Г** за мною и мадамъ д'Альбрѣ, его гордый взглядъ при моемъ отказѣ, его вниманіе послѣ того къ одной мадамъ д'Альбрѣ, его желаніе избавиться отъ меня, отправивши меня въ Англiю съ леди Батерстъ. Г** отомстилъ и достигъ своей цѣли. Онъ добрался до богатства мадамъ д'Альбрѣ, могъ спустить его по зеленому сукну, и успѣлъ погубить меня въ ея мнѣніи. Я поняла, что лишилась всего, и приняла почти въ отчаянье, вспомнивши о своемъ безпомощномъ положеніи.

VI.

Болѣе часу пролежала я на софѣ, печально припоминая прошедшее, думая о настоящемъ и будущемъ. Въ два часа я совершенно переродилась. Я почувствовала самоуверенность; глаза мои прозрѣли, и тѣмъ болѣе обоживала я безнадежность моего положенія, тѣмъ болѣе уважала въ себѣ мужества. Я упала на софу доверчивой, слабой дѣвушкой, — встала съ нея рвительной, ясновидящей женщиной.

Я рассудила, что мадамъ д'Альбрѣ никогда не проститъ женщинѣ, обожившей ею такъ, какъ я. Она уговорила меня разорвать всѣ семейныя узы (каковы бы они ни были), поставила меня въ полную отъ себя зависимость, и оттолкнула теперь самымъ жестокимъ образомъ. Она прибѣгла къ обману, — она чувствовала, что не можетъ оправдать своего поступка. Она оклеветала меня, обвинила въ неблагодарности, чтобъ извинить свое собственное поведение. Примиреніе послѣ этого было невозможно, и я рвинулась не принимать отъ нея никакой помощи. Кромѣ того, она вышла за Г**, скорбившагося моимъ отказомъ и, по всей вѣроятности, увидѣвшаго, что меня необходимо удалить отъ мадамъ д'Альбрѣ, чтобы я не помышляла его планамъ. Съ этой стороны нечего было ожидать. Чѣмъ же я въ домѣ леди Батерстъ? Гостья! Простившись съ нею, мнѣ нѣгдѣ будетъ приклонить голову!

Что леди Батерстъ предложитъ мнѣ временной пріятель и не знаетъ указать мнѣ двери, въ этомъ я не сомнѣвалась. Что мнѣ было дѣлать. Я играла и пѣла хорошо, говорила по-французски и по-англійски, понимала по-итальянски, и умѣла шить и вышивать. Вѣтъ съ чѣмъ должна я была вступить въ свѣтъ. Я могла давать уроки музыки и французскаго языка, пойти въ гувернантки или медистки.

Я вспомнила о мадамъ Паонъ, но въ то же время вспомнила и о томъ почтительномъ уваженіи, съ которымъ принимали меня у нея какъ protégée знатной дамы; стать теперь въ ея домъ на ряду съ прочими, казалось мнѣ унижительною, и я рѣшила, что если нужда заставитъ меня опредѣлиться куда-нибудь въ магазинъ, такъ я выберу такой, гдѣ меня никто не знаетъ.

Послѣ долгаго размышленія я рѣшила пойти къ леди Батерстъ, объявить ей мое намѣреніе и попросить ее помочь мнѣ отыскать мѣстечко. Я убрала волосы, оправилась и пошла къ ней. Я застала ее одну, спросила ее, можетъ ли она удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ, подала ей письмо мадамъ Паонъ и рассказала ей все то, что было ей обо мнѣ неизвѣстно. Во время разсказа бодрость моя все-кресла, голосъ мой сдѣлался твердъ, — я чувствовала, что я уже не ребенокъ.

— Я разсказала вамъ все это потому, леди Батерстъ, что вы, конечно, согласитесь, что между мною и мадамъ д'Альбрѣ все кончено; если бъ она даже сдѣлала мнѣ какое-нибудь предложеніе, я не приму его. Ея поступокъ поставилъ меня въ самое ложное положеніе. Я у васъ въ гостяхъ въ качествѣ ея protégée. Теперь она лишила меня своего покровительства, и я нищая, которой будущая жизнь зависитъ отъ моихъ личныхъ дарованій. Я говорю вамъ объ этомъ откровенно, потому-что не могу оставаться у васъ въ гостяхъ. Сдѣлайте одолженіе, рекомендуйте меня куда-нибудь, гдѣ бы я могла найти средства къ существованію.

— Любезная Валерія, отвѣчала леди Батерстъ, сердцу вашему нанесли сильную рану, и я рада, что вы не упали духомъ. Я слышала о замужствѣ мадамъ д'Альбрѣ и обманѣ, къ которому она прибѣгла, чтобъ отъ васъ избавиться. Нѣсколько дней тому назадъ я писала къ ней, обратила ея вниманіе на разногласіе между содержаніемъ ея писемъ и истинною, и спросила, что мнѣ съ вами дѣлать. Сегодня я получила отъ нея отвѣтъ. Она утверждаетъ, что вы жестоко ее обманули;

что, притворяясь признательною и любящею, вы чернили и осмѣивали ее за глаза, особенно передъ Г**, теперешнимъ ея мужемъ; что она васъ и простила бы, но Г** рѣшительно не хочетъ видѣть васъ у себя въ домѣ. Она прислала вамъ билетъ въ пять сотъ франковъ, чтобы вы могли возвратиться къ отцу.

— Значить, догадка моя была справедлива: всему причиною господинъ Г**.

— Затемъ было ему доверять, Валерія; вы поступили ужасно неосторожно, и, смѣю прибавить, даже неблагодарно, говоря съ нимъ о мадамъ д'Альбрѣ въ такомъ тонѣ.

— И вы этому вѣрите? Если такъ, такъ тамъ скорѣе мы расстанемся, тамъ лучше.

Я рассказала ей объ отказѣ жюсъ господину Г**, описала ей, что это за человекъ, и доказала, что онъ дѣйствовалъ побуждаемый корыстью и мщениемъ.

— Вѣрю, Валерія, отвѣчала леди Батерстъ. Извините, что я сочла васъ способною къ неблагодарности. Это объясненіе позволяетъ мнѣ сдѣлать вамъ предложеніе, отъ котораго удерживала меня взведенная на васъ клевета. Оставайтесь покажъсь у меня. Вы могли бы быть гувернанткой Каролины, но я желаю лучше, чтобы вы остались у меня въ качествѣ пріятельницы. Вы, я знаю, не позволите себѣ стать въ зависимое положеніе, не принося пользы. Вы знаете, что по приздѣ въ Лондонъ я хотѣла пригласить Каролинъ гувернантку. Я приглашаю васъ, если вы согласны, и вы меня истинно этимъ одолжите, потому что въ васъ найду я и познанія и дружбу.

— Благодарю васъ за ваше предложеніе, отвѣчала я, вставая и кланяясь; но позвольте мнѣ объ этомъ подумать. Вы согласитесь, что это критическая минута въ моей жизни, и я должна постараться не сдѣлать ошибки.

— Разумѣется, разумѣется, отвѣчала леди Батерстъ. Вы правы; объ этомъ надо сперва подумать, а потомъ уже рѣшиться. Только позвольте вамъ замѣтить, что вы со мною ужасно горды.

— Можетъ-быть, и въ такомъ случаѣ прошу васъ извинить меня. Вспомните, что Валерія, ваша вчерашняя гостья, теперь уже въ гѣ.

Я взяла билетъ въ пять-сотъ франковъ, лежавшій на столѣ, и ушла къ себѣ въ комнату.

Я была рада остаться наединѣ; подавленное волненіе расслабило какъ-то всѣ мои члены. Я рѣшилась принять предложеніе леди Батерстъ въ ту самую минуту, когда оно было сдѣлано, но не хотѣла показать, что обрадовалась ему, чего она, вѣроятно, ожидала. Послѣ обмана мадамъ д'Альбрѣ, я не довѣрляла никому, кромѣ себя, и думала, что когда во мнѣ не будетъ больше надобности, то леди Батерстъ отпустить меня также безъ церемоній, какъ и мадамъ д'Альбрѣ. Я очень хорошо знаю, что могу обучать Каролину, и что леди Батерстъ не скоро отыщетъ гувернантку, которая такъ хорошо могла бы преподавать музыку и пѣніе. Съ ея стороны не было тутъ, слѣдовательно, никакого одолженія, и я рѣшилась отказаться, если условія покажутся мнѣ невыгодными. У меня были еще дѣлужонки: изъ двадцати золотыхъ, данныхъ мнѣ на дорогу мадамъ д'Альбрѣ, я истратила немного. На нѣсколько времени я была обезпечена, если бы не сошлась съ леди Батерстъ.

Поразмысливши обо всемъ, я написала къ мадамъ Паонъ; извѣстила ее о случившемся, сказала, что рѣшилась жить собственными трудами, и, не зная еще, прийму ли предложеніе леди Батерстъ, прошу ее дать мнѣ рекомендательное письмо къ кому-нибудь изъ знакомыхъ ей Французовъ въ Лондонъ, гдѣ я совершенно чужая, и гдѣ меня легко обмануть, если никто не поможетъ мнѣ добрымъ советомъ. Потомъ я написала къ мадамъ д'Альбрѣ слѣдующее:

«Любезная мадамъ д'Альбрѣ!

Да, я все-таки привѣтствую васъ этими словами. Хотя вы и не хотите меня знать, вы все-таки дороги моему сердцу, можетъ-быть еще дороже съ-тѣхъ-поръ, какъ перестали быть моею покровительницею и второю матерью. Когда несчастье постигаетъ тѣхъ, кого мы любимъ, когда благодѣтели наши сами скоро будутъ нуждаться въ помощи, — тогда-то и можемъ мы доказать имъ свою любовь и благодарность. Я не ставлю вамъ въ вину, что вы обмануты низкимъ лицемеромъ, прикрытымъ увлекательною маскою; не порицаю васъ за то, что вы повѣрили ему, будто я васъ чернила. Васъ ослѣпили ваши чувства къ нему и его притворство. Дурно я сдѣлала, что не сказала вамъ, что незадолго до моего отъезда онъ преда-

галь мнѣ свою руку, которую я отвергла съ негодованіемъ, потому-что онъ рѣшился сдѣлать это предложеніе, не спросивши предварительно васъ. Впрочемъ, я не приняла бы его, если бы даже вы этого пожелали, потому-что всѣ считаютъ его человѣкомъ фальшивымъ. Я должна бы была сказать вамъ объ его предложеніи, но онъ просилъ меня не говорить, и я тогда не знала еще, что онъ нищій, и вгрокъ, и долженъ былъ оставить Англію вслѣдствіе одной грязной карточной исторіи, въ чемъ вы легко можете удостовѣриться. Мадамъ Паонъ можетъ вамъ рассказать все это. Вотъ въ чьи руки вы попали. Глубоко о васъ сожалею! Сердце мое обливается кровью. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы, вѣроятно, убѣдитесь въ истинѣ моихъ словъ. Что я обязана моимъ несчастіемъ господину Г**, это правда. Я лишилась доброй покровительницы и принуждена теперь жить собственными трудами, какъ могу. Всѣ мечты мои о счастіи съ вами, всѣ желанія доказать вамъ мою любовь и благодарность исчезли, и я осталась одна, безъ крова и защиты. Но я мало думаю о себѣ; во всякомъ случаѣ, я свободна, я не прикована къ такому человѣку, какъ Г**, и думаю только о васъ и ожидающихъ васъ страданіяхъ. Возвращаю вамъ ваши пять сотъ франковъ; я не могу принять ихъ. Вы жена господина Г**, и я не могу принять ничего отъ человѣка, который увѣрилъ васъ, что Валерія неблагодарна и злоязычна. Прощайте; буду молить за васъ Бога и оплакивать ваше несчастіе.

«Навсегда вамъ благодарная

«Валерія де-Шатонейфъ.»

Сознаюсь, что письмо это выражало смѣшанное чувство. Я дѣйствительно сожалѣла о мадамъ д'Альбрѣ и прощала ее; но я желала отмстить господину Г**, и потому безъ пощады наносила раны ея сердцу. Впрочемъ, писавши письмо, я не думала объ этомъ. Я хотѣла только отмстить, и не могла этого сдѣлать, не выставя господина Г** въ его настоящемъ свѣтъ; а это, разумется, значило раскрыть глаза мадамъ д'Альбрѣ и пробудить въ ней подозрѣнія. Это было жестоко; я почувствовала это, перечитывая письмо, но не захотѣла измѣнить моихъ выраженій, вѣроятно потому, что простила мадамъ д'Альбрѣ не такъ вполне, какъ себѣ воображала. Какъ бы то ни было, письмо было запечатано и отослано въ тотъ же день въсътъ съ письмомъ къ мадамъ Паонъ.

Теперь мнѣ оставалось только условиться съ леди Батерстъ, и я вошла въ гостиную, гдѣ и нашла ее одну.

— Я обдумала ваше предложеніе, сказала я ей. Мнѣ, разумеется, стоило это небольшой борьбы, потому-что, вы понимаете, неприятно же превратиться изъ гостыи въ подчиненную. Но желаніе остаться съ людьми, которыхъ я столько уважаю, и заняться воспитаніемъ молодой дѣвушки, которую такъ люблю, склонило меня принять ваше предложеніе. Позвольте узнать, на какихъ условіяхъ хотите вы оставить меня у себя въ домъ гувернанткой?

— Валерія, это говоритъ въ васъ гордость, возразила леди Батерстъ. Признаюсь вамъ, я не желала бы заключать съ вами никакихъ условій; я желала бы, чтобы вы остались у меня какъ другъ и располагали моимъ кошелемъ какъ своимъ; но такъ-какъ вы этого не хотите, то скажу вамъ, что я надѣялась найти гувернантку за сто фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и предлагаю вамъ эту сумму.

— Этого съ меня болѣе нежели достаточно, отвѣчала я; принимаю ваше предложеніе, если вы хотите взять меня для испытанія на полгода.

— Валерія, вы заставляете меня смѣяться и сердиться; но я васъ понимаю: вы испытали жестокой ударъ. Не будемъ болѣе объ этомъ говорить; условіе заключено, и останется тайною, если вы сами ее не разгласите.

— Я нисколько не намѣрена скрывать этого, леди Батерстъ; я не желаю носить маски и быть въ глазахъ вашихъ друзей не тѣмъ, что я въ-самомъ-дѣлѣ. Стыдиться мнѣ тутъ нечего, и я ненавижу обманъ. Каково бы ни было положеніе мое въ свѣтъ, я надѣюсь, что не обезчещу своего имени, и не я одна изъ благородныхъ, которыхъ постигло несчастье.

Странно! Я въ первый разъ въ жизни началъ гордиться моимъ именемъ. Это произошло, я думаю, отъ того, что потерявши многое, человекъ болѣе дорожитъ тѣмъ, что у него осталось. Во все время моего знакомства съ леди Батерстъ, она не замѣтила во мнѣ и малѣйшаго признака гордости. Протѣгсе и воспитанница мадамъ д'Альбрѣ, дѣвушка съ блестящею будущностью, я была само смиреніе; теперь же, подчиненная, состоящая на жаловань, я сдѣлалась горда какъ самъ Люциферъ. Леди Батерстъ замѣтила это, и, — я должна ей отдать справедливость, — вела себя со мною очень осторожно. Она чувство-

вѣкъ ко мнѣ сожалѣніе и обращалась со мною учтивѣе и даже съ большаго уваженіемъ нежели прежде, когда я была ея гостьюей.

На другой день я объявила Каролинѣ, что приняла на себя должность ея гувернантки на полгода. Я сказала ей, что теперь должна буду надзирать за успѣшнымъ ходомъ ея занятій и что намерена оправдать довѣріе ея тѣтки. Каролина, двупинка съ кроткимъ, теплымъ характеромъ, отвѣчала, что будетъ смотреть на меня по-прежнему какъ на подругу, и изъ любви ко мнѣ будетъ исполнять все мои желанія. Она сдержала свое слово.

Читатель согласится, что переходъ мой изъ бывшаго состоянія въ новое совершился какъ нельзя спокойнѣе и легче. Слуги не знали, я являлась гувернанткой, потому что леди Батеретъ и Каролина звали меня по-прежнему Валеріей и не измѣнили своего со мною обращенія. Я посвящала много времени Каролинѣ, и сама училась, чтобы лучше обучать ее. Я повторила все съ самаго начала; Каролина имѣла быстрые успѣхи въ музыкѣ, и можно было ожидать, что черезъ несколько лѣтъ у нея будетъ прекрасный голосъ. Зимой мы пріѣхали въ столицу, но я избѣгала общества сколько могла, такъ-что леди Батеретъ жаловалась на это.

— Валерія, напрасно вы не показываетесь въ общество. Вы удаляетесь, и меня естественно осыпаютъ на счетъ васъ вопросами; спрашиваютъ, гувернантка ли вы, или что другое.

— Что жъ? отвѣчайте имъ, что гувернантка. Я не люблю скрытности.

— Да я не могу съ этимъ согласиться; вы не то, что назывались гувернанткой, Валерія. Вы молодая пріятельница, которая имѣетъ у меня и учитъ мою племянницу.

— То-есть, то, чьимъ должна быть всякая гувернантка, отвѣчайте я.

— Согласна, возразила леди Батеретъ: но если вы попустите къ другимъ, вы увидите, что вообще на гувернантку смотреть и поговаривать съ нею иначе. У насъ, въ Англіи, въ некоторыхъ домахъ, я не знаю никого достойнѣе сожалѣнія гувернантки; на нее смотрятъ какъ на лицо, которое не довольно хорошо для гостиницы; хозяйки и хозяева дома обходятся съ нею свысока, и только терпятъ ее въ своемъ обществѣ; слуги думаютъ, что гувернантка не имѣетъ права требовать отъ нихъ ува-

женія и услугъ, за которыя имъ платятъ; она, говорятъ они, получаетъ такое же жалованье, какъ и мы. Такимъ образомъ гувернантъ почти вездѣ отказываютъ въ уваженіи. Она сама несчастна и часто бываетъ причиною разлады въ домъ; слугъ всего чаще отпускаютъ изъ-за нея. Въ гостиной она мѣшаетъ разговоръ. Она утрачиваетъ веселость и цвѣтъ молодости; дѣлается раздражительною отъ безпрестанныхъ непріятностей, и жизнь ея проходитъ скучно, тяжело. Я говорю вамъ это откровенно. У меня вы не испытаете этихъ непріятностей, но переселиться въ другой домъ, подобный описанному мною, будетъ съ вашей стороны рискъ.

— Я слышала это и прежде, отвѣчала я: но ваша внимательность заставила меня забыть все. Печаленъ будетъ для меня тотъ день, когда я принуждена буду съ вами разстаться.

Доложили о пріѣздѣ гостей и разговоръ нашъ былъ прерванъ. Я уже говорила вамъ о моемъ дарованіи одѣвать къ лицу; я всѣми силами помогала въ этомъ леди Батерстъ. Всѣ замѣчали изящество ея наряда и спрашивали, кто на нее шьетъ. Она же говорила, что одолжена всѣмъ мнѣ.

Время летѣло и зима приходила къ концу. Леди Батерстъ рассказала почти всѣмъ своимъ знакомымъ о перемѣнѣ моего положенія, прибавляя, что я у нея въ домъ больше компаньонка, нежели что-нибудь другое. Это доставило мнѣ ихъ уваженіе, и меня часто приглашали на вечера; но я постоянно отказывалась; только иногда ѣздила въ оперу и французскій театръ.

Мадамъ Паонъ прислала мнѣ рекомендательное письмо къ одному изъ своихъ знакомыхъ, москѣ Жиронаку, жившему на Лейчестеръ-скверѣ. Онъ былъ женатъ, но дѣтей у него не было. Днемъ онъ давалъ уроки на флейтѣ, на гитарѣ и во французскомъ языкѣ, а по вечерамъ игралъ вторую скрипку въ оперѣ. Жена его, хорошенькая, живая женщина, учила молодыхъ дѣвицъ дѣлать цвѣты изъ воску и чинила по вечерамъ кружева. Это была премилая чета, проводившая вѣкъ свой въ потышной войнѣ другъ съ другомъ. Я не видывала ничего забавнѣе ихъ поединковъ, кончавшихся обыкновенно громкимъ хохотомъ. Они приняли меня очень радушно и обходились со мною чрезвычайно почтительно, пока короткое знакомство не сдѣлало этого излишнимъ. Дружба наша укрѣпилась еще болѣе, когда Каролина изъявила желаніе выучиться дѣлать цвѣты и сдѣла-

лась ученицею мадамъ Жиронакъ. Въ такомъ положеніи были мои дѣла, когда зима миновала и мы возвратились въ загородный домъ.

Время летѣло. Леди Батерстъ обходилась со мною очень ласково, Каролина тоже, и я была счастлива. Я занялась обученіемъ моею воспитанницы серьезно, и имѣла удовольствіе слышать, что труды мои не пропадаютъ напрасно. Я думала остаться при Каролинѣ, пока воспитаніе ея не будетъ вполне окончено, то-есть, еще года два или три, и, будучи обезпечена на это время, не думала о будущемъ,— какъ вдругъ одно обстоятельство уничтожило все мои расчеты.

Я вамъ сказала, что Каролина была племянница леди Батерстъ; она была дочь ея младшей сестры, вышедшей замужъ за молодого человѣка, не имѣвшего ни гроша денегъ и совершенно зависимаго отъ своего дяди, холостяка. Дядя разсердился за эту женитьбу на племянника и сказалъ ему, чтобы онъ не ожидалъ отъ него ничего ни при жизни, ни послѣ смерти. Сестра леди Батерстъ и мужъ ея жили въ крайности, пока леди Батерстъ не выхлопотала ему мѣста въ триста фунтовъ жалованья при таможенѣ. Они жили этимъ доходомъ и подарками леди Батерстъ, у нихъ было два сына и дочь; леди Батерстъ взяла къ себѣ дочь, Каролину, и обѣщала устроить ее еще при жизни или отказать ей значительную сумму послѣ своей смерти. Леди Батерстъ была богата и могла ежегодно откладывать для Каролины деньги, что и дѣлала съ-тѣхъ-поръ, какъ взяла ее къ себѣ, то-есть, съ семилѣтняго возраста.

Теперь дядя отца Каролины умеръ, и несмотря на свои угрозы, отказалъ племяннику все свое огромное имѣніе, такъ-что онъ сталъ вдругъ богаче самой леди Батерстъ. Слѣдствіемъ этого было письмо къ леди Батерстъ, въ которомъ ее извѣщали объ этомъ событіи и требовали немедленнаго возвращенія Каролины въ домъ ея родителей. Въ этомъ письмѣ, — я читала его, потому что леди Батерстъ, очень этимъ огорченная, дала мнѣ его прочесть, сказавши: «это касается до васъ столько же, сколько до меня и до Каролины»,— въ этомъ письмѣ они ни полсловомъ не благодарили ее за ея одолженія; это было холодное, безчувственное посланіе, и мнѣ было противно читать его.

— И это вся ихъ благодарность? сказала я. Чѣмъ больше живу я на свѣтъ, тѣмъ больше ненавижу его.

— Это въ-самомъ-дѣль очень дурно, обучала леди Батерстъ; Каролина пражима со мною такъ долго, что я смотрю на нее, какъ на мою дочь, и вотъ ее отнимають у меня, не обращая никакаго вниманія на мои чувства. Это жестоко и неблагодарно.

Съ этими словами она встала и вышла. Послѣ я узнала, что въ отвѣтъ на это письмо она говорила о воспитаніи Каролины у нея въ домѣ, о привычкѣ видѣть въ ней свою дочь, и просила ея родителей, чтобъ они позволили ей возвратиться, повидавшись съ ними. Она говорила, что жестоко и неблагодарно съ ихъ стороны отнимать у нея Каролину теперь, когда обстоятельства ихъ перемѣнились. Но на это она получила самый оскорбительный отвѣтъ, въ которомъ ее просили составить счетъ издержкамъ на воспитаніе племянницы, дабы ее немедленно можно было удовлетворить.

Леди Батерстъ разсердилась, и, конечно, имѣла на это достаточную причину. Она послала за Каролиной, знавшей до-сихъ-поръ только, что отецъ и мать ея получили большое наследство, отдала ей это письмо вмѣстѣ съ копіей съ своего собственнаго, и просила прочесть ихъ. Во время чтенія она внимательно слѣдила за выраженіемъ лица Каролины, какъ-будто желая узнать, не наследовала ли она неблагодарности родителей. Но бѣдная Каролина закрыла лицо руками, бросилась на колѣна передъ тѣткой, припала къ ея платью, и зарыдала. Черезъ минуту леди Батерстъ подняла свою племянницу, поцѣловала ее и сказала:

— Я довольна; по-крайней-мѣрѣ моя Каролина не неблагодаря. Теперь, дитя мое, ты должна исполнить долгъ твой — повиноваться родителямъ. Мы должны разстаться, слѣдовательно, чѣмъ скорее это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше. Валерія, не угодно ли вамъ позаботиться, чтобы все было готово къ отъезду завтра утромъ?

Съ этими словами леди Батерстъ освободилась отъ Каролины и вышла изъ комнаты. Въ этотъ день мы не сходились къ обѣду; леди Батерстъ прислала извиниться, сказавши, что слишкомъ разстроена и не можетъ выйти; мы съ Каролиной тоже были не въ духѣ и остались у себя въ комнатѣ. Вечеромъ леди Батерстъ позвала меня къ себѣ; я застала ее въ постель нездоровую.

— Валерія, сказала она, я желаю, чтобы Каролина уѣхала завтра по-раньше, такъ, чтобы вы, проводивши ее, возвратились до ночи

дочей. Я не могу видеть ее завтра и прощусь съ вечера. Приведите ее. Чемъ скорѣе это кончится, тѣмъ лучше.

Я позвала Каролину. Прощаніе было горькое. Трудно решить, кто изъ насъ плакалъ больше всѣхъ. Черезъ полчаса леди Батерстъ одѣла мнѣ знакъ, чтобы я увела Каролину. Я увела ее и уложила поскорѣе въ постель. Просидѣвши у нея до-тѣхъ-поръ, пока она заснула, я сошла внизъ, отдала приказаніе на утро и ушла къ себѣ. Утомленная тревогой дня, я нѣсколько времени не могла сомкнуть глазъ и думала, какія слѣдствія всего этого будутъ лично для меня. Я была гувернанткой Каролины и не могла ожидать, чтобы леди Батерстъ захотѣла оставить меня при себѣ послѣ ея отъезда; да и выжидалась бы на подобное предложеніе, потому-что въ такомъ случаѣ я совершенно зависла бы отъ ея щедрости, не искупая ее никакими услугами. Было ясно, что я должна проститься съ леди Батерстъ и искать себѣ другаго мѣста. Я была увѣрена, что она не возволитъ мнѣ ухать отъ нея немедленно, и дастъ мнѣ время прискаты себѣ мѣсто. Но идти ли мнѣ въ гувернантки послѣ всего, что говорила мнѣ объ этомъ леди Батерстъ, или избрать себѣ другое занятіе, — этого я не могла еще рѣшить. Я кончила мое размышленіе тѣмъ, что рѣшилась предоставить все на волю Провидѣнія и заснула.

Позавтракали рано, я съѣла съ Каролиной въ экипажъ, и къ полудню мы прибыли въ домъ ея отца. Слуги въ парадной диврѣе проводили насъ въ бібліотеку, гдѣ ждали Каролину ея родители. Довольно было одного взгляда, чтобы увидѣть, какъ чванятся они своимъ богатствомъ. Они встрѣтили Каролину безъ особеннаго чувства. Въ приемъ ихъ было что-то сухое. Послѣ первыхъ привѣтствій она села на софу противъ отца и матери. Я стояла, и, воспользовавшись минутой молчанія, сказала:

- Леди Батерстъ поручила мнѣ проводить вашу дочь къ вамъ, и какъ-скоро лошади отдохнутъ, я возвращусь домой.
- Кто это, Каролина? спросила мать ея.
- Я должна просить у мадамозель де-Шатонефъ извиненія, что не представила ее, отвѣчала Каролина, покрасявши. Это пріятельница моя и моей тѣтки.
- Я была гувернанткой вашей дочери, сказала я.
- А! произнесла леди. Позвоните-ка кто-нибудь.
- Подъ словомъ *кто-нибудь* она разумѣла, кажется, меня. Но такъ-

какъ меня не пригласили даже съѣсть, то я и не обратила на это вниманія.

— Позвони, пожалуйста, сказала она своему мужу.

Онъ позвонилъ. Вошелъ слуга, и леди сказала ему:

— Проводи гувернантку въ чайную, да скажи кучеру, чтобы накормили лошадей. Черезъ часъ чтобы были готовы.

Слуга остановился въ дверяхъ, оживая, что я пойду за нѣмъ. Оскорбленная, я обратилась къ Каролинѣ и сказала ей: лучше претимся теперь.

Я пошла за слугою, желая поскорѣе избавиться отъ непріятной сцены. Меня проводили въ небольшую комнату; тутъ вспомнила я слова леди Батерстъ, описавшей мнѣ положеніе гувернантки. Вошелъ слуга и покровительственнымъ тономъ спросилъ меня, не хочу ли я что-нибудь съѣсть? Я отказалась.

— Я могу принести вамъ рюмку вина, сказалъ онъ.

— Мнѣ ничего не нужно, отвѣчала я. Ступай.

Онъ вышелъ, хлопнувъ дверью, и я снова осталась одна. Я начала размышлять о сценѣ, которой только-что была свидѣтельницею.

Размышленія мои были прерваны приходомъ слуги, доложившаго, что экипажъ поданъ. Я въ ту же минуту уехала. Дорогою я рѣшилась не оставаться въ неопредѣленномъ положеніи, и немедленно объясниться съ леди Батерстъ.

Я возвратилась домой поздно, и въ этотъ вечеръ ее не видала. На другой день за завтракомъ я рассказала ей, какъ приняла насъ ее сестра, и прибавила, что теперь, безъ Каролины, мнѣ, разумется, не зачѣмъ у нея оставаться, и я прошу ее помочь мнѣ найти себѣ мѣсто.

— Во всякомъ случаѣ не слышите, Валерія, отвѣчала леди Батерстъ. Надѣюсь, вы не откажетесь погостить у меня, пока не пристроитесь по желанію. Я не прошу васъ остаться у меня совсѣмъ, потому-что знаю, вы откажетесь; однако, почему бы вамъ не остаться? я знаю васъ и люблю васъ. Разлука съ Каролиной для меня тяжела. Почему бы вамъ не остаться?

— Очень вамъ благодарна, отвѣчала я; но вы знаете, что я рѣшилась жить собственными трудами.

— Знаю; но обстоятельства могутъ измѣнять рѣшенія. Идите

д'Альбрэ была вамъ такая же чужая, какъ и я, однако же вы приняли ея приглашеніе.

— И вы знаете, что изъ этого вышло, отвѣчала я ей. Я готова была поручиться жизнью за ея чистосердечіе и привязанность, — а какъ жестоко оттолкнула она меня! Несмотря на всю мою къ вамъ признательность, я не могу принять вашего предложенія, потому что не хочу очутиться во второй разъ въ такомъ же положеніи.

— Не очень лестный для меня комплиментъ, сказала леди Батерстъ довольно горячо.

— Извините. Мнѣ очень жаль, если слова мои огорчаютъ васъ, которыя были ко мнѣ всегда такъ ласковы; но я чувствую, что буду несчастна, если не буду независима, и я не хочу испытать вторично толчка, какой дала мнѣ мадамъ д'Альбрэ. Сдѣлайте одолженіе, перестанемъ говорить объ этомъ.

— Хорошо, перестанемъ; можетъ-быть, я на вашемъ мѣстѣ чувствовала бы то же самое. Какого же мѣста хотите вы искать? гувернантки?

— Нѣтъ. Вчера я была слишкомъ унижена.

— Дѣвочки съ вашимъ воспитаніемъ не изъ чего много выбирать. Быть компаньонкой очень скучно; секретаршей — это требуется очень рѣдко. Конечно, вы можете давать по домамъ уроки музыки, пѣнія и французскаго языка; но преподавателей французскаго языка множество, а что касается до музыки и пѣнія, то, не знаю почему, учителя почти всегда предпочитаютъ учительницъ. Впрочемъ въ городѣ, я думаю, можно будетъ что-нибудь сдѣлать, а пока мы здѣсь, такъ обсудимъ это дѣло хорошенько. Случай можетъ представиться, когда вовсе его не ожидаешь. Я буду разспрашивать, и постараюсь помочь вамъ, сколько могу.

Я поблагодарила ее и разговоръ нашъ кончился:

Я не положила, впрочемъ, исключительно на леди Батерстъ, но написала и къ мадамъ Жиронакъ. Я извѣстила ее о случившемся, сообщила мои намѣренія и просила у нея совѣта. Черезъ нѣсколько дней я получила отъ нея слѣдующее довольно характеристическое письмо:

«Письмо ваше очень меня огорчило; мужъ мой просто взбѣсился и обѣщаетъ, что не хочетъ ни минуты дольше жить на этомъ гнусномъ

свѣтъ. Впрочемъ, шая меня, онъ еще съ нимъ не простился. Кремъ шутокъ, страшно подумать, что чужія глупости ставятъ молодую двушку въ ваше положеніе; что жъ дѣлать! мы должны покориться судьбѣ, и чѣмъ хуже наши дѣла, тѣмъ больше слѣдуетъ надѣяться на перемену къ лучшему, потому-что хуже имъ сдѣлаться трудно. Я совѣтовалась на счетъ васъ съ мужемъ, но онъ на все отвѣчаетъ нѣтъ. Онъ говоритъ, что вы слишкомъ хороши для гувернантки; воступить въ компаньонки значитъ унизиться; что вы не должны развѣзжаты въ кабриолетъ по урокамъ; словомъ, онъ не хочетъ слышать ни о чемъ, исключая одного: чтобы вы переехали къ намъ. Съ моей стороны присоединяю мою просьбу къ его, и уверяю васъ, что вы меня этимъ осчастливите, и что честь и удовольствіе имѣть васъ у себя будутъ для насъ особеннымъ наслажденіемъ. Проложеніе наше бѣдно, но все-таки вамъ лучше будетъ у насъ, нежели въ чьемъ-нибудь домѣ, гдѣ васъ безпрестанно будутъ огорчать, потому-что въ этой странѣ деньги играютъ главную роль. Пріѣзжайте, пожалуйста, къ намъ, если хотите; тогда мы поговоримъ подробнѣе. Мужу моему теперь почти объѣзжать некогда, такъ много у него учениковъ. Я тоже занята почти цѣлый день. Если Господь дастъ намъ здоровье, мы надѣемся приберечь копейку на дождливый день, какъ говорятъ въ этой странѣ, гдѣ вѣчно идетъ дождь. Примите увѣреніе въ любви и преданности

«Аннеты Жиронакъ».

Мы пріѣхали въ городъ раньше обыкновеннаго, потому что леди Батерстъ скучала послѣ отъѣзда Каролины, отъ которой не получила съ-тѣхъ-поръ ни строчки. Причиной этому были, разумеется, ея родители, платившіе такъ за любовь леди Батерстъ, когда уже не нуждались въ ея помощи. Не знаю, какъ это случилось, только мало-по-мало между мною и леди Батерстъ возникла какая-то холодность. Осталась ли она недовольна моимъ отказомъ жить у нея въ домѣ, хотѣла ли отъ меня отшвыкнуть, зная, что мы скоро разстанемся — не знаю. Я ничѣмъ ее не оскорбила; я была спокойнѣе прежнего и научилась лучше владѣть собою, но не могу себя упрекнуть ни въ чемъ относительно ея.

Мы были уже около недели въ Лондонѣ, когда къ леди Батерстъ пріѣхала ея старая знакомая, только-что возвратившаяся изъ Италіи.

Ее звали леди Р**; она была вдова баронета, не могла держать собственного экипажа, но могла иметь наемный. Она была писательница: написала два или три романа, говорят, довольно посредственных, но, какъ произведенія женскаго пера, приписанныхъ ей порядочныя долги. Это была женщина очень эксцентрическая и забавная. Если женщина говорить все, что ни взбредетъ ей на умъ, то изъ кучи соломы всегда выпадетъ хоть зорнышко; но удивительно, следовательно, что и ей случилось проронить хорошую мысль. Это помнили, забывши все остальное, и на леди Р** смотрѣли какъ на писательницу. Это была женщина высокаго роста, лѣтъ пятидесяти если не больше, съ острымъ красотою въ чертахъ лица; по живымъ приемамъ ея и походкѣ можно было заключать, что она еще бодрa и здорова.

— Сага піа, сказала она, бросаюсь къ леди Батерстъ, какъ же вы провели все это время? Вотъ я два года провела въ странѣ невин, и на всю жизнь запаслась изящными образами и идеями. Читали вы мое послѣднее произведеніе? Всѣ отъ него въ восторгъ и говорятъ, что оно доказываетъ вліяніе климата на воображеніе; это совершенно въ новомъ родѣ — итальянская исторія животрепещущаго содержанія. И у васъ тутъ, какъ я вижу, новости, — продолжала она, глядя на леди, — да еще и прекрасныя; познакомьте насъ: я въ восторгъ отъ всего возвышеннаго и изящнаго. Ваша родственница? Нѣтъ! — Адемоазель де Шатонезъ! — какое прекрасное имя для романа. Я готова воспользоваться и срисовать портретъ съ натуры. Хотите вы дать мнѣ сеансъ?

Леди Р** никому не давала слова вымолвить. Леди Батерстъ, зная ее очень хорошо, предоставила ей въ этомъ отношеніи полную свободу; я же, не ошибкомъ довольная такою безцеремонною лестью, воспользовалась минутой, когда леди Р** начала что-то шептать на ухо леди Батерстъ и вышла вонъ. На слѣдующее утро леди Батерстъ сказала мнѣ:

— Валерія! Вы вчера очень понравились леди Р**; когда вы ушли, она сказала мнѣ, что ищетъ себѣ именно такую компаньонку и секретарку. Я отвѣчала, что вы желаете получить мѣсто въ этомъ родѣ и ищите показывать у меня. Мы поговорили съ ней подробно, и она сказала, что напишетъ мнѣ объ этомъ. Я только-что получила ея письмо; вы можете его прочесть. Она предлагаетъ вамъ сто фунтовъ въ годъ, на всемъ содержаніи, кромѣ платья. Что касается до

жалованья, кажется, это хорошо. А что до самой леди Р**, так я могу сказать вамъ мое о ней мнѣніе въ двухъ словахъ. Вы видѣли ее вчера; она всегда такова. Странная, но добрая женщина, и, сколько я слышала, гораздо щедрѣе тѣхъ, которыя богаче ея. Вотъ все, что я могу сказать вамъ объ ней; рѣшите сами. Вотъ ея письмо; отвѣтъ сообщите вы мнѣ завтра поутру. Спѣшить не зачѣмъ.

Я сдѣлала одно или два замѣчанія и удалась. Письмо было очень любезное, но странное, какъ сама леди Р**. Я ушла къ себѣ въ комнату и начала обдумывать сдѣланное мнѣ предложеніе. У леди Батерстъ мнѣ было не совсѣмъ ловко; но я не могла какъ-то примириться съ мыслью поступить къ леди Р**. Она такъ резко отличалась отъ тѣхъ, съ которыми я привыкла жить!

Тутъ вошла ко мнѣ горничная леди Батерстъ, и сказала, что пора одѣваться къ обѣду. Помогая мнѣ одѣваться, она сказала между прочимъ:

— Такъ вы насъ оставляете? Жаль, очень жаль! Уѣхала миссъ Каролина, — теперь и вы уѣзжаете. А я думала, что вы останетесь у насъ, и надѣялась позаниматься у васъ умнѣемъ одѣваться къ лицу.

— Кто тебѣ сказалъ, что я уѣзжаю?

— Мистрисъ Батерстъ, четверть часа тому назадъ.

— Да, она сказала тебѣ правду, я уѣзжаю.

Слова горничной заставили меня принять предложеніе леди Р**. Леди Батерстъ, подумала я, сладила уже дѣло за меня, если сообщила объ этомъ служанкѣ.

Читатель догадается, что послѣ этого мнѣ не тяжело было разстаться съ леди Батерстъ, и на слѣдующее утро я холодно объявила ей, что принимаю предложеніе леди Р**. Она взглянула на меня, какъ-будто удивляясь, что я не высказываю сожалѣнія разстаться съ ней и не благодарю ее за ласки; но я не могла высказывать чувствъ, которыхъ въ эту минуту во мнѣ не было. Послѣ я разсудила, что это было съ моей стороны дурно, потому-что я все-таки была ей многимъ обязана. Мнѣ следовало бы благодарить ее, но меня остановила мысль, что она говорила горничной о моемъ отъѣздѣ и, следовательно, была со мною не чистосердечна.

— Хорошо, сказала она наконецъ. Я сейчасъ напишу къ леди Р**.

Меня, надюсь, известить се, что вы готовы къ ей услугамъ во всякое время?

— Да, хотѣ сейчасъ, отвѣчала я.

— Вамъ какъ-будто ужасно хочется со мною разстаться, замѣтила леди Батерстъ.

— Это правда, отвѣчала я. Вы сказали вашей горничной, что я остаю, когда не знали еще, согласна ли я; по этому я оставляю ее охотно: вы уже напередъ рѣшили отъ меня избавиться.

— Я действительно сказала моей горничной, что можетъ-быть вы уйдете, сказала леди Батерстъ, покрасѣвши; но... впрочемъ, для чего распространяться, что я говорила и чего не говорила, распространять горничную; одно изъ всего этого ясно: мы другъ на другъ обманулись и, слѣдовательно, лучше разстаться. Я кажется, еще должна, мадемоазель де-Шатонезъ? сочли вы, сколько времени вы у меня пробьли?

— Я сочла время, которое была гувернанткой Каролины.

— Мнѣ Каролины, мадемоазель де-Шатонезъ.

— Мнѣ Каролины, если вамъ такъ угодно. Пять мѣсяцевъ и нѣсколько недель, отвѣчала я, вставая.

— Вы можете приѣхать, пока я сдѣлаю счетъ, сказала леди Батерстъ.

— Для двѣнцы Шатонезъ слишкомъ много чести сидѣть въ вашемъ присутствіи, отвѣчала я спокойно, оставаясь на ногахъ.

Леди Батерстъ ничего не отвѣчала, сдѣлала счетъ на клочкѣ нотной бумаги, подала его мнѣ и просила взглянуть, такъ ли?

— Я нисколько въ томъ не сомнѣваюся, отвѣчала я, взглянувши на листокъ и кладя его на столъ.

Леди Батерстъ положила слѣдующую мнѣ сумму тоже на столъ и сказала:

— Сдѣлайте одолженіе сочтите. Потомъ прибавила, вставая: вамъ будутъ прислуживать по прежнему, пока вы еще у меня въ домѣ. Прощайте.

Съ этими словами она раскланялась и вышла.

Я отвѣчала ей такимъ же формальнымъ поклономъ, и огорченная ея обхожденіемъ, проронила нѣсколько слезъ. Но я скоро ободрившись:

Эта сцена напомнила мнѣ, чего должна я ожидать въ будущемъ: «Мисъ Каролина»; подумала я. Когда я была protégée мадамъ д'Альбрё и гостя леди Батерстъ, тогда меня звали просто Валерией, а ее Каролиной. Леди Батерстъ могла бы отпустить меня, не давая мнѣ такъ больно почувствовать перемену нашихъ отношеній. Впрочемъ, тѣмъ лучше: это уничтожаетъ ее одолженіе; меня взяли изъ дому родительскаго, и предали оскорбленіямъ всего свѣта! Что жъ, буду защищаться, какъ могу.

Ушедши собирать мои вещи, я чувствовала, какъ бодрость усилилась во мнѣ, именно отъ-того, что леди Батерстъ хотѣла меня унизить.

Леди Р** пріѣхала послѣ обѣда вслѣдствіе письма леди Батерстъ. Я была у себя въ комнатѣ, когда мнѣ доложили, что она желаетъ меня видѣть. Леди Батерстъ не было дома. Я застала леди Р** одну; она чуть не бросилась мнѣ въ объятія, схватила меня за обѣ руки, сказала, что счастлива пріобрѣтеніемъ такого сокровища, спросила, не могу ли я вѣхать съ ней сейчасъ же, и проговорила безъ остановки минутъ десять, задавая мнѣ сотни вопросовъ и не давая времени отвѣтить ни на одинъ изъ нихъ. Наконецъ, уловивши минуту, я отвѣчала на главнѣйшее: сказала, что готова пріѣхать къ ней завтра поутру, если ей угодно будетъ прислать за мною. Она требовала, чтобы я пріѣхала къ завтраку, и я согласилась, потому-что леди Батерстъ вставала поздно, а я желала оставить домъ ея, не встрѣчаясь съ нею еще разъ послѣ нашего формальнаго прощанья. Окончивши это дѣло, леди Р** поспѣшила уѣхать; она порхнула изъ комнаты, когда я успѣла еще позвонить, чтобы велѣть подать экипажъ.

Я кончила мои сборы къ отъезду; обѣдать мнѣ принесли въ мою комнату, потому-что я извѣнилась головою болью, что и было справедливо. На слѣдующее утро, когда леди Батерстъ еще спала, я уѣхала къ леди Р**, въ Бэкеръ-стритъ, Портменъ-скверъ. Я застала ее въ robe de chambre.

— Прекрасно, сказала она: наконецъ надежды мои исполнились. Я всю ночь провела въ тревогѣ, между надеждой и опасеніемъ, какъ всегда бываетъ съ человѣкомъ въ важныхъ случаяхъ. Пойдемте, я покажу вамъ вашу комнату.

Для меня приготовили прекрасно убранную комнату, окнами на улицу.

— Видь отсюда не обширный, сказала леди Р**, но все-таки, проснувшись рано поутру, вы можете найти въ немъ предметъ для размышленія. Вы можете слѣдить за пробужденіемъ Лондона. Вотъ появляется сонный констабль; усталый извозчикъ и еще болѣе усталая лошадь плетутся на отдыхъ послѣ ночной работы; бѣжитъ, въ просянкахъ, служанка; кухарка смываетъ съ крыльца вчерашнюю грязь; раздаются дискантъ молочницы и басъ трапичника; бѣжитъ подмастерье хлѣбника, почтальонъ, и такъ далѣе, сперва единицы, потомъ десятки, потомъ десятки тысячъ, — и Лондонъ проснулся. Въ этомъ есть поэзія. Пойдемте завтракать. Я всегда завтракаю въ *robe de chambre*; вы дѣлайте то же, то-есть, если хотите. А гдѣ важъ?

Леди Р** дернула за колокольчикъ въ диванной, которую называла будоаромъ, и явился мальчикъ лѣтъ четырнадцати, въ голубой блузѣ съ кожанымъ поясомъ.

— Лионель, завтракъ! Исчезни прежде, чѣмъ левіаганъ успѣетъ проплыть милью! Булокъ и масла!

— Сейчасъ, отвѣчалъ онъ живо. Все будетъ готово прежде, чѣмъ человекъ успѣетъ проплыть сто шаговъ! — И онъ исчезъ.

— Въ этомъ мальчикѣ пропасть ума, замѣтила леди Р**. Хоть сейчасъ въ шуты къ Астлею. Я встрѣтила его совершенно случайно; онъ одинъ изъ моихъ образцовъ.

Я никакъ не могла догадаться, чтò она подъ этимъ разумѣетъ; но скоро все объяснилось. Завтракъ прервалъ на минуту ея болтовню. Потомъ она опять кликнула пажа. — Убирай, только осторожно!

— Знаю! я не разобью посуды по вчерашнему. — Онъ собралъ завтракъ на подносъ съ удивительною быстротою и исчезъ такъ проворно, что я невольно подумала: вчерашняя исторія повторится.

Не успѣлъ онъ переступить за порогъ, какъ леди Р** подошла ко мнѣ и сказала:

— Дайте мнѣ хорошенько на васъ посмотреть. Да, я не ошиблась, вы удивительный образецъ и будете моей героиней. Именно такой красоты я и искала. Присядьте, поболтаемъ. Я часто нуждаюсь въ обществѣ. Секретарша, — вѣдь это только такъ говорится: я пишу чрезвычайно скоро и не могу поспѣвать за мыслями. Четко ли я пишу или нѣтъ, это не моя забота, а наборщика. Разбѣрять рукопись его дѣло, и потому я никогда не заставаю переписывать мои сочи-

ненія на бѣло. Я нуждалась въ прекрасной собесѣдницѣ; безобразную я не пригласила бы ни за какія блага въ міръ: она вредна бы мнѣ столько же, сколько вы принесете пользы.

— Право, не понимаю, какую пользу могу я вамъ принести, если не буду писать для васъ.

— Боже мой! да мнѣ довольно смотреть на васъ, когда я чувствую расположеніе писать; въ этомъ случаѣ, согласитесь, вы доставляете мнѣ пользу. Но не будемъ входить въ философскія или психологическія пренія. Все это объяснится со временемъ само собою. Теперь, прошу васъ, сдѣлайте мнѣ одно только одолженіе: пропустите мимо эти глупыя, церемонныя двѣ недѣли, которыя все-таки кончаются сближеніемъ и короткостью; онѣ доказываютъ только людскую подозрительность. Позвольте мнѣ называть васъ Валеріей, а вы называйте меня Семпроніей. У васъ прекрасное имя; оно годится для любой героини. Мое настоящее имя Барбара. Называйте меня Семпроніей; вы меня очень обяжете. Теперь я сяду писать; возьмите книгу и садитесь на софу; въ началѣ слѣдующей главы героиня моя находится именно въ этомъ положеніи.

VII.

Леди Р** съѣла за письменный столъ, а я на софу. Читая книгу, я замѣтила, что леди часто сводитъ глаза съ бумаги на меня; я догадалась, что она меня описываетъ. Черезъ полчаса она бросила перо, и воскликнула:

— Вотъ! я обязана вамъ лучшимъ изображеніемъ героини! Слушайте.

И она прочла мнѣ очень лестное и цвѣтистое описаніе моей особы.

— Мнѣ кажется, сказала я, что вы обязаны этимъ портретомъ больше воображенію, нежели дѣйствительности.

— Нѣтъ, нѣтъ, Валерія. Я отдала вамъ справедливость, не больше. Нѣтъ ничего лучше, какъ списывать живыя лица; это то же самое, что живопись: вѣрно только то, что списано съ природы. Да и что же такое разсказъ, если не та же живопись, только перомъ?

Въ эту минуту вошелъ Ліонель съ письмомъ; онъ слышалъ ее послѣднее замѣчаніе, и сказалъ подавая ей письмо:

— Вот тут на конверте кто-то нарисовал ваше имя; надо заплатить семь пенсовъ — это ужасно дорого за такую пакетню.

— Не должно судить по наружности, отвечала леди Р**. Содержимое можетъ стоить сотни фунтовъ. Наружность этого носима конечно не обшачаетъ ничего особеннаго, но можетъ-быть въ немъ, какъ въ безобразной жабы, скрывается алмазъ. На счетъ жабы, — это было повѣрье въ старые годы, Лионель, и Шекспиръ имъ воспользовался.

Она прочла письмо, положила его на столъ и сказала Лионелю:

— Можешь идти.

— Вы вскрыли жабу; желательно знать, оказался ли въ ней алмазъ?

— Нѣтъ, это обыкновенное письмо, — и касается тебя. Башмаки въ Брайтонъ просить заплатить ему восемнадцать шиллинговъ за указанные тобою башмаки.

— Да, действительно, я ему еще долженъ, да мнѣ некогда думать о своихъ дѣлахъ: я занятъ вашими.

— Теперь тебя напоминали, такъ ты лучше отдай мнѣ деньги, а я ихъ отошлю куда слѣдуетъ.

Въ эту минуту леди Р** нагнулась поднять свой носовой платокъ. На столѣ лежало нѣсколько суверендоровъ; Лионель, мигнувши мнѣ глазомъ, взялъ одинъ изъ нихъ и подалъ его молча леди Р**.

— Хорошо, сказала она. Я люблю честность.

— Да, отвечалъ безстыдный мальчикъ: я, какъ большая часть штебюграфовъ, родился отъ честныхъ, но бѣдныхъ родителей.

— Вѣрю, что родители твои были честные люди, и въ награду за твою честность я заплачу за тебя; оставь эти деньги себѣ.

— Благодарю васъ. — Я и забылъ сказать вамъ: кухарка ждетъ мнѣ приказаній.

Леди Р** встала и выпила. Лионель, посмотрѣвши на меня съ улыбкой, положилъ монету обратно на столъ.

— Вотъ что называется честность, сказалъ онъ. Занялъ — и возвращаю.

— А если бы она не подарила вамъ этихъ денегъ? спросила я.

— Все равно, я возвращать бы ихъ, отвечалъ онъ. Если бы я хотѣлъ, я могъ бы обкрадывать ее каждый день. У ней деньги всегда такъ влажуются, и она никогда ихъ не считаетъ, и кроме того,

если бы я хотѣлъ воровать, такъ ужъ, конечно, воровалъ бы не при вашихъ ясныхъ глазахъ.

— Безстыдный!

— Это отъ-того, что я много читаю. Что жъ! Не моя вина! Леди заставляетъ меня читать, а въ старыхъ исторiяхъ пажки всегда безстыдны. Однако жъ мнѣ некогда болтать: ножи еще не вычищены.

И онъ вышелъ изъ комнаты.

Я не знала, рассказать ли леди Р** продѣлку пажа, или нѣтъ. Денги были возвращены, и я сочла за лучшее промолчать. Скоро я убѣдилась, что онъ дѣйствительно не лѣстится на золото, и могъ бы, если бы хотѣлъ, воровать безопасно. Лiонель былъ хорошей и честной мальчикъ, только вѣдокъ и наглъ, что, впрочемъ, зависѣло отъ обращенiя съ нимъ самой леди. Онъ отличался умомъ и проворствомъ; проворство его было такъ велико, что ему какъ-будто нѣчего было дѣлать, и свободное время посвящалъ онъ чтенiю.

Леди Р** возвратилась и опять сѣла писать.

— Поете вы? Леди Батерстъ, помнится, говорила, что у васъ прекрасный голосъ. Сдѣлайте мнѣ одолженiе: мнѣ хочется послушать какую-нибудь мелодiю; описанiе будетъ живѣе, если звуки дѣйствительно коснутся моего слуха. Я люблю дѣйствительность; только пойте безъ аккомпанимента; моя крестьянка не можетъ же идти по полю съ кружкой воды въ одной рукѣ и фортепяномъ въ другой.

— Надѣюсь, отвѣчала я со смѣхомъ; однако, не слишкомъ ли я близко?

— Да, да, это правда; лучше бы пропѣть на лѣстницѣ, или въ сосѣдней комнатѣ, но я не хочу сдѣлать грубость и выслатъ васъ вонъ.

— Пойду сама, отвѣчала я, и вышла. Я спѣла французскую пѣсню, которая, какъ я предполагала, придетъ къ цели леди Р**. Когда я возвратилась въ комнату, леди писала съ яростью и не замѣтила моего прихода. Я сѣла; черезъ десять минутъ перо полетѣло въ сторону, и леди сказала:

— Мнѣ еще ни разу не удавалось написать такой эффектной главы! Валерiя, вы дороже золота! Вы сдѣлали мнѣ благодѣянiе. Вы не знаете, что значить авторское чувство. Вы не имѣете понятiя о томъ, какъ лѣстить успѣхъ нашему самолюбию; хорошее мѣсто въ сочиненiи для насъ выше всего въ мiрѣ. Сегодня утромъ вы два-

жды оказали услугу моей господствующей страсти, и я отъ васъ безъ ума. Вы вѣрно находите меня странной; меня всѣ находятъ странной. Но, — мнѣ часто придется обращаться къ вамъ съ странными просьбами, — однако я никогда не попрошу васъ сдѣлать что-нибудь неприличное. Въ этомъ будьте увѣрены. Закрываю мою тетрадь; на сегодня довольно.

Леди Р** позвонила, приказала Ліонелю принять бумаги, сложить деньги въ кошелекъ, и спросила, отозвана ли она сегодня вечеромъ куда-нибудь?

— Да, мы отозваны, отвѣчалъ онъ; только не помню куда. Сейчасъ посмотрю.

Онъ вышелъ и черезъ минуту воротился.

— Вотъ записка, сказалъ онъ: къ мистрисъ Алльвудъ, въ девять часовъ.

— Мистрисъ Алльвудъ ученая дама; у ней очень пріятные вечера, сказала леди Р**, обращаясь ко мнѣ.

Ліонель посмотрѣлъ на меня изъ-за ея стула и покачалъ головою.

— Поѣдемъ? продолжала леди Р**.

— Если вамъ угодно, отвѣчала я.

— И прекрасно! Передъ ъездомъ мы поѣдемъ прокататься, а вечеръ будетъ посвященъ пиришеству ума и сердца. Боже мой! всѣ мальцы запачкала чернилами! Пойду умыться.

Едва только она вышла, какъ Ліонель сказалъ:

— Пиришество ума и сердца! Спасибо за такое угощенье! Я предпочитаю добрый ужинъ, да побольше шампанскаго.

— Да вамъ-то что изъ этого? спросила я.

— Какъ что? Я терпѣть не могу этихъ литературныхъ собраній. Во-первыхъ, на одинъ порядочный экипажъ у воротъ приходится двадцать колымагъ, и компанія, слѣдовательно, прескверная; а во-вторыхъ, если вечеръ кончается хорошимъ ужиномъ, такъ и на мою долю въ кухню кое-что приходится. Вы не думайте, чтобы мы тамъ праздно проводили время. Я у мистрисъ Алльвудъ былъ два раза: ужина не подаютъ; угощаютъ одними сентенціями, и то только въ гостинной; питье — вишневая вода; ни музыки, ни танцевъ, только *мара-та-та*. Ничего не можетъ быть глупѣе.

— Можно подумать, что вы проводите эти вечера въ гостиной, а не въ кухнѣ.

— Разумѣется, въ гостиной. Выхъ, кто носить либрето, они зноиваются въ людскую, и я лучше иду подавать пирожки, чѣм терѣться по цѣлымъ часамъ около стола въ кухнѣ. Я слышу ихъ разговоры не хуже всей прочей компаніи, и мнѣ часто приходило въ голову, что я могъ бы отвѣчать умнѣе нѣмъ нѣмъ знаменитыхъ литераторовъ. — Когда я сегодня буду подавать пирожки, такъ вы берите, на которые я вамъ укажу: они лучше.

— А почему вы это знаете?

— А я ихъ пробую передъ тѣмъ, какъ нести въ гостиную.

— И вамъ не стыдно въ этомъ признаваться?

— Все это отъ чтенія. Я читалъ, что въ старыя годы великія особы, короли, принцы, и такъ далѣе, заставляли слугъ пробовать подаваемое имъ кушанье въ избѣжаніе отравы. Я пробую пирожки на томъ же основаніи, и право, нѣсколько разъ чуть не отравился на этихъ постныхъ вечерахъ; съ-тѣхъ-поръ я сталъ умнѣе, и если вижу, что какой-нибудь пирожокъ имѣеть подозрительную наружность, такъ оставляю его гостямъ. Однако же мнѣ некогда разговаривать съ вами долѣе; надо отдать приказаніе кучеру.

— Никто васъ и не проситъ разговаривать.

— Это такъ; а слушать меня вамъ все-таки весело; этого вы не можете отрицать. Пойду, скажу кучеру, въ стилъ леди Р^а, чтобы онъ опоясалъ паркъ въ сорокъ минутъ.

И онъ исчезъ въ одинъ мигъ.

Онъ былъ правъ: болтовня его меня забавляла до такой степени, что я забывала его безстыдство и фамиллярность. Вскорѣ потомъ мы выѣхали, и прокатившись раза три вокругъ парка, возвратились домой обѣдать. Въ девять часовъ мы явились къ мистрисъ Альбуръ. Меня представили множеству литературныхъ звездъ первой величины, о которыхъ я до-тѣхъ-поръ ровно ничего не слыхала. Больше всего обращалъ на себя вниманіе какой-то графъ, которому Турки отрезали носъ и уши. Это не придавало ему красоты, но представляло своего рода интересъ.

Лионель былъ правъ: вечеръ былъ прескучный; всѣ говорили разомъ, каждый въ надеждѣ найти слушателей, именно, какъ вырази-

ей модель: двара два-ты, и только. Я была очень рада, когда подала мамъ экипажъ. Вотъ какъ прошла я первый часъ у леди Р**.

На тотъ же ладъ проходили и оледующіе дни. Мѣсяць пролетѣлъ быстро. Каждый день леди Р** отличала какого-нибудь особенною эксцентрическою выходкою; это забавляло меня. Отъ меня, какъ отъ модели, часто требовали престранныхъ вещей, но несмотря на все это, леди Р** была женщина съ душою и образованіемъ, и въ немъ отказала бы я другой, то дѣлала для нея охотно. Я называла ее, по ея желанію, Семпроніей, и сблизилась съ Ліонелетъ, который хотѣлъ играть роль близкаго человѣка, не спрашивая согласія другихъ, и былъ забавенъ не менѣе самой леди Р**. Иногда, наединѣ, я задумывалась о моемъ положеніи. Я получала большое жалованье, — за что? Чтобы принимать разные позы и ничего не дѣлать. Это не льстило моимъ дарованіямъ, но со мною обращались ласково и доверчиво. Я была подругой леди Р**, принята у всѣхъ ея знакомыхъ, и мнѣ никогда не давали почувствовать моей зависимости. Я привязалась къ леди Р**, и была довольна моимъ положеніемъ.

Однажды она сказала мнѣ:

— Валерія! стяните мнѣ пожалуйста корсетъ.

Она сядла и писала.

— Крѣпче, крѣпче! еще крѣпче! Вотъ такъ.

— Да вамъ дышать почти нельзя, Семпронія.

— Зато писать можно. Душа и тѣло, я уже говорила вамъ, вѣютъ другъ на друга вліяніе. Я хочу написать строго-правотвенный разговоръ, и онъ мнѣ не удастся, если не зашнуровать корсета. Теперь я готова изобразить хоть жену Катона.

Черезъ нѣсколько дней она размышляла меня еще больше. Она писала около получаса, и вдругъ бросила перо въ сторону съ словами:

— Нѣтъ, такъ ничего не будетъ! Пойдите, Валерія, снимите мнѣ пожалуйста корсетъ. Мнѣ надо быть à l'abandon.

Мы ушли, и, снявши корсетъ, воротились въ будоаръ.

— Теперь, я думаю, удастся, сказала она, садясь къ столу.

— Что такое? спросила я.

— Мнѣ надо написать любовную сцену, горячую, страстную. Въ шуровкѣ это невозможно. Теперь мнѣ свободнѣе и я могу дать

волю воображенію, — писать стрѣлою самого Купидона. Героямъ мнѣ сидѣть, опустивши голову на руку. Присядьте, милая Валерія, какъ будто вы думаете объ отсутствующемъ другѣ. Да, да, такъ, — прекрасно, — вѣрно натурь.... однако, я забыла: тутъ входитъ нажъ, — не шевелитесь, я позвоню.

Лионель явился въ ту же минуту.

— Лионель! Ты разыграешь роль пажа.

— Нѣкогда мнѣ играть, миледи; я въ-самомъ-дѣлѣ пажъ. Надо идти ножи точить.

— Теперь не до ножей. Слушай: ты присланъ къ дѣвушкѣ, которая сидитъ, погруженная въ сладкія мечты. Ты входишь незамѣтно пораженъ ея красотою, — ты прислонился къ дереву въ необыкновенной, граціозной позѣ, и устремилъ глаза на ея прелестное лицо. Прислонись къ двери, — я опишу эту сцену.

Я невольно улыбулась безтолковой сценѣ, когда Лионель, высушивши свои волосы и поднявши воротникъ рубанки, сталъ въ удобную позицию и сказалъ мнѣ:

— Теперь посмотримъ, мисъ Валерія, кто изъ насъ лучше сыграетъ свою роль. Я думаю, вы скорѣе устанете сидѣть, нежели смотреть на васъ.

— Превосходно, Лионель! — Именно вотъ эту позу и хотѣла изобразить, сказала леди Р**, съ яростію царапая по бумагѣ перомъ. Взглядъ твой очень естественъ, вѣренъ натурь, — Кимонъ и Ионгенія, — превосходная картина! Не шевелитесь, ради Бога! только десять минутъ!

Я взглянула на Лионеля; онъ сдѣлалъ странную гримасу. Мнѣ очень нравилось разыгрывать сцену съ слугою, но Лионель не приходилъ на другихъ слугъ. Черезъ десять минутъ представленіе кончилось. Лионель ушелъ чистить ножи, а я взяла книгу, и видя, какъ радуется леди Р** удавшеюся, по ея словамъ, описаніе, не сожалѣя, что исполнила ея желаніе.

Однажды утромъ, во время отсутствія леди Р**, я вступила въ разговоръ съ Лионелемъ, и спросила его, отъ чего онъ воспитанъ лучше, нежели бѣольшая часть слугъ?

— Я самъ себя нерѣдко задаю этотъ вопросъ, отвѣчалъ онъ. Самое раннее воспоминаніе мое — школа: насъ было, помню, человекъ двадцать, малъ-мала-меньше, и ходили мы по-парно въ приготови-

тогдашнюю школу къ дѣвцамъ Виггинсъ. Въ школу никто меня не назначалъ; другіе говорили о своихъ родителяхъ, — мнѣ не о комъ было говорить; другіе уходили по праздникамъ домой и приносили съ собою оттуда пряники и игрушки; я проводилъ праздники роясь въ вѣску и всего раза два или три въ сутки открывая мой одинокій ротъ. Во время вакансій я имѣлъ много досуга на размысленія, и, подросши нѣсколько, подумалъ, что вѣдь и у меня не хуже другихъ были, вѣроятно, родители. Я началъ спрашивать объ этомъ; но вопросы мои нашли наглými, я получилъ строгій выговоръ, и уста мои сомкнулись.

«Наконецъ я сталъ уже слиткомъ великъ для школы; старыя дѣвчонки не могли со мною сладить, и, кажется, по ихъ приглашенію, получила мнѣ честь своимъ посещеніемъ одна старая ключница, женщина лѣтъ пятидесяти, которой я прежде никогда не видалъ. Я рискнулъ предложить ей тѣ же вопросы, и она отвѣчала, что у меня нѣтъ ни отца, ни матери, что они давно умерли, и что я воспитываюсь по милости одной знатной леди, у которой они служили, и которая возьметъ меня, можетъ-статься, къ себѣ, или вообще что-нибудь для меня да сдѣластъ. Года четыре тому назадъ (мнѣ было тогда, говорятъ, двѣнадцать лѣтъ, но мнѣ кажется, я старше), за мною прислала леди Р** Меня нарядили въ чалму и красную куртку и посадили на полъ, сказавши мнѣ, что я пажъ. Я только бѣгалъ по посылкахъ и читалъ книги: это мнѣ нравилось; отъ чтенія я былъ безъ ума. Сначала леди Р** заботилась обо мнѣ; но съ теченіемъ времени я какъ-то падалъ все ниже и ниже, и мало-по-малу перешелъ изъ гостиной въ кухню.

«Костюмъ мой не былъ возобновленъ. Сначала я ходилъ въ простомъ платьѣ и состоялъ подъ начальствомъ камердинера; года два тому назадъ его отпустили и я изъяснилъ желаніе самъ исправлять его должность. Теперь я получаю большое жалованье. Вотъ все, что я о себѣ знаю; но леди Р** знаетъ, кажется, больше. Впрочемъ, старая ключница говорила, можетъ-быть, и правду, что я сынъ ея любимыхъ служителей и обязанъ ей воспитаніемъ: вы сами знаете, какія бываютъ у нея странности».

— Какъ ваше другое имя, Ліонель?

— Говорятъ, Бедингфильдъ.

— Говорили вы когда-нибудь леди Р** о вашихъ родителяхъ?

— Говорить; но она отвѣчала, что они случили у сора Ричарда, а не у нея (сэръ Ричардъ, это баронетъ, покойный отецъ ея), и что она знаетъ о нихъ только то, что отецъ мой былъ при немъ управляющимъ или дворецкимъ, и что баронетъ завѣщала ей все свое незаботливое. Она же желала, кажется, распространяться объ этомъ предметѣ, и давши этотъ отвѣтъ, позволила услыть меня чѣмъ-то. Съ тѣхъ-перъ, однако же, я кое-что открыла.... Звонитъ это она!

И онъ исчезъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія леди Р** доложили о прѣздѣ мадамъ Жиронакъ. Я вышла къ ней въ столовую, и она сказала мнѣ, что принесла показать леди Р** свои восковые цвѣты. Я пошла спросить леди Р**, не хочетъ ли она взглянуть на нихъ, и леди пришла просить ее къ себѣ. Цвѣты были действительно прекрасны. Леди пришла въ восторгъ и купила нѣкоторые изъ нихъ. Потомъ я пришла съ мадамъ Жиронакъ опять внизъ и долго съ нею бесѣдовала.

— Не нравится намъ съ моимъ мужемъ ваше положеніе, сказала она. Знаете ли что, мадамозель де-Шатонель? Вамъ не вѣдало бы выучиться дѣлать изъ воску цвѣты. Я буду учить васъ даромъ; и открою вамъ даже то, чего не открывала никому изъ моихъ ученицъ: именно, способъ приготовленія воску и много другихъ маленькихъ секретовъ, которые стоить узнать.

— Я очень бы рада выучиться этому искусству, отвѣчала я; только я могу вамъ платить за уроки, и иначе не согласна быть вашей ученицей.

— Хорошо, хорошо, не будемъ объ этомъ спорить. Знаю: принимать одолженіе никому не приятно, а вамъ и недавно; но учиться вы должны; такъ сдѣлаемъ условіе.

Мы условились, и въ продолженіе всего времени, которое я пробыла у леди Р**, я занималась этимъ искусствомъ такъ прилежно, что подъ руководствомъ мадамъ Жиронакъ сдѣлалась такою же художницей, какъ она. Она утверждала даже, что я ее превзошла, потому-что у меня больше вкуса. Но возвратимся къ моему разсказу.

Противившись съ мадамъ Жиронакъ я пришла къ леди Р** и застала ее сидящею передъ столомъ и разсматривающею кулешные ея цвѣты.

— Вы не знаете, Валерія, сказала она, какъ одолжить вы меня этия прѣтати. Что за прекрасное, благородное занятіе для героини! Моя героиня будетъ жить этия искусствомъ. Я дѣшла въ моемъ романѣ какъ разъ до той минуты, когда героиня находится въ отъ-вѣтствѣ обстоятельствахъ и не знаетъ чѣмъ ей жить; теперь, бла-годаря вамъ, вопросъ этотъ разрѣшенъ какъ-нельзя-лучше.

Недѣли черезъ двѣ леди Р** сказала въ заключеніе другаго раз-сказа:

— У меня есть для васъ сюрпризъ, Валерія. Зима приходитъ къ концу, и, что еще важнѣе, третій томъ мой будетъ готовъ недѣли черезъ двѣ. Сегодня ночью я напрасно призывала Морфея и мнѣ при-шло въ голову мысль. Вы знаете, я хотѣла отправиться на осень въ Францію, но сегодня ночью мнѣ пришло въ голову увѣчать на твер-дой землѣ, въ la belle France, не знаю только куда: въ Гавръ, въ Лондонъ или въ Парижъ? Что вы на это скажете? Я предполагаю со-чинить сентиментальное путешествіе. Мы будемъ ѣхать приключе-нныя, повѣдемъ какъ Целія и Розамунда. Я «съ красивой короткой юбкой», въ костюмѣ юнони. Подурачимся, Валерія? А? Какъ вы отвѣтите?

Я не знала, что ей отвѣчать. Затѣя леди Р** была ужъ чрезъ-вычайно странна. Изъ того, что я слышала о приключеніяхъ леди Р** въ Италіи, я могла заключить, что она, подобно многимъ другимъ, считаешь себя въ правѣ вести себя на чужбинѣ какъ ей вздумается, и несколько не желала быть въ ея свѣтѣ.

— Я знаю мое отечество очень хорошо, отвѣчала я, и увѣряю васъ, что нѣтъ страны неудобнѣе для маскарада. Мы испытываемъ слишкомъ много неприятностей, путешествуя одинъ, и путешествіе вый-детъ вовсе не сентиментальное. Лионель повѣдетъ съ вами?

— Не знаю, право; впрочемъ, ему не мѣшало бы выучиться по-французски. Я думаю, возьму его съ собою. Онъ проворной маль-чуганъ.

— Да. Откуда вы его достали?

— Онъ сынъ... одного фермера, или чего-то въ этомъ родѣ, ска-зала леди Р**, краснѣя. Отецъ его жилъ въ имѣніи моего отца; но его самого поручилъ мнѣ, умирая, сэръ Ричардъ.

— Поручилъ какъ слугу? спросила я. Онъ, мнѣ кажется, слишкомъ хорошъ для такой должности.

— Я дала ему воспитаніе, Валерія. Отецъ поручилъ мнѣ его не какъ слугу, а просто завѣщалъ мнѣ о немъ позаботиться. Когда-нибудь, можетъ-статься, я буду въ состояніи сдѣлать для него и больше. — Сегодня мы вдемъ на балъ къ леди Г^{...}. Вы знаете? Балъ будетъ самый блестящій. Она даетъ только одинъ вечеръ въ годъ, и всегда съ отличнымъ вкусомъ. Боже мой, какъ уже поздно! А мнѣ еще надо сдѣлать столько визитовъ!

— Меня прошу васъ извинить : я обѣщала взять урокъ у мадамъ Жиронакъ.

— Что жъ дѣлать! Пріймусь за скучное дѣло одна. Можетъ ли быть что-нибудь глупше? Разумная, безсмертная душа развозитъ визитныя карточки!

Балъ у леди Г^{...} былъ дѣйствительно великолѣпный. Я танцевала. Молодые аристократы конечно не считали меня достойною партнерши по пути жизни, но проскользнуть со мною въ вальсъ по мѣкету были очень не прочь, потому-что къ имени моему не было придѣлено названіе гувернантки. Въ Лондонѣ никто меня не зналъ, и я не занимала тамъ этой должности. Мы сидѣли рядомъ съ леди Р^{...}. Черезъ нѣсколько минутъ она вскочила и поспѣшила, — куда и зачѣмъ, не знаю, — только мѣсто ея тотчасъ же заняла леди М^{...}, бывавшая съ дочерьми своими въ числѣ гостей у леди Батерста.

— Забыли вы меня, мадамозель де-Шатонезъ? спросила она, протягивая мнѣ руку.

— Нѣтъ; очень рада васъ видѣть. Здоровы ли ваши дочери?

— Благодарю васъ; вечеромъ онѣ довольно свѣжи, но по утрамъ все что-то блѣдны. Зима въ Лондонѣ ужасная вещь; странно вредитъ здоровью; да что дѣлать? Надо вывѣживать; надо, чтобы насъ видѣли; а вечера и балы каждый день. Если дѣвушка не выйдетъ замужъ въ первые три сезона послѣ перваго появленія въ свѣтъ, такъ послѣ уже мало надежды; она теряетъ свѣжесть молодости, столь привлекательную для мужчинъ. Никакое здоровье не выдержитъ такой жизни. Я часто сравниваю нашихъ дѣвушекъ съ почтовыми лошадыми; зимою имъ задаютъ страшную гонку, и потомъ ведутъ лѣтомъ откармливать въ деревню, чтобы въ слѣдующій сезонъ начать снова. Это, право, ужасная жизнь; да что дѣлать? надо же выдавать дочерей замужъ. Я съ моими просто измучилась; пора бы имъ пристроиться. Пойдемте въ другую комнату, мадамозель де-Шатонезъ; тамъ про-

ладше и меньше народу. Дайте мнѣ вашу руку. Можетъ-быть, мнѣ встрѣтятся мои дочки.

Мы пришли въ соседнюю комнату, и сѣли въ углу на софѣ.

— Здѣсь насъ никто не подслушаетъ, сказала леди М**. Скажите пожалуйста: вы разстались съ леди Батерстъ, но я не знаю почему. Это, это тайна?

— Нѣтъ. После отъезда Каролины мнѣ нечего было у нея дѣлать, я не захотѣла оставаться. Вамъ, можетъ-быть, известно, что я пришла къ леди Батерстъ въ гости, и что непредвидимая перемена обстоятельствъ заставила меня остаться у нея въ качествѣ наставницы дѣтей.

— Да, я слышала что-то въ этомъ родѣ; это у васъ было, кажется, слажено какъ-то между собою, и леди Батерстъ была, я думаю, этому очень рада. Я по-крайней-мѣрѣ сочла бы это за особенное счастье. Теперь вы у леди Р**. Скажите, если это не нескромно съ моей стороны вопросъ: что вы у нея такое?

— Она пригласила меня въ секретарши, но я еще ни строки для нея не писала. Леди Р** угодно видѣть во мнѣ компаньонку, и я должна отдать ей справедливость, что она осыпаетъ меня ласками.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, возразила леди М**; только мнѣ кажется (извините, что я беру смѣлость вмѣшиваться въ ваши дѣла: отъ души желаю вамъ добра), мнѣ кажется, что положеніе ваше въ домѣ леди Р** не совсемъ таково, какимъ желали бы его видѣть родственные вамъ люди. Всѣмъ известны ея странности, чтобы не сказать иначе, и вы, можетъ-быть, не замѣчаете, что она любитъ иногда сказать лишнее. При васъ она, разумется, остерегается; у нея доброе сердце и она никого не захочетъ оскорблять умышленно; но въ обществѣ она часто увлекается желаніемъ блеснуть и говорить то, о чемъ слѣдовало бы умолчать. Мнѣ рассказывали, что намерены, за вѣдомъ у мистрисъ В**, куда вы не были приглашены, она нашла васъ, кажется, своимъ «очаровательнымъ образцомъ», и когда у нея попросили объясненія этихъ словъ, она сказала, что вы принимаете разныя позы, а она пишетъ, по ея выраженію, съ натуры. Некоторые изъ молодыхъ людей сказали, или, лучше сказать, намекали, что желали бы исполнять роль героя и стоять передъ вами на коленяхъ, а она отвѣчала, что не нуждается въ ихъ услугахъ, потому-что для этой роли у нея есть какой-то пажъ или лакей, не пом-

ню наврнее. Вѣдь это, разумется, не правда, мадамъ-де-Шатонель?

О! какъ закинула во мнѣ при этихъ словахъ кровь!

Читатель уже знаетъ, на сколько тутъ было правды, но тонъ, которымъ все это было рассказано, ужаснулъ меня. Я покраснѣла до ушей и отвѣчала:

— Что леди Р** нѣсколько разъ, когда я сидѣла за книгой, а она писала, говорила мнѣ, что пишеть съ меня свою героиню, правда; но, зная ея причуды, я считала это за пустую фантазію. Побужаясь добродушно ея капризу, я никакъ не ожидала испытать такого оскорбленія, какъ вы мнѣ рассказываете. Что она обо всемъ этомъ рассказывала, не подлежитъ сомнѣнію, потому-что это знала только она да я:

— Да ея лакей.

— Лакей? Да, у нея есть — нѣчто въ родѣ пажа.

— Именно. Мальчикъ лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, проворный скороспѣлка, весьма многимъ обязанный леди Р**, и, если вѣрить молвъ, не совѣмъ ей чужой. Не замѣтили вы между ними сходства?

— Боже мой! Вы меня удивляете.

— И: вѣроятно говорю вамъ непріятныя вещи, продолжала леди Р**, взявши меня за руку. Но съ моей стороны лучше, я думаю, раскрыть вамъ глаза, нежели подсмѣиваться надъ вами, когда васъ нѣтъ, какъ дѣлають другія. Въ известномъ отношеніи мы живемъ въ дурномъ обществѣ: случится ли что-нибудь скандальное, проносятся ли какая-нибудь ложная молва, все объ этомъ знаютъ; кромѣ героя рассказовъ. Рѣдко случается намъ найти истиннаго друга, который уведомиръ бы насъ объ этомъ. Ядъ разливается, а мы лишены возможности уничтожить его противоядіемъ; свѣтская дружба — вздоръ. Я, какъ видите, поступила иначе; не знаю; будете ли вы мнѣ за это благодарны или нѣтъ; можетъ-быть, нѣтъ: за непріятныя вѣсти рѣдко благодарятъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ отъ всего сердца, отвѣчала я. Я понимаю; что вы поступили по-дружески. Мѣвая ужасно оскорбили, продолжала я, отирая выступившія на глазахъ слезы; но впредь я не дамъ повода къ такимъ рассказамъ, потому-что оставлю леди Р** при первой возможности.

— Послушайте! Я не рѣшилась бы сообщить вамъ вещи, которыя, какъ легко было предвидѣть, заставятъ васъ отказаться отъ покровительства леди Р**, — если бы не обдумала, чѣмъ можно будетъ вознаградить васъ. Я считаю себя счастливой, что могу предложить вамъ мой домъ, гдѣ вы будете пользоваться уваженіемъ и удобствами жизни, если вамъ угодно принять мое предложеніе. Если бы я знала, что вы намѣрены разстаться съ леди Батерстъ, я предложила бы вамъ это тогда же. Теперь, однако же, вы слишкомъ взволнованы; такъ лучше поговоримъ объ этомъ въ другое время. Не хотите ли пріѣхать ко мнѣ завтра? Я пришло за вами экипажъ въ два часа. Я пріѣхала бы къ вамъ сама, но присутствіе леди Р** помѣшаетъ намъ говорить о дѣлѣ. Скажите: пріѣдете вы?

Я общалась; леди М** встала и подала мнѣ руку. Мы возвратились къ тому мѣсту, откуда ушли; тамъ застала я леди Р** въ жаркомъ спорѣ съ какимъ-то членомъ парламента. Я съѣла возлѣ нея незаметно, и погрузилась въ размышленія не очень веселыя. У меня страшно разболѣлась голова, и лицо мое приняло также болѣзненное выраженіе, что это замѣтилъ даже собесѣдникъ леди Р**.

— Ваша protégée, кажется, нездорова, сказалъ онъ ей.

Я отвѣчала леди Р**, что у меня болитъ голова, и что я желала бы, если можно, увѣхать домой.

Она тотчасъ же согласилась, изъявляя свое сожалѣніе. Нѣчего и говорить, что, пріѣхавши домой, я успѣшила удалиться къ себѣ въ комнату.

Тутъ я съѣла и опустила голову на руки. Я слишкомъ быстро подвигалась въ знанія свѣта. Я начинала ненавидѣть его, — ненавидѣть мужчинъ, и женщинъ еще больше. Чтѣ за уроки были мнѣ даны въ продолженіе одного года! Сперва мадамъ д'Альбрѣ, потомъ леди Батерстъ, теперь леди Р**. Неужли, думала я, на свѣтѣ нѣтъ ни дружбы, ни великодушія? Мнѣ, въ моемъ раздраженномъ состояніи, казалось, что все на свѣтѣ ложь и притворство, что я — идолъ людей, которому все приносится въ жертву. Черезъ нѣсколько времени я успокоилась, вспомнила о мадамъ Жиронакъ, и воспоминаніе о ея безкорыстной дружбѣ навело меня на лучшія мысли. Какъ ни была я огорчена, но понимала, что леди Р** пожертвовала мною только своему тщеславію, желанію блеснуть, и вовсе не имѣла намѣренія оскорблять меня. Остаться у нея, однако же, послѣ всего разска-

ваннаго мнѣ леди М**, было невозможно. Я начала думать, что мнѣ дѣлать? Мнѣ не хотѣлось говорить леди Р** о настоящей причинѣ нашей разлуки; лучше, казалось мнѣ, найти какой-нибудь предлогъ разстаться друзьями. Намысленіе ея отправиться во Францію бы прекраснымъ предлогомъ.

Потомъ я начала размышлять о томъ, что говорила мнѣ леди М*. Какое мѣсто могла она предложить мнѣ у себя въ домъ? У нея три дочери, но онѣ уже невѣсты, и воспитаніе ихъ, какъ говорится, кончено. Я не могла разрѣшить этой загадки, перестала объ ней думать и наконецъ заснула.

На слѣдующее утро я проснулась съ тяжелымъ сердцемъ и головною болью, но одѣлась и вышла къ завтраку. Леди Р** спросила меня о здоровьѣ и прибавила :

— Вы разговаривали вчера съ леди М**. Я и не знала, что вы съ ней знакомы. Между нами, Валерія, — это одинъ изъ моихъ образцовъ.

— А она, я думаю, и не подозреваетъ этой чести, отвѣчала я.

— Вѣроятно. Впрочемъ, въ последнемъ моемъ романѣ она списана очень удачно. Леди М** — прожекторъ; у нея вѣчно какіе-нибудь планы; въ настоящую минуту великая задача ея жизни — выдать своихъ дочерей замужъ.

— Къ этой цѣли стремятся, я думаю, всѣ матери.

— И маневрируютъ, можетъ-быть, не меньше леди М**, только съ большимъ искусствомъ; всѣ видятъ, чего она добивается, и это отпугиваетъ молодыхъ людей; она успѣла бы скорѣе, если бы оставила ихъ въ покоѣ: дочери ея простыя, добрыя дѣвушки, совсѣмъ не гордые и очень услужливыя. Но какимъ-образомъ познакомились вы съ леди М** такъ хорошо?

— Она жила нѣсколько времени съ старшею дочерью у леди Батерстъ.

— А, теперь понимаю.

— Я хочу къ ней съѣздить. Она обѣщала прислать за мною экипажъ въ два часа, и просила навѣстить ее, когда она уѣдетъ изъ столицы.

— Да вѣдь это невозможно; вы забыли о поѣздкѣ нашей во Францію.

— Я не думала, чтобы вы говорили это серьезно. Вамъ пришла

это въ голову во время безсонницы, и я не предполагала, что вы не откажетесь отъ этой мысли и послѣ.

— О, нѣтъ! Я рынаюсь на что-нибудь быстро, и рѣдко отменяю свои намѣренія. Мы непременно поѣдемъ въ Парижъ.

— Минъ едва ли можно будетъ вхвать съ вами, леди Р**.

— Въ-самомъ-дѣль? сказала она съ удивленіемъ. Позвольте узнать, почему?

Вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ моей жизни; я должна васъ познакомить съ ними.

Я рассказала ей, сколько мнѣ казалось необходимымъ, о моемъ семействѣ, и сказала, что я, легкомысленная; недостойная дочь, еще не приготовилась къ свиданью съ родителями и рѣшительно не хочу до того времени подвергаться опасности встрѣтить ихъ. Леди Р** начала меня уговаривать, — доказывала, опровергала, сердилась, льстила, но все напрасно; наконецъ она не въ шутку разсердилась и вышла изъ комнаты. Вскорѣ потомъ явился Ліонель и сказалъ мнѣ, какъ обыкновенно, своимъ фамиллярнымъ тономъ:

— Что это значить, мисъ Валерія? леди за что-то въ ярости: она дернула меня за ухо.

— И взротно по-дѣломъ, отвѣчала я.

— Объ этомъ мнѣнія различны, возразилъ онъ. Не могу понять, за что она на меня налетѣла. Досталось и кухаркѣ мимоходомъ. Я не вытерпѣлъ, и говорю: «перестаньте, миледи». А она закричала: «вотъ я тебѣ дамъ миледи»!

— Вы знаете: она сердится, когда вы называете ее миледи; я и подумалъ, что она и на меня за то же гнѣвается, и говорю: «успокойтесь, Семпронія», — а она меня за ухо.

Я не могла не посмѣяться его разсказу, тѣмъ болѣе, что онъ говорить съ видомъ оскорбленной невинности.

— Вы заслужили наказаніе, сказала я наконецъ. Если вы оставите когда-нибудь леди Р**, то вамъ покажутъ, какъ обращаться со старшими; а такъ вы не проживете въ другомъ домѣ и часу. Леди Р** слишкомъ добра и позволяетъ вамъ больше, нежели позволять другіе. А сердится она вотъ за что: она хочетъ, чтобы я поѣхала съ нею во Францію, а я не хочу.

— Такъ вы насъ оставляете? спросилъ онъ печально.

— Кажется.

— Такъ и я же отойду. Надоело.

— Зачѣмъ? Вы не найдете себѣ такого хорошаго мѣста.

— Да и искать не стану. Я жилъ у нея только въ надеждѣ узнать, кто и гдѣ мои родители; но она не говоритъ мнѣ. Буду жить своимъ умомъ; «миръ моя устрица», какъ говоритъ Шекспиръ; и у меня достанетъ ума вскрыть ее.

Я не забыла, что говорила мнѣ о Лионелъ леди М**; слова его доказывали, что тутъ кроется какая-то тайна. Я взглянула на его лице, — въ немъ было фамильное сходство съ леди Р**. Тутъ я вспомнила и то, что она какъ-то неохотно говорила со мною объ этомъ предметѣ.

— Но почему же вы думаете, спросила я, что леди Р** не хочетъ сказать вамъ, кто ваши родители? Въ послѣдній разъ, когда мы говорили съ вами объ этомъ предметѣ, вы сказали, что узнали кое-что; а она говорила мнѣ, что отецъ вашъ былъ дворецкимъ или управляющимъ у сэра Ричарда.

— Это не правда. Она говорила мнѣ, что отецъ мой былъ у сэра Ричарда метръ-д'отелемъ; и это оказалось неправдой: старая ключница, посящавшая меня въ школь, пріѣхала однажды сюда, замкнулась съ леди Р** и просидѣла съ ней около получаса. Когда она простилась, я пошелъ привестъ ей извозчика, прицѣпился сзади, и прибылъ вмѣстѣ съ нею къ ея квартирѣ. Узнавши, гдѣ она живетъ, я поспѣшилъ домой, чтобы тамъ не замѣтили моего отсутствія, но рѣшился посѣтить ее. На другой день леди Р** дала мнѣ отвезти на городскую почту письмо; оно было адресовано на имя мистрисъ Гринъ, въ тотъ самый домъ, у котораго вчера остановился извозчикъ. Я догадался, что письмо къ старой ключницѣ, продержалъ его у себя въ карманѣ до вечера, и отвезъ его самъ.

— Мистрисъ Гринъ, сказалъ я (она была дома и пила чай съ какою-то другою старухой), я принесъ вамъ письмо отъ леди Р**. Это было съ годъ тому назадъ, мисъ Валерія.

— Странно, что она прислала сюда *васъ*, замѣтила мистрисъ Гринъ.

«— Странно не то, что она послала письмо съ слугою, отвѣчалъ я, а то, что я слуга.

«Я сказалъ это, мисъ Валерія, такъ только, чтобы послушать, что она отвѣтитъ.

— Кто это вамъ проболтался? сказала она, глядя на меня сквозь очки.

— Не смѣю сказать, отвѣчалъ я, я общалъ молчать.

— Боже мой! не можетъ быть... нѣтъ, это невозможно! говорила она, вскрывая письмо и вынимая изъ него банковый билетъ, который тотчасъ же скомкала въ рукѣ. Потомъ она начала читать письмо; я отошелъ и сталъ между нею и окномъ. По времени она подносила письмо къ свѣчѣ, и въ тѣ минуты мнѣ удавалось прочитывать издали по строчкѣ. Въ одномъ мѣствѣ было сказано: «все еще въ Кольвервудъ-Галль»; въ другомъ. «единственный убійцѣ», оставившійся теперь въ Эссексѣ». Внизу страницы я замѣтилъ слова: «тайна» и «ничего не знаетъ». Наконецъ, старуха достала письмо.

— Имѣете вы еще что-нибудь сказать? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я. Вамъ хорошо платятъ за тайну, мистрисъ

Гринъ.

— Чтò вы хотите этимъ сказать? спросила она.

— О, я знаю больше, нежели вы думаете, отвѣчалъ я.

— На-счетъ чего? спросила она, нѣсколько смѣиваившись.

— Давно ли вы были въ Эссексѣ? спросилъ я.

— Давно ли? Да вамъ это на чтò?

— Ну, такъ я предложу вамъ другой вопросъ: давно ли вы были въ Кольвервудъ-Галль?

— Въ Кольвервудъ-Галль! Чтò вы знаете о Кольвервудъ-Галль? Отъ, кажется, съ ума сошелъ. Ступайте, порученіе ваше исполнено. Ступайте, или я скажу миледи.

— Желаю вамъ покойной ночи.

Я вышелъ и хлопнулъ дверью, но такъ, чтобы щеколда не заскочила; въ узкую щель началъ я слушать, чтò будетъ дальше, и мистрисъ Гринъ сказала своей гостьѣ:

— Кто-нибудь съ нимъ да видѣлся; не могу понять, кто бы это могъ быть? Это меня ужасно тревожить. Да, этого роду тайны такъ и рвутся на свѣтъ.

— Да, да, такъ же какъ убійство, отвѣчала другая старуха; я не знаю, въ чемъ тутъ дѣло; вижу только, что есть какая-то тайна, — расскажите, мистрисъ Гринъ.

— Я могу вамъ сказать только то, что тутъ дѣйствительно есть

тайна, отвѣчала мистрисъ Гринъ, и что кто-нибудь да намекнулъ ему объ этомъ. Надо повидаться съ миледи, — или нѣтъ, лучше не видаться; она такая причудливая, — пожалуй присягнуть, что это я ему все рассказала. Кромѣ меня и леди Р** есть только одинъ человекъ, которому известно это дѣло, а онъ не могъ съ нимъ видаться, потому что не встаетъ съ постели. Ровно ничего тутъ не понимаю. У, какъ дуешь! Онъ двери-то бросилъ. Эти мальчишки никогда не притворяютъ дверей.

«Мистрисъ Гринъ встала и затворила дверь; я ушелъ. Вотъ все, что я знаю, мисъ Валерія. Но какъ и почему это случилось, что сперва меня отдали въ школу, послѣ взяли и сдѣлали нажемъ, а потомъ лакеемъ, этого я не умю вамъ сказать. Признайтесь, что тутъ есть какая-то тайна.

— Все это очень странно, отвѣчала я, но я советую вамъ остаться, и спокойно ждать разрѣшенія загадки. Разставшись съ леди Р**, вамъ еще труднѣе будетъ узнать истину.

— Не знаю, мисъ Валерія; дайте мнѣ только побывать въ Кольвервудъ-Галль, такъ ужъ я что-нибудь да узнаю. Не даромъ же есть у меня въ головѣ мозгъ. — Леди идетъ; прощайте, мисъ Валерія.

Онъ поспѣшилъ уйти.

Леди Р** медленно поднялась на лѣстницу и вошла въ комнату. Гнѣвъ ея прошелъ, но она смотрѣла мрачно и угрюмо; я едва могла узнать ее, потому-что, должно отдать ей справедливость, до-сихъ-поръ она ни разу не выходила изъ себя. Она свла въ свои кресла, и я спросила ее, не принесть ли ей перо и бумагу?

— Да! въ такомъ я состояніи, чтобы писать! отвѣчала она, облокотясь на столъ и закрывши глаза руками. Вы не знаете, какъ я была раздосадована; я выместила гнѣвъ мой на невинныхъ, я ударила этого бѣднаго мальчика, — вспомнить стыдно! Увы! я рождена съ сильными страстями, и онъ были постоянно причиною моихъ несчастій. Я думала, что лѣта усмирили ихъ, но по временамъ онъ вспыхиваютъ съ прежнею силой. О, чего бы не дала я за вашъ тихій нравъ, Валерія! Сколько несчастій миновала бы я въ жизни! сколько избѣжала бы ошибокъ, — едва не сказала: преступленій!

Леди Р** очевидно говорила больше сама съ собою, нежели со мною, произнося послѣднія слова, и я не отвѣчала. Больше четверти

часа прошло въ молчаніи; его нарушилъ Ліонель, пришедшій сказать, что привалъ экипажъ леди М**.

— Вотъ кто всему причиною, сказала леди Р**. Позжайте, Валерія, и возвратитесь: къ тому времени я сдѣлаюсь лучшей собесѣдницей. Я не отвѣчала ничего, но вышла изъ комнаты, надѣла шляпку и ушла къ леди М**. Она и дочери ея приняли меня очень радушно; но леди М** скоро отпустила дочерей и сказала мнѣ:

— Я говорила вамъ вчера, мадамозель де-Шатонезъ, что желала бы имѣть васъ у себя въ домѣ. Вы спросите, вѣроятно, въ чемъ будутъ состоять ваши занятія, и я, признаюсь вамъ, не знаю, что на это отвѣчать. Вы не будете гувернанткой. Дочери мои не нуждаются въ гувернанткѣ, потому-что ученіе ихъ кончено; въ этомъ отношеніи вы могли бы быть имъ полезны только для музыки и пѣнія. Я желала бы, чтобы вы были ихъ компаньонкой; я увѣрена, что онѣ выиграютъ отъ этого очень много. Въ глазахъ постороннихъ вы будете моею гостьей, но такъ-какъ дочери мои будутъ пользоваться наставленіями вашими въ музыкѣ и пѣніи, то я прошу васъ принять то же жалованье, которое вы получаете теперь отъ леди Р**. Вы понимаете: я желаю, чтобы вы были для моихъ дочерей образцомъ, только не въ смыслѣ леди Р**. Предоставляю вамъ действовать въ этомъ по вашему усмотрѣнію. Дочери мои васъ полюбили и со временемъ полюбятъ, безъ сомнѣнія, еще больше. Надѣюсь, что вы не откажетесь отъ моего предложенія.

Въ предложеніи леди М** было столько деликатности, что я не могла не быть ей за него признательна; но оно показалось мнѣ только предлогомъ для доставленія мнѣ убѣжища безъ всякаго со стороны моей вознагражденія, — и я сказала ей это.

— Нѣтъ, не думайте этого, отвѣчала леди М**. Я не хотѣла только назвать васъ учительницей; но обучая дѣтей моихъ музыкѣ, вы вполне заслужите ваше жалованье; мы платимъ столько же и другимъ учителямъ, а вы и въ другихъ отношеніяхъ будете, я въ томъ увѣрена, чрезвычайно мнѣ полезны. Можно считать это дѣломъ рѣшительнымъ?

Мы поговорили еще нѣсколько времени, и я согласилась. Давши слово переѣхать къ леди М** тотчасъ же послѣ отъезда леди Р**, или во всякомъ случаѣ не позже, какъ черезъ три недѣли, когда леди М** оставитъ Лондонъ, я простилась и ушла домой.

Леди Р** сидѣла на томъ же мѣстѣ, гдѣ я ее оставила.

— И такъ, аудіенція кончена, сказала она. Васъ приняли, безъ всякаго сомнѣнія, какъ нельзя ласковѣе. О! я знаю эту женщину; я думала объ этомъ во время вашего отсутствія, и разгадала, чего ей отъ васъ хочется; но на это-то она, конечно, и издалика не намеряла. Она не такъ глупа. Вы увидите: переселившись къ ней, вы будете дѣлать, что ей угодно.

— Право, я не понимаю, что вы хотите сказать.

— Леди М** пригласила васъ къ себѣ какъ гостью, не назначая для васъ опредѣленнаго занятія?

— Она предложила мнѣ учить ея дочерей музыкѣ и быть при нихъ компаньонкой. Но положительно ничего не рѣшено.

— Хорошо, Валерія. Я знаю, я странная женщина; но вы скоро увидите, лучше ли будетъ вамъ у нея.

— Я не подала вамъ поводу, леди Р**, говорить со мною такимъ саркастическимъ тономъ. Я уже объяснила вамъ, почему не могу вѣстать съ вами во Францію, и даже рассказала, по этому случаю, многое о моихъ семейныхъ обстоятельствахъ, о чемъ желала бы лучше умолчать. Я остаюсь одна и должна же искать себѣ гдѣ-нибудь пріюта. Леди М** предложила мнѣ его, а мнѣ, въ моемъ положеніи, выбрать изъ чего. Будьте справедливы и великодушны.

— Да, да, я буду справедлива, отвѣчала леди Р** со слезами на глазахъ; но вы не знаете, какъ тяжело мнѣ съ вами расставаться! Несмотря на всѣ мои недостатки, я думала, что успѣла привязать васъ къ себѣ; Богъ свидѣтель, что я старалась заслужить ваму любовь. Если бы вы знали мою жизнь, вы не удивлялись бы, Валерія, моимъ странностямъ. Въ ваши лѣта я испытала вещи, которыя довели бы другую до отчаянія. Они оттолкнули меня отъ моихъ родныхъ. Брата я никогда не вижу. Я отказывалась отъ всѣхъ его приглашеній навѣстить его, и онъ сердитъ на меня; на это есть, однако же, причины, и годы не изглаждаютъ изъ моей памяти благаго.

— Я очень чувствую вашу пріязнь, отвѣчала я, и всегда буду вспоминать о васъ съ благодарностью. Вы очень ошибаетесь, если думаете, что я къ вамъ равнодушна. Оставимъ, однако же, этотъ разговоръ. Онъ тяжелъ.

— Пожалуй, оставимъ; можетъ-быть это лучше всего.

Чтобы переменить разговоръ, я спросила:

— Братъ вашъ теперь баронетъ?

— Да, отвѣчала леди Р**

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ Эссексѣ, въ Кольвервудъ-Галлѣ, театра всѣхъ моихъ несчастій.

Меня поразили эти слова: вы помните, что говорилъ о Кольвервудъ-Галлѣ Лионель. Я обратила разговоръ на другіе предметы; къ объѣду леди Р** успокоилась и была любезна по прежнему.

Съ этой минуты до отъезда леди Р** въ Парижъ не было ни слова сказано о леди М**. Леди Р** была со мною ласкова и учтива, но уже не выказывала столько дружбы, какъ бывало прежде. Время ея проходило въ приготовленіяхъ къ дорогѣ. Она брала съ собою только Лионеля и одну горничную. Наконецъ день ея отъезда былъ назначенъ, и я написала объ этомъ леди М**, которая и извѣстила меня въ отвѣтъ, что это какъ нельзя больше кстати, потому-что она намѣрена ѣхать изъ Лондона завтра. Вечеръ на-канунъ отъезда леди Р** былъ печальный. Мнѣ тяжело было съ ней разставаться, тяжеле, нежели я воображала; живя съ добрымъ человѣкомъ, привязываешься къ нему сильнѣе, нежели предполагаешь, и узнаешь это только въ минуту разставанья.

Леди Р** была очень печальна, и сказала мнѣ:

— Валерія, я предчувствую, что мы больше не увидимся; а я не суетварна. Положа руку на сердце, я могу сказать, что вы единственное существо, къ которому чувствовала я истинную привязанность въ эта зрѣлаго возраста. Что-то говоритъ мнѣ: «не ѣзди во Францію», и между-тѣмъ что-то меня туда тянетъ. Если я возвратюсь назадъ, Валерія, надюсь, что вы будете считать домъ мой своимъ, если обстоятельства заставятъ васъ искать крова. Не скажу ничего болѣе: я знаю, что я странная женщина, но, прошу васъ, вѣрьте моей искренней дружбѣ и всегданней готовности служить вамъ. Я обязана вамъ нѣсколькими мѣсяцами счастья, а это много значить. Да благословитъ васъ Богъ, милая Валерія!

Слова ея тронули меня до слезъ, и голосъ у меня дрожалъ, когда я ее благодарила.

— Простимся теперь, сказала она. Я уѣду слишкомъ рано; завтра мы не увидимся.

Она положила мнѣ въ руку небольшой пакетъ, поцѣловала меня и ушла воспынно къ себѣ въ комнату.

Человѣкъ любить перемены, это правда; но съ ней всегда сопряжено грустное чувство; даже при перемены квартиры, — уложки, связки, бумажки и обрывки, валяющіяся по-полу, даютъ какой-то грустный отблескъ самому жилищу. На меня это сдѣлало особенное впечатлѣніе; въ-продолженіе послѣдняго года я такъ часто переезжала съ квартиры на квартиру, что судьба, казалось мнѣ, избрала меня своею игрушкой. Я сидѣла въ своей спальнѣ; вещи мои были уложены, но еще не собраны; я думала о послѣднемъ разговорѣ съ леди Р**, и мнѣ было очень грустно. Данный мнѣ ею пакетъ лежалъ еще не вскрытый на столѣ.

Вдругъ кто-то постучался въ дверь. Я думала, что это горничная леди Р**, и сказала: «войдите».

Вошелъ Ліонель.

— Это вы, Ліонель? что вамъ?

— Я зналъ, что вы еще не спите, и подумалъ, что вѣдь мы увидимся завтра рано, и нѣ кому будетъ связать ваши вещи; такъ вотъ я и пришелъ помочь вамъ теперь, если надо, мисъ Валерія.

— Благодарю васъ, Ліонель, за вниманіе. Я замкну ящики, а вы обвяжите ихъ веревками.

Когда это было сдѣлано, онъ сказалъ мнѣ:

— Прощайте, мисъ Валерія. Мы скоро увидимся.

— Скоро? Едва ли, Ліонель; леди Р** располагаетъ провѣздить не меньше полугода.

— Да я этого не располагаю, отвѣчалъ онъ.

— Напрасно, если вы думаете отказаться отъ такого выгоднаго мѣста. Вы получаете необыкновенное жалованье: двадцать фунтовъ въ годъ, не такъ ли?

— Да, мисъ Валерія. Въ другомъ мѣстѣ не дадутъ мнѣ и положены: но есть причины, которыя заставляютъ меня оставить службу леди Р**. За что даетъ она мнѣ двадцать фунтовъ въ годъ? Я долженъ и хочу это узнать. Не за красоту же она мнѣ платитъ такъ дорого; вамъ — дѣло другое; вамъ она можетъ дать и двѣсти, и все-таки дастъ мало.

— Пора вамъ идти, Ліонель. Теперь не время говорить комплименты. Прощайте.

Я затворила за нимъ дверь и легла. Сонъ мой былъ крѣпокъ и продолжителенъ, какъ всегда бываетъ послѣ душевнаго волненія. Я проснулась около десяти часовъ утра; на звонокъ явилась ко мнѣ

кухарка, и сказала, что кромѣ нея и меня никого уже нѣтъ въ домѣ. Я встала, и, проходя мимо стола, замѣтила другой пакетъ возлѣ того, который дала мнѣ наканунѣ леди Р**. Онъ былъ адресованъ на мое имя и я вскрыла его. Въ немъ нашла я миниатюрный портретъ леди Р**, снятый съ нея въ молодости; она была въ то время, какъ видно, очень хороша собою. Внизу было написано: «Семпропія въ осемнадцать лѣтъ. Храните его на память обо мнѣ, Валерія, и не раскрывайте приложенной къ нему бумаги, пока не получите на то моего позволенія или не услышите о моей смерти».

Я положила портретъ на столъ и вскрыла пакетъ, полученный мною отъ леди Р** наканунѣ. Въ немъ было сто фунтовъ стерлинговъ, то-есть почти вдвое противъ того, что мнѣ слѣдовало получить. Все это навело на меня еще большую грусть, и я глубоко вздохнула, пряча вещи въ шкатулку. Время летѣло; я общалась пріезжать къ леди М** въ часъ, какъ скоро она пришлетъ за мною экипажъ. Я поспѣшила одѣться, собрала мои остальные вещи, и пошла завтракать. За завтракомъ получила я письмо. Оно было адресовано въ домъ леди Батерстъ, а оттуда переслано въ домъ леди Р**. Оно было отъ мадамъ Паонъ; вотъ что она мнѣ писала:

«Любезная мадмоазель де-Шатонезъ!

«Такъ какъ вы, вѣроятно, не читаете французскихъ газетъ, то я извѣщаю васъ, что предсказанія ваши касательно господина Г** сбылись. Черезъ мѣсяць послѣ свадьбы онъ бросилъ жену и началъ проводить все время за игорнымъ столомъ, возвращаясь домой только за новыми деньгами. Наконецъ она отказала ему въ этомъ. Онъ пришелъ въ ярость и ударилъ ее. На прошедшей недѣлѣ она подала просьбу о разводѣ, и дѣло рѣшено въ ея пользу; она избавлена отъ чудовища, и сохранила свое имѣніе. Вчера поутру она была у меня, показала мнѣ ваше письмо, и спросила меня, не переписываюсь ли я съ вами, и нельзя ли васъ уговорить возвратиться къ ней. Я, разумѣется, не могла сказать ей объ этомъ ничего положительнаго; но я увѣрена, что если вы произнесете слово прощенія, то она напишетъ къ вамъ и будетъ просить васъ къ себѣ. Послѣ вашего письма къ ней, я думаю, это иначе и быть не можетъ. Рѣшите сами. Жду отъ васъ скорого отвѣта. Мадамъ д'Альбрè бываетъ у меня почти каждый день и ждетъ его съ нетерпѣніемъ.

«Ваша Эмилиа Паонъ, урожденная Мерсе».

Я съ тою же почтой отвѣчала ей слѣдующее:

«Любезная мадамъ Паонъ!

«Отъ всей души прощаю я мадамъ д'Альбрё, но при всемъ томъ не могу принять ея приглашенія. Вспомните, что она обвинила меня передъ всѣми своими знакомыми въ неблагодарности и клеветѣ. Какъ же явиться мнѣ въ общество, изъ котораго я была изгнана за такое поведеніе? Или я дѣйствительно виновата, и въ такомъ случаѣ не заслуживаю ея покровительства, или невиновата, и слѣдовательно жестоко оскорблена тѣмъ, что она такъ больно дала мнѣ почувствовать мою зависимость, и вытолкнула меня въ свѣтъ съ запятанною репутаціей. Могу ли я жить у нея спокойно послѣ такой несправедливости? И ловко ли ей самой будетъ представить меня опять какъ свою protégée? Не придется ли ей краснѣть при каждой встрѣчѣ съ нашими общими знакомыми? Увѣрьте ее въ томъ, что я забываю все прошедшее и желаю ей всякаго счастья; но возвратиться къ ней я не могу. Скорѣе умру съ голоду. Если бы она знала, что вытерпѣла я вслѣдствіе ея поступка, она пожалѣла бы обо мнѣ вѣроятно больше, но что сдѣлано, то сдѣлано. Прошедшаго не воротить. Прощайте, мадамъ Паонъ. Благодарю васъ за участіе.

Ваша Валерія».

У меня было очень тяжело на сердцѣ, когда я писала эти строки, и я увѣхала къ леди М** въ Сентъ-Джемсъ-скверъ въ мрачномъ расположеніи духа. Если бы улыбки, привѣтствія и пожатія рукъ могли меня утѣшить, въ нихъ не было недостатка. Мнѣ показали всѣ комнаты внизу, потомъ комнату леди М**, комнаты ея дочерей, и наконецъ мою. Я была рада, когда осталась одна и могла заняться приведеніемъ моихъ вещей въ порядокъ.

Назначенная для меня комната была очень удобна и убрана лучше комнатъ дочерей леди М**, и вообще я играла роль гостыи, а не гувернантки. Горничная была со мною очень учтива, и, помогая мнѣ убирать вещи, не пробовала быть со мною фамиллярною.

Я забыла сказать читателю, что леди М** была вдова; лордъ М** умеръ года два тому назадъ; старшій сынъ ея, теперешній лордъ М**, былъ въ это время на твердой землѣ.

Подали обѣдать. За столомъ было только двое постороннихъ. Со мною обходились съ чрезвычайною внимательностью. Вечеру я играла и пѣла; дочери леди М** тоже пѣли; голоса у нихъ хорошіе, но мало выраженія; я увидѣла, что могу быть для нихъ полезно.

Леди М** спросила меня потихоньку, что я думаю о пьсь ея дочерей? Я откровенно сказала ей мое мнїе.

— Послушавши васъ, невозможно сомнѣваться въ вѣрности вашихъ замѣчаній, сказала она. Я знала, что вы хорошо поете; но такого совершенства никакъ не ожидала.

— Если ваши дочери любятъ музыку, такъ скоро будутъ пѣть не хуже моего, отвѣчала я.

— Это невозможно! но онъ все-таки многому научатся. Вы какъ-будо устали? Хотите отдохнуть? Августа пойдетъ съ вами.

— Да, у меня болитъ голова, отвѣчала я, и воспользуюсь вашимъ позволеніемъ.

Августа, старшая дочь ея, зажгла свѣчу, и мы ушли съ нею ко мнѣ въ комнату. Поговоривши со мною минутъ десять, она пожелала мнѣ покойной ночи, и такимъ-образомъ провела я первый день въ Сентъ-Джемсъ-скверъ.

На другой день мы уѣхали въ родовое помѣстье леди М**, Гаркингъ-кастль, въ Дорсетширъ, и я рада была покою послѣ шумнаго лондонскаго сезона. Молодые дѣвушки были, какъ справедливо замѣтила леди М**, измучены безконечными вечерами; но въ деревнѣ поправились мнѣе нежели въ недѣлю. Это были премилыя, простыя и не гордыя дѣвушки. Я скоро къ нимъ привязалась. Я занялась съ ними музыкой и онѣ дѣлали большіе успѣхи. Кромѣ-того я выучила ихъ дѣлать изъ роску цвѣты. Вотъ все, что могла я для нихъ сдѣлать, если не считать рѣдкихъ и кроткихъ замѣчаній касательно кое-чего, что казалось мнѣ не совсемъ приличнымъ въ ихъ поведеніи. Леди М** была, повидимому, мнѣ мною довольна, и обращалась со мною съ особеннымъ уваженіемъ. Въ короткое время я свыклась съ новымъ положеніемъ и была счастлива.

Въ первый мѣсяцъ не было въ домъ гостей; но потомъ леди М** разослала приглашенія. Она говорила, что ей нужно по-крайней-мѣрѣ четыре недѣли на отдыхъ послѣ сезона, да и дочерямъ ея это очень и очень не мѣшало. Гости ждали въ понедѣльникъ; въ пятницу леди М** приказала старшей дочери своей, Августѣ, надѣть только-что сшитое для нея дома платье, и прійти къ ней. Августа одѣлась и пришла; леди М**, осмотрѣвши платье, сказала:

— Что-то оно мнѣ не нравится, Августа; не знаю, въ чемъ ошибка, а ошибка есть: оно виситъ какъ-то не граціозно.

Я въ это время читала книгу и, естественно, обратила глаза на платье. Ошибка была замѣчена мною въ ту же минуту; я указала ее, и помощью нѣсколькихъ булавокъ дала юбку совсѣмъ другой видъ.

— Еще талантъ, мадамозель де-Шатонефъ! сказала леди М**. Я этого никакъ не предполагала, хотя и должна признаться, что никто не одѣвается съ такимъ вкусомъ, какъ вы. Душевно благодарю васъ за указаніе.

— Очень рада служить вамъ, отвѣчала я, и прошу васъ всегда располагать мною. Дѣйствительно, говорятъ, что я имѣю даръ одѣваться къ лицу.

— Кажется, у васъ на все есть дарованія, сказала леди М**. Поди, Августа, покажи швецъ, чтѣ и какъ исправить. Конечно, продолжала она, обращаясь ко мнѣ, шить платья дома — это экономія, но я право не въ силахъ платить страшныя цѣны мадамъ Дебелии. У меня огромныя расходы, и я поневоль должна беречь деньги. Разница между платьемъ, шитымъ дома и у модистки, конечно, слишкомъ велика: все какъ-то ловче и изящнѣе; но экономія, — вы не повѣрите: дома почти двумя третями выходитъ все дешевле.

— Если вы позволите мнѣ заняться немножко гардеробомъ, отвѣчала я, такъ думаю, что у васъ и дома будутъ шить не хуже, чѣмъ у мадамъ Дебелии. Я надѣюсь быть вамъ въ этомъ случаѣ полезна.

— Вы очень добры, мадамозель де-Шатонефъ; но мнѣ, право, совѣстно.

— Нисколько, помилуйте! Если вы только позволите.

— Дѣлайте, какъ вамъ угодно, отвѣчала леди М**. Я предоставлю вамъ полную власть надъ всемъ домою, если хотите; и буду вамъ очень обязана. Вотъ подали экипажъ; выѣдете вы сегодня?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Такъ я возьму съ собою Гортензію и Эми, а Августа останется съ вами.

Леди М** уѣхала, а я пошла въ комнату, гдѣ шили платье, сдѣлала въ немъ кое-какія перемѣны, чтобы оно шло болѣе къ лицу Августѣ, и выкроила два другихъ платья, для Гортензін и Эми. Желая угодить леди М**, я сама принялась шить, и когда она возвратилась, платье Августы было готово. Оно, дѣйствительно, получило совсѣмъ другой видъ, и Августа была въ немъ очень авантажна. Она была въ восторгѣ и пошла показать его матери. За объемомъ леди М** не зна-

ла, какъ благодарить меня. Другія два платья были также удачны, и съ этой минуты до-тѣхъ-порѣ, пока я не переселилась отъ леди М**, въ платья, не только дочерей ея, но и ея самой, шились дома. Я всегда подавала въ этихъ случаяхъ совѣты, указывала, какъ что одѣвать, и всегда умѣла угодить. Я считала моею обязанностью быть, въ чемъ только могла, полезною, и комплименты на счетъ моего вкуса были для меня достаточною наградою.

Время шло. Осенью была посватана Августа, а на святкахъ и Гор-тукія, вторая дочь леди М**. Обѣ онѣ составили хорошія партіи. Ле-ди М** была въ восторгѣ.

— Не странно ли, мадамозель де-Шатонефъ, говорила она: я мета-люсь въ продолженіе двухъ сезоновъ день и ночь, въ надеждѣ поймать диллхъ мужей, и вотъ вдругъ онѣ выходятъ замужъ, — гдѣ же? въ муш, въ деревнѣ! Я обязана этимъ вамъ: вы одѣваете ихъ съ такимъ вкусомъ.

— Я думаю, что онѣ обязаны этимъ деревенской жизни: онѣ очень въ себя понравились, отвѣчала я. Кромѣ-того, здѣсь молодые люди мо-гутъ оценить ихъ прекрасными душевными качества лучше, нежели на балахъ въ Лондонѣ.

— Думайте, какъ хотите, возразила она, а я убѣждена, что это оттого, что онѣ одѣты съ такимъ вкусомъ. Всѣ удивляются ихъ плать-ямъ, всѣ просятъ выкроекъ. Теперь у меня остается только Эми, но я все надѣюсь пристроить съ помощью сестеръ.

— Эми пріятная дѣвушка, отвѣчала я, и я на вашемъ мѣстѣ не выжила бы съ нею разстаться.

— А я такъ напротивъ, возразила леди М**. Вы не можете себя представить, сколько съ ними издержекъ; а состояніе у меня не Богъ знаетъ какое. Какъ вы думаете? неправда ли, что лиловый цвѣтъ боль-ше всѣхъ Эми къ лицу?

— Ей почти всѣ цвѣта идутъ.

— Да, если фасонъ указанъ вами. Черезъ двѣ недѣли мы ѣдемъ въ Лондонъ, вы знаете? Надо позаботиться о приданомъ. Вчера мы рѣшили праздновать обѣ свадьбы въ февралѣ. Я рассчитываю на васъ, мадамозель де-Шатонефъ; вы выдумаете на этотъ день для Эми что-нибудь *distingué*. Кто знаетъ, можетъ-быть это и ей доставитъ му-жа. Однако, уже поздно; прощайте.

Я не могла надѣяться, какъ торопится леди М** сбѣжать съ рукъ

своихъ дочерей. Во все время моего у нея пребыванія она только объ этомъ и думала. Желаніе увидѣть своихъ дочерей хорошо построенными было естественно, но она обращала вниманіе только на связи и денежныя средства жениховъ, а о личности ихъ вовсе не заботилась.

Черезъ двѣ недѣли послѣ Рождества мы уѣхали въ Лондонъ, и начали хлопотать на счетъ приданого. Однажды утромъ слуга доложилъ, что какой-то молодой джентльменъ желаетъ меня видѣть, и ждетъ въ столовой. Я сошла внизъ, удивляясь, кто бы могъ это быть, и увидѣла передъ собою Лионеля, пажа леди Р**, одѣтаго во фракъ, и смотрящаго настоящимъ джентльменомъ. Онъ поклонился мнѣ съ большимъ почтеніемъ, съ гораздо большимъ, нежели какъ бывало прежде, когда онъ былъ пажемъ у леди Р**, и сказалъ:

— Я рѣшился прійти къ вамъ, мисъ Валерія, потому что, полагаю, вы принимали во мнѣ нѣсколько участія. Я пришелъ рассказать вамъ, что со мною случилось. Я уже четыре мѣсяца какъ въ Англии, и не потерялъ этого времени даромъ.

— Очень рада васъ видѣть, Лионель, хотя и жалю, что вы оставили леди Р**. Надюсь, вы довольны результатомъ вашихъ розысковъ?

— Это длинная исторія, мисъ Валерія, и если вы хотите меня выслушать, такъ присядьте, пока я буду вамъ рассказывать.

— Надюсь, что рассказъ вашъ будетъ не слишкомъ дологъ, Лионель; черезъ часъ мнѣ надо вхвать съ леди М** — Но говорите.

Я села, и Лионель началъ:

«— Мы прибыли въ Дувръ къ вечеру того же дня, когда выехали изъ Лондона. Леди Р** была цѣлый день въ какомъ-то волненіи, и заболѣла, такъ-что принуждена была пробыть въ Дуврѣ дней пять. Какъ-скоро она оправилась, я счелъ за лучшее взять у нея мое жалованье прежде, нежели мы оставимъ Англию. Я подалъ ей счетъ, и изложилъ мою просьбу.

«— А на что вамъ деньги? спросила она.

«— Я хочу отдать ихъ въ вѣрныя руки, отвѣчалъ я.

«— Это значитъ, что въ моихъ рукахъ онъ, по вашему, не въ безопасности?

«— Нѣтъ, сказалъ я, не то. Положимъ, съ вами случится не-

счастье за границей; повѣрять ли ваши душеприкащики, что вы остаетесь должны простому папу больше двадцати пяти фунтовъ сверхъ годоваго жалованья? Они скажутъ: этого быть не можетъ, и не отдадутъ мнѣ моихъ денегъ. Они не повѣрять, чтобы я получалъ такое большое жалованье.

«— Это отчасти справедливо, сказала она; можетъ-быть, дѣйствительно, лучше заплатить вамъ теперь.

Сдѣлавши счетъ, она дала мнѣ вексель на своего банкира. Мы должны были отплыть на другой день въ девять часовъ утра. Погода стояла хорошая и леди Р** отправилась прямо въ каюту. Горничная спросила у меня стклянку съ солью, которую я нарочно оставилъ подъ подушкою софы въ гостинницѣ. Я отвѣчалъ, что забылъ ее, и еще успѣю сбѣгать. Я отправился въ ту же минуту, но постарался возвратиться не раньше, какъ когда пароходъ тронулся уже съ мѣста. Я началъ кричать: стой! стой! зная, что пароходъ не остановится, хотя онъ отошелъ отъ берега всего только шаговъ на двадцать. Я видѣлъ, какъ горничная леди Р** бросилась къ капитану, и начала его упрашивать; но это не помогло: я остался въ Англіи, и леди Р** никакъ не подозрѣвала, чтобы это было съ умысломъ.

«Я пробылъ на пристани, пока пароходъ не отошелъ мили на двѣ, и потомъ отправился назадъ сквозь толпу людей, осыпавшихъ меня совѣтами и наставленіями, какъ догнать мнѣ леди въ Кале. Я возвратился въ гостинницу за частью моего гардероба, которую не отправилъ на пароходъ, и началъ разсуждать, что мнѣ дѣлать. Я пошелъ къ продавцу платья; у него въ лавкѣ висѣли только матросскія вещи, и я разсчелъ, что мнѣ и въ-самомъ-дѣль лучше всего одѣться матросомъ. Я потребовалъ себѣ пару.

«— Вы вѣроятно собираетесь выйти въ море, сказалъ купецъ, догадываясь не совсемъ удачно, потому-что я съ умысломъ остался на сушѣ.

«Какъ бы то ни было, я сторговалъ себѣ полную пару, промѣнялъ мою ливрею, и переодѣлся въ особой комнать. Потомъ я зашелъ опять въ гостинницу, взялъ мое остальное платье, и уѣхалъ съ отходящей почтовой коляской въ Лондонъ. Я пришелъ къ вамъ сюда, въ этотъ домъ, но вы уже уѣхали, и я рѣшился отправиться въ Кольвервудъ-Галль».

— Теперь я должна васъ оставить, Лιονель, сказала я. Мнѣ надо ѣхать съ леди М**. Приходите завтра пораньше, я дослушаю вашу исторію.

Онъ пришелъ на слѣдующее утро и продолжалъ:

«— Маленькія вещи, мисъ Валерія, даются намъ иногда труднѣе большихъ; вы не можете себя представить, чего мнѣ стѣило отыскать Кольвервудъ-Галль. Я спрашивалъ многихъ въ гостинницѣ, гдѣ остановился, но никто не могъ мнѣ сказать, гдѣ это мѣстечко. Я пошелъ на почту и спросилъ, какія коляски ѣдутъ въ Эссексъ? Мнѣ отвѣтили: «а вамъ въ какое мѣсто?» — Въ Кольвервудъ-Галль. — И никто не могъ мнѣ сказать, въ которомъ экипажѣ долженъ я отправиться, и близъ какого города находится Кольвервудъ-Галль. Наконецъ я узналъ, что мнѣ было нужно, отъ дворника въ «Голубой Сарацинѣ», который получалъ пакеты съ этимъ адресомъ; онъ проводилъ меня къ кучеру, который и объявилъ, что его коляска проезжаетъ въ милѣ отъ жилища сэра Александра Мойстина. До-тѣхъ-порѣ я никогда не слышалъ дѣвическаго имени леди Р**. Я получилъ уже отъ ея банкира деньги, и уѣхалъ изъ Лондона на слѣдующій день.

«Меня высадили въ деревнѣ Вестъ-Гетъ, въ гостинницѣ «Герба Мойстина». Я ѣхалъ въ матросскомъ платьѣ, и старался поддерживать мою роль въ разговорахъ съ пассажирами, что довольно легко, когда собесѣдники ничего не смыслятъ въ морскомъ дѣлѣ. Кучеръ сказалъ, что мнѣ ближе всего остановиться въ этой гостинницѣ, если я намѣренъ идти въ Кольвервудъ-Галль. Я взялъ свои пожитки и сошелъ, а коляска отправилась дальше. Матросъ — диковинка въ деревнѣ, мисъ Валерія; меня засыпала вопросами, но я отвѣчалъ имъ тоже вопросами. Я сказалъ, что прежде, при старомъ баронетѣ, у меня были здѣсь друзья, но что я ихъ мало помню, потому-что съ-тѣхъ-порѣ прошло много времени. Я спросилъ, нѣтъ ли еще въ живыхъ кого-нибудь изъ старыхъ служителей? Содержательница гостинницы отвѣчала, что есть одинъ, Робертсъ, который живетъ еще въ деревнѣ, и уже нѣсколько лѣтъ не встаетъ съ постели. Его-то мнѣ и надо было увидѣть. Я спросилъ, что случилось съ его семействомъ? Дочь, отвѣчали мнѣ, вышла замужъ за Грина и живетъ гдѣ-то въ Лондонѣ, а сынъ женился на Китти Вильсонѣ, служить сторожемъ гдѣ-то близъ Портсмута и прижилъ уже много дѣтей.

«— Да, это правда, подхватилъ я смѣясь; насъ-таки не мало.

«— Какъ? Такъ вы внукъ стараго Робертса? воскликнула моя хозяйка. Точно, мы слышали, что Гарри, кажется, пошелъ въ матросы.

«— Ну, а гдѣ же мнѣ найти старика-то? продолжалъ я.

«— Пойдемте, сказала хозяйка; онъ живетъ вотъ тутъ, рядомъ, и радъ радехонекъ будетъ, что нашлось съ кѣмъ поболтать. Скучно ему лежать вѣчно одному.

«Мы пошли. Шаговъ за сто отъ гостиницы, хозяйка остановилась у дверей небольшого домика, и кликнула какую-то мистрисъ Мешинъ, чтобы сказать старому Робертсу, что пришелъ одинъ изъ его внуковъ. На порогъ явилась покрытая табакомъ старуха, посмотрѣла на меня сквозь очки, и ушла обратно въ домъ. Вслѣдъ за тѣмъ меня позвали, и я вошелъ. Въ постель лежалъ старикъ съ бѣлыми какъ серебро волосами. Мистрисъ Мешинъ, въ очкахъ, убирала комнату.

«— Какъ поживаешь, старый ребенокъ? сказалъ я, въ стилъ Т. П. Кука.

«— Чтѣ такое? Плохо слышу, отвѣчалъ старикъ.

«— Каково поживаете? повторилъ я.

«— О, хорошо; для старика хорошо. Такъ ты мой внукъ Гарри? Ну, очень радъ. Вы можете идти, мистрисъ Мешинъ; притворите дверь, да прошу не подслушивать въ замочную скважину.

«Мистрисъ Мешинъ вышла ворча изъ комнаты и захлопнула за собою дверь.

«— Она ужасно сердитая, сказалъ старикъ; а при мнѣ никого больше нѣтъ. Не весело лежать въ постель, въ душной комнатѣ; а еще скучнѣе, когда ходитъ за тобою этакая старуха; просишь ее поговорить — молчать, просишь замолчать — говорить. Ну, очень радъ тебя видѣть. Надѣюсь, ты не уйдешь сію же минуту, какъ сдѣлалъ братъ твой, Томъ. Мнѣ вѣдь рѣшительно не съ кѣмъ поболтать. Ну что, правится тебѣ море?

«— Берегъ лучше.

«— Вся матросы поютъ эту пѣсню. А я охотнѣе вышелъ бы въ море, чѣмъ лежать тутъ цѣлые дни и мѣсяцы. А все отъ того, что встарину, бывало, день и ночь бродилъ за браконьерами; тогда я не зналъ, чтѣ значить прилечь, — такъ вотъ теперь и отлеживайся. А велико должно быть море?

«Я былъ радъ, что старикъ въ полномъ и здоровомъ умѣ; выслушавши его замѣчанія на счетъ своего сына и моихъ мнимыхъ братьевъ и сестеръ, о которыхъ я отъ него же узналъ многое, я простился и обѣщавъ прійти къ нему на слѣдующее утро.

«Возвратившись въ гостинницу, я могъ уже отвѣчать на всѣ вопросы касательно моихъ предполагаемыхъ родственниковъ и въ свою очередь пустился разспрашивать о фамили владѣльцевъ Кольвервудъ-Галли. Къ вечеру сошлось въ гостинницу множество народа, поднялся шумъ, закружились тучи табачнаго дыму, и я ушелъ спать. На другое утро пріишелъ къ старому Роберту, и приходъ мой очень его обрадовалъ.

«— Ты добрый мальчикъ, сказалъ онъ, что пріишелъ навѣстить бѣднаго старика, къ которому по цѣлымъ недѣлямъ ни души не заглядываетъ. Расскажи же мнѣ, что ты видѣлъ въ послѣднюю твою повѣзку.

«— Въ послѣдній разъ я былъ на почтовомъ пароходѣ. Онъ шелъ изъ Дувра въ Кале.

«— Это должно быть весело; куча пассажировъ!

«— Да; и какъ бы вы думали, кого видѣлъ я на этомъ пароходѣ! Изъ вашихъ знакомыхъ.

«— Кого же?

«— Леди Р**, и съ ней того молодаго джентльмена, который, говорятъ, служилъ у нея прежде лакеемъ.

«— О, въ-самомъ-дѣль? сказалъ старикъ. Такъ наконецъ она-таки поступила съ нимъ по правдѣ? Радъ, очень радъ, Гарри; отъ этого мнѣ легче на душѣ. Я далъ слово хранить эту тайну, и хранилъ ее; но когда смерть не за горами, такъ не легко хранить такого рода тайну, и я не разъ говорилъ моей дочери...

«— Тѣтушкѣ Гринь?

«— Да, твоей тѣтушкѣ Гринь; да она ничего слышать не хочетъ. Мы оба поклялись молчать, и она утверждаетъ, что клятва насъ связываетъ, и что, кромѣ того, за молчаніе намъ платятъ деньги. Ну, слава Богу! Какъ камень съ сердца свалился!

«— Да, отвѣчалъ я, теперь вы не обязаны молчать.

«— Ну, каковъ же онъ собою? продолжалъ старикъ.

«— Молодецъ, отвѣчалъ я. Настоящій джентльменъ.

Я не могла не засмѣяться этой выходкѣ Лιονеля, хотя онъ сказалъ совершенную истину. Лιονель замѣтилъ это и сказалъ:

— Не удивляйтесь, мисъ Валерія, что я самъ себя хвалю; у насъ

въ кухнѣ говаривали: бѣдный слуга только на это иногда и можетъ поглядѣться.

— Продолжайте.

— Онъ былъ славный мальчикъ, когда жилъ еще здѣсь, сказалъ старикъ. Но его увезли отсюда шести лѣтъ, и съ-тѣхъ-поръ я его не видалъ.

— Говорятъ, онъ похожъ на леди Р**.

— Почему же и не такъ; очень можетъ статься. Она была въ свое время тоже хороша собою.

— Я слышалъ эту исторію, дядюшка, сказалъ я; теперь вы не обманывайте молчать, такъ расскажите мнѣ ее пожалуйста въ подробности.

— Изволь, отвѣчалъ старикъ; такъ-какъ это уже не тайна, то я расскажу тебѣ все охотно. Тѣтка твоя, Гринъ, ты знаешь, была кормилицей леди Р**, и долго еще послѣ того жила у нихъ въ домѣ; старый сэръ Александръ Мойстинъ страдалъ подагрой и не выходилъ изъ комнаты нѣсколько лѣтъ, а она за нимъ ходила. Вотъ однажды, только-что сэръ Александръ оправился отъ жестокаго припадка, какъ мисъ Елена, меньшая сестра леди Р**, убѣжала и обвѣчалась съ полковникомъ Демпстеромъ, славнымъ, веселымъ молодцомъ, прѣзхавшимъ поохотиться съ теперешнимъ баронетомъ. Это всѣхъ крайне удивило, потому-что всѣ думали, что онъ женится на старшей сестрѣ, мисъ Барбарѣ, а не на меньшей. Молодые уехали куда-то за границу. Сэръ Александръ взбѣсился и опять заболѣлъ; леди Р**, бывшая тогда еще мисъ Барбарою, была, казалось, сильно огорчена поступкомъ сестры. Прошло около года, какъ вдругъ однажды мисъ Барбара сказала своей тѣткѣ, Гринъ, что хочетъ съ ней куда-то съѣздить. Въ тотъ же вечеръ уехали онъ на почтовыхъ; шли всю ночь, и прибывши наконецъ въ Соутгэмптонъ, остановились у какого-то дому. Леди Р** вышла, поговорила съ хозяйкой, вызвала изъ экипажа мою дочь, и, приказавши ей остаться внизу, ушла въ верхній этажъ. Дочь моя прождала здѣсь мисъ Барбару часовъ пять, и слышала въ домѣ какую-то суету и бѣготню. Наконецъ въ комнату вошла хозяйка, и съ нею человекъ почтенной наружности. Это былъ докторъ.

— Конечно, мистрисъ Вильсонъ, сказалъ онъ; ее невозможно спасти. Ребенокъ, впрочемъ, останется живъ.

«— Что же намъ дѣлать?»

«— Леди сказала мнѣ, отвѣчалъ докторъ, что она ей сестра, такъ объ этомъ надо ее спросить.

«Давши нѣсколько наставленій на счетъ ребенка, докторъ ушелъ, и вскорѣ потомъ явилась мисъ Барбара.

«— Я совсѣмъ измучилась, Марта, сказала она; пойдемъ домой, пора отдохнуть. Ты вѣрно отослала экипажъ? А я, право, едва въ состояніи тащиться пѣшкомъ.

«Она взяла Марту подъ руку, и сказала хозяйкѣ, когда та открыла ей дверь:

«— Завтра я заѣду и распоряжусь на счетъ ребенка. Я никогда еще не испытывала ничего подобнаго, сказала мисъ Барбара, обращаясь опять къ Мартѣ. Она была моя пансіонская подруга, и просила меня прѣхать къ ней. Она умерла въ родахъ, и поручила ребенка моему покровительству. Родные отказались отъ нея. У васъ не было оспы, Марта?

«— Нѣтъ, мисъ, отвѣчала Марта.

«— Она заболѣла во время беременности оспою, и это было причиною ея смерти; поэтому-то я и не позвала васъ въ комнату.

«Дочь моя ничего не отвѣчала; мисъ Барбара была горячаго нрава, и она ея боялась; но она не забыла словъ доктора, сказавшаго, что мисъ Барбара сестра больной. Странно также показалось моей дочери, что мисъ Барбара не говорила ей дорогою, куда и къ кому онъ ѣдутъ, но закуталась въ свое манто и притворилась спящею, просыпаясь только, чтобы расплачиваться съ почтарями. Мисъ Барбара была, какъ я тебѣ говорилъ, очень вспыльчива, и со времени бѣгства сестры своей сдѣлалась еще раздражительнѣе. Поговаривали даже, что она не совсѣмъ въ своемъ умѣ, и бредитъ при лунномъ свѣтѣ.

«Возвратившись въ гостинницу, мисъ Барбара легла въ постель и приказала Мартѣ остаться у нея въ комнатѣ, потому-что одной ей было, говорила она, страшно. Ночью дочь моя начала думать обо всемъ случившемся, и положила дознаться истины; она встала рано поутру, пошла въ тотъ домъ, гдѣ онъ были наканунѣ, и сказала хозяйкѣ, что прислана отъ леди узнать о здоровьѣ ребенка. Хозяйка отвѣчала, что онъ здоровъ, и въ завязавшемся между ними разговорѣ дочь моя узнала, что родильница умерла совсѣмъ не отъ оспы. Хо-

зайка спросила дочь мою, не хочет ли она пойти взглянуть на покойницу? Марта пошла, и увидѣла бѣдную мистрисъ Демпстеръ, мисъ Елену, убѣжавшую съ полковникомъ.

«— Не жалость ли! сказала хозяйка. Мужъ ея умеръ всего только два мѣсяца тому назадъ; былъ, говорятъ, красавецъ: да и въ-самомъ-дѣль, вотъ, посмотрите его портретъ; покойница носила его на шеѣ.

«Удовлетворивши своему любопытству и поплакавши надъ тѣломъ Елены, которую она очень любила, тѣтка твоя поспынила возвратиться въ гостинницу; она взяла въ кухнѣ кружку теплой воды, вошла въ комнату мисъ Барбары, и только-что успѣла снять шляпку и шаль, какъ мисъ Барбара проснулась, и спросила: кто здѣсь?

«— Это я, отвѣчала дочь моя. Я ходила на кухню за теплой водой; уже десятый часъ, и я думала, что вы скоро проснетесь.

«— Да, пора вставать, Марта. Я думаю сегодня же возвратиться домой, тутъ намъ дѣлать нечего. Вели подать завтракъ. Я схожу отдать приказанія на счетъ ребенка, а ты между-тѣмъ уложи вещи. Вѣдь тебѣ вѣрно нѣтъ охоты идти со мною?

«— Нѣтъ, отвѣчала Марта, я и то едва опомнилась отъ страха, что была въ домѣ, гдѣ оспа.

«Мисъ Барбара ушла послѣ завтрака, и часа черезъ три возвратилась въ сопровожденіи служанки, несшей за нею ребенка. Вещи уже были уложены, и черезъ полчаса дочь моя, мисъ Барбара и ребенокъ уѣхали обратно домой.

«Если бы не случайныя слова доктора, то мисъ Барбара успѣла бы обмануть тетку, и мы не знали бы чье это дитя. Возвратившись домой, мисъ Барбара наговорила ей многое множество: что эта мистрисъ Бедингфилдъ ея старинная пріятельница; что она состояла съ ней въ постоянной перепискѣ; что мужъ ея недавно убитъ на дуэли; что онъ былъ игрокъ, человекъ дурнаго поведенія; что она, мисъ Барбара, общала покойницѣ взять ея ребенка подъ свое покровительство, и возьметъ. Потомъ она прибавила: «я хотѣла бы отдать его твоей матери, Марта; какъ ты думаешь, согласится ли она? Это надо держать въ секретѣ, а не то батюшка очень на меня разсердится». Тѣтка твоя отвѣчала, что мать ея, вѣроятно, согласится взять ребенка къ себѣ, и мисъ Барбара попросила ее выйти изъ экипажа, когда онъ остановился для послѣдней перемѣны лошадей, и отвести

ребенка къ намъ. Тогда было уже темно, и все это могло быть сдѣлано незамѣтно.

«Ребенокъ былъ принесенъ къ твоей бабункѣ, которая теперь въ царствѣ небесномъ, и тѣтка твоя сказала намъ, чье это дитя. Я былъ этимъ очень недоволенъ, и если бы не сильный ревматизмъ, такъ пошелъ бы прямо къ сэру Александру и рассказалъ бы ему все дѣло; но бабушка твоя и Марта поставили на своемъ, и мы положили говорить то, что приказала мнѣ Барбара, когда пришла къ намъ на другой день.»

— Такъ поздравляю васъ, Ліонель. Вы, следовательно, сынъ джентльмена и племянникъ леди Р**. Желаю вамъ всякаго счастья, сказала я, протягивая ему руку.

— Благодарю васъ, мисъ Валерія. Все это правда, но надо достать доказательства. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ послѣ.

— Присядьте, Ліонель.

Онъ сѣлъ и продолжалъ разсказъ старика:

«Съ мѣсяць спустя пріѣхалъ сюда сэръ Ричардъ Р** и черезъ три недѣли женился на мисъ Барбарѣ. Всѣ дивились поспѣшности этого брака, тѣмъ болѣе, что все семейство было въ трауръ по случаю извѣстія о смерти мистрисъ Демпстеръ. Бѣдный сэръ Александръ не вынесъ этого горя, и черезъ два мѣсяца его отнесли на вѣчный покой. Тѣтка твоя возвратилась тогда къ намъ, и вышла за Грина, который былъ мѣсяца черезъ три убитъ браконьерами. Потомъ умерла твоя бабушка, и я остался одинъ съ твоей тѣткой; она ходила за ребенкомъ, котораго звали Ліонель Бедингфильдъ. Объ этомъ ребенкѣ много толковали и дивились, чей бы онъ могъ быть? Но послѣ смерти сэра Александра и отъезда мисъ Барбары, вышедшей замужъ, перестали объ немъ и думать. На сегодня довольно; завтра я доскажу тебѣ остальное.»

— Можетъ-быть, и мнѣ сдѣлать то же, мисъ Валерія? Не наскучилъ ли я вамъ? спросилъ Ліонель.

— Нѣтъ, нѣтъ. Теперь мнѣ есть время васъ слушать, а потомъ, можетъ-статься, будетъ недосугъ. Кромѣ того, ваши частыя посѣщенія могутъ подать поводъ къ разспросамъ, и я не буду знать, чтѣ отвѣчать.

«— Такъ я доскажу вамъ мою исторію сегодня, мисъ Валерія. На слѣдующее утро старій Робертъ продолжалъ такъ: Мѣсяца черезъ три

послѣ смерти сора Александра, когда сынъ его, новый баронетъ, призвалъ въ Кольвервудъ-Галль, явилась туда и мисъ Барбара, уже леди Р**. Мы только-что похоронили твою бабушку, и бѣдняжка Гринъ былъ убитъ не больше мѣсяца передъ тѣмъ. Тетка твоя, огорченная потерей мужа, начала соглашаться со мною, что не годится намъ скрывать происхожденіе ребенка. Къ-тому же она очень привязалась къ мальчику, который утѣшалъ ее отчасти въ потерю мужа. Леди Р** посетила нашу хижины, и мы сказали ей, что не хотимъ скрывать происхожденія ребенка, потому-что это несправедливо. Леди Р** испугалась, и начала упрашивать, чтобы мы ея не выдали. Это погубить ее, говорила она, во мнѣніи мужа и родственниковъ. Она просила насъ такъ усердно, и дала намъ такое торжественное обещаніе возвратить ребенку при первой возможности всѣ его права, что мы согласились молчать. Она дала моей дочери пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ за издержки и хлопоты, и обещала платить ежегодно по столько же, пока ребенокъ будетъ у насъ.

Кажется, что это всегдѣ больше устроило нашу совесть. Мы были бѣдны, а деньги -- великое искушеніе. Какъ бы то ни было, мы остались довольны щедростью леди Р**, и аккуратно получали отъ нея деньги до-тѣхъ-поръ, пока мальчику не исполнилось семь лѣтъ. Тогда еще у насъ была и отъѣздъ въ школу, но куда, этого мы только въ то время не знали. Леди Р** была по прежнему къ намъ милостива, и по прежнему давала денегъ и обещала признать Лιονеля своимъ племянникомъ. Наконецъ дочь мою отравили въ Лондонъ и послали въ школу за мальчикомъ; леди Р** сказала, что такъ-какъ мужъ ея умеръ, то она хочетъ имѣть Лиюнеля у себя въ домѣ. Это очень насъ обрадовало; мы никакъ не предполагали, чтобы она сдѣлала изъ него слугу, какъ узнала потомъ твоя тетка, прихавши неожиданно къ леди Р**, въ Лондонъ. Но леди Р** сказала, что такъ лучше, дала намъ много денегъ, — и мы молчали.

Три года тому назадъ тетка твоя переселилась въ Лондонъ, и съ-тѣхъ-поръ живетъ тамъ и занимается стиркою бѣлья; но она часто присылаетъ мнѣ денегъ, вдоволь для больнаго старика. Вотъ, Гарри, теперъ ты знаешь всю исторію; слава Богу, что наконецъ она признала его своимъ племянникомъ; совесть моя теперъ спокойна.

« — Но уврены ли вы, сказалъ я, что она признала его плаки-никомъ?

« — Да вѣдь ты самъ мнѣ сказалъ.

« — Нѣтъ; я сказалъ только, что онъ былъ съ ней на пароходѣ.

« — Да, однако же, я понималъ, что все это дало конченное.

« — Можеть-быть, но я не знаю, отвѣчалъ я. Я только видѣлъ ихъ вмѣствъ. Можеть-быть; леди Р^{...} и до-сихъ-поръ держитъ это въ секретъ. Не удивительно, что совѣсть васъ упрекала. Я, на вашемъ мѣствъ, глазъ не могъ бы сомкнуть. Меня преслѣдовала бы мысль, что я лишаю Ливелю имени и можеть-быть счастья.

« — Я самъ не разъ объ этомъ думалъ, Гарри.

« — Да, а еще на краю могилы, какъ сами говорите. Какъ звать, что васъ не позовутъ къ суду сегодня же ночью?

« — Да, да, это правда, сказалъ онъ съ ужасомъ. Но что мнѣ дѣлать?

« — Я на вашемъ мѣствъ зналъ бы, что сдѣлать. Я разомъ освободился бы отъ этого бремени. Я позвалъ бы пастора и чиновника, и сдѣлалъ бы формальное показаніе. Тогда покой возвратится въ вашу душу, и вы будете счастливы.

« — Это правда. Я подумаю. Оставь меня теперь.

« — Думайте о своемъ спасеніи, о своей душѣ, а не о леди Р^{...}. Я приду черезъ часъ, и вы мнѣ скажете, на что рывились. Вспомните, что говорится въ Священномъ Писаніи о притѣснителяхъ вдовъ и сиротъ. Прощайте.

« — Нѣтъ, постой; я рывился. Сходи за пасторомъ, мистеромъ Сьюиллемъ. Я расскажу ему все.

« Я, разумѣется, поспѣшилъ къ пастору, жившему шаговъ за четыреста отъ дома Робертса, и сказалъ ему, что старикъ желаетъ его немедленно видѣть, имѣя сообщить ему важныя вещи.

« — Что, онъ при смерти? спросилъ пасторъ. Я не зналъ, что ему такъ плохо.

« — Нѣтъ, онъ въ своемъ обыкновенномъ положеніи, но у него лежитъ на совѣсти важная тайна, которую онъ желаетъ вамъ открыть.

« — Хорошо; скажи ему, что я приду черезъ два часа. Ты, кажется, его внукъ?

«— Хорошо, я скажу ему, отвечалъ я, избѣгая прямого отвѣта на этотъ вопросъ.

«Я возвратился къ старому Робертсу, сказалъ ему, что пасторъ придетъ часа черезъ два, но старикъ уже снова началъ колебаться.

«— Ты не сказалъ ему, зачѣмъ я его зову?

«— Сказалъ. Я сказалъ, что вы хотите открыть ему важную тайну, которая тяготитъ вашу совѣсть.

«— Не знаю, что мнѣ дѣлать, проговорилъ онъ въ нерѣшимости.

«— А я такъ знаю, что мнѣ дѣлать, сказалъ я. Если вы не расскажете, такъ я самъ расскажу эту исторію. Я не хочу брать на душу такого грѣха; если вы хотите обидѣть сироту, такъ я не хочу.

«— Я расскажу, — расскажу ему все, отвечалъ Робертсъ, подумавши съ минуту.

«— Лучше всего, сказалъ я, взять сейчасъ же перо и записать все съ вашихъ словъ; мистеръ Сьюэлль прочтетъ, и вамъ не для чего будетъ повторять рассказа.

«— Да, это дѣйствительно будетъ лучше; я не могу смотрѣть въ глаза пастору.

«— Такъ какъ же предстанете вы предъ лицо Всемогущаго?

«— Да, да, это правда. Достань бумаги.

«Я сходилъ въ гостинницу за перомъ, чернилами и бумагой, возвратился и записалъ рассказъ Робертса. Принелъ пасторъ Сьюэлль, прочелъ бумагу и удивленный, сказалъ Робертсу:

«Вы хорошо сдѣлали, что открыли такую тайну; но вы должны скрѣпить ее присягою въ присутствіи меня и какого-нибудь чиноваго лица. Вы, разумется, согласны?

«— Я готовъ присягнуть въ каждомъ словѣ.

«— Такъ кого жъ бы позвать? Тутъ вблизи нѣтъ никого, кромѣ сэра Томаса Мойстина, и такъ-какъ дѣло касается его роднаго племянника, то ему ловчѣ всѣхъ быть свидѣтелемъ. Я сейчасъ же отправлюсь къ нему и попрошу его прѣхать сюда со мною завтра по утру.

«Такъ онъ и сдѣлалъ; на другой день онъ и сэръ Томасъ прѣехали въ фазтонъ къ старому Робертсу. Я отвернулся, чтобы дядя, которому я надѣюсь скоро представиться, не узналъ во мнѣ матроса, выдавашаго себя за внука Робертса.

— Такъ вы сознаетесь, что обманули стѣрика?

— Да, мнѣ Валерія. У меня есть совесть; не спорю: я разыгралъ дурную роль; но если обдумать, какъ много отъ этого завѣсло, и какъ давно былъ я лишень моихъ правъ, благодаря лицемерію другихъ, такъ, кажется, мнѣ простительно было поразить ихъ—ихъ же оружіемъ.

— Это замѣчаніе справедливо, Ліонель.

— Покаместъ старый Робертъ подписывалъ бумагу, я оставался за порогомъ. Сэръ Томасъ предложилъ ему, послѣ присяги, много вопросовъ, узналъ, гдѣ живетъ мистрисъ Гринъ, и они ушли. Тогда я воротился къ Робертсу, и сказалъ ему:

«— Ну, чтò, не счастливѣе ли вы теперь, послѣ исповѣди?»

«— Да, конечно, отвѣчалъ онъ. Леди Р** и твоя тѣтка страшно разсердятся.

«— Думаю, сказалъ я, что мнѣ не помѣшаетъ сходить къ тѣтушкѣ Гринъ, и приготовить ее къ этому извѣстію; я увѣренъ, что рассказавши ей, какъ все было, я ее успокою. Завтра отправлюсь въ Лондонъ.

«— Да, можетъ—статься, это будетъ хорошо, сказалъ Робертъ. А все-таки мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты остался здѣсь. Въдъ мнѣ рзынительно не съ кѣмъ бесѣдовать.

»Ты и то уже проврался, подумалъ я; а у меня вовсе нѣтъ охоты сидѣть у твоей постели. Я выдержалъ однако же мою роль до конца, и на другой день уехалъ въ Лондонъ. Я пріѣхалъ за три дня до моего перваго къ вамъ визита, и успѣлъ уже, какъ видите, переодѣться изъ матроса въ джентльмена. Мистрисъ Гринъ я еще не видалъ; я хотѣлъ прежде спросить у васъ совета. Теперь исторія моя кончена.

— Еще разъ поздравляю васъ отъ всей души, сказала я, протягивая ему руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ. Въ это время горничная отворила дверь и сказала, что леди М** проситъ мени къ себѣ. Я, кажется, покраснѣла,— хотя мнѣ и нечего было краснѣть,— простилась съ Ліонелемъ и просила его прійти въ субботу послѣ обѣда.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ОБЩИЙ ЗАКОНЪ

Появления, существования и исчезания организмовъ.

=

Исследования и наблюдения чисто спеціальныя, именно тѣ безконечныя и многотрудныя занятія, надъ которыми невольно улыбаются дилетантъ и литераторъ, называя натуралиста Танталомъ, педантомъ, и изрѣдка полу-почетнымъ именемъ труженика; этотъ безконечный рядъ частныхъ изысканій сомкнулъ, наконецъ, множество отдѣльных въ одно цѣлое, показалъ взаимную связь частей и открылъ законы, болѣе или менѣе общіе, которыми и держится все въ видимой намъ природѣ. Объ одномъ изъ этихъ законовъ я намеренъ здѣсь сказать нѣсколько словъ: это законъ развитія, существованія и исчезанія организмовъ, однимъ словомъ, общій законъ, отъ котораго зависитъ многозначущее для насъ и для всего живущаго понятіе : *быть или не быть*.

Законъ жизни всехъ органическихъ существъ или, другими словами, конечная причина ихъ существованія въ извѣстныхъ, определенныхъ формахъ, основана на двухъ явленіяхъ, совершенно проти-

воположныхъ одно другому, и безпрестанно и попеременно повторяющихся. Эти явленія суть — *сочетаніе и разложеніе*; ихъ перемежающееся повтореніе, строить и поддерживаеетъ тѣ формы, которыя мы называемъ организмами; а разнообразнымъ ритмомъ этихъ повтореній измѣряется большая или меньшая быстрота и полнота жизни.

Чтобъ сдѣлать все это понятнымъ до осязательности, можно бы было провести нить разбора съ самаго начала развитія организма; но это было бы слишкомъ обширно, а потому мы ограничимся разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ процессовъ организма уже готоваго, находящагося въ полномъ цвѣтѣ своей дѣятельности.

Жизнь его, какъ сказано уже выше, состоитъ въ безпрестанномъ химическомъ *соединеніи* и *разложеніи* составныхъ частей, такъ что каждая изъ малѣйшихъ частей его находится то въ состояніи *покоя*, то въ *движеніи*. Посредствомъ перваго, всѣ органы наши получаютъ известную форму; слѣдствіемъ втораго — есть ихъ безпрестанная измѣнчивость, *безпрерывная дѣятельность*. Ни жидкости, ни ткани нашего тѣла не остаются ни на секунду въ *покой* относительно ихъ химическаго состава и ихъ наружной формы; безпрестанно онѣ получаютъ свойственные имъ составъ и форму, и вслѣдъ за этимъ тутъ же нарушаются. Оба эти процесса совершаются въ обширномъ видѣ во всемъ тѣлѣ, но для процесса разложенія есть кромѣ того два особыхъ органа, съ обширною дѣятельностью, это — *легкія* и *органы мочевые*.

Пища, принимаемая нами, разлагается особыми химическими реакціями, слюною, желудочнымъ сокомъ, желчью, и конечнымъ продуктомъ этой химической лабораторіи является наконецъ въ тонкихъ кишкахъ вещество, похожее на свернувшіеся сливки, такъ называемое молочко (*chylus*), назначенное для того, чтобы пополнять собою количество крови. — Это молочко всасывается лимфатическими сосудами; потомъ проходитъ чрезъ лимфатическія желѣзки, гдѣ измѣняется его первоначальный химическій составъ. И такъ, вотъ два состоянія одной изъ жидкихъ частей нашего тѣла, молочка; въ тонкихъ кишкахъ окончилось его образование — *состояніе покоя*; въ желѣзкахъ снова измѣнилось — *состояніе движенія*.

Станемъ преслѣдовать путь его далѣе. — Изъ всѣхъ желѣзко-

млечный сокъ собирается въ грудной протокъ, который приноситъ его въ подключичную вену; за этимъ молочко, вмѣстѣ съ венною кровью, вливается въ правую половинку сердца, гдѣ обѣ жидкости совершенно смѣшиваются между собою, образуя одну — новую жидкость, въ опредѣленномъ химическомъ составѣ; однимъ словомъ, венную кровь, пополненную содержаніемъ молочка. Но она не остается на этомъ составѣ, на этомъ *состояніи покоя*, а изъ сердца переносится въ *легкія*, и здѣсь изъ воздуха, вдыхаемаго нами, выдѣляется кислородъ, котораго одна часть остается въ крови, а другая, соединившись съ частью углерода крови, выдыхается изъ легкихъ, какъ углекислый газъ. Вотъ другое состояніе венозной крови, ея разложеніе, измѣненіе ея химическаго состава. Отъ нея отнимается часть углерода и придается известная пропорція кислорода. Она въ этомъ химическомъ составѣ называется уже артеріальною кровью; изъ легкихъ она выносятся въ лѣвыя полости сердца, и потомъ уже разносится по всему тѣлу, отлагая вездѣ составныя части его и, следовательно, безпрестанно разлагаясь. — Такимъ образомъ и артеріальная кровь, вышедши изъ легкихъ въ известномъ химическомъ составѣ, не остается при немъ, разлагается, пока наконецъ оставшаяся часть ея переходитъ снова въ систему венъ, дѣлаясь кровью венозною, которая начинаетъ описанный выше путь и упомянутыя измѣненія химическія.

Замѣтимъ еще, что вены начинаются во всѣхъ органахъ и тканяхъ множествомъ тончайшихъ веночекъ, которыя вбираютъ въ себя или всасываютъ жидкія и растворяющіяся твердыя составныя части тканей, но въ то же мгновеніе эта потеря возобновляется въ нихъ частями изъ артеріальной крови. Но это еще не все; почти во всѣхъ тканяхъ нашего тѣла есть лимфатическіе или пасочные сосуды, которыхъ должность состоитъ также въ томъ, чтобъ всасывать въ себя различныя части изъ этихъ тканей.

И такъ, до-сихъ-поръ мы видѣли три, такъ сказать, химическія лабораторіи, въ которыхъ безпрестанно *сочетаются* и *разлагаются* органическія части нашего тѣла; эти лабораторіи суть: *органы пищеваренія, легкія* и *всѣ ткани нашего тѣла*. Въ первыхъ образуется матеріалъ для крови, млечный сокъ; процесомъ дыханія отнимается отъ венной крови углеродъ, и придается ей кислородъ; а ткани тѣла

дѣйствиємъ лимфатическихъ и венозныхъ сосудовъ, дѣлаются срѣзъ составныхъ частей, и тутъ же дѣйствиємъ артеріальныхъ сосудовъ снова получаютъ эти потеряныя части.

Наконецъ, въ нашемъ тѣлѣ есть еще одна важная лабораторія; это аппаратъ, состоящій изъ почекъ, мочеточниковъ и мочевого пузыря: Онъ выдѣляетъ изъ артеріальной крови жидкость, въ составъ которой входитъ между-прочимъ азотъ въ большомъ количествѣ. — И такъ, легкія назначены для выведенія изъ тѣла углерода, почки для отнятія частей азотныхъ. И если спросимъ, зачѣмъ все это, то убѣждаемся, что именно для того, чтобы безпрестанно измѣнять химическую составъ крови и, следовательно, составъ всего тѣла и чтобы такимъ образомъ дать возможность или поводъ другимъ лабораторіямъ возобновлять расстройство. Въ этомъ-то безпрестанномъ сочетаніи различныхъ, въ этомъ состояніи покоя и движенія и состоитъ вся различная жизнь.

Но эти два чудныхъ въ своей простотѣ источника жизни, въ то же самое время суть и причины прекращенія ея, суть источники смерти.

Чтобъ не входить въ отвѣтченности, возьмемъ этотъ же самый пріятный исходъ самыми процессами. — Замѣтимъ напередъ, что въ крови есть все простыя химическія начала, изъ которыхъ состоитъ ткани нашего тѣла, то-есть кости, мускулы, перепонки, нервы и тому подобное, и что все начала доставляетъ млечный сокъ, приготовляемый изъ пищи. Предпославъ это, посмотримъ, какъ развиваются наприкладъ *кости*. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть впоследствии кость, выдѣляется изъ крови жидкая, почти бѣлая часть, называемая образовательною жидкостью, пластическою или цитобластомъ. Изъ нея образуются микроскопически малыя яечки, которыя увеличиваются безпрестанно въ числѣ, утолщаются въ своихъ стѣнкахъ и въ то же время дѣлаются плотнѣе и получаютъ тождевременно съ тою жидкостью, въ которой онѣ плаваютъ, тотъ химическій составъ, который мы называемъ хрящемъ; однимъ словомъ, образуется твердое, гибкое, просвѣчивающее вещество, олагается хрящъ, совершенно такой наружной формы, какова будетъ кость. За этимъ между частицами хряща, изъ крови выдѣляется фосфорнистая известь, все болѣе и болѣе, такъ что хрящъ дѣлается бѣлою красною коостью

Въ детскомъ и юношескомъ возрастѣ процессъ жизни чрезвычайно быстръ, то-есть, оба элемента ея, *строение* и *разрушеніе* построившагося, быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, и всегда такъ, что первый преобладаетъ передъ вторымъ, отчего тѣло видимо растетъ, и все ткани его болѣе и болѣе крѣпнуть, а въодовѣ этого все болѣе и болѣе становятся способными разрываться, увлекаться въ потокъ лимфатическихъ (васочныхъ) сосудовъ и въ кругообращеніе крови, и потому выводятся изъ тѣла легкими, кожей и мочевыми органами. Вотъ причина, почему въ этихъ двухъ возрастахъ, одорошый организмъ быстро развивается, полнѣетъ и малѣйшее расстройство образовательнаго процесса влечетъ за собою также быстро, въ многіе дни, худобу всего тѣла дитяти и юноши.

Такимъ-образомъ продолжается до возмужалости, когда тѣло, со всѣми своими тканями, получаетъ наибольшій объемъ и нормальную форму. Въ эту эпоху процессъ жизни не можетъ существенно измѣниться; оба элемента его остаются въ такомъ же отношеніи между собою, то-есть, процессъ *строенія* все-еще преобладаетъ *передъ разрушеніемъ*, и только ритмъ жизни, то-есть, быстрота, съ которою они слѣдуютъ одинъ за другимъ, замедляются; ткани тѣла продолжаютъ крѣпнуть, и тѣмъ все болѣе и болѣе замедляютъ ритмъ или дѣлаютъ жизнь медленною, вялою.

Чтобъ говорить яснѣе, возьмемъ на примѣръ кости, о которыхъ мы сказали столько, что онѣ получили надлежащую форму, величину и крѣпость, вслѣдствіе отложенія въ хрящъ фосфорической извести или, какъ говорится, вслѣдствіе окостенѣнія хрящей. Онѣ продолжаютъ жить такимъ же образомъ, то-есть, изъ нихъ выводится известь и снова замѣняется новою изъ крови, и всякій разъ новое строеніе вноситъ гораздо болѣе извести, чѣмъ разрушеніе выноситъ. Это продолжается до-тѣхъ-поръ, что въ хрящъ уже нѣтъ мѣста для помѣщенія извести, приносимой кровью, между-тѣмъ, какъ жидкость эта получаетъ еще богатый запасъ всѣхъ составныхъ своихъ частей, а вмѣстѣ и запасъ извести, приливомъ млечнаго сока (chylus), приготавлиаемаго органами пищеваренія.

Куда же дѣваться этому избытку извести? Кровеносные сосуды останавливаютъ его въ вѣнкахъ или артеріяхъ, которыя онѣ различаютъ мѣтлы, чѣмъ необъятно замедляется сокращеніе стѣнокъ

последнихъ, и, слѣдовательно, — движеніе всего тѣла. Известь отлагается даже на внутреннихъ стѣнкахъ начальственной артерій и полостей сердца, и отлагается постепенно болѣе и болѣе до того, что стѣнки этихъ полостей кажутся какъ-бы покрытыми толстою шугукагуржою, известковою корою. Очень ясно, что этимъ должно замедляться, и, наконецъ, вовсе остановиться и сокращеніе этой аорты и самаго сердца, слѣдовательно, долженъ мало-по-малу остановиться весь кругъ обращенія крови, а съ нимъ и весь прочіе процессы организма. И такъ, то, что было причиною развитія и жизни организма, то-есть, *стремленіе и разрушеніе*, становится причиною прекращенія жизни; все живущее, всякій организмъ, неминуемо смертенъ. Всякій слышалъ, что это такъ, но для всякаго это просто рассказъ, въ родѣ анекдота или правоученія, которое обыкновенно остается безъ дѣйствія, потому-что не убеждаетъ. Конечно, каждый изъ насъ безпрестанно видитъ кругомъ себя смертность, но это еще не убеждаетъ его вполне, что онъ точъ въ точъ также смертенъ. Онъ здоровъ, его полная жизнь, такъ сказать, владычествуетъ надъ подобными правоучительными сценами, проходя ихъ безъ вниманія, даже часто гордо выступая передъ ними, точно такъ какъ храбрый воинъ, въ пылу сраженія, не обращаетъ вниманія ни на летающія около головы его пули, ни на падающихъ передъ нимъ товарищей. Кажется яснѣе дня развиваетъ передъ вами эту великую истину наука природы! Только одно умное пониманіе предмета, а не голословная мораль, убеждаетъ насъ, и только за убежденіемъ слѣдуетъ сообразное дѣйствіе, наши поступки.

Досель мы говорили о человѣкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и о прочіихъ животныхъ; тотъ же самый законъ, только въ нѣкоторомъ измѣненіи, управляетъ развитіемъ, жизнью и смертью растений. Чтобы понять эту особенность того же закона, скажемъ предварительно, что ткань растенія составляютъ ячейки, или въ первообразномъ или въ измѣненномъ видѣ, то-есть, въ началъ развитія каждое растеніе состоитъ изъ ячеекъ первообразной, простой формы, въ видѣ округленныхъ мынечковъ; но одни растенія, достигнувъ полнаго своего развитія, представляютъ во всей своей ткани только-что одни простые ячейки; напротивъ-того, у другихъ, ячейки эти измѣняютъ свою форму и располагаются такъ, что образуютъ собою сосуды различной длины, составляющіе совокупностью свою волокнистую ткань растенія. Такимъ образомъ отличаютъ *ячеистыя и сосудистыя растенія*, и

кромѣ того *травянистыя* и *деревянистыя*. Въ стеблѣхъ *сосудистыхъ травянистыхъ*, въ срединѣ или, какъ обыкновенно говорятъ, въ сердцевинѣ, ячейки остаются въ первообразной своей формѣ, образуя совокупностью своею самую простую ткань, *клетчатку*. Снаружи этой сердцевины, тѣ же клетчатки слагаются въ сосуды, въ которыхъ движутся пластическіе соки растенія и, наконецъ, все это одѣвается снаружи тонкою, прозрачною наружною кожицею. У этихъ растеній, въ весьма короткое время, много что втеченіе одного лѣта, сосуды *плотнѣютъ* до того, что дѣлаются неспособными проводить соки, и растеніе умираетъ.

Стебель *деревянистыхъ* растеній, въ первый годъ своего существованія, представляетъ такое же строеніе, съ тою однако жъ разностью, что въ немъ до самой осени, по той мѣрѣ, какъ одни сосуды *плотнѣютъ* и дѣлаются *деревянистыми* волокнами, съ наружи образуются новые сосуды; холодъ осени и зимы останавливаютъ движеніе соковъ и все дальнѣйшее образованіе, и молодые сосуды остаются до весны, и тогда начинаютъ снова свое отправленіе, проводятъ соки по всему растенію и въ свою очередь дѣлаются также *деревянистыми* фибрами, между-тѣмъ какъ снаружи ихъ развиваются новые молодые сосуды, для жизни на будущій годъ. Такимъ образомъ, разрѣзавъ поперегъ стебель или стволъ этихъ растеній, увидимъ, что онъ состоитъ изъ сердцевины и изъ колецъ или цилиндровъ древесины, обхватывающихъ другъ друга, а снаружи послѣдняго изъ нихъ, еще гибкіе, молодые сосуды, предохраняемые отъ холода корою и кожицею.

Изъ всего, что мы сказали о *деревянистыхъ* растеніяхъ, можно бы было сдѣлать выводъ, что описанный процессъ ихъ жизни долженъ продолжаться на неопредѣленное, даже безконечное число лѣтъ, и что эти растенія безсмертны сами по себѣ, и если умираютъ, то это случается отъ какихъ-либо наружныхъ причинъ; но на самомъ дѣлѣ это не такъ: каждое растеніе, потому-что оно организмъ, должно умереть, и причины тому слѣдующія:

Въ каждомъ *деревянистомъ* растеніи, новые сосуды только до известной эпохи развиваются все въ бѣльшемъ и въ бѣльшемъ количествѣ. У однихъ напримѣръ, только до пятого, у другихъ до десятаго, до двадцатаго года, и такъ далѣе, а послѣ того, все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ, пока наконецъ совершенно *перестаетъ* и

растение дѣлается все, съ внутри до самой наружной коры, безъ-
внешнимъ деревомъ, высыхающимъ и напослѣдокъ разрушающимся,
стигивающимъ, стоя на корняхъ также безжизненныхъ. Долгота кри-
тической эпохи и, слѣдовательно, долгота вѣой жизни зависятъ отъ
первоначальнаго, каждому растенію свойственнаго *типа*, то есть,
отъ совокупности свойствъ и формъ всѣхъ его тканей и всѣхъ его
органовъ. Этотъ *типъ*, особенный у каждаго особаго рода растеній,
передается и продолжается вѣчно, отъ недѣлимыхъ къ нимъ пото-
камъ; съ этимъ типомъ явились на землѣ первые прародители всѣхъ
растеній. Если бъ засимъ спросили, отчего самые первые прародители
всѣхъ теперешнихъ растеній явились съ тѣми типами, въ которыхъ
они теперь продолжаютъ, то на это былъ бы слѣдующій общій от-
вѣтъ: Первые растенія развились въ строгойшей подчиненности, въ
величайшемъ согласіи со всеми обстоятельствами и свойствами тѣхъ
мѣстностей, на которыхъ они явились; такъ, на примѣръ, на сырыхъ
и болотистыхъ мѣстахъ, не могли развиться точно такія же формы
растеній, какъ на сухихъ и гористыхъ; въ жаркомъ климатѣ, между
тропиками, подъ вліяніемъ яркаго солнца, должны были явиться ра-
стенія, различныя отъ тѣхъ, которыя, при всѣхъ прочихъ равныхъ
обстоятельствахъ, образовались внѣ тропиковъ и далѣе и далѣе на сѣ-
веръ и на югъ отъ нихъ. Чтобъ еще болѣе пояснить это, можно бъ
было показать разницу тканей растеній болотистыхъ, сухихъ, и тому
подобныхъ; но это завело бы насъ слишкомъ далеко въ частности и
удалило бы отъ главной нашей цѣли, къ которой мы снова обра-
щаемся.

И такъ, въ типъ каждаго деревянистаго растенія находится условіе,
вслѣдствіе котораго образованіе новыхъ сосудовъ для продолженія
жизни, и именно все въ большемъ и большемъ количествѣ, продолжат-
ся только до известной эпохи, которой долгота весьма различна: у ку-
старниковъ короче чѣмъ у деревъ, и изъ этихъ послѣднихъ у тѣхъ,
которыя растутъ на сырыхъ мѣстахъ, на примѣръ, ивы, тополя, короче
чѣмъ у растущихъ на сухихъ высотахъ, на примѣръ, у дуба или бо-
абаба (*Adansonia digitata*), такъ что это послѣднее, растущее въ Са-
харахъ и достигающее десяти сажени въ обхватѣ, доживаетъ понав-
няго возраста пяти тысячъ лѣтъ, но все же потому что организмъ, не-
прямѣнно долженъ умереть, какъ и всякій слабый кустарникъ, или
каждая иррациональная трава.

И такъ, все доселѣ сказанное убѣждаетъ насъ, что каждый недалекий организмъ, именно потому—что онъ организмъ, непременно долженъ умереть. Геологическое изученіе нашего земнаго шара открываетъ тотъ же самый законъ, но въ объемѣ неравненно обширнѣйшемъ, а именно, что и собраніе всѣхъ недалекихъ, составляющихъ одинъ видъ (*species*), даже все виды, составляющіе родъ (*genus*), наконецъ, несколько родовъ, связанныхъ общимъ характеромъ въ одно общество, должны unavoidably исчезнуть съ лица земли.

Объяснимъ сначала упомянутыя здѣсь зоологическія дѣленія, и чтобъ говорить яснѣе, возьмемъ прямо частности; такъ, напримѣръ, все собачья, вмѣстѣ взятая, составляютъ одинъ видъ (*species*); все сѣрые волки—другой видъ, черные волки—третій, шакалы—четвертый; въ каждомъ изъ этихъ четырехъ видовъ, выражена собачья натура, а потому натуралистъ составляетъ изъ нихъ одинъ родъ (*genus*), подъ названіемъ рода собакъ. Точно также виды, лиса и песецъ, составляютъ родъ лисій; наконецъ, оба рода, собачій и лисій, образуютъ одно общее семейство (*familia*) собакъ. Возьмемъ еще примѣръ и рассмотримъ его въ обратномъ порядкѣ; семейство медвѣжье заключаетъ два рода, енота (съ двумя видами, собственно енотъ и ракунъ) и медвѣдя (съ видами: бурый медвѣдь, черный или американскій и бѣлый).

Перейдемъ теперь къ геологическимъ данностямъ. Наблюденію геолога доступна только незначительная часть земнаго шара, одна только суша, занимающая едва четвертую часть всей земной поверхности; къ тому же, высота или толщина материковъ съ ихъ высочайшими горами, такъ незначительна въ сравненіи съ радіусомъ земнаго шара, что ее нельзя бы было представить на искусственныхъ глобусахъ; такъ, напримѣръ, на глобусѣ въ одинъ футъ радіуса, высота эта была бы незначительнѣе тончайшаго слоя лака, или еще тоньше будетъ, если мы представимъ себѣ, что мы оцѣмили на поверхности земли клочекъ въ тысячу—пятьсотъ футовъ (а въ верстѣ три тысячи—пятьсотъ футовъ) длины и столько же ширины, и вырѣзали бы по этой мѣрѣ всю землю до самаго центра шара, то получили бы массу, равную всѣмъ материкамъ. Прибавьте къ этому еще наконецъ и то, что и на такой незначительной частичкѣ земнаго шара, то—если по-футу, мы проникли въ глубь ее не многими болѣе тысячами футовъ, и тогда можно поименовать, что мы знаемъ только жару земли, и тепло

этому ничего не знаемъ о центральныхъ частяхъ, и весьма еще даже отъ того, чтобъ быть въ состояніи сказать что-либо достоверное о способъ происхожденія ея. Однимъ словомъ, наши розысканія застаютъ землю въ одну изъ эпохъ ея существованія, когда на ея поверхности происходили явленія, вообще сходныя съ тѣми, которыя и теперь случаются. Текуція воды отрывали отъ горъ, и вообще отъ всей суши, составныя ихъ части, известъ, глину, песокъ и увлекали ихъ въ моря. На днѣ этихъ послѣднихъ, эти минеральныя части мало-по-малу образовывали пласты значительной толщины и обширнаго протяженія по площади, и такъ какъ въ моряхъ жили различныя животныя, то и естественно, что въ этихъ пластахъ будутъ заключены твердыя части ихъ, раковины, черепки, зубы, кости, извѣстныя подъ названіемъ окаменѣлостей. — Представьте себѣ, что въ различныя эпохи этого геологическаго времени, дѣйствіемъ подземнаго огня, дно морей, съ ихъ пластами и окаменѣлостями, приподнималось до того, что вода съ него сбывалась, и оно становилось сушею, и на эту еще мокрую и мягкую землю прилетали птицы и ходили по ней отыскивая червячковъ. На мокромъ песчаникѣ, известнякѣ или глинѣ, оставались вдавленные оттиски ногъ, и понемногу отвердѣвали. Однако жъ эта суша не оставалась долгое время въ покоѣ; подземный огонь приподымал соседнее съ нею море, а она снова опускалась до того низко, что море опять покрывало ее, и на это новое дно, со слѣдами птицъ, начали осаждаться известковые, песчаниковые и глинистыя пласты, заключившіе твердые остатки животныхъ этого втораго моря. Наконецъ, представимъ себѣ, что и это дно моря, въ послѣдній, для насъ теперь живущихъ, разъ, вынырнуло и сдѣлалось частью теперешней суши, то въ каменныхъ пластахъ этой земли мы найдемъ и остатки животныхъ перваго моря, и слѣды птицъ, и окаменѣлыя остатки животныхъ втораго моря. Такъ слѣды птичьихъ ногъ находятъ теперь на песчаниковомъ и известняковомъ камнѣ, въ каменоломняхъ близъ Гильдбургтаузена и въ Коннектикутѣ.

Иногда случалось, что обсохшее дно моря оставалось въ покоѣ въ продолженіе столь долгаго времени, что на немъ разводились дремучіе лѣса, привольно росшіе въ постепенно накапливаемся толстомъ грунѣ чернозема. Наконецъ, такая же участь была и этого лѣса, камни и слѣдовъ птицъ; отъ сильныхъ дѣйствій подземнаго огня, онъ опу-

отылся такъ низко, что отступившее передъ этимъ море опять вступило въ прежнія границы свои, и вотъ, на днѣ его стоятъ лѣсъ, и промежду деревьевъ осѣдаетъ пластами глина, песокъ и известъ, все толще и толще, выше и выше, пока деревья не спрячутся въ этихъ каменныхъ осадкахъ, по самыя верха, и пока дно этого моря снова не сдвинулось сунуло. Отличный примѣръ этому въ каменоломняхъ острова Портланда, при южномъ берегу Великобританіи, гдѣ видны и слой чернозема, съ углубляющимися въ него корнями, и при деревъ, какъ бы прорывающіе нѣсколько пластовъ сряду.

Дѣйствіе подземнаго огня часто бывало такъ сильно, что каменные пласты, горизонтально на днѣ моря отложившіеся, подымались поверхъ воды; ихъ коробило и гнуло; подымало горами, и тамъ, гдѣ напоръ снизу былъ сильнѣе, пласты эти разламывались пополамъ, отчего каждая гора раздѣлялась трещиною, даже очень глубокою пропастью или такъ называемою поперечною долиною, на двѣ половины, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ каменныхъ пластовъ, приподнятыхъ вкось къверху, со стороны трещины, и постепенно спускающихся къ наружной сторонѣ горы. Такимъ образомъ и пластъ чернозема съ корнями и древесными пнями, и всѣ известковые пласты надъ ними, на Портландѣ, приподняты вверхъ, по наклонной плоскости.

Если случалось, что подземный огонь былъ чрезвычайно силенъ и горѣлъ на большомъ пространствѣ, то онъ расплавлялъ подземные каменные пласты и превращалъ ихъ въ горящее тѣсто, которое вспучивалось, не находило себѣ болѣе мѣста, и поднимало поверхъ лежащія каменные пласты все выше и выше, въ высокія горы. Пласты сначала гнулись, но не могли устоять, лопались снизу до верха, а расплавленная минеральная масса вливалась мало-по-малу въ эти трещины и между каменныхъ пластовъ, и остывъ, образовало собою каменный, съ боковъ вѣтвистый стержень горы, котораго верхній конецъ, какъ напримѣръ въ Монбланѣ, составляетъ высочайшій гребень горы. По обѣимъ сторонамъ этого стержня, спускаются приподнятые пласты воднаго пронохожденія, съ ихъ окаменѣlostями; верхніе изъ нихъ, наиболѣе удаленные отъ стержня, вовсе нежизнненны, тѣ же, напротивъ, которые были поближе къ расплавленнымъ массамъ, были прокалены этими послѣдними, отчего ихъ окаменѣlostи разрушились и составля-

тогда их минеральные части приняли иное, обыкновенно кристаллическое или зернистое расположение.

Воз огненные процессы, о которых мы сейчас говорили, происходят на чрезвычайной глубине, следовательно, при сильном давлении и без свободного притока воздуха, отчего и старжи горь, как например, гранитъ, гнейзъ, порфиръ, диоритъ, представляют массы плотных зернистых, кристаллическаго сложенія. Огонь действовал и теперь бунуетъ еще, кроме того и на незначительных глубинахъ земли, въ полостяхъ, доступныхъ свободному притоку воздуха. Этотъ огонь, называемый вулканическимъ, также расплавляетъ минеральные вещества, производя болѣе или менѣе ноздреваты массы, каковы, напримеръ, лавы, пензы, шлаки.

Теперь, не боясь, чтобъ читатель насъ не повялъ, мы можемъ наконецъ сказать, что вся известная намъ кора земли состоитъ изъ огромныхъ минеральныхъ массъ, такъ называемыхъ *горныхъ породъ*, четырехъ родовъ, различныхъ по ихъ происхожденію и по сложенію частей ихъ, а именно, изъ 1) *породъ нептуническихъ* или воднаго происхожденія, называемыхъ также *осадочными*, *напластанными* или *флецовыми*; 2) *плутоническихъ* или *огненныхъ*, *кристаллическихъ*; 3) *метаморфическихъ* или *измѣненныхъ*, напримеръ мраморы, и 4) *вулканическихъ породъ*. — Окаменѣлости, или остатки животныхъ и растений, могутъ быть, какъ мы это видали выше, только въ пластахъ нептуническихъ, и такъ-какъ эти окаменѣлости должны вести насъ прямо къ нашей теперешней цѣли, то мы предварительно должны еще поговорить объ относительной древности этихъ водныхъ пластовъ.

Очень понятно, что тѣ изъ нептуническихъ пластовъ, которые лежатъ глубже, будутъ, по времени происхожденія своего, древнѣе тѣхъ, которые покрываютъ ихъ. Понятно также, что эти пласты, смотря по различнымъ условіямъ той эпохи, въ которую они отлагались на днѣ обширныхъ морей, будутъ разниться между собою и минеральными составными частями своими, и окаменѣлостями, въ нихъ заключенными. На этихъ шрѣхъ условіяхъ, относительной высоты насажденій и минералогическаго и палеонтологическаго (относительно окаменѣлостей) характера, воз нептуническіе пласты соединяются въ группы, которыхъ относительная древность ясно усматривается изъ следующей таблицы:

I. Поквйшія образованія	Туремъ, туемъ, ледники, наносы, россыпи золота и платины, костьныя брекчїи и костьныя пещеры.
II. Третичныя	Пласты, на которыхъ стоятъ Вѣна, Лондонъ, Парижъ, Берлинъ.
III. Вторичныя	a) Мѣловая группа } Мѣль и Вальдская система пластовъ. b) Юрская группа } Оолитовая система, изъ которой Воробьевы горы Москвы; Ліастъ. c) Триасовая группа } Кейзеръ. Раковинный известякъ. Пестрый песчанникъ.
IV. Палеозойческія образованія, или древнѣйшія	a) Пенейская группа } Цехштейнъ. Мѣдистый сланецъ. Новый красный песчанникъ. b) Каменно-угольная группа } Горный известякъ. Каменно-угольная система пластовъ. c) Девонская группа } Система девонскихъ пластовъ. d) Силурійская группа } Система силурійскихъ пластовъ.

Можно бы многое пояснить въ этой таблицѣ, и относительно названій группъ, и относительно минералогическаго характера ихъ и мѣста, гдѣ онѣ особенно хорошо развиты; но чтобъ безъ крайней надобности не удалиться отъ нашего предмета, приступимъ прямо къ окаменелостямъ. Ихъ многотрудное и многолѣтнее изученіе, открывало естественнѣйшимъ слѣдующіе неизмѣнные законы:

1) Въ самыхъ древнихъ пластахъ, принадлежавшихъ къ четвертому

главному отдѣлу, мы находимъ остатки животныхъ, имъ исключительно и слѣдовательно эпохъ времени, въ которую они отлагались, свойственные; точно также и въ пластахъ образованія вторичнаго, третичнаго и новѣйшаго, такъ что теперь окружаютъ насъ животныя нынѣ, чѣмъ въ первомъ отдѣлѣ пластовъ.

2) Характерныя каждому отдѣлу животныя, являлись въ самыхъ нижнихъ его пластахъ, немногими видами; потомъ въ среднихъ пластахъ ихъ число возрастало до наибольшей степени, и наконецъ, къ верхнимъ, оно въ такой же постепенности уменьшалось, до совершеннаго исчезанія. Такимъ образомъ, въ каждомъ семействѣ этихъ древнихъ животныхъ, мы отличаемъ эпоху ихъ появленія, цѣлую эпоху и эпоху упадка. Такъ-какъ эпохи этихъ отдаленныхъ временъ часто постепенно, незаметно переходили одна въ другую, то и естественно, что между окаменѣlostями будутъ и такія, которыя переходятъ изъ одной группы пластовъ въ другую.

3) Чѣмъ древнѣе группа пластовъ, тѣмъ болѣе въ ней число такихъ животныхъ, которыя ей только свойственны, и тѣмъ менѣе животныхъ, общихъ съ соседними группами. По этой причинѣ четвертая группа названа палеозойческою (*Palaeos* древній, *Zoion* животное); она до того богата особенными, въ эпохи послѣдующія несмысланными животными, что общія формы вовсе ускользаютъ отъ взгляда. Напротивъ того, въ верхнихъ слояхъ третичной эпохи, большая часть формъ животныхъ необыкновенно сходна съ теперь живущими.

4) Никакъ не слѣдуетъ себя представлять, что исчезаніе животныхъ и появленіе новыхъ происходило вслѣдствіе постепеннаго перерожденія ихъ, въ родъ того, какъ напримѣръ мериносы часто вырдаются въ простыхъ овецъ. Напротивъ того, здѣсь было рѣшительное исчезаніе прежнихъ формъ, и за этимъ появленіе совершенно новыхъ.

5) Появленіе новыхъ животныхъ на мѣсто исчезнувшихъ древнихъ, происходило въ такомъ порядкѣ, что всякая новая эпоха времени вызывала къ бытію группы животныхъ, все болѣе и болѣе совершенныхъ.

Эти законы будутъ для насъ гораздо понятнѣе, если мы пояснимъ ихъ самими фактами, а для разумнѣя этихъ послѣднихъ, необходимо

звать последовательность различныхъ группъ животныхъ, относительно совершенства ихъ организаціи. Для этого мы предлагаемъ здѣсь таблицу или систему животнаго царства, составленную Зибольдомъ, сообразно съ теперешнимъ состояніемъ науки. Она начинается совершеннѣйшими, и оканчивается самыми простыми животными.

А. Животныя <i>повоножныя</i> , то есть со скелетомъ, или костянымъ остовомъ.	I. Группа, <i>повоножныя</i> .	1 классъ <i>млекопитающихъ</i> .
		2 классъ, <i>птицы</i> .
		3 ——— <i>пресмыкающихся</i> .
		4 классъ, <i>рыбы</i> .
II. Группа, <i>съ новыми суставами или глинистыми, тѣло симметрическое, суставчатое. Есть органъ зрѣнія и слуха.</i>	5 классъ, <i>насткомыя</i> .	
	6 ——— <i>науки</i> .	
	7 ——— <i>раки</i> .	
III. Группа, <i>слизны, форма тѣла разнообразная, часто не симметрическая; кожа слизистая, производящая часто раковину. Органъ зрѣнія и слуха не у всѣхъ; у десятиго класса нѣтъ.</i>	8 классъ, <i>головоногие</i> слизи на пр. каракатицы.	
	9 классъ, <i>съ головою</i> на пр. улитки.	
	10 ——— <i>безголовыя</i> слизи на пр. устрицы.	
	11 классъ, <i>кольчатые черви</i> , напримѣръ пиявица, дождевой червь.	
IV. Группа, <i>герои, глиное, червеобразное тѣло, часто суставчатое. Только у одиннадцатаго класса есть одинъ органъ чувствъ зрѣнія.</i>	12 классъ, <i>колесняки</i> водныя, микроскопическія; прежде ихъ причисляли къ наливочнымъ.	
	13 классъ, <i>водоворотни</i> , также часть прежнихъ наливочныхъ.	
	14 классъ, <i>слизны</i> .	
В. <i>Безповоножныя</i> , то есть безъ скелета.		

В. *Безпозвоночныя*, то есть безъ скелета.

У. Группа, *луцистыя или животны - растенія*. Тѣло правильное, и всѣ части и органы его расположены въ видѣ лучей, около одного центра, или одной долевой оси; отчего многія изъ нихъ похожи на цвѣтки, на кустарники. Органовъ чувствъ нѣтъ.

VI. Группа, *простѣйшія животныя (Protozoa)*. Членики органовъ не разграничены и не развиты отдѣльно; тѣло въ видѣ одной или нѣсколькихъ ячеекъ; очень малая, большая часть микроскопическія животныя.

15 классъ, *сморочковидныя*, напримеръ морскіе ежи, морскія дѣли и энкриниты.

16 классъ, *морскія кремнистыя*, мягкія, прозрачныя животныя.

17 классъ, *моллюски*; у большей части въ тѣлѣсть деревянистыя, роговой или кашеивый, часто вѣтвистыя стержень, называемый *коралломъ*.

18 классъ, *корненожыя*, малыя или микроскопическія, морскія, съ известковымъ скорлупою, раздѣленною на многія ячейки. Эти скорлупки, въ южныхъ моряхъ, составляютъ значительную часть морскаго песка.

19 классъ, *моллюски или инфузоріи*, все микроскопическія.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ фактамъ, которыми мы хотѣли объяснить законы исчезанія и появленія животныхъ. Въ древнѣйшей системѣ нептуническихъ пластовъ, въ такъ называемой *силурійской системѣ* или формации, нѣтъ никакого слѣда позвоночныхъ, но много остатковъ изъ втораго главнаго отдѣла, то-есть безпозвоночныхъ, и даже изъ нихъ нѣтъ еще двухъ высшихъ классовъ, насѣкомыхъ и пауковъ; кромѣ того здѣсь нѣтъ классовъ 11, 12, 13, 14, 16 и 19, потому-что это мягкія животныя, безъ твердыхъ частей. Наконецъ нѣтъ класса 18 и 19, по причинѣ, досель необъяснимой.

Въ *девонской системѣ*, у насъ начинающейся въ Гатчинѣ, и за-

занимающей всю южную полосу петербургской губерніи, уже являются животными позвоночными нижней организаціи, то есть рыбы, которыхъ чешуи и зубы здѣсь въ несмытномъ множествѣ.

Еще выше въ *Цехштейновой* формациі (Пенейской группы), начинаютъ являться *пресмыкающіяся*, и именно такъ, что сначала огромныя водныя ящеры, потомъ въ *Міась* (юрской группы) — ящерницы (*Pterodactylus*), летавшія на манеръ летучихъ мышей. Сухопутныя, ящерницы и черепахи, находятся въ пластахъ третичной эпохи.

Отпечатки слѣдовъ птицъ попадаются въ пластахъ *триасовой* группы, но косточки нѣтъ ни одной; и далѣе къ верху нѣтъ никакого признака птицъ, до третичной эпохи.

Млекопитающія впервые являются въ *юрской группѣ*, и именно одинъ только родъ *двуутробокъ*; выше, въ *мѣловой группѣ* ихъ вовсе нѣтъ, а въ обширномъ размѣрѣ являются онѣ въ *третичныхъ* почвахъ.

Наконецъ *костей человека* нѣтъ даже и въ *новѣйшихъ* образованіяхъ, кромѣ немногихъ примѣровъ въ *турфахѣ* и въ *песчаникѣ*, говоръ образующемся у морскихъ береговъ Гваделуны. И такъ, человекъ явился, говоря геологически, очень недавно; это новѣйшій и совершеннѣйшій организмъ нашего земнаго шара.

Изъ этихъ фактовъ, законъ развитія постепенно совершеннѣйшихъ животныхъ, кажется, проясняется до очевидности, до ослзаемости. — Точно также появлялись и *растенія*. Въ *силурійской* и *девонской* группѣ есть неясныя слѣды морскихъ поростовъ; въ *каменно-угольной* богато развивается семейство папоротниковъ и хвощей; въ *пенейской* группѣ изрѣдка встрѣчаются хвойныя растенія, и наконецъ, уже въ *вадской системѣ*, а въ особенности въ *третичныхъ* образованіяхъ, находятъ разнообразныя односѣмянодольныя и двусѣмянодольныя растенія, а полное разнообразіе растительнаго царства, есть принадлежность нашей эпохи.

Теперь остается поместить законъ, вслѣдствіе котораго животныя геологическихъ эпохъ цѣлыми родами и семействами постепенно разивались и вымирали безвозвратно. Такимъ образомъ, въ продолженіе той длинной эпохи, въ которую отлагались пласты силурійской системы, явились и развились въ огромное семейство, богатое родами и видами, животныя изъ класса раковъ, *трилобиты*. Къ концу этой эпохи они начали уже вымирать, такъ что въ девонской системѣ ихъ очень мало, и то въ нижнихъ пластахъ, а въ верхнихъ вовсе нѣтъ; этимъ кончилось ихъ существованіе, и ни въ одну изъ геологическихъ эпохъ не было; въ нашихъ моряхъ трилобитовъ нѣтъ и помину. Въмѣсто ихъ, въ раковистомъ известнякѣ (тріасовой группы), явились раки длиннохвостые, но только въ одномъ родѣ (*genus*) и видѣ (*species*), который тутъ же и вымеръ; уже въ эпоху гораздо позднѣйшую, въ юрскую, снова являются длиннохвостые раки, общимъ наружнымъ видомъ похожіе на нашихъ рѣчныхъ раковъ, но иныхъ родовъ и видовъ; ихъ очень много въ тѣхъ известковыхъ камняхъ, которые употребляются для литографіи, но въ эту же эпоху все они перемерли безвозвратно. Въ нижнихъ ярусахъ пластовъ третичной эпохи снова развились короткохвостые морскіе раки, похожіе на крабовъ, и тутъ же все виды вымерли. Такимъ образомъ у насъ теперь нѣтъ трилобитовъ, и хотя короткохвостыми и длиннохвостыми раками наши моря очень богаты, но они не суть непосредственныя потомки ископаемыхъ, а новые организмы, происшедшіе въ нашу эпоху.

Возьмемъ еще примѣръ. Въ силурійской же эпохѣ жили животныя изъ третьей группы, слизни, и именно осьмага класса изъ *головоногихъ*, съ раковиною, въ формѣ очень узкаго и длиннаго, у нѣтъ видовъ болѣе сажени, конуса, внутри раздѣленнаго поперечными перегородками на камеры. Они плавали въ глубокихъ и открытыхъ моряхъ этой эпохи большими и до того густыми стадами, что ихъ окаменѣлыя раковины теперь находятъ въ известковыхъ пластахъ въ несметныхъ множествахъ; они были многочисленны не только по числу видовъ, но и видами и родами. Натуралисты назвали ихъ *ортоцератами* (отъ прямой, *orthos* ротъ). Въ девонской эпохѣ ихъ уже меньше, и въ каменноугольной исчезъ послѣдній ихъ видъ; они никогда болѣе не повторились, но общій типъ ихъ, то есть головноегіе слизни съ многокамерною раковиною, явился снова въ видѣ конуса, свернутаго въ лѣвую сторону въ *цератахъ* раковистаго известняка, котораго тогда же и вымерли,

вока въ юрскую эпоху не появились другіе роды того же типа, *аммониты*, которыми также богата эпоха меловая, но которыхъ выше нѣтъ. Наконецъ, въ нашихъ южныхъ моряхъ есть раковины того же типа, но нѣхъ родовъ и они вообще малочисленны.

Каждый другой классъ животныхъ представляетъ точно такіе же факты, въ такой же степени великолюбно подтверждающіе изложенные выше законы появленія и исчезанія организмовъ и рывительно то же указываетъ намъ царство растений; но сказаннаго достаточно для нашей цели. Теперь рассмотримъ тотъ же предметъ съ другой стороны, то есть: продолжаютъ ли тѣже законы и теперь, вымираютъ ли виды и роды животныхъ нашей эпохи и появляются ли новые? Наблюденія наши на это отвѣчаютъ такъ: послѣ третичной эпохи, въ тѣ времена, конечно очень и очень отдаленныя на масштабъ человеческой исторіи, въ тѣ времена когда образовались наносы, костяныя пещеры и брекчии, когда очертаніе материковъ и морей было почти такое же какъ и теперь; однимъ словомъ, во времена, по геологическому масштабу очень близкія къ намъ, явились, жили и исчезли безвозвратно многія животные. Семейство хоботныхъ тогда представляло два рода: мастодонта и слона, и въ каждомъ было до четырехъ видовъ; первый родъ весь вымеръ, а отъ слоновьяго рода остались только два вида, африканскій и азиатскій. Въ тогдашнихъ нагорныхъ лѣсахъ Европы жило много видовъ львовъ, гіенъ и медвѣдей; всѣ они перемерли и ихъ кости мы находимъ теперь въ такъ-называемыхъ костяныхъ пещерахъ и брекчіяхъ; теперь у насъ въ Европѣ нѣтъ болѣе ни львовъ, ни гіенъ, но есть еще медвѣди, которые однакожъ другаго вида (*species*) чѣмъ пещерные; следовательно, они явились или произошли къ эпоху еще новѣйшую, болѣе близкую къ намъ, но все же ни одинъ членокъ не былъ еще свидѣтелемъ ихъ происхожденія. Еще ближе къ намъ, въ старинныхъ турфахъ, находятъ цѣлыя черепа съ рогами оленей и быковъ, совершенно другихъ видовъ чѣмъ теперешніе каменные и быки. Наконецъ, еще одинъ несравненно новѣйшій приматъ, вытѣй изъ нашей новой исторіи:

Семнадцатаго сентября 1598 года, голландская остъ-индійская флотилія пристала къ берегамъ одного изъ острововъ, лежащихъ къ востоку отъ южнаго конца Мадагаскара, и назвала его островомъ Святаго-

Мавриція (впоследствии Иль-де-Франсъ). Мореплаватели наши зѣтъ птицу, величиною съ лебедя, съ неуклюжимъ, толстымъ и жирнымъ тѣломъ, съ короткими ногами и до того короткими и дурно развитыми крыльями, что она не могла летать, а ходила по берегамъ большими стаями. Эта птица показалась имъ такъ странною и занимательною, что они, хотя коротко, но описали ее. Съ этого времени по 1638 годъ, островъ Святаго-Мавриція былъ часто посѣщаемъ голландскими мореплавателями, которые, мало того, что видѣли эту птицу, но даже и стрѣляли ее во множествѣ и солили въ прокъ, о чемъ свидѣлствуютъ дошедшія до насъ тогдашнія описанія путешествій; такъ на примѣръ Гербертъ видѣлъ ее въ 1626 году и приложилъ къ описанію ея рисунокъ, и около 1638 года живой экземпляръ этой птицы былъ привезенъ въ Голландію, а 1638 года показывали ее живую же въ Лондонъ. Впрочемъ, тогда же всѣ очевидцы рассказывали, что птица эта, которую тогда называли *дронтомъ* или *додо*, очень рѣдко уже встрѣчалась въ своемъ исключительномъ отечествѣ, откуда ее уже болѣе никогда не привозили, потому-что она совершенно вымерла и теперь не осталось отъ нея никакихъ слѣдовъ, кромѣ черепа, хранящагося въ копенгагенскомъ музеумѣ, черепа въ Оксфордъ и одной ноги въ Лондонъ; эти остатки за двѣсти лѣтъ передъ симъ исчезнувшей птицы, хранятся какъ драгоценности естественной исторіи.

Кажется, достаточно объяснены законы, правящіе органическимъ міромъ, несмотря на то, дальновидный умъ чело­вѣка не можетъ здѣсь остановиться; онъ хотѣлъ бы узнать причины, по которымъ произошло такъ а иначе, причины, почему были именно изложенныя нами законы появленія и исчезанія организмовъ. Наука природы даетъ намъ и на это во многихъ случаяхъ удовлетворительные отвѣты. Въ началъ настоящей нашей бесѣды, мы видѣли, что и неорганическая, минеральная часть нашей планеты не оставалась всегда въ одномъ и томъ же видѣ; суша и моря всегда существовали, но видъ и положеніе ихъ измѣнялось въ различныя эпохи различнымъ образомъ; къ тому же, всѣ наблюденія удостовѣряютъ, что земной шаръ постепенно охлаждался до-тѣхъ-поръ, пока это охлажденіе не достигло предѣла, далѣе котораго оно, какъ теперь, не можетъ болѣе идти; по этому климатъ въ самыя древнія геологическія эпохи былъ если не тропи-

общій законъ появленія, существованія и исчезанія организмовъ. 21
тиски, то очень теплый по всей поверхности, и потому уже постепенно приближался къ теперешнему состоянію. И такъ, въ каждую эпоху былъ и особенный климатъ и особенныя условія морей и суши, и такъ какъ животныя и растенія могли развиваться не иначе какъ въ совершенномъ, строжайшемъ согласіи со всеми этими условіями, то и естественно, что въ каждую эпоху могли являться только такія организмы, которые вполне согласовались съ этими условіями. Приближаясь къ слѣдующей эпохѣ, совокупность условій измѣнялась, и потому организмы не могли оставаться и продолжать жизнь посреди чуждыхъ, враждебныхъ условій; они постепенно вымирали до одного. Новая эпоха приносила съ собою новое устройство морей, суши и климата, устройство болѣе или менѣе похожее на предъидущій бытъ, и вызывала сообразныхъ съ тѣмъ новыхъ животныхъ и растеній. Такимъ образомъ, въ силурійскую эпоху, не было ни сухопутныхъ животныхъ ни растеній суши, потому—что въ это очень длинное время, суша оставалась таковою только на короткое время, а потомъ снова становилась дномъ моря, и опять вынырнула на столь непродолжительное время, что на ней не успѣвали развиваться ни животныя, ни растенія. Тутъ не находимы даже и рыбъ, настоящихъ водныхъ животныхъ, и этому была важная причина. Рыбы устроены по общему образцу позвоночныхъ животныхъ, и изъ четырехъ классовъ ихъ, три, млекопитающія, птицы и пресмыкающіяся, по преимуществу сухопутныя животныя; это преобладаніе сухопутнаго типа переходитъ и на рыбъ, въ той степени, что онъ, живя постоянно въ водѣ, всегда однако жъ держится береговъ суши, и такъ какъ эти послѣднія, въ силурійскую эпоху были въ такой степени непостоянны, что если бъ ихъ вовсе не было, то и ясно, что для жизни рыбъ тогда не было необходимыхъ, благоприятныхъ условій. Въ силурійскую эпоху могли блаженствовать только пелагійскія животныя, ортоцератиты и трилобиты, любившіе разгуливать въ открытыхъ, глубокихъ моряхъ, въ дали отъ береговъ, непріязненныхъ ихъ организаціи; ортоцератиты саженной длины, не болѣе пяти вершковъ въ поперечникъ, со стѣнками раковины не толще пергамена, въ дребезги разбились бы, еслибъ волны пригнали ихъ густыя стаи къ берегамъ. — Точно такъ же выводъ даютъ намъ и прочія животныя, какъ этой, такъ и всѣхъ послѣдующихъ эпохъ. Все и всегда зависѣло отъ господствовавшихъ обстоятельствъ,

которых совокупность мы называемъ *геніемъ эпохи*. Сила этого генія неотразима, непреложна; онъ сокрушаетъ постепенно, но непрерывно въ конецъ все прежнія формы, и также постепенно вызываетъ новыя, болѣе или менѣе сходныя съ первыми, и даже совершенно новыя, дотоле неслыханныя. Этотъ процессъ творенія и разрушенія формъ и жизни, неумолчно продолжался и до нашихъ временъ, и всегда по однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ, конечная цель которыхъ есть вѣчное движеніе — жизнь, произведеніе болѣе разнообразнаго, полнѣйшаго и совершеннѣйшаго, на развалинахъ прежняго неполнаго, менѣе совершеннаго. — Что же наконецъ станется съ человѣкомъ и окружающимъ его міромъ животныхъ и растений? Совершеннѣе его мы не можемъ себѣ представить на землѣ ничего, и міръ, насъ окружающій, такъ чудесенъ и хорошъ, что бѣднѣйшій нищій, величайшій страдалецъ, не хотѣлъ бы никогда покинуть его. Неужели и человѣкъ, со всемъ своимъ земнымъ раемъ, сотрется съ лица земли владычествомъ генія новой, болѣе совершенной эпохи? — Какъ ни коротка наша исторія, но въ ней много примѣровъ тому, какъ цѣлые народы и государства исчезали съ лица земли, и исчезали единственно только потому, что новыя эпохи, съ новымъ геніемъ, заставляли ихъ въ расплохъ, неподготовленными для новыхъ условій жизни, и они изчахли и згнули, и на мѣсть ихъ процвѣли другіе. Еще и теперь можемъ мы слѣдить, какъ національности, застигнутыя потокомъ разниренія другихъ, совершенно имъ чуждыя, стиснутыя ими со всѣхъ сторонъ въ тѣсный кругъ безъ выхода, кажутся безъ видимой причины, рѣдѣютъ болѣе и болѣе годами и наконецъ совершенно исчезаютъ, оставивъ посебѣ только названія урочищъ, единственныя свидѣтели ихъ жизни. Мы часто ищемъ причинъ ихъ исчезновенія въ неудобствахъ матеріальныхъ, въ стѣсненіяхъ, въ перестѣленіяхъ, въ смѣшеніяхъ брачныхъ, и по большей части совершенно ошибаемся, потому-что изслѣдовавъ основательно, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ этихъ причинъ. Странно, что такъ называемому матеріальному быту придаютъ такую исключительную важность въ судьбахъ людей! — Развѣ языкъ, складъ и колоритъ процесса мышленія и протекающія изъ нихъ понятія религіозныя, обряды, обычаи, увеселенія, пляски и пѣсни народныя, не въ такой же степени важны какъ и хлѣбъ насущный? — Натуралистъ иначе смотритъ на это; онъ въ процессъ мышленія видитъ одинъ изъ органическихъ процессовъ его

жени, столь же необходимыя для нея, какъ и процессъ пищеваренія и кровообращенія. Натура человѣческая вполне процвѣтаетъ только тогда, когда для воли органовъ ея есть занятіе, когда и мозгъ развивается и крикнеть вследствие процесса мышленія; не въ кругу грубыхъ и необразованныхъ людей слѣдуетъ искать частыхъ примѣровъ долголѣтія, но въ классахъ умственно развитыхъ. Простой человѣкъ съ недѣятельнымъ умомъ, безпрестанно занятый трудными тѣлесными работами, никогда не входитъ въ силу, и сорокъ лѣтъ для него старость и недугъ. Тотъ же простакъ, здѣланный хозяиномъ постоялаго двора, жируетъ въ умственномъ и тѣлесномъ бездѣйствіи, и вѣчно охаетъ и жалуется на немочь. Кому неизвѣстно, что въ деревняхъ, сѣдые старики — всегда умные люди, оракулы и совѣтники всего міра? Изъ дѣятельный умъ помогъ имъ достигнуть такой почтенной старости. Господина NN вы знали на службѣ (то есть когда мозгъ его работалъ) какъ умнаго, веселаго и остраго пріятели; нѣсколько лѣтъ спустя, вы заѣзжаете къ нему въ деревню, и находите тучнаго, неповоротливаго умомъ и тѣломъ, брюзгливаго, скучнаго помѣщика. — Женщины любятъ въ мужчинѣ умъ, и потому справедливо не жалуется, слишкомъ массивныхъ, и вовсе терпѣть не могутъ жирныхъ особъ. — Вся люди мыслятъ по однимъ общимъ законамъ, но у каждой національности есть свой собственный складъ мышленія, и она развивается только тогда, когда все, что относится къ процессу мышленія, совершается безпрепятственно на этотъ складъ. Вотъ причины, истребившія напримѣръ финскія племена, во времена очень недавнія, съ южныхъ береговъ Ладожскаго озера, изъ всего огромнаго протяженія ново-ладожскаго уѣзда, до Тихвина, и по берегамъ Луги, вверхъ отъ Ямбурга. Загляните въ тотъ южный уголъ царскосельскаго уѣзда, который тянется отъ Царскаго-Села, Павловска и Гатчины, и который наполненъ еще финскими деревнями, перемѣшанными съ русскими. Кажется ничего недостаетъ этимъ Финнамъ; объ улучшеніи матеріальнаго быта ихъ заботятся ничѣмъ не менѣе какъ и о Русскихъ; у нихъ есть и свои церкви и свои священники, даже свои книги; русскіе живутъ съ ними дружно, и несмотря на всѣ эти удобства, несмотря даже на то, что браки между Финнами и Русскими, необыкновенная, почти неслыханная рѣдкость, народонаселеніе ихъ видимо уменьшается, и это единственно отъ того, что они попали въ чуждый для ихъ умственной жизни элементъ.

Впрочем, все эти примеры для натуралиста еще не непоколебимая вера относительно общих будущих судеб всего человеческого рода. Он наврядное может знать одно только прошедшее и настоящее, то, что видать его глазъ, и въ чемъ увърилась его собственная рука.

С. КУТОРГА.

=

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ЗЕМСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

==
СТАТЬЯ ВТОРАЯ.
==

Родовой союзъ возникаетъ изъ союза семейнаго. Въ строгомъ смыслѣ семья состоитъ изъ лицъ, *непосредственно* соединенныхъ между собою кровью, — это союзъ мужа и жены, родителей и дѣтей. Въ союзѣ семейственномъ возникаетъ естественная власть мужнина, вслѣдствіе преимуществва мужчины, и отеческая вслѣдствіе происхожденія дѣтей отъ отца. Эта же власть распространяется и на дальнѣйшихъ нисходящихъ, *посредственно* связанныхъ по крови съ главою семьи. Основаніемъ этой власти тоже происхожденіе одного лица отъ другаго. Существованіе въ семьѣ внуковъ и дальнѣйшихъ нисходящихъ при жизни дѣда есть переходъ отъ семейнаго быта къ родовому, гдѣ власть отеческая теряетъ свое исключительное значеніе передъ властью общаго главы семейства : отцы и дѣти равно подчиняются ей и въ известной мѣрѣ какъ-бы уравниваются другъ съ другомъ передъ нею въ своихъ правахъ. Такой союзъ есть тотъ же семейный, продолженный, но еще не родовой. Власть главы семейства есть распро-

страненная отеческая, а не родовая, и, какъ основанная на началахъ отеческой, также неограниченна въ отношеніи къ посредственно нисходящимъ, какъ и къ дѣтямъ.

Впрочемъ безграничность и строгость отеческой власти, какую мы находимъ въ древнемъ правѣ Римлянъ и Германцевъ, есть слѣдствіе неправильности семейныхъ отношеній, происходящей между-прочимъ отъ униженнаго состоянія женщинъ у этихъ народовъ. Существованіе брака у Римлянъ подъ формою купли (coemptio), преданіе о похищеніи Сабинокъ, вѣчная опека надъ женщинами, указываютъ на такое состояніе ихъ у Римлянъ; браки Германцевъ — побѣдителей съ туземцами побѣжденными, при полномъ господствѣ личности у этихъ народовъ, вели къ той же неправильности семейнаго союза и безграничности власти отца надъ нисходящими.

Слѣдствіемъ неправильнаго устройства семьи бываетъ то, что со смертію главы семейственный союзъ распадается; новыя семьи, образовавшіяся внутри его, получаютъ самостоятельное бытіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ отеческая власть, прежде подчиненная власти главы, теперь вступаетъ въ свои права, какъ самостоятельная. Связь между новыми независимыми семьями существуетъ только въ представленіи единства ихъ происхожденія, — это связь *родственная*. Она существуетъ или только въ сознаніи родичей, безъ особеннаго примѣненія въ ихъ жизни, или же вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ и въ явленіи, на дѣлѣ, какъ *союзъ* между родственниками. Этотъ родственныи союзъ въ свою очередь тоже или высказывается по временамъ и въ известныхъ случаяхъ *, или же, напротивъ, имѣетъ значеніе постоянное и получаетъ примѣненіе во всѣхъ случаяхъ родственной жизни. На высшей степени своей силы и значенія родственныи союзъ ведетъ къ родовому сожителству, а оно съ своей стороны предполагаетъ родовое устройство и власть. По обычаю, эта власть принадлежитъ старшему, а отъ него переходитъ къ тому, кто остался старшимъ и такъ далѣе. Между-тѣмъ осиротѣвшая семья подъ властью старшинъ множится и образуетъ изъ себя многочисленный родъ. Сожителство родичей, подвластныхъ старшинѣ, есть родовой бытъ.

Условіемъ для того, чтобы осиротѣвшіе вогушани въ родовой бытъ,

* Такъ напримѣръ древній Германецъ не предпринималъ ничего важнаго въ своемъ семействѣ, не посоветовавшись съ своими родственниками.

должна быть правильность семейныхъ отношеній, при чемъ единство семьи должно быть основано на взаимной родственной любви, а не на одной только силѣ семейственной власти. При этомъ условіи оспротвѣніе могутъ добровольно подчиниться новой власти и даже искать ея для поддержанія единства своего союза.

Значеніе отдельныхъ семействъ въ родовомъ быту слабеетъ, — существуетъ только одна великая семья — родъ, который состоитъ изъ лицъ, въ равной мѣрѣ признающихъ одну общую патриархальную власть родового старшинны. Эта власть отличается отъ власти главы семейства: послѣдняя распространяется только на нисходящихъ, производимыхъ отъ главы посредственно, или непосредственно, и какъ основанная на происхожденіи власть отца или главы надъ нисходящими, при извѣстныхъ условіяхъ, бываетъ строга, какою мы видимъ ее у Римлянъ и германскихъ народовъ.

Напротивъ въ родѣ, кромѣ нисходящихъ старшинны, находились и боковые родственники его, — тѣ и другіе уравнивались передъ нимъ, какъ подлежащіе одной и той же власти. Боковые родичи, не обязанные жизнью своей старшиннѣ, а за ними и нисходящіе его, не могли подвергаться всей строгости ея; кровь связывала родовой союзъ, но старшинна не былъ виновникомъ жизни своего рода, а самъ въ немъ былъ такой же членъ какъ и другіе, только старшій, и власть его была власть не крови, но старшинства. Это старшинство, съ представленіемъ единокровности, служило основаніемъ патриархальной власти. Тѣмъ не менше она была выше отеческой внутри рода, такъ какъ отцы и дѣти и всѣ нисходящіе подчинялись ей наравнѣ, и, какъ подчиненные одному лицу, болѣе или менше уравнивались въ своихъ родовыхъ правахъ. Причемъ однако жъ власть отеческая не теряла своего значенія, какъ власть ближайшая, непосредственная и въ дѣлахъ семейственныхъ брала перевѣсъ.

Высказавъ понятіе о родовомъ союзѣ и родовой власти вообще, рассмотримъ, какъ она представляется въ жизни славянскихъ народовъ

* См. ниже. Въ княжескомъ родѣ единственный случай неповиновенія отеческой власти представляется въ 1015 года въ примѣрѣ Ярослава (Кеннигсб. 93), тогда какъ примѣры неповиновенія князей родовой власти великаго князя встрѣчаются въ летописяхъ часто. Впрочемъ, это указываетъ болѣе на ослабленіе родового начала у князей, чѣмъ на естественную слабость патриархальной власти.

въ особенности. Источниками въ этомъ случаѣ могутъ служить дѣшншіе остатки славянской древности, отрывки изъ народныхъ пѣсенъ и недосказанныя извѣстія летописцевъ; но намекамъ ихъ должно по возможности возстановить тогдашнюю жизнь. Заключенія объ ней отчасти могутъ быть подтверждены фактами изъ послѣдующей жизни русскаго народа и русскихъ князей.

Здѣсь должно обратить вниманіе на родовую власть, происхожденіе ея, характеръ, пріобрѣтеніе, права и обязанности старшины и подвластныхъ родичей, и вообще родовыя отношенія личные и вещественныя, то есть, отношенія по собственности.

Изъ представленныхъ терминовъ, существовавшихъ для означенія родовой власти, какъ-то : отъ, отецъ, отчикъ—батьа и другіе, видно, что власть эта первоначально возникла изъ власти отеческой. Непременнымъ условіемъ возможности поддержанія союза дѣтей по смерти отца, должна была быть правильность семейнаго союза какъ уже замѣчено выше. Сожительство сыновей, по смерти отца, послѣ котораго они могли оставаться тоже женатыми и отцами, какъ фактъ, известный и повторяющійся и нынче у нѣкоторыхъ Славянъ *, съ своей стороны свидѣтельствуетъ, что строгость отеческой власти у Славянъ не имѣла примѣненія и если существовала то только какъ возможность, а не какъ дѣйствительность; иначе по смерти его непременно слѣдовало бы распаденіе семьи, и женатые сыновья ни въ какомъ случаѣ не стремились бы къ тому, чтобъ подчинить себя новой родовой власти. И такъ собственно не сила власти отеческой связывала семью у Славянъ, а взаимная любовь между отцомъ и дѣтьми. Въ слав-

* Козьма Пражскій объясняетъ происхожденіе власти по-своему: «Когда не стало единства между Славянами.... quicunque in sua triba v. generatione personas moribus potior habebatur... (по словамъ Козьмы, несогласія и нарушение правъ собственности пробудило нужду въ судебной власти, и она вручалась тому, кто былъ «moribus potior etc»). Это объясненіе, вѣроятно, не есть преданіе, а просто мѣтніе самаго Козьмы. Невозможно, чтобы власть возникла въ родахъ Славянъ вслѣдствіе отрицательныхъ вѣншихъ причинъ. Не стремленіе оградить личность отъ нарушеній породило патриархальный бытъ—онъ долженъ былъ излиться непосредственно изъ самаго характера Славянъ, изъ условій. Народныя пѣсни не выводятъ родовой власти изъ различій, но тѣмъ менѣе объясняютъ происхожденіе лучше чѣмъ Козьма.

вншней семьѣ у отца не было права на жизнь, смерть или на продажу] своихъ дѣтей и нисходящихъ. Хотя можетъ-быть оно и существовало *, но существованія его не подозревали ни дѣти, ни самъ отецъ. Такой характеръ семьи и семейной власти у Славянъ необходимо велъ къ образованію рода и къ происхожденію родовыхъ старшинъ.

По смерти отца власть его переходила къ другому лицу или естественнымъ путемъ сама собою къ старшему въ родѣ, или на основаніи предсмертнаго распоряженія отца, или же наконецъ въслѣдствіе избранія осиротѣвшими себя владыки въ *отца мѣсто*. Естественно, что при раздальности родовъ этой властью могъ быть облоченъ только свой, а не чужой. Какъ исключеніе изъ этого правила существовало еще пріобрѣтеніе власти чужеродцемъ посредствомъ присоединя, причемъ она, разумѣется, была несравненно тигоствѣе и строже, какъ не основанная на любви, другими словами, такая власть не была по происхожденію *родовою*, хотя пространство ея и ограничивалось кругомъ одного рода. Въ подтвержденіе сказаннаго мы приводимъ отрывки изъ древнихъ чешскихъ пѣсень. Въ началѣ пѣсни о Судѣ Любуши сказано: «*Всякій отецъ властвуетъ надъ своей челядью* (то есть, родомъ). Мужчины пахнутъ, женщины нѣютъ, а какъ умретъ *глава челядина*, то *дѣти* всѣ вмѣстѣ выбираютъ себя *изъ рода владыку*». И въ другой пѣснѣ: «*Отецъ отошелъ къ отцамъ, оставилъ въ *дѣдинѣ* своихъ дѣтокъ и женъ, и никому не сказалъ: *бать!* ты говори къ намъ отеческими словами. И пришелъ *чужою* въ дѣдну и заговорилъ чуждыми словами и сталъ вводить чужіе обычаи, какъ дѣлалось въ чужой *волости* (землѣ), такъ заповѣдалъ онъ, чтобъ было у насъ — велѣлъ намъ имѣть на всю жизнь по одной женѣ». Отсюда должно заключать, что право избирать *владыку* принадлежало дѣтямъ умершаго отца, а право быть избраннымъ — одному *изъ рода*, притомъ *мужчинѣ*, потому что оставшіяся жены, то есть, матери дѣтей, какъ видно, не могли имѣть старшинства. Кромѣ дѣтей право избранія принадлежало умирающему отцу; и недостатокъ этого распоряженія могъ иногда вести къ безначалію и къ похищенію старшинства чужеродцемъ. *Бать* властвовалъ въ родѣ, но при этомъ также любилъ своихъ под-*

* Смотри ниже: о правѣ родителей продавать дѣтей въ рабство и о правѣ мужей отдавать своихъ женъ на прокормленіе челядицамъ.

властныкъ, заботясь объ нихъ какъ о своихъ дѣтяхъ и говоря о нихъ *отеческими* словами, то есть, повиновеніе подвластныхъ основано было на любви къ батѣ, который не высказывалъ этой власти повелительными словами и не посягалъ на старые обычаи. Въ рукахъ чужаго, наемника, она выражалась въ крутыхъ мѣрахъ, чужаго, а не отеческихъ словахъ, не въ словахъ любви, касалась всего этого въ родѣ и рушила обычаи отцовъ. Похититель власти, чужой, не могъ быть *батей*: повиновеніе ему основывалось на силѣ его и на принужденіи, а не на любви, которой не могли имѣть родичи къ чужацу.

Естественнымъ путемъ родовая власть переходила къ старшему въ родѣ, сама собою, безъ завѣщанія и безъ согласія сиротъ, — то другое могло быть при этомъ подразумевваемо. Такъ, когда сыну Владиміра-Святаго, Борису предлагали отцовскій столъ, на которомъ сидѣлъ уже Святополкъ, то Борисъ отвѣчалъ «не буди ми взыяти руцѣ брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отцѣ мѣсто *». И такъ, Святополкъ имѣлъ право быть въ отцѣ мѣсто отца, кому уже, что былъ старѣйшимъ между Владиміровичами; хотя расхождение Владиміра вовсе не было, равно какъ не было и избранія, каковы бы братія *положили старѣйшинство* ** на Святополка. Само названіе «старѣйшина» указываетъ на право старшаго по возрасту. Кроме завѣщанія, избранія и старшинства, родовая власть приобреталась еще посредствомъ присвоенія ея однимъ изъ меньшихъ родичей. Этотъ способъ пріобретенія ея, какъ соединенный съ нарушеніемъ права, можно считать исключеніемъ изъ правила.

Такое присвоеніе власти меньшимъ могло имѣть послѣдствіемъ распадъ рода, при чемъ старшій родичъ сохранялъ власть надъ тѣми, кто остался ему вѣрны, а присвоитель получалъ власть надъ своими младшими. Въ подтвержденіе этого приведемъ примѣръ изъ жизни русскихъ князей, гдѣ старшинство соединялось съ правомъ на столъ отца. Когда Всеволодъ Ольговичъ, внукъ Святослава Черниговскаго, отнялъ столъ у своего дяди Ярослава Святославича, и суммалъ удержать Черниговъ за собою, отлучивъ дядю въ Муромъ, тогда родъ Святославичей, а вмѣстѣ съ родомъ и волостъ, раздѣлился: Всеволодъ съ братьями

* Лавр. 57.

** Выразеніе изъ княжескаго родового быта.

общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. Эи составятъ обширный родъ князей черниговскихъ, а Ярославъ сдѣлающъ родоначальникомъ князей рязанскихъ. Весьма вероятно, что такая явленіи повторилась и въ родахъ не княжескихъ.

Подобное же раздвоеніе рода могло произойти въ случаѣ противоположнаго столкновенія началъ приобращенія родовой власти, такъ напримеръ если выборъ въ старшинныя падалъ на младшаго по возрасту*. Здѣсь опять, за неимѣніемъ фактовъ изъ жизни народной, придется прибѣгнуть къ быту княжескаго: такъ сълѣдствіемъ избранія Мономаха (Киевлянина) на кievскій столъ, съ которымъ соединялся старшинство въ рода князей, было отдѣленіе рода князей черниговскихъ, во признавшихъ власти младшаго родича избранника, а вмѣстѣ съ старшимъ изъ Руси черниговской волости, съ исключительнымъ правомъ на нее Ольговичей. Конечно, сравненіе княжескаго родоваго быта, приращеннаго къ владѣнію, съ отжившимъ уже тогда патриархальнымъ бытомъ народа, всегда будетъ лишней точности, темъ не мѣнѣе поможетъ дать приблизительное понятіе о томъ, какъ было правде въ народѣ. Въ приведенномъ примѣрѣ встрѣчается новое начало приобращенія родовой власти, котораго не могло быть въ родовомъ быту народа. Если прикинуть сказанный примѣръ къ жизни народа, то избраніе Мономаха, можно понимать какъ выборъ его въ старшинныя младшихъ родичи. Дало въ томъ, что вслѣдствіемъ необычайнаго уклоненія отъ обычнаго порядка перехода власти бывало раздвоеніе рода и появленіе новыхъ родовъ и старшинъ, и такъ, по той вероятности, бывало и въ родахъ другихъ Славянъ.

Что касается до того, какіе родичи получали по старшинству власть въ родомъ, то вопросъ этотъ, при известной степени развитія рода, не могъ быть рѣшаемъ единообразно, потому-что старшинство возраста могло въ разное время принадлежать разнымъ лицамъ, находившимся въ различныхъ отношеніяхъ взаимнаго родства. Больше или меньше единообразное рѣшеніе этого вопроса возможно было только при первоначальномъ образованіи рода изъ семьи. Такъ по смерти отца родоначальника, старшинство возраста между мужчинами принадлежало старшему его сыну, который и замѣнялъ собою умершаго отца; отсюда правило, что братъ старшій долженъ быть «въ отца мѣсто» своимъ меньшимъ братьямъ. После старшаго брата, родовая власть переходила

* Соловьевъ. Отн. Новг. къ вел. князьямъ, 7—8.

дѣла къ другому брату, оставшемуся старшимъ; за нимъ къ третьему и такъ далѣе. Осиретѣвшіе дѣти сыновей родоначальника, подчинили своему дядѣ-старшину, наравнѣ съ его собственными дѣтьми и съ своими младшими дядьями до-такъ-порѣ, пока до одного изъ этихъ послѣднихъ дойдетъ очередь владѣть родомъ, то есть, властвовать надъ своими младшими братьями и надъ племянниками. Последний изъ сыновей родоначальника, за невмѣніемъ младшихъ братьевъ, могъ осуществлять родовую власть только надъ своими собственными дѣтьми и надъ племянниками. Отсюда другое правило: «старшій сынъ яко отецъ». Естественно, что такой порядокъ наследованія родовой власти, подверженъ былъ частнымъ уклонамъ вслѣдствіе случайнаго старшинства различныхъ родичей. Такъ-напримѣръ, младшіе сыновья родоначальника могли иногда родиться въ то время, когда у старшихъ были уже дѣти. Отсюда происходило то, что внуки его были старше его сыновей. Такимъ-образомъ, при соблюденіи закона старшинства по возрасту, внукъ родоначальника впоследствии получилъ преимущество надъ своими дядьями, которые были его младше, и слѣдовательно родичъ третьяго поколѣнія становился выше родича перваго. Но не одно только безотносительное личное старшинство возрастъ давало право на родовую власть, а бралось, вѣроятно, также и вниманіе и старшинство родовой степени, которымъ извѣщалась близость лица къ родоначальнику; эта близость также давала право на обратное родовую власть*. Отсюда новая возможность столкновѣнія различныхъ началъ, полученія власти въ родѣ, слѣдовательно неслучайно поведъ къ раздвоенію рода.

Послѣдствіемъ такого раздвѣленія, которое, кромѣ указанныхъ причинъ, происходило и отъ чрезмѣрнаго размноженія родичей, была потеря власти надъ нѣкоторыми изъ членовъ рода, поступавшимъ въ такомъ случаѣ подъ начальство новаго старшинины. Такая же частная потеря ея надъ нѣсколькими лицами могла произойти вслѣдствіе добровольнаго освобожденія ихъ старшиною и разлученія съ родомъ

* Близость къ родоначальнику бралась во вниманіе при счетѣхъ между князьями. Ср. Ипат. 110 «одного дѣда есмь внуци, а колко тобѣ до него тебѣ и мнѣ». На преимуществѣ близости къ родоначальнику основано было наследованіе между Ярославичами, гдѣ старшая стовѣкъ исключала младшую.

даже и тогда, когда владѣеи принадлежали или принадлежали * . Вла-
рство также бывало и такое самовольное отпадение родичей, которое
не одобрялось поступленіемъ ихъ подъ власть другаго старшинны.
Подобно же выкидыши изъ рода можетъ-быть возмалась еще вслед-
ствие приговора родственниковъ и осужденія на изгнаніе изъ рода въ
виновато за вину ** . Потеря власти надъ женщинами могла произой-
ти вследствие брака съ чужеродцами, послѣ чего онѣ поступали
подъ одну власть съ своими мужьями. Совершенно превращалась ро-
дская власть смертью старшинны, и за тѣмъ приобретение ея новымъ
лицомъ происходило на основаніи указанныхъ началъ.

Изъ того, какими родичамъ доставалось владѣеи родомъ, можно
включать о характеръ патриархальной власти. Если даже самая власть
отеческая не могла быть тяжестною, для того, чтобы образовался
патриархальный союзъ, то тѣмъ менше могла быть тяжела и строга
власть старшинны, которую онѣ осуществлялъ по большей ча-
сти надъ боковыми родственниками, иначе патриархальный союзъ
неприменно бы рушился. О кротости этой власти свидѣльству-
ють восточные писатели ***; отчасти также можно судить объ ней
по названіямъ, сохранившимся для старшинны княжескихъ: всѣ князья
были *братья*, въ томъ числѣ и старшинна былъ также *братъ* сво-
ихъ подвластныхъ, но только братъ *старѣйшій*. Оставшись въ отца
после, онѣ былъ не просто отецъ, но *братъ и отецъ*, *стрѣй и*
отецъ, *стрѣй-отецъ-и-братъ-старѣй*, *яко отецъ* и тому подоб-
ное. А потому и родственники не были ему безусловно подчинены
какъ дѣти, но были въ отношеніи къ нему *братьями и сыновьями*.
Такое же названіе принадлежало и родному младшему брату старши-
ны. Братья должны были жить «*послушающе братъ брата*» **** . И такъ
собственно не власть, но любовь держала славянскій родовой союзъ,
но *крайней-мѣрѣ* власть менше, нежели взаимная родственная лю-
бовь, служила основаніемъ его единству.

Повторяемъ въ нѣсколькихъ словахъ немногіе выводы изъ сказан-

* Чапгоу, р. 345 и 347.

** Сравни. Новгород. I. 43, «Подите къ князи своему напѣ есте не *братья*».

*** Казянин. Чапгоу 345. «Le souverain est considéré comme le père pour ses sujets».

**** Завѣщ. Ярослава-Великаго въ Лавр.

яго о жизни народа при господствѣ быта патриархальнаго. Де-сипоръ, мы, по возможности, рассмотрѣли: 1) Происхожденіе родового союза и родовой власти — изъ семьи при условіяхъ семейной любви и правильности семейныхъ отношеній. 2) Начала пріобрѣтенія родной власти, — принадлежаніе къ роду, старшинство возраста, старшинство степени и близость къ родовачальнику, завѣщаніе, избраніе, присвоеніе своимъ и наследственное пріобрѣтеніе ея чужеродцемъ; кроме того мы видѣли также, что старшинство могло принадлежать только мужинамъ, а не женщинамъ. 3) Родственники, получившіе власть на основаніи старшинства возраста, были братья, дядя и вообще старшій въ родѣ. 4) Пріобрѣтеніе ея надъ нѣкоторыми изъ родственникововъ происходило вслѣдствіе распаденія рода, а надъ новыми лицами — посредствомъ браковъ своихъ подвластныхъ съ женщинами изъ другаго рода. 5) Потеря власти надъ нѣкоторыми — вслѣдствіе отпаденія ихъ, освобожденія, изгнанія и брака подвластныхъ женщинъ съ чужеродцами. 6) Наме-нецъ совершенное прекращеніе власти смертію старшины.

Переходимъ къ рассмотрѣнію отдѣльныхъ правъ и обязанностей старшаго въ родѣ.

Вообще мы такъ мало имѣемъ современныхъ указаній, что невозможно представить отчетливо всѣ подробности тогдашней жизни, и судить объ нихъ можно только по намекамъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ и въ словахъ летописцевъ. Такъ въ одной древней чешской пѣснѣ говорится :

«Kamo *otc*ík dáwase krme bohóm
Kamo k njem hlasat chodivase».

Здѣсь важнѣе всего то, что *отецъ*, или батя, владыка, старшина, — во времена язычества — давалъ пищу богамъ, то есть приносилъ имъ жертвы, а не дѣти его или подвластные родичи. Отсюда должно заключать, что право совершать религиозные обряды принадлежало старшему, который такимъ образомъ былъ въ своемъ родѣ верховнымъ жрецомъ. Вотъ все, что можно сказать о власти родового старшины въ религиозномъ отношеніи.

Законодательная власть старшины по всей вѣроятности осталась безъ примѣненія, такъ какъ Славяне имѣли уже «обычай свой,

* Кралев. рук. VI.

законъ отецъ своихъ, преданья и свой нравъ». * Обычаи не основывались на частномъ произволѣ старшаго, но велись изстари по преданію. Это подтверждаютъ слова Прокопія (III, 14), сказанныя имъ о Славянахъ и Антахъ, которыхъ онъ, по византийскому обыкновению, величаетъ варварами: «*Aliarum etiam regum fere omnium ab utrisque barbaris servatur eadem fuit que olim constituta*». ** И такъ власть старшинны не могла здѣсь имѣть обширнаго круга для своей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что при первобытной простотѣ нравовъ и несложности кровныхъ отношеній, обычай касался болѣе всего религіи и важнѣйшихъ случаевъ въ жизни родичей. Такъ Несторъ упоминаетъ о брачномъ обычаѣ Полянъ и другихъ славянскихъ племенъ *** и вообще называетъ «обычаемъ и закономъ отецъ» религію языческую въ противоположность закону «исписанному» то есть религіи откровенія ****. На подобныя обычай не посягалъ старшина, — онъ придерживался ихъ, потому-что столько же врился въ ихъ святость, сколько и подвластныя его родичи. Только чуждой, похититель власти, следовательно самовластецъ, могъ заповѣдывать покореннымъ имѣть на всю жизнь по одной жемъ и могъ позволять себѣ нововведенія, какъ о томъ упоминается въ псалмѣ, но въ ней же говорится и о томъ, что подвластные сътовали на это. Заповѣдь *своего* касалась другихъ предметовъ: такъ напримѣръ онъ могъ заповѣдать батъ, наследнику родовой власти, любить своихъ младшихъ, быть имъ вмѣсто отца, заботиться объ нихъ какъ о дѣтихъ и говорить къ нимъ отеческими словами, а потому также могъ заповѣдать и младшимъ чтить его какъ отца. Примѣръ подобнаго распоряженія, кромѣ выше указанной древней псалми, встрѣчается и въ летописи Нестора: такова была впоследствии у князей заповѣдь Ярослава своимъ дѣтямъ. † Все это однако жъ было не болѣе какъ частное распоряженіе, завѣщаніе или наставленіе, чего нельзя разсматривать какъ

* Лавр. стр. 6.

** Эта приверженность къ обычаямъ отцовъ высказывалась во всеобщемъ. Ср. Сов. Пр. 41—42, г. 952. Когда Болеславъ сказалъ: «*Volo et iubeo ut mihi opere romano edificatis murum urbis nimis altum per gyrum*», то ему отвѣчали: «*Neque visimus, neque volumus facere, quod precipis, neque enim Patres nostri tale quid antea fecere*».

*** Келлгсб. 12.

**** Лавр. 6.

† Лавр. 78.

примѣръ законодательной власти старшинны. Подобіе родовой законодательной власти встрѣчается впоследствии при болѣе сложныхъ отношеніяхъ между русскими князьями, когда на сонмъ ихъ полагаютъ какое-нибудь правило, которымъ князья-родичи должны были руководствоваться. Такъ напримѣръ на съездѣ въ Любечъ постановлено было: «каждо да держитъ отчину свою». Впрочемъ подобныя соглашенія князей всегда принимали видъ не закона, но временной мѣры.

Судебная власть, по увѣренію Козьмы Пражскаго, была самою первоначальною формою проявленія власти старшаго въ родѣ. Появленіе потребности въ судѣ, или посредникѣ есть слѣдствіе столкновения личностей. Естественно, что родичи въ спорахъ обращались къ старшему, котораго власть существовала уже и до того сама по себѣ, проявляясь въ правѣ приписать жертвы и предводительствовать при переселеніяхъ *, заповѣдывать, владѣть родомъ своимъ, и въ правѣ на послушаніе младшихъ. Нужда въ судебной власти открывается во время первоначальнаго ослабленія патриархальнаго союза и появленія идеи объ отдѣльной личности, чего не могло быть при полномъ господствѣ этого союза, гдѣ всѣ личности сливаются въ одну общую, юридическую личность рода. Эта же потребность въ судѣ по всей вѣроятности поколебала исключительное право старшаго на власть въ родѣ и породила произвольное избраніе родичами владыки, такъ какъ для произнесенія суда нуженъ былъ человекъ, который, по выраженію Козьмы Пражскаго, былъ бы: «*maioribus potior et opibus honoratior... in sua tribu vel generatione*», ** — условіе, которое не всегда можно было найти въ старшемъ. Потому-то когда между судьями преславился Крокъ, то къ нему стали прибѣгать за судомъ и изъ чужихъ родовъ ***, что прямо противорѣчило ихъ раздѣльности и взаимному отчужденію. Отсюда недалеко уже было до судебной княжеской власти при участіи сеймовъ, состоявшихъ изъ *кметовъ*, *леховъ* и *владыкъ*, какъ это было во время Любуши, дочери Крока. **** Прежде всего требованія личности коснулись имущества, которое по родовому обычаю было

* Procop de B. S. III, 14. «*Habitacionis locum subinde mutant*» — Ср. Звенигъ, «*Vsak ot svej celede cofevodi*». — Пришедшіе съ Чехомъ въ Богемію названы въ писмѣ о судѣ Любуши *облаками* Чеховыми.

** Cos Pr. 3.

*** Тамъ же.

**** Судъ Любуши.

перезаключить достоинству родней. Эти требования сначала могли совершиться старина; * но потому должны были переслать ее. И такъ другъ, въ которомъ первоначально вращалась судебная власть, былъ кругъ отношений гражданскихъ и преимущественно отношений собственности. Что касается до уголовной власти внутри рода, то скажемъ современниковъ не упоминаютъ объ ней. Преступленія чужеродовъ имѣли слѣдствіемъ или всеобщее возстаніе рода на родъ, или на частную месть въсколыхъ родичей, болѣе чѣмъ другіе потерпѣвшихъ нарушеніе права. Почти единственный видъ преступленія былъ тогда убійство, местинками за убитаго былъ его *ближніи*: за отца сынъ, за брата братъ и такъ далѣе. Возстаніе родовъ, одного противъ другаго, происходило не только вслѣдствіе преступленій, но также и вслѣдствіе столкновенія интересовъ родовъ, при чемъ борьба замѣняла недостатокъ общей судебной власти надъ родами. Месть могла возникнуть только изъ преступленій. Она могла существовать между чужеродцами, не нарушая родоваго единства. Убійство родственное могло вызвать месть между родичами: мстить могли дѣти и ближайшіе родичи убитаго своимъ же родичамъ-убійцамъ. Послѣдствіемъ такой родственной мести, если только допустить ее **, необходимо было раздѣленіе

* Ср. приговоръ Любуши: «*chudeta im odu wjedno wlasti*».

** Соловьевъ, обрѣвѣрая Эверсова объясненіе пражды дѣтей Святослава и Владиміра, старается доказать, что месть внутри рода не существовала (см. Ист. Отнош. между князьями с. 46 — 48 и Эв. Др. Рус. Пр. перек. Платонова, с. III — 119. 274 и слѣд.). Быть можетъ, что Эверсъ объясняетъ эти событія и не совершенно справедливо; тѣмъ не менѣе въ летописяхъ встрѣчаются факты мести внутри рода, между родичами-князьями. Давр. 61. Ярославъ, идучи на Святополка-Окаяннаго, между прочимъ говорилъ: «не я почахъ избивати братью, но онъ да будетъ *оместинникъ* Богъ крове братья моего... но суди ми Господи по правдѣ... Тамъ же, 109. Святополкъ Изяславичъ, по иговоруашъ Давида Игоревича, хотѣлъ мстить за убійство брата своего Васильку, своему племяннику; но смертный приговоръ надъ Василькомъ *не былъ* кончился только ослѣпленіемъ. Обвиненіе Василька въ убійствѣ было важнѣе всѣхъ другихъ вмененныхъ на него Давидомъ, и Святополкъ прежде всего умолявалъ именно на это обвиненіе князьми, когда они требовали отчета въ преступленіи Василька. Ср. Ноуч. Монаха. Тамъ же 106: «а братию моему судъ пришесть, а всѣ ему *не бу- дещя местиникъ*, но возложивъ на Бога». Тамъ же 207, «Олеги уби Свля-

рода на части, или отнадею враждующихъ. Въ подобныя случаи власть родовая, кажется, не могла имѣть значенія, потому-что индѣй видѣлъ въ убійствѣ ближняго личное оскорбленіе и мстил не потому, что обязанъ былъ мстить, а скорее потому, что самъ былъ обиженъ, и следовательно мстил за себя самого; ближайшая связь вовлекала во вражду и тѣ племена, къ которымъ принадлежали враждующіе родичи, и которые послѣ этого едва ли могли остаться подъ одною властью старшины, бессильнаго примирить ихъ, вступить за обиженныхъ и наказать преступника, не обидѣвъ тѣмъ самымъ его ближнихъ. Сохраненіе родового единства возможно было бы въ случаѣ изгнанія преступника, но и тутъ должна была возникнуть двойная вражда: ближнихъ изгнаннаго къ ближнимъ оскорбленнаго и къ родичамъ, которые произнесли приговоръ, не говоря уже о томъ, что обиженные едва ли бы могли удовлетвориться наказаніемъ преступника и *отложить вороводу* къ нему и къ его ближнимъ. Такии же явленіями должно было сопровождаться и братоубійство съ тою разницею, что въ этомъ случаѣ болѣе возможно было сохраненіе родового единства, по-крайней-мѣрѣ отъ рода могло отпасть меньшее число членовъ. Убійство между непосредственными родичами кромѣ того еще должно было имѣть слѣдствіемъ разрывъ семьи съ убійцею, который, ускользнувъ отъ мщенія, долженъ былъ начинать собою свой новый родъ. Вообще, судя по характеру славянскаго народа, надо полагать, что подобныя случаи бывали чрезвычайно рѣдки, они чаще происходили въ родѣ русскихъ князей, гдѣ въ родственное дѣло мѣшались важныя личные интересы, и гдѣ по этой причинѣ родственныи союзъ нуждался для поддѣржанія своего въ крестномъ цѣлованіи. — Поводомъ къ мести вообще могла быть *обида* и *соромъ* *. Обидой было убійство: такъ Ольга говорила Древлянамъ: «язъ мстила обиду мужа своего» **, а какую *обиду* нанесли Игорю Древляне, это извѣстно. Подобная

тоска; послѣди же Александръ, Святославъ братъ уби Олга, и *еще* ни *мстятъ* створися радость дьяволу». Ипат. 122. Святославъ располься гнѣвомъ... река: «яко мстился быхъ Всеволоду, но не язъ Ростиславичи: а тѣ ми во всемъ пакостять въ Руской землѣ, а въ Володнмирѣ пласени кто ми ближни, тотъ добръ».

* Ипат. 148. «А быхомъ помѣстили обиды и соромы своего».

** Лавр. 25.

обиды называлась месть, то есть смерть за смерть. Кроме того название обиды распространялось на всякое нарушение права, касалось ли это нарушение личныхъ или имущественныхъ правъ. Такая обида требовала *оправды*, то есть восстановления права *. Отсюда месть и название вообще или вознаграждение за убытокъ иногда совпадали въ значеніи. Личная обида въ отличіе отъ нарушения права собственности называлась *соромомъ*. Бесчестіе, соединенное съ нарушеніемъ права собственности или владенія, напримѣръ соромъ былъ клязю, когда у него отнимали волость **. Впрочемъ, значенія этихъ словъ часто сдвигивались, и слово соромъ употреблялось тоже въ значеніи убійства одинаково съ словомъ обида. Такъ, хотя Святославъ и увѣрялъ своихъ воиновъ въ Греціи, что «мертвымъ срама не имуть» ***, однако жъ когда Ягъ Вышатичъ хотѣлъ пойти безъ оружія на явную опасность къ митешникамъ, то отроки Яновы говорили ему: «не ходи безъ оружія, *осоромать* тя» ****. Ясно, что осоромать значитъ — убить. Это подтверждаетъ, что единственный видъ преступленія первоначально былъ убійство. Соромъ и обида, нанесенные кому-либо извѣстнымъ лицомъ, были *виною* этого лица. Вина могла впоследствии быть оправлена не одною смертью виновнаго, но и другими способами, напримѣръ у князей отнятіемъ волости †, вознагражденіемъ вреда и тому подоб-

* Ипат. 32. «Се стрій мой Гюргинъ изъ Ростова обидитъ мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отнималъ и на путѣхъ ихъ пакости дѣять, а хочю поити навъ и то хочю *уравнить* любо *жиро* ѡ, любо ратью». Тамъ же 45. Венгерскій король, посылая войско Изяславу, говоритъ: «ты ся прави съ кѣмъ обида есть». Тамъ же 49. «Посла Изяславъ къ Вячеславу и къ Гюргеви, река тако:.... хрестъ еста цѣловала на томъ ако *може* что есть, то *исправити*... на чѣмъ хрестъ еста цѣловала, то *уравити*, не хочета ли того всего *исправити*, то язъ азъ *оби* ѡ не могу быти». Тамъ же 120. «Помде (Мстиславъ) на Полтескъ, на Всеслава; ходилъ бо бяше дѣдъ его на Новгородъ и взялъ ерусалимъ и сосуды служебныи и погостъ одинъ завелъ за Полтескъ. Мстиславъ же все та хотя *оправити* волость Новгородскую и *обиду*». И такъ обида здѣсь означаетъ нарушение права собственности. Оправити иногда заглавается выраженіемъ «освободить отъ обидъ». См. тамъ же 121.

** Ипат. 41, 42, 50, 160 (соромота) 209, 210, 223.

*** Лавр. 50.

**** Тамъ же 75.

† Ипат. 119. «О же навинится князь, то у волость, а нужъ у голову».

инствъ. Подобрать или не подобрать вѣкового наказанія, зависящаго отъ провиненія лица, потерпѣвшаго нарушеніе права". Впрочемъ думая

Что касается до другихъ правъ родового старшинства, то ему первоначально принадлежало право на повиновеніе: это само собою разумно и ясно изъ словъ *владѣть* и *всеводить*. Если вѣсть о собраніи переселеніе славянскихъ родовъ, какъ в томъ свидѣльствуютъ Проконій, и вражду между Славянами и возстанія рода на родъ, какъ это говорятъ другіе византійскіе писатели и Несторъ заодно съ Арабамъ, то должно заключать, что словомъ «воеводитъ» означалось у Славянъ право старшины предводительствовать надъ подвластными при этихъ усобицахъ и переселеніяхъ. Примѣръ такого предводительства находимъ у Козьмы Пражскаго, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о прибытіи Чехъ съ родомъ своимъ въ Богемію **. Выборъ мѣста жительства зависѣлъ отъ старшины: какъ Чехъ избралъ для своего рода Богемію, такъ Кн. избралъ для своего—мѣсто на Дунаѣ,—«приде къ Дунаеву, сълѣбо мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше състи съ родомъ своимъ» ***. Словомъ *всладить* выражалась совокупность всѣхъ правъ старшины. Другія слова для выраженія власти старшаго, употребительныя въ княжескомъ родѣ, были: *водитъ подль ся и кормить*. Кроме бузавицкаго значенія своего, то есть *питать*, чѣмъ выражалось право старшаго на распоряженіе родовымъ имуществомъ и понятіе о родичахъ ****, *кормить* имѣло и другое значеніе, уцѣлѣвшее отчасти въ словахъ *кормило*, *кормчій*, съ которыми соединено понятіе правленія или управленія. На оборотъ, для опредѣленія отношеній младшихъ къ старшему, употреблялись выраженія: *поминать*, *ходить къ руку*, *ходить съ волю*, *битъ съ волю*, *ходить по комъ*, *подль ѣздить*, *ѣздить возль стреле-*

* Ипат. 165. Рекшимъ вемъ князьямъ: «прими власть его за соромъ свой, онъ же за братолюбіе не прія власти, и все похвалиша его. юридическія понятія требуютъ подробнаго изслѣдованія. То, что можно было бы сказать о нихъ, во всякомъ случаѣ на основаніи точныхъ словъ лѣтописей не можетъ быть отнесено къ періоду господства родового союза въ русскомъ народѣ.

** См. выше.

*** Лавр. 4.

**** Кенягсб. 56 сказано объ Ольгѣ, что она «кормила сына своего до мужества его и до возраста его».

въ семействѣ или дѣлать имъ какую нибудь службу, въ случаѣ нужды, въ случаѣ войны и прочее:

Трудно определить съ точностью, какая была граница этихъ привилегій. Въ княжескомъ родѣ встречаются случаи сопротивленія подданнымъ, когда старшина раздѣлялъ интересы свои и некоторыхъ родичей съ интересами цѣлаго рода. Это состояніе обыкновенно родичей, возставшихъ противъ своего старшинны, въ одну мзоту латинскою названо «бесголовьемъ» *.

На старшинѣ главнымъ образомъ лежала обязанность заботиться о родичахъ, которую раздѣляли съ нимъ старшіе члены рода **. Въ отеческомъ писателѣ упоминаются о вліяніи старшинъ на брачные союзы подданныхъ. Такъ Казимиръ говоритъ: «Celui à qui il naît un enfant de l'un ou de l'autre sexe reçoit de *roi* ses moyens de subsistance. Et lorsque cet enfant a atteint l'âge de puberté, le *souverain* le marie si c'est un garçon, et reçoit du père de ce jeune homme la dot (convenue), qu'il remet à celui de la future; car la dot chez eux se paie d'avance. Celui à qui il est né deux ou trois filles, s'enrichit, tandis que celui qui a deux ou trois fils devient pauvre. Le mariage se fait au gré du *roi* et non à leur choix» ***. Ясно, что здѣсь *souverain* или *roi* значитъ старшинна, а не князь, котораго такое участіе въ семейныхъ дѣлахъ **** допустить трудно. Изъ приведеннаго мзота Казимира въ переводѣ Шармоа, должно заключать, что старшинѣ главнымъ образомъ принадлежало распоряженіе родовымъ имуществомъ, которое обращалось на содержаніе членовъ рода. Выборъ жениху и невесты жениховъ былъ также по преимуществу правомъ старшаго. Браки, какъ мы ви-

* Ипат. 19.

** Ипат. 144. Писла Рюрикъ по брата своего Давида Смоленску рече ему: «брате, се въ осталася старѣйшая въ Руськой землѣ, а поѣди въ нѣтъ Кыеву; что будетъ о Руськой землѣ думи и о братьи своей о Володимери пленени и то все укончася.» Тамъ же 145. «Ты, брате, въ Володимери пленени старѣй еси насъ, а думай гадай, о Руськой землѣ и о своей чести и о нашей.»

*** Charneau 345.

**** lb. 345. «Le souverain se charge de fournir à toutes leurs dépenses, et c'est sur lui que pèsent celles de leurs. Il est comme un tendre père pour ses sujets.»

дѣли, совершались между нитомлими различными селъ, следовательно одинъ изъ сочетавающихся не былъ подвластенъ старшинѣ, — и въ этомъ случаѣ старшина дѣйствовалъ какъ представитель селогорода, входилъ въ сношенія съ чужеродцами и передавалъ взно за новоту. Судя потому, что приданое или взно, по словамъ Казвини, разоряло или обогащало того, кто его платилъ или получалъ, должно полагать, что оно было довольно значительно. Родовая власть не уничтожала различія отношеній между подвластными ей лицами, — это видно изъ множества названій для означенія разныхъ отношеній родства или свойства между лицами ей подчиненными. Право на послушаніе кровн старшинины принадлежало еще всемъ бѣльшимъ въ родѣ и мнѣи (мнѣи) былъ двойнѣ подчиненъ и старшинина, и бѣльшимъ и наконецъ отеческой власти при жизни отца.

Власть отеческая не освобождала отъ обязанности повинованія другимъ старшимъ членамъ рода. Подтверженіе этому можно найти въ родовомъ правѣ князей. Наконецъ, сынъ Мономаха Мстиславъ говорилъ дядѣ своему Олегу: «азъ есмь мнѣи тебе, санся ко отцу моему, азъ тебе во всемъ послушаю».

Вообще о родовыхъ отношеніяхъ можно сказать, что несмотря на всеобщій союзъ семей, каждая изъ нихъ развивалась тѣмъ же путемъ, что и родъ въ самомъ началѣ, и въ каждой по смерти отца, возникла отдѣльная власть старшаго брата, дяди и другихъ родичей, которые тѣмъ не менѣе оставались подвластными главному старшинѣ. Такимъ-образомъ семья внутри рода разрасталась въ цѣлый родъ, который въ отношеніи къ главному роду назывался *племенемъ* (О значеніи этого слова уже сказано выше). Тѣ же явленія должны были повториться и въ отдѣльныхъ семьяхъ племени: такъ постепенно готовилось распаденіе рода на нѣсколько новыхъ родовыхъ союзовъ.

Существованіе племенъ (вѣтвей) внутри рода и возможность раздѣленія его, которая потомъ осуществилась на самомъ дѣлѣ, показываетъ, что хотя родовая власть была высшею, все-таки родительская, а за нею и *племенная* были ближайшими, и потому при распаденіи рода

• Лавр. 108. Ср. Поуч. Моном., тамъ же на 103. «Первое Ростову плотъ сквозь Вятчи, посла на отецъ... та посла на Солтиславъ (дядя) въ Длхи».

иногда не оставались въ руках общему старшинству, но всегда принадлежали къ своимъ отцамъ, или старшимъ братьямъ. Изъ этого видно также, что семейный союзъ не терялъ своего значенія въ родѣ, но существовалъ и действовалъ въ немъ какъ союзъ лицъ непосредственно связанныхъ по крови. Различіе властей родительской и родовою ясно усматривается въ отношеніяхъ между князьями, гдѣ безпрестанно повторяются возстанія противъ старшинствъ, но мы не найдемъ тамъ возстанія дѣтей противъ отца *. Родительская власть, вѣроятно, была довольно значительна, — но крайней мѣрѣ впоследствии у Новгородцевъ было даже право продажи дѣтей въ рабство, право, принадлежавшее въ равной мѣрѣ отцу и матери. Впрочемъ, этимъ правомъ не пользовались родители и въ лѣтписи объ этомъ упоминается какъ о необыкновенномъ случаѣ; и притомъ одинъ только разъ, при описаніи народнаго бѣдствія и ужасовъ голода, который свирѣствовалъ въ Новгородѣ въ 1230 году **. Отечественная власть прекращалась смертью отца или дѣтей. Масуди говоритъ: «S'il naît un fils a un homme de ce pays, il lui donne ses soins jusqu'à ce que cet enfant atteint l'âge de puberté. A cette époque il lui remet un arc de flèches en lui disant: va, soit ingénieur pour toi même; il le renvoie de chez lui et le considère comme un étranger ***». Подобный обычай остался у князей подъ названіемъ «постригы», что впрочемъ означало не освобожденіе отъ отеческой власти, а только формальное признаніе отцомъ совершеннолѣтня сына; день постригъ былъ празднествомъ народа и князей ****.

Кромѣ власти отца надъ дѣтьми, имъ рожденными, кромѣ преимуществъ старшихъ братьевъ надъ младшими и вообще большихъ надъ меньшими, былъ еще особенный видъ неравенства между членами рода, которое возникало вслѣдствіе браковъ и отношеній свойства. На-

* Исключеніе см. выше въ примѣч. Ср. также Ипат. с. 39: «пришелъ бѣ Гюргевичъ старѣйшій Ростиславъ роскопоровася съ отцемъ своимъ».

** Нов. I. 47. «Далю отци и матерѣ дѣти свое одрѣнь изъ хлѣба гостынь».

*** (хармоу. 343, 347.

**** Ипат. 141. «Всеволодъ постриги створи сыновн своему Ярославу и на конь его всади... и бысть радость велика въ Володимирѣ». Лавр. 172. Быша постригы у великаго князя Всеволода, сыну Георгеви, того же дня и на конь его всади. Смотри тамъ же 173, 185, 200.

принять: если сестра законная бабушка, то братья ее въ княжескомъ чинѣ подчинялись ей мужу; но преимущество это не распространялось на его родныхъ братьевъ. Тамъ было въ родѣ княжескомъ*, да впрочемъ вообще шурья были меньше своего зятя; и если кому-либо изъ нихъ приходилось княжить, то съ просьбою ступаютъ къ князю, а не обращались къ зятю**, когда не было въ князяхъ отца ихъ, или другаго старшаго родственника, отъ котораго бы они зависли непосредственно.

Къ числу меньшихъ въ родѣ можно отнести женщинъ, которыхъ Славяне вообще имѣли меньшую правоспособности чѣмъ мужчины, и въ въ которомъ отношеніи считались ниже ихъ, хотя впрочемъ изъ этого правила бывали частыя исключенія. Женщина имѣла равное право съ мужчиною на пользованіе родовымъ имуществомъ, съ тѣмъ различіемъ, что она не могла владѣть родомъ, а следовательно и судить. Исключеніе изъ этого представляютъ Любуша и Ольга***. Впрочемъ, первая имѣла судебную власть уже при уназдѣ родоваго союза у Чеховъ, а вторая была старшею тогда, когда весь княжескій родъ (племя Рюрика) состоялъ изъ матери съ малолѣтнимъ сыномъ. Женщина не могла воевать, — исключеніе встрѣчается у Хорватовъ въ преданіи о сестрахъ Тутъ и Бугъ, которыя предводительствовали народомъ наравнѣ съ братьями. Родительская власть надъ малолѣтнимъ принадлежала въ равной мѣрѣ отцу и матери, по власти этой мать не имѣла вѣдѣть верховнымъ****, и нигдѣ также не упоминается о правѣ матери на-

* Ипат. 23. Изяславъ, внукъ Мономаха говорилъ: «Всеволода (Ольговича) емь имѣлъ въ правду брата старшаго, занеже ни братъ и зять старѣй яко отецъ; а съ нами како ни Богъ дастъ». Последнее слово было о родныхъ братьяхъ Всеволода.

** Лавр. 138. «Послаша (Ростовны) ко Глѣбови: «тобѣ свои шурья, а наша князь!»... Глѣбъ же слышавъ радъ бысть, оже на него честь вкладываютъ, а шурьину его хотѣть».

*** Въ княжескомъ правѣ женщина не допускалась къ княженію Ср. Ипат. 159. «Галичане выгнаша Данилову мать... хотяца бо имѣти сана».

**** Ср. Отношенія взрослого Святослава къ Ольгѣ. Кенігсб. 53. Ольга Глѣголане: «Азъ, Сыне Бога позвахъ; аще ты позвеще Бога, то радоватись начнеши». Она же не внимаше... она же не послуша матерѣ глѣваше на матерѣ», и прочая.

брать сыну невесту. Мачеха имѣла право на уваженіе пасынка, какъ жена его отца". Браки совершались или по совѣщанію женщины съ невестою, или независимо отъ нихъ согласія по воли старшинъ или отцовъ, какъ бывало постоянно въ Русь до временъ Петра-Перваго. Были еще браки, соединенные съ похищеніемъ невесты". Касательно отношеній между супругами Мономахъ въ поученіи говоритъ: «жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою волн». Въ Соф. Временникъ I, 150 (1024 г.) впоследствии упоминается о правѣ мужей отдавать своихъ женъ на прокормленіе челядинемъ. Впрочемъ, это право не имѣло постоянного примѣненія, а существовало только какъ возможность и упоминается объ этомъ какъ о необыкновенномъ обстоятельстве, чтобъ дать понятіе о всѣхъ ужасахъ голода, бывшаго въ 1024 году въ землѣ Суздальской. (Ср. выше указанное мѣсто Нев. I, 47, гдѣ упоминается о правѣ продажи дѣтей въ рабство).

Фактовъ, прямо относящихся ко временамъ патріархальнымъ, мы не имѣемъ столько, чтобы опредѣлить тогдашнія отношенія супруговъ. Во всякомъ случаѣ съ достовѣрностью можно сказать, что несмотря на дозволеніе многоженства, въ отношеніяхъ между ними не было рѣзкаго неравенства, или рабства жены, чему явно противорѣчатъ факты, уже указанные, а именно: привязанность женъ къ мужьямъ, родительская власть матери, равное право на пользованіе родовымъ имуществомъ и вообще значеніе женщины у Славянъ. Вѣкъ, которое платилъ женихъ, отчасти вводитъ въ сомнѣніе объ относительномъ равенствѣ мужа и жены. Но вѣкъ не было куплею, мужъ не покупалъ себя жены, какъ покупалъ вещь или рабу, а только платилъ за возможность быть женатымъ. При томъ иногда вѣкъ оставалось у жены послѣ замужества, а не въ родъ ея, следовательно опять возвращалась къ мужу и присоединялась къ семейному имуществу. Вѣкъ указываетъ также отчасти на неравномерность пропорцій женскаго и мужскаго народонаселенія, то есть, что женщины было меньше чѣмъ мужчины, а въ подобномъ случаѣ вынуждены женщины и пріобрѣтаютъ болѣе значенія. Для Славянъ осваданіе, принадлежавшее къ широкому своему быту, имѣть жену было необходимой потреб-

• Ср. Лавр. 112. О Мономахъ говор. «чтѣястью (мачеху) акы матеръ отца своего рати.

••• Такъ же в. «Угьскиваху уведи дѣвци».

ностью, и эта необходимость стѣсла жену платы, которая, при известномъ числѣ совскателей, могла быть и разорительною, какъ упрямютъ арабскіе историки.

Повторяемъ въ нѣсколькихъ словахъ сказанное о правѣ старшины и подвластныхъ. Старшій въ родѣ приносилъ жертвы, соблюдалъ обычай отцовъ, заповѣдывалъ, распоряжался, судилъ, властвовалъ (воздѣлъ), предводительствовалъ при войнахъ и переселеніяхъ, велелъ о родѣ (кормилъ), женилъ, передавалъ вѣно и вѣзъ рода действителъ какъ его представитель. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ старшина, вѣроятно, совѣщался съ болышми. Уголовная власть его ограничивалась правомъ частныхъ мстителей. Съ своей стороны родичи помнили старшину, ходили въ его волю, *смотрѣли* на него, имѣли его себѣ отцемъ и тому подобное. Кромѣ того въ родѣ была своя іерархія: старшинство возраста или условное (вслѣдствіе отношеній свойства) давало преимущество надъ младшими. Родъ дѣлился на племена и семьи. Старшій въ племени имѣлъ ближайшую власть надъ своимъ братъемъ; старшій братъ надъ младшими, дядя надъ племянниками, отецъ надъ дѣтьми. Въ случаяхъ столкновенія властей, непосредственная брала перевѣсъ надъ ближайшею, а ближайшая въ свою очередь надъ общою родовою. Старшій въ племени, касательно своей братьи, получалъ преимущество надъ старшимъ въ родѣ; старшій братъ, касательно своихъ младшихъ, надъ дядею; — отецъ, по отношенію къ дѣтьми, надъ — всѣми. Состояніе женщинъ не было унижено, онѣ пользовались теми же правами, что и мужчины съ нѣкоторыми ограниченіями.

Кромѣ личныхъ отношеній въ родѣ, были еще отношенія по имуществу. Согласно различному характеру семьи, какою она представляется у западныхъ народовъ и рода, каковымъ мы находимъ его у Славянъ, отношенія по имуществамъ также получаютъ различный характеръ. При неограниченности власти главы семьи, имущество семейное принадлежитъ ему одному; ему же принадлежитъ и все то, что приобретаютъ дѣти, какъ было у Римлянъ. Со смертію главы и съ распадениемъ семейства, имущество дѣлится между дѣтьми и, такимъ образомъ, является *наслѣдованіе*, то есть, члены семьи приобретаютъ то, чѣмъ еще не владѣли. Согласно характеру славянской семьи, имущество не принадлежало исключительно одному отцу, но было нераздѣльнымъ достояніемъ всего семейства. Сожительство семьи продолжалось у нихъ и послѣ отца, а имущество продолжало быть нераздѣ-

нѣтъ, и такимъ-образомъ возникло родовое *совладѣніе*. Распоряженіе имуществомъ рода принадлежало по преимуществу старшиннѣ, тѣмъ же менѣе однако жъ не было исключительно его собственностью; точно такъ и приобретенія членомъ рода не принадлежали ни исключительно имъ самимъ, ни старшиннѣ, но поступали въ общее нераздѣльное родовое имущество. Родъ по времени могъ размножиться, имущество же увеличиться, тѣмъ же менѣе, при сожителствѣ родичей, имущество не оставалось по прежнему нераздѣльнымъ. И такъ родовой бытъ въ широкомъ смыслѣ отвергаетъ всякое право наследства: одинъ и тотъ же родъ владѣеть однимъ и тѣмъ же имуществомъ; одно поколѣніе постоянно сгивляется другимъ, но новое поколѣніе не наследуетъ старшину, степени рода могутъ быть и не современны; одна линія можетъ происходить нисходящихъ скорѣе чѣмъ другая, и потому степени въ родѣ не имѣютъ особеннаго значенія. Вся родичи безъ различія совладѣютъ со старшиною. Но родъ, какъ юридическое лицо, живетъ постоянно, потому и владѣніе родовымъ имуществомъ также постоянно: оно остается правомъ одного и того же рода, кто бы ни были представители этого рода, и покуда существуетъ родъ, существуетъ общее владѣніе и наследованія нѣтъ.

Дальнѣйшія измѣненія въ родовомъ быту влекутъ за собою измѣненіе отношеній по имуществу. Родъ умножается и развѣтвляется. Вътъши отрасль рода есть совокупность лицъ, происшедшихъ отъ одного изъ членомъ рода, слѣдовательно какъ бы новый родъ, образовавшійся внутри прежняго, или *племя* (въ древнемъ значеніи этого слова). Представленіе ближайшаго взаимнаго родства возбуждаетъ представленіе о частныхъ племенныхъ интересахъ внутри одного и того же рода. Отсюда уже недалеко до раздѣленія. Нисходящіе одного изъ членомъ рода, соединенные представленіемъ о своемъ ближайшемъ родствѣ, *выдѣляются* изъ общаго рода и составляютъ свой отдѣльный, самостоятельный родъ. Другая отрасль выдѣляется тѣмъ же путемъ. Такимъ-образомъ родъ распадается и въ каждомъ изъ новыхъ родовъ существуетъ понятіе о своемъ особомъ родоначальникѣ, членѣ распавшагося рода. Понятіе объ общемъ родоначальникѣ всѣхъ новыхъ родовъ въ жизни ихъ, не имѣетъ уже примѣненія; но преданіе о немъ служитъ основаніемъ единству *племени* (въ шнвинномъ значеніи слова) или *варяда*. Впрочемъ сознаніе объ этомъ единствѣ существуетъ только отрицательно и проявляется по временамъ, при враждебныхъ столкно-

дѣль нѣтъ членовъ семьи вполнѣстѣи дѣлается главою своего семейства, и приобретаетъ тогда право на часть семейнаго имущества. Эту часть онъ можетъ получить или при жизни отца, какъ *выдѣль*, или же по смерти его, какъ *наслѣдство*, или *отчину*.

Названіе отчины преимущественно относилось къ имуществу недвижимому, а движимое имѣніе умершаго по большей части называлось *вѣдницей*. Слово отчина выражаетъ собою понятіе объ имуществѣ, которое принадлежало отцу, а не другому родственнику, и на которое поэтому имѣютъ право сынъ или дочь владѣльца, а не другіе родственники. Слово *дѣдина* означаетъ собственность дѣда, на которую имѣетъ право внукъ; но слово это нигдѣ не встрѣчается въ русскихъ летописяхъ отдѣльно отъ слова «отчина», потому-что въ семьѣ можно было наследовать только отцу, и дѣдовское имущество не иначе переходило ко внуку, какъ черезъ отца,—дѣдина плевазмъ, которымъ означалось только, что собственность отца, была *отчиной*, а не *нажитымъ* имуществомъ, то есть — благопріобрѣтеннымъ. Внуки его наследовали дѣду непосредственно, и если отецъ ихъ ни чѣмъ не владѣлъ, то они ничего не получали. Въ родовомъ быту признавалась самая отдаленная кровная связь; съ паденіемъ родового быта должно было возникнуть прѣтвiное, и потому въ древней русской семьѣ признавалась только самая ближайшая связь родителей и дѣтей, и даже внуки считались чужими для дѣда. На этомъ основано отсутствіе права *представленія* въ древнемъ наследованіи по русскому праву. Имущество умершаго принадлежало только дѣтямъ, а внуки не были *вотчичами*, потому-что наследовать можно было только отцу. Вотъ почему по Русской Правдѣ имущество умершаго бездѣтнымъ, считалось выморочнымъ и поступало въ казну. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что остальные родственныя связи кромѣ непосредственныхъ, не признавались; напротивъ, они продолжали существовать по прежнему, какъ связи родства, или свойства, но только не имѣли значенія въ дѣлѣ наследованія. И такъ появленіе вотчиннаго права относится ко временамъ прекращенія родового быта. Тѣмъ не менше однако жъ прежнее господство этого быта надолго оставило слѣды и въ новомъ періодѣ жизни народнои. Такъ напримѣръ во владѣніи отчиной иногда встрѣчается прежняя неразрѣчность ея между наследниками и владѣніе ея обща. Въ Русской Правдѣ есть законъ, въ которомъ упоминается о раздѣлѣ наслѣдства и о не-

раздѣльномъ владѣніи обща * . Даже въ позднѣйшее время находимъ подобное совладѣніе наслѣдствомъ, которое оставалось нераздѣльнымъ до извѣстнаго времени **. Различіе этой нераздѣльности отъ прежней родовой состоитъ въ томъ, что нераздѣльность родоваго имущества была необходимою и постоянною, тогда какъ нераздѣльность отънычъ зависѣла отъ произвольнаго соглашенія братьевъ и сестеръ, и должна была прекратиться въ послѣдствіи съ умноженіемъ семьи, когда каждый изъ ея членовъ становился самостоятельнымъ семьяниномъ, отцемъ своей особой семьи.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ ходъ отношеній имущественныхъ. Начало родовое и семейственное (вотчинное) получили примѣненіе къ наслѣдованію княжеской власти и къ опредѣленію личныхъ отношеній между князьями, и какъ начала противорѣчащія, вступили въ борьбу, характеризующую періодъ удѣловъ.

III. Союзъ общинный и земскій.

Здѣсь частная жизнь не сливается уже съ общественною и потому мы оставляемъ въ сторонѣ отношенія семейныя и родственныя, и рассматриваемъ вкратцѣ бытъ общественный, какимъ онъ былъ до появленія княжеской власти и какимъ оставался еще надолго при князьяхъ. Но совершенное отдѣленіе быта родственнаго отъ общественнаго послѣдовало не вдругъ, и роды, поселившись на одномъ мѣстѣ, все еще продолжали жить какъ отдѣльные роды *** до-тѣхъ-поръ, пока вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ частная родственная жизнь вошла въ свои предѣлы, когда родъ и семья ограничились извѣстнымъ числомъ ближайшихъ родственниковъ, которыхъ домашнія отношенія перестали мѣняться съ общественными. Впрочемъ даже и тогда общественныя отношенія, вступивъ въ свои права, сохранили прежній харак-

* Русская Правда. «Аже кто оумирая раздѣлитъ дошъ, на томъ же столѣ; пакыли безъ ряду оумреть, тѣ все дѣтиа».

** Псковская судная грамота XV столѣтія, издаваемая Мурзакевичемъ (Одесса 1847 года. с. 14). «А которой вятшій братъ съ меньшимъ братомъ живоучи въ одномъ хлѣбѣ»....

*** Кенигсб. 16. «И возста родъ на родъ». Это показываетъ, что жители Новгорода раздѣлялись по родамъ.

теръ отиошеній родовыхъ. Община была тотъ же родъ, но родъ, въ которомъ власть принадлежала не одному, а нѣсколькимъ старѣйшинамъ, и какъ прежде родъ, такъ теперь общину соединяло въ одинъ союзъ всеобщее родство, съ тою разницею, что это родство было условное и существовало въ названіяхъ, взятыхъ изъ кровнаго быта, нисколько не означая кровнаго родства между гражданами, однако придавая ихъ общественной жизни прежній патріархальный характеръ. Всѣ граждане называли другъ друга братьями, отцами, и какъ между родичами, такъ между гражданами были свои вятчіе, меныіе, старѣйшіе и моложіе, которыхъ взаимныя отношенія носили на себѣ прежній характеръ отиошеній родовыхъ, распространенныхъ теперь на людей, не связанныхъ узами крови. И такъ община сначала является какъ союзъ отдѣльныхъ родовъ, а потомъ какъ распространенный родъ, причемъ родство условное обнимаетъ собою всѣхъ гражданъ вообще, а родство дѣйствительное получаетъ свое мѣсто въ частной домашней жизни. Такой видъ принимаетъ община вслѣдствіе продолжительной борьбы сожителствующихъ родовъ, какъ средства согласить ихъ общіе интересы и вслѣдствіе признанія неразумности подобнаго средства. Впрочемъ, до того же результата община можетъ отчасти достигнуть мирнымъ путемъ съ помощью браковъ между чужеродцами: отсюда возникали разнообразныя отношенія свойства, которыя были столь же обязательны какъ и отношенія родства, и для означенія которыхъ у Славянъ было такое обиліе терминовъ.

Выше мы видѣли, что браки у Славянъ заключались между членами разныхъ родовъ, и до образованія союза общиннаго, когда еще роды жили каждый на своемъ мѣствѣ. Въ этомъ случаѣ свойство было однимъ изъ поводовъ къ первоначальному общенію, такъ-какъ бракъ налагалъ на родичей жены и мужа взаимныя обязанности, которыхъ эти родичи до того еще не имѣли. Такимъ-образомъ и первоначальное общеніе получаетъ видъ распространенія родства на чуждые другъ другу роды, сліянія ихъ въ одинъ союзъ если не *кровный*, то все же родственныи, заключающій въ себѣ и кровныхъ родичей, и свойственникововъ. Но и безъ этого общеніе родовъ рано или поздно должно было возникнуть вслѣдствіе единства вѣры, языка, одноплеменности, взаимныхъ выгодъ, мѣны, общихъ набѣговъ, раздѣла добычи, общаго врага и другихъ неизбѣжныхъ отиошеній.

Формы жизни Славянъ, доселѣ сходныя въ родовомъ быту, въ об-

щинномъ получаютъ у каждаго племени свои особенности, смотря по тѣмъ условіямъ, подъ которыми развилось каждое изъ нихъ въ отдѣльности. И потому теперь Славянъ нельзя уже разсматривать какъ одинъ народъ и приписывать однимъ племенамъ то, что находимъ у другихъ. Имѣя дѣло съ племенами, населившими русскую землю, мы не станемъ вдаваться въ подробности общиннаго быта Славянъ западныхъ, и скажемъ о нихъ въ немногихъ словахъ.

Поселеніе родовъ въ одномъ мѣстѣ имѣетъ слѣдствіемъ появленіе интересовъ общихъ для всѣхъ сожительствующихъ родовъ. При господствѣ родовыхъ старейшинъ естественно, что такія общія дѣла должны быть рѣшаемы по соглашенію этихъ старейшинъ, и это — первоначальный видъ совѣщанія старейшинъ, на которомъ каждый старейшина представлялъ свой родъ и соблюдалъ его частныя выгоды. Возможность столкновенія интересовъ при недостаткѣ общаго судьи, условившая возможность родовой вражды и возстанія рода на родъ, какъ это и было по угаданію нашихъ летописцевъ въ Киевъ и въ Новгородъ*. Борьба родовъ, вмѣстѣ съ другими причинами, имѣла послѣдствіемъ ослабленіе родового начала и отдѣленіе жизни родственной отъ общественной. Вмѣстѣ съ этимъ должно было возникнуть народовластіе, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ современные историки византійскіе и западные**. Съ ослабленіемъ различій родственныхъ по отношенію къ общественному дѣлу, появлялось другое различіе между людьми. Совѣщаніе о дѣлахъ общины не могло принадлежать всей массѣ народа, а было дѣломъ старейшинъ. Еще прежде мы видали, что въ родовомъ быту существовало избраніе въ старейшины родовые, съ которыми вмѣстѣ налагалась обязанность заботы о родичахъ. Но тогда избраніе было ственено и болѣею частью совпадало съ правомъ старшаго по возрасту. Тѣмъ не менѣе существованіе избранія предполагаетъ возможность врученія родовой власти опосредствованному, хотя бы онъ былъ и моложе. Съ удаленіемъ родственной жизни въ свои пределы, избраніе въ старейшины общинныя должно было получить болѣе широкое пространство. Однако жъ въ послѣдствіи и оно ственяется предѣламъ,

* Густин. 234. Лавр. 8.

** Procop III 14. Non uni parent viro sed ab antiquo in populari imperio itam agunt ac propterea utilitates et damna apud ipsos in comune vocari solent. Maurice. Strat. Rom. lib. 1. c. 14. imp. Justinian. Ad. Brem. p. 60.

а отсюда возникаетъ сословіе городскихъ бояръ и лучшихъ мужей *. Кроме того различіе между людьми определялось родомъ ихъ занятій, богатствомъ и вообще состояніемъ. Религія и жертвоприношенія, насколько они были деломъ общественнымъ, условливали классъ жрецовъ; война—классъ военный, иена и торговля—купцовъ или гостей, земледѣліе — классъ земледѣльческій. Эти сословія ны находимъ почти у всехъ Славянъ. Кроме того были еще классъ землевладѣльцевъ и рабовъ (восточнѣйшихъ). Рабство у Славянъ не было вѣчнымъ, и рабъ, по прошествіи назначеннаго срока, получалъ свободу **. Раздѣленіе народа на сословія не было постояннымъ и правильнымъ. Земледѣлецъ или купецъ могъ быть воиномъ, а землевладѣлецъ могъ самъ обрабатывать свою землю. Названія лицъ, принадлежавшихъ къ известнымъ сословіямъ были различны. Такъ у Чеховъ являются *pani, kmetu, lechni, wladuci, zupan, dedinnici, seladnici, druzi, chтары*. У Славянъ балтійскихъ различались сословія землевладѣльцевъ (дворянъ), горожанъ, свободныхъ и рабовъ. У насъ встречаемъ сословія бояръ (городскихъ), старцевъ градскихъ или старейшинъ, дружины городовыя, то есть воиновъ, гостей, емердовъ. Кроме того были и другія названія, напримѣръ чадь простая, нарочитая, лучшие мужи, молодежь, черные люди, холопы, рабы, и многіе другіе. Названія народныхъ собраній вѣроятно также были различны. У Славянъ русскихъ собраніе называлось вѣчемъ, у балтійскихъ словомъ *wagr* ***, у Чеховъ оно называлось *znen* (сеймъ). Вообще западные летописцы, писавшіе по-латынѣ, и византійскіе историки, не сохранили туземныхъ терминовъ для означенія народныхъ собраній и называли ихъ по своему.

Различіе сословій могло имѣть послѣдствіемъ предпочтеніе однихъ другимъ, а отсюда возникали различныя права и преимущества лицъ,

* У западныхъ и византійскихъ писателей они называются различно: *optimates populi, rectores populi* (Сов. Слр. 41—42), *principes gentis* (Лосий тас. 99), *principes terrae, primates populi* и тому подобно.

** Мауринъ говоритъ о Славянахъ: «*Qui sunt in captivitate apud eos, non omni tempore apud gentes alias in servitute tenentur, sed certum eis delectantur tempus*».

*** Адамъ Брск. 60 «*....Praedicatores rectam veritatis, si casti, prudentes et idonei sint, ingenti fervent amore, adeo ut concilio populorum communi, quod ab ipsis *Wagr* (вервь? ср. Рус. Пр.), a nobis *thinc* vocatur, episcopos interesse non recusant.*

принадлежавшихъ къ разнымъ сословіямъ, преимущества, которыя потомъ переходили по преданію и къ потомству этихъ лицъ. Предпочтеніе сословій имѣло слѣдствіемъ уваженіе голоса ихъ на совѣщаніяхъ народа; подраздѣленіе на сословія предполагало существованіе особыхъ интересовъ каждаго изъ нихъ и совѣщанія въ собраніяхъ по сословіямъ. Различныя сословія жили въ различныхъ мѣстахъ; такъ, напримеръ одни въ селахъ, другія въ городахъ; отсюда различіе городскихъ и сельскихъ жителей вообще и различіе въ обязательной силѣ ихъ приговоровъ. У Славянъ при-балтійскихъ встрѣчаемъ различіе въ самомъ способѣ постановленія приговоровъ разныхъ общинъ. Такъ, городская община рѣшала свои дѣла большинствомъ голосовъ, а сельская единогласіемъ, при чемъ несогласные принуждаемы были шаться съ общимъ приговоромъ, и въ случаѣ сопротивленія подвергались пенѣ, или разграбленію имущества *. Естественно, что если несогласныхъ было много, то дѣло рѣшалось битвою. Подобныя примѣры встрѣчаются также въ исторіи Новагорода.

Не у всехъ Славянъ общественная жизнь получила одинаковый видъ: такъ у Славянъ балтійскихъ преобладалъ элементъ аристократическій, у дунайскихъ — демократическій, а у Чеховъ, если вѣрить преданію, непосредственною формою общественной жизни вслѣдъ за родомъ была власть князя, при участіи сейма. Преданіе о *князеньяхъ* находимъ тоже и у племенъ, населившихъ Русь до призванія Рюрика. Но потомъ, вѣроятно, вслѣдствіе нападеній враговъ, князья исчезли, и, почувствовавъ впоследствии нужду въ княжеской власти, одни изъ племенъ звали къ себѣ князей изъ-за моря, а другія подчинялись пришельцамъ, выдававшимъ себя за князей. Но послѣ этого долго еще не уничтожалось въ народѣ начало общинное, и княжеская власть служила первоначально дополненіемъ власти старейшинъ, на сколько она была необходима для достиженія мира, правды и единства, и на сколько князь съ своею *силою*, то есть дружиною, былъ необходимъ для самостоятельности и безопасности народной общины. Съ умноженіемъ и съ распространеніемъ народонаселенія общины, появляется нѣсколько отдѣльныхъ мѣстъ поселенія, которыхъ жители по прежнему остаются подвластны одному вѣчу. Смотря по способу устроенія, по величинѣ, по различію сословій на-

* Gieseler'scht, Wend Gsch.

СЕЛЕНІЯХЪ, мѣста поселенія людей носятъ различныя наименованія, **ИЗЪ** которыхъ у западныхъ лѣтописцевъ находимъ слѣдующія: *pagus* *, *villa*, ** *castrum* ***, *castellum*, *oppidum*, *suburbium* †, *urbs* ††, *civitas*, *templum* †††.

Каждое изъ этихъ мѣстъ поселенія (кроме жилищъ частныхъ лицъ, какъ напримеръ *castrum* и *castellum*), имѣло свое собраніе для совѣщанія о своихъ отдѣльныхъ интересахъ, и въ то же время подчинялось одному общему городскому собранію. Совокупность всѣхъ такихъ мѣстъ называлось у западныхъ Славянъ *жупою*, у Русскихъ *землею*, или *волостью*. Не все народонаселеніе жупы могло собраться въ городъ, и потому совѣщаніе въ городъ принадлежало представителямъ—старѣйшинамъ, уполномоченнымъ. Такое совѣщаніе западные лѣтописцы и называютъ *generale principum tertæ*

* Cos. Prag. 3, 11, 31.

** Ib. 15, 20, 25.

*** Ib. 9 «*Cresco, ex cujus nomine castrum jam arboribus obsitum in sylva, quae adjacet pago Zlibene, situm esse dignoscitur*». Ib 10. «*Tetka... ex suo nomine Tethin castrum aedificavit*». Изъ этого должно заключать, что *castrum* было собственностью частныхъ лицъ. *Castellum* тоже (ib. 36): «*filia Slaviboris comitis de castello Prow*».

† Giesebrecht Wend. Gesch. I. 42. примѣч. 8. das *Suburbium* hieß auch *oppidum*», то что у насъ *передгородье*, то есть, открытое заселенное мѣсто за стѣнами города. Этому, впрочемъ, противорѣчатъ слова Козьмы Праж. (стр. 24): «*clausi in oppido quae dicitur Levigradek*». Ср. ib. 21. *Oppidum* natura loci firmum sibi construerunt, cui a virginali vocabulo inditum est nomen *Diewin*.

†† Cos. Prag. 11. *Libussie, quae etiam urbem tunc potentissimam juxta in sylvam quae tendit ad pagum Zlibesnam construxit, et suo nomine Libossin vocitavit*». Ср. ib. 30 — 31. «*Dux... novam urbem in plano loco construens, nomine Dragus super ripam fluvii Ogro, juxta pagum Postolopr. Прага и Вышеградъ были также urbes* (ib. 20, 21). Городскія стѣны первоначально были невысоки и неправильной формы. Когда въ началѣ X стол. Болеславъ задумалъ построить себѣ *urbem romanæ opere*, то говорилъ: «*volout mihi opere romano aedificetis murum urbis nimis altum per gyrum*. На это Болеславу *primates populi* отъвѣчали отказомъ, потому-что такъ еще не бывало при нихъ отдахъ и дѣдахъ (см. Cos. Prag. 41 — 42.)

††† Thietm. chron. p. 812.

сапоquium *. Въ городъ, какъ и въ мѣстахъ, подчиненныхъ городскому собранію, былъ свой рѣисеръ, который назывался *жула-номъ*. Вѣроятно ему принадлежало право председательства на совѣщаніи о дѣлахъ цѣлой жупы, то есть въ собраніи городскомъ, а вмѣстѣ съ этимъ принадлежали извѣстныя права въ цѣлой жупѣ **.

Жупы могли быть болѣе или менѣе обширны. Такъ въ Хорватіи Константинъ Порфирородный насчитываетъ ихъ всего только семь; тогда какъ въ землѣ Славянъ при-балтійскихъ было ихъ болѣе сорока.

Что на западѣ были *жуны*, то у племенъ, населявшихъ Русь, были земли или волости. Князья дѣлили между собою землю по своему, но раздѣленіе народное отъ этого не уничтожалось: жупы оставались неизмѣнны. Тоже самое было и съ русскими волостями, какъ увидимъ въ третьей статьѣ.

Народовластіе Славянъ, несмотря на кажущуюся правильность своего устройства, не могло служить прямою основою благосостоянія. Современники свидѣтельствуютъ о безпорядкахъ славянскаго народовластія; даже самое слово «въче» получило внослѣдствіи значеніе бунта, а слово «въчники» встрѣчается у летописцевъ въ значеніи мятежниковъ. Неустройство и происшедшее отсюда физическое ослабленіе были для нѣкоторыхъ племенъ причиною потери самостоятельности. Все вызывало необходимость дополненія устройства, и Славяне наняли его въ признаніи княжеской власти, которая, при воинственномъ духѣ князей, служила вмѣстѣ ручательствомъ за безопасность народа извѣ. Но и княжеская власть первоначально не внесла наряда въ бытъ народа. Неправильный тогдашній взглядъ на эту власть и примѣненіе къ ней понятій о частной собственности повлекли за собою раздѣленіе земли между князьями, взаимную вражду, ослабленіе народа и гибель, и много прошло времени, пока наконецъ восторжествовало начало государственное. Но не для всѣхъ Славянъ оно приспало вовремя: для нѣкоторыхъ уже было поздно....

А. ТЮРИНЪ.

* Gieseb. I. 43. Jede Burg mit der dazu gehörigen Provinz hatte ihren eigenen Befehlshaber.

** Gieseb. I.

ЖИВОПИСЬ ВО ФРАНЦИИ ВЪ ОСЕМНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

=

Грёзъ.

Въ половинѣ осемнадцатаго столѣтія, французская живопись, подобно поэзіи, предавалась безразсуднымъ увлеченіямъ прихотливой фантазіи, желая чрезъ это освободиться вѣсколько отъ своихъ прежнихъ строгихъ формъ, замѣнившихся теперь формами изысканными, но не лишенными красоты и привлекательности; этотъ новый родъ живописи можно сравнить съ великолѣпной паркизой, нарядившейся пастушкой, чтобы явиться на придворный балъ. Никто не станетъ отвергать, что такое направленіе искусства, не смотря на то, что оно отзывалось чѣмъ-то натакнутымъ, праздничнымъ и маскараднымъ, не лишено граціи и прелести. Но это злоупотребленіе, это, смѣемъ сказать, искаженіе искусства, было слишкомъ продолжительно.

Явился Грёзъ; концемъ своей кисти онъ смелъ всю эту ветость маскарада, безобразнаго и безславнаго живописи; онъ возвратилъ ей украшеніе болѣе благородное и болѣе ея достойное: украшеніе слезъ. Придонъ и Жерико пошли далье его; они возвысились до чувства; но на этотъ путь навелъ ихъ Грёзъ; онъ былъ звѣномъ въ золотой цѣпи, связующей Лессюера съ Придономъ.

Между живописцами и музыкантами бываетъ болѣе истинныхъ поэтовъ, нежели между поэтами, пишущими стихи. Грёзъ былъ

поэтъ безъ рюмъ и трескотни, поэтъ свѣтской граціи, вѣжливости и простоты чувства, поэтъ домашняго очага, мирной сѣни. Когда онъ явился на поприщѣ искусства, на свѣтъ было слишкомъ много изображеній амуровъ, героевъ и обыкновенныхъ смертныхъ; Венерѣ надоѣло уже улыбаться, Купидонъ растерялъ всѣ свои стрѣлы Вдали отъ неба и Олимпа, Грѣзь сталъ искать образцовъ для картинъ своихъ; ему етодило только посмотреть вокругъ себя: почему не написать, на примѣръ, этой прелестной блондинки въ бѣломъ корсажѣ, съ развѣвающимися волосами, которая поливаетъ на окнѣ цвѣты? или Софьи, срывающей незабудку подъ сѣнью темной аллеи? или Лизы, идущей къ фонтану задумчиво и лѣнливо, какъ-будто она идетъ къ фонтану любви? Зачѣмъ искать поэзии далеко, когда она здѣсь, передъ нами? «Прошла пора поэмы; для живописцевъ и поэтовъ настало время романа», и съ этими словами Грѣзь первый изобразилъ романъ на полотнѣ. Онъ не тратилъ драгоценнаго времени на изученіе по медалямъ Римлянъ, или сатировъ и дрядь по картинамъ Бушѣ или древнихъ живописцевъ; подъ вліяніемъ поэзии колорита и чувства, онъ изучалъ первую попадавшуюся ему сцену, и изъ это йсцены, благодаря романтической поэзии и своему творческому генію, всегда производилъ превосходную картину.

Подобно нѣкоторымъ знаменитымъ людямъ своего времени, Грѣзь жилъ восемьдесятъ лѣтъ. Сильная душа не только не убиваетъ тѣла, но, напротивъ, безпрестанно оживляетъ его. Не вѣрите пословицѣ, которая утверждаетъ, что геній мѣшаетъ жить; почти всѣ великіе люди умерли въ маститой старости. Такъ Тиціанъ сдѣлался жертвою чумы, имѣя почти сто лѣтъ. Грѣзь выдержалъ твердо бурю страстей, бѣдность и страданія; заранѣе приготовился къ перенесенію всѣхъ превратностей судьбы, жилъ безъ томленія и ропота, отдыхая при каждомъ лучѣ солнца, при каждой улыбкѣ любви. Тайна его спокойствія заключалась въ любви къ труду.

Отецъ Грѣза былъ архитекторомъ въ Туринюсъ (въ Бургундіи), гдѣ въ августѣ 1725 года родился Жанъ Батистъ Грѣзь. Лишь только онъ выучился держать перо, тотчасъ сдѣлалъ портретъ своего учителя; на осьмомъ году, увидѣвъ рисунки Рембрандта, онъ сказалъ, подобно Корреджу: «И я тоже живописецъ!» И онъ очертилъ стѣны своей комнатки неопредѣленными и странными изображеніями. Отецъ его, глядя на его рисунки, сдѣлалъ по нимъ заключеніе о склонности сына къ архитектурѣ; онъ заставлялъ его рисовать окна, зданія и дорическія колонны; но Грѣзь

вѣчно представлялъ кого-нибудь въ окнѣ, мать, сестру или кухню. Отецъ, не понимавшій красоту ни въ Рафаэлѣ, ни въ Рембрандтѣ, кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ запретилъ сыну писать фигуры; осмилѣтній Грѣзь принужденъ былъ повиноваться; но, оставаясь одинъ, тотчасъ принимался за свои любимыя рисунки. Отецъ разсердился не на шутку и сталъ за нимъ присматривать, и когда его заставляли за отдѣлкой любимыхъ головокъ, ему отъ отца доставалось порядкомъ. Наконецъ бѣдливый Грѣзь вышелъ изъ себя. Ему пришла мысль представить отцу какое-нибудь образцовое произведеніе. Онъ проводилъ безъ сна большую часть ночей, не говоря ни слова никому и даже своей сестрѣ. Всѣ удивлялись блѣдности его лица и унынію, призвали доктора, который, разумѣется, прописалъ лекарство; Грѣзь просилъ оставить его на три дня въ покоѣ.... Но вотъ наступилъ праздникъ святаго-Якова, день именинъ отца Грѣзя; чуть-свѣтъ молодой Грѣзь приходитъ къ отцу полупечальный, полувеселый; въ одной рукѣ онъ держалъ букетъ цвѣтовъ, въ другой образъ святаго-Якова. Отецъ обнялъ сына, понюхалъ букетъ и посмотрѣлъ на картину: «Откуда ты взялъ эту гравюру?»

— Виноватъ, батюшка, это мой трудъ.

— Вотъ выдумалъ, развѣ я не вижу, что это гравюра?

Но разсмотрѣвъ внимательнѣе, онъ открылъ наконецъ слѣды пера. Онъ восхищался граціею и нѣжностью рисунка; но потомъ все-таки возвратился къ своимъ идеямъ.

— Теперь я тебѣ прощаю; но это ужъ въ послѣдній разъ.

— Я больше не буду писать образовъ», сказалъ Грѣзь вспыхнувъ. Онъ отправился въ свою комнату и снова принялся за работу.

Борьба между живописцемъ и архитекторомъ продолжалась нѣсколько лѣтъ; къ счастью, въ это дѣло вмѣшивалась мать; она усмирляла одного и утѣшала другаго. Между-тѣмъ, Грѣзь росъ и полюбилъ деревенскую жизнь, съ ея живописными видами, уединенными прогулками, гармоническимъ безмолвіемъ лѣсовъ. Онъ бродилъ задумчивый по берегамъ Соны и рисовалъ картины, глядя на жнецовъ и судовщиковъ; принималъ участіе въ праздникахъ сосѣдней деревни и танцевалъ безъ церемоній на деревенской свадьбѣ. Такимъ образомъ онъ обогащался драгоценными воспоминаніями, которыя, въ послѣдствіи, сообщали твореніямъ его какую-то необыкновенную естественность.

Ему было уже тринадцать лѣтъ; но неудовольствіе отца не прекращалось. Однажды вечеромъ, одинъ маляръ, по имени Гро-

дойть, проходя чрезъ Турнюсь съ огромной связкой картинъ, остановился передъ домою архитектора.

— Неудобно ли вамъ картинъ, господинъ Грёзь? У меня ихъ много, всякаго рода и разныхъ цѣнъ.

— Картины! искричалъ архитекторъ; въ свою очередь я спрошу васъ, не хотите ли, у меня есть живописецъ; я отдаю вамъ его даромъ.

Хотя Грондоу занимался живописью, но архитекторъ принималъ его благосклонно. Послѣ ужина, онъ былъ свидѣтелемъ чрезвычайно занимательной сцены между отцомъ и сыномъ. Грёзь, уйдя изъ за стола прежде другихъ, принялся чертить углемъ на полу портреты своего отца и Грондоа, немного оживленныхъ виномъ. Отецъ, узнавъ себя по портрету, хотѣлъ выдрать сына за уши; Грондоу умирилъ его, объявивъ, что уведетъ непослушнаго мальчика на свою фабрику. У Грондоа была въ самомъ дѣлѣ настоящая фабрика картинъ, портретовъ и выѣсокъ; онъ былъ живописцемъ различныхъ зданій, работалъ для храмовъ и для кого угодно. У него было подъ командой полдюжины маляровъ, поставлявшихъ по картинѣ въ недѣлю; когда Грёзь поступилъ къ нему, то, чтобъ превзойти своихъ товарищей, онъ оканчивалъ въ день по цѣлой картинѣ. Этотъ сверхъестественный трудъ могъ бы утомить обыкновенный талантъ; но Грёзь работалъ, какъ она самъ выражался, съ плеча. Для него это была игрушка. Между-тѣмъ, въ головѣ онъ обдумывалъ уже творенія болѣе серьезныя, и вскорѣ ремесло должно было уступить мѣсто искусству. Но этому перевороту предшествовала любовь. Не думайте, чтобъ онъ пѣнился прелестями какой-нибудь молодой дѣвушки, одной изъ тѣхъ, которыхъ онъ писалъ съ такимъ совершенствомъ. Нѣтъ, онъ влюбился по-уши въ жену своего учителя; она была прекрасна, вѣжна, добра; не обвиняйте его, не осуждайте никого изъ нихъ. Мы расскажем исторію первой любви Грёза, по словамъ пріятеля его, Флоріана, который, какъ поэтъ, сообщилъ ей, конечно, отпечатокъ поэтической.

«Мнѣ было двадцать лѣтъ, сказала однажды Грёзь Флоріану; я былъ въ цвѣтѣ жизни, писалъ съ восторгомъ и мадонны и обыкновенныхъ женщинъ, и въ добавокъ былъ влюбленъ до безумія. Но кого же я любилъ? жену своего учителя! Это было существо прелестное. Когда она въ первый разъ пришла въ мастерскую, у меня выпала кисть изъ рукъ; когда я увидѣлъ ее во второй разъ, у меня сердце сильно забилось; наконецъ, эта несчастная любовь совершенно овладѣла мною. Тогда я былъ не

было какъ выѣвочнымъ живописцемъ; но, благодари этой пенсѣн, тайла граціи и гармоіи открылась мнѣ какъ-будто волшебствомъ. Простю нѣсколько педѣль, но я не смѣлъ обнаружить своихъ чувствъ даже взглядомъ; если бъ не фіолетовая туаля, то, можетъ-быть, я никогда бы ничего не сказалъ. Но разъ утромъ, я писалъ маленькую картинку для музея одного маркиза де-Гобоя (Hautbois); вдругъ она входитъ въ шастерскую, въ снотъ проотомъ, мною утренняя бѣломъ платьѣ, какого я въ жизни своею не видалъ: ея чудные волосы ниспадали изъ-подъ гробя свободными волнами; станъ, едва обрисовывавшійся, былъ прелестенъ. Она лѣтнво замочила краевыя фіолетовыя туаля, шрое больше ноги ея. Продолжая свою работу, я смѣрилъ на нее украдкой, но во взорахъ моихъ пылала страсть. Она подошла ко мнѣ, и съ шокетствомъ облокотилась сзади на спинку моихъ креселъ. «Какая прекрасная картина!» сказала она, бросивъ разбѣлывшій взглядъ. Я весь былъ какъ въ огнѣ, но не въ огнѣ осужденныхъ. Ея плечо касалось моего плеча, ея дышало касалось головы моей. Я едва не потерялъ разсудка, какъ вдругъ раздался голосъ учителя. Элеонора улетѣла какъ птичка, швернувъ въ торопяхъ туаляю. Я бросился какъ сумасшедшій на туаляю, схватилъ ее, цѣловалъ горячими устами; и до такой степени былъ возмолвленъ страстью, что совѣтъ не видѣлъ шомедшій ко мнѣ маленькой Жанеты, дочери Элеоноры. Дѣвочка чрезвычайно удивилась, увидавъ, что я съ такимъ жаромъ цѣлую туаляю ея шивери; она убѣжала со всѣхъ ногъ, чтобъ разсказать всю шоторію штпу; такимъ образомъ онъ узналъ про мою любовь къ Элеонорѣ.

— Грѣзь дитя, сказала она, испугавшись.— Дѣтей ужъ ничто штъ, шобразилъ Грондонъ съ улыбкой, чтобъ скрыть свою ревность. За завтракомъ все молчали. Около полудня, Элеонора пришла ко мнѣ за туаляю свою Жанету. Я отвѣчалъ, что не видалъ никакой туаляи. На другой день, боясь домашняго объѣска, я захватилъ туаляю съ собой, когда уходилъ изъ дому съ оконченной картиной маркиза Гобоя. Я пошелъ въ самое углубленіе парка, гдѣ могъ свободно предаться своимъ мечтамъ; я спряталъ драгоценную туаляю въ густыхъ штвляхъ одного дерева. Въ теченіе цѣлаго шѣсца я приходилъ каждый вечеръ любоваться своимъ сокровищемъ; удивленію моихъ прогулокъ возмущалъ только та шотшій садешникъ, который старался доказывать мнѣ шлишкомъ часто, что розы, за которыми онъ ухаживалъ, ни шѣмъ не хуже штъ розъ, которыми я писалъ. Блаженное время! дни летѣли какъ

часы, часы мелькали, какъ золотые сны! Счастливая любовь! Для сердца моего довольно было нѣсколькихъ минутъ удивленія, и немножко тѣни, фиолетовой тучи! Что вы скажете на это, милый поэтъ пастушекъ? Между-тѣмъ, потерянная туча не давала Элеонорѣ покоя; однажды, въ мастерской, когда Грондонъ провозалъ до двери какого-то посѣтителя, она сказала мнѣ почти строгимъ тономъ: «А моя туча, Грѣзь; скажите, гдѣ она?» — Въ маркизовомъ саду, отвѣчалъ я, весь дрожа; приходите туда за нею. — «Вы съ ума сошли, Грѣзь.» — Въ эту минуту Грондонъ затворилъ дверь, и она беззаботно запѣла очаровательнымъ голосомъ: «Entendez vous la cognemuse?» Черезъ нѣсколько дней послѣ этой сны, Грондонъ отправился въ Пюи, гдѣ ему поручено было реставрировать одну картину. Онъ думалъ сначала взять и меня съ собою; но проѣздъ стоилъ нѣсколько десятковъ экию, «дороже чѣмъ ты стоишь», сказалъ онъ мнѣ. Разумѣется, что къ денежнымъ расчетамъ примѣшалась и зависть къ моему вознаказшему таланту. По этому, онъ отправился одинъ, а я продолжалъ по прежнему наслаждаться прогулками въ моемъ саду, гдѣ спрятана была туча. Элеонора была любопытна, какъ всѣ женщины; она также въ свою очередь пришла къ запрещенному дереву. Въ одинъ прекраснѣйшій вечеръ, на горизонтѣ немкали кое-гдѣ облачка, солнце тихо клонилось къ западу, птицы пѣли беззаботно, пчелы упивались въ чашечкахъ цвѣтовъ. Сидя подъ моимъ любезнымъ деревомъ, я дышалъ блаженствомъ и любовью, — вдругъ слышу звонкій голосъ Жанеты; смотрю свою дѣвчу, и вижу въ аллеѣ госпожу Грондонъ и ея дочь; малютка прыгала какъ молодая лань; мать ея была грустна и задумчива, какъ женщина, которой всѣ мысли сосредоточились въ сердцѣ. Ахъ, какъ она въ эту минуту была прекрасна, озаренная золотистыми лучами заходящаго солнца! Сколько граціи въ ея длинной походкѣ! Сколько ангельскаго спокойствія и доброты въ ея задумчивомъ лицѣ! Она шла въ ту сторону, гдѣ я сидѣлъ; но глядя на нее, видно было, что она идетъ, сама не зная куда. Садовникъ, встрѣтившись съ нею, сказалъ, что и подъ деревомъ, вѣроятно полагая, что она ищетъ меня. Она продолжала идти, не отвѣчая ему ни слова. Садовникъ остановился съ Жанетой, и подалъ ей нѣсколько гранатъ; малютка въ восхищеніи отсталъ отъ матери и пошла за садовникомъ. — Я притаялся въ кустѣ какъ змѣй; каждый шагъ Элеоноры отзывался у меня въ сердцѣ. И вотъ она прямо идетъ, она уже близко; я схватилъ тучу и сталъ цѣловать ее съ новымъ жаромъ. Въ движеніи этомъ было,

можетъ быть, немножко шарлатанства, потому что Элеонора могла уже видѣть меня; но развѣ обходятся безъ шарлатанства въ любви самой благородной? Госпожа Гровдонъ застала меня въ ту самую минуту, когда я цѣловалъ ея туфлю; ей хотѣлось поемѣваться надо мной; но живо тронутая моею безмолвною и романтическою любовью, она грустно улыбулась. «Вотъ ваша туфля», сказалъ я, бросаясь къ ея ногамъ. — Она глубоко вздохнула. — Довольно, сказала она тихо, встаньте и не будемъ больше объ этомъ говорить. — И съ этими словами она безсознательно положила свою хорошенькую ручку въ мои густые локоны, которые въ двадцать лѣтъ у меня были прекрасны. Я всталъ и поцѣловалъ у ней руку; мой поцѣлуй запечатлѣлся на рукѣ, орошенной моими горячими слезами. — Сказать ли вамъ? Подъ обаяніемъ моей любви, она наклонила голову ко мнѣ на плечо. — Грѣзь, сказала она задыхающимся голосомъ; умоляю васъ, перестаньте меня любить; иначе мы погибнемъ. Я не люблю васъ, вѣтъ, вѣтъ, я васъ не люблю; сердцу противиться нельзя. — Да, отвѣчалъ я, нельзя противиться сердцу, это сверхъ силъ моихъ! Но зачѣмъ хотите вы погасить мою любовь? Она мое единственное благо; она не вредитъ ни кому, ни даже вамъ. — Элеонора со вздохомъ наклонила голову. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Мы прислушивались къ шуму листьевъ, къ жужжанью пчелъ и въ особенности къ бьенью нашихъ сердецъ. — Я отдалъ бы много дней за эти нѣсколько мгновеній блаженства. Элеонора была въ величайшемъ волненіи, но я едва смѣлъ прикоснуться ея локоновъ горячими устами. Она возвысила наконецъ голову, посмотрѣла на меня съ невыразимой нѣжностью, хотѣла сказать что-то, но мои уста заглушили ея рѣчи. Этого было и слишкомъ много и слишкомъ мало; но на этомъ все и кончилось. Она хотѣла вырваться изъ моихъ объятій; я не выпускалъ. «Почему мнѣ не лзя любить васъ?» сказалъ я съ увлеченіемъ. — Въ эту минуту раздался звонкій голосъ ея дочери. Мать обратилась къ ней. «Почему нельзя меня любить? сказала она, почему? Вотъ вамъ отвѣтъ, который самъ Богъ мнѣ посылаетъ.» — И она показала на Жанету. Она пошла на встрѣчу дочери. Едва она ушла, какъ солнце, заходящее за облака, ослѣпило ея голову своими магическими лучами, которые меня ослѣпили; голова ея мгновенно озарилась сіяніемъ. Судьба помогла намъ въ-время выпутаться изъ бѣды и любовь материнская торжествовала. До-тѣхъ-поръ я питалъ любовь преступную, чувствовалъ, что я прикованъ былъ къ землѣ, хотя душа и возносилась къ небу; но

съ той минуты, какъ я былъ пораженъ этой восхитительной картиной, мои уста безмолвствовали, душа возвысилась до облаковъ. Въ моихъ глазахъ Элеонора перестала быть обыкновенной женщиной; ея черты приняли небесный образъ, являющийся въ вдохновенныхъ видѣнiяхъ поэта; передо мной сіялъ несомнѣнный ликъ, испосылаемый иногда свыше Всевышнему Художнику Божьему художнику земному. Сколько разъ пытался я воспродублировать эту картину, и всегда напрасно: рука дрожитъ, въ глазахъ темнѣетъ и я не могу произвести ничего достойнаго того, что некогда видѣлъ. Только поэтъ въ созданiи своемъ можетъ уловить всю поэзію этой сцены.»

Такъ разсказывалъ Грѣзь Флоріану о своей первой любви. Романъ этотъ относится, какъ видите, къ тому времени, когда Грѣзь заходился у Грондона. Въ эту же пору онъ написалъ свою первую картину, обратившую на себя общее вниманіе. Мы говоримъ о картинѣ: «Отецъ, объясняющій дѣтямъ Библию». Онъ гдѣ то случайно увидѣлъ старика-фермера, читавшаго Библию среди своей семьи. Сцена эта, вполне патриархальная, нравилась Грѣзю, и онъ передалъ ее потомъ холотну, руководствуясь одною зачатъю. Учитель его былъ пораженъ красотой этой картины. «Отъ чего же ты, сказалъ онъ Грѣзю: ты великій живописецъ, тебѣ видѣть, у меня, нечего дѣлать». Грондонъ начиналъ тогда ревновать Грѣзю къ женѣ, и очень радъ былъ отъ него избавиться.

Изъ глуши своей провинціи Грѣзь отправился въ Парижъ съ пустыми карманами, но сопровождаемый блистательными надеждами. На пути онъ искалъ, гдѣ могъ, портреты, чтобы ими чѣмъ питаться. Это было путешествіе на аэрозъ, которое истребители изъ насъ предпринимали въ двадцать лѣтъ, но при всемъ томъ — самое пріятнѣйшее странствіе въ жизни: съ тайной надеждой на судьбу, бросаешь безопасно мирное, спокойное существованіе въ родномъ городѣ, нависаешь вертосомъ рекомендательными письмами, прощаешься не безъ слезъ, идемъ наконецъ, и вотъ начинаешь спекулировать съ поэзією дальняго дороги, идешь, идешь, но дойдешь ли? Чтѣ за дѣло! въ эти годы все такъ легко, сердца бьются такъ радостно!

Грѣзь пріѣзжаетъ наконецъ въ Парижъ... Но когда Грѣзь попалъ сюда, те среднѣшувшій, многолюдной столицей, гдѣ все было для него ново и чудно, онъ чувствовалъ себя какъ будто иностранникомъ. Съ чего начать, куда направить путь? всегда величественная пустыня. Онъ отправился въ одну маленькую постышину, въ улицѣ Ришліо, самъ не знаа, чѣмъ заплатитъ за пріѣздъ.

На другой день онъ пошелъ въ академію живописи, гдѣ господствовалъ Купидовъ Бундъ, когда инослогія играла въ живописи главную роль. Молодой живописецъ сталъ въ тупикъ.

Онъ знать не хотѣлъ никакой школы, не признавалъ ни одного авторитета, всегда работалъ не подчиняясь ни чьему влиянію. Все тайна его самобытности. Модные живописцы сѣялись сверху надъ двадцатилѣтнимъ унникомъ, который, не зная ничего, не хотѣлъ у нихъ учиться; но скоро общее мнѣніе о Грѣзѣ переѣвилось; нашлись умные люди, которымъ надоѣло ложное направленіе искусства, и которые не побоялись восхищаться суровѣйшими галевками молодого живописца. Грѣзъ, по словамъ Андро, былъ оригинальный живописецъ, выпровадившій не отъ зѣлаво зѣкъ Купидовою Бундъ.

Когда Грѣзу удалось получить немного денегъ, онъ, какъ и всѣ живописцы съ древностію, захотѣлъ отправиться въ Италию. Въ отечествѣ искусство, онъ не вдохновлялся при видѣ образцовыхъ произведеній великихъ мастеровъ; не изучалъ гевія Рафаэля; но восхищался божественными Мадоннами этого царя живописи, и еще болѣе приходилъ въ восторгъ отъ одной очаровательной Рамлани, которая была образцовымъ произведеніемъ божественнаго создателя. Онъ привезъ съ собою въ Италію несколько рекомендательныхъ писемъ, которыя несколько не осуществили его пламенныхъ мечтаній о славѣ и гевіи. Однако жъ одно изъ этихъ писемъ пригодилось ему если не для извѣстности, то по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ любви, и несмотря на то, что онъ былъ не болѣе какъ живописецъ, онъ предпочиталъ слышать отъ сердца тихія рѣчи гордо бременному лавровому вѣнчу. После праздниковъ, данныхъ въ честь его Фрагонаромъ и другими его пріятелями во академіи, онъ отправился во дворецъ герцога дель Ор... Герцогу приналь его очень ласково, но въ вѣнчѣ, который предчувствуютъ, что имѣеть дѣло съ гевіальнымъ человекомъ. Грѣзъ явился очень истати: у герцога была престарелая дочь, мечтавшая безпрестанно о живописи. Ея учитель былъ учитель, все-равно Грѣзъ или кто-нибудь другой. Когда Грѣзъ увидѣлъ въ первый разъ Левицію, блестящую всею свѣтлостью молодости и красоты, онъ спрашивалъ себя, не самъ ли онъ воспользуется урокомъ, который собрался дать своей новой ученицѣ. Первые урокомъ они были довольны оба. На другой день новый урокъ. «Гевіи завянуть отъ сердца», сказалъ

Грёзъ самому себѣ. При нѣкоторыхъ временахъ встрѣчать, онъ говаривалъ то же, но слова его никогда не были замечательны такую истинною, какъ теперь. Онъ полюбилъ Летицію тою любовью, которую внушаетъ женщина; съ небесной невинностью, она соединяла все очарованіе идеальной красоты и самой восхитительной граціи. Онъ любилъ не одинъ: сердца учителя и ученицы расцвѣли въ одно время подобно двумъ весеннимъ розамъ, согрѣтымъ живительными лучами солнца. Это была еще не любовь, но вѣжность. Грёзъ былъ счастливъ своею любовью, но еще счастливѣе любовью Летиціи. Но это блаженство, какъ и всякое другое, было непродолжительно; оно стояло, разумѣется, во взглядѣ, улыбкѣ, слезахъ и только; во все это развѣ не составляетъ счастья? Грёзъ предчувствовалъ, что эта любовь была только минутнымъ очарованіемъ; она рѣдидась безъ всякой причины; и какъ всякая любовь, должна была исчезнуть при словѣ холоднаго разсудка. Грёзъ принялъ отъ благоразумное намѣреніе уйти, пока есть время, изъ герцогскаго дворца, и такимъ образомъ избавить Летицію отъ любви, слезъ и сожалѣній. Онъ призвался во всемъ Фрагонару, который смѣялся надъ его мечтательными чувствами. Фраговаръ былъ человѣкъ другаго покроя: онъ рисовалъ вздернутый носикъ мадоннелъ Гинаръ; быстрые глазки мадоннелъ Сильвіи, коралловыя губки мадоннелъ Ла Прери. Чувство Фраговара не поднималось выше аллюва; послѣ этого можете себя представить эниграммы, которыми онъ осыпалъ бѣднаго Грёза. Грёзъ сталъ искать уединенія, предавался задумчивости, хотѣлъ забыть черты Летиціи; но она беспрестанно являлась его воображенію, улыбалась ему и манила къ себѣ неотразимымъ волшебствомъ красоты. Принимался ли онъ за палитру и кисти, съ первою чертою, которую онъ проводилъ на полотнѣ, какъ-будто самою сверхъестественною тою рисовался образъ Летиціи; бродилъ ли онъ уединенно, воспоминаніе тотчасъ вызывало ее. Часто даже, гуляя вокругъ дворца, онъ видѣлъ въ какомъ-нибудь далекомъ окнѣ задумчивое лицо своей волшебницы.

Однажды, когда онъ снималъ конію съ лика Мадонны въ церкви Святаго Петра, къ нему подходитъ герцогъ дель Ор... - Отчего это вы, любезный Грёзъ, совсемъ насъ забыли? Моя галерея опустѣла, у дочери нѣтъ учителя и она бросила свои кисти. Пожалуйста, приходите. Въ ваше отсутствіе я приобрѣлъ для моей галереи двѣ головы Тиціана; старикъ мой дядя хочетъ непремѣ-

но, чтобъ Летиція сняла съ нихъ копію; приходите же помочь ей».

На другой день Грѣзь явился во дворецъ, блѣдный и дрожа при одной мысли, что опять увидить свою ученицу; но на этотъ разъ онъ ея не видѣлъ. Еще наканунѣ Летиція заболѣла; она занемогла оттого, что не видѣла Грѣза. Онъ началъ копію съ Тиціана одинъ. На другой день, въ то время, когда онъ стоялъ задумчиво передъ созданіемъ великаго художника, дѣвушка Летиція подошла къ нему съ таинственнымъ видомъ: «Пожалуйте за мною», сказала она. Грѣзь посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, ничего не понимая. «Пожалуйте за мною», повторила она. Грѣзь повиновался какъ дитя. Онъ скоро пришелъ въ комнату, въ которой окна были завѣшаны занавѣсами; въ полумракѣ онъ тотчасъ увидѣлъ Летицію; она полу-лежала въ креслахъ. На блѣдномъ лицѣ ея, при входѣ Грѣза, выступила краска жизни; она протянула ему безмолвно руку; онъ бросился на колѣни, чтобъ покрыть поцѣлуями эту бѣлую ручку. Бѣдная герцогиня озарилась радостью любви; она подняла голову и посмотрѣла на Грѣза съ невыразимой нѣжностью. «Я васъ люблю, сказала она. Не осуждайте меня какъ безумную; я люблю, но....» Она наклонила голову и, казалось, ждала его отвѣта. Грѣзь не зналъ что сказать; онъ снова сталъ цѣловать руку Летиціи. «Да, господниче Грѣзь, зачѣмъ отъ васъ скрывать? я васъ люблю! А вы?»

Грѣзь продолжалъ молчать; онъ не могъ промолвить ни слова, погруженный въ тысячу невыразимыхъ ощущеній. Летиція вывела изъ этого дурное заключеніе, освободила свою руку и залилась горькими слезами.

Наконецъ Грѣзь опомнился. «Люблю ли я васъ! воскликнулъ онъ, обливаясь также слезами. Ахъ, Летиція! Развѣ вы не видите: я потерялъ рассудокъ съ-тѣхъ-поръ, какъ васъ увидѣлъ.

— Вы меня любите! сказала она въ порывѣ радости.

Она бросилась въ безпамятствѣ въ его объятія; ихъ сердца, вздохъ и души на нѣсколько мгновеній слились въ одно. Грѣзь первый пришелъ въ себя.

— Ахъ, сказалъ онъ, ны настоящія дѣти; подумайте: вы меня любите? но вѣдь вы дочь герцога дель Ор... Я васъ обожаю; но что я такое? бѣдный живописецъ безъ славы Любовь жестоко подшутила надо мною.

— Вы сами не знаете, что говорите, шептала Летиція, вѣдь которой обаяніе любви все-еще продолжалось; я васъ люблю и выйду за васъ замужъ; это очень просто.

— Но вспомните, вашъ батюшка....

— Мой батюшка, мой батюшка... Я знаю, что онъ давно про-
утилъ меня за безобразнаго старика, за своего вѣчнаго Каза... а
если не за него, то за глупаго графа Паллери, котораго я, слава
Богу, никогда не видала. Мы поѣдемъ во Францію; тамъ самое
скромное убѣжище покажется намъ дворцомъ. Грѣзъ сдѣлается
Танцаномъ въ живописи; а я, я буду его женой; буду съ нимъ,
чтобъ успокоивать его, любить, жить въ его сердцахъ. Но вы мол-
чите? Отчего вы вдругъ стали печальны и задумчивы? Такъ-то
вы меня любите?

Грѣзъ увлекся очарованіемъ любви; онъ началъ строить съ
Летиціею воздушныя замки; но, скоро опомнись, сказалъ:

— Ахъ, зачѣмъ я не великій герцогъ?

— Какой вы ребенокъ! возразила Летиція.

Съ этика словами прекрасная Итальянка наклонилась какъ по-
требная ея къ своему милому, взяла его за бѣлокурые волосы
и поцѣловала въ лобъ.

Поцѣлуй Летиціи цовергъ Грѣза въ блаженство невыразимое;
онъ ощущалъ восторгъ и упоеніе, созданное не для жителей
земли. Однако надо было расстаться. Грѣзъ ушелъ восхищенный,
счастливыи, очарованныи, обѣщавъ прийти на другой день. «Зав-
тра, сказала Летиція, завтра, ты не увидишь одианъ?»

Выходя изъ дворца, живописецъ чувствовалъ, что выходитъ
изъ своего эдема. Прощайте, восторги, прости, очарованіе! Грѣзъ
возвратился къ разсудку; онъ не смѣлъ предаваться всей позн-
и своего романа. «Нѣтъ, говорилъ онъ, нѣтъ, я не опечалю этого
добраго, благороднаго герцога. Летиція ослѣплена; я долженъ
открыть ей глаза.

Онъ отвергнулъ всѣ мечты и надежды, сохранивъ въ сердцѣ
одну любовь. На другой день, при свиданіи съ Летиціею, онъ
былъ блѣденъ и печаленъ: побѣда надъ сердцемъ стоила ему до-
рогъ.

— Отчего вы такъ печальны, сказала Летиція, бросаясь ему
на шею. Не случилось ли съ вами какого несчастія?

— Да, печаленъ, Летиція, отъ того, что я вась сдвинулъ люб-
лю, отъ того, что я отказываюсь отъ вась, хотя вы едте могли
бы составить мое блаженство, мою чистую славу.

— Чтѣ съ вами? Въ своемъ ли вы умѣ? Вѣдь такъ можно
играть мной чувствами! Опомнитесь: вѣра еще вы говорите со-
щѣмъ другое.

— Вчѣра я былъ безъ разсудка, вчѣра я слушалъ только свое сердце; а сегодня...

— И вы это говорите не шута? вскричала Летиція гнѣвно. Такъ вы меня не любите? Такъ вы прикинулись влюбленнымъ для того только, чтобъ растерзать мое сердце? О! это жестоко! Подите отсюда, продолжала она, падая въ креслы, вы со мной поступаете безчеловѣчно; но я умѣю страдать одна; я не хочу васъ больше видѣть.

И дрожащею рукою она указала Грѣзу на дверь. Такъ же кикъ и нахвунѣ, онъ не въ страхъ былъ противиться могуществу любви. Онъ опять бросился къ ногамъ Летиціи, устамъ своимъ осушилъ ей восхитительные глаза, тысячу разъ повторилъ вкляту повинноваться ей какъ рабъ.

— И такъ, сказала она рѣшительно, уѣдемъ сейчасъ.

Она увлекла Грѣзу до двери своей комнаты.

— Не забыла ли я чего? сказала она оглядываясь. Вдругъ лицо ея покрылось блѣдностью. Она на силу стояла на ногахъ.

— Что съ вами? спросилъ онъ, взявъ ее за руки.

— Посмотрите, отвѣчала она, поблѣднѣвъ больше прежняго, посмотрите!

Она смотрѣла блуждающими глазами на портретъ своего отца, вѣснвшій въ ея комнату. Это былъ трудъ Грѣза; какъ во всѣхъ лицахъ, произведенныхъ этимъ художникомъ, въ лицѣ герцога выражалось столько мягкости и доброты, что всякій, при первомъ взглядѣ на него, чувствовалъ себя также мягче и добрѣе. Притомъ это благородное лицо носило слѣды какой то задумчивости; проникавшей прямо въ душу. Герцогъ, казалось, смотрѣлъ съ грустнымъ упрекомъ на дочь, намѣревающуюся оставить его. Нѣжный взглядъ, которымъ онъ дарилъ дочь въ продолженіе цѣлаго дня, взглядъ, которымъ начиналось ея утро и заключался вечеръ, принявъ вдругъ въ глазахъ его выраженіе скорби, котораго она до того никогда не видала.

— Батюшка! сказала она. И въ сердцѣ ея, сильно взволнованномъ, началась борьба чувства и долга. Грѣзъ не смѣлъ произнести ни слова.

— Я не въ состояніи сдѣлать шагу, сказала она, поддержите и уведите меня.

— У меня также нѣтъ силъ; оставимъ наше намѣреніе; послѣдній поцѣлуй въ глазахъ нашего батюшки — и прощайте навсегда!

Летиція молчала.

— Если нужно принести жертву, продолжалъ Грёзь, то пусть будетъ она для вашего родителя. Къ тому жъ, подумайте сами: любовь прекрасна только въ началѣ; разсвѣтъ любви озарилъ насъ, будемъ довольны имъ и не пойдёмъ далѣе.

Она стала плакать, протянула руку Грёзу и сказала задыхающимся голосомъ: благодарю васъ.

Грёзь ушелъ въ твердой рѣшимости никогда не возвращаться во дворецъ. Провожавшая его горничная сказала ему на крыльцѣ: До свиданья, господинъ Грёзь.

Прошло болѣе мѣсяца. Герцогъ дель Ор... пришелъ однажды въ мастерскую Грёза. — Любезный Грёзь, дочь моя хочетъ непременно, чтобъ вы написали ея портретъ. Нельзя ли вамъ прійти къ намъ завтра?

— Прійду непременно, отвѣчалъ Грёзь. На другой день бѣдный живописецъ засталъ въ герцогскомъ дворцѣ графа Паллерн, небрежно растянувшагося на софѣ возлѣ Летиціи. При появленіи Грёза она покраснѣла и вздохнула.

— Дочь моя вышла замужъ; я забылъ, кажется, вамъ сказать, прибавилъ герцогъ, провожая Грёза. Живописецъ безмолвно поклонился.

Когда Грёзь писалъ портретъ, Летиція оставалась съ нимъ два раза наединѣ; въ первый разъ она подарила ему локонъ своихъ волосъ; во второй разъ онъ просилъ послѣдняго поцѣлуя, но ему подарили слезу.

Кончивъ портретъ, Грёзь унесъ его въ свою мастерскую, чтобъ отдѣлать, какъ онъ говорилъ, нѣкоторыя подробности и украшенія; но на другой день онъ бросилъ Римъ, и увеза съ собою это образцовое созданіе искусства и любви. Возвратясь во Францію, онъ посѣшилъ сдѣлать подъ пару этому портрету другой портретъ. Летиція не изгнала изъ памяти художника образа прекрасной Элеоноры, жены Грондона. У Грёза вѣчно были предъ глазами ея чудныя черты, отъ которыхъ онъ приходилъ въ восторгъ, когда ему было двадцать лѣтъ. Онъ написалъ портретъ Элеоноры изъ памяти; портретъ этотъ былъ такъ же вѣренъ съ оригиналомъ, какъ и портретъ Летиціи.

Грёзь не могъ отказать себѣ въ удовольствіи изображать иногда черты Летиціи. Въ картинѣ: «L'Embaras d'une sœur aînée» (затрудненіе отъ вѣвка), въ лицѣ молодой дѣвицы онъ представилъ Летицію: она облокотилась на алтарь, посвященный любви; возлѣ голуби цѣлуются на цвѣточномъ ложѣ; въ одной рукѣ дѣвица

дрожать вѣнокъ изъ розъ и миртовъ, который какъ-будто желаетъ и бѣтса отдать.

Осень дѣтъ спустя послѣ возвращенія своего во Францію, Грѣзь получилъ отъ Летиціи письмо, котораго отрывокъ былъ напечатанъ госпожею де Валори. «Да, любезный Грѣзь, писала Летиція, ваша прежняя ученица теперь счастливая мать семейства; у меня пятеро прелестныхъ дѣтей, которыхъ я обожаю. Моя старшая дочь могла бы послужить прекрасной моделью вашему искусному карандашу; она хороша какъ ангелъ; вамъ можетъ подтвердить это князь д'Эст.... Мой мужъ заставляетъ меня почти вѣрить, что я по прежнему молода и хороша собой — до такой степени онъ не перемѣнился въ своей любви ко мнѣ. Это счастье, какъ я вамъ сказала, есть ваше твореніе; а уваженіемъ, которымъ всѣ окружаютъ меня, я обязана также вамъ. Я навсегда сохраню признательное воспоминаніе о томъ, что одно ваше великодушіе и благородство спасли меня отъ несчастія нанести оскорбленіе моему доброму родителю.»

Послѣ всѣхъ тревогъ любви и разочарованій, Грѣзу хотѣлось успокоиться подъ мирной сѣвью семейной жизни: онъ женился. Это былъ бракъ, общавшій, казалось, много тихихъ дней, невозмущаемыхъ радостей и безмятежнаго счастья. Но блаженство продолжалось не болѣе шести недѣль; госпожа Грѣзь страстно любила комедію, менуэтъ и маленькіе ужины (*les petits soupers*). Она начала съ того, что разорила мужа; у ней явились прихоти знатной барыни и она сорила деньгами единственно изъ удовольствія походить въ этомъ случаѣ на богатыхъ маркизъ. Грѣзь сдѣлался наконецъ покорѣйшимъ слугою своей дражайшей половины, державшей его подъ башмакомъ. Онъ пытался сначала обратить ее на путь истинный, и съ этой цѣлью сдѣлалъ два рисунка, названные имъ «ладьями счастья и несчастья». Вотъ аллегорическое содержаніе перваго рисунка: въ ладѣ, плывущей по волѣ легкаго вѣтерка, по гладкому какъ зеркало озеру, сидятъ молодые супруги, безпечные и улыбающіеся. Они гребутъ поочередно, чтобъ достигнуть острова, устланнаго розами и миртами, на которомъ виднѣется вдали храмъ счастья. По-среди ладьи, двое дѣтей являются предъ восхищенными глазами супруговъ, которые любятъ глядя на нихъ. Чтобъ достигнуть счастливаго острова, надобно избѣгнуть пропасти (вы догадываетесь какой?). Перевѣздъ сопряженъ съ опасностью; но гребля дружно, гребцы избѣжали гибели. Избавясь отъ опасности, они увидѣли на носу ладьи Амура, который улыбается, восхищенный ихъ счастьемъ,

Другая ладья представляеть собою другую исторію; но ищете здѣсь изображенія счастья — оно улетѣло далеко. Выбѣте ищите неба и тихаго озера, здѣсь страшная буря, а между тѣмъ и озеро и небо тѣ самыя, которые вы сіе минуту видели. Сильныя порывы вѣтра воздымають волны; блещутъ молніи и раздаются удары грома нады храмомъ счастья, который представляется какъ въ развалинахъ. Бумжающіе валы увлекають несчастную ладью въ пропасти; бѣдный мужъ одинъ употребляетъ напрасныя усилія, чтобъ избѣжать опасности; его усталыя руки на силу могутъ двигать веслами; но руль сокрушился и ему нѣтъ спасенія. Жена сидитъ безопасно на противоположной скамейкѣ; она склонилась голову и улыбается отъ какого-то преступнаго воспомятія, сирывающаго отъ нее: опасность, или, лучше сказать, утѣшавшій въ опасности. Предъ ней двое ея дѣтей, въ рубищахъ, вырываютъ другъ у друга кусокъ чернаго хлѣба; но она не смотритъ на нихъ; ея сердце далеко, или, правдѣмъ, у нея нѣтъ сердца. Амуръ, съ потухшимъ факеломъ, удаляется съ грустью отъ этой ладьи, готовый низвергнуться въ бездну.

Но поучительная цѣль этихъ картинъ не принесла жемъ Грѣза никакой пользы. «Въ твоей аллегоріи слишкомъ много извѣстности, сказала она мужу; ты поставилъ храмъ счастья не тамъ, гдѣ слѣдовало; если бѣ онъ находился посреди какого-нибудь праздника госпожи Дюбарри, это бы еще ничего; а то тамъ, на этомъ пустынномъ островѣ, онъ похожъ, просто, на какой-то воздушный замокъ. Но что ты разумѣешь подъ пропастью? — Я разумѣю то, что ты не захочешь низвергнуть въ нее моего счастья. — Госпожа Грѣзъ стала хохотать: «Ты по истинѣ человекъ золотого вѣка! Впрочемъ, будьте спокойны, сударь, грѣбите спокойно, вашъ руль не совертается съ прямиго пути.»

Дядро, искренній другъ Грѣза, былъ въ то же время въ слишкомъ тѣсной дружбѣ и съ его женою. Это не значитъ впрочемъ, что онъ дружбу эту употреблялъ во зло, хотя въ некоторые современники его и писали объ этомъ. Лучше послушаемъ самого Дядро, который безъ обиняковъ сказалъ гдѣ-то: «Грѣзъ влюбленъ въ свою жену, и онъ правъ; я въ нее также былъ ужасно влюбленъ, когда былъ помоложе и когда она называлась еще маисель Бабою и сидѣла въ своей книжной лавочкѣ. Она была нарѣдн какъ куколка, держалась прямо какъ лавля, и цѣла какъ роза. Я быстро и смѣло входилъ къ ней: — «Пожалуйте» Сказки» Лавстена. — Вотъ онъ. — Больше вамъ ничего не угодно? (Здѣсь пропускаются четыре строки Дядро, которые онъ и самъ могъ бы

опустить). Когда я уходилъ изъ лавки на избороженную, она улыбалась и я также. Какая, милая улыбка! И такъ Грѣзь влюбленъ въ свою жену; рюся ея каждый годъ, онъ какъ-будто хочетъ сказать не только: *посмотрите какъ она хороша*; но даже *свѣгляните на эти прелести*. Я вижу ихъ, господинъ Грѣзь.— Дядро искалъ это въ то время, когда былъ въ ссорѣ съ Грѣзомъ. Вотъ отъ чего онъ называетъ его господиномъ Грѣзь или бывшимъ мой другъ Грѣзь.

Блудный живописецъ былъ не слѣпъ; онъ видѣлъ все, и искалъ утѣшенія въ чтеніи Мольера; потому кончилъ тѣмъ, что прыгнулъ въ своему положенію и, въ свою очередь, отплачивалъ жи-тѣ за ея заблужденія тою же монетою: онъ самъ сталъ заводить любовныя интрижки. Онъ посѣщалъ высокое общество и казался въ немъ потѣшнымъ щеголемъ; у него на манжетахъ были самыя тонкія кружева, на пальцахъ блестяія дорогіе камни. Онъ очень ловко носилъ великолѣпную шпагу; былъ вѣжливъ черезъ-чуръ, говоритъ Гримъ и острѣлъ при каждомъ случаѣ. Вскорѣ онъ сдѣлался вседѣ необходимымъ человѣкомъ; все непрерывно искали случая посмотрѣть на это лицо, въ которомъ выражались гордость и наивность, умъ и чувство. Герцогиня Бурбонская, приглашая его на свои праздники, говорила: «я не смѣю вамъ покровительствовать; вы герцогъ въ своемъ родѣ, такъ пріѣзжайте ко мнѣ какъ герцогъ.»

Несмотря на свои успѣхи въ вихрѣ свѣта, Грѣзь не пренебрегалъ искусствомъ, и не переставалъ изучать страсти, нравы и обычаи народа. Часто, вмѣсто того, чтобъ идти красоваться въ какой-нибудь знаменитой гостиной, гдѣ его называли уже: господиномъ *де-Грѣзь*, онъ отправлялся въ маленькіе театры, на бульвары, въ харчевни; иногда увлекался своими художественными прогулками до того, что съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, въ особеннети съ Лемьеромъ, уходилъ даже за городъ. Лемьеръ смотрѣлъ на все во своему; онъ искалъ вседѣ трагическихъ сценъ и предметовъ для поэмы, и между-тѣмъ, какъ онъ гонялся за рѣмой, Грѣзь искалъ выраженія чувства; Грѣзь ходилъ всюду, и даже въ хлѣбъ, чтобъ видѣть, какъ доятъ коровъ. За то въ его сельскихъ картинахъ все живо напоминаетъ беззатѣливую простоту деревни. Въ его картинѣ: «*Accordée de village*» (деревенская повѣста) изображенъ такой зарумянившійся, только-что испеченный хлѣбъ, что отъ него у васъ слюнки потекутъ. Гуляя однажды въ полѣ, Лемьеръ сказалъ ему. «Вотъ я придумалъ стаять. И какой! Послушай:

«Трезубецъ Нештуновъ это скитръ вселенной!»

Не правда ли чудный стихъ? Это стихъ нашего времени.

— Да, она звучитъ върядво, отвѣчала Грѣзь улыбаясь; но этотъ чудный стихъ похвѣшалъ тебѣ видѣть, какъ тамъ, на порогѣ одного домика, подавала милостыню прехорошенькая служанка въ беломъ корсажѣ; по мнѣ, такъ въ этомъ гораздо больше поэзіи, чѣмъ въ твоемъ стихѣ.

Одна изъ подобныхъ встрѣчъ послужила художнику предметомъ одной изъ лучшихъ его картинъ. Вотъ какъ это было: Грѣзь гулялъ однажды съ Флоріаномъ въ саду одного герцога. Тамъ былъ фонтанъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, явилась дѣвушка съ кувшиномъ.

— Вотъ кстати Агнеса, сказалъ Флоріанъ; она не годится для моихъ пиллій, но для вашихъ картинъ она можетъ составить прекрасный сюжетъ. Достаньте поскорѣе свой карандашъ. Посмотрите: Агнеса хороша собой, пейзажъ чудесный, фонтанъ...

— Но ваша Агнеса не идетъ къ фонтану, замѣтилъ Грѣзь.

— Да, въ самомъ дѣлѣ; это странно: куда она идетъ? она оставила свой кувшинокъ и пошла по тропинкѣ къ парку. Я подозреваю, что тутъ кроется какая нибудь любовная интрижка. Дѣло въ томъ, что герцогъ пригласилъ въ замокъ одного молодого скульптора, который былъ очень не равнодушенъ къ Агнесѣ. Теперь четыре часа; онъ всегда въ эту пору гуляетъ въ паркѣ, такъ Агнеса хочетъ, вѣроятно, съ нимъ встрѣтиться. Счастливый путь!

— Откуда взялась эта Агнеса?

— Это дочь здѣшняго садовника.

— Я увѣренъ, что это самая свѣжая роза во всемъ саду.

— Въ прошломъ году герцогъ вздумалъ сказать ей, что она хороша собой; такой отзывъ со стороны суроваго вельможи совершенно вскружилъ дѣвущкѣ голову. Теперь, если отецъ не будетъ за ней присматривать поближе, то она уйдетъ слишкомъ далеко....

— Да; для хорошенькихъ дѣвушекъ дорога не трудна, но скользка.

— Но видите ли ее тамъ; вотъ она возвращается съ видомъ задумчивымъ и удивленнымъ!

— Да, проклятый скульпторъ, вѣроятно, схватилъ сладкій поцѣлуй для десерта.

— Но за это нельзя и сердиться, они оба молоды; а любовь въ семнадцать лѣтъ — это такое блаженство.

— Смотрите: она опять взяла свой кувшинъ и идетъ съ какой-то сладострастной безнечностью. Досадно, что я не могу нарисовать ее въ этомъ положеніи.

— Но въ картинѣ вашей не доставало бы чего-то.

— Чего же, на примѣръ?

— Недоставало бы поцѣлуя, схваченнаго въ паркѣ.

— Развѣ вы не знаете, что въ живописи есть свои ресурсы.

По этому мнѣ не трудно означить поцѣлуй: стоитъ только написать *разбитый кувшинъ* на рукѣ Агнесы.

— Этничъ вы скажете слишкомъ много; но идея счастливо придумана. И такъ, привыкайтесь за дѣло! картина ваша будетъ называться «Разбитый кувшинъ».

Грѣзь въ самомъ дѣлѣ наизгаль прелестную картину, извѣстную подъ этничъ названіемъ. Кто не восхищался этой очаровательной головкой, соединяющей въ себѣ скромную улыбку съ легкимъ выраженіемъ какой то невыразимой вѣги.

Грѣзь обладалъ пылкой поэтической натурой; сердце его воспламенялось мгновенно, душа увлекалась всѣмъ поэтическимъ; онъ не зналъ границъ ни любви, ни дружбѣ, жертвуя той и другою всѣмъ, чѣмъ только могъ. Въ продолженіе всей жизни онъ расточалъ сокровища своего сердца. Гретри всегда очень боялся лишиться его дружбы. Грѣзь въ состояніи былъ полюбить перваго встрѣчнаго, и иногда первую встрѣчную, смѣняя невѣрной любовью изиѣнчивую дружбу. Для такого человѣка дни летѣли быстро; онъ безопасно смотрѣлъ на скоропреходящую жизнь, воображая, что она будетъ вѣчно озарена яснымъ солнцемъ. Онъ былъ прстосердеченъ какъ дитя и тщеславенъ какъ дѣвочка. Онъ во многомъ напоминалъ Лафонтена. Всегда шелъ прямо и терпѣть не могъ никакихъ окольныхъ дорогъ. Какъ человѣкъ съ убѣжденіемъ, онъ говорилъ о себѣ съ энтузіазмомъ. Но не станемъ порицать этого, говорить д'Аламберъ; потому, что если Грѣзь говорилъ: какую чудную вещь я сдѣлаю! будьте увѣрены, что это слова гения; а гений вѣренъ своему слову. Дидро такъ отзывался о тщеславіи Грѣза: «Это тщеславіе ребенка, упоеніе вдохновенія; отнимите у него важность, которая заставляетъ его говорить о своихъ картинахъ «*La belle pleureuse*» или «*l'Accordée de village*»: посмотрите, вотъ что прекрасно! и вы отнимете у него силу, погасите пламя, и его гений помрачится». Ложная скромность чрезвычайно пагубна въ искусствахъ; ее можно сравнить съ женщиною, которая, желая нравиться, надѣваетъ воаль для привлеченія взглядовъ. Грѣзь, въ

отношеніи къ себѣ, действовало такъ же прямо, какъ въ отношеніи къ другимъ; онъ всегда равно отдавалъ справедливость друзьямъ своимъ и врагамъ; вотъ отъ чего, при появленіи картины Жироде, изображающей «Потопъ», когда одинъ критикъ сказалъ объ ней: «Это не больше, какъ англійская штука ученика» — «Скажите по-крайней-мѣрѣ *мисстеръ*», воскликнулъ Грѣзъ съ гнѣвомъ: — Онъ первый предсказалъ, что изъ Брюдова выйдетъ превосходный художникъ. «Онъ несправедливо опередилъ меня, говорилъ Грѣзъ; онъ затмилъ оба предшествовавшие вѣка». Хотя Грѣзъ очень искусно прикидывался ничего не знающимъ; но имѣлъ свѣдѣнія обширныя. Выспіе умъ всегда пролагаетъ себѣ дорогу; они могутъ вовсе не знать то, что нѣвые знаютъ плохо; но будьте увѣрены, что такіе умы, и не посвященные въ тайны безплодной науки, нужаютъ и иррациуль въ животворномъ источникѣ размышленій и общечеловѣческой философіи. Грѣзъ, нѣкоторыми чертами характера походившій на Лангонтена, какъ мы это сію минуту замѣтили, былъ авторомъ почти всѣхъ басенъ, переложенныхъ потомъ въ стихъ герцога де-Ниверне (Nivernais); онъ написалъ даже философскій романъ, который, впрочемъ, не былъ напечатанъ; романъ этотъ называется: «*Vasilé et Thibaut*». Когда Грѣзъ прочелъ его въ обществѣ, то многіе находили, что это не что иное, какъ послѣдняя глава «*Эмиля*»; но это одностороннее мнѣніе свѣтскихъ людей. Съ мужчинами Грѣзъ былъ по-большой-части молчаливъ; отъ того, что терпѣть не могъ парадоксовъ, или, можетъ быть, по той причинѣ, что не всегда былъ готовъ для возраженій; но въ обществѣ женщинъ онъ былъ увлекательно краснорѣчивъ и мастерски украшалъ свою рѣчь всѣми цвѣтами лести и похвалы. Мадригалъ въ устахъ его принималъ отбѣнки нежданной граціи и необыкновенной оригинальности. Герцогиня Бурбонская писала объ немъ такъ: «Женщина, въ глазахъ Грѣза, существо свѣтское; его поэтическая вѣжливость и нѣжное вниманіе къ женщинамъ напоминаютъ прекрасный вѣкъ Франциска Перваго. Къ несчастію онъ слишкомъ большой поклонникъ красоты; онъ ищетъ вездѣ, начиная сверху и до низу».

Хотя Грѣзъ былъ несчастливъ въ супружествѣ, но терпѣть не могъ холостяковъ: «Это люди, которые охотятся на чужихъ женъ», говорилъ онъ. Такіе люди были ему, безъ сомнѣнія, не по вкусу. Между-тѣмъ въ минуты скуки онъ находилъ утѣшеніе въ любви и ласкахъ дочери. Но очень странно, что Грѣзъ, самый непостоянный человекъ въ любви, не переставалъ любить свою

дядю. — Уюана, робака, повторилъ онъ, пожимая ей руку, tu es en le diable au corps, mais man ami tu'a ехорсіасе. (Ну, полно, я знаю, что тебя чертъ понугалъ, но моя любовь избавитъ тебя отъ дьявольскаго навожденія). Однако, дражайшая половина освободилась отъ дьявольскаго навожденія не болѣе, какъ на подѣлку, а тамъ опять принималась за свое, и еще хуже прежняго.

Изъ привязанности къ недостойной женѣ, онъ хотѣлъ до конца быть ей поддержкой, не смотря на ея заблужденія.

Мы уже сказали, что Грѣзъ былъ откровененъ и гордъ;

«И черезъ то, что пріякъ и сѣло объяснился
Куда какъ много потерялъ!»

Горе отъ ума.

И въ самомъ дѣлѣ: до 1765 года, Франція не только ничего для себя не сдѣлала, но даже академія живописи не заботилась о его существованіи. На бывшую въ томъ году выставку, онъ представилъ двѣ картины: «Девочка плачущая надъ своею маленькою птичкой» и «Девочка съ деревянной куклой». Верне (Vernet) ходилъ по галереѣ съ маркизомъ де-Мариньи (Marigny), который, не смотря на свое маркизское достоинство, былъ страшный притязъ. Варуа одъ видѣлъ человѣка, восхищающагося «Плачущей девочкой» Грѣза; но кто же это былъ? самъ Грѣзъ. До этой астрічи, маркизъ отзывался о картинѣ этой съ прозрѣніемъ и уваженіемъ къ ней достоинству; восхищенію Грѣза удивило его.

— Это безподобно, сказалъ де-Мариньи съ увлеченіемъ.

Грѣзъ обратился къ нему.

— Я это очень хорошо знаю, господинъ маркизъ; но мнѣ отъ этого не легче.

— Кто же виноватъ, любезный Грѣзъ, замѣтилъ Верне, что у васъ дырявы глаза, и въ томъ числѣ въ особенности одинъ, который хоти васъ любить ослѣплено, но все-таки погубитъ.

— Кто же это?

— Вы. Да, любезный другъ, вы сами кругомъ виноваты прожить своей судьбы: вы воображаете, что стоите только обладая гениемъ и чувствительною и гордою душою, чтобъ устроить свою судьбу; нѣтъ, вы ошибаетесь: надобно имѣть много умонаслаженности въ сношеніяхъ съ людьми для того только, чтобы одъ протѣвляя вамъ ваше превосходство надъ ними; при этомъ необходимомъ снисхожденіи къ другимъ, вы бы жили въ мирѣ.

своихъ дворцѣ, какъ наши представители живописи; у васъ были бы и жалованье и пенсія и даже, можетъ быть, лента св. Михаила. Повѣрьте мнѣ, перестаньте почитать себя великимъ живописцемъ и академія тотчасъ начнетъ воспѣвать вамъ хвалебныя гимны.

— Чтѣ дѣлать? сказалъ Грѣзъ, протянувъ руку Верне; я смылся съ мыслью, что я не безъ таланта.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Андросъ; не говоря ни слова обоимъ живописцамъ, ни маркизу, онъ обратился къ картиѣ Грѣза.

— Прекрасная элегія! Чудная поэма! Прелестная идиллія въ родѣ Гесснера! Привѣтствую тебя, милое созданіе. Потомъ онъ обратился къ присутствующимъ: здравствуйте, господа! объ чемъ у васъ идетъ рѣчь?

— Да вотъ, Грѣзъ жалуется на судьбу, сказалъ Верне.

— Грѣзъ, отвѣчалъ Андросъ, будетъ вѣчно такимъ же бѣдникомъ, какъ я; но чтѣ за бѣда? развѣ его картины не могутъ составить ему состояніе?

Четыре года спустя, Грѣзъ былъ удостоенъ званія академика; но ему хотѣлось попасть въ число историческихъ живописцевъ, и съ этой цѣлью онъ выставилъ въ академіи большую картину: «Сентимій Северъ, укоряющій сына Караналлу въ покушеніи на его жизнь», но картина эта не имѣла рѣшительно никакого успѣха, потому-что у Грѣза не доставало для подобнаго сюжета ни стили, ни величія; поэтому академія помѣстила его въ живописцы de genre. Оскорбленный Грѣзъ удалился изъ академіи; съ досады онъ пускалъ въ нее эпиграммы въ родѣ тѣхъ, которыми Пиронъ бѣсилъ другую академію, съ тою разницею, что эпиграммы Грѣза были безъ рѣимъ. Онъ не хотѣлъ уже выставлять свои картины въ Луврѣ и открылъ выставку у себя: «на академической выставкѣ ничего нѣтъ, кромѣ раскрашеннаго полотна; а въ моей мастерской есть картины», говорилъ онъ.

Во Франціи никогда не было поклонниковъ академіи; поэтому выходки противъ нея Грѣза были въ большомъ ходу и привлекали на его сторону всѣхъ. Принцы, литераторы, знатныя дамы, словомъ всѣ раздѣляли его негодованіе противъ академіи, и чтобъ ее взбѣсить окончательно, Грѣзъ былъ назначенъ живописцемъ короля.

Между-тѣмъ академія была совершенно права: Грѣзъ не имѣлъ качествъ живописца историческаго. Греки и Римляне были ему столь же чужды, какъ короли и герои; онъ не обладалъ ни вы-

сочинить стилемъ, ни твердымъ колоритомъ; онъ не умѣлъ придавать картинамъ своимъ великолѣпныхъ обстановокъ; единственное, неотъемлемое его достоинство — это умѣнье выразить въ совершенствѣ страсти ежедневныя, будничныя. Драма Дандро и Идиллія Гесснера, вотъ его сфера и въ ней онъ является гениальнымъ живописцемъ. Его картина «L'Accordée de village», о которой мы уже говорили, составляетъ исключеніе; сюжетъ ея почти библейскій; въ немъ чрезвычайно много религіознаго величія, напоминающаго первобытныя патріархальныя времена. Передаемъ, по гравюрѣ, содержаніе этой картины. Сидящій старикъ вручилъ мѣшокъ съ приданнымъ молодому человеку, который стоитъ держа мѣшокъ въ лѣвой рукѣ; но онъ по видимому обрадовался не деньгатамъ, а счастью, которое ощущаетъ отъ прикосновенія руки своей возлюбленной. Отецъ говоритъ ему о счастьи, испытанномъ имъ въ семейной жизни и желаетъ будущему зятю того же. Съ другой стороны, мать, пожмая руку дочери, совѣтуетъ ей сохранить прежнюю кротость характера и повиноваться мужу, какъ повиновалась до-тѣхъ-поръ родителямъ. Выраженіе лицъ, составляющихъ группы этой картины, исполнено необыкновенной граціи и удивительнаго разнообразія. Это одна изъ тѣхъ картинъ, въ которыхъ артистъ наилучше выразилъ нравственность и чистоту народныхъ нравовъ.

«Святая Марія Египетская» принадлежитъ къ самымъ строгимъ созданіямъ Грѣза; изображеніе это выше картины, это истинная Святая Марія, въ своей великолѣпной тѣлесной оболочкѣ, во всемъ блескѣ красоты земной и небесной, напоминающей обитателей другаго, лучшаго міра. Кающаяся удалилась въ дикую пещеру; она осынена своими длинными волосами, и выражаетъ идеалъ стыдливости и раскаянія. Лицо это невыразимо очаровательно: на него нельзя достаточно насмотрѣться.

Нѣкоторые критики находили недостатки въ колоритѣ Грѣза, упрекая его, что онъ иногда употреблялъ слишкомъ много бѣлой или розовой краски; но въ то же время отдавали справедливость нѣжному вкусу, съ которымъ онъ умѣлъ располагать группы и сообщать граціозность положенію всѣхъ вообще фигуръ, преимущественно же былъ неподражаемъ въ выраженіи чувствъ, что и составляетъ главное достоинство его произведеній. Видно, что живописецъ, по собственному его выраженію, *всегда обладалъ кистью съ своимъ сердцемъ*. Конечно, и у него иногда встрѣ-

частью небрежность въ рисункѣ, переходящи въ чужды, отъ которыхъ нѣкоторыя картины его кажутся какъ-будто ископанными, театральная напыщенность нмѣтъ, впрочемъ весьма немногихъ сценъ, слабая отдѣлка драпировки. При всемъ томъ, хотя Грѣзъ не принадлежитъ къ великимъ художникамъ, но онъ пользуется большою славой, чѣмъ нѣкоторые знаменитые живописцы; это объясняется тѣмъ, что онъ обладалъ самоувѣренными дарованіемъ. Оригинальность должна быть канонъ претивленія для всѣхъ юнчихъ художниковъ. Словомъ и сайтъ живописецъ, которые всю жизнь изучаютъ Рафаэля и все-таки не могутъ постигнуть тайны искусства, ообщающій всему жизни и движенію, тайны, которая открылась Грѣззубоимъ прекрасное утро, когда онъ любилъ Элеонору, обожала Логіана

Арсеній Гуссе, разсуждая о живописи осемнадцатаго столѣтія, говоритъ :

— «Грѣзъ, Вильке и Леопольдъ Робертъ были главныя дѣтели въ области живописи. Вильке избиралъ натуру въ настоящемъ видѣ, не заботясь ни о приврасахъ, ни о выраженіи чувствъ; это прости живописецъ, конструиющій природу, но въ стѣ съ тѣмъ обладающій тайной творчества. Грѣзъ, на котораго имѣлъ вліяніе Андро, не могъ не впасть въ драму и философію, а иногда даже въ мелодраму; онъ очень хорошо видитъ природу; но она не удовлетворяетъ его требованіямъ, и оттого онъ переноситъ ее на свой ладъ, распоряжается ею произвольно и почитаетъ, такъ сказать, сценическимъ условіямъ; вотъ отъ чего фигуры Грѣза по-большой-части театральны; напрасны усилія ихъ казаться естественными, у нихъ все-таки много заученаго; каждая картина Грѣза могла бы быть перенесена цѣлкомъ на сцену. Робертъ жилъ въ лучшей странѣ, чѣмъ Грѣзъ, и смотрѣлъ на природу какъ поэтъ: по его собственному выраженію, онъ живописалъ не прозою, а стихами.» — Тотъ же авторъ далѣе говоритъ о Грѣзѣ такъ: — «Грѣзъ, отдѣлавъ въ своихъ картинахъ формы, мало заботился о драпировкѣ; онъ просто пренебрегалъ ей. Онъ воображалъ, что если въ драпировкѣ будутъ болѣе означенности, то головы и вообще тѣла будутъ принадлежать мѣтѣ эстетика. Разумѣется, не должно, чтобы блескъ и красота драпировки слишкомъ поражали зрителя; но развѣ драпировки Тициана

* См. Galerie des portraits du XVIII siècle, par Arsène Houssaye, T. 2. 1848.

или Фанъ Дейка, въ которыхъ такъ много вкуса и тщательной отдѣлки, вредятъ сколько-нибудь фигурамъ? Въ искусствѣ есть высшая гармонія, отъ которой художникъ не долженъ уклоняться. Подобно Ваттô, Бушê и Вавло, Грезъ въ картинахъ своихъ слишкомъ часто повторялъ одну и ту же голову, не дѣлая различія между крестьянкой и свѣтской женщиной, между святой и грѣшницей. Въ эту погрѣшность впадали впрочемъ всѣ живописцы съ оригинальнымъ характеромъ; они проникнуты идеею прекраснаго, которая служитъ имъ путеводителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ избѣжать заблужденія, потому что слишкомъ ослѣпляются тѣми формами прекраснаго, которыми пренебрегаютъ ихъ сердце. Послѣ Ваттô, самымъ оригинальнымъ живописцемъ осемнадцатаго столѣтія былъ Грезъ. Впрочемъ, между ними обонимъ есть какое-то родственное сходство. Если, напримѣръ, мужики Ваттô похожи на мужиковъ театралныхъ, то мужики Греза не напоминаютъ ли иногда мужиковъ въ мелодрамахъ? Оба живописца не больше какъ искусные актеры, но между ними та разница, что на сценѣ Ваттô прельщаетъ, а Грезъ трогаетъ; несмотря на неизбѣжное жеманство, Грезъ силою теплоты и чувства увлекаетъ зрителей, которые видятъ въ представляющемся имъ зрѣлищѣ больше эффекта, чѣмъ правды. Въ фигурахъ и колоритѣ Греза поражаетъ прежде всего отпечатокъ какой то нѣги; тогда какъ въ картинахъ Ваттô всегда видно что-то праздничное. Грезъ любилъ до безумія женщинъ, а Ваттô съ ума сходилъ отъ оперы. Вотъ въ чемъ вся тайна отличительнаго характера ихъ созданій. Ваттô прельщаетъ зрѣнiе и говоритъ воображенiю; Грезъ, льстя глазамъ, дѣйствуетъ и на сердце. Одинъ критикъ очень справедливо замѣтилъ, что творецъ «Разбитаго кувшина» изображенiю самой добродѣтели сообщалъ сладострастную нѣгу». — «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Гуссе въ заключенiе, при взглядѣ на лица Греза, даже самыя скромныя и кевныя, въ насъ пробуждаются чувства болѣе легкомысленныя, чѣмъ благоговѣйныя. Это впрочемъ было общее чувство того вѣка».

Мы привели съ точностью слова французскаго писателя, пользующагося и у насъ извѣстностью; но не вполне раздѣляемъ его мнѣнiе о картинахъ Греза. Живописецъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнiя, не могъ вполне отрѣшиться отъ влiянiя своего вѣка, вѣка обильнаго добромъ и зломъ, чудною поэзiею и отрицанiемъ всякой поэзiи, безумными наслажденiями и пастушескими идил-

линии, безвѣрiе и католическимъ фанатизмомъ, рыцарскими подвигами и шарлатанскими продѣлками. Грёзъ платилъ дань этому вѣку противорѣчiй, жилъ въ обществѣ, представлявшемъ какой-то дивный, восхитительный маскарадъ, гдѣ все блестяло великолѣпiемъ обстановки, гдѣ безъ запаса острыхъ словъ нельзя было показаться въ люди, гдѣ угодливость женщинамъ и поклоненiе красотѣ доведены были до самой высшей степени; онъ не совсѣмъ чуждался шумныхъ и не безгрѣшныхъ забавъ этого избалованнаго времени. — Но, несмотря на все это, созданный имъ родъ живописи, неизбежно отразившiй въ себѣ вкусъ тогдашняго французскаго общества, его народность и современное направленiе искусства, въ которомъ было такъ много притязательности и изысканности, — Грёзъ, въ свой родъ живописи, говоримъ мы, умѣлъ внести, хотя не успѣвъ свергнуть исполнѣ эстетическихъ понятiй вѣка, — благотворныя начала своей личности, сообщивъ творенiямъ своимъ какую-то дѣятельность, нравственную чистоту и цѣль назидательную. — Надобно впрочемъ замѣтить, что картины Грёза раздѣляются довольно рѣзко на два, совершенно противоположные рода. Въ одномъ изъ этихъ родовъ онъ изображаетъ природу въ ея плѣнительномъ видѣ, какую-то очаровательную мягкость и кокетливую грациозность. Сюда принадлежатъ: «Разбитый кувшинъ», «L'insouciance», «Le petit favori», его дѣтскiя головки, въ числѣ которыхъ есть нѣсколько не уступающихъ ни въ чемъ лучшимъ головкамъ Фанс-Дейка, напримѣръ «Дѣвочка съ собачкой», «L'enfant au sarasin» и нѣсколько другихъ картинъ, которыя снѣло могутъ выдержать сравненiе съ самыми знаменитыми произведенiями этого рода, въ особенности «Дѣвочка, плачущая надъ своею мертвой птичкой», гдѣ съ такою правдою выражена горестъ дитяти. Къ этому же роду надлежитъ отнести и его женскiе портреты, удаляющiе всѣхъ превосходнымъ колоритомъ и сильнымъ, правильнымъ рисункомъ; * но большая часть этихъ картинъ и портретовъ носитъ отпечатокъ вкуса того времени: тутъ преобладаютъ обворожительныя взгляды и улыбки, полуобнаженные плечи,

* Въ коллекцiяхъ графовъ Шереметова и Андрея Ростопчина (въ Санктпетербургѣ), находится нѣсколько оригинальныхъ картинъ Грёза, а въ галерей графа Строгонова два портрета малолѣтнихъ сына и дочери графа А. С. Строгонова. Сверхъ-того Императорская академiя художествъ обладаетъ превосходною коллекцiею расунковъ Грёза.

полувоздушныя одежды. По этому приведенное нами замѣчаніе А. Гуссе не лишено основанія. — Чтò касается до втораго, создавшаго самими Грѣзомъ рода живописи, то мнѣніе французскаго критика опровергается разсмотрѣніемъ сюжетовъ, принадлежащихъ къ этому роду произведеній Грѣза, въ которыхъ онъ, избравъ обыкновенныя событія частной жизни, желалъ внушать любовь къ добродѣтели и ненависть къ пороку. Онъ взялъ за образецъ природу и слѣдовалъ однимъ ея указаніямъ. Этимъ родомъ, не извѣстнымъ до него во Франціи, занимались съ успѣхомъ живописцы фламандской и голландской школы; но Грѣзъ презрѣлъ ихъ въ томъ отношеніи, что твореніямъ своимъ умѣлъ сообщить печать какого-то благородства. Онъ не искалъ для нихъ образцовъ подъ стѣною пышныхъ палатъ, въ раззолоченныхъ свѣтскихъ салонахъ; но прилежно наблюдалъ семейную жизнь средняго сословія, гдѣ встрѣтилъ изображеніе истиннаго счастья и простыхъ патриархальныхъ сцены. Направленіе, дѣлающее честь его сердцу и его таланту. Онъ хотѣлъ представить жизнь народа, и въ этомъ свѣжемъ, неисчерпаемомъ источникѣ нашелъ природу безъ прикрасъ и безъ маски, увидѣлъ человѣка такимъ, какъ онъ есть, съ его достоинствами и недостатками. Вотъ откуда Грѣзъ заимствовалъ предметы для знаменитыхъ картинъ своихъ: «Отецъ въ параличѣ» (находящейся въ эрмитажной галереѣ Зимняго Дворца), «Деревенская невѣста», «Королевскій пирогъ», «Любимая мать», «Дурной отецъ», «*la Dame de Charité*», — въ которыхъ все служитъ урокомъ мудрости, добродѣтели и благотворительности*. Чтò сильнѣе можетъ поразить неблагодарныхъ дѣтей, какъ картина, въ которой художникъ представилъ возвращеніе сына, оскорблявшаго отца своимъ дурнымъ поведеніемъ и преданнаго имъ за то проклятію? Те перъ сынъ раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ и съѣхнулъ къ отцу, чтобъ испросить у него прощеніе. Но уже поздно: несчастный старикъ умираетъ въ глазахъ сына, лишеннаго даже послѣдняго утѣшенія — услышать изъ устъ отца слово прощенія.

Чтобъ дать полное понятіе о второмъ родѣ живописи Грѣза, возвратимся къ началу его художческаго поприща.

Мы уже упомянули вскользь о первомъ трудѣ Грѣза (Читатель Вибліи). Трудъ этотъ былъ плодомъ продолжительныхъ раз-

* См. *Galerie des peintres célèbres par C. Lecarpentier, Paris, 1821.* стр. 300. Томъ 2-й.

мысленій молодого художника о тайнахъ природы и искусства. Когда онъ рѣшился представить картину эту на судъ свѣта, то академія, удивленная, что новый живописецъ не ей обязанъ былъ своимъ образованіемъ, спрашивала у всѣхъ: «Откуда онъ? У кого учился? Гдѣ его родина?»

Художникъ нашъ былъ свидѣтелемъ торжества своего таланта. Выставленная имъ картина произвела общее удивленіе и восторгъ. Знатки в художникѣ находили въ произведеніи этомъ, кромѣ поразительной новосты стила, высокія достоинства художественныя: чистоту рисунка, силу выраженія, свойственныи каждому лицу характеръ, колорятъ яркій и вмѣстѣ съ тѣмъ полный правды; это мастерски подмѣченная и еще болѣе искусно выраженная природа простая, безыскусственная.

Эту превосходную картину пріобрѣлъ одинъ любитель, котораго память не умретъ въ исторіи французскаго искусства. Съ любовью къ художествамъ, онъ соединялъ столь рѣдко встрѣчаемую любовь и уваженіе къ самимъ художникамъ. Ему первому пришла счастливая мысль, съ благородною любовью къ взящному со-вмѣстить и высокую цѣль патріотическую: онъ образовалъ замѣчательную коллекцію картинъ однихъ французскихъ современныхъ ему живописцевъ *. Это самое вѣрное средство поддержать искусство и волворить между художниками соревнованіе и любовь къ народной славѣ; только согрѣтые такими чувствами они могутъ произвести великія творенія, чему мы видимъ много примѣровъ въ Италіи.

* Здѣсь считаемъ долгомъ указать на подобный примѣръ благороднаго покровительства художествамъ и въ нашемъ отечествѣ: съ чувствомъ народной гордости говоримъ объ единственной у насъ «Галерей русской живописи» его превосходительства Ф. И. Пр.....ва. Осуществленіе у насъ этого высоко-патріотическаго предпріятія должно радовать всѣхъ Русскихъ, въ особенности тѣхъ, которые кромѣ любви къ славѣ своего отечества одарены и чувствомъ изящнаго. Несмотря на недавнее существованіе этой драгоценной галереи, она обращаетъ справедливое на себя вниманіе и ея извѣстность простирается уже и за предѣлы Россіи. Въ галереѣ этой заключаются образцы всего, что дониндѣ произведено лучшаго нашими художниками: это — самая вѣрная, самая краснорѣчивая исторія русской живописи. Мы современемъ поговоримъ объ ней подробнѣе.

Господишь де-ла-Ливъ де-Жюли, любви котораго къ искусству такъ много обязана французская школа, не ограничивался собраніемъ коллекціи, о которой мы говоримъ, но самъ отыскивалъ талантливыхъ художниковъ, если они по какому-нибудь случаю оставались въ неизвестности. И вотъ онъ покупаетъ картину еще никому неизвестнаго Грёза, показываетъ ее всѣмъ любителямъ и художникамъ Парижа и для поощренія молодого живописца заказываетъ ему другія картины, въ которыхъ онъ могъ выказать новыя стороны своего таланта и окончательно утвердить свою славу. Съ этой поры Грёзъ сдѣлался предметомъ похвалы всѣхъ любителей живописи; имя его приобрѣло громкую извѣстность и быстро распространилось по всей Франціи и потомъ по всей Европѣ, посредствомъ гравюръ, передававшихъ съ большимъ искусствомъ только что появившіяся его творенія. Знаменитый граверъ того времени, Каръ (Carpe), воспроизвелъ одну изъ картинъ Грёза, между-тѣмъ, какъ одинъ изъ лучшихъ его учениковъ, Мартенази (Martenasie), трудился надъ картиной Грёза, о которой мы говорили выше, то-есть, «Отецъ, объясняющій Библию дѣтямъ своимъ» и создалъ чудную гравюру, передающую весь эффектъ, тонъ, композицію и выраженіе картины. Эстампъ этотъ покупали на расхватъ. Въ эту минуту онъ передъ нами и даетъ возможность сказать нѣсколько словъ о его содержаніи. Отецъ семейства, окруженный своими дѣтьми, сидитъ у стола; предъ нимъ лежитъ Библія; онъ объясняетъ нѣтъ только-что прочитанное; обѣ руки его лежатъ на священной книгѣ и въ правой рукѣ онъ держитъ очки, съ помощью которыхъ читалъ. На лицахъ дѣтей написано глубокое, благоговѣйное вниманіе къ словамъ говорящаго, уста котораго какъ-будто шевелятся. Сколько строгаго размышленія въ лицѣ, простоты и естественности въ позѣ старшаго сына съ опущенными, сложенными на крестъ руками, прямо противъ отца, съ котораго онъ не спускаетъ глазъ; второй сынъ стоитъ за отцомъ, положивъ лѣвую руку на спинку его кресла; онъ смотритъ въ сторону, преклонивъ внимательный слухъ къ словамъ отца; третій сынъ, мальчикъ лѣтъ десяти, сидитъ между двумя старшими братьями, и ближе всѣхъ къ отцу; на лицѣ его, носатемъ слѣды свойственной его лѣтамъ рѣзвой беззаботности, написано также внимательное любопытство. Возлѣ старшаго сына сидитъ за тѣмъ же столомъ старшая сестра его, положивъ голову на лѣвую руку, облокотясь локтемъ на столъ; возлѣ нея на право стоитъ ея меньшая сестра, скло-

двѣ долѣны на табуретъ и опираясь на нихъ руками; черты этихъ двухъ женщинъ, безукоризненно правильныя, вполне соответствуютъ общей идее картины. Между двухъ сестеръ помѣстился мальчикъ, кажется, сынъ старшей изъ нихъ; млада стола доходитъ ему до подбородка; отъ того-то онъ положилъ его на край стола, придерживаясь за этотъ край правой рукой и протянувъ на столѣ лѣвую руку. Любопытство не чуждо и ему: онъ слушаетъ. Во всей картинѣ не различается общаго чувства только самый младшій въ семействѣ — мальчикъ трехъ, четырехъ лѣтъ: онъ играетъ на полу съ собакой, шарая передъ собою пачечками лѣвой ручонки. Пожилая женщина, лѣвосторонне жена объясняющаго Библию, держа въ лѣвой рукѣ свой журналъ, схватила рѣзваго мальчика за правую руку, а онъ все-таки продолжаетъ дразнить собаку; но движеніе этой женщины какъ-будто машинально, бессознательно: взоръ ея обращенъ на мужа, она боится пропустить одно слово изъ его спокойной; тихой рѣчи. Вотъ слабый, блѣдный очеркъ картины. Я могъ рассказать также ея содержаніе: но какъ передать словами то въ высокой степени спокойно религиозное чувство, которое такъ осязательно жило, съ такою поразительною истиною передано художникомъ всѣмъ этимъ группамъ и отдѣльно каждому лицу? Глядя на эту семью, чувствуешь, сколько можетъ быть истиннаго счастья въ простой, безпритязательной сферѣ мирной домашней жизни, у семейнаго очага, подъ тихимъ небомъ деревни...

Огромный успѣхъ гравюры этой обратилъ вниманіе лучшихъ гравировъ на произведенія Грѣза: Леба (le Bas), лучшій изъ гравировъ семнадцатаго столѣтія, издалъ нѣсколько безподобныхъ эстамповъ, исполненныхъ съ свойственнымъ ему вкусомъ; послѣду его послѣдовали нѣкоторые другіе знаменитые граверы, изъ числа которыхъ въ особенности замѣчательнъ скромный Флипаръ (Flipart).

Какая трогательная, поучительная повесть въ другихъ картинахъ Грѣза, относящихся къ этому же роду. Мы говоримъ о «Трехъ моментахъ жизни старушки». Это грустная исторія забытой одинокой женщины, въ борьбѣ съ всепоглощающимъ вреденемъ и бездѣльнымъ рядомъ лишней всякаго рода. На *первой* картинѣ она представлена въ морщинахъ, носящихъ слѣды утраты и обманутыхъ надеждъ. Она читаетъ Библию. Въ явленіи этомъ она ищетъ успокоительнаго утѣшенія, испросящаго чистую вѣрою тихую, но

вспоминать все или страшится лишиться и того, что осталось. Не поддерживает вѣра и надежда; можетъ — быть и другое чувство поддерживаетъ ее въ жизни: она простиралась тогда къ молитвѣ въ Серварьяду о частіи своихъ дѣтей или вѣнчать, которыхъ надеется еще увидѣть, молится за прежнихъ друзей, сохранившихъ до сихнѣй, но икрушникъ въ ея памяти... Или, быть можетъ, испрошиваетъ у Всевышняго подателя благъ укрѣпленія силъ души и телу, чарующихъ продолжительную и самоощую старость, или извѣстными неопытнѣ священныя спаваній черпать со дна усмиротельное чувство, квораво такъ должно и тштно велико она между людьми. Но время, общающее намъ много въ молодости, и потому наде-по-малу разбѣивающее приращи и постепенно ведущее насъ ко гробу,— время это уже освабно-бѣдную страдалицу холоднымъ разочарованіемъ; сердце ея равнодушно къ надеждамъ и ожиданіямъ, — и вотъ на *второй* картинѣ она полна спокойствія, того спокойствія, которое бываетъ слѣдствіемъ покорности судьбѣ. Ея полунахмуренныя брови носятъ отпечатокъ думы о томъ, что она тштно забыть старается: она столько претерпѣла, что новое страданіе для нея невозможно. Она разматываетъ нитки, чтобы какъ-нибудь провести тяжелое для нея время. Вокругъ нея нѣкоторые предметы служатъ воспоминаніемъ о прежнемъ благоденствіи; въ окнѣ вьется виноградная лоза, взлелѣянная нѣкогда ея рукою. Теперь забытая и полуувядшая, она какъ будто разбѣляетъ грустный жребій своей хозяйки, которая перестала оживать ея своими попеченіями. Но что пользы въ трудѣ, когда нѣ съ кѣмъ дѣлиться его плодами?.. *Третья* картина представляетъ зрѣлище еще болѣе трогательное. Новые годы длинной веревницей опять пронесли надъ головою несчастной женщины. Морщины на ея лицѣ сдѣлались еще рѣзче и грубѣе. Бѣдная старушка! Кто не видитъ слѣдовъ употребленныхъ ею усилій проложить новую жизненную борозду, которая была для бѣдной труженицы тяжелѣе всѣхъ прежнихъ: исходный пунктъ ея — одиночество. Въ одеждѣ ея замѣтна какая-то небрежность — слѣдствіе ея охлажденія къ жизни: на ней вѣтъ уже прежняго чепца съ длинными лентами; его замѣнилъ простой платокъ; прикрывающій клочки сѣдыхъ волосъ. — Но для кого теперь ей варажаться? Прежде къ ней приходили иногда сосѣдки, подруги ея дѣтства, договаривать о прежнемъ, о быломъ. Въ сношеніяхъ этихъ было много, ему вѣтъ надеждъ, и что можно дождаться только сердце, испытанное въ бѣдѣ, и что

творилась та потребность сочувствовать живому симпатическому голосу, который вызывает рой воспоминаний или на минуту расцветает мрачными думы. Но лютое время не пощадиле другой старушки; никого уже нѣтъ изъ тѣхъ, кого она любила: съ ней осталось одно живое существо, на которомъ сосредоточивается теперь вся ея вѣжность — это кошка. Посмотрите, какъ прилежно, съ какою вѣжною заботливостью она ищетъ блохъ у своей единственной любимицы: чувство привязанности превозмогло чувство отарашенія. Испытавъ столько горя, переживъ все, все и даже саму себя, она какъ-будто обратилась мысленно къ прошедшимъ собственнымъ страданіямъ, и считаетъ долгомъ забавить отъ страданій послѣднюю, единственную подругу своей печальной старости....

Гравюры съ картины Грёза даютъ достаточное понятіе о родѣ его живописи и въ особенности о ея направленіи. Въ этомъ направленіи нѣтъ ничего общаго съ манерой Ватто, о которой говорить А. Гуссе. Напротивъ, картины Грёза легко узнать съ перваго взгляда: на нихъ всѣхъ лежитъ печать какой-то особенной характеристики. Онъ былъ рожденъ живописцемъ, и кромѣ природы не любилъ другихъ наставниковъ. Его кисть то мягкая, то сильная, смотря по требованію сюжета, воспроизводитъ природу во всей ея истинѣ, простотѣ и прелести, между-тѣмъ какъ въ картинахъ Ватто все ложно, изысканно и натянуто: это самая вѣрная лѣтопись семнадцатаго вѣка. Впрочемъ, мы вовсе не намѣрены хвалить безусловно произведеніе Грёза; мы заступились въ особенности за недолежащее ни малѣйшему сомнѣнію нравственное направленіе его таланта. Видѣшіе недостатки у него есть, и мы объ нихъ не умалчиваемъ. Такъ, напримѣръ, кромѣ недостатковъ, о которыхъ мы уже говорили, видѣшіе нѣкоторыя оригинальныя его картины, говорятъ, что, всматриваясь въ нихъ внимательно, видно, что часто недовольный своимъ трудомъ, художникъ по нѣскольку разъ наводилъ нѣкоторыя ихъ части, но чрезвычайно ловко, и для непривычныхъ глазъ непримѣтно. Мы упоминаемъ также, что драпировка не всегда выходила у него удачно, но зато головы его исполнены жизни; въ особенности глаза выразительны и прозрачны какъ живые.

Грёзъ, какъ живописецъ внутренняго челоуѣка, живописецъ душевныхъ движеній, занимаетъ единственное мѣсто въ исторіи французской живописи: у него не было ни предшественниковъ,

ни послѣдователей. Его по справедливости, можно назвать французскимъ Гогардомъ, которому онъ не уступитъ въ силѣ выраженія народныхъ характеровъ. Представляя картины человѣческихъ страстей, Грѣзь искусно умѣлъ связывать ихъ съ благородными побужденіями, истекающими изъ народныхъ правотъ. Вотъ почему картины его заключаютъ въ себѣ много полезнаго и поучительнаго.

Но кому не покажется страшнымъ и даже невѣроятнымъ, что Грѣзь, этотъ воспитательный живописецъ, имѣвшій счастье принимать въ своей мастерской Его Высочество Нахлѣдника Русскаго престола (въ послѣдствіи Императора Павла-Перваго) и супругу его, незабвенную Императрицу Марію Ѣвдоровну, французскаго короля Людовика-Шестнадцатаго, генерала Бонапарта (въ послѣдствіи императора Наполеона), короля шведскаго, императора вѣмецкаго и многихъ вельможъ разныхъ земель, — Грѣзь, до конца сохранившій въ живописи своей улетавшую улыбку своего вѣка, этотъ живописецъ, французскій, по превосходству, художникъ, котораго произведенія могли бы, въ наше время, обогатить десять живописцевъ — умеръ въ бѣдности и уединеніи, и притомъ въ ту пору, когда слава Франціи гремѣла повсюду! — Послѣ роковаго 1789 года Франція некогда было заниматься изящными искусствами. Послѣ ужасныхъ потрясеній революціи, несчастная эта страна очулась въ новомъ мірѣ; ей тогда было не до «Разбитыхъ кувшиновъ». Тогда всѣмъ кружили головы три вещи: война, каюдра и гильотина. «Все это до меня не касается», говорилъ Грѣзь съ ужасомъ. Бѣдному живописцу давнымъ-давно слѣдовало бы умереть, подобно другу его Флоріану; но у Грѣза была дочь; она, казалось, жила только для отца, и онъ для нея одной дорожилъ жизнью. Онъ мужественно переносилъ кровавыя тревоги революціи, находя отъ нихъ успокоеніе въ трудѣ и подшучивая надъ извѣстностью, которую тогда дешево приобрѣтали публичнымъ ораторствомъ: «Граждане Гомеръ и Рафаэль переживутъ, надѣюсь, нынѣшнихъ знаменитыхъ гражданъ, которыхъ я и именъ-то не знаю!» говорилъ Грѣзь. Благодаря чьей-то протекціи, для него отвели наконецъ уголокъ въ Луврѣ. Живя такъ близко отъ тюльрийскаго дворца, онъ спрашивалъ дочь каждое утро: «Кто сегодня царствуетъ?» Онъ сохранялъ неизгнѣнно свою меланхолическую веселость; имъ овладѣвала грусть единственно при мысли, что дочь

его останется безъ состоянія и покровительства. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ скватилъ кисти; это былъ послѣдній вспышка гевія. «Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, я не хочу умереть, не оставляя внаего мою бѣдную Каролиду». Въ послѣдніе дни онъ трудился надъ своимъ портретомъ и портретомъ дочери. Его портретъ былъ самый лучший на выставкѣ 1805 года. Всѣ удивлялись широкой кисти осьмидесятилѣтняго живописца; въ портретѣ этомъ столько же силы и истины, какъ въ головахъ Рембрандта, которому онъ уступалъ въ силѣ выраженія и красотѣ рисунка; но за то произведеніе это проникнуто тѣмъ идиллическимъ чувствомъ, которымъ оживлены всѣ головы Грѣза. Но что же сдѣлала Каролида съ этимъ портретомъ, единственныиъ наследствомъ послѣ отца? «Ты продашь это за мр дундоровъ», сказалъ онъ ей. Каролида оставила у себя портретъ отца, и продала свой. Въ этомъ поступкѣ нѣтъ ничего удивительнаго; но онъ утѣшителевъ для отцовъ, которымъ нѣчего оставить дѣтямъ въ наследство, кромѣ имени.

Между-тѣмъ Грѣзъ лежалъ въ постелѣ уже нѣсколько дней. Борьба жизни и смерти была непродолжительна. Бартеlemi одиу пришекъ проститься съ умирающимъ.

— Ну, что, любезный Грѣзъ? спросилъ онъ.

— Я начинаю понимать значеніе смерти, отвѣчалъ Грѣзъ. Если ты задумаешь изобразить смерть, то представь себя злую мать, которая усыпляетъ дѣтей, чтобъ отъ нихъ избавиться. Но я самъ те знаю, что говорю; впрочемъ, еще не много, и я навсегда замолкну.

— И, полно! вооружись терпѣніемъ; кто же умреть въ первый весенній дець.

— А, Боже мой! вѣдь съ-тѣхъ-поръ, какъ елзшу со всѣхъ сторонъ жерминали да вантозы *, я совсѣмъ разучился различать времена года. Скажи, какого святаго празднуютъ сегодня?

— Все-равно. Посмотри, какъ хорошо свѣтитъ солнце!

— Я очень этому радъ; нѣтъ веселья будетъ стараваться въ

* Но бывшему у французовъ аттосажсвеніе, жерминаль былъ седьмой мѣсяць, съ 21 марта до 49 апрѣля, вантозы—шестой, съ 19 февраля по 29 марта.

дорогу. Прощай, Бартеlemi! я жду тебя на моихъ похоронахъ; ты идъ будешь тамъ одинъ; проводи мой гробъ, какъ *вѣрная собака ницѣго*.

Въ тотъ же день, къ вечеру, Греза не стадо. Его кончидъ предшествовалъ небольшой бредъ; при всемъ томъ, послѣднее его слово заключало молитву о дочери. Проведя всю ночь надъ безжизненнымъ тѣломъ отца, она поутру отправилась къ друзьямъ покойнаго, обливаясь слезами. «Его хоронять завтра», говорила она имъ. Но на другой день за гробомъ шелъ одинъ Бартеlemi; Бартеlemi, котораго самъ Грезъ называлъ *вѣрной собакой ницѣго*. Это названіе стоитъ всѣхъ картинъ этого безталантнаго живописца. За измѣну друзей Грезъ былъ награжденъ трогательнымъ вниманіемъ къ его памяти одной женщины; въ то самое время, когда отпѣвали тѣло усопшаго, женщина эта положила букетъ иммортелей на скромный гробъ художника. «Всѣ присутствующіе, сказано въ одномъ современномъ журналѣ, пришли въ удивленіе отъ благороднаго поступка этой женщины, которая отъ имени всѣхъ женщинъ повергла давнѣе признательности на гробъ знаменитаго художника, который почти исключительно женщинамъ посвящалъ плоды своихъ гениальныхъ трудовъ.»

Смерть Греза привела въ удивленіе весь Парижъ, считавшій его давно умершимъ. «Какъ! Грезъ теперь только умеръ?» — Да, онъ теперь лишь скончался въ величайшей бѣдности и всѣмъ оставленный. — «Вольно же ему было молчать! сказалъ Бонапарте, я могъ бы подѣлиться съ нимъ добычею одной изъ моихъ кампаний.» — Я отдалъ бы ему деньги, вырученныя за одну изъ моихъ картинъ», сказалъ Давидъ. Но это не новость: когда уже не время дѣлать добро, наше сердце удивительно какъ щедро и великодушно. Не смотря на эту готовность дѣлать добро, Давидъ и Бонапарте скоро забыли, что дочь Греза оставалась безъ всякихъ средствъ къ существованію. Бѣдная сирота принялась въ одно время за иголку и за кисть; она свискивала пропитаніе собственными трудами. Не смотря на свою бѣдность, она посвящала часть своихъ скудныхъ доходовъ памяти отца. Начиная съ самой ранней весны, до первыхъ осеннихъ морозовъ, могила живописца уподоблялась цвѣтнику, оживленному свѣжими розами. «До-тѣхъ поръ, пока продлится жизнь моя, здѣсь всегда будутъ свѣжіе цвѣты», говорила она.

«Я ходилъ на эту могилу», говоритъ Арсеній Гуссе, «и съ большимъ трудомъ отыскалъ ее; тамъ нѣтъ уже ни розовыхъ кустовъ, ни вѣнковъ, но одна смерть безъ воспоминаній о жизни. Нѣсколько дерна, куча сухихъ листьевъ, тѣнь сосѣднихъ кипарисовъ — вотъ все, что я нашелъ тамъ».

Но что стало съ бѣдной дочерью Грёза?.....

Д. МАЦКЕВИЧЪ.

ГОРАЦЕВЫ ВОЗЛЮБЛЕННЫЯ.

=

Между счастливыми поэтами — а много ли их? — Гораций может считаться въ первомъ ряду; онъ самъ говоритъ намъ о своемъ счастьи; часто даже возвращается къ этому предмету и съ такимъ самодовольствіемъ, что иногда оно даже похоже на маленькое тщеславіе. У Горация была память сердца; чувство признательности цвѣтеть у него и развивается постоянно отъ раннихъ часовъ перваго успѣху до поздняго вечера кончины. Деликатная и благородная натура, которую благодѣяніе не унижало, потому-что въ благодѣльцѣ Гораций всегда видѣлъ друга. Надо также признаться, что фортуна много для него сдѣлала; но вѣрно въ этомъ никто не будетъ спорить, что счастье заключается преимущественно въ характеръ, а тибурскій поэтъ былъ такъ уменъ, что хотѣлъ быть счастливымъ. Къ этой волѣ, первому источнику, присоединимъ его простые привычки, его воздержность, страстную любовь къ природѣ, и мы разгадаемъ эту простодушную и остроумную философію, которая сіяетъ чистымъ, яснымъ свѣтомъ вокругъ лавровъ одного изъ самыхъ великихъ и очаровательнѣйшихъ геніевъ древности.

Non ebur neque aureum
Mea redinet in domo lacunar,
.....
Satis beatus unicus Sabnis.

Слышите: сабинскихъ полей ему достаточно, и въ его домикъ вы не найдете ни слововой кости, ни золота. А между — тѣмъ этотъ

человѣкъ былъ любимымъ поэтомъ Цезаря, Августа и Мецелата, другъ Полліона, Агриппы, обомъ Пизоновъ, юнаго Тиберія, Агриппы, Ламія, и, что было не меньшею славой, другъ и равный Варію и Виргілію, то-есть, онъ шелъ на равнѣ съ тѣмъ, что было тогда великаго въ мѣрѣ. «Unicis Sabinis», въ другомъ мѣствѣ: «Persilos odi, puer, arparatus». Вы слышите и навѣрно не скажете, что простота Горация заключалась въ нравахъ времени, потому — что въ торжествующую эпоху римской имперіи, дохода съ цѣлой провинціи едва доставало на ужинъ. Щедрый, охотникъ хорошо пожить, Гораций однако никогда не разорился, всегда жилъ въ скромномъ домикѣ въ Эсквилинѣ и въ Тибурѣ и никогда не былъ бѣднымъ жильцомъ въ Веллабромскомъ посадѣ; если обыкновенно пилъ легкое сабинское вино, то не жалѣлъ при случаѣ, ни для друзей, ни для себя, стараго цекубскаго вина:

Былъ ли Гораций совершенно счастливъ?

Положеніе его было выше посредственнаго, слава неоспорима при жизни, друзья избранные и верные. Посмотримъ какъ шла его любовь.

Здѣсь приходится въ недоуманіе: раскрывая чудную и прелестную книгу одъ и эподъ, изумляешься множеству и разнообразію коринфянскихъ именъ римскихъ и греческихъ женщинъ, составляющихъ, такъ сказать, любовную латочку тибурскаго поэта. Какія стихи, и стихи бессмертные, воспѣвающие все эти имена! одни ешьямъ на вѣкъ жертвенникамъ и почти въ одно и то же время! это изумительно! Прибавимъ, что съ точки зрѣнія нашихъ теперешнихъ идей, это даже кажется намъ омерзительно. У свѣтлаго человѣка волокичество немыслимо, но у великаго поэта намъ всегда хочется доузнать только одну или две великихъ страсти. Три кажутся намъ невозможны, а четыре были бы въ глазахъ многихъ людей страшной клеветой, или плохой шуткой. А что жь! послѣ довольно серьезныхъ размысливъ въ книгѣ одъ и эподъ, можно узнать семнадцать или осемнадцать именъ женщинъ, любимыхъ Квинтомъ Горациемъ Флаккомъ. Любимыхъ, какъ, въ какой степени? Вотъ именно самый щекотливый и таинственный пунктъ; вотъ искомое въ этой проблемѣ Горация асердц.

Въ этой одиссеѣ прелестнаго волокичества, оды, самыя страстныя, должны, по видимому, указывать первыя на время этихъ сочиненій,

следовательно, начинать рядъ привязанностей поэта болѣе или менѣе чувственныхъ, болѣе или менѣе идеальныхъ.

Гликерія и Лидія, кажется, предшествовали своимъ соперницамъ и имъ достались первые стихи тибурскаго поэта. Двѣ оды, XII и XIII, посвященныя имъ, дышатъ чувствомъ юности и свѣжести, доказывающія неопытность сердца и пылъ еще сдерживаемый. Въ одѣ къ Гликеріи (XIX) какіе восторженные возгласы о красотѣ и какія страстные признанія внушаетъ могущество Венеры! Онъ начинаетъ любить и уже считаетъ сердце свое разочарованнымъ. Вотъ настоящій юноша! Венера приказываетъ ему покориться любви, которую онъ уже считалъ для себя конченною (*finitis animum reddere amplexibus*); онъ тотчасъ восклицаетъ: Сгораю отъ ослѣпительной, чистой какъ персскій мраморъ кожи Гликеріи, отъ ея граціозныхъ причудъ, отъ ея сладострастныхъ взоровъ (*Urif me Gluscae nitore*). «Венера съ всею яростію набросалась на меня и пожираетъ меня (*in me tota fuit Venus*)». Вотъ неукротимая любовь, вотъ пылкій крикъ Фёдры Расина:

C'est Vénus tout entière à sa proie attachée.

стихъ знаменитый, изумительно страстный, но который однако надо возвратитъ Горацию.

Что до Лидіи, то это цѣлый романъ. Здѣсь уже дѣло идетъ не о страсти, раздраженной очарованіемъ лица, огнемъ взору, чистотою формъ; Лидія — олицетвореніе чувственной красоты, оживленной душою опасной и разумомъ могущественнымъ. По настоящему XIII ода должна бы предшествовать VIII, потому-что въ XIII начало страсти, открытой чувствомъ ревности, принимающей видъ негодованія и сожалѣнія. Лидія любитъ Телефа, котораго она жертвой, а поэтъ любитъ Лидію, увлекаемый къ ней состраданіемъ, которое внушаетъ ему эта пагубная страсть къ грубіяну, а также ея неодолимой граціей. Въ VIII одѣ, напротивъ, уже упреки; Лидія, чувствительная или нѣтъ, къ любви Горация, Лидія уже разорвала связь съ Телефомъ и въ свою очередь поработщаетъ Сибарита, мстя за первое свое рабство жестокимъ владычествомъ. Ода XXV, все о Лидіи, должна находиться въ третьемъ разрядѣ, это послѣдній періодъ любви поэта къ этой женщинѣ, потому-что въ этой одѣ онъ раздражается противъ нея горькими, историческими упреками, страшными угрозами о угрожающемъ ей бу-

душемъ. И такъ сначала нѣжное участіе, пылкая любовь, благородное желаніе избавить Лидію отъ грубостей Телефа, потомъ тихая жалоба, обвинительное сожалѣніе, дружескій совѣтъ, слѣдствіе или увѣлчворенной или непонятой любви, наконецъ поношеніе, гнѣвъ, нагубныя предсказанія, обращенныя къ женщинѣ потерявшей репутацію, которую теперь знаютъ насквозь, и которая перешла всѣ границы жестокости и скромности.

Ничего не можетъ быть мягче трехъ небольшихъ одъ, посвященныхъ Пиррѣ, Левконовъ и Хлоу; разве только ода къ Ксантію, гдѣ Гораций уговариваетъ этого друга любить, не стыдась, свѣтлорусую Филлиду, молодую невольницу. Но чувство болѣе возмужалое преобладаетъ въ этихъ прелестныхъ фантазіяхъ. Поэтъ уже не вѣрять *медовымъ рычанъ* женщинѣ и говорить это Пиррѣ, упрекая ее за то, что она выбрала въ возлюбленные юношу (*grato, Pygma, sub antro*). Но поэтъ въ свою очередь такой же чувственный и такой же вѣроломный какъ Пирра, не старается ли обмануть нѣжную юность и неопытность, когда умоляетъ Хлою не считать его тигромъ, перестать его бояться, перестать также всюду слѣдовать за матерью, когда говорить ей, что ты въ возрастъ любви?

Tandem desive matrem,
Tempeſtiva sequi vi o.

Въ одѣ къ Левконовъ дышетъ эпикурѣйская философія, совершенное отсутствіе моральныхъ предчувствій и любовь къ настоящему блаженному состоянію «*Sagre diem*» тутъ во всей своей беззаботности. Въ совѣтахъ къ Ксантію, его другу, заключается философія и высшая и удивительная грація выраженія. Гораций даже доходитъ до того, что совѣтуетъ ему жениться на Филлидѣ, прелестной, кроткой невольницѣ, по той причинѣ, что Филлида, у которой столько благородства въ душѣ, столько искренности въ сердцѣ, столько возвышенности въ умѣ; можетъ-быть, несмотря на то, что она невольница происхожденія царскаго. Поэтъ даже увѣряетъ. Конечно, Филлида должна сожалѣть о знаменитыхъ родныхъ, о богахъ, о своей родинѣ.

Она такъ щедро одарена, такъ достойна быть любимой и къ тому же такъ хороша. Вдругъ, спохватясь, онъ прибавляетъ, какъ послѣдній аргументъ оболъщанія, съ восхитительнымъ простодушіемъ, что хваля красоту Филлиды, ея рукъ, лица, ногъ, онъ говорить во

сознати, одъ другъ Ксантіа, перемившіи уже осемь пятилетій и сла-
дотельно въ всякаго подозрѣнія въ волокитствѣ. Ксантіи доверя-
лся ли Горацио? Почему же нѣтъ?....

Упомянуть ли объ одѣ къ другу о Лалагея? Вотъ вамъ чувстви-
тельность въ полномъ комплектѣ. Это изящное, утонченное сладострастіе,
со всеми отышками, которыя указываетъ опытность. Какіе совѣ-
ты! и на какомъ очаровательномъ языкѣ даны они! Однако, надо
признаться, въ этой одѣ разсудокъ и нравоученіе также вмѣшиваются
въ свою очередь, и съ неподражаемымъ искусствомъ, поэтъ, среди
сладострастной картины, останавливаетъ пылкость чувствъ, принуждая
ужь возвратиться къ стыдливости. Въ минуту опасности, является
размышленіе — Лалагея спасена. Очень молоденькая, но уже удиви-
тельная красавица, эта Лалагея вѣроятно невольница Горациева дру-
га. Кто этотъ другъ? Поэтъ не хотѣлъ назвать его, конечно, по бла-
городному чувству деликатности; какъ бы то ни было, другъ Гора-
ціа, кажется, склоненъ къ странному искушенію. Чтò делаетъ поэтъ?
станетъ ли онъ читать ему нравоученія? Жалкій аргументъ; слова
громкія но пустыя для развратника; Гораций такъ не промахнулся,
онъ знаетъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ, который жилъ среди отъ р-
наго общества, гдѣ, дѣйствительно все отборно, даже порокъ.
Прочитайте V оду второй книги и признайтесь, что аргументъ Гора-
ціа, чтобы убѣдить друга — опасенъ, страшно опасенъ, но устоять про-
тивъ него не возможно, когда онъ представленъ въ извѣстной формѣ.
Вотъ тайна генія, и пусть сомнѣваются послѣ этого въ могущество
искуства. О! какъ молодая, обольстительная Лалагея, черезъ нѣсколь-
ко мѣсяцевъ можетъ-быть черезъ годъ, должна была благодарить
много и добраго поэта Горациа, съ какою признательностью повѣ-
сила у дверей его обѣтныя гирлянды.

Но возвратимся къ Лидіи, потому-что у ней былъ возвратъ къ
Горацио. Посмотрите IX оду III книги, послушайте этотъ чудный раз-
говоръ между поэтомъ и женщиной, предметомъ его первой любви.
Какая грація, какая вѣжная меланхоля въ этомъ вызываніи во-
споминаній юности. Разговоръ начинается этимъ, напоминаетъ сча-
сливые дни, первые дни любви; потомъ, по задорной хитрости, по
притворному вѣроломству, Гораций какъ-будто вдругъ отвраща-
ется отъ Лидіи и вскрикиваетъ: «Хлоя владычествуетъ теперь надъ

мощь сердца...» А Лидія отвечает, показывая ему свои глаза и вкратце: «Я горю однимъ огнемъ съ Каллою, братомъ Гурійцемъ. Но Гораций, задвѣтый за живое, обращается къ ней: «Какъ! если бы веротилась первая любовь... если бы я расстался съ савлорусой Хлоей... если бы моя дверь опять отворилась для Лидіи».... — «О! тогда, отвечает прелестная дѣвушка, хотя Каллі красивое солнышко, хотя Гораций ужасный внутренникъ, хотя Гурій безбожно раздражителенъ, но съ Горациемъ хотѣлось бы жить, съ Горациемъ умереть.»

Перойдемъ къ одамъ къ Лидіи, Небулизъ, Астеріи, Тимаріи, Фидіи, Лиды, Филлиды, Галатеи, Невры, но особенно къ Варіи, то-есть, къ одамъ то грустнымъ, то сладострастнымъ, то дворянско-честнымъ пшонившимъ любви, играющей въ подполье жизни.

Чувство дружеское, братское, совершенно безкорыстная привязанность, внушили оды къ Небулизъ и Астеріи. Поэтъ забываетъ само себя, здѣсь только идетъ рѣчь о той, которой онъ говоритъ и о ихъ любви къ Небулизъ, откровенность, признанія, поздравленія. Гораций уловилъ тайну сердца Небулин, которая любитъ молодого Гебра. Онъ видитъ разсыпанную, озабоченную дѣвушку, забывшую свою корзину, свое покрывало и дѣла Минервины; но онъ не упрекаетъ, а напротивъ, хвалитъ, что она умѣетъ любить и что успокоить ее, осыпаетъ похвалами Гебра, его грацію, любовь, мужество. — У Астеріи большое горе. Она конечно прелестна собой, но кажется ревнива и имѣетъ причину дрожать за постоянство Гебра, того самаго Гигеса, который славится красотою, и о которомъ упоминается во многихъ одахъ Горация. А Гигесъ въ отсутствіи, путешествуетъ по Востоку, гдѣ, говорятъ, разбогатѣлъ и радуется своему богатству, а Богъ знаетъ какими искусителями фантазіямъ наклонны вновь разжившіеся богачи. Астерія плачетъ... но Гораций говоритъ ей гармоническими стихами: «Весна привнесла къ тебѣ Гигеса по прежнему влюбленнаго; вѣтры затѣли его на эпирскіе берега, онъ теперь въ городъ Орикъ и противъ воли (Горацию все это извѣстно); онъ тамъ въ отчаяніи, проводитъ целыя ночи въ слезахъ и плачетъ объ Астеріи». Гигесъ въреть, кто можетъ въ этомъ сомнѣваться? Верно уже не поэтъ, одаренный двойнымъ зрѣніемъ, и вотъ Гораций рассказываетъ Астеріи историю не очень упительную, но у Горация на то свои причины. Теперь

говоритъ какъ, Гигесъ даятъ тебѣ, неостергасши доказательство свое-
го господства, потому-что, будучи такъ краснъ и иностранецъ, онъ
какою-то прелестью любовно какой-нибудь Хлоя, издыхающей об-
щью, у-детерой онъ живетъ, и которая отправила къ нему послан-
ца, Нить извѣсти, которую Хлоя не употребила бы, чтобъ по-
бѣдить Гигеса; она даже приводитъ ему въ примѣръ Беллерофона
и Дея, какъ жертвъ варности, одного затѣмъ, что пренебрегъ задрѣ-
чанъ супруги Трота, другаго затѣмъ, что бѣжалъ отъ любви пре-
двѣтой Нилоиды, гордой Амазонки. И такъ варность опасна въ
домѣ женщины съ пылкими страстями какъ Хлоя... но безстыдная
конкубинница говоритъ кампио; Гигесъ неумолимъ, онъ весь твой,
Астерія; Гораций въ тамъ клянется, ему надо повѣрить на-слово.
Успокоилась и утѣшилась ли Астерія такими доводами и прекрасны-
ми словами Горация? Надо волагать, потому-что поэтъ считаетъ
дѣлать немедленно перейти къ другимъ причинамъ и говоритъ
Астери о собственномъ ея постоянствѣ, и не думаетъ, чтобы оно,
случись съ нимъ такой же казусъ, оказалось совершенно надежнымъ.
Переходъ немножко быстръ. Но знаемъ ли мы характеръ Астери?
Вѣрно Гораций изучалъ его, потому-что вдругъ принимается давать
ей лудные совѣты: «Гигесъ взрѣвъ, это рѣшено, принято и безспор-
но; но ты, Астерія, берегись въ свою очередь, чтобы соседъ твой
Эпиней не нравился тебѣ болѣе чѣмъ должно. А у этого Эпиней
большія достоинства, которые поэтъ не взялъ даже на себя трудъ
скрывать, потому-что выхваляетъ его ловкость и пріятную наруж-
ность; лучше и смѣлѣе всадника быть не можетъ». Астерія должна
была очень удивляться. Правда, что другъ Горация тотчасъ прибав-
ляетъ: «Запри дверь при наступленіи ночи и берегись смотреть на
Илику, даже когда запоютъ жалобнымъ голосомъ подъ окномъ тво-
имъ и стануть называть тебя жестокой. Оставайся неумолима».

Эта ода предестна при всѣхъ своихъ противорѣчяхъ, которыя, мо-
гутъ-быть не противорѣчили тогда ничему. Черезъ восемнадцать
слекатій сколько непонятныхъ тонкостей и мы, новѣйшіе варвары, съ
трудомъ угадываемъ эту изящную и благородную древность!

Ода къ Галатен, пѣснь прощальная; входитъ въ разрядъ стиховъ,
внутреннихъ Горацио чувствомъ дружбы. Ничто не обнаруживаетъ
какъ страсти. Только два или три стиха, дѣлво грустные, до-
казываютъ; что поэтъ сожалеетъ, и желаетъ не быть забытымъ.

«Будь счастлива, Галатея; вездѣ, гдѣ будешь жить и живи не бывай меня». Меланхолия и грація тегов поэгі непереводини. Кто эта Галатея, переплывающая моря, которой поэтъ напоминаетъ захищеніе Европы длиннымъ и чуднымъ дисирамбомъ, который самъ по себѣ цѣлая ода? Галатея! можетъ-быть это только всодинимъ, какъ столько другихъ, можетъ-быть это чисто мисологическое имя скрывало имя знатной женщины, которое Горацій не хотѣлъ открыть; можетъ-быть посившая его, заблудившись подобно Европѣ, навсегда разрывала связь съ отчизной и семействомъ, чтобы послѣдовать за какимъ-нибудь Юпитеромъ, взобравшимся на высокое мѣсто и можетъ-быть также имъвинимъ гораздо болѣе сходства съ infans juvenis оды къ Галатѣ, чѣмъ съ царемъ боговъ.

Что до Лиціи, то въ этомъ нельзя обманываться, она очевидно была любима Гораціемъ и очень страстно. Посмотрите на X оду третьей книги, и XIII оду книги четвертой. Лиція, кажется, жестокая; Горацій вмѣняетъ ей это въ преступленіе, обвиняетъ и въ гордости; она женщина изъ сословія патриціевъ, потому-что у ней былъ дворецъ и обширные сады, гдѣ поэтъ увѣряетъ, что жаль было смотреть какъ онъ забнулъ на вѣтрѣ и на снѣгу, вечеромъ, когда ходилъ туда мечтать о красотѣ неумолимой. Но ничто не трогало Лицію, ни подарки, ни просьбы, ни блѣдныя щеки и посинѣлыя губы ея вздыхателей, ни невѣрность супруга (которую въроломные преслѣдователи ея постарались ей открыть). Она оставалась неумолимой Пенелопой и не заботилась о томъ, что поэтъ говорилъ ей о превратностяхъ судьбы и рѣшительномъ намъреніи его, Горація, не позволить себѣ умереть на порогѣ двери гордой патриціанки. Вотъ по истинѣ престокая душа и вздыхатель достойный сожалѣнія! что въпрочемъ ни сколько не доказываетъ, чтобы Лиція не была прелестной женщиной съ своей суровой добродѣтелью; что оправдываетъ еще менѣе яростная XIII ода четвертой книги противъ этой самой Лиціи, когда уже прошли ея прекрасные годы. Горацій злопамятенъ, судя по страстнымъ воспоминаніямъ, вырывающимся у него объ увядшихъ красавицахъ, которые во время оно не восхищались его өиміамомъ и сопротивлялись его желаніямъ. Но одной и той ли женщины посвящены эти двѣ оды? Какъ! эта прелестная Лиція, у которой въ цвѣтъ юности было каменное сердце, добродѣтель Пенелопы, эта самая гордая патриціанка сдѣлалась въ зрѣломъ возрастѣ страшной развратницей, которая

тѣмъ лѣзть любовниковъ, безъ стыда напивается, поетъ козлинымъ голосомъ, старается оживить кровь и подмалевать лицо всѣми искусственными средствами? Гораций не хочетъ, чтобы въ этомъ сомнѣвался, потому-что восклицаетъ, что его желанія исполнены, что боги, милостивые къ его мольбамъ, заставили Лицію старуху, поддаться этому любовному безумію, этимъ юношескимъ утѣхамъ, дѣлающимъ ее посмѣшищемъ. Да, эта самая Лиція, когда-то богатая и знатная римская женщина, потому-что поэтъ объявляетъ, что вся сокровища не возвратятъ ей потеряннаго дня. И вдругъ оскорбленію тѣрывается подъ маской состраданія и, что еще хуже, онъ восклицаетъ, вотъ та, которую я столько любилъ! что остается отъ нея? Вотъ та, у которой не было соперницы въ красоту и граціи кромѣ Цинары; но Цинара счастливѣе ея, потому-что умерла не состарившись, а тебѣ боги даруютъ многія лѣта, столѣтняя ворона.

Надо признаться, что нельзя ужаснѣе искупить добродѣтель юности, и что хотя старуха Лиція впала въ излишества, Гораций, такъ часто великодушный и деликатный, особенно въ своей лирической поэзіи, написалъ противъ бѣдной дуры очень сострадательную оду. Но не естественнѣе ли думать, что это все вымыселъ и что поэтъ, уступивъ минутной раздражительности, хотѣлъ отмстить предсказаніемъ, которое не должно было осуществиться. Въ этой чудной книгѣ есть еще нѣсколько другихъ стрѣлъ, брошенныхъ рукою еще болѣе мощною, стрѣлъ наостренныхъ такъ, чтобы онъ глубоко вонзились въ сердце. Но эти страстные оды, желчныя слова, ядовитыя поношенія, редки у Горация, поэта лирическаго. Вообще онъ сохранялъ гнѣвъ свой для сатиры, которой свойство — цыганить, и злословіе нераздѣльно съ нею, къ-тому же сатира въ рукахъ поэта только бичъ мстительный или исправительный и, слѣдственно, имѣющій цѣль нравственную и полезную обществу.

Возвратимся къ болѣе пріятнымъ ощущеніямъ сердца. Какая тайна скрывается въ эподѣ Ньеры? Ночь; луна окруженная звѣздами сіяетъ на себѣ. Въ эту минуту что случилось съ Ньерой? Она была одна съ Горациемъ и вдругъ поэтъ диктуетъ ей присягу очистительную, нечто въ родѣ торжественнаго отреченія. Нiera оскорбила боговъ. Какимъ образомъ? это страшная тайна. Эпода ничего не говоритъ объ этомъ, упоминая только о присягѣ и дѣвушка произносить ее въ присутствіи Горация. Она клянется быть ему вѣрною, пла-

туть взаимною любовью, пока вождь будетъ просыпаться, пока пока, зимние ветры станутъ дуть, пока родитъ небо, пока луна будетъ водновать золотистые воды Апполона. Гораций говоритъ онъ уверять въ Неру. Имя соперника заставило его задуматься, а какъ воритъ, о своемъ гневѣ, угрожаетъ и радуетъ, обращаясь къ нему можетъ-быть мнимому сопернику, находитъ его свободнымъ, можетъ ему возгордиться, возгордиться болѣе чѣмъ если бы онъ былъ владѣльцемъ огромныхъ поместій и космическихъ силъ, горитъ лучше чѣмъ разпринять Пифагоровы задачи, чѣмъ обладая красотой выше красоты Неры, отъ того, что огорчалъ Горация. Потомъ горитъ угрозой, служащей предостереженіемъ. «Ахъ, восклицаетъ онъ, ты же же будешь оплакивать твою пренебреженную любовь, а я къ той очередь буду надъ тобой смеяться».

Видно, что любовникъ уже покидой, становится неутомимо и котливъ; онъ ничего не пропускаетъ, все серьезно, сердце стучитъ, и беззаботная торжествующая юность уже далеко.

Постараемся однако найти Горация спокойнѣе и, следовательно, счастливѣе. Вотъ три небольшія оды, посвященныя Фидиліи Тиндаридѣ и Диадъ, которыхъ тонъ гармонируетъ съ ясностью ума. Ода къ Тиндаридѣ начинается какъ Вергилиева эклога. Гораций хвалитъ прелесть Лукретии, въ Сабинскихъ горахъ, говоритъ о любовью о собственномъ своемъ домѣ. Внутренній эпитетъ остается Ликейскую гору для этихъ предестныхъ местъ, тамъ нѣтъ волковъ, нѣ змѣй, ничего вреднаго. Козы бродятъ на свободѣ, гонятъ тѣнь и ежовку; свирель бога Пана поетъ въ долинахъ и пробуждаетъ эхо скалъ и холмовъ Утики. Тиндаридѣ приглашена къ Горацию, гдѣ найдеть дренесную тѣнь, изобиліе, дефосское вино, славные кубки, дину.... Будутъ пить, пить и возмѣнія Бахуса нѣтъ вѣрно не зажгутъ войны между Горациемъ и Тиндаридой. Тамъ Тиндаридѣ будетъ въ безопасности, ей нечего бояться того, что ей угрожало прежде, гнѣва ревниваго, грубыхъ рукъ подозрительнаго любовника, вырывавшихъ цвѣты изъ волосъ ея и раздвигавшихъ ея туннику.

Ну, слава Богу! Гораций смеется, спокоенъ, молтъ. Онъ даетъ Фидиліи благоразумные совѣты, столько же казачища домашней работѣ, юности сколько и философіи. Фидилія живетъ среди полей, можетъ быть это молоденькая мышица. Она работаетъ, приноситъ плоды и

Горция была прекрасна. Горция руководитъ въ общеразумномъ, интеллигентномъ, почитаемомъ на сардинскихъ островахъ, которыхъ она была владычицею, и восторженно и уважительно, что несколько разъ лично, предложившихъ лично рукою, пригласить ее въ Римъ, чтобы видеть ее. Фиделия должна была поверить Горцию и полюбить его за преданность отцовъ и за лучшее направление, которое она дала ей въ двахъ ея сардинскаго хозяйства.

Въ этотъ же вечеръ освобожденной Горция, но невольницей скромной и прелестной? Прислушавшись къ господина, который, кажется, упрямый и изъ владычицы Экономки въ праздничный день, посвященный Пепелу? Что делать въ этотъ день? Ступай, Аида, въ погребъ за поднесать шампань, если хочешь скромности умокнуть на сегодня. Солнце не закатитъ. Развѣ чья-то виновата? Зачемъ оставаться въ покоѣ и вступать амбразуру преданъ Бисмюкка козачества. Аида посвящена въ тайнахъ любви и музыки. Горция хочетъ жить съ ней стихи. Она будетъ основывать восторженно Грация, Пептуна и зеленые холмы на Пирамиды. Аида, если забуду яму, произнесеть имя Дианы; этотъ вечеръ гимновъ Венеры и гимновъ ночи; что общаетъ ей преданья счастливому и бурскому поэту.

Народомъ къ ней къ Барина, этой шумливой двуконь, очаровательной красоты, восторженной какъ волна, опасной какъ сирень и которая преданно увлекаетъ всю молодежь. Барина была прелестна; въ этомъ не было сомненья, при видѣ ужаса, который она имела рисовать господина. Но какъ она должна была быть несчастна! Во времена Горция, прелестница въ Римъ была почти тоже, что въ Лондонѣ въ вѣкъ Перикла. Очень ложное понятие объ этихъ восторженныхъ древности составляетъ бы себѣ тотъ, кто бы думалъ сравнивать ихъ въ какомъ-нибудь отношеніи съ несчастными жертвами, еврейскими себя разврату и презрѣнію въ наше время. Въ славныя времена империи прелестница въ Римъ жила барыней-цесолкой, держала езду, принимала гостей, давала обеды и ужины, сама не только красотою, но умомъ, граціей, образованностью, твердо пела прекрасно и сочиняла миленькіе стихи, всегда могла поддержать заманчивый разговоръ о литературѣ и искусствахъ. У нея собиралась вся модная аристократія. Нужно было иметь счастье чтобы быть ей предостереженнымъ и обладать на это ясными правами — шестидесяти летъ, славы, великаго богатства. Нѣкоторые изъ знавшихъ

портретных актрисъ, прославившихся умомъ, красотою, роскошью своего дому, пріятностью беседы, отборностью общества и не постоянствомъ сердца, отлично напоминаютъ собою этия древнія барышни. Поэты, артисты, консулы, трибуны, ораторы, сенаторы, эдилы, князья изъ роду цезарей, ухаживали за знаменитѣйшими прелестницами, добываясь ихъ милости и любви.

У Пенелопы, со всей ея цѣломудренностью, конечно никогда не было обожателей такъ много. По городу разгуливали онѣ въ пегаскихъ носилкахъ, замѣнявшихъ кареты, жили въ Эсквиліи (мы говоримъ о самыхъ извѣстныхъ и богатыхъ); имѣли въ циркѣ и амфитеатрѣ свои ложи, принадлежавшія къ числу мѣсть весьма порядочныя и благородныя, ходили въ храмъ приносить жертвы какъ всѣ свободные люди и пользовались даже правами римскаго гражданства, получали наследства и часто огромныя. Что до роскоши, до пріятности жилищъ, до личной ихъ прелести, все уже высказано на этотъ счетъ. Гораций въ своей одѣ къ Баринѣ ставитъ высоко эту обстоятельную дѣвушку, открывая впрочемъ ея постоянное вѣроломство, ея природную вѣтренность, ея измѣны; а между-тѣмъ какое истинно-вѣрное вліяніе распространяетъ Барина вокругъ себя? Гораций объявляетъ, что онъ никогда не повѣритъ ея малѣйшему обещанію, развѣ только въ одномъ случаѣ, если бы Барина, при каждой лжи, при каждомъ вѣроломствѣ, могла быть наказана безобразіемъ. О, тогда Барина была бы самою чистосердечною изъ женщинъ, потому что ни одна женщина не дорожитъ такъ своей красотой, какъ Барина. И потому Гораций объявляетъ ей, что если ни одинъ изъ зубовъ ея не почернѣлъ (а какіе ослѣпительные были у ней зубы!), если ни одинъ ноготь не испортился (а какія чудныя руки были у Барини!), онъ не хочетъ ей вѣрить.

Таково было чародѣйское вліяніе Барини, что при каждомъ новомъ вѣроломствѣ красота ея блистала живѣйшимъ блескомъ, а самыя знатныя Римляне влюблялись еще сильнѣе.

..... Sed tu simul obligasti
Perfidum voti caput, enitescis
Pulchrior multo, juve nunique prodio
Publica cura.

Посмотрите-ка вотъ она, надменная красавица, осмѣявши вчера какого-нибудь извѣстнаго красавца, является сегодня въ публикѣ обольсти-

темнѣе, прелестнѣе чѣмъ когда-либо, украшенная *perlim*, съ золотой сѣткою на волосахъ, съ драгоценными кольцами на пальцахъ, расширяя вокругъ себя увлекательное благоуханіе, изливающееся изъ длинныхъ складокъ ея платья. Посмотрите, вотъ она садится въ цѣрк-ку, недалеко отъ *rodium*, и едва удостоиваетъ обратить вниманіе на волненіе молодежи, столпившейся неподалеку отъ нея. Вотъ Барина. Гораций позволилъ намъ угадать эту неукротимую надменность, эти победоносные взоры, эту стройную талию, этотъ презрительный и прелестный ротикъ, эти чудныя ножки, эти великолѣпные волосы, эту восхитительную и виновную, но всегда торжествующую головку.

Какой ужасъ внушаетъ Барина! заставляетъ мать дрожать за сыновей, трепетать со страху скупыхъ стариковъ; отъ одного ея имени блѣднѣютъ новобрачные; Барина стѣнать только дунуть и счастье ихъ исчезнетъ.

Не думаю, чтобы честолюбіе могло желать чего-нибудь бѣльшаго, когда называешься Бариной. Иметь всю римскую молодежь у своихъ ногъ и получить безсмертіе въ одѣ Горация — да эта участь великолѣпная!

Ода къ Филлидѣ кажется послѣднею, которую поэтъ посвятилъ любимой женщинѣ. Онъ самъ сказалъ намъ это въ прелестномъ изображеніи своего сельскаго домика: «Приди послѣдній идолъ мой!»

Эта кроткая и, такъ-сказать, разсудительная любовь похожа на покровительство; это нѣжность влюбленнаго опекуна, снисходительнаго и добраго, остроумнаго и доврчиваго. Филлида молода, скромнаго происхожденія, но мечтаетъ о богатствѣ и знатности; хотя немножко любить Горация и любима имъ, она однако рѣшительно предпочитаетъ Телеа и такъ откровенна, что не запирается въ томъ. Съ какою восхитительною добротою поэтъ старается излечить ее отъ обманчивой мечты! Телеа страстный любовникъ богатой, сладострастной дѣвушки, удерживающей его въ неволѣ, отъ которой невозможно освободиться, *grata compe*. Филлиду умоляютъ унять честолюбивыя желанія сердца, остаться достойной самое себя и не выходить изъ своей естественной сѣеры. Слѣдующее за тѣмъ: «Приди, послѣдній идолъ мой!» восхитительно и, вѣроятно, что послѣ этого Филлида не удостоила ни однимъ вздохомъ этого злополучнаго Телеа, недостойнаго даже чистить сапоги Горацию. Эту оду надо изучать въ ея по-

«сладкихъ строкъ», потому что только эти строки даютъ больше характеръ Филлиды, а интересно знать, съ кѣмъ тибурскій поэтъ имѣлъ дѣло при каждой новой связи. Вначалѣ Филлида приглашена на чудный праздникъ къ Горацию; онъ начинаетъ угощать ее, какъ настоящій обольститель, не говоря ни слова о любви. Славная метода, но добываемая только опытностью. «Есть у меня въ подвалѣ купленъ албскаго вина, которому уже десятый годъ въ исходе; есть въ саду дикая сельдерей для вънковъ, Филлида, и плоть съ блестящимъ отливомъ. Въ домѣ свѣтъ серебра веселитъ глаза, жертвенникъ окруженъ цѣломудренной жимолостью. Дѣвушки и парни бѣгаютъ, взявшись за руки, смѣются и тычутся. Огонь, треща въ каминѣ, нечетъ пламя высоко».

Вотъ жилище въ полномъ веселіи; гости, ужинъ, домашній жертвенникъ въ пышномъ убранствѣ, и среди всего этого Филлида, царяца праздника, нимфа, украшенная плющемъ. Но что же это за торжество? Чѣмъ празднуется! первое апрѣля, день, посвященный Морской Венерѣ. И вотъ Гораций вспыхиваетъ дружескимъ восторгомъ; этотъ день также день рожденія Мецената. Дань уваженія благородной привязанности, часто повторяющейся въ этой чудной книгѣ.

Филлидою, какъ кажется, заключается рядъ любовныхъ наслажденій Горация.

Вотъ изученіе Горациява сердца, но, конечно, очень неполное. Следовать за такимъ поэтомъ, какъ Гораций, сквозь туманъ осемнадцати въкомъ, за постепеннымъ измѣненіемъ его привязанностей и за его богатой и могущественной фантазіей, дѣло не легкое. Надо часто угадывать, за недостаткомъ руководительной нити.

ОЦѢНКА НОВѢЙШИХЪ ИСТОРИКОВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

I.

Леопольдъ Ранке.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Разсматривая постепенный ходъ науки исторіи въ западной Европѣ, критику не удивляется тѣмъ успѣхамъ, которые она сдѣлала въ новѣйшее время. Долго она руководилась чужими указаніями и подражала или Грекамъ и Римлянамъ, или даже летописямъ среднихъ вѣковъ. Если же иногда и оставляла прежній путь, то переходила въ чистое умопознание и создавала болѣею частью фантастическіе образы, не имѣвшіе никакого основанія. Человѣчeskій умъ долженъ былъ преодолѣть много препятствій, пока открылъ для себя новое поприще.

Всестать съ возстановленіемъ древней литературы въ пятнадцатомъ столѣтіи, въ такъ называемую эпоху возрожденія (la renaissance), греческія и римскія исторіи приобрѣли не только большое значеніе, но можно сказать даже господство въ этой отрасли наукъ. Иродотъ и Фу-

Квинтъ, Титъ Ливій и Тацитъ, Плутархъ и Саллустій пользовались тогда столь же глубокимъ уваженіемъ въ Италиі, Франціи и Германіи, какъ некогда въ Аѳинахъ, Римѣ и Александріи. На нихъ смотрѣли какъ на образцы слога и изложенія, ихъ изучали для пріобрѣтенія свѣдѣній, имъ подражали при разсказѣ событій своего времени. Всѣ замѣчательные историки шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка были только послѣдователями и учениками писателей древнихъ.

Но когда Декартъ вновь основалъ философію и открылъ какъ бы новый міръ умственной дѣятельности чловѣка, когда его ученіе распространилось по западной Европѣ, то науки и литература приняли направленіе совершенно неизвѣстное древнимъ: Исторія послѣдовала за другими знаніями и въ свою очередь также измѣнилась. Увлеченные новымъ ученіемъ, писатели обратились къ умозрѣнію, ему одному подчиняли всѣ событія и создали исторію, которую по всей справедливости можно назвать идеальной или фантастическою. Въ ней представлялись, какъ въ одной картинѣ, событія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, но только въ видѣ идеальномъ, а не дѣйствительномъ. Эта исторія вовсе не описывала происшествія въ ихъ постепенномъ развитіи и не разсматривала критически, но приводила ихъ для подтвержденія какой-нибудь прежде принятой идеи. Она носитъ названіе философіи исторіи, совершенно принадлежитъ осемнадцатому столѣтію, и Вико и Гердеръ были самыми блистательными ея представителями. Ихъ сочиненія плывутъ своимъ остроуміемъ и прелестью изложенія, но весьма мало заключаютъ истиннаго. Труды этихъ двухъ историковъ—философовъ, или справедливѣе сказать, историковъ—поэтовъ распространились съ необыкновенною быстротою въ Германіи и увлекли за собою между прочимъ многихъ знаменитыхъ ученыхъ того времени. При всѣхъ однако недостаткахъ, они имѣютъ и большое достоинство. Они уничтожили рабское подражаніе древнимъ, указали на духовную сторону чловѣка, на разумъ, какъ на источникъ всѣхъ дѣйствій и хотя ничего сами не построили, но положили основаніе новой исторической дѣятельности. Имъ принадлежитъ честь самостоятельнаго взгляда на событія и перваго изученія исторіи, какъ науки. Философское обработываніе исторіи проникло также и въ Англію, но сообразовалось тамъ съ характеромъ народа, сложило фантастическую одежду, обратилось къ изложенію собственныхъ фактовъ, оживило занятіе симъ предметомъ и сопровождалось появленіемъ пяти историковъ, составляющихъ украше-

не англійской литературы, осемнадцатаго столѣтія, я разумю: Юма, Робертсона, Гиббона, Митфордъ и Гиллса. Подобное направленіе встрѣчаемъ въ концѣ осемнадцатаго столѣтія также въ Германіи, но оно было, весьма вѣроятно, только слѣдствіемъ знакомства съ означенными англійскими историками и подражаніемъ этимъ послѣднимъ. Между германскими писателями, относящимися къ этому роду исторіи, первое мѣсто занимаютъ Геренъ и Иванъ Мюллеръ, сочиненія которыхъ совершенно напоминаютъ англійскіе образцы, какъ по слогу, такъ и по духу изложенія. Геренъ кромѣ того оказалъ наукъ великую услугу составленіемъ превосходнаго краткаго руководства древней исторіи, имѣющаго весьма высокое значеніе и теперь, потому—что никто еще не издалъ подобной книги сообразно требованіямъ нынѣшняго состоянія науки, но все только пополняли Герена, идя буквально по стопамъ его и ничего не создавая собственнаго.

Переходя отъ осемнадцатаго вѣка къ девятнадцатому, мы оставляемъ страну фантазій и вступаемъ въ область дѣйствительности. Умственная дѣятельность нашего вѣка изумительна и напоминаетъ пятнадцатое и шестнадцатое столѣтія. Люди спѣшатъ воспользоваться жизнью; отсюда и происходитъ, что одно изобрѣтеніе смѣняетъ другое, одно усовершенствованіе вытѣсняетъ другое, и то, что прежде дѣлалось вѣками, теперь производится десятками лѣтъ. Науки, и въ числѣ ихъ Исторія, расширили свои предѣлы, получили прочное основаніе и удивляютъ непрерывными открытіями.

Одни ученые обратили свое вниманіе на отысканіе историческихъ источниковъ и трудились въ архивахъ для узнанія скрывавшихся тамъ грамматъ, актовъ, лѣтописей; или изучали палимпсесты и находили въ нихъ новые отрывки древнихъ писателей, или даже путешествовали въ странахъ древней образованности и открывали много памятниковъ.

Ихъ старанія увѣнчаны полнымъ успѣхомъ: «*Monumenta historica*», печатаемая Перцомъ въ Германіи, «*Monumenta historiae patriae*» въ Туринѣ и многія собранія, издаваемые съ величайшимъ тщаніемъ парижскою академіею надписей, пролили новый свѣтъ на событія и сдѣлали возможною исторію западныхъ государствъ. Къ числу трудовъ, принадлежащихъ парижской академіи, относятся: «*Scriptores rerum gallicarum et francicarum*», «*Histoire littéraire de la France*», «*Les historiens des Croisades*»,

«Les Ordreances des rois de France», «Chartes et diplomes», и «Decrets inédits sur l'histoire de France»; все они свидетельствуют о неутомимой деятельности въ этой части истории.

Еще изумительные чтенія палимпсестовъ, которое доставило совершенно неожиданныя приобритенія. Честь этого открытiя принадлежитъ знаменитому кардиналу Анджело Май, обогатившему древнюю литературу сочиненiями, которые считались навсегда потерянными.

Нѣкоторые историки-археологи пошли еще дальше! Основываясь на точныхъ указанiяхъ теорiи, они производили изслѣдованiя въ разныхъ мѣстахъ древняго мiра и нашли памятники, приведенiе въ удивленiе всю Европу. Такимъ образомъ Тессе и Фелловъ описали цѣлые греческiе города въ Малой Азiи, а Ботта и Лзардъ даже возстановили столицу Ассирии, Нинивiю.

Но торжество науки представляетъ исторiя Египта. Эта страна усѣна множествомъ зданiй, огромныхъ и величественныхъ, но безмолвныхъ и загадочныхъ; ихъ стѣны покрыты надписями, но неизвѣстными и непонятными. Зданiе объясняетъ и пополняетъ рассказъ историковъ; оно поэма, эпопея, но только съ живымъ словомъ; зданiе безъ слова могила, наводящая печаль и скуку. Памятники Египта ужасали своею въчною таинственностью. Явился однако гений, который разобралъ и прочиталъ iероглифы, открылъ языкъ, на которомъ онъ написаны, разоблачилъ ихъ мистерiи и приготовилъ настоящую исторiю Египта. Этотъ ученый, обезсмертившiй свое имя — Шампольонъ младшiй. По его стоицѣ пошли многiе другiе и начинаютъ теперь читать кромѣ iероглифовъ, еще такъ называемыя, столь же загадочныя, письмена клинообразныя, встречающiяся въ Ассирии и Персiи.

Въ тоже самое время древняя греческая исторiя обогатилась приобритенiемъ новыхъ источниковъ, объясненiе которыхъ требовало столько же остроумiя и проницательности, какъ чтенiе iероглифовъ. Я говорю о надписяхъ, находящихсѣ теперь въ числѣ почти семи тысячъ. У древнихъ народовъ былъ обычай сохранять законы, грамматы и всѣ вообще государственныя дѣла и важнѣйшия событiя посредствомъ изреченiя на камень, и такiя скрижали передавать на память потомству. Они извѣстны теперь подъ общимъ именемъ надписей, соотвѣствующи

нашихъ грамматикъ и договоровъ и имѣють точно такое же значеніе относительно исторіи древней. Онѣ не только обогатились новыми свѣдѣніи, но во многихъ мѣстахъ совершенно дѣше изменили, такъ что теперь мы потеряемъ наши свѣдѣнія не только въ сеченіяхъ собственныхъ историковъ, болѣе или менѣе пристрастныхъ и одностороннихъ, но, что всего важнѣе, въ подлинныхъ актахъ и дипломахъ. Въ этой области историческихъ и филологическихъ изысканій мы встречаемъ двухъ ученыхъ, оспаривающихъ одинъ у другаго пальму первенства и раздающихъ честь своему отечеству: Летрона во Франціи и Бёка въ Германіи.

При такомъ изобиліи новыхъ источниковъ и при великой умственной дѣятельности нашего вѣка, надобно было ожидать, какъ образованія самостоятельнаго обработыванія исторіи, такъ и появленія самихъ историковъ. Дѣйствительно произошло то и другое.

Если прежніе историки были или только подражателями, или историками идеальными, то новѣйшее направленіе можетъ быть названо критическимъ—умозрительнымъ.

Критика проникаетъ съ самую глубину предмета, разсматриваетъ его составныя части, опредѣляетъ ихъ происхожденіе, важность и достоинство; она отыскиваетъ историческую истину, разбирая и повѣряя источники; она обращаетъ вниманіе на челоуѣка и, соединяя съ психологіею, обсуживаетъ извѣстія писателей самими происшествіями и показываетъ связь между ними и характеромъ дѣйствующихъ лицъ. Критика составляетъ драгоценную принадлежность нашего времени и необходимое условіе историка: Гдѣ нѣтъ критики, тамъ нѣтъ и исторіи.

Что же касается до умозрѣнія, то его предметъ — умъ, разсужденіе, духовная сторона челоуѣка. Оно недовольствуется однимъ внѣшнимъ изображеніемъ событій, но объясняетъ ихъ причины и послѣдствія.

Новѣйшая историческая школа состоитъ въ соединеніи умозрѣнія съ критикою. Эта школа совершенно самостоятельная, и не была известна ни Грекамъ ни Римлянамъ.

Здѣсь мы встречаемъ много именъ, заслуживающихъ глубокое уваженіе, но если слѣдуетъ назвать основателей науки, тѣхъ, которые проложили новый путь и своею гениальностью увлекли за собою цѣлое поколѣніе, то невольно останавливаемся на Нибуръ, Ранке и Гизъ, трехъ историкахъ, имена которыхъ известны во всемъ образованномъ мѣрѣ.

Мы постараемся представить въ другой разъ характеристику Нибура и Гизъ; теперь познакомимся съ Ранке, знаменитымъ историкомъ реформации. Мы не будемъ, впрочемъ, заниматься описаніемъ его жизни, потому что жизнь ученаго состоитъ только въ его умственной дѣятельности и не представляетъ во вышности ничего, чтобы могло привлечь любопытство: ученый живетъ наукою. Скажемъ только, что Леопольдъ Ранке профессоръ берлинскаго университета, членъ тамошней академіи наукъ и историографъ короля прусскаго.

Сочиненія изданныя господиномъ Ранке, носятъ слѣдующія заглавія:

1) «Критика историковъ шестнадцатаго столѣтія» (Kritik der Geschichtschreiber des sechszehnten Jahrhunderts. Берлинъ, 1825, одинъ томъ in-8°.

2) «Государи и народы южной Европы въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи» (Fürsten und Völker von Süd-Europa im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert. Четыре тома in-8°. Первое изданіе перваго тома: Берлинъ, 1827 года, втораго тома 1834 года; третьяго и четвертаго 1836 года. Въ первомъ томѣ говорится о государствѣ Османовъ въ Европѣ и объ испанской монархіи. Послѣдующіе три тома носятъ еще особенное заглавіе: «Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи (Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert)».

3) «Нѣмецкая исторія во время реформации» (Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation). 5 томовъ in-8°. Берлинъ 1839—1843. Она обнимаетъ пространство времени отъ послѣднихъ годовъ шестнадцатаго столѣтія до смерти императора Карла-Пятаго.

4) «О заговора противъ Венеціи въ 1618 году» (Über die Verschwörung gegen Venedig im Jahre 1618). Берлинъ, 1831 года, in-8°.

5) «Отрывки, относящіяся къ исторіи итальянской поэзи» (Zur Geschichte der italienischen Poesie); разсужденіе, читанное въ собраніи академіи наукъ. Берлинъ, 1837 года in-4°. Здѣсь разсматриваются: 1) Поэма, известная подъ названіемъ «Reali di Francia» и представляющая въ рыцарскомъ духѣ, болѣею частью совершенно фантастически, распространеніе христіанства и борьбу съ Магометанами, приписанныя многимъ и чисто баснословнымъ героямъ и королямъ Франціи. 2) Стихотворенія Людовика Пульчи (Luigi Pulci). 3) Поэма Боярда (Matteo Maria Bojardo), Orlando innamorato. 4) Ариостъ. 5) Берни. 6) Бернардъ Тассъ и Лудовикъ Аламани, и 7) Торквато-Тассо.

и 6) «Девять книгъ прусской исторіи» (Neun Bücher preussischer Geschichte). Последнее, еще неоконченное сочиненіе. Теперь вышло два тома.

Кромѣ послѣдняго, всѣ труды господина Ранке направлены преимущественно къ одной цѣли: объясненію шестнадцатаго столѣтія; онъ и извѣстенъ въ Европѣ подъ именемъ историка реформаціи. Но и въ этомъ отдѣлѣ онъ представляетъ въ подробности только исторію Германіи и римскихъ папъ и совершенно оставляетъ событія прочихъ странъ, или касается ихъ слегка, мимоходомъ. Сочиненія его переведены почти на всѣ европейскіе языки, не только на французскій и англійскій, но и на испанскій, шведскій и русскій*.

Такимъ образомъ Ранке трудился постоянно, неуклонно; слѣдилъ почти двадцать лѣтъ за своимъ предметомъ и создалъ памятникъ, поставившій его въ рядъ самыхъ знаменитыхъ историковъ. Читая его сочиненіе, нельзя не удивляться обилію новыхъ, прежде неизвѣст-

* На русскій языкъ переведена исторія папъ г. Вельдбрехтомъ, подъ заглавіемъ: «Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіи». 3 тома. Спб. 1842—1847.

ныхъ материаловъ, глубокой, проникательной критикой Человѣку остроумію писателя, который во множествѣ событій умѣлъ отыскать одну общую идею и начертать картину, гдѣ, при всемъ чрезвычайномъ разнообразіи, усматривается одна главная мысль и всѣ группы устремлены къ одному средоточію.

Историческое искусство имѣетъ три стороны. Сочинитель обращаетъ прежде всего свое вниманіе и свой трудъ на такъ называемые историческіе матеріалы: онъ ихъ собираетъ, оцѣниваетъ, опредѣляетъ ихъ достоинство и вѣроятность; онъ назначаетъ каждому свое мѣсто по его важности и происхожденію; онъ отыскиваетъ, подобно анатому, самыя сокровенныя и едва замѣтныя части тѣла; однимъ словомъ, онъ заботится о фактахъ, какъ въ высшемъ проявленіи идеи. Такое занятіе, главное, основное и предшествующее всемъ прочимъ, называется критическимъ. Но существованіе тѣла предполагаетъ душу, высшіе факты указываютъ на внутренне законы или управляющіе. Тогда рождается новый вопросъ. Открыть, постигнуть, представить эти законы, оживить тѣло душою, осветить анатомію физиологіею, вотъ высокая задача историка. Такое занятіе называется умозрительнымъ. Наконецъ, писатель дѣлается драматургомъ: онъ выводитъ на сцену прежнія событія и прежнія лица и заставляетъ ихъ разиваться и дѣйствовать такъ, что читатель видитъ предъ собою живую картину протекшаго времени. Это послѣднее дѣло историка, извѣстно подъ именемъ описательнаго.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія сочиненія господина Ранке, мы находимъ, что онъ оставляетъ весьма многого желать относительно третьяго требованія историческаго искусства: онъ не принадлежитъ къ роду описательному и слогъ автора вовсе не имѣетъ той прелестной естественности и увлекательности, которыми отличаются многіе историки французскіе. Его рѣчь обрывистая, краткая, часто даже тупая и всегда неровная и тернистая, хотя однако никогда не натягута, переходитъ отъ одного предмета къ другому, болѣе указывая, чѣмъ описывая и совершенно чужда изящности и того искусства, которое переноситъ читателя на самое мѣсто дѣйствія. Впрочемъ его «Нѣмецкая исторія» и въ этомъ отношеніи обнаруживаетъ некоторый успѣхъ и имѣетъ преимущество предъ «Исторіею папъ»

Но эти же труды господина Ранке, взятые со стороны критики и умѣнья, имѣютъ самое высшее достоинство и превосходятъ, по тому же знанію, все подобныя сочиненія, изданныя въ новѣйшее время. Постараемся потому познакомить русскую публику съ знаменитымъ германскимъ историкомъ.

До появленія «Исторія папъ», писатели почерпали извѣстія въ разныхъ современныхъ запискахъ и въ сочиненіяхъ историковъ пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтія; никто не думалъ обратиться въ государственныя архивы и поискать въ нихъ источниковъ для своего предмета. Таковы были между прочимъ Робертсонъ и Роское, первый историкъ Карла-Пятаго, второй Лаврентія Медичи и папы Льва-Десятаго, труды которыхъ пользовались вѣкогда извѣстностью, можно сказать даже и славою въ Европѣ. Господинъ Ранке, напротивъ того, основалъ свою исторію преимущественно на договорахъ, грамотахъ, королевскихъ послевъ, на письмахъ царствовавшихъ особъ, министровъ, епископовъ и на многихъ другихъ государственныхъ бумагахъ, которыя до того времени не только были не изданы, но даже вовсе не извѣстны. Изобиліе этихъ матеріаловъ столь велико, что исторія реформациі приняла теперь совершенно новый видъ.

Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе извѣстія, собранныя вѣкогда венеціанскимъ правительствомъ и хранившіяся въ самой республикѣ, но теперь разсыяныя по разнымъ странамъ западной Европы.

Географическое положеніе Венеціи въ срединѣ многихъ княжествъ и государствъ, изъ которыхъ вѣкоторыя были сильны, но все вообще честолюбивы; ея обширная, всемірная торговля; и наконецъ стремленіе къ утвержденію своего господства на морѣ, очень рано заставили республику вступить въ дипломатическія сношенія съ другими государствами и указали ей средство достигать многое одною политикою, или по-крайней-мѣрѣ поддерживать ея свои военныя силы. Она отправляла своихъ опытѣйшихъ и искусѣйшихъ гражданъ въ разные иностранныя дворы и требовала отъ нихъ самыхъ точныхъ и подробныхъ отчетовъ. Венеціанская республика учредила прежде всѣхъ постоянныя миссіи и доставила дипломатию опредѣленную форму. Кромѣ чрезвычайныхъ посланниковъ,

получавшихъ порученія въ разныя страны Европы и Азии, въ вѣдѣнїи дожа и верховнаго совѣта находилось пять посольствъ : въ Римъ, Мадридъ, Парижъ, Вѣнъ и Константинополь, и четыре резидента: въ Туринъ, Цюрихъ, Лондонъ и Неаполь. И такъ какъ все управленіе раздѣлено было между Nobili и Cittadini, то это правило наблюдалось и при замѣщенїи посланническихъ мѣстъ. Послами избирались лица, принадлежавшія къ высшему сословію въ республикѣ, только одни Nobili; резидентами назначались болѣею частью Cittadini. Тѣ и другіе оставались обыкновенно по три года въ каждомъ мѣствѣ, но бывали вездѣ, переходя отъ одной миссіи въ другую. Послѣ долгаго отсутствія возвращались въ отечество, гдѣ засѣдали въ совѣтъ иностранныхъ дѣлъ республики.

Совѣтъ собирался въ определенное время всегда два раза въ мѣсяць и слушалъ донесенія и переписку своихъ дипломатическихъ агенто́въ, которые писали также постоянно каждыя двѣ недели. Здѣсь разсматривались и рѣшались все дѣла дипломатическія; отношенія республики къ прочимъ державамъ, внутреннее состояніе послѣднихъ, ихъ сила и финансовыя средства; здѣсь обсуживались проекты о расширеніи торговыхъ связей республики. Въ этомъ совѣтѣ присутствовали мужи, посѣдѣвшіе въ занятіяхъ государственными дѣлами и бывшіе некогда также начальниками миссій; а потому послы и резиденты составляли свои донесенія съ величайшимъ тщаніемъ. Все важныя событія Европы описываются точно, подробно, болѣею частью безпристрастно и всегда съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Вотъ драгоценный источникъ исторіи, открытый господиномъ Ранке.

Но венеціанскій совѣтъ не довольствовался одними постоянными донесеніями: когда посоль, послѣ трехлѣтняго пребыванія при иностранномъ дворѣ, оставлялъ свой постъ и прїѣзжалъ въ Венецію, то онъ долженъ былъ представить отчетъ за все время своей миссіи. Этотъ отчетъ хотя и былъ написанъ, но рѣдко былъ читаемъ, и почти всегда провозносимъ словесно самимъ посломъ въ полномъ собраніи совѣта. Ораторъ говорилъ передъ членами, которые сами прежде находились на томъ же постѣ, знали, слѣдовательно, самое государство и были кромѣ того опыты въ дѣлахъ правленія и дипломатіи; а потому онъ не могъ представить не только что-нибудь шеврное, но даже всемъ извѣстное и обыкновенное. Онъ старался опи-

сать личность государя, у котораго былъ посланникомъ, его дворъ и его министровъ, состояніе его финансовъ и военной силы, положеніе его подданныхъ, вообще все управленіе, наконецъ его отношеніе къ другимъ державамъ и въ особенности къ Венеціи. Этотъ отчетъ былъ рѣчью, обращенною къ дожу и членамъ и отличался свѣжестью сообщенныхъ фактовъ и ясностью собственнаго наблюденія. Самое собраніе должно было воодушевить оратора: передъ нимъ были слушатели, достойные государственнаго мужа. Окончивъ отчетъ, онъ передавалъ его дожу написаннымъ. Вотъ еще источникъ исторіи, который хотя нѣсколько и былъ извѣстенъ, но никакъ до господина Ранке не былъ рассмотрѣнъ. Вся эти отчеты поступали въ государственный архивъ республики и сообщались членамъ совѣта по ихъ требованію. Сколько богатствъ было въ этомъ архивѣ! Еще въ 1268 году изданъ былъ законъ, по которому предписывалось посламъ собирать все свѣденія, которыя могли быть полезными республикѣ. Съ 1465 года отчеты носятъ постоянно названіе *relazione* и доходятъ до самаго паденія Венеціи; послѣдній составленъ уже во время французской революціи. Самые важнѣйшіе однако принадлежатъ шестнадцатому столѣтію.

Венеція сохранила много памятниковъ прежняго величія. Въ дворцѣ дожовъ на каждомъ шагѣ вы читаете исторію временъ протекшихъ: входъ, лѣстница и залы, даже самыя колонны и украшенія, все относится къ какимъ-либо происшествіямъ и говоритъ о прошедшемъ. Арсеналъ, соборы и мраморные дворцы вельможъ свидѣтельствуютъ о могуществѣ, торговлѣ и богатствѣ города. Остался также прежній говоръ и шумъ на Ріальто и постоянная веселая толпа на площади Святаго-Марка. Но архива республики бѣльшую часть теперь нѣтъ въ Венеціи. Тамъ собрана только переписка пословъ, что же касается до ихъ отчетовъ, то многіе изъ нихъ потеряны, а остальные разсыяны по разнымъ бібліотекамъ и сохраняются въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ, даже въ Римѣ и Миланѣ.

Кромѣ названныхъ здѣсь грамматъ и актовъ, находившихся въ венеціанскомъ государственномъ архивѣ, есть еще много другихъ источниковъ, которые нѣкогда принадлежали частнымъ людямъ и составляютъ даже и теперь ихъ достояніе. Мы разумѣемъ собранія рукописей или, вѣрнѣе сказать, государственныхъ бумагъ, встрѣчающіяся въ

Италии, во дворцах некоторых вельмож и порождающая из рода в родъ, какъ драгоценное наследство.

Начиная съ конца пятнадцатаго столѣтiя, въ двѣтунъ вѣкъ архіепископъ стратинъ существовалъ во всей западной Европѣ, особенно во Франціи и Италиі; обычай, принятый болѣею частью государственныхъ делъ, содѣлать въ себѣ вѣдѣнія бумаги, относившіяся къ ихъ ответственному участію въ управленіи. Этотъ обычай распространенъ былъ всего болѣе въ Венеціи и Римѣ, двухъ городахъ, преимущественно аристократическихъ. Эти собранія были памятниками исторической дѣятельности, указывали на ихъ значеніе въ государственной возвышая достоинство потомковъ. Каждый старинный домъ Венеціи непремѣнно имѣлъ подобныя рукописи: на нихъ смотрѣли съ гордостью и соблюдали съ тщаніемъ; но при паденіи республики, къ сожалѣнію, большая часть ихъ погибла и не многое оставшееся собрано библиотекарями Святаго-Марка.

Несравненно болѣе сохранилось въ Римѣ. Непоты, господствовавшіе въ папской области и завѣдывавшіе управленіемъ, были обыкновенно родоначальниками богатыхъ и могущественныхъ княжескихъ фамилій и передавали имъ часто въ наследство государственныя обязанности, собранныя ими при жизни. Во дворцахъ, которые они строили и которые называются по ихъ имени, есть всегда нѣсколько комнатъ, назначенныхъ для подобнаго архива. Эти частныя собранія могутъ считаться въ нѣкоторомъ смыслѣ государственными, потому что туда поступали дѣла папскаго архива, относившіяся къ тому времени, когда какой-нибудь Непотъ, или какой-нибудь княжескій домъ занималъ высокое званіе въ правительствѣ. Они брали себѣ бумаги, какъ брали остатки государственныхъ доходовъ, разныя драгоценности и даже картины. Такимъ образомъ ватиканская картинная галлерія, несмотря на высокое достоинство произведеній великихъ художниковъ, уступаетъ великолѣпнымъ галлереймъ Боргезе или Доріа; и собраніе древнихъ статуй, находившееся въ концѣ прошедшаго столѣтiя, въ знаменитой виллѣ Альбани, превосходило собственные музеи папы. Точно такъ и рукописи, сохраняемыя во дворцахъ Барберини (Barberini), Чиги (Chigi), Альтиери (Altieri), Альбани (Albani), Корсини (Corsini), наполнены драгоценными матеріалами для исторіи папъ, ихъ государства и ихъ церкви, и совершенно затмѣваютъ своимъ богатствомъ архивъ государственный.

Подобный частный архивъ упоминается еще въ концѣ пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго столѣтій, какъ принадлежащій дому Карраччолы (Carraffa), имѣвшему вѣдущее вліяніе на судьбу Италіи того времени. Все эти бумаги перешли по воле въ самилана Виттеллиевъ (Vitelli), столь же замѣчательную и могущественную, какъ и Карраччолы. Въ 1557 году папа Падаль-Четвертый возвелъ Виттелло-дуччо въ санъ кардинала и назначилъ своимъ министромъ. Виттелло-дуччо былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ мужей римской куріи: остроумный, тонкій и трудолюбивый, онъ заведывалъ делами внутренняго правленія и велъ переговоры съ иностранными дворами. Въ теченіе долгой администраціи онъ получалъ разныя и весьма важныя бумаги, часто въ подлинникахъ, иногда въ спискахъ, изъ Франціи, Испаніи и Италіи, сохранялъ ихъ съ большимъ тщаніемъ и наконецъ составилъ архивъ, приводившій въ изумленіе современниковъ. Подобное собраніе находилось во дворцѣ Боргезе у кардинала Спады, и было открыто ученому писателю Паллавичини, издавшему «Исторію тридентскаго собора».

Все эти частные архивы относятся преимущественно къ эпохѣ, въ которой царствовалъ папа того дома; но такъ какъ Непоты удерживали часто свое значеніе и послѣ смерти своего папы, то и архивы ихъ заключаютъ въ себѣ много прекрасныхъ матеріаловъ для общей исторіи Рима и всей Италіи. Господство княжескихъ домовъ простиралось до конца семнадцатаго столѣтія; въ осемнадцатомъ ихъ вліяніе падаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе ихъ родовыхъ архивовъ. Теперь между всеми отличается своимъ богатствомъ собраніе барберинское, а за нимъ слѣдуетъ корсинское. Господинъ Ранке изслѣдовалъ и изучилъ ихъ все какъ въ Римѣ, такъ и въ Венеціи. Онъ открылъ въ нихъ множество новыхъ источниковъ: переписку папскихъ нунціевъ, вмѣстѣ съ наказами (инструкціями) и отчетами (relazione); подробныя жизнеописанія многихъ папъ, очень часто весьма откровенныя, потому что онѣ не назначались для публички; біографіи вѣстныхъ кардиналовъ; разныя записки и дневники; мнѣнія поданныхъ папъ, или въ коллегію кардиналовъ о правительственныхъ мѣрахъ и политическихъ событіяхъ; статистическія описанія и подробныя счета доходовъ и расходовъ. Все эти матеріалы, за исключеніемъ весьма немногихъ, по словамъ господина Ранке, оставались до этихъ поръ совершенно неизвестными.

Вотъ второй источникъ исторіи шестнадцатаго столѣтія, найденный и употребленный нашимъ писателемъ. Остается указать намъ еще на одинъ и уже послѣдній, который столько же важенъ и столь же мало извѣстенъ какъ предыдущіе, но принадлежитъ не Италіи, а Германіи. Господинъ Ранке воспользовался первыи протоколами и актами имперскаго сейма, состоящими въ девяноста-шести рукописныхъ едвантахъ и находящимися теперь во Франкфуртѣ на Майнѣ. Скажемъ объ этомъ предметѣ нѣсколько словъ для лучшаго уразумѣнія заслугъ германскаго историка.

Ни въ одной странѣ западной Европы феодальная система не вошла въ своемъ постепенномъ развитіи такъ далеко, какъ въ Германіи: крайнимъ результатомъ ея была совершенная независимость основныхъ ея частей и происшедшее отъ того распадѣніе Германіи на множество отдѣльныхъ территорій. Феодальная система была государствомъ, въ которомъ соединены были три особенныхъ, самостоятельныхъ общества, пользовавшихся собственнымъ управленіемъ. Эти три общества были: владѣтели свѣтскіе (рыцари, бароны, графы, герцоги), владѣтели духовные (монастыри, епископы, архіепископы) и городскія общины. Всѣ три были независимыми относительно внутренняго правленія, но составляли однако одно цѣлое, одно государство, во-первыхъ потому, что руководились всѣ общимъ законодательствомъ, феодальнымъ правомъ, отъ котораго и получили названіе феодальной системы; и во-вторыхъ, что находились подъ властью государя, которому давали присягу въ вѣрности и преданности (*fidelitas et homagium, foi et homage*). Феодальная система существовала въ одинаковой степени во Франціи и Германіи, но судьба этихъ странъ была однако же различною.

Со вступленія на престолъ Капетскаго дома, короли Франціи владѣли большою, очень населенною областю, прежнимъ герцогствомъ Франціею (*ducatus Franciae, duché de France*), которое давало имъ значительный вѣсъ и вліяніе надъ всеми прочими феодальными князьями. Эту область свою они непрерывно увеличивали и распространяли новыми владѣніями, которыя пріобрѣтали иногда мирными договорами, иногда покупкою, но большею частью счастливыми войнами. Въ царствованіе Филиппа-Второго Августа завоеваны были герцогства: нормандское, анжуйское и менское, и графства: Поатье и Овернь.

Война альбійская, начатая еще при жизни этого государя и кончившаяся парижскимъ договоромъ при Людовикѣ-Девятомъ Святомъ, потрясла и разрушила сильное и цвѣтущее графство тулузское и приготовила его присоединеніе къ дому Франціи, въ правленіе Филиппа-Третьяго Смѣлаго (въ 1271 году). Людовикъ-Десятый Сварливый прибавилъ къ своему государству обширное графство Шампань, а Филиппъ-Четвертый-Монпелье. Наконецъ большія приобрѣтенія, сдѣланныя Бертрамомъ дю-Гекленомъ, знаменитымъ полководцемъ Карла-Пятаго Мудраго, поставили французскаго короля въ число могущественнѣйшихъ государей западной Европы. Вскорѣ однако возобновилась война съ Англіею и ужасныя пораженія, нанесенныя французскому войску при его сынѣ и преемникѣ, Карлѣ-Шестомъ, и завоеваніе большей части провинцій, казалось, вдругъ уничтожили дѣла столь многихъ монарховъ. Но появленіе Іоанны д'Аркъ спасло Францію и даже эта самая война съ Англіею, вмѣсто распадѣнія, доставила странѣ единство, а съ нимъ и силу. Множество феодальныхъ владѣтелей: герцоговъ, графовъ, бароновъ, пало въ кровавыхъ битвахъ; ихъ земли стали достояніемъ короля; и Людовикъ-Одиннадцатый вступилъ на престолъ обширнаго и нераздѣленнаго государства. Такъ достигло французское королевство тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ мы находимъ его предъ реформаціею.

Совершенно другое встрѣчаемъ въ Германіи. Царственный домъ Карла-Великаго пресѣкъся здѣсь уже въ первыхъ годахъ десятаго столѣтія и съ того времени престолъ сдѣлался избирательнымъ. Часто случалось, что онъ занимаемъ былъ довольно долго членами одного рода и переходилъ постепенно отъ отца къ сыну, потомъ внуку и такъ далѣе, но не смотря на то, королевство не было наследственнымъ и оставалось всегда избирательнымъ. Назначеніе преемника царствовавшему государю зависѣло отъ князей избирателей (курюрстовъ), и если происходило иногда еще при жизни короля, то только по уваженію къ нему и по его личнымъ стараніямъ. Такимъ-образомъ сынъ вступалъ на престолъ послѣ смерти отца не по праву наследства, но по предварительному выбору. Это ограниченіе верховной власти повлекло за собою другое учрежденіе, имѣвшее безконечныя послѣдствія на судьбу Германіи. Феодальные князья, стремившіеся къ независимости въ собственныхъ удѣлахъ, поставили правило, что король Германіи, который, какъ известно,

подлежало со временем, Оттонъ-Великаго, титулъ римскаго императора, не могъ имѣть отдаленнаго, лично ему принадлежащаго владѣнія, и поэтому по волеизъявленію, долженъ былъ передать герцогство или графство ближайшему родственнику; такъ что римскій императоръ не имѣлъ ни территоріи, ни войска, ни финансовъ, и его значеніе основывалось не на собственной силѣ, но только на содѣйствіи бароновъ. Такое правленіе должно было произвестъ и дѣйствительно произвело чрезвычайное разслабленіе центральной власти и всеобщее желаніе къ отпадченію. Прежде всего воспользовались этимъ состояніемъ феодальные владѣтели, называвшіеся въ Германіи саксонскими, духовными князьями, то есть важнѣйшіе герцоги и графы, архіепископы и епископы. Они успѣли подчинить себѣ мелкихъ бароновъ, рыцарей и сдѣлаться въ свою очередь государями. Ихъ притязанія послѣдовали скоро тѣмъ феодальнымъ городамъ, которые отличались болѣе другихъ богатствами и предприимчивостью. Въ самомъ началѣ они приобрѣли право быть городами Имперіи (Reichsstädte) то-есть зависѣть непосредственно отъ императора, потому безпрестанно увеличивали свои привилегіи и достигли наконецъ правъ республиканскаго. Такимъ образомъ исторія Германіи представляетъ результатъ противоположный тому, который мы усматриваемъ въ Франціи. Въ то время, какъ послѣдняя постоянно шла къ единству, Германія болѣе и болѣе раздѣлялась и въ четырнадцатомъ столѣтіи совершенно распалась. Она распалась по тремъ частямъ, которыя составляли феодальную систему и которыя сдѣлались теперь самостоятельными государствами. Эти государства были: 1) герцогства и графства; 2) архіепископства и епископства; и 3) республики.

Паденіе феодальной системы во Франціи относится къ четырнадцатому столѣтію. Бароны, епископы и городскія общины удержали еще мѣстныя права и преимущества, но утратили политическую независимость и сдѣлались подданными французскаго короля. Въ цвѣтущее время феодализма, различныя владѣнія оставались отдѣльными, и хотя было много графовъ, епископовъ и городовъ, но каждый изъ нихъ былъ въ своемъ округѣ вполне самостоятеленъ. Но когда они подчинились королю и вступили въ званіе подданныхъ, то самостоятельность ихъ прекратилась, они не имѣли болѣе никакого личнаго значенія, соединились и составили сословія. Изъ трехъ частей феодальной системы произошли три сословія. Слѣдствіе фе-

дальше владѣли составили сословіе дворянства, духовныя — духовенство, а жители вольныхъ городовъ такъ называемое третье сословіе, *le tiers état*.

Паденіе феодализма произвело весьма большое измѣненіе во внутреннемъ составѣ государства. Правленіе не было теперь ни въ замкахъ бароновъ, ни во дворцахъ епископовъ, ни въ градскихъ домахъ, но въ рукахъ короля, который, для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ, созывалъ совѣтъ изъ выборныхъ (депутатовъ) трехъ означенныхъ сословій. Ихъ засѣданіе называется собраніемъ государственныхъ, или земскихъ сословій, на французскомъ языкѣ *les états généraux*.* Каждое сословіе разсуждало и помѣщалось отдѣльно, не смѣшиваясь съ другими, но все оно разсматривало новые законы, опредѣляло подати и налоги и вообще занимала то же самое мѣсто во Франціи, какъ современный имъ парламентъ въ Англіи. Собраніе земскихъ сословій въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ доставило французскому государству единство и во внутреннемъ правленіи.

И въ этомъ отношеніи исторія Германіи отличается отъ исторіи Франціи.

Всеобщее распаденіе Германіи въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ лишило императоровъ всякаго вліянія и заставило ихъ подумать о средствахъ къ его возвращенію и къ утверженію своего господства. Они надѣялись достигнуть его посредствомъ приобрѣтенія собственной территоріи, то-есть государства, которымъ бы они такъ же самостоятельно управляли, какъ прочіе феодальные князья въ своихъ областяхъ. Домъ Габсбургскій первый основалъ сильное родовое владѣніе въ Австріи; Карлъ-Четвертый Луксембургскій ввелъ правило, чтобы императоръ не уступалъ болѣе своихъ земель при возмѣщеніи на престолъ; и такимъ-образомъ германскіе цари сдѣлались въ свою очередь обладателями обширной только имъ подчиненной страны. Но во время этихъ стараній независимость прочихъ государствъ Германіи не только не пострадала, но даже еще болѣе упрочилась, такъ-что въ началѣ пятнадцатаго столѣтія нѣмецкая имперія представляла союзъ самостоя-

* Слово *état* значить сословіе и *général* — государственный.

только въ правительствѣ, соединенныхъ только въ одно политическое цѣло.

Мы сказали прежде, что государства, на которыя раздѣлилась Германія, произошли изъ трехъ частей феодальной системы, а потому были троякаго рода: первое герцогства и графства, второе епископства и архіепископства, и третье городскія общины, или республики. Последнія управлялись градекимъ главою и советомъ составленнымъ изъ важнѣйшихъ гражданъ; въ двухъ первыхъ, напротивъ, верховная власть находилась въ рукахъ княжескаго лица, которое было и наследственно, какъ напримѣръ герцоги и графы, или императорскимъ духовенствомъ, то-есть епископы или архіепископы. Что же касалось до внутренняго состоянія этихъ княжествъ, то въ нихъ образовались два сословія: первое дворянство (der Adel), происшедшее отъ вельможъ, бароновъ и рыцарей, и второе, среднее сословіе (der Bürger-oder Mittelstand), составленное жителями городовъ; не бывшииъ республиканскими. Духовные принадлежали обоимъ имъ вмѣстѣ, но особеннаго сословія духовенства въ Германіи не встрѣчается вовсе. Выборные обоихъ сословій были иногда созываемы князьями для разсужденія о дѣлахъ правительственныхъ, и ихъ засѣданія называются собраніемъ земскихъ сословій (der Landtag). Но онъ не имѣли ни законодательной, ни исполнительной власти и пользовались только правомъ совѣщанія. Въ германскіе князья, каждый въ своей области, были государями самодержавными.

Итакъ германская, или какъ она собственно называлась, священная римская имперія, была союзомъ нѣсколькихъ республикъ и многихъ самодержавныхъ государей, избравшихъ изъ своей среды императора, для завѣдыванія центральною властью. Этотъ союзъ утвердился еще болѣе новымъ учрежденіемъ, продолжавшимся слѣдующимъ дѣствіемъ и состоявшимъ въ періодическомъ созываніи имперскаго сейма (der Reichstag). Уже давно прошло время, когда личная воля одного лица руководила общими дѣлами Германіи, но необходимость единства чувствуема была всею въ такой мѣрѣ, что все желали наконецъ избранія сейма, который засѣдалъ бы въ извѣстный, опредѣленный срокъ. Въ немъ присутствовали, подъ личнымъ предсѣдательствомъ самого императора, или его намѣстника, свѣтскіе и духовные князья, вмѣстѣ съ депутатами графовъ, бароновъ и вольныхъ городовъ. Союзъ при-

кардинала, все равно зависимаго, включая: судобыю в области дико населенныхъ, кромѣ того объявленіе войны, заключеніе мира, подписаніе договоровъ съ иностранными державами, распределеніе податей и налоговъ и вообще все дѣла епископскаго. Онъ завѣдывалъ притомъ не только дѣлами политическими, но и церковными, такъ что къ нему рашались все вопросы, относившіеся къ религіознымъ преобразованіямъ Гуса и Лютера. Периодическіе сеймы существовали болѣе двухъ сотъ лѣтъ, начиная съ пятнадцатаго столѣтія до тридцати-лѣтней войны, и служили самымъ живымъ выраженіемъ немецкой націи, разсматривая все, что только происходило замѣчательнаго. А потому такое знакомство съ ними, необходимо для познанія исторіи того времени. Они объясняютъ и подтверждаютъ событія и можно сказать утвердительно, что занятіе исторіею эпохи реформациі основано преимущественно на изученіи сеймовъ германской имперіи.

Здѣсь упомянемъ о новой и великой услугѣ, оказанной нашимъ историкомъ. Онъ первый между всеми писателями представилъ событія реформациі въ настоящемъ достовѣрномъ видѣ; онъ не только указалъ на важность имперскихъ сеймовъ, но изложилъ самъ съ большою отчетливостію ихъ засѣданія; онъ написалъ исторію, о которой никто прежде и не догадывался; онъ открылъ однимъ словомъ новый путь, по которому всякій можетъ теперь идти безъ затрудненія.

Источники, изъ которыхъ господинъ Ранке почерпалъ свои свѣдѣнія, такъ же новы и были почти неизвѣстны.

Осенью 1836 года онъ воспользовался рукописнымъ собраніемъ протоколовъ германскихъ сеймовъ, находящимся въ градскомъ архивѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Это собраніе состоитъ изъ девяностати-шести томовъ, въ которыхъ заключаются дѣла сеймовъ отъ 1414 до 1613 года. Въ началѣ оно весьма неполно, но потомъ, при увеличивающейся важности самыхъ сеймовъ, оно дѣлается подробнѣе и занимательнѣе; наконецъ отдѣлъ первой половины шестнадцатаго столѣтія приводитъ въ изумленіе неожиданнымъ богатствомъ новыхъ матеріаловъ. Господинъ Ранке сдѣлалъ извлеченія изъ шестидесяти-четырехъ первыхъ томовъ, доходившихъ до 1551 года. Въ 1839 году ему открыты были государственныя архивы въ Берлинѣ и Дрезденѣ: онъ доставилъ частно совершенно новые акты, ча-

стию такіе, которые служили къ объясненію франкфуртскихъ протоколовъ. Казалось, этихъ однихъ источниковъ было уже достаточно для предполагаемой цѣли: но господинъ Ранке ими однако не удовольствовался. Описывая государя, царствовавшаго надъ столь многими и разнообразными странами, онъ весьма справедливо полагалъ, что въ архивахъ другихъ земель, подвластныхъ некогда Карлу-Пятому, онъ отыщетъ возможность разгадать многія событія Германіи, остающіяся еще темными. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ осенью 1839 года путешествіе въ Брюссель. Его ожиданія увѣщались полнымъ успѣхомъ. Въ государственномъ архивѣ Бельгіи ему представили прекрасно составленное и систематически въ двадцати-пяти томахъ расположенное рукописное собраніе подъ названіемъ «Documents relatifs à l'histoire de la réforme religieuse». Въ немъ заключается переписка Карла-Пятаго и Фердинанда-Перваго между собою и съ ихъ сестрою Марією, правительницею Нидерландовъ, объясняющая общую европейскую политику императора; кромѣ того инструкціи посланъ и ихъ отчеты, замѣчанія и мнѣнія, составленные самимъ Гранвеллою и много другихъ, весьма важныхъ бумагъ государственныхъ. Въ этомъ же самомъ собраніи, и именно въ 7, 8 и 9 томахъ, помѣщены также бумаги, принадлежавшія некогда электору (курфирсту) Иоанну-Фридриху и взятыя Карломъ-Пятымъ послѣ побѣды при Мюльбергѣ и плѣненія этого князя.

Мы назвали здѣсь матеріалы, надъ которыми трудился втеченіе двадцати лѣтъ господинъ Ранке. Одно краткое исчисленіе ихъ служить яснымъ доказательствомъ, что его исторія основана на самыхъ твердыхъ началахъ, то-есть, на современныхъ актахъ, грамотахъ и вообще государственныхъ бумагахъ. Познакомившись съ ними, обратимся къ его собственному сочиненію.

Пятнадцатое и шестнадцатое столѣтія известны подъ именемъ эпохи возрожденія (renaissance), и представляютъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій, которые когда-либо были въ мірѣ, то-есть, возстановленіе древней, преимущественно греческой образованности. Это возрожденіе давно угасшаго и забытаго еллинизма не довольствовалось однимъ только внесеніемъ новаго элемента въ существовавшую тогда образованность среднихъ вѣковъ, но напротивъ совершенно ее уничтожило, заняло ее мѣсто и произвело переворотъ въ нравственномъ и умственномъ состояніи западной Европы.

Между всеми странами древняго міра, нѣтъ ни одной, которая бы, въ новѣйшее время, болѣе на себя обращала вниманія ученыхъ, какъ Греція. Нѣкогда она была средоточіемъ всего нравственнаго движенія, представительницею просвѣщенія, мѣстомъ перваго появленія и самаго высшаго процвѣтанія искусствъ, наукъ и литературы. Находясь въ центрѣ древняго историческаго міра, между Азією, Египтомъ и Италією, Греція приняла первоначальные элементы образованія съ востока, но потомъ совершенно преобразовала ихъ и представила въ собственномъ, самостоятельномъ видѣ. Такое географическое положеніе, соединенное съ необыкновеннымъ творческимъ духомъ народа, было причиною, что Греція не только заняла первое мѣсто въ древнемъ мірѣ, но положила на всю древнюю образованность печать своего бытія и гениальности и направила на путь, который уже никогда не былъ оставляемъ. Все, что существовало впослѣдствіи въ Римѣ и Александріи, было или вполнѣ греческимъ, или самымъ буквальнымъ подражаніемъ его.

Есть великіе народы, являющіеся въ исторіи точно такъ, какъ великіе люди. Судьба ихъ совершенно одинакова; они предназначены для господства: одинъ въ отдѣльномъ народѣ, другой въ цѣломъ ряду поколѣній; каждый останавливаетъ на себѣ взоры исторіи. Было много народовъ, показывавшихся какъ метеоры, которые блеснутъ и погаснутъ; народъ великій подобенъ солнцу, озаряющему все своимъ сіяніемъ; если оно и заходитъ, то только для того, чтобы опять явиться въ прежнемъ блескѣ. На его челѣ начертано величіе, и дѣла его безсмертны.

Таковы были древніе Греки, занимающіе одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду великихъ народовъ. Греческая образованность дошла до высшей степени развитія во время политической независимости, и распространилась по Сициліи, Этруріи, южной Италіи и, наконецъ, чрезъ завоеванія Александра Македонскаго, и по всему востоку. Эта независимость однако мало-по-малу падала и совершенно уничтожена была Римлянами. Казалось, все погибло для Греціи; часъ кончины ударилъ — и грубый Мумій, разоривъ и опустошивъ страну, воинствъ неопытными сокровища искусствъ, гордость и украшеніе Эллады. Но мысль безсмертна, величіе не погибаетъ, и Греція, подобно Фениксу, воскресающему изъ пепла, опять явилась въ преж-

ионы слезы и великодушны. Потерявъ политическую независимость, она приобрѣла господство нравственности, и притомъ такое сильное и прочное, что совершенно преобразовала Римлянъ и некоторых чужихъ побѣдителей.

Тогда представилось удивительное, дотогъ неслыханное явленіе. Римляне, завоевавшіе весь свѣтъ, уничтожившіе самостоятельность всѣхъ народовъ, распространившіе повсюду свои законы и учрежденія; эти самые Римляне были завоеваны греческою образованностью. Можно сказать, по справедливости, что Римляне, уничтоживъ политическую національность другихъ народовъ, потеряли свою собственную нравственную національность и переродились въ Грековъ. Вся ихъ умственное существованіе заимствовано было у послѣднихъ. Литература, искусства и науки были только подражаніемъ; даже въ родномъ обществѣ говорили только по-гречески, и молодые люди считали свое воспитаніе неконченнымъ, если не побывали въ Афинахъ. Всѣ старались сдѣлаться Греками. Господство греческой образованности было наконецъ такъ велико, что Римляне оставили свою собственную религію, забыли своихъ родныхъ боговъ и стали поклоняться богамъ греческимъ.

Но древнее языческое общество пало; мѣръ преобразованъ Крестомъ; Греція и Римъ сошли съ поприща исторіи и, какъ казалось, для того, чтобы болѣе не возвращаться. Германскіе народы поселились въ различныхъ провинціяхъ западной римской имперіи, основали особенныя государства и дали обществу совершенно новое, дотогъ невѣдомое направленіе.

Здѣсь представилось весьма замѣчательное психологическое явленіе, служащее доказательствомъ могущества образованности. Когда толпы Германцевъ перешли предѣлы римской имперіи, и, производя опустошенія и грабительства, окончательно въ ней поселиться; когда эти Германцы торжествовали свою побѣду предаваясь дикому удовольію; когда Римляне стали лицомъ къ лицу съ своими грубыми завоевателями; тогда во всемъ римскомъ населеніи пробудилось сознаніе личнаго достоинства, тогда всѣ почувствовали благотворное вліяніе просвѣщенія и искали въ немъ спокойствія и счастья. Римляне обрѣли твердость и самопожертвованія, дѣлающія имъ воина чужого вѣка; и заслуживши имъ уваженіе потомства.

Божественная мудрость повеленная им вымала для народов, что издавна втѣ Бернгардъ и старался жить совершенно по образу древнихъ Римлянъ, воскресная времена Каролингъ, Манриковъ, Виргилювъ. Они занимались науками и литературою и изучали дѣтскимъ любовь къ прекрасному. Ихъ старанія увѣнчались самымъ блестящимъ успѣхомъ. Римское общество вдругъ преобразовалось, и въ пятомъ столѣтїи явилась литература, которая далеко превзошла все, что представляютъ намъ два предшествовавшія столѣтїа и которая процвѣтала втеченіе почти цѣлаго вѣка. Писатели того времени: Кассиодоръ, Симмахъ и Боэцій въ Италїи, Авитъ, Фортунатъ и Сидонїи Апполинарисъ въ Галліи отличаются прелестью изложенія и принадлежатъ по внѣшней формѣ, древней классической литературѣ.

Такого-образомъ вступая римское общество съ германскимъ произвела благородное стремленіе къ образованности и великую духовную дѣятельность въ первомъ. Но этотъ порывъ былъ коротокъ. Бскоръ наступило время глубокаго невѣжества, обнаружившееся даже гоненіемъ и уничтоженіемъ всего, что напоминало древній міръ. Примеръ подавъ былъ особами, на которыхъ смотрѣла вся западная Европа. Папа Григорій-Первый купилъ много рукописей, картинъ и статуй и передалъ ихъ торжественно сожженію на римской площади. Этотъ примеръ былъ заразителенъ и нашелъ подражателей во всѣхъ странахъ; такъ что множество остатковъ древности погибли навсегда.

Но съ воцареніемъ Карла-Великаго видъ Европы началъ измѣняться. Этотъ король положилъ основаніе государственнымъ постановленїямъ и образованности, которыя быстро развивались и достигли цвѣтущаго состоянїа въ эпоху феодализма. Образованность того времени не была чуждою, занемцованною, но вполне самобытною: она представила новую литературу, новый образъ жизни, новыя понятїа, наконецъ искусство и даже философію.

Литература среднихъ вѣковъ была весьма разнообразною и, кромѣ летописей и сочиненїй историческихъ, состояла въ лирику, эпосъ и драму.

Лирика была прекраснымъ выраженіемъ рыцарства, а потому и встрѣчается прежде другихъ родовъ поэзіи. Трубадуры и миннезингеры воспѣвали любовь и красоту женщины, турниры и подвиги

рыцарей; они переезжали из замка в замок, от барона к барону, везде были любимы и ласкаемы, присутствовали на церемониях и увеселяли общество своими пьесами. Ихъ стихотворенія знаются и теперь своею прелестью и звучностью.

Нѣсколько позднѣе явилась эпопея, представляющая не отдельные подвиги, но настоящія событія. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе германская поэма: «пѣснь Нибелунговъ» (das Nibelungenlied) и французская эпопея, изданная Фориелемъ (Fauriel) подъ заглавіемъ: «Крестовый походъ противъ еретиковъ Альбійцевъ» (la croisade contre les eretiques albigeois). Но между всеми эпическими поэтами среднихъ вѣковъ возвышается великій Флорентинецъ Данте Алигieri (Dante Alighieri, родившійся 1265, умершій въ 1321 году), творецъ «Божественной комедіи», которая превосходитъ все современное и равняется только гениальнымъ произведеніямъ Омира.

Такъ же распространена была въ Европѣ и драма. Она состояла въ такъ-называемыхъ мистеріяхъ, которыя давались въ городахъ и селахъ, на площадяхъ и въ градскихъ думахъ и въ которыхъ, съ изображеніемъ предметовъ священныя, очень часто соединены были сцены изъ частной жизни человѣка.

Феодальное общество отличалось также и образомъ жизни. Въ немъ развилось рыцарство, какъ особенное учрежденіе, имѣвшее свои законы, свои правила и обычаи. Въ немъ основаны были многіе ордены, въ которыхъ мечъ соединенъ былъ съ крестомъ и война съ религіею. Рыцарство было юношескимъ возрастомъ народовъ западной Европы, возрастомъ поэзіи и восторга, когда сражались за любовь и красоту жетщины, и когда искали славы въ побѣдѣ на турнирахъ.

Это время замѣчательно еще и въ другомъ отношеніи: оно имѣло весьма важное значеніе нравственное и ввело новыя, дотогѣ незнакомыя понятія. Такимъ-образомъ оно возвысило достоинство женщины и доставило ей въ семействѣ и обществѣ мѣсто, котораго она никогда прежде не занимала, не только на Востокѣ, но даже и въ Греціи. Въмѣстѣ съ тѣмъ образовалось чувство чести, другое, столь же новое и великое понятіе, которое также совершенно не было известно

древнимъ, а потому и слово часть не находится ни въ греческомъ ни въ латинскомъ языкѣ.

Но средніе вѣка произвели и собственные искусства, называемыя обыкновенно готическими. Здѣсь въ особенности обращаетъ на себя вниманіе зодчество, а живопись и ваиніе служило ему только помощію. И такъ какъ феодальная система состояла изъ трехъ частей, то и самое зодчество между ними раздѣлилось и представляетъ троякаго рода зданія: церкви, замки и градскія думы, которыя сохранились въ большомъ числѣ и восхищаютъ своимъ величїемъ и художественнымъ исполненїемъ.

Въ нихъ встрѣчаемъ наконецъ и философію, которая первоначально имѣла своими представителями Абэларда и Еригену Скота и только уже въ послѣдствїи переродилась въ схоластику.

Разсматривая такимъ образомъ средніе вѣка, нельзя не замѣтить въ нихъ великой умственной дѣятельности и весьма замѣчательной образованности. Последняя была притомъ оригинальною, самобытною и совершенно отличною отъ древней классической образованности. Однимъ словомъ, съ паденїемъ Рима Европа совершенно измѣнилась: Греція забыта; и западные народы утвердили, по-видимому, свою духовную независимость и самостоятельность.

Произошло однако противное; древняя образованность опять воскресла въ пятнадцатомъ столѣтїи.

Время, предшествовавшее реформациі въ западной Европѣ, представляетъ во второй разъ то удивительное, едва понятное явленіе, которое мы уже видали у Римлянъ. Народъ, политически умершій болѣе тысячи лѣтъ, забытый и оставленный въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, возстаетъ опять изъ могилы и прїобрѣтаетъ такую нравственную силу, что измѣняетъ направленіе образованности, уничтожаетъ феодализмъ, разрушаетъ готическую архитектуру, предастъ забвенію всю литературу и все ученіе среднихъ вѣковъ, и опять вводитъ греческихъ поэтовъ, ораторовъ, философовъ и художниковъ, даетъ имъ полное право гражданства и образуетъ новую эпоху, называемую эпохою возрожденія (renaissance). Вотъ величіе мысли! Вотъ доказательство безсмертія истинной образованности! Если еще кто сомнѣвается въ этой истинѣ, пусть посмотритъ какъ Колумбъ, на-

впечатлительный чтением древних географов, открыл новый мир и так изменил видъ стараго; какъ Рааваль, восторженный разсматривавшій древних греческихъ статуи, восторгаясь имъ, восторженно восклицалъ: «созданія и основаны новыя и древныя; какъ и древности-открытыя статуи Петра и Павла восторгаясь христіанской красоты и прелестью (порфиромъ и зантеобомъ, и основаны новыя и древныя архитектуру). Вся наша образованность, почти дружба, есть подражаніе греческой, единственное только христіанствомъ. Вотъ правда древнихъ Бредонъ на бессмертіе, открыли плава и величье! Новая правда лезами такіе факты, неужели кто-нибудь будетъ сомневаться о томъ, что науки и искусства не умираютъ?»

ЭПИГРАМЪ КУТОРА.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ЗЕМСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

==
СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

==
О волостяхъ русской земли.

Неизлишнимъ считаемъ напомнить здѣсь, что мы никакъ не имѣемъ притязаній представить полную картину всѣхъ земскихъ отношеній со всеми ея подробностями и мелочами. По обширности и новостямъ своей, этотъ предметъ заслуживаетъ самаго тщательнаго изысканія. Предоставляя себѣ на будущее время болѣе отчетливое изслѣдованіе этого предмета, мы на этотъ разъ представляемъ о немъ нѣсколько мыслей. Ограничиваясь въ предлагаемомъ изслѣдованіи древнѣйшимъ временемъ Русской исторіи (до двѣнадцатаго столѣтія), мы тѣмъ самымъ однако жъ не лишаемъ себя права пользоваться позднѣйшими указаніями летописей и другихъ намятниковъ древней письменности, языка народнаго и даже современныхъ намъ фактовъ народной жизни, на сколько все это по соображеніямъ можетъ быть отнесено къ древнѣйшему періоду русской исторіи, или служить къ объясненію

фактовъ древнѣйшей жизни русскаго народа. Оградивъ себя такимъ образомъ, мы приступаемъ къ разсмотрѣнью волостей.

Городъ съ пригородами, съ селами и съ принадлежащею землею составлялъ волость. Изъ такихъ волостей состояла вся русская земля. Онѣ были отдѣлены одна отъ другой, и эта раздѣльность русской земли имѣла соотношеніе съ дѣленьемъ Руси между князьями по управленію.

Слово *волость* (область, ободость), по первоначальному значенію своему, заключаетъ въ себѣ понятіе власти *, владѣнія, властвованія, начальствованія, управленія. И такъ волостью сначала называлась та власть, которая соединяла различныя мѣста поселенія людей на известномъ пространствѣ земли въ одно земское цѣлое. Потомъ названіе волости примѣнено и къ самому пространству земли, на которомъ эта власть дѣйствовала. Приводимъ въ примѣръ мѣсто изъ лѣтописи: «И почаша Володимерци молвити: мы есмы волная князя пріяли къ себѣ, крестъ цѣловали на всемъ, а си акы не свою волость творыма, яко не творячеся у насъ съдѣти, *грабита не токмо волость* всю но и церкви». (Ипат. 117). Здѣсь слово волость употреблено въ обоихъ значеніяхъ.

Волость получала названіе 'отъ имени своего главнаго города, который былъ ея центромъ, или же называлась по имени горожанъ. Такъ напримѣръ волость ростовская **, новгородская ***, Нова-

* Лавр. 156. «И тако скончася *волость* Игорева». Тамъ же 157. «Всяка Душа властелея повинуется... противяся *волости* противяется закону Божию». Ипат. 48. Князья называются «волостелями». — Древнее слово «власть» тоже самое, что волость и употреблялось въ тѣхъ же значеніяхъ; — «володѣть» = властвовать; волостель на Юго-Западъ нарѣчійхъ значить владѣлецъ земель, дворянинъ. — Сербск. Споменици, Бѣградъ 1840 г. Грамота Стефана III 1234 года: «Князь Петръ Болеславикъ и Тудръ Крустикъ, и съ всѣми *властели* обкиновъ градскость одъ нама до велика пріеше ме съ почестию». — Законникъ Стефана Душана 1549 года: «*властели*, конкранца дръже, коя войска оттуду мине и плати землю цареву, ти *властели* все да плате *пре кои державе* прѣиде... «Како есть законъ бо у царева дрѣвнихъ и у краля Стефана... а іу, рече, великии *властители* великии властители судіе (поротци), а сре нихъ людемъ противу ихъ дружина а себравъ дружина а іу судіе (поротци).»

** Лавр. 159. — Ср. Ипат. 17, 18, 29, 70, 87 и др.

*** Ипат. 18, 29. — Новг. I, 18, 39.

города *, Новгородцевъ **. Кроме того каждый изъ подчиненныхъ городовъ и каждый участокъ земли назывался волостью главнаго города или его жителей. Такъ Торжекъ назывался волостью Новгородцевъ***, Туровъ — кievскою****. Сюда же относятся и слѣдующія выраженія: «волость кievская за Днѣпромъ»*****, ... за Свирлицъ, бжеть бо и то волость черниговская»**** и проч. — Волостью называлась также земля въ противоположность городу и жители ея въ противоположность горожанамъ. Напримѣръ: «волость пожьгине, воротилася отъ города за тридцать версть»***** «повельша на Новгородцихъ сребро имати, а по волости куны брати....» † «разидеся градъ нашъ и власть наша....» †† «Ярославъ съ Новгородци, Пльсковичи, Новоторжци и съ Ладожаны и со всею областію Новгородскою †††.

Изъ приведенныхъ мѣстъ летописей и значеній слова и названій волостей видно, что раздѣленіе русской земли на отдѣльныя земскія единицы пронстекало изъ началъ народной жизни. Правда, что слово волость появляется въ летописяхъ не ранѣе раздѣленія Руси между князьями††††, а прежнее названіе для означенія мѣсть, соединенныхъ народною властью въ одно цѣлое, было «земля» †††††, но послѣ и волость стали употреблять въ одномъ значеніи съ словомъ земля, хотя бы въ ней былъ и не одинъ князь, а нѣсколько. Напримѣръ: «волость ростовскую раздѣлише съдоста княжить†††††. Въ земль Новгорода иногда бывало въ одно и то же время по нѣскольку князей: въ Псковѣ⁷ свой князь, въ Торжкѣ свой, въ Новгородѣ тоже свой, —

* Ипат. 105. — Новг. I 45 «область Новагорода».

** Лавр. 163.

*** Тамъ же 153.

**** Ипат. 18.

***** Тамъ же 19.

... Тамъ же 118.

... Новг. I, 14.

† Новг. I, 30.

†† Тамъ же 33.

††† Новг. I 24. Ср. Лавр. 93. «Уязвляху (бѣси) люди Полотьскыи и его область».

†††† Кеннгсб. 66. — Волость Олега Древлянскаго.

††††† Напр. Деревская земля, Польская земля. Кеннгсб. 47, 48, 17.

††††† Лавр. 159.

тъмъ къ нему: земля конгородская называлась протѣтъю конгородскою, чѣмъ выражалось единство ея, о которомъ понятіе не пришло, не смотря на раздѣленіе ея между князьями на урочища.

Вмѣстѣ означая: нѣтъ радичиныхъ мѣстъ поселенія, которыя, входя въ нравствомъ отношеніи къ главному городу, означались нима одну земскую единицу. Эти мѣста получали различныя наименованія, нѣтъ некоторыхъ въ древнѣйшій періодъ известныя следующие: городъ, прадѣкъ (градѣкъ), городище, парадгородіа, пригородъ, пригородокъ, посадь, село, оспа, салище, мѣста, деревня, вѣсъ (вѣсъ, вѣсъ), вѣса, ноготѣкъ, свобода.

Трудно объяснить съ точностью условія, которыми определялись эти названія. Основаній различія мѣстъ поселенія и ихъ названій должно искать въ томъ: а) одинъ ли родъ первоначально закрывалъ известное мѣсто, или нѣсколько родовъ, составившихъ цѣлотѣ общину; б) въ большинѣ или меньшомъ числѣ жителей какого-нибудь мѣста вообще, в) въ значеніи оодовой, населенннхъ известное мѣста; д) въ различіи правъ, присвоенныхъ ему вслѣдствіе различнаго значенія обитавшихъ въ немъ оодовой и другихъ принципъ; е) въ степени зависимости жителей одного мѣста отъ жителей другаго, и г) наконецъ въ величинѣ и устройствѣ оодовъ мѣстъ поселенія.

Въ то время, когда въ племенахъ Славянъ воспроизводвалъ кровный бытъ и когда каждый жилъ съ родомъ своимъ на оодовѣ мѣста, оодово отъ другихъ родовъ, тогда лнчнннхъ уаамннхъ уже о селлахъ. Такъ, описывая оычашъ нннннхъ племенъ, стовннхъ на нннннн степенн гражданственнн, онъ говорнтъ о Раднннчлахъ и другихъ: «срамословье въ ннхъ предъ отцн и предъ свохамн, браци не бываху въ ннхъ, но нгрнща межю селла» *. Родственнн названія показывають, что не смотря на отсутствіе оормальнаго совершенія браковъ, у Раднннчей признавалась уже узъ крови. Но звѣрскій образъ жнзнн не допускаетъ сожнтельства родовъ, которое предполагаетъ степенъ гражданственнн выше той, на которой стояли Раднннчн. Такнмъ образомъ онн жнли въ періодъ раздѣленія рода отъ рода. Нѣкоторые изъ ннхъ жнли въ лѣсахъ, следовательно еще не могли нмѣть понятія о городѣ, но селла у ннхъ тогда уже были. И такъ селломъ первоначально называлось мѣсто поселенія одного рода.

* Лавр. 6.

Подтверждаетъ этому можно найти въ названіихъ селъ съ окончаніемъ на *чи* или *сича* (например Уличичи, Хвалчиничи, потому подобны). Отъ жителей, которые носили общиръ или съ такими окончаніемъ, знаменовавшими происхождение ихъ отъ одного родоначальника, эти нѣя особнякомъ мѣсту, гдѣ они жили. Присвоеніе названій жителей къ занимаемой ими землѣ было въ обычаѣ: какъ часто къ лѣснымъ встречается выраженія въ родѣ слѣдующихъ: — «приде изъ Словени, бѣга въ Ляхы, въ Печенѣги, въ Половци, въ Русь и тому подобныя». Кроме историческихъ названій селъ, въ подлинномъ сказаніи можно указать на то, что и въ нынѣшнее время часто бываетъ, что почти все жители какого-нибудь села однакъ; общее прозваніе свидѣтельствуетъ объ общемъ происхожденіи отъ одного забытаго родоначальника.

Разъединеніе родовъ по селамъ не могло быть вѣчно; роды не могли всегда оставаться каждый на своемъ мѣстѣ, и между ними рано или поздно должно было начаться общеніе.

Однимъ изъ первоначальныхъ поводовъ къ соединенію родовъ на время, между прочимъ служить внѣшняя опасность, страхъ, — причина отрицательная, матеріальная, и самое соединеніе грубое, цѣльное и часто случайное; роды сводить бѣгство или удобство мѣста для того, чтобы скрыться, или отразить врага. Опасеніе новыхъ вторженій побуждаетъ нѣсколько родовъ или цѣлое племя сбѣгаться въ неприступныя мѣста, окруженныя лѣсами и болотами. Такимъ образомъ временное соединеніе родовъ получаетъ нѣкоторый видъ сожителства. Существованіе одной общей опасности заключаетъ въ себя начало общенія.

Обычай нашихъ предковъ скрываться въ лѣса для защиты отъ враговъ, упоминается въ сказаніяхъ современниковъ. Такъ, по словамъ Нестора, прятались Поляне отъ Козаръ^{*)}. О подобномъ обыкновении

* Также точно и на оборотъ въ языкѣ лѣтописей примѣнялось названіе земли къ ея жителямъ. Напримеръ: и «приде всею силою Половецкая земля... Придоша Русь... посла ны Деревская земля» и проч...

** Лавр. 7. «Найдоша я (Поляне) Козарь, сѣдѣющая на горахъ свѣхъ въ лѣсахъ».

Славяне свидѣтельствуютъ Маврикій *, а Юрианъ говоритъ, что леса и бѣлота служили имъ городами (civitates) **.

Другой видъ соединенія родовъ есть соединеніе религиозное. Единство вѣры есть начало общенія внутренняго, высшаго. Для принесенія жертвъ и молитвъ своимъ общимъ божествамъ, роды Славянъ уходили въ жертвенникахъ или потомъ въ храмахъ. По известіямъ современниковъ, въ этихъ храмахъ хранились сокровища ***, которые должны были быть оберегаемы. Съ этою целью славянскіе храмы строились въ лесахъ, рощахъ, пустынныхъ мѣстахъ, обносились укрѣпленіями, валами, насыпями и тому подобнымъ. Эти же святилища служили и мѣстомъ защиты для племенъ, населявшихъ окрестную землю. Туда сбѣгались въ случаѣ опасности, и пустынное мѣсто храма дѣлалось на время обитаемымъ ****. Несторъ говоритъ, что у Радимичей, Вятчей и Сѣверянъ происходили языческія (бесовская) игрища между селами, следовательно между разнородцами. Какъ сходились роды Славянъ на игрища, такъ могли они сходиться и для жертвоприношеній въ храмы. Не въ каждомъ селѣ могъ быть храмъ : для построенія его нужны были общія силы, для поддержанія общія средства, — тутъ начало общенія. Постепенно роды сближаются, входятъ въ сношенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются пути ***** между селами. Браки между жителями разныхъ селъ имѣютъ послѣдствіемъ свойствѣ, которое въ свою очередь тоже содѣйствуетъ къ общенію чужеродцевъ, поставляя ихъ во взаимныя отношенія, столько же обязательныя какъ и отношенія родства кровнаго.

Третій видъ соединенія родовъ есть соединеніе торговое. Патриархальный бытъ всегда допускаетъ гостепрѣмство : чужеземцы, гости,

* Strute. „Neque ordinem noverunt, nec conjunctim curant pugnare, vel in locis nudis... se ostendere... verum tendunt in sylvas, aquis plurimum adjuvantur ut qui apprime sciant praeliavi inter angustias.

** Jornandes de Getarum s. Gothorum origine et rebus gestis. Cap. V. „Hi (Славяне) paludes sylvasque pro civitatibus habent.

*** Мѣста изъ западныхъ лѣтописцевъ, гдѣ говорится о сокровищахъ славянскихъ храмовъ, указаны въ изслѣдованіи Срезневскаго о языческомъ богослуженіи Славянъ. Харьковъ, 1846 г. 60 — 62.

**** Тамъ же 52. 45.

***** Лавр. 6.

купцы всегда находятъ для себя пріемъ * Награбленныя сокровища служатъ средствомъ обмена произведеній гостей, а пошлина съ гостей и купцовъ обогащаетъ славянскіе храмы **. Мѣстомъ совершенія обмена служатъ также мѣста около храмовъ ***. Потому появляется взаимная нужда родовъ въ обменъ вещей, приобретенныхъ извне или же наконецъ и своихъ собственныхъ произведеній. Сходбища у храмовъ для цѣлей религиозныхъ, для защиты, служатъ также и для видовъ торговыхъ. Здѣсь начало общенія прочнаго, соединенія неразрывнаго. Мѣсто временнаго соединенія съ торговою цѣлью, вѣроятно, называлось *погостомъ*,—по-крайней-мѣрѣ сколько можно заключать по буквальному смыслу этого слова, — должно полагать, что таково было его первоначальное значеніе.

Примѣчаніе. Въ языческое время слово погостъ упоминается въ нашихъ летописяхъ въ первый разъ при Ольгѣ. Кевитсб.; 52. «Иде Ольга къ Новгороду уставили по Мѣстъ погосты (Лавр. 25. повосты) и данн», то-есть, вѣроятно приняла народное раздѣленіе на погосты въ основаніе раздѣленія земли для сбора дани и назначила самую дань. Смыслъ этого слова измѣнился въ христіанское время, но все-таки понятіе храма или церкви было и осталось неразлучно съ понятіемъ погоста ****. По мнѣнію Карамзина (I, пр. 377): погостомъ въ древности назывались округа, нѣсколько деревень, подчиненныхъ одному началству. Нынѣшнее значеніе этого слова почти то же самое, Кромъ того погостомъ называется церковь съ кладбищемъ, село съ церковью *****;

* Giesebrecht I. 38. „Städtliche Gemeinden erlaubten fremden Kaufleuten auf ihrem Gebiete zu wohnen, und für d. n. der sich kein Haus im Lande bauen wollte, der nur als Wanderer seinen Fuß hieher setzte, war durch die ausgedehnteste, überaß herrschende Waßfreiheit besorgt.

** Helmold II. 6 II. 12. Срезневскаго «Святмяща и обряды языческаго богослуженія Славянъ», с. 60.

*** Остатки этого можно видѣть и въ настоящее время въ старинныхъ городахъ, гдѣ есть кремль: за стѣнами всегда есть церковь и кремль всегда служитъ торговымъ мѣстомъ для города.

**** Пск. Суд. Грам. 5. «которой позовникъ пойдетъ истца звати на судъ, а той позванный не пойдетъ на погостъ къ церкви...», иво прочести позовница на погосте передъ попомъ».

***** Словарь церковно-славян. и русск. яз. III, 246 и IV, 117, подъ словомъ «село».

цальный приходъ жителей нѣсколькихъ селъ и самая церковь, посвященная на церковной землѣ, общая для прихода нѣсколькихъ селъ. Последнее значеніе близко къ выведенному нами. Татищевъ (II, 399) находитъ созвучіе слова погостъ съ черемисскимъ «пагахъ» означеннымъ «волость». О погостахъ мы будемъ имѣть случаи говорить ниже.

Взаимная нужда мало-по-малу изъ временной превращается въ постоянную. Необходимость удобства для удовлетворенія ей заключаетъ въ себя основаніе соединенія не временнаго, но постояннаго и вмѣстѣ окончательнаго сближенія отдельныхъ родовыхъ союзовъ. Однакожъ отстраненіе препятствій къ спокойному сожителству не теряется изъ виду, и слѣдствіемъ этого есть поселеніе родовъ вблизи храма для защиты въ случаѣ нужды, или же укрѣпленіе мѣста сожителства — основаніе города.

Городомъ первоначально называлось всякое укрѣпленіе, которымъ обнесено было какое-либо мѣсто съ цѣлью обороны отъ враговъ. Потому и самое мѣсто, огороженное этими укрѣпленіями, также называлось городомъ. Въ послѣдствіи слово городъ получило различныя другія значенія. Этимъ именемъ назывались всякія укрѣпленія не только постоянныя, но и временныя **, огороженные монастыри *** городомъ назывался отрядъ войска, который оставался позади сражавшихся, или стрельцовъ ****. Вся жители города ***** или войско †, составленное изъ горожанъ также называлось городомъ. Наконецъ названіе града получалъ каждый изъ его жителей ††.

Съ прекращеніемъ отчужденія рода, отъ рода первоначально общеніе распространяется только на роды одного племени; различныя пле-

* Татищ. II, 389. примѣч. 127.

** Ипат. 195 «Стояще на градѣ гражаны». Тамъ же 162. «Филия строяшеса на брань созда *градъ на церквю* Святой Богородици.

*** Акты Ист. II, 425. Неволинъ Исскѣд. о городахъ Русскихъ, въ Журн. М. Вн. Д., с. 3.

**** Ипат. 104. Берендичи говорили Переславцямъ : «не падите, вы есте нашъ городъ, ать мы поидемъ напередъ стрѣльци».

***** Тамъ же 152 : «города вознатошася.... города возставахуть».

† Тамъ же 56. Слышавше иныя гради Уневѣжъ, Бѣлавсма, Бохвачъ, оже Всеволожъ взять на щитъ, побѣгоша Чернигову».

†† Тамъ же 160: «поплѣниша смердъ смерда градъ града».

мена до прежняго остаются чужды другъ другу и иногда даже находятъ во взаимной враждѣ *. Эта племенная вражда также служитъ однимъ изъ поводовъ къ устроению городовъ. Единноплеменные роды соединяются и поселяются близъ храма или укрѣпляютъ какое-нибудь мѣсто въ овоей землѣ для защиты отъ враговъ. Такимъ-образомъ въ каждомъ племени является по городу **. Иногда все племя раздѣляется на двѣ группы сожительствующихъ родовъ и болѣе, — тогда въ землѣ племени является два города и болѣе ***, смотря по числу такихъ группъ. Устроивъ первоначально небольшое мѣсто обороны на случай нападеній, роды располагаютъ свои села невдалекъ вокругъ. Удобство для земледѣлія удерживаетъ жителей сель до времени на прежнихъ мѣстахъ; такимъ-образомъ городъ имѣетъ покуда назначеніе временное и сначала необитаемъ ****. Впослѣдствіи удобство ближайшаго сожительства побуждаетъ роды селиться въ самое укрѣпленное мѣсто, то есть городъ, а желаніе болѣе безопасности — усилить укрѣпленія. На мѣстахъ оставленныхъ сель, старыхъ и новыхъ, окрестныхъ по времени являются необитаемыя поля и пашни, названіе *селищъ* ***** напоминаетъ, что тамъ когда-то были села †.

* Такъ летописецъ говоритъ о Нолляхъ (Лавр. 7). «Быша обидныи Дрєвлѣи нѣмѣи околѣвни...» Ср. Чапшовъ р. 312, 340.

** Лавр. 5. «Кривичи же съѣхъ наверхъ Волги» на верхъ Днѣпы, и на верхъ Днѣпра; *мѣ же градъ* есть Смоленскъ. Тамъ же 9. «По тѣмъ городамъ суть находници Варязи; а первіи насельници *єз Нослороудъ Словѣни, єз Подотьскъ Кривичи*», и прочая.

*** Напримѣръ у племени Кривичей было два города, Полоцкъ и Смоленскъ. Жители Полоцка назывались еще особымъ именемъ Полочане (Лавр. 5. 9). — Тамъ же (с. 5) говорится о Тиверцахъ и Лутичахъ: «бѣ вѣомство ихъ .. олі до моря суть *єрєди нѣз*».

**** Такъ можно заключать изъ этого, что Сакса Грам. говоритъ о храмахъ, см. у Срезневскаго въ Изслѣд. о лѣтц. богослуж. с. 60 Титмаръ с. 812 употребляетъ слова *templum* и *civitas* одно вмѣсто другаго.

***** Новг. I, 49.

† Селищемъ называлось *поле* (см. Словарь церк. слав. и рус. гдѣ указаны мѣста Св. Писанія, въ которыхъ упоминается это слово), но вѣроятно такое, на которомъ прежде было село, какъ видно было изъ названія съ окончаніемъ на *єще*. Ср. Кеннеб. 52. *Ловитрали* называлось мѣсто, гдѣ дѣлалась лова. Въ Новг. III. 207. *Перунщель* назывался вступившій Перва послѣ введенія христіанства. Ср. тамъ же 210, 226. *Дворѣще*

Съ поселеніемъ родовъ въ городъ по времени является необходимость расширить его предѣлы. Прѣжнія укрѣпленія не разрушаются, но обводятся новыми, которые, въ отличіе отъ старыхъ, называются градомъ *окольнимъ*, а прѣжнія въ одномъ мѣстѣ летописи названы градомъ *дѣньшинимъ* *. Иногда тѣснота предѣловъ города можетъ служить поводомъ къ раздѣленію племени на группы и къ появленію нѣсколькихъ городовъ у одного племени; отсюда происхожденіе такихъ названій городовъ какъ *Новый Торгъ*, *Старая Ладога*, *Новъ городъ*, *Старградъ* (*Odenburg*) и тому подобное, или же пользуясь случаемъ, роды, вмѣсто того, чтобы увеличить городъ, перемѣняютъ мѣсто сожителства и устрояютъ новый, обширнѣйшій въ другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ, и въ такомъ случаѣ оставленный городъ получаетъ названіе *городища*. Это самое названіе относилось и ко всякому оставленному укрѣпленію: сохранившіяся укрѣпленія, валы и насыпи упраздненныхъ или разрушенныхъ храмовъ и мѣстъ поклоненія богамъ также назывались *городищами* **. Оставленное мѣсто могло быть вновь заселено, но названіе *городища* оставалось за нимъ по прежнему; таково напримѣръ было обитаемое *городище Лукамль* ***. Иногда оставленное и потомъ вновь заселенное мѣсто получало имя *городища* не какъ нарицательное, а какъ собственное ****. Кромъ того населенное *городище* впоследствии могло составить собою часть другаго сосядняго города: таково напримѣръ было *городище* въ *Новгородѣ*. Наконецъ имя *городища* получалъ на время всякій городъ, если онъ по обстоятельствамъ былъ разрушенъ до возстановленія, сожженъ, оставленъ своими жителями и тому подобное *****.

Ярославле въ *Новгородѣ*, Лавр. *Становища* Ольгины; *пожарище* называется и теперь мѣсто пожара. О значеніяхъ словъ съ окончаніемъ на *ище* см. Павскаго

* Лавр. 86. «Володимерь же приступи ко вратомъ восточнымъ (въ Черниговѣ) отъ стрѣжній, отъ четырехъ врата, и отвориша градъ окольній и пожгоша и, людемъ же вбѣгшимъ въ дѣньшій градъ....»

** О релігіозномъ значеніи *городищъ* см. Срезневскаго «Исслѣд. о языческомъ богослуженіи Славянъ».

*** Ипат. 122. Лавр. 103.

**** Неволинъ: Таблица руск. городовъ въ Журн. М. Вн. Д.

***** Ипат. 125. «Городъ зажьже (ки. Данилъ) люди же нзведе... Романови пришедшу ко граду и Литвѣ, потекши на градъ Литвѣ, ни вѣдѣша ништоже, токмо и головнѣ ти, псы текуще по *городищу*». *Городищемъ* названъ здѣсь сожженный городъ *Взвзягль*.

Съ размноженіемъ горожанъ городъ не можетъ умѣстить ихъ всѣхъ; новое расширеніе предѣловъ его становится недостаточнымъ или невозможнымъ. Часть жителей выходитъ за предѣлы города и селится вокругъ селами, но жители этихъ селъ не теряютъ права на городъ, и въ случаѣ нужды сбѣгаютъ туда для защиты*. Съ появленіемъ различія сословій, села сдѣлались обиталищемъ класса земледѣльцевъ и ремесленниковъ**. Кромѣ того когда рушился родовой союзъ, то отдѣльныя семьи селились вокругъ города *дворами****. Изъ дворовъ происходили новыя села, — всѣ они назывались окрестными, или околными; ими окружены были всѣ русскіе города.

Кромѣ селъ городъ окружали пашни, нивы и невоздѣланные поля. Нѣкоторыя изъ нихъ по времени могли быть тоже заняты жилищами людей****. Заселенная такимъ-образомъ земля иногда удерживала за собою названіе поля*****.

Другія названія менѣе значительныхъ участковъ населенной земли были деревня †, сельце, весь ††, весца годъ 1167; ближайшіе къ городу

* Ипат. 189. «Видѣвъ села окрестная бѣжаща въ градъ»....

** Лавр. 118. «Оже то начнетъ орати смердъ, и прѣйхавъ Половчинъ ударитъ его стрѣлою... а въ село его вѣхавъ ишетъ жову его п дѣти его». Ипат. 169. «Поплѣниша смердъ смерда, градъ града». Здѣсь ясно различаются оба сословія, городское и сельское. Смердъ не былъ *градомъ* и жилъ со всѣми семействами въ своемъ селѣ. Часто въ лѣтописи встрѣчается слово село рядомъ съ названіемъ какой-нибудь земледѣльческой принадлежности, напримѣръ «села и гумна (Лавр. 108), селаѹн жита (тамъ же 102), село на Нежатинѣ нивѣ (тамъ же 86) и тому подобное.

*** Ипат. 96. «Сѣдельници, и лучници, и тулицы и кузницѣ желѣзу иѣди и сребра... наполиши дворы окрестъ града, поле и села».

**** Лавр. 86. «Село на Нежатинѣ нивѣ.»

***** Напримѣръ Углеце поле. Ср. Лодейное поле. Ср. также *Луки* въ значеніи обитаемаго участка земли въ Соф. Врем.

† Лавр. 99.

†† Ипат. 163. Поплѣнено бысть около Бѣлза и около Червена Дяпломъ и Васмькомъ и вся земля поплѣнена бысть, бояринъ боярина поплѣнишиа, смердъ смерда, градъ града *якоже не остѣиши ни единой осси не яльменю*, еже притчею глаголють книги; не оставлешюся камень на камни. По характеру фразы должно заключать, что весью называлось самое меньшее изъ мѣстъ поселенія.

назывались посадомъ , *, передгородемъ **, и пригородомъ ***. Обитаемые участки земли въ противоположность городу назывались *мѣстами* ****.

Слово «мѣсто» встрѣчается въ древнихъ памятникахъ довольно рѣдко, и потому опредѣлить значеніе его съ точностію трудно. Въ Лавр. 25 говорится объ Ольгѣ: «ловища ея суть по всей землѣ, *знамянья* и *мѣста*.» Знамянья ясно означаютъ межевые знаки, тѣмъ болѣе, что тутъ же въ лѣтописи сказано, что Ольга уставляла по Мсть погосты и дани, то есть дѣлила землю для сбора дани. Близкое сосѣдство словъ «знамянья» и «мѣста» у лѣтописца вѣроятно не безъ значенія, — можно догадываться, что въ словъ «мѣсто» заключалось понятіе опредѣленнаго или обмежеваннаго пространства земли. Anton въ своемъ сочиненіи о Славянахъ ***** не безъ основанія сравниваетъ слово «мѣсто», по другимъ нарѣчіямъ «miasto, mjesto, mesto, mejsto, miestis», съ словомъ «мѣрять», нѣмецкое messen. — «Мѣсто» Антою переводить на нѣмецкій языкъ словами Ort und Platz. Этимъ же словомъ назывался рынокъ, торговая площадь, напримѣръ Кенигсб. ст. 81: «церковъ, стоящи въ Корсуни градъ *на мѣстѣ* посреди града идже торгъ есть.» И теперь еще по-польски miasto означаетъ кромѣ города также и рынокъ, площадь (Platz); miasec — тоже самое слово, только въ другомъ видѣ употребляется у Поляковъ въ значеніи нѣмецкаго «Ort, Stelle». Въ малороссійскомъ нарѣчій мѣсто (місто) значитъ также торговую площадь; такъ въ одной народной малороссійской пѣснь говорится: «читы жъ

* Новг. I, 49. «Восва около Чернигова и посадъ пожьже». —

Ср. Тамъ же 52, 55, 84, 84, 89, 90 и др.

** Ипат. 65, 70. — Лавр. 145.

*** Пск. Судя. Грам. 5. «А гдѣ учинится бой у торгу или на улицѣ, во Псковѣ, или на пригородѣ, или въ селѣ на волости.» — Тамъ же 6: «А у котораго Псковитина учинится татба во Псковѣ, или на пригородѣ, или въ селѣ на волости.» И такъ пригородъ принадлежалъ къ самому городу а не къ его волости то-есть землѣ. Слово волость употреблено здѣсь въ третьемъ и четвертомъ значеніяхъ (см. выше). — Ср. Пск. Суд. Грам. 6, 7, 12, 13, 17. — О другомъ значеніи пригорода скажемъ послѣ.

**** Лавр. 66. «Церкви ставляше по *градомъ* и по *мѣстомъ*.»

***** К. С. Anton, erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig, 1785. S. 97-98.

месе, моя мати, на мѣстѣ купила.» Отсюда известное общепотребительное выраженіе «купить на мѣсть», не значить купить предметъ на самомъ мѣстѣ его произведенія, а просто означаетъ купить на торгу, на базарѣ. — Кроме того «мѣсто» было родовымъ названіемъ всѣхъ участковъ пустошорожней * или заселенной земли, не включая и городовъ **, которые впрочемъ иногда въ отличіе назывались *твердыми* *** (то есть укрѣпленными) мѣстами.

Впоследствии, съ дальнѣйшимъ размноженіемъ племени, является необходимость въ новыхъ городахъ. Такіе города въ отношеніи къ первому городу именуется *пригородами*. Каждый изъ нихъ окруженъ такими же мѣстами, какъ и самый городъ. Въ отношеніи къ этимъ мѣстамъ и въ отношеніи къ городу, пригородъ именуется также городомъ. Но главнымъ мѣстомъ въ землѣ цѣлаго племени остается по прежнему первоначальный городъ, и названіе *города* принадлежитъ ему по преимуществу ****. Иногда, въ отличіе отъ другихъ новыхъ горо-

* Ипат. 186. «Хотѣвшии стати въ *мѣстѣхъ мѣстѣхъ*... и приде на *мѣста мѣста* сташа становчъ.» Тамъ же, 195. «Людемъ же видѣвшиемъ... яко зажьжешъ бѣ градъ и вбѣжаша въ *мѣста мѣсна*.

** Лавр. 198. «Нѣсть *мѣста*, ни вси, ни селъ тацѣхъ рѣдко, нѣдже не воеваша Суждальской земли; и взяша *городовъ* 14, 'опрочъ свободъ и вогостовъ.»

*** Ипат. 124. «Не смѣла дати полку... мно идоша во *твердая мѣста*» — Мы не разсматриваемъ здѣсь остальныхъ значеній этого слова, не вѣствующихъ прямой связи съ настоящими предметами нашего изслѣдованія, таковы: *мѣсто* князя на княженъ. Далѣе, *мѣсто* князя, въ которомъ онъ сидѣлъ (Ипат. 72), *мѣсто* епископа въ епископѣ. Преемникъ епископа въ Лавр, 195 назыв. «настоликъ и *на мѣстѣхъ*». Срав. Ник. I, 62: «*на мѣстѣхъ* княжескіе т. е. Посадники, какъ они и названы въ древнѣйшихъ спискахъ. Въ Ипат. встрѣчается слово «мѣстичъ» стр. 216 «созва (князь) бояры и *мѣстиче* Рускіе и Нѣщи,» — т. е. вѣроятно землевладѣльцевъ не изъ боярскаго сословія. Владѣніе землею искони было отличіемъ бояръ, см. Лавр. г. 1015: «плакашася по вѣшъ (Владиміръ Св.) бояре акы заступника *изъ земли*.» — Наконецъ слово «мѣсто» употреблялось въ значеніи времени: Лавр. 83: «есть ту монастырь и *до сего мѣста*,» въ вариантахъ «и до сего дня» РТ «и до сихъ днѣй» Н. Х. (Ср. вышнее выраженіе: «съ часъ *мѣста* то есть времени»).

**** Какъ у Римлянъ названіе *urbis* принадлежало по преимуществу Риму. Новг. I, г. 6640: «Мирославу даша посадивчство въ Пльсковѣ, а Ралулови въ *городѣ*», т. е. въ Новгородѣ.

довъ, которые находились въ землѣ одного и того же племени, старѣйшій городъ именовался *великимъ* *, то есть главнымъ или старшимъ.

Кромѣ городовъ, мѣстъ, полей, въ христіанское время внѣ главнаго города и внѣ пригородовъ находились еще монастыри **.

Совокупность всѣхъ мѣстъ вообще заселенныхъ, и не заселенныхъ, въ землѣ цѣлаго племени называлась *землею*. Земля получала свое названіе или отъ племени, которымъ была первоначально занята, напримеръ Деревская, Польская, Вятчѣ, Слобзѣни, или же отъ имени главнаго города, который былъ ея центромъ; такъ напримеръ земля Кіевская, Новгородская, Черниговская и тому подобныя.

Мы видѣли, что первоначальная *волость*, то есть власть, была патриархальная, обязательная только въ предѣлахъ одного рода. Если отнестъ названіе волости, или власти, къ тому мѣсту, на пространствѣ котораго она осуществлялась, то выйдетъ, что первоначальная волость есть осло съ принадлежащимъ къ нему полемъ. Съ соединеніемъ родовъ въ городъ является необходимость общей власти, управленія, — она принадлежитъ совѣщанію родовыхъ старѣйшинъ, а потомъ совѣщанію градскихъ — это второй видъ волости, управленіе общинное. Городомъ пользовались всѣ, и всѣ подлежали управленію общинному. Поселенія на городской землѣ, вслѣдствіе размноженія горожанъ, не разрывали связи горожанъ съ поселянами: тѣ и другіе по прежнему составляли одну нераздѣльную общину, одно племя. Съ размноженіемъ племени и съ большимъ отдаленіемъ новыхъ мѣстъ поселенія отъ главнаго пункта, для совѣщанія о дѣлахъ прежнихъ жителей города и обитателей

* Ипат. 61. «Ростовъ великій.» — Ср. «Новгородъ великій.» Татищ. II, «великій городъ Славянъ» (Новгородъ). — Ипат. 126. «Великій градъ и есколіе гради (Болгаръ).» Соф. Вр. I, 12: «градъ великій Кіевъ.» Въ родѣ меньшимъ назывался младшій, большіимъ — старшій, а великимъ въ этому самый старшій, старѣйшина, глава или *главоуи*. Такое же значеніе имѣло слово великій въ примѣненіи къ лицамъ юридическимъ: великимъ городомъ назывался древнѣйшій, или же главный безъ отношенія къ своей давности. Въ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописей (Воскр. I, 73) сказано, что Новгородъ оттого назвался великимъ, что въ немъ поселился Рюрикъ, старшій изъ призванныхъ братьевъ.

** Ипат. 190. «Обидуть градъ и пожгутъ вся вѣтшія: храмы, ограды и монастыри.» Лавр. 99. 109—110.

отдаленныхъ селъ послѣдніе посылають своихъ старѣйшинъ въ городъ*. Эти старѣйшины состоятъ на правахъ старѣйшинъ самаго города, и вмѣстѣ съ ними рѣшаютъ тамъ дѣла всей многочисленной общины. Далѣе съ большимъ размноженіемъ племени является нужда въ новыхъ городахъ. Народонаселеніе ихъ образуется изъ тѣхъ же жителей, и отношеніе ихъ къ городу-родоначальнику не уничтожается. Община мало-по-малу превращается въ цѣлую *землю*, единство ея поддерживается такъ же, какъ единство размножившейся общины. Отдаленныя пригороды также посылають въ городъ своихъ старѣйшинъ, какъ и жители околныхъ селъ. Старѣйшины пригородскіе, вмѣстѣ съ городскими, рѣшаютъ общія земскія дѣла. Такимъ-образомъ происходитъ управленіе земское. Мѣстомъ его служитъ старѣйшій городъ, — отсюда правило: «что старѣйшини сдумаютъ, на томъ пригороди стануть.»

Въ новыхъ городахъ могутъ быть свои особые интересы, отдѣльные отъ интересовъ земскихъ, и потому каждый изъ пригородовъ имѣетъ свое собраніе старѣйшинъ; но приговоръ ихъ обязателенъ только для жителей пригорода и касается только его частныхъ дѣлъ. Въ новыхъ городахъ по времени происходитъ то же размноженіе жителей и выселенія, возникаютъ новыя села, сельца, веси, новые городки. Всѣ эти мѣста вмѣстѣ съ прежними пригородскими околными селами подчиняются пригороду. Такимъ-образомъ въ землѣ старѣйшаго города образуется новая земля, округа, частная волость, или «властьца.» Но прежнее отношеніе пригорода и пригородской земли къ старѣйшему городу дѣлится, — всѣ они составляютъ одну волость города, землю, принадлежащую одному племени.

Далѣе нѣсколько селъ и деревень, удаленныхъ отъ городовъ, чувствуютъ также нужду въ своемъ частномъ земскомъ единствѣ своего управленія, и не остаются разъединенными: нѣсколько ихъ соединяется и составляетъ одну округу. Собранія поселянъ происходили большею частью на *торгу* у храма, или церкви, на погостъ**. Отсюда названіе погоста распространилось на всю округу, состоявшую изъ селъ и деревень, и жители ихъ различались между собою по погостамъ. Приговоры этихъ собраній были обязательны для погостанъ цѣлаго околodka***, а совѣщаніе было по обычаю дѣломъ сельскихъ старѣйшинъ или

* Доказательства всему этому мы представимъ сн. ниже.

** Сн. выше.

*** Околоткомъ назывались жилища, находившіяся вблизи какого-ни-

старость. Кроме того и те села, которые находились вблизи городов, где рывались их общія дѣла, соединялись для разсужденія о своихъ частныхъ интересахъ по нѣскольку въ одну округу. Таки округи, состоявшія изъ сельскаго народонаселенія, назывались *волостями* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова. Такихъ волостей было по нѣскольку въ землѣ городской, или пригородской *. Каждая округа вообще, городская, или сельская называлась *вервью* **. Такъ раздѣлена была вся русская земля. Это раздѣленіе ея на земли, волости или округи вытекало непосредственно изъ условій быта русскаго народа. Дѣленіе княжеское существовало само по себѣ для своихъ особыхъ цѣлей: напримѣръ для княженій, для сбора дани, вѣрь за нарушеніе земскаго мира, для посадничества и тому подобное.

Образованіе отдѣльныхъ общинъ и земель въ землѣ, которую населяло одно племя, не уничтожало подчиненія ихъ старѣйшему городу.

Вся земля, занимаемая жителями мѣсть, пригородовъ и селъ, есть земля старѣйшаго города, — тамъ дѣйствуетъ его земская власть—волость, и такимъ образомъ вся земля есть волость старѣйшаго, или великаго города: въ этомъ единство земское. Первоначальное основаніе его заключается въ единствѣ племени или отдѣлившейся части его, группы сожительствующихъ родовъ, которые съ построеніемъ отдѣльнаго города составили изъ себя какъ бы отдѣльное племя. Съ поселеніемъ родовъ въ городъ, отдѣльная родовая власть уступаетъ свое мѣсто общинной. Къ этой же власти принадлежатъ и потомки горожанъ, населившіе всю племенную землю, или, что то же, городскую, общинную. Эта великая община, или *земля*, въ свою очередь распадается на

будь общезвѣстнаго мѣста. Новг. I, 79. «Погорѣ околотокъ отъ святаго Владиміра» Тамъ же 97. «Погорѣ владыченъ дворъ и околотокъ»

* Новг. I 96 «Князь великій взя у Новагорода пригородъ Торжекъ съ волостями.»

** По свидѣтельству Алина Бременскаго *вервью* (Warpf. en. Ad. Brem. p. 60) у западныхъ Славянъ называлось вѣче, народное собраніе. Въ русской Правдѣ, округа, платившая вѣру за преступленіе, совершенное въ предѣлахъ ея, если этой вѣры нельзя было взыскать съ самаго преступника. Вѣроятно вся волость дѣлилась на верви. Обширный городъ могъ заключать въ себѣ нѣсколько ихъ. Раздѣленіе на верви служило князю облегченіемъ къ отысканію нарушителей земскаго мира, и для сбора вѣрь.

малыя общины, сохраняя все свое единство земское. Прежде земля, не смотря на существованіе города, называлась по имени того племени, которое ее населяло. Впослѣдствіи сознаніе о племенномъ единствѣ исчезло, но единство земской власти сохранилось вполне: пришлецы, поселяясь въ какомъ-нибудь мѣстѣ, вступали въ земскую волость великаго города, или вмѣстѣ съ тѣмъ еще въ волость пригорода. Жители волостей перестали называться по племенамъ и стали носить ѳяма великаго города, и вмѣсто Полянъ, Съверянъ, Славянъ, появились Кіевляне (Кіянны), Черниговцы, Новгородцы. Хотя такія названія и принадлежали по преимуществу жителямъ великаго города, тѣмъ не менѣе названія эти иногда относились и къ жителямъ всей волости *. Въ отличіе отъ горожанъ, пригорожане назывались по имени своего пригородка, а всѣ жители мѣстъ и городовъ прежней племенной земли назывались землею или волостью великаго города. Такимъ-образомъ единство земское племенное получило видъ единства чисто земскаго.

Часть земли или волости могла быть занята и такими поселенцами, которые не входили въ подчиненное отношеніе къ городу и не подлежали его земской власти. Мѣста, населенныя такими жителями, назывались *свободами*. Это названіе свободы въ болѣе обширномъ смыслѣ могло принадлежать и цѣлой землѣ, которая, сохраняя все свое волостное устройство, въ то же время признавала надъ собою власть земли, но не вслѣдствіе первоначальнаго племеннаго единства, ни поселенія на волостной землѣ, а вслѣдствіе завоеванія или союза. Покоренная или подчинившаяся волость есть свобода. Сохраняя, подобно свободамъ-селеніямъ свое независимое внутреннее устройство, свобода-волоость своимъ подчиненіемъ другой волости выговаривала себѣ защиту и покровительство послѣдней въ случаѣ опасности или нужды **. И такъ хотя это подчиненіе и выражалось только въ да-

* Лавр. 160 «Новгородци и Смоленяне и еси власти, яко на думу на вѣча сходятся; что старѣйшини судують, на томъ пригорода ставуть». Ясно, что здѣсь слово «Новгородци» означаетъ всю волость (власть) Новгородскую, или, что то же, ея жителей горожанъ, и пригорожанъ, безъ различія. Тоже и «Смоленяне.» Тамъ же, 364. «Ѳха (Всеволодъ) къ Торнску, и люди изнегоша въ городъ съ голода и передашася и возврати съ побѣдою въ Володимерь, а *Новгородци*, приведъ въ Володимерь, лустя опять на Торжокъ.»

** Новг. I. 98. «Насла князь великій Василеи Дмитресвиъ за Волокъ»

ни и въ отправление въ некоторыхъ повинностей, тѣмъ не менше свобода уже тѣмъ самымъ не была вполне самостоятельна и признавала власть великаго города, следовательно собственно говоря также, принадлежала къ его волости, въ обширномъ смыслѣ слова. Граница двухъ волостей называлась *сумежьемъ*. Для означенія межи въ древности, безъ сомнѣнн, были свои знаки, но какіе именно—трудно опредѣлить съ точностью; по-крайней-мѣрѣ о *знаменьяхъ* и *мѣстахъ* летопись упоминаетъ уже во времена Ольги. Знаки межевые назывались *межами* *. Эти «межи» были не на однихъ только границахъ волостей въ обширномъ смыслѣ слова, то-есть племенныхъ земель, но были еще межи и внутри одной и той же волости, для означенія границъ частныхъ волостей или пригородскихъ земель **. О такихъ межахъ упоминаетъ летопись случайно въ первый разъ въ двѣнадцатомъ столѣтн ***, но нѣтъ сомнѣнн, что онѣ существовали и прежде. .

Изъ всего сказаннаго видно, что волостью называлась земля въ отношенію къ управленію, къ единству земской власти, которая связывала собою все мѣста поселенія на извѣстномъ пространствѣ въ одно цѣлое, въ одну земскую единицу.

Земская власть состояла главнымъ образомъ изъ старшинн жителей великагогорода и мужей пригородскихъ ****. Оно одно рѣшало на Двинѣ бояръ своихъ Андреа Албердова съ други ко всемъ *Демьской свободѣ*, а повѣствуа имъ тако: чтобы есте задалися за князь великн, а отъ Новагорода бы есте отвѣлися; и князь великн хочетъ васъ отъ Новагорода боронити, а за васъ хочетъ стоять:

* Лавр. 170. «Полочане сдумаша рекуще: не можемъ мы стати противу Новгородцемъ и Смоленяномъ аще попустимъ ихъ въ землю свою, аще и ниръ, попустятъ ны землю идучи до насъ; поидемъ къ нимъ на *сумежью...* и срѣтоша я на *межахъ* съ поклономъ».

** О частныхъ межахъ упоминается въ Русской Правдѣ (бортьими межи.)

*** Тамъ же 114 упоминается, о межахъ земель Перемышля и Тербовля, городовъ, принадлежавшихъ къ земской волости Владкнра Владимскаго.

**** Ипат. 40. «Ѣха (Изяслазъ) на Ярославль дворъ, повелъ званити вѣче, и тако Новгородци и *Плесковичи* симдошася на вѣче. Следовательно Псковичи эти жили въ Новгородѣ чтобы присутствовать тамъ на вѣчѣ. Ср. также — Новг. I, 48. «Прѣхавъ князь (въ Новгородъ), изыма *Плесковичи* и посади я на Городици».

дѣла, касавшіяся цѣлой волости: отсюда происходило право его распорядить младшими городами.

Характеръ подчиненія младшихъ городовъ вполне выраженъ словами летописца, «что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ пригородъ станутъ». Основаніе этого заключалось въ слѣдующемъ: на совѣщаніи старѣйшинъ въ великомъ городѣ находились мужи изъ пригорожанъ и блюди тамъ интересы своей братьи и своего города, въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣщаніе касалось цѣлой волости. Такимъ-образомъ, если случалось, что сообщеніе между городомъ и пригородомъ было прервано, то послѣднему оставалось догадываться о рѣшеніи земскаго совѣщанія и о приговорѣ своихъ отсутствующихъ старѣйшинъ, если только вопросъ не могъ быть рѣшенъ самимъ пригородомъ.

Такія совѣщанія, какъ замѣчено выше, было преимущественно ѣдомъ старѣйшинъ, или городскихъ бояръ; простая чадь и меньшіе бояре или менѣе безответно подчинялись приговору большихъ, или вятчихъ. Старѣйшины пригорода имѣли такой же авторитетъ въ частномъ пригородскомъ собраніи. Приговоры тѣхъ изъ нихъ, которые присутствовали въ городѣ на совѣщаніи старѣйшинъ о дѣлахъ земскихъ, имѣли такую же обязательную силу въ пригородѣ по отношенію его къ интересамъ цѣлой земли. И такъ правило: «что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ пригородъ станутъ», какъ мы ужъ имѣли случай замѣтить, относилось не къ однимъ только юридическимъ лицамъ, но и къ физическимъ. Какъ у людей, такъ и у городовъ такое отношеніе между старшими и младшими имѣло еще основаніе нравственное. Увѣренность въ старшихъ, убѣжденіе въ ихъ непогрѣнимости и вслѣдствіе этого отрицательная жизнь младшихъ вытекали прямо изъ прежняго родового быта. Такую же увѣренность имѣлъ меньшой городъ въ старшемъ, жилъ тою же отрицательною жизнью, не чувствовалъ своего подчиненнаго отношенія, всегда признавалъ то, что сдумалъ старѣйшій, съ полною вѣрою въ его непогрѣзительность. Въ жизни Славянъ можно найти не одинъ примѣръ такого отношенія между лицами физическими и юридическими; Бѣлгородъ не отворился Юрію потому что Кіевъ не отворился *, жители Люблина говорили Кондрату: «иди въ Краковъ, если тамъ будешь

* Ипат. 62 «Гюргій же... рече Бѣлгородцемъ: вы есте людсе мои, а отворите ми градъ»; Бѣлгородци же рекоша: «а Кіевъ ти ея кое отворилъ?»

княжить, то и мы твои» *. Веротиславичи говорили: «кто сядетъ въ Краковъ, то нашъ князь» **; Юлигъ не хотѣлъ принять крещеніе отъ Оттона Бамбергскаго, но когда принялъ христіанство Штетингъ, то Юлигъ и не подумалъ противорѣчить и крестился безпрекословно ***. Тѣ же явленія замѣчаемъ и въ жизни всего русскаго рода и русскихъ князей вообще: такъ народъ припалъ христіанскую вѣру потому, что князь и бояре крестились ****; Ольга говорила Святославу: «аще ты крестинися, *еси*, имуть то отворити *****; Владимира наибольше убвдило въ истинѣ новаго ученія то, что оно принято бабкой Ольгой, «умнѣйшею всѣхъ человекъ» *****», и прочая.

На такихъ началахъ упрочена была сперва *волость* (власть) старѣйшаго города. Единоплеменность жителей и происхожденіе ихъ отъ жителей главнаго города являлись слѣдствіемъ старѣйшинства его, какъ города-родоначальника. Но впоследствии оно получаетъ и другія основанія. Сознаніе о племенномъ единствѣ жителей волостей слабѣетъ подъ вліяніемъ мысли о единствѣ государственномъ; города часто строятся и населяются по повелѣнію князя плѣнными или переселенцами изъ другихъ волостей *****; тѣмъ не менѣе однако жъ новый городъ вступаетъ въ подчиненное отношеніе къ великому и дѣлается его пригородомъ, какъ построенный въ его волости (земль) и какъ сравнительно младшій по времени своего существованія. Давнѣйшій городъ считался старѣйшимъ: тамъ жили лучшія сословія, тамъ поселился князь съ своею дружиною, которая была высшимъ правительственнымъ сословіемъ. Наконецъ отъ поселенія князя старѣйшій городъ получалъ еще новое значеніе, какъ городъ *столичный*. Иногда столичный городъ, хотя бы и вновь построенный, вступалъ въ права старѣй-

* Имя. 227.

** Тамъ же. 225.

*** Giesebrecht. Hamb. Gesch. II. S. 275—283.

**** Кенигсб. 83.

***** Лавр. 27.

***** Кенигсб. 79.

***** Лавр. 52 «Нача (Володимиръ) ставити города.. и поча варубати мужъ людьшіи отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чюди и отъ Вятичъ и отъ сихъ засели грады». СРАВ. тамъ же 97.—Тамъ же 128. «Сварюполкъ срубилъ городъ Жельни Дручаномъ, ихъ же бѣ половецъ».

нго въ волости, если послѣдній былъ разрушенъ, или уничтоженъ *. Кремль древности и княжескаго стола значеніе города зависѣло отъ богатства и отъ значенія обитавшихъ въ немъ сословій. Этимъ условливалось также неравенство младшихъ городовъ между собою. Но вся условія значенія соединялъ въ себя великій городъ: онъ былъ древѣйшимъ, первымъ городомъ въ племенной землѣ, первымъ въ ней по богатству, въ немъ жили лучшія сословія, лучшіе мужи пригорожанъ, въ немъ почти всегда поселялся князь съ своею дружиною.

И такъ земское единство условливалось извѣстнымъ отношеніемъ городовъ и мѣстъ къ главному городу въ племенной землѣ. Освященное временемъ, значеніе его не уничтожалось и въ разныя времена получало различныя основанія. Великій городъ по прежнему оставался средоточіемъ земской власти, соединявшей собою всѣхъ горожанъ, пригорожанъ, мѣщанъ, погощанъ и селянъ какой-нибудь земли въ одинъ отдѣльный общественный союзъ и вся мѣста поселенія этой земли въ одно цѣлое, въ одну волость.

Если ихъ соединяла власть княжеская, то и она также была *во-лостью* **, и пространство земли, на которомъ эта власть была обязательна и дѣйствовала — есть *волость княжеская* или *княженье*. Если великій городъ признавалъ надъ собою власть какого-нибудь князя, то и всѣ младшіе города и всѣ мѣста признавали власть того же самаго князя, по правилу: «что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ пригорода стануть».

Земля, признавшая власть князя, называлась его волостью, сохраняя притомъ и прежнее свое названіе отъ имени главнаго города или отъ племени. Такимъ образомъ происходило то, что волость получала двойное названіе: а) какъ земля племени или великаго города, и б) какъ часть Руси, бывшая подъ властью какого-нибудь князя.

* Такъ въ послѣдствіи Владимиръ Волынской, построенный княземъ, какъ видно изъ самаго названія, въ послѣдствіи сталъ великимъ городомъ въ бывшей Древлянской землѣ.

** Лавр. 136. «И тако скончася волость Игорева». Кенігсб. 66. «Древлянская земля волость Олега». Въ этомъ значеніи вся русская земля при единовластіи князя называлась «власть Русская».

Такъ напиримъ : волость Святослава Черниговская *, волость Юри Ростовъ, Суздаль и прочая волость его **, волость Володимерковичи Галичь ***, волость Ольговичей Вятичъ **** и тому подобныя. Такое двойное названіе могла получать волость только въ томъ случаѣ, когда кругъ княжеской власти заключался въ предѣлахъ одной земской единицы, то-есть когда волость совпадала съ княженемь. Но могло также случиться, что княженье не ограничивалось предѣлами одной волости, или же на оборотъ, пространство земли, на которомъ дѣйствовала власть какого-нибудь князя, было менѣ предѣловъ одной волости или земской единицы. Въ последнемъ случаѣ названіе волости получала и земская дробь, или часть какой-нибудь земли. Отдѣленіе этой части князю происходило само собою, на основаніи отдѣльнаго единства пригородской земли. Каждый изъ младнихъ городовъ, или пригородовъ, какъ мы видѣли, имѣлъ свою частную волость, принадлежа въ то же время вмѣстѣ съ нею къ землѣ великаго города. Приобрѣтая одинъ изъ пригородовъ, князь, вмѣстѣ съ тѣмъ, получалъ и всю пригородскую землю *****. Это отдѣленіе младнаго города съ своей землею, происходило или съ согласія великаго города, или по распоряженію великаго князя, или же на основаніи сдѣлки между князьями, по праву ихъ распоряжать землею своего княженья. Каждый изъ городовъ одинаково могъ нуждаться въ княжеской власти, и потому великій городъ не отказывалъ младшему въ согласіи на принятіе особаго князя, тѣмъ болѣе, если этотъ городъ, по важности своей, не могъ довольствоваться властью посадника, посланнаго туда княземъ великаго города, и желалъ имѣть своего особаго князя.

Разъединеніе волости для княженій или вовсе не разрушало связи между городами, или прерывало ее только на время, или же разрушало навсегда. Самовольное отпаденіе пригорода возбуждало вражду

* Ипат. 111.

** Лавр. 152.

*** Тамъ же 149.

**** Лавр. 174.

***** Лавр. 114. Василько и Володаръ Ростиславичи владѣли двумя городами Владиміро-Волынскою волости; прислѣдуя далеко за этими городами врага своего Святополка, Ростиславичи наконецъ сказали: «довѣсть насъ на *межи своей* стати».

въ великомъ городѣ; самовольное отдѣленіе младшихъ городовъ великимъ княземъ отъ главнаго, могло быть поводомъ къ враждѣ между князьями младшихъ и княземъ главнаго города въ волости, или къ возстанію противъ великаго князя, нарушителя земскаго единства*. Такимъ образомъ и самые князья признавали это единство и въ извѣстныхъ случаяхъ стояли за его ненарушимость.

Упраздненіе младшихъ городовъ отъ особой княжеской власти, по большей части снова присоединяло ихъ къ волости князя главнаго города. Тѣмъ не менѣе, однако жъ, дробленіе волостей на княженъя было неизбежно. Съ одной стороны, каждый городъ могъ нуждаться въ княжеской власти, съ другой стороны каждый князь имѣлъ право на владѣніе, или на часть въ русской землѣ. Распаденіе волостей должно было произойти съ размноженіемъ княжескаго рода; но и до того времени частое нарушеніе земскаго единства волостей, касательно княжескаго управленія, произошло вслѣдствіе права каждаго изъ князей произвольно располагать землею своего княженъя. Иногда волость призывала не одного, а нѣсколькихъ князей, и тѣмъ изъясляла свое свободное согласіе на раздѣленіе волости на нѣсколько княженій; иногда сами князья отдѣляли нѣкоторые города отъ своего княженъя и надѣляли ими своихъ родичей, или же надѣливъ родича цѣлою волостью, *придавали* ему города, отдѣливъ ихъ отъ другой земли, нарушая такимъ образомъ земское единство послѣдней. Наконецъ произошло окончательное раздѣленіе Руси на мелкія княжескія волости и даже появилось множество князей безземельныхъ.

Длинность волостей и безъ того уже существовала сама по себѣ. Выше мы видѣли, что многочисленность племени производила то, что племя раздѣлялось на двѣ группы сожителствующихъ родовъ и болѣе и что въ землѣ одного и того же племени возникало два города и болѣе, слѣдовательно столько же волостей,—то же или почти то же могло впоследствии произойти въ этихъ самыхъ волостяхъ. Не смотря на внутреннее единство племени, внѣшнее разединеніе земли на общины и ихъ частныя волости, вслѣдствіе размноженія жителей, пред-

* Причѣтъ вражды между князьями вслѣдствіе нарушенія земскаго единства волостей, мы уже видѣли случай представить въ наследованіи о смерти Ярополка Изяславича въ 1096 году. См. «Современникъ». Додъ 1849.

полагало уже возможность для какого-нибудь изъ младшихъ городовъ отторгнуться отъ волости старьѣйнаго, а отсюда могли явиться нѣсто одной волости двѣ и болѣе. Иногда самъ великій городъ въ видѣ милости уничтожалъ или смягчалъ подчиненное отношеніе къ нему другаго города *. Дѣленіе Руси между князьями часто неправильное, то-есть несогласное съ дѣленіемъ по племенамъ, при вліянн своемъ на послѣднія, могло способствовать къ раздробленію земель. Дробленіе это должно было ослабить племенное различіе народа, сгладить и уравнить всѣ земли и, при единствѣ языка и вѣры русскаго народа, привести Русь ко всеобщему единству земскому.

Но Русь достигала уже своего общаго единства и прежде другимъ путемъ. Выше замѣчено было, что волость княжеская могла выходить за предѣлы одной волости или земской единицы и обнимать собою нѣсколько подобныхъ единицъ. Нѣсколько волостей, бывшихъ подъ властію одного князя, составляли одну волость княжескую или одно княженъе. Каждая изъ нихъ сохраняла свое отдельное земское единство и въ то же время всѣ онѣ вмѣстѣ составляли одно цѣлое по отношенію къ княжескому управленію, какъ бы онѣ ни были отдалены одна отъ другой. Такая княжеская волость называлась или по имени своего князя, или же по имени главнаго города той земли, гдѣ жилъ князь, то-есть, по имени его столыаго города. На этомъ основаніи Тмуторокань, бывшая подъ властію Мстислава (сына Владиміра-Святаго), который потомъ княжилъ въ Черниговѣ, составила съ черниговскою землею одно цѣлое, и потому послѣ Святославъ Ярославичъ которому по назначенію отца досталась черниговская земля, получилъ вмѣстѣ съ нею и Тмуторокань, хотя о послѣдней не было ни слова въ завѣщаніи Ярослава. Такъ и вся Русь, подъ властію великаго князя кіевскаго, составила одно княженъе съ великокняжескимъ столомъ. Въ этомъ смыслѣ вся Русь была *волостью* великаго князя, который потому имѣлъ право на всѣ незанятые города и земли Руси. Но это отнюдь не уничтожало права жителей отдельныхъ земель призывать

* Нов. III. 227. «Даша жалованье городу Пскову: посадникомъ новгородскимъ во Псковѣ не сѣдѣти ни судити, а отъ владыки судити ихъ брату Псковитяну, а изъ Новгорода не позывать ни подвожскихъ, ни биричи, но назваша братомъ молодичинимъ Новугороду Псковъ».

надъ собою власть особаго князя и даже искать и требовать себя князей изъ признаннаго въ Руси княжескаго рода. Всякая волость рада была князю. Всякій членъ княжескаго рода, объявивъ желаніе княжить, не встрѣчалъ препятствій въ жителяхъ волости, если только они не имѣли уже своего особаго князя. На этомъ основаніи Кіевъ въ 1024 году не отворился Мстиславу Тмутороканскому *, тамъ жилъ и княжилъ Ярославъ и былъ тогда только въ отлучкѣ; напротивъ, Черниговцы тотчасъ приняли того самаго Мстислава, потому что не имѣли своего князя, а признавали до-тѣхъ-поръ власть князя кіевскаго. Желаніе мѣстныхъ жителей имѣть отдѣльнаго князя, а не признавать его власть сообща съ другими волостями, показываетъ уже дѣлимость Руси по отношенію къ княжескому управленію; такая же дѣлимость существовала и внутри каждой изъ ея отдѣльныхъ земель, и потому рано или поздно полное раздѣленіе русской земли въ удѣльный періодъ было неизбѣжно. Но оно послѣдовало не скоро: сначала за единство цѣлой Руси или *власти* русской ратовали князья, куда ихъ было не много; потомъ за единство земское стояла прочность связи въ каждой изъ волостей,—неправильное дѣленіе ихъ между разномыслившимися князьями долго не уничтожало ихъ земскаго единства, и сколько бы ни было князей и княженій въ волости, сознание объ этомъ единствѣ не исчезало между ея жителями. Однако жъ мало-по-малу прочность земской связи должна была уступить вліянію княжескаго дѣленія, и права князей на владѣніе не могли впоследствии не измѣнить земскихъ отношеній Руси. Какъ прежде раздѣльныя земли ея при единовластїи князя составляли одну *волость русскую*; какъ потомъ она распадалась на нѣсколько княженій, изъ которыхъ каждое заключало въ себя по нѣскольку волостей; какъ впоследствии дѣленіе княжеское и земское совпадали другъ съ другомъ, такъ наконецъ постоянное дѣленіе самихъ волостей на княженія между князьями рано или поздно должно было пересилить прежнее земское раздѣленіе Руси и замѣнить его новымъ, княжескимъ.

И такъ, древняя русская земля по отношенію къ единству, представляется въ слѣдующихъ видахъ: 1) она населена различными племенами одного языка,—отсюда раздѣленіе ея на племенные земли или воло-

сти, съ сохраненіемъ сознанія о всеобщемъ единствѣ русскаго народа. 2) Это сознаніе утверждается первоначальнымъ единовластіемъ князей. Единство княжеской власти включаетъ въ русскую землю волости иноязычныхъ племенъ, — вся Русь есть *власть русская*. 3) Внутреннее единство русской волости укрѣпляется единовѣріемъ; внѣшнее — стремленіемъ къ единоподержавію. 4) Единство Руси поддерживается единствомъ княжескаго рода. Вся русская земля есть одно великое *княжество* кievское и только для управленія временно раздѣлена на *княженья* между родичами-князьями, подчиненными одному главному (великому или старшему) князю кievскому. Упраздненные княженья вновь присоединяются къ Киеву, и такимъ образомъ мысль о земскомъ единствѣ Руси не исчезаетъ. 5) Въ то же время, на основаніи началъ родоваго княжескаго права происходятъ выдѣлы; родъ князей распадается на вѣтви, вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ выдѣлъ волостей изъ русской земли и она распадается на княжества (уже не на княженья). Вотчинное начало, которое до-сихъ-поръ являлось какъ исключеніе изъ существующаго порядка, теперь окончательно вступаетъ въ свои права. Вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣетъ и исчезаетъ государственное начало въ отношеніяхъ князей къ своимъ владѣніямъ, которыя принимаютъ видъ частныхъ помѣстій. Единство политически-раздробленной Руси существуетъ почти только какъ внутреннее, въ сознаніи о всеобщемъ единствѣ языка и вѣры и единоплеменности русскаго народа. Государямъ московскимъ досталось на долю осуществить идею единства Руси на самомъ дѣлѣ, снова ввести государственное начало въ свои отношенія къ подвластной землѣ и положить прочное основаніе могуществу и силѣ московской державы.

А. ТЮРИНЪ

=

ЖИВОПИСЬ ВО ФРАНЦИИ ВЪ ОСЕМНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Братья Ванло.

Школа Ватто господствовала не долго, не долге кокетки, употребляющей во зло свою красоту. Жанъ-Батистъ и Карлъ Ванло (Vanloo), Лемуанъ и Бушэ были послѣдователями Ватто. Нынче трудно было бы рѣшить, кто изъ этихъ четырехъ артистовъ былъ тогда самымъ знаменитымъ, до такой степени отзывы о нихъ современниковъ противорѣчатъ одинъ другому. Но самымъ талантливымъ и можетъ-быть, наименѣе прославленнымъ живописцемъ того времени, былъ безъ сомнѣнія, Жанъ-Батистъ Ванло.

Критики, расточавшіе сначала неумѣренныя похвалы произведеніямъ братьевъ Ванло, предали ихъ потомъ совершенному забвенію. Одни картины ихъ могутъ служить вѣрнымъ средствомъ для оцѣнки ихъ таланта. Нельзя не упрекнуть художниковъ этихъ за то, что они допускали въ некоторыхъ изъ своихъ картинъ и ложный блескъ и непростительную небрежность, или то, что называется *le sans façon*; но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно отдать справедливость истиннымъ достоинствамъ и вдохновенію, которыми запечатлѣны бѣольшая часть ихъ созданій. Послѣ Пуссена и Лесюера, во Франціи смотрѣли на Ванло какъ на художниковъ второстепенныхъ; но въ ряду живописцевъ

осемнадцатаго столѣтїя, въ главѣ которыхъ былъ Буше, — братья Ванло въ творенїяхъ своихъ если не вполне выражаютъ характеръ величїя, то все же сообщаютъ имъ отпечатокъ строгаго и благороднаго стиля. Благодаря Ванло, французское искусство сохраняло еще въ Европѣ пальму первенства.

Однимъ этимъ художникамъ оно обязано тѣмъ, что они держались почти неуклонно на истинномъ пути, тогда какъ столько другихъ артистовъ оворачивались съ него въ тысячу ложныхъ направленїй.

Жанъ-Батистъ Ванло * происходилъ отъ одной старинной фамили живописцевъ ** изъ Фландрїи, и съ самаго ранняго дѣтства обнаружилъ наследственную въ этомъ семействѣ склонность къ искусству. Его счастливыя способности, подъ руководствомъ отца, получили развитіе; онъ оказалъ такіе успѣхи въ живописи исторической и портретной, что изъ Экса былъ вызванъ въ Савойю, гдѣ принцъ Кариньянъ обласкалъ его и взялъ подъ особенное свое покровительство. Вельможа этотъ отправилъ Ванло въ Римъ, гдѣ онъ прилежно изучалъ образцовыя произведенїя великихъ мастеровъ; но вскорѣ послѣ возвращенїя изъ Италїи, принцъ Кариньянъ переселился (1719 года) въ Парижъ, куда сопровождалъ его и Ванло, живнїй потомъ въ его домѣ.

Извѣстность Ванло предшествовала прїезду его въ столицу Франціи; онъ вскорѣ представленъ былъ регенту королевства, герцогу Орлеанскому, который поручилъ ему реставрацію великолѣпныхъ кар-

* Родился въ Эксѣ (Aix), въ Провансѣ въ 1694 году, скончался въ томъ же городѣ въ 1745 году.

** Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятя картины и въ особенности превосходные портреты, произведенные живописцами, принадлежавшими къ этой фамили, прежде переселенїя ея во Францію: одинъ изъ нихъ назывался Ивановъ; у него былъ сынъ Яковъ, жившїй очень долго въ Амстердамѣ, гдѣ приобрѣлъ извѣстность какъ искусный портретистъ.

Сынъ Якова, Людовикъ, поѣхалъ для усовершенствованїя въ искусствѣ въ Парижъ, куда за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и отецъ. Онъ принялъ французское подданство и поступилъ въ академію живописи, въ 1663 году. Людовикъ, сынъ его (внукъ Якова), находился въ Римѣ, откуда перѣхалъ потомъ въ Ницу, которую черезъ нѣсколько лѣтъ оставилъ и поселился въ Эксѣ, гдѣ въ 1683 году женился. Отъ этого брака родился Жанъ-Батистъ Ванло, о которомъ идетъ рѣчь, и Карлъ Ванло, его меньшой братъ.

теновъ Юлія Романо, изображающихъ любовныя похождения Юпитера. Герцогъ остался очень доволенъ трудомъ Ванло, и съ той поры не переставалъ оказывать ему свое покровительство.

Ванло, занимаясь преимущественно живописью историческою, принужденъ былъ очень часто отвлекаться отъ нея, чтобъ писать портреты знатныхъ придворныхъ особъ, которыя почти все обращались къ одному ему. И въ-самомъ-дѣль, въ то время немного было живописцовъ, которые бы, подобно Ванло, производимымъ ими портретамъ придавали свѣжесть колорита и пріятность рисунка. Онъ писалъ портреты такой же свободной, широкой кистью, какъ и картины историческія; но вмѣстѣ съ тѣмъ налагалъ на нихъ отпечатокъ какой-то легкости и благородства, отпечатокъ, по которому портреты Ванло весьма легко отличать отъ другихъ портретовъ, написанныхъ живописцами, посвятившими себя исключительно одному этому роду живописи.

Талантъ Ванло доставлялъ ему значительные доходы; большая часть ихъ, положенная въ банкъ, была имъ однако жъ безвозвратно потеряна, когда банкъ неожиданно утратилъ кредитъ. Но это непріятное событіе нисколько не привело художника въ уныніе; напротивъ, онъ еще съ бѣльшимъ жаромъ сталъ заниматься своимъ искусствомъ, и плоды его почти удвоенныхъ трудовъ вскорѣ вознаградили потерю. Ему поручено было написать портреты всего французскаго двора: онъ исполнилъ нѣсколько портретовъ Людовика-Пятнадцатаго во весь ростъ и верхомъ; сверхъ-того портреты королевы, короля Станислава и его супруги.

Академія живописи вскорѣ включила его въ число своихъ членовъ; для этого онъ представилъ на судъ академіи превосходную картину, представляющую въ натуральную величину «Діану и Эндиміона»

Въ картинахъ этой (находящейся нынѣ въ луврскомъ музее), отличающейся прелестнѣйшимъ колоритомъ и высокимъ стилемъ композиціи, восхищаются въ особенности чудной ея прозрачностью, свободою и мягкостью рисунка; во всемъ этомъ произведеніи господствуетъ нежность кисти и таинственный полу-мракъ, составляющій принадлежность сюжета.

Быстрота, съ которою работалъ Ванло, была, говорятъ, изумительна: подобно Гвиду, онъ писалъ окончательно по три головы въ день; вотъ отчего картины его столь многочисленны. Онъ украсилъ ими

многія парижскія церкви, дворцы и частныя дома; въ нѣкоторыхъ городахъ южной Франціи находится также немало его картинъ:

Характеръ таланта Ванло выражается свѣтлостью, бойкостью и свободой композиціи; у него скорѣе недоставало терпѣнія чѣмъ изученія. Одаренный счастливыми, огромными способностями, онъ тратилъ ихъ почти безъ пользы для искусства. Но его имя не забыто; многія картины его пользуются заслуженной извѣстностью. Въ эрмитажной галлерей Зимняго Дворца есть нѣсколько его картинъ; поминимъ одну изъ нихъ, изображающую Юнону; произведеніе это носитъ на себѣ отпечатокъ эпохи, современной художнику и отражаетъ въ себѣ отличительный характеръ его таланта. Находящаяся въ парижскихъ церквахъ и въ особенности въ версальскомъ музее, картины его замѣчательны по необыкновенному искусству, съ которымъ онъ изображалъ тѣло, по легкости рисунка и по благородству, хотя отчасти театральному, его стилю. Современники его говорили, что колоритъ у него жирный (*opsteueux*) и что въ этомъ отношеніи онъ похожъ на Рубенса, котораго взялъ себѣ за образецъ. Мнѣніе это въ послѣдствіи измѣнилось; но все же Ванло принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ колористовъ и можетъ быть живописцовъ осемнадцатаго вѣка, занимая по времени своей дѣятельности мѣсто между Ватто и Карломъ Ванло.

Вотъ что говоритъ Арсеній Гуссе *, объ одной изъ лучшихъ картинъ Жана-Батиста Ванло : «Картина эта представляетъ женщину передъ зеркаломъ, какую-нибудь маркизу время регентства; можетъ-статься это простой портретъ. Около барыни хлопочетъ субретка, влетающая въ ея волосы жемчугъ. Обѣ эти головы прелестны: тутъ есть всеукавство, грація, свобода движеній; восхищенные взоры обращаются отъ барыни къ служанкѣ. потому-что онѣ обѣ прекрасны. Очертаніе рукъ у этихъ женщинъ самое счастливое, аксессуары чрезвычайно роскошныя; въ рукъ госпожи букетъ; вамъ хотѣлось бы понюхать его, если бѣ вы не боялись приблизиться слишкомъ близко устами къ этой прелестной ручкѣ. Сколько прелести и кокетства въ этой чудной женщинѣ! Съ какою лебединою медленностью она поворачиваетъ голову передъ зеркаломъ! Какъ боится сдѣлать малѣйшее неосторожное движеніе, чтобъ чрезъ это Розетта не испортила ея прически! Колоритъ этой картины настоящій *маслянистый* (*opsteueux*). Подумаешь, что это произведеніе венеціанской школы первыхъ временъ ея упадка!»

*) Galerie des portraits du XVIII siècle. 1848. Томъ 2.

Жакъ-Батистъ Вальо оставилъ Парижъ и въ 1735 возвратился на родину. Но годъ спустя после того, испанскій король поручилъ Риге написать ему живописца историческаго и портретнаго. Выбравъ нальвлюдошника старшаго сына Ванло, что заставило этого молодца возвратиться въ Парижъ. Здавъ отправивъ сына въ Испанію; онъ императору возвратился на родину въ Эксъ; но по совѣту друзей предпринять съ женою и съ двумя сыновьями путешествіе въ Англію. Въ Лондонѣ онъ началъ тѣмъ, что написалъ портретъ одного изъ своихъ друзей, который показавъ произведеніе это извѣстному Вальвоу (Walpole), которому онъ былъ рекомендованъ Риге. Вальвожа этотъ заказавъ Ванло свой портретъ, и вслѣдъ за тѣмъ вся англійска императрица обратилась къ нему съ подобными заказами.

Въ продолженіе четырехлѣтняго пребыванія своего въ Лондонѣ, Ванло былъ заваленъ работой. Принцъ Галльскій, его супруга и сестры посѣщали часто его мастерскую и онъ написалъ нѣсколько ихъ портретовъ. Но усиленные труды и смерть одного изъ сыновей его имѣли гибельное вліяніе на его здоровье, и потому онъ возвратился въ отечество. Въ Парижѣ онъ пробылъ только двѣ недѣли и послѣшилъ на родину, въ Эксъ. Послѣ отдыха, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ, онъ снова взялся за кисть, «которую ему стыдно было, говорилъ онъ, оставлять праздною.» Онъ работалъ еще наканунѣ своей смерти. «Я умираю, сказалъ онъ, и сожалею только о томъ, что не могъ образовать моего Ипполита; что касается до другихъ сыновей, то я имъ уже не нуженъ *.»

Его похоронили въ томъ самомъ приходѣ, въ которомъ онъ былъ крещенъ: казалось, онъ хотѣлъ возвратити родинѣ своей то, что получилъ отъ нея.

Съ пріятною наружностью, Ванло соединялъ нравъ тихій и расположеніе къ добру: онъ былъ поддержкой всему своему семейству. Помогая роднымъ своимъ, онъ находилъ вознагражденіе въ сознаніи оказанной услуги и ни сколько этимъ не гордился.

Любя страстно искусство, которому посвящена была вся жизнь его, онъ безпрестанно думалъ объ исполненіи разныхъ своихъ идей; вотъ отъ чего, и ввѣ мастерской, имъ часто овладевало какое-то безпокой-

* Essai sur la Sculpture par M. d'André Bardon, томъ 2. Paris MDCCLXV, стр. 165, и Abrégé sur la vie des plus fameux peintres. Томъ 4. Paris. MDCCLXII, стр. 395.

ство и волненіе, какъ—будто онъ сидѣлъ передъ мольбертомъ, съ кистью въ рукѣ. Но если онъ видѣлъ молодыхъ людей, которые рисуютъ или встрѣчалъ кого—нибудь, съ кѣмъ могъ поговорить о живописи — то приходилъ въ восторгъ, и считалъ себя счастливымъ, дѣлаясь съ другими своими познаніями и опытностью.

Рисунки Ванло сдѣланы по бѣльшей части краснымъ карандашомъ. Такимъ—образомъ онъ нарисовалъ портреты всѣхъ королевскихъ пенсионеровъ, находившихся въ одно время съ нимъ въ Римѣ; сюда онъ включилъ и свой портретъ. Здѣсь вездѣ виднѣн смѣлый, правильный рисунокъ и необыкновенная выразительность и разнообразіе.

Многіе эстампы Ванло извѣстны по гравюрамъ, въ особенности портреты французскаго короля Людовика—Пятнадцатаго и нѣкоторыхъ французскихъ знаменитостей того времени.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о младшемъ его братѣ и ученикѣ Карлѣ Ванло, на котораго больше всѣхъ обращались преувеличенныя хвалы его современниковъ.

Карлъ Ванло былъ рожденъ живописцемъ точно такъ, какъ родятся поэтами; но, къ—несчастью, въ живописи онъ видѣлъ не искусство, а ремесло. Не смотря на то, нельзя не признать въ немъ призванія артиста; у него были даже, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ живописцевъ, вспышки генія. Онъ иногда отвергалъ образцы великихъ мастеровъ, предавался собственному вдохновенію и создавалъ картины, достойныя истиннаго художника. Чаще всего въ произведеніяхъ его отражается вліяніе разныхъ школъ; въ рисункѣ и колоритѣ онъ подражалъ Гвиду, или усвоивалъ манеру Корреджіо; въ пейзажахъ напоминалъ Сальватора—Розу, а въ изображеніи животныхъ бралъ въ образецъ Шнейдерса или Депорта; но эти живописцы были столько же выше Ванло, сколько мастерская картина выше копіи. Хотя онъ глядѣлъ такимъ—образомъ на природу чуждыми глазами, но иногда подмѣчалъ ее и своими собственными. Въ слѣдствіе этихъ случайныхъ, такъ сказать, столкновеній съ природою онъ написалъ нѣсколько весьма хорошихъ картинъ. Своимъ почти натуральнымъ стилемъ онъ исправилъ нѣсколько французскую школу, въ которой Койпель, де—Троа и Ватто развили вкусъ театралный, маверный и напыщенный. Рисунокъ его, хотя не совсемъ твердый и вѣрный, былъ пріятенъ; кисть мягка; онъ мастерски разнообразилъ стиль карандаша и кисти; легко переходилъ отъ эффекта энергическаго

и строгаго къ тонамъ мягкимъ и мягкимъ. Колоритъ его, хотя не много красновато-беловатый, полонъ невыразимаго очарованія. Его головы прекрасны, но нѣсколько однообразны: вѣчно одно и то же лице, какъ въ произведеніяхъ Ватто, съ тою разницею, что въ лицахъ Ватто было болѣе одушевленія и ума, чѣмъ въ лицахъ Ванло, котораго часто недостаетъ силы выраженія; въ нихъ всегда болѣе величія, чѣмъ энергіи, болѣе граціи, чѣмъ красоты. Поставивъ его въ параллель съ Рубенсомъ, современники смѣло сравнивали его по рисунку съ Рафаэлемъ, по кисти съ Корреджіо и по колориту съ Тицианомъ. И послѣ этихъ гиперболическихъ похвалъ, они же низвели его до крайняго униженія. Въ наше время, когда французское искусство озарила новѣйшая критика, Ванло явился передъ нами въ настоящемъ своемъ свѣтѣ: на него стали смотреть какъ на чрезвычайно талантливаго живописца, возвышающагося иногда почти до гениальности, но случайно, бессознательно, тогда какъ другіе идутъ по этому пути потому, что носятъ въ груди призваніе къ избранному поприщу. Удивительная легкость, съ которою онъ работалъ, была для него пагубна; иногда онъ за нее сердился, не шутя, на самого себя и рвалъ въ куски картины, надъ которыми работалъ цѣлыя недѣли. Онъ отличался сильнымъ здоровьемъ и атлетическимъ сложеніемъ. Кого во всякое время можно было застать въ мастерской; онъ писалъ, стоя, по двѣнадцать часовъ сряду. Хотя онъ выросъ на югѣ, но не любилъ тепла и никогда не жаловался на холодъ. Онъ говорилъ о своемъ искусствѣ какъ невѣжа. Онъ былъ истинный Фламандецъ по характеру; человекъ полудикій, по отзыву госпожи Помпадуръ, уважавшей его своего покровительства; грубый по мнѣнію Дидро; но не смотря на то, у Ванло случались счастливыя изреченія и блестящія остроумія.

Впрочемъ, дѣло извѣстное, что краснобай никогда ни къ чему не были годны; у нихъ умъ вѣчно на концѣ языка; но не угодно ли взглянуть на нихъ въ дѣлѣ: перо или кисть у нихъ такъ и валяется изъ рукъ. Жалкіе ораторы! они никогда не въ силахъ сами исполнить того, что такъ хорошо говорятъ другимъ. Острякъ бываетъ часто не въ ладу съ благороднѣйшими и чистѣйшими побужденіями; такое настроеніе ума обходится часто очень дорого, потому-что острякъ «для краснаго словца не пожалеетъ роднаго отца». И въ-самомъ-дѣлѣ, большая часть самыхъ блестящихъ остроумій опирается, къ-несчастію, на испорченное сердце. Что касается до

искусствъ, то въ нихъ есть нечто выше остроумнаго: это — чувство, вдохновенное, поэзія; небесный пламень, которыми Всевышній Творецъ освѣщаетъ нѣкоторыхъ избранныхъ, одаренныхъ душою простою и чистою. Дидро очень справедливо сказалъ: «Но върете дарованіе людей, у которыхъ все карманы набито острыми словами; они сыплотъ ими при каждомъ случаѣ, но гений у нихъ нѣтъ» (ils ont pas le démon). Гений больше безмолвствуетъ; онъ прислушивается къ голосу природы, или погружается въ самосозерцаніе; но не оставятъ ему въ упрекъ ни его молчанія, ни его неподвижности: Маленькія простыя птички щебечуть съ утра до вечера и засыпаютъ съ наступленіемъ сумерекъ; когда же приходитъ ночь, то одинокая пѣвчая птица заводитъ свою грустную и вѣрную пѣсню. Пѣвчая ночная птица — это недремлющій гений.

Что касается до Карла Ванло, то безпристрастное потомство оценило, безъ-сомнѣнія, замѣчательныя его картины, произведенныя имъ въ то время, когда онъ еще не былъ увлеченъ силою обстоятельствъ и не платилъ дани модѣ, господствовавшей въ продолженіе большей части вѣка, въ которомъ онъ жилъ.

Нельзя не отдать справедливости его картинамъ, изображающей «Святаго — Карла», причащающаго зачумленныхъ, находящейся въ соборѣ парижской Богоматери; большимъ картинамъ, представляющимъ жизнь «Святаго-Августина», которыя украшаютъ церковь des petits Pères de la place des Victoires; четырьмя образамъ изъ земной жизни Богородицы, въ церкви St. Sulpice и многимъ другимъ.

Любителямъ искусствъ извѣстны превосходныя картины, изображающія «Освобожденный Иерусалимъ», произведенныя Карломъ Ванло для королевскаго дворца въ Туринѣ, картины, полныя благородства и поэзіи; куполь, расписанный имъ въ церкви Святаго-Издора въ Римѣ, изображающій апотеозъ этого святаго; порученіе Ванло этого труда говорить въ пользу его таланта, такъ какъ извѣстно, что итальянскіе художники не терпятъ совмѣстительства иностранцевъ въ дѣлѣ искусства.

Ванло было не болѣе двадцати-четырехъ лѣтъ, когда онъ написалъ въ Римѣ отличную картину «Обрученіе Пресвятыя Дѣвы», находящуюся нынѣ въ луврскомъ музее, вмѣстѣ съ другой его картиной, изображающей «Энея, несущаго своего отца», и принадлежащей къ лучшимъ произведеніямъ французской школы.

Около того же времени, онъ произвелъ въ Римъ огромную картину, заказанную ему въ Англіи и утвердившую тамъ его извѣстность. Картина эта, представляющая одѣвающуюся молодую Азіатку, въ натуральную величину, замѣчательна граціозностію позы этой женщины, прекраснымъ коморитомъ и искусствомъ, съ которымъ переданы одежды и штофыны матеріи.

Ванло произвелъ также двѣ большія картины для Тарасконскаго капуцинскаго монастыря; картины эти заслужили въ Римъ всеобщія похвалы. Во время пребыванія своего въ Неаполь, онъ написалъ образъ «Благовѣщенія» для церкви Святаго-Филиппа въ Нери; «Тайную вечерю» и «Насыщеніе народа пятью хлѣбами», двѣ огромныя картины для женскаго монастыря Святаго Креста. Неаполитанцы, всегда непрязненные къ иностраннымъ художникамъ, приходили въ восхищеніе отъ этихъ произведеній Французскаго живописца.

Кромѣ того, онъ расписалъ фресками большой плафонъ въ Стаппиджи; здесь изобразилъ онъ «Диану», возвращающуюся съ охоты въ сопровожденіи нимфъ.

Мы упомянули здѣсь о главныхъ произведеніяхъ Карла Ванло съ тою цѣлью, что бы показать до какой степени неправы были критики, обременявшіе его, въ началѣ девятнадцатаго вѣка, незаслуженными порицаніями. Подъ видомъ желанія очистить вкусъ публики и уничтожить преувеличенныя похвалы, критики намѣревались унижить этого художника за то единственно, что современники слишкомъ восхищались его произведеніями. Но несовершенства его картинъ, неизбежныя во всѣхъ трудахъ человѣческихъ, не лишаютъ этого трудолюбиваго художника, принадлежащаго къ лучшимъ живописцамъ своего времени, — права на вниманіе истинно безпристрастныхъ ценителей искусства.

Ванло сначала занимался, кромѣ живописи, изученіемъ искусства ваянія, въ которомъ достигъ столь значительной степени совершенства что въ 1727 году не звалъ самъ, живописныя или скульптурныя работы и, представить для полученія Римской преміи. Это служитъ очевиднымъ доказательствомъ любви его къ искусствамъ и въ осо-

* Ватерлооскій дворецъ короля Сардинскаго, въ трехъ миляхъ отъ Турина; произведеніе это по живости и мягкости можно сравнить съ масляною живописью.

бенности къ славѣ, которой онъ часто жертвовалъ своими лучшими созданіями *, находя ихъ несовершенными или ниже своего таланта.

Кабинетныя картины Карла Ванло высоко цѣнятся любителями живописи.

Онъ занимался, шутя, гравированьемъ и обнаружилъ въ немъ много способностей; но въ особенности былъ неподражаемъ въ расширенныхъ эскизахъ, въ которыхъ показалъ чрезвычайно много вкуса и правильности въ рисунокѣ.

Ванло женился въ Туринѣ на знаменитой Кристинѣ Сомисъ, которой Франція обязана введеніемъ въ область музыки итальянской мелодіи. Возвратясь съ молодой женой въ Парижъ, онъ открылъ у себя великолѣпный салонъ, въ которомъ собирались все тогдашніе представители искусствъ. Кристина обладала очаровательной красотой и восхитительнымъ голосомъ, такъ-что многочисленные поклонники ея красоты и таланта прозвали ее Филомелой Италіи. Отъ нея у Ванло была дочь Каролина, прелестнѣйшее существо, скоро покинувшее землю, чтобы украсить собою безсмертную небесную обитель. Дочь была живою портретъ матери и еще прекраснѣе ея, милѣе, граціознѣе и очаровательнѣе; блѣдное лицо ея осынено было черными какъ смоль волосами; въ ея глазахъ, голубыхъ какъ небо Италіи, отражались кротость и ангельская доброта; голосъ ея проникалъ въ сердца и, казалось, созданъ былъ болѣе для пѣсенъ, чѣмъ для обыкновенныхъ будничныхъ рвчей. «О Рафаэль, Рафаэль!» восклицалъ Ванло, глядя на дочь. Но восторгъ живописца смѣнялся нежностью отца. Рафаэль великій художникъ, но его произведенія ничто въ сравненіи съ созданіями Божьими; вотъ почему Карлъ Ванло жалелъ, это у него раньше не было передъ глазами подобнаго образца. Очаровательное лицо Каролины было озарено какимъ-то чуднымъ блескомъ, отраженіемъ другаго, лучшаго міра, признакомъ близкой смерти. Глядѣшіе на нее погружались въ задумчивость, какъ-будто предчувствуя, что ей не суждено быть съ ними долго, что она лишь минутная гостья земли.

* Послѣ выставки 1763 году, онъ изорвалъ въ клочки свою картину, изображавшую «Грацій, окованныхъ амуромъ», и заключавшую въ себѣ чрезвычайно много достоинствъ.

Карлъ Ванло былъ назначенъ въ 1762 году первымъ королевскимъ живописцемъ и пожалованъ кавалеромъ Святаго Михаила.

Она походила болѣе на ангела, чѣмъ на женщину; рано стала она предаваться мрачной задумчивости, была неговорлива и по цѣлымъ днямъ сидѣла за книгой или погружаясь въ мечты, нисколько не заботясь объ удовольствіяхъ свѣта; на балѣ она не танцевала и приносила празднику въ даръ только свою восхитительную улыбку; она, такъ сказать, одной душой привязана была къ жизни, тогда какъ тѣло ея подобно было мраморной оболочкѣ. «Книги ея сгубятъ», твердилъ безпокойно добрякъ Ванло, который, не зная самъ грамоты, не могъ безъ ужаса смотрѣть на безчисленное множество черныхъ строчекъ, отъ которыхъ у него рябло въ глазахъ; для него это были какіе-то кабалистическіе знаки. Часто она приходила въ мастерскую къ отцу, читала тамъ книги или сидѣла задумавшись по цѣлымъ часамъ, и отецъ не могъ добиться отъ нея ни слова. Иногда онъ спрашивалъ у нея совета на счетъ изображенія головъ святыхъ или языческихъ богинь; она ничего ему не отвѣчала, но онъ видѣлъ ее — и этого для него было довольно: «Хорошо, очень хорошо, моя милая, мнѣ болѣе ничего не нужно», говорилъ онъ ей.

Однажды утромъ она была блѣднѣе и задумчивѣе обыкновеннаго; войдя въ мастерскую и не найдя тамъ отца, она сѣла на его кресло передъ натянутымъ полотномъ, на которомъ проведено было лишь нѣсколько линій; она взяла чернѣйшій карандашъ и стала рисовать. Отецъ, въ слѣдъ за нею, входитъ тихонько въ мастерскую и, пораженный вдохновеннымъ видомъ дочери, притаился за одной большой картиной, говоря вполголоса: «Вотъ каковы Ванло! они умѣютъ рисовать прежде чѣмъ научатся.»

Нѣсколько минутъ спустя, Каролина Ванло кладетъ карандашъ и разсматриваетъ нарисованную ею фигуру. Подходитъ отецъ. Увидѣвъ его неожиданно, она вскрикнула: «Ты! испугалъ меня», сказала она ему, протянувъ руку.

Въ это мгновеніе несчастный Ванло поблѣднѣлъ, взглянувъ на рисунокъ дочери: это было изображеніе—Смерти! Вотъ саванъ, прикрывающій плоскую грудь, вотъ костлявыя ноги, совершающія всемирное странствованіе, оставляя за собою слѣдъ могильный; вотъ ужасная коса! Но Ванло привело въ ужасъ, въ особенности то, что его дочь, сама можетъ-быть того не зная, придала изображенію Смерти свои ангельскія черты; онъ едва, едва были набросаны: всякой другой въ нихъ и не узналъ бы Каролины; но не Ванло, Digitized by Google

..ло живописецъ и отецъ! «Дитя мое», сказала онъ, стараясь подавить слезы принужденной улыбкой; «этимъ никто не начинается; встань, я тебѣ дамъ урокъ.»

Каролина встаетъ молча, Ванло садится, стираетъ дрожащею рукою рисунокъ дочери, оставивъ только черты лица, беретъ красный карандашъ и на мѣсть стертаго рисунка поспѣшно чертитъ другой. И вотъ ужъ голова оживляется прелестной улыбкой, кудри волосъ развѣваются легкимъ вѣтромъ, плечи получили граціозное очертаніе и освѣнены легкими крыльями; это уже не Смерть, а Амуръ.

Живописецъ, не сходя съ мѣста, дополняетъ картину обстановкою: рисуетъ колчанъ и стрѣлы, пару цѣлующихся голубей, словомъ, все принадлежности, окружающія бога любви. Каролина, облокотясь на спинку креселъ, на которыхъ сидѣлъ отецъ, слѣдила за движеніями его карандаша съ легкой и грустной улыбкой.

Когда Ванло кончилъ и пересталъ плакать украдкой, онъ обратился къ дочери: «Такъ-ли?» спросилъ онъ, цѣлуя у нея руку. — Нѣтъ, сказала она, опуская въ задумчивости голову.

Отецъ, видя, что она вся покрылась смертною блѣдностью, взялъ ее на руки и унесъ въ комнату своей жены. «Смерть! смерть!» кричала несчастная дѣвушка въ совершенномъ безпамятствѣ, простирая руки.

Съ этой минуты она впала въ бредъ. Невозможно представить себѣ отчаяніе отца; день и ночь онъ не отходилъ отъ постели дочери; онъ молился. Черезъ нѣсколько дней несчастная скончалась. Она умерла, такъ сказать, отъ тоски по жизни. Если вѣрить Карлу Ванло, однѣ книги сгубили ее.

Бѣдный живописецъ, послѣ этой утраты, лишился всякой надежды на счастье; судьба его и слава были обмечены вѣчнымъ трауромъ. Дофинъ (старшій сынъ короля), встрѣтивъ его во дворцѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого событія, спросилъ, отъ чего онъ такъ мраченъ? «Ваше высочество, я въ траурѣ послѣ смерти дочери», отвѣчалъ онъ, стирая слезы. Въ мастерской своей онъ сохранилъ, какъ печальное воспоминаніе, картину, на которой Каролина изображена было Смерть.

Д. МАШЕРЕНЦЪ.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

О РАЗВЕДЕНИИ ВИНОГРАДА И ВИНОДѢЛИИ ВЪ РОССИИ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Много уже было писано о разведеніи винограда и винодѣліи въ Россіи. Есть объ этомъ предметѣ много статей въ нашихъ официальныхъ журналахъ, въ Земледѣльческой и Коммерческой газетахъ, въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи, въ Журналь Сельскаго Хозяйства и овцеводства, въ Экономѣ; есть и отдѣльныя книги о винодѣліи, изъ числа которыхъ въ особенности замѣчательны сборникъ свѣдѣній «О винодѣліи и винной торговлѣ», Кенпеша.... Наконецъ множество драгоценныхъ матеріаловъ по этому предмету, еще почти не тронутыхъ, находятъ въ отчетахъ министровъ государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, а также въ Полномъ собраніи законовъ.

Но какъ ни много писано о русскомъ винодѣліи вообще, все таки написанное не даетъ о немъ полнаго, яснаго понятія, потому что или устарѣло, или отрывочно, разбросано, доступно исключительно людямъ, посвятившимъ себя тяжкой работѣ рыться въ пылъ старыхъ газетъ и журналовъ.... Цѣлаго
Г. ХСІХ. — Стд IV.

современнаго описанія винодѣлія въ Россіи нѣтъ въ нашей литературѣ. Есть только матеріалы. Помнимъ, по выходѣ въ свѣтъ Хозяйственной статистики Россіи господина Горлова, мы съ жаждою бросились на книгу ученаго профессора, раскрыли ее съ надеждой, даже съ увѣренностью найти тамъ хорошую статью о винодѣліи... и нашли нѣсколько запоздалыхъ цифръ о состояніи этой промышленности, безъ указанія на благодѣтельные мѣры правительства, создавашаго и взростившаго эту важную отрасль русскаго народнаго богатства.

Съ винограднымъ виномъ знакомы были еще наши прапраотцы. По словамъ Нестора, еще Олегъ, по возвращеніи изъ константинопольскаго похода, въ 907 году, привезъ съ собою въ Кіевъ ткани, овощи и вина. Позднѣ Владиміръ-Великій говорилъ вино есть *веселіе для Русскихъ; не можемъ быть безъ него*. По свидѣтельству византійскихъ писателей, вино изстарѣ принадлежало къ предметамъ русской торговли съ Греками. Ганза, въ числѣ произведеній отдаленнѣйшихъ странъ, безъ сомнѣнія снабжала насъ и виномъ... Но все это были вина привозныя, не русскія.. Когда же началось винодѣліе собственно въ Россіи, это опредѣлить съ точностью довольно трудно, — трудно и по недостатку источниковъ, и по обширности, разноклиматности нашего отечества. Въ земляхъ кавказскихъ и за-кавказскихъ, винодѣліе должно быть чрезвычайно древне, потому-что тамъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ (Биберштейна), отечество виноградной лозы, — до-сихъ поръ, въ полной силѣ дикаго прозябанія, господствующей надъ лѣсами Имеретіи и Мингреліи. На сѣверныхъ берегахъ Черваго моря, въ Крыму, на Дону, Бугѣ и Днѣпрѣ вино, конечно, выдѣлывалось сначала водворенія тамъ милетскихъ и другихъ гелленскихъ выходцовъ (съ VII и VI вѣка до Р. X.). О винодѣліи въ средней Россіи свѣдѣнія не восходятъ далѣе XIV столѣтія. На вопросъ русскаго митрополита, предложенный на одномъ изъ константинопольскихъ соборовъ: можно ли, за невѣніемъ вина, служить сухою стафиліею (*σταφυλη*, виноградъ), данъ былъ отвѣтъ: «Аще не будетъ гдѣ вина въ которой земли отнюдь, да изгнотутъ новую стафилію и служить, а не сухоя». Кажется, такой отвѣтъ можно было дать только людямъ, въ странѣ которыхъ произрастаетъ виноградъ. Впрочемъ, произрастаніе винограда и винодѣліе двѣ вещи разныя, — для винодѣлія, какъ промышленность, разведеніе винограда должно производиться въ большихъ размѣрахъ; а этого не

было и не могло быть въ древней Россіи, не владѣвшей еще землеройнѣйшей южной Россіи. Существованіе же виноградныхъ лозъ въ древней Россіи, доказывается также нѣсколькими ярлыками, данными царями Кипчакской Орды разными духовными лицами (напримѣръ митрополиту Петру въ 1313 году, Θεогносту въ 1333, Алексѣю въ 1537 году и другимъ). Изъ этихъ ярлыковъ видно, что въ Россіи, даже средней, издревле были виноградники, принадлежавшіе церквамъ. Въ прибалтійскихъ провинціяхъ виноградарство также существовало издревле. Когда мы оладѣли Ливонскимъ орденомъ, тамъ было уже много виноградниковъ. Это, между прочимъ, мы знаемъ изъ словъ взятаго, въ 1560 году, въ плѣнъ, ландмаршала Беля. Кромѣ того виноградники были и въ другихъ частяхъ Россіи, такъ напримѣръ, близъ Полоцка, около Вильны. Кеппенъ говоритъ, что ему рассказывали, будто бы прежде производилось винодѣліе даже около Новогрудка. Но какъ въ средней Россіи, такъ и въ западной, хотя росли виноградную лозу, винодѣліе однако же, судя по климатическимъ условіямъ, не могло быть значительно; такъ что начало развитія этой отрасли промышленности въ Россіи, развитія въ такой степени, что она сдѣлалась одною изъ важныхъ статей народнаго богатства, относится не ранѣе, какъ ко времени присоединенія къ Россіи Новороссіи и Закавказья. Для ясности посмотримъ, въ какихъ мѣстахъ средняя температура года и въ особенности средняя температура лѣта и его продолжительность допускаютъ разведеніе винограда на свободномъ воздухѣ и притомъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы изъ него возможно и выгодно было выдѣлываніе вина. Свѣдѣнія объ этомъ можно почерпнуть частью изъ путешествій по Россіи академиковъ и другихъ ученыхъ, но еще болѣе въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ о состояніи винодѣлія Россіи. Такимъ образомъ уже Гильденштедтъ замѣтилъ, что въ отношеніи къ винодѣлію мало можно ожидать пользы отъ разведенія лозъ въ мѣстахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Украинской линіи^{*} Позднѣе писалъ объ этомъ же Фрибе^{**}, что выше 48° с. ш. не должно разводить винограда для дѣланія вина. Впрочемъ, опредѣленный имъ предѣлъ винодѣлія по линіи отъ Кременчуга и береговъ Самары до Донца, Дона и Чернаго-Яра на Волгѣ, не

* Эта линія шла на 400 верстъ отъ рѣки Донца до Днѣпра, при устьѣ рѣки Орель; начата въ царствованіе Петра-Великаго; окончена въ 1732 году и пр. (Ср. Энци. Словар. К. Край).

** Труды Вол. Экон. Общ. 1791 года, и въ извлеченіи у Шторха.

составлять вѣрнѣе, потому-что онъ не признаетъ въ себѣ особенной разности средней температуры при одной широтѣ, но при разномъ направленіи склоновъ.

Но мнѣнію Далласа тоже не можетъ быть вынодѣля на северъ отъ Украинской линіи; онъ замѣчаетъ еще, что даже въ Святогорскомъ монастырѣ, лежащемъ въ 40 верстахъ на югѣ отъ этой черты, виноградъ почти столь же часто повреждается осенними морозами и столь же рѣдко дозрѣваетъ, какъ и въ Батуринѣ и въ Глуховѣ, черниговской губерніи. Кромѣ того Палласъ, опровергая мнѣніе Гилденштедта, полагавшаго, что лозу съ плозю можно разводить на берегахъ Азовскаго моря, говоритъ, что хотя виноградъ и произрастаетъ по Волгѣ до Царицына, по Дону до рѣки Медвѣдицы, при Донцѣ до Чугуева, на Днѣпрѣ до Кіева, а при Бугѣ до Ольвиополя; но для дѣланія хорошаго вина слѣдуетъ разводить его только на полдень отъ бывшей царичинской линіи на Дону, при Донцѣ не выше устья Лугани, а на Днѣпрѣ по Украинскую линію.

Новѣйшія изслѣдованія сходятся съ показаніями путешественниковъ; основываясь на этихъ изслѣдованіяхъ, можно сказать, что къ произрастанію лозы способна вся южная часть европейской Россіи до 48°, а мѣстами даже до 50° с. ш. Съ одной стороны виноградныя насажденія есть подъ Кіевомъ (50° 29' с. ш.), а съ другой нѣмецкіе колонисты съ успѣхомъ воздѣлываютъ лозу въ царичинскомъ уѣздѣ. Ясно, что не всѣ мѣста означенной поясы одинаково выгодны для винодѣлія.

Въ югозападной Россіи хотя и есть довольно значительныя виноградники, но винодѣліе находится еще въ младенчествѣ. Въ кіевской и екатеринославской губерніяхъ виноградъ разводится въ небольшомъ количествѣ и только для плодовъ; почти тоже можно сказать и о Саратовѣ; въ херсонской губерніи вино выдѣлывается низкой доброты, что, впрочемъ, зависитъ не отъ худго качества виноградныхъ лозъ, а отъ того, что дѣятельность жителей болѣе сосредоточивается на хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Вино подольской губерніи лучше херсонскаго, въ особенности вино, добываемое въ мнѣніи князя Витгенштейна. Въ бессарабской области винодѣліе — одна изъ отраслей сельскаго хозяйства. Крымъ, и въ особенности южный его берегъ, составляетъ страну, по преимуществу винодѣльческую. Здѣсь для усиленія и улучшенія винодѣлія въ особенности много сдѣлано въ послѣднее двадцатилѣтіе, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны частныхъ лицъ. Благословенныя долины Гавриды съ кам-

Въ годъ покрываются новыми насаждениями; лучшія земли разныхъ странъ свѣта усваиваются ей почвѣ. Число новыхъ, приростныхъ дозъ, теперь едва ли не превышаетъ числа природныхъ, растущихъ на полуостровѣ. Въ Крыму выдѣлываются вина бѣлая, красная, мѣстами сладкія, лжкерныя и шипучее вино. По восточную сторону крымскихъ горъ, равно какъ и дѣль полуострова въ таврической губерніи винодѣліе также производится, но не съ меньшимъ успѣхомъ; впрочемъ и здѣсь сборъ винограда иногда бываетъ довольно значительнъ.

Астраханскіе виноградники древнѣйшіе въ Россіи. Но винодѣліе въ Астрахани не имѣло никогда значительныхъ успѣховъ. Мное произведеніе тамошнихъ садовъ состоитъ въ свѣжемъ виноградѣ, который составляетъ довольно значительный предметъ внутренней торговли.

Винодѣліе въ кавказской области довольно значительно въ кизлярскомъ и пятигорскомъ округахъ. Въ первомъ въ особенности много гонится водки.

Винодѣліе въ закавказскомъ краѣ развито въ огромныхъ размѣрахъ, хотя тамошнее вино и мало идетъ въ Россію. Въ закавказь лучшія вина кахетинское и ширванское.

Вотъ мѣстности, для которыхъ возможно винодѣліе. Теперь посмотримъ, гдѣ какими путями шло его развитіе и гдѣ въ какомъ состояніи оно находится въ настоящее время. Мы уже видѣли, что въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи разновременно началось и винодѣліе. Вообще оно было ничтожно до присоединенія къ Россіи странъ, входящихъ въ предѣлы виноградной полосы.

Винодѣлія, какъ отрасли промышленности, не было въ Россіи, не только до покоренія Астрахани, но даже спустя столѣтіе по присоединеніи ея. Олеарій положительно говоритъ (въ 1635 году), что Русскіе сами вина не выдѣлываютъ, но получаютъ его черезъ Архангельскъ.

Онъ же рассказываетъ о первомъ насажденіи виноградныхъ дозъ въ Астрахани. Какой то съ малолѣтства плѣнный австрійскій монахъ, которому въ бытность Олеарія въ 1636 году въ Астрахани было уже 105 лѣтъ отъ роду, насадилъ за городомъ въ монастырѣ первыя виноградныя дозы, вывезенныя персидскими купцами. Царь Михаилъ Феодоровичъ, узнавъ объ успѣшномъ произрастеніи здѣсь винограда, повелѣлъ въ 1643 году тому же монаху усилить его разведеніе. Дѣло удалось такъ, что при Олеаріи тамошніе жители имѣли уже свои виноградники, отъ которыхъ пользовались порядочнымъ доходомъ; а изъ казеннаго ви-

виноградника плоды большею частью отправлялись ко двору. Олеорій находилъ астраханскій виноградъ превосходнаго вкуса и говорить, что ягоды его бываютъ съ волошскій орѣхъ. Распространеніе винограда въ Астрахани шло столь успѣшно, что въ 1640 г. жители выписали нѣмецкаго виноградаря Якова Ботманъ, усовершенствовавшаго способы поливанія винограда.

Съ этого времени началось винодѣліе, какъ промышленность. Спустя 29 лѣтъ, въ Астрахани, по свидѣтельству путешественника Штрауса, выдѣлывалось для царя до 200 бочекъ вина и до 50 ведеръ водки. Это количество, безъ сомнѣнія, добывалось изъ плодовъ, произраставшихъ въ казенныхъ садахъ; кромѣ того было и частное производство вина. О доставленіи въ это время винограда въ Москву на царскій столъ, свѣдѣнія находятся въ актахъ историческихъ (IV. N 63, 138).

Неизвѣстно положительно, производилось ли винодѣліе гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ тогдашней Россіи; и если производилось, то въ какихъ размѣрахъ; но виноградники, какъ мы уже говорили, были не въ одной Астрахани.

Въ Кіевѣ, при дальнихъ пещерахъ преподобнаго Феодосія, уже въ 1638 году находился виноградникъ и въ немъ не мало разныхъ «виноградныхъ деревьевъ», а вблизи его келіи братіи виноградарей. Положеніе этого винограднаго сада изображено Калнофойскіиъ на планѣ дальнихъ пещеръ. приложенномъ къ его «Тературеѣму». На томъ же мѣстѣ, по свидѣтельству *Гербинія* плн, лучше сказать, по плану Феодосіевыхъ пещеръ, сообщенному ему Архимандритомъ Инокентіемъ Гизелемъ, существовалъ виноградникъ и въ 1674 году. Не должно однако же пещерскій виноградникъ смѣшивать съ Государевымъ, вѣроятно устроеннымъ Петромъ Великимъ, который былъ въ Кіевѣ въ 1706 году.

Недавно П. И. Ивановъ обнаружилъ любопытную выписку изъ государственнаго разряднаго архива, показывающую также попеченія правительства о виноградникахъ въ Малороссіи, въ XVII вѣкѣ; изъ этой выписки видно, что виноградныхъ огородовъ въ Чугуевѣ въ то время было три. Старшій изъ нихъ построень въ 1713 году (1665) по указу Царя Алексѣя Михайловича. Винограднаго саду садовникамъ давалось государево жалованье.

Таковы были попытки къ разведенію винограда у насъ до Петра-Великаго, которому принадлежитъ безспорно истинное осно-

віці русскаго винодѣлія, развитіе котораго, однако же, шло довольно медленно до послѣдняго времени. Наказомъ 30 мая 1700 года, Царь виѣвилъ въ обязанность астраханскому воеводѣ Мусину-Пушкину, въ числѣ другихъ хозяйственныхъ предметовъ, заботиться и о разведеніи виноградныхъ садовъ въ мѣстахъ добрыхъ, укрѣпивши ихъ городобюю; въ худыхъ же мѣстахъ, гдѣ нельзя ожидать успѣха, къ этому дѣлу не приступать. Въ слѣдующемъ году, предписывая азовскому губернатору Толстому разводить дубовыя рощи близъ Таганрога, Государь прибавилъ: «такоежъ при вышесказанныхъ рощинахъ виноградъ умножить». Для улучшенія этихъ азовскихъ и астраханскихъ виноградниковъ, въ 1711 году, 2 февраля, Петръ написалъ князю Долгорукову: «извольте выслать изъ Венгерской земли вѣсколько виноградныхъ черенковъ или кореневъ (что лучше) для разводу въ Азовъ; вбо хотя тамъ виноградъ и есть, да не таковъ». Въ слѣдствіе этого вскорѣ были присланы изъ Венгріи виноградные черенки, что видно изъ письма Петра Великаго къ Апраксину. Въ немъ сказано: «съ девицкою вашими Таракановыми послано къ вамъ виноградныхъ черенковъ, которые выведены изъ Венгровъ четыре боченка, изъ которыхъ пошли для разводу въ Азовъ треть, а двѣ доли въ Астрахань; а для береженья ихъ посланъ драгунъ, который съ вами изъ Венгровъ пріѣхалъ» (Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, XIX, 383; XXI, 23; XXIII, 323). Въ 1714 же году былъ вызванъ Царемъ изъ Берлина какой-то Французъ Поссюэтъ, для разведенія винограда близъ Азова и когда это не состоялось отъ возвращенія этого города Туркамъ, то онъ посланъ, въ 1713 году въ Астрахань. Здѣсь Поссюэтъ развелъ нѣсколько сортовъ французскаго винограда, и доставлялъ ко двору семь пробъ разныхъ винъ своей выдѣлки. Въ 1716 году, велѣво Кудрявцеву дѣлать изъ виноградныхъ астраханскихъ дрозжей водку; впоследствии именнымъ указомъ 26 октября 1720 года на имя губернатора Вольнскаго вновь водтверждено изъ астраханскаго винограда приготавливать горячее вино, а для виноградныхъ винъ развести виноградные сады въ гребеняхъ, куда отправить изъ Астрахани мастеровъ, для отысканія мѣстъ, удобныхъ для разведенія виноградниковъ; по полученіи плода предписывалось произвести опытъ винодѣлія. Посѣтивъ въ 1722 Астрахань, Петръ Великій самъ съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ тамошніе виноградники, улучшенныя, какъ зачатъ Голиковъ, венгерскими и рейнскими лозами, повелѣлъ съдѣлать при себѣ разныя машины для поливки ихъ и въ свободныя часы самъ работалъ въ этихъ виноградникахъ. Въ слѣдую-

ещеъ году снова писалъ онъ къ астраханскому губернатору повелѣніе, привести виноградники въ наилучшее состояніе, и при этомъ входилъ во всѣ малѣйшія подробности. Это видно изъ рюстра бумагъ, оставшихся въ его кабинетѣ, между которыми находится указъ къ астраханскому губернатору, въ 14 пунктахъ, о разведеніи при Астрахани виноградныхъ садовъ и разныхъ заводо-въ; письма: одно въ Астрахань о присылкѣ оттуда на пробу вина тамошняго производства, другое къ казанскому губернатору о дозволеніи мастерамъ разводить въ Астрахани виноградники и дѣлать вина. Всѣ астраханскіе виноградные сады, въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, дѣлились на казенныя и частныя; въ первыхъ большею частью работали Татары, и эта работа зачиталась имъ въ ясакъ. Наконецъ, говорятъ *, что Петръ Великій повелѣлъ астраханскимъ губернаторамъ отводить въ самой скорости и безъ пошанныя земли, всѣмъ желающимъ разводить виноградные сады.

Кромѣ Астрахани, Петръ-Великій обратилъ свое вниманіе и на другія мѣста южной Россіи. Такимъ образомъ онъ успѣлъ развести виноградъ во многихъ станицахъ Донскихъ Казаковъ, особливо въ Раздоронской, Кушмацкой, Чирской и Цымлянской, откуда получались порялочныя красныя и бѣлыя вина; лучшее было цымлянское;—издалъ именныя указы, въ 1710 и 1713 годахъ, о разведеніи и размноженіи садовъ въ Чугуевѣ, въ кувянемомъ уѣздѣ, нынѣшней харьковской губерніи; завелъ еще большой виноградный садъ между печерскою крѣпостью и Кіевомъ; въ трехъ верстахъ отъ Воронежа, вмѣстѣ съ другими растеніями, посадилъ и виноградъ; во болѣе заботился онъ о разведеніи виноградныхъ и репешныхъ лозъ близъ павловской крѣпости, въ воронежской губерніи. Кромѣ того ко временамъ Петра-Великаго можно отнести и разведеніе винограда въ разныхъ другихъ мѣстахъ полуденной Россіи, въ которыхъ засталъ его профессоръ Юнкеръ, сопровождавшій графа Миниха, въ походъ его противъ Турковъ въ 1736 и 1737 годахъ. Изъ числа виноградниковъ, о которыхъ упоминаетъ Юнкеръ, замѣчательны въ полтавской губерніи при монастыряхъ полтавскомъ и лубенскомъ, въ Переяславлѣ и въ мѣстечкѣ Домановѣ, лежащемъ на Днѣпрѣ, въ харьковской губерніи; при монастырѣ въ Зміевѣ, въ святигорскомъ или успѣнскомъ монастырѣ, въ пюмскомъ уѣздѣ, и въ самомъ Изюмѣ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что виноградники во всѣхъ этихъ мѣстахъ были и прежде

* Хозяйствен. Опис. астрахан. и кавк. губ. стр. 104.

и Петербурга, во время чюгу, какъ они существовали при вѣко-
рыхъ царствѣхъ и императрѣхъ древней Россіи.

Присоединеніемъ некоторыхъ областей отъ Персія, Петръ оказалъ
намъ услугу виноделию; потому что эти провинціи, лежащія въ
удобномъ климатѣ и обладающія плодородною почвою, во мно-
хъ мѣстахъ представляли роскошные сады лубовыхъ, букowychъ,
мускатныхъ и другихъ деревъ, по которымъ вѣлись виноградныхъ
лз, переходя съ одного дерева на другое. Особенно Гилевъ и
рбента производили самыя вѣжныя растенія и превосходнѣшіе
поградики. Петръ-Великій самъ смѣтрѣлъ тамошніе сады и зналъ,
то туземцы не умѣютъ готовить хорошихъ винъ изъ своего
родного винограда, но возвращеніи изъ Дербента, послать
въ страхиславъ садовъ венгерскаго винодѣла, майора Турку-
н. Его старинныя тамошнія вина значительно поднялись въ
стоимости. Соинновъ имѣлъ дербентское вино на вѣстѣ и отда-
валъ ему преимущество предъ обыкновеннымъ туземнымъ ви-
номъ, чачиремъ; съ 1726 года началъ получать изъ за-кавказскихъ
провинцій уже очень хорошія красныя и бѣлыя вина.

Дербентскій виноградъ былъ доставляемъ ко двору, и Петръ-
Великій, праздуя 8 декабря 1723 года день рожденія своей
супруги Екатерины, угощалъ вѣкоторыхъ посѣтителей ягодами,
которыя сходствовали съ мускатнымъ виноградомъ, произрастаю-
щимъ въ Провансѣ (Веберъ).

Какъ доказательство хорошаго качества винъ, выдѣлывавшихся
при Петрѣ въ закавказскихъ провинціяхъ, можно привести свидѣ-
тельство Штраусенберга, возвратившагося на родину въ 1730 году по-
слѣ тридцати лѣтъ, проведенныхъ имъ у насъ въ плѣну; онъ гово-
ритъ, что наша, добываемая при городѣ Терекѣ, на Дону и Амурѣ,
близъ Черкаска, Вала-города (Бѣлевской крѣпости) и Кіева, лучше
обонявшіхъ винъ, выдѣлываемыхъ въ Саксоніи.

Изъ чего, что мы говоримъ о вѣрахъ правительства для разведенія
инограда и развитія винодѣлія въ Россіи, видно, что основанія этой
индустриальной отрасли народной промышленности, безспорно, положены
Петромъ. Но эти основанія, эти сѣмена народного богатства, бро-
шенныя великимъ преобразователемъ нашего отечества на благо-
дачу почку южной и югозападной Россіи, едва успѣли взойти,
какъ по смерти великаго Государя были совершенно забыты вдругъ
и заглохли. Въ царствованіе Екатерины I и Петра II было не-
мало винодѣлія, и мы не знаемъ ни одного постановленія по этой
части, издавнаго въ эти два царствованія. При Аннѣ Іоанновнѣ
иноградари были уволены отъ своихъ должностей и въ Астра-

хаци оставлѣтъ одинъ только откусившій виноградные сады Французъ, который поступилъ въ вѣдѣніе тамошняго правленія. Слѣдствіемъ этого было, какъ говоритъ Радигъ, то, что казенные сады, становясь со дня на день хуже, наконецъ совсѣмъ было заглохли. Жалкое положеніе астраханскихъ садовъ произвело то, что въ 1749 и 1750 годахъ секретарь Богдановъ и кушечъ Кобыковъ подавали проекты о содержаніи ихъ на казенномъ иждивеніи.

Съ воцареніемъ Елисаветы Петровны, старавшейся слѣдовать предначертаніямъ великаго своего родителя, винодѣліе снова стало возвышаться. На Дону, особенно въ станицѣ Ведерниковской, жители, еще около 1741 года, начали въ большомъ количествѣ разводить, вмѣсто фруктовыхъ садовъ—виноградники. Въ Астрахани, по представленію тогдашняго кабинетъ-министра И. А. Черкаскаго, виноградные сады и необходимые къ поддержанію и распространенію ихъ способы въ 1752 году, при особой инструкціи, были отданы въ полное распоряженіе Сербя римско-императорской службы, поручика Ивана Поробича. Изъ перваго его отчета за 1753 годъ видно, что на содержаніе этихъ садовъ въ приходъ было 5164 р. 9 к., въ числѣ которыхъ 178 р. получены за проданный виноградъ и 412 р. за чихирь; расходъ же въ томъ году простирался до 4044 р. 37½ к. При Поробичѣ находился кассиръ, 10 учениковъ, 7 заводчиковъ, 1 главный и 436 простыхъ садовниковъ, которые всѣ состояли на жалованьи. Въ 15 лѣтъ управленія оиъ умножилъ число казенныхъ виноградниковъ до 21, какъ сказывали Кеппелю астраханскіе садоводы; но по докладу экспедиціи государственнаго хозяйства 1798 года, его стараніями разведено въ Астрахани только 5, да въ Кизлярѣ 2 сада. Какъ бы то ни было, Поробичъ имѣлъ сильное вліяніе на распространеніе виноградарства и выдѣлку вина. Палласъ замѣчаетъ, что выписанныя имъ иностранныя лозы, особенно венгерскія, стали приносить такой плодъ и доходъ, что своимъ успѣхомъ пріохотили многихъ астраханскихъ жителей къ виноградарству. Дѣятельнымъ помощникомъ Поробича въ разведеніи виноградныхъ садовъ въ Астрахани былъ Италіанецъ Ризо, призванный въ Россію въ концѣ 1752 года. Этотъ Ризо дѣлалъ вина преимущественно на манеръ италіанскихъ и французскихъ. Вино, выдѣлываемое Поробичемъ, хотя и не было хорошо, но всегда безъ остатка выпивалось, особенно потому, что ему одному дозволялось продавать вино въ маломъ количествѣ. Около этого же времени, виноградарство стало распространяться въ Кизлярѣ, гдѣ жители начали разводить

ры, выписываемыя изъ Персїи, Дербента и съ южныхъ склоновъ кавказскаго хребта, въ терскихъ ставицахъ и югозападной Россіи. Вездѣ появились хорошіе винограды. Около нынѣшняго Елизаветнополя, въ странѣ, называемой тогда Новою Сербією, съ 1754 года стали селиться выходцы изъ Сербїи, Черногорїи, Болгарїи, Венгріи и Греціи. Эти колонисты, заимствуя свои лозы преимущественно изъ Валахіи и Венгріи, начали, по свидѣтельству Гильденштедта, разводить виноградъ и въ новомъ своемъ отечествѣ. Быть-можетъ, что для распространенія въ Россіи, какъ этой вѣтри промышленности, такъ и садоводства вообще, тогда же были устроены казенные разсадники, изъ которыхъ еще Гильденштедтъ встаетъ въ 1774 году одинъ въ городѣ Крюковѣ, другой по близости этого города, а третій подлѣ Елизаветинской крѣпости. Царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны замѣчательно при обзорѣ винодѣлія еще и потому, что при ней, именно въ 1756 году, напечатана первая на русскомъ языкѣ статья о разведеніи винограда. Она была помѣщена въ іюльской книжкѣ издававшегося тогда отъ императорской академіи наукъ журнала: «Ежемесячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащихъ». Помѣщенная въ немъ статья о винодѣліи вполнѣ доказываетъ, какъ виноградарство было тогда для насъ ново. Въ послѣдній годъ своей жизни, Императрица Елисавета издала два постановленія, важныя для развитія винодѣлія въ Россіи: одно изъ нихъ имѣло цѣлью размноженіе виноградныхъ садовъ въ Кіевѣ*, другое клонилось къ поддержанію винодѣлія на Терекѣ. Послѣднимъ постановленіемъ Императрица разрѣшила вольную продажу винограднаго вина, выдѣланнаго въ своихъ садахъ войсками: терскимъ, севейнымъ и гребенскимъ.

Съ возшествія на престолъ Императрицы Екатерины - Второй заботы правительства о развитіи винодѣлія успѣли. Началось истребленіе къ распространенію виноградныхъ садовъ и винодѣлія въ кievской губерніи. Сенатскій указъ 30 мая 1763 года** доказываетъ, что еще до 1762 года при кievскихъ виноградныхъ садахъ были опредѣлены царскіе подданные, Сербы Петръ и Степанъ Войновичи, для выдѣланія вина изъ тамошняго винограда. Эти Войновичи гнали, преимущественно, крѣпкую, посредственной доброты, вейшовую водку. Императрица, желая поощрить иль, приказала представить себѣ водочныя пробы и увеличила содержаніе

* Полн. Собр. Зак. I собр. № 11529.

** Полн. Собр. зак. I собр. № 11857.

интересны были земля въ некоторыхъ разѣ. Въ то же время, 1766-ской губернской администраціи предписано стараться, чтобы виноградъ и фрукты казенныхъ садовъ, оставшіеся въ отращиваніи ко двору Ея Императорскаго Величества, были употреблены на выдѣлку хорошей вина, на продажѣ въ близку казны, о чемъ и должно ежегодно для доклада Императрицѣ. Въ это же время Правительство, приглашеніемъ въ Россію иностранныхъ посольствъ, имѣло между прочимъ въ виду и разведеніе виноградныхъ садовъ, какъ это видно изъ приписки, дарованныхъ 19 марта 1764 года за разведеніе виноградныхъ садовъ въ новороссійскомъ краѣ.

Въ томъ же году, астраханскіе виноградныя сады отданы въ вѣдомство тамошняго губернатора. Принимая въ русское подданство какъ Грековъ, такъ и римско-католическихъ христіанъ и Армянъ, обитавшихъ въ Крыму и водворяя ихъ въ тогдашней язовской губерніи и близъ Екатеринослава, Екатерина Великая даровала имъ, въ 1779 году, между прочимъ, право разводить фруктовые сады и по разведеніи ихъ всякія виноградныя вина продавать въ своихъ селеніяхъ малыми мѣрами, а во внутренніе города Россіи возить или отпускать ихъ бочками. Здѣсь кстати привесть извѣстія академиконъ Гильденштедта, Гмеллина и Палласа, которые, путешествуя по Россіи съ 1768 по 1775 годъ, между прочимъ обращали вниманіе и на мѣру развитія у насъ виноделия: Гильденштедтъ, въ описаніи своего путешествія упоминаетъ о разведеніи винограда въ слѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Полтавской губерніи*: въ Константиноградѣ, называвшемся прежде Блѣвскою церковью; здѣсь онъ засталъ только нѣсколько сотъ кустовъ; близъ Полтавы, при монастырѣ; при городѣ Хоролѣ, гдѣ жители выдѣлывали даже вино; въ селеніи Холупцѣ, при рѣкѣ Хоролѣ, недалеко отъ Миргорода.

б) *Херсонской губерніи*, въ городѣ Крюковѣ и въ 3 вер. отъ него находились казенныя виноградники, въ которыхъ было по 10-0 кустовъ; виноградъ преимуще ственно продавался плодами; въ Землекѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Синюхи, текущей въ Бугъ, находился лучшій изъ виноградныхъ садовъ въ Новой Сербіи, разведенный въ 1773 и 1774 годахъ капитаномъ Карачуномъ; въ Ново-Миргородѣ при домахъ много было фруктовыхъ садовъ, въ которыхъ разводился и виноградъ; до прибытія Гильденштедта въ этотъ городъ лозы еще ни разу не пострадали отъ мороза; и-

но не делалось только для собственного употребленія; въ Цыбульнѣ, слободѣ при вершинѣ Ингульца; въ Вершакѣ, между Крошкучомъ и Чигриннымъ; въ Елисаветградѣ былъ казенный виноградникъ.

б) На Дону: близъ ростовской крѣпости, въ предмѣстїи, называемомъ Солдатскою слободою и вообще по этой рѣкѣ отъ Цымлииска до Черкаска. Гмелинъ прибавляетъ къ этому, что разводный на Дону виноградъ привезенъ туда моремъ изъ Греціи. Девехинъ уже въ 1769 году, какъ видно изъ его записокъ, видѣлъ въ Царицынѣ виноградъ, который, по его словамъ, хотя разводился и не съ худымъ успѣхомъ, но не могъ давать долго сохраняемого вина. Фалькъ также видѣлъ въ окрестностяхъ Царицына виноградныя лозы, а Георгіи говоритъ, что въ Царицынѣ бригадиръ Циглетовъ выдѣлывалъ хорошее вино. Палласъ, въ 1775 году, въ одной изъ саратовскихъ колоній въ Верхней Кудалнѣ, называемой также Галкою или Голштейнской колоніей, въ числѣ жителей которой находились многіе изъ прежнихъ обитателей береговъ Рейна, нашелъ въ двухъ садахъ уже до 3000 плодородныхъ виноградныхъ кустовъ. Эти виноградники были разведены колонистомъ Пейлерсомъ, менцингенскимъ уроженцомъ, который уже въ 1772 году получалъ съ нихъ около 200 пудовъ агодъ, но виду и вкусу хотя и не равнявшихся астраханскимъ, но дѣлать несравненно лучшее вино, потому что виноградъ процарсталъ на землѣ не поливной.

Академики, кромѣ указаній на мѣста, гдѣ они нашли виноградъ, часто замѣчали, гдѣ, по ихъ мнѣнію, можно было бы съ пользою заняться разведеніемъ его. Такъ, напримѣръ Палласъ, говоря о холмистыхъ берегахъ рѣки Самары, текущей въ Волгу, которые онъ видѣлъ въ апрѣлѣ 1769 года, замѣчаетъ, что нельзя бы въ Россіи найти болѣе удобнаго мѣста для опытовъ по части винодѣлія. Кромѣ того онъ обращаетъ вниманіе на холмы, основаніе которыхъ орошается водами рѣки Усы. Гильденштедтъ почитаетъ весьма удобнымъ для винодѣлія мѣста при рѣкѣ Саибекѣ, которая къ востоку отъ Таганрога течетъ въ Азовское Море, равно и при рѣкѣ Миусѣ, гдѣ ему показались достойными особеннаго вниманія покатоги, лежащія на холмахъ. Онъ же, сожалѣя о томъ, что при устьѣ рѣки Дона не занимаются винодѣліемъ и шелководствомъ, замѣчаетъ, что около Азова, на покатогахъ, обращенныхъ къ сѣверу, не предвидится удобства къ разведенію винограда. Палласъ, въ позднѣйшемъ своемъ путешествіи, находитъ, что мѣста, лежащія около Таган-

рога, не выгодны для винодѣлія по причинѣ холодныхъ морскихъ вѣтровъ, не дозволяющихъ созрѣвать винограду. Замѣчанія путешественниковъ принесли много пользы винодѣлію, особенно потому-что правительство, съ этого времени, обратило еще большее вниманіе на его развитіе. — Такимъ образомъ, въ 1781 году, дано дозволеніе всѣмъ выдѣлывать виноградное вино.

Завоеваніе Тавриды въ 1783 году распространило кругъ русскаго виноградарства и винодѣлія. Оно дало способы къ добычѣ такихъ випъ, которыя, будучи надлежащимъ образомъ выдѣлываемы, по своей добротѣ и прочности, конечно, не уступятъ весьма многимъ иноземнымъ, покупаемымъ дорогою цѣною. Въ 1785 году Потемкинъ-Таврической выписалъ для Крыма болѣе 20,000 токайской лозы и четырехъ виноградчиковъ.

Но первые опыты разведенія выписанныхъ лозъ не были успешны, потому-что мѣста, избранныя для ихъ насажденія, именно Фундуклы и Ст. Крымъ, дежали на сѣверъ отъ цѣпи горъ, пролегающихъ къ полуострову. По словамъ Палласа токайскія лозы принялись и дали хорошіе плоды только тогда, когда были имъ пересажены въ Судакъ, то-есть на полуденную сторону горъ. Впрочемъ, академикъ Кенпепъ, основываясь на свидѣльствѣ Библиазаря, привезшаго токайскія лозы изъ Венгріи, говоритъ, что 5,000 этихъ лозъ посажены въ Судакъ прежде Палласа, тотчасъ по доставленіи ихъ въ Крымъ изъ-за границы. Какъ-бы то ни было, виноградныя насажденія въ Судакъ принесли огромную пользу винодѣлію, — и этимъ обязаны мы Потемкину. Этотъ великій человекъ, радѣя о славѣ Екатерины и пользахъ Россіи, находилъ время и на государственныя дѣла и на мелочныя хозяйственныя распоряженія. Такъ напримѣръ для судакскихъ виноградчиковъ онъ самъ выписалъ изъ чужихъ краевъ известнаго виноградаря и винодѣла Банка. — Этотъ Банкъ впоследствии построилъ водочный заводъ. Впрочемъ и прежде Потемкина у насъ обращали вниманіе на Токай. Такъ напримѣръ графъ П. И. Шуваловъ развелъ токайскія лозы въ Астрахани*, Палласъ нашелъ въ погребу при Бекетовскихъ садахъ, которыя разведены близъ Астрахани послѣ 1764 года, вино, выдѣланное уже въ 1772 году изъ венгерскаго винограда тамошней посадки, а надворный совѣтникъ Дерингъ уже въ 1781 году писалъ изъ Θεодосіи къ аббату Пейцелю въ Краковъ, что крымскія вина сходствуютъ съ токайскими. Это, впрочемъ, могло быть и не отъ

того, что виноградныя лозы въ Крымъ выписаны изъ Токая. Известно, что въ Тааврадѣ иѣкогда жило много Грековъ, итѣннихъ заѣвъ свое винодѣліе. Известно также, что токайскія лозы доставлены въ Токай изъ Греціи въ 280 году по Рождествѣ Христовѣ. Стало быть и крымскія и токайскія лозы могли быть изъ одного отечества.

На Кавказѣ къ распространенію въ это же время винодѣлія не мало способствовалъ манифестъ 14 іюля 1785 года, которыми даны значительныя льготы для желающихъ тамъ поселиться.

Въ Астрахани, со смертью Серба Поробича, въ 1785 году, казенныя виноградники пришли въ расстройство, а потому предложены были въ пользу города, съ тѣмъ, чтобы онъ доставлялъ во двору нужные плоды. Крестьянамъ, причисленнымъ къ казеннымъ садамъ и виноградникамъ, дозволено было записываться въ иѣщане и, по своему усмотрѣнію, избирать любой родъ жизни. Но городъ черезъ два года представилъ, что затрудняется въ обработкѣ отданныхъ ему садовъ и виноградниковъ. По этому и потому, что виноградники стали приходить въ упадокъ, ихъ велѣно продать. Такимъ-образомъ сады, о разведеніи которыхъ казна заботилась въ продолженіе цѣлыхъ 15 лѣтъ*, были проданы съ публичнаго торгу. Осталось за казною, кажется, три сада, которые въ послѣдствіи времени, безъ сомнѣнія также поступили въ частныя руки. Въ это же время, противъ астраханскихъ казенныхъ садовъ, были проданы сады въ Красномъ-Яру вблизи Кизляра на Терекѣ; всего за нихъ выручено до 28,200 р. Хотя эти сады доставляли во двору только небольшое количество плодовъ, которое можно было купить рублей за 1,000, но по свидѣтельству доклада экспедиціи государственнаго хозяйства Императору Павлу I, 13 февраля 1798 года, они принесли значительную пользу тѣмъ, что содѣйствіемъ ихъ въ Астрахани разведено болѣе 350 фруктовыхъ и преимущественно виноградныхъ садовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это число возрасло бы еще болѣе, когда бы привилегіи, данныя садовой конторѣ, не послужили къ стѣсненію промышленности частныхъ садоводовъ, которымъ дозволено продавать произведенія свои только оптомъ.

Въ числѣ астраханскихъ винодѣльцовъ отличался въ особенности знаменитый губернаторъ Бекетовъ, призванный къ себѣ изъ Германіи искуснаго винодѣла Фроейна. Онъ развелъ, въ осыни вер-

стали отъ Астрахани, къ селу Чернахи, обширный садъ употребить прекрасный каменистый подвалъ для хранения вина Саба и виноградники сужающихся и теперь въ цвѣтущемъ видѣ.

Въ концѣ царствованія Екатерины II, Палласъ, во второе свое путешествіе по Южной Россіи, въ 1795 году, нашелъ уездъ Сарептѣ виноградныя сады, которыхъ ни Писемнъ, въ 1760 году ни она сама, въ 1773 году, прежде тамъ не видали.

Отъ Волги и Терека винодѣліе распространилось и къ берегамъ рѣкъ Кумы, гдѣ, при основанныхъ тамъ въ 1786 году и нѣсколько оледѣлахъ — Молодшировскіи и Бургонь-Маджарскіи вѣдѣть съ зародившихся хозяйствъ, стали посажать и виноградъ Названіемъ Бургонь-Маджаръ это селеніе обязано тому, что сюда вывезено здѣсь вино было принято за столомъ Екатерины Второю за бургонское.

Такъ то виноградарство и винодѣліе мало-по-малу разрослось въ царствованіе Екатерины. Частію оно распространилось и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ разведенію не соотвѣтствовали и климатическія условія. По смѣлительству Паллаза, въ 1793 и 1794 годахъ, виноградныя лозы разводились даже въ Батуринѣ и Глухой черниговской губерніи.

Въ царствованіе Императора Павла, тоже были приняты мѣры, какъ для разведенія и улучшения винодѣлія и виноградарства вообще, такъ и въ частности для нѣкоторыхъ мѣстъ; а что главное, при немъ явилась мысль о ввѣдѣніи учебныхъ заведеній. Въ 1797 году, экспедиція государственнаго хозяйства, докладывая Императору о положеніи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, между прочимъ полагала необходимымъ, для развитія виноградарства и винодѣлія, учрежденію трехъ училищъ: на Терекѣ, на Дону и въ Крыму. Ни одно изъ этихъ училищъ, однако же, не было открыто въ царствованіе Павла. Принявъ докладъ экспедиціи, Государь приказалъ ей изыскать средства къ размноженію виноградныхъ садовъ въ астраханской губерніи. Но экспедиція, вѣдѣвъ много неудобствъ для разведенія виноградниковъ въ Астрахани, въ докладѣ своемъ, Высочайше утвержденномъ 13 февраля 1798 года, предпочла обратить, въ отношеніи винодѣлія, особенное вниманіе на мѣста близъ Кизляра и Моздокъ, лежащихъ по Тереку. Она справедливо представила Императору, что эти мѣста, по своему благотворенному климату и свойствамъ грунта, несравненно болѣе способны къ виноградарству, нежели Астрахань и ея окрестности; притомъ по Тереку уже видна

выходились весьма обширныя виноградныя насажденія, такъ что надобно было преимущественно позаботиться о лучшихъ способахъ выдѣлки и храненія вина. Даже и самая выдѣлка мѣста-ни была удовлетворительна. Красныя столовыя вина иногда подходили на французскія, и могли сохраняться по нѣскольку лѣтъ безъ порчи. Маршалъ Биберштейнъ, бывший въ послѣдствіи главнымъ инспекторомъ шелководства, нашелъ, въ 1798 году, по Тереку и въ Кизлярѣ огромныя виноградники, которые занимали до 2,000 десятинъ земли и въ которыхъ выдѣлывалось до 700,000 ведеръ вина. По этому-то экспедиція государственнаго хозяйства и обратила наибольшее вниманіе на кавказскія земли. Въ трудахъ экспедиціи участвовалъ ученый членъ ея Габлицъ, хорошо знавшій волуденную Россію и гатчинскаго винограднаго сада смотритель Банкъ. Первый изъ нихъ издалъ тогда: «Начертаніе о мѣстѣ россійскихъ виноградныхъ насажденійхъ, съ показаніемъ существовавшихъ недостатковъ и средствъ къ ихъ исправленію». Докладъ экспедиціи, надобно отдать ему справедливость, былъ въ свое время чрезвычайно важенъ для развитія винодѣлія, а потому остался не менѣе важнымъ документомъ для исторіи нашего винодѣлія въ концѣ минувашаго вѣка. Въ этомъ докладѣ высказано много идей, которыя впоследствии, въ примѣненіи, привели винодѣлію существенную пользу. Экспедиція не безъ основанія полагала, что главною причиною худаго качества вина, выдѣлываемаго при Терекѣ,—было смѣшеніе сортовъ винограда разновременной созрѣвательности; такъ-что во время давки вина, зеленый виноградъ выжимался вмѣстѣ со спѣлымъ и перезрѣлымъ, иногда уже гниющимъ. Кромѣ-того, по мнѣнію экспедиціи, на недоброкачественность вина и его малоцѣнность имѣло большое вліаніе и то, что трудно было добыть хорошія, недержавшія бочки, такъ-что за пустую бочку, и то такую, въ которой уже сохранялось или хлѣбное вино, или пиво или медъ, виноградари должны были наполнять своимъ виномъ другую бочку такой же величины. Сверхъ-того, по неимѣнію погребовъ и, стало быть, по трудности сохранять вино, оно по необходимости должно было продаваться дешево; и дѣйствительно, въ прежнія времена оно продалось по 10 и по 20 копеекъ за ведро,—и только съ 1798 года цѣна на ведро возвысилась до 40 и 60 копѣекъ, что однако же вовсе не соответствовало ни трудамъ, ни издержкамъ, необходимо сопряженнымъ съ содержаніемъ виноградныхъ садовъ. Такое положеніе дѣла, конечно, не могло обѣщать успѣховъ въ

развитіи винодѣлія. Экспедиція, желая пособить этому, предвѣдѣла переселить къ Тереку до 1,000 душъ крестьянъ, которымъ подъ надзоромъ искусныхъ мастеровъ, должны были научить хожденію за виноградомъ, дѣланію лучшихъ винъ и сбереженію ихъ. Сады, ими разведенные, экспедиція, для соблюденія казеннаго и частнаго интереса, намѣревалась предоставить въ ихъ собственную пользу, со взносомъ въ казну опредѣленного количества вина. Смотритель Банкъ предполагалъ ежегодно сажать 100,000 лозъ, отъ которыхъ въ 10 лѣтъ число кустовъ возрастетъ бы до 1,000,000. По его словамъ, первыя 100,000 лозъ на четвертомъ году должны были дать 10,000 ведеръ вина, а потомъ по мѣрѣ возраста, болѣе; такъ что миллионъ кустовъ чрезъ десять лѣтъ приносилъ бы 100,000 ведеръ вина, которые, по пяти ведеръ по 1 рублю, дали бы 100,000 рублей дохода. На садовые работы достаточно было бы переселенныхъ 1,000 человекъ, изъ которыхъ одна половина занималась бы казенною, а другая собственною своею домашнею работою; на отведенныхъ для этого пашняхъ, лугахъ и другихъ угодьяхъ.

Наконецъ одна изъ важнѣйшихъ заслугъ экспедиціи и одна изъ замѣчательнѣйшихъ статей доклада была впервые высказанная въ немъ мысль о распространеніи винодѣлія посредствомъ казенныхъ училищъ. Эти училища, какъ мы уже замѣтили, предполагалось устроить на Терекѣ, на Дову и въ Крыму, чтобы на опытѣ показать, какимъ образомъ въ этихъ мѣстахъ должно обходиться съ виноградными лозами и съ самымъ виноградомъ. При каждомъ такомъ училищѣ экспедиція хотѣла опредѣлить виноградаря, кунора, бочара и 20 рабочихъ. Первыхъ думали взять изъ саратовскихъ колоній, или выписать изъ чужихъ краевъ, а послѣднихъ изъ казенныхъ крестьянъ, которые предъ тѣмъ были приписаны къ астраханской садовой конторѣ; сверхъ того предположено дозволить и частнымъ людямъ поступать въ эти училища. Лозы хотѣли выписать изъ разныхъ мѣстъ Европы и Азии, на томъ основаніи, что посаженные съ недавнихъ временъ на кавказской линіи—*тифлисскія*, а въ Крыму—*цареградскія* лозы, тогда уже давали вино *преизящнаго качества*.— Экспедиція полагала разводить на кавказской линіи преимущественно бургонскій виноградъ; въ Крыму шампанскій, рейскій и мозельскій; на южномъ берегу Крыма, по сходству его климата съ климатомъ итальянскимъ, — лучшія французскія и итальянскія лозы, могущія служить для дѣланія ликерныхъ винъ. Въ то-же время экспедиція находила полезнымъ устроить въ Крыму казенныя и

вокури для дѣланія французской водки, чтобы такимъ образомъ выдѣлать виноградныхъ садовъ доставить случай продавать и самыя выжимки. На Дону устройство казенныхъ выкуренъ вчиталось не нужнымъ, потому что тамъ винодѣлы получали порядочный доходъ отъ одного вина, котораго ведро, въ 1798 году, продавалось свыше 10 р., съ-тѣхъ-поръ, какъ стали употреблять его во окрестныхъ губерніяхъ и въ столицахъ; въ Кизлярѣ же существовали уже многіе частныя водочныя заводы. — Предположенія экспедиціи государственнаго хозяйства, съ большими или меньшими измѣненіями, были приведены въ исполненіе уже въ два послѣдующія царствованія.

Къ этому же времени, то-есть, къ 1798 году, относится первое посаженіе винограда близъ Одессы. Около Херсона и вообще при Ингуль, Ингульцѣ и Днѣпрѣ, казаки, по свидѣтельству В. Фрибе, уже до 1791 года выдѣлывали вино, хотя впрочемъ и не отличной доброты. Наконецъ, Императоръ Павелъ I, въ 1799 году, принявъ мѣры для поощренія дербентскихъ Армянъ, григоріовольскихъ и города Старога Крыма къ размноженію винодѣлія въ ихъ селеніяхъ. Значитъ, въ кратковременное царствованіе Павла, сдѣлано или предположено сдѣлать для винодѣлія болѣе, нежели во все предшествовавшія ему царствованія.

Въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра I, правительство обратило вниманіе на развитіе винодѣлія въ Россіи. Издавая, 16 мая 1801 года, инструкцію для внутренняго распорядка и управленія новороссійскихъ колоній, оно имѣло уже въ виду учрежденіе общественныхъ виноградныхъ садовъ, какъ видно изъ примѣчанія къ 81 параграфу инструкціи. Вслѣдъ за тѣмъ въ изданномъ 7 іюля 1803 года дополненіи къ инструкціи внутренняго распорядка и управленія новороссійскихъ иностранныхъ колоній, правительство обратило особое вниманіе на размноженіе винограда, который, по сдѣланнымъ дотолѣ опытамъ, какъ мы видѣли, могъ въ нихъ произростать съ успѣхомъ. Тогда же каждому хозяину было роздано, черезъ контору, отъ 5 до 10 лозъ, съ тѣмъ, чтобы колонисты исподоволь привыкали къ разведенію ихъ. Но такъ-какъ многіе хозяева, нерасположенные къ нововведеніямъ, данныя имъ лозы не только не сберегали, но даже нарочно повреждали и выбрасывали, то правительство пожелало развести вмѣсто погибшихъ лозъ новыя на счетъ виновныхъ, а впредь за подобныя злонамѣренныя поступки подвергать виновныхъ тѣлесному наказанію.

Еще большее вниманіе обращено было на другія мѣста южной Рос-

сн. Въ концѣ 1802 года, коммерціи совѣтникъ Рувьѣ (Rouvier) сдѣлалъ правительству весьма замѣчательное предложеніе: населить купленную имъ въ Крыму долину Текіе французскими виноградари-ми, которые, по примѣру жителей Марсели, могли бы заниматься и рыбными ловлями, и винодѣліемъ, и разведеніемъ оливковыхъ деревь, которыхъ насажденіе въ Провансѣ всегда соединено съ посадженіемъ виноградныхъ лозъ. Эта мысль не была однако жъ приведена въ исполненіе по разнымъ причинамъ. Независѣвшимъ отъ Рувьѣ, который впоследствии принесъ большую пользу русскому винодѣлію. Шестнадцатаго декабря 1802 года, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи двухъ виноградныхъ училищъ на кавказской линіи и въ Тавридѣ, съ цѣлью образовать для Россіи хорошихъ виноградарей, бочарей и винодѣловъ; выдѣлка же виноградныхъ водокъ предоставлена на произволъ частныхъ винокуровъ. — Такимъ образомъ приняты мѣры, исполненіе которыхъ дѣлалось болѣе и болѣе необходимымъ и которыми были предла-гаемы еще Фрибе, Радингомъ и экспедиціею государственнаго хозяйства въ 1798 году.

Устройство *крымскаго* училища и временное имъ управленіе поручено было академику Палласу. Подъ училище избрано мѣсто въ судакской долинѣ; причислено къ нему 55 десятинъ земли, на которыхъ находились запущенные сады и дано на первоначальное обзаведеніе одновременно 15.000 рублей. На выписку лучшихъ лозъ и моделей лучшихъ пресовъ отпу-щено изъ казны до 4,000 руб. Въ исходѣ 1803 года Рувьѣ, по порученію правительства, вызвалъ для училища изъ Франціи двухъ виноградарей, maître vigneron, и одного купора, заключивъ съ ними контрактъ, по которому каждому изъ первыхъ назначено по 700 ливровъ ежегоднаго жалованья, а послѣднему, который былъ и бочаръ, по 1,000 ливровъ.

Училище открыто въ 1804 году и причислено въ вѣдѣніе мѣстнаго гражданскаго губернатора. Въ томъ же году Высочайше утверждены правила приѣма учениковъ въ крымское училище. На ежегодное содержаніе ассигновано по 5,000 рублей. Казенныхъ воспитанниковъ положено содержать отъ 10 до 15 изъ военно-сиротскихъ отдѣленій и работниковъ до 20 изъ рекрутъ довороссійскаго края, съ тѣмъ, чтобы они оставались при училищѣ положенное для военной службы число лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дозволено принимать въ ученики людей всякаго званія, и между прочимъ изъ воспитательныхъ домовъ; причемъ послѣ-

нимъ предоставлено, по достиженіи 21 лѣтнаго возраста, оставлять училище съ денежнымъ награжденіемъ и избирать по желанію родъ жизни или оставаться при училищѣ; въ послѣднемъ случаѣ по выслугѣ 10 лѣтъ въ званіи мастеровъ, имъ велѣно отводить въ собственность участки виноградныхъ плантацій. Въ послѣдствіи, когда Палласъ перемѣнилъ мѣсто жительства, то училище сперва оставалось безъ надзора, а потомъ 9 іюня 1809 года Высочайше вѣрено таврическому гражданскому губернатору въ непосредственное его вѣдѣніе.

Кавказское училище было открыто только въ 1807 году въ 4 верстахъ отъ Кизляра и главное завѣдываніе имъ поручено извѣстному маршалу Биберштейну, тогда главному инспектору шелководства.— Подъ начальствомъ его завѣдывали училищемъ смотритель, а работали три виноградаря, выписанные съ береговъ Рейна по контракту на 10 лѣтъ, съ жалованьемъ по 400 р. ежегодно, и съ полученіемъ путевыхъ денегъ взадъ и впередъ. На постройки отпущено 4,000 р.; на прочіе расходы 4,370 р.; учениковъ опредѣлено первоначально только 4, изъ мѣщанъ или государственныхъ крестьянъ: въ 1811 году дозволено это число удвоить и велѣно принимать преимущественно изъ жителей тѣхъ мѣстъ, гдѣ произрастаетъ виноградъ. Люди, поступившіе въ садовые ученики, зачтались за рекрутъ и обязаны были служить при училищѣ 15 лѣтъ, а потомъ пользовались правомъ или оставить училище или обработывать въ свою пользу участки заводимыхъ при школѣ фруктовыхъ плантацій. Въ 1809 году въ училищномъ саду между прочимъ разсажено 23,000 виноградныхъ лозъ съ Рейна, изъ Корфу, Завте и Венгріи; а въ 1811 году сдѣланъ первый опытъ выдѣлки вина. вмѣстѣ съ устройствомъ училищъ приняты мѣры и къ распространенію въ этихъ краяхъ винодѣлія.

Въ исходѣ 1804 года Рувье, возвращаясь въ Россію изъ Испаніи, привезъ съ собою малагскія лозы и двухъ малагскихъ виноградарей съ ихъ семействами; одному изъ нихъ по контракту предоставлено было въ годъ по 300, а другому по 200 піастровъ жалованья и сверхъ того опредѣленную провизію. Оказалось, что малагскія лозы требуютъ теплѣйшаго климата, нежели въ Судаки, почему при крымскомъ училищѣ и нельзя ихъ разводить съ успѣхомъ, но какъ устройство новаго казеннаго виноградника въ болѣе благоприятномъ мѣстѣ потребовало бы значительныхъ издержекъ, то Высочайше утвержденнымъ 4 февраля 1805 года докладомъ министра внутреннихъ дѣлъ заключены условія съ Рувье, согласно его желанію, объ устройствѣ на

южномъ берегу Крыма частнаго винограднаго заведенія. Рувье получилъ отъ казны въ ссуду 12,000 рублей на 13 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы онъ на купленной имъ тамъ землѣ засадилъ въ теченіе 10 лѣтъ 20 десятинъ лучшими родами винограда и довелъ винодѣліе до возможнаго совершенства. Платежъ же выданной ему суммы и причитающихся на нее процентовъ дозволено произвести въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ. Казна сверхъ того отдала Рувье 20 десятинъ лѣсу, негоднаго для хозяйственныхъ построекъ и предоставила въ его распоряженіе привезенные имъ на казенный счетъ малагскія, мадерскія и италіянскія лозы. Рувье, съ своей стороны, принялъ на свой счетъ выполненіе контрактовъ, заключенныхъ имъ съ малагскими виноградарями, обязался содержать виноградное заведеніе въ наилучшемъ порядкѣ, выписывать лучшія иностранныя лозы, продавать ежегодно желающимъ до 20,000 лозъ за самыя выгодныя цѣны и обучать бесплатно виноградарству и винодѣлію всѣхъ отдаваемыхъ ему для этого шестнадцати-лѣтнихъ мальчиковъ съ тѣмъ, чтобы они оставались у него до двадцатидвухъ-лѣтняго возраста. Заведеніе было устроено въ Ласпи, и Рувье добросовѣстно и акуратно выполнялъ все, что обѣщалъ, выплативъ казнѣ взятую имъ заимообразно сумму. Училище и заведеніе Рувье принесли огромную пользу крымскому винодѣлію.

Забываясь о развитіи винодѣлія въ Крыму, правительство не забывало и другихъ мѣстностей государства, годныхъ для виноградарства. Въ 1804 году, у дербентскихъ Армявъ, переселившихся на Терекъ, въ кизлярскій уѣздъ, между 1795 и 1797 годами, весенніе разливы разрушили 109 домовъ и испортили 97 виноградныхъ садовъ, разведенныхъ на 442 десятинахъ. Это несчастіе могло бы имѣть чрезвычайно вредное вліяніе для кавказскаго владѣнія, а потому, чтобы поправить зло, въ 1806 году ассигновано въ ссуду дербентскимъ Армянамъ 80,000 руб. Впрочемъ подобныя пособія правительства для пользы виноградарства бывали вѣрѣдко. Такъ напримѣръ въ 1811 году, тоже пострадали отъ разливовъ винодѣлы, живущіе по рѣкамъ Альгѣ, Катѣ и Вальбекѣ. Правительство, несмотря на такое тяжелое для Россіи время, каковъ былъ 1812 годъ, выдало пострадавшимъ 160,000 рублей, въ ссуду безъ процентовъ, на 8 лѣтъ. Въ новороссійскомъ краѣ, въ 1816 году, разрѣшена свободная продажа виноградныхъ винъ какъ оптомъ такъ и мелочными мѣрами; водку дозволено садохозяевамъ также выдѣлывать и продавать безпошлинно, но не иначе, какъ въ руки потребителей; въ случаѣ же сбыта для

распродажи, они подвергались акцизу. Это однако жъ не касалось крымскихъ садоводовъ, которые при продажѣ водокъ платили акцизу по 1 р. съ ведра. Скоро однако же и въ новороссійскомъ крайѣ, именно въ 1808 году, запрещено садоводамъ продавать вино не изъ собственнаго винограда.

Въ это же время обращено вниманіе на улучшеніе винодѣлія и въ Закавказьѣ. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ въ 1807 и 1808 годахъ поручалъ Венгерцу Мартину производить опыты винодѣлія изъ тамошняго винограда. По словамъ Клапрота, этому Мартину, позднѣе, при старательнѣйшемъ разведеніи лозъ и осторожной давкѣ винограда, удалось выдѣлать нѣсколько сортовъ вина, не уступавшихъ по добротѣ венгерскому. Но винодѣль утонулъ въ Курѣ и закавказское винодѣліе осталось на прежней ступени. Въ 1811 году, по представленію герцога де-Ришліе, учреждёнъ на южномъ берегу Крыма винноводный казенный садъ, возмѣнявшій главное основаніе крымскому садоводству, а для русскаго винодѣлія вообще оказавшій весьма важную услугу тѣмъ, что изъ него начало распространяться маломалю умѣнье приготовленія земли подъ виноградки; начальное устройство сада произведено первымъ его директоромъ, статскимъ совѣтникомъ Словенемъ. На содержаніе Никитскаго сада назначено было отпускать по 10,000 рублей ассигнаціями въ годъ. — Этотъ садъ въ 1820 году наименованъ Императорскимъ.

Тоже около 1810 и 1811 годовъ начальство донскаго войска стало принимать мѣры для усовершенствованія своего винодѣлія. Въ старшинство знаменитаго Платова былъ сдѣланъ опытъ — и довольно удачный — приготовленія вина по правиламъ европейскаго винодѣлія. Именно въ 1811 году выписаны купоръ, бочаръ и виноградарь изъ Нассау, совершенно знающіе свое дѣло, которымъ поручено усовершенствованіе донскаго винодѣлія. Эти люди до 1819 года приготовили по правиламъ, принятымъ въ Европѣ, 2,047 ведеръ бѣлаго и краснаго вина, довольно изряднаго вкуса. Многие были измѣнились къ лучшему; но какъ видно достоинствомъ не вполне соответствовало ожиданіямъ донскаго начальства оттого, что винодѣлы были выписаны съ Рейна, гдѣ способъ приготовленія винъ не могъ соответствовать донскому винограду, тѣ и искусство ихъ не имѣло никакого вліянія на дѣятельныхъ виноградарей. Винодѣлы возвратились въ Нассау. Тогда казакъ спохватился, что такъ какъ донскія вина имѣютъ большое сходство съ шампанскими и бургонскими, то надобно

выписать винодѣловъ изъ этихъ провинцій.... Дѣло уже завязалось, но не сошлись въ условіяхъ *.

Развитію русскаго винодѣлія въ началѣ и половинѣ царствованія Императора Александра не мало способствовала и континентальная система, когда иностранныя вина по необходимости должны были замѣняться отечественными. За то, какъ-только обстоятельства въ 1814 году измѣнились, иностранцы пустили въ Россію огромные запасы и хорошихъ и худыхъ винъ, накопившихся у нихъ въ теченіе шести лѣтъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, не могло не имѣть вліянія на сбытъ русскіхъ винъ. Это вліяніе имѣло отчасти и хорошую сторону: стали болѣе обращать вниманія на улучшеніе какъ виноградарства, такъ и винодѣлія.

1819 годъ замѣчательнъ въ исторіи нашего винодѣлія предиканіемъ министра внутреннихъ дѣлъ инспекторамъ надъ шелководствомъ, чтобы они съ 1820 года представляли вѣдомости и о виноградныхъ садахъ, съ показаніемъ каждагодно урожая и количества какъ выдѣланнаго винограднаго вина, такъ и выкуреной водки. Вѣдомости эти стали представляться съ 1822 года. О значеніи ихъ мы еще будемъ имѣть случай говорить впоследствии.—Съ 1819 же года, въ нѣкоторыхъ колоніяхъ херсонской губерніи на сѣверъ отъ Одессы, колонисты стали разводить у себя виноградъ, однако жъ безъ успѣха; на полдень отъ этого города они имѣли гораздо болѣе успѣха.

Немалую пользу принесли виноградарству казенныя училища садоводства, устроенныя въ 1820 году въ Пензѣ и Полтавѣ для средней Россіи.

Наконецъ, къ числу мѣръ правительства для развитія винодѣлія, относится указъ Императора Александра-Перваго, данный въ 1823 году, о возвышеніи пошлинъ на всѣ тѣ иностранныя товары, которые могутъ быть выдѣлываемы въ предѣлахъ Россіи. Этимъ указомъ, между прочимъ возвышена пошлина и на иностранныя вина, какъ сказано: «для поощренія къ разведенію виноградныхъ садовъ въ южныхъ губерніяхъ Имперіи и выдѣлки изъ винограда и другихъ плодовъ разнаго рода напитковъ.»

Около 1822 года стали разводить виноградъ меншисты скатринославской губерніи, какъ на Молочныхъ Водахъ, такъ и въ своихъ хортицкихъ селеніяхъ, заимствуя лозы изъ Судака.

Последніе годы царствованія Императора Александра въ особенности были благоприятны для русскаго винодѣлія. Въ это время Его Величеству благоудно было назначить главнымъ начальникомъ въ южную Россію графа (нынѣ князя) М. С. Воронцова. Графъ Воронцовъ, купивъ на южномъ берегу имѣніе, въ Алухтѣ, самъ принялся за насажденіе лучшихъ лозъ въ большомъ размѣрѣ, по системѣ искуснѣйшихъ виноградарей.

Такой примѣръ не остался безъ подражателей и скоро на южномъ берегу явилось нѣсколько богатыхъ и образованныхъ владельцевъ - виноградарей, каковы княгиня А. С. Голыцина, генералъ Потье, К. А. Нарышкинъ, Демидовы, Графъ Олizarъ и другіе.

Все это и наконецъ опредѣленіе, въ 1824 году, смотрителемъ казеннаго училища барона К. А. Боде, дало винодѣлію такой успѣшный ходъ, что нельзя было и сомнѣваться не только въ благоприятныхъ, но даже въ блестящихъ результатахъ. Желаніе ускорить и упрочить эти результаты родило мысль объ учрежденіи «компаніи для усовершенствованія и продажи крымскихъ винъ.» При образованіи этой компаніи, удостоившейся 26 октября 1825 года Высочайшаго одобренія, 18 особъ изъявили взять на себя 50 акцій, каждую въ 1000 р. Учрежденіе компаніи не могло не имѣть благодѣтельнаго вліянія на успѣхи крымскаго винодѣлія; но мѣра этого вліянія выказалась позднеѣ, а потому къ этому предмету мы будемъ имѣть случай возвратиться еще разъ.

Для развитія бессарабскаго винодѣлія, въ началѣ 1825 года было поручено бессарабскому обер-форшгейстеру, дѣйствительному статскому совѣтнику графу Паравичнину устроить близъ Аксермана большой Императорскій садъ и нѣсколько казенныхъ виноградинокъ на песчаномъ мѣстѣ, гдѣ находились остатки 50 штукъ турецкихъ виноградинокъ. Графъ Паравичнинъ, позаботившись о сохраненіи уцѣлѣвшихъ послѣ разоренія лозъ, еще въ томъ же году приступилъ къ выдѣлѣ вина, и эта выдѣлка, по его словамъ, была весьма удачна.

Таковы были распоряженія по нашему виноградарству и винодѣлію до вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Павловича. Чтобы яснѣе

судить на сколько подвинулось винодѣліе въ последнее царствованіе, сдѣлаемъ краткій очеркъ состоянія его въ концѣ правленія Императора Александра. Мы, однако же, должны предупредить нашихъ читателей, что полнаго отчета о состояніи этой отрасли промышленности сообщить имъ не можемъ, по неимѣнію на то данныхъ. Выше сказано, что въ 1819 году повелѣнію инспекторамъ надъ шелководствомъ, чтобы они со слѣдующаго года представляли вѣдомости о виноградныхъ садахъ, съ показаніемъ каждагодно урожая и количества какъ выдѣланнаго винограднаго вина, такъ и выкуренной водки. Эти вѣдомости стали представляться съ 1822 года, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были свѣдѣнія и за прежніе года. Вотъ, стало-быть, матеріалъ, съ помощью котораго можно опредѣлить состояніе винодѣлія въ государствѣ послѣ 1822 года. Но какъ инспекторы шелководства были не во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производится виноградарство, поэтому и свѣдѣнія о состояніи винодѣлія по этому источнику не могутъ быть полны. Недостатокъ матеріаловъ для опредѣленія мѣры развитія виноградарства во всей виноградной полосѣ Россіи, чувствуется не только съ 1825 года, но и позднѣе, такъ-что для опредѣленія состоянія этой отрасли народной промышленности въ извѣстное время, приходится для полноты обзора брать цифры изъ смежнаго періода времени. Такъ мы сдѣлаемъ и теперь: гдѣ у насъ не будетъ доставать цифръ за 1825 годъ, мы возьмемъ цифры съ 1827 до 1830 года.—Это тѣмъ позволительнѣе, что развитіе промышленности въ этихъ годахъ могло быть прямымъ послѣдствіемъ мѣръ, взятыхъ правительствомъ 1824 года. Такимъ образомъ, мы представимъ нашимъ читателямъ болѣе или менѣе точныя и подробныя свѣдѣнія за послѣдніе годы царствованія Александра о винодѣліи: кавказской области (нынѣшней ставропольской губерніи) и губерній: астраханской, екатеринославской, таврической, херсонской, подольской и ливской; но не можемъ этого сдѣлать относительно Закавказья, Земли Войска Донскаго и Уральскаго и Бессарабской области.

1) *Кавказская область* (нынѣ ставропольская губернія). По вѣдомостямъ, представленнымъ инспекторами надъ шелководствомъ, здѣсь значилось вина съ дробью или чапрю (то-есть съ виноградною кожицею), употребляемаго на выдѣлку водки и шинн, давленнаго для питья, всего :

Въ 1820 году	1,488,197	ведеръ.
— 1821 —	455,794	—
— 1822 —	1,748,281	—
— 1824 —	1,584,786	—
— 1825 —	1,325,742	—

Поэтому въ области въ теченіе пяти лѣтъ выдѣлано 6,402,800 ведеръ, или среднимъ числомъ на каждый годъ по 1,280,560 ведеръ.

Если принять въ соображеніе, что жители обыкновенно скрываютъ часть урожая, показывая его не вполне, то можно безъ ошибки сказать, что въ кавказской области въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра, ежегодно среднимъ числомъ добывалось до полутора милліона ведеръ. Къ этому близко подходятъ и выставленныя нами цифры, если отнять показаніе за 1821 годъ; тогда онѣ дадутъ сумму въ 5,969,006 ведеръ, или по 1,492,251½ ведеръ ежегодно. Съ этимъ согласенъ и академикъ Кемпнеръ, писавшій о винодѣліи въ 1829 году.

2) *Таврическая губернія.* По тѣмъ же вѣдомостямъ значится выдѣланнаго вина:

Въ 1823 году	145,452	ведра.
— 1826 —	212,257	—

И здѣсь, принявъ въ соображеніе утайку, можно допустить, что среднее число ежегодной выдѣлки вина въ 1825 году простиралось до 250,000 ведеръ. Это предположеніе вѣскольکو подтверждается словами Сумарокова, путешествовавшего въ Крыму, который въ своихъ «Досугахъ» приводитъ, что въ таврической губерніи выдѣлывается ежегодно не менѣе 360,000 ведеръ вина.

3) *Въ Земль Войска Донскаго,* по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ П. С. Храповицкимъ, добывалось около этого времени до 150,000 ведеръ вина.

4) *Въ херсонской губерніи,* по вѣдомостямъ инспекторовъ надъ лесководствомъ, выдѣланнаго вина значится:

Въ 1820 году	16,679	ведеръ.
— 1821 —	17,082	—
— 1822 —	53,949	—
— 1823 —	70,822	—
— 1824 —	1,468	—
— 1826 —	69,444	—

Слѣдовательно въ 6 лѣтъ 229,444 ведра,

или среднее число по 38,230 $\frac{1}{2}$ ведра въ годъ. Но, чтобы это среднее число ближе выражало состояніе винодѣлія въ послѣдніе годы царствованія Александра, надобно не брать въ соображеніе 1824 года, а также 1820 и 1821 годовъ, какъ болѣе отдаленныхъ и имѣющихъ въ четверо меньшее производство противъ остальныхъ трехъ приведенныхъ чиселъ. По этому расчету получить среднюю годовую добычу въ 64,774 $\frac{1}{2}$ ведеръ; круглымъ числомъ до 65,000 ведеръ, а съ тѣмъ количествомъ, которое не дошло до свѣдѣній инспекторовъ, до 70,000 ведеръ. Это количество ежегодной выдѣлки вина въ то время тѣмъ вѣроятнѣе, что за 1827 годомъ показано производство слишкомъ въ 88,000 ведеръ, а за 1828 слишкомъ въ 84,000 ведра. Кеппелъ, взявъ среднее число девяти лѣтъ, отъ 1820 до 1829 года включительно, принимая въ соображеніе и 1824 годъ, получилъ не менѣе 55,000 ведеръ.

5) Въ Бессарабской Области, въ 1826 году, когда урожай винограда былъ вообще необилень, тутъ въ 278 садахъ собрано 44,797 ведеръ вина русской мѣры, или 35,838 тамошнихъ ведеръ. Въ казенномъ саду тогда же добыто 32,000 бутылокъ вина*, слѣдовательно добычу вина во всей Бессарабіи можно допустить, безъ погрѣшности, въ 50,000 ведеръ. Если судить по вывозу бессарабскаго вина во внутреннія губерніи Россіи, простиравшемуся на примѣръ въ 1824 году до 64,000 ведеръ, то выдѣлку его въ области должно предполагать несравненно болѣе 50,000 ведеръ въ годъ. Это предположеніе однако жъ можетъ быть ошибочно, потому что подъ видомъ бессарабскаго вина могло провозиться и иностранное вино.

6) Въ астраханской губерніи по официальнымъ свѣдѣніямъ выдѣлка вина:

* Русск. Изв. № 301, съ 1217 л. Ann. des Voyag. 1827 г. 128 ст.

Въ 1827 году 33,739 ведеръ.

— 1828 — 47,130 —

какъ что ежегодное производство вина въ послѣднее время царствованія Александра можно смѣло положить круглыми чѣисломъ до 40,000 ведеръ. Слѣдуетъ однако жъ замѣтить, что число садовъ въ Астрахани, въ тотъ періодъ времени, о которомъ мы говоримъ, уже значительно уменьшилось. Причиной этому были частью суровыя зимы, нѣсколько разъ истребленія лозы, частью пониженіе горизонта воды въ Волгѣ, затруднившее необходимую въ томъ край поливку, а всего болѣе за ослабленіе винодѣлія имѣла вліяніе дороговизна рабочихъ, которые предпочитали земляной работѣ другія занятія, легчайшія, и въ особенности рыболовство. Этотъ послѣдній промыселъ, какъ болѣе выгодный и вѣрный, отвлекалъ сверхъ-того почти весь капиталъ.

7) Въ *подольской губерніи*. По вѣдомостямъ здѣсь въ 1826 году выдѣлано вина только 250 ведеръ; но въ слѣдующемъ году показана выдѣлка въ 2,856 ведеръ; въ 1828 году—въ 2,463 ведра и въ 1829 году въ 2,800 ведеръ. Слѣдовательно, безъ ошибки можно допустить среднюю выдѣлку въ 1825 и 1826 годахъ въ 2,000 или въ 2,500 ведеръ. Сверхъ-того тогда значительная часть винограда подольской губерніи поступала въ продажу ягодами. Такъ, напримеръ, въ 1828 году собрано ягодами 3,687 пудовъ.

8) Въ *Грузіи*, въ послѣдніе годы царствованія Александра вѣроятно выдѣлывалось не менѣе 1,000,000 ведеръ. По-крайней-мѣрѣ первыя оффиціальныя свѣдѣнія, поступившія въ департаментъ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій за 1829 годъ, показывали 1,056,115 ведеръ вина и 54,471 ведро виноградной водки.

Въ остальныхъ закавказскихъ областяхъ производство вина можно, примѣрно, допустить тоже до 1,000,000 ведеръ.

Наконецъ въ губерніяхъ екатеринославской и кievской виноградъ разводится болѣе для употребленія въ пищу, нежели для лавки вина. Въ первой собрано было винограду: въ 1828 году 654 пуда, въ 1829 году 466 пудовъ; во второй же въ 1828 году 708 пудовъ, а въ 1829 году только 368 пудовъ.

Вотъ сумма выводовъ:

Т. XCIX. — Отд. IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Въ Кавказской области	1,800,000	ведеръ.
— Крыму	250,000	—
— Донской Землѣ	150,000	—
— Херсонской губерніи	70,000	—
— Бессарабіи	50,000	—
— Астраханской губерніи	40,000	—
— Подольской	2,500	—
— Грузіи	1,000,000	—
— Другихъ мѣстахъ Закавказья	1,000,000	—

Всего: 4,062,500 ведеръ.

Таково было состояніе русскаго винодѣлія передъ вступленіемъ на престолъ Императора Николая I.

=

О РАЗВЕДЕНИИ ВИНОГРАДУ И ВИНОВАДЬЛИИ ВЪ РОССІИ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала мы представили читателямъ обзоръ состоянія русскаго виноградарства и виновадья въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра-Перваго. Вышло, что при вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора, въ разныхъ мѣстахъ Россіи выдѣлывалось всего 4,062,500 ведеръ вина. Посмотримъ, что сдѣлано по виновадью въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ и въ какомъ положеніи оно находится въ настоящее время. И здѣсь главными источниками для статьи будутъ полное собраніе законовъ и отчеты министровъ.

Мы видѣли заботы правительства разпространить виноградарство и виновадіе вездѣ, гдѣ только климатъ допускаетъ посадку лозъ; но эти заботы не привнесли должныхъ плодовъ, и опытъ показалъ ясно, что полнаго развитія собственно виновадія можно ожидать только въ южныхъ областяхъ Россіи, тамъ, гдѣ климатическія и другія условія допускаютъ дикое прозябаніе лозы. По этому, во все время послѣдняго царствованія, вниманіе правительства, по виновадью, преимущественно было обращено на югъ имперіи, на земли кавказскія, за-кавказскія, на Тавриду, Новороссійскій край и Бессарабскую область. Въ послѣднихъ, эта отрасль промышленности, покровительствуемая

просвѣщеннымъ своимъ генералъ-губернаторомъ графомъ (нынѣ княземъ) М. С. Воронцовымъ, подвинулась въ особенности.

Начнемъ съ *Бессарабіи*. До 1825 года изъ Бессарабіи позволялось провозить въ Россію вино тамошняго производства на всѣхъ пунктахъ границы. Эта свобода провоза, несмотря на кажущуюся выгоду, въ сущности была чрезвычайно вредна для развитія винодѣлія въ области, потому что подъ видомъ бессарабскаго вина въ большомъ количествѣ шло въ Россію вино молдавское и валахское. Возможность такого подлога, по мнѣнію тогдашняго министра финансовъ (Пол. Собр. Зак. 2 собр. № 195) доказывалась какъ событіемъ, такъ и отзывомъ бывшаго намѣстника Бессарабіи, генерала Иванова; что же касается до тайнаго ввоза молдавскихъ и валахскихъ винъ въ самую Бессарабію, то для этого тоже по мнѣнію тогдашняго министра финансовъ, много удобствъ представляла мѣстность, по которой проходитъ граница съ Австрією и Турцією; эта граница, по мелководію Прута, почти вездѣ удобопроезжима, особенно въ низменныхъ устьяхъ Дуная; а со стороны Буковины, пролегая по гордѣстому мѣстоположенію, пересѣкаемому во всѣхъ направле-ніяхъ дорогами, извѣстными только для самихъ жителей, представляла въ особенности вездѣ весьма легкое и непримѣтное сообщеніе для тайныхъ провозовъ (Пол. Собр. Зак. 2 собр. № 195). Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, въ 1825 году сдѣлано ограниченіе ввоза изъ Бессарабіи вина въ имперію только черезъ два пункта, а Дубоссары и Могилевъ (на Днѣстрѣ). Это ограниченіе значительно усилило сбытъ собственно бессарабскаго вина въ Россію; но сбытъ этотъ, приведенный въ ясность, оказался такъ огромный, что не осталось сомнѣнія въ подлогѣ провозимыхъ въ Россію винъ. Представлялась необходимость, для соглашенія двухъ важныхъ предметовъ—поощренія винодѣлія въ Бессарабіи и отклоненія вреднаго подложнаго привоза молдавскихъ и валахскихъ винъ,—принять косвенныя мѣры. Поэтому вслѣдъ за вышеизложеннымъ на счетъ ограниченія вывоза бессарабскаго вина въ Россію, послѣдовало вскорѣ новое распоряженіе о разрѣшеніи опять пропуску этихъ винъ чрезъ главные таможенные пункты Новороссійскаго края, то есть, объ отъѣзѣ (по представленію тоже графа Воронцова) постановленія 1825 года. Это сдѣлано для облегченія винодѣльцевъ въ доставкѣ винъ; но дозволивъ свободный пропускъ чрезъ наибольшее число пограничныхъ пунктовъ

(через Баланыч, Манки, Нарканы, Дубоссары и Хотинск), правительство должно своим мэрз для воспринятых товаров подогнать. Она навлекла на правило пропускать въ Россию бессарабскія вина по мэрзъ мэрзъ по свидательствамъ о ихъ проходе, определяло взыскательные сроки для действия свидательствъ и назначило, по соглашенію съ графомъ Воронцовымъ, каждому цинту или округу для прохода ближайшія пункты. Исполненію этихъ мэрзъ способствуетъ и самое удобное положеніе Бессарабіи: пропустивъ вино чрезъ ближайшія къ винограднымъ садамъ пункты, дальнѣйшая доставка ихъ въ Россию не подвергается уже измѣнѣннй транспортировки.

Улучшая средства быта собственно бессарабскаго вина и ограждая тамошнее винодѣліе отъ совмѣстительства, графъ Воронцовъ въ то же время заботился и о развитіи мѣстнаго винодѣлія. Графъ, еще въ 1824 году, представляя о дозволеніи продать съ публичныхъ торговъ принадлежаніе казенъ виноградныя и фруктовыя сады въ Бессарабіи, за исключеніемъ некоторыхъ изъ нихъ. Комитетъ министровъ, не находя въ представленіи достаточныхъ свѣдѣній, по которымъ можно было бы заключить о пользѣ для казны отъ предполагаемой продажи садовъ, требовалъ дополнителныхъ свѣдѣній. Графъ Воронцовъ доставилъ эти свѣдѣнія и снова повторилъ о необходимости продать бессарабскія казенныя сады въ частное владѣніе, оставя за казною только шестьдесятъ-шесть садовъ, которые бы своимъ устройствомъ могли служить образцомъ для частныхъ хозяевъ. Мѣра эта, одобренная еще покойнымъ Государемъ, приведена въ исполненіе въ 1826 году. Деньги, вырученныя отъ продажи, впоследствии были назначены для поощренія частнаго садоводства; вырученныя же отъ продажи собственно аккерманскихъ садовъ пошли, между прочимъ, на устройство училища винодѣлія и школы садоводства.

Кромѣ того для оживотворенія виноградарства и винодѣлія въ Бессарабіи, графъ Воронцовъ въ томъ же 1825 году предложилъ отдавать по актамъ отъ правительства въ вѣчную собственность всемъ бессарабскимъ жителямъ, тѣ пустопорожнія казенныя земли, въ степи или на отведенныхъ селеніямъ участкахъ, на которыхъ они разведутъ виноградныя сады, занявъ для нихъ не менѣе полудесятины и посадить на каждой квадратной сажени кустъ винограду.

Эта мѣра, 23 января 1826 года, утверждена Государемъ Импера-

торомъ, съ небольшимъ измѣненіемъ, основаннымъ на янтаріи министра финансовъ. Полагано: всѣмъ бессарабскимъ жителямъ, которые разведутъ виноградные сады на пустошерной казенной землѣ въ степи (а не на участкахъ, отведенныхъ селеніямъ, какъ молагалъ графъ Воронцовъ) занявъ для того не менѣе полудесятины, и посадятъ на каждой квадратной сажени кустъ винограду, отдавать такую землю въ вѣчную собственность по актамъ отъ правительства, но не прежде какъ по мѣрѣ удостовѣренія въ дѣйствительномъ разведеніи на нихъ виноградныхъ садовъ (Пол. Собр. Зак. 2 сѣст. № 84).

Въ *Таверидѣ* виноградарство распространялось съ каждымъ годомъ. Съ 1826 года началась посадка виноградныхъ лозъ въ бердянскихъ колоніяхъ, мелитопольскаго уѣзда. Тогда нѣкоторые колонисты, въ водворенныхъ тамъ въ 1820 году виртембергскихъ выходцовъ, пистысты, которые уже на Рейнѣ занимались винодѣліемъ, стали и въ родомъ своемъ отечествѣ разводить у себя виноградные сады. Въ 1828 году и при колоніи Нейгофунгъ устроенъ общій виноградникъ, величиною въ 26 десятинъ, въ которомъ каждый изъ пятидесяти двухъ хозяевъ имѣлъ по $\frac{1}{2}$ десятины.

Въ числѣ мѣръ для распространенія винодѣлія, замѣчательно изданіе новаго положенія въ производствѣ подрядовъ по черноморскому департаменту, Высочайше утвержденнаго въ 1826 году, 27 мая. Въ этомъ положеніи вѣльно принимать въ залоги ссудительства на виноградные сады по оцѣнкѣ ихъ, на точномъ освѣщеніи Высочайше. утвержденнаго положенія комитета министровъ 8 марта 1819 года, о приемѣ ихъ въ залоги при займѣ денегъ изъ приказовъ Общественнаго Призрвнія (Полн. Собр. Зак. 2 собр. № 372).

По окончаніи войны съ Персіей, предѣлы русскаго винодѣлія расширились, потому что миръ 1828 года доставилъ Россіи такъ называемую Новую Арменію. Въ одной ея части, провинціи эриванской, винодѣліемъ занимаются во всѣхъ деревняхъ, но виноградныхъ садовъ болѣе въ городѣ Эривани, гдѣ, вскорѣ послѣ присоединенія, считалось ихъ 1,400, и въ селеніяхъ Чолмахчи, тогда же 110, въ Канагирѣ 120, въ Аттаракѣ 132, въ Паригерѣ 46, въ Эчмиадзинѣ 107, и въ Утагани 46 (Тифл. Вѣд. 1831 года). При всемъ невѣжествѣ туземцевъ въ искусствѣ винодѣлія, эриванскія вина и въ то время были довольно хороши. Самыми лучшими считались: городское эчмиадзинское и паригерское. Нѣкоторыя едва ли уступали мадерѣ, мангѣ и

вертвойну. Здесь вино большого частью темножелтого цвѣта и весьма красное. Въ предохраненіе отъ морозовъ, виноградныя лозы зарываются на зиму въ землю на грядахъ. Лѣтомъ же вѣтви не поддерживаются на сошкахъ, какъ во Франціи и въ Грузіи, а просто перекидываются чрезъ глубокіе промежутки, разделяющіе гряды. Въ другой части Новой Арменіи, провинціи нахичеванской, тоже самое богатство въ виноградарствѣ и также винодѣліе составляетъ главный источникъ доходовъ.

Наконецъ адрианопольскій миръ еще распространилъ предѣлы русскаго винодѣлія, давъ Россіи черноморскій берегъ, по теплотѣ климата превосходящій Крымъ. Здесь виноградъ въ изобиліи находится въ дикомъ состояніи и винодѣліемъ занимаются даже горцы.

Рядомъ съ расширеніемъ предѣловъ русскаго виноградарства и винодѣлія, шли и заботы правительства о развитіи этой важной отрасли государственнаго хозяйства.

Въ 1828 году, подъ Варною, на корабль Парижъ, среди военныхъ трудовъ, Государю Императору благоугодно было 14 сентября дать указъ, объявившій новое покровительство винодѣлію и новыя облегченія, съ пожертвованіемъ даже со стороны казны доходовъ съ питейнымъ сборамъ. Тѣмъ же самымъ указомъ, Высочайше повелѣно, на определенныхъ, выгодныхъ для частныхъ людей условіяхъ, отводить въ новороссійскихъ губерніяхъ земли подъ виноградныя и фруктовыя сады, а для поощренія садоводовъ и лѣсоводовъ ежегодно назначено по 10,000 рублей. Правила для назначенія пособій и наградъ за эти успѣхи въ распространеніи садоводства и лѣсоводства, опредѣлены указомъ правительствующаго сената отъ 7 февраля слѣдующаго года.

Мы уже говорили, что въ 1826 году правительство разрѣшило продажу бессарабскихъ казенныхъ виноградныхъ садовъ. Отъ этой продажи образовался капиталъ въ 12¹/₂,000 рублей ассигнаціями. Въ 1829 году дано назначеніе этому капиталу, именно велѣно употребить его для поощренія и усовершенствованія садоводства и винодѣлія во всемъ новороссійскомъ краѣ, предоставивъ распоряженія по этому предмету графу Михаилу Семеновичу Воронцову. Здесь мѣсто сказать о намѣреніи иностранцевъ выдѣлывать въ Россіи шипучія вина, намѣреніи, впрочемъ не состоявшемся. Въ началѣ 1828 года французскіе винодѣлы (изъ которыхъ одинъ, практиковавшійся въ этомъ дѣлѣ лѣтъ двадцать въ своемъ отечествѣ, съ успѣхомъ ввелъ и въ Тоннеръ, что

ице виноградных лозы въ Магарачъ, близъ Никиты, на южномъ берегу Крыма, где вода надзоромъ директора Никитскаго сада, Н. А. Гартмана, уже съ 1828 года стала возмнать лозы казенныя виноградники. Для разведенія ихъ, чело воспитанниковъ никитскаго сада, выходя изъ призыва общественаго призванія, прострившеся съ 1825 года до 15 человекъ, въ 1828 году, умножено еще 12. Въ Магарачъ на дессешированной, разврунтованной или борозженной землѣ, въ 1829 году на первый случай посажено было 4,000 кустовъ бургундскихъ и бордосскихъ лозъ, которыя весьма хорошо прижились. Потомъ, до осени 1834 года, посажено на лоза не менше 15,000 лозъ, въ томъ числѣ рипен леуги, рипен франс (Аомангофверъ), Uliade (французскій виноградъ), бильи рислингъ (юганинбергерскій) и Muscat de Frontignan. Сверхъ-того посажено 22,000 чубуковъ лучшаго французскаго винограду разнхъ сортовъ, полученнаго изъ Тараскона, что на левомъ берегу Ровы. Эти послѣднѣ назначены въ продажу по 15½ копеекъ каждыи. Въ самомъ никитскомъ саду въ 1829 году посажены присланныя отъ Рейна, отъ известныхъ садоводовъ Баумага разные сорты винограду. Тогда же посажено и несколько лозъ ранняго чернаго мускателя, изъ Алжаките, который своимъ отличными вкусомъ и скороплодностью тотчасъ оказался достойнымъ разведенія его въ большомъ количествѣ. По распоряженію графа М. С. Воронцова, сдѣланному въ 1830 году, изъ находившейся при императорскомъ никитскомъ саду землѣ положено выдѣлать до 120 десятинъ поужной саду и раздать разнымъ лицамъ подъ разведеніе виноградныхъ садовъ, участки отъ 4 до 7 десятинъ, съ обязанностью посадить на каждую десятину удобной землѣ не менше 2,400 кустовъ. Это распоряженіе удостоено Высочайшаго утвержденія въ 1830 году. (Пол. Соб. Зак. 2 собр. № 4194), и владѣльцы, исполнившіе условія, избавлены отъ всякихъ податей за полученные участки. Но чтобъ обезпечить казну въ томъ, что помѣшники, получившіе земли, до истеченія четырехъ-лѣтняго срока дѣйствительно разведутъ на нихъ виноградники, то за каждую десятину взыскано по 100 р., которые положено возвратить, вмѣстѣ съ процентами, при выдачѣ акта на вѣчное владѣніе означенными землями. Для предоставленія же владѣльцамъ участковъ большаго удобства въ сообщеніи и устройствѣ ихъ земель, тогда же положено сдѣлать распоряженія къ проведенію дороги по всей магарачской дачѣ. Такимъ-образомъ эта дача греческихъ переселенцевъ,

алюминия прежде (съ 1779 года) только наобшнцовъ, начали обра- щаться въ колонію образованныхъ и трудолюбивыхъ виноделовъ *.

Въ это же время и въ сѣверо-западной части таврической гу- берніи, въ днѣпровскомъ уездѣ, винодѣліе начало распространяться въ нѣмнѣхъ графа Сентъ-При и генерала Потье стали тогда разводъ немалозначущіе виноградники. Въ уездѣ мелитопольскомъ, при слободѣ Обиточной, принадлежащей графу Орлову-Денисову, въ 1829 году выдѣвано уже 700 ведеръ вина. Тамъ же, на берегахъ Азовскаго моря, менонисты, особенно жители колоніи Гринвальдъ, тогда же начали съ усѣхомъ насаждать виноградъ и выдѣлывать изъ него яно, хотя и не въ большомъ количествѣ. Вообще, чтобы показать ра- пространеніе крымскаго винодѣлія въ самомъ началѣ нѣмнѣнннго цар- ствованія, скажемъ, что въ вѣдомостяхъ 1827 года показано 106,— за 1828 годъ—115 новыхъ садовъ, о которыхъ правительство до то- го времени не имѣло никакихъ еще свѣдѣній.

Въ 1830 году Высочайше утверждено положеніе для учрежденнаго въ Кизлярѣ комитета улучшеннаго садоводства и укрѣпленія береговъ рѣки Терека. (Пол. Собр. зак. 2 собр. N 3691). Этотъ комитетъ основанъ еще въ 1825 году, съ цѣлью укрѣпленія береговъ рѣки Те- река, отъ ея разливовъ, часто разрушительныхъ, и для распростра- ненія и усовершенствованія садоводства и винодѣлія въ Кизлярѣ и его округѣ. Для приведенія въ дѣйствіе того и другаго; комитету предо- ставленъ капиталъ, долженствовавшій составляться посредствомъ сбо- ра по 50 копѣекъ ассигнаціями съ каждаго ведра водокъ и по 5 коп. ассигнаціями съ каждаго ведра вина, выдѣлываемыхъ изъ виноградъ въ Кизлярѣ и его округѣ и вывозимыхъ оттуда за черту округа. Этотъ сборъ положено продолжать дотолѣ, пока не составится капи- талъ въ полмилліона рублей ассигнаціями.

Сборъ расположенъ на всѣхъ садоводцевъ и заводчиковъ, какъ имѣю- щихъ собственные свои сады въ Кизлярѣ и его округѣ, такъ и на неимѣющихъ садовъ, но приготавливающихъ тамъ вино и водку изъ ви- нограду. Отсюда изъяты были, а потому и освобождались отъ сбе- ра, въ уваженіе обязанностей по службѣ, казаки и чиновники войскъ, гребенскаго, семейнаго, терекскаго и моздокскаго полковъ, выдѣлываю- щіе водки и вино изъ произведеній въ ихъ станицахъ. Комитетъ вверенъ особенному покровительству главноуправляющаго астрахан-

* Сѣв. Муравей 1831 № 1. Ж. М. (Въ Д. 1859, кн. VII).

оказе губерніею, кавказскою областью и Грузіею, и непосредственному назначенію начальника кавказской области; а председателемъ его назначить кизлярскій окружной начальникъ.

Составившійся капиталъ назначенъ исключительно на выдачу ссудъ для улучшения и усовершенствованія садоводства и винодѣлія въ Кизляръ и его округъ, а для укрѣпленія береговъ Терека ассигнованы только проценты, нарастающіе на основной капиталъ.

Въ производствѣ ссудъ определено руководствоваться правилами, постановленными для кавказскаго приказа общественнаго призрѣнія, съ некоторыми только изъятіями. Ссуды вѣлно производить не иначе, какъ съ надежнымъ обезпеченіемъ, и до 15,000 рублей ассигнаціями, по собственному распоряженію общаго собранія комитета; о ссудахъ свыше этой суммы, до 30,000 рублей, комитетъ долженъ испрашивать разрѣшенія главноуправляющаго; о ссудахъ же свыше 50,000 должно быть испрашиваемо дозволеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Менѣе 500 рублей въ ссуду не положено выдавать. Ссуды вѣлно производить на сроки отъ одного до четырехъ лѣтъ. Подъ деревянные дома и водочные заводы, определено выдавать только $\frac{1}{3}$ часть противу оцѣнки; подъ мѣдную посуду $\frac{2}{3}$; подъ сады виноградныя и инековичныя $\frac{1}{2}$; подъ земли, бывшія подъ садами, но по разнымъ причинамъ запустѣвшія, $\frac{1}{3}$. За незаселенныя, но удобныя земли кизлярскаго округа, когда онѣ представляются цѣлыми обмежеванными участками, $\frac{1}{3}$ часть. Земли и имѣнія населенныя, въ кизлярскомъ уездѣ, вѣлно принимать въ залоги на однихъ правилахъ приказа. Лица, не занимающіяся садоводствомъ и винодѣліемъ въ Кизляръ и его округъ, на ссуды никакого права не имѣютъ; но отъ имѣющихъ его, вѣлно принимать благонадежныя залоги и въ другихъ уездахъ и губерніяхъ. Какъ назначеніемъ суммъ для раздачи въ ссуду поставлено главною цѣлью поддержаніе садоводства, распространеніе и усовершенствованіе винодѣлія, то дабы недостаточнымъ садоводамъ и заводчикамъ, нуждающимся болѣею частью въ небольшихъ суммахъ, доставить средства безъ затрудненій получать деньги въ ссуду за умѣренные проценты, постановлено въ обязанность комитета обращаться особенное попеченіе, чтобы такимъ недостаточнымъ людямъ преимущественно выдавались ссуды до 3,000 рублей: ссуды же свыше постановлено производить только по удовлетвореніи первыхъ; но и въ

этомъ случаѣ нераздѣльнымъ семействамъ и братьямъ, такъ какъ и одному лицу, воспользовавшемуся уже ссудою, не выдавать болѣе 15,000 рублей, развѣ бы оставались значительныя ссуды за удовольствіемъ всѣхъ прочихъ. Сборъ капитала оконченъ въ 1832 году, и съ этого времени начали производиться ссуды.

Кромѣ того въ 1830 году на пользу винодѣлія изданы : а) Постановленія, изъ какихъ цинкутовъ пропускать бессарабскія вина черезъ каменскую заставу и о назначеніи сроковъ для дѣйствія свидѣтельствъ, по которымъ эти вина будутъ провозимы (Полн. Собр. Зак. 2 собр. № 36,523) и б) и обнародованы условія для содержанія питейныхъ сборовъ въ двадцати осьми великороссійскихъ губерніяхъ и кавказской области, съ 1833 по 1835 года. Въ этихъ условіяхъ нѣсколько параграфовъ относятся до развитія русскаго винодѣлія. Такъ въ параграфѣ 279 подтверждено, что продажа *чихиря* (винограднаго вина низшаго сорта), выдѣлываемаго въ астраханской и кавказской губерніяхъ, остается свободною на томъ основаніи, на которомъ она производилась и прежде, безъ всякаго ограниченія; вина высшихъ сортовъ дозволялось, по мелочамъ, продавать только въ такъ называемыхъ ренсковыхъ погребахъ. Въ параграфѣ 82, относящемся до откуповъ въ новороссійскомъ краѣ сказано, что «принимая въ соображеніе поощреніе винодѣлія въ этомъ краѣ, продажу винограднаго вина, какъ изъ винограда, произрастающаго въ новороссійскихъ губерніяхъ, такъ и вина, привозимаго изъ другихъ губерній и областей, но изъ винограда внутренняго происхожденія, разрѣшено производить всякому безплатно и безъ ограниченія онымъ и по мелочамъ.

Двадцать-перваго іюня 1832 года, Высочайше утверждены правила школы садоводства (и училища винодѣлія) при казенныхъ аккерманскихъ садахъ (Пол. Собр. Зак. 2 собр. № 5448), на основаніи которыхъ въ ученики заведенія повелѣно принимать поселенъ бессарабской области по вызову съ тѣмъ, чтобы по окончаніи трехъ-лѣтняго курса, они возвращались въ свои дѣды, заводили общественныя разсадки и обучали также садоводству, получая отъ общества содержаніе дѣтскъ-пору, пока они могли бы пользоваться содержаніемъ изъ доходовъ отъ садовъ. Три года спустя, въ 1836 году, это училище и сады предоставлены въ оброчное содержаніе мѣра швейцарской казенн. Тардака съ тѣмъ, чтобы онъ продолжалъ обучать учениковъ на изъясненномъ основаніи, вносилъ бы въ казну половину дохода казенн.

Девятнадцатого июля 1832 года, по представлению главного командира черноморского флота и портовъ, адмирала Грейга, Высочайше утверждена раздача излишнихъ земель севастопольскаго адмиралтейства подъ садоводство и другія заведенія (Пол. Соб. Зак. 2 соб. № 5507). Правила, определенныя для раздачи земель въ отношеніи разведенія винограда, содержать въ себѣ обязательства взявшаго землю подъ виноградникъ, втеченіе четырехъ лѣтъ развести на каждой сажени по кусту, подъ опасеніемъ потери двадцати-пяти рублей ассигнаціями, вносимыхъ въ обезпеченіе съ каждой полученной отъ адмиралтейства десятины земли. Къ числу мѣръ для поощренія винодѣлія можно отнести данное въ 1833 году княгини Голицыной право выставить особую вывѣску на тѣхъ погребяхъ, гдѣ будетъ производиться продажа вина, выдѣлываемаго въ ея имѣніи. (Пол. Соб. Зак. 2 соб. № 6150).

Въ 1834 году, для развитія за Кавказомъ садоводства, винодѣлія и разведенія разныхъ торговыхъ растений, Высочайше повелѣно распространить на закавказскій край силу указа 14 сентября 1828 года о мѣрахъ къ поощренію садоводства въ Новороссійскомъ краѣ, причемъ иностранцамъ предоставлено воспользоваться отводомъ земель, безъ вступленія въ продолженіе десяти лѣтъ въ подданство Россіи. Участки, до пятидесяти десятинъ земли, предоставлено отводить главноуправляющему Грузію; отводъ же свыше этого количества десятинъ, долженъ быть разрѣшенъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. (Пол. Собр. Зак. 2 соб. № 7016).

Вся распоряженія правительства на пользу винодѣлія, о которыхъ мы говорили, шли до 1837 года чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ; въ это же время, какъ извѣстно, учреждено министерство государственныхъ имуществъ, а потому съ 1837 года попеченіе за всеми отраслями сельскаго хозяйства, въ томъ числѣ и за винодѣліемъ, возложено уже на вновь учрежденное министерство. Чтобы видѣть, что сдѣлало для винодѣлія министерство внутреннихъ дѣлъ и въ какомъ видѣ оно передало эту важную отрасль государственнаго хозяйства министерству государственныхъ имуществъ, сдѣлаемъ обзоръ состоянія винодѣлія за пять послѣднихъ лѣтъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, замѣствуя для него матеріалы изъ всеподданнейшихъ отчетовъ министра и изъ отчетовъ главныхъ инспекторовъ надъ земледѣльствомъ.

Сначала возьмемъ свѣдѣнія общія о всей имперіи, а потомъ перейдемъ къ частностямъ.

I. Свѣдѣнія общія.

1) Вообще сколько известно, во всей Россіи урожай винограда былъ: въ 1833, 1834 и 1835 годахъ почти вездѣ обильный, даже въ послѣдній годъ урожай былъ лучше 1834 года, но въ частности, именно, въ кавказской области и въ таврической губерніи, гдѣ преимущественно произрастаетъ виноградъ и производится винодѣліе, урожай былъ скуднѣе. Причиною этому надобно полагать сильныя дожди лѣтомъ и холодную осень.

Тоже самое должно сказать и о 1836 и 1837 годахъ. — 2) Подъ виноградниками считалось земли, всего: въ 1834 году 11,218 десятинъ, въ 1835 году 13,302½ десятинъ, въ 1837 году 13,263 десятины. Должно замѣтить, что въ итогъ 1834 года не вошли губерніи: херсонская, кievская и подольская.

3) Ягодъ было собрано: въ 1834 году 36,917 пудъ, въ 1835 году 62,369 пудовъ; въ 1837 году 60,457 пудовъ. Должно замѣтить, что эти итоги не полны: въ 1834 году не собрано показаній о губерніяхъ херсонской и подольской; а въ 1837 году херсонской.

4) Выдѣлано вина:

Въ 1833 году	2,073,208	ведеръ.
— 1834 —	2,129,150	—
— 1835 —	1,661,209	—
— 1837 —	2,460,165	—

Въ этомъ числѣ было вина:

а) бѣлаго:	Въ 1834 году	578,020	ведеръ.
	— 1835 —	463,055	—
	— 1837 —	456,977	—
б) краснаго:	— 1834 —	630,110	—
	— 1835 —	548,154	—
	— 1837 —	697,188	—

с) съ выжимками на винокурениіе:

Въ 1834 году	921,000	ведеръ.
— 1835 —	650,000	—
— 1837 —	1,306,660	—

5) Выкурено водки виноградной:

Въ 1833 году	126,209	ведеръ.
— 1834 —	122,130	—
— 1835 —	82,600	—
— 1837 —	102,900	—

II. Въ частности считалось:

1) Подъ виноградниками десятины земли:

	Въ 1834 году.	1835 году.	1837 году.
Въ кавказской области . . .	8,417	8,100	7,575
— астраханской губернии . .	215	215	347
— херсонской губернии . . .	неизвѣстно	500	800
— екатеринославской губернии	6½	приблизно 6½	5
— кievской губернии	неизвѣстно	17	17
— подольской губернии . . .	неизвѣстно	29	29
— таврической губернии . . .	2,579½	4,435	4,490

2) Собрано ежегодно пудовъ:

	1834 года.	1835 года.	1837 года.
Въ кавказской области	2,160	2,000	1,200
— астраханской губернии . .	5,000	4,000	25,562
— херсонской губернии . . .	неизвѣстно	20,000	неизвѣстно
— екатеринославской губернии	523	257	467
— кievской губернии	2,200	1,702	1,215
— подольской губернии . . .	неизвѣстно	16,350	8,002
— таврической губернии . . .	27,054	18,000	24,009

3) Выдѣлено вина ведеръ .

а) Вообще:

	1833 года.	1834 года.	1835 года.	1837 года.
Въ кавказской области . . .	1,086,000	1,526,100	1,075,000	1,991,381
— астраханской губернии . .	неизвѣстно	9,000	7,000	5,690
— херсонской губернии . . .	—	92,000	211,744	19,000
— екатеринославской губернии	—	44	23	45
— кievской губернии	—	неизвѣстно	—	—
— подольской губернии . . .	—	9,500	10,091	5,395
— таврической губернии . . .	—	492,486	356,541	458,645

в) Благо :

Въ кавказской области . . . —	51,400	35,000	33,694
— астраханской губернии . . —	4,000	3,000	3,611
— херсонской губернии . . —	39,000	85,937	7,000
— екатеринославской губернии —	25	5	23
— подольской губернии . . —	9,500	10,901	5,395
— таврической губернии . . —	474,095	328,212	405,854

с) Краснаго:

Въ кавказской области	553,700	390,000	650,287
астраханской губернии	5,000	4,000	2,068
— херсонской губернии	53,000	125,807	12,000
— екатеринославской губернии	19	18	22
— таврической губернии	18,391	28,329	32,491

Недостающее до итога вообще количество вина принадлежит вину отъ выжимкамъ на винокурение, показанному только въ кавказской области, въ количествахъ:

Въ 1834 году	921,000	ведеръ.
— 1835 —	650,000	—
— 1837 —	1,306,000	—

4) Выкурено виноградной водки :

	1834 года.	1835 года.	1837 года.
Въ кавказской области .	120,000	80,000	приблизно 100,000 ведеръ.
— таврической губернии	1,980	2,500	— 2,900 —
— астраханской губернии	150	100	—

=

V.

КРИТИКА.

=

1, THE MONUMENTS OF NINIVEN, from drawings made on the spot by Austen Layard, etc. (*Памятники Нинивии, по рисункамъ, снятымъ на-мѣстѣ, изданные Августиномъ Лейардомъ. Лондонъ, 1848, folio*).

2. MONUMENT DE NINIVE, découvert par P. Botta, dessiné par E. Flandin, etc. (*Памятникъ нинивійскій, открытый П. Боттою, срисованный Е. Фланденомъ. Парижъ, 1847—1849, folio*).

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Въ прошломъ мѣсяцѣ, по случаю Рурика, была здѣсь рѣчь о древностяхъ крайняго Сѣвера и крайняго Юга и о перво-бытной исторіи человѣчества. Она коснулась, между прочимъ, Ассиріи и таинственныхъ судебъ ея. Нельзя пройти мимо такого любопытнаго предмета, не остановясь передъ нимъ съ приличнымъ вниманіемъ. Естественнымъ дополненіемъ этого разсужденія долженъ быть обзоръ великолѣпныхъ открытій госмодъ Лейарда и Ботты. Главные результаты ихъ трудовъ, представленные свѣту въ двухъ богатыхъ атласахъ, уже отчасти извѣстны читателямъ этого журнала: объ нихъ нѣсколько разъ было говорено въ «Библіотекѣ для Чтенія» съ тѣмъ участіемъ, какого заслуживаетъ безспорно самое изумительное ученое событіе нашего времени. Новая Помпея открыта въ сердцѣ Азіи — да еще какая Помпея! — не мелкодомный городокъ провинціальной глуши и послѣднихъ сумерокъ древности, но колоссальный памятникъ свѣтлаго и величественнаго утра вселенной, «притча во языцѣхъ» старины, столица прославленной въ сказаніяхъ всего человѣчества, первой послѣ по-

топа значительной державы на землѣ, какъ утѣряютъ весьма положительно наши всеобщія исторіи. Эта Нинивія, сестра, сестра и соперница Вавилона, которую между халдейскими городами въ Палестинѣ называли *ha oig ha gduia*, «городомъ великимъ», эти исполинскіе чертоги, созданіе сказочныхъ героевъ и героинь языческой повѣсти о Нипѣ и Семирамидѣ, обошедшей всю многобожную древность и превратившейся наконецъ въ исторію, эта чудная Ассирія, колыбель перваго величія и перваго политическаго могущества, которую воображеніе ближайшаго потомства, изъ удивленія ея памятникамъ, населяло богатырями, стрелами, и колдунами, этотъ первобытный народъ ассирійскій, распространившій власть свою отъ Инда до Дона, богатый, затѣливый, страшный, котораго бытъ и дѣянія исчезли изъ памяти людей, когда еще исторія Греція и не начиналась, все это неожиданно вышло на дневной свѣтъ изъ горъ песку и золы, благодаря терпѣливому усердію двухъ частныхъ любителей древностей. Мы свободно ходимъ по дворцамъ и палатамъ этихъ загадочныхъ изобрѣтателей просвѣщенія, роскоши и гордости, оцѣниваемъ ихъ силу и ихъ искусство, разсматриваемъ ихъ архитектуру, вазины, статуи, рѣзные картины, надписи, видимъ въ этихъ картинахъ ихъ подвиги, бытъ, занятія, нравы, вѣру, утварь, орудія, письмена, эту первую грамоту міра, состоявшую изъ скученныхъ въ разныхъ положеніяхъ стрѣлокъ, которую греческая древность называла *ассирійскими письменами*, почти читаемъ ихъ подлинную исторію, почти слышимъ звуки ихъ языка: потому-что разобрать эту грамоту вѣтъ никакой невозможности; мы уже знаемъ нѣсколько буквъ и современемъ будемъ читать ее удовлетворительно. Такое открытіе не могло не возбудить общаго восторга въ вѣйшемъ образованномъ мірѣ. Всѣ любопытства обратились къ первой послѣпотопной столицѣ. Вся ученость бросилась съ жадностью на такое безцѣнное сокровище новыхъ свѣдѣній и новыхъ понятій о быломъ. Если энтузіазмъ, въ первое мгновеніе, и преувеличилъ находку въ нѣкоторомъ отношеніи, это совершенно простительно. Для разочарова-

ній всегда время терпѣть. Соображеніе, естественно, идетъ послѣ наслажденія. Когда жаръ восторговъ простынетъ, мы еще посмотримъ что за Нинивію открыли мы для своихъ ученыхъ потѣхъ.

Теперь ужъ можно, какъ кажется, приступить къ разсмотрѣнію дѣла съ достаточнымъ хладнокровіемъ. Чудо еще свѣжо: но восторги простываютъ такъ скоро въ нынѣшней атмосферѣ!

Теперь мы начинаемъ нѣсколько яснѣе прежняго видѣть въ туманѣ первобытной исторіи нашего роду. Вторженіе варварства, случившееся вскорѣ послѣ начала христіанской эры, которое, погасивъ вдругъ искусство и науку, остановило на долгое время успѣхи гражданственности и благосостоянія, не было первымъ нападеніемъ дикости на образованность. Такихъ переходовъ изъ просвѣщенія въ невѣжество, изъ утонченности въ грубость, человѣчество испытало уже нѣсколько. Свѣтъ вспыхивалъ и погасалъ на землѣ не неоднократно. По-крайней-мѣрѣ, мы теперь опредѣлительно различаемъ два такихъ переворота, то есть, два переворота самые значительные, самые важные и явственныя—потому, что каждый изъ нихъ оставилъ послѣ себя огромныя развалины. Въ судьбахъ человѣчества случилось нѣчто очень похожее на «великія эпохи» и «внезапныя смѣны», которыя геологія усматривала въ устройствѣ коры земнаго шара. Была *эпоха первозданная*, эпоха первозданной образованности, первозданной славы, гордости, роскоши, первозданныхъ массивныхъ городовъ и исполинскихъ памятниковъ, первозданнаго богатства и величія, изображающая собою, въ нѣкоторой степени, эпоху гранитовъ и базальтовъ. За нею послѣдовала «внезапная смѣна» и наступила эпоха второзданная; другіе народы, другія зданія, другое искусство, другія вѣры, новая нравственность и новая образованность. Размѣры сооруженийъ въ ней гораздо умѣреннѣе, стѣны менѣе тверды; зданія менѣе прочны, какъ и второзданныя почвы геологіи, но болѣе разнообразныя и болѣе красивыя; вѣра менѣе кровавая; вообще видно болѣе стремленія къ изяществу и нѣгѣ. Первообразованная эпоха была безъ исторіи: по-край-

ней-мѣрѣ челоуѣкъ не сохранилъ объ ней ни какихъ досто-
вѣрныхъ преданій. Эта второобразованная эпоха, извѣстная
теперь подъ именемъ *классической древности*, напротивъ, пере-
дала намъ повѣсть о своихъ дѣянiяхъ, по-крайней-мѣрѣ за
вторую половину своего существованiя. Опять внезапная смѣ-
на—великій переворотъ — и вотъ мы живемъ теперь въ эпо-
хѣ третичной образованности, соотвѣтствующей третичнымъ
почвамъ, на которыхъ стоятъ наши города и зданiя, въ эпо-
хѣ образованности еще болѣе кроткой, еще болѣе пристра-
стной къ изяществу и скорому наслажденiю, но уже все-
шенно обмельщевшей о прочности своихъ творенiй и совер-
не заботячавшей по части строительства.

Было время, когда на землѣ, почти еще мокрой, едва
оставленной волнами потопа, челоуѣчество начало вдругъ
успѣвать въ искусствахъ, ремеслахъ, наукахъ, гражданствен-
ности, богатствѣ и роскоши съ удивительною быстротою; и
тогда-то созданъ, по-видимому, первый мiръ образованно-
сти, мiръ едва-ли не обширнѣе пространствомъ второобразо-
ванного мiра, который мы называемъ *классическимъ* или *древ-
нимъ*. Это была эпоха колоссальнаго великолѣпiя, исполня-
скихъ построекъ, гигантскихъ затѣй неопытной пышности,
мечтавшей пережить время. Челоуѣкъ стремился къ непо-
колебимой прочности своихъ памятниковъ, поднимаясь въ
тоже время въ страшную вышину. Къ этой эпохѣ принадле-
жатъ первыя послѣ потопа сооруженiя Вавилонiи, огромныя
четвероугольныя платформы Месопотамiи, которымъ вто-
рообразованная древность давала общее названiе *семирами*
и на которыхъ видѣлись еще тогда массивныя развалины
первозданныхъ городовъ и дворцовъ, получавшiя отъ той же
второобразованной древности обыкновенное наименованiе
лиивъ; египетскiя пирамиды и курганы троянскаго взморья,
казнохранилища или анбары Ветхихъ въ Пелопонезѣ, циклоп-
скiя стѣны и другiя исполинскiя постройки обѣихъ Грецiй и
Этрурии, колоссальныя сооруженiя Азтековъ, то есть, неиз-
вѣстныхъ «Строителей» въ Мексикѣ, и такъ далѣе.

Все это было современно и носитъ на себѣ отпечатокъ
одинаковыхъ идей, одинъ и тотъ же характеръ умствен-

тый, нравственный, и даже религиозный. И все это было вдруг или довольно быстро опрокинуто, разорено, уничтожено нашествіемъ дикихъ и свирѣпыхъ племенъ, которыхъ жадность подстрекалась видомъ накопленныхъ богатствъ и удобствъ жизни. Въ этомъ первомъ наводненіи грубости и невѣжества погибли всѣ познанія первообразованнаго человѣка, его искусство, его наука, и даже всѣ извѣстія о событіяхъ его славной эпохи. Забыто все — до названій этихъ величественныхъ городовъ, которыхъ огромныя рунны, *минимы* (удареніе на первомъ и) долго еще видѣлись на искусственныхъ платформахъ, обширныхъ и высокихъ четвероугольныхъ подстройкахъ, *шемирами*, изумлявшихъ многія послѣдующія поколѣнія своей смѣлостью и своей колоссальностью въ областяхъ, которыя потерявъ свои первобытныя названія, прозвались *ассирійми*, то есть, областями «памятниковъ» или, какъ Восточные говорятъ, «слѣдовъ», *ашшура*, *атура*. Мы увидимъ, что *Ассирій* и *Нинивей* было нѣсколько и что онѣ лежали въ разныхъ мѣстахъ, вездѣ, гдѣ эти поколѣнія видѣли у себя древнія городскія подстройки съ развалинами, *шемирамы* съ *нинами*, откуда и языческая иносказательная повѣсть о царѣ Пинѣ и супругѣ его Семирамидѣ, строителяхъ этихъ чудесъ.

Сходства этой системы городостроительства въ Месопотаміи, Египтѣ, Этруріи и Мексикѣ позволяютъ, если угодно, предполагать, что, въ первообразованную эпоху, Америка состояла въ сообщеніи съ Азіей, Африкою и Европою и была имъ хорошо извѣстною посредствомъ обширнаго и смѣлаго мореходства. По-крайней-мѣрѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Человѣкъ, который производилъ подобныя постройки, былъ силенъ, смѣлъ, предприимчивъ и промышленъ. Связь двухъ свѣтовъ могла расторгнуться совершенно первымъ нашествіемъ дикарей, и, когда Европа снова сблизилась съ Америкою черезъ Колумба, человѣкъ тамъ находился еще при началѣ второй эпохи образованности, а здѣсь онъ уже прошелъ вторую, испыталъ вторичное вторженіе варварства въ просвѣщеніе, и начиналъ третичную эпоху. Тамъ изъ дикарей, разорившихъ первоначальные города, образовались Мекси-

ковцы Монтесумы; здѣсь, изъ перваго замѣлуу варваровъ, возникли, на родинѣ первообразованныхъ народовъ, Халдейцы съ своимъ новымъ *Вавилономъ*, продолжающимся донынѣ въ *Багдадѣ**; возникли Египтяне еваскіе, самскіе и мемецкіе, неимѣющіе ничего общаго ни по роду ни по образованности съ Египтянами пирамидъ; возникли Финикійцы, Кароагяцы, Персы разнаго названія, Греки, Этруски, и наконецъ Римляне, уничтоженные съ своею образованностью вторымъ нашествіемъ дикости.

Изъ того, что въ халдейской землѣ былъ Вавилонъ, *Бабель*, или что нынче въ этой сторонѣ находится *Багдадъ*, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы халдейскій Вавилонъ или нынѣшній Багдадъ находились въ томъ же мѣстѣ, гдѣ первыя послѣ потопа люди сооружали Вавилонскій Столпъ. Это только воспоминанія, произвольныя обновленія первобытнаго, славнаго въ преданіяхъ, имени. Точно такъ же наша Одесса основана въ мѣстоположеніи довольно отдаленномъ отъ пепелища древней Одессы. Былъ тамъ потѣмъ и длинный городъ *Нинивии*, или Нинивія, такъ названный въ честь преданію о *нимивалѣ*, но не имѣвшій съ ними ни съ ихъ эпохою ничего общаго; даже нѣсколько городовъ такого названія. Одинъ изъ этихъ городовъ, самый значительный, былъ очень хорошо извѣстенъ Евреямъ въ осьмомъ вѣкѣ до Рождества Христова. Онъ уже существовалъ при Моисеѣ и упомянутъ въ Пятикнижии при исчисленіи халдейскихъ городовъ, но въ то время онъ еще не былъ *великимъ* городомъ. Тогда титулъ «великаго», *ha oig ha gduh*, давали совсѣмъ другому городу, именно, Ресену. Въ осьмомъ вѣкѣ гордая Нинивія, въ апогеѣ своей славы и знатности, и не за-долго до своего паденія, называлась уже *городомъ великимъ*, но совсѣмъ не по матеріальному величію города, а какъ-бы для отличія отъ другихъ, мелкихъ Нинивій, или по причинѣ, которую мы увидимъ впослѣдствіи. Нисколько не видно изъ современныхъ географическихъ указаній, чтобы эта Нинивія была дѣйствительно огромнымъ городомъ. Въ Пале-

* *Вавель* — *дверь* значитъ на персидскомъ языкѣ, *Бавель* — *даль*. По-халдейски *Бабель* значитъ буквально то же самое: *ба, даль; бавъ, Бавъ*.

стивѣ назначали ему только двѣнадцать тысячъ, — сто двадцать тысячъ, — жителей, не болѣе. И онъ принадлежитъ вполне ко второй эпохѣ образованности. Это — городъ совершенно халдейскій, основанный выходцами изъ Вавилоніи, богатый, знатный, но сравнительно новѣйшій. Цари его, *Пуль*, завоеватель Сиріи и Месопотаміи (около 760 года), *Тиглатъ-Пилесарь*, который покорилъ царство іудейское (740), *Салманасарь*, овладѣвшій Самаріей (730), *Сеннехерибъ*, предводитель неудачнаго похода противъ Іудеи и Египта, носятъ чистыя халдейскія имена и жили всѣ въ осьмомъ столѣтіи до Рождества Христова. Въ этомъ городѣ не было ни чертоговъ *Нина*, ни висячихъ садовъ Семирамиды. Такіе цари и царицы ассирійскіе, жившіе будто-бы за *двѣ тысячи лѣтъ* до нашей эры, вовсе не извѣстны жителямъ Палестины. Они явственны — вымыселъ языческой притчи. При всей своей важности, впрочемъ очень кратковременной, Ассирія извѣстныхъ Евреямъ государей Нинивіи не выходила никогда изъ предѣловъ Месопотаміи и Сиріи, и о такой Ассиріи, которая бы распространялась *отъ Инда до Дона* и существовала, по Геродоту, *до шести*, а по Ктесію *до четырнадцати столѣтій*, въ Палестинѣ не слыхивали.

Но, въ такомъ случаѣ, гдѣ же могла находиться прославленная Нинивія *Нина* и Семирамиды, Нинивія языческихъ преданій? Разумѣется, нигдѣ! Она была — мифъ, вносказательная повѣсть о многочисленности памятниковъ, разбросанныхъ отъ *Инда до Дона*, и о величій людей, которые ихъ воздвигли въ первообразованной эпохѣ, къ которой сказка и относила это воображаемое царство и этотъ предполагаемый городъ баснословной пышности. И сами язычники не знали, гдѣ Нинивія ихъ находилась: одни назначали ей мѣсто при Евфратѣ, другіе при Тигрѣ, явное доказательство, что они говорили о мечтательномъ городѣ, тѣмъ болѣе что въ то же время были подлинныя Нинивіи, въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ мѣстахъ, и одна изъ нихъ существовала безъ славы до седьмаго столѣтія нашей эры. Императоръ Ираклій, въ персидскій походъ свой, стоялъ *передъ городомъ Никивіей* и подъ нимъ перешелъ рѣку *Забъ*,

которая, какъ видно изъ арабскихъ писателей даже, и называлась *Нинивійскою Рѣкою*, Nahar *Ninivii*, до весьма позднихъ временъ. Недалеко отъ этого мѣста, насупротивъ города Мусула, есть и теперь еще бѣдная деревушка, которую зовутъ *Ниниеи*, но она, вѣроятно, такъ названа только отъ того, что лежитъ на холму древняго мусору, въ которомъ погребены первозданныя руины, *миниве*, и небольшая четверугольная подстройка той же эпохи, *шемирамъ*. Едва-ли здѣсь могъ находиться, втеченіе второобразованнаго времени, какой-нибудь городъ съ названіемъ Нинивіа.

Ассирійское государство, *старо-ассирійское*, принятое у насъ въ рядъ великихъ древнихъ державъ по пустословнымъ греческимъ показаніямъ, эта страшная и удивительная Ассирія Нина, Семирамиды и Сарданапала, можетъ смѣло быть вычеркнута изъ всеобщей исторіи: ея никогда не бывало; она создалась въ воображеніи языческихъ сказочниковъ, и столица ея, мечтательная Нинивіа, была только поэтическимъ преображеніемъ настоящей, извѣстной Евреямъ Нинивіа, большой, если угодно, но не очень — не больше важнѣйшихъ городовъ Финикіи и Сиріи. Сто двадцать тысячъ жителей — не показываютъ баснословнаго города, ни по пышности, ни по пространству, особенно при извѣстной многоэтажной постройкѣ халдейскихъ домовъ.

Изъ всѣхъ письменныхъ свидѣтельствъ о дѣлахъ и предметахъ древней Азіи, еврейскія свидѣтельства одни несомнѣнны и уважительны. Каждый это знаетъ и чувствуетъ. Поэтому, чтобы согласить преувеличенія языческихъ сказокъ съ географическими свидѣтельствами Евреевъ, многіе старались, а теперь еще усерднѣе стараются придать словамъ достовѣрныхъ показаній смыслъ, совершенно произвольный. Ктесіа, греческій врачъ при дворѣ Артаксеркса-Второго, вывезъ изъ столицы Персіи извѣстіе, будто-бы окружная стѣна Нинивіа, вышиною *во сто футовъ*, толщиною *въ три прохода колесницы* (пять сажень), имѣла *четыреста осемьдесятъ стадій* (слишкомъ осемьдесятъ верстъ) протяженія. Между тѣмъ изъ одного еврейскаго географическаго указанія видно, что отъ Тигра *ходили къ Нинивіи* (*Нинивіа же была во-*

родъ великій весьма) походъ трехъ дней, и что въ городъ можно было ходить походъ одного дня. Французскіе археологи, отдававшіе парижской Академіи Надписей отчетъ въ предпріятіи господина Ботты, по примѣру впрочемъ нѣкоторыхъ прежнихъ толкователей нашли нужнымъ относить въ этомъ географическомъ показаніи слова *походъ трехъ дней* къ вставной фразѣ, читая: *Нинивія же городъ великій весьма, походъ трехъ дней*, что, по ихъ мнѣнію, значитъ: *окружность Нинивіи представляла три дня пути.* И эти три дня они считаютъ совершенно равными четыремъстамъ осьмидесяти стадіямъ Ктесія или осьмидесяти нашимъ верстамъ. Такимъ образомъ фактъ безпримѣрной огромности Нинивіи показался утвержденнымъ согласнымъ показаніемъ и еврейскихъ свидѣтельствъ и языческихъ преданій.

Но такое объясненіе болѣе чѣмъ произвольно. Во-первыхъ никогда слово «походъ», *метлахъ*, не означало *ходьбы вокругъ чего-нибудь*, но всегда указываетъ на путь по прямой линіи, на непосредственное разстояніе. Если бы выраженіе *походъ трехъ дней* относилось къ городу, это значило бы скорѣе, что Нинивія представляла въ длину *три дня пути* и, слѣдовательно, въ окружности имѣла бы она по-крайней-мѣрѣ десять дней пути. Во-вторыхъ *три дня пути* гораздо болѣе четырехъ-сотъ осьмидесяти стадій: день пути считался всегда тридцать пять верстъ. Поэтому городъ имѣлъ бы сто пять верстъ протяженія вдоль и болѣе трехъ сотъ пятидесяти верстъ въ окружности. Такии размѣры окружной стѣны ни съ чѣмъ несообразны. Да сверхъ-того прямой порядокъ словъ еврейскаго географическаго указанія выражаетъ только то, что, *походомъ трехъ дней* ходили до города Нинивіи, а не въ городѣ или *кружомъ* города, а Нинивія сама была *городъ великій весьма*, но величина его не показана опредѣлительно.

Выпускаютъ изъ виду, какъ-бы нарочно, самое важное обстоятельство. Въ тогдашнюю эпоху владычества городовъ, составлявшихъ отдѣльныя державы, еврейское слово *oir*, такъ же какъ греческое *polis* и латинское *urbs* принимались

всегда въ смыслѣ города съ его территоріей, съ подвластными ему округомъ, съ городскою волостью или владѣніемъ. Вспомнивъ это, очень понятно, какъ, пройдя до границы нинивійской городской волости три два пути, или сто пять верстъ, можно было идти еще одинъ день или тридцать пять верстъ въ самой волости, въ самомъ *оурь*, прежде чѣмъ достигъ городскихъ воротъ.

Ничего естественнѣе этого простаго и совершенно древняго смыслу нельзя себѣ представить. Тридцать пять верстъ пути отъ границы городского владѣнія до воротъ города предполагаютъ по-крайней-мѣрѣ семьдесятъ или восемьдесятъ верстъ для всей длины волости, если городъ находился въ центрѣ своей территоріи, и до двухъ сотъ сорока верстъ въ ея окружности. Для Месопотаміи, и для тогдашнихъ городовъ, это — огромнѣйшее владѣніе: ни іудейскіе, ни финикійскіе, ни греческіе, ни италійскіе города того времени далеко не считали за собою такого пространства своей хозяйственной земли. Надлежало быть очень сильнымъ народомъ, чтобы пользоваться подобною волостью, и достовѣрное географическое показаніе естественно и основательно прибавляетъ вставную фразу: *Нинивія же была городъ великій весьма*, — великій *oig* — великій *polis* — *magna urbs*, въ тогдашнемъ значеніи словъ *oig*, *polis* и *urbs*. Развѣ, говоря о Римѣ, въ словѣ *urbs* не заключалось всегда и *Римское Поле*, то есть, римская волость, гдѣ граждане имѣли свои усадьбы? Развѣ въ Римѣ Каррагенъ называли когда-нибудь иначе какъ *urbs*, хотя онъ, кромѣ своей территоріи, обладалъ еще половиною сѣвернаго берега Африки, Сициліей и Испаніей? Территорія, то есть, правительствующая вмѣстѣ съ городомъ городская область могущественной каррагенской державы была, какъ извѣстно, очень не велика, еще менѣе Римскаго Поля. Могла ли территорія гордой Нинивіи быть обширнѣе нашего порядочнаго уѣзда, когда мы положительно знаемъ, что въ небольшой провинціи месопотамской Ашшурѣ или Атурѣ, то есть, Ассиріи, вскорѣ послѣ потопа были основаны четыре города: *Ниниве*, *Нелоботъ*, *Кала* и *Ирръ*, которые пользовались всѣ самостоятельностью? когда изъ той же доло-

жи, изъ Месопотаміи, или тигро-евфратскаго Междурѣчья западали въ близкую къ тому времени эпоху на Содомъ и прочіе города Пятиградія еще четыре царя четырехъ союзныхъ владѣній, царь Шиннара, царь Элама, царь Гойма и царь Эласара, то есть, Ларсесы, города, лежащаго въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Нинивіи.

Да чего болѣе! показанія арабскихъ географовъ совершенно разрѣшаютъ задачу о томъ, какъ должно разумѣть въ еврейскомъ географическомъ свидѣтельствѣ слова *оиръ*, городъ, и *Ниниве*, Нинивіа. Абубекръ-Ахмедъ-ибнъ-Вахшіе говоритъ: «Нинивіей, *Нинивею*, преемле при Набатейцахъ (жителяхъ халдейскаго происхожденія), называли область, заключающуюся между двумя рѣками, которыя въ наше время именуются Великимъ и Малымъ Забомъ; область эта простирается вдоль обоихъ рѣкъ, занимаетъ все пространство между ними и доходить до горъ (Курдистана)». Такъ вотъ и границы нинивійской волости! вотъ *оиръ Ниниве*, въ которой можно было идти *день пути*, прежде чѣмъ достигъ городскихъ воротъ. Прибавимъ еще, что еврейское свидѣтельство, упомянувъ, что въ нинивійскомъ *оирѣ* заключается болѣе ста двадцати тысячъ жителей, присовокупляетъ: и множество скота. Не ясно ли, что *оиръ*, *city*, означаетъ здѣсь всю волость съ городомъ, а не одинъ только собственный городъ!

Но ежели городъ съ своей волостью представлятъ только сто двадцать тысячъ душъ народонаселенія и множество скота, то мы не видимъ, можно ли ссылаться на еврейскія свидѣтельства, чтобы удостовѣрить кого-нибудь въ основательности греческихъ разсказовъ о безпримѣрной огромности и пышности Нинивіи. Напротивъ, по точному смыслу еврейскихъ географическихъ данныхъ, это—очень скромный городъ въ своей законной чертѣ, какъ бы онъ сидѣлъ ни былъ за этою чертою.

Но положимъ — и этого забывать не должно при правосудномъ разбирательствѣ дѣла — что въ Палестинѣ, при этой статистикѣ Нинивіи, считали, по обычаю всей древно-

сти, однихъ только свободныхъ гражданъ. Сто двадцать тысячъ гражданъ, имѣющихъ право носить оружіе, — женскій полъ, разумѣется, не въ счетъ — это много, даже очень много, втрое болѣе противъ Аѳинъ въ самое блестящее время ихъ могущества. Взявъ аѳинскую пропорцію свободныхъ людей къ несвободному классу, и причисливъ еще женщинъ, мы получимъ для народонаселенія Нинивіи, города съ областью, въ общемъ итогѣ, около полтора милліона. Для территоріи, заключенной между двумя Забами, это — великолѣпно; но ни чуть не изумительнѣе виртембергскаго королевства, и главный городъ такой волости очень легко могъ бы быть значительнѣе Штутгардта. Отсюда, до окружной стѣны въ восемьдесятъ верстъ протяженія, еще очень далеко, при многоэтажной архитектурѣ домовъ, при тѣсотѣ улицъ, и при необходимости допустить, что по-крайней-мѣрѣ три четверти рабовъ жили за стѣною, въ волости, и обрабатывали землю нинивійскихъ гражданъ. Притомъ же и стѣны этой, несмотря на ея исполинскіе размѣры въ толщину и въ вышину, нигдѣ слѣдовъ не находятъ. Очевидно, Ктесія говоритъ о другой Нинивіи, о Нинивіи сказочной, а не о подлинной и исторической.

И можно ли Ктесію упрекать за это? Конечно, нѣтъ. Для древняго Грека язычника, какъ бы онъ уменъ и ученъ ни былъ, всякая удивительная или занимательная сказка была исторіей. Мудрѣйшіи изъ Грековъ, Платонъ, прозванный «божественнымъ», понималъ историческое дѣло точно также. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые греческія сплетни доселѣ принимаютъ за чистую монету и вносятъ ихъ важно во всеобщую исторію!

Нужно ли ослепительное доказательство, что Ктесія повторяетъ одиѣ народныя басни современнаго ему Востока въ разсказѣ своемъ объ Ассиріи, Нинъ, Семирамидѣ и Сардапалѣ и имѣетъ въ предметъ сказочную Нинивію, а не одну изъ тѣхъ, которыя дѣйствительно существовали и были всѣмъ извѣстны въ его время? Сочиненіе Ктесіи, какъ извѣстно, потеряно. Но Діодоръ Сицилійскій, почерпнувшій всю свою мудрость восточную изъ этого сочиненія, оста-

вилъ намъ пространную выписку изъ него въ своей «Исторической библіотекѣ». Въ этой выпискѣ сказано, что во время осады Нинивіи арміями Белесія и Арбака, *Евфратъ* выступилъ вдругъ изъ береговъ, наводненіе разрушило часть городской стѣны, и въ этотъ проломъ непріятель прошелъ въ городъ. И этотъ *Евфратъ* неоднократно появляется на сценѣ въ повѣсти Ктесіи. Между-тѣмъ всѣ прочіе утверждаютъ, и мы знаемъ положительно, что Нинивія лежала при Тигрѣ, у впаденія въ нее рѣки Заба, которую Греки прозвали по-своему *Lykos*, а не при *Евфратѣ*. Кто виновать въ такой грубой, такой невѣжественной ошибкѣ? Одни бранятъ Ктесію, называя его шарлатаномъ и вралемъ, другіе Діодора, который будто-бы читалъ безъ очковъ и плохо выписалъ изъ такого «драгоценнаго» сочиненія. Но можно ли допустить, чтобы Ктесіи, долго жившему въ Персіи, и Діодору, римлянину, когда Римскіе легіоны стояли въ виду города, который вскорѣ прозвался *Augusta colonia niniva Claudia*, не извѣстно было, при какой рѣкѣ находится настоящая Нинивія? Но они объ настоящей-то и не думали. Имъ какое дѣло до исторической или географической истины? Развѣ объ этомъ хлопотали въ древности? Развѣ исторія не состояла тогда въ томъ, чтобы рассказывать занимательныя вещи, а не рассказывать правду? Они дѣлаютъ, что дѣлала вся древность: повторяютъ любопытные вымыслы, принятые народною повѣстью; это и есть—*исторія*. Магометъ *исторіей* называетъ сказки въ родѣ «Тысячи одной ночи»: а онъ навѣрное не былъг лупѣ доктора Ктесіи и зналъ что говорилъ. «Исторіей» считалась у древнихъ всякая повѣсть, въ которой упоминались имена извѣстныхъ царей, героев и городовъ, вводимыя сочинителями сказокъ для прикрытія вымысла и для вѣщаго удовольствія читателя. Предавъ проклятю *исторіи*, Магометъ спасъ исторію: Аравитяне стали сочинять простыя лѣтописи, на которыхъ наконецъ она основалась. Къ такимъ же проклятымъ *исторіямъ* принадлежатъ и всѣ древнія языческія *исторіи* объ Ассиріи. И Ктесія и Діодоръ заботятся положительно только о сказочной Нинивіи, которая и для нихъ и для ихъ читателей не-

сравненно интересѣе настоящей. Сказка же помѣщала свою Нинивію при Евфратѣ. При Тигрѣ ей невозможно было предположить такого чуднаго города: сравненіе съ дѣйствительностью тотчасъ убило бы всю занимательность вымысла. И вѣдь, спрашивается, не вѣрить, что Ктесія прочиталъ всѣ эти басни о Нинѣ, Семирамидѣ, Сарданапалѣ и объ ихъ Нинивіи въ книгохранилищѣ царя Персовъ, что онъ все это выписалъ изъ царскихъ рукописей? Развѣ мы не знаемъ, какъ древніе Персы писали свою собственную исторію? Шахъ-наме сочинена по древнимъ царскимъ книгамъ: а есть ли въ ней малѣйшій слѣдъ исторической или географической истины?

Тѣ изъ древнихъ языческихъ писателей, которые, слышавъ о настоящей Нинивіи на Тигрѣ, о Нинивіи, извѣстной Палестины, о Нинивіи Пула, Салманасара, Сеннехериба, помѣщали при этой рѣкѣ сказочную Нинивію Нина, Семирамиды и Сарданапала, тѣ-то напротивъ, стѣбуютъ всякой брани и обиды со стороны нынѣшнихъ академиковъ и профессоровъ. Они мудрствовали, они говорили не то, что слышали, произвольно перепрастляли сказку, существенную исторію тогдашняго міра. Они—лжецы; а не Ктесія, честный врачъ, отличный историкъ, который усердно собираетъ исторіи, душевно вѣрить всякому сказочному вздору и буквально повторять его какъ очень любопытную исторію.

Мы сказали, что Нинивіи было нѣсколько, и это—фактъ. Кромѣ возвышенія, состоящаго изъ зарытыхъ въ щебнѣ древнихъ руинъ, которое лежитъ насупротивъ Мусула и донинѣ называется *Ниниви*, въ среднихъ вѣкахъ Якути, и другіе арабскіе географы и писатели, постоянно показывали еще двѣ Нинивіи, одну Нинивію-Островскую, *Ниниви эль-Джегер*, заключенную между двумя Забами, на восточной сторонѣ Тигра, въ области Асурѣ, у Сирійцевъ Атурѣ, у Страбона Атуріи, а другую Нинивію-Вавилонскую, *Ниниви Бабель*, область, лежащую въ Вавилоніи, слѣдовательно область *евфратскую*. Всѣ они въ этой второй Нинивіи помѣщаютъ городъ *Кербелу-Хуссейнову*, соедѣній съ Багдадомъ, а нини причисляютъ къ ней и Хулванъ. Слѣдовательно, Ктесія не совсѣмъ неправъ. Сказка своей возлюбленный баснословный

городъ Нинивію предполагала въ евфратской и вавилонской области Нинивіи, недалеко отъ Кербелы, въ мѣстахъ, которыми тоже даютъ иногда общее имя *Атура* или *Асура*. Сравнивъ повѣсть Геродота о Вавилонѣ съ Ктесіевыми подробностями о Нинивіи, нельзя не видѣть, что сказка смѣшивала эти два города, такъ, что ни тотъ ни другой писатель не знали навѣрное, что собственно относится къ Вавилону Бела, а что къ Нинивіи Нила и Семирамиды. Древнему своему Вавилону Бела Геродотъ приписываетъ такую же четверугольную подстройку, какая находится въ Нинивіи-на-Тигрѣ. Окружныя стѣны, вавилонская у Геродота, и нинивійская у Ктесія, представляютъ одинаковую обширность. А между-тѣмъ стѣны этихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака ни въ настоящей Нинивіи ни въ настоящемъ Вавилонѣ! А изъ Страбона мы знаемъ, что подобныхъ четверугольныхъ подстроекъ, остатковъ первозданаго городостроительства, было много и по Тигру и по Евфрату, и что съ каждою изъ нихъ соединилось имя Семирамиды. Не ясно ли, что самыя эти подстройки и были *семирами*? Въ олицетвореніяхъ притчи они представляли супругу, которой олицетворенный мужъ—виднѣвшіяся на нихъ развалины колоссальныхъ зданій первообразованной эпохи. Гдѣ было побольше такихъ памятниковъ первообразованной, забытой эпохи, *кинези*, или «слѣдовъ», *аширь*, *атурь*, тамъ и вся область принимала названіе Нинивіи или Ассиріи, Атуріи.

Всѣ эти обстоятельства и уваженія нужно было изложить предварительно, чтобы поставить читателя, обыкновенно мало знакомаго съ восточными древностями, въ состояніе обозрѣвать открытія господъ Леярда и Ботты съ достаточнымъ приготѣвленіемъ къ предмету. Нинивіи Нила и Семирамиды, Нинивіи Ктесіевой, которая вошла въ курсы нашей всеобщей исторіи и о которыхъ писали эти предприимчивые гости Востока и ихъ ученые покровители лондонскіе и парижскіе, нечего и мечтать: такой Нинивіи никогда не водилось на свѣтѣ. Была одна только нинивійская держава, съ столицею, извѣстною подъ именемъ Нинивіа; была Нинивіа или Ассирія политическая и историческая, несомнѣнно и досто-

вѣрно богатая и сильная в теченіе нѣкотораго времени; но это — Нинивія Пула в Сеннехеріба, Нинивія, извѣстная Евреямъ, Нинивія семисотыхъ годовъ до Рождества Христова. Одна эта Ассирія и Нинивія должны быть принимаемы разсудительною всеобщею исторіею. Давно пора вырвать изъ нея блестяще-уродливыя страницы, на которыхъ до вѣрчивая наша эрудиція выдаетъ за возстановленную исторію Ассиріи странный чертогъ, выстроенный ею изъ древней лжи и древней истины, очень ученую, весьма искусно подобранную, но тѣмъ не менѣ смѣшную и чудовищную смѣсь языческихъ притчъ, подхваченныхъ у Грековъ, съ положительными свидѣтельствами Палестины, о двухъ разныхъ и, по существу своему, не согласимыхъ Нинивіяхъ, сказочной и подлинной. Какое право имѣемъ мы бранить Ктесію, добродушно повторяющаго тогдашня народныя исторіи своихъ единовѣрцевъ о Нинивіи и Ассиріи, когда сами очень важно рассказываемъ объ нихъ такіе нестерпимые вздоры нашего ученаго издѣлія?

Я забылъ еще одно вступительное обстоятельство, очень нужное къ свѣдѣнію при обзорѣи открытій господъ Леярда и Ботты. Гдѣ собственно была выстроена извѣстная Евреямъ Нинивія, этого не возможно опредѣлить упоминаніями ихъ географическихъ свидѣтельствъ. Положительно извѣстно только то, что она находилась при Тигрѣ, на восточной сторонѣ этой рѣки. Но всѣ туземныя преданія, перешедшія длинный рядъ вѣковъ, назначаютъ ей мѣсто около нынѣшняго города Мусула, лежащаго на пути изъ Алепа въ Багдадъ. Здѣсь донынѣ есть деревня, которую зовутъ *Ниниви*. Здѣсь, въ другомъ мѣстѣ, показываютъ могилу пророка Іоны, *Неби-Юнусъ*, равно почитаемую христианами и магометанами. Поблизости отсюда впадаетъ въ Тигръ *Забъ*, у Грековъ *Zabatos* или *Lukos*, который еще въ тринадцатомъ столѣтїи туземцы называли *Нинивійскою Рѣкою*. Тутъ же между двумя *Забамы*, Большимъ и Малымъ, по свидѣтельству арабскихъ географовъ, находилась одна изъ двухъ областей, носившихъ названіе *Нинивій* въ ихъ время, уже почти въ исходѣ среднихъ вѣковъ, именно, *Нинивія-Островская*. Лѣтъ черезъ триста до-

елѣ Сеннехериба, какъ, нельзя болѣе достовѣрнаго царя этой Нинивіи, Александръ-Вѣликій, по словамъ его историковъ, здѣсь же занялъ городъ по имени *Нинивію*. Спустя пять столѣтій, Рамляне имѣли въ этихъ мѣстахъ свое военное поселеніе, извѣстное еще Тапигу, и котораго медали, съ надписью *Augusta Colonia Niniva Claudia* (императорское поселеніе *Нинива Клавдіевъ*), существуютъ во многихъ нумизматическихъ собраніяхъ: ихъ находятъ въ окрестностяхъ Мусула, правильнѣе *Моусыла*. Еще пять столѣтій спустя, императоръ Ираклій нашелъ зѣсь, у Заба, городъ *Нинивію*. Если къ этому прибавить новыхъ пять столѣтій, то мы очутимся среди арабскихъ писателей, показывающихъ тутъ же и рѣку и область такого же названія. Словомъ, непрерывная цѣпь одногласныхъ и совершенно уважительныхъ свидѣтельствъ, проходящая черезъ осемнадцать и болѣе столѣтій, не позволяетъ сомнѣваться, что во всѣ эти времена *Нинивіа*—по-крайней-мѣрѣ одна изъ Нинивій—находилась здѣсь именно. Но между Сеннехерибомъ и Александромъ-Великимъ, не задолго до македонскаго завоевателя, проходилъ этими мѣстами десяти-тысячный вспомогательный корпусъ Грековъ, котораго знаменитое отступленіе такъ обстоятельно описано предводителемъ его, Ксенофонтомъ, обожателемъ Сократа и истины. Кажется, что перейдя Забъ, корпусъ этотъ долженъ бы, подобно Александру-Великому, наткнуться прямо на Нинивію. Ничего не бывало. Ксенофонтъ прошелъ по берегу Тигра, и *Нинивіи* нигдѣ не оказалось. Онъ нашелъ въ этомъ мѣстѣ два старинныя мидійскія города, очень близкіе другъ къ другу, и одинъ изъ нихъ назывался *Ларисса*, а другой *Меспила*, разумѣется, по мидійскому произношенію (Ⓞш вмѣсто Ⓞ), что по другимъ выговорамъ выходитъ *Мессила*. Это были извѣстный Евреямъ *Элласаръ* и нынѣшній Мусулъ или *Моусылъ*. Какъ же объяснить это? задача—очень трудная. Ксенофонтъ навѣрное не забылъ бы похвастаться, что онъ былъ въ Нинивіи. Въ Лариссѣ своей онъ видѣлъ примѣчательную пирамиду, и эта пирамида отыскана теперь въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, у впаденія Заба въ Тигръ, тамъ

известно, гдѣ, по всѣмъ показаніямъ, должна бы находиться Нинивія.

Для тѣхъ, которые очень умѣренно прельщены исторіей походовъ Александра-Великаго, оставленною намъ греческимъ правдолюбіемъ, — а мы принадлежимъ къ этому числу, — вопросъ значительно облегчается тѣмъ размышленіемъ, что, говоря вообще, историки этого героя сдѣлали изъ своихъ посильныхъ писанійхъ все возможное и отъ нихъ зависящее, чтобы заслужить себѣ названіе отъявленныхъ лжецовъ. Александръ въ глаза не выдывалъ Нинивіи: онъ, вѣрно, былъ въ Мусулѣ или Лариссѣ, а они, зная, что въ томъ мѣстѣ, между двумя Забами, находится область Нинивія, одинъ изъ этихъ городовъ украсили, слогу ради, титуломъ старинной Нинивіи, которая, послѣ библейскаго паденія своего, никогда уже не вставала. Или, быть можетъ, Александръ-Великій, на томъ же основаніи сѣдства области и рѣки Нинивіи, повелѣлъ Лариссѣ именоваться отнынѣ впредь Нинивіей въ честь сказкамъ о Нинѣ и Семирамидѣ, подобно тому, какъ Римляне потомъ велѣли Меспилѣ или Мусулу называться *Клавдіевою-Нинивіей*. Что касается до византійскихъ описаній Иракліева похода, то ихъ *Нинивія* — чистая риторика: какъ не возстановить, при такомъ удобномъ случаѣ, имени города Нинивіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недавно была Клавдіева-Нинивія и гдѣ цѣлая область между двумя Забами, и даже самый *Заба*, у туземцевъ называются *Ниниен*? Несомнѣнно, въ Нинивію тутъ переименованъ прозвательно, старинный *Эмласаръ*, въ греческомъ произношеніи Ксенофонта *Ларисса*, нынѣшній *Нижродъ*.

Теперь мы можемъ перейти къ любопытнымъ открытіямъ господъ Деярда и Ботты. Новость, разнообразіе и занимательность открытыхъ предметовъ такъ велики, что имъ слѣдуетъ посвятить отдѣльную и довольно подробную статью. Въ будущей книжкѣ мы постараемся исполнить это, не останавливаясь уже на спорныхъ историческихъ и географическихъ вопросахъ, которые безпрестанно и чрезвычайно затрудняли бы изложеніе, не бывъ разсмотрѣны предварительно.

1, THE MONUMENTS OF NINIVEN, from drawings made on the spot by Austen Layard, etc. (*Памятники Нинивіи, по рисункамъ, снятымъ на-мѣстѣ, изданные Августиномъ Ледардомъ. Лондонъ, 1848, folio*).

2. MONUMENT DE NINIVE, découvert par P. Botta, dessiné par E. Flandin, etc. (*Памятникъ нинивійскій, открытый П. Боттою, срисованный Е. Фланденомъ. Парижъ, 1847—1849, folio*).

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Мы старались, въ прошломъ мѣсяцѣ, дать общій очеркъ двухъ главныхъ эпохъ древняго міра, которыя сами собою опредѣляются при возрѣніи на два совершенно различные характеры строительныхъ памятниковъ. Чтобы найти вѣрную нить руководства въ этомъ хаосѣ и оградить воображеніе свое отъ искушенія, которымъ увлекаются многіе, сочинять странныя теоріи и творить насильственные выводы, нужно прежде всего ясно понять сущность этихъ двухъ эпохъ, названныхъ нами *первообразованною* и *второобразованною*.

Первообразованная эпоха начинается непосредственно отъ потопа и продолжается до временъ Авраамовыхъ или до начала исторіи. Это — эпоха первозданныхъ городовъ и исполинскихъ построекъ, такъ сказать; эпоха первобытныхъ Вавилонцевъ, Старо-Египтянъ, построившихъ пирамиды, но еще не знавшихъ ни многобожія Гермеса—Тревеликаго ни іероглифическаго письма, Пеласговъ, Циклоповъ, или *Одноглазниковъ*, обожателей бога съ однимъ глазомъ, и другихъ невѣдомыхъ народовъ, сильныхъ, образованныхъ, промышленныхъ, богатыхъ, пристрастныхъ къ колоссальности и впоследствии прозванныхъ глухими именами *Строителей* (Теусгі у Грековъ, Aztek у Мексиканцевъ), *Каменщиковъ* или *Извѣстчиковъ* (Titani у Грековъ, Tolkek у Мексиканцевъ) или,

вообще, *Великановъ*. Повѣсть о враждѣ этихъ Великановъ съ Юпитеромъ ясно показываетъ, что все эти народы предшествовали учению матеріализма о эфирѣ и теоріямъ юпитерическаго многобожія, которыя восторжествовали надъ ихъ первобытнымъ вѣрованіемъ. Имъ принадлежатъ громадныя стѣны, сложенныя изъ огромныхъ камней, городскія четверугольныя подстройки и, особенно, какъ характеристическій погребальній монументъ, *пирамиды*, которыя впрочемъ не что иное какъ курганы. Пирамида — архитектурное воспроизведеніе насыпнаго кургана. На египетскихъ пирамидахъ еще нѣтъ іероглифовъ: они принадлежатъ совсѣмъ другой эпохѣ, гораздо древнѣйшей, чѣмъ іероглифическое письмо и теорія многобожія, раздѣленнаго на вѣру простонародную и вѣру тайную, которая и употребляла эту сокровенную грамоту.

Второобразованная эпоха, это — рядъ вѣковъ, заключенныя между двумя вторженіями дикости въ образованность, между двумя паденіями гражданственности и искусства, между основаніемъ новыхъ обществъ около времени Авраамовыхъ и нашествіемъ Варваровъ на Римскую Имперію послѣ Христа. Это — эпоха собственно извѣстная намъ подъ названіемъ *древности* или, точнѣе, *классической древности*. Это — промежутокъ времени, въ который изъ наплыву, на земли первообразованныхъ народовъ, дикихъ племенъ, расплодившихся въ степяхъ, возникли, образовались и наши Халдеицы, Персы, Египтяне еиво-мемонскіе, слѣдовавшіе ученію Гермеса-Провеликаго и писавшіе іероглифами, Финикійцы, Карфагенцы, Этруски, Греки и Римляне. Архитектура этихъ народовъ, въ размѣрахъ своихъ гораздо мельче, хотя все-еще колоссальнѣе архитектуры нашей третичной образованности. Погребальныя монументы ея уже не курганы, и не пирамиды, но *подземелья*, hypogei, ямы, комбаты, рытыя въ землѣ и обдѣланныя кирпичомъ или камнемъ, часто кованныя въ скалѣ, въ отлогостяхъ и бокахъ горъ. Это обстоятельство очень важно: разница между эпохою пирамидъ и эпохою подземелій или ипогеевъ, такъ значительна, что мы найдемъ *пирамиды*, разрушенныя, зарытыя въ горѣ щебно и мусору, забы-

ья древнѣйшею памятью человѣческою, и въ этой же горѣ, высоко *надъ* основаніемъ пирамидъ, устроенныя гробовыя одземелья, весьма древнія, несомнѣнно принадлежащія горообразованной эпохѣ.

Много столѣтій и поколѣній нужно было, чтобы *надъ* разрушившимися пирамидальными постройками одной эпохи возвысились цѣлыя насыпныя горы, въ которыхъ другая эпоха могла бы устроить себѣ могильныя комнаты, такъ въ обыкновенной горѣ. Но второобразованная эпоха не только иногда строилась *надъ* поглощенными землею сооружениями первой эпохи, но часто также воздвигала свои зданія и *на* самыхъ этихъ сооруженияхъ непосредственно, пользуясь остатками ихъ какъ готовыми подстройками для своихъ работъ. Такъ, въ Римѣ, Капитолій былъ выстроенъ на массивной подстройкѣ; сохранившейся отъ первообразованной эпохи, отъ временъ Строителей-Великановъ, на циклопской стѣнѣ. Подъ развалинами этрусскихъ городовъ, еще древнѣйшихъ чѣмъ Римъ, мы находимъ тоже циклопскія подстройки. На это обстоятельство слѣдуетъ обратить главное вниманіе при разборѣ памятниковъ. Оно объясняетъ, какимъ образомъ на тигро-евфратскихъ *семирамахъ* то есть, четверугольныхъ платформахъ или городскихъ подстройкахъ той же первообразованной эпохи и на фундаментахъ ея разрушенныхъ чертоговъ, *ниль, нинве,* строились *нинивитъ,* города и дворцы Халдейцевъ Вавилоніи и Ассиріи въ эпоху второобразованную. Оно строго намъ предписываетъ, выше, при разрытіи этихъ Нинивій, не смѣшивать этихъ двухъ эпохъ, двухъ древностей, двухъ различныхъ образованностей, въ открываемыхъ остаткахъ памятниковъ. Оно, наконецъ, соглашая всѣ кажущіяся противорѣчія, рѣшаетъ затрудненія самымъ простымъ образомъ, безъ нужды прибѣгать къ азартнымъ предположеніямъ.

Не нужно слѣдовать хронологическому порядку случайныхъ открытій господъ Ляярда и Ботты, который запуталъ бы насъ чрезвычайно. Пойдемъ прямо къ главнымъ, къ самымъ разительнымъ чертамъ этихъ открытій, къ точкамъ, съ которыхъ читатель самъ увидитъ, что къ которой

эпохъ должно относиться. Впослѣдствіи можно будетъ коротко упомянуть о томъ, какъ производились раскапыванія и какіе были ихъ постепенные результаты.

Окрестности Мусула, по лѣвую или восточную сторону рѣки Тигра, устьяны по обширной равнинѣ холмами, небольшими горами. Греческіе писатели называли ихъ *chomata*, *насыпями*. Онѣ существовали до Александра-Великаго. Мѣстами эти возвышенія скучены, мѣстами рѣдко разбросаны, и состоятъ изъ накопленій древняго мусору, покрытаго большею частью толстымъ слоемъ растительной земли на которой, какъ на пепельныхъ холмахъ Помпей, растутъ во многихъ мѣстахъ деревья, въ другихъ разведены виноградники или построены деревни, въ иныхъ разросся бѣлотерновникъ или скудно живутъ кусты жесткихъ травъ въ безплодной пыль. По именамъ пынѣшнихъ деревень главнѣйшія изъ этихъ насыпей именуется *Хорсабадъ*, *Комиджукъ*, *Неби-Юнусъ* (Пророкъ Іона), *Ниниве* и *Нимродъ*. Самая сѣверная изъ нихъ—Хорсабадъ, лежащая верстахъ въ пятнадцать къ сѣверо-востоку отъ Мусула; самая южная — *Нимродъ*, при Тигрѣ, недалеко отъ впаденія Большаго Заба, гдѣ Александръ-Великій, по словамъ своихъ историковъ, и императоръ Ираклій, по увѣренію Византійцевъ, встрѣтили городъ *Нинивію*, гдѣ арабскіе географы среднихъ вѣковъ показываютъ область, извѣстную въ ихъ время подъ названіемъ *Нинивіи-Островской*, но гдѣ между-тѣмъ Ксенофонтъ съ своимъ корпусомъ нашелъ только *старинный иудійскій городъ Лариссу*, Элассаръ по еврейской географіи, съ примѣчательною старинною пирамидою, которой остатки отысканы господиномъ Леярдомъ, въ томъ же мѣстоположеніи, именно въ нимродской насыпи, на платформѣ, служившей подстройкою древнему городу.

Надо прежде всего знать, что такое — эти платформы, разбросанныя по Ассиріи и Вавилоніи и называвшіяся искони *шемирамъ*, или семирамидами. Это — болѣе или менѣе обширныя, очень прочныя настилки нежженаго кирпичу, вышиною отъ шести до семи сажень, въ видѣ правильныхъ четвероугольниковъ, восходящихъ пирамидально, то есть,

глого, какъ наши крѣпостныя стѣны. Наклонные бока ихъ были первоначально одеждою изъ каменныхъ плитъ; плоская вершина была тоже вымощена плитами. На такихъ пирамидальныхъ подстройкахъ стояли въ первообразную эпоху города съ своими дворцами, храмами и нагоящими пирамидами; и на нихъ-то, впоследствии, нерѣдко сновывались города второобразованной эпохи, напримѣръ, озднѣйшіе Вавилонъ и Нинивія. Отсюда случалось, что реди новозданнаго города, обитаемаго второобразнымъ народомъ, погребавшимъ тѣла свои въ подземельяхъ, стояли *крамиды*, твердые погребальные памятники первообразныхъ людей, хоронившихся въ насыпныхъ или каменныхъ сурганяхъ. Пирамиды эти естественно славились гробницами *царя Нина*, тѣмъ болѣе, что тутъ же, рядомъ съ пирамидами, съ глубочайшей классической древности видѣлись еще и другіе *нипы* или *нишвы*, руины зданій первообразованной эпохи. Эти остатки жители новозданнаго города часто употребляли какъ матеріалы на свои архитектурныя производства, строя изъ нихъ на готовыхъ платформахъ дворцы въ новомъ вкусѣ, храмы другимъ божествамъ и дома для себя какъ владѣтелей *странъ памятниковъ*, или *сльдовъ*, *assuga*, *athuga*, то есть, *ассирій*. Эти пирамидальныя подстройки строго сообразуются въ бѣковыхъ линияхъ своихъ съ кардинальными сторонами горизонта, сѣверомъ, востокомъ, югомъ и западомъ, подобно египетскимъ пирамидамъ и мексиканскимъ такого же роду сооруженіямъ. Теперь онѣ образуютъ собою основаніе мусорныхъ горъ, или насыпей, создавшихся изъ щебню кирпичныхъ построекъ, производившихся на нихъ въ различныя столѣтія.

Въ нимродской насыпи, на днѣ, погребена очень обширная пирамидальная городская подстройка, или платформа, вѣдѣвшая въ вышину до семи сажень. Южный бокъ ея

* Какъ сказано въ предыдущей статьѣ, подъ названіемъ *ассирій* должно разумѣть всякую область, наполненную руинами первообразованной эпохи. Нинивій и ассирій было нѣсколько, и сказочныя преданія переносили ихъ между собою. Наконецъ уже исторія присвоила названіе *Ассирія* по-превосходству области, орошаемой Тигромъ и Забамъ, гдѣ находилась историческая Нинивія, извѣстная Евреямъ, падшая за семь столѣтій до Рождества Христова.

тянется параллельно къ Забу, а западный примыкаетъ къ Тигру, противъ слѣдовъ древняго ассирійскаго моста съ шлюзомъ, или *Нимродовымъ Порогомъ*, на Тигрѣ. Языческія сказанія о баснословномъ царствѣ Нина и Семирамиды безпрестанно смѣшиваютъ Нинивію съ Вавилономъ и ассирію тигрскую съ ассиріей евфратскою. Вотъ почему въ камняхъ остатковъ этого шлюза можно еще и теперь узнать слѣды *бронзовыхъ крюковъ* или спай моста, помѣщаемаго Ктесіеей на Евфратѣ, въ Вавилоніи, которой и великій *Нимродъ*, какъ мы видимъ по названію мѣста, очутился здѣсь же, на Тигрѣ. Вершина нимродской насыпи волниста, и мѣстоположеніе ларисской пирамиды, упоминаемой Ксенофонтomъ, означаетъ на ней особеннымъ высокимъ горбомъ, близъ сѣверо-западнаго угла платформы, которой остальная площадь покрыта фундаментами и стѣнами разныхъ зданій. Нѣкоторые думаютъ, что эта-то пирамида превратилась въ сказочныхъ преданій въ Мавсолей Нина. Далеко еще не всѣ архитектурныя остатки платформы раскрыты, однако жъ очеркъ вершины насыпи нигдѣ не показываетъ мѣста, похожаго на могилу Семирамидина *Рая, paradisos*. Сказка свою Нинивію очевидно сочинила изъ набора легендъ, относящихся къ первоначальнымъ руинамъ множества различныхъ точекъ тигро-евфратскаго Междурѣчья. Разбирать ее рѣшительно не стоить труда.

Разрывая щебень насыпи около центра ея, господинъ Деврдь наткнулся, случайно, на довольно значительной глубинѣ, на многочисленныя гробницы, очень древнія, чисто построенныя изъ жженого кирпичу, безъ извести, и закрытыя большими алебастровыми плитами съ рѣзбою. Нѣкоторыя изъ этихъ гробницъ состояли изъ глиняныхъ жженныхъ саркофаговъ съ крышками. Можно было, по справедливости, почестъ такое открытіе окончательнымъ въ этомъ мѣстѣ и не предполагать ничего болѣе подь кладбищемъ. Но господинъ Деврдь приказалъ рыть глубже и, спустясь аршина на три подь уровень древняго кладбища, къ немалому удивленію своему нашелъ стѣны дворцовъ и храмовъ, явственно разрушенныхъ пожаромъ, развалины пирамиды

другіе остатки зданій, построенныхъ непосредственно на платформѣ. Такия же алебастровыя плиты, какъ на гробницахъ, в сѣ таковыя же скульптурными изображеніями, служили еще и въстанн одеждою этимъ стѣнамъ или лежали возлѣ нихъ на мостовой платформѣ. Сравненіе крышекъ гробницъ и этими плитами показало, что для закрытія могилъ алебастровыя доски добыты были отсюда и обрѣзаны по величинѣ гробовъ. Вотъ безспорно двѣ эпохи бытія, раздѣленные голѣтѣями. Какіе люди погребались на этомъ кладбищѣ, тронденитомъ надъ этими дворцами, храмами, пирамидами? Въ одной гробницѣ былъ женскій скелетъ, рассыпавшійся въ прахъ отъ перваго прикосновенія. При немъ найдены три глиняныя вазы, два серебряные браслета, шпилька для волосъ, родъ печати, и остатки ожерелья съ бусами пѣвтыными, стеклянными, агатовыми, сердолитовыми и аметистовыми. Застежкой ожерелья служилъ маленькій *лежащій левъ*, а серединнымъ украшеніемъ *трубочка* съ рѣзбою въ родѣ рѣзбы нашихъ печатей, и съ изображеніемъ *короля стоящаго на колысницѣ и охотящагося за дикимъ быкомъ*.

Въ другихъ гробницахъ подобраны мѣдныя зеркала, блюда, вазы, жертвенныя ложки, и разныя статьи домашней утвари.

Разборъ этой рухляди, особенно эта рѣзная *трубочка*, статья исключительно ассирійская, и этотъ *царь на колесницѣ*, эта *охота за дикимъ быкомъ*, сюжетъ безпрестанно повторяющійся въ большомъ размѣрѣ въ стѣнныхъ скульптурахъ ассирійскихъ дворцовъ, разрытыхъ на платформахъ въ Коюнджукѣ, Хорсабадѣ, и здѣсь, въ Нимродѣ, разрѣшаютъ всякое сомнѣніе относительно къ эпохѣ и племени, которымъ принадлежатъ гробницы. Кладбище и зарытыя подъ нимъ зданія явственно относятся къ одному и тому же народу, къ одной и той же вѣрѣ, но кладбище устроилось здѣсь долгое время спустя послѣ паденія города и пожара дворцовъ. Положительно здѣсь была, при владычествѣ Мидійцевъ, *Ларисса*, старинный *мидійскій городъ*, который видѣлъ Ксерксъ. Но здѣсь же, скажутъ, подъ Лариссою, могла быть

Нинивія, извѣстная Евреямъ, которая рушилась лѣтъ за семь сотъ до Рождества Христова. Могла — и не могла. Мы это увидимъ. Между-тѣмъ нѣкоторые домашніе предметы, египетскаго издѣлія, найденные въ гробницахъ, достаточно указываютъ на время основанія кладбища. Его должно причесть по-необходимости къ эпохѣ, въ которую Ассирія и Египетъ были соединены подъ властью одного народа, когда, послѣ покоренія Египта, сообщенія съ этою землею, служебныя и торговыя, стали постоянными, и вкусъ къ египетскимъ произведеніямъ и диковинкамъ распространился въ правительствующемъ и богатомъ классѣ. Это значить, что нимродское ассирійское кладбище относится явственно къ эпохѣ владычества Персовъ, къ четырехъ-сотымъ годамъ до Рождества Христова, и современно проходу Ксенофонта. Отсутствие греческихъ вазъ и другихъ предметовъ эллинскаго издѣлія служитъ удостовѣреніемъ, что оружіе Александра-Великаго еще не открывало здѣшнихъ дорогъ сѣверо-западной торговлѣ, еще не подчиняло страны афинскихъ модямъ: иначе, произведенія греческой промышленности непременно нашлись бы здѣсь между рѣдкостями и любимыми вещами усопшихъ, которыя хоронились вмѣстѣ съ нами по общему обычаю эпохи. Въ гробницахъ Этрурін, состоявшей въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Греціей, Фидіей и Египтомъ, всегда находятъ рядомъ съ вещами мѣстнаго этрускаго издѣлія, произведенія ремесленниковъ Коринфа, Тира и Мемфиса.

Проходя этими мѣстами не задолго до Александра, Ксенофонтъ могъ слѣдовательно видѣть это кладбище тогдашнихъ жителей Лариссы, точно такъ же какъ видѣлъ онъ пирамиду, пагребальный памятникъ, стоявшій на платформѣ современъ первообразованной эпохи. Но, навѣрное всей пирамиды тогда уже нельзя было видѣть. Нижняя часть ея, по-необходимости, была зарыта въ щель до высоты кладбища, подъ которымъ, на самой платформѣ, скрывались дворцы второзданнаго города, истребленнаго огнемъ. Если бы этотъ подъ-кладбищный городъ былъ Нинивія, въ которой проповѣдывалъ Пророкъ Іона, то накопленіе земли

тъ мостовой платформы до высоты кладбища произошло в течение двухъ сотъ лѣтъ, не болѣе, а остальное наколеніе, отъ кладбища до нынѣшней вершины холма, наколеніе не многимъ по-толще перваго, составилось бы только въ двѣ тысячи четырехста лѣтъ. Такая несоразмѣрность въ постепенномъ возвышеніи почвы достаточна для убѣжденія въ томъ, что подъ-кладбищный второзданный городъ не можетъ быть извѣстная Евреямъ, историческая Нинивія Пула, Алманасара и Сеннехериба, кончившаяся въ исходѣ сего вѣка до Рождества, а долженъ быть Элассаръ, опустошенный гораздо прежде, надъ которымъ послѣ многихъ толпѣй выстроилась подвластная Мидійцамъ Ларисса, внода называвшаяся Нинивіей по названію всей области, заключенной между двумя Забами и Тигромъ.

Въ оправданіе этой несоразмѣрности можно сказать, что уже болѣе тысячи лѣтъ не строятся на нимродскомъ возвышеніи; слѣдовательно, оно со времени опустѣнія Лариссы не могло увеличиваться въ высоту, и быстрота накопленія земли между платформою и поверхностью кладбища вовсе не противна правдоподію при употребленіи, для построекъ, нежженого кирпича, такъ легко превращающагося въ почвенную массу, когда каменная одежда стѣнъ отвалилась послѣ пожара и зданія оставлены безъ поддержки. Во всякомъ случаѣ подъ-кладбищный второзданной городъ, во время своего существованія, съ этою пирамидою первозданной эпохи, и вѣроятно съ другими еще памятниками, уцѣлѣвшими отъ ея временъ, представлялъ такой же видъ смѣси архитектурныхъ эпохъ какъ и самый Римъ, гдѣ еще въ блистательнѣйшее время его могущества удивлялись величію колоссальныхъ подстроекъ Капитолія, Сцоаса Maxima и Agger Servii Tullii, несокрушимыхъ сооруженій другой эпохи и другаго народа, котораго даже и самое имя было забыто. Римскія народныя сказанія приписывали эти памятники Этрускамъ, стариннымъ обладателямъ страны, и баснословнымъ царямъ Рима отъ этрускаго роду, наслѣдникамъ Ромула. Но мы нынче знаемъ положительно, что метода стѣностроенія у Этрусковъ была совсѣмъ другая, и что

даже въ собственныхъ ихъ городахъ выходились подростки, подобныя капитолійскимъ и несомненно принадлежащія къ такъ называемымъ циклопическимъ работамъ, къ остаткамъ первообразованной эпохи, къ трудамъ неизвестнаго народа, котораго мѣсто заняли Этруски. Мавзолей Мавсолей Норсинны и другія пирамидальныя сооруженія въ собственной землѣ Этрусковъ, какъ и мавзолей Мавсолей Нина въ Ассирии, безспорно принадлежали тому же неизвестному народу.

Какъ назвать этотъ загадочный народъ, или эти народы первообразованной эпохи, оставившіе послѣ себя такія могучія зданія? Пользуясь намеками сказокъ греческой древности, новѣйшая историческая ученость подхватила въ нихъ имя Пеласговъ и оно теперь въ большомъ ходу. Пеласгами называются, у строителей гипотезъ, всѣ образованные народы, предшествовавшіе классической древности и племя Пеласговъ, послѣ Нибура, распространяется страшно болѣе и болѣе. Нынче оно уже признается всеобщимъ первобытнымъ обладателемъ вселенной отъ Инда до Альпъ; въ Этрусковъ, которые, по своимъ преданіямъ, вышли изъ Лидіи, многіе почитаютъ за послѣдній остатокъ Пеласговъ. Споры нѣтъ, что между скульптурными сюжетами Ассирійцевъ и живописными панятынками Этрусковъ замѣчается много соотношеній: но метода строенія какъ Этрусковъ такъ и Ассирійцевъ совсѣмъ не сходна съ тою, которую прежде именовали циклопскою, а теперь охотно называютъ пеласгическою. И Ассирійцы и Этруски—люди вторичной образованности, и не могутъ имѣть прямой связи съ тѣмъ первообразованнымъ племенемъ, на развалинахъ городовъ котораго они развели свои города и которое ученая мода велитъ теперь называть гуртомъ Пеласгами. Конечно, когда настоящее имя неизвестно, всякое названіе хорошо; но, забирая слова для исторической терминологіи въ греческихъ сказкахъ, можно было бы, кажется, найти что-нибудь лучше слова «Пеласги». Сказанія называютъ Пеласгами народъ обитавшій въ Греціи до нашествія и поселенія въ пей дикихъ Эллиновъ, или Грековъ. Не все первообразованное населеніе землѣ было однимъ народомъ, и частное имя одного поколѣнія нельзя

распространять на всѣ поколѣнія современныя. По гомерической терминологіи, которая относится вся къ до-эллинской эпохѣ, къ невѣдомому времени первообразованныхъ людей-силачей, одна часть дѣйствующихъ на сказочно-политической сценѣ народовъ, именно часть европейская, называется *Ветхими*, Danaï, а другая, обитавшая въ Азіи, *Строимелли*, Тенегі. Тѣ и другіе принадлежать равно къ породѣ великановъ, но азіатскихъ Строителей поддерживаетъ ассирійскій ээиръ *Блшекникъ*, Метнон, а европейскихъ Ветхихъ западный ээиръ *Живъ*, Zeus, Юпитеръ. Разность въ названіяхъ двухъ частей неизвѣстнаго и безъимяннаго населенія допущено здѣсь очевидно по причинѣ различіи между двумя ученіями объ ээирѣ и двумя системами многобожія, восточную и западную. Намъ, которые языческими расколами не занимаемся, эти тонкости не обязуютъ. Мы могли бы очень прилично принять терминъ *Ветхіе* какъ общее наименованіе строительныхъ народовъ первообразованной эпохи, западныхъ и восточныхъ. *Ветхими* Veteres, Vieux, превосходно назывались бы всѣ тѣ народы, которыми такъ неумѣство даютъ теперь общее имя Пеласговъ, одного поколѣнія Ветхихъ, а *Древними*, античными, Antiqui, Anciens, можно было бы именовать народы второобразованной эпохи, или классической Древности*.

* Одно маленькое замѣчаніе. *Ветхіе* въ понятіи Древнихъ были *великаны*. Но любопытно вспомнить, что до послѣднихъ временъ Древности существовали народы, которыхъ всегда называли *великанами*, хотя и знали, что они не великаны. Готъ, Gauth, Joth, Gothun, Jothun, значитъ *великанъ*. Геты, Gelta, Jelta, то же что Готы, собственно поколѣнія готославянскіе, опять значитъ великаны: по-датски jette и теперь еще сохрѣняетъ тотъ же самый смыслъ, *великана*. Агатиры, Agathurs, Angadirs, опять *великаны*, собственно *славные великаны*. Боруссы, Bor-tus (на Діѣйрѣ) также значитъ — *великаны-щиты*. Исторія щита всегда соединялась съ повѣстью о ветхихъ людяхъ великанской породы, даже и у Грековъ доказательство — щитъ Ахилла. Повсюду, не только въ Европѣ, но даже и въ Азіи, гдѣ *Русъ* значило то же, что у Грековъ *Скиѣ*, названіе великановъ приписываемо было народамъ готскаго происхожденія, съ которыми всегда сѣшивали Славянъ, какъ ихъ частью подданныхъ, частью союзниковъ. Не значитъ ли это, на темномъ языкѣ предашіи Древности, что Ветхіе, или Строители исповѣдскихъ здашіи, были люди славяно-готской породы? Замѣчу еще, что и въ мифологіи готскаго языка, въ эпоху Древности, ветхіе Славяне, *Ваны*, признаются такими же великанами какъ и ветхіе *Готы* или *Юты*. Уже при концѣ древности стали различать Славянъ отъ Готовъ. Прежде они были нераздѣльны.

Не налагая ни на кого этой терминологии, мы позволимъ себѣ употреблять ее здѣсь иногда, по причинѣ преимуществъ, представляемаго ея краткостью и простотою. *Ветхими* мы будемъ называть тѣхъ первобытныхъ людей, основателей исполнскихъ послѣ-потопныхъ городовъ, которые и для *Древнихъ* были уже «Ветхими», *Veteres*, *Danaï*; потому что повсемѣстность Пеласговъ отвергаетъ здравая логика, а *Древнихъ* необходимо продолжать именовать Древними, оставивъ ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ привыкли ихъ видѣть, именно, въ классической древности.

Каждая изъ этихъ двухъ эпохъ гражданственности и образованности имѣла свою отдѣльную архитектуру. *Ветхость*, это — время пирамидъ, время циклопскаго стѣнотворенія, многоэтажнаго, наклоннаго, гладкаго, вообще безъ наружныхъ украшеній, даже безъ надписей, съ огромными правильными линіями, и преимущественно на природныхъ или искусственныхъ возвышеніяхъ. *Древность*, это — эпоха изящнаго зодчества, съ барельефами, живописью, съ надписями, съ соблюденіемъ большой чистоты и прямизны въ линіяхъ, но съ допущеніемъ большой пестроты въ украшеніяхъ и съ примѣчательнымъ уменьшеніемъ размѣровъ. Образованность, родившаяся въ среднихъ вѣкахъ, придумала, опять себѣ совѣсь другую архитектуру, которая, при фантастической кривизнѣ и запутанности линій, искала соединить громадность съ легкостью. Несмотря на мгновенное отступленіе отъ сущности этого зодчества въ пользу Грековъ и Римлянъ, которымъ бросились мы подражать и подражали очень неудачно, оно останется зодчествомъ нашей новѣйшей образованности, какъ продолженія и развитія образованности, начавшейся

и въ сказкахъ и въ народныхъ названіяхъ. Тѣ и другіе упорно удерживали вмѣстѣ имя *великанаовъ*, подъ разными его формами, конечно въ память исполнскихъ построекъ, которыя преданіе имъ приписывало. Въ понятіи о великанахъ не должно искать ничего другаго кромя понятія представляемаго словомъ: *Силузи*. Дѣло шло о тѣхъ ветхихъ *Силузахъ*, которые двигали эти страшныя массы камней для построекъ, на шившихъ циклопскими. Циклопы, *Одноглазники*, связаны съ силачами-строителями, потому что сюда примѣшивается еще понятіе или преданіе объ обожаемъ бога съ однимъ глазомъ во лбу.

вмѣстѣ съ нимъ въ среднихъ вѣкахъ. Подражанія случились и у Древнихъ. Древніе Египтяне, напримѣръ, и даже древніе Греки въ Египтѣ, во многихъ случаяхъ подражали Ветхимъ въ наклонности линій и массивности, но эти прихоти моды легко узнаются, и по неизбежному смѣшенію системъ строенія и по размѣрамъ.

Послѣ этихъ замѣчаній сойдемъ подъ ассирійское кладбище, на нимродскую платформу.

Прорывъ около сажени въ глубину подъ гробницами, господинъ Лярдъ, какъ уже сказано, неожиданно открылъ разрушенныя пожаромъ стѣны обширнаго зданія, очевидно дворца, котораго залы и комнаты ясно означались этими остатками стѣнъ, сложенныхъ изъ нежженого кирпича. Одежда этихъ стѣнъ была нѣкогда алебастровая, состоявшая изъ большихъ плитъ или досокъ, покрытыхъ съ одной стороны скульптурными картинами. Многія изъ нихъ были взяты на крышки для гробницъ. Другія лежали въ безпорядкѣ, переломанныя или пережженные, на платформѣ мощенной въ этомъ мѣстѣ жженымъ кирпичемъ. Но самое любопытное обстоятельство — открытіе цѣлой сотни такихъ плитъ, поставленныхъ у стѣны на ребро въ рядъ, плотно одна къ другой, какъ страницы большой книги. Слѣды желѣзныхъ крюковъ показывали, что плиты эти были оторваны отъ стѣнъ сгорѣвшаго дворца. Рѣзная сторона ихъ представляла одинъ длинный барельефъ, и плиты были собраны по порядку сюжетовъ. Ясно, что эти алебастровыя доски, неповрежденные огнемъ, но очень старыя, отчасти попорченныя еще на стѣнахъ продолжительнымъ дѣйствіемъ воздуху, предназначались служить одеждою новому дворцу, строившемуся въ другомъ мѣстѣ, вѣроятно на другой платформѣ, въ другомъ городѣ, когда какой-то переворотъ, какое-то внезапное бѣдствіе, остановили работы и заставили всѣхъ забыть, и о ломкѣ сожженного города, и объ украшеніи существующаго. Новое доказательство — что историческая Нинивія, павшая въ семисотыхъ годахъ, не могла здѣсь находиться. Городъ этотъ разрушенъ очень давно до снятія плитъ со стѣнъ стариннаго дворца, и если

верхнее кладбище было современно Ксенофону, то едва-только могли плиты эти быть собраны около начала седьмого столѣтія до Рождества, быть-можетъ для перевозки въ Нинвию, которая вдругъ рушилась сама около того времени. Это предположеніе очень правдоподобно. Нинивія, испытавшая бѣдственное паденіе въ самомъ разгарѣ своего могущества, естественно должна была еще въ началѣ восьмага вѣка покорить своей власти соперничающіе сосѣдніе города, въ томъ числѣ и Элласаръ (Нимродъ), сжечь ихъ, разорить, и потомъ обирала ихъ зданія для украшенія своихъ чертоговъ.

Удостовереніе въ существованіи этого обычая — перенести скульптурную одежду старинныхъ зданій на новыя, воздвигаемыя въ другихъ мѣстахъ, чрезвычайно запутываетъ вопросъ объ относительной древности строеній, отрывааемыхъ на ассирійскихъ платформахъ. Барельефы самого стариннаго стиля, съ надписями другихъ столѣтій, съ именами другихъ царей, съ изображеніями подвиговъ и нравовъ другихъ поколѣній, могутъ находиться на стѣнахъ дворцовъ, относительно новѣйшихъ, въ чужихъ городахъ, въ мѣстахъ, гдѣ эти цари никогда не царствовали. Разобрать этотъ хаосъ совсѣмъ не легко. Антикваріа, восхищенные новостью открытій, должны очень осторожно выводить изъ нихъ факты для исторіи. Предметъ запутывается еще болѣе неизбежными послѣдствіями такого обычая. Платформы оставлены были Древнимъ Вѣтхими съ многими зданіями, такъ прочно построенными, что ни время, ни усилія новыхъ обладателей долго не могли ихъ разрушить. Зданія эти нерѣдко передѣлывались для другихъ назначеній; на стѣны Вѣтхихъ Древніе накладывали новыя одежды; каменные плиты съ нихъ переносились на постройки въ другомъ стилѣ и для другой цѣли. Каждый новый царь по-необходимости починавалъ и поправлялъ верхнюю часть платформы, около своего дворца или подъ новымъ зданіемъ, предположеннымъ къ построенію. Это неизбежно, потому что платформы, каменные снаружи, были наполнены внутри очень непрочнымъ матеріаломъ, нежженымъ кирпичомъ, на ко-

партий Древніе насчитывали шестовую, большую частью изъ дурно обожженныхъ кирпичей. На кирпичехъ всегда находилъ штемпель съ именемъ царя, для котораго они дѣланы. Но что же доказываетъ этотъ штемпель? Одну только вочинку платформы по повелѣнію того царя, чье имя тутъ находится, а не сооруженіе ея, или постройку зданій на ней, въ его правленіе. Для такихъ починокъ навѣрное еще употреблялись старыя, хорошо сохранившіеся кирпичи изъ разрушенныхъ зданій или даже изъ другихъ, оставленныхъ платформъ, со штемпелями давно умершихъ строителей. Словомъ, относительно къ эпохѣ сооруженія или къ послѣдовательности времени нельзя вывести ничего достовѣрнаго по этимъ штемпелямъ, надписямъ и барельефамъ, которые уже хотятъ употребить въ дѣло какъ неопровержимыя документы.

Хотя разсказы Ктесія и Геродота заставляютъ думать, что цѣлые тиро-евфратскіе города помѣщались на искусственныхъ возвышеніяхъ, или платформахъ, однако это не возможно для самыхъ знаменитыхъ городовъ. Какъ бы многостанны ни были дома этихъ городовъ, платформы, нынче намъ извѣстныя, нимродская, хорсабадская, коюнджукская, слишкомъ малы для нѣскольکو значительнаго числа жителей. Гораздо вѣроятнѣе, что на пирамидальныхъ платформахъ, сооруженныхъ Ветхими, Древніе помѣщали только дворцы своихъ царей, храмы божествъ-хранителей и главныя общественныя зданія, съ немногимъ числомъ улицъ, а остальная часть большаго города, въ видѣ предмѣстій, была расположена на равнинѣ, вокругъ платформы. Въ Мексикѣ столица Монтесумы представляла точно такой же планъ: четверугольное возвышеніе испанской постройки и *ветхой* эпохи, съ дворцами, садами, храмами и главными заведеніями находилось внутри города.

Раскапыванія, произведенныя на нимродской платформѣ, уже обнаружили нѣсколько значительныхъ зданій. Всѣ эти зданія разрушены пожаромъ, и — странное дѣло! — всѣ зданія, открытыя донынѣ на платформахъ коюнджукской и хорсабадской, также представляютъ несомнѣнные

признаки пожара. Тѣ, которые вѣрятъ въ сказочную Нинивію Нина и Семирамиды, имѣвшую, будто-бы, по показаніямъ царскихъ книгъ, читанныхъ Ктесіей въ Персіи, слѣшкомъ восемьдесятъ верстъ окружности, и хотятъ непремѣнно отыскать эту Нинивію здѣсь, хотя самъ Ктесія повѣщалъ ее на Евфатѣ, въ Вавилоніи, а не въ Ассиріи, помыются этимъ примѣчательнымъ обстоятельствомъ общаго пожара, чтобы заключить всѣ три платформы въ одинъ древній городъ. Окружная стѣна такого города, разумеется представляла бы непремѣнно гигантское развитіе болѣе чѣмъ въ восемьдесятъ верстъ — даже гораздо болѣе. Но, въ первыхъ, слѣда нѣтъ такой стѣны. Господинъ Ботта принужденъ сознаться, что, несмотря на благое желаніе его открыть признакъ ея во что бы ни стало, онъ не видитъ возможности допустить существованія подобной стѣны въ здѣшнихъ мѣстахъ. И, дѣйствительно, быть не можетъ, чтобы на протяженіи почти ста верстъ ни въ одной точкѣ не уцѣлѣлъ хотя обломокъ такой высокой, широкой и прочной твердыни, о какой повѣствуетъ греческій докторъ. Во вторыхъ, какъ уже было показано, нѣтъ ни малѣйшей причины заставлять Ктесію такъ грубо ошибаться. Кто жъ велитъ читать «Тигръ» тамъ, гдѣ онъ пишетъ «Евфратъ». Нинивія ассирическихъ сказокъ дѣйствительно предполагалась въ Вавилоніи, на Евфратѣ, и народная молва имѣла къ тому благовидное основаніе. Мы привели непреложныя свидѣтельства о томъ, что была географическая область Нинивія-Вавилонская, возлѣ самаго Вавилона, отчего въ преданіяхъ дѣла и зданія вавилонскія и нинивійскія слились въ одно понятіе темное, иперболическое, невозможное. Послѣдній царь сказочной Нинивіи, Сарданапалъ, погибъ, говорятъ, въ пожарѣ своего дворца передъ глазами соединенныхъ силъ Кіаксарта, царя Мидіи, и Набопалесара, царя Вавилоніи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ огромномъ пожарѣ, поглотившемъ вдругъ всѣ дворцы и храмы платформъ хорсабадской, коюнджукской и нимродской, царю Сарданапалу можно было спорить превосходно для оправданія Ктесіевой легенды: какъ не спорить въ пожарѣ, покрывавшемъ пятьсотъ-шестьдесятъ ква-

иныхъ верстъ однихъ пламенемъ)... а такая площадь
рука, вмѣщающаго восемьдесятъ четыре версты въ окружно-
сти. Но главное затрудненіе въ томъ, что о царѣ Сардана-
палѣ у Евреевъ нѣтъ ни слова, и, по точнымъ словамъ
руки объ этомъ сладострастномъ царѣ, онъ сгорѣлъ
объѣмъ въ другой Нинивіи, въ той, которая находилась въ
авалоніи, у самыхъ-воротъ Вавилона. Такъ какъ же! два
акіе великіе государя какъ царь вавилонскій и царь асси-
ійскій сидѣли оба на одной десятинѣ? Царь Набопалесаръ
югъ-бы изъ своей спальни осаждал и сжечь царя Сардана-
пала. Странно! Но еще страннѣе то, какимъ-образомъ отецъ
или дѣдъ Сарданапала не улучили способной минуты сжечь
ю ссѣдству Вавиломъ, заранѣе, изъ предосторожности! И,
взвѣсивъ на очевидную сказочность такихъ недѣльныхъ по-
нѣстей, ихъ торжественно вносятъ исторію!

Никто, конечно, не станетъ обвинять насъ въ неуваже-
ннѣ упрямствѣ за то, что мы, вопреки заключеніямъ очень
умныхъ антикваріевъ, не признаемъ правильнымъ пожару
въ пятьсотъ шестьдесятъ квадратныхъ верстъ, длятого
чтобы въ дверцахъ, разрытыхъ господами Лейрдомъ и
Бертюю, имѣть удовольствіе узнать вышнюю Нинивію Кте-
сіевой легенды, называемой исторіей, и въ золѣ ихъ уви-
дать сказочный пепелъ царя Сарданапала. Нѣтъ никакого
доказательства, чтобы зданія трехъ платформъ сгорѣли въ
въ одинъ день: напротивъ, мы встрѣчаемъ очень уважи-
тельные поводы думать, что разрушеніе огнемъ зданій ка-
ждой платформы происходило въ отдѣльную эпоху, при
другомъ поколѣннѣ. Какъ слѣдуетъ окружающей стѣнѣ та-
кого города нигдѣ не находится въ окрестностяхъ двухъ
забоекъ, то по-необходимости надо согласиться, что тѣ плат-
формы принадлежали тремъ разнымъ городамъ: Мизанонъ,
въ еврейскихъ указаніяхъ, что въ небольшой области Ашшу-
ръ или Ассирии, были около времени Моисея четыре города
въ близкихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, города равно та-
кіе же важныя какъ и Нинивія, потому-что въ численіи они
выставлены рядомъ съ нею. Это совершенно согласно съ

тогдашнимъ устройствомъ политическихъ обществъ, каждаго города былъ самостоятельнымъ владѣніемъ и вѣдь своего царя или свое народное управленіе. Прославленное богатство тигро-евфратскихъ городовъ не могло создаться безъ очень дѣятельной торговли. Города эти, слѣдственно, были торговые, какъ Сидонъ, Тиръ, Беритъ въ Финикии, какъ Тарквиніи, Вольси, Вев, Клузи и другіе города въ Этрурии, какъ города Великой и Малой Греціи, Іоніи, Малой Азіи, Сиріи, Палестины, и почти всего тогдашняго міра. Близкіе, богатые и сильные города естественно соперничали и враждовали между собою. Римъ сжегъ Карфагенъ, лишь только преодолѣлъ его. Карфагенъ безспорно готовилъ такую же судьбу Риму. Взявъ соперничающій городъ, разграбить и сжечь его было закономъ международнаго права во всѣ эпохи владычества городовъ. Что сдѣлалъ бы Любекъ, взявъ Гамбургъ, при своемъ къ нему расположеніи? Непремѣнно сжегъ бы его, для того чтобы вся гамбургская торговля обратилась на Любекъ. Дайте волю Гамбургу, онъ возьметъ и сожжетъ и Любекъ и Бременъ, и Амстердамъ на-придачу. Ничто не мѣшаетъ предположить и у ассирійскихъ городовъ совершенно естественную готовность и моду сжигать себя взаимно при удобныхъ случаяхъ. Эти города истребили огнемъ друга друга постепенно, безъ помощи всеобщаго пожара. Вотъ и все тутъ.

Кромѣ отсутствія слѣдовъ окружной стѣны, которая, положимъ, какъ-то исчезла до основанія, недостатокъ въ огромной пирамидѣ, сооруженіи существенно исчезающемъ, рѣшительно противится допущенію въ этой сторонѣ Нинивіи языческихъ сказаній. Разумѣется, что знаменитый Мавсолей Нина долженъ находиться въ Нинивіи Нина, Семирамиды и Сарданапала. Гдѣ же онъ здѣсь? Это, по сказаніямъ, была осьми-этажная пирамида, служившая основаніемъ колоссальному чертогу. Это былъ *столъ столбовъ*. Ничтожные размѣры пирамиды, находящейся на нинродской платформѣ, пирамиды единственной въ этихъ окрестностяхъ, ни какъ не позволяютъ принять ее за этотъ прославленный памятникъ. Притомъ же — я опять повторю — по словамъ

этихъ сказаній, Мавсолей Нина находился при Евфратѣ, а не при Тигрѣ, — въ Нинивіи Вавилонской. Не ясно ли, что языческія сказанія называли Вавилонскій Столпъ Гробницею Нина, и Столпотвореніе библейское смѣшивали съ дѣяніями мечтательной ихъ Нинивіи? Этою воображаемою *Нинивіей* была вообще *нины*, могучія руины Ветхихъ, и ихъ Нинъ, Нинія, Семирамида, Сарданапаль, были *цари руинъ*, властелины-символы, которыми народная молва объясняла себѣ причины возвышенія и паденія этой ветхой неизвѣстной, разрушенной державы. Только объ этихъ четырехъ царяхъ *нинивейскихъ*, изъ всей династїи, продолжавшейся кто говорилъ полторы тысячи, кто двѣ тысячи лѣтъ, и знаютъ сказанія. Очень натурально! Для сказанія болѣе и не нужно. Объяснивъ начало и конецъ *царства руинъ*, оно и довольно. Былъ доблестный царь *Нинъ* (царь Руина), и была доблестная царица *Семирами* (царица Платформа), которые обладали вселенной и построили всѣ эти чудеса. Царица Платформа, а по нашему Подстройка, измѣнила царю Руинѣ по слабости своего матеріалу — погубила сердечнаго — и онъ опрокинулся. Царство ихъ продолжалось вѣка и столѣтія; а кто царствовалъ, неизвѣстно. Но послѣдній царь отъ ихъ доблестнаго роду былъ сладострастный и слабый царь *Сарданапаль* (что вѣроятно значить: царь *Нина*) — ѣлъ, пилъ, спалъ да веселился — оружемъ владѣть не умѣлъ — и пришли два монные врага, цари храбрые и воинственные, и осадили царя *Нѣгу* — и не любо было царю *Нѣгѣ* выйти въ поле и сражаться — и сгорѣлъ царь *Нѣга* во дворцѣ своемъ золотомъ. Вотъ и вся *исторія!* Что же тутъ притчѣ говорить болѣе! Въ притчѣ, за неимѣніемъ въ томъ нужды, не упоминалось о другихъ *царяхъ руинахъ*, жившихъ въ огромномъ промежуткѣ времени между первымъ ихъ царемъ и послѣднимъ, и потому Ктесія не упоминаетъ объ нихъ; и потому Діодоръ Сицилійскій не выписываетъ именъ ихъ изъ Ктесіи. Какъ можно предположить, чтобы такой компилаторъ какъ Діодоръ забылъ выписать изъ Ктесіи рядъ именъ всей династїи, если бы эти имена находились въ сочиненіи доктора? Какъ можно подумать, чтобы Ктесія, сочинитель книги

и царяхъ Ашшур, добродольно перескочить съ первого на двинастаго на послѣдняго, если бы въ царскихъ книгахъ Персея, то есть, въ сборникахъ легендъ о древнихъ царяхъ, упоминалось о какихъ-нибудь царяхъ, правившихъ въ это мажущее время?

Ниневская пирамида чрезвычайно занимаетъ тѣхъ, которые непремѣнно хотятъ найти здѣсь Нинивію Нина и Семирамиды, обвиняя Ктесію и Діодора Сицилійскаго въ грубомъ незнаніи положенія и названій месопотамскихъ рѣкъ. Она находится на сѣверо-западномъ углу платформы и обѣ, потерявъ каменную одежду, представляются нынѣ заваленными одна на другую горами нежженнаго кирпичу. Но въ свидѣтельства Ксенофонта извѣстно, что и платформа и пирамида были вѣкогда обложены снаружи каменными цѣтами, какъ и всѣ прочія руины Месопотаміи. Этотъ половедецъ-писатель называетъ ларисскую пирамиду, просто, *каменною*, lithupé. Здѣшняя платформа, какъ и двѣ другія платформы, имѣла вышины слишкомъ шесть сажень надъ поверхностью равнины. По измѣренію англійскаго резидента Рача, высота самой пирамиды не могла превосходить двадцати сажень надъ площадью платформы, въ основаніи же она имѣла по двадцати-осми сажень съ каждой стороны. Слѣдовательно, по размѣрамъ своимъ, она менѣе Малой Пирамиды египетской въ Джизе, насупротивъ Каира. Господинъ Лейрдъ приказалъ прорыть ее въ двухъ мѣстахъ и въ разныхъ направлеиіяхъ, но эта операція не обнаружила ни какихъ комнатъ внутри. Слѣдовательно, этотъ измѣтникъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подать Древнему доводу къ рассказамъ или преданіямъ о *восьми-этажной* пирамидѣ Нинава Мавсолея — busta Nini, какъ называетъ Овидій — *курганъ превогромный* — *превысокій курганъ*, по выраженіямъ Ктесіи и Аминты. Между-тѣмъ въ близости пирамиды найденъ господиномъ Лейрдомъ базальтовый обелискъ съ надписью ассирійскимъ стрѣльчатымъ или, если угодно, гвоздеобразнымъ почеркомъ, и знаменитый гвозде-читатель маіоръ Ролинсонъ, по свидѣтельству господина Лейрда, разобралъ въ этой надписи имя царя *Нина*. Это ужъ слы-

мент! Майоръ Роллинсонъ отлично янтаетъ старо-персидскіе слова, но какъ ни глядя на систему ассирійской граммоты, при всемъ подобіи стрѣлокъ, изъ которыхъ образуются буквы трехъ начертаній, ассирійскаго, мидійскаго и старо-персидскаго, такъ различна отъ двухъ прочихъ, такъ сложна, непостоянна и запутана, что доннынъ никому не удалось достигнуть ее даже приближительно. Подъ этими буквами астроинно скрывается нѣсколько языковъ, кромѣ халдейскаго, и оттого нельзя сооразить тутъ никакихъ правилъ правописанія. Стрѣлочатая граммота, отъ которой несомнѣнно происходятъ все известныя алфавиты, должна быть изобрѣтеніе еще эпохи Вѣтхихъ, перешедшее къ Древнимъ, которые замѣняли различно и способъ составленія буквъ изъ стрѣлокъ и методы употребленія самыхъ буквъ. Между надписями ассирійскаго почерка легко могутъ находиться также и писанія Вѣтхихъ, на ихъ языкѣ неизвѣстнаго корня. Господиному майору Роллинсону навѣрное очень хотѣлось прочесть на обелискѣ имя царя Нина, и одно изъ словъ надписи онъ прочиталъ *Нинь*. Это — не трудно. Настоящая задача состоитъ въ томъ, чтобы по той же самой методѣ прочесть всю надпись, и чтобы изъ этого чтенія вывели человѣческій языкъ, опредѣлительное правописаніе и совершенно правильный смыслъ.

Рядомъ съ обелискомъ находился дворецъ, который теперь разрушенъ трудами господина Лейрда. Вообще края платформы были нѣкогда обставлены большими зданіями. Между которыми, въ серединѣ ея, вѣроятно, заключались улицы, площади, жилые дома, и прочая. Кромѣ того во самыхъ краяхъ платформы необходимо шла еще оружная стѣна — и вотъ почему за платформами, на разнѣхъ, нѣтъ слѣдовъ тѣхъ окружныхъ стѣнъ, о которыхъ говорилъ Древній*. Съ этою стѣною, съ этими воздѣ над дворцами, храмами, зданіями, ассирійскій городъ, въ ис-

* Стѣна дѣйствительно была на платформѣ; городъ — за этою стѣною. «А у тѣхъ города (Лариссы) была пирамида каменья... Стѣна въ срединѣ города большая... Миды въ немъ живутъ. Подстройка (платформа) была тесанаго камня, раковистой породы. На ней же сооружена высокая каменная стѣна». Исавофонтъ, *Anabasis*, III, 4.

правномъ состояніи, на своей платформѣ, кругомъ которой можно еще предположить болѣе или менѣе обширныя предмѣстья, долженъ былъ чрезвычайно входить на московскій Кремль, которому не достаетъ только недостроенной пирамиды, чтобы представлять разительное подобіе древней Нинивіи — если здѣсь была Нинивіа, какъ утверждаютъ историки Александра-Великаго и императора Ираклія. Но здѣсь, въ углу, между Тигромъ и Большимъ Забомъ несомнѣнно была Ларисса (Элосарь). Однако жъ вотъ затрудненіе, и очень важное, на которое не обращаютъ вниманія. Ксенофонтъ говоритъ, что пирамида была у города, а не въ городѣ. Какъ же могъ онъ не примѣтить того, что она стояла высоко, на платформѣ, и стѣною, которая была *впереди города*?... Развѣ слова *у города* понимать въ смыслѣ: *на краю города, у самой стѣны*?...

Огромная высота и неумѣренная многоэтажность зданій не принадлежали къ обычаямъ и вкусу Ассирійцевъ. Это — черты зодчества Ветхихъ въ той сторонѣ, а не Древнихъ. Всѣ донынѣ разрытые древніе ассирійскіе дворцы на ниневодской и на другихъ платформахъ, завѣщанныхъ Ветхимъ царямъ Нинивіи — одноэтажны и безъ оконъ. Залы и комнаты въ нихъ вообще обширны и слѣдуютъ аэфиладанъ, стѣны не низки, двери изъ залы въ залу огромны, но оконъ нигдѣ слѣда не открыли, и выходовъ изъ комнатъ на дворъ нѣтъ. Въ помпейскихъ домахъ, гдѣ также окна не допускались, для сохраненія въ комнатахъ свѣжести, комнаты получали воздухъ и нѣсколько свѣту посредствомъ дверей, выходящихъ на дворъ. У нынѣшнихъ Италіанцевъ и Испанцевъ заведены повсюду окна, но только для того чтобы не пропускать ни одного луча солнечнаго свѣту: они — вѣчно закрыты ставнями и завѣшены нѣсколькими плотными гардинами; въ комнатахъ всегда — ночь, въ избѣжаніе духоты. Древніе жители этихъ странъ рассчитывали довольно основательно, что, въ такомъ случаѣ, гораздо короче — вовсе не дѣлать оконъ. Темнота — та же, и еще, на придачу, нѣтъ сквознаго вѣтру. Но они тщательно избѣгали аэфиладъ. Какимъ же образомъ Ассирійцы получали въ своихъ посылъ-

ловательныхъ и безвыходныхъ комнатахъ чистый наружный воздухъ? — неговоря уже о свѣтѣ: въ землѣ солнца онъ излишенъ. Страшный споръ поднялся между антикваріями въ прошломъ году объ этомъ любопытномъ вопросѣ. Нѣкоторые доказывали, что надъ ассирійскими залами были устроены своды и въ нихъ подѣланы окна, для освѣщенія внутренности зданія. Но освѣщеніе въ такомъ климатѣ противно удобству жизни: дѣло въ воздухѣ, а не въ свѣтѣ.

Наконецъ разѣсканія господина Леярда прояснили задачу. Въ одномъ изъ открытыхъ имъ барельефовъ, различилъ онъ изображеніе внутренности ассирійской комнаты. Наверху стѣнъ находились ряды коротенькихъ пиластровъ. Промежутки между пиластрами закрывались рѣшетками, и воздухъ всегда имѣлъ свободное теченіе надъ головами жильцовъ. На пиластрахъ были укрѣплены балки, которыя съ низу подпирались частыми деревянными колоннами, такъ что комната была наполнена столбами. На этомъ лѣсу столбовъ прочно лежалъ потолокъ, который, образуя въ то же время плоскую крышу зданія, бывалъ уставленъ растеніями и цвѣтами. По вечерамъ, и въ началѣ ночи, древніе Ассирійцы, какъ и нынче Аравитяне и Персіяне, выходили туда прохаживаться или сидѣть—*нюхать воздухъ и соболить*, какъ говорятъ тамъ обыкновенно, то есть, освѣжиться и поболтать при лунномъ свѣтѣ. Вотъ висячіе сады Нинивіи!

Открытіе это очень интересно. Оно превосходно объясняетъ значеніе самой непонятной части карнакского дворца въ египетскихъ Оивахъ, гдѣ цѣлый лѣсъ огромныхъ каменныхъ колоннъ, глубокой и широкой, сверху прикрытый потолкомъ изъ большихъ каменныхъ плитъ, приводитъ путешественниковъ въ удивленіе и въ недоумѣніе. Но это просто—внутренность большой залы, надъ которою находился висячій садъ. Таково навѣрное было устройство и тѣхъ памятниковъ ветхой эпохи, которые Древность прославляла подъ названіемъ Семирамидиныхъ Садовъ. Эта часть египетскихъ Оивъ, чуждая іероглифовъ какъ и пирамиды, и отличающаяся особеннымъ характеромъ исполнскаго зодчества, принадлежитъ непременно Ветхимъ. Многие другіе остатки

ихъ сооруженій должны находиться между колоссальными руинами стовратнаго города: но какъ открыть эти остатки? Преемники Ветхихъ, древніе египетскіе цари отъ роду Египтянъ іероглифической вѣры и образованности, столько разъ перестраивали ихъ зданія для своего употребленія, столько надѣлали барельефовъ на этихъ первоначальныхъ стѣнахъ въ честь своимъ подвигамъ и своимъ вѣгхамъ, столько нарисовали безконечныхъ іероглифовъ для своихъ суевѣрныхъ молитвъ и своихъ тщеславныхъ генеалогій, что ветхій характеръ строгій совершенно утратился. Во времена Авраама Египты уже были въ развалинахъ. Столица новыхъ Египтянъ находилась въ Нижнемъ Египтѣ. Не видно, чтобы эти вторые обладатели нильской долины произвели что-нибудь колоссальное или великое. Они тщеславно приписывались къ роду Ветхихъ и дѣла ихъ выдавали за дѣла своихъ предковъ, но всѣ исполинскія сооруженія на пользу земледѣлія какъ здѣсь такъ и въ Ассиріи и Вавилоніи, эти необычайные водоемы, эти искусственныя озера съ пирамидами, эти величественныя шлюзы и мосты, какъ и эти затѣйливыя лабиринты и въ Египтѣ и на Критѣ, какъ и эти казнохрамнища или анбары въ Греціи, все это — труды могучихъ первообразованныхъ людей.

Намъ остается теперь обозрѣть барельефы ассирійскихъ дворцовъ и отмѣтить въ этихъ драгоценныхъ документахъ тѣ подробности, которыя могутъ насъ познакомить съ вѣрою, обычаями и искусствомъ одного изъ примѣчательнѣйшихъ народовъ древности — азіатскихъ Кароагенцевъ.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

ДЕКАБРЬ, 1849.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

КОМЕДІЯ БЕЗЪ СВАДЬБЫ. Н. В. Сушкова. (Москва, 1849, въ-8., стр. 32).

Николай Васильевичъ Сушковъ прекрасно подвизается на пользу и славу русской изящной словесности. Мы только его и читаемъ. Поэма за драма заповозмой — драмой — и вотъ теперь еще — комедія въ стихахъ; и, къ довершенію искусства, *комедія безъ свадьбы*, точно какъ «Горе отъ ума». Незнаю, почему эта комедія не имѣетъ ни какого заглавія, но, прочитавъ ее, я удостовѣрился, что она должна называться: *Я сыгралъ ни въ чью! Комедія въ гостиной, въ родѣ Пословицы, и безъ свадьбы, прелюбленныя сочиненіе въ вольныхъ и ловкихъ стихахъ Н. В. Сушкова*. Это — неотъемлемый титулъ ея. Конечно, много прекраснаго издалъ въ свѣтъ въ послѣдніе годы авторъ «Москвы» и «Благотворительности», незабвенный переводчикъ «Метроманіи»; но мнѣ кажется, что ни-

когда еще не издавалъ онъ ничего остроумнѣе и милѣе. Увѣряю васъ моимъ правдивымъ лѣтописнымъ словомъ, это — прелестная вещьца; хоть бы намъ съ вами написать такую пригожую, чистенькую, розовенькую пословицу, на русскомъ языкѣ я не читывалъ ничего подобнаго въ этомъ родѣ. Ловко, тонко, остро, живо; прилично въ обращеніи — опрятно въ разговорѣ — благовоспитанно въ манерахъ — и, даже, довольно гладко насчетъ стиховъ, которые при небольшомъ усиліи могли бы бѣть отделаны тщательнѣе во многихъ мѣстахъ. Даже нельзя сказать, чтобы это было подражаніе. Авторъ, въ 1821 году, какъ явствуетъ изъ коротенькаго предисловія, поймалъ случайно одну пдею въ обществѣ — изъ этой идеи составилъ маленькое драматическое сочиненіе для какого-то альманаха. Альманахъ не выпалъ. Сочиненіе пропало. Идея разсыялась въ пустоты, которыя зовутъ временемъ. Вы помните — годъ тому назадъ — премилую Пословицу Альфреда де-Мюссе — премило переведенную со многими удачными измѣненіями легкимъ и красивымъ веромъ, которое часто доставляетъ вамъ много удовольствія подъ однимъ таинственнымъ именемъ, — *Держи дверь настежь, а сердце назапоръ*, — помещенную въ Смѣси этого журнала? Пословица эта въ подлинникѣ имѣетъ заглавіемъ: «Il faut que la porte soit ouverte ou fermée». Её довольно часто играютъ во французскихъ театрахъ, и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Госпожа Плессй въ ней превосходна, въ роли свѣтской кокетки. Авторъ былъ такъ восхищенъ ея игрою и, вообще, французской Пословицей, что онъ вдругъ вспомнилъ, что, во части Пословицы, онъ мастеръ сочинять на-славу и однажды сочинилъ что-то отнюдь не хуже этого, но только это ничто пропало. Известно, что идеи не умираютъ; стихи — дѣло другое; но что такое стихи? — ничего! — вздоръ! — за стихами дѣло у поэта не станеть. Николай Васильевичъ отыскалъ въ памяти свою идею: она была еще жива; одѣлъ ее въ новые стихи, и, въ этой обновкѣ, вынулъ въ свѣтъ искать себя русской Плессй — буде таковая найдется. Найдется, всё будутъ безъ ума отъ Пословицы Николая Васильевича: нѣтъ, такъ — нѣтъ. А жаль будетъ въ самомъ дѣлѣ; потому что, само по себѣ, сочиненіе Николая Васильевича Смирнова не уступитъ ни сколько сочиненію господина де-Мюссе.

1) Я ошибаюсь: 1) для большого торжества 2) Пословица 3) Николая Васильевича

Суйнкова нужно двухъ Плесей. Вы сейчасъ увидите, что это правда.

Намереніемъ русскаго писателя, какъ и намереніемъ французскаго, было представить образчикъ того, какъ умная свѣтская кокетка можетъ иногда, въ одинъ присѣсть, заставить благомыслящаго и девиннаго мужчину жениться на ней, между-тѣмъ, какъ онъ объ этомъ и думать не думалъ. Только, въ парижской Пословицѣ, дѣло этимъ и кончилось: мужчина, очень порядочный, отлично умный и пріятный, приходитъ съ визитомъ къ свѣтской дамѣ, говоритъ ей какъ человѣкъ благосчитанный, тѣ любезныя пошлости, которыя положено говорить женщинамъ, и платится за нихъ тѣмъ, что уходитъ ея формальнымъ женихомъ. Въ московской будочарной драмѣ, вмѣсто одной французской кокетки есть двѣ кокетки русскія противъ одного православнаго мужчины, который съ совершеннымъ безпристрастіемъ, безобидно и нелихонмно, и той и другой говаривалъ одинаковыя любезности во всѣхъ потребныхъ случаяхъ. Двѣ кокетки, двѣ сестры, двѣ вдовы, сговорились подвергнуть его за это такой попыткѣ взглядовъ, полусловъ и улыбокъ, чтобы онъ, не сходя съ мѣста, принужденъ былъ, изъ любезности въ любезность, почти предложить свою руку и той и другой. И бѣднаго мужчину-любезника онъ въ-самомъ-дѣлѣ доводитъ до этой плачевной крайности. Только здѣсь онъ не объявленъ женихомъ; свадьбы нѣтъ въ концѣ; напротивъ, кокетки, отмстивъ, уѣзжаютъ въ городъ съ визитами, а мужчина-любезникъ остается — въ дуракахъ — на своемъ природномъ мѣстѣ.

Идея русскаго творенія, какъ вы видите, сложнѣе, смѣлье и замысловатѣе французской идеи, очень вѣрстой въ основаніи и болѣе чѣмъ простой въ результатѣ. Развязка совсѣмъ другая. А ~~основательность~~ дѣйствія, тонкость средствъ, образованность и острота разговоровъ, можно сказать, одинаковы. Въ слогѣ, конечно, есть небольшая разница, но Николай Васильевичъ пишетъ стихами: к чему тутъ слогъ!... былъ бы смыслъ! — для стиховъ и этого ужъ много.

Коротко сказать, я, какъ летописецъ, въ восхищеніи отъ Пословицы Николая Васильевича Суйнкова. Знаю, что восхищаться безъ доказательства чужимъ гениемъ нельзя, и очень сожалею, что не могу, въ оправданіе, привести двухъ прѣвѣсныхъ сценъ кокетства. Это было бы слишкомъ длинно. Но я приведу нѣкоторыя другія мѣста.

Мосьё Клязьминъ, первый женихъ своего полка, первый красавецъ и, въ то же время, первый охотникъ, положительно уверялъ въ Тьери графиню Бабё, что именно она-то и есть самая прекрасная и самыя оборотительная изъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ, которой ницуть всѣ мужчины, и, воротясь въ Петербургъ, онъ уверяетъ въ томъ же, очень натурально, родную сестру ея, княгиню Адель. Тьерская графиня неожиданно прѣзжаетъ къ сестрѣ своей, петербургской княгинѣ, встрѣчается у ней съ Клязьминскимъ, и двѣ сестры мгновенно открываютъ эту ужасъ. Мосьё Клязьминъ не смущается такой бездѣлицей и, въ разгаръ любезности, бѣжитъ достать билетъ въ итальянскую оперу для обихъ прекраснѣйшихъ и оборотительныхъ женщинъ въ мірѣ. Онъ ушелъ. Помолчавъ не много, графиня Бабё и княгиня Адель становятся одна передъ другой.

КНЯГИНЯ.

Каковъ ?

ГРАФИНЯ.

Каковъ ?

КНЯГИНЯ.

Негодные мужчины !

ГРАФИНЯ.

Льстецы !

КНЯГИНЯ.

Лжецы !

ГРАФИНЯ.

Вотъ наши властелины !

КНЯГИНЯ.

Вотъ покровители, намъ данные судьбой !

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, лучше навсегда останусь я вдовой.

КНЯГИНЯ.

И я конечно тоже

Ни за кого !

ГРАФИНЯ.

Ни изъ чего !

КНЯГИНЯ.

Путеводители несчастныхъ женщинъ !

ГРАФИНЯ.

Боже!

Какъ ни въ одномъ — ни-на-волось стыда!

КНЯГИНЯ.

На тѣхъ совѣсти!

ГРАФИНЯ.

Но встрѣтень иногда

Чистосердичя!

КНЯГИНЯ.

Актеры!

ГРАФИНЯ.

Донъ-Жуаны!

КНЯГИНЯ.

Безъ сердца!

ГРАФИНЯ.

Безъ души!

КНЯГИНЯ.

Безъ жизни.... истуканы!

ГРАФИНЯ.

И на него, на нихъ на всехъ.... такъ зла! такъ зла!....

КНЯГИНЯ.

Я не сержусь, нѣтъ, я ихъ.... презираю.

ГРАФИНЯ.

Что имъ любовь?.... А намъ....

КНЯГИНЯ.

Любовью жизнь свѣтла!

ГРАФИНЯ.

Не стоите вы насъ!

КНЯГИНЯ.

Не понимаю:

Зачѣмъ они родятся?

ГРАФИНЯ.

Ни къ чему! *(Оба ходятъ молча.)*

КНЯГИНЯ.

Бабе!

ГРАФИНЯ.

Адсь!

КНЯГИНЯ

Отвѣтите ему!

ГРАФИНЯ

Отвѣтите!.... Онъ думаетъ, что мы о немъ тутъ платимъ!

Отвѣтите! отвѣтите!

КНЯГИНЯ

Справедливо о немъ думаютъ: обличимъ....

ГРАФИНЯ

И осмѣемъ его....

КНЯГИНЯ

Да, просто, одурачимъ.

ГРАФИНЯ

Пукай же вѣтренникъ узнаетъ насъ вполне!

КНЯГИНЯ

А послѣ мы его вопросомъ озадачимъ:

Которую изъ двухъ предпочтаетъ?

ГРАФИНЯ (*подумавъ*).

Мнѣ

Не хочется спорить съ тобой.

КНЯГИНЯ

Мнѣ издумать весело: какъ будетъ онъ смѣшить!

ГРАФИНЯ

А если въ самомъ дѣлѣ онъ

Въ тебя влюбленъ?

КНЯГИНЯ

И вѣтъ!.... такого я красавца и не стою!

Скорѣй ужъ занятъ онъ собой.

Да что намъ до того?

ГРАФИНЯ

Намъ только бѣ посмѣяться.

КНЯГИНЯ

Теперь условимся передъ войной:

Какъ съ неприятелемъ намъ вѣзаться?

Которая изъ двухъ сраженіе найдетъ?

Которая докончитъ пораженъе?

ГРАФИНЯ.

Что жъ? бросимъ жребій: кому изъ насъ чередъ
Открыть на хитраго Локлааса нападеніе?

КНЯГИНЯ.

А послѣ вдругъ его створимъ со всѣхъ сторонъ.

И положительно узнаемъ:

Въ которую изъ насъ онъ не шутя влюбленъ?

ГРАФИНЯ.

Мнѣ кажется: мы въ qui perd 'gagne играемъ!

КНЯГИНЯ.

Почти что такъ! (*Слышенъ колокольчикъ*). Звонитъ!

ГРАФИНЯ.

Звонокъ!

Скорѣ узелокъ! (*Связываетъ на
платкѣ узелокъ; княгиня дернула за
кончикъ платка — достается ей*).

Тебѣ!

Она убѣгаетъ въ другую комнату, оставивъ сестру полу-разстро-
енною. Клязьминъ является съ билетомъ въ ложу. Княгиня, оправ-
ившись, начинаетъ кокетничать и кокетничаетъ такъ искусно, что
доводитъ мосьё Клязьмина до формальнаго признанія въ любви. Въ
эту минуту является графиня. Клязьминъ отскакиваетъ къ камину.
Княгиня находитъ предлогъ удалиться. Красавецъ остается на-единѣ
съ графиней, которая сначала показываетъ видъ, будто она не при-
мѣтила его присутствія. Новая сцена кокетства. Мосьё Клязьминъ ма-
ло-по-малу увлеченъ въ другую пропасть и, наконецъ, бросается въ
неё стремглавъ, увѣряя, въ свое оправданіе, что въ княгинѣ онъ
собственно обожалъ графиню, какъ сестру ея. Второе изъясненіе въ
любви перервано такъ же какъ и первое. Княгиня зоветъ сестру од-
ваться: онъ должны взять сейчасъ съ визитами. Несчастливая жертва
двухъ обольщеній, гусарь-обольститель остается одинъ въ вели-
комъ замѣшательствѣ послѣ двухъ невольныхъ признаній.

«Престранное однако мнѣ вѣленье!» ..

Которую изъ двухъ?... и та, и та, мила!

И каждая съ ума не одного свела....

Въ объѣхъ вижу и къ себѣ расположенно....

Расположенно? — остраты! безумную любовь!....

О, женщины! какъ въ васъ легко вскипятъ кровь!....

Отъ самолюбія — доварчины, какъ дѣти!....

А между тѣмъ какъ хитро вы ведѣе часъ

Умѣете заманивать и насъ

Въ свои шелковыя и золотыя сѣти!....

Да, попалась — ка имъ другой —

Такъ заведутъ и проведутъ — ой-ой!....

Вѣдь прелукавыя! преумныя!... Что чудно:

Соперницы — и дружны такъ!.... Хитрять!

И дружбѣ ихъ не вѣрю, хоть и радъ.

И не хочу ихъ ссорить.... А претрудно

Рзынѣться!... (Траги-комически) О, любовь! пролей свой свѣтъ!....

Которой же изъ двухъ мнѣ предложиться?....

Пускай судьба рзынѣтъ, тутъ выборъ невозможенъ. (Считая шаги).

Разъ! два! разъ! два!... Судьба! твой приговоръ не ложенъ.

(Опять гадаетъ шагами, идя отъ одной стѣны къ другой и произнося то или другое имя на каждомъ шагѣ):

Адель, Бабѣ, Адель, Бабѣ, Адель, Бабѣ.

Благодаренію судьбѣ!

Прочь нервнительность! иду къ графинѣ смыло....

Еще попробую. (Шагаетъ) Бабѣ, Адель, Бабѣ,

Адель, Бабѣ, Адель. Запуталось дѣло.

Теперь княгинѣ достанусь. (Опять пошелъ).

Адель, Бабѣ, Адель, Бабѣ, Адель, графиня!

Бабѣ, Адель, Бабѣ, Адель, Бабѣ, княгиня! (Бросился въ кресла).

Подумаю..... поворожу.... (Гидиетъ, эжмурясь, на пальцахъ)

Дождусь:

Которая покажется изъ двери —

Я той и предуюсь.

Княгиня и графиня показываются въ одно время изъ двухъ боковыхъ дверей, въ щегольскіе визитныя наряды.

ГРАФИНЯ (княгиня).

Я привезла тебѣ альбомъ изъ Твери.

КНЯГИНЯ

Я спой тебе хотела показать.

(Князьминъ схватилъ кипсекъ и углубился въ чтение).

ГРАФИНЯ (развертывая альбомъ).

Экспромтъ мнѣ написалъ премилый!

КНЯГИНЯ.

Дай прочитать. (Беретъ ея альбомъ и читаетъ).

КЛЯЗЬМИНЪ (съ стороны).

И шептотъ женская, и демонскія силы,

Все на меня!

КНЯГИНЯ (даетъ графинѣ свой альбомъ).

И мнѣ онъ мадригалъ,

Превъзжный написалъ.

ГРАФИНЯ.

А вотъ сличимъ. О, лстецъ онасыи!

КЛЯЗЬМИНЪ (съ стороны).

Ну, сговорились! Это ясно.

КНЯГИНЯ.

Читай!

КЛЯЗЬМИНЪ (съ стороны).

Теперь я въ дураки попалъ!

ГРАФИНЯ (читаетъ).

«Что напишу я въ книжкѣ вашей?»

КНЯГИНЯ (читаетъ).

«Что напишу я въ книжкѣ вашей.»

(Показываетъ стихъ въ своемъ альбомѣ).

ГРАФИНЯ.

«Вы мелоды, любезны, хороши....»

КНЯГИНЯ.

«Вы мелоды, любезны, хороши.... (Кажутъ другъ другу альбомы).

ГРАФИНЯ.

«Да къ счастью вашему — и на несчастье наше:

КНЯГИНЯ.

«Да къ счастью вашему — и на несчастье наше:

ГРАФИНЯ.

«Мы все бы къ вамъ душой, да вы къ намъ безъ души!»

КНЯГИНЯ.

«Мы все бы к вам душой, да вы к намъ безъ души!»

КЛАЗЬМИНЪ (съ стороны).

Порядочная гиль! да такъ хоть записному

Поэту написать, не только мнѣ! (Идетъ къ нимъ смѣло).

ГРАФИНЯ.

Мы васъ

Благодаримъ.

КНЯГИНЯ.

Что поровняди насъ.

КЛАЗЬМИНЪ.

Нельзя жъ судить, о чувствахъ, по альбому.

Я написалъ стишки и въ тотъ, и тотъ, альбомъ,

Не для потомства, ни печати;

А, если вы похожи, такъ во всемъ —

Такъ все, и нарисалось кстати.

И тотъ же умъ, и тотъ же нравъ,

И то жъ кокетство въ обращеньи....

ГРАФИНЯ.

Ахъ! охъ — нравъ!

КНЯГИНЯ.

Мы такъ связаны въ сѣ воображеньи!

Она, любящая... одну въ друрой — что ни пиши!

ГРАФИНЯ.

Да, объ — мелоды, любовни, хороши!

КНЯГИНЯ.

Кому жъ отдать тутъ предпоченье?

ГРАФИНЯ.

И объ... къ вамъ....

КНЯГИНЯ.

Или отъ васъ....

ОБЪ,

Мы безъ души!

КЛАЗЬМИНЪ,

Да-съ! объ вы — равно непостижимы....

Язытельны.... неумолчны!

КНЯГИНЯ:

Я, право, вдова похуже.

ГРАФИНЯ:

И — простомушка, какъ обстри.

КЛЯЗЬМИЦЪ (въ раздумь).

Я, кажется, готовъ поверить вдохновенно!

КНЯГИНЯ.

По вдохновенно насъ цвнели?

ГРАФИНЯ.

Наобумъ?

КНЯГИНЯ.

Статуйки — безъ души?... по эдакому мненью

Нать сердца въ насъ?

КЛЯЗЬМИЦЪ.

Все умъ, в; умъ!

КНЯГИНЯ.

Такъ мы, не женщины, свирлыны тигрицы!

ГРАФИНЯ:

И, нать, мы, кошечки, но львицы.

КЛЯЗЬМИЦЪ (възглянувъ на часы).

Однако же ужь третій часъ! Береть свою каску).

ГРАФИНЯ (останова ея).

Такъ хоть, которая ужаснее изъ насъ?

КНЯГИНЯ:

Прекрасно! будьте намъ судьейо!

ГРАФИНЯ.

Объявите:

Которая?

КНЯГИНЯ

И мы прощаемъ васъ!

(Объ, кокетливо, стали рядомъ подаль. Она смотритъ то на ту, то на другую, и молчить).

ГРАФИНЯ.

Да ну же!

КНЯГИНЯ:

Чемъ же вы молчите?

клязьминъ.

Я по Нарисъ!

княгиня.

Однако жъ, сами бы вы теперь Нарисомъ были?

клязьминъ съ стороны.

(Подходятъ — уверяясь!)

графиня.

Который бы изъ насъ вы яблочко вручили?

клязьминъ (*подумавъ*).

Я.... просто.... яблочко разрѣжу пополамъ.... (*Молчанье*).

княгиня (*присѣдала*).

Карета у крыльца.

графиня (*присѣдала*).

Пора на Невскій намъ. (*Уходятъ*).

клязьминъ (*одинъ*).

Нѣтъ, никогда такимъ мученьемъ

Гусарская не волновалась кровь!

(*За сценою грѣфиня съ княгиней поютъ*):

«Ужъ я не вѣрю увреньямъ!

Ужъ я не вѣрую въ любовь!»

клязьминъ.

Вотъ женщины! имъ все поется!...

(*Слышится стукъ отъѣзжающей кареты*).

Не дурно, кажется, игралъ я роль свою?

Вотъ все жъ.... комедія безъ свидѣбы остается,

И я сыгралъ.... съ ни чью!

Я думаю, вы скажете сами, что это чрезвычайно мило; что это стоить французской Пословицы; что авторъ попалъ на свой настоящий родъ сочиненій. Если Николай Васильевичъ захочетъ, то, я увѣренъ, Пословицы его войдутъ у насъ въ пословицу.

мнѣи славянскаго язычества. *Сочиненіе* Дмитрія Тешинга, члена Королевско-датскаго Общества Сѣверныхъ Изыскателей Древности. (Москва, 184!), въ-8, стр. 200).

Съ нѣкотораго времени древняя религія Славянъ сильно стала поглощать ученое трудолюбіе нашихъ филологовъ-антикваріевъ. По-

слъ проиникъ, первоначальныхъ и радкихъ опытовъ Глинки, Кайсарова, Стросова, Руссова, послѣднѣе годы доставили намъ вдругъ множество сборниковъ и разсужденій, относящихся къ *мисламъ, мисологiи и религии Славянъ*. Господа Сахаровъ, Касторскій, Терещенко, и особенно Смигиревъ и Срезневскій, обогатили эту часть важными въ различныхъ видахъ сочинениями, за которыя наука будетъ имъ очень благодарною. Новое изслѣдовательное обозрѣнiе того же предмета, представляемое господиномъ Тенингомъ, есть новое доказательство его занимательности и, въ то же время, трудъ, приносящій честь русской эрудици. Авторъ знаетъ все, что еще можно знать о языческихъ повѣрiяхъ разныхъ славянскихъ народовъ и, при помощи особенныхъ философическихъ соображенiй, охотно выражаемыхъ терминными повѣйшей философской символистикой, излагаетъ обширныя свѣдѣнiя свои въ видѣ весьма правильной системы. Если тутъ есть прегражденiе, то, конечно, не въ недостаткѣ систематизма, а скорѣе въ его излишности по предмету, существенно сопротивляющемуся всякому общему выводу. Мнѣ кажется, что подобныя разсужденiя о *религии Славянъ лемчинокъ* выступаютъ, все болѣе или менѣе, изъ гипотетическихъ точекъ не совсѣмъ доказаннаго достоинства. Признаюсь, несмотря на все эти разсужденiя, которыхъ издано уже огромное число и у насъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, и которыя просвѣтили меня во многомъ, я до нынѣ не могу понять, что это такое *религiя Славянъ*, религiя цѣлаго какого-нибудь племени. Существованiе нѣкогда одной общей религiи для всего славянскаго племени — такая необычайная гипотеза, что стоило бы по-крайней-мѣрѣ подкрѣпить ее какими-нибудь доказательствами, прежде, чѣмъ строить на ней системы. Одна древняя *племенная религiя* и одинъ первобытнiй *племенной языкъ* допускаются многими любителями разсужденiй какъ факты, совершенно естественные, простые и не требующиe ни какихъ доводовъ. Но такихъ фактовъ ни прямое наблюдение, даже голословное свидѣтельство, сколько-нибудь уважительное, нигдѣ не подтвердили доселѣ, и сверхъ-того они не могутъ быть приняты ни исторiей философическихъ идей, ни сравнительной филологiей, которыя убѣждены и убѣждаютъ въ совершенно противномъ. И исторiя и наблюдение показываютъ намъ повсюду нарды, самые близкие другъ другу по племени, исповѣдующими вѣры, существенно различныя и по духу и по формѣ: какъ же послѣ этого предположить себѣ на-авось одну вѣру для всѣхъ славянскихъ

— народы, где привели? Одни — из чужих христианств, а другие — из язычества? — потому что были же, и теперь есть славянскія язычества мусульманской вѣры?... Въ христианскомъ, самомъ значительномъ отдѣлѣ славянскаго племени, тоже были и есть народы чужихъ христианскихъ исповѣданій, всѣхъ сектъ и расколѣвъ: какъ же допустить, послѣ этого, что въ язычество, и особенно въ исходъ изъ язычества, единственной эпохѣ, оставившей намъ кое-какіе слѣды и остатки, огромное и разнообразное славянское племя было умнее и образованнее слѣдвало одной вѣрѣ, славянской религіи!?

Ну, да эта гипотеза покоится еще на другой гипотезѣ. Эта вторая, основная, радикальная гипотеза разсуждающихъ о религіи языческихъ областей, конечно, меньше поразительна своей очевидной произвольностью, но зато она сопряжена съ неудобствами отсталости. Старая классическая орудиня, точно такъ же, какъ нынѣшняя славянская, вообще признавала древнее многобожіе за религію инстинктивную, натуральную, усваивающуюся и развивающуюся добровольно въ народномъ созерцаніи, и *многобогію*, то есть, собраніе главнѣйшихъ народныхъ повѣрій, подхваченныхъ Богомъ вѣсть гдѣ, у кого, и съ какою целью, смѣшивала постоянно съ основнымъ ученіемъ вѣры, съ ея *догматикою*. По нынѣ это уже совсѣмъ не въ модѣ. Съ тѣхъ поръ какъ лучше мы сообразились съ древностью посредствомъ современныхъ открытій, какъ познакомились коротко съ другими системами многобожія, изъ которыхъ многия процвѣтаютъ еще и въ наше время, никто уже не заводитъ рѣчи о натуральности такихъ религій. Натуральная религія — одна: это — *Единобожіе*, религія перваго человека, поправная живыми ученіями и возстановленная Самимъ Богомъ въ образъ Спасителя. Всякое многобожіе есть система, съ умысломъ и расчетомъ составленная скептицизмомъ, материализмомъ, во вредъ ученію о единомъ Богѣ: всѣ оны выдуманы, обдуманы и прикрываютъ собою чисто-философскія теоріи; многи изъ нихъ торжествовали втеченіе извѣстнаго времени, но ни одна не укоренилась безъ своего законодателя и своего алкорана. Человекъ никогда не станетъ вѣрвать въ то, что самъ выдумаетъ: его надо научить религіи, нужно дать ему полное религіозное ученіе, черезъ которое оны вступятъ съ себя просвѣтившимся и наставленнымъ: тогда только случится оны подѣ его общаго и единообразнаго вѣрванія. Словомъ, тутъ необходимъ учитель. И действительно учителя были вездѣ. Неговорящихъ существующихъ многобожія, которыхъ законодателями вѣрванія,

достоинство титановъ, что и многобожие древнихъ: Персея, прадеда
уничтожилъ явилась Даровогра, гениксійское многобожие — Мемарта, въ
образъ Гаргумаса, египетское — Гершаса-Тривоанкаго, греческое —
Коронса и Минуса, египетскія выходящая, египетское — Залассаса,
кафрій, шагарное, одно и то же лице съ Мемартомъ Финикійское,
привесшихъ въ Сквею свою религію вмѣстѣ съ торговлею. У другихъ
Сидея въ бытъ свой, очень извѣстный, аморавъ, Сигтаен и алтаврасит,
и, следовательно, былъ и свой учитель. Третій следовалъ учению Фадина,
котораго учение можно въ мистической познѣ Улазра: гедни
жрцы и ихъ пріятели, посвященные, знали настоящій смыслъ этихъ
загадокъ и имали право толковать ихъ; непосвященной толкѣ при-
суждалась — иматьея идоламъ и разказывать про нихъ вздорныя
легенды. Это и есть мифы. Законодатели прочихъ видовъ древняго
многобожія неизвестны, какъ и самыя эти виды; но если были различ-
ныя обряды, то непременно были у нихъ и особенныя учителя.

Но все на свѣтѣ совершенно естественно что кипится чрезвычайно
древнимъ и перебытымъ. Возьмите Эскимосца, который едва знаетъ
какое-нибудь религіозное понятіе, едва знаетъ, при содѣйствіи своего
шамана, что есть какіе-то духи по-сильше и по-умше человека. Вы
хотели сказать: это — начало религіи!... какъ и многие говорили. Но
еще ошибаетесь. Навъ; это не начало, а напротивъ того конецъ какой-
то дравней, неизвѣстной намъ религіи, едва уже приметный слѣдъ ея; по-
маленьку угасаніе ея ученій въ огрубленье и единичіемъ человека. Не чужъ
полярныхъ же стѣговъ родились предки этого человека: они были
въ землѣ болѣе благодатныхъ, отдѣлились отъ своего первоначальнаго
кочевья, и, съ вѣками, удаляясь болѣе и болѣе къ северу, потеряли
его естественное, измѣнили его языкъ, забыли въ будности и ступи
его искусства, его ремесла, его вѣру, и нынче, въ нравственности пи
въ умственномъ отношеніи, съ трудомъ смыслятъ несколько болѣе
смысли, которые возятъ ихъ по тундрамъ. Дикое состояніе отнюдь не
начало человеческого быту; это — перерожденіе образованнаго чело-
вѣка, который удалился въ глушь и одиночье. Посмотрите, что было
вчера послѣ него? Какъ быстро покрылась земля стройными,
бѣлыми городами! И Священные и язычскія свидѣтельства со-
гласно показываютъ намъ удивительное развитіе гражданственности въ
самомъ сѣверномъ мѣрѣ. Дикіе народы явились послѣ, размножились по-
степенно въ пустыняхъ. Они нахлынули на зажиточныя города

испробовали как искусство, уничтожили гражданственность, но марши и вой забыли, и, расположившись на землях переобитного образованного человека съ своею дикостью, долго еще изъ своихъ янугъ указывали на величественныя развалины его аданій, говоря, что это, дескать, востроили гиганты, существа сверхъестественныя, Циклопы съ однимъ глазомъ во лбу.

Собирать повзрїя, которыя кажутся намъ обломками язычества, сохранившимися въ грубомъ народѣ остатками *миосовъ*, то есть, издранныхъ легендъ еще грубѣйшаго поколѣнія, очень уважительно въ наукѣ, но судить по этимъ дразгамъ о древней *религіи племенн*, стрѣить изъ нихъ систематическое ученіе невозвратно забытой вѣры, выводить изъ этого нечто философическое, вотъ это едва-ли согласно съ настоящимъ философіей. Пока вы не поговорите толкомъ съ древними славянскими жрецами, я никогда не повзрѣю, что вы можете изъ снзать что-нибудь толковое о *религіи Славянъ* въ язычествѣ. Не только этихъ оборванныхъ и переломанныхъ *миосовъ славянскаго амчества*, которые за чарку водки продастъ добродушному антикварію пытаннїи мужикъ, воспитанный въ другой вѣрѣ, не признаю я, бѣдный человекъ съ логинною во лбу, данными или материалами для сужденія объ ученіи язычества и о состояніи религиозныхъ воинїи у Славянъ до введенія христіанства; но, даже, воскресите протцовъ этого мужика, приведите настоящихъ славянскихъ язычскихъ мужиковъ, я и тутъ скажу, что вы еще не можете и не въ правъ говорить о вѣрѣ, въ которой они родились. Вы получите отъ нихъ точно такое же понятіе о *религіи Славянъ*, какое получилъ бы марокканскій мурла, прїзванный въ Испанію и, слыша престранныя легенды, рассказываемыя съ теплою вѣрою простымъ народомъ, обратившійся къ испанскому осляру съ просьбою объяснить ему хорошенько сущность христіанской религіи.

Все это будь сказано не о книгѣ господина Тенинга, которая заслуживаетъ совершеннаго уваженія какъ трудъ усердный и добросовѣстный въ чертѣ принятыхъ имъ идей, но о самомъ предметѣ, который неблагодаренъ, требуетъ большихъ соображенїи и не обѣщаетъ ни накого результата для науки. Забавляться *миосами* можно: древніе очень забавлялись ими — особенно поэты и ихъ читатели — но воссоздавать по *миосамъ* системы вѣры не согласно со справкою о дѣлѣ.

Во всякомъ случаѣ, вотъ уже два сочиненія, способныя увлечь читателя и о которыхъ можно говорить; и оба они — московскія. Посмотримъ теперь санктпетербургскіе производенія ума и искусства:

1. ДѢТСКОЕ ПРАВСТВЕННОЕ ЧТЕНІЕ. *Мелкіе рассказы.* (СП-бургъ, 1850, с. 32. Мелкіе нравственные рассказы).

2. ТИРОЗИНТЪ, ГОРЬСКОЕ И ИСКУСТВО ГАДАТЬ ПО КАРТАМЪ и *обяснить значеніе сновъ.* (СП-бургъ, 1850, вѣ-16).

3. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ ЗАКОНЕНІЙ О ДОМАХЪ И ДВОРАХЪ. *Необходимая книжка для каждаго домосладка.* (СП-бургъ, 1849, вѣ-16).

4. РУССКО-ИЗМѢЦКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ГАУДІУМЪ, *составленное Д. Горинухомъ, переведенное одною изъ бывшихъ ученицъ автора, воспитанницей Санктпетербургскаго Императорскаго Воспитательнаго Дома.* Курсъ первый (СП-бургъ, 1849, вѣ-8).

Въ Москвѣ, по этой части литературы, сочинилъ только одну книжку, книжку необходимую для каждаго приказчика.

Самоучитель простой и двойной *бухгалтеріи*, въ которой просто и ясно изложены правила и формы купеческаго книговодства и по которой всякій можетъ научиться сей наукѣ безъ помощи учителя. *Недалъ Шемасъ (Москва, 1849, с. 8).*

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

Чаша Христова. (Слб., 1849). — Короткое, но умилительное и прекрасно написанное по-русски размышленіе о страданіяхъ Спасителя, въ утѣшеніе скорбящимъ, для развитія дара терпѣнія въ слабыхъ, для внушенія упованія на Провидѣніе унывающимъ. Кто не скорбитъ, большею частью изъ суетнаго самолюбія, кто не выходитъ неумѣство изъ терпѣнія, кто не предается пагубной печали волею спасительныхъ утѣшеній, представляемыхъ религіей Христа-Искупителя. Читайте эти превосходныя страницы, всѣ страждущіе духомъ.

Новая слава Россіи, или Наши въ Венеріи. *Современный военный альбомъ.* Сочиненіе Петра Татаринова (Слб., 1849). — Сочъ патриотическихъ пѣсень, заслуживающихъ одобренія за прекрасныя гражданскія чувства, которыми замѣняются здѣсь удобно и искусство и вдохновеніе.

РАЗНЫЕ ПЕРИОДИКИ.

— Лучшие детские книги издаются теперь в Одессе; чему доказательство: «Галерея мантионовских премій за добродетель и подвиги самоотверженія, въ простихъ разсказахъ для дѣтей», трогательное сочиненіе Дезессара, очень мило переведенное госпожою Яланковой и очень красиво изданное съ иллюстраціями одною изъ тамошнихъ типографій. Чернила самыя черныя, бумага самая бѣлая, печать самая чистая, и картинки самыя оарыныя, также находятся въ одной только Одессѣ.

ЯНВАРЬ, 1850.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И .

=

ГОЛЕНЬКІЙ — ОХЪ! А ЗА ГОЛЕНЬКИМЪ БОГЪ. *Русская народная былина въ лицахъ. Сочиненіе М. С. Владимірова. (СПбурзь, 1849, въ 12).*

Если былина значитъ — происшествіе, которое гдѣ-то было, то я очень объ этомъ сожалею. Этой былинѣ не стоило труда быть. Да тутъ вовсе ничего не было! Молодой мужикъ хотѣлъ жениться, но денегъ у него не имѣлось: онъ собрался отправиться въ Питеръ въ надеждѣ заработать сколько-нибудь. Старый отставной солдатъ оказалъ ему: «Постой! у меня есть тысяча рублей; женись; я буду жить съ вами». И мужикъ женился. Вотъ все. Это, просто, значитъ — не уметь быть. Развѣ такъ бываетъ, когда бываетъ для печати? Быть безъ интересу — въ тысячу разъ благоразумнѣе всево не бывать или, по-крайней-мѣрѣ, не рассказывать того, что было такъ не интересно. Это — основной законъ бытія въ искусство. А случись такъ,

что хочется непременно рассказывать, что стихи не дают вамъ во-кою, что рѣшмы колютъ въ бокъ, что надо умереть или рассказать — рассказать всепечатно — стихотворно — торжественно — то обязанность рассказчика умно и тонко поправить то, что, съ своей стороны, не умѣло *быть* и *было* себя какъ-нибудь.

Досадно! Мнѣ хотѣлось бы найти художественное исполненіе въ этой книжкѣ-былинѣ. Стихи ея на многихъ страницахъ прельстили меня. Господинъ Владиміровъ иногда рассказываетъ отлично.

Кажется, однако жъ, что я, по прочтеніи, и зрѣломъ размышленіи, нашелъ тутъ интересъ очень замѣчательный — впрочемъ зависящій отъ намѣренія господина Владимірова.

Былъ у меня некогда пріятель, молодой поэтъ, начинавшій удивительно. Стихи его уже возбуждали страстный восторгъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ получилъ-было отъ щедротъ природы необыкновенное дарованіе. Что случилось съ этимъ дарованіемъ, не знаю: какъ въ море кануло!... кажется, гдѣ-то захвалили. Но знаю, что мой пріятель поэтъ никогда ничего не читалъ. Мнѣ это было досадно, потому что я очень любилъ его и дарованію его желалъ всякихъ благъ отъ науки, трудолюбія и опытности. Да я не зналъ того, что мой пріятель былъ гений. Я давалъ ему книги, творенія самыхъ знаменитыхъ поэтовъ. Онъ возвращалъ ихъ мнѣ, очевидно не читавши. — Скажи, пожалуйста, спросилъ я однажды: какъ же ты хочешь писать, ничего не читая? — «Читать?... какъ можно!... мнѣ не должно читать!» отвѣчалъ онъ пресерьіозно. — Отчего? — «Да оттого что, при моемъ дарованіи, это опасно. Станешь читать.... а тамъ пожалуй и подражать.... Нѣтъ, чтеніе очень опасное дѣло! Когда ничего чужаго не знаешь, такъ по-крайней-мѣрѣ пишешь все свое, и другіе восхищаются свѣжестью вдохновенія. Не давай мнѣ болѣе ни какихъ книгъ! не соблазняй!....»

Теперь я вижу, что мой пріятель поэтъ былъ правъ. Онъ не читалъ дотѣхъ-поръ, пока талантъ его не пропалъ въ пустотѣ оригинальности, запятнанной никакимъ знаніемъ образцовъ. Но господинъ Владиміровъ... я отнюдь не говорю того чтобы господинъ Владиміровъ ничего не читалъ: напротивъ, я увѣренъ, что онъ прочиталъ все.... я только позволяю себѣ предполагать, что онъ не читаетъ по-гречески и никогда въ рукахъ не держалъ ни *Θεοκριτα*, ни *Μοσχα*, ни *Βίωνα*, которыхъ нынче, со времени истребленія классицизма, и никто не читаетъ. Вслѣдствіе каковаго моего предположенія, съ этой стороны

онъ сохранилъ своимъ вдохновеніямъ всю свѣжесть оригинальности, неискуснаемой знаніемъ существующихъ примѣровъ, и они, конечно, дѣйствовали съ полною независимостью. Вотъ почему, господинъ Владиміровъ, — думая, что онъ пишетъ *былину въ лицахъ*... нечто совершенно новое, крайне романтическое, — себя невѣдомо, просто и чисто написалъ.... Онъ ужаснется, когда я скажу, что такое написалъ онъ. Но я скажу ему откровенно — безъ всякой лести — онъ написалъ классическую идиллію — идиллію совершенно теокритовскую — греческую — сицилійскую. Теокритъ Теокритомъ! Москъ Москомъ! Віонъ Віономъ!... не подобіе, а копія; такое сходство, и въ сюжетъ, и въ тонъ, и въ приѣмахъ, и въ направленіи, что, просто, смѣхъ. Надо же такой казусный случай: вздумать написать *русскую былинку* и сочинить чистую греческую идиллію!... именно, идиллію.... и именно такую, какой идиллія была у Грековъ, пока Грекамъ не стали подражать Римляне, а Римлянамъ Италіяны, а Италіянамъ Французы, Англичане, Нѣмцы, Русскіе, и пока идиллія не изгадилась вконецъ отъ подражаній подражаніямъ, дотога, что въ ней и слѣда первоначальной идилліи не оставалось. Я воображаю, что Теокритъ, Москъ и Віонъ родились, не въ древней Сициліи, а недавно, въ наше время, въ Россіи; что они изъ деревень своихъ пріѣхали писать стихи, не въ Александрію, а въ Петербургъ, и что они, расхаживая по Невскому проспекту, а не по Фаросской Набережной передъ Филадельфовой академіей, вздумали передъ столичной публикой воспѣть на своемъ деревенскомъ нарѣчій бытъ, нравы и ухватки мужиковъ своей родины, хлѣбопашцевъ, скотопасовъ и другихъ — воспѣть не для того чтобы воспѣвать деревенское — что имъ до мужиковъ! — а чтобы запѣть въ городъ на загородній ладъ, да еще приплестъ къ этому кое-что постороннее, касающееся болѣе до города нежели до деревни, напримѣръ мнѣніе свое объ италіанской музыкѣ и мѣстномъ оперномъ театрѣ. Теокритъ, Москъ и Віонъ въ такомъ положеніи сочинили бы, непременно и неизбежно, не свои *идилліи*, а *былинку* господина Владимірова — потому что это одно и то же. Я не говорю, что въ сюжетъ у нихъ не было бы болѣе замысловатости, въ стихъ болѣе звучности и художнической обработки — древніе Греки художники въ душъ — но сущность дѣла, картины, лица, манера были бы тѣ же. Я даже удивился, какъ эти Греки такъ ловко схватили у господина Владимірова его деревенскую развязность и удалъ,

представляя или перерабатывая въ Александріи опискѣ сицилійскихъ мужиковъ!

Глядя на *былину* съ этой стороны — съ точки удивительнаго сходства ея съ первоначальной идилліей — сходства случайнаго, безвѣрнаго, чуждаго всякаго искусственнаго злоумышленія — я никакъ въ ней большой интересъ. Для меня очень занимательно видѣть и сравнивать, какъ классицизмъ въ Александріи и романтизмъ въ Петербургѣ, не зная что ужъ и сказать новаго, какъ заплыть, чѣмъ разутьжиться комически, вдругъ заплыли оба на одинъ ладъ, въ одномъ духѣ, въ томъ же смыслѣ, и почти одними и тѣми же словами, нарядившись сперва, хитрости ради, въ крестьянскіе армяки и сарафаны — тотъ въ сиракузскіе, а этотъ въ ярославскіе. И вотъ еще что странно: подите скажите Θεокриту, Моску и Віону, что вы-дескать поете севернѣе такъ же какъ господинъ Владиміровъ — они обидятся; и выдумайте опять увѣрить господина Владимірова, что онъ не напишетъ ничего новаго — что его *былина* рѣзультатно древняя идиллія въ своемъ первоначальномъ видѣ — что ему удалось такъ стилично подражать греческимъ идиллістамъ во всемъ, даже и въ направленіи, именно потому что не читалъ ихъ. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что, слушая повѣсть: сядята Рубцова о Петръ-Великомъ, я вижу передъ собою именно сицилійскую деревню, гдѣ воротившійся на родину старѣйшій воинъ Птоломеевъ рассказываетъ всезнающимъ хлѣбопашцамъ и помудрѣвшимъ скотоводамъ про подвиги Александра-Великаго, которому деньщикъ его присовѣтовалъ покорить Египетъ и основать прекрасную и могучую Александрію для пользы и славы Греціи. Не знаю, кто выдумалъ такой анекдотъ о Петръ-Великомъ и его деньщика, Θεокрита или господина Владиміровъ, но что оба они способны и выдумать эту исторію и ввести такой рассказъ въ свои идилліи, это достоверно. Только Θεокритъ и прочіе греческіе идиллісты рассказываютъ гораздо короче. Θεокритъ наконецъ обращившись отараго воина къ крестьянамъ и крестьянкамъ, сядящимъ на площади села Новаго, близъ Ярославля (я говорю о русскомъ Θεокритѣ):

РУБЦОВЪ, обращившись.

Ну что? Люба ли сказка?

В С Я.

Ровно какъ масломъ

По сердцу показалъ, —
 Спасибо, служивый, (кланяются)
 Важнѣйшая сказка!
 Наша родная....

Р У Б Ц О В Ъ , к ъ с т а р о с т ѣ .

За тобой братъ пласка,
 И пѣсня лихая.
 Я ужъ отрезвонилъ,
 Съ колокольни лѣзу.
 Теперь за тобою
 Очередь потѣшить; (къ прочимъ)
 Такъ ли, удалые?

в с ѣ , к ъ с т а р о с т ѣ .

Сдѣлай одолженье,
 Покажь, Поликарпычъ,
 Намъ свое умѣнье;
 Разуважь компанью!

С Т А Р О С Т А .

Спѣть — споемъ, нежалуй!...
 А ваятеть не буду.
 Попрошу Малавию,
 Да красну рубашку,
 Ящичка Игвашку,
 Такъ они въ двоенъ-то
 Пыль такую нустятъ
 Что коси наливну!

Р У Б Ц О В Ъ .

Славную причину
 Старый хрѣнъ придумалъ!...
 Ну, а пѣсню, Сидоръ,
 Начинай, какъ хочешь!
 Мы тебѣ подтянемъ.

С Т А Р О С Т А .

Ну, ужъ ладно, ладно!...
 Да какую жь спѣть-то?
 Одному неловко, какъ-то неповадно.

(Къ одной изъ старухъ.)

Эй! Матрена! Нутка,
 Рмысь и ны покажеть;
 Пусть же не сибѣтся
 Молодежь надъ нами!
 Спой свою ннѣ пѣсню!
 Пропляши, какъ знаешь,
 А я не отстапу....

МАТРЕНА.

Ну ништо, родимый.... (постъ)
 Ахъ, прошли мои года!
 Деньки красные минули,
 Меся немощи согнули....
 А была я молода
 Да, да да! Да да да!
 А была я молода!

Отцвѣла моя краса:
 Пролетѣла моя младость.
 Замѣнили жизни радость:
 Горе, старость и слеза....
 Да, да да! Да да, да!
 Горе, старость и слеза. (Къ дѣвушкамъ)
 Вы не сибѣйтесь надо мной
 Красны дѣвушки — вострушки!
 Почитайте возраст мой:
 Сами будете старушки....
 Да, да да! Да, да да!
 Сами будете старушки. (Къ парнямъ)
 А вы парни, удалцы,
 Чернобровы молодцы
 Не взыщите, васъ прошу,
 Коли плохо я спляшу.
 Да да, да! Да да, да!
 Я стара — не молода. (Приплясываетъ)

СТАРОСТА, постъ на тотъ же голосъ.

Ну, ходи, ходи Матрена!
 Ходи браво и смѣлуй!
 Намъ съ тобою оборона
 Стары годы — эхъ живѣй!... (Приплясываетъ)

Эхъ живѣй, эхъ живѣй!
Ну, ходи, гуляй скорѣй!

МАТРЕНА.

Ну, сударникъ, Полкарпычъ,
Шевелись, коль сила есть!
Мы заслужишь отъ народа
Похвалу, большую честь.
Ай люли! Ай люли!
Похвалу, большую честь.

ОНА ВЪЗВЪСТЪ, ЦЕЛОТЬ И ПЛЯШУТЬ.

Эхъ! тряхнешъ, тряхнешъ костяни,
Побесѣдуешь съ гостями....
И у нашихъ у воротъ
Разпотѣшишь весь народъ.
Ай люли! Ай люли!
Разпотѣшишь весь народъ!
Эхъ, вы парни мужички!
Эхъ молодухки — вострушки!

ХОРЪ.

Разгулялись старички,
Расплясались старушки.
Ну! беззубые — гуляйте!
Ну, пѣшвымы, катайте!

СТАРОСТА И МАТРЕНА.

Хоть веселье намъ не къ рождъ :
Время намъ ужъ на покой....
Не уступишь молодежи
Спляшемъ бравую ногой!

ХОРЪ.

Ну, гуляй, гуляй родные,
Позабудьте годы злые,
Позабудьте вѣкъ сѣдой.
(Староста пляшетъ въ присядку.)

ДСЪ, ПОКАЗЫВАЯ НА НЕГО.

Ровно нашъ братъ — молодой!

СТАРОСТА, садясь въ извѣстномъ на
скамью.

Охъ! голубчики милые!
Мочи нѣтъ, усталъ.... усталъ....

МАТРЕША, садясь рядомъ со старостомъ.

Охъ, красотки молоды!
Ногъ не слышу подъ собой....

РУБЦОВЪ.

Ну, проказники сѣдые!
Разуважили народъ.

МАТРЕША, кланяясь солдату.

Не взыщи, дружочки милыи!
Триханули съ старцкомъ
Мы останной нашей силой....

РУБЦОВЪ, Матрешѣ.

Слова нѣтъ, друзья, о томъ!
(Къ народу.)

Теперь пусть-ко насъ уважать
Молодцы, да молодницы!
Пусть-ко удалъ намъ покажутъ
Красныя дѣвицы!

СТАРОСТА, къ одной изъ дѣвушекъ.

А! красотка Надя,
Птичка, канарейка!
Спойко намъ, злодѣйка,
Пѣсенку — что пѣла
Когда давя утромъ
Подъ окномъ сидѣла.

В С Я.

Это вотъ такъ дѣло!

НАДЯ, выходя на средину и кланяясь
поеть:

Шуми, шуми дубровушка,

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОИСКЬ.

Шуми сильнѣй,
Вы вѣйте, вѣтры буйные,
Страшнѣй, страшнѣй!
Авось млада младшенька
Забуду я:
Печаль, тоску ведучую,
Сердечную!
Вчера милой, любезный другъ,
Сидѣлъ со мной,
Хотѣлъ до вѣкъ любить меня
Одну — младу.
Я вѣрила обманчиву,
Забыла стыдъ....
А нынче вдругъ, печально
Узнала я:
Что милый мой, хорошій мой
Женатъ давно;
Съ другой живетъ, любовь ведетъ
Въ насѣтку нѣтъ.
Не вытерпитъ ретивое
Сердечушко,
Обиды злой извѣтника, —
Ахъ! плачу я....

Шуми, шуми дубровушка!
Шуми сильнѣй!
Вы вѣйте, вѣтры буйные,
Страшнѣй, страшнѣй!
Авось млада, младшенька
Забуду я
Печаль съ горемъ великую
Сердечную!...

СТАРОСТА.

Славно, Богъ съ тобою!
Ровно соловей....
Считай же за нисю
Къ празднику обиву!
Да будь веселѣй!

(Обращаясь къ одному изъ молодыхъ, который
стоитъ пригорюнившись.)

Эй, бобыль, Василій!

Полно горевать !
 Ты вѣдь тоже мастерь
 Пѣсни распѣвать :
 Начни маломольские,
 Аль лихую *Тройку*....
 Подойди по ближе !
 (Василій подходит.)
 Ну, любезный, спойка !

ВАСИЛІЙ, кланяясь.

Изволь, Поликарпичъ !
 Я спою двѣ пѣсни,
 Да только другія....
 Ужъ не тѣ, что слышать
 Отъ неся изволилъ,
 Когда былъ я счастливъ;
 Прошу не сердиться !

РУБЦОВЪ.

Все равно, пріятель !
 Ту ли... нль другую....
 Лишь бы веселиться !
 Мы вѣдь не торгуемъ
 Пѣснями родными :
 Посиъ для себя ихъ.

СТАРОСТА.

И вѣстимо дѣло !
 Что за разговоры?...
 Пои, что лучше знаешь....
 Начинай другъ сѣло !

ВАСИЛІЙ, выходя на середину, поетъ :

«Что горюешь ты,
 «Что кручиннисься,
 «Добрый молодецъ?
 «Весельчакъ былъи !
 «Что нахиурнися?
 « то задумался,

«Какъ старикъ съдой
«Предъ погодою?»

«Али чуешь ты
«Что не доброе, —
«Печаль сильную,
«Горе тяжкое?»

Такъ допрашивалъ
Внука дѣдушка,
Сидя вѣсть съ нимъ
На завазникъ.

«Ахъ, родимый мой!
«Не пугайся ты,
«Какъ скажу тебѣ
«Вѣсть не радостну!»

«Полюбилъ твой звукъ
«Красну дѣвицу,
«Ненаглядную
«Раскрасавицу»....

И такъ далѣе. Очень жаль, что вы забыли идилии древнихъ сицилійскихъ поэтовъ и даже эти блѣдныя, жеманныя, натянутыя подражанія имъ Виргилія, съ *передѣлкою на латинскіе нравы*, которые зовутъ его эклогами: вы засвидѣтельствовали бы передъ господиномъ Владиміровымъ, что ихъ дѣйствующія лица и говорятъ и дѣлаютъ то же самое. Сужденія о музыкѣ и пѣніи — дѣло очень обыкновенное между всеми пастухами, въ идилияхъ, и вотъ какъ Мелибей идилии господина Владимірова, земской Забирка, изъясняется на этотъ счетъ, возвращаясь въ пьяномъ видѣ отъ кума.

(Поэтъ.) «Намъ вино
На то дано
Чтобы пили,
Веселѣе
И дружиѣ
Всѣ мы жили.
Кто не пьетъ,
Такъ тотъ урокъ
Всѣмъ негодный,

Отъ хлопотъ
И отъ заботъ
Несвободный.
Уныныи малыиъ
Никогда онъ
Не сочтется, —
Рыбой, бабой,
Простынею
Прозовется....

(Говорить.) Куиз сегодня въ гости звалъ....

Исправлялъ онъ новоселье....

Эхъ! Возни его провалъ!

Накорнилъ... и напоилъ...

То есть... просто на повалъ...,

Да! Подобнаго вѣселя

Я лѣтъ съ десять не видалъ....

Угощалъ всѣхъ водкой, чаемъ,

Пуншенъ... съ ромомъ выпивавши...

Рыси въ немъ такой не чаяло:

Я считалъ его скупыиъ...

Но теперь ужъ передъ нимъ

Я спардонилъ... весь разбилъ...

(Вынимаетъ тарелку и трехкратно жадность.)

Послѣ жъ сытнаго обѣда,

Мы собралися гурьбой

Смотрѣть выпляску сосѣда

Съ благовѣрною женой...

Сосѣдъ соколоиъ летаетъ...

Она навою хамветъ...

Онъ бровями ей моргаетъ

И рукой къ себѣ зоветъ...

Она плечикомъ качаетъ,

На поклонъ сосѣда ждетъ...

Зло сосѣда забираетъ!

Онъ ногами дроби бьетъ...

Но хозяйка — неидетъ...

Тутъ сосѣдъ смекнулъ дѣлами:

Вскрикнулъ.. тоннулъ въ разъ ноги,

Подбочнилася рукаи

И пошелъ... немелъ плясать

Хватскимъ образомъ, въ присядку...

То на пальцахъ, то на пяткахъ...
 «Ну-ужъ, нечего сказать!
 «Ай хозяйни! Исполать!»
 Стали гости всё кричать...
 Вотъ сосѣдъ намъ поклоняся,
 Сталъ хозяйку снова звать;
 Но она, красой гордяся,
 Не хотѣла съ нимъ плясать
 До тѣхъ поръ, пока съ смареньемъ
 Къ ней сосѣдъ не подбѣжалъ,
 И съ примѣтныи уваженьемъ
 На колѣни не привсталъ...
 Дорожа танниъ вниманьемъ
 Жена руку подала,
 И съ особеннымъ стараньемъ
 Какъ лебедка поплыла...
 Мы — всё: «браво» закричали
 И давай... давай стучать!
 Вздуналъ удай показать...
 Очевидцы — два лакадъ,
 Видѣвъ витерски затѣи,
 Намъ сердечно увѣрили:
 Что въ театрахъ и Тальянцамъ
 Господа такъ на стучали...
 Вѣрить можно... тѣ поють...
 Вздоръ какой-то, слышь, несутъ.
 Оно можетъ быть такъ надо...
 Можетъ-статься имъ велятъ;
 Либо сами такъ хотятъ,
 Коли въ этомъ у нихъ слава...
 Но какая жъ въ томъ отрада
 И веселье и забава,
 Коль самъ лѣшій не пойметъ
 Что Тальянецъ ни споетъ?...
 Чудно дѣло это... право!...
 Всѣ чужіе нашихъ барамъ
 Больно по сердцу пришли...
 Знать за то, что деньги даромъ,
 Не взявъ пошлинъ увезли
 Въ тридесатая земля...

(Внимаетъ снова телянну; шолкаетъ по крыльямъ и шолкаетъ.)

Тамъ дѣло — вѣсин, пляски,

Прибаутки, шутки, сказки
 Въ нашей матушкѣ Руси!
 Только съ толкомъ раскуси,
 На досугѣ отъ бездѣля
 Смыселъ каждаго веселья....
 Если смыслъ тотъ поймешь,
 То къ Тальянцамъ не пойдешь....
 Нѣтъ, шалишь братъ.... стары шути,
 Чтобъ заморскія науки
 Перешибли насъ.... нѣтъ, врешь!...
 Пѣсня русская для слуха
 Звуки райскіе дарить, —
 Съ сердцейъ Русскаго, душою
 Она сладко говорить ;
 Отъ рѣчей ея заплачешь
 Коль печальная она;
 Отъ рѣчей ея заплачешь,
 Позабудешь бѣлый свѣтъ....
 Коль та пѣсня сложена
 Въ часъ веселій, на пирушкѣ,
 Въ честь красавицъ-подружкѣ,
 Аль заздравной, съ виномъ кружкѣ!...
 Пляска русская — очамъ,
 Чувству, сердцу и ногамъ
 Много радостей дарить :
 Отъ нея суставъ дрожить,
 Кровь играетъ и кипитъ....
 Душа просится на волю,
 Ноги просятся гулять....
 Молодечество родное
 Можно въ пляскѣ показать...
 Эхъ, гулять.... такъ ужъ гулять!

(Приплясываетъ.)

Расходися,
 Разгуляйся,
 Раскипися,
 Разыграйся
 Молодецка кровь.

Идиллическіе поэты искони позволяли себѣ заставлять своихъ персонажей судить о томъ, чего и сами они не понимаютъ — не только о

сравнительныхъ достоинствахъ самороднаго и художественнаго гнѣна, во даже и о философин. Таковъ родъ этой поэзии, что ей нельзя не вгнѣваться не въ свое дѣло. Собственно, она только для этого и выдумана. Следовательно, и въ предыдущей выходитъ сельскаго умника господинъ Владиміровъ — настоящій классическій идиллистъ. Конецъ его сельской поэмы — самое удачное, по мнѣнію моему, место на всемъ ея необозримомъ протяженіи,

«А чѣмъ же закончимъ
Мы нашъ пиръ веселый?
Не еще ли выпить?

РУБЦОВЪ, вставая.

Будетъ, Кармычъ, будетъ!
Отъ лишней вѣдь чарки
И дѣло забудешь....
Шабашъ веселиться!
Наступаетъ ночь....
Начнете молиться!
Потомъ дружно, прочь
Съ гулявья — по хатамъ
Разойдемся спирно....
Слышите ль вы зорю?...

(Вдали слышенъ барабанный бой. Тешить.)

СТАРОСТА.

Пособи другъ горю!
Разтолкуй: о чемъ нашъ
Всего больше надо
Просить на молитвѣ?

РУБЦОВЪ, выходя на середину.

Просите, чтобъ Богъ насъ
Отъ грѣховъ избавилъ;
И животъ нашъ краткій
Съ благостью пробавилъ;
Чтобы далъ намъ пищу;
Освѣтилъ нашъ разумъ;
Тѣлеса очистилъ,
Избавилъ лукавыхъ.

Просите у Бога,
 Чтобъ Русь процвѣтала
 И горя не знала!
 Чтобъ Царь Православный,
 Великій, Державный,
 На блонъ семь свѣтъ
 Нашимъ бы побольше
 Для общаго счастья
 Слугъ вѣрныхъ, покорныхъ.

Просите, чтобъ въ сынѣ
 Его Александрѣ —
 Наслѣдникѣ добромъ
 Всея русской земли,
 Сподобилъ найти:
 Такое же счастье,
 Таковую же славу,
 Какъ въ Отцѣ — Монархѣ
 Для всѣхъ мы нашли.

Просите, чтобъ въ внукѣ
 Малюткѣ прекрасномъ,
 Второмъ Николаѣ
 Мы Перваго образъ,
 Какъ въ зеркалѣ ясномъ,
 Увидѣть могли.

(Всѣ преклоняютъ колѣна, снимаютъ шапки,
 поднимаютъ глаза горѣ.)

ОБЩИМЪ ХОРОМЪ.

Боже! Царя храни!
 Дай Ему долги дни!
 Отъ напастей отстрани!
 Отъ враговъ оборони!

И Царицу сохрани,
 Счастьемъ въ жизни награди!
 Отъ болѣзней защити,
 Ея здравье возврати!

А Наслѣднику пошле
 Многи лѣта, долги дни!

И на царственномъ пути
Умудра и просвѣти!

Я полагаю, что *былина* не въ правѣ сердиться на меня за сближеніе ея съ первобытною идилліей. Если авторъ оцѣнить это сближеніе по достоинству, взявъ въ соображеніе понятія, нравы и родъ жизни древнихъ поселянъ Сициліи и нашихъ русскихъ мужичковъ, при равной тѣхъ и другихъ страсти къ пѣнію, и пляскъ, то можетъ-быть оно и поведетъ его къ настоящему искусству въ этомъ особенномъ родѣ поэзіи.

ВОСПОМИНАНІЯ ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА. *Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Часть шестая. (СПбурзь, 1849, № 12.)*

Наконецъ — вотъ книга, вотъ имя извѣстнаго въ литературѣ писателя, отъ которыхъ можно и ожидать и требовать страницъ достойныхъ чтенія — увлекательной бесѣды, оригинальныхъ разсказовъ, самостоятельныхъ взглядовъ на общества и времена, остроумныхъ сужденій о важныхъ дѣлахъ и любопытныхъ лицахъ.

Предъидущія части «Воспоминаній» Фаддея Венедиктовича хорошо извѣстны читателямъ этого журнала. Въ концѣ пятой части онъ перѣхалъ въ Кронштадтъ, для удобнѣйшаго изученія челоувческаго сердца. Это говоритъ самъ онъ, сознаваясь чистосердечно, что Создатель не далъ ему ни чванства, ни фанфаронства, и почти сожалѣя о томъ, что эгоизмъ — чувство совершенно ему неизвѣстное. При такихъ счастливыхъ качествахъ можно имѣть много друзей, и въ самомъ-дѣлѣ онъ былъ очень любимъ всеми на этомъ островѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Одинъ служившій тамъ Французъ дотога къ нему прирастался, что хотѣлъ съзвѣсть съ нимъ свою жену; наконецъ, подарилъ ее почтеннѣйшему Фаддею Венедиктовичу. Французъ этотъ былъ тотъ самый *дикій Французъ*, котораго Крузенштернъ привезъ въ Россію съ острова Нукагивы, обитаемаго людодвами. Его звали — Кабри. Еще почти въ дѣтствѣ попалъ онъ туда съ одного французскаго корабля, плававшаго въ Тихомъ Океанѣ, одичалъ, перенялъ вѣру, нравы, привычки, весь понятія дикарей, полюбилъ эту жизнь и ненавидѣлъ европейскіе обычаи. На Нукагивѣ пользовался онъ всеобщимъ уваженіемъ людодвовъ, которые очень поздравляли себя съ

тѣмъ, что имъ не вздумалось съѣсть его : никто проворнѣе его не плавалъ, не ползалъ на брюхѣ, не размозжалъ черепа каменнымъ топоромъ, не бѣгалъ и не воровалъ. Вся дикари были въ восхищеніи отъ его необыкновенныхъ добродѣтелей. Онъ находился въ гостяхъ на кораблѣ Надеждъ, съ намѣреніемъ украсть что-нибудь, когда внезапный шквалъ принудилъ Крузенштерна отрубить якорь и удалиться въ море. Такимъ-образомъ Кабри пріѣхалъ въ Россію, и, въ Кронштадтъ, въ 1809 году, былъ онъ учителемъ плаванія при Штурманскомъ Училищѣ. Онъ говорилъ ломаннымъ русско-французскимъ языкомъ, принимая слова дикарей и объясняя знаками, чего не могъ выразить словами. Этотъ человекъ, небольшого росту и ограниченнаго ума, съ лицомъ изуродованнымъ наколотыми узорами темно-синяго цвѣту, съ свирѣпымъ взглядомъ, съ кошачьими ухватками, женился въ Петербургѣ на прелестной Французкѣ, драгоцѣннѣйшемъ цвѣткѣ одного моднаго магазина. Ей хотѣлось посмотреть, чѣмъ за такая диковинка — дикій мужъ, и она выпала за него изъ любопытства. *C'était une idée! c'était comme ça!* говорила она.

Фаддей Венедиктовичъ почти ежедневно навѣщалъ Кабри и проводилъ у него вечера. Однажды, ночью, въ апрѣль мѣсяцъ, когда уже ледъ начинало ломать въ заливѣ, едва только Фаддей Венедиктовичъ заснулъ, стукъ у дверей комнаты разбудилъ его. Въ трактирной квартирѣ не было передней. Крѣпостной мальчикъ его свелъ въ хозяйской людской.

— Кто тамъ ?

— *Au nom de Dieu, ouvrez, ouvrez vite!* (ради Бога, отойдите, отойдите скорѣе).

Фаддей Венедиктовичъ узналъ голосъ мадамъ Кабри. Можно себѣ представить его удивленіе. Накинувъ на себя халатъ, онъ зажегъ свѣчи, и поспѣшилъ отпереть дверь. Мадамъ Кабри опрометью вбѣжала въ комнату:

— *Fermez vite, fermez bien!* (заприте скорѣе, заприте покрѣпче), и, бросившись на стулъ, воскликнула:

— *Oh, mon Dieu, mon Dieu!* (Боже мой, Боже мой), и залилась слезами.

Фаддей Венедиктовичъ стоялъ передъ нею въ ожиданіи развѣски.

— Онъ едва не убилъ меня! сказала мадамъ Кабри.

— Кто такой?

Кто же другой может покуситься на это как не дикій Кабри!

— По какому случаю?

— Из ревности!

— Разъ вы подали къ тому случай....

— Да разъ я могу отвѣчать за поступки мужчинъ? Вы знаете, что уже нѣсколько мѣсяцовъ Z*** (это былъ молодой и красивый офицеръка первого морскаго полка) влохителъ за мной противъ моей воли; я вамъ жаловалась на это, и просила васъ прекратить это влохитство всеми средствами. Сегодня, когда я была на вечеръ у капитани Тесницкой, этотъ проклятый Z*** принесъ въ нашъ домъ письмо, разумеется, любовное, и отдалъ его нашей глухой кухаркѣ для отдачи мнѣ, а она отдала письмо Кабри. Не знаю, кто ему прочелъ письмо, но онъ, съ отчаянья, напился пьянъ, и, когда я возвратилась домой, бросился на меня какъ бѣшеный, держа въ одной рукѣ топоръ, а въ другой письмо. По счастью, я не потеряла присутствія духа, вырвала у него письмо, и толкнула его изо всѣхъ силъ; онъ упалъ, я заперла дверь на ключъ снаружи, выбѣжала изъ дому.... и окольною дорогою пришла къ вамъ....

— Чрезвычайно неприятное происшествіе, сказалъ Ѳаддей Венедиктовичъ съ своимъ обыкновеннымъ хладнокровнымъ видомъ.

— Вы должны спасти и покровительствовать меня, сказала настоятельно мадамъ Кабри: потому что вы другъ мой и что мнѣ не къ кому прибѣгнуть кромѣ васъ. Только подлецъ можетъ оставить безпомощную женщину, которая въ бѣдствіи прибѣгаетъ къ нему съ довѣренностью.

— Подобно вамъ, я презираю подлецовъ и трусовъ, сказалъ почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, но здѣсь дѣло не въ подлости, а въ томъ, какимъ образомъ я могу вмѣшаться въ домашнее дѣло между мужемъ и женою, и какъ могу защищать васъ. Сабли и пистолетовъ здѣсь недостаточно. Тутъ законы и общее мнѣніе....

Мадамъ Кабри не дала кончить.

— Вамъ ли бояться общаго мнѣнія! Для васъ все-равно! Вы должны быть моимъ защитникомъ, потому что я избрала васъ. Если угодно, можете убить меня, но я не выйду отсюда....

«Удивительныя созданія Француженки! замѣчаетъ Ѳаддей Венедиктовичъ: страсти у нихъ скользятъ по дунѣ, какъ облака по небу.» Трагическая сцена нечувствительно превратилась въ комическую, и

мадамъ Кабри, огладя вполнѣ своему характеру, представила ему въ самомъ смѣшномъ видѣ то самое, что искугало ее до смерти. Однако жъ, страхъ лежалъ на днѣ ея сердца, и мадамъ Кабри ни за что не хотѣла воротиться домой. Наконецъ надлежало на что-нибудь рѣшиться.

— *Il faut renoncer sans ces les arrangements*, оказалъ Ѳаддей Венедиктовичъ. Найдя и упрому моею добрую хозяйку, чтобы она пришла вась къ себѣ.

— Это было бы превосходно! отвѣчала мадамъ Кабри.

Она разбудилъ хозяина, старшаго Деллапорту, и упростила его уйдти жену свою принять къ себѣ мадамъ Кабри, рассказавъ все дѣло. Добрая хозяйка согласилась, и Ѳаддей Венедиктовичъ разотаясь съ очаровательною Француженкою, бросился въ постель, и заснул богатырскимъ сномъ.

Проснулся Ѳаддей Венедиктовичъ въ десять часовъ утра. Мальчикъ, ожидавшій господскаго пробужденія на лѣстницѣ у дверей, сказалъ ему, что Кабри былъ уже два раза и общалъ воротиться. Едва Ѳаддей Венедиктовичъ усвѣлся за чай, Кабри явился. На лицѣ его, искаженномъ узорами и рябинами, нельзя было замѣтить ни блѣдности, ни краски, но въ глазахъ пылало пламя; онъ улыбался какъ тигръ на добычу.

Ѳаддей Венедиктовичъ сидѣлъ за чайнымъ столикомъ. Тотъ сѣлъ напротивъ; ерошилъ волосы на своей головѣ, вертелся на стулѣ, то улыбался, то бросалъ страшныя взгляды, и наконецъ сказалъ:

— Я почитаю тебя честнымъ чловѣкомъ, и потому требую, чтобы ты сказалъ мнѣ откровенно: нравится ли тебѣ жена моя?

— Послушай Кабри, сказалъ онъ съ притворнымъ хладнокровіемъ: ты никогда не долженъ предлагать вопросовъ, на которые нельзя отвѣчать. Что значитъ нравится? Жена твоя молода, не дурна собою; такъ разумѣется, что она не можетъ возбуждать къ себѣ отвращенія. Но это не ведетъ ни къ какимъ послѣдствіямъ!....

— Полно! воскликнулъ Кабри. Спрашиваю: нравится или не нравится тебѣ жена моя?....

— Она очень милая особа, но она жена твоя, принадлежитъ тебѣ, и я не имѣю ни какихъ видовъ на нее....

— Не въ томъ дѣло! воскликнулъ Кабри. Если жена моя нравится тебѣ, то я приглашаю тебя къ себѣ на ужинъ. Мы ее скаримъ!

судимая на здоровье. У насъ, на Нукагивъ, по нашимъ законамъ, мужъ имѣетъ право съѣсть жену свою за довѣрность....

Фаддей Венедиктовичъ вскопчилъ въ лодку со стула.

— Э! не доходишь!... сказала Кабри насмѣшливо: видишь, какое жонство! заѣсть человека можно, по-вашему, а съѣсть нельзя! Вотъ каково вамъъ саравейскій святъ! Ну, если вы хотите съѣсть вѣщать, такъ я — подарю се тебя, если ты поможешь мнѣ въ одномъ дѣлѣ....

— Ты не имѣешь права подарить своей жанды, сказала почтеннѣйшій Фаддей Венедиктовичъ.

— Подарю, отдамъ, только помоги мнѣ!

— Въ чемъ же помочь тебя?

— Помоги мнѣ убить Z*** (офицера, возбудившаго ревность въ Кабри).

— Убить!.... Ты сошелъ съ ума, Кабри! Вѣдь мы здѣсь не на островѣ Нукагивъ. За убійство тебя накажутъ, какъ убійцу; а ты знаешь, какъ у насъ наказываютъ смертоубійць.... Ты видѣлъ ка-торжный дворъ?...

— Но можно сдѣлать такъ, что никто не узнаетъ.... для этого-то я и требую твоей помощи....

— Ты говоришь: никто не узнаетъ! Узнаетъ Богъ, и накажетъ и въ здѣшней и въ будущей жизни!....

— На Нукагивъ Богъ позволяетъ убить врага!.... сказалъ Кабри.

— На Нукагивъ не знаютъ истиннаго Бога....

Кабри сталъ возражать, и Фаддей Венедиктовичъ видя, что все усилъ къ отвлеченію его отъ злаго умысла будутъ напрасны, пока бѣшенство не утихнетъ, вознамарился съ нимъ обходиться уклончиво, и общая помощь съ тѣмъ чтобы промедлить исполненіе и между-тѣмъ усмирить дикаря.

— Изъ словъ твоихъ догадываюсь, что ты подозрѣваешь жену въ связи съ Z***. Убѣдился ли ты въ этомъ?

— Онъ написалъ къ ней любовное письмо, советуетъ бросить меня, обещаетъ развестъ насъ и жениться на ней....

— Но это писалъ онъ, а не она; такъ чѣмъ же она виновата?

— Какъ бы онъ смѣлъ писать это, если бъ не былъ обнадеженъ? сказалъ Кабри.

— Ты маешься вздоръ! Молодой человекъ можетъ Богъ-вѣсть что написать къ женщиной, и это означаетъ только его самолюбіе, самъ-

«аристовство, дерзость, а не преступление женщины.... Тебя кто-нибудь шатолковалъ вздоромъ.... кому ты показывалъ письмо?....»

— Петру Торентьевичу, отвѣчалъ Кабри.

— Онъ самъ приволакивался за твою женою, и гдѣнется за то, что она осмѣяла его.

— Но все же Z*** виноватъ, и мой долгъ — убить его! сказалъ Кабри.

— Это дѣло мы обдумаемъ съ тобою спокойно, на досугъ, а теперь скажи, что случилось съ женою твою.

— Она бѣжала изъ дому. У Z*** ея нѣтъ; можетъ-быть онъ гдѣ-нибудь спряталъ ее. Отыщи ее.

— Жена твоя здѣсь!

Кабри вскочилъ со стула.

— У тебя? спросилъ онъ быстро.

— Какъ можно, чтобъ она была у меня! Но вѣдь здѣсь трактиръ, а ты знаешь, что въ трактиръ двери для каждаго отперты. Жена твоя у хозяйки, которая сжалилась надъ нею и призрѣла ее.

Кабри заложилъ ногу на ногу, согнулся, подперъ голову руками и задумался. Наконецъ онъ поднялъ лобъ и сказалъ :

— Пожалуйста, Фаддей, возьми себѣ эту женщину! Ты избавишь меня отъ большихъ хлопотъ!

— Этого не возможно, возразилъ тотъ. Какъ я могу взять къ себѣ чужую жену! Этого у насъ не позволено и не водится; я подвергнусь нареканію товарищей и начальства. Да и захочетъ ли жена твоя перейти отъ тебя ко мнѣ? Силою нельзя ее къ тому принудить. Да и что скажешь твой другъ и покровитель графъ Толстой!....

Кабри сталъ бранить и графа и жену.

— Напрасно ты гнѣваешься на жену, любезный Кабри, сказалъ другъ : она ни въ чемъ не виновата, а виноватъ одинъ Z***. Помирись съ женой, попроси у нея прощенія въ томъ, что ты обидѣлъ ее, а съ Z*** мы послѣ справимся.

Тутъ Фаддей Вендиктовичъ началъ лѣстить Кабри, припоминая ему, что онъ не Нукагивецъ, но Французъ, что женщины въ его настоящемъ отечествѣ пользуются уваженіемъ и снисходительностью мужчинъ, что только трусы и подлецы обижаютъ женщинъ, бѣдныхъ, безпомощныхъ, слабыхъ. Наговорилъ Фаддей Вендиктовичъ ему много, давая чувствовать, что онъ готовъ помогать въ отысканіи Z**

за нанесенную обиду и, наконец, ему удалось склонить дикаря къ примиренію съ женой, даже возбудить къ ней сожалѣніе и прежнюю привязанность.

— Быть такъ! сказалъ Кабри. Послушаюсь тебя; ты умнѣ меня и лучше знаешь, что здѣсь должно дѣлать. Пойдемъ къ женѣ!

— Зачѣмъ намъ свидѣтели! я приведу жену сюда.

— И то правда! возразилъ Кабри. Вижу, что безъ тебя я надѣлалъ бы много глупостей. Ступай за женою!

Мадамъ Кабри знала, что мужъ ея въ трактиръ, и со страхомъ ожидала развязки. Разумѣется, что Ѳаддей Венедиктовичъ и мадамъ Кабри согласились не говорить мужу, что она заходила къ нему въ комнату. Она пошла подъ защитою своего Баярда. Линь только-мадамъ Кабри переступила черезъ порогъ, дикій Французъ бросился на козлы, и, простирая къ ней руки, возопилъ: «Pardon!» Они примирились. Почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ велѣлъ подать завтракъ, угостилъ супруговъ, и, заставивъ Кабри поклясться, что онъ примирился искренно и не обидитъ жены, отпустилъ ихъ домой.

Кабри не признавался передъ Крузенштерномъ и передъ офицерами корабля Надежда, что онъ вѣлъ на Нукагивъ человѣческое мясо, но графу Толстому и другу своему, почтеннѣйшему Ѳаддею Венедиктовичу, онъ сказывалъ подъ секретомъ, что человѣкъ очень вкусное жаркое, если хорошо состряпанъ, и походить на бужанину. Послѣ трагическаго происшествія съ женою, Кабри сталъ Ѳаддею Венедиктовичу еще усерднѣе выхвалять человѣческое мясо и приглашать съѣсть вмѣстѣ съ нимъ хоть Z***, котораго онъ непременно хотѣлъ убить. Положеніе было весьма затруднительное. Видя, что дѣло идетъ не на шутку, что невозможно отклонить Кабри отъ его намѣренія, онъ разсказалъ все генералу Фонтъ-Клугену, прося уладить исторію тихо. Генералъ рѣшилъ, что одного изъ двухъ соперниковъ надлежало выслать изъ Кронштадта. Кабри былъ нуженъ для обученія плаванию воспитанниковъ итурманскаго училища и для отпирания подводныхъ шлюзовъ, а безъ одного подпоручика легко можно было обойтись. Онъ поѣхалъ къ инспектору морскихъ полковъ, генералу Ширкову, разсказалъ ему все дѣло, и генералъ Ширковъ черезъ нѣсколько дней отправилъ этого офицера въ Вологду, для приему рекрутъ и обученія ихъ на походъ. Такимъ-образомъ кончилось это дѣло, на первый случай. Но сужаегаго и вер-

хотъ не объедемъ. Почтеннѣйшему Ѳаддею Венедиктовичу мадамъ Кабри была сужена.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кабри былъ вызванъ въ Петербургъ начальствомъ Морскаго Кадетскаго Корпуса. Утромъ часовъ въ семь онъ прислалъ къ почтеннѣйшему другу своему Ѳаддею Венедиктовичу служанку съ вожоргайншею просьбою прійти немедленно по весьма нужному дѣлу. Ѳаддей Венедиктовичъ тотчасъ отправился. Когда онъ вошелъ въ комнату, Кабри сидѣлъ въ одномъ углу софы, въ задумчивости, сложивъ руки крестомъ на груди, а въ другомъ углу сидѣла жена его. «Я сейчасъ ѣду въ Петербургъ, и хоту дать тебѣ доказательство моей дружбы», сказалъ Кабри, вставъ съ мѣста и взявъ его за руку: «у насъ, на Нукагивѣ, законъ таковъ — мужъ, отправляясь въ путь, оставляетъ жену лучшему своему другу, передавая ему все свои права, даже власть надъ ея жизнью и смертію. Если ты мнѣ другъ, ты не смѣешь отказываться. Я передаю тебѣ все мои права!» Сказавъ это, Кабри поспышно обнялъ Ѳаддея Венедиктовича, потомъ жену, и, не давъ имъ опомниться, схватилъ свой узелокъ, хлопнулъ дверью и побѣжалъ къ пристани.

Ѳаддей Венедиктовичъ стоялъ передъ мадамъ Кабри, и глядѣлъ на нее съ улыбкою, не говоря ни слова. Она также молчала нѣкоторое время и смотрѣла на него, но весьма серьезно, и вдругъ захохотала изъ всѣхъ силъ и бросилась на софу. Онъ также расхохотался, и ихъ веселость продолжалась съ полчаса. Они никакъ не могли остановить своего хохоту!... «Видѣли ли вы когда-нибудь подобное сумасшествіе!» сказала наконецъ мадамъ Кабри. — Они опять принялись хохотать. Наконецъ, когда успокоились и переговорили о положеніи мадамъ Кабри, оказалось, что дикій мужъ оставилъ ей только одинъ рубль серебромъ на житье. Тутъ только Ѳаддей Венедиктовичъ понялъ всю жестокость нукагивскаго закона, явственнаго направленнаго противъ до маминыхъ друзей. Довѣренность мужа обошлась ему дорого.

Впоследствии времени Кабри отправился съ женой во Францію и тамъ умеръ. Ѳаддей Венедиктовичъ случайно встрѣтился съ женою его еще разъ въ Миланѣ, гдѣ она была *dame de comptoir* въ одномъ торговомъ заведеніи.

Изъ «Воспоминаній» Ѳаддея Венедиктовича о Россіи въ этомъ видѣ, исторія сувруговъ Кабри — самый любопытный «отрывокъ» видѣній,

слышаннаго и испытаннаго въ жизни». Но погодимъ, онъ уже оставляеть русскую военную службу и отправляется въ Варшаву, въ Лейпцигъ, въ Гамбургъ, въ Парижъ: тамъ-то станеть онъ вспоминать на просторъ; тамъ-то начнутся жизнь, полная дивными приключеніями, и наблюденіе опытнаго ума, пришедшаго въ столкновение съ разнородными людьми, обычаями и происшествіями одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи Европы. Собственно, съ половины шестаго тома «Воспоминаній» и начинается настоящій интересъ этихъ записокъ, который сильно возрастаетъ съ каждою страницей, по мѣрѣ того, какъ авторъ удаляется къ юго-западу. Какіе люди! какія дѣла! какіе странные случаи! Все чтѣ онъ рассказываетъ о герцогствѣ Варшавскомъ и Варшавѣ, Пруссіи и Германіи въ 1809 и 1810 годахъ, въ высшей степени занимательно. Многое даже въ первый разъ попадаетъ намъ въ печати. Замѣчанія о политическомъ состояніи этихъ странъ умны, основательны, дѣльно высказаны. Личныя приключенія писателя приобретаютъ вдругъ крайне живописный характеръ. Очень желательно, чтобы авторъ отнынѣ впредь вспоминалъ обо всемъ обстоятельно, не презирая ни малѣйшихъ подробностей. Эпоха, общества и дѣла, въ которыя онъ входитъ, заслуживаютъ такого труда. Кое-какой недостатокъ пяти съ половиною первыхъ томовъ «Воспоминаній» состоитъ въ постоянной и недостаточно прикрытой готовности автора принимать передъ читателемъ портретныя позы, освѣщая какъ можно выгоднѣе себя, свои чувствованія и свой характеръ. Это нѣсколько вредитъ ихъ эффекту. Теперь онъ удаляется отъ людей, съ которыми ему любо ссориться, или передъ которыми считаетъ онъ нужнымъ какъ-будто оправдываться, или прямо, или косвенно, и мы въ правѣ ожидать впередъ менѣе смотрѣнія за собою, всегда возбуждающаго недоверчивость, и болѣе небрежности въ чистосердечіи повѣсти. Она-то и увлекаетъ при чтеніи автобіографій, которыя, безъ этого качества, принадлежать къ разряду самыхъ неблагодарныхъ предпріятій самолюбія. Можно также пожелать, чтобы авторъ оставилъ привычку поддирать свои русскія выраженія французскими и нѣмецкими словами въ скобкахъ, болѣею частью безъ всякой видимой необходимости. Такія поясненія ровно ничего не поясняютъ. Когда мысль свѣтла и выраженіе удачно, они не нужны — даже мѣшаютъ, какъ излишняя ясность. Въ мысляхъ и выраженіяхъ сомнительной вѣрности, подобныя

глоссы въ состояніи только служить уликкою противъ искусства автора. Какъ можно, такому опытному писателю, нянчить мысль свою на двухъ языкахъ! Дитя какъ-разъ будетъ безъ головы. Чтò и случается — иногда.

ОСНОВАНІЕ ВЪ 1750 ГОДУ РУССКАГО ТЕАТРА *кадетами Перваго Кадетскаго Корпуса. Къ столѣтнему юбилею сочинилъ А. Карабановъ. (СП-бурзь, 1849, вѣ-8.)*

Осьмаго текущаго января исполнилось сто лѣтъ представленію Русскими первой правильной русской пьесы, съ которой и начинается исторія нашего театра.

Первыя сценическія представленія въ столицѣ Россіи появляются при царѣ Алексѣ Михайловичѣ. Въ Москвѣ начали играть мистеріи на нѣмецкомъ языкѣ. Въ Разрядныхъ Книгахъ 1676 года записано: «Быи *« комедія въ Преображенскомъ (Юднѣ и Голофернѣ), и на органахъ « играли Нѣмцы и люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Мавѣва. Того жъ года другая комедія, тамъ же, какъ Артаксерксъ « вельжъ повѣсить Амана, и въ органы играли, и на фюлахъ, и въ « струменты, и танцовали. Въ третіе тамъ же тѣшили Великаго Госу- « дря на заговѣніе Нѣмцы и люди Артемона Сергѣевича, и на фюлахъ, « и на струментахъ, и танцовали, и всякими потѣхами разными.»*

Къ тому времени принадлежать и первыя мистеріи на славяно-русскомъ языкѣ, которыя представлялись въ ново-открытой славяно-русской академіи.

При Петрѣ-Великомъ ничего не сдѣлано для основанія отечественнаго театра. Нѣмцу Манну, пріѣхавшему въ Петербургъ съ своей труппой, позволено было сыграть на первое число апрѣля, и известно только то, что Маннъ игралъ въ какомъ-то домѣ на Мойкѣ.

Первыя правильныя театры въ Россіи были устроены для итальянской оперы при дворѣ Императрицы Анны Иоанновны и въ Лѣтнемъ Саду. Въ 1736 году, по указу Ея Императорскаго Величества, дана была *знатными дамами и кавалерами* на новомъ Императорскомъ Театрѣ первая драма на русскомъ языкѣ, «Сила любви и ненависти», переведенная съ итальянскаго. Представляли также сказку въ лицахъ, «Бѣда Яга». Билеты зрителямъ выдавались безденежно, по чинамъ. Въ то же время играла и нѣмецкая труппа. Нѣмецкій языкъ былъ тогда у насъ

модный языкъ, со времени Императрицы Екатерины — Первой. Со вступленія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны началось господство французскаго языка. Труппа французскихъ актеровъ прославилась въ Петербургъ своими представленіями. Играли также и Нѣмцы въ *Комедіальномъ Домѣ*, въ Большой Морской. Но главнымъ театромъ все еще былъ итальянскій.

Между-тѣмъ въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ воспитывался Сумароковъ, *творецъ русской Мельпомены*. Окончивъ курсъ ученія, онъ остался при корпусѣ въ званіи кадетскаго офицера. Тутъ же воспитывались въ одно время будущія знаменитости Сѣвера, князь Рѣпинъ, князь Прозоровскій, Каменскій, Мелиссино, Елагинъ, Свистуновъ, Порошинъ, Румянцевъ. Даровитые эти товарищи основали между собою *Общество Любителей Русской Словесности*, въ которомъ читали они свои опыты въ стихахъ и прозѣ. Къ нимъ приходилъ и Суворовъ читать свои переводы.

Въ 1749 году кадеты пригласили Сумарокова, состоявшаго тогда при графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ въ званіи адъютанта, быть свидѣтелемъ представленія трагедіи его «Хоревъ». Они сѣиграли прекрасно. Сумароковъ былъ въ такомъ восторгѣ, что по окончаніи спектакля полетѣлъ прямо къ графу Разумовскому донести о своемъ счастьи. Графъ счелъ нужнымъ извѣстить о такой новости Императрицу. Никто не полагалъ, чтобы на русскомъ языкѣ и изъ русской исторіи можно было давать такіе же *спектакли* какъ итальянскіе и французскіе. Обрадованная Государыня повелѣла кадетамъ представить «Хорева» въ своемъ дворцѣ и пригласила автора. Это открытіе при дворѣ російскаго театра послѣдовало 8-го января 1750. *Дѣло объ учрежденіи російскаго театра при Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ* хранится въ архивѣ перваго Кадетскаго Корпуса. Авторъ, извѣдши случай пользоваться этими любопытными бумагами, составилъ по нимъ и по другимъ, болѣе извѣстнымъ, источникамъ свѣдѣній очеркъ началъ отечественной сцены, который довелъ онъ до конца прошедшаго столѣтія. Трудъ господина Карабанова сохранится въ литературѣ какъ одинъ изъ лучшихъ матеріаловъ для исторіи драматическаго искусства.

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

— Отъ департамента сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ изданъ «*Обзоръ дѣйствій Департамента Сельскаго Хозяйства втеченіе пяти лѣтъ, съ 1844 по 1849 годъ.*» Это извлеченіе изъ ежегодныхъ отчетовъ департамента и другихъ официальныхъ документовъ не преминетъ возбудить большой интересъ въ любителяхъ и знатокахъ отечественной сельской промышленности, которая въ последнее время оказала такіе примѣчательные успѣхи во многихъ точкахъ Россіи. Въ книгѣ этой найдутъ они драгоценныя подробности по всемъ частямъ предмета.

=

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

ЛИТЕРАТУРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Недавно производился въ Англіи любопытный процессъ, котораго странное рѣшеніе показываетъ баснословное воззрѣніе англійскихъ законовъ литературную собственность. Одинъ пейслейскій пасторъ подалъ въ судъ жалобу на одного издателя, который записалъ его публичныя проповѣди и напечаталъ ихъ безъ согласія и даже безъ его вѣдома. Судъ отказалъ писцу въ его просьбѣ, несмотря на то, что онъ приводилъ примѣръ, что въ точно такихъ же обстоятельствахъ судебнымъ рѣшеніемъ запрещено было изданіе игривой на публичномъ театрѣ драмы, безъ дозволенія автора. Судья возразилъ на это тѣмъ, что между представленіемъ драмы и произнесеніемъ проповѣди существуетъ въ этомъ отношеніи огромное различіе; именно: представленіе драмы происходитъ передъ публикою, которая допускается въ театръ только подъ извѣстными условіями, къ которымъ—между прочимъ, принадлежитъ плата за входъ, проповѣдь же говорится передъ каждымъ и для cadaго, кто войдетъ въ церковь, не разбирая платитъ ли онъ за то проповѣднику или нѣтъ; слѣдовательно проповѣдь, съ той минуты какъ она произнесена въ церкви, дѣлается общою собственностью, и каждый имѣетъ право сдѣлать изъ нея такое употребленіе, какое ему заблагоразсудится,

и никто не можетъ предъявлять на нее исключительнаго права собственности.

Это премудрое рѣшеніе дало поводъ нѣкимъ журналамъ вновь заговорить о недостаточности англійскихъ законовъ касательно литературной собственности, и о необходимости ихъ пересмотра и исправленія.

БИБЛИОТЕКА ЛЮДВИГА ТИКА. Въ прошломъ мѣсяцѣ былъ въ Берлинѣ замѣчательный аукціонъ. Продавалось съ публичнаго торгу богатая бібліотека ветерана нѣмецкой литературы, Людвига Тика. Каталогъ этой бібліотеки показываетъ 7,930 сочиненій на греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, испанскомъ, португальскомъ, французскомъ, голландскомъ, итальянскомъ, скандинавскихъ, славянскихъ и восточныхъ языкахъ. Едва ли существуетъ другая частная бібліотека, столь богатая сочиненіями по части филологіи и исторіи литературы. Много въ ней также сочиненій историческихъ, географическихъ и путешествій, напримеръ одна исторія открытія, изслѣдованія, заселенія и образованія Америки представляетъ 246 по большей части очень рѣдкихъ книгъ на разныхъ языкахъ. Старинная англійская литература составляетъ, разумѣется, одинъ изъ самыхъ богатыхъ отдѣловъ; между прочими рѣдкостями, назовемъ экземпляръ комедій Джона Лилли, принадлежавшій некогда протектору Оливеру Кроуелю, съ множествомъ замѣчаній, писанныхъ на поляхъ собственною его рукою. Различныя изданія Шекспира въ оригиналѣ и переводахъ, комментаріи и критики на него занимаютъ сто десять номеровъ каталога; особенно замѣчательны экземпляръ базельскаго изданія его въ оригиналѣ (1800 — 1802 года) весь написанный собственноручными примѣчаніями Людвига Тика. Эти примѣчанія, говорятъ издатель каталога, заключаютъ плодъ слѣшкомъ сороколѣтняго изученія великаго поэта величайшимъ его переводчикомъ и комментаторомъ, и основу огромнаго сочиненія о Шекспирѣ, котораго образованный міръ давно ждетъ съ нетерпѣніемъ. Испанская драматическая литература составляетъ не менѣе 1086 томовъ въ четвертку, которые не вошли въ число 7,930 номеровъ каталога, а имѣютъ свою особую нумерацію. Нѣмецкая бібліотека, заключающая 1,619 номеровъ, представляетъ вѣрный и подробный перечень славной литературной эпохи, которой собиратель этой бібліотеки былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей и украшеній. Никто не можетъ постигнуть, что побужда-

еть его, при жизни еще продать это рѣдкое собраніе книгъ, стоившее ему столько времени и труда.

НОВЫЙ ВУДИЛЬНИКЪ. Англійскіе журналы сообщаютъ о весьма замысловатомъ изобрѣтеніи одного фабричнаго работника въ Гульмѣ, близъ Манчестера. Это довольно сложный снарядъ, который будитъ его по утрамъ, зажигаетъ лампочку и готовить чай. Къ деревяннымъ часамъ въ кухнѣ придѣланъ рычажокъ, который посредствомъ проволоки, проведенной черезъ потолокъ, сообщается съ спальнею. Рычажокъ ставится на тотъ часъ, когда должно разбудить хозяина, и въ назначенное время приводится въ движеніе механизмомъ часовъ; это движеніе сообщается механизму въ спальнѣ, который ударяетъ въ колоколъ, зажигаетъ фосфорную спичку, и ею зажигаетъ лампочку. Лампочка эта на колесахъ и въ то же мигновеніе опускается по наклоннымъ рельсамъ, имѣющимъ около пяти футовъ длины, и примыкающимъ къ желѣзной поставкѣ, возвышающейся на нѣсколько дюймовъ отъ полу. Въ концѣ рельсовъ утверждено желѣзный тасачикъ, на которомъ стоятъ небольшой чайникъ, содержащій около полукварты воды. Лампочка останавливается посредствомъ врычка подъ таганчикомъ и нагрѣваетъ чайникъ; минутъ въ пятнадцать или въ двадцать вода вскипаетъ, и хозяинъ можетъ, передъ отправленіемъ на работу, выпить чашку чаю или кофе. Звонъ колокола такъ силенъ, что будитъ спящихъ въ сосѣдней комнатѣ. Снарядъ сдѣланъ очень изящно, изъ полированного желѣза. Изобрѣтатель сдѣлалъ его въ свои свободные часы, и употребилъ на него полтора года. Кромѣ другихъ удобствъ, онъ отличается чрезвычайно дешевиною, потому что на содержаніе его идетъ не болѣе полупенни въ недѣлю.

ВОЙНА СЪ КРЫСАМИ ВЪ ПАРИЖѢ. Изъ Парижа извѣщаютъ, что съ декабря мѣсяца начался походъ на крысъ, которыя появились въ несмѣтномъ множествѣ, наполняютъ всѣ улицы, и особенно сточные каналы. Городское начальство сочло нужнымъ возвысить награду, назначенную за истребленіе крысъ, и составлявшую доселѣ пятьдесятъ франковъ за тысячу головъ, — до ста франковъ; команда, занимающаяся чисткою сточныхъ трубъ, запасается уже всякаго рода снарядами для облегченія ловли ихъ. Въ прошломъ году перебито пятьнадцать тысячъ крысъ; и болѣе тридцати тысячъ погвбло отъ двухъ буръ, отъ которыхъ всѣ трубы залило водою. Извѣсто, что эти звѣрки плодятся по четыре раза въ годъ, такъ что прошлогоднее истребленіе ихъ вовсе не уменьшило ихъ

челва, которое въ настоящее время, неизвестно на какихъ дѣшыхъ, расчитывается въ полтора милліона. Порода черныхъ или англійскихъ крысъ почти истреблена, и только изрѣдка еще встрѣчается при чисткѣ каналовъ. Эта порода чрезвычайно зла, но приносила большую пользу своею непримѣрною враждою съ родою сѣрыхъ или норвежскихъ крысъ, которыя очень расплодился во Франціи, куда она пришла, какъ утверждаютъ, въ 1814 году, по слѣдамъ союзныхъ войскъ; размноженіе ихъ стало особенно сильно по истребленіи черной породы. Два гренобльскихъ перчаточника предложили купить всѣхъ крысъ, которыя будутъ переловлены въ этомъ году по сту франковъ за тысячу. Если къ этой платѣ присоединить награду, назначенную начальствомъ, каждая крыса обойдется въ двадцать сантимовъ, то есть около пяти копѣекъ серебромъ.

ПУБЛИЧНЫЯ БИБЛИОТЕКИ ВЪ АНГЛІИ И НА МАТЕРИКѢ. Комитетъ, назначенный нижнею палатою въ Англіи для изслѣдованія лучшихъ средствъ распространенія и учрежденія публичныхъ библиотекъ, изготавилъ донесеніе, наполненное любопытными статистическими фактами. Изъ него видно, что публичныхъ библиотекъ въ западной Европѣ имѣется: во Франціи сто семь, въ Бельгій четырнадцать, въ Пруссіи сорокъ четыре, въ Австріи съ Ломбардіею и Венеціею сорокъ восемь, въ Саксоніи шесть, въ Баваріи семнадцать, въ Даніи пять, въ Тосканіи девять. Изъ городовъ донесеніе насчитываетъ: въ Парижѣ семь, въ Брюсселѣ двѣ, въ Берлинѣ двѣ, въ Вѣнѣ три, въ Миланѣ двѣ, въ Дрезденѣ четыре, въ Мюнхенѣ двѣ, въ Копенгагенѣ три, во Флоренціи шесть. Лучшія библиотекы въ Великобританіи и Ирландіи тѣ, которыя должны доставляться одинъ экземпляръ каждаго новаго сочиненія, издаваемаго въ королевствѣ; такихъ библиотекъ было прежде одиннадцать, нынѣ же только пять; остальнымъ шести библиотечкамъ это право замѣнено ежегодною денежною выдачею отъ парламента, составляющею всего двѣ тысячи семь сотъ фунтовъ стерлинговъ. Англія въ этомъ отношеніи значительно отстала отъ остальной образованной Европы, и комитетъ замѣчаетъ, что правительство прежде назначало значительнѣйшія пособія на этотъ предметъ. Комитетъ старается также обратить вниманіе на пользу сельскихъ библиотекъ и предлагаетъ придуманную Джономъ Крайби - Броуномъ систему кочевыхъ библиотекъ, которая уже существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и представляетъ большія удобства. По этой системѣ каждый сельскій округъ имѣетъ пятьдесятъ томовъ, которые черезъ каждые два года перевозятся въ

другое мѣсто, и зашлѣются другими пятидесятью томами. Комитетъ вообще сильно настаиваетъ на заведеніи и распространеніи общедоступныхъ библиотекъ, которые должны имѣть большое вліяніе на образованіе сельскихъ учителей и самаго народа.

Отношеніи грамотности къ преступленіямъ во Франціи. Недавно было представлено парижской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ сочиненіе, въ которомъ авторъ старался доказать, что съ распространеніемъ грамотности умножается число преступленій во Франціи. Господа Кузенъ, Морю-де-Жовесъ и Вилоріе возстали противъ этого заключенія и изъяснили сомнѣніе въ точности выводовъ, которые привели автора къ странному результату, что умноженіе школъ ведетъ къ наполненію тюремъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій академіи господинъ Жирё представилъ оффиціальную статистическую таблицу, которую онъ вполне опровергъ этотъ выводъ, и доказалъ его несостоятельность. Изъ этой таблицы, извлеченной изъ судебныхъ и тюремныхъ отчетовъ съ 1845 до 1847 года. слѣдуетъ, что болѣе половины лицъ, находившихся подъ судомъ въ теченіе этого времени, именно пятьдесятъ два человѣка и 30 етъ, не умѣли ни читать, ни писать; одна треть только едва могла читать и писать; три человѣка и 30 етъ прошли правильный курсъ ученія, и двое получили тщательное образованіе. Изъ 7,309 человѣкъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, 4,331 былъ совершенно безграмотенъ; 2,130 съ трудомъ могли читать и писать, 719 читали и писали сносно; 120 учились правильнымъ образомъ, и изъ нихъ только трое получили полное и тщательное образованіе. Списки смирительныхъ домовъ представляютъ точно такія же численные отношенія. Господа Морю-де-Жовесъ, Кузенъ и лордъ Грумъ, также присутствовавшій въ этомъ засѣданіи, заключили свидѣніи, сообщенныя господиномъ Жирё короткими рѣчами, въ которыхъ старались съ своей стороны доказать, что выхъ съ развитіемъ грамотности и просвѣщенія въ народѣ возвышается и его нравственность.

Ученое общество въ вандименовой землѣ. Немногимъ, вѣроятно, извѣстно, что въ Вандименовой землѣ есть ученое общество, которое уже издало первый томъ своихъ трудовъ (*Papers and proceedings of the Royal Society of Van-Diemen's land, vol. I.*). Оно основано въ 1843 году стараніями губернатора, сэра Эрдли Вильмота, а съ сентября 1844 года состоитъ подъ пред-

вительствомъ королевы Викторіи. При этомъ случаѣ ему назначено ежегодное пособіе отъ правительства, въ 400 фунтовъ стерлинговъ, и оно получило названіе королевскаго вандимесскаго общества садоводства, ботаники и наукъ. Оно имѣетъ публичную библіотечку, музей, содержащій довольно значительныя коллекціи по части минералогіи, геологіи и естественныхъ наукъ, ботаническій садъ, который находится въ прекрасномъ состояніи и открытъ для публики бездешежно, — затѣмъ, говорятъ устава общества, чтобы внушить любовь къ поучительнымъ и полезнымъ удовольствіямъ и къ тихимъ наслажденіямъ классу, который привыкъ доселѣ проводить свои свободныя часы въ пресудительныхъ, чтобы не сказать, безнравственныхъ, бесѣдахъ.

ДРЕВНЯЯ СТАТУА, ОТРЫТАЯ ВЪ РИМѢ. Нѣсколько времени назадъ начали разрывать трансвертинскую часть Рима, и въ особенности переулочъ, называемый *Vicolo belle palme*. Эти разрытія приостановились было, но теперь снова продолжаются по приказанію сеньора Камилло-Джакобини, министра торговли и изящныхъ искусствъ. Работа началась драгоценною находкою. По срединѣ улицы, недалеко отъ мѣста, гдѣ найдены знаменитый бронзовый ковъ, отрыли вагую статую изъ греческаго мрамора, полуколоссальной величины. По мнѣнію многихъ художниковъ, осматривавшихъ ее, она по своей красотѣ и необыкновенному изяществу, должна принадлежать къ первымъ произведеніямъ греческой скульптуры. Хотя у нея отломаны обѣ руки и ноги, однако же всѣ куски, къ-частью, найдены. Генералъ, ученикъ Торвальдсена и лучшій въ настоящее время скульпторъ въ Италіи, реставрировалъ статую, и утверждаетъ, что она представляетъ атлета, чистящаго себѣ руку скребницей. Каинна, подъ надзоромъ котораго производится эти раскапыванія, говоритъ, что эта статуя должна быть произведеніемъ Поликлета Сикіонскаго или Лизиппа, которые оба исполняли подобныя изваянія, какъ описываетъ Плиніи въ 34 книгѣ своей естественной исторіи * — или по-крайней мѣрѣ снимокъ съ произведенія Лизиппа, если не допустимъ, что то, что Плиніи говоритъ о бронзовыхъ произведеніяхъ, должно распространиться и на мраморныя статуи. Во всякомъ случаѣ найденная статуя драгоценна, и принадлежитъ къ немногимъ, о которыхъ упоминаетъ Плиніи. Подобныя изобразенія атлетѣвъ находятся, правда, иногда на кубкахъ и на этрусскихъ вазахъ; но такой статуи, какъ эта, представляющая молодого человѣка, выжимающаго или глядящаго на себѣ кову, нѣтъ

нигдѣ не отыскаю. Атлетъ вытянулся, и скребницею, которую держитъ въ лѣвой рукѣ, гладитъ кожу на вытянутой правой рукѣ. Лицо идеальной красоты; голова небольшая; шея не очень толстая; плечи показываютъ силу и энергію; ноги едва больше натурального росту. Изъ всѣхъ этихъ формъ видно, что художникъ изобразилъ не только борца, но и состязателя на бѣгѣ; сила его проявляется въ объемѣ плечъ, въ маленькой головѣ и короткой шеѣ, какіе признаки видны и въ статуѣ Геркулеса; легкость и быстрота бѣгу выражаются въ ногахъ, крѣпкихъ, жилистыхъ, и не слишкомъ длинныхъ. Эта форма головы, и то обстоятельство, что тѣло представлено въ достаточномъ движеніи, чтобы проявить всю свою энергію, могутъ также служить доказательствомъ, что статуя эта дѣйствительно произведеніе Лизиппа.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ КУРОПАТОКЪ. Сколько есть анекдотовъ о невинныхъ хитростяхъ, употребляемыхъ куропатками для спасенія своихъ птенцовъ; охотники, земледѣльцы, фермеры, натуралисты тысячу разъ имѣли случай замѣтить мужественный инстинктъ материнскаго чувства этихъ робкихъ птицъ. Нѣкто видѣлъ, какъ куропатка отвлекала лягавую собаку, далеко отъ своего гнѣзда; при приближеніи же непріятели къ ея семьѣ, укрывавшейся въ травѣ, она, быстро взмахивая крыльями, возвращалась назадъ. Между-тѣмъ, какъ птицы притаются не шевелясь, хотя охотникъ чуть не раздавитъ ихъ ногами, мать подлетаетъ почти къ самой пасти собаки, падаетъ, встаетъ, машетъ крыльями, летитъ, опять падаетъ, снова подымается и наконецъ-таки достигаетъ до того, что сбиваетъ съ пути и собаку и охотника.

Зельборнскій пасторъ рассказываетъ, что однажды подъ его ногами изъ ямы вылетѣла куропатка съ трепещущими крыльями; съ жалобнымъ крикомъ она тащилась, повидимому раненная

• Плиній говоритъ о знаменитомъ борцѣ Лизиппа: «Изъ образцовыхъ произведеній Лизиппа прежде всего должно назвать статую, которую Греки называютъ *apossiomenos*, а Латины *distrigens*; гладиатора, только что вышедшаго изъ теплой ванны, и выжимающаго потъ изъ своихъ поровъ, назначеннымъ для того орудіемъ. Маркъ-Агриппа поставилъ эту статую на фасадѣ своихъ бань. Тиверій такъ полюбилъ ее, что въ первые годы своего царствованія, велѣлъ эту статую на дворѣ замѣнить другою, а ее перенести въ свою комнату и поставить въ ногахъ своей постели. Въ-послѣдствіи она была перенесена на прежнее мѣсто».

и, казалось, не въ состояніи была далеко уйти. Онъ слѣдовалъ за бѣдной птицею, устремивъ все вниманіе на нее; молодой же спутникъ натуралиста видѣлъ, какъ сзади его бѣжали маленькія куропатки еще не оперившіяся; падая другъ на друга, испуганныя, дрожащія отъ страха, онѣ бросались въ оставленную югу.

Одинъ ливольшеврскій помѣщикъ приказалъ при себѣ искать обширное поле; наблюдая надъ работою, онъ замѣтилъ куропатку, вылетѣвшую изъ гнѣзда, находившагося такъ близко отъ того мѣста, гдѣ работали земледѣльцы, что яйца ея могли быть раздавлены. Однако ни одно не было повреждено; нѣкоторыя готовы были уже вылупиться. Едва только ходяки и земледѣльцы удалились, куропатка опять возвратилась, хотя она и плугъ при поворотахъ неминуемо должны были утаптывать гнѣздо и яйца. Наблюдатель продолжалъ надсматривать за работами; слѣдуя за плугомъ, онъ опять подошелъ къ мѣсту, съ котораго вспугнула куропатку и нашелъ гнѣздо уже пустымъ; яйца и мать исчезли. Убѣжденный, что куропатка, какъ бы почувствуя опасность, сама унесла свои яйца, онъ хотѣлъ въ этомъ удостовѣриться, и тотчасъ же сталъ искать ее, и наконецъ нашелъ. Скрывшись за изгородью въ тридцати или сорока метрахъ отъ своего перваго убѣжища, она согрѣвала подъ своими крыльями двадцать-одно яйцо, которыя, въ продолженіе какой нибудь четверти часа, вѣроятно съ помощью самца, перенесла на такое разстояніе. Изъ этой путешествующей семьи, двѣнадцать куропатокъ вывелись благополучно.

Въ другомъ мѣстѣ фермеръ замѣтилъ на луку куропатку, слѣдшую на яйцахъ. Нѣсколько разъ онъ гладилъ рукою по спинѣ неподвижную птицу, позволявшую ласкать себя не шевелясь и не показывая ни малѣйшаго признака страха.

Но едва только захотѣлъ онъ прикоснуться къ яйцамъ, тотчасъ же мать сильно клюнула его въ палець; для защиты птенцовъ въ ней проявилась энергія, которой не доставало для собственной своей защиты.

Куропатки насѣдки занимаются исполненіемъ своихъ материнскихъ обязанностей, допускаютъ иногда брать себя на яйцахъ и уносить въ шляпѣ, продолжая высидывать ихъ. Это лучше всего доказываетъ, что отъ насъ только зависитъ обогатить птицы дворы этою красивою птицею, мясо которой такъ вкусно и здорово. У строй куропатки такой пріятно ровный-цвѣтъ перьевъ, а перья молодыхъ красныхъ куропатокъ отливаются разнообразными и богатыми оттѣнками.

Животныя легко дѣлаются ручными, смотря по отношеніямъ, которыя ихъ привычки и свойства имѣютъ съ нами, и обдижаются съ нами по мѣрѣ того, какъ мы удовлетворяемъ ихъ нужды. Чѣмъ болѣе развивается ихъ привязанность, тѣмъ болѣе они проявляютъ смѣшленности и такимъ образомъ дѣлаются способными къ воспитанію. Инстинктъ ихъ, отраженіе нашего разума, покоряется ему и признаетъ владычество нашей воли. Въ концѣ зны куропатки соединяются неразлучными парами, и различныя семейства, когда птенцы ихъ вырастаютъ, не только не разбѣдняются, но собираются къ осени огромными стадами. Разнообразная пища для нихъ находится въ избыткѣ около человѣческихъ жилищъ. Кажется самое естественное предназначеніе ихъ — сдѣлаться подругами нашихъ куръ и населять наши штичьи дворы.

Частные опыты, нѣсколько разъ производимые въ разныхъ мѣстахъ съ успѣхомъ, должны бы были постоянно приняты повсюду. Уже въ половинѣ осемнадцатаго вѣка Туринскій король нашелъ въ Грассѣ у одного Провансальца множество куропатокъ, сдѣлавшихся ручными; кардиналъ Шатильонъ развелъ въ своихъ фермахъ Лисье цѣлыя стаи, которыя всякое утро отправлялись въ поле и возвращались вечеромъ. На островѣ Хюскѣ, гдѣ, говорятъ, куропатокъ еще больше, нежели куръ во Франціи, молодыя куропатки всякое утро слетаются на свистъ пастуха, за которымъ слѣдуютъ въ поле и оттуда, по тому же сигналу, возвращаются домой.

Въ Германіи продолжаютъ не настоящимъ образомъ разводить этихъ птицъ: тамъ куры высидываютъ по двадцати куропаточныхъ яицъ, свесенныхъ въ полѣ, и которыя собираютъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ отъ жилищъ, потому что если оперившіяся куропатки услышатъ призывъ своей настоящей матери, то тотчасъ его узнаютъ и улетятъ къ ней. Для предупрежденія этого бѣгства, у нихъ вырываютъ два послѣднихъ правыхъ пера и подрѣзываютъ большіе перья. Лучшее средство удержать этихъ птицъ и сдѣлать ихъ ручными — постоянное и внимательное изученіе ихъ нравовъ, привычекъ и склонностей. Надобно, чтобы гнѣздо для куропатокъ было теплое и чистое, слегка вырытое въ землѣ и расположено, какъ обыкновенно, между верескомъ, дерномъ, богородицею травкою и другими пахучими растеніями, чтобы чистая и прозрачная вода протекала по песку и камнямъ; пищу давать имъ при восхожденіи и захожденіи солнца и въ тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ хо-

тять ихъ приучить; не далеко отъ нихъ долженъ быть кустарникъ или пучокъ шпальной травы, подъ которыми они любятъ укрываться, словомъ, чтобы приобрести будущее поколѣнiе новой породы, наобно подмѣтять нѣжныя тайны природы, и присоединить къ уму, наблюдательности твердость воли, достоинствъ только нашего племени, постоянство заботливой любви, которую матери животныхъ показываютъ своимъ дѣтямъ.

Молодыя куропатки, какъ и всѣ птицы, принадлежащія къ роду куръ, едва вылупившись изъ яйца, начинаютъ бѣгать и часто тащутъ за собою остатки скорлупы. Онѣ отъискиваютъ себѣ пишу, муравьиныя яйца, насѣкомыхъ, червей, сѣмяна, незрѣлый ячмень, и даже растенія барашки и зеленыя орѣховыя и березовыя листья по слѣдамъ матери, которая ведетъ, сзымаетъ и соединяетъ ихъ подъ своими крыльями, въ сопровожденiи самца, раздѣляющаго заботы самки, способствующаго ей хитростями для защиты своей семьи и, не смотря на свою робкую натуру, онъ мужественно защищаетъ ее даже противъ хищныхъ птицъ.

Красная куропатка принадлежитъ къ самой красивой породѣ. Верхняя часть ея тѣла темно-краснаго цвѣта, грудь пепельно-голубаго, чистая бѣлизна шеи еще болѣе выказывается отъ черныхъ полосъ, проходящихъ по обѣ стороны до глазъ, блескъ которыхъ еще болѣе увеличивается отъ этого контраста. Клювъ и лапы ея краснаго цвѣта; правильныя поперечныя пятна въ видѣ полумѣсяца съ черными, бѣлыми и каштановаго цвѣта отѣнками, украшаютъ птицу, испещряя ее по бокамъ, и отличаютъ ее съ перваго взгляда: красная куропатка, разведенная въ первый разъ въ англійскихъ паркахъ въ 1834 году, гдѣ съ успѣхомъ размножается, названа геризейскою куропаткою, потому что вывезена съ острова того имени; повсюду, гдѣ только съ успѣхомъ разводять ее, она изгоняетъ обыкновенную породу, и пары, вырывающіяся изъ-за стѣнъ парка, скоро водворятъ эту прекрасную птицу во всей южной Великобританiи.

Красная куропатка больше сѣрой и вьетъ гнѣздо въ поляхъ и въ кустарникахъ; гнѣздо ея, безыскусственно устроенное изъ травы и листьевъ, находятъ также въ травѣ. Онѣ кладутъ одинаковое число яицъ, отъ пятнадцати до двадцати; но яйца *Perdrix rubra* не зеленоватыя, какъ яйца *Perdrix cinerea*, а грязно-бѣлаго цвѣта и усѣяны красными пятнышками. Въмѣсто широкихъ равнинъ, въ которыхъ обитаетъ ея скромная соименица, красная куропатка живетъ въ гористыхъ странахъ и предпочтаетъ нѣжныя холоднымъ. И хотя ее легко сдѣлать ручною, но она въ

такъ общежительна, какъ острая куропатка и, слѣдовательно, ее труднѣе разводить. За ее птенцами нуженъ самый внимательный и заботливый приемотръ. Самое опасное время для всѣхъ породъ, это когда трехмѣсячная куропатка начинаетъ линять въ первый разъ; тогда даже острыя куропатки принимаютъ красный цвѣтъ, то-есть появляется красноватое пятно между глазами и ухомъ, на гладкой части подлѣ виска; въ это время должно держать очень тепло молодыхъ птицъ; для поддержанія ихъ силъ, давать мясную пишу. Куропаткамъ, которыхъ воспитываютъ какъ домашнюю птицу, даютъ бычачье сердце, изрубленное съ латукомъ, крутые яйца и хлѣбный мякишъ, намоченный въ винѣ.

Вильсонъ, орнитологъ, приводитъ интересныя подробности объ американскихъ куропаткахъ, *Perdrix Virginiensis*, которыя начинаютъ вить гнѣзда такъ же, какъ и наши куропатки, въ исходѣ зимы; самка такъ же водить своихъ птенцовъ по выходѣ ихъ изъ яйца, изъ котораго они выводятся въ концѣ мѣсяца; она слываетъ ихъ тихимъ, часто повторяемымъ крикомъ, похожимъ на пискъ молодаго цыпленка. «Какъ всѣ куриныя породы, говоритъ онъ, куропатка и перепелка производятъ сильный шумъ, происходящій отъ выпуклости и быстрого движенія ихъ крыльевъ, слишкомъ короткихъ въ сравненіи съ тяжестью тѣла. Продолжительность горизонтальнаго полѣта дѣлаетъ ихъ очень доступною цѣлью для ружья охотника». Вильсонъ говоритъ, что яйца ихъ, положенныя подъ курицу, нерѣдко высиживаются съ успѣхомъ. Молодыя куропатки подвижнѣе цыплятъ и болѣе любить бродить, отъ чего иногда теряются, в потому, продолжаетъ онъ, имъ нужно дать въ воспитательницы добрую курицу, которая не была бы охотница бѣгать со двора; въ такомъ случаѣ, онѣ легко приучаются и дѣлаются такою же домашнею птицею, какъ и цыплята; занимаясь постоянно нѣсколько лѣтъ, можно слѣзать ихъ совершенно ручными. Двѣ молодыя куропатки, высиженныя такимъ образомъ курицею и брошенныя ею, когда выросли, присоединились къ коровамъ, за которыми постоянно ходили въ поле, къ вечеру же возвращались съ ними, стояли подлѣ нихъ пока ихъ дошли, потомъ опять слѣдовали за ними на пастбище. Зиму провели съ ними въ хлѣву, и въ началѣ весны исчезли.

Куропатки иногда кладутъ яйца въ чужія гнѣзда; это такія, которыя еще въ яйцахъ положены были матерью въ гнѣздо обыкновенной курицы, ушедшей съ своей насѣсти; и когда ея яйца уже вывелись, она еще нѣсколько дней продолжала сидѣть на чужихъ яйцахъ.

Куропатки также иногда выкидывают курьих яиц, жененыя подъ нѣтъ; онѣ водят своихъ усмысленныхъ цыплятъ точно такнчъ же образомъ, какъ своихъ птенцовъ, даю и тогда когда тѣ лѣзютъ гораздо больше нежели онѣ сами. Для предостереженія и притомъ онѣ имѣютъ такую же звуки, какъ и обыкновенныя цыплята; но они выказываютъ такой же испугъ, такую же робость, употребляютъ тѣ же дитропки для своего спасенія, какъ и малыя куропатки, также прыгаютъ въ траву и легко могутъ одвѣзть. Такимъ образомъ было бы можно считать наши лѣса новымъ породемъ огороженыхъ птицъ.

Каковыя кротыяи спутникии, каковыя разнообразныя обществомъ окружилъ Богъ человека, властелина землѣ! Никогда онъ не бываетъ одинъ; безцрепенное множество живыхъ существъ всякаго рода окружаетъ его. Эти товарищи его земнаго житія, простодушныя дѣйствователи, не осматривая его превосходства, безцрерывно представляютъ какою нибудь энзодъ изъ котораго его вужды, наклонностей, острастей и зачатій; они то вызываютъ, то удовлетворяютъ его желаніямъ; всегда покорныя, безъ всякаго ласкательства, постоянно полезныя, они приносятъ ему пошю и требуютъ его покровительства.

Жизнѣтѣва Вальзака: Куда дѣвался носѣ до Балзакъ? поперозо по всему Паризу? въ Турціи онъ что ли, въ Китаѣ, въ Калифорніи?

Нѣтъ, онъ только *приютился подъ стѣну ивъ*, какъ Виргиліи Галатея. Знаменитый пріосрженецъ боеобразія, который нѣкогда пустилъ въ сумрачество столькои томами замысловатыхъ мериризмовъ, записался въ семейную жизнь; австрійская Омега приковала наконецъ къ ногамъ своимъ скептическаго Геркулеса.

Вотъ какъ, говорятъ, совершилось это достопамятное событіе.

Балзакъ уже нѣсколько времени жилъ въ Вѣнѣ. Однажды, когда онъ одному скитался по улицамъ Леопольдштадта, проливной дождь принудилъ его укрыться подъ воротами. Онъ уже болѣе четверти часа стоялъ тамъ, съ безпокойствомъ взглядывая на небо, уставное огромныи стѣршии облакамъ, сверкавшими еще большій ливень, какъ вдругъ увидѣлъ напротивъ, между раздвинутыми занавѣсами окна въ первомъ этажѣ, молоденькое жемочное личико, которое, казалось, разспирало его съ нѣкоторыми любопытствомъ.

Проможенный авторъ Евгеніи Грандѣ тотчасъ поспрашалъ иротнички, манашки, застегнулъ сюртукъ, пригладилъ волосы

вздероженную дождем шляпу и, бросив самоуверенный взгляд на остальной наряд свой, принялъ гордую осанку завоевателя сердецъ. Занятыя продолжали отдергиваться и задергиваться, и за ними отъ времени до времени мелькала бѣлокурая головка, будто желая удостовѣриться, здѣсь ли еще остановившійся прохожій.

Мосё де-Бальзакъ уже не заботился о погодѣ, не смотрѣлъ на небо; все вниманіе его обращалось въ этотъ первый этажъ, въ которомъ воображеніе рисовало заранѣе неизяслимое блаженство. Вдругъ изъ дому, занимаемаго незнакомкою, выходитъ слуга съ зонтикомъ въ рукѣ, почтительно подходитъ къ мосё де-Бальзаку и говоритъ, что госпожа его, тронутая непріятнымъ его положеніемъ, проситъ его принять посылаемый зонтикъ.

Знаменитый литераторъ беретъ зонтикъ, обращается къ таинственному окну, приподнимаетъ шляпу и уходя посылаетъ многозначительный поклонъ и взглядъ бѣлокурой головкѣ.

На слѣдующій день онъ наводитъ справки и узнаетъ, что въ первомъ этажѣ дома, передъ которымъ онъ стоялъ наканунѣ, живетъ молодая дама изъ знатной фамиліи. О счастье! творецъ «Человѣческой комедіи» не сомнѣвается, что онъ взглянулъ и поцѣлывалъ — сердце; и какое еще сердце! — сердце знатной австрійской дамы.

Въ три часа мосё де-Бальзакъ, въ полномъ убѣжденіи, что онъ довершитъ начатое наканунѣ приключеніе, является къ дамѣ, неся подъ мышкою узелъ интриги, то-есть такъ любезно посланный зонтикъ. Его вводятъ, и онъ начинаетъ благодарить незнакомку за неопѣненное благодѣяніе, которое она соизволила оказать ему, въ такую минуту особенно, когда на улицѣ не было ни одного ваемнаго экипажа.

Но представьте себѣ его досаду: хозяйка смотритъ на него съ недоумѣніемъ и, по видимому, вовсе не узнаетъ вчерашняго незнакомца, который дѣлалъ ей глазки изъ подъ воротъ.

— Какое благодѣяніе? спрашиваетъ она съ убійственнымъ хладнокровіемъ.

— Развѣ не вы, сударыня, были такъ добры, что послали мнѣ съ своимъ человѣкомъ зонтикъ?

Тутъ хозяйка начинаетъ понимать въ чемъ дѣло, и не можетъ удержаться отъ лукавой улыбки. Литераторъ не знаетъ, куда смотреть.

— А, зонтикъ, говоритъ наконецъ хозяйка; точно, я послала

вамъ зонтикъ, благодарю васъ, что вы потрудились сами привести его назадъ.

— Но, сударыня, говорить мосьё де-Бальзакъ голосомъ, въ которомъ слишкомъ замѣтна тайная увѣренность въ своемъ торжествѣ; позвольте ли спросить, что доставило мнѣ это лестное вниманіе? потому-что я полагаю, вы не разсылали зонтиковъ всѣмъ прохожимъ, которыхъ застываетъ дождь.

— Конечно нѣтъ, отвѣчаетъ хозяйка, но если вы такъ любопытствуете узнать, что побудило меня сдѣлать вамъ эту вѣжливость, то надо васъ удовлетворить; видите ли, сударь, вы, какъ казалось мнѣ, находились въ самомъ невыгодномъ положеніи... Чтобъ сколько нибудь избавить васъ отъ дождя я выслала вамъ зонтикъ.

— Чтобъ отблагодарить васъ за откровенность, сударыня, я буду передъ вами такъ же откровененъ, какъ вы были передо мною, хотя надо признаться, что я въ этой комедіи играю очень невидную роль. И такъ, я скажу вамъ безъ утайки, что я преглупо ошибся въ причинѣ вашего вниманія, я вообразилъ....

— Да, перебила хозяйка, смѣясь, Французы часто принимаютъ свои мечты за дѣйствительность.

— А зонтики за любовныя послылки. Вы совершенно правы, сударыня.

Бесѣда продолжалась нѣсколько времени въ этомъ тонѣ; зимевитый романшетъ безпощадно трунилъ надъ собою, и былъ такъ милъ, такъ любезенъ, что за этимъ свиданіемъ послѣдувало другое, потомъ третье, и такъ далѣе; а въ одно безоблачное утро мосьё де-Бальзакъ преспокойно приютился подъ супружескій зонтикъ.

Онъ намѣренъ возвратиться въ Парижъ, и тамъ поселиться. Говорятъ, что онъ купилъ уже съ тою цѣлью великолѣпный домъ въ одной изъ самыхъ модныхъ частей Парижа.

ПОХОЖДЕНІЯ МЕДВѢЖЬЯГО ОХОТНИКА. Сегодня, пишеть одинъ путешественникъ, расскажу вамъ свиданіе свое съ однимъ медвѣжьимъ охотникомъ, — не то, чтобъ охотникомъ по промыслу или по страсти, а только по случаю, какъ случилось охотиться и мнѣ, только не за медвѣдями, а за сурками.

Альпійскій медвѣдь—темнобураго цвѣту и преимущественно водится въ лѣсныхъ мѣстахъ; если рѣшится выйти изъ своей трущобы, то ужъ настоящимъ туристомъ, съ тѣмъ, чтобъ насветрѣть на бѣлый свѣтъ. Иногда однако же голодъ выгоняеть его

изъ лѣсовъ, подобно волку. Въ Савоин любимое его мѣстопробываніе — Моріенская долина. Впрочемъ если вы читали Бюффона, то знаете, что это самая свирѣпая и плотоядная изъ медвѣжьихъ породъ.

Возвращаюсь къ своему свиданію. — Видите ли, говорилъ мнѣ метръ Дюмонъ....

Метръ Дюмонъ, надо вамъ сказать, школьный учитель небольшой деревушки, гдѣ его тучность, безмятежный, патриархальный видъ, правильная рѣчь, дружелюбное обращеніе, а при случаѣ нѣкоторая строгость и наконецъ довольно скромный запасъ учености, доставляютъ ему и, надѣюсь, долго еще будутъ доставлять почтеніе юныхъ учениковъ и уваженіе согражданъ. Метръ Дюмонъ тотъ самый медвѣжий охотникъ, о которомъ я обѣщала рассказать.

— Вотъ видите, сударь, говорилъ онъ, если бъ вы пріѣхали тремя мѣсяцами пораньше, вы могли бы сами убѣдиться, до какой степени стоитъ ѣсть медвѣжье мясо. Три мѣсяца назадъ, охотники наши убили въ горахъ двухъ медвѣжатъ, и послушать ихъ, такъ, кажется, слюнки потекутъ при одной мысли объ этомъ жирномъ мясѣ и его несравненномъ ароматѣ. Что касается собственно до меня, я никакъ не рѣшился убѣдиться въ истинѣ ихъ словъ, потому-что, по нѣкоторымъ особымъ причинамъ, имѣю непреодолимое отвращеніе къ медвѣдямъ.

— Какія же это причины, метръ Дюмонъ?

— Вы ихъ сейчасъ узнаете. Два раза въ жизни случай сводилъ меня, противъ воли, носомъ къ носу съ медвѣдями, и искренно желаю вамъ, чтобъ въ вашихъ воспоминаніяхъ не было ничего подобнаго второй встрѣчѣ.

«Когда я въ первый разъ встрѣтился съ медвѣдемъ, мнѣ было не болѣе семи или осми лѣтъ. Вамъ извѣстно, что поселане наши на лѣтнее время перебираются на горы и живутъ тамъ въ шалахахъ, согнавъ стада свои на нагорныя пастбища, открывающіяся по сходѣ снѣговъ. Родители мои отправились туда же, а меня оставили дома подъ надзоромъ слуги. Однажды я убѣжалъ изъ дому, и отправился отыскивать ихъ въ горахъ. Иду я тропинкою, проложенною черезъ густой лѣсъ, и полудничаю ломтемъ хлѣба съ сыромъ, какъ вдругъ вижу передъ собою собаку не собаку, а нѣчто очень похожее на черную собаку огромнаго роста; звѣрь лежалъ и спалъ. Сначала я очень испугался, и хотѣлъ дать тягу назадъ; но подумалъ, что по возвращеніи домой не избѣжать мнѣ сильной потасовки; отецъ же легко убѣждался моими слеза-

ми, когда надлежало меня наказывать, и притомъ же до него было ближе, чѣмъ до дому. По вѣснмъ этимъ причинамъ, подумавъ не много, я своротилъ съ дороги, и обошелъ страшнаго звѣря въ некоторомъ разстояніи, протягивая ему на всякій случай часть моего полдника, чтобъ изъяснить ему дружественныя намеренія и снискать его благосклонность. Звѣрь вѣроятно только дремалъ, потому-что какъ я ни старался пройти безъ шума, однако же онъ проснулся, увидѣлъ меня, всталъ, и приблизился ко мнѣ. Я тотчасъ бросилъ ему кусокъ хлѣба, который онъ сперва обнюхалъ со всѣхъ сторонъ, потомъ съѣлъ, и должно полагать, что завтракъ показался ему довольно вкуснымъ, потому-что онъ подошелъ ко мнѣ, и сталъ выпрашивать еще куска; онъ позволилъ даже себя погладить, впрочемъ не безъ глухаго рычанія. Такимъ образомъ, бросая за собой свой завтракъ, кусокъ за кускомъ, и забывшая этичъ своего спутника, котораго товарищество было мнѣ немножко страшно, я прошелъ горвую ложбину и достигъ опушки лѣсу, окружавшаго нашъ шалашъ. Тутъ онъ отсталъ отъ меня. Я вошелъ въ шалашъ и рассказалъ отцу свое приключеніе. Онъ вышелъ; но скоро воротился, взявъ ружье и опять вышелъ; а вечеромъ, послѣ долгихъ безуспѣшныхъ хожденій, сказалъ мнѣ, что я встрѣтилъ медвѣдя. Съ-тѣхъ-поръ мнѣ и образъ этого звѣря глубоко врѣзались въ моей памяти, и я долго не подвергался опасности другой встрѣчи.

— Когда я во второй разъ сошелся съ медвѣдемъ, мнѣ было уже девятнадцать лѣтъ. Я жилъ тогда въ Моріенской долинѣ. Не могу вамъ сказать, что я довольно много читалъ, потому-что родители мои, будучи людьми достаточными, могли дать мнѣ нѣкоторое образованіе, которое впоследствии доставило мнѣ то положеніе, въ которомъ вы меня видите; — между-прочимъ я только-что передъ тѣмъ читалъ о громадныхъ охотахъ, которыми въ старину сѣверныя и африканскія племена доставляли себѣ пропитаніе. Это чтеніе воспламенило мое воображеніе и мужество, возбудило во мнѣ жажду приключеній. У насъ былъ сосѣдь, по имени Раймондъ, отчаянный охотникъ, который каждый разъ, какъ собирался на медвѣдей или на альпійскихъ козъ, приглашалъ меня съ собою, потому-что напередъ зналъ, что я откажу и радъ былъ потрунить надо мною. Но тутъ, когда онъ сталъ звать меня, а жъ крайнему его изумленію принялъ предложеніе. Убѣдившись, что я въ полномъ умѣ, или вѣрнѣе, что я выжилъ изъ ума, — потому что, какъ увидите, я шелъ на бѣду свою, — Раймондъ вы-

ся снабдить меня оружіемъ и всѣмъ нужнымъ для нашего предпріятія.

«Черезъ четверть часа мы уже были въ горахъ, съ ружьями на плечахъ, и острыми топорами за поясомъ; вы сейчасъ узнаете назначеніе этого топора, и какъ я обязанъ ему жизнью.

«Это было въ прекрасный осенній день. Проматавшися до пяти часовъ вечера, и не встрѣтивъ никакой поживы кромѣ глухара и пары рябчиковъ, которыхъ Раймондъ застрѣлилъ и положилъ въ свой ягдташъ, мы стали уже помышлять объ обратномъ пути. Продолжительное скитаніе по горамъ и лѣсамъ съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ чрезвычайно утомило меня съ непривычки, и я уже начиналъ охать и жаловаться. Самолюбіе мое было однако же удовлетворено; впродолженіе цѣлаго дня храбро подвергался я опасности сойтись носомъ къ носу съ какимъ нибудь страшнымъ обитателемъ этихъ трущобъ; не моя же была вина, что попытка оканчивалась безъ всякаго доблестнаго подвига; самъ Раймондъ соглашался, что этого было достаточно для доказательства моей удалы. Я напередъ уже радовался молвѣ, которая пройдетъ по долинѣ о моей храбрости, потому-что нѣкоторые дерзкіе языки льно сомнѣвались въ ней, что, признаться, было не безъ вліянія на мое отважное предпріятіе.

«Раймонду досадно было однако же возвратиться домой съ такою скудною добычею. Проходя черезъ глухой сосновый лѣсъ, въ который почти не проникали лучи заходящаго солнца, онъ вспомнилъ, что въ небольшомъ разстояніи отсюда, въ ущельи двухъ горъ, находилась небольшая лужайка, на которую частенько ходили альпійскія козы щипать траву. Въ такую позднюю пору трудно было надѣяться застать ихъ тамъ; но куда ни шло попробовать. Онъ поставилъ меня на сторожѣ, и велѣлъ держать ухо остро, а самъ удалился, сказавъ мнѣ, чтобы я спустился съ горы, если черезъ полчаса ничего не увижу и онъ не вернется. Затѣмъ онъ углубился въ лѣсъ, легъ на брюхо, обогнулъ ползкомъ, какъ змѣя, послѣднюю скалу и исчезъ за нею.

«Когда я остался одинъ, первымъ моимъ движеніемъ было осмотрѣть назначенный мнѣ постъ, чтобы не дать себя застать врасплохъ. Хотя еще не было шести часовъ, однако же подъ густыми вѣтвями сосенъ казалось, будто мракъ ночи налегъ уже на землю. Усталость выветъ съ физическими силами оковала и силы душевныя; отъага моя истощилась въ ожиданіи опасности. Поэтому, хотя рѣчь шла только о дикой козѣ, я однако же во внушитель-

истинита отыскалъ сосну, которой стволъ былъ не такъ об-
жечь, какъ бываетъ по-большей-части, и которая могла бы слу-
жить мнѣ убѣжищемъ въ крайнемъ случаѣ. Затѣмъ я довольно
спокойно зарядилъ ружье, и сталъ караулить.

«Такъ прошло четверть часа; глаза мои съ лихорадочною бы-
стротою перебѣгали по всѣмъ пунктамъ пролегавшей черезъ лѣс-
тропинки, ни гдѣ никого не встрѣчая. Еще четверть часа прошло
также спокойно; только мракъ быстро сгущался и обхватилъ
всю окружающую; между тѣмъ, судя по времени, солнце должно
было еще свѣтить на горизонтѣ.

«Назначенные полчаса миновались, и я сталъ собираться въ об-
ратный путь. Я только-что хотѣлъ разрядить ружье и выбрѣ-
са изъ этого глухаго лѣсу, который все-еще наводилъ на меня
нѣкоторый страхъ, какъ мнѣ послышался по тропинкѣ страшный,
отдаленный шумъ, который не могъ происходить отъ бѣга дикой
kozy. Я подумалъ, что это долженъ быть Раймондъ, и хотѣлъ
идти ему навстрѣчу; но шорохъ послышался ближе и явствен-
нѣе. Я ясно слышалъ, какъ сухія вѣтки хрустѣли подъ ногами,
по шагу были слишкомъ медленны и тяжелы для Раймонда. Ме-
ня взялъ страхъ, дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу; при
свѣтѣ косвеннаго луча солнца, какъ-то пробравшагося въ гущу
лѣса, я узналъ незваннаго гостя. Это былъ огромнаго росту мед-
вѣдъ, темнобурой шерсти, съ крошечными, огненными глазами;
онъ тихо и важно приближался ко мнѣ, опустивъ голову и не
подозрѣвая, повиднчому, моего сосѣдства.

«Въ это мгновеніе, не имѣя силы бѣжать, и самъ не зная, что
дѣлаю, я приложилъ ружье къ плечу, и дернулъ курокъ. Не знаю
откуда взялся у меня въ этотъ день мѣткость и ловкость, ка-
кихъ мнѣ, конечно, и во снѣ не видать бы въ другое время;
пуля попала въ медвѣдя. Онъ испустилъ страшный ревъ и я до
стоящаго времени увѣренъ, что по крайней-мѣрѣ оторвалъ ему
ухо.

«Въ два прыжка очутился онъ подлѣ меня. Я уже успѣлъ бро-
сить ружье, и когда онъ уперъ переднія лапы на стволъ дерева,
которое я избралъ себѣ въ убѣжище, я уже сидѣлъ на крѣ-
комъ суку, въ десяти футахъ надъ нимъ. Не знаю, страхъ ли
придалъ мнѣ крылья на отвагу, или характеръ мой, выведенный
изъ обычной колеи, дошелъ въ минуту опасности до геройства и
отчаянія, — но я храбро и твердо ждалъ врага, не спуская съ
него глазъ и держа топоръ наготовѣ.

«Медвѣдъ нѣсколько времени престоилъ на дыбахъ подлѣ дере-

вонъ, пожирая меня глазами, осырая пощрачн и испуская страшное рычаніе; потому онъ приницался медленно взбираться на дерево.

«Когда онъ взобрался на небольшое отъ меня разстояніе, я занесъ топоръ и ударилъ; но оторопѣвъ отъ страху, я промахнулся, и только слегка задѣлъ одну изъ переднихъ лапъ, выставленную впередъ. Это рѣшительный ударъ для медвѣжьяго охотника, когда ружье не можетъ уже помочь и опасность близка; онъ взбирается на ближайшее дерево, и обороняется топоромъ; если не можетъ разбить голову лютому звѣрю, то старается отрубить ему лапу; послѣ чего медвѣдь обыкновенно съ ужаснымъ ревомъ удаляется въ горы.

«Что, вы думаете, сдѣлалъ мой медвѣдь?

«Рана была слишкомъ незначительна, чтобы отказаться отъ жертвы; притомъ, кажется, случай этотъ задѣлъ его честолюбіе. Онъ простоялъ вѣскольکو минутъ въ раздумьи, испуская глухое рычаніе, которое терялось въ чащѣ лѣса. Потомъ опять началъ взбираться ко мнѣ, но вдругъ остановился на полпути, будто придумалъ другое средство, и сошелъ съ дерева. Затѣмъ онъ сталъ обнюхивать землю вокругъ дерева. Окончивъ эту предварительную рекогносцировку, онъ еще разъ взглянулъ на меня, будто желая убѣдиться, что я еще тутъ, и принялся за дѣло.

«Какое же средство онъ придумалъ? морозъ пробиралъ меня по кожѣ при одномъ воспоминаніи! Онъ вздумалъ подкопать дерево кругомъ, чтобы оно свалилось. Какъ хотите, а выдумка дѣлаетъ честь его медвѣжьей изобрѣтательности; я же скоро узналъ, что за терпѣніемъ дѣло у него не станетъ, чтобы привести мысль въ исполненіе. Къ-счастью, осмотрѣвъ дерево, на которомъ сидѣлъ, я убѣдился, что оно можетъ долго простоять; не то, я думаю, я бросился бы съ него головою внизъ; такъ ужасно казалось мнѣ ожиданіе неминуемой смерти въ этомъ видѣ. Я надѣялся, что Раймондъ слышалъ ревъ медвѣдя, и что Провидѣніе не совсѣмъ еще оставило меня.

«Увы! минуты тянулись какъ вѣчность; наступила ночь, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезли послѣдніе остатки моего мужества. Я не могъ болѣе видѣть своего грознаго врага; но его тяжелое дыханіе и глухой шумъ безпрерывной работы долетали до меня съ послѣдними отголосками долины, которую я видѣлъ мысленно погруженною въ спокойный, сладкій сонъ, между тѣмъ, какъ я былъ обреченъ на мучительную смерть, о какой никто не имѣлъ понятія. Долго прислушивался ко всякому шороху, въ на-

дождь не придет ли кто не мнѣ на помощь... но все напрасно: Наконецъ я разсудилъ, что все обречено, и что мнѣ остается только отдать душу Богу.

«Всю ночь провелъ я въ теплой молитвѣ. Занялась заря, а медвѣдь все работалъ съ тѣмъ же усердіемъ. Скоро дерево начало покачиваться. Я закрылъ глаза.

«Вдругъ медвѣдь пересталъ работать и сталъ нюхать на воздухъ. Мнѣ послышалось, будто изъ за деревьевъ долетали отдѣльные голоса. Медвѣдь опустилъ голову и слушалъ. Звукъ приближается.... я уже ясно слышу, какъ множество голосовъ оглашаетъ горы мощию и воемъ. Лютый врагъ мой видно догадывается, что приходитъ сильная помощь; пернюхавъ еще на воздухъ, и вслушавшись въ голоса; онъ бросаетъ на меня взоръ полный злобнаго сомалѣнія, и пускается со всѣхъ ногъ въ трущобу.

«Черезъ пять минутъ Раймондъ былъ подъ моими деревьями. И шора было: я не успѣлъ сойти съ него, какъ оно рухнуло на землю.

«Наконецъ Раймондъ, не найдя на слѣдъ дикой козы, и полагая, что отправился въ деревню, какъ онъ мнѣ приказывалъ, самъ пошелъ домой и легъ спать, не заботясь обо мнѣ. Только поутру узналъ онъ, что я не приходилъ домой, и отправился въ горы искать меня. Вся деревня последовала за нимъ.

«Повѣрите мнѣ, сударь, если вы еще не сроднились съ подобными приключеніями по промыслу, да и тогда... хранн вась Богъ отъ охоты на медвѣдя!»

БѢЛАЯ РОЗА. Въ одно свѣжее утро, словно вылитое изъ лазури, лучей и цвѣтовъ, Фридерикъ де Марвилль прогуливался въ Булонскомъ лѣсу не далеко отъ Отеля, верхомъ на прекрасной англійской лошади, въ сопровожденіи красиваго жюкея. Онъ всталъ рано для того, чтобы гулять для себя, а не для другихъ; было только двѣнадцать часовъ, а свѣтскій человекъ, известно, не ставитъ прогуливаться такъ рано. Хотя Фридерикъ де Марвилль выѣхалъ только для того, чтобы гулять, однако онъ очень заботился о томъ, что встрѣчалось ему на пути. Его гораздо болѣе занимали люди, верѣдка гулявшіе въ лѣсу, нежели утренній жаръ, теплой проливающей и восточной въ концѣ апрѣля; когда цвѣты и вѣтви наполняютъ лѣсъ, когда вся природа—волшебство, оживленіе, Арканъ сада. Вдругъ щегольскія даунистия кро-

и такъ быстро променяла мина его, что онъ едва успѣлъ размахнуться садившую въ шей даму.

— Тамъ поспѣшно и такъ рано, сказалъ онъ, приподнявъ своею лошадь; надобно узнать для чего.

Нѣсколько секундъ онъ ждалъ сѣдовалъ за каретою, какъ вдругъ при поворотѣ въ одну аллею мучеръ остановилъ лошадей.

— Здѣсь прикажете остановиться? спросилъ онъ оставая въ седлѣ.

— Здѣсь, отвѣчалъ ему въ полголоса.

Онъ опустилъ подожку, и молодая женщина съ легкостью все выворнула изъ кареты. — Подожиж меня въ этой аллеѣ, Гильомъ, я вернулюсь вѣснмого. Кучеръ почтительно поклонился. Молодая женщина удалялась слишкомъ поспѣшно для прогуливающейся дамы.

Фридерикъ отдалъ свою лошадь жокееу и подошелъ къ каретѣ.

— Кажется эи лошади графа де-Вернеля? Я узнаю его герба. Фридерикъ разсматривалъ нарисованный гербъ на дверцахъ кареты.

— Чудесно, сказалъ онъ, вотъ и нован книга, день мой не пропадетъ даромъ.

Хотя онъ никогда не былъ знакомъ съ графомъ и графинею де-Вернелъ, но зналъ ихъ однако, какъ всѣхъ знаютъ въ Парижѣ.

Фридерикъ де-Марвилле было тридцать пять лѣтъ; съ пылкостью прошелъ онъ чрезъ все безуміе и очарованіе страстей молодости. Долго жилъ онъ сердцемъ; но, какъ всегда случается, разсудокъ мало по-малу одерживалъ верхъ надъ сердцемъ. Въ одинъ прекрасный день, онъ проснулся философъ, то-есть, не имѣя болѣе силъ жить своею жизнью, онъ приобрѣлъ грустную привычку жить жизнью другихъ. Онъ всегда любилъ науку; въ двадцать лѣтъ искалъ ее въ книгахъ, въ двадцать-осямъ вошелъ онъ въ сердце своею, но даже не подозрѣвая того; въ тридцать-пять лѣтъ, онъ искалъ ее въ огромной, всегда открытой книгѣ, называемой свѣтомъ, которую такъ немногіе изъ насъ умѣютъ хорошо читать. Фридерикъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ умныхъ лѣнтяевъ, которые живутъ изъ любви къ наукѣ. Онъ находилъ, что человѣкъ, любящая коменія ищетущина въ своихъ глубинахъ; всякій день открывалъ въ ней всевозможныя провиденія. Какъ неутомимый странникъ, онъ хотѣлъ совершить путешествіе вокругъ нравственнаго сѣта. Въ особенностъ, его забавляли сердечныя слабости, что другіе называли бы гиповимомъ сердца. Онъ находилъ насла-

ждовіе слѣдить за нѣтъю любовнаго приключенія, во всѣхъ не странныхъ и непредвидѣнныхъ видоизмѣненіяхъ. Жалки казались ему наши самые знаменитые романисты, ему, который ежедневно нѣдѣль завязку и развязку самыхъ замѣнательныхъ романовъ. Онъ не довольствовался наблюденіемъ земныхъ страстей и всего, что въ нихъ есть ужаснаго и сладостнаго, печальнаго и захватительнаго, нѣтъ! онъ наблюдалъ за всѣми страстями, вообще много сѣялся надъ ударами случая, разрушающаго всѣ наши воздушныя замки. У него было тридцать тысячъ годоваго дохода; обширное знакомство въ предѣлахъ Сентъ-Жермена и Сентъ-Оверэ; въ оперѣ онъ былъ какъ у себя дома; посѣщала воли и развалины; словомъ, бывалъ всюду, гдѣ только процвѣтаетъ французская аристократія; аристократія имени, титула, ума и денегъ; у Фридерика былъ отличный вкусъ; онъ любилъ собакъ хорошей породы, лошадей чистой крови, рѣдкія пѣтцы, прекрасныхъ женщинъ и картины знаменитыхъ художниковъ; съ достоинствомъ носилъ шпагу; въ клубѣ славился умѣньемъ одѣваться и остроуміемъ. Всѣ женщины говорили о его благородныхъ намереніяхъ, любезности, о его наружности, увлекательной и глубокомысленной. Не разъ упрекали его въ мизантропіи. — Меня не понимаютъ, говорилъ онъ; я живу болѣе нежели кто другой среди общаго вихря; не одна исключительная страсть обладаетъ мною, у меня тысячи страстей разомъ. Не всѣмъ ли сердцемъ предаемся книгѣ, которую читаемъ? Миръ для меня—книга, всегда открытая на интересной страницѣ.

Но чтобы лучше изобразить его одною чертою, скажемъ, что Фридерикъ не спалъ для свиданія, можетъ-быть назначеннаго другому.

О Фридерикъ говорили еще, что онъ красавецъ, однако прошесть его былъ не безукоризненъ; неправильныя черты, кроткое и вмѣстѣ остроумное выраженіе придавало прелесть его лицу. Граціозно и горделиво носилъ онъ темнорусые усы и съ достоинствомъ терзалъ ихъ при философическихъ размышленіяхъ.

И такъ Фридерикъ слѣдовалъ за мадамъ де-Вернель; надобно же когда нибудь назвать ее настоящимъ именемъ. Онъ выбралъ узкую тропинку, мало посѣщаемую, смежную съ аллеєю, по которой торопливо шла графиня. Въ концѣ аллеи она оглянулась, можетъ-быть для того, чтобы посмотреть, не слѣдуетъ ли кто за нею; но она не могла видѣть Фридерика, скрывшагося за деревьями; остановившись на минуту, она съ недомѣнливымъ посмотрѣла на пять или шесть домовъ, разбросанныхъ у опушки аллеи,

какъ будто припоиная дорогу; и вдругъ, вѣспочинивъ, пошла по узенькой тропинкѣ, извинаящейся между виноградниками и прилькнувшей къ скромной рѣшоткѣ новенькой и красной дачи. Приближался къ ней, мадамъ де Верне и пошла медленно, оставалась каждую минуту и оглядывалась. Фридерикъ, спрятавшись въ орѣшникъ при опушкѣ лѣса, наблюдалъ съ живѣйшимъ любопытствомъ за всеми движеніями графини. Увидя, что она оглядывается, онъ подумалъ сперва, что она боится преслѣдованій; потомъ, что она ждетъ кого-нибудь, наконецъ, что сама не знаетъ, что ей дѣлать; подошла къ рѣшоткѣ, она оперлась рукою, обтянутою самой свѣжей перчаткой, на одну изъ двухъ акацій, которыя стояли какъ будто часовые по обѣимъ сторонамъ дачи. Фридерикъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда калитка отворится. Безъ сомнѣнія, говорилъ онъ себѣ, мадамъ де Вернель звонитъ, и какъ можно заставить ждать у двери такую хорошенькую женщину? Однако рѣшетка не отворялась; мадамъ де-Вернель смотрѣла то на домъ, то на дорожку между виноградниками. Тутъ услышала онъ пронзительное щелканье ключа, повернутого въ замкѣ.

Мадамъ де Вернель сама отворила калитку; но вдругъ какъ-будто по невольному движенію опять заперла ее, взяла ключъ и быстро удалилась. Фридерикъ слышалось нѣсколько разъ повторенное: никогда! никогда! Прекрасно, сказалъ онъ, на мое счастье этотъ романъ начинается не такъ, какъ другіе.

Вскорѣ мадамъ де-Вернель прошла въ десяти шагахъ отъ орѣшника, гдѣ онъ спрятался; въ это время онъ удивлялся ея блѣдой и гармонической красотѣ, ея безпечной и нежной граціозности; съ гибкостью лебедя она томо склонила головку. Фридерикъ замѣтилъ на лицѣ ея грустную задумчивость, тронувшую его сердце; это не шуточная страсть, сказалъ онъ съ важностью: въ ней сердце бьется подъ пламенною мыслью. Когда мадамъ де Вернель опять подошла подъ тѣнь высокаго дерева, она открыла маленькій алжирскій кошелекъ, вышитый золотомъ и вынула изъ него письмо. Фридерикъ заключилъ потому, какъ она пробѣгала его глазами, что не въ первый разъ графиня читала это письмо.

Вдругъ не далеко отъ нея появился сторожъ; мадамъ де Вернель сложила письмо и торопливо положила къ каретѣ. Кучеръ еще не успѣлъ выкурить первую трубки табаку. Онъ съѣлъ, призывая ему ѣхать какъ можно скорѣе. Кирета скоро исчезла въ облакахъ пыли. Фридерикъ не смелъ за нужное слѣдовать блѣде

за мадамъ де-Вернель. Онъ сѣлъ на лошадь и продолжалъ свою прогулку, стараясь разгадать, для чего графиня встала такъ рано, для чего она отворила калитку, почему не переступила страшный порогъ дома, для чего съ грустью сѣла пересчитывать деньги. Нечего и сомнѣваться, говорилъ онъ про себя, она шла на свиданіе; потому что одежда ея была самыхъ нѣжныхъ матерій. Предъ глазами его развѣвалось шелковое блѣдно-голубое платице и шарфъ. Онъ еще не потерялъ изъ виду свѣжую бѣлую шляпку, съ такою граціею обрисованную крѣткою, блѣдною и прекрасною лицо графини де-Вернель. Онъ возвращался въ Парижъ съ твердою рѣшимостью не останавливаться на первой страницѣ романа. Прекрасно, говорилъ онъ; я былъ немного утомленъ немыслимыи и однообразными приключеніями за кулисами оперы; обыкновенно тамъ, кто знаетъ начало, знаетъ и конецъ. Здѣсь же я не знаю ни начала, ни конца.

Вечеромъ Фридерикъ де-Марилье встрѣтилъ во французской комедіи,—это было въ первый день представленія,—одного стараго товарища по части философіи и сигаръ, молодого маркиза де-Вервье, который имѣлъ обширное знакомство въ высшемъ и среднемъ кругу дворянства.

— Любезный другъ, сказалъ ему Фридерикъ, поговоривши сперва объ упадкѣ театра, въ наше время самое лучшее зрѣлище,— это зрѣлище природы. Маркизь де-Вервье расхохотался. — Ты не понимаешь этого, мой милый; я нанялъ квартиру въ Отелѣ, и въ дѣскую уже всегда вѣять чловѣка только подъ различными образами; деревья, облака, теченіе ручейковъ и пѣдіе птицъ ивъ былье нравятся. — Селадонъ, прошепталъ маркизь де-Вервье. — Я думаю, продолжалъ Марилье, что ты, знакомый съ цѣлымъ свѣтомъ, бываешь у графа де-Вернель. — Да, очень часто, но изъ что тебѣ это? — Мадамъ де-Вернель, вѣроятно, самая строгая добродѣтель? — Ну, конечно. — Я не сомнѣвался въ томъ. Сегодня утракъ, мнѣ кажется я встрѣтилъ ее, если не ошибаюсь, въ Отелѣ; дѣтъ ли у неѣ дача въ той сторонѣ? — Не думаю, потому что графъ де-Вернель владеетъ однимъ изъ прекрасѣйшихъ замковъ въ Нормандіи. — Мадамъ де-Вернель имѣетъ удивительное сходство съ одною моею знакомою, которую я не могу объ этомъ разспрашивать; сдѣлая же мнѣ одолженіе, спроси у графини не прогуливается ли она иногда близь Отеля? — Ничего вѣтъ легче, сказалъ Вервье, не подозрѣвая намѣренія Фридерика, и не подумавъ, что съ какою бы осторожностью ни былъ сдѣланъ подобный вопросъ, все таки онъ будетъ отзываться дескриптивно. — Походивши

въ фойе, они возвратились въ залу, Фридерикъ шёлъ нѣкого на балконѣ, маркизъ сидѣлъ въ ложѣ въ галерей. Известно уже, что Фридерикъ болѣе занимался комедіею, происходившею въ залѣ, нежели на сценѣ, и потому онъ первый замѣтилъ, какъ вошла прелестная женщина, можетъ-быть единicomъ блѣдая, но дама эта блѣдность дѣлала ее еще пріятнѣе. То была графиня де-Вернель. Хотя она сидѣла въ первомъ ряду ложъ, но подумывалась за своихъ вѣтромъ, граціозно игралъ имъ. Въ ней была какая-то дѣвственная красота, которая бьется выказывалась.

Впродолженіе антракта маркизъ де-Вераіе вошелъ въ ложу мадамъ де-Вернель. Можно догадаться, что Фридерикъ и не думалъ идти въ фойе: онъ скоро замѣтилъ, что на вопросъ маркіза молодая женщина отвернулась покраивѣвъ и съ волнѣніемъ дышала благоуханіе своего букета.

Въ концѣ антракта, Фридерикъ опять отыскалъ маркиза де-Вераіе. — Ну, сказалъ онъ ему, ты очень кстати встрѣтилъ мадамъ де-Вернель, но вѣроятно и не подумалъ спросить ее объ Отелѣ. — Напротивъ, я только и думалъ о томъ, милый Фридерикъ, ты затронулъ за живую струну, потому что хотя мадамъ де-Вернель и притворилась, что не понимаетъ, о чемъ я хотѣлъ сказать, но при одномъ имени Отелы она пришла въ замѣшательство и ничего не отвѣчала, отвернулась. Фридерикъ не могъ скрыть радостнаго движенія. — Настоящій романъ, сказалъ онъ самъ себѣ, закручивая усы — романъ, который я прочту одинъ, романъ, написанный только для меня.

На другой день около полудня Фридерикъ еще проѣзжалъ Буловскія лѣсъ съ вѣрною надеждою встрѣтить тамъ карету графини де-Вернель. После скорой прогулки, онъ выirschался уже къ триумфальнымъ воротамъ, не надѣясь болѣе встрѣтить таинственную графиню, какъ вдругъ ему пришла мысль, что мадамъ де-Вернель могла переѣхать дорогу, чтобы пріѣхать на дачу.

Тотчасъ же онъ повернулъ свою лошадь въ ту сторону. При выходѣ изъ лѣса онъ вздрогнулъ, увидѣвъ по дорожкѣ въ загородный домъ зеленую воаль, развѣваемую вѣтромъ; счастье благопріятствовало его любовничеству. Онъ опять шагнулъ графиню въ рѣшительную минуту, когда мианули она колебалась. Хотя она переѣхнула свой парадъ п легкой шляпки въ италіицкой соломѣ, покрытая зеленою воалью, замѣтила бѣлую, однако онъ съ перваго взгляда узналъ ее, но тревожной ли шокоткѣ, но по предѣльному небрежной и граціозной, или потому-что онъ думалъ,

что только она одна могла идти въ такой часъ по дорожкѣ къ загородный домъ. Онъ сталъ какъ наканунѣ у опушки лѣса неподвижный и безмолвный и съ взволнованнымъ сердцемъ.

Зрѣлище не долго продолжалось; мадамъ де-Вернель уже не оставалась въ нерѣшимости у двери; но мужественно подойдя къ рѣшеткѣ, съ живостью совершенно женскою отворила ее однимъ поворотомъ ключа, но не безъ труда, потому что рѣшетка хотя была не массивна, однако довольно тяжела: графиня употребила всѣ свои силы, чтобы отворить ее. И что это и Французъ, прошептала Фридерикъ—Французъ утѣвитель вродена — а онъ приходитъ послѣдній на свиданіе. Мадамъ де Вернель опять заперла рѣшетку и скрылась подъ деревьями небольшого садика.

Графъ де Вернель, жена котораго готовила Фридерикъ де-Марвиллю интересный романъ, былъ человекъ тридцати лѣтъ, уважаемый по своему богатству, знатности и достоинствамъ. Онъ любилъ свою жену любовью истинною и благородною. Онъ любилъ ее за прекрасную наружность, за очаровательную прелесть, за возвышенность ея чувствъ. По общему желанію своему и жены, онъ проводилъ лѣто въ своихъ помѣстьяхъ, зиму среди праздноствій и суеты парижскаго свѣта. Но въ особености онъ любилъ пріятныя деревенскія удовольствія; окруженный своими крестьянами, онъ охотно дѣлался земледѣльцемъ, подавалъ при случаѣ примѣръ собою. Онъ былъ любимъ въ своей сторонѣ гдѣ противъ воли его сдѣлали кандидатомъ въ депутаты. Сперва онъ только думалъ управлять своею жизнью и своимъ состояніемъ; но какъ тщесловіе всегда замечаетъ мѣстечко даже въ жизни мудреца, то и онъ кончилъ тѣмъ, что не сталъ болѣе протвѣяться желаніямъ своихъ друзей; онъ даже принялъ званіе члена въ общемъ совѣтѣ, что считалось прелюдіею къ высшимъ политическимъ почестямъ. Въ счастіи очень естественно думать о счастіи другихъ; добродушный въ своихъ надеждахъ, графъ де-Вернель думалъ при вступленіи въ палату предложить и получить согласіе на нѣкоторыя благодѣтельныя мѣры.

Мадамъ де Вернель, урожденная Бланка де-Рианкуръ, не слыха за модную женщину, напротивъ, ее почти укоряли въ томъ, что она слишкомъ любитъ домашнюю жизнь. Впрочемъ, она отдавала свѣту должную дань своею пріятностью и любезностью, своимъ умомъ. Да, она была умна, и очень умна.

Когда Фридерикъ увидѣлъ, что мадамъ де-Вернель вошла въ садъ одна, хотя съ рѣшимостью, но взволнованная и беззащитная.

онъ, онъ старался вспомнить все, что слыхалъ объ ней. Часто хвалили ея красоту, но красоту стыдливую, которая укрывается въ супружествѣ, а не дѣлаетъ изъ него пьедестала; всѣ празднотства, составляющіе свѣту и славу хорошенькихъ Парижанокъ, говорили о ней мимоходомъ, какъ о рѣдкомъ растеніи, которое никогда не распуснется въ атмосферѣ губительныхъ страстей. Но, думалъ Фридерикъ, свѣтъ часто бываетъ дурнымъ судьей: который обаниляетъ или оправдываетъ по прихоти, и принимаетъ иногда лицемеріе порока за свободную небрежность добродѣтели.

Однако мадамъ де-Вернель исчезла между деревьями въ саду.

Фридерикъ не хотѣлъ остановиться на этомъ дѣйствіи своего романа; онъ искалъ глазами возможности болѣе увидѣть, и вдругъ замѣтилъ домъ, находившійся съ другой стороны рѣшетки, откуда былъ видѣнъ садъ загороднаго домика.

Побуждаемый неустовымъ желаніемъ все узнать, онъ прямо пошелъ къ этому дому. У воротъ онъ встрѣтилъ хорошенькую черноглазую садовницу, которая чистила бобы, и на вопросъ его отвѣчала, что весь домъ отдается въ наймы: лѣто ужъ было на исходѣ, и потому она почти предоставляла на его волю назначить цѣну, какую ему угодно; за сто экю онъ нанялъ весь домъ. — Здѣсь никто не живетъ? спросилъ онъ у садовницы. Ужели этотъ хорошенькій маленькій домикъ, что противъ насъ, не занятъ. — Какъ же, сударь! мнѣ говорили, вѣдь я не здѣшняя, что этотъ домъ занятъ. — А не знаешь ли кто здѣсь живетъ? — Нѣтъ; только шесть недѣль какъ я изъ Асньера, и еще не знаю кто наши сосѣди; но, сударь, вамъ пѣчего бояться: мѣсто безопасное.

Фридерикъ послѣдовалъ за женщиною, отворявшею ему всѣ три квартиры одну за другою. И во всѣхъ трехъ квартирахъ этого дома, построеннаго случайнымъ архитекторомъ, пріятно было бы жить только тѣмъ, кто привыкъ проводить жизнь у окна. Видъ былъ очаровательный и разнообразный: деревья, вода; вдали видѣлся Парижъ; словомъ, ничего не доставало картинъ. Впрочемъ, Фридерикъ не терялъ времени на то, чтобъ удивляться счастливому эффекту пейзажа или неудобству квартиръ. Онъ рѣшился нанять второй этажъ, увѣрившись, что это лучшее мѣсто, откуда можно видѣть садъ у окна маленькой дачи. Нижній этажъ закрывался деревьями; въ третьемъ былъ балконъ, откуда невозможно было наблюдать, не бывъ примѣчену. — Возьми, сказалъ онъ садовницѣ, подавая ей лундоръ, вотъ тебѣ задатокъ; я вашъ постоялецъ и съ этой же минуты поселяюсь здѣсь на лѣто. — Но, сударь, вы не можете оставаться здѣсь безъ мебели;

дѣла въ гнетной дѣлѣ на чѣмъ даже спать. — Не боюсь, пока я ужъ рѣшился жить въ деревнѣ, то совѣсивъ надъ собою, чтобы жить затворникомъ: я проложу время у себя для гулянья на чистомъ воздухѣ. — Какъ вамъ угодно, судары; знаменитый квартирмейстеръ вѣдаетъ что хочетъ. Сказавъ это, одолжила-ся и весело вышла, дѣвась образу жизни Фридриха.

Онъ оставался болѣе полутасу облокотившись на окно, устремлять взоры на ставни загороднаго домика, ожидая каждую минуту, что они отворятся. Увидишь, сказалъ онъ самъ себѣ, гдѣ она пришла же сюда за чѣмъ-нибудь: или ее ждали; или придутъ къ ней на свиданіе; безъ сомнѣнія, ставни такъ крѣпко заперты для болшей тайны.

Было то отрадное и спокойное время, когда вѣтеръ не шелохнется, птицы отдыхаютъ, и вся природа покоится въ сладкой дремотѣ. Маленькая дача казалась заколдованною какъ очарованный замокъ спящей красавицы въ лѣсу. Въ немъ не было ни малѣйшаго признака жизни: самый садъ, казалось, былъ пораженъ такою же безмолвіемъ и неподвижностью.

Мѣсто, гдѣ помѣстился Фридрихъ для наблюденія, было чрезвычайно удобно для того, чтобы все видѣть и слышать. Онъ, гдѣ онъ наклонился зрителемъ, отстояло шаговъ на двадцать пять отъ оконъ дачи. Онъ не потерялъ еще терпѣнія, когда зрѣніемъ снова показалася пль-за деревьями.

Графиня де Вермель медленно прохаживалась онъ, какъ казалось, все еще въ сильномъ безпокойствѣ, потому-что на каждомъ шагѣ обирачивалась и смотрѣла на рѣшетку. Приблизившись къ ближайшему дереву, она остановилась и опустила голову. Фридрихъ дрожалъ отъ страха, чтобы не потерять хотя на мгновеніе изъ виду графиню. Послѣ минутной задумчивости въ неподвижномъ положеніи статуи, она приподняла руку какъ будто для того, чтобы стереть слезу. Она плачетъ, сказалъ Фридрихъ; ну-ка я пришею сюда присутствовать только при печальной развѣстѣ!

Графиня де-Вермель стала опять ходить по извѣстной тропинкѣ сада, остановилась подлѣ развѣга куста, на которомъ роскошно красовались вѣшкѣливые букеты розъ. Никогда еще не развѣтало столько розъ на одной и той же вѣткѣ. — Это тотъ самый кустъ, сказала графиня де-Вермель.

Она наклонилась сорвать розу; но прежде чѣмъ дотронувшись къ вѣткѣ, обернула голову, какъ-будто боялась быть замеченною на дѣйстви стелѣ простомъ и обыкновенномъ. Картина была весьма прелестна и совѣстна; яркая зелень, блестяще-сѣ-

вотъ лучи, внезапный румянецъ графини, все это заставило биться сердце Фридрика, которое, какъ онъ самъ говорилъ, было чувствительно къ гармоніи природы. Сорвавъ розу, мадамъ-де-Вернель упиалась ея благоуханіемъ съ грустью. Ужели она пришла сюда только для бѣлой розы? спрашивалъ себя Фридрикъ; развѣ эти цвѣты имѣютъ въ себѣ какое-нибудь особенное свойство?

Фридрикъ замѣтилъ тогда, что графиня, удаляясь, ошпыивала розу. Скоро она скрылась за уголъ дачи. Спустя нѣсколько секундъ онъ улышалъ, какъ отворили и снова затворили калитку; лишь сошелъ вѣтъ, желая увѣриться одна ли ушла графиня. Награвъ онъ устремлялъ зоркіе глаза, то есть любопытные глаза; лишь не могъ видѣть по какой дорогѣ удалась мадамъ-де-Вернель.

Когда онъ возвратился, садовница полола салатъ въ огородѣ съ обнаженными руками и ногами. Онъ подошелъ къ ней съ разсвоеннымъ видомъ. — Скажи мнѣ, милая, не отдается ли въ найнѣе крошечнѣйшій домикъ, что напротивъ? — Господи Боже мой! вчера я узнала, сударь, что онъ продается. Здѣшній виноградарь, бѣднякъ, выстроилъ его, полагая остаться въ барышахъ; теперь у него нѣтъ ни денегъ, ни дома; домъ его будутъ продавать для уплаты долговъ; развѣ вы не видали объявленія? Впрочемъ, говорятъ, онъ нанятъ за хорошую цѣну. — А! онъ продается! вскричалъ Фридрикъ съ движеніемъ радости; онъ продается! — Развѣ вы хотите его купить, сударь? — Купить? нѣтъ, вѣсколько, цумалъ Фридрикъ, но я хочу посмотрѣть его. Есть ли тамъ дворянскіе? спросилъ онъ громко. — Здѣсь жилъ садовникъ, вотъ гуть въ шалашѣ; но, кажется, онъ нашелъ садъ получше этого; онъ теперь въ Нельи. — А ключи отъ этого дома? — Говорилъ, кто въ немъ есть жилецъ, и который вѣроятно тамъ живетъ такъ, какъ вы живете тутъ. Третьяго дня мнѣ помнится, я видѣла челоуѣка въ ливрѣѣ, который чистилъ аллею; болѣе я ничего не знаю. Впрочемъ я совершенно увѣрена, что нотаріусъ въ Пас-жѣ, занимающійся дѣлами бѣдняка Коломбѣ, имѣетъ другой ключъ. — Мнѣ непремѣнно нужно достать этотъ ключъ, сказалъ Фридрикъ съ жаромъ челоуѣка, отрывающаго сокровище. Ступай же къ нотаріусу, сказала Фридрикъ, показывая лундорицкимъ языкомъ, это придастъ скорость твоимъ ногамъ. — Но, сударь, я не отыщу... — Все-таки ступай, я буду ждать тебя.

Садовница не терпѣла времени, чтобы надѣть башмаки. — Это ужаснѣдшій, говорила она сама себѣ, но у него доброе сердце. Она возвратилась безъ ключа. — У нотаріуса его и не было.

Онъ поспѣть въ Сентъ-Жерменъ къ дочери Коломбѣ. Завтра, какъ вамъ угодно... — Завтра! да это цѣлый вѣкъ. Ждать до завтрашняго дня. Ручаетесь ли ты, что я найду ключъ у нотариуса? —

Еще бы! онъ самъ мнѣ его отдастъ, потому-что просилъ меня показать домъ; онъ напишетъ объ этомъ къ постояльцу. — Хорошо, завтра въ десять часовъ я осмотрю домъ съ погребомъ до чердака.

Въ эту минуту Фридерикъ замѣтилъ на прекрасной темно-гнѣдой лошади челоуѣка лѣтъ тридцати или тридцати пяти, со вниманіемъ разсматривавшаго дачу. По чрезвычайно изящному и высокому виду его, видно было, что онъ принадлежалъ къ высшему кругу. За нимъ слѣдовали двѣ сѣрыя борзые собаки съ извѣстною покорностью; онъ махалъ хлыстомъ по воздуху съ до скрываемымъ гнѣвомъ. Замѣтивъ Фридерика, смотрѣвшаго на него съ удивленіемъ, онъ поглядѣлъ на него съ надменнымъ видомъ, какъ-бы желая излить свою досаду на комъ-нибудь. При шумѣ полета куропатки одна борзая какъ сумасшедшая бросилась въ рожъ, почти уже созрѣвшую. Хозяинъ ея свиснулъ, и бѣдное животное возвратилось въ ту же минуту, опустивши уши, какъ-бы испрашивая себѣ помилованія; безъ всякаго сожалѣнія онъ далъ ей три удара хлыстомъ. Послѣ чего, соскучивъ, конечно, любопытствомъ Фридерика и садовницы, онъ прищипнулъ лошадь и исчезъ въ облакъ пыли. — Не это ли постоялецъ маленькаго дома? спросилъ Фридерикъ. — Не могу сказать, сударь, потому-что еще не видала его.

Фридерикъ возвратился въ Парижъ, старался вспомнить, не встрѣчалъ ли онъ когда въ театрѣ или въ обществѣ этого сардинскаго наѣзника.

На другой день Фридерикъ равнѣ осьми часовъ отправился въ Отель. Ужъ вы пришли! — вскричала садовница, увидѣвъ его. Она побѣжала въ другой разъ къ нотариусу. Возвратившись она нашла Фридерика на его обсерваторіи. Услыхавъ шаги садовницы, онъ пошелъ къ ней на встрѣчу. — Вотъ вамъ всѣ ключи, сударь; нотариусъ не хотѣлъ мнѣ отдавать, говоря, что не убрѣлъ, имѣеть ли право располагать ими, потому-что эти двойные ключи оставались у хозяина, когда домъ былъ уже нанятъ. Но не смотря на то я ихъ принесла; нотариусъ приказалъ вамъ сказать, чтобы вы позвонили прежде, чѣмъ отворите калитку, потому-что жильецъ можетъ быть дома. — А развѣ нотариусъ зоветъ его? — Нисколько, но сегодня вечеромъ Коломбѣ долженъ придетъ сообщить свѣдѣніе о немъ. — Все-таки посмотрите, сказалъ

Фридерикъ, подходя къ рѣшеткѣ; домъ продается и я имѣю право осмотрѣть его. Къ тому же какъ знать? Проценты возвысились на буржѣ и очень можетъ быть, что я рискну купить домъ. Подошла къ рѣшеткѣ, онъ позволилъ. Никакое движеніе, ни малѣйшій шумъ не показывалъ присутствія живаго существа. Съ рѣшимостью онъ отворилъ калитку, опять затворилъ ее и съ біеніемъ сердца подошелъ къ небольшому крыльцу. Онъ не остановился посмотрѣть на кустарники и на окрестности сада; сидя въ засадѣ подь окномъ, онъ видѣлъ время разсмотрѣть видъ деревень, разнообразіе цвѣтовъ, начиная съ дуба,—онъ только одинъ и былъ,—до простой полевой маргаритки. Онъ отворилъ двери въ сѣни и переступилъ черезъ порогъ, бросая впередъ жадные взоры. Хотя въ этой комнатѣ было не очень свѣтло, но онъ съелъ благоразумнымъ затворить дверь за собою, какъ затворилъ калитку; но прежде онъ громко спросилъ, не было ли кого. Онъ не замѣтилъ ничего особеннаго въ этихъ сѣняхъ, походившихъ на всѣ сѣни въ загородныхъ домахъ. Въ гостиной, очень простенькой, почти безъ мебели, онъ замѣтилъ только фортепiano. Онъ опять вышелъ въ сѣни; на право и на лѣво выходили двѣ внутреннія двери. Не безъ удивленія увидѣлъ онъ, что дверь на лѣво была совсѣмъ не притворена. Почти съ трепетомъ отворилъ ее и приподнялъ портьеру изъ краснаго толстаго штофа и очутился въ спальнѣ.

Съ перваго взгляда увидѣлъ онъ шпагу, рапиры, турецкую трубку, пару пистолетовъ, огромную саблю; словомъ все, что составляетъ украшеніе спальни кавалерійскаго офицера.

Множество различныхъ предметовъ промелькнуло въ глазахъ Фридерика. Ставни были накрѣпко заперты, но самые яркіе солнечные лучи пробивались сквозь нихъ и потому нашъ любознательный философъ скоро разглядѣлъ до самыхъ мелкихъ подробностей все изящное убранство комнаты. Стѣны были покрыты оружіемъ и чубуками всѣхъ сортовъ и всѣхъ странъ: книжалы, рапиры, ятаганы, сабли съ золотою и серебряною насѣчкою, аллебарды, дротники, стрѣлы, карабины, пищали, ружья, кольчуги, албанскіе пистолеты, миланскіе книжалы, шпаги съ двойными рукоятками, малайскіе книжалы,—словомъ, полный арсеналъ. Доспѣхи словно часовые занимали мѣсто у двери. Невозможно описать разнообразія трубокъ, составлявшихъ импробуиный контрастъ. Но чубуки занимали менѣе мѣста, нежели оружіе въ этой богатой галлерей. — О! о! сказалъ Фридерикъ, этотъ музей не возбуждаетъ большаго желанія встрѣтить здѣсь

шлого хозяина; неужели графиня де-Вернель приходит сюда и тѣмъ, чтобы фехтовать или курить трубку.

Фридерикъ подошелъ тутъ къ камину, покрытому бархатомъ съ золотомъ бахрамомъ; на немъ лежало нѣсколько красныхъ книгъ, китайскихъ куколъ и множество восхитительныхъ бездѣлушекъ, составляющихъ очарованіе домашней жизни. — Чортъ-возни! сказалъ Фридерикъ, думая о графинѣ де-Вернель столько же, какъ и о хозяинѣ дома: человекъ, живущій въ уединеніи, не занимается такими пустяками современной роскоши.

Возлѣ зеркала, въ маленькой бархатной рамѣ, между тубузкой, персидскими туфлямъ, Фридерикъ замѣтилъ портретъ вренетъ Латура, напомиравшій ему лицо если не совсѣмъ знакомое, то одно изъ тѣхъ прелестныхъ видѣній, которыхъ никогда уже не забудешь, если они хотя разъ промелькнули передъ вами.

— Такъ, сказалъ онъ, отступая отъ портрета, чтобы посмотреть на него издалека, это графиня де-Вернель, или скорѣе портретъ, нарисованный сто лѣтъ тому назадъ и, безъ всякаго сомнѣнія, имѣющій сходства съ нею болѣе нежели всѣ теперешніе ея портреты. — Это очень любовитно, продолжалъ онъ, осматриваясь кругомъ; можно подумать, что вчера еще жили здѣсь.

Въ самомъ дѣлѣ, Фридерикъ видѣлъ туфли передъ постелью, открытую книгу на одеялѣ, чернила, засохшія на перѣ, брошеномъ на каминѣ; онъ даже какъ будто слышалъ запахъ недавно выкуренной сигары. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ разсматривалъ на столѣ передъ маленькимъ шкафомъ изъ розоваго дерева, палочку сюргучу и свѣчу казалось горѣвшихъ одиномъ огнемъ для какого-нибудь письма. — Можетъ-быть, думалъ онъ, для того самаго, которое мадамъ де-Вернель читала заливаясь слезами. Но наконецъ, зачѣмъ же онъ уѣхалъ именно въ то время, когда она, безъ сомнѣнія, хотѣла отвѣчать на его письмо?

Въ эту минуту солнечный лучъ кроткимъ сіяніемъ освѣтилъ головку портрета. — Точно, это мадамъ де-Вернель, или по крайней мѣрѣ такую была бы она въ XVII столѣтіи; она улыбалась такою же милою улыбкой, улыбкой, дышавшею болѣе очаровательною прелестью, нежели нѣжностью: графиня можетъ быть не такъ хороша, но безъ сомнѣнія въ сердцѣ ея болѣе страсти, нежели въ этихъ прелестныхъ глазахъ. Да у дѣтняго хозяина двѣ возлюбленныя въ одной. Мнѣ бы очень хотѣлось знать, — и я достигну этого, — исторію той, которой портретомъ любуйся.

Увлеченный страстью знать все, Фридерикъ забылъ графиню де-Вернель для портрета. Для кого былъ нарисованъ этотъ портретъ?

треть? Кто сорвалъ этотъ букетъ розъ? Означаетъ ли онъ еще надежду? или уже воспоминаніе, волнующее это молодое сердце?

Фридерикъ остановился на этомъ въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ, какъ вдругъ обернулся съ нѣкоторымъ волненіемъ. — Что это значитъ? спросилъ онъ себя, подходя къ двери. Онъ прислушивался притановъ дыханію, и вотъ открываютъ калитку, и вскорѣ дослышался въ стѣнахъ рѣзкій звукъ ключа, повернутаго въ замкъ. — Чортъ-возьми! сказалъ онъ въ недоумѣніи, покручивая усы, надобно нѣсколько прибѣгнуть къ философіи.

Онъ рѣшился принять равнодушный видъ, сыграть роль охотника до продающихся домовъ; но узнавъ, что докучливый посѣтитель — женщина — можетъ быть графиня де-Верпель — онъ съ поспѣшностью бросился за завѣсы кровати; у него не стало силъ отказать себѣ въ удовольствіи разузнать немного по болѣе.

Едва только онъ успѣлъ скрыться, мадамъ де-Верпель приподняла портьеру. — Еще еслибъ она была одна! думалъ онъ съ трепетомъ; мое положеніе было бы не такъ отчаянно; но если хозяйка дома вышла на встрѣчу къ ней? Если имъ нужно переговорить о многомъ?

Фридерикъ хорошо понималъ, что могъ провести иррелевантные четверть часа. Но такъ была сильна его страсть все видѣть, что онъ ни за чтѣмъ на свѣтѣ не согласился бы уйти, если бы даже никто не видалъ его.

Мадамъ де-Верпель вошла тихими шагами, какъ-будто боялась разбудить самое эхо и тотчасъ унала въ кресла, не имѣя силъ стоять на ногахъ. — Боже мой! сказала она задыхаясь; Боже мой! Со взоромъ, исполненнымъ задушевною довѣрчивости, она посмотрѣла вокругъ себя какъ-будто стѣнамъ и вещамъ хотѣла вѣрить все, чтѣ волновало ея сердце. — Я думала, продолжала она тихо, что никогда не достанетъ у меня силъ придти сюда. Однажды прихожу не въ первый разъ!

.. Она встала и развязала свою шляпку; Фридерикъ не смѣлъ дышать; онъ не смѣлъ даже смотрѣть. Мадамъ де-Верпель бросила шляпку на столъ, подошла къ камину и остановилась посмотреть на портретъ; склонивъ голову, она, казалось, погружилась въ воспоминанія: медленно отошла и вдругъ зарыдала. Неподвижная, съ опущенными руками, наклоненнымъ лицомъ, она стала чудно хороша, такъ горесть украшала ее! Она слыла только недурною по своимъ чертамъ, нѣсколько исполнен-

вымъ парижской граціозности и по карнизъ глазамъ, исполненнымъ скорбе обольстительной прелести, нежели кротости и извѣности.

Она снова упала въ кресла, обливаясь искренними слезами, погруженная въ мрачную печаль. Слезы ея текли по щекамъ и падали на грудь — она не думала отирать ихъ; Фридерикъ былъ до глубины души тронуть этою прелестной и грустной картиною. Онъ даже очень пожалѣлъ, что не могъ утѣшать женщину, столь достойную утѣшенія. Притомъ же плачущія женщина прекрасна почти какъ ангелъ, говоритъ пословица. Фридерикъ пріятно было видѣть искреннія слезы. — Однако, думалъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, надо предполагать, что мадамъ де-Вернель пришла сюда не за тѣмъ только, чтобы поплакать. Онъ уже спрашивалъ себя, что за причина этихъ слезъ, проливаемыхъ такъ чистосердечно, какъ вдругъ легкій шумъ послышался за дверью. Фридерикъ не могъ удержать движенія. Мадамъ де-Вернель оборотила голову къ двери съ внезапнымъ безпокойствомъ, и встала поблѣднѣвъ; но глубокое безмолвіе послѣдовало за шумомъ; она покачала головою, какъ будто говоря: ничего.

Но Фридерикъ, не ослабленный печалью, увидѣлъ мужчину, который приподнял портьеру и украдкой смотрѣлъ. Онъ не могъ различить черты лица его, однако замѣтилъ, что онъ былъ молодъ и красивъ; онъ также видѣлъ подъ портьерой сапогъ съ серебряной шпорой. Обстоятельства запутались. Фридерикъ начиналъ страшиться тайны, которую, безъ сомнѣнія, подслушаетъ. Что-то будетъ? Онъ далъ себѣ обѣщаніе съ-той-поры наблюдать только на открытомъ воздухѣ, убѣдившись, что свидѣнія, собранныя въ жилищѣ другаго, заводятъ иногда слишкомъ далеко. Но на этотъ разъ, такъ и быть, онъ уже приготовился на все. Онъ думалъ, что въ случаѣ тревоги, въ оборонительныхъ средствахъ недостатка не будетъ. — Любопытство нѣтъ еще опасности.

Мадамъ де-Вернель подошла къ шкапу розоваго дерева стариннаго вкуса, но все еще прекраснаго. Она вынула изъ своего шкапа почти неприѣтныи ключикъ, чтобы отворить этотъ шкафъ.

— Я отгадалъ, сказалъ Фридерикъ, она хочетъ узнать тайны своего друга.

Когда мадамъ де-Вернель отворяла шкафъ, новопрішедшій, стоявшій за дверью комнаты, вошелъ съ шумомъ. Фридерикъ узналъ тогда всадника, который наканунѣ былъ своєю борзую собаку.

Онъ былъ высокъ и прекрасенъ. Прежде всего бросался въ глаза его открытый и рѣшительный видъ, не предвѣщавшій ни-

чего добраго въ крайнихъ случаяхъ. Онъ прямо подошелъ къ мадамъ де-Вернель. Она съ ужасомъ оглянулась. — Сударыня.... — Боже! воскликнула она, падая на колѣни. — Сударыня, за чѣмъ вы здѣсь? Она подняла руки съ выраженіемъ глубокой горести и произнесла тихимъ, дрожащимъ голосомъ.... васъ обманули. — Свѣдете ли вы это говорить! О, если бъ я могъ обманываться! Сперва я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ; вчера я за вами слѣдовалъ; вчера вы входили въ эту комнату.... Сегодня.... — Послушайте! Во мнѣ столько гордости, что я не стану оправдываться. — Вы, кажется, свѣдетесь надо мною. Какъ! Я застаю васъ въ комнатѣ вашего любезнаго, вижу, какъ вы хазайничаете въ его шкапахъ, владете свою шляпку.

Какъ ни былъ храбръ и рѣшителенъ Фридерикъ, но онъ затрепеталъ отъ ужаса.

— Ахъ! сударыня! сударыня! съ яростью и презрѣніемъ продолжалъ графъ де-Вернель — это былъ онъ.

— Не обвиняйте меня, умоляю васъ; ни слова болѣе; если бы вы знали причину....

Графъ де-Вернель сурово оттолкнулъ жену, которая въ отчаяніи ломала руки.

— Хорошо, ни слова болѣе, сказалъ онъ: наклоняясь къ шкапу; но вотъ здѣсь, безъ сомнѣнія, найдутся доказательства вашего преступленія.

— Моего преступленія?

Графъ де-Вернель увидѣлъ письма въ шкапу: онъ съ жадностью схватилъ первое попавшееся письмо; еще не развернувши его онъ увидѣлъ, что оно было писано не графиню; но какъ почеркъ рунъ былъ женскій, ему хотѣлось узнать, къ кому оно было писано. Конверта не было. Записка эта была въ родѣ тѣхъ безчисленныхъ записочекъ, которыя каждый день пишутся вѣтренными красавицами, такъ безумно расточающими свою молодость, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, прелестью записочки, въ которыхъ часто столько же сердца и истины, какъ правописанія. — Графъ де-Вернель бросилъ на полъ это письмо; графиня, пораженная, дрожащая, изнеможенная, почти видѣла себя; не смѣла нешевельнуться. — Прочтите, прочтите это письмо! Вы въ немъ увидите чувства, чувства соперницы, достойной васъ; теперь невинная, ревность привела васъ сюда. Еще не кончивъ этихъ словъ, графъ выхватилъ изъ шкафа семь или восемь писемъ, связанныхъ бѣлой лентой. Въ этотъ разъ онъ узналъ почеркъ сво-

ей жены. Виѣ себя отъ бѣшенства, онъ схватилъ руку графини и такъ сказалъ ей, что она вскрикнула и чуть не упала.

Фридерикъ хотѣлъ по обыкновенію быть простымъ зрителемъ; но движеніе великодушнаго чувства увлекло его: одинъ прыжкомъ онъ очутился передъ де-Вернелемъ. Онъ былъ самъ столько же удивленъ своимъ присутствіемъ въ этой трагикомедіи, сколько графъ и графиня были изумлены появленіемъ его въ эту страшную минуту, не зная за кого принять его, за судью, за любовника или за вора.

Фридерикъ любилъ присутствовать простымъ зрителемъ при разыгрываніи человѣческой комедіи; въ дни самаго отчаяннаго любопытства, онъ едва отваживался только иногда ходить за кулисы, но въ настоящемъ положеніи должно было явиться на сценѣ и волею или неволею быть дѣйствующимъ лицомъ. Великодушіе преобладало въ немъ надъ всѣми чувствами, и при этомъ важномъ обстоятельстве онъ явился благороднымъ человѣкомъ. Графъ бросалъ на него яростные взоры, графиня еще болѣе была удивлена и испугана.

— Кажется, сказалъ онъ мужу, вы бы должны были прежде всего выслушать объясненіе....

— По истинѣ, милостивый государь, отвѣчала графиня де-Вернель съ презрѣніемъ и кудо сдерживая свой гнѣвъ и ревность; вы могли бы избавить меня отъ своего появленія; я не вѣщаю сла тѣхъ, которые спосать угрозы.

— Но, милостивый государь....

— Молчите, пожалуйста; тебѣ я знаю, что хотѣлъ знать.

Господинъ де-Вернель посмотрѣлъ на свою жену. Она хотѣла оправдываться, когда возлюбленный былъ спрятанъ за занавѣсокъ постели! Графиня вкочнула съ живостію рациональной души.

— Что вы сказали?... О, Боже мой!... я не вынесу этого, я умру.

— Отъ этого рѣдко умираютъ, а чаще живутъ, сказалъ графъ, отталкивая руки своей женой.

— Увы, сказала она: склонивъ голову въ отчаяніи, насильно волею оскорбленія! Что же сдѣлала я? Гдѣ я?

— Повторяю вамъ, сударыня, вы съ вашими любовниками....

— Милостивый государь, сказалъ Фридерикъ, переходящій безпрестанно отъ мужа къ женѣ, не зная, что дѣлать, чтобы успокоить ревность графа де-Вернеля и оправдать и спасти графиню; милостивый государь, вы слишкомъ скоро обвиняете. Подумайте....

— Милостивый государь, я не изъ числа смѣшныхъ мужей; сейчасъ хотѣлъ наказати эту женщину; но вы появились; этого довольно. Ваше имя?

Фридерикъ де-Марвиль подалъ свою карточку графу де-Вернелю.

— Такъ, сказалъ графъ сквозь зубы: некатель приключеніи! и пошелъ къ двери.

Мадамъ де-Вернель встала и побѣжала за нимъ. Ради Бога оставьте, я сама все разокажу. Графиня схватила руку мужа, Нѣтъ, нѣтъ; вы меня не оставьте!

— Сударыня, вы пришли сюда одни, и выйдете отсюда безъ меня. Онъ съ силою толкнулъ молодую женщину и выбѣжалъ какъ безумный. Мадамъ де-Вернель упала безъ чувствъ на порогѣ. Фридерикъ бросился на колѣни помогать ей.

Надобно разсказать, какой измѣнительскій случай, всегда приподнимающій завѣбу большаго тавиственнаго города, открылъ утреннюю прогулку мадамъ де-Вернель.

Графъ де-Вернель былъ приглашенъ на завтракъ къ Тортонн. Проѣзжая съ однимъ пріятелемъ мимо церкви святой Магдалины, печально встрѣтилъ маркиза де-Вервиэ, который посматрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Это странно, сказалъ онъ съ легкомысліемъ, я не думаю, что ты будешь завтракать съ нами.

— Почему?

— Сей-часъ, возвращаясь изъ военной академіи, куда призывалъ меня генераль, я встрѣтилъ твою карету на Марсовомъ полѣ; по крайней-мѣрѣ мнѣ показалось, что я узналъ твоихъ бѣшеныхъ лошадей.

— Да, да, сказалъ графъ, бросая свою сигару, карета моя должна была сей-часъ тамъ проѣхать. Но, прибавилъ онъ, смѣясь довольно удачно для человѣка, который не имѣетъ никакой охоты смѣяться, но я не всегда сижу въ своей каретѣ.

Графъ съ изумленіемъ послѣдовалъ за другими на завтракъ. Спустя часъ, онъ вдругъ оставилъ своихъ товарищей и возвратился домой.

— Возвратилась ли мадамъ де-Вернель? спросилъ онъ слугу.

Ему отвѣчали, что она недавно выѣхала. Онъ съѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ Марсову-полю, не очень надѣясь напасть на слѣдъ своей кареты. Но какъ щегольскія кареты не слишкомъ часто ѣздятъ черезъ Марсово-поле, то онъ могъ собрать вѣрныя свѣдѣнія, и въ-самомъ-дѣлѣ, къ счастью своему, онъ встрѣтилъ

трехъ или четырехъ инвалидовъ и, по указанію ихъ, поѣхалъ къ небольшому загородному дому, но уже не засталъ тамъ мадамъ де-Вернель. Вы не забыли еще гнѣвъ его при появленіи Фридрика: теперь вамъ извѣстно, что это былъ де-Вернель, наказуемый съ жестокостью наказывавшій свою непослушную борзую.

Въ тотъ же вечеръ, въ маленькой гостиной, въ домѣ господина де Вернеля, графиня сидѣла въ задумчивости съ книгой въ рукѣхъ, и не думала требовать свѣчей, хотя уже съ полчаса послѣдній дневной свѣтъ, едва проникая сквозь занавѣсы, не позволялъ ей болѣе читать. Графъ тихо вошелъ и спросилъ, чтѣ она читаетъ съ такимъ вниманіемъ.

— Ахъ! сказала она вздохнувъ, ты меня почти испугалъ. — Бланка, закрой книгу и скажи мнѣ, отъ-чего ты, вотъ уже два дни, такъ необыкновенно грустна. — Мадамъ де-Вернель покраснѣла и тотчасъ же закрыла книгу. Графъ устремилъ на нее внимательные взоры. Хотя въ маленькой гостиной совѣтъ было темно, онъ замѣтилъ, что жена его покраснѣла. — Ты не отвѣчаешь? Сказавъ это, онъ взялъ руку мадамъ де-Вернель. — Отъ того, что я сама думаю, отвѣчала она медленно, отъ чего мнѣ грустно. — Ну? я тебя слушаю. — Кто знаетъ! сказала она съ волненіемъ, я сама не знаю отъ чего! — Бланка, подумай, что я съ тобою говорю, не романъ же, который у тебя въ рукѣхъ, причиною твоей грусти? — Кто тебѣ это сказалъ? развѣ ты не знаешь, что воображеніе, восторженное романомъ, имѣетъ иногда большое вліяніе на сердце. — Романы! романы! но ты никогда ихъ не читаешь. Признаюсь, что случайно мнѣ попался этотъ романъ. Твоя тетушка оставила его вчера въ гостиной. — Но дѣло идетъ не о романахъ; ну, ишла Бланка, открой мнѣ свое сердце.

Графъ не оставлялъ руки жены; онъ медленно поднесъ ее къ своимъ губамъ. Графиня припала челомъ къ плечу мужа, можетъ-быть съ намѣреніемъ открыть ему свои тайны? Но слуга принесъ двѣ зажженные свѣчи, которые поставилъ на каминъ: этотъ неожиданный свѣтъ вдругъ переѣнилъ намѣреніе графини; и она не нашла ничего болѣе сказать, какъ только, что она сама не знаетъ, отъ чего ей грустно.

Можетъ-быть труднѣе будетъ понять деликатное чувство, измѣнившее нескромное намѣреніе мужа: онъ не смѣлъ спрашивать жену при свѣтѣ, безъ сомнѣнія отъ страха, чтобы она еще разъ не покраснѣла. Онъ всталъ и въ молчаніи началъ ходить. Мадамъ де-Вернель замѣтила украдкой безпокойство своего мужа. — Однако, прошептала она, чтобы разувѣрить себя, онъ застре-

налъ сегодня у Тортони съ своими друзьями.— Вотъ теперь, сказала вдругъ мадамъ де-Вернель, ты въ свою очередь сталъ грустенъ?— Ничего, проговорилъ онъ, вѣрно и у меня, какъ у тебя, грусть безъ причины. Графъ де-Вернель былъ такъ увѣренъ въ сердце жены, что не могъ рѣшиться подумать, чтобы она могла быть виновна. Онъ узналъ отъ мужика, косившаго сѣно, что одна дама выходила изъ кареты въ Отелъ и прогуливалась въ открытомъ полѣ, входила въ маленькiй загородной домъ; но точно ли это была мадамъ де-Вернель? Отъ этого можно съ ума сойти, говорилъ онъ, тоная погою, но я не хочу спрашивать Бланку, я подожду.

Но продолженiе всего вечера мадамъ де-Вернель не сказала болѣе ни слова. Уходя въ свою комнату, она протянула ему руку и взволнованнымъ голосомъ простилась съ нимъ. На другой день, послѣ самой безпокойной ночи, графъ де-Вернель рѣшился слѣдовать за женою, и засталъ ее, какъ уже видѣли, въ этой спальнѣ.

Возвратився къ мадамъ де-Вернель и Фридерикъ де-Марвилье.

Нашъ любопытный герой бросился на колѣна, чтобы помочь мадамъ де-Вернель, лежавшей безъ чувствъ. Сначала онъ взялъ ее за руки съ фамильярностью, которую позволяло положенiе графини, потомъ приподнял ее и тихо положилъ подъ голову подушку, послѣ чего побѣжалъ отворить окно и ставни: дневной свѣтъ и провѣвающая свѣжесть вѣтерка, вѣявшаго изъ сада, оживилъ графиню. Она вдругъ встала и, казалось, чего-то искала глазами. Она хотѣла выйти, но не имѣла силъ сдѣлать ни одного шага, и опять упала бы на коверъ, если бы не удержалась за портьеру.

— Сударыня, простите мнѣ мое присутствiе здѣсь; но нельзя терять времени: надобно, чтобы онъ не приходилъ сюда, потому что если вашъ мужъ....

— Чтò хотите вы сказать? о комъ вы говорите?

— Не оскорбляйтесь, сударыня, мнѣ не въ первый разъ....

Мадамъ де-Вернель приподняла голову съ волненiемъ и достоинствомъ:

— Я не понимаю васъ, милостивый государь. О комъ вы говорите?

— Вы это знаете лучше меня; вы можете все потерять, если вздумаете притворяться. Пришелъ ли онъ, или ушелъ? Ожидаете ли вы его?

— Еще разъ говорю вамъ, вы забываетесь....

— Подумайте, что ему нельзя встретиться съ вашимъ мужемъ.

— Но, милостивый государь, я никого не ждала здѣсь и очень удивляюсь, что вы тутъ.

— Боже мой! я очень понимаю ваше удивленіе, но если вамъ я былъ свидѣтелемъ всего, хотя противъ желанія, то позвольте мнѣ быть вамъ полезнымъ. Гдѣ онъ? Ему надобно разсказать все происшедшее здѣсь.

— Кажется, вы не знаете съ кѣмъ говорите...

— Но къ чему же притворяться? Я увѣренъ, что вы настоящая невинность во всей первобытной прелести. Я въ этомъ не сомнѣваюсь, однако все же надобно предостеречь его отъ предстоящей опасности, угрожающей жизни двухъ благородныхъ людей, потому что, будьте увѣрены, вашъ мужъ убьетъ его.

— Но кого?

— Его.

— Но скажете ли вы наконецъ, о комъ вы говорите?

— О томъ, кого вы любите.

Графиня де-Вернель вздрогнула отъ негодованія. Не во снѣ ли я? не съ ума ли сошла? и въ страшномъ уныніи упала въ кресла. Фридерикъ, ничего не понимая, ходилъ по комнатѣ въ волненіи, не зная уже что говорить и что дѣлать. Странно, думалъ онъ, поглядывая украдкой на графиню де-Вернель. Поглядѣвъ на эту женщину, подумаешь, что она добродѣтельнѣйшая изъ женщинъ. Кто знаетъ? это удивленіе не можетъ быть только притворство; въ эти годы нельзя имѣть такого разсчитаннаго лицемерія. Здѣсь кроется какая-то тайна, которую ни я, ни мужъ ея не можемъ проникнуть. Тогда онъ услышалъ рыданія мадамъ де-Вернель. Да, да, продолжалъ онъ, я ошибался: я судилъ не выслушавъ и не понявъ ничего.

Послѣ этихъ словъ, онъ вдругъ съ удивленіемъ остановился, прислушиваясь къ тихому шопоту графини: *Гастонъ, Гастонъ, до чего довелъ ты меня!* — А! такъ вотъ имя любезнаго! Какъ же я былъ простъ, повѣривъ, что она приходила сюда безъ всякой цѣли! Рѣшительно надобно отказаться отъ вѣры въ женщинъ. Онъ обратился къ графинѣ:

— И такъ, сударыня, его зовутъ Гастономъ?... Отъ чего онъ заставляетъ васъ такъ долго ждать?

При этомъ вронически-ужасномъ вопросѣ, блѣдая женщина страшно вскрикнула и закрыла лицо руками, какъ-будто страшась какого видѣнія.

— Потому что, продолжая Фридерикъ, видѣвшійся наконецъ узнать что-нибудь, еще вчера вы приходили ждать его, третьего дня также...

— Милостивый государь, умоляю васъ, имѣйте уваженіе къ моему горести. Если слезы женщины могутъ тронуть васъ, подите, отыщите моего мужа, заставьте его возвратиться, потому что я не выйду безъ него изъ этой комнаты.

Фридерикъ находилъ удовольствіе разгадывать загадку изъ энциклопедіи, слезъ и словъ мадамъ де-Вернель, но несмотря на то онъ успѣвшій сказать ей, что считалъ себя счастливымъ исполняя ея приказанія.

— Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, вашъ мужъ долженъ возвратиться. Никогда не нужно отчаиваться, чтобы дѣло не уладилось между благородными людьми.

Онъ низко поклонился и тотчасъ же вышелъ, самъ не зная даже гдѣ найти графа де-Вернеля. Между прочимъ, сказалъ онъ самъ себѣ, я увѣренъ, что графъ де-Вернель не могъ рѣшиться уйти слишкомъ далеко отсюда, потому что хоть онъ и мужъ, да еще и избѣженъ, но ревность всегда тутъ какъ тутъ и удержитъ желаніемъ все узнать и все видѣть.

Онъ прямо пошелъ въ дѣвъ, думая, что графъ остановится въ первой аллеѣ, чтобы не потерять изъ виду загороднаго домика. И въ самомъ дѣлѣ, графъ остановился по близости въ сильномъ волненіи. Пока Фридерикъ отыскивалъ его, онъ вдругъ повернулъ въ загородный домъ, увлеченный великодушною мыслью. Когда онъ вошелъ въ спальню, мадамъ де-Вернель громко рыдала въ страшномъ отчаяніи. Увидя его, она замолчала и приняла видъ спокойнаго достоинства. Что нужды, думала она, я рѣшилась на все, даже умереть, потому что онъ растерзалъ мое сердце.

Графъ де-Вернель прямо подошелъ къ своей женѣ, взялъ ее за руки, прижалъ къ своей груди и поцѣловалъ въ лобъ. Графиня подняла глаза въ молчаніи, казалось, не понимая его.

— Блвнка! прости всѣ оскорбленія, которыя я тебѣ навесъ; я былъ сумасшедшій; ты не можешь быть виновна, нѣтъ; это невозможно. Я знаю тебя!

— Слава Богу! сказала мадамъ де-Вернель, упавъ въ объятія своего мужа, ты оправдалъ меня прежде, нежели выслушалъ, наше счастье спасено. Но я тебѣ все разкажу.

Они съ жаромъ обнялись; гордые тѣмъ, что нашли себя достойными другъ друга.

Въ ту минуту, когда они обнимались, вошелъ Фридерикъ. Это было новое обстоятельство, которое ни чуть не объяснило ему прежнихъ. Но онъ почтительно поклонился. При видѣ Фридерика, графъ не могъ скрыть своей досады.

— Опять! прошепталъ онъ, чувствуя снова возвращающіеся гнѣвъ, такъ хорошо было укрощенный слезами и поцѣлуями его жены.

— Вижу, сказалъ Фридерикъ, что мнѣ остается удалиться. Сейчасъ только, сударыня, я радовался, что такое печальное и странное знакомство съ вами могло доставить мнѣ случай оказать вамъ услугу. Теперь, когда все кончилось къ вашей славѣ, я уйду, не смѣя надѣяться, что вы простите мое докучливое присутствіе. Но истиннѣ, я въ отчаяніи, что случайно узналъ тайну, которую конечно не употреблю во зло, потому-что, выходя отсюда, хочу забыть, что былъ здѣсь. Но я хочу объяснить вамъ мое присутствіе въ этомъ домѣ.

При этихъ словахъ Фридерикъ обратился къ графѣу де-Вернелю. Вы, можетъ-быть, не замѣтили, что этотъ домъ продается. Я долженъ вамъ признаться, что пожелалъ его видѣть только въ надеждѣ, что въ немъ кроется что то необыкновенное; не знаю, какой-то таинственный видъ привлекалъ меня къ нему. Конечно я не ожидалъ этой странной встрѣчи; я думалъ, что домъ необитаемъ и хотѣлъ видѣть мѣсто, но не приходящихъ туда людей. Простите философу, который живетъ только изъ любопытства. Благодаря Бога, мое любопытство скромно; вы можете положить на мое молчаніе.

Фридерикъ поклонился и хотѣлъ выйти.

— Оставайтесь, сказала мадамъ де-Вернель; на одну минуту оставайтесь, прошу васъ; вы должны знать, зачѣмъ я пришла сюда: я обязана объяснить это.

— Признаюсь вамъ, сказалъ Фридерикъ улыбаясь; въ этомъ случаѣ не надобно будетъ удерживать меня силою.

— Слушайте же: теперь, когда я простила ослѣпленному движению сердца, сердца страдающаго, сердца жестокаго....

Графъ де-Вернель слѣдовалъ нетерпѣливое движеніе. Онъ ждалъ отсудствія любопытнаго философа, бывшаго свидѣтелемъ супружеской сцены, в который, по своему положенію, имѣлъ такое же право какъ и онъ самъ слышать объясненіе жены его. Онъ ревновалъ уже не къ любовнику, но къ незнакомцу, который насильно втерся въ его домашнія тайны, къ незнакомцу, въ присутствіи котораго жена его хотѣла говорить откровенно.

— Что дѣлать? сказалъ графъ де-Вернель. Надобно покориться прихотямъ случая.

Видя, что мужъ ея снова сдѣлался безпокоенъ и задумчивъ, мадамъ де-Вернель оставовилась.

— Увы, съ грустью начала она; почему два дни тому назадъ я не осмѣлилась сказать это тебѣ? Мы бы избавились отъ многихъ мучительныхъ часовъ. Но вотъ какъ все это было.

Фридерикъ спокойно помѣстился въ креслахъ. Графиня, измученная такими потрясеніями, также сѣла подлѣ шкафа, куда мужъ бросилъ письма. Графъ де-Вернель облокотился на каминь.

Окно оставалось отвореннымъ; солнце, проникая сквозь листья шпальнаго дерева, бросало на коверъ косвенные лучи. Эта снѣжная, до того мрачная и печальная, вдругъ припала отраднѣй, предстѣвльи видъ.

— Но, думалъ Фридерикъ, смотря на мадамъ де Вернель, нашивавшую свой разсказъ, что же она будетъ говорить?

Если это только не шутка молодыхъ супруговъ, которые хотѣли повеселиться, если только я не съ ума сошелъ, то во всемъ этомъ есть что-то непонятное. Мужъ, вдругъ опять влюбившись въ свою жену, развѣ не зналъ, что и вчера она приходила сюда одна, что еще наканунѣ она останавливалась у калитки, не осмѣливаясь идти далѣе. А это имя Гастона? Эта роза, сорванная дрожащею, то есть, виновною рукою? эти слезы, которыя я считалъ сладостными и вмѣстѣ горькими? это письмо, которое перчитывали въ тѣни съ такимъ волненіемъ? Кажется, довольно доказательствъ къ обвиненію. Но наконецъ я все узнаю, потому-что до сихъ поръ ничего не зналъ.

Графиня де Вернель начала такъ:

— Всего тяжелѣе мнѣ то, что я не могу пересказать этого въ двухъ словахъ. Но, Боже мой! это такъ просто. Имѣйте терпѣніе: я должна вамъ все разсказать и все разскажу.

«Три года тому назадъ, Гастонъ д'Авриньи....»

При этомъ имени, графъ де-Вернель приподнялъ голову со вниманіемъ. Графиня безъ всякаго замѣшательства посмотрѣла на своего мужа.

— Три года тому назадъ, продолжала она спокойнымъ голосомъ, Гастонъ д'Авриньи, мой двоюродный братъ, пріѣхалъ на всю осень въ замокъ моего отца. Мы давно знали другъ друга; вамъ это извѣстно, Вернель. Въ дѣтствѣ у насъ бывали одиѣ и тѣ же радости, въ паркѣ мы вмѣстѣ рвали первые весенніе дѣвты. Гастонъ пріѣзжалъ къ моему отцу на время охоты; онъ

любить правдѣсть; будучи богатъ, онъ же хотѣлъ служить; любимое занятіе его было — ничего не дѣлать, то-есть, онъ любилъ ходить верхомъ, на охоту, любилъ покутить какъ растопительный сынъ богатыхъ родителей. Если бы еще онъ являлся этими удовольствіями въ домѣ моего отца Нѣтти, онъ вѣдуналъ, повѣрите ли? онъ вѣдуналъ влюбиться въ несядо-бозумія.

— Молвія ревности засверкала въ глазахъ грава де-Верномъ.

— Не оскорбляйтесь, я тутъ ни въ чемъ не виновата; сперва я этого и-же подозрѣвала. Онъ начался повѣйшихъ романовъ, безпрестанно говорилъ о бурныхъ, глубокихъ и рековыхъ страстяхъ. Я ничего не понимала изъ его рѣчей; во всей простотѣ сердца я просила Бога послать мнѣ мужа, который бы любилъ меня вѣжно, домашнюю жизнь мирную и благодатную... именно такую, какъ я нашла. Я безпрестанно говорила Гастону, что онъ съ ума сходитъ, что всѣ его великолѣпные фразы были достойны-дома умалишенныхъ. По словамъ его, ему и нужна была любовь, исполненная бурь и невзгодъ.

«Кто повѣрилъ бы его словамъ, то подумалъ бы, что у него цѣлый Везувій или весь адъ кинитъ въ сердце. Ревнивецъ Отелла, онъ влялся изрубить весь родъ человѣческій за простой взглядъ. Но я не могу вамъ пересказать всѣ глупости, которыя онъ дѣлалъ одну за другою. Бѣдное дитя! романисты не одного его испортили. Прежде я знала его простодушнымъ, чистосердечнымъ, безознательно милымъ; къ великому моему огорченію, я нашла его грустнымъ, задумчивымъ, отчаяннымъ Манеродономъ или Ревнесудомъ.

«Какъ теперь его вижу проходящаго черезъ паркъ, горделиво драпирующагося своимъ плащомъ, точно влюбленный Испанецъ, ожидающій назначеннаго часа свиданія. Что касается до него, только съ луною имѣлъ онъ свиданія, потому-что, сколько могла я замѣтить, онъ повѣрилъ одной лунѣ ураганы своего сердца. Я не смѣюсь, Боже мой! но рассказывая о немъ, должна же описать его характеръ.

«Въ первый разъ онъ признался мнѣ въ любви во время медленной археологической прогулки верхомъ, пѣшкомъ и въ шарабинахъ, со всѣмъ обществомъ замка. Гастонъ ѣхалъ верхомъ; онъ находилъ удовольствіе подвергаться опасностямъ, или скорѣе создавать себѣ опасности, потому-что для благоразумнаго всадника дорога была очень не трудная; проѣхать нѣсколько разъ въ бродъ по рѣкѣ, нѣсколько утеешныхъ тропинокъ, переплыть въ лодкѣ

небольшую рѣку, словомъ дѣрево, какъ всѣ дороги. Я тоже было вскрикнула въ восторгѣ отъ своей лошади, отъ анатонки, счастливая своимъ семнадцатилѣтнимъ и небомъ, которое было надъ моею головою.

— Мы были на горѣ; я вѣхала по тропинкѣ, прислушиваясь къ веселому свисту дрозда. Вдругъ мой сумасбродный братецъ съ лошадейю бросается на склонъ горы, чтобы вѣхать рядомъ со мною. — Гастонъ, вы не знаете, что дѣлаете, будьте осторожны. — Но бойтесь ничего, отвѣчалъ онъ, худо сдерживая свою лошадь, ставшую на дыбы; я фаталистъ, прелестная кузина; къ-тому же, продолжалъ онъ наклонясь ко мнѣ; не сладко ли умереть здѣсь предъ вашими глазами, въ такой прекрасный день?»

— Вотъ, сказала я ему смѣясь, потому-что принимала все это за шутку, вотъ мысль, которая могла придти только вамъ въ голову. — Ахъ! милая кузина, продолжалъ онъ одушевляясь, если бы вы знали, какъ я васъ люблю! — Вѣрю; вотъ ужъ семнадцать лѣтъ какъ я это знаю. — Увы! милая кузина, я васъ люблю уже не такъ, какъ любилъ, когда вы были ребенкомъ; повѣрьте, эта страсть убьетъ меня! Если бы я не надѣялся тронуть когда-нибудь ваше сердце, то въ эту же минуту бросился бы съ лошадейю съ этихъ утесовъ.... Я была испугана непритворнымъ видомъ, съ которымъ онъ произносилъ эти слова. Минуту прежде я расплывалась бы; теперь же не смѣла ни смѣяться, ни отвѣчать. — Подумайте, продолжалъ онъ почти съ отчаяніемъ: отъ перваго слова, которое вы мнѣ скажете, зависитъ моя жизнь или смерть. Вотъ уже пять недѣль какъ я сражаюсь съ своимъ сердцемъ и не могу его побѣдить. Все вы, вы въ немъ!... Напрасно я закрывала глаза!... Развѣ можно закрыть глаза своей душой? — Подумайте, милая кузина, я не летаю въ области поэтической неводножести, какъ вы; мы поговоримъ объ этомъ послѣ, но пока берегитесь, чтобы не упасть. — Жесткая, сказалъ онъ, я плачу, а вы смѣетесь; и вы долюбите я не будете помяты. — Но, продолжалъ онъ, схвативъ меня за руку, которую я ни на минуту не позволила ему держать, не надобно ни въ чемъ отчаяваться.

«Рядъ березъ, стоявшихъ на краю тропинки, раздѣлять насъ къ ледной моей радости; остальное время прогулки я старалась ни на минуту не оставлять съ нимъ одна.

«Вечеромъ я сидѣла въ своей комнатѣ, вѣнхого озабоченная сумасшествіемъ моего кузена; моя гувернантка подала мнѣ письмо, сказавъ, что Гастонъ уѣзжаетъ и проситъ меня прочесть ему строки и отвѣчать на нихъ двумя словами. Я забыла уже всѣ

отравныя и сумасбродныя выраженія этого писма. По его мнѣнію я была ангеломъ; отъ меня онъ ждалъ жизни и разсуда, съ смиреніемъ сознавался, что пламенная любовь его по мнѣ испортила его разумъ.

«Начала я хотѣла отослать письмо не читая и разсказать мое моему отцу; потомъ, побоявшись надѣлать шуму изъ ничего, будучи увѣрена, что красныя фразы моего кузена не переживутъ моихъ чувствъ къ нему, я рѣшилась просто прочесть его письмо. Прочитавъ его я увидала, что мнѣ остается одно средство: выгнать Гастона отъ безумной страсти дружескими словами сестры. Я отвѣчала: конечно я дурно сдѣлала; но я не могла предвидѣть послѣдствій.

«Я писала ему, что прежде, нежели думать о любовныхъ глупостяхъ, онъ долженъ былъ немного подумать о томъ, какъ проложить себѣ дорогу въ свѣтъ; что онъ молодъ, храбръ, уменъ; что ему стоитъ только захотѣть, чтобы достигнуть всего. Какъ мать упрекала я его за праздность, бездѣйствіе, безнечность. И для совершеннаго усѣха я откровенно сказала ему, что если онъ достигнетъ чего-нибудь, то можетъ-быть отецъ мой и согласится отдать ему мою руку, и что тогда само собою разумеется, мое сердце послѣдуетъ за моею рукою.

«На другой день до обѣда отвѣчалъ онъ письмомъ, которое заключало въ себѣ цѣлый томъ. Призвался, я отвѣчала, даже не прочесть всего написаннаго. Гастонъ писалъ, что за одно слово надежды онъ готовъ поблѣнить цѣлый міръ, что сдѣлается инвентромъ, маршаломъ Франціи, наконецъ всѣмъ, чѣмъ дѣлаетъ слава, но неземное счастье? Я написала, что счастье послѣдуетъ за славой. Какъ мнѣ тогда нечего было дѣлать, то я списывала огромныя страницы къ моему кузену, и находила удовольствіе въ томъ, что я, семнадцатилѣтняя дѣвушка, дала советъ двадцати-семи лѣтнему молодому человѣку.

«Впродолженіе недѣли, когда онъ жилъ въ зѣнитѣ, мы размѣнялись нѣсколькими письмами. Эта постоянная переписка наконецъ утомила меня; и притомъ же онъ осмѣлился говорить со мною слишкомъ страстно. Пора было кончить: не потому, чтобы я боялась хоть на одно мгновеніе полюбить Гастона, но я поняла, что пошла по скользкому и опасному пути.

«Гастону нужно было устроить нѣкоторыя семейныя дѣла послѣ смерти бабушки; не хотя, печально увѣждалъ онъ. «Прощайте, Бланка, сказалъ онъ, цѣлуя мою руку, я возвращусь когда буду достоинъ васъ».

«Мы съ отцомъ проводили его до конца аллеи, гдѣ проходили дилижансы. Когда онъ скрылся изъ виду, я ощутила трепетъ радости и печали. Я такъ была счастлива освободиться отъ кузена, такого упорнаго въ любви; но мнѣ было и грустно, быть-можетъ предчувствіе говорило мнѣ, что я его болѣе не увижу.

«Скоро я забыла прогулку, письма и героевъ романа. На зиму я уѣхала въ Парижъ и можетъ-быть вы....» Тутъ мадамъ де-Вернель нѣжно посмотрѣла на своего мужа. «Можетъ-быть вы помните, что мы встрѣтились у мадамъ де-С....? Вы виѣли преимущественно не быть мнѣ кузеномъ и не быть снимкомъ романческаго героя.

«Но здѣсь не мѣсто припоминать первое время нашего счастья. Три дня тому назадъ, я вовсе не думала о моемъ сумасбродномъ кузенѣ, какъ вдругъ явился какой-то слуга и узнавши, что я одна, подастъ мнѣ письмо и два ключа. Съ удивленіемъ спросила я чтѣ значить это посланіе?—Мнѣ ничего не приказано сказывать, сударыня, я только въ точности долженъ исполнить приказаніе. Двадцать разъ я поворачивала письмо прежде, нежели рѣшилась распечатать его; двадцать разъ разсматривала оба ключа; наконецъ съ сильнымъ біевіемъ сердца я сломала печать. Хотя я вовсе не думала о Гастонѣ д'Авриньн, но тотчасъ же узнала его руку. Я предъугадывала, но знаю почему, что узнаю печальное событіе.

«Только нѣсколько мѣсяцевъ тому я узнала, что Гастонъ, послѣ неудавшихся попытокъ почти на всѣхъ возможныхъ поприщахъ, вступилъ простымъ солдатомъ въ африканскую армію; онъ былъ извѣстенъ генералу Ламорисіеру. Онъ былъ созданъ для военной жизни; я знала въ немъ одно только истинное качество — храбрость. Онъ былъ смертельно раненъ на полѣ сраженія въ послѣдней вылазкѣ противъ Арабовъ; но прочтите это письмо и вы узнаете тайну моего присутствія въ этой комнатѣ.

«Сказавъ это, мадамъ де-Вернель подала мужу послѣднее письмо Гастона. Графъ де-Вернель схватилъ письмо и руку своей жены. Графиня вздохнула, наклонила голову и покраснѣла отъ удовольствія. Графъ де-Вернель нѣсколько разъ развертывалъ, перевертывалъ и переворачивалъ это письмо и наконецъ сталъ читать вслухъ:

« Милая кузина!

« Конечно, среди счастья вы забыли Гастона д'Авриньн, который вѣсь такъ любилъ, слишкомъ много любилъ. Сказать ли

вдць? Бодѣ двухъ дѣтъ, а васъ не видалъ, а дѣ сердце мнѣ
всегда жде водоопниадіе этого восхитительнаго д страшнаго ба-
зумія, сокрушившаго жизнь мою. Ахъ! вы не знаете, какъ глубо-
ко и нѣжно я любилъ васъ. Не нѣла возможности жить у ногъ
вашихъ, жить вашими взглядомъ, вашей улыбкою, красотою, а не
могъ жить жизнью безъ любви. Я все сдѣлалъ, чтобы только
обмануть свое сердце; я зналъ, что у меня оставалось небольшое
содотояніе и расточилъ его на всѣ обольстительныя обманы париж-
ской жизни. Но среди всѣхъ этихъ безумствъ, я хранилъ драго-
цѣнный вамъ образъ, какъ уголокъ неба, свѣтлаго сквозъ буря.

«Я не въ силахъ былъ побѣдить своего сердца, мнѣ оставалось
только умереть. Къ-тому же, сознаюсь, не жала, прибѣгать къ
обману, а почти разорился и съ снѣдающемъ меня горѣ я не чув-
ствовалъ столько мужества, чтобы преодолѣть тоску вновь нажи-
вать состояніе. Смертоубійство сдѣлалось уже пошло. Для благо-
роднаго человѣка всегда есть мѣсто на полѣ сраженія. Я гово-
рилъ самъ себѣ: столько людей любимыхъ плутъ туда на смерть,
когда любящее сердце зоветъ ихъ сюда! Меня никто не будетъ
оплакивать, почему же мнѣ не подставить грудь подъ пулю Араба
вмѣсто кого-нибудь другого, который любить жизнь? Я скоро
прослылъ здѣсь героемъ. Вѣроятно, вы видѣли мое имя поштен-
ное во славою въ донесеніи маршала? Наконецъ давно ожидаемый
день насталъ.

«Когда вы будете читать это письмо, меня уже не будетъ, я
умру, жалѣя только о томъ, что пуля попала не въ самое сердце.
Не буду говорить вамъ о послѣднихъ страданіяхъ: я покорился
всему. Объ одномъ только я безпокоюсь; я вамъ скажу о чемъ.
Въ ту отрадную и грустную осень, которую я провелъ въ мнѣ
моего дѣда, вы написали ко мнѣ семь писемъ. Эти письма, при-
шедшія мнѣ въ отчаяніе, были однако жъ драгоцѣнны для меня,
и я всегда ихъ берегъ какъ сокровище. Въ самыя тяжкія ча-
сы моей жизни я ихъ перечитывалъ съ горькимъ д обольсти-
тельнымъ наслажденіемъ. Въ дни моей расточительной жизни я
навалъ небольшой загородный домъ въ Отелѣ, гдѣ проводилъ ле-
тнѣе мое дѣто въ веселомъ сообществѣ. Тутъ было мѣсто смѣш-
на такихъ же праздничюлюбцевъ, какъ и я самъ. Тутъ всѣ весе-
лились кромѣ меня, но я притворялся веселымъ, какъ и всѣ. Въ
небольшомъ шкафу изъ розоваго дерева, который стоитъ въ
спальнѣ, я пряталъ ваши письма. Признаться ли? всѣ любовныя
записки, полученныя мною въ Отелѣ, безмысленно я бросалъ въ
тотъ же ящикъ; простите мнѣ это безумство. Предъ отъѣ-

домъ въ Аерикъ, около ноября, я былъ въ Парижѣ, и не имѣлъ времени побывать въ Отелѣ. Я оставилъ ключи отъ дома моему служителю, съ приказаніемъ навѣдываться туда и заниматься садомъ, чтобы заставить его думать, что я возвращусь. Теперь я не возвращусь. Какъ же возвратитъ вамъ, милая кузина, осемь писемъ, которыя лежатъ тамъ вмѣстѣ съ другими? Вы одинъ можете ихъ узнать. Эти письма могутъ попасть въ недостойныя руки! У меня есть кредиторы и я не знаю, что будетъ, когда они узнаютъ о моей смерти? Подумайте, можете ли вы имѣть столько мужества, чтобы самой отыскать ихъ. Я пишу только вамъ и служителю, который отдастъ вамъ ключи. Мнѣ остается жить только два или три дня. Докторъ открылъ мнѣ истину. О моей смерти не тотчасъ узнаютъ въ Парижѣ, и вы будете имѣть время побывать въ Отелѣ. Это уединенный бѣлый домикъ въ концѣ лѣса. Вы тотчасъ его увидите; онъ видѣется изъ-за зеленыхъ виноградниковъ. Его легко узнать по желѣзной рѣшеткѣ съ позолоченными стрѣлами. Дюбоа отдастъ вамъ ключи отъ рѣшетки и параднаго входа; всѣ другія двери не заперты, мнѣ помнятся. Къ-несчастію, я не помню, куда положилъ ключъ отъ маленькаго шкафа, можетъ-быть вы найдете его на каминѣ. Впрочемъ, это ветхій шкафъ, его легко можно отворить. Всякій маленький ключикъ придется къ нему. Словомъ, дѣлайте какъ знаете, но умоляю, возьмите свои письма, которыя находятся въ такомъ дурномъ сообществѣ.

« Если бъ я послѣдовалъ своему желанію, я бы писалъ къ вамъ до самой минуты смерти, но что скажу вамъ, чего бы вы не отгадали! Прощайте же, очаровательная кузина! — Простите, что я еще называю васъ этимъ именемъ, столь сладостнымъ моему сердцу; но до-тѣхъ-поръ, пока сердце мое будетъ биться въ груди, я все буду любить мою прелестную кузину!»

Здѣсь графъ де-Вернель съ досадою смялъ письмо.

— Ужъ и конецъ? сказалъ Фридерикъ, все еще не выключившійся отъ своей страсти все знать.

— Конечно, сухо отвѣчалъ графъ де-Вернель. Графиня, вздыхая, склонила голову.

Какъ вѣрный историкъ, мы передадимъ здѣсь послѣднія строки письма, которыя графъ не захотѣлъ читать вслухъ:

« Когда вы пойдете въ этотъ домикъ, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ахъ! если бы Господь позволилъ душѣ моей явиться туда

къ вамъ!... Эта мысль не оставляетъ моего сердца.... Жду свиданья съ большимъ нетерпѣвиемъ, нежели когда-нибудь....

« Прощайте, прощайте, прощайте! Въ саду есть кустарникъ бѣлыхъ розъ, который въ прошедшемъ году я видѣлъ въ цвѣту, думая о васъ, кузина; за всю мою любовь къ вамъ, сорвите одну изъ этихъ розъ въ память обо мнѣ.

« Гастонъ д'Аериньи ».

Фридерикъ очень хорошо видѣлъ, что графъ де Вернель не хотѣлъ прочесть послѣднихъ словъ письма. Но вставая предъ уходомъ, онъ быстрымъ взоромъ прочелъ слово: *кустъ бѣлыхъ розъ*.

— Я понялъ, сказалъ онъ у двери, раскланиваясь съ графомъ и графинею; мадамъ де Вернель сорвала бѣлую розу.

Онъ припомнилъ страхъ, волненіе, слезы графини, когда она сорвала, нюхала и обрывала розу. — Кто знаетъ? сказалъ онъ; теперь, когда онъ уже умеръ, можетъ быть она и полюбитъ его!

Когда Фридерикъ ушелъ, графъ де Вернель печально посмотрѣлъ на жену.

— Бланка! спросилъ онъ, ты сорвала розу въ саду?

— Да, отвѣчала она, обвиняя мужа, сорвала, чтобъ исполнить, что могла для Гастона.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя дѣла Шатобриана. Часть тринадцатая.* Чтобы предупредить неосторожныя дѣйствія свѣйскаго папы и преслѣдовать Мантелотъ, Бонапарте вошелъ 22 февраля въ эту часть свѣта, которую завѣщало ему абукирское сраженіе. Наполеонъ ошибался; онъ преслѣдовалъ въ этомъ случаѣ свою мечту о созданіи новой державы. Счастливіе Камбиза, онъ переходить пески, не встрѣтивъ южнаго вѣтру, располагается лагеремъ между гробницами; беретъ преступомъ Эль-Аришъ и торжествуетъ при Газѣ: «Мы были, пишетъ онъ шестого, у колоннъ, стоящихъ на границѣ Африки и Азии; вечеромъ почивали въ Азии». Этотъ неизвѣстный человѣкъ шелъ завоевывать міръ; это былъ побѣдитель для немель, невозможныхъ къ покоренію.

Ясса взята. Послѣ осады, часть гарнизона, полагаемаго Бонапартомъ до тысячъ-двухъ сотъ человѣкъ, а другіи до трехъ тысячъ, сдалась и была взята на милосердіе; черезъ два дня Бонапарте приказалъ избить ее.

Вальтеръ-Скоттъ и сэръ Робертъ Вильсонъ говорили объ этихъ убійствахъ; Бонапарте на островѣ Святой-Елены безъ всякаго

затрудненія признавался въ этомъ лорду Эбрингтону и доктору О'Миро. — Но онъ извинялся въ жестокости положеніемъ, въ которомъ находился: онъ не могъ кормить плѣнныхъ; не могъ отослать ихъ въ Египетъ подъ конвоемъ. Освободить ихъ нѣ-слово? они и не поняли бы этихъ правилъ чести, этихъ учтиво-стей европейскихъ. «Веллингтонъ, на моемъ мѣстѣ, говорилъ онъ, поступилъ бы точно также».

«Наполеонъ рѣшился, говоритъ Тьеръ, на страшную мѣру, единственный жестокой поступокъ въ своей жизни: избить оста-вшихся плѣнныхъ; войско свершило казнь съ повиновеніемъ, но съ ужасомъ».

Но яѳоскія убійства спасали ли нашу армію? Бонапарте не ви-дѣлъ ли, какъ легко горсть Французовъ разрушила силы дама-скаго панши? Въ Абукирѣ не истребилъ ли онъ съ горстью кон-ницы тринадцать тысячъ Оттомановъ. Позже Клеберъ не уничто-жилъ ли великаго визиря и его ты-тиудіа Магометанъ? Если онъ дѣйствовалъ по праву, какое право имѣли Французы завла-дѣть Египтомъ? Зачѣмъ рѣзали они людей, пользовавшихся толь-ко правомъ защиты? Наконецъ Бонапарте не могъ сослаться на законы войны, потому что плѣнный яѳоскій гарнизонъ положилъ оружіе и покорность его была принята. Поступокъ, который завоеватель старался оправдать, тяготилъ его: объ этомъ посту-пкѣ или умолчали или замкнули нѣлькомъ въ оффиціальныхъ де-пешахъ и въ разсказахъ людей, преданныхъ Бонапарту. «Я не стану упоминать, говоритъ докторъ Ларрѣ, о страшныхъ послѣд-ствіяхъ приступа: я былъ печальнымъ свидѣтелемъ взятія Яѳ-сы». Буріениъ восклицаетъ: «Эта ужасная сцена еще обладаетъ нею трелетомъ, когда я подумаю объ ней, какъ въ тотъ день, когда я ее видѣлъ, и лучше бы хотѣлъ забыть объ ней, чѣмъ быть принужденнымъ описывать ее. Все, что только можно во-образить ужаснаго въ кровавый день, будетъ ниже дѣйствитель-ности». Бонапарте пишетъ директоріи: «Яѳса была предана гра-бежу и всѣмъ ужасамъ войны, никогда не казавшейся ему такъ отвратительной». А кто же требовалъ этихъ ужасовъ?

Бертіе, товарищъ Наполеона въ Египтѣ, изъ главной квартиры въ Энсъ, въ Германіи, послалъ 5 мая 1809 года генералъ-маіору австрійской арміи страшнѣйшую бумагу противъ предполагаемаго разстрѣливанія военноплѣнныхъ, въ Тиролю, гдѣ командовалъ Шателлѣ. «Онъ (Шателлѣ) умертвилъ семь-сотъ плѣнныхъ Фран-цузовъ и отъ 1,800 до 12,900 Баварцевъ; преступленіе неслыхан-ное въ исторіи народовъ; оно могло бы возбуждать страшное воз-

мездѣ, если бы его величество не считалъ цѣнныхъ находившихся подъ защитою его слова и чести».

Бонапарте говоритъ здѣсь все, что можно сказать противъ казни яфескихъ плѣнныхъ. Какое ему было дѣло до такихъ творчѣй? Онъ звалъ истину и игралъ ею; употребилъ сетаки, какъ ложь, цѣнилъ только результатъ, а до средствъ ему было все равно.

Всегда было два Бонапарта: одинъ великій, другой мелочный. Когда вамъ кажется въ жизни Наполеона, что которая изъ сторонъ ея обстоитъ благополучно, онъ какъ разъ дѣлаетъ эту сторону ужасною.

Мю, въ первомъ изданіи своихъ «Записокъ» (1804 года) упоминаетъ объ убійствахъ; они находятся въ изданіи 1814 года.

Монахи яфесскаго монастыря свели меня на мѣсто убійствъ плѣнныхъ; я обошелъ могилу, когда-то груду труповъ, теперь кучу костей; я гулялъ въ гранатовыхъ садахъ, а вокругъ меня первая ласточка, прилетѣвшая изъ Европы, скользила по погребальной землѣ.

Язва, сначала не дѣлала большихъ опустошеній. Буріеникъ исправляетъ ошибку историковъ, помѣстившихъ сцену съ яфесскими зачумленными въ первое пребываніе Французовъ въ этомъ городѣ она происходила по возвращеніи ихъ изъ Сецъ Жакъ д'Ара. Многие изъ нашего войска увѣряли меня, что эта сцена была чистой басней; Буріеникъ это подтверждаетъ:

«Кровати зачумленныхъ, рассказываетъ секретарь Наполеона, были на право отъ входа въ большую залу. Я шелъ возлѣ генерала и утверждаю, что онъ не дотрагивался ни до одного зачумленного, прошелъ поспѣшно залу, легонько ударивъ хлыстикомъ по желтому отвороту сапога, и повторялъ, быстро шагая: надо воротиться въ Египетъ, спасать его отъ непріятелей, которые уже идутъ».

Въ официальномъ донесеніи начальника главнаго штаба 29 мая, ни слова не сказано о посѣщеніи госпиталя и о привоженіи къ зачумленнымъ.

Что же послѣ этого значитъ картина барона Гро? она останется какъ образцовое произведеніе искусства.

Живопись менѣе благопріятствовала Людовику-Святому, но она оказывала болѣе геройства на дѣлѣ. «Добрый король, благій и сердобольный, какъ увидѣлъ это, великое возмнилъ въ сердцѣ своемъ состраданіе, и безотлагательно всякія другія дѣла оставивъ повелѣлъ, а яны рыть въ полѣ и освѣтить по кладбищу

на полкъ.... Король Людовикъ своими ясными руками умершихъ погребать помогать. Съ трудомъ находили людей согласныхъ исполнять дѣло это всечестное. Въ теченіе пяти дней, которые на погребеніе умершихъ потребовались, король всякое утро пріѣзжалъ, выслушавъ объѣдню на мѣстѣ, и людямъ своимъ говорилъ: «Пойдемте мучениковъ погребать, которые за Христа Бога пострадали, и не случайте чинить это, потому-что страданія ихъ были болѣе нашихъ страданій». Присутствовалъ же при этомъ архіепископъ тирскій въ полномъ облаченіи и даміатскій епископъ съ клиромъ, и моленіе по умершихъ справляли, а носы отъ жара конопатили, добрый же король Людовикъ яснаго носа своего не конопатилъ никогда, дѣло честное чиня вельми твердо и твердо».

Бонапарте осадилъ Сенъ-Жакъ-д'Акръ. Въ Канѣ, въ Назаретѣ, на Фаворѣ пролила кровь. Съ саворской горы онъ отослалъ дневный приказъ всѣмъ войскамъ, занимавшимъ Суръ, древній Тиръ, Кесарію, пороги Нила, устья Пелузіанскія, Александрію и берега Чернаго Моря, гдѣ находятся развалины Кользума и Арсиной. Бонапарте былъ восхищенъ этими именами, и любилъ ихъ собирать.

Въ этомъ мѣстѣ чудеса, Клеберъ и Мюратъ возобновили подвиги Танкреда и С. Рено; разсѣяли сирійскія племена, овладѣли станомъ дамасскаго паши, бросили взоръ на Иорданъ, на Галилейское Море и заняли Сафетъ, древнюю Висулію. Бонапарте замѣчаетъ, что жители показываютъ мѣсто, гдѣ Юдией убила Олоферна.

Дѣти Аравтянъ, живущихъ въ горахъ Іудеи, сообщили мнѣ преданія, болѣе вѣрныя, крича мнѣ по французски: «En avant, marche!» «Эти самыя пустыни, сказалъ я въ «Мученикахъ», видѣли войска Сестоприса, Камбиза, Александра, Цезаря; будущіе вѣка, вы приведете туда войска не менѣе многочисленныя, войновъ не менѣе знаменитыхъ».

Послѣ того, какъ я проѣхалъ по свѣжимъ еще слѣдамъ Бонапарта на Востокъ, судьба велитъ мнѣ перебирать его рысканія въ этой странѣ, когда уже перебирать не время.

Акръ защищалъ Джеззаръ-Паша (Мясникъ-Паша). Бонапарте написалъ ему изъ Яффы 9 марта 1799 года: «Огъ вступленія моего въ Египетъ я нѣсколько разъ давалъ вамъ знать, что не намѣренъ воевать противъ васъ, что моя единственная цѣль — изгнать Мамелюковъ. Черезъ нѣсколько дней я пойду на Акру. По какой причинѣ отнимать нѣсколько лѣтъ жизни у старика,

котораго я не знаю! Что значать нѣсколько миль возлѣ завоеванныхъ новою странъ?»

Джеззаръ не прельстился этииъ ласкательствомъ: старый тигръ не довѣрялъ когтямъ молодаго льва. Его окружали слуги, изуродованные собственной его рукою. «Разсказываютъ, что Джеззаръ родомъ Боснякъ и жестокий, говорятъ онъ о самомъ себѣ (разсказъ генерала Себастьяна): я ни въ комъ не нуждаюсь, а во мнѣ занскиваютъ. Я родился бѣднымъ; отецъ оставилъ мнѣ въ наследство только мужество. Я возвысился трудами; но это не внушаетъ мнѣ гордости, потому что всему есть конецъ и можетъ быть не сегодня, завтра и Джеззару придетъ конецъ, не потому, что онъ дряхлъ, какъ говорятъ его враги, но потому что такъ повелѣлъ Господь».

Послѣ шестидесяти однодневной осады, Наполеонъ былъ принужденъ снять осаду съ Акра. Наши солдаты выскакивали изъ своихъ землянокъ подбирать непріятельскія ядра, которыя пушки наши отсылали обратно въ крѣпость. Войска наши, защищаясь и противъ города и противъ выстроившихся дугою англійскихъ кораблей, произвели девять атакъ и пять разъ взбирались на укрѣпленія. Во времена крестоносцевъ, въ Акрѣ, по словамъ Ригора, находилась башня, называемая *Проклятою*. Можетъ быть эта башня была замѣнена той огромной башней, которая уронила нападенія Бонапарта. Наши солдаты перепрыгнули на улицы, гдѣ дрались рукопашнымъ боемъ ночью. Генерала Ланна ранили въ голову, Колбера въ ляжку, убиты Бойе, Везу и генералъ Бонъ, исполнитель казни яфскихъ плѣнныхъ. Клеберъ говорилъ объ этой осадѣ: «Турки защищаются какъ христіане, Французы падаютъ какъ Турки» — критика солдата, не любившаго Наполеона. Бонапарте ушелъ, разглашая прокламаціями, что онъ срылъ дворецъ Джеззаровъ и расколотилъ городъ его ядрами такъ, что камня на камнѣ не осталось, что Джеззаръ убѣжалъ съ своими людьми въ одно изъ береговыхъ укрѣпленій, что онъ опасно раненъ, и что фрегаты, подъ начальствомъ Наполеона, овладѣли тридцатью сирійскими судами съ войскомъ.

Сэръ Сидни Смитъ и Фелиппо, артиллерійскій офицеръ, эмигрантъ, помогали Джеззару: одинъ былъ плѣнникомъ въ Тамалѣ, другой школьный товарищъ Наполеона.

Нѣкогда передъ Акроиъ погибъ цвѣтъ рыцарства, при Фаллийѣ Августѣ. Землякъ мой Вильгельмъ-Бретовецъ воспѣваетъ латинскими стихами двѣнадцатаго вѣка: «Во всемъ королевствѣ едва можно было найти одно мѣсто, въ которомъ бы кто иибудь не

имѣлъ какой нибудь причины плакать, до того велико было бѣдствіе, повергшее героевъ нашихъ въ могилу, когда ихъ поразила смерть въ городѣ Аскаронѣ (Аскалонѣ близъ Акра).

Бонапарте былъ великій чародѣй, но онъ не былъ властенъ преобразовать генерала Бона, убитаго подѣ Птоломанною, въ Рауля боярина на Куси, который, умирая ввиду укрѣпленій этого города, писалъ къ боярину на Фаалѣ: «Умре безволонитно по-другу своюю любя».

Наполеону не подобаеъ отрицать преданія пѣсни *la chanson des santeogs*: не такія басни распускалъ онъ подѣ Акрою. Въ послѣдніе дни своей жизни, подѣ небомъ, котораго мы не видимъ, онъ разглашалъ о чемъ размышлялъ въ Сиріи, если только не выдумалъ эти планы по совершившимся событіямъ и не забавлялся создавая изъ дѣйствительнаго прошедшаго баснословное будущее, которому онъ хотѣлъ, чтобы вѣрили. «Властелинъ Птоломанды рассказываетъ намъ признанія на островѣ Святой Елены. Наполеонъ основывалъ на Востокѣ царства, а Франція была предоставлена другой судьбѣ. Онъ летѣлъ въ Дамаскъ, въ Аленъ на Евфратѣ. Сирійскіе христіане, даже жители Арменіи, подкрѣпили бы его. Поднялись бы племена. Остатки Мамелюковъ, Арабы африканскихъ степей, ливанскіе Друзы, Мютевали или угнетенные Магометане Алиева раскола, могли соединиться съ главной сирійской арміей и сотрясеніе распространилось бы по всей Аравіи. Жители провинцій оттоманской имперіи, говорящіе по арабски, желали великаго переворота и ждали человѣка съ счастливою звѣздой; онъ могъ быть на Евфратѣ лѣтомъ съ сотнею тысячъ союзниковъ и съ двадцати-пяти тысячнымъ резервомъ, состоящимъ изъ Французовъ, которыхъ бы постепенно призвалъ изъ Египта. Онъ достигъ бы Константинополя и Индій и измѣнилъ бы лицо земли».

Прежде удаленія изъ Акра, французская армія достигла Тира: безъ флота Саломонова и безъ фаланги Македонца; Тиръ сохранялъ непоколебимое уединеніе; уединеніе, въ которомъ *нѣмныя собаки лаятъ не хотятъ*.

Осада Акра была снята 20 мая 1799 года. Привывъ 27 въ Яффу, Бонапарте былъ принужденъ продолжать свое отступленіе. Оставалось тридцать или сорокъ зачумленныхъ, по увѣренію Наполеона семь, которыхъ нельзя было перенести; не желая оставить ихъ, говорилъ онъ, изъ опасенія подвергнуть жестокости Турковъ, онъ предложилъ Деженетту дать имъ сильный приемъ опиума. Деженеттъ далъ этотъ извѣстный отвѣтъ: «Мое ре-

мсло считать людей, а не убивать». «Имъ не дали опіуна, говорить Тьеръ, и это событіе послужило къ распространенію клеветы недостойной, и нынѣ совершенно уничтоженной».

Клевета ли это? и уничтожена ли она? Вотъ чего не берусь я утверждать такъ рѣшительно, какъ блестятельный историкъ.

Деженеттъ, изъ ирландской бѣдной дворянской фамиліи, еще уважается сирійскими Арабами, и Вильсонъ говоритъ, что ни его должно быть написано не иначе, какъ золотыми буквами.

Буріеннъ, Робертъ Вильсонъ, Ла Казъ обвиняютъ Наполеона; Вальтеръ-Скоттъ защищаетъ его. О Вальтеръ-Скоттѣ я говорю первый разъ, какъ объ историкѣ Наполеона и стану еще упоминать объ немъ. Я долженъ сказать, что очень обманываются, обвиняя знаменитаго Шотландца въ предубѣжденіи противъ великаго чело-вѣка. Жизнь Наполеона (Life of Napoleon) занимаетъ неменѣе одиннадцати томовъ. Она не имѣла успѣху, котораго можно было надѣяться, потому-что, исключая двухъ или трехъ мѣстъ, воображеніе творца столькихъ блестящихъ произведеній измѣнилось ему; онъ ослѣпленъ описываемыми имъ баснословными успѣхами и какъ-бы подавленъ чудностью славы. Цѣлой жизни не достаетъ также того воззрѣнія, которое Англичане рѣдко употребляютъ въ исторіи, потому-что понимаютъ исторію не такъ, какъ мы. Впрочемъ, эта жизнь точна, исключая нѣсколькихъ хронологическихъ ошибокъ: та часть, которая относится къ заключенію Бонапарта на островѣ Святой-Елены—превосходна: Англичане имѣли средства лучше нашего знать эту часть. Встрѣтивъ такую чудную жизнь, романистъ былъ побѣжденъ истиной. Разсудокъ преобладаетъ въ трудѣ Вальтеръ-Скотта; онъ остерегается самого себя. Воздержность его сужденій до того велика, что она перерождается въ защиту. Добродушіе автора простирается до ласковаго приему Наполеоновымъ хитросплетнымъ оправданіямъ, которыхъ невозможно допустить. Очевидно, что тѣ, которые говорятъ о трудѣ Вальтеръ Скотта какъ о книгѣ, написанной подъ вліяніемъ національныхъ предразсудковъ и по частной нуждѣ никогда ея не читали: во Франціи ея болѣе не читаютъ. Не только не преувеличиваетъ онъ ничего въ укоръ Бонапарту; но самъ иугается мнѣніи: уступки его неисчислимы: онъ вездѣ сдается, если отваживается сначала на твердое сужденіе, потомъ оговариваетъ послѣдующими причинами, считая это необходимымъ безпристрастіемъ, не сибеть ни бороться съ своимъ героемъ, ни посмотрѣть на него прямо. Несмотря на это, такъ сказать, наудушіе передъ народнымъ пристрастіемъ, Вальтеръ-Скоттъ тер-

еть достоинство своихъ уступокъ тѣмъ, что въ предисловіи сказала эту простую истину: «Если общая система дѣйствій Наполеона, говорить онъ, основалась на насиліи, обманѣ, то ни величіе его дарованій, ни успѣхъ его предпріятій не должны заглушить голосъ или ослѣпить глаза того, кто отваживается сдѣлаться историкомъ. If the general system of Napoleon has rested upon force or fraud, it is neither the greatness of his talents, nor the success of his undertakings, that ought to stifle the voice or dazzle the eyes of him who adventures to be his historian».

Отступление подъ сирійскимъ солнцемъ было ознаменовано несчастіями, напоминающими бѣдствія нашихъ солдатъ въ Россіи, среди морозу.

Страница изъ Буріенна докончитъ картину:

«Пожирающая жажда, говорятъ Записки, недостатокъ въ водѣ, чрезмѣрный зной, утомительный переходъ по жгучему песку, развратили людей и затопили всё великодушныя чувства самымъ жестокииъ эгоизмомъ, самымъ прискорбнымъ равнодушіемъ. Я видѣлъ, какъ сбрасывали съ носилокъ оперированныхъ офицеровъ, которыхъ приказано было отвезти въ походные лазареты, и которые даже заплатили деньги за труды. Я видѣлъ, какъ бросали въ ячмень равеныхъ, зачумленныхъ или только подозрѣваемыхъ въ зачумленіи. Переходъ былъ освѣщаемъ факелами, зажженными, чтобы поджигать города, села, деревушки, богатыя жатвы. Вся страна была въ огнѣ. Тѣ, которымъ было приказано начальствовать надъ этими бѣдствіями, казалось хотѣли, распространяя вездѣ отчаяніе, вымѣстить свои неудачи и облегчить всё страданія. Насъ окружали только умирающіе, грабители и госпитали. Умирающіе, брошенные на дорогѣ, говорили слабымъ голосомъ: «я не зачумленъ, я только раненъ» и, чтобы убѣдить проходящихъ, нѣкоторые открывали свои раны или дѣлали себѣ новыя. Никто имъ не вѣрилъ, говорили: «Конецъ ему!» проходили мимо, ощупывали себя и все было забыто. Солнце во всемъ своемъ блескѣ подъ этичъ блестящимъ небомъ потрясалось дымомъ безпрестанныхъ пожаровъ. На право отъ насъ было море, на лѣво и сзади пустыня, нами проходима, а впереди лишеніе и страданіе, ожидавшія насъ.

«Онъ уѣхалъ; онъ пріѣхалъ, разсѣялъ всё буря; возвращеніе его прогнало ихъ въ пустыню.» Такъ пѣлъ, такъ восхвалялъ себя отвергнутый побѣдитель, воротясь въ Каиръ: онъ уносилъ міръ въ своихъ гичнахъ.

Въ его отсутствіе Дезэ оковчательно покорилъ Верхній Еги-

петъ. Восходя по Шлу, встрѣчаешь развалины, которыя змкъ Боссюа оставилъ все ихъ величіе и увеличиваетъ его: «Открыли въ Саддѣ, говоритъ авторъ «Всеобщей Исторіи», храмы и дворцы почти дѣлде, гдѣ эти колоны и эти статуи безчисленны. Особенно удивителенъ тамъ дворецъ, котораго остатки какъ бы существуютъ для того, чтобы затмить славу самыхъ великихъ твореній. Четыре необозримыя аллеи, окруженныя съ той и другой стороны сѣдниками, рѣдкостными по веществу и по величинѣ, ведутъ къ четыремъ портикамъ изумительной высоты. Какое великолѣбіе и какая обширность! А еще тѣ, которые намъ описывали это чудное зданіе, не имѣли времени обойти его а не увѣрены даже, видѣли ли половину; но все, что они тамъ видѣли, изумительно. Зала, вѣроятно, составлявшая середину этого великолѣпнаго дворца, поддерживалась сто-двадцатью колоннами въ шесть ручныхъ обхватовъ, пропорціонально высокимъ, перешапныхъ обелисками, не уничтоженными столькими вѣками. Даже краски, то есть то, что скорѣе всего испытываетъ силу времени, еще поддерживаются между развалинами этого удивительнаго зданія и сохраняютъ всю свою свѣжесть: до того Египетъ успѣлъ напечатлѣвать характеръ безсмертія на всѣ свои творенія! Теперь, когда имя Людовика-Четырнадцатаго проникаетъ въ самыя неизвѣстныя части свѣта, не было ли бы предметомъ, достойнымъ благородной любознательности, открыть красоты, заключающіяся въ пустыняхъ Омванды. Какія красоты нашлись бы, если бы можно было проникнуть въ царственный городъ, когда такъ далеко отъ него открываютъ такіа изумительныя вещи! Великое могущество, отчаяваясь сравниться съ Египтянами, сочло достаточнымъ для своего величія замаскировать памятники ихъ царей».

«Наполеонъ взялъ на себя исполнить совѣты Боссюа Людовика-Четырнадцатому. «Онѣы, говоритъ Денонъ, слѣдовавшій за эксцедицей Дезе, этотъ сосланный въ глушь городъ, который воображеніе видитъ сквозь мракъ времени, былъ еще такимъ колоссальнымъ призракомъ, что при видѣ его войско остановилось само собою и захопало въ ладоши. Въ услужливомъ солдатскомъ восторгѣ нашлись для меня колѣни взамѣнъ столика, а тудовица для доставленія тѣни въ пустынѣ во время зимованія. Достигнувъ до нилдскихъ пороговъ, наши солдаты, все сражаясь съ боями и испытывая неслыханныя утомленія, тѣшились въ деревнѣ сіенской: открывали лавки портныхъ, ювелирскія, цирюльничія и съѣстные артеданія по определенной дѣлѣ. Подъ владычѣ

ревкоть, посаженныхъ въ прямой линіи; водрузилъ военный верстовой столбъ съ надписью: *Персидская дорога*. Спускался вдоль Нила, войско часто нѣло дѣло съ Меккавцами. Замыгали олецы Арабовъ: у нихъ не было воды, они гасили огонь руками и ногами. Черные, голые, говорить снѣтъ Десауъ, они бѣгали сквозь пламя. Я не могъ смотрѣть на нихъ безъ чувства утасы и удивленія. Были минуты безмолвія, когда раздавался вдругъ одинъ голосъ; ему отвѣчали священными гимнами, и криками битвы.

Эти Арабы гѣли и плавали какъ испанскіе солдаты въ горящихъ Сиракузахъ; родъ чуднаго сумасшествія, волновавшаго его, Наполеонъ сообщалъ своимъ жертвамъ.

Наполеонъ, воротившись въ Каиръ, написалъ генералу Дюгуа-Имфето, гражданину генералъ, съ полученіемъ сего приказу облагчить Абдаллаха-Агу, бывшаго лессаго губернатора. Судя потому, что мнѣ сказали сирійскіе жители, это чудовище, отъ котораго надо освободить землю.... Велите разстрѣлять нижесюмменованныхъ Хасана Юссю, Ибрагимъ-Салеха, Мехмеда Бекира, Хаджъ-Салеха, Мустафу, Мохаммеда изъ Мавлюковъ.» Онъ часто возобновляетъ эти приказанія противъ Египтянъ, *дурно говорившихъ о Французяхъ*. Дар-Фурекому султану онъ пишетъ: «я желаю, чтобы вы переслали мнѣ двѣ тысячи невольниковъ мужескаго пола старѣе шестнадцати лѣтъ.»

Оттоманскій флотъ во это кораблей останавливается въ Абу-кирѣ и высаживаетъ армію. Мюратъ, подкрѣпленный генераломъ Ланномъ, бросаетъ ее въ море; Бонапарте увѣдомляетъ директорію объ этомъ успѣхѣ: «Берегъ, гдѣ въ прошломъ году волны унесли англійскіе и французскіе трупы, покрытъ теперь трупами нашихъ враговъ. Между этими грудами побѣдъ идти такъ же тяжело, какъ за блестящимъ нескомъ пустыня.»

Слѣдующая записка печально поражаетъ душу. «Я былъ не очень доволенъ, гражданинъ генералъ, всѣми вашими дѣйствіями во время исполняемыхъ движеній. Вы получили повелѣніе двинуться на Каиръ и не исполнили этого. Какія бы ни случились промощствія, они никогда не должны помѣшать войну повиняться и талантъ въ воинѣ состоитъ въ умѣнн устраниать затрудненія, прешаствующія начатой операциі а не отказываться отъ нея. Предупреждаю васъ на будущее время.»

Это суровое правоученіе Бонапарте обращено къ Дезѣ, представителю въ головѣ храбрыхъ, въ Верхнемъ Египтѣ, столько же прихвратъ челоуѣколюбія, сколько мужества, и душному ровень съ лошадыи, разговаривающему о разваднцахъ, солдату.

щому объ отчизнѣ, спасающему женщинъ и дѣтей, любимому народомъ, который называлъ его *справедливымъ султаномъ*, словомъ, этому Дезе, убитому при Маренго въ атакѣ, черезъ котораго первый консулъ сталъ властелиномъ Европы.

Готовый оставить древнюю землю, гдѣ ветхій человекъ вскричалъ, умирая: «Силы небесныя, дарующія жизнь человѣкамъ, примите меня и дайте мнѣ жилище между безсмертными богами». Бонапарте думаетъ только о своемъ будущемъ на землѣ: увѣдомляетъ черезъ Черное Море, губернаторовъ острововъ Иль-де-Франса и Бурбона, посылаетъ поклонъ мароккскому султану и триполійскому бею; сообщаетъ о своей дружеской заботливости о караванахъ и паллигримахъ меккихъ, старается въ то же время отвратить великаго визиря отъ вторженія, замышляемаго Портой, увѣряя, что онъ готовъ и все побѣдить и войти во всѣ переговоры.

Одно обстоятельство принесло бы мало чести нашему характеру, если бы воображеніе и любовь къ новизнѣ не была виновницею нашей національной справедливости; Французы въ восторгѣ отъ египетской экспедиціи и не замѣчаютъ, что она оскорбляетъ и правдолюбивое и международное право: среди большого мира съ самой старой союзницею Франціи, мы нападаемъ на эту союзницу, похищаемъ плодovitую нильскую провинцію, не объявляя войны, какъ Алжирцы, которые въ одну изъ своихъ *альгарадъ* овладѣли бы Марселемъ или Провансомъ. Когда Порта вооружается для законной защиты, гордые нашимъ дестесловнымъ разбоемъ, мы спрашиваемъ, что съ нею, за что изволятъ она сердиться, толкуемъ ей, то мы подняли оружіе только для того, чтобы завести у ней благочивіе и порядокъ, освободить ее отъ этихъ мошенниковъ Мамлюковъ, которые держали ее пану въ плѣну. Бонапарте увѣдомляетъ великаго визиря: «Какъ ваше превосходительство не понимаете того, что въ каждомъ Французѣ, который будетъ вами убитъ, вы потеряете одного защитника Порты; что до меня, то я сочту самымъ прекраснымъ деломъ моей жизни тотъ день, когда успѣю окончить войну, протнанаую здравой политикѣ и бесполезную».

Наконецъ часъ пробилъ: остановившіеся у восточныхъ границъ Азіи, Бонапарте сначала схватываетъ скиптръ Европы, потомъ ищетъ на сѣверѣ другой дорогой Гималайскихъ воротъ и нынѣшней кашмирскихъ. Последнее письмо его къ Клеберу, изъ Александріи, отъ 22 августа 1799 году, превосходно въ полномъ смыслѣ слова и отличается умомъ, опытностью и наставническою важностью.

Конецъ этого письма восходитъ до жалкаго и прогнивающаго истетическаго.

«Гражданинъ генералъ, при семъ препровождается къ вамъ приказъ о принятіи начальства надъ арміей. Опасаясь, что крейсирующіе англійскіе корабли могутъ явиться съ минуты на минуту, я долженъ ускорить отъѣздъ мой двумя или тремя днями.

«Я увожу съ собою генераловъ Бертіе, Андросси, Ланна и Мармона, и гражданъ Монжа и Бертолле.

«Вы получите при семъ англійскія и франкфуртскія бумаги до десятаго іюня. Вы тамъ увидите, что мы потеряли Италію, что Мантуя, Туринъ и Тортона находятся въ блокадѣ. Я надѣюсь, что первая устоитъ до конца ноября; надѣюсь, если фортуна мнѣ улыбнется, прійхать въ Европу до начала октября».

Слѣдуютъ особенныя предписанія.

«Вы увидите оцѣнить столько же, какъ и я, какъ обладаніе Египтомъ важно для Франціи: это турецкая имперія, со всѣхъ сторонъ разрушившаяся, валится теперь, и выводъ войскъ изъ Египта былъ бы тѣмъ болѣе несчастіемъ, что мы увидимъ какъ эта чудесная область перейдетъ въ другія руки въ Европѣ.

«Извѣстія о побѣдахъ или пораженіяхъ Франціи должны только приниматься вами въ соображеніе.

«Вы знаете, гражданинъ генералъ, какимъ образомъ я отношусь къ внутренней политикѣ Египта: что бы вы ни дѣлали, христіане всегда будутъ нашими друзьями. Не надо допускать ихъ до дерзости, чтобы Турки не возымѣли противъ насъ такого же фанатизма, какъ противъ христіанъ, что сдѣлаетъ ихъ для насъ непримиримыми....

«Я уже нѣсколько разъ просилъ труппу актеровъ: я приму особенное стараніе выслать ихъ вамъ. Эта статья очень важная для войска и для начала измѣненія правовъ страны.

«Важное мѣсто, которое вы займете какъ главнокомандующій, позволитъ вамъ развить таланты, дарованные вамъ природой. Здѣшнія дѣла возбуждаютъ живѣйшій интересъ и результаты нечисленны для торговли и образованности; это будетъ эпохой, съ которой начнутся великіе перевороты.

«Привыкнувъ видѣть награду горестей и трудовъ жизни въ мѣтнѣи потомства, я оставляю Египетъ съ сожалѣніемъ. Выгоды отечества, его слава, повиновеніе, необыкновенныя событія, только что случившіяся, одни побуждаютъ меня пройти чрезъ непріятельскія эскадры въ Европу. Духоиъ и сердцемъ я буду съ

вашъ. Ваши усѣхи будутъ мнѣ такъ же дороги, какъ тѣ, при которыхъ бы я самъ присутствовалъ, и я стану считать друге употребленіями тѣ дни моей жизни, когда не сдѣлаю чего-нибудь для войска, надъ которымъ начальство оставляю вамъ, и для учрежденія великодушнаго учрежденія, котораго основаніе положено вамъ.

«Войско, вѣряемое вамъ, все составлено изъ дѣтей моихъ; всегда, во всякое время, даже въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, я имѣлъ доказательство въ привязанности: поддержите ихъ въ этихъ чувствахъ; вы обязаны сдѣлать это за мое уваженіе, и особенную дружбу мою, за истинную привязанность къ вамъ.

«Бонапарте».

Никогда уже у завоевателя не возобновилось подобное душевное изліяніе! Наполеонъ, для осады, оставивъ нѣтъ ни одного солдата, подумалъ о размеченіи, которое имѣлъ Парижъ употребивъ тридцать-два года спусти для своихъ матросовъ и медленныхъ ночи вѣлюса. Онъ повелъ заѣзданіе Египта своему храброму преемнику, который скоро будетъ убитъ, и скрывается упрядкой, какъ Цезарь спасся вылазъ въ Александрійской гавани; эта царница, которую поэты называли зловещимъ чудомъ, Клеопатра, не ожидала его; онъ шелъ на тайное свиданіе, назначенное судьбою. Побывавъ на востокъ, родной баснословныхъ смехъ, онъ возвращается къ намъ, не бывъ однако въ Иерусалимѣ, точно такъ же, какъ никогда не вступаю въ Римъ. Поэтъ, вырванный изъ Александріи, послѣдній возмелъ на фрегатъ, полный вѣрныхъ судьбъ. Весь провизнутый чудесами Иудей и воспоминаніями гробницы пирамидъ, Бонапарте перешелъ море, не забывая ни о судахъ, ни о беднахъ; этому великану все было по мѣрѣ, и войны и событія.

Наполеонъ неѣхалъ по той же дорогѣ какъ я: онъ таялся вдоль Афинъ подъ противными гѣтрами, черезъ три вѣдн срыбасть мысъ Бонъ; добравшая до эвдинекки береговъ, принужденный остановиться въ Аячю, обводитъ взоромъ во вѣстемъ своего рожденія, получаетъ нѣсколько денегъ отъ кардинала Феша и отплываетъ, отарывая англійскій флотъ, который не преслѣдуетъ его. Осмиаго октября вступаешь на ережесскій рейдъ, недалеко отъ того Живанекаго залива, гдѣ долженъ былъ появиться въ страшный и послѣдній разъ. Выходитъ на берегъ, ѣдетъ въ Аювъ, отарывается по бурболевской дорогѣ и прибыла въ Парижъ 16 октября. Все, казалось, ра-

положено противъ него, Барра, Сіея, Вёрвадотта, Литіа и всѣ эти противники служатъ ему какъ бы чудомъ; правленіе перенесено въ Сенъ-Клу. Бонапартъ хочетъ сказать рѣчь совѣту старѣйшихъ: приходитъ въ замѣшательство, лепечетъ слова: братья по оружію, волкавъ, побѣда, Цезарь; его называютъ Кромвелемъ, Лиценбромъ: онъ хочетъ обвинять, его обвиняютъ; онъ говоритъ, что богъ войны и богъ счастья сопутствуютъ ему и удалется вскричавъ: «Кто меня любитъ, тотъ за мной!» Требуютъ преданія его суду. Луціанъ, президентъ совѣта Пятисотъ, сходитъ съ своихъ кресель, не желая объявить брата своего лишеннымъ покровительства законовъ, облачаетъ шпагу и клянется пронзить грудь брата, если онъ когда-нибудь вздумаетъ посягнуть на независимость. Мюратъ разгоняетъ штыками собраніе, представители выпрыгиваютъ въ окошко; семнадцатое брѣмя совершается, возраждается консульское правленіе, и республика умираетъ.

Тогда въ мірѣ совершается полный переворотъ: человекъ послѣдняго вѣка сходитъ со сцены, и человекъ новаго выходитъ; Вашингтонъ въ исходѣ чудеса своихъ уступаетъ место Бонапарту, напоминающему свои чудеса. Девятаго ноября президентъ Соединенныхъ Штатовъ закрываетъ 1799 годъ; первый консулъ французской республики начинаетъ годъ 1800:

Un grand destin commence, un grand destin s'achève.

Соплишки.

Объ этихъ-то событіяхъ написана часть моихъ *Записокъ*, которую вы видѣли подобно новѣйшему тексту, дерзновенно начертанную на древней истертой рукописи. Мои въ ульганіи и ульчженіи въ Лондонѣ велъ я счетъ по возвышеніи и сіяніи Наполеона; шумъ его шаговъ смѣшивался съ бормолвѣи моихъ шаговъ въ моихъ уединенныхъ прогулкахъ; ни въ его предѣлово меня даже въ тѣхъ укромныхъ уголкахъ, гдѣ сидѣлись печальныя нищенства моихъ товарищей по злополучію.

Наполеонъ былъ мнѣ ровесникъ: оба мы вышли изъ среды войска, онъ выигралъ сто сраженій, а я еще томился во шракѣ этихъ эмиграцій, которыя были подножіемъ его славы. Отставай такъ отъ него, могъ ли я когда-нибудь догнать его? А между тѣмъ, когда онъ предписывалъ законы міру, когда съ знаменемъ въ рукѣ переходилъ мосты Арколы и Лоди, когда торжествовалъ въ парадѣ, отдалъ ли бы я за всѣ эти побѣды одинъ изъ тѣхъ

забытыхъ часовъ, протекавшихъ въ Англіи, въ неизвѣстномъ городѣ? О! очарованіе юности!

Я оставилъ Англію черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Наполеонъ оставилъ Египетъ; мы возвратились во Францію почти въ одно время: онъ изъ Мемфиса, а изъ Лондона; онъ захватилъ города и царства, рука его была полна могущественной существенностью; а еще только захватилъ химеры.

Что произошло во Франціи въ отсутствіе Наполеона?

Война началась въ Италіи, въ Неаполитанскомъ королевствѣ, и въ сардинскихъ владѣніяхъ; Римъ и Неаполь мгновенно заняты. Пій Шестой пѣвникомъ приведенъ во Францію, чтобы умереть тамъ; мирный договоръ заключенъ между Петербургомъ и Лондономъ.

Второй европейскій союзъ противъ Франціи. Осьмого апрѣля 1799 года рейхштатскій конгрессъ нарушенъ; французскіе уполномоченные убиты. Суворовъ разбилъ Французовъ при Касино. Миланская цитадель сдалась русскому генералу. Одна изъ нашихъ арій, принужденная выйти изъ Неаполя, едва держится подъ начальствомъ генерала Макдональда. Массена защищаетъ Швейцарію.

Мантуя падаетъ послѣ семидесяти-двухъ дневной блокады и двадцати дневной осады. Пятнадцатаго октября 1799 года, генералъ Жуберъ, убитый при Нови, оставляетъ свободное поле Бонапарту. Двадцать тысячъ Англичанъ, вышедшіе въ Гельдеръ, остаются тамъ бесполезно; флотъ ихъ частью запертъ льдами; кавалерія наша беретъ эти корабли. Осемнадцать тысячъ Русскихъ, перѣдя Сен-Готардъ 24 сентября, пошли въ ущеліе рѣки Рейс. Массена спасаетъ Францію цюрихскимъ сраженіемъ. Суворовъ, воротясь въ Германію, обвиняетъ Австрійцевъ и удаляется въ Подъшю. Таково было положеніе Франціи, когда Бонапарте явился, опрокинулъ директорію и учредилъ консульство.

Прежде чѣмъ иддемъ далѣе, я напомнимъ одну вещь, въ которой должны уже быть убѣждены: я не занимаюсь особенно жизнью Бонапарта; я начертываю сокращенный перечень его дѣйствій, изображаю сраженія, но не описываю ихъ; ихъ можно найти вездѣ, отъ Помреля, издавашаго «Италіянскія кампаніи» до нашихъ генераловъ, критиковъ и рецензентовъ сраженій, на которыхъ она присутствовала, до иностранныхъ, англійскихъ, русскихъ, нѣмецкихъ, италіянскихъ, испанскихъ критиковъ. Публичныя бюллетени Наполеона и его тайныя депешы составляютъ очень невѣрную нить этихъ разсказовъ. Труды генералъ

Жюмнин доставляютъ лучший источникъ къ изученію: автору тѣмъ болѣе нужно вѣрить, что онъ представляетъ доказательства о своихъ познаніяхъ въ своемъ «*Traité de la grande tactique*» и въ «*Traité des grandes opérations militaires*». Онъ видѣлъ собственными глазами войну въ Германіи, Пруссіи, Польшѣ, Россіи, до взятія Смоленска. На нападки генерала Серразена въ его «*Historie de la guerre de Russie et de Prusse*». Жюмнин возражалъ. Жюмнин пользовался матеріалами, хранящимися въ военномъ министерствѣ и въ другихъ государственныхъ архивахъ; наблюдалъ съзади отступательное движеніе нашихъ войскъ, которыя прежде помогали вести впередъ. Разсказъ его ясенъ и перемѣшанъ тонкими и справедливыми размышленіями. У него часто замѣтствована цѣлая стражница, не говоря о томъ; но я не рожденъ быть копистомъ; мнѣ не прельститъ сомнительная слава неузнаваемаго Цезаря, которому не доставало только каски, чтобы снова покорить землю. Если бы я хотѣлъ прийти на помощь памяти ветерановъ, перелистывая войска по картамъ, бѣгая вокругъ полей сраженій, покрытыхъ мирными жатвами и выписывая на пронаую документы, громоздя описанія на описанія, всегда одинаковыя, я бы навалазъ томы томовъ, и нажилъ бы себѣ славишку о своей премудрости, даромъ что подъ грудой моихъ мараній пропали бы и читатель и мой герой. Мелкій воинъ, уничтожаюсь передъ мудростью Вегеціевъ; публики не составляю я себѣ изъ генераловъ по арміи и офицеровъ на половинномъ окладѣ жалованья; каждый сержантъ умѣе меня.

Чтобы укрѣпиться на томъ мѣстѣ, гдѣ удалось засѣсть, Наполеону нужно было закидать свѣтъ чудесами.

Двадцать пятого и 30 апрѣля 1800 года. Французы перешли Рейнъ, подъ начальствомъ Моро. Австрійская армія, побѣжденная четыре раза въ одну недѣлю, отступила съ одной стороны до Форальберга, съ другой до Ульма. Бонапарте перешелъ чрезъ Большой Сентъ-Бернаръ 16 мая; 2.) Малый Сентъ-Бернаръ, Симплонъ, Сентъ-Готардъ, Сеннсъ, и Женевръ влѣты; мы провникаемъ въ Италію тремя выходами, считающимися неприступными, медвѣжьи берлоги, скалы орлиныя. Воеско овладѣваетъ Миланомъ 2 іюня и цизальпинская республика снова образуется: но Генуя принуждена сдаться послѣ достопамятной осады, поддерживаемой Массеномъ.

Завятіе Павіи и счастливое монтебельское дѣло предшествоуютъ побѣдѣ при Маренго.

Побѣда эта началась поражениемъ; достойные корпусы Дави и Виктора перестаютъ сражаться и бѣгутъ; сраженіе возобновляется четырьмя тысячами пѣхоты, предводимыми Дезе и подкрѣпленными кавалерійскою бригадою Келлермана: Дезе убитъ. Натискъ Келлермана рѣшаетъ успѣхъ, оконченный безтолковостію генерала Меласа; Дезе, овернский дворянинъ, подпоручикъ въ бретанскомъ полку, адъютантъ генерала Виктора де-Бролинъ, командовалъ въ 1796 году дивизіей арміи Моро и перешелъ на Востокъ съ Бонапартомъ. Онъ былъ характеру безкорыстнаго, простодушнаго и легкаго. Когда эль аришскій договоръ сдѣлалъ его свободнымъ, его удержалъ лордъ Китъ въ иворисккомъ лазаретѣ. «Когда свѣчи погасягъ, говоритъ Мио, его дорожный товарищъ, генералъ нашъ заставлялъ насъ разсказывать исторіи о ворахъ и привидѣніяхъ; онъ раздѣлялъ наши удовольствія, укрощалъ ссоры; очень любилъ женщинъ и хотѣлъ заслужить ихъ любовь только любовью своею къ славѣ». По пріѣздѣ въ Европу онъ получилъ письмо отъ перваго консула, призывавшаго его къ себѣ; оно растрогало его и Дезе говорилъ: «Этотъ бѣдный Бонапарте покрытъ славою, а несчастливъ». Ему осталось дать побѣду и умереть.

Дезе погребенъ на Альпахъ, при страннопріемномъ домѣ, содержимомъ монахами на вершинѣ горы Сенъ-Бернаръ, какъ Наполеона на пустыряхъ острова Святой-Елены.

Клеберъ нашелъ смерть въ Египтѣ, а Дезе въ Италіи. Послѣ отбѣда главнокомандующаго, Клеберъ съ одиннадцатію тысячами человекъ разбилъ сто тысячъ Турковъ подъ командой великаго визиря въ Геліополѣ — подвигъ, съ которымъ Наполеонъ ничего не можетъ сравнить.

Шестнадцатаго іюня, заключенъ александрійскій договоръ. Австрійцы удаляются на лѣвый берегъ По. Участъ Италіи рѣшена въ этой кампаніи, называемой *тридцатидневной*.

Побѣда, одержанная Моро при Гохштедтѣ, утѣшила тѣнь Людовика-Четырнадцатаго. Перемиріе между Германіей и Италіей, заключенное послѣ сраженія при Маренго, было объявлено прекратившимся 20 октября 1800 года.

Третьяго декабря — побѣда гогенлиденская, среди мятель, — побѣда, опять одержанная Моро, великимъ полководцемъ, надъ которымъ возвышался другой великій геній. Землякъ дю-Гесслена идетъ на Вѣну. Въ двадцати пяти миляхъ отъ этой столицы, онъ заключилъ штейерское перемиріе съ эрцгерцогомъ Карломъ. Послѣ сраженія при Поццоло, переходу черезъ Минцью, Адрианъ

и Бренту наступаетъ, 9 февраля 1801 года, люневильскій мирный договоръ.

Женщины не завидѣли Бонапарта какъ матери, и мало любили какъ женщины, потому что не были имъ любимы. Онъ внушилъ нѣсколько мечтообразныхъ страстей послѣ своего паденія: для сердца женщины поэзія счастья не такъ обольстительна, какъ поэзія злополучія; есть цѣлты развалить.

По прихвѣру ордена кавалеровъ Святаго-Людовика, установленъ орденъ Почетнаго-Легиона: чрезъ это учрежденіе проходитъ лучъ старой монархіи и вводится пріятствія къ новому равенству. Перенесеніе праха Тюренна въ церковь Дома Инвалидовъ заставило уважать Наполеона; экспедиція капитана Бодена разнесла славу о немъ кругомъ свѣта. Все, что могло вредить первому консулу, рушилось: Питтъ удавился, Веллингтонъ еще не показывался. Но Индія взволновалась, чтобы похитить у насъ завоеваніе Низа; Египетъ осажденъ черезъ Черное Море, между-тѣмъ, какъ капитанъ-паша приступаетъ къ нему моремъ Средиземнымъ. Противъ Наполеона поднимаются государства: вся земля — въ хлопотахъ отъ него.

Предварительныя статьи мира между Франціей и Англіей, опредѣленныя въ Лондонѣ 1 октября 1801 года, обращены въ Аміенъ въ договоръ. Наполеоновскій миръ еще не установился; границы его измѣнялись приливомъ и отливомъ нашихъ побѣдъ.

Почти около этого времени первый консулъ назначилъ Туссенъ-Лувертюра пожизненнымъ губернаторомъ въ Сентъ-Домингъ и присоединилъ островъ Эльбу къ Франціи; но Туссенъ, вѣроломно похищенный, долженъ былъ умереть въ крѣпости Юры, а Бонапарте запасался въ Порто-Ферраіо тюрмою на случай, когда во всемірной державѣ мѣста для него не хватятъ.

Шестаго мая 1802 года, Наполеонъ былъ избранъ консуломъ на десять лѣтъ и вскорѣ консуломъ пожизненнымъ. Ему стало тѣсно въ обширномъ владѣствѣ, которое доставилъ ему миръ съ Англіей; не заботясь объ аміенскомъ договорѣ, не думая о новыхъ войнахъ, въ которыя его вовлечетъ его намѣреніе, подъ предлогомъ, что Англичане не очистили Мальты, онъ присоединилъ Пьемонтъ къ французскимъ владѣніямъ и по причинѣ возмущеній, случившихся въ Швейцаріи, занимаетъ ее. Разрывъ съ Англіей произошелъ отъ 13 до 30 мая 1803 года и 22 мая повѣшенъ декретъ, повелѣвающій задерживать всякаго Англичанина, путешественника или купца.

Бонапарт занялъ 3 іюня генеральное курьерство; изъ Гѣмъ я закрывалъ тогда глаза неизвѣстной женщины.

Двадцать перваго марта 1804 года—смерть герцога Ангійскаго, а мать рассказывала о ней.

Черезъ сорокъ дней послѣ смерти герцога Ангійскаго, чрезъ трибунала, по имени Кюрё, дѣлаетъ 30 апрѣля 1804 года предложеніе вручить Бонапарту высшую власть.

Охранительный Сенатъ превращаетъ предложеніе въ декретъ трибунала. Бонапартъ не водражаетъ ни Цезарю; ни Кромвелю: передъ короной онъ не застѣнчивъ, беретъ ее прино и надѣваетъ себѣ на голову.

Осемнадцатаго мая онъ провозглашенъ императоромъ въ Сенъ-Клу.

Поздравительные адреса сылются со всѣхъ сторонъ.

Вѣчевое постановленіе 1 декабря 1804 года поднесено Наполеону; императоръ отвѣчалъ: «Мой потомки сохранятъ вѣдомъ этотъ тронъ».

Второго декабря 1804 года, произошло помазаніе и коронованіе Наполеона въ церкви Парижской-Богоматери. Цѣпа произнесъ молитву: «Боже всемогущій и всевѣчный, возведи Азаила на сарское царство и Даю на престолъ израильскій объявленіемъ воли Твоей чрезъ уста Иліи Пророка; Боже, исполни свѣтлый елей царскій на чела Саула и Давида, пролей руками твоими сокровища Твоей милости и Твоего благословія на главу раба Твоего Наполеона, котораго въ ничтожествѣ наметъ, ны нынѣ именемъ Твоимъ помазываетъ и освящаетъ въ санъ императорскій».

Осемнадцатаго марта 1805 года, императоръ далъ знать сенату, что принялъ желѣзную корону, поднесенную ему избирательными коллегіями цизальпинской республики; самъ же онъ былъ и тайнымъ внушителемъ и гласнымъ предметомъ этого народннстаго изъявленія. Мало-по-малу цѣлая Италия покорилась его законамъ; онъ привязалъ ее къ своей діадемѣ, какъ въ шестидцатомъ вѣкѣ военные начальники прикалывали шляпы брилліантомъ вмѣсто пугоницы.

Уязвленная Европа хотѣла положить примочку къ своей ранѣ: Австрія приступаетъ къ пресбургскому договору; въ Потсдамѣ видны признаки сближенія между двумя другими державами; третій союзъ зараждается. Такія соглашенія возобновлялись безпрестанно, простираясь отъ недовѣрчивости и страху. Наполеону отрадно было среди бури. Этою онъ симона восполь-

завоевалъ. Онъ бросается съ Булонскаго берега, на которомъ подписывалъ декретъ о воздвиженіи себя колѣны, угрожая Албиону союзомъ ялботана. Армія, организованная Даву, переносится шествъ туча на рейнскій берегъ. Перваго октября 1805 года Наполеонъ говоритъ рѣчь своимъ сто шестидесяти тысячамъ солдатъ; бѣзврата его движеній сбиваетъ Австрію. Битва при Лехѣ, вертингенское и гунцибургское сраженія. Семнадцатаго октября Наполеонъ явился передъ Ульмомъ: скомавдовалъ Макку: ружья на зомь! и Маккъ смиренно положилъ на трапу тридцать тысячъ штыковъ. Мюнхенъ сдается; Иннъ пройденъ, Зальцбургъ востъ, Трауна перешагнута. Тринадцатаго ноября Наполеонъ проникъ въ столицу Австріи, прошелъ Вѣну; прикованный къ собственному своему торжеству; онъ идетъ за нимъ до центра Моравіи на встрѣчу Русскимъ.

На лѣво возстаютъ Богемія, на право Венгерцы; эрцгерцогъ Карлъ прибѣгаетъ изъ Италіи. Пруссія, которая тайно приступила уже къ союзу, но еще не объявляла себя, присылаетъ министра Гаухвица съ своимъ ультиматомъ.

Второго декабря 1805 года, аустерлицкое сраженіе. Наступаетъ перемиріе. Послѣ аустерлицкаго сраженія Бонапарте думаетъ только промахи.

Прессбургскій договоръ подписанъ 26 декабря 1805 года. Наполеонъ сочиняетъ два королевства, баварское и вюртембергское. Имъ же созданныя республики глотаетъ и перевариваетъ въ монархію, а изъ шеnbrунскаго дворца, въ противность этой системѣ, даетъ знать указомъ міру, отъ 27 декабря 1805 года, что «снѣбіе на царствѣ неаполитанскаго королевскаго дома огненнымъ вуредъ прекращается».

Война, заварившись въ Тиролѣ, тамъ же и кнѣзля, не переставая шлпцаться на Моравію Тиролецъ Гоеръ не сдался какъ его повелитель; но величіе души не трогало Наполеона: оно казалось ему глупостью или сумасбродствомъ. Когда я пробѣжалъ озеро, которое обезсмертилъ Катуллъ и Виргилій, мнѣ показали шѣсто, гдѣ былъ разстрѣлянь охотникъ.

Црпидъ Евгений 14 января 1806 года женился на дочери новаго баварскаго короля. Двадцатаго февраля Наполеонъ приказалъ возобновить Сепъ Динисскую церковь, и освятилъ снелены, обновленныя для погребенія государей и князей изъ его роду. Наполеонъ никогда не будетъ тамъ погребенъ: человекъ роетъ могилу, а Богъ ея располагаетъ.

Бергъ и Клеве пожалованы Мюрату; Объ Сициліи Иосифу. Во-

соединенію о Каролъ-Великомъ прелькнуло въ гавань Наполеона и урядился университетъ.

Батавская республика посылаетъ, 5 февраля 1806 года, уполномоченнаго Наполеона, чтобы онъ удостоилъ дать ей въ королѣ братѣ своемъ Людовика.

Мысль о соединеніи Батавіи съ Франціей посредствомъ брака не имѣла дѣйствительнаго соединенія, простеткла просто изъ необузданной и безразсудной жадности: значило предочестъ маленькую обширную область выгодамъ дружескаго договора съ большимъ союзнымъ государствомъ; и утвердить за Англичанами обладаніе Индій, принудивъ ихъ удержать для своей безопасности мысъ Доброй-Надежды и Цейланъ, которыми они овладѣли при первомъ вторженіи нашемъ въ Голландію. Сцена пожалованія соединенныхъ штатовъ Голландіи брату Людовику была подготовлена: въ Тюльрійскомъ дворцѣ дали второе представленіе комедіи, разыгранной Людовикомъ-Четырнадцатымъ, когда онъ показывалъ тюльрійскому двору звука своего Филиппа-Пятая. На слѣдующее утро — завтракъ въ полномъ парадѣ въ Динамической залѣ. Во время завтрака входятъ одинъ изъ дѣтей королевы Гертвиги: Бонапартъ говоритъ ему: «*Shou-shou!* какую выучили ты новую басню?... прочитай ее намъ!»

Ребенокъ тотчасъ началъ:

*Les grenouilles se lassant
De l'état démocratique.
Par leurs clameurs firen' tant
Que Jupin leur envoie un roi tout pacifique.*

Снявъ позади новой голландской государыни, Наполеонъ, во слѣдъ одной изъ главнѣйшихъ статей устава своего о фамилярности, шпальнулъ ее за ухо: въ большомъ обществѣ не всегда является онъ человѣкомъ хорошаго общества.

Семнадцатаго іюля 1806 годъ, состоялся трактатъ о союзѣ между нѣмецкими государствами; четырнадцать нѣмецкихъ государей отдѣляются отъ Имперіи, соединяются между собою и съ Франціей; Наполеонъ принимаетъ титулъ повелителя этой конфедераціи.

Двадцатаго іюля подписана миръ Франціи съ Россіей; Францъ-Второй, въ слѣдствіе ринской конфедераціи, отказывается 6 августа отъ сана избирательнаго нѣмецкаго императора и становится наследственнымъ австрійскимъ императоромъ.

Въ началѣ нашихъ переворотовъ, въ Германіи считалось не-

жество государей. Два главных государства старались привлечь къ себѣ различныя власти: Австрія, создавая временемъ, Пруссія — человекомъ. Два исповѣданія дѣлились землями и, потѣсясь кое-какъ, усаживались на фундаментѣ вестфальскаго мира.

Германія мечтала о политическомъ единствѣ; но Германія, для достиженія самостоятельности, не доставало политическаго воспитанія, какъ Италия; для такой же самостоятельности, не доставало воспитанія военнаго. Германія съ своими древними преданіями, походила на готическіе соборы съ множествомъ башенъ и колоннъ, которыя грѣшатъ противъ правилъ искусства, по тѣмъ же не менѣе представляютъ величіе религіи и могущество вѣковъ.

Всѣмъ вѣроятнѣе хотѣлось! Около того времени выдумалъ Бонапартѣ собрать всемірный жидовскій кагалъ. Съ послѣдствія на послѣдствіе, воспослѣдовало изъ этого собранія то, что финансы міра тихонько перешли въ когти сыновъ Израиля, и въ общественной экономіи ово произвело пагубное превращеніе.

Маркизь Ладердель пріѣхалъ въ Парижъ заступить мѣсто Фокса въ переговорахъ, происходившихъ между Франціей и Англіей; дипломатическое пустословіе, кончившееся острою, сказанною англійскимъ посланникомъ о Таллейранѣ: «это грязь въ шелковомъ чулкѣ!»

Въ теченіи 1806 года вспыхиваетъ четвертая коалиція. Наполеонъ оставляетъ Сент-Клу, пріѣзжаетъ въ Майнцъ, захватываетъ въ Заальбургѣ непріятельскіе магазины; при Заальфельтѣ убить принца Фердинандъ Прусскій.

Въ прусскомъ бюллетенѣ выражено все это нѣсколькими словами: «Армія короля разбита. Король и его братья живы». Герцогъ Брауншвейгскій недолго пережилъ полученные раны: въ 1792 году его прокламація подняла Францію: бѣднымъ служакую встрѣтился я съ нимъ въ дорогѣ, когда спѣшилъ соединиться съ братьями Людовика Шестнадцатаго.

Принцу Орлеанскому, Молендорфу и многимъ генераламъ, заключеннымъ въ Галль, послѣ капитуляціи дозволяется выйти изъ крѣпости.

Осмысленнѣйшій Молендорфъ былъ сподвижникомъ Фридриха, который съ похвалою отзывается о немъ въ «Исторіи своего времени», а другой современный писатель говоритъ: «Онъ былъ свидетелемъ нашего торжества при Іенѣ и нашихъ бѣдъ при Росбахѣ. Герцогъ Брауншвейгскій выдѣлъ при Клостерфельдѣ умерщвленіе Ассаса, и при Ауэрштедтѣ паденіе Фердинанда Прусскаго, виновнаго только въ великодушномъ

негодования за убійство герцога Ангисвезаго, Эти призраки старинныхъ войскъ Ганновера и Силезіи коснулись ядору двухъ имперій: безсильныя тѣни прошедшаго не могли оставить хода будущаго: онѣ появились и исчезли въ дыму нашихъ старинныхъ палатокъ и новыхъ бивуаковъ.

Зрѣуртъ сдается на капитуляцію; Лейпцигъ взятъ Даву, переправы на Эльбѣ захвачены; Шпандау покоряется.

Штетинъ, Кюстринъ сдаются; новая побѣда въ Любекѣ; столица Вагріи взята приступомъ: Блюхеръ, который два раза долженъ былъ проникнуть въ Парижъ, — въ нашихъ рукахъ. Это повтореніе исторіи Голландіи и сорока шести городовъ, взятыхъ въ 1672 году въ одно путешествіе Людовикомъ Четырнадцатымъ.

Двадцать седьмаго ноября является берлинскій декретъ о континентальной системѣ, декретъ гигантскій, который имѣлъ цѣль изгнать Англію изъ предѣловъ политическаго міра и едва не исполнился. Декретъ этотъ казался безразсуднымъ, но былъ только огромнъ. Несмотря на то, если континентальная блокада съ одной стороны создала мануфактуры Франціи, Германіи, Швейцаріи и Италіи, съ другой она распространила торговлю англійскую по остальной части свѣта; стѣсняя правительства, участвовавшія въ нашемъ союзѣ, она вредила выгодамъ промышленности, возбуждала ненависть и содѣйствовала къ разрыву дружескихъ сношеній кабинета тюльрійскаго и санктпетербургскаго. По этому самому блокада была дѣломъ сомнительнымъ и Римлю никогда бы ея не предпринялъ.

Вскорѣ, вслѣдъ за прочими владѣніями Фридриха, Силезія возопилась французскими войсками. Война между Франціею и Пруссіею открылась 9 октября: въ семнадцать дней наши солдаты, какъ стаи хищныхъ птицъ, пролетѣли надъ долинами Франконіи, надъ водами Саалы и Эльбы; 6-го декабря они были уже за Вислой. Съ 29 ноября Мюрать съ гарнизономъ занималъ Варшаву. Курфюрстъ саксонскій присоединяется къ рейнскому союзу и обязуется выставить въ случаѣ войны двадцать тысячъ солдатъ.

Зима 1807 года отдаляетъ на время непріязненные дѣйствія между двумя имперіями: Россіею и Франціею. Звѣзда Бонапарта продолжаетъ еще подниматься. Седьмаго февраля онъ удерживаетъ за собою поле сраженія при Эйлау; одна изъ лучшихъ картинъ Гро, украшенная идеализированною головою Наполеона, изображаетъ это кровавое побоище. Послѣ пятидесяти однодневной осады Данцигъ открываетъ ворота маршалу Лессевру, который во все

это время Бонапартъ посылалъ артиллеристамъ: «Ничего не слышу; пробейте мнѣ только дзезку и я войду въ все». Старый сержантъ французской гвардіи сталъ гедорогомъ Данингскимъ.

Четырнадцатаго іюня 1807 года мы дорого заплатили за побѣду при Фриландѣ; мы нашли новаго врага—Русскихъ и ни одинъ успѣхъ не доставался намъ безъ страшнаго пролитія французской крови. Кенигсбергъ взятъ; въ Тильзитѣ заключено перемиріе.

На царюмъ свидѣлся Александръ и Наполеонъ. Участь міра шарила надъ Наманомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ позже она должна была совершиться.

Седьмаго іюля заключена миръ. Силезія возвращена Пруссіи, часть Польши отошла къ Саксоніи; Данцигу возстановлена независимость. Александръ призвалъ рейнскій союзъ и трехъ братьевъ Наполеона—Юсена, Людовика и Иеронима королями неаполитанскимъ, голландскимъ и вестфальскимъ.

Бѣдствіе, которымъ Бонапартъ угрожалъ королямъ, угрожадо ему самому; почти въ одно время онъ нападаетъ на Россію, Испанію и Римъ: эти три предпріятія погубили его. Въ «Веродекомъ кодексѣ», издаваемъ прежде этихъ «Записокъ», вы видите исторію заятія Испаніи Французами. 29 октября 1807 года подписанъ договоръ въ Фонтенблѣ. Жюно, прибывъ въ Португалію, объявилъ, что по декрету Наполеона, домъ брагандскій «пересталъ царствовать»; протоколъ принять; но извѣстно, что домъ этотъ царствуетъ еще до сихъ поръ. Въ Лиссабонѣ такъ хорошо знали о томъ, что происходитъ въ свѣтѣ, что Іоаннъ Второй узналъ объ этомъ декретѣ изъ «Монитера», который случайно попалъ ему въ руки, а между тѣмъ французскія войска находились въ трехъ переходахъ отъ столицы Лузитаніи. Двору не оставалось ничего болѣе, какъ искать убѣжища на моряхъ, которыя пріветствовали кораблю Гама и слышали пѣсни Камоэдса.

Въ то самое время, какъ Бонапартъ, на свою бѣду залѣлъ на сѣверъ Россію, на югъ поднялась зѣмба; взору представлялись другія области, другія сцены, солнце Андалузіи, пальмы Гвадалкиви прѣ, которыхъ съ оружіемъ въ рукахъ пріветствовали наши гренадеры, арена съ боемъ быковъ, горы съ полюбуженными гвердиями, монастыри—съ молящимися монахами.

Завладѣніе Испанією измѣнило духъ войны; Наполеонъ столкнулся съ своимъ злымъ гениемъ—Англією, которую онъ научилъ войнѣ: при Абукирѣ Англичане истребили флотъ Наполео-

онъ, оставовали его при Сентъ-Жанъ-д'Акръ, взяли при Тромалгаръ его послѣдніе корабли, принудили очистить Иберію, завадѣли южною частью Франціи до Гаронны и поджидали его при Ватерлоо.

По договору, заключенному 5 мая 1808 года въ Байоннѣ, именъ Карла Четвертаго, всѣ его права уступаются Наполеону: похищеніемъ испанскаго престола Бонапарте становится не больше, какъ итальянскій княземъ, по маркизельевому образцу; разность состоитъ только въ огромности предмета похищенія. Завлітіе полуострова уменьшаетъ его военныя силы противъ Россіи, съ которой онъ по видимому остается въ дружбѣ и союзѣ, но въ сердцѣ питая къ ней тайную ненависть. Наполеонъ въ прокламаціи къ Испанцамъ вырзился: «Ваша нація гибла; я увидѣлъ ваши бѣдствія и пособлю вамъ; я хочу, чтобы ваши позвѣднѣшіе потомки сохранили обо мнѣ воспоминаніе и сказали: «Онъ былъ преобразователемъ вашего отечества». Да, онъ точно былъ преобразователемъ Испаніи, но онъ худо понималъ то, что говорилъ.

Катехизисъ тогдашняго времени, сочиненный Испанцами, объясняетъ точный смыслъ предсказанія :

« Скажи, дитя мое, кто ты? — Испыпецъ, Божією милостью. — Кто врагъ нашего благосостоявія? — Императоръ Французовъ. Кто такіе Французы? — Христіане обратившіеся въ еретиковъ. »

Бонапарте, по паденіи, не двусмысленно осудилъ предпріятіе свое противъ Испаніи :

« Я дурно завязалъ это дѣло, говорилъ онъ, *впроломство было слишкомъ явное, несправедливость слишкомъ циническая, а все вообще гадко, потому что мнѣ не удалось; покушеніе представляется только въ постыдной наготѣ, лишенное всего величія и многочисленныхъ благодѣяній, которыя были цѣлью моихъ желаній.* Потомство однако жъ восхваляло бы моя намѣренія, если бы я только успѣлъ ихъ осуществить и, можетъ статься, весьма справедливо, судя по важнымъ и счастливымъ послѣдствіямъ, какія могли отъ того произойти. Но этотъ расчетъ погубилъ меня, потерялъ мое нравственное значеніе въ Европѣ, открылъ шлюу англійскимъ солдатамъ. Эта несчастная война съ Испанією востояная рана, черная причина бѣдствій Франціи. »

Это признаніе, выражаясь словами Наполеона, слишкомъ циническое; но не поддавшись обману: осуждая себя, Бонапарте хотѣлъ удалить отъ себя злоя замыселъ, чтобы покрыть безусловнымъ удивленіемъ всѣ прочія дѣйствія.

Послѣ неудачи при Байлестѣ, каботеты европейскіе, изумленные успѣхомъ Испанцевъ, просѣли за свое малодушіе. Велингтонъ въ первый разъ является на горизонтѣ въ ту минуту, какъ захватывается селадце; англійская армія высаживается 31 іюля 1808 года, близъ Лиссабона, а 30 августа французскія войска опиваются Лузитанію. Наполеонъ вызвалъ изъ Мадрита великаго герцога Бергскаго, брата Іосефа и зятя Іоахима; ему вздумалось поизвнать роли: онъ снялъ корону испанитанскую съ головы перваго и возложилъ ее на послѣдняго.

Въ Эрфуртѣ, 22 сентября Бонапарте далъ одно изъ послѣднихъ представленій своей славы. Сарай былъ обращенъ въ театральную залу; два кресла поставлены предъ оркестромъ для двухъ властителей, по правую и лѣвую сторонамъ стулья для монарховъ, сзади скамьи для принцевъ.

Лондонъ отклонилъ сдѣланныя предложенія мира, а вѣтскій кабинетъ тайно готовился къ войнѣ. Бонапарте, оставленный снова на произволъ его соображеній, 26 октября обратился къ законодательному сословію, съ слѣдующею деклараціею: «Въ Эрфуртѣ я имѣлъ свиданіе съ Императоромъ Всероссийскимъ и мы нераздѣльно соединились какъ для мира, такъ и для войны». Онъ прибавилъ: «Когда я появлюсь *по ту сторону* Пиренеевъ, утраченный леопардъ станетъ на океанѣ искать убѣжища отъ стыда, пораженія или смерти». А вмѣсто того леопардъ появился *по ту сторону* Пиренеевъ.

Наполеонъ, который вѣрить тому, чего желаетъ, думаетъ заваять Россіею черезъ четыре мѣсяца, довершивъ покореніе Испаніи. Въ этомъ предположеніи онъ вызываетъ изъ Саксоніи, Польши и Пруссіи осемьдесятъ тысячъ старыхъ солдатъ и идетъ съ ними въ Испанію, депутаціи Мадрита онъ говоритъ: «Ничто не въ состояніи замедлить исполненіе моей воли. Бурбоны не могутъ уже болѣе царствовать въ Европѣ; ни одна держава не можетъ существовать на материкѣ подлѣ вліяніемъ Англии».

Уже тридцать два года, какъ произнесено это предсказаніе, и взятіе Сарагоссы съ 21 февраля 1809 года возвѣстало освобожденіе вселенной.

Мужество французскихъ войскъ ни къ чему не послужило: вооружилась лѣса, кустарники превратились въ непріятеля. Дѣло при Байлестѣ, защищеніе Жироны и Сіудадъ-Родриго, были вѣстипками пробужденія націи. Изъ глубины Балтики,—Ла-Ромава снова вводитъ свои войска въ Испанію, какъ вѣкогда Франки съ Чернаго Моря торжествующими вышли на берегъ въ устьяхъ Рейна. Побѣдителя

лучшею арміею Европы, на предвѣдѣ кровей Испанковъ. А послѣднѣе это во Христово рать положила волею ушейку Машинъ старинъ солдатовъ: оне никакъ не ожидали вскрѣпить этихъ отщепенцевъ, которые какъ оклеветанные драконы сидѣли на пылающихъ бревнахъ зданій Сарагоссы, и зарылали штудера среди пламени, при ту какъ наводили, при пѣвѣмъ *Volens* и *genium*, обидѣи за убогихъ : развалины Сагуита радовались зрѣлищу. Но несмотря на то, тайна мавританскихъ дворцовъ, обращенныхъ въ христианскія базилики, была открыта; разоренныя церкви лишены образцовыхъ произведеній Веласкеса и Мурильо; часть остатковъ Родрига въ Бургосѣ расхищена. Французы такъ были открыты славой, что не устращивались возмутить противъ себя врагъ Сила, какъ не убоились прогнѣвить тѣмъ Кондѣ.

Когда на возвратномъ пути съ развалинъ Кароагена я проѣзжалъ Гесперию предъ вторженіемъ въ нее Французовъ, Невада находилась еще подъ защитою своихъ древнихъ обычаевъ. Эскуріаль въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ памятникѣ представлялъ всю суровость Кастиліи, это въ собраніи келій, построенныхъ Филиппомъ Вторымъ въ видѣ орудія для казни мучениковъ, въ память одного изъ нашихъ несчастій. Эскуріаль возвышался между черными горами. Эскуріаль заключалъ въ себѣ : гробницы королей, оны уже наполнены, другія ожидавшія своихъ обитателей; библиотеку, обтянутую паутиной, образцовыя произведенія Рафаэля въ пустой ризницѣ, покрытыя плѣсенью. Тысяча сто сорокъ оконъ, изъ которыхъ большая часть выбиты, выходили на ширмы пространства неба и земли: дворъ и келія іеронимитовъ заключали въ себѣ вѣкогда и любившихъ и разлюбившихъ жезлъ.

Подъ страшнаго зданія съ фасадомъ, напоминающимъ величїю, находились запустѣлый паркъ и село, въ которыхъ выдѣлываея трубы свѣдѣтельствовали о пребываніи згѣсь некогда человека. Степной Версаль населялся только во время случайныхъ прїѣздовъ короля. Ничто не можетъ быть величественнѣе этихъ священнымъ мрачныхъ зданій, гордыхъ, непоколебимыхъ въ вѣрѣ, безмолвныхъ свидѣтелей прошедшаго; иеодолчимъ сна приковывала мои взоры къ священнымъ столпамъ, этичъ окнамъ, вышнимъ отшельникамъ, которые на головѣ своей держали вѣру.

Простѣте, монастыри, на которые бросилъ я взоръ къ долинахъ Сьерра Невады, и на прибрежьяхъ морей Мурсіи! Тамъ при недальномъ звонѣ колокола, который скоро перестанетъ звѣнѣть, надъ упавшимъ аркадами, между келій, безъ отшельничества, между бездольныхъ гробницъ, между мертвыхъ тѣлъ;

чаша; въ опустѣлыхъ трапезахъ, на безлюдныхъ площадкахъ, гдѣ Бруно оставилъ свое безполюе, Францискъ свои евангелии, Доминикъ свой факелъ, Карлъ свою корону, Игнатій свой мечъ, Риксе своею маслинку; тамъ, у алтаря угасающей вѣры, люди предавали презирать время и жизнь, и если мечтали еще о страстяхъ, то ваше уединеніе придавало имъ что-то такое, что согласовалось съ суетностью мечтаний.

Символъ эти печальныя сооруженія видѣлась тѣнь чернаго челоука; то была тѣнь Филиппа-Второго, ихъ изобрѣтателя.

Бонапарте вошелъ въ это время въ орбиту того, что астрологи называютъ *поперечною планетою*: та же поитика, которая утѣкала его въ васальную Испанію, волновала и покорную Испанію. Какую пользу приносила ему ссора съ духовенствомъ? Первосвященникъ, епископы, священники, самый католикъ не гремѣли ли похвалою его владычеству? Не довольно ли проповѣдывали они повиновеніе? Уже ли ему мѣшали слабыя римскія владычія, уменьшенныя на половину? Не располагалъ ли онъ ими по своему произволу? Не лишился ли самый Римъ всѣхъ своихъ образцовыхъ произведеній и сокровищъ? ему оставался одинъ развалины.

Ужъ не боялся ли Наполеонъ нравственнаго и религіознаго могущества папскаго престола? Но гоненіемъ на папство не увеличивалъ ли онъ этого могущества? Покорный ему преeminиѣ святаго Петра, не была ли бы полезнѣе, когда бы онъ шелъ объ руку съ повелителемъ, вѣсто того, чтобы находиться въ необходимости защищаться противъ притѣснителя? Что же побуждало Бонапарта? Злая сторона его генія — невозможность оставаться въ покоѣ: когда этотъ вѣчный игрокъ не ставилъ на карту государствъ, то ставилъ на нее фантазію.

Правдоподобно, что въ основѣ этихъ смеленій лежала жажда владычества, или какія нибудь историческія воспоминанія, которыя къ превратномъ видѣ вошли ему въ голову и были непримѣнны къ вѣку. Всякая власть, которая не принадлежала лицу императора, казалась ему похищеніемъ. Россія и Англія увеличивали въ немъ жажду преобладанія, одна своимъ самодержавіемъ, другая умственнымъ первенствомъ. Онъ припоминалъ времена, когда папы имѣли пребываніе въ Авиньонѣ и Франція заключала въ своихъ предѣлахъ источникъ религіознаго владычества: папа, получающій содержаніе по смѣтѣ расходовъ французск. имперіи, былъ для него обворожительною мечтой. Онъ не замѣчалъ, что, притѣсняя Пія-Седьмого на-

храбро, поддерживался непреклоннѣе въ неблагодарности, онъ въ глазахъ католическихъ народовъ утрачивалъ славу возставителя религіи; въ этой борьбѣ ему доставалось на долю только послѣднее облаченіе драглаго священника и честь просить тюремнымъ сторожемъ умирающаго старца. Но Наполеону не замѣнно хотѣлось имѣть *Тибрскій департаментъ*; кажется, будто завоеваніе неполно, пока не взятъ вѣчный городъ: Римъ всегда будетъ великою брашною добычею завоевателя мира.

Когда Пій-Седьмой поназалъ Наполеона, и готовился возвратиться въ Римъ, ему дали почувствовать, что его можно задержать въ Парижѣ. «Все предусмотрено, отвѣчалъ первосвященникъ; ю отвѣзда еще изъ Италіи, я подписалъ формальное отрѣченіе; оно находится у кардинала Пиньятелли, въ Палермо, внѣ предѣловъ власти Французовъ. Выѣсто папы, у васъ останется въ рукахъ монахъ Варнава Кьяранотти».

Первымъ предлогомъ къ ссорѣ со стороны искателя ссоры, было данное нами Англичанамъ,—съ которыми первосвященникъ былъ въ мирныхъ отношеніяхъ,—дозволеніе на вѣздъ въ Римъ, наравнѣ съ прочими иностранцами. Къ этому присоединилось другое обстоятельство: Иеронимъ-Бонапарте въ Соединенныхъ Штатахъ вступилъ въ бракъ съ модоазель Патерсонъ; Наполеону союзъ этотъ не понравился. Супруга Иеронима Бонапарта, близкая къ разрѣшенію отъ бремени, не могла высалиться во Францію и принуждена была пристать къ Англіи. Бонапарте хотѣлъ, чтобъ бракъ этотъ былъ расторгнутъ въ Римѣ: Пій-Седьмой не соглашается на это, не находя никакой законной причины къ разводу, несмотря на то, что онъ заключенъ между католичкою и протестанткою. Кто жъ защищалъ права справедливости, свободы и вѣры: папа или императоръ? Послѣдній кричалъ: «Какъ, въ одно время со мною существуетъ папа, который сильнѣе меня; онъ царствуетъ надъ духомъ, тогда какъ я царствую только надъ веществомъ; папы берутъ себѣ душу, а мы бросимъ персть». Отличите коварство Наполеона въ отношеніяхъ между этими двумя человѣками, изъ которыхъ одинъ стоитъ на свѣжихъ развалинахъ, а другой сидитъ на старыхъ, и въ основѣ останется необычайное величіе.

Делема, отправленная изъ Испаніи, съ театра разрушенія поднимается къ трагическому комическое; воображаешь, что видишь сцену изъ Шекспира: повелитель мира предписываетъ своему министру иностранныхъ дѣлъ послать въ Римъ декларацию таку, что онъ, Наполеонъ, не приметъ свѣтъ, которыя будутъ

оповещены въ день Свѣтлинъ; что король испанскій, Доскетъ, также ихъ не хотеть; король испанолитанскій и голландскій Иоакимъ и Людовикъ равнобѣрно должны отвергнуть означенныя свѣчи.

Потомъ Бонапарте, шагнувъ изъ Мадрита въ Вѣну, снова принимается за роль истребителя, и декретомъ 17 мая 1809 года присоединяетъ Церковныя области къ Французской имперіи, объявляетъ Римъ свободнымъ имперскимъ городомъ и назначаетъ комиссію для принятія ихъ во владѣніе.

Папа, лишенный владѣній, еще противустоялъ въ Кирриалтѣ; онъ повелѣвалъ еще оставшимися преданными ему властямъ, частью своей швейцарской гвардіи; это, казалось, слишкомъ много; наобно было найти предлогъ къ послѣдней насмѣлкѣ; онъ представился въ смѣшномъ обстоятельствѣ, которое между-тѣмъ выражало простодушное доказательство привязанности: тибрскіе рыболовы поймали осетра и хотѣли поднести его папѣ; тотчасъ французскіе агенты подняли тревогу: *бунтъ, бунтъ!* и послѣдній остатокъ папскаго правительства уничтожился. Громъ пушки съ замка Святаго-Ангела возвѣстилъ паденіе свѣтской власти первосвященника. Спущенный папскій флагъ уступилъ мѣсто трехцвѣтному знамени, которое во всѣхъ частяхъ свѣта было вѣстникомъ славы и разрушенія. Надъ Римомъ пронеслось и нечелю много бурь: онѣ приподняли только пылъ съ ветхой главы его.

Кардиналъ Пакка, одинъ изъ преемниковъ Коссаляви, прибѣжалъ къ святому отцу. Оба вскричали: «*Consummatum est!*»

Шлемяникъ кардинала, Тиберій Пакка, принесъ печатный экземпляръ императорскаго декрета; кардиналъ взялъ декретъ, подошелъ къ окну, въ которое, сквозь запертыя ставни, проникалъ слабый свѣтъ, и хотѣлъ прочесть бумагу; видя въ аѣсколькихъ шагахъ отъ себя несчастнаго первосвященника и слыша нущечный громъ императорскаго торжества, онъ едва могъ разобрать ее. Два старца, во мракѣ римскаго дворца, боролись одни съ могуществомъ, подавлявшимъ міръ; старость придавала нчъ силу: человекъ, готовясь къ смерти, непобѣднчъ.

Сначала папа подписалъ торжественный протестъ; но прежде подписанія давно заготовленной буллы объ отлученіи отъ Церкви, онъ спросилъ кардинала Пакку: «А что бы вы сдѣлали?» — «Поднимите глаза къ небу», отвѣчалъ кардиналъ, «потомъ приказывайте: что выйдеть изъ устъ вашихъ, будетъ Божьей волею». Папа поднялъ глаза, подписалъ и вскричалъ: «Обнародуйте буллу».

Мегакчи выставилъ перья объявленія буллы у дверей трехъ

Святыхъ Петра, Свѣтлой Маріи и Свѣтлаго Юліана Іерусалимскаго. Объявленіе было сорвано и генералъ Міолли отправилъ его къ Императору.

Отлученію отъ церкви могла придать прежнюю силу только добродѣтель Пис-Сельмаго; у древнихъ самою грозною моліею считалась та, которая показывалась на ясномъ небѣ. Но характеръ буллы былъ не советивъ тверды: Наполеонъ, исключенный въ число разрушителей Церкви, не былъ названъ въ ней по имени. То было время ослепеній; робкіе, съ спокойною совѣстью укрѣдись подъ это отсутствіе именнаго отлученія. Приходилось бороться громами, отвѣчать трупомъ на трупъ; если папа рѣшился не защищаться, то ему слѣдовало прекратить богослуженіе, закрыть двери храмовъ, воспретить священникамъ отправленіе требъ. Будь эта мѣра согласна съ духомъ вѣка или нѣтъ, полезно было испытать ее: Григорій Седьмой не преминулъ бы привести ее въ дѣйствіе. Если, съ одной стороны, въ народѣ не было достаточно вѣры, чтобы поддержать отлученіе, съ другой, онъ недовольно было для того, чтобы Бонапарте, по призыву Генриха Осьмаго, провозгласилъ себя главою отдѣльной Церкви. Императоръ, при совершенномъ отлученіи, увидѣлъ бы себя въ запутанныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ; неслѣдуетъ запереть храмы, но не можетъ отпереть ихъ. Никогда противъ Наполеона не употребляли всѣхъ мѣръ, какія можно было принять.

Семидесятилѣтній первосвященникъ, несмотря, что не имѣлъ ни одного солдата, держалъ однако имперію въ страхѣ. Мюратъ отправилъ семь сотъ Неаполитанцевъ къ Міолли, виновнику предательства въ честь Виргиніи въ Мантуѣ. Генералу Раде, который находился въ Римѣ, поручено было схватить папу и кардинала Пакку. Приняты были военныя предосторожности, розданы въ величайшей тайнѣ повелѣнія, ни дать ни взять какъ въ Вароламееву ночь: когда пробьетъ часъ по полуночи и Каврипаль, собранныя войска безъ шума и съ твердымъ духомъ должны взять приступомъ темницу двухъ престарѣлыхъ священниковъ.

Въ назначенный часъ генералъ Раде вторгся во дворъ Каврипала, чрезъ большой входъ; полковникъ Спри, который впереди прокрался во дворецъ, изнутри отперъ ему двери. Генералъ вошелъ въ апартаменты и, достигнувъ залы священній, встрѣтить тамъ швейцарскую гвардію изъ сорока человѣкъ; гвардія, которой дано было приказаніе не выдѣлывать къ оружію, не вы-

зала на малѣйшаго сопротивленія: папа поручилъ себя защитѣ одного Бога.

Окна дворца, обращенныя на улицу, ведущую къ Порта-Пиа, выломлены были топорами. Папа, въ простомъ облаченіи, былъ въ приемной залѣ съ кардиналомъ Паккой, кардиналомъ Депою, нѣсколькими прелатами и чиновниками секретаріата. Онъ сидѣлъ у стола между двумя кардиналами. Входятъ Раде; обѣ стороны хранятъ молчаніе. Наконецъ Раде, блѣдный и смущенный, начинаетъ говорить: онъ объявляетъ Пію-Седьмому, что онъ долженъ отрѣчься отъ свѣтской власти надъ Римомъ и что, если его святѣйшество не согласится повиноваться, то онъ имѣетъ повелѣніе отвести его къ генералу Миолли.

Папа отвѣчалъ, что если клятва въ вѣрности обязываетъ генерала Раде повиноваться повелѣніямъ Бонапарта, то тѣмъ болѣе Пію-Седьмой обязанъ сдержатъ клятву, данную при принятіи тиары: папа не можетъ ни уступить, ни оставить Церковную область, которая ему не принадлежитъ, а вѣрена только для управленія.

На вопросъ папы, должно ли ему отправиться одному, генералъ отвѣчалъ: «ваше святѣйшество можете взять съ собою своего министра». Пакка побѣжалъ въ сосѣднюю комнату, чтобы надѣть кардинальское платье.

Пію-Седьмой, кроткій и великодушный, не показалъ ни человѣческой отваги, ни мірской гордости; испытанія, которымъ онъ подвергался, походили на испытанія, перенесенныя Піемъ-Шестымъ. Два сочтенные папы, непосредственные преемники одинъ другаго, стали жертвою нашихъ революцій; оба влечены были во Франціи *путемъ скорби*; одинъ осьмидесяти-двухъ-лѣтній старецъ, испустилъ духъ въ Валенсін; другой, семидесятилѣтній, претерпѣлъ узничество въ Фонтенбло. Казалось, Пію-Седьмой былъ призракомъ Пія-Шестаго, и шелъ его же путемъ.

Когда Пакка возвратился въ кардинальскомъ облаченіи, онъ нашелъ своего августѣйшаго владыку уже въ рукахъ сбировъ и жандармовъ, которые принуждали его сходить съ лѣстницы по обломкамъ выбитыхъ дверей. Пію-Шестой, похищенный изъ Ватикана 20 февраля 1800 года, за три часа до захожденія солнца, покинулъ міръ дивныхъ произведеній искусства, который, казалось, со слезами разставался съ нимъ, и вышелъ изъ Рима при шумѣ фонтановъ площади Святаго-Петра, чрезъ Ангельскіе ворота. Пію-Седьмой, похищенный изъ Квиринала 16 іюля на разсвѣтѣ, вы-

шелъ чрезъ Порта-Ниа, онъ обогнулъ стѣны до воротъ Народа. Чрезъ Порта-Ниа; гдѣ я такъ часто прогуливался одинъ, вошелъ некогда въ Римъ Аларикъ Слѣдуя по дорогѣ, гдѣ проходилъ Пій-Седьмой, я видѣлъ со стороны виллы Боргезе одну сторону Равазала, а со стороны горъ Пинчю одну убѣжища Клода-Леррена и Пуссена. Чудныя воспоминанія красоты женщинъ и Рима, воспоминанія генія искусствъ, которыми покровительствовала папская власть, и которыя могли усладить горестъ государя, лишеннаго престола и свободы.

У Пія-Седьмаго, при отъѣздѣ его изъ Рима, было въ карманѣ одно раретто въ двадцать два су, точно какъ солдату дается на пяти су на дневной переходъ; а между тѣмъ онъ возвратилъ Ватиканъ. У Бонапарта, въ эпоху блистательныхъ подвиговъ генерала Раде, были руки полны королевствъ: и что жъ ему осталось? Раде напечаталъ реляцію своихъ подвиговъ; онъ изобразилъ ихъ на картинѣ, которую оставилъ семейству: вотъ до какой степени искажены въ умахъ понятія чести и правоты.

Во дворѣ Квиринала папа встрѣтилъ притѣснителей своихъ Неаполитанцевъ; онъ благословилъ ихъ, какъ и весь городъ: это авостольское благословіе, сопутствующее и счастью и несчастью, придаетъ особый характеръ событіямъ жизни этихъ государей первосвященниковъ, которые ни въ чемъ не похожи на другихъ государей.

За воротами Народа, Пія-Седьмаго ожидалъ экипажъ, запряженный почтовыми лошадьми. Шторы экипажа съ той стороны, куда долженъ былъ съѣсть папа, прибиты были гвоздями; когда онъ вошелъ въ него, дверцы заперли на замокъ, в Раде положилъ ключи къ себѣ въ карманъ; начальникъ жандармовъ сопровождалъ папу до одного монастыря во Флоренціи.

Въ Монтеросси, у многихъ дверей домовъ стояли женщины и плакали: генералъ попросилъ его святѣйшество опустить завѣски въ экипажъ, чтобъ его не видали. Жаръ былъ нестерпимый. Подъ вечеръ Пій спросилъ напитокъ; квартирмейстеръ Кардани налилъ бутылку воды изъ мутнаго ручья, который протекалъ по дорогѣ; Пій Седьмой напился съ удовольствіемъ. На горѣ Радигофани папа вошелъ въ одну бѣдную гостиницу; платье на немъ было все въ поту и не чѣмъ было его замѣнить; Папа помогалъ служанкѣ приготовить постель для его святѣйшества. На другой день папа встрѣтилъ поселянъ и сказалъ имъ:

«Будьте тверды и молитесь». Проѣхали Сиенну; достигли Флоренціи; одно колесо у экипажа сломалось; растроганный народъ

вскричалъ: «Santo Padre! Santo Padre!» Папу вытащили изъ опрокинутой кареты въ дверцы. Одинъ надалъ къ его ногамъ, другіе прикасались къ его одеждѣ.

Наконецъ экипажъ исправили и папа побѣжалъ въ монастырь; въ этомъ уединеніи онъ наслаждался то же ложе, которое десять лѣтъ назадъ занималъ Пій-Шестой. Монастырь находится въ окрестностяхъ Валломброзы; чрезъ сосновые лѣса дорога идетъ въ Камалдулы, и оттуда черезъ скалы, до вершины Аппенинскихъ горъ, которыя смотрятъ на два моря. Внезапно пришло приказаніе везти Пія-Седьмого въ Алессандрію; онъ успѣлъ только спросить у настоятеля молитвенникъ; Папа растался съ своимъ владыкой.

На пути изъ монастыря въ Алессандрію, со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ; узнику бросали цвѣты, подавали воды, предлагали плодовъ; поселяне вызывались освободить его и говорили ему: «Vuole dio». Одинъ набожный воръ укралъ у него для спасенія души булавку.

Въ трехъ миляхъ отъ Генуи, папу перенесли къ берегу моря на носилкахъ, и отсюда перевезли въ фелукъ на другой конецъ города. По дорогѣ, ведущей изъ Алессандріи въ Мондови, Пій достигъ первой французской деревни; его встрѣтили съ религиозною прекрепностью; онъ говорилъ: «Уже ли Богъ велѣлъ намъ оставаться безчувственными къ этимъ знакамъ любви?»

Испанцы, взятые въ плѣнъ при Сарогоссѣ, содержались въ Греноблѣ подобно европейскимъ гарнизонамъ, забытымъ на какихъ нибудь индѣйскихъ горахъ; они пѣли ночью, оглашая чужбину пѣснями отечества. Вдругъ появляется папа; плѣнные бросаются на встрѣчу угнетеннаго, падаютъ на колѣни; папа Пій-Седьмой почти весь высовывается въ дверцы, простираетъ ислудалыя, трепещущія руки надъ этими воинами, защищавшими свободу Испаніи мечомъ, какъ онъ защищалъ свободу Италіи — въ рою; оба меча скрещаются надъ головами героевъ.

НОВОСТИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЦЕНЫ.

Италіанская опера и балетъ. — Гриси, Маріо, Демерикъ, Тамбурини, Колетти, Фреңцоллинъ, Корбаръ, Фавни-Эльслеръ. — Театръ драматическій.

Въ старину, въ исходѣ прошедшаго столѣтія, важные педагогъ, отцы нашего краснорѣчія, говорили свои ученикамъ:

«намѣреваясь приступить къ изложенію какого-либо предмета, не обращайтесь непосредственно къ настоящему его состоянію, но поясните предварительно его происхождение, дальнѣйшій ходъ и постепенное развитіе!» Теперь въ модѣ смѣяться надъ всѣми старыми литературными теоріями; тѣмъ-не-менѣе, не слишкомъ давно, во времена, памятыя еще каждому, во второй четверти нынѣшняго столѣтія, покойные московскіе критики неотступно слѣдовали вышеприведенному совѣту. Обыкновенно, свои разсужденія они начинали съ *самаго начала*, съ довременнаго хаоса, и, для симметріи, кончали тѣмъ же, если только имъ удавалось кончать.... Въ тридцатыхъ годахъ, въ вѣкоторомъ журналѣ, рожденномъ на живописныхъ берегахъ Яузы или Неглиновой, возмѣрились постоянно помѣщать статьи о современной драматической литературѣ русской. Собрали множество матеріаловъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Статья первая — вступительная — посвящена была Этрускамъ, на томъ основаніи, что ихъ названіе актера — *histrio* — сохранилось въ новыхъ языкахъ. Въ статіи второй зашли театромъ Грековъ, подъ открытымъ небомъ, и кровавыми зрѣлищами Римлянъ, при чемъ неоспоримо доказали, что трагедія — такая неучтивость! — произошла отъ козла, а комедія отъ дрождей. Въ третьей, благополучно миновавъ варварскіе средніе вѣки, обратились къ возрожденію театра въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, и въ то самое время, когда, въ слѣдующемъ номерѣ обѣщаны были незабвенныя кіевскія нистеріи, родоначальницы сценическихъ представленій въ Россіи, журналъ — такое горе! — внезапно прекратился, по недостатку подписчиковъ, немилосердо зѣвавшихъ, потому-что все это смертельно надоѣло имъ еще на школьныхъ скамьяхъ....

Послѣ столь печальнаго опыта, — конецъ всѣхъ концовъ! — сравнительно безопаснѣе начинать съ конца, то есть съ настоящаго... и тѣмъ уважителнѣе, что нечего сказать новаго обо всемъ старомъ, — работа, похожая на приготовленіе праздничнаго платья во-кошпикамъ.... Со времени водворенія у насъ въ послѣдніе годы италіевской оперы, съ знаменитѣйшими пѣвцами и пѣвицами, и появленія въ балетѣ, сперва Маріи Тальони, а потомъ Фаины Эльслеръ, театральные рецензенты исчерпали уже всю исторію и теорію пѣнія и танцевъ. Сказано обо всемъ, что было и чего не было, отъ *непогрѣшительнаго* указанія мѣста, дня, часа и минуты, гдѣ и когда, въ глубокой древности, началось то и другое искусство, до послѣдняго, самовольнѣйшаго прыжка и до, удачливѣйшей воти въ Мейерберовомъ «Пророкѣ». Представлялся только единствен-

ный выходъ изъ этой бездны премудрости, и ничъ воплѣвъ воспользовались: вовсе перестали читать высокоученныя статьи, въ которыхъ не сумѣли сжалиться даже нацъ знаменитую гостью нашей, Гриси, печатно возвѣщая, будто-бы «впечатлѣннѣ», «производимое ея голосомъ», можно сравнить съ звукомъ кларнета, стволъ котораго *наполняется полнымъ столбомъ воздуха*. Меломаны готовы были прѣйти въ отчаяннѣ, но, по счастью, гонерическое извѣстнѣ оказалось ложнымъ «слухомъ», акустическимъ обманомъ, введшимъ въ заблужденнѣ неизвѣстнаго сочинителя....

И такъ, исходною точкою возникающей театральнѣ лѣтописи будетъ минувшая осень, на зло педантамъ, утверждающимъ, что театральнѣ годъ начинается у насъ съ открытнѣ спектаклей послѣ Великаго поста — весной, когда не до того, не до искусственныхъ зрѣлищъ, когда сама природа открываетъ свое великолѣпное зрѣлище — въ Лѣтнемъ саду съ обнаженными деревьями и на дачахъ съ сквознымъ вѣтромъ, изъ чего, какъ извѣстно, драматическое искусство выиграло только одно произведеннѣ, только одинъ остроумный водевилъ П. А. Каратыгина: «Петербургскнѣ дачнѣ»....

Но всѣ остроумныя водевилы, раздирательныя драмы, извѣтныя комеднѣ (о трагеднѣхъ не говоримъ: онѣ теперь въ большѣмъ пренебреженнѣ), были мгновенно забыты и стали анахронизмомъ; едва лишь театральныя афнѣши, въ октябрѣ уже воспарившаго въ вѣчность 1849 года, объявляя о первыхъ дебютахъ Марнѣ и Гриси, двухъ европейскнѣхъ знаменитостей, сопровождаемыхъ ураганомъ славы и немолкающимъ эхомъ рукоплесканнѣй, которое, при содѣйствнѣ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и сорѣкъ-газетъ, легко перелетаетъ черезъ моря и горы. Откуда не взяли услужливые Плутархи, и восторженныиъ перомъ начертали вдохновенныя жизнеописаннѣя пернѣй изъ современныхъ драматическихъ пѣвнѣцъ и лучшаго послѣ Рубиннѣ тенора. Программа была готовая, потому-что бнѣографнѣ оперныхъ артистовъ похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды, и оттого, вѣроятно, неизбѣжно водянисты. Общая родина этихъ волшебляковъ и волшебницъ, огляшающихъ мнѣръ своимнѣ соловьинымнѣ трелями, — почти всегда Италия, благословенная страна классическихъ красотъ природы и искусства, гевнѣевъ и ладзароннѣй, меценатовъ и бандитовъ, мелодическихъ звуковъ и гармоннѣй. За исключеннѣемъ дисгармоннѣй и фальшей политическихъ. Но «въ своемъ городѣ никто пророкомъ не бывзетъ»; послѣ двухъ

тредъ дебатовъ на речяхъ, золотыя горышки адыхаетъ между чужбины, куренію похвалъ и еще кой-какія освятительнѣя вещества житейской атмосферы. Дарованія исключительна, завидна, она не боится противодѣствія.... негодъ, и востановится критикомъ, которая вредить имъ не можетъ, если бъ и хотѣла, потому-что къ дѣлу — дѣло гласное, производимое со ссудливаніемъ, передъ лицомъ тысячи слушателей и публичнѣйшихъ судей, устранившее возможность недобросовѣстныхъ притворствъ. Вѣна, Парижъ, Лондонъ утверждаютъ авторитеты счастливыхъ и достойныхъ, и наконецъ неохотно уступаютъ ихъ музыкальному Петербургу, гдѣ недавно Рубини дѣлалъ свою лебединую пѣсню, и гдѣ теперь составъ италіиеской оперы едва ли не коралъ въ Европѣ....

Такова или почти такова біографія и нашихъ новыхъ гостей....

Джулія Гривъ родилась въ Миланѣ.... Плутархи, считавшіе только, какъ в слѣдуетъ, торжества ея, не означили обстоятельно день и годъ рожденія будущей знаменитой примадонны; но, въ комыбели, родителя и не предназначали ее для сцены. Дочь кажевернаго офицера, вмѣстѣ съ старшею своею сестрою, Джулеттою, она скромно воспитывалась въ стѣнахъ монастыря, въ Греціѣ. Въ петинныхъ талантахъ, созданныхъ для артистическаго поприща, врожденныхъ наклонности (единогласно свидѣтельствуютъ все Плутархи) обнаруживаются въ дѣтствѣ. Такъ и девятилѣтняя Джулетта игрою на церковномъ органѣ впервые проявила свои музыкальныя способности. Скоро она возвратилась въ Миланъ, слѣдуя за сестрою, помѣщенною въ тамошнюю консерваторію, и, съ необыкновенною вѣрностію, напѣвала слышанное на ея ренетиціяхъ. Такая тонкость слуха и гибкость памяти подали поводъ къ намѣренію серьезно заняться музыкальнымъ образованіемъ младшей сестры. Семейныя обстоятельства измѣнились, и, при разстроенномъ состояніи родителей, нельзя было долѣе удерживать врожденнаго влеченія юныхъ артистокъ къ сценѣ, долженствовавшей приготовить имъ вѣдѣннѣйшее наследіе. Джулетту стала обучать пѣнію. Неразлучная слушница сестры, она потомъ отправилась съ нею въ Вѣну, оттуда въ Неаполь, Флоренцію и Болонью. Въ послѣднемъ городѣ композиторы Марліани и Гульельми приняли на себя трудъ систематическаго усовершенствованія прелестьнаго дарованія, которое быстро достигало совершеннѣйшихъ условій сладостнаго искусства. Послѣ немногихъ уроковъ, младшая Гривъ успѣшно дебютировала въ

Россиниевой «Зельмиръ», снова побывала во Флоренціи, и во второй раз воротилась въ родной Миланъ, гдѣ Беллини писалъ тогда «Норму». Гремѣвшей въ то время славою пѣвицы, Пастѣ, отдана была первая роль этой оперы; вторую, Адальгизы, овладѣла молодая Джулія.... Лакарн, импрессарій театра «дела-Скала», нигомъ смекнулъ, какую выгоду можно извлечь изъ «Адальгизы», восхищенной ареопагъ миланскихъ пѣвителей, и заключилъ съ нею такой роскошный контрактъ, что она, въ буквальный смыслъ, принуждена была *блѣзнуть* отъ этого щедрого покровителя... Долго не могли провѣдать, куда скрылась Джулія... Волею-неволею разставшись съ Миланомъ и Беллини, она нашла въ Парижѣ другаго не менѣе известнаго маэстро: здѣсь Россини довершилъ ея образованіе; здѣсь ожидало ея громкое торжество, не смущаемое свѣжими воспоминаніями о Зонтагъ и Малибранъ, предшествовавшихъ ея на тамошней италіанской сценѣ.... Обѣ сестры, Джулита и Джулиетта, равно прекрасныя, оживили эту осиротѣвшую сцену въ 1832 году, когда младшей только-что минуло осемнадцать лѣтъ. Не желая соперничать, онѣ наконецъ дружески разлучились: старшая уѣхала въ Римъ, Джулія приводила въ восторгъ Парижанъ, побѣдоносно выдерживая состязаніе съ избраннѣйшими того времени пѣвицами, которыя тщетно оспаривали у ней первенство. Парижскіе фельетонисты, прозою и стихами, истощались въ похвалахъ ея разнообразному таланту, однаково способному и къ живымъ, затѣйливымъ фюртурамъ, и къ выраженіямъ пламеннѣйшей страсти, однаково обязательному и въ изліяніяхъ гнѣва или мести, и въ простодушныхъ, наивныхъ роляхъ. Въ «Сомнамбулѣ», «Лукреціи», «Аннѣ Боленъ» — вездѣ исполнена она какой-то вдохновенной истинны и силы, заставляющихъ забывать жрицу искусства, покоряющихъ слухъ, воображеніе и чувство. Моцартъ, Меркадате, Паччини, Доницетти глубоко изучены ею. «Браво», «Пуритане», Маріино Фаліеро», «Донъ Паскуале» и другія произведенія первыхъ композиторовъ нарочно для нея написаны. Семнадцать лѣтъ непрерывно дѣлились ею Парижъ и Лондонъ: теперь она нераздѣльно принадлежитъ Петербургу, меломаны не дѣлятся при ней на партіи, составляя ея единственную партію и напѣвая всѣ ея очаровательныя партіи....

И главнѣйшія обстоятельства артистическаго поприща Маріо немного выходятъ изъ обыкновенной рамки вышесказанныхъ біографій, разнясь только генеалогическими украшеніями. Потомокъ благородной фамиліи Піемонта, сынъ генерала, паредворца въ Туринѣ, губернатора въ Генуѣ и Нидцѣ, Маріо, пажъ короля,

воспитывался въ туринской академіи, не пѣнія, а военной, учился въ ней, между прочимъ, драться ва рапирхъ, и вышелъ бравымъ поручикомъ: но природа и призваніе сказывалось въ молодомъ воинѣ еще до выпуска его изъ училища, и часто прелестнымъ пѣніемъ онъ развлекалъ однообразіе полковой жизни своихъ товарищей, которые любили прислушиваться къ его чистому, звучному, меланхолическому голосу. Долговременный марш не сулилъ Маріо повышенія въ чинѣ и блистательной карьеры; онъ скучалъ бездѣйствіемъ и пустился путешествовать; страстіи привели его въ Парижъ, общую въ то время пристань всѣхъ туристовъ и искателей счастья. Мы забыли сказать, что онъ родился въ 1816 году, въ Калиари. Двадцати-двухъ-лѣтній юноша, одаренный самою счастливою наружностью, по прибытіи въ Парижъ, впрочемъ, не имѣлъ еще твердаго намѣренія вступить на сцену, и пѣлъ, какъ любитель, въ частныхъ домахъ. О немъ заговорили. Дирекція Большой Французской Оперы не оставила безъ вниманія этотъ одобрятельный гдворъ и сдѣлала предмету его искусительныя предложенія. Борясь между желаніемъ отца, требовавшимъ, чтобъ онъ не оставлялъ почетнаго званія, приличнаго его происхожденію, и неодолимою страстію, Маріо долго колебался и, наконецъ, рѣшился принести первое въ жертву послѣдней. Однакожъ, въ распоряженіи молодого артиста былъ, покаместъ, только одинъ природный матеріалъ — его голосъ. И драгоценнѣйшіе алмазы подлежатъ искусственной обработкѣ; а тутъ представлялось еще довольно важное затрудненіе — италіанское произношеніе, когда надобно было пѣть по-французски. Мишлѣ пособилъ этому маленькому горю; наставленіями въ собственной вокализаци, со всѣми утонченностями науки, занялся Бордонья, а Поншаръ указывалъ Маріо драматическія стороны искусства, соединяющія въ пѣвцѣ достоинства актера, доставляющія игрѣ его жизни и одушевленіе. Въ теченіе года, всѣ препятствія, въ томъ числѣ и робость пѣвца, слѣдствіе похвальной недовѣрчивости къ своимъ силамъ, были побѣждены. Строгий судъ опытныхъ артистовъ, собравшихся у Верона, и потомъ генеральная репетиція, устранили всякое сомнѣніе въ блистательномъ успѣхѣ, и вотъ, ровно десять лѣтъ тому, именно 1 декабря 1839 года, несмотря на сопротивленіе родныхъ, напрасно убѣждавшихъ Маріо не являться на сцену, онъ предсталъ, въ «Робертѣ» суду самой публики, избравшейшей и взыскательнѣйшей публики тогдашняго Парижа. Жребій былъ брошенъ; трудное испытаніе выиграно съ полнымъ тор-

жествомъ, возвышеннымъ и прославленнымъ современными фелетопами, которые, по заказу дирекціи Большой Французской Оперы, еще за нѣсколько мѣсяцевъ до дебюта Маріо возбуждали всеобщій интересъ и любопытство разсказами о новомъ высокому дарованіи. «Гугеноты», «Графъ Ори», «Вильгельмъ Телль», данный въ бенефисъ дебютанта, разнесли по свѣту имя сладкозвучнаго тенора...

Въ 1840 году, лѣтомъ, виднѣвъ Маріо уже въ Лондонѣ и совершенно на своемъ мѣстѣ—въ италіанской оперѣ. Тамъ поетъ онъ съ Гризи и со стариннымъ знакомцемъ нашимъ Тамбурини, на родимомъ языкѣ, гораздо свободнѣе и выразительнѣе—двойной успѣхъ! По истеченіи контракта съ Большою Французскою Оперою, въ 1842 году, онъ окончательно перешелъ на тамошнюю италіанскую сцену, покинутую Рубини, и знатоки призвали въ немъ ближайшаго преемника первому тенору вѣка. Слѣтъхъ-поръ, девять лѣтъ сряду восхищались имъ серьезные Британцы и девять зимъ рукоплескали ему вѣтреные Парижане, потому что съ каждымъ годомъ игра и голосъ его пріобрѣтали новыя совершенства. Весною, говорятъ, пароходъ снова понесетъ его къ берегу Темзы: «во въ нынѣшнюю и, вѣроятно, въ слѣдующія зимы онъ нашъ!» восклицаютъ привескіе диллетанты. «Маріо только тридцать три года — мы слышимъ его въ цвѣтѣ возраста и въ апогее развитія его рѣдкаго таланта!»

Біографіи, сообщенныя специальными Плутархами, гораздо подробнѣе, испещрены восторженными похвалами и обязательнѣйшими привѣтствіями; мы боялись, что длинныя будутъ скучны, и панегрикамъ, въ которыхъ объ знаменитости далеко не вуждаются, предпочли краткое и простое извѣстіе объ ихъ артистической жизни.

Видѣвъ съ Гризи и Маріо, наша италіанская опера сдѣлала въ нынѣшнемъ году еще третье прекрасное пріобрѣтеніе въ новомъ контральтѣ, Эмилиі Демерикъ (дочь извѣстной пѣвицы, ученицы Пасты). Лишь въ прошломъ году она впервые дебютировала въ Парижѣ.... Съ какимъ успѣхомъ, можно судить по тому, что на лѣто уже была ангажирована Ковентгарденскимъ театромъ. Видите ли, и третья, едва раждающаяся біографіа заключаетъ въ себя почти тѣ же данныя! Къ-чему же тутъ распространяться? Развѣ для упражненія въ діалектикѣ и парафразахъ.... Будущимъ біографамъ принадлежитъ честь повѣствованія о дальнѣйшемъ прищѣ Эмилиі Демерикъ, которое она начала такъ удачно, что стяжала одобреніе всѣхъ сценическихъ рецензентовъ Парижа.

На свою долю беретъ только одно лаконоическое, но интересное извѣстiе: милому контральту еще не минуло и двадцати лѣтъ — сколько надеждъ и блажь впереди, и какой обильный материалъ для самаго плодovitаго изъ ея грядущихъ биографовъ!

Если припомнить, что, кромѣ трехъ новыхъ сюжетовъ, у насъ гостятъ еще госпожи Фреццоллини (также примадонна) и Корбара господа Тамбурини, Колетти, Гардови, Талиафико, то легко вообразить, какое нетерпѣнiе и любопытство волновало музыкальную часть Петербурга передъ открытiемъ оперы. Оно, съ неописанной радостью меломановъ, послѣдовало 1 октября.... Но меломаны, кто этого не знаетъ, самое капризное, самое прихотливое племя рода человѣческаго, разрядъ любителей наиболѣе своеправный, съ различными, противоположными вкусами и требованiями. «Семирамида» никогда слишкомъ не нравилась нашей публикѣ. Объ этомъ произведенiи Россiи не разъ уже высказаны были мѣнiя, результаты которыхъ не сходятся, какъ параллельныя линiи нотъ. Одни признаютъ въ этой оперѣ великiя достоинства, другiе находятъ въ ней великую скуку, псевдо-классицизмъ, натанутость, растянутость, несообразности и противорѣчiя, тяжеловатость и безцвѣтность въ созданiи, однообразiе и принужденность въ исполненiи, наконецъ погрѣшности противъ драматической истины и нныя недостатки. Антагонисты «Семирамиды» прослушали только первый актъ и — разѣхались, что, согласитесь, было не совсемъ разборчиво для перваго приѣма новой примадонны. Оставшiеся не раскаявались. Они увидѣли и услышали настоящую Семирамиду, вовсе не похожую на прежнихъ. Гриси олицетворяла собою и величественную царицу древняго Востока, и любимую, нѣжную, страстную женщину. Встрѣченая громомъ рукоплесканiй, она не вдругъ, какъ молнiя, поразила, ослѣвила всѣхъ. Опытнѣйшiе знатоки обманулись первымъ ея выходомъ и не могли, въ первую минуту, отдать себѣ вѣрнаго отчета въ томъ впечатлѣнiи, какое она произвела на нихъ. Жаждали чего-то удивительнаго, необыкновеннаго, и съ разу не успѣли уловить этой благородной простоты, которая, составляя верхъ искусства, чуждается ложнаго блеска и изумляющаго преодолѣнiемъ такъ называемыхъ трудностей. Гриси не хотѣла и не думала ничего преодолѣвать: все, безъ малѣйшаго усилiя, повиновалось художницѣ. Со вторымъ выходомъ Семирамиды, когда она ожидаетъ любимаго Арзаче (Эмилиа Демерикъ), и съ нѣгою, нетерпѣнiемъ ожиданiя произноситъ: «Arsace ritorna, sì, a me verrà»; когда приходитъ Арзаче, и они поютъ дуэтомъ: «serbamî ognor in fido. — итд.

челѣвіе слушателя уже опредѣлено и покорено превосходною артисткою, а финаль приводитъ его въ желаемый восторгъ, такъ же какъ и соло въ адажіо: «qual mesto gemito... во бесполезно слѣдить за подробностями! Какъ расскажете вы звуки прелестнаго голоса, выражающаго то или другое чувство? Какъ словами передадите вы неисчислимые оттѣнки въ пѣніи и въ картинѣ переливы цвѣтовъ и колоритъ? Надобно самому видѣть и слышать — хроника должна ограничиваться общими выводами и очерками. Глубокая обдуманность, изящество, грація и *опытность* исполненія — вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, характеръ этой истинно драматической пѣвицы, которая съ музыкальными совершенствами соединяетъ первоклассныя достоинства замѣчательной актрисы: ея движенія, позы, взглядъ, улыбка, жесты — въ высшей степени вѣрны и выразительны, и вообще игра ея представляетъ прекраснѣйшую совокупность, удаляющую всякую мелочную критику и придирчивость. Говорить ли о вызовахъ, на которыхъ, и при мѣньшихъ правахъ, публика наша не подлежитъ уреку въ скупости... Нѣсколько счастливыхъ мѣстъ, розное и одушевленное пѣніе, правильная метода госпожи Демерикъ также награждены были вполне заслуженнымъ вниманіемъ, даже при сравненіи съ Альбони и Ангря, которыя недавно занимали у насъ ту же роль Арзаце. Ассуръ Тамбурина, мастерскимъ исполненіемъ своей партитуры обезоружилъ и тѣхъ взыскательныхъ критиковъ, которые печатно увѣряютъ, будто бы онъ начинаетъ спадать съ голоса. Музыкальныя заслуги его такъ велики, что приличнѣе было бы не выпускать въ свѣтъ этого прискорбнаго извѣстія. Что жъ, и Рубини спалъ наконецъ съ голоса! Все, старѣя, приближаясь къ занату, спадаетъ съ голоса, теряетъ свѣжесть, букетъ и силу. Въ извѣстномъ возрастѣ списываются романисты, холодѣютъ поэты, вянетъ и притупляется остроуміе, отцвѣтаетъ красота, какъ желтѣетъ листь осенью, какъ замерзаетъ землю живой и быстрый ручей...

Но обратимся къ нашей осени и зимѣ... или, пожалуй, къ «Пуританамъ», второй, въ хронологическомъ порядкѣ, оперѣ текущаго сезона. Она дана была въ первый разъ 9 октября, но еще безъ Маріо, по болѣзни котораго роль Артура съ успѣхомъ занималъ Гардонн. Похвально со стороны публики, что, привѣтливо принимая новыхъ гостей, она не перестаетъ отличать и прежнихъ своихъ любимцевъ. Благодарность за прошедшее и память о — рѣдкое и потому дорогое, какъ все рѣдкости, качество. Госпожи Фреццоллинн, Колетти и Гардонн встрѣчены были весьма

благосклонно. За то они усердствовали отличиться: госпожа Фрецолини, въ извѣстной сценѣ сумасшествія, трогательно веденой, чуть не свела съ ума старыхъ своихъ поклонниковъ; гдѣ то сказано, что вѣкоторые пролезлиась подь биноклемъ. Не одни Италіянцы участвовали въ этомъ представленіи: роль королевы Генриетты исполняла русская артистка, госпожа Алѣева, и очень мило....

Въ повтореніи той же оперы дебютировалъ наконецъ Маріо. «Пуритане», одно изъ лучшихъ произведеній Беллини, строгое въ разнообразіи и романтизмѣ идей, энергическихъ и смѣлыхъ, богатое оживленными и эффектными драматическими положеніями, мелодическое, безъ поддѣлки и преувеличеній, свойственныхъ другимъ произведеніямъ этого маэстро, «Пуритане» издавна составляли славу и торжество Маріо: роль Артура, принятая имъ непосредственно отъ Рубини, на котораго, исключая наружности, онъ во многомъ походить, лѣтъ шесть тому постоянно удавалась ему въ Парижѣ предпочтительнѣе другихъ партій, и такъ же удалась въ Петербургѣ, несмотря на то, что въ тихо-сладостномъ его голосѣ отзывались еще слѣды недавней болѣзни, замедлившей его дебютъ. Характеръ и манера пѣнія Маріо близо напоминаютъ Рубиніевскую: та же мягкость, чистота и задушевность, необыкновенно привлекательныя для слуха и западающія въ сердце. Такъ же какъ Рубини, онъ легко переходитъ отъ грудныхъ звуковъ къ фистулѣ и рѣзко отъ forte къ piano, и необыкновенно искусенъ въ бравурныхъ пассажахъ и «фигурахъ»; но что всего замѣчательнѣе въ немъ — это тонкіе, изящные драматическіе обороты, вѣскусственная теплота и роскошь звуковъ, особенно въ выраженіи печали и скорби; дѣйствительно вызывающихъ слезу или, по крайней-мѣрѣ, поэтическое уныніе— таково вдохновеніе его нѣжнаго, мелодическаго голоса. Тамбурини, Колетти и Фрецолини безукоризненно и, мѣстами, совершенною игрою своею значительно содѣйствовали полному успѣху «Пуританъ». Тамбурини—ветеранъ в корнѣе въ этой оперѣ, исполнявшій ее въ Парижѣ съ Рубини, Лаблашемъ и Гриси, когда она, въ 1834 году, первоначально поставлена была на таинственной италіанской сценѣ....

Ни «Семираида», ни «Пуритане» не произвели, однакожъ, такого впечатлѣнія, какое ожидало диллетантовъ нашихъ 15 октября и въ слѣдующія представленія другаго знаменитаго произведенія Беллини. При всемъ сознаніи необыкновеннаго таланта госпожи Гриси, слышавшіе въ «Нормѣ» Пасту и Рейноссеторъ

не смѣли предаваться надеждѣ, что услышать и увидать превосходнѣйшее, совершеннѣйшее: но неподражаемое драматическое исполненіе новой «Нормы» заставило забыть и Пасту и Гейнефеттеръ. Нельзя передать словами того безусловнаго увлеченія, которое высказалось въ единодушномъ сочувствіи ложъ и креселъ къ знаменитой пѣвицѣ, когда изъ устъ ея полились прелестнѣйшіе звуки извѣстнаго «*casta diva*», когда она передавала жестокаго терзанія Нормы, изображая ихъ съ глубочайшею истинною чувства, въ горести и страданіяхъ сохранявшаго художественную красоту. Особенно дѣл минуты были высокимъ торжествомъ лирико-драматическаго искусства: живѣйшая миника Нормы Гризи, выслушивающей разсказъ Адальгизы о любви ея, и восклицаніе: «*oh! rimembranza!*», въ свою очередь неволью вырвавшее восклицаніе изумленія зрителей. Другая минута — поза очаровательной примадонны, ударяющей въ щитъ Ирмензула. Восторженныя крики и рукоплесканія публики не умолкали и при другихъ сценахъ, управлявшихъ ея душевными движеніями. Такими, между прочимъ, были сцены: появленія обольстителя Полліона, предвѣтреваемаго дѣтоубійства, наводящая чувство страха, и финальная съ отцомъ.... Госпожа Корбарн была прекрасною спутницею Нормы: превосходное исполненіе ею роли Адальгизы, вѣроятно, напомнило госпожѣ Гризи давній, первый дебютъ ея, въ Миланѣ, въ той же роли, когда она, конечно, не увѣрена еще была въ свои блестящей будущности и не мечтала состязаться нѣкогда съ Пастою въ роли самой Нормы. Въ исходѣ октября и въ началѣ ноября, репертоаръ Беллини смѣнился у насъ репертоаромъ Доницетти: «Семирамида», «Пуритане», «Норма» уступили мѣсто «Лючиди Ламмермуръ», «Линдъ ди-Шамуни» и «Лукреціи Борджинъ». Въ первой являлись Корбарн и Маріо; во второй, которая не привлекла особеннаго стеченія публики, участвовали госпожи Фреццоллинъ, Демерикъ и господинъ Гардонн; въ третьей — бенефисъ нашего новаго контралята — напротивъ, не достало билетовъ для всѣхъ ревнителей изящнаго наслажденія, расточаемаго знаменитою примадонною в первыхъ теноромъ. Легко или, если угодно, трудно вообразить, какъ хороши были Лукреція и Дженваро; о бенефицианткѣ же справедливость требуетъ сказать, что роль Орсино рѣдко выполнялась съ такимъ успѣхомъ, за то и почтили ее нѣсколькими вызовами... Что касается «Лючиди», — съ одной стороны, впечатлѣніе, произведенное «Нормою», было слишкомъ еще живо, и, любя опредѣлять достоинство сравненіемъ, продолжали восхищаться игрою госпо-

жи Гриси въ послѣдней оперѣ, а съ другой — Артура звалили Эдгара-Марио. Во всѣ три представленія «Лючин» теноръ какъ слышался различно, и только во второе совершенно удовлетворилъ строгихъ меломановъ и взыскательныхъ критиковъ. Обстоятельство это приписываютъ вліянію нашего суроваго климата, къ которому господинъ Марио не успѣлъ еще привыкнуть.

Старый, очень старый знакомецъ нашъ, «Семильскій Цирюльничъ», даиъ былъ 19 ноября въ бенефисъ буффа, господина Росси. Въ роли Альмавива, Марио снова покорилъ сердца слушателей вѣжными и страстными звуками своего мелодическаго гнѣва; а веселый, безпечный Фигаро-Тамбурины казался такъ молодымъ, что могъ бы пристыдить тѣхъ, которые вздумали бы повторить, будто онъ устарѣлъ и спалъ съ голоса.... Остается сказать о Розинѣ... Но что сказать послѣ избранной фразы одного энтузіаста и панегириста, порѣшившаго дѣло двумя словами: «тѣ, которые имѣли случай присутствовать на этомъ представленіи, должны быть названы счастливыми». Точно, вслѣдъ за затѣчскими ролями Нормы и Лукреціи, любопытно было видѣть госпожу Гриси въ игрѣ комической.... Чрезвычайный успѣхъ «Цирюльничка» не расположилъ дилетантовъ нашихъ въ пользу «Графа Ори». Упоенные новою Розиню, немногіе изъ нихъ собрались на представленіе этой оперы, происходившее черезъ два дня, хотя въ ней отличаются госпожа Фрезолини и господинъ Гардони. Въ нынѣшній сезонъ, публика преимущественно являлась Большой театръ только въ тѣ дни, когда афиша украшалась именами Гриси и Марио....

Седьмого декабря предназначался «Любовный Напитокъ»: но какъ афиша извѣщала, что первые любимцы публики къ нему не прикоснутся, то и нельзя было ожидать чего-нибудь необыкновеннаго. Вышло неожиданное; меломанамъ нашимъ готовился сюрпризъ самый пріятный: вмѣсто «Напитка», повторили «Лукрецію Борджію». Марио, свободный уже отъ всѣхъ вѣнскихъ влѣдній, дѣлалъ чудеса, достойныя преемника искусства и славы Рубина: кто не слышалъ послѣдняго, тотъ не ощущалъ болѣе сладости и вѣги человѣческаго голоса — въ началѣ третьяго акта Марио пѣлъ арію Пачини, вставленную Давидомъ въ «Donna del Lago», Россини, — и какъ пѣлъ! По-новому отдѣлываемымъ неопредѣленнымъ восклицаніемъ, потому что это невыразимо... Провансеса имя Давида, вспомните, что онъ теперь скромно и безвѣстно живетъ въ Петербургѣ, онъ, для котораго нѣкогда написана была партія тенора (Ореста) въ «Egmonte», тогда какъ

небольшая партія второго тенора (Пилла) исполнялась его товарищем и землякомъ, Рубини (оба они родились въ Бергамо), проводящихъ остатокъ жизни въ роскошной виллѣ.

Игра и пѣніе Лукреціи Гризи — неподражаемы. Ея движенія, сжатомя, звуки, вылетающіе изъ ея груди, изображали то вѣжливую любовь матери, то гнѣвъ, ненависть, скрытую ярость оскорбленной, мстительной женщины — Борджин.... Когда дерзкій Орсино срываетъ съ нея маску, она не прячетъ лица, не лишается чувствъ (какъ то дѣлали другія примадонны)... вѣтъ, она однимъ жестомъ, однимъ взглядомъ даетъ почувствовать, что смѣлые друзья Дженнаро дорого, жизнью, должны заплатить за свою наглую шутку.... Не распространялась ни объ адажіо начальной каватинны: «*comme bello! quale incanto*», которое Гризи сѣла съ трогательною простотою, ни о блистательномъ, вслѣдъ за тѣмъ, ея аллегро, ни о финальномъ второго акта трію ея съ Тамбурини и Маріо, укажемъ только на окончательную сцену и арію Лукреціи въ третьемъ актѣ, на ея горестное, отчаянное прощаніе съ сыномъ, который, нажета, въ самомъ дѣлѣ умираетъ на сценѣ — такъ превосходно падаетъ Маріо, такъ естественно выражаютъ предемертное страданіе его скорбные, жалостные стоны!...

При всемъ блескѣ и торжествѣ примадонны и перваго тенора, первый контральтъ опять снискалъ громкое одобреніе внимательной къ нему публики: въ повтореніе бенефиса своего, г-на Демерикъ снова восхитила всѣхъ и живостью игры, и прелестнымъ, бойкимъ, одушевленнымъ пѣніемъ; куплетовъ ея заслушивались, а чрезвычайно граціозную, во второмъ актѣ, каватинну, взятую изъ «*Маріи ди Роганъ*», заставили повторить, въ оба раза покрыли шумнымъ аплодисментомъ, а во второй разъ и букетомъ цвѣтовъ, унавшимъ къ ногамъ ловкаго, корешеньскаго Орсино, котораго нарядъ такъ идетъ къ госпожѣ Демерикъ. У нея много самыхъ искреннихъ поклонниковъ, всегда поклоняющихся изящному таланту, граціи и первой молодости.... Короче, второе представленіе «*Лукреціи*» показалось большинству совершенно новымъ — на истинно прекрасное и высокое съ разу не наглядимся.... А вотъ и еще новая опера нынѣшняго роскошнаго сезона, опера забытая и почти неизвѣстная тѣмъ, кто не слышалъ въ ней Рубини и госпожи Кастаньянъ, въ 1844 году....

10 декабря, петербургскіе дилетанты, конечно, запишутъ врупными словами въ воспоминаніи о лучшихъ своихъ наслажденіяхъ, долго не забудутъ бенефиса господина Колетти, «*Робертъ Девере, графъ Эссексъ*», Донцетти. Представленія на Большомъ театръ обы-

новенно начинаются въ половинѣ осьмага и нѣсколько позже. Въ этотъ разъ, въ концѣ афиши, было напечатано: *начало въ семь часовъ ровно*. И въ семь часовъ партеръ и лежи наполнились вѣтерпѣливыми зрителями, изъ которыхъ многимъ доводилось услышать Гриси и Марио еще впервые. Завѣса всё-таки поднялась не раньше половины осьмага, но эти двадцать или тридцать минутъ не были потеряннымъ ожиданіемъ: «любители» нѣли возможность потолковать объ оперѣ *предварительно*, забѣжали впередъ, нарекя ей *благовременно* приговоръ, который, разумѣется, былъ до такой степени безошибоченъ, что когда, въ одиннадцатомъ часу, завѣса опустилась, судьи внутренне сознались: *вадлежить-де прежде выслушать дѣло!* Нельзя не привести отрывка изъ разговоровъ передъ оперою....

Маленькій брюнетъ съ приломаженною просьдью. Я давно знаю эту «лирическую трагедію» — соливая, усыпительная вещь! Изъ нея трудно сдѣлать что-нибудь даже самымъ искуснымъ исполнителямъ!

Высокій, красивый блондинъ. Стало быть, выборъ Колетти неудачевъ?

Пожилый человекъ въ очкахъ. Увидимъ! — Я противнаго нѣли.

Юноша съ лорнетомъ въ лѣвомъ глазу. Ахъ, я еще не прочтала либретто, и до поднятія завѣсы не успѣю просмотрѣть! Итальяскіе стихи, вѣрно, прекрасны, но я не знаю азыка Торквато Тассо....

Другой юноша (пробѣгая афишу). Жаль! Послѣ оперы ты услышишь самого Тассо... и не поймешь его....

Первый юноша читаетъ французскій переводъ оперы.

Второй юноша (смотря на часы). Опоздалъ! Дочтася въ антрактѣ. Хочешь, я услужу тебѣ и, въ немногихъ словахъ, раскажу, по русски, общее содержаніе оперы?

Первый юноша (бросая либретто въ шлапу). Прекрасно! Я слушаю....

Второй юноша въ краткихъ словахъ объяснилъ содержаніе оперы. Въ самомъ текстѣ либретто есть высокія поэтическія красоты, глубокія и сильныя выраженія. Гриси, Марио, Колетти, Корбары, исполнили конечно, передалуть ихъ въ совершенствѣ....

Въ заключеніе спектакля, дано было третье дѣйствіе оперы «Торквато Тассо»; но послѣ впечатлѣній, произведенныхъ Робертомъ Девере, оно не оставило разѣзда большей половины публики, хотя Тассо - Колетти пѣлъ увлекательно. Оставшаяся часть зрителей наградила бенефицианта такимъ количествомъ въ-

кетовъ, что онъ едва могъ подобрать ихъ въ нѣсколько вызововъ. Нора бы догадаться, что гораздо легче меломанамъ бросать цѣты нежели артистамъ поклоняться для сбора этой дешевой и отцѣпной дани благодарности....

Но италянская опера составляетъ не единственное очарованіе большого театра. «Волшебный край», какъ восклицалъ во дни оны Пушкинъ, восторженно описывая «блистательную, полувоздушную» Истомину, которая, послѣ шумныхъ торжествъ и восгѣбаній, провела, въ томъ же Петербургѣ, послѣдніе годы своей жизни въ тишинѣ и забвеніи, — волшебный край гармоническихъ звуковъ, граціознѣйшихъ павскачковъ, онъ попеременно плѣняетъ то слухъ, то зрѣніе новаго петербургскаго поколѣнія.... Пронесется еще лѣтъ двадцать, и какой-нибудь отжившій его представитель, поглаживая сѣдины, съ тяжелымъ вздохомъ воспоминанія, въ свою очередь, повторять :

*Тамъ, тамъ, подь сѣнію кулисъ
Младые дни мои неслись....
Мои богини! что вы? гдѣ вы?*

и прочее, и прочее изъ XVIII — XXIII строфъ нѣкогда моднаго, на память выученнаго «Евгенія Онѣгина»....

Вѣдь это, право, нестерпимо досадно, что все съ такою ужасною скоростью перестаетъ быть молодымъ, моднымъ и новымъ! И то правда, вѣкъ нашъ избалованъ хуже всякаго маленькаго сынка, боленъ пресыщеніемъ, отъ чрезмѣрнаго и непрестаннаго вкушенія сладостей. Мы ничему не удивляемся. Это, безспорно, признакъ хорошаго тона и воспитанія; но вотъ что худо — прекраснѣйшее не можетъ нравиться намъ долго, и то, чѣмъ вчера мы безусловно восхищались, встрѣчается сегодня съ такимъ равнодушіемъ, которое можетъ испугать всякую славу и любаго генія. Хорошо, что умный Рубинъ пересталъ пѣть во-время, боясь пережить свой несравненный талантъ: иначе, его непременно бы гдѣ-нибудь ошкарли.... (разумѣется, не у насъ... потому-что... всѣ иностранцы оознаются въ томъ.... петербургская публика — самая учтивая и благонамѣренная изъ всѣхъ европейскихъ публикъ). Помните ли прошлогодніе наши восторги и днѣирамбы въ честь Фанни Эльслеръ и охлажденіе къ италянской оперѣ? Въ нынѣшній сезонъ, на оборотъ, — большинство на сторонѣ послѣдней, потому-что попечительная дирекція, зная изъ многихъ опытовъ непостоянство

нашего вкуса, любящаго безпрерывное разнообразіе и перенѣны, поспѣшила доставить намъ дорогія новости. Зато тѣмъ трудно попасть на оперу: ее всѣ слушаютъ неутомно, бесконечно о ней толкуютъ и пишутъ; а о балетѣ, роскошномъ балетѣ, съ великолѣпнѣйшею обстановкою, даже ежедневныя газеты, которыя, нажесте, и созданы для того только, чтобы повторять старое, львишо умалчиваютъ. Между тѣмъ вѣстарѣющая Фанни по-прежнему восхитительна, и въ осуществленной «Мечтѣ Художника», и въ «Тщетной Предосторожности» (Лиза и Коленъ), пасторально наивной и дѣлліи добрыхъ, давно промелькнувъ время, и въ идеальной «Эсмеральдѣ», прелестномъ дитяти творческаго воображенія Гюго, и въ воинственной «Катринѣ, дочери разбойника», миловидной предводительницѣ бандитовъ, грабившихъ въ Аbruнскихъ горахъ, и наконецъ въ фантастической «Жизели», первомъ ея у насъ дебютѣ прошедшаго года. Всѣ эти балеты достаточно знакомы каждому, и было бы излишне рассказывать ихъ извѣстное содержаніе: но на нихъ нельзя довольно взглянуть! Не говоря уже о самой Фанни и превосходномъ нашемъ кордебале, сочетанія молодости, миловидности, искусства (госпожи Снѣткова, Прихунова, Макарова, Малышева, Яковлева, Пиктава и другія), возможно ли не удивляться неподражаемымъ декорациямъ Роллера, обладающаго высокимъ, поэтическимъ, въ своемъ родѣ, дарованіемъ. Декорацийъ въ «Эсмеральдѣ» и «Катринѣ» — это, безъ малѣйшаго преувеличенія, *pas plus ultra* искусства, изящества и блеска!...

Балетъ, въ нынѣшнемъ году, открылся у насъ нѣсколькими днями ранѣе оперы, именно 27 сентября, «Эсмеральдою». Возвратившуюся Терпсихору встрѣтили достойно ея летучаго таланта, ея славы и тѣхъ наслажденій, которыми она даритъ насъ въ прошломъ году. Около четверти часа она не могла приступить къ исполненію своей роли: у волшебныхъ ея ножекъ, столько лѣтъ приводившихъ въ восхищеніе Старый и Новый Свѣтъ, воздвиглась цѣлая гора изъ сѣверныхъ цвѣтовъ, а рукоплесканія долго не умолкали.... Потомъ, все пошло своимъ чередомъ, какъ и въ прошлую зиму, за исключеніемъ, что бѣднаго поэта, Пьера Гренгера, вмѣсто господина Перро, представлялъ господинъ Югансонъ, уступающій хореграфу въ мимикѣ, и чтобъ поквитаться, превосходящій его въ танцахъ. Но теперь и знаменитый хореграфъ прибылъ въ Петербургъ, занялъ свое прежнее мѣсто, и успѣлъ уже поставить новый, или, по крайней мѣрѣ, возобновленный характерный балетъ: «Швейцарская молочница!» Ожидаютъ

еще двухъ новыхъ балетовъ и оперъ, слѣдственно о Большомъ театрѣ много рѣчи впереди; покажемъ же оставимъ этотъ очарованный край нѣги и чудесъ, утопическую страну, гдѣ жизнь протекаетъ среди пѣсень, музыки и танцевъ, гдѣ поютъ и пляшутъ въ радости, поютъ и пляшутъ въ печали, гдѣ вопли и стонавїа раздаются при упительныхъ звукахъ избраннаго оркестра, гдѣ герои и героини изливаютъ страданїя свои роскошнѣйшими арїями, обворожительными дуэтами, гдѣ они терзаются, истощаясь въ треляхъ, руладахъ, фюритурахъ, и гдѣ даже умирая исполняютъ прелестнѣйшіе пассажи, тихо, прерывисто и трепетно изображающіе предсмертныя муки, тоску и отчаяніе.... оставимъ этотъ драгоценный уголокъ Большой Коломны, эту удивительную залу, мгновенно растворяющую передъ вами то великолѣпнѣйшіе чертоги, то мрачныя еводы подземныхъ темницъ, благоуханныя сады и простыя хижины; сойдемъ неохотно съ этихъ нумерованныхъ креселъ, облокотясь на ручку которыхъ вкушали вы столько несчастливыхъ блаженствъ, предавались такимъ сладостнымъ думамъ, переносившимъ васъ въ разныя времена и мѣстности, — посмотримъ на другой міръ, менѣе поэтический, болѣе приближенный къ прозѣ дѣйствительной, всендневной жизни, повѣривъ такъ называемыя ея подражанїя, копїя на театрѣ собственно драматическомъ, гдѣ напѣваютъ только въ водевиляхъ и танцуютъ лишь обыкновенныя балные танцы, гдѣ, завидуя блеску оперы и балета, представляютъ ихъ иногда въ неловкой, безуспѣшной карикатурѣ или пародїи (припомните прошлогоднюю «Минную Фанни Эльслеръ» и т. п.)

У насъ три драматическія труппы: французская, нѣмецкая и русская. Онѣ подвизаются, преимущественно, первыя двѣ на Михайловскомъ, послѣдняя на Александринскомъ театрѣ. Богатство и разнообразїе французскаго репертуара, прекрасныя таланты господъ Вольвисъ, Арну-Плесси, господъ Аллана, Бертона, Руже, Верне, мастерская совокупность (ensemble) игры прочихъ отличныхъ артистовъ*, наконецъ старинное, незамечное увлеченїе всеобщимъ моднымъ языкомъ (сознаться надобно, доведеннымъ до крайней степени красоты, изящества и совершенства), — все это привлекаетъ во французскїе спектакли избраннѣйшую публику столицы, цвѣтъ ея общества. Спектакли нѣмецкіе менѣе счастливы и блестятельны, хотя языкъ Шиллера и Гёте уступаетъ фразамъ Гюго и

* Въ нынѣшнїй сезонъ наша французская сцена сдѣлала три прекрасныя прїобрѣтенїя въ госпожахъ Лажье, Каролинѣ и Марїи Даллока.

Дюма развѣ въ щеголеватости, но ужъ конечно не въ силѣ и выразительности. Извѣстная часть нѣмецкаго народоискусствія Петербурга, и преслѣдственная заботливость дирекціи всецѣло поддерживаютъ существованіе здѣшней нѣмецкой сцены.... Навою наша народная сцена.... Увы! ни для кого не тайна, что она не только не процвѣтаетъ, къ искреннѣйшему сожалѣнію многочисленныхъ ея ревнителей, но даже значительно отстала отъ другихъ отраслей современной русской литературы, заставляющихъ частенько вспоминать о недавнихъ временахъ Карамзина и Пушкина, съ ихъ болѣе или менѣе лучезарными спутниками.... Кто замѣнилъ у насъ Озерова, Фонъ-Визина, князя Шаховскаго, Грибоѣдова, и новѣйшихъ воздѣлывателей отечественной Талин, покойнаго Полеваго, живаго Н. В. Кукольника, такъ же какъ и господина Гоголь съ его, впрочемъ, сомнительными преемниками званіе великаго драматурга, несмотря на преславленный дружинин юморъ «Ревизора», «Игроновъ» и «Женитьбы», — юморъ циническій и шаржированный, который больше заботился о кимизѣ, нежели объ истинѣ изображаемаго.... Трагедія и драма почти вовецѣ нѣтъ мѣста въ современномъ нашемъ репертуарѣ; комедія, болѣею частью, стала каррикатурой, собраніемъ сценъ неестественныхъ, неправдоподобныхъ; водевилъ, утративъ живость и остроуміе, аттическую соль и замысловатую цронію или саркастическую насмѣшку, обратился въ наборъ безпрерывныхъ, самолегчайшихъ каламбуровъ, пересыпанныхъ недоразборчивыми двусмысленностями и повержаемыхъ плохими шплетами.... Бываютъ исключенія, но чрезвычайно рѣдко. Самые эти исключенія еще рѣже выдерживаютъ строгую критику въ цѣломъ созданіи, вращаясь только въ некоторыхъ отдѣльных сценахъ или мѣстахъ. Винить некого.... недостатковъ талантовъ.... На нѣтъ и суда нѣтъ!... Таней, ни отъ кого не замисливши, увадокъ драматическаго искусства тѣмъ пренебрежнѣе, досаднѣе, что Александринскій театръ справедливо можетъ похвалиться нѣсколькими замѣчательными исполнителями, не считая уже ни знаменитаго нашего трагика В. А. Каратыгина, ни господъ Брянскаго и Сосницкаго (заслуженныхъ артистовъ классической школы, которой они, трое, почти единственные теперь представители), ни удивительнаго комика Мартынова, который умѣетъ дѣлать все изъ ничего. Изъ артистовъ новаго, «романтическаго» поколѣнія господъ Максимовъ, Самоиловъ, Григорьевъ-старшій, Каратыгинъ-младшій и другіе мастера разыгрываютъ драму, комедію, водевилъ, и пердочные и лю

дѣ, искусствомъ и опытностью своею по возможности прикрывавшая нелетучесть и слабые стороны послѣднихъ. Господь Григорьевъ старшій и Каратыгинъ-младшій, сверхъ того, и драматическіе писатели, неутомимо питающіе текущій репертуаръ подмосковъ, на которыхъ почти ежедневно ихъ видишь.... Что касается прекрасныхъ исполнительницъ, Семеновой между прочихъ, правда, нѣтъ: но замѣчательнѣйшіе судьи остаются довольны обилиемъ госпожами Самойловыми, Жуковой и другими молодыми артистками; искусство госпожи Соеницкой не старѣетъ въ комедіи, а для патетическихъ, «величественныхъ» ролей — госпожи Ваалбергова и Дюръ — вѣкогда прелестная наша Фенелла; въ легкихъ драматическихъ роляхъ много обѣщаетъ въ будущемъ младшая Самойлова, а старшая ея сестра увлекательно поетъ куплеты и романсы, живо и мило играя въ водевиляхъ и опереткахъ....

Почти весь репертуаръ Михайловскаго театра повторяется на Александринскомъ въ переводахъ, передѣлкахъ или подражаніяхъ, такъ, что если бѣ разбирать всѣ новыя пьесы, появляющіяся на обомъ, то пришлось бы говорить два раза объ одномъ и томъ же... По привязанности къ своему, въ «отечественному», дѣлонишь наша избирать слабѣйшее, но родное дѣло — театръ Александринскій, которое непремѣнно, рано или поздно, выростетъ, возмужаетъ, во славу и почетъ русской драматургіи. Въ послѣдствіи, на листахъ подлежащей хроникѣ, будутъ постоянно записываться всѣ новости Александринскаго театра, оригинальныя и переводныя, подражательныя и неподражаемыя; теперь же, опасаясь утомить читателей длиннымъ и едва ли занимательнымъ рассказомъ о русскихъ бенефисахъ съ половины сентября до половины декабря, она ограничивается, для образца, разборомъ двухъ недавнихъ — они дадутъ приблизительное понятіе объ осязательныхъ, почтенныхъ уже урюю общаго забвенія....

«Блаженство безумія», драма въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго. — «Репетиція домашняго спектакля», оригинальная шутка — водевилъ въ одномъ дѣйствіи. — «Другихъ спасай, а самъ хоть въ петлю полѣзай», шутка —, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго. — «Поэзія любви» и.... (и...?) комедія — водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго (бенефисъ госпожи Самойлова, 9 ноября).

«Davis, ou le bonheur d'être fou», — пьеса давно знакомая посѣтителемъ Михайловскаго театра, едва ли удержится надолго въ репертуарѣ Александринскаго. — «Блаженство безумія Дави-

да, вѣрно и трогательно передаваемое господиноу Максимову, нѣкоторымъ успѣхомъ своимъ на русской сценѣ обязано единственно старательной игрѣ актеровъ; драма же, сама по себѣ, довольно слаба. Вотъ ея содержаніе.

Лордъ Блестонъ, по какимъ-то семейнымъ обстоятельствамъ, поименно, необъясненнымъ, не можетъ признать своею дочерью хорошенькой Памеллы (госпожа Самойлова-вторая). Она тайно воспитывается въ Ирландіи. У кормилицы ея, Бригитты, есть племянникъ, молодой и, разумѣется, интересный живописецъ — Давидъ. Всѣ трое живутъ на одной нивѣ, въ тишинѣ и уединеніи. Тишина, уединеніе природа рождаютъ великія художественныя и литературныя произведенія, и еще чаще рождаютъ любовь, отъ которой все рождается.... Давидъ рисуетъ, и у него безпрестанно передъ глазами — заманчивый оригиналь. Короче, Давидъ и Памелла — два портрета, которые улыбаются другъ другу и просятся въ одну рамку.... но судьба ихъ разъединяетъ, — судьба, это вѣчно и напрасно обвиняемое порожденіе людскихъ ошибокъ, глупостей, запутанностей въ драмѣ жизни и въ драмѣ театальной....

Блестонъ одумался, или обстоятельства измѣнились. Въ одно утро, въ одинъ вечеръ, или въ одну ночь — разобрать изъ пьесы было трудно — мыза вдругъ опустѣла. Бригитта и Памелла куда-то скрылись; бѣдный Давидъ остался самъ — другъ съ природою и шалткою — но кисти перестали его слушаться, съ тѣхъ поръ, какъ не стало вдохновительнаго оригинала, на которомъ покоились свои мечты и надежды....

Но гдѣ же Памелла? Какая развязка этой завязки, представляемой не въ живомъ дѣйствіи, а въ намекахъ перваго акта, происходящаго въ Лондонѣ, въ богатомъ отелѣ лорда Блестона. Здѣсь зрители прежде всего знакомятся съ его домашнимъ докторомъ, сэръ Джемсомъ Андриусомъ, важнымъ, сухимъ и безчувственнымъ челоукомъ (господинъ Вороновъ), да съ пресмѣшнымъ ученымъ, Патрикомъ (господинъ Мартыновъ), который, въ противоположность холодному доктору, обнаруживаетъ много душевной теплоты и хочетъ согрѣвать весь міръ парами. Онъ похвѣшанъ на великихъ открытіяхъ — этой слабости и гордости девятнадцатаго вѣка; карманы его наполнены проектами и счетами милліоновъ, которые онъ предполагаетъ нажить, приведя въ исполненіе свои сумасбродныя идеи; впрочемъ карманъ его пустъ, и курьезный безумецъ Патрикъ то и дѣло что занимаетъ по шиллингу, общаго за каждый заплатитъ по сту фунтовъ стерлинговъ, когда своимъ

шарамъ перенесеть оны на берега туманной Темзы климать экватора....

Опять въ одно утро, или въ одинъ вечеръ.... на театрѣ всегда вечеръ.... въ отель лорда Блестона является молодой человекъ, покрытый пылью, болѣзненною блѣдностью изнеможенный.... Онъ откуда то издалека, цѣлый день блуждалъ по улицамъ безконечнаго города, населеннаго двумя милліонами жителей, и наконецъ, обезсиленный, упалъ подлѣ сказаннаго отеля, изъ окна котораго увидѣлъ несчастнаго шальной прожектёръ Патрикъ, ввелъ его въ домъ и, за отсутствіемъ лорда, представилъ доктору Андриусу. Сцена этого представленія и предшествующее ей объясненіе ввѣшаютъ то смѣхъ, то жалость, то досаду. Ученый чудакъ уморителенъ: онъ не слышитъ, что ему говорятъ и несетъ дичь о своихъ великолѣпныхъ изобрѣтеніяхъ; Патрикъ и молодой человекъ не понимаютъ другъ друга, а докторъ важно принимаетъ послѣдняго, даже оскорбляетъ его, называя бродягою, вшищмъ, пришедшимъ за подаваніемъ. Обиженный юноша съ скромнымъ благородствомъ и достоинствомъ отвѣчаетъ надменному эскулапу; слабымъ, истомленнымъ голосомъ говоритъ, что онъ не бродяга, а художникъ, и показываетъ портреты съ своими рисунками. Андриусъ видитъ портретъ дочери лорда, портретъ Памеллы и, догадываясь, что это не даромъ, перемѣняетъ обращеніе съ артистомъ, не изъ сожалѣнія къ нему, а съ тѣмъ, чтобъ вывѣдать отъ него кое-что въ пользу прекраснаго плана — лишить ее наслѣдства и передать богатства лорда какому то родственнику (?), вѣроятно, ближайшему нежели родная дочь. Патрикъ, куда то убѣгавшій, козвращается, по-прежнему болтаетъ вздоръ и проговаривается.... художникъ узнаетъ, что дочь лорда больна, бросается въ ея комнату и, черезъ нѣсколько минутъ, выходитъ оттуда — помѣшавный! Видъ умирающей Памеллы мгновенно лишилъ его разсудка, уже потрясеннаго горемъ разлуки, недавнею болѣзью, трудностью долгаго пути и прочими «непріятностями».

Во второмъ дѣйствіи, которое происходитъ въ Ирландіи, на извѣстной намъ мызѣ, Давиду авторъ милостиво доставляетъ разсудокъ обратно; но молодой человекъ этимъ недоволенъ: разсудокъ, де лишилъ меня *блаженства безумія*; я былъ такъ счастливъ своими мечтами и призраками! Одинъ изъ этихъ призраковъ представлялъ ему Памеллу, какъ живую, а съ-тѣхъ-поръ, что онъ выздоровѣлъ, милый обманъ воображенія исчезъ. За это Давидъ весьма основательно сердится на лечившаго его доктора

Андрюйса, Богъ вѣсть какими судьбами допавшаго изъ Лондона на ирландскую мызу; должно быть, замышленная нить игры не удалась и его прогнали...

Въ самомъ дѣлѣ, по смерти лорда Блестона, Памелла осталась единственною и блистательною его наследницею. При всей своей блистательности, она вспомнила о тихой хижинѣ, гдѣ провела дѣтство, и прѣихада въ Ирландію — отдать свою руку и блистательность товарищу дѣтства. Такой оборотъ дѣла, конечно, оставилъ Давида сознаться, что настоящее блаженство, пожалуй, и лучше «блаженства безумія». Достоверно лишь то, что драма не можетъ похвалиться обиліемъ здраваго смысла, и жаль, что авторъ, вмѣстѣ съ Давидомъ, не отдалъ ее предварительно на попеченіе доктора Андрюйса, который хоть и дуршой человекъ, но удачно исцѣляетъ умственные недуги...

Лице Патрика, почти лишнее въ пьесѣ, господинъ Мартыновъ, по своему обыкновенію, надѣлилъ высокимъ комизмомъ, а къ лицу Давида господинъ Максимовъ привлекъ участіе зрителей, исполнивъ эту довольно трудную роль съ душою и чувствомъ; особенно хорошъ онъ былъ въ отелѣ лорда Блестона, сперва въ объясненіи съ докторомъ, а потомъ въ монологѣ внезапнаго помѣшательства.

«Поззія любви и»... и, право, не вспомнишь, чтѣ такое! чтѣ-то очень неловкое и безсвязное — это собственно и есть *поззія*. Переводчикъ, разумѣется, не виноватъ; онъ сдѣлалъ даже болѣе нежели требовалось, придавъ водевилю оригинальное, мѣстное остроуміе. Въ одномъ куплетѣ, удостоенномъ повторенія, воспѣвается *свѣжопросольная любовь*. Такимъ образомъ, слѣдуетъ догадываться, что загадочное и относится непосредственно къ огурцамъ. Впрочемъ, и по-французски водевиля называется: «La *robine des amours et*...»

«Un vilain monsieur», передѣланный актеромъ господиномъ Бурданнымъ на русскіе нравы для большей локальности колорита, принялъ поговорочный титулъ: «Другихъ спасай, а самъ хоть въ петлю ползай!» Всѣ узловатости этой затѣи были искусно распутаны мастерскою игрою господъ Мартынова и Самойлова; непродолжительность *шутки* водевиля спасла публику отъ полуночной зѣвоты, и въ петлю никто не попалъ, потому-что другая, *оригинальная шутка-водевиль*, къ счастью ея, давалась не въ концѣ спектакля — иначе бы ей не одобровать... «Репетицію домашняго спектакля», по всей вѣроятности, долго повторять не будутъ. Сочинитель ея, г. Рудневъ, думалъ написать народію на «Гамлета»: но это не такъ легко. Господинъ Марковецкій, осуществ-

младшей неудачную идею автора, волею-неволею долженъ былъ пародировать известный монологъ: «Быть или не быть!» но это такъ трудно и отнюдь не смѣшно. Въ шуткѣ-водевилѣ нѣтъ ни завязки, ни развязки, ни содержанія. Вся шутка или шутка въ томъ, что вѣкто Иванъ Ивановичъ Хрулевъ, «пожилой воякита», какъ сказано въ афишѣ, ухаживаетъ за двумя хорошенькими сосѣдками, племянницами богатой помѣщицы, которыя его курятъ и, устроивъ домашній спектакль, заставляютъ вырядиться шекспировскимъ героемъ, въ шелковый плащъ сверхъ фрака, и береть съ чернымъ перомъ. Тутъ еще суетится и помогаетъ вѣкто Василій Степановичъ Квитцкій, общій комиссіонеръ и хлопотунъ», единственное нѣсколько комическое лицо въ пьескѣ, да и то благодаря впрѣ господина Прусакова, актера не безъ таланта, который очень хорошо дѣлаетъ, что никогѣ не комаруетъ, а играетъ самъ-по-себѣ, довольствуясь своими психическими средствами.

Подъ именемъ *шутковъ* наши молодые «драматурги» разумѣютъ всякую дребедень, безъ цѣли, безъ смысла, безъ занимательности. Удачно шутить — всего труднѣе, а неудачная шутки — всего веселѣе. Полки театральнаго архива завалены *шутками*. Потомство подумаетъ, что мы очень забавлялись....

«*Завтракъ у предводителя*», или полюбовный дѣлежъ, оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи. — Третье дѣйствіе трагедіи Расина: «*Гвѣдлія*», новый переводъ въ стихахъ В. А. Каратыгина. — «*Разбитая чашка*», комедія-водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго. — «*Да или нѣтъ*», или роковое письмо, комедія въ одномъ дѣйствіи (бенефисъ господина Каратыгина младшаго, 9 декабря).

Вдова Анна Ильинична Каурова, и родной братъ ея, Фѣрановъ Ильичъ Безпанданъ, движимые чувствомъ истинно-кровной любви и вѣжности, находясь уже въ нецѣлѣушникѣ лѣтахъ, пребываютъ въ вѣчной ссорѣ, непримиримыми врагами, и никакъ не могутъ раздѣлиться своимъ немногосложнымъ наследственнымъ имѣніемъ. Но надобно же когда-нибудь покончить раздѣлъ — и вотъ они, съ этимъ добрымъ намѣреніемъ, выбираютъ посрединкомъ своимъ уѣзднаго предводителя, кроткаго, умнаго и образованнаго помѣщика, Николая Ивановича Балагалаева, который, по этому случаю, учреждаетъ у себя завтракъ и приглашаетъ сосѣдей, должествующихъ быть свидѣтелями мирнаго, «полюбовнаго дѣлежа».

Первый является Антонъ Семесовичъ Алукинъ, въ конгеркѣ,

ѣ усами и съ самыми рѣзкими, неблагообразными ухватками. Это новый сосѣдъ, недавно переселившійся изъ Тамбовской губерши.

Мало-по-малу показываются и другіе гости: сперва судья, Емелій Тихоновичъ Суслевъ (господинъ Марковецкій), потомъ Ферапонтъ Ильичъ (господинъ Григорьевъ), въ казакнѣхъ и шароварахъ, и наконецъ его сестрица (госпожа Сосницкая). Балагалаевъ, каждому по очереди, представляетъ новаго сосѣда, съ стереотипною фразою: «Алупкинъ, Антонъ Семеновичъ.....» и Алупкинъ каждый разъ съ достоинствомъ кланяется, сотворяя немилосердыя гримасы....

За тѣмъ подходятъ къ столу, на которомъ приготовленъ завтракъ, и гдѣ давно уже хозяйничаетъ какой-то господинъ Мирволицъ (господинъ Мартыновъ). Онъ мало говоритъ, а скажетъ слово — такъ, по пословицѣ, рублемъ подарить, и безпрестанно наполняетъ свою рюмку. Всѣ вкушаютъ по-немногу, и начинается застѣланіе....

Предводитель приступъ къ дѣлежу, открываетъ ей приличнымъ увѣщаніемъ брата и сестры, напоминая ихъ о родственномъ союзѣ, требующемъ согласія и дружбы. Наставленіе принято съ благодарностью и, повидному, подѣйствовало: возникаетъ крупная ссора между братомъ и сестрою, настоящею фурією, которая не вникаетъ самымъ справедливымъ и деликатнымъ убѣжденіямъ Балагалаева, дѣлаетъ пренепріятныя сцены, не хочетъ раздѣлиться ни такъ, ни сякъ, не принимаетъ выгодныхъ для нея предложеній предводителя, отвергаетъ великодушныя уступки брата, только потому, чтобъ не согласиться съ нимъ. — «Скажите же, наконецъ, Анна Ильинична, чего вамъ желательно, объявите ваши требованія? Будете ли довольны тѣмъ и тѣмъ?» спрашиваетъ Балагалаевъ. Но напрасно: ей ничѣмъ нельзя угодить. Лишь только улаживается раздѣлъ по ея требованіямъ, она предъявляетъ новыя, запутываетъ дѣло, закидываетъ возраженія, нисколько не логическими, но ловкими и хитрыми, прибѣгаетъ къ слезамъ, жалуется, что ее, «вдову съ сиротами», обижаютъ, что Балагалаевъ пристрастенъ въ пользу ея брата и выдаетъ ему какія то десятины съ тѣмъ, чтобъ послѣ самому купить ихъ за безцѣнокъ. Кроткій Николай Ивановичъ переноситъ и эту оскорбительную клевету; но Ферапонтъ Ильичъ, выведенный изъ терпѣнія выходками мегеры сестрицы, осыпавшей его бранью, предоставилъ на волю сестрицы, говорить что угодно. Въ родственную «размовку», ни съ того, ни съ сего, виѣшивается господня Алупкинъ...

Среди этого разгара полюбовнаго дѣлежа важно входитъ в

залу поттенный, съдой старичекъ бывшій предводитель, Петръ Петровичъ Пехтерьевъ — онъ долженъ порѣшить дѣло и, дѣйствительно, его порѣшаетъ, безъ всякаго затрудненія.... беретъ карандашъ — проводить на планѣ раздѣляемаго или нераздѣляемаго нѣбна одну черту сюда, другую туда, третью прямо, четвертую вкось, пятую поперегъ, шестую въ уголь, седьмую зигзагами, осьмую кольцомъ.... Всѣ смотрятъ съ недоумѣвиемъ на этотъ курьёзный, фантастическій раздѣлъ, совершенно невозможный, потому-что здѣсь перемѣшались, перерѣзались и отрѣзались домъ, садъ, земля, болото, озеро, овчарня и конопляникъ, спутались противоположныя стѣхи, образовался, прекраснѣйшій хаосъ.... и что жъ? Анна Ильинична довольна, согласна, хотя она, впрочемъ, и не смотрѣла, какъ мудроно расчертилъ Пехтерьевъ.... Но онъ нашель «неудобными» предположенія своего преемника — Каурова восхищена этимъ противорѣчьемъ, досаждающимъ брату и Балагалаеву. Последній довольно терпѣливо выслушиваетъ незаслуженныя укоризны и колкости Пехтерьева, питающаго къ нему какое-то личное нерасположеніе, совѣстничество.... Напоследокъ — всему есть предѣлъ — терпѣніе покидаетъ этого необыкновенно «роткаго» челоуѣка. — Онъ вспыхиваетъ, однако жъ съ умѣренностью и разборчивостью — и, отказываясь отъ дальнѣйшаго посредничества, оставляетъ гостей, которые, одинъ за другимъ, выходятъ.... Не удаются только Мирволинъ и Сусловъ, продолжающіе завтракать....

«Вотъ вамъ и полюбовный дѣлежъ!» говоритъ Мирволинъ, едва стоя на ногахъ. Вслѣдъ за этою заключительною моралью, тихо опускается завѣса, при всеобщемъ молчаніи: ни одинъ голосъ не подаетъ одобренія, не справляются объ авторѣ, который благородно не выставилъ своего имени на афишѣ, и слушаютъ attractive музыку....

Комедія, наполненная преувелченіями и самую неправдоподобною каррикатурою, неудачное подражаніе «Ревизору», «Женитьбѣ» и «Игрокамъ» господина Гоголя, спасена отъ торжественнаго паденія старательнымъ, мастерскимъ исполненіемъ лучшихъ нашихъ артистовъ. Господа Сосницкій и Самойловъ были неподражаемо натуральны, при всѣхъ натяжкахъ пьесы со стороны автора; въ комедіи удачны только характеры Балагалаева и Пехтерьева, да продѣлки госпожи Кауровой, который, можетъ быть, показались естественны нѣкоторымъ въ забавной игрѣ госпожи Сосницкой; но далеко не забавно было появленіе на сценѣ кучера Анны Ильиничны, призваннаго ею также въ сви-

дѣломъ. Господа Григорьевъ и Карагыгизъ — младшій сдѣлалъ все возможное для своихъ ничтожныхъ ролей, а послѣдній даже и невозможное. Въ пьесѣ и безъ того такъ много изысканной каррикатуры, что не слѣдовало бы, кажется, увеличивать ее рѣзкою выстункою и дикими жестами господина Алуцкаго, который безпрестанно балахсрадалъ лонгани. Вотъ господина Мартыновъ — живая натура! Его костюмъ, манера, походка: ну, право, будто бы видѣлъ гдѣ-то такого умерительнаго господина. На него нельзя было смотреть безъ смѣху, хотя роль его была почти безсловесная. Въ ней ловкій комикъ доказалъ, что для истиннаго таланта нѣтъ ничтожныхъ и неблагоустроенныхъ ролей... Но безвкусный «завтракъ» доказалъ и другую неопровержимую истину: плохой пьесѣ не доставить успѣха превосходнѣйшая игра актеровъ. Пусть бы это была только плохая пьеса, первый слабый опытъ. Нѣтъ, она написана съ отъявленными претензиями на «глубокость» самой мелкой мысли, на страшный юморъ, срывающій горькую улыбку сожалѣнія, съ притязаніями на нисколько вѣрное изображеніе правды, уме несуществующихъ!....

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышатъ?

А если и случилось нить,

Такъ мы ихъ слышать не хотимъ...

Это напрямки сказалъ, дѣтъ десять тому, молодой поэтъ, прославленный «натуральною школою», а она все еще продолжаетъ свои *опечатки*, и только въ прошедшемъ году созналась, что школа «сія» — ошибка, *миръ*.... Въ добрый часъ! Отъ сознанія не далеко и до исправленія скороиспѣшныхъ опшоекъ...

О третьемъ дѣйстви «Госолінъ», въ новомъ переводѣ В. А. Карагыгина, замѣняющемъ старинный переводъ Потемкина и Шапошникова, распространяться нечего. Знаменитый трагикъ нашъ, посвящающій досуги поэтическимъ занятіямъ, прочиталъ новологъ свой съ мастерствомъ, давно извѣстнымъ, не знающимъ соперничества, а публика нельзя упрекать за невниманіе ея къ классическимъ произведеніямъ. Другое время — другіе вкусы и понятія. Но какимъ романтизмомъ, какою *натурою* замѣняютъ мы, положимъ, и вычурный, кодульный классицизмъ?

«Разбитая чашка», премьенская комедійка-волевиля. Господа Дарвилъ (собственное имя, безпрестанно встрѣчаемое во французскихъ пьесахъ), скучаетъ раннимъ своимъ вдовствомъ и обещаетъ руку, безъ сердца, господину Жабо, съ которымъ у насъ

предсѣсть; должествующій прекратится свѣдѣю. Между-тѣмъ, въ разбитой горничною чашкѣ, молодая вдова находитъ страстное посланіе неизвѣстнаго, да еще и съ камнемъ, причинившимъ, по ея мнѣнію, погибель чашки. Госпожа Дарниль спрашиваетъ шутку-горничную: кто живетъ напротивъ? Полина отвѣчаетъ: молодой адвокатъ. — Приглашенъ его ко мнѣ; я хочу поручить ему свое дѣло. Адвокатъ приходитъ. Взаимныя недоразумѣнія и — взаимная любовь, въ пять минутъ рожденная. Жабо отказываютъ, а прекрасный страпчій выигрываетъ лучшее дѣло въ жизни — хорошенскую и богатую жену; горничная и любимый ею Исплеръ Перре, переписчикъ сочиненій модныхъ романистовъ — также сочетаются законнымъ бракомъ, въ награду за произведенную ими удачную путаницу... потому-что страстное посланіе было адресовано, безъ адреса, Полинь смѣлымъ калиграфомъ, набившимъ руку перепискою твореній господъ Дюма и Сю... Одинъ только Жабо остается съ носомъ, но утѣшается его огромностью. Все это могло случиться въ самой вещи, и какъ нельзя болѣе естественно въ водевилѣ, который переведенъ не дурно и отлукло разангралъ Мартыновымъ, Максимовымъ, Каратыгинымъ-пладшникъ и обывки Самойловыми. Старшая была пренитересною горничною, а калиграфъ смѣшилъ, какъ всегда смѣшитъ Мартыновъ.

То было счастливое письмо, а вотъ и роковое.... «Да или нѣтъ»? Въ вещицѣ сказано, что сюжетъ пьески *заимствованъ*, откуда же — не означено. Чтѣ нужды! Позволяется брать отвсюду, лишь бы съ умомъ и вкусомъ, которыхъ въ комедіи оказалось достаточно на одинъ вечеръ....

Федоръ Андреевичъ Кольчугинъ, отставной полковникъ, вознамерился женить на своей племянницѣ Владиміра Петровича и Случаевскаго: но тотъ не рѣшается, потому-что не чувствуетъ ни особеннаго призванія къ женитьбѣ, ни особенной привязанности къ невестѣ. Послеъ долгой нерѣшимости, онъ придумываетъ предоставить рѣшеніе свое случаю.... за тѣмъ-то онъ Случаевскій.... приготовляетъ два письма, изъ которыхъ въ одномъ согласіе, въ другомъ отказъ, велитъ человѣку запечатать оба въ разные конверты, и, на удачу или на неудачу, отвезти котораго-нибудь къ свату-дядѣ. Слуга поскакалъ съ однимъ письмомъ, другое Случаевскій ожогъ, чтобъ не знать о рѣшеніи «судьбы». Почему начинаетъ его мучить сомѣтніе неизвѣстности, имъ самимъ устроенной. Придетъ же въ голову такая фантазія! Максимовъ, однако жъ, справляется съ нею къ общему удовольствію зрителей, которые безъ скуки смотрятъ на сцены, выходящія

изъ этой загадки. Полковника не зрѣтали, и онъ самъ вылетѣлъ изъ отвѣтомъ, сердясь и выговаривая Случаевскому. — Да вѣдь ты говоришь Владиміръ Петровичъ. — Ну, что же? Да или нѣтъ? Не тутъ то и запятая. Женяхъ не знаешь что отвѣчать, увертывается, уклоняется. Опять забавно! — Постой же, восклицаетъ старикъ: ты будешь наказанъ, не умѣя цѣнить своего счастья! Случаевскій стронуть гримасу, счастье кажется ему кислымъ. Ты думаешь, что кромѣ тебя и нѣтъ жениховъ? прибавляетъ избитый старикъ. — Знай же, что племянница тебя не любитъ, и расположена къ твоему врагѣ, Ларину (Случаевскій въ восторгѣ), который въ нее влюбленъ. — Вотъ настоящее счастье! думаетъ про себя Владиміръ Петровичъ. — А вѣдь буду свободенъ, если въ послѣднемъ письмѣ, на бѣду, и согласіе. Случаевскому больше нравится сестра Ларина, Софья Ивановна, молодая вдовушка. Возвращается, въ-попыхахъ, слуга: онъ привнесъ назадъ письмо, потому что нигдѣ не могъ отыскать Кольчугина. Желая сохранить тайну отвѣта до конца, и отъ полковника, и отъ себя, Случаевскій уничтожаетъ и другое письмо. Онъ женится на вдовушкѣ, а Ларинъ на дѣвницѣ, племянницѣ Кольчугина. Кто сдѣлалъ находку, эта щекотливая тайна останется навсегда за кулисами семейнаго благополучія. Пьеска, какъ водится, повершилась затѣливымъ куплетомъ, обращеннымъ къ публикѣ. Ее также спрашивали: *да или нѣтъ?* то есть: хороша ли штука? Но публика сдумала подражать Случаевскому, и не дала рѣшительнаго отвѣта.

Бенефисъ господина Каратыгина младшаго замѣчательнѣе тѣмъ, что въ продолженіе всего спектакля не вызвали ни одного актера, хотя всѣ играли прекрасно.... Ужели публика разлюбил «шутки» и желаетъ чего-нибудь посерьезнѣе — болѣе вѣрнаго изображенія жизни, страстей благородныхъ и возвышенныхъ, занимательности содержанія, а не кукольнаго движенія пустыхъ характеровъ? Должно быть такъ, что и слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію «драматурганъ», призываемымъ къ трудамъ не эсернымъ и шаловливымъ....

Изъ урны забвенія, покрывшей прочіе осенне-зимніе бенефисы, выглядываютъ печально и просятъ критики только четыре оригинальныя пьесы: «Богатая старушка», «Кулибинъ», «Холодята» и «Царская невѣста», драма въ стихахъ, господина Меа, первый общительный опытъ молодого писателя. Этими драматическими произведеніямъ предрекаютъ долгую жизнь, которое, по мнѣнью нѣтъ, продлится до Великаго поста. Слѣдственно хроника наша, вѣроятно, будетъ еще имѣть случай встрѣтиться съ ними и дать о нихъ

отчетъ болѣе удовлетворительный. Впрочемъ, два послѣднія произведенія, независимо отъ сценическаго представленія ихъ на театрѣ обѣихъ столицъ, преданы въ славѣ тисненія, одно въ Петербургѣ, другое въ Москвѣ....

Между-тѣмъ, какъ запоздалая лѣтопись пополнялась этими уже увиданными преданіями, на Большомъ театрѣ произошли новыя событія: итальянскіе пѣвцы: 17 декабря разыграли, въ пользу госпожи Корбарн, только извѣстнаго «Донъ-Жуана», а 20 декабря, въ бенефисъ отличной нашей танцовщицы, госпожи Смирновой, поставленъ новый пантомимный балетъ: «Тарантула», которому предшествовалъ «Великанъ изъ Америки», картинка изъ Ералаша, сочиненія (точные слова афѣиши) М. А. Неваховича и компаніи». Доселѣ господинъ Неваховичъ извѣстенъ былъ публикѣ только карриатурами; отнынѣ, перенося на сцену, «Ералашъ», онъ вступаетъ и въ ряды драматическихъ писателей. Даровитая компанія, конечно, облегчитъ ему эту ношу, а критика, безъ сомнѣнія, пойметъ, что къ «картинкамъ изъ Ералаша» нельзя быть слишкомъ взыскательнымъ....

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

Цѣны на серебро.

Новая опера Мейербера: ПРОРОКЪ.

LE PROPHÈTE. Grand opéra en cinq actes, musique de G. MEYERBEER, Partition pour piano et chant (20 r. 58 c.). L'opéra complet pour le piano seul (11 r. 15 c.). — Всѣ номера изъ этой оперы отдѣльно, разныя аранжировки на темы изъ этой оперы для фортепiano въ двѣ и четыре руки и для фортепiano и скрипки; танцы изъ этой оперы и проч.

Новыя пьесы для фортепiano.

BEETHOVEN. Simphonies transcrites pour le piano par L. Winkler: № 1, op. 21 (1 r. 72 c.). № 2, op. 36 (2 r. 29 c.). № 3, op. 55, héroïque (2 r. 58 c.).

- BERNARD.** Divertissement à la russe. (60 c.). *Нотная Русская. Документальный сборник.* (60 c.).
- BEYER.** Bouquet de mélodies de l'opéra Martha. (1 r.). Six morceaux élégants sur des airs allemands favoris, op. 99. № 1 à 6 (chaque 65 c.).
- Hommage à la Russie. Douze fantaisies élégantes sur des airs russes favoris, op. 100 № 1 à 12 (chaque 75 c.).
- BILLET.** Le rossignol Etude de trille, op. 57. (58 c.).
- BLUMENTHAL.** Une nuit à Venise. Fantaisie, op. 9. (72 c.).
- BURGMÜLLER.** Les étincelles. Douze mélodies, fantaisies, variations et rondos, op. 97. № 1 à 12 (chaque 72 c.).
- COLLECTION** des opéras. Auswahl beliebiger Stücke aus der Oper Amira. (1 r. 29 c.). I Briganti (1 r. 15 c.). II Corsaro. (1 r. 72 c.). Il finto Stanislao. (1 r. 43 c.).
- COUPERIN.** (Organiste de la Chapelle et membre de la chambre de musique de Louis XIV). Pièces pour le piano publiées par Linday Sloper. Liv. 1. 2, (chaque 85 c.).
- EVERS.** Trois grandes études, op. 45. № 1. 2, 3 (chaque 85 c.).
- GORIA.** Fantaisie dramatique sur le val d'Andorre, opéra de F. Halévy, op. 47. (1 r. 72 c.). La chasse. Caprice de concert, op. 48. (1 r.).
- HARTOG.** Sonate-Symphonie. op. 21 (2 r. 58 c.).
- HELLER.** La vallée d'amour. Mélodie de Mendelssohn transcrite, op. 67 (1 r. 43 c.). Ständchen von Schubert. op. 68. (1 r. 43 c.).
- HÜNTEN.** Fantaisie sur des airs favoris de l'opéra; le val d'Andorre. op. 165 (1 r. 43 c.).
- KALKRENNER.** Fantaisie brillante sur les plus jolis thèmes du val d'Andorre, op. 183 (1 r. 43 c.). Dernières pensées musicales. Trois romances sans paroles, op. 189 (1 r.).
- KULLAK.** Le chaperon rouge. Idylle, op. 50 (1 r. 29 c.). Ballade, op. 54 (1 r. 15 c.).
- LISZT.** Carnaval de Pesth (1 r. 43 c.), Trois études de Concert. № 1. 2, 3 (chaque 85 c.). Air favori de Preciosa de Weber, transcrit (58 c.). Transcriptions № 5. Récitativ et romance de Wagner (85 c.). № 6. Chœur et Styrienne de l'opéra «Tony» (1 r. 15 c.). Beethoven's Lieder, übertragen. (1 r. 72 c.). Lieder von Robert Franz übertragen. Liv. 1. 2, 3 (chaque 1 r. 43 c.).
- MAYER.** Six grandes études, op. 100. Liv 1. (2 r. 29 c.) liv 2. (1 r. 43 c.). Ballado, op. 115 (1 r. 15 c.).
- L. de MEYER.** Niagara. Fantaisie caractéristique (1 r. 15 c.). Salon de New-York. Quatre valse brillantes (85 c.).
- MOZART.** Sonates pour le piano à deux mains. Édition nouvelle et soigneusement revue (18 r. 58 c.).

СРАВНИТЕЛЬНОЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ ГОЛЛАНДИИ, БЕЛЬГИИ И ВАВРИИ. По свѣдѣніямъ, обнародованнымъ въ « Амстердамскомъ Календарѣ на 1849 годъ », все народонаселеніе Нидерландскаго королевства, то есть Голландіи, составляло къ первому январю 1848 года 3,050,840 душъ, распределенныхъ на 594 географическихъ квадратныхъ миляхъ и въ одиннадцати провинціяхъ слѣдующимъ образомъ :

Въ сѣверномъ Брабантѣ	403,723	душъ.
— Гельдерландѣ	373,000	—
— южной Голландіи	564,454	—
— сѣверной Голландіи	462,851	—
— Зеландѣ	157,774	—
— Утрехтѣ	153,366	—
— Фришландѣ	246,656	—
— Оберисселѣ	212,636	—
— Греннигенѣ	190,096	—
— Дреентѣ	83,570	—
— Лимбургѣ	202,734	—

Итого 3,050,840 душъ.

На квадратную милю приходится среднимъ числомъ по 5,136 жителей. Самыя заселенныя части королевства суть сѣверная и южная Голландія, въ которыхъ на квадратную милю приходится среднимъ числомъ 10,255 и 10,118 жителей, то есть втрое болѣе средняго населенія Франціи; въ болотистой же дреентской провинціи приходится на квадратную милю не болѣе 1,722 душъ.

Въ сложности послѣднихъ осемнадцати лѣтъ, отъ 1830 до 1847 года, слѣдуетъ, что въ это время родилось въ Нидерландахъ 1,727,915 дѣтей, въ томъ числѣ 889,437 мальчиковъ и 838,478

дѣвочекъ; такъ-что на каждый годъ среднимъ числомъ приходится 96,005 дѣтей; 49,413 мальчиковъ и 46,582 дѣвочки. Умерло въ то же время 1,322,371 человекъ; изъ нихъ 680,493 мужскаго и 641,888 женскаго полу. Слѣдовательно на каждый годъ приходится смертныхъ случаевъ среднимъ числомъ 73,443; изъ нихъ 37,783 для мужскаго и 35,660 для женскаго пола.

По этому исчисленію населеніе Нидерландскаго королевства возрасло въ теченіе послѣднихъ осемнадцати лѣтъ на 400,000 душъ. Но это увеличеніе народонаселенія не одинаково каждый годъ. Въ 1847 году оно даже уменьшилось, что вѣроятно повторится на 1848 и 1849 годъ. Число смертныхъ случаевъ въ 1847 году дошло до 99,457, самаго высокаго предѣла въ сложности осемнадцати лѣтъ, а число рожденій опустилось до 91,457, слѣдовательно ниже средняго числа. Въ тѣ же осемнадцать лѣтъ, годовое число рожденій три раза, доходило до высшаго предѣла 108 и 109 тысячъ и даже превосходило его.

Число бракосочетаній въ теченіе осемнадцати лѣтъ было 363,499; слѣдовательно по 20,194 въ годъ. Число законныхъ рожденій къ ежегоднымъ бракамъ относится какъ 4,17 къ 1; законныя же рожденія къ незаконнымъ, какъ 100 къ 54. Въ послѣдніе тринадцать лѣтъ рождалось ежегодно незаконныхъ дѣтей 5,165; въ томъ числѣ 2,634 мальчика и 2,531 дѣвочка. Въ тѣ же тринадцать лѣтъ считалось законнорожденныхъ среднимъ числомъ 49,141 мальчикъ и 46,141 дѣвочка ежегодно. Слѣдовательно между законнорожденными дѣтьми число дѣвочекъ къ числу мальчиковъ относится какъ 94 ко 100, а между незаконнорожденными какъ 96 къ 100. Это усиленное отношеніе дѣвочекъ къ мальчикамъ между незаконнорожденными дѣтьми подтверждается статистическими таблицами всѣхъ другихъ государствъ. Напримѣръ въ Баваріи, которая славится многочисленностью незаконныхъ рожденій почти столько же какъ своимъ пивомъ, — въ одиннадцатилѣтней сложности, отъ 1824 года по 1834, между законнорожденными дѣтьми на 100 дѣвочекъ приходилось среднимъ числомъ 107 мальчиковъ, а между незаконнорожденными то же число дѣвочекъ на 101½ мальчика.

Среднее число мертворожденныхъ въ Нидерландахъ составляетъ 4,894 ежегодно.

Если отъ осемнадцатилѣтней сложности мы перейдемъ собственно къ 1847 году, то Нидерландское королевство представитъ намъ слѣдующія явленія: въ этомъ году заключено 19,280 вѣвыхъ браковъ, а расторгнуто 66 браковъ; въ томъ числѣ 48 и

сѣверной и въ южной Голландіи. Въ сѣверномъ Брабантѣ и Лимбургѣ, гдѣ господствуетъ римско-католическое вѣроисповѣданіе не было ни одного развода; въ Грѣвнингѣ и Дрентѣ по одному. Мѣсяцы декабрь, февраль и апрѣль представляютъ гораздо большую смертность, чѣмъ лѣтніе мѣсяцы, но уступаютъ въ этомъ отношеніи январю и марту.

Умерло въ 1847 году:

	Мужск. п.	Женск. п.	Итого.
Въ деревняхъ	31,059	27,176	58,215
Въ городахъ	20,629	20,613	41,242
Въ томъ числѣ въ сѣверной Голландіи.	5,370	5,359	10,729
Въ южной Голландіи	7,303	7,101	14,304

Число смертныхъ случаевъ въ послѣднихъ двухъ провинціяхъ превышаетъ общее отношеніе смертности къ народонаселенію. Противоположное замѣчается въ числѣ рожденій.

Родилось въ 1847 году:

	Мужск. п.	Женск. п.	Итого
Въ деревняхъ	29,503	27,519	57,022
Въ томъ числѣ: а) законныхъ дѣтей .	28,678	26,704	55,382
в) незаконныхъ	825	815	1,640
Въ городахъ	17,968	16,660	34,628
Въ томъ числѣ: а) законныхъ дѣтей .	16,335	15,325	31,660
в) не законныхъ	1,453	1,335	2,788
Незаконнорожденныхъ въ сѣверной и южной Голландіи	956	858	1,814

Слѣдующая таблица представляетъ сравненіе рожденій и смертности въ самыхъ большихъ городахъ, изъ которой видно, что они скоро опустѣли бы, еслибъ населеніе ихъ не пополнялось безпрестанно вновь приходящими изъ другихъ мѣстъ:

	Число родившихся.		Умершихъ.	
	Законныхъ.	Незаконныхъ.	Итого.	
Амстердамъ	6,521	619	7,140	10,979
Роттердамъ	2,916	299	3,215	3,190
Гага	2,353	281	2,634	1,994
Утрехтъ	1,400	110	1,510	1,904
Лейденъ	1,155	120	1,275	1,521
Гренингенъ	950	60	1,010	948

Столица Баваріи превосходить, разумѣется, всѣ эти города въ отношеніи незаконныхъ рожденій къ законнымъ, какъ можно уже предполагать по тому обстоятельству, что въ ней считается ежегодно одинъ бракъ на 233 души. Слѣдующія числа, заимствованныя изъ календаря мюнхенской королевской обсерваторіи, подтверждаютъ этотъ фактъ. Среднимъ числомъ рождается ежегодно въ Мюнхенѣ законныхъ дѣтей 1,325, въ томъ числѣ 744 мальчика и 581 дѣвочка; незаконныхъ 1,301, въ томъ числѣ 651 мальчикъ и 650 дѣвочекъ; слѣдовательно $\frac{1}{13}$ всѣхъ рождающихся обязаны своимъ существованіемъ безнравственности большей части мюнхенскихъ жителей. Въ 1830 году родилось въ этотъ годъ 1,511 законныхъ и 1,482 незаконныхъ ребенка; но съ того времени число первыхъ значительно уменьшилось, а число послѣднихъ увеличилось. Смертность, особенно между младенцами, идетъ объ руку съ безнравственностью. Ежегодно умираетъ одинъ изъ 27 жителей, по тѣмъ же причинамъ, кажется, какъ въ столицѣ. Число рожденій нѣсколько меньше числа смертныхъ случаевъ, а между-тѣмъ народонаселеніе Мюнхена увеличивается каждый годъ 1,600 душъ.

Въ Парижѣ число незаконныхъ рожденій также очень значительно; оно доходитъ до 10,695 ежегодно; но чтобы сравниться съ Мюнхеномъ, оно должно бы представить цифру 16,500. Смертность въ Парижѣ (28,595 въ годъ) далеко уступаетъ числу рожденій (33,387). За-то число мертворожденныхъ, 2,305 въ годъ, въ полтора раза больше, чѣмъ въ Голландіи, гдѣ народонаселеніе втрое многочисленнѣе.

Довольно интересно слѣдующее исчисленіе, основанное на таблицахъ смертности въ Амстердамѣ.

Изъ 10,000 дѣтей мужескаго и 10,000 женскаго пола, рожденныхъ въ одинъ день, остаются въ живыхъ:

	Мужескаго полу.	Женскаго полу.
Черезъ годъ	7,487	7,952
— четыре года . . .	6,152	6 722
— двадцать лѣтъ . .	5,311	5,971
— 24 года	5,008	5,756
— 34 —	4,281	5,057
— 55 лѣтъ	4,200	4,941
— 45 —	3,433	4,231
— 46 —	3,351	4,167
— 55 —	2,538	3,407

	Мужескаго полу.	Женскаго полу.
Черезъ 56 лѣтъ	2,444	3,324
— 64 —	1,658	2,500
— 70 —	1,093	1,755
— 71 годъ	994	1,640

Между-тѣмъ, какъ въ Амстердамѣ изъ 10,000 мальчиковъ и столькихъ же дѣвочекъ умираетъ въ теченіе перваго года 2,513 мальчиковъ и 2,048 дѣвочекъ, въ Баваріи изъ того же числа умираетъ въ первый годъ 4,374 мальчика и 3,661 дѣвочка, въ Англіи 2,189 мальчиковъ и 1,756 дѣвочекъ, а въ Бельгіи 2,455 мальчиковъ и 2,033 дѣвочки; слѣдовательно въ Баваріи умираетъ въ первый годъ вдвое больше дѣтей, чѣмъ въ Англіи или въ Бельгіи. Въ Амстердамѣ, какъ видно изъ этой таблицы, половина дѣтей мужескаго пола перемираетъ до достиженія двадцати четырехъ лѣтняго возраста; тоже самое въ Англіи; въ Бельгіи до достиженія двадцати двухъ лѣтъ, а въ Баваріи въ началѣ четвертаго года. Половина дѣтей женскаго пола умираетъ, не достигнувъ 35 лѣтъ, въ Бельгіи до 28 лѣтъ, а въ Баваріи до 16. Двѣ трети всѣхъ мужчинъ умираютъ въ Бельгіи до 51 года, въ Англіи до 50 лѣтъ, въ Амстердамѣ до 46, а въ Баваріи до 39. Изъ женщинъ двѣ трети умираютъ въ Амстердамѣ до 56 лѣтъ, въ Англіи до 51 года, въ Бельгіи до 50 лѣтъ, въ Баваріи до 49.

Эта ранняя смертность продолжается въ Баваріи и тогда еще, когда изъ рожденных въ одно время остается въ живыхъ одна только четверть. Въ Баваріи, какъ и въ Амстердамѣ, эпоха смерти упреждаетъ, для мужескаго пола семью годами, а для женскаго четыремя годами, эпоху смерти въ Англіи и Бельгіи. Объясненія этого явленія не должно искать ни въ нуждѣ, ни въ климатѣ. Напротивъ, Баварія страна здоровая, плодородная, не вмѣющая чрезмѣрнаго населенія; и печатныя таблицы потребленія города Мюнхена доказываютъ, что жители не терпятъ нужды. Слѣдовательно зло имѣетъ другой источникъ, котораго должно искать въ наклонности къ разврату, неограничивающейся одною столицей. Во всей Баваріи считается ежегодно одинъ бракъ на 152 жителей, между-тѣмъ какъ въ Англіи приходится одинъ новый бракъ на 124 жителей, во Франціи на 131, въ Бельгіи на 139.

Въ Англіи приходится одинъ незаконнорожденный ребенокъ на 19 законныхъ, во Франціи, одинъ на 13 законныхъ, въ Бельгіи одинъ на 12 законныхъ, въ Баваріи одинъ на 4 законныхъ.

Отношеніе народонаселенія къ смертности въ Голландіи было

въ 1847 году, какъ 30, 8 къ одному, а къ рожденіямъ какъ 33, 4 къ одному.

Самая неподвижная изъ голландскихъ провинцій относительно народонаселенія, есть сѣверный Брабантъ, гдѣ роженія относятся къ народонаселенію какъ 1 къ 392, а смертность какъ 1 къ 403. Сѣверная и южная Голландія представляютъ наибольшее число рожденій и смертныхъ случаевъ; первый относится къ народонаселенію какъ 1 къ 282; послѣдній, какъ 1 къ 227.

Бельгія, какъ видно изъ издаваемаго господиномъ Бетле «Annuaire de l'observatoire de Bruxelles», представляетъ гораздо болѣе пріятнѣйшіе результаты относительно умноженія народонаселенія. Въ 1846 году смертность относилась къ народонаселенію какъ 1 къ 40, число роженій какъ 1 къ 36,2, число браковъ какъ 1 къ 169. Въ 1847 году эти три отношенія были какъ 1 къ 36,4; къ 36,7; 1 къ 180.

Вотъ таблица народонаселенія Бельгіи, составленная въ концѣ 1846 года:

Провинція.	Нас. городовъ.	Сельское нас.	Итого.	Гладные гор.р.
Антверпенъ . . .	146,625	259,733	406,358	Антверпенъ. 89,383
Брабантъ	197,662	492,887	690,549	Брюссель . . 124,461
Вост. Фландрія	208,519	583,097	791,616	Гентъ 103,739
Запад. Фландрія	184,395	458,265	642,660	Бригге 49,437
Геннегау	142,986	572,810	715,796	Монсъ 24,502
Литтихъ	119,849	552,754	452,603	Литтихъ . . . 76,379
Лимбургъ	31,353	154,560	185,913	Гассельтъ . . 9,637
Люксембургъ . .	22,648	163,746	186,394	Арлонъ 5,414
Намюръ	38,357	225,073	263,430	Намюръ 22,306

Число родившихся въ 1846 году было: въ городахъ 35,334; въ деревняхъ 89,452; всего 124,786, въ томъ числѣ мальчиковъ 64,235, дѣвочекъ 60,551. Слѣдовательно приходилось, какъ и въ Голландіи, 94 дѣвочки на 100 мальчиковъ, или 105 мальчиковъ на 100 дѣвочекъ. Число умершихъ было: мужескаго полу 57,634; женскаго 55,377, то есть 100 мужчинъ на 101 женщину. Роженія относятся къ законнымъ, въ городахъ какъ 1 къ 7, въ деревняхъ какъ 1 къ 20. На каждый бракъ приходится въ Бельгіи дѣтей среднимъ числомъ 4,3.

МОНАСТЫГСКІЯ БИБЛІОТЕКИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ БИБЛІОГРАФИЯ
временна искусство писать книги; во все времена, гуманистич.

страстные любители и собиратели книгъ, въ томъ или въ другомъ сословіи. Въ средніе вѣка библіоманія заключалась по большей части въ монастырскихъ стѣнахъ. Конечно, тогдашнихъ любителей книгъ нельзя сравнивать съ нынѣшними; нѣсколько сотенъ томовъ, составлявшихъ въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ вѣкѣ богатое собраніе, теперь потерялись бы въ массахъ книгъ нашихъ большихъ библіотекъ. Строгіе уставы отшельнической жизни принуждали монаха прибѣгать къ тихой, но утѣдительной бесѣдѣ книгъ. Уставъ ордена и правила братства осуждали его во все продолженіе многочисленныхъ ежедневныхъ обязанностей на безусловное молчаніе; литургія, псалмы, утреннее и вечернее бдѣніе, составляли кругъ, въ которомъ вращалась его жизнь. Надлежало наполнять часы, протекавшіе между этими благочестивыми занятіями; иначе они сдѣлались бы нестерпимы, убійственны своимъ однообразіемъ. Отрѣзанный отъ общества живыхъ людей и мірскихъ удовольствій, монахъ прибѣгалъ къ книгамъ, тѣмъ болѣе, что праздность осуждалась.

По этому хорошая библіотека составляла славу и гордость монастыря. Она ввѣрялась попеченію библіотекаря, который долженъ былъ отвѣчать за каждый томъ.

Библіотекарь обязанъ былъ каждую данную ему книгу вносить въ каталогъ. До насъ дошло нѣсколько такихъ старинныхъ каталоговъ; это важные библіографическіе памятники, безъ которыхъ трудно было бы составить себѣ точное понятіе о литературѣ того отдаленнаго времени. Они указываютъ множество сочиненій, которыхъ не отыскано еще ни одного экземпляра. Должно замѣтить, что вмѣсто того, чтобы записывать все сочиненія, заключающіяся въ одномъ переплетѣ, составители этихъ каталоговъ называютъ только первое, такъ что списокъ пятидесяти или шестидесяти книгъ не рѣдко заключаетъ слишкомъ вдвое болѣе сочиненій. Два или три начальныхъ слова выписывались болѣе за тѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать, что такая то книга имѣлась въ библіотекѣ, чѣмъ для обозначенія ея содержанія; иногда впрочемъ эти замѣтки заключали и краткое обзорѣе находившихся въ томъ сочиненій. Иногда изъ предосторожности отмѣчали въ каталогѣ и послѣднія слова книгъ; это очень облегчало трудъ библіотекаря, потому что при пріемѣ книгъ онъ по этому могъ тотчасъ видѣть, полна ли она. Кромѣ того на библіотекаря лежала обязанность отъ времени до времени свидѣтельствовать старыя книги, чтобъ онѣ не пострадали отъ червей или отъ сыро-

сти; въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ немедленно принять мѣры для исправленія порчи.

Зала, назначенная для храненія книгъ, всегда обшивалась деревомъ затѣмъ, чтобы сырость отъ каменныхъ стѣнъ не доходила до пергамента и не причиняла плѣсени; зала дѣлилась на нѣсколько частей, отгороженныхъ деревянными перегородками. Книги распределялись по форматамъ и клались лежа, не слишкомъ близко одна къ другой, чтобы не могли попортиться отъ тѣсноты или трѣнія; такимъ-образомъ можно было очень легко узнать и отыскать требуемое сочиненіе.

Любители книгъ никогда не отличались исправностью въ отдачѣ книгъ, и въ средніе вѣка, какъ и нынче, очень часто случалось, что занявшій книгу забывалъ возвратить ее въ назначенный срокъ. Во избѣжаніе такихъ беспорядковъ, были постановлены очень строгія мѣры; библіотекарю строго запрещалось давать книги безъ письменнаго обязательства заемщика возвратить книгу въ опредѣленный срокъ, и это запрещеніе распространялось даже на сосѣдніе монастыри. Когда занимавшій книгу былъ совершенно невѣстенъ библіотекарю, то послѣдній долженъ былъ брать отъ него въ залогъ другую книгу равной цѣности. Притомъ онъ обязанъ былъ всегда вести книгу, въ которой немедленно записывалъ не только выдаваемую книгу, но и принятую въ залогъ. Относительно рѣдкихъ и дорогихъ книгъ, соблюдались еще болѣе строгія правила; хотя эти книги сдавались, какъ и прочія, на попеченіе хранителя, однако же онъ не могъ выдавать ихъ безъ особаго разрѣшенія настоятеля. Нѣтъ сомнѣнія, что эти правила были общи всѣмъ монастырямъ; потому-что они безпрестанно пользовались взаимно своими библіотеками. Изъ одного постановленія дургемскаго монастыря, 1235 года, видно, что въ немъ соблюдались тѣ же строгія правила, и что одинъ епископъ имѣлъ право смягчать ихъ. По уставамъ эбингтонскаго монастыря, библіотека его, равно какъ богослужебныя книги были вѣрены храненію и попеченію монастырскаго кантора или регента, и онъ не могъ никому выдавать ихъ кромѣ лицъ высокаго званія или пользовавшихся общею извѣстностью; и то не иначе, какъ взявъ отъ нихъ залогъ, который долженъ былъ остаться въ библіотекѣ до возвращенія выданной книги. Тѣ же правила соблюдались еще въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, въ то время когда знаменитый библіоманъ Ришаръ-де-Бюрри написалъ озаглавленную книжечку «Philobiblion». Онъ говоритъ въ ней между прочимъ, что библіотекаръ, прежде чѣмъ одолжитъ книгу, дол-

желъ удостовѣриться, что въ вѣренномъ ему собраніи есть другой экземпляръ того сочиненія; и даже въ такомъ случаѣ, не должно выдавать ее, не взявъ въ залогъ другой книги равнаго достоинства; потомъ немедленно записать названіе какъ принятой книги, такъ и выданной, имя заемщика и библіотекаря, и то число, въ которое совершился обмѣнъ.

Всѣ рукописи, изготовлявшіяся въ монастырѣ или внѣ его, были также въ вѣдѣніи библіотекаря. Онъ снабжалъ переписчиковъ пергаментомъ и прочими матеріалами; назначалъ имъ плату за переписку книгъ; выдавалъ монахамъ, обязаннымъ переписывать манускрипты, сочиненія, которыя требовалось переписать, и обязавъ былъ, во избѣжаніе потери времени, всегда имѣть нѣсколько заготовленныхъ работъ. Никто не смѣлъ порученную ему работу передать другому, или дозволить себѣ малѣйшее отступленіе; самъ библіотекарь не могъ принять на себя никакого распорядженія по этому предмету, не испросивъ предварительнаго разрѣшенія настоятеля.

Не трудно составить себѣ понятіе о тихой, безмятежной жизни монаха, который съ невозмутимымъ однообразіемъ трудится надъ умноженіемъ монастырской библіотеки. Многіе достовѣрные современники свидѣтельствуя, что не рѣдко эти отшельники олушевлялись истинною любовью къ наукамъ, и утѣшительно видѣть готовность ихъ служить своимъ братьямъ сокровищами своей библіотеки и дѣлиться взаимно свѣдѣніями, которыя успѣли приобрѣсть за своей работою. Этотъ дѣлежъ приобрѣтеннымъ знаніемъ производился обыкновенно при обмѣнѣ книгъ, или въ письмахъ; потому что многіе изъ нихъ вели обширныя переписки. Памятники того времени представляютъ тому много замѣчательныхъ примѣровъ. Нынче, когда книги сравнительно такъ дешевы, намъ покажется безумною тратою времени списать цѣлую книгу, если это только не какая-нибудь чрезвычайная рѣдкость; мы довольствуемся тѣмъ, что займемъ книгу, или, если имѣемъ свой экземпляръ, прочтемъ или просмотримъ ее, и поставимъ на полку своей библіотеки, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды съ нею справиться. Но въ средніе вѣка одинъ экземпляръ замѣнялъ двадцать нынѣшнихъ; онъ переходилъ изъ монастыря въ монастырь, и эта передача была единственнымъ путемъ къ обнародованію сочиненія; потому что каждое братство, имѣвшее счастье добыть экземпляръ, спѣшило сваять съ него списокъ для обогащенія собственной своей библіотеки; не рѣдко даже при скупкѣ рѣдкого сочиненія поставлялось въ условіе заемщику, чтобы при

возвращеніи его была приложена къ оригиналу вѣрная и хорошая копія; это было вѣщо въ родѣ вознагражденія за ссуду. Такіе взаимныя ссуды монастырей не ограничивались одною книгою. Гунтеръ въ своемъ «Каталогѣ монастырскихъ библіотекъ» представляетъ списокъ изъ двадцати томовъ, которые гентонскій монастырь ссудилъ другому, сосѣднему монастырю. Обязательство возвратить эти книги было дано письменно и за монастырскою печатью.

Главнѣйшимъ попеченіемъ монастырей было, конечно, чтобы библіотеки ихъ были снабжены всѣми книгами, относящимися къ богослуженію; кромѣ того, монастырскіе уставы предписывали пріобрѣтать, для духовной пищи братіи, лучшія сочиненія по главному предмету изученія того времени, Библію и лучшія толкованія на нее, писанія святыхъ отецъ, житія святыхъ, духовныя бесѣды, и прочая. Эти книги были по большаеи части въ листъ, и монахамъ дозволялось брать ихъ съ собою въ келью; книги же малаго формата нельзя было выносить изъ покоевъ библіотеки, изъ опасенія, чтобы онѣ не затерялись. То же самое правило распространялось на книги рѣдкія и дорогія. Библіотекарь заботился о вѣрномъ записываніи выдаваемыхъ книгъ; такъ что онъ всегда зналъ, въ чьихъ рукахъ находилась каждая книга, а въ случаѣ если дозволялъ монахамъ увозить ихъ въ свои кельи, то могъ во всякое время ихъ вытребовать. Когда монахи занимались вмѣстѣ, то имѣли право по своему усмотрѣнію брать изъ библіотеки нужныя имъ книги, но съ тѣмъ, чтобы по сдѣланіи надлежащихъ справокъ или выписокъ, клали ихъ на прежнее мѣсто. Получившему книгу отъ библіотекаря, не дозволялось ни передать ее другому, ни читать ее вмѣстѣ съ другимъ. Это правило распространялось и на канторовъ, которые должны были обращаться къ настоятелю, когда имъ нужна была какаго-либо книга для ихъ ученыхъ занятій.

Больные братья могли получать изъ библіотеки книги для развлеченія; но какъ скоро въ лазаретѣ зажигались лампы, всѣ книги слѣдовало возвращать до слѣдующаго утра въ библіотеку. Эти правила существовали даже въ самыхъ древнихъ монастыряхъ. Уставъ Святаго Пахомія, въ четвертомъ столѣтіи, предписывалъ самую тщательную заботливость о сбереженіи книгъ. Когда монахи выходили изъ библіотеки, чтобы идти въ трапезную, никто не смѣлъ оставить своей книги открытою; каждый долженъ былъ читаемую имъ книгу отнести на то мѣсто, откуда взялъ ее. Орденъ Святаго Пахомія былъ очень многочисленъ; въ каждомъ изъ

ствѣ было сорокъ братьевъ, а весь орденъ состоялъ изъ тридцать или сорока монастырей. Каждый братъ, говоритъ Маблювъ, въ своемъ «*Traité des études monastiques*», имѣлъ свою собственную книгу, а каждый монастырь свою собственную библиотеку, что вмѣстѣ составляло очень значительное собраніе книгъ. Не смотря на рѣдкость книгъ въ то время, очень часто случалось, что каждому члену братіи предоставлялось право имѣть одну или нѣсколько книгъ въ собственность, кромѣ пользованія общею библиотекою. Уставъ Ланфранка, 1072 года, предписывалъ бібліотекарю выдавать каждому монаху въ началѣ великаго поста, для чтенія въ кельи, одну книгу на весь годъ. Въ сочиненіи Мартенна «*De antiquis ecclesiae ritibus*», есть чрезвычайно любопытная глава «*De scientia et signis*», заключающая много странныхъ подробностей о монастырскихъ обычаяхъ. Въ церкви, въ трапезной, въ крестныхъ ходахъ, въ спальняхъ, словомъ, гдѣ бы она ни была, предписывалось монахамъ глубокое молчаніе; только въ случаяхъ крайней необходимости позволялось имъ сказать другъ другу нѣсколько словъ на ухо, *Submissa voce in auro*. Поэтому, когда они желали получить какую-либо книгу отъ бібліотекаря, они прибѣгали къ знакамъ. Самый обыкновенный знакъ былъ — протянуть руку, и сдѣлать движеніе будто перелистываешь книгу. Къ этому знаку надлежало присоединить знаменіе креста, чтобы получить служебникъ; для Евангелія сдѣлать знаменіе креста на лбу; для духовныхъ пѣсень, приложить мяннонецъ одной руки къ персту другой; для книги кондаковъ, сдѣлать знаменіе креста и пощиповать кончики пальцевъ, для толкованія на литургію, приложить одну руку къ сердцу, другую къ устамъ; для тропаря — воздѣть руки къ небу; для псалтыря, положить руки на голову въ видѣ вѣнца. Религіозная нетѣрпимость этого времени особенно преслѣдовала всѣ творенія язычества. Не смотря на удовольствіе, съ которымъ монахи изучали произведенія, завѣщанныя древностью, они считали долгомъ изъяснять презрѣніе къ нимъ; по этому, желая получить книгу, писанную язычникомъ, они кромѣ общаго знака, перелистыванія книги, чесали за ухомъ.

Кромѣ изложенныхъ выше обязанностей, на бібліотекаря лежало много другихъ; ему поручено было слѣдить разные списки одной книги съ подлинникомъ, потому что церковные законы не допускали въ нихъ ни малѣйшаго измѣненія. Это были Библія, служебникъ, посланія апостоловъ, часы, тропари, духовныя пѣсни, псалмы, и собранія монастырскихъ уставовъ. Онъ изготов-

даль также небольшія таблицы, въ которыхъ назначалось монахамъ время различныхъ божественныхъ службъ, обѣдъ, утренъ, всенощныхъ, и прочая. Однимъ словомъ, на книгохранителя возлагалось все, для чего требовались точность и познаніе. Овъ же писалъ письма отъ монастыря и часто занималъ должность тайнаго секретаря при настоятелѣ. Само собою разумѣется, что монастырскіе бібліотекаря не получали содержанія; но при капитулахъ назначалось имъ иногда денежное вознагражденіе за труды. Такъ въ 1372 году бібліотекарю эвайской монастырской церкви назначено выдавать за трудъ его сорокъ три шиллинга четыре пенса въ годъ. Въ десятомъ вѣкѣ Освальдъ, епископъ ворстерскій, далъ значительныя земли одному монаху, въ награду за труды его въ должности бібліотекаря при его церкви. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи и еще позднѣе, стали налагать небольшую ежегодную плату на всѣхъ членовъ братства, въ пользу бібліотекаря, который обязанъ покупать, переплетать и хранить книги. Въ постановленіи, изданномъ въ 1145 году Удовомъ, аббатомъ монастыря Saint-Père-en vallée, въ Шартрѣ, аббатъ налагаетъ такую плату на себя самого, чтобы прочіе члены не могли роптать на нее.

Нерѣдко бібліотекарь соединялъ съ прочими своими обязанностями также должность главнаго кантора, то-есть регента хора монастырской церкви. Сохранилось нѣсколько любопытныхъ счетовъ расходамъ этой должности, изъ которыхъ можно взлечь замѣчательные факты, какъ относительно цѣнности книгъ въ то время, такъ и потребныхъ для письма матеріаловъ. Братъ бібліотекарь былъ по большей-части отчаянный любитель книгъ; одно уже безпрестанное вожделіе съ книгами, должно было вселить въ него эту страсть. Потомство должно быть очень благодарно этимъ людямъ за услуги, которыя они оказали литературѣ среднихъ вѣковъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ сами были хорошіе писатели и лѣтописцы. Мирные монахи не довольствовались тѣмъ, что прилагали всѣ свои старанія къ сохраненію дорогихъ книгъ: они призывали на нихъ небесное благословеніе, какъ видно изъ нѣсколькихъ дошедшихъ до насъ молитвъ; вотъ одна для образца: «Милосердый Боже! освѣти наши книги свѣтомъ Твоего Святаго Духа, да очистятся онѣ чрезъ Твое благословеніе отъ всякой мірской суеты, да умножатъ знанія наши, и согрѣютъ сердца наши. Да повинуемся мы велѣніямъ Твоимъ, и исполнимъ обязанности, согласныя съ Твоею Святою Волею. Аминь!»

Монастыри долго служили вмѣстѣ и школами, и ихъ обитателямъ обязаны мы преимущественно сохраненіемъ литературныхъ сокровищъ; безъ изумительнаго терпѣнія, съ которымъ они посвящали себя переписыванію своихъ книгъ, многія изъ лучшихъ произведеній классической древности были бы для насъ навѣки утрачены. Многіе западные писатели упрекали монашество въ томъ, что оно въ невѣжественномъ усердіи своемъ, презирало все, кромѣ Священнаго Писанія и богословскихъ книгъ. Это однако же несправедливо; конечно, эти люди, посвятивъ себя служенію церкви, преимущественно занимались богословскими науками; однако же не подлежитъ сомнѣнію и то, что они сохраняли намъ безсмертныя творенія Рима и Греціи, умножая безпрестанно ихъ списки. Они же передали потомству простымъ, безыскусственнымъ языкомъ всѣ событія своего времени, какъ духовныя такъ и мірскія, и невозможно отвергать благотворительности ихъ мліянія на своихъ невѣжественныхъ и варварскихъ современниковъ. Увидѣвъ, какими средствами монахи пеклись о сохраненіи и размноженіи книгъ, каждый долженъ убѣдиться, что они, строя дивныя церкви во славу Бога и святыхъ, учреждая бібліотеки и наполняя ихъ множествомъ богато расписанныхъ рукописей, не мало содѣйствовали къ приуготовленію болѣе образованнаго вѣка.

Почти во всѣхъ монастыряхъ бывали два рода письменныхъ покоевъ (*scriptoria*); одинъ обширный, общій покой для всѣхъ занимавшихся перепискою церковныхъ книгъ или другихъ рукописей, принадлежавшихъ монастырской бібліотекѣ; другіе маленькіе, для начальниковъ общины и для ученыхъ, которыхъ занятія требовали уединенія и размышленія. Такъ, напримѣръ, читаемъ мы, что въ монастыряхъ цистерціанскаго ордена были для переписчиковъ небольшія кельи, раздѣленные между собою перегородками, въ которыхъ каждый могъ работать не тревожимый никакимъ шумомъ, какъ предписалъ основатель ордена.

Эти кельи помѣщались обыкновенно въ самомъ отдаленномъ концѣ монастыря, вмѣщали одного человѣка, много двохъ, и давались только тѣмъ братьямъ, которые отличались благочестіемъ и ученостію. Отъ престарѣлыхъ монаховъ, которые по болѣшей части занимали эти уединенныя кельи, не требовалось такой усиленной работы, какъ отъ прочихъ братій-писцовъ; ихъ занятія были гораздо легче и не такъ продолжительны. Одно весьма замѣчательное мѣсто въ житіи святаго Бернгарда, архіепископа Гильдесгеймскаго, доказываетъ, что у богатыхъ мірянъ бывали

также писанные покоем. Они писаны, говоритъ авторъ, не только въ монастыряхъ, но и вне ихъ; тамъ занимаются перепискою Священнаго Писанія и философскихъ книгъ.

Монастырской общинъ письменный покой, гдѣ производились всякіе литературные труды, состоялъ въ обширной залѣ, со множествомъ носыхъ столовъ и скамеекъ, разставленныхъ такъ, чтобъ въ ней могло помѣститься какъ можно болѣе писцовъ. Въ некоторыхъ монастыряхъ и при главныхъ церквахъ были длинныя ряды скамеекъ для писцовъ; одинъ изъ монаховъ, который лучше былъ знакомъ съ переписываемою книгою, самъ писалъ и въ то же время диктовалъ другимъ; такимъ образомъ изготовлялось нѣсколько списковъ разомъ, и число рукописей увеличилось быстро. Но это случалось рѣдко, а по большей части каждый работалъ отдѣльно.

Дѣятельность письменная и ея результаты зависѣли отъ богатства монастыря или отъ щедрости аббата. Не рѣзко, хотя впрочемъ и не часто, бывало, что община обращала эти занятія въ источникъ доходовъ и предвѣдѣла къ плодамъ своихъ полей плодъ пера. Обыкновенно однако же письменный покой содержался на впрочемъ опредѣленные на этотъ предметъ доходы. Миряне, любившіе грамоту или сами занимавшіеся науками, часто дѣлали въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ богатыя пожертвованія въ пользу монастырскихъ письменныхъ покоевъ:

Управленіе письменнымъ покоемъ принадлежало непосредственно самому аббату; онъ одинъ назначалъ время работы. Для устрaненія всякаго разсѣянія, никому изъ незаинтересованныхъ братій не дозволялось входить во время работы, кромѣ самого аббата, пріора, его помощника и библиотекаря. Послѣдній долженъ былъ приносить потребные писцамъ матеріалы и орудія; онъ выдавалъ чернила, чинилъ перья, и прочая. Ему поставлено было въ обязанность соблюдать самую строгую бережливость въ выдачѣ этихъ цѣнныхъ матеріаловъ; давать не больше пергаменту, перьямъ, пошей, какъ сколько необходимо для окончанія труда; все, что онъ давалъ монахамъ, должны они были принимать безпресловенно.

Въ письменномъ покоѣ, какъ мы уже говорили, соблюдалась глубокая тишина и молчаніе. Это правило было написано на всѣхъ стѣнахъ, для строжайшаго его соблюденія. Это безусловное молчаніе было лучшимъ средствомъ дать писцамъ возможность вѣрно слѣдить за оригиналомъ. Въ сочиненіяхъ Алкуина находятся стихи «Ad museum libros scribentium, o quibus scribitur»

пишущихъ книги, въ которыхъ онъ очень старательно и точно доказываетъ необходимость молчанія при этомъ занятіи.

Монахи употребляли еще другое средство для сохраненія книгъ свободнѣе отъ ведашей. Писцы имѣли обыкновеніе дѣлать въ концѣ книги приписку, въ которой они увѣщевали всѣхъ, кому случится снова переписывать ее, дѣлать это со всевозможнымъ тщаніемъ, не дозволяя себѣ ни малѣйшей переменны ни въ формѣ, ни въ сущности, ни въ мысляхъ, ни въ изложеніи. Нѣкоторые писатели среднихъ вѣковъ также приняли это обыкновеніе; такъ напримѣръ, Зальеркъ, въ предисловіи къ своимъ бесѣдамъ о Евангеліи, говоритъ: «Васъ всѣхъ, кому случится переписывать эту книгу, заклинаю васъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и его страшнымъ судомъ, которымъ будетъ Онъ судить живыхъ и мертвыхъ, исполнять это дѣло съ тщаніемъ и добросовѣтностью! И не упустите въ концѣ списка, который вы напишете, приписать это мое увѣщаніе.»

Уставъ капитула святаго Виктора, для избѣжанія ошибокъ въ спискахъ, запрещалъ братіямъ-писцамъ измѣнять хотя бы одно слово безъ особаго разрѣшенія аббата, даже когда имъ покажется, что другое слово тутъ будетъ умѣстнѣе. Не смотря однако же на эти мѣры предосторожности, легко могла иной разъ прокрасться ошибка, отъ темной погоды, или отъ торопливости, отъ минутнаго разсѣянія, отъ усталости, отъ тусклаго свѣта лампы. Въ много уважаемомъ сочиненіи самая ничтожная ошибка уже важна; слѣдующіе переписчики, желая ее исправить, только увеличивали ее. Для избѣжанія этихъ неудобствъ, особенная заботливость была необходима при перепискѣ книгъ Священнаго Писанія; поэтому переписывать Священное Писаніе дозволялось только монахамъ степенныхъ уже лѣтъ, и списки ихъ перечитывались и свѣрлялись по два и по три раза. Только такимъ мѣрамъ предосторожности обязаны мы тѣмъ, что имѣемъ Священное Писаніе въ первоначальной его чистотѣ. За исключеніемъ незначительныхъ ошибокъ, которыя встрѣчаются во всѣхъ рукописяхъ среднихъ вѣковъ, Библія, творенія святыхъ отцовъ и писатели классической древности дошли до насъ въ вѣрныхъ спискахъ. Въ послѣднихъ встрѣчаются, правда, искаженія; но это скорѣе умышленныя поправки и вставки, чѣмъ ошибки переписчиковъ; въ этихъ мѣстахъ нетрудно замѣтить, что благочестивый монахъ хотѣлъ смягчить вольности языческаго писателя и пощадить чувство христіанскаго читателя. Оуждая этотъ благо-

наибренній обманъ, нельзя однакоже не отдать справедности внушавшему его чувству.

Въ переписываніи книгъ Священнаго Писанія и твореній святыхъ отецъ, напротивъ, точность монаховъ-писцовъ доходить почти до невѣроятности. Это подтверждаютъ всё, занимавшіеся глубокимъ изученіемъ этихъ книгъ, между тѣмъ какъ первыя печатныя изданія ихъ, напротивъ, полны пропусковъ и ошибокъ. Сэръ Николасъ Лестренджъ рассказываетъ по этому случаю анекдотъ, сохранившійся въ одной рукописи гарлейской библіотеки. Благочестивый Ушеръ, епископъ Армагскій, отправляясь однажды въ церковь Святаго Павла, гдѣ онъ долженъ былъ говорить проповѣдь, зашелъ по дорогѣ къ одному книгопродавцу, купить Библию. Библия, которую ему подали, была маленькаго формата, и печатана въ Лондонѣ. Отыскивавъ мѣсто, съ которымъ ему нужно было справиться, епископъ замѣтилъ, что типографщикъ выпустилъ два стиха; онъ вознегодовалъ на это, и при первомъ же случаѣ пожаловался королю на эту непростительную небрежность, вслѣдствіе чего завязался продолжительный споръ между лондонскими книгопродавцами и кембриджскими.

При разсмотрѣніи каталога монастырской библіотеки, прежде всего, разумѣется, ожидаешь встрѣтить Библию, и отсутствіе ея, случающееся верѣдко, приведетъ каждаго въ недоумѣніе. Но если въ монастырѣ не было Библии, то этому не виновата была братія; хотя Библия изъ всѣхъ книгъ всего чаще встрѣчалась въ средніе вѣка, однако жъ она была вовсе не такъ обыкновенна, чтобы каждый монастырь могъ ее имѣть. Конечно неимѣніе ея было признакомъ бѣдности, и какъ скоро можно было достать экземпляръ, одинъ изъ братіи переписывалъ его. Во многихъ монастыряхъ были только отрывки изъ Священнаго Писанія; тогда братія старалась занять списокъ у какого-нибудь соседняго монастыря, чтобы дополнить свой экземпляръ. Это отсутствіе Библии вовсе не показываетъ неуваженія къ ней; напротивъ, бѣдные иноки охотно посвящали значительную часть своей жизни на изученіе ея, и многіе знали ее на память.

Списки Библии никогда не были такъ обыкновенны, чтобы каждый монахъ даже богатаго монастыря имѣлъ свой собственный списокъ. По большей части вся община пользовалась однимъ спискомъ, часто даже, какъ мы сказали, однимъ экземпляромъ отрывковъ изъ Ветхаго или Новаго Завета. Богатый монастырь имѣлъ иногда двѣ, три полныя Библии, и кромѣ того еще отрывки; бывали даже монастыри, въ которыхъ, кромѣ аттискомъ

кихъ хорошихъ латинскихъ Библий (Biblia optima) были еврейскія рукописи и переводы, и нѣсколько экземпляровъ Евангелія въ подлинникахъ и переводахъ. Не должно забывать, что переписка Библии требовала времени и искусства, и была сопряжена съ значительными расходами. Монахъ Тедвитонъ, Элайскаго монастыря, началъ писать Библию въ 1396 году и трудился надъ нею нѣсколько лѣтъ. Трудности такого предпріятія можетъ оцѣнить только тотъ, кто знакомъ съ искусствомъ книгописанія среднихъ вѣковъ. Когда монахъ видѣлъ передъ собою совершенный имъ трудъ, онъ считалъ себя вполне удовлетвореннымъ за многолѣтнія усилія, которыхъ онъ ему стоилъ; и въ самомъ дѣлѣ любо было смотрѣть на эти толстые томы въ тяжелыхъ переплетахъ съ застежками, на эти лоснящіеся пергаментные листы, съ изящно-расписанными картиночками; но всего болѣе радовало его, что онъ этииъ дѣломъ воздалъ честь слову Божію.

Не должно удивляться цѣнности, которая придавалась въ то время Библии, и суммамъ, которыя платились за нѣкоторые списки ея. Кромѣ духовной цѣны ея, Библия составляла для монаха важное имущество, которое онъ передъ смертью могъ завѣщать съ торжественными обрядами, соблюдавшимися тогда при духовныхъ сошваніяхъ; братія за такой подарокъ считала долгомъ возсыпать къ Богу безчисленныя, теплыя молитвы о завѣщателѣ. Короли и богатые вельможи дарили Библию какъ рѣдкую и дорогую вещь, а епископы, дарившіе ее церковнымъ библіотекамъ своихъ епархій, ставились въ число благотворителей этихъ церквей. Проклатіе и отлученіе отъ церкви угрожало тому, кто покушался похитить эту драгоценность. Для болѣшей же безопасности, Библия часто прикрѣплялась къ наложу, на которомъ лежала. Все это доказываетъ, какъ цѣнили монахи Священное Писаніе, и какую драгоценностью считался списокъ его.

лечение глухоты у стариковъ. Одинъ англійскій врачъ, пользующійся заслуженною славою, господинъ Тойнби, издалъ недавно весьма любопытныя наблюденія вадъ леченіемъ глухоты, часто встрѣчающейся у стариковъ. Извѣстно, что не только люди, не занимающіеся этимъ предметомъ, но даже большая часть врачей приписываютъ глухоту, постигающую стариковъ, естественному и постепенному ослабленію органа слуха. Это ослабленіе способности воспринимать звуки, имѣетъ повидному сродство

съ ослабленіемъ, которое оказывается въ органѣ зрѣнія; и то и другое происходитъ повидному отъ расслабленія различныхъ развѣтвленій нервовъ, которые вълѣдствіе долгаго напряженія утрачиваютъ отчасти свою впечатлительность. Господинъ Тойнби не раздѣляетъ этого мнѣнія, и высказалъ по этому предмету нѣсколько мыслей, совершенно противоположныхъ общепринятымъ понятіямъ. Онъ увѣряетъ, что тугота слуха у стариковъ встречается гораздо рѣже, чѣмъ вообще полагаютъ, и что расслабленіе этой способности зависитъ отъ вліянія обстоятельствъ, въ которыхъ живутъ обыкновенно эти лица, затворничества въ теплыхъ, душныхъ покоехъ, отсутствія свѣжаго вольнаго воздуха, недостатка движенія и пренебреженія условій, возбуждающихъ дѣятельность кожи.

Господинъ Тойнби говоритъ, что онъ весьма рѣдко встрѣчалъ атрофію ушныхъ тканей; но что напротивъ, тщательное осмѣтлительствованіе слуховыхъ органовъ у стариковъ, страдавшихъ глухотою, открыло ему цѣлый рядъ измѣненій этихъ органовъ, которыя онъ опредѣляетъ съ чрезвычайною точностью. Самое обыкновенное поврежденіе есть сгущеніе слизистой пленки, покрывающей полости барабана; потомъ сгущеніе пленки самого барабана и перемычекъ, соединяющихъ различныя части, заключенныя въ полости барабана.

Весьма естественно, что это изученіе измѣненій, произведенныхъ болѣзью, которую врачи доселѣ считали неизлечимой, должно было навести автора на мысль обратить лечение непосредственно на эти матеріальныя поврежденія; что онъ и исполнилъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Средства, которыя онъ употребляетъ, очень просты; они заключаются въ введеніи въ глуховой проходъ раствора азотнокислаго серебра, котораго количество измѣняется отъ двухъ до осьми граммовъ на тридцать два грамма дистиллированной воды. Когда этотъ растворъ вращается къ пленкѣ барабана, онъ долженъ состоять изъ трехъ дециграммовъ соли на тридцать граммовъ воды.

Когда больному слышится глухой шумъ или онъ представляетъ признаки воспаленія около ушей, господинъ Тойнби ставитъ пьязы подъ ушную воронку. Въ случаѣ подвоспалительнаго состоянія внѣшняго слуховаго прохода, онъ предписываетъ больному черезъ день тереть за ухомъ мазью, заключающею въ себѣ два грамма порошка шпанской мушки на тридцать граммовъ туа.

Господинъ Тойнби предписываетъ также нѣкоторыя весьма простые гигиеническія средства; предписываетъ наверхъ

нымъ не сидѣть слишкомъ долго въ запертыхъ покояхъ и слишкомъ близко къ огню; не пить чистаго вина; наконецъ предписываетъ ежедневное движеніе на свѣжемъ воздухѣ и теплыя ванны черезъ восемь или десять дней.

РАСТЕНІЕ, ИЗЛЕЧИВАЮЩЕЕ ВОДОВОЯЗНЬ. Господинъ Рошѣ д'Эриккуръ, совершившій уже нѣсколько путешествій въ разныя части Африки, объявлялъ парижской академіи наукъ, что онъ открылъ въ сѣверной части Абиссиніи корень, который туземцы употребляютъ для леченія водобоязни. Недавно онъ удовлетворилъ общее любопытство, возбужденное этимъ объявленіемъ, сообщивъ подробныя свѣденія объ этомъ лекарствѣ, котораго дѣйствіе онъ видѣлъ самъ на опытѣ.

Растеніе, доставляющее этотъ корень, произрастаетъ въ низменныхъ и теплыхъ странахъ, на глинисто-кремнистой почвѣ. Корень его прямой и имѣетъ болѣе одного метра въ длину, на два или на три сантиметра въ поперечникѣ. Цѣлительное вещество растенія заключается подъ верхнею кожицей. Стебель четырехъ-угольный, жидкій, около трехъ миллиметровъ въ поперечникѣ, и покрытъ колючимъ ворсомъ. Листья о пяти главныхъ частяхъ, шершавы съ обѣихъ сторонъ, лицевая сторона свертного нѣсколько рябовата. Цвѣты расположены на оковчости яичника, и бываетъ ихъ по нѣскольку на стеблѣ. Плодъ продолговатый, гладкій, зеленовато-желтаго цвѣта; когда созрѣетъ, имѣетъ отъ трехъ до четырехъ сантиметровъ въ длину.

Такъ описываетъ господинъ Рошѣ д'Эриккуръ открытое имъ растеніе, но не опредѣляетъ, къ какому семейству прызбаемыхъ оно должно принадлежать; по этому академія поручила господину Ришару заняться изслѣдованіемъ этого вопроса, и сообщить результатъ своихъ изысканій.

Для приготовленія лекарства, бережно снимаютъ съ корня верхнюю перепонку; потомъ сушатъ его и толкутъ въ порошокъ. Больному даютъ отъ десяти до двѣнадцати грановъ этого порошка, въ небольшомъ количествѣ меду или молока. Лекарство производятъ сильную испарину. Потомъ больному даютъ выпить нѣсколько стакановъ, а когда онъ очень ослабѣетъ, даютъ ему съѣсть курный зобъ, поджареный на маслѣ и сильно приправленный приностанп; послѣднее имѣетъ цѣлью прекратить дѣйствіе лекарства.

Вотъ какъ самъ господинъ Рошѣ д'Эриккуръ разсматриваетъ чудныя дѣйствія вывезеннаго имъ изъ Абиссиніи средства.

По прибытіи моемъ въ Девратабаръ, говоритъ онъ, бѣшеная собака укусила трехъ другихъ собакъ и одного солдата Баосы-Алія. Царь призвалъ меня и сказалъ : ты увидишь дѣйствительность лекарства, о которомъ говорилъ тебѣ. — Затѣмъ онъ велѣлъ запретить всѣхъ собакъ порознь. На слѣдующій день, воспользовавшись минутою, когда бѣшеная собака, укусившая другихъ, была спокойна, онъ велѣлъ заставить ее въ нашемъ присутствіи проглотить небольшое количество истолченного корня въ ложкѣ меду ; лекарство произвело означенное дѣйствіе и собака была спасена.

Черезъ недѣлю такой же приемъ дали другой собакѣ, у которой показались уже всѣ признаки водобоязни, и она была также спасена. У третьей собаки признаки бѣшенства появились только на двѣнадцатый день ; тогда ей дали то же лекарство, и она также выздоровѣла. Четвертая собака околѣла на сорокъ второй день послѣ укушенія ; ее не лечили, чтобы удостовѣриться, что всѣ эти собаки были точно заражены водобоязнью.

Солдата начали пользоваться на десятый день по укушеніи ; голова его была тяжела, и горѣла ; онъ былъ печаленъ, почти не говорилъ, казался одурѣлымъ, и по временамъ имѣлъ признаки бѣшенства. Когда ему подносили стаканъ меду, онъ ирочно отвѣчалъ человѣку, чтобы онъ убирался прочь ; слюна непрерывно текла изъ его рта. Первые признаки водобоязни появились у него на девятый день, а на десятый ему дали приемъ порошка въ ложкѣ молока ; тотчасъ послѣдовали испраженія, и онъ былъ спасенъ. Впрочемъ леченіе произведено совершенно такъ, какъ описано выше.

вичующіеся. Въ Перузіи въ 1259 году возродилось одно изъ тѣхъ великихъ религіозныхъ движеній, которыми примѣры предетавляетъ исторія среднихъ вѣковъ. «Вдругъ, говоритъ одинъ лѣтописецъ, страхъ Страшнаго Суда овладѣлъ умами, и дворяне и чернь, старики и молодые, даже пятимѣтніи дѣти стали собираться, почти обнаженные, по улицамъ. Они шли попарно, процессіей, каждый съ бичемъ въ рукѣ, и съ стенаніями и со слезами ударяли другъ друга такъ сильно, что кровь текла ручьемъ». Изъ Перузіи это распространилось по Италіи, Германіи, Богеміи, Польшѣ. *Вичующіеся* ходили не только днемъ, но и ночью при свѣтѣ факеловъ и свѣчей и, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, цѣлыя тысячи, предшествуемыя священниками съ крестомъ и хоругвями въ рукахъ, бѣгали по селамъ и по дерев-

аширъ, съ шлестами, обвѣженными до пояса, несмотря на зимнюю стужу, съ закрытымъ лицемъ, чтобы не быть узнаанными. Они бичовались два раза въ сутки, въ продолженіе тридцати трехъ дней въ память годовъ, проведенныхъ на землѣ Иисусомъ Христомъ. Въ-слѣдствіе ихъ увѣщаній, по словамъ того же лѣтописца, краги мирались, воры возвращали украденное, грѣшники признавались въ грѣхахъ, темницы отворялись, плѣнные освобождались. изгнанные призывались. Но со всеѣмъ тѣмъ ложное ученіе и ложные обряды скоро были введены этими новыми кающимися. Намримеръ, они увѣряли, что никто не можетъ быть разрѣшенъ отъ грѣховъ, если не исполнитъ въ продолженіе мѣсяца покаяніе, вложенное на себя, и которое, по словамъ ихъ, приносило пользу мертвымъ, будь они въ аду или въ раю.

Владѣтели земель, пробѣгаемыхъ бичующимися, между прочими король сицилійскій, Генрихъ, герцогъ баварскій, епископы германскій и польскій, испугались этихъ бурныхъ стеченій и принаи строгія мѣры, успѣвшія разсѣять ихъ.

Девяносто лѣтъ спустя, это возобновилось послѣ страшной язвы, опустошившей часть Европы: въ іюнѣ 1349 году, говоритъ одинъ лѣтописецъ, пришли изъ Швабіи въ Шпейеръ двѣсти человѣкъ, водъ предводительствомъ одного главнаго начальника и двухъ другихъ. Они перешли Рейнъ утромъ, среди безчисленной толпы, составили около шпейерской церкви большой кругъ и раздѣлись, оставивъ только одежду, покрывавшую ихъ отъ пояса до пятъ. Потомъ обошли длинною процессіей вокругъ и распростерлись на землю одинъ за другимъ, сложивъ руки на-крестъ. Тѣ, которые были въ послѣднемъ ряду, прошли по тѣлу первыхъ, легонько ударя ихъ; тѣ потомъ встали, сами ударя себя бичомъ, въ узлахъ котораго были заплетены четыре желѣзные шипа. Послѣ этой церемоніи, одинъ изъ нихъ прочелъ народу письмо, принесенное, какъ онъ говорилъ, ангеломъ въ Іерусалимъ, возвѣщавшее, что для укрощенія гѣтва Господня каждый долженъ былъ оставить домъ свой и бичеваться тридцать четыре дня.

Въ Шпейерѣ бичующіеся набрали около ста человѣкъ, а въ Страсбургѣ болѣе десяти тысячъ. Для поступленія въ эту секту надо было, между-прочимъ, поклясться въ повиновеніи начальникамъ и имѣть довольно денегъ, чтобы тратить четыре денарія въ день. Женатые обязаны были предъавить согласіе женъ.

Бичующіеся принимали милостыню только для общины, и это подаваніе назначалось на покупку факеловъ и хоругвей. Они бн

челвались два раза въ день, утромъ и вечеромъ, или въ городѣ или въ селахъ, и одинъ разъ ночью втайнѣ. На одеждѣ и на шапкѣ носили они красные кресты. Вообще не проводили болѣе одной ночи на одномъ мѣстѣ, исключая воскресенья, когда останавливались на двѣ ночи.

Изъ Германіи бичующіеся распространились во Франціи. Филиппъ - Шестой приказалъ хватать ихъ повсюду; но несмотря на то, они успѣли увеличиться до осьми тысячъ человекъ.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ, въ 1414 году, новая секта бичующихся явилась въ Зангергаузенѣ, въ мейсенскомъ маркграфствѣ. Составлявшіе эту секту назывались *братьями креста*, и ложное ученіе, проповѣдуемое ими, извлекалось, по словамъ ихъ, будто бы изъ письма, принесеннаго ангеломъ на алтарь церкви Святаго Петра. Эта ересь недолго продолжалась и главные раскольники погибли на кострѣ.

Въ 1583 году, Генрихъ-Третій учредилъ въ Парижѣ общества бичующихся братьевъ и присутствовалъ при ихъ процессіяхъ со всѣмъ своимъ дворомъ.

ФЛОРЕНТИНСКІЙ ВЕЗУМЕЦЪ. Расскажу вамъ трогательное и истинное происшествіе, герой котораго извѣстенъ былъ всему Парижу, хотя никто и не подозрѣвалъ, что подъ этимъ смѣшнымъ, шутовскимъ одѣяніемъ, подъ этой мишурой скрывается необыкновенный умъ, высокое самоотверженіе, чувствительность, обрѣтшая его жизнь въ долговременное мученіе.

Карнавалъ былъ Итальянецъ, уроженецъ Флоренціи. По своей учености и глубокимъ познаніямъ въ музыкѣ, онъ едва достигши двадцати лѣтъ, занялъ первое мѣсто между итальянскими музыкантами; тѣлосложеніе было онъ слабого и нервическаго; самыми лестными успѣхами, самою преданною дружбою, онъ обязанъ поэтической восторженности своего воображенія. Карнавалъ вошелъ въ моду, и всѣ домогались его знакомства. Онъ былъ уменъ, обладалъ пріятнымъ голосомъ, вся наружность его внушала участіе и превлекала всеобщее вниманіе. Всѣ знали, что онъ былъ совершенно одинокъ, предоставленъ самому себѣ, но что поведеніе и нравственность его были неукоризненны.

Поговаривали втихомолку о его частыхъ посѣщеніяхъ молодой и прекрасной госпожи Л**, но онъ былъ ея учителемъ пѣнія, и въ его почтительномъ обращеніи ничто не оправдывало предположеній. Притомъ же господинъ Л**, занимавшій высь

дипломатическое мѣсто, былъ ревнивъ и страстно влюбленъ въ свою жену.

Однако искренніе друзья Карнавали не сомнѣвались, что онъ влюбленъ; но малѣйшій намекъ на эту любовь производилъ въ немъ болѣзненное и тягостное ощущеніе. Понятно было, что эта любовь слишкомъ серьезна и глубока, для того чтобы можно было допустить шутки надъ нею. Для него она была новою эпохою, борьбою, въ которой жизнь была поставлена на карту; все это отгадывали, и уважали его.

Такъ прошелъ цѣлый годъ. Въ одинъ вечеръ, сѣдя въ углу гостиной сивьора Л**, дававшей балъ, онъ казался задумчивѣе и печальнѣе обыкновеннаго. Забывъ музыку и время, чуждый шума и удовольствій окружавшихъ его, онъ погрузился въ глубокое размышленіе; вдругъ онъ почувствовалъ тихое прикосновеніе руки къ плечу; вздрогнулъ, приподнял голову и въ то же мгновеніе прелестный вѣнокъ искусственныхъ цвѣтовъ упалъ на его колѣна, но онъ никого не видалъ.

Въ смущеніи, съ сильно бьющимся сердцемъ, онъ всталъ, чтобы погрузить влажные и блистающіе взоры въ толпу молодыхъ женщинъ, наполнявшихъ гостиную. Холодъ пробѣжалъ по его жиламъ, онъ задрожалъ, поблѣднѣлъ и колѣна его подогнулись. Только на головѣ одной женщины, взоръ которой встрѣтилъ его взглядъ, не было цвѣтовъ: эта женщина была сивьора Л**. Карнавали упалъ на свое мѣсто; дражащей рукою поднесъ къ устамъ вѣнокъ изъ фіалокъ и незабудокъ, дышавшій еще благоуханіемъ волось, на которыхъ красовался такъ недавно; подъ своимъ поцѣлуемъ онъ вдругъ почувствовалъ шелестъ бумаги; онъ думалъ, что умереть отъ вентъяснимаго восторгу; бросился на террасу, выходящую изъ гостиной; тамъ одинъ, въ присутствіи своей любви, онъ съ жадностью прочелъ два слова, только два слова: *Сегодня вечеромъ*. Онъ сталъ на колѣна, чтобы прочесть эти слова и потомъ, не имѣя силъ казаться спокойнымъ и скрыть подъ безстрастнымъ видомъ страсть пламени лавы, которая сжигала его сердце, онъ присѣлъ на концѣ террасы, и никѣмъ не видимый, ждалъ назначеннаго времени: гевій гармоніи вышелъ на него, и вдохнулъ ему слова и звуки.

Въ этотъ вечеръ, Карнавали сочинялъ образцовое произведеніе, которое гевій написалъ на своихъ крыльяхъ.

Всѣ свѣчи погасли, тишина воцарилась, послѣ шума все погрузилось въ глубокое безмолвіе; одна лампада свѣтилась какъ маякъ во мракѣ. Этотъ маякъ былъ путеводителемъ Карнавали;

онъ тихо приподнял богатую бархатную шаль, и дала предъ тою, которую обожалъ. Она уже сбросила балетный нарядъ и полулегла въ креслахъ, закутывая въ кисею и вуаки, казалось, была окружена бѣлыми прозрачными облаками. Ея большіе глаза, черные какъ бархатъ, съ нѣжностью устремлены на Карнавали; она подняла руку въ знакъ молчанія; онъ овладѣлъ этой рукою и покрывалъ ее поцѣлуями, сифиданскими съ невыразимымъ уваженіемъ и страстью. При этомъ свиданіи при этой бесѣдѣ въ полголоса, много было пролито слезъ. Карнавали согласился отказаться отъ единственной радости въ жизни: для любимой женщины онъ рѣшился уѣхать.... положить между ею и собою цѣлую безконечность пространства морей; талантъ обезпечивалъ ему повсюду независимое состояніе. Во Флоренцію онъ могъ возвратиться тогда только, когда она захочетъ; въ благодарность за любовь, которую она радѣла, онъ оставитъ ее чистою, неукоризненною въ глазахъ свѣта и мужа. Ея восторженная страсть, которая можетъ-статься будетъ стоить жизни, заставляла его жалѣть, зачѣмъ онъ не можетъ отдать ей ничего болѣе этой жизни.

Я предвидѣлъ вашу просьбу, сказалъ онъ. Моя неукротимая любовь не выдержитъ и сокрушитъ, — я это чувствую, — уваженіе, которымъ мы обязаны свѣту; я долженъ уѣхать; но позвольте же и мнѣ просить залогъ союза, соединившаго насъ навсегда. Все свое состояніе я обратилъ въ деньги; оно находится въ шкатулкѣ, которую я прошу васъ принять; если умру, будьте моей наслѣдницею; если же возвращусь, вы мнѣ отдадите этотъ залогъ, который ваша любовь сохранила для меня; онъ будетъ для меня драгоцененъ, потому-что я получу его отъ васъ! Все исполнилось по желанію Карнавали. При послѣднемъ свиданіи онъ отдалъ ей шкатулку; синьора Л^а взяла цѣпочку изъ своихъ волосъ, привѣсила къ ней маленькой ключикъ и надѣла на шею Карнавали. — Эта цѣпочка никогда меня не оставитъ, воскликнулъ онъ, да поможетъ мнѣ Господь, тронутый моимъ отчаяніемъ, возвратитъ ее вамъ прежде нежели умру.

Черезъ нѣсколько дней, вся Флоренція пришла въ волненіе при извѣстіи о внезапномъ отъѣздѣ Карнавали; много различныхъ предположеній составилось по этому случаю. Злобное любопытство принялось подстергать всѣ дѣйствія синьоры Л^а; но когда увидѣли ее спокойною, веселою, по обыкновенію являющуюся во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, что принуждены были отказаться отыскивать разрѣшенія загадки. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ,

за исключением самых искренних друзей, Карнавали были совершенно забыты.

Такимъ образомъ прошло пять лѣтъ. Карнавали поселился прежде въ Бостонѣ; знаменитый по таланту, любезный по характеру, не смотря на отбѣнокъ грусти, никогда его не покидавшей, онъ имѣлъ многочисленныхъ почитателей и не многихъ преданныхъ друзей. Однимъ въ особенности былъ привязанъ къ нему. Онъ былъ музыкантъ; многочисленное семейство его поглощало всѣ добываемыя средства; по благородной деликатности, процтекающей прямо отъ сердца, Карнавали изыскивалъ тысячи средствъ оказывать ему услуги, находя въ томъ большое удовольствіе, потому что онъ повая и оцѣнилъ превосходныя качества своего друга Бомпара. Въ одно утро, когда они завтракали вмѣстѣ, Карнавали, читая журналъ, вдругъ вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ. Можно себѣ представить ужасъ и удивленіе Бомпара. Жена его и дѣти окружили больного, и оказывали ему самыя вѣжныя попеченія; наконецъ онъ возвратился къ жизни; потоки слезъ льются изъ глазъ его, и однако онъ смѣется и кажется счастливымъ; вдругъ онъ бросился обнимать всѣхъ членовъ семейства. — «Ѣдемъ, говорилъ онъ, Ѣдемъ во Флоренцію завтра, сегодня же, если можно. Ступайте, слѣдуйте за мною, друзья мои, теперь я богатъ, я васъ обезпечу; продайте всѣ музыкальные инструменты, я общаю вамъ блестящее покровительство на моей родинѣ, подъ ея прекраснымъ небомъ! мы никогда не разстанемся! Онъ остановился наконецъ, подавленный различными душевными волненіями, и упалъ на колѣни.... Въ журналъ онъ прочелъ только слѣдующія строки: *Господинъ М**, превосходный дипломатъ, убитъ на дуэли.*

Отъѣздъ совершился съ необыкновенною быстротою; переѣздъ былъ самый благополучный. Карнавали не былъ уже печальнымъ, страждущимъ, онъ жаждетъ жизни и не можетъ скрыть упоенія, которыя исполняетъ; онъ снова нашелъ прежнюю веселость, прежнее остроуміе, всю пылкость молодости; онъ поетъ, сочиняетъ, говоритъ по итальянски, по испански, составляетъ проекты для семейства, сопровождающаго его съ такою безпечною и довѣренностью.

Наконецъ Флоренція открылась передъ глазами путешественниковъ. Когда Карнавали ступилъ на родную землю, глубокое, но скрываемое волненіе выразилось на его лицѣ.

Душа его раскрылась наконецъ, онъ впервые произноситъ имя сеньоры М**, передаетъ другу исторію своей любви и рассказы-

васть объ отдачѣ на сохраненіе шкатулки, гдѣ заключалось все его состояніе, часть котораго онъ назначалъ для обезпеченія будущности привезеннаго семейства.

Карнавали не предупредилъ никого о своемъ возвращеніи; онъ повелъ жену и дѣтей Бомпара въ гостиницу, переѣхалъ дорожную одежду, и не отдохнувъ, пошелъ съ Бомпаромъ къ жилищу той, которой хотѣлъ доставить неожиданную радость. Подошедъ къ дому, онъ останавливается какъ-будто для того чтобы вздохнуть; дрожащей рукою указываетъ другу на каменную скамью, стоявшую у дверей, дѣлаетъ ему знакъ подождать и входитъ въ домъ; скоро подымаетъ ту же шортьеру, которая пять лѣтъ тому закрылась за нимъ; внезапный крикъ поражаетъ его слухъ, онъ останавливается, очутившись передъ сивьорой Л^а, которая стоитъ неподвижно передъ нимъ и смотритъ на него съ испуганнымъ видомъ; оба хранятъ молчаніе. Страшное бѣвеніе сердца сжало грудь Карнавали; это молчаніе оледенило его; напрасно ищетъ онъ пріятнаго взгляду, напрасно ждетъ успокоительнаго слова; на чистомъ челѣ своей возлюбленной, въ глазахъ вѣкогда столь кроткихъ, онъ встрѣтилъ какое-то выраженіе, которое страшился объяснить. Онъ слѣмалъ сверхъестественное усиліе, чтобы побѣдить свое волненіе, и дрожащимъ голосомъ говоритъ:

— Такъ я очень переѣхалъ, что вы, кажется, не узнаете меня?

— Нечаянное посѣщеніе ваше изумило меня, отвѣчала она, стараясь принять спокойный видъ; я не ожидала васъ.

— Какъ! продолжалъ Карнавали болѣе и болѣе приходя въ смущеніе, вы свободны и не ждали меня!...

Этотъ вопросъ, полный горестнаго упрека, остался безъ отвѣта; молчаніе послѣдовало за нимъ.

— Молю васъ, снова началъ Карнавали, сжальтесь надъ моими страданіями! Отчаяніе и разочарованіе грозятъ моему сердцу, настаетъ сомнѣніе и страшный мракъ его пугаетъ меня. Нужно ли напомнить вамъ прошедшее, чтобы оправдать возвращеніе, котораго, кажется, вы не ожидали? Нужно ли пересказать всю горечь изгнація? изобразить вѣру въ воспоминація? нужно ли повторять увѣренія въ любви, истинной, безконечной, въ любви, которая ни на одну минуту не переставала принадлежать вамъ? мою грустную жизнь вдали отъ васъ, мой восторгъ, мои мечты при возвращеніи? Но вотъ я теперь въ трепетѣ, на колѣнахъ предъ вами, моимъ обожаемымъ кумиромъ, умоляю васъ,

прекратить это жестокое испытаніе: оно меня уничтожаетъ, приводитъ въ отчаяніе, убиваетъ меня!

И въ-самомъ-дѣлѣ Карнавали сталъ на колѣна, его глаза были полны слезъ, потъ выступилъ на лбу. Мимолетное волненіе пробѣжало по лицу синьоры Л^н; но она отвѣчала спокойно.

— Встаньте и выслушайте меня со вниманіемъ. Отсутствіе ваше возвратило меня къ моимъ обязанностямъ; я раскаялась въ любви къ вамъ, раскаялась въ изгнаніи, котораго была причиною. Я не отрекаюсь отъ своего проступка; но теперь было бы преступленіемъ не высказать вамъ вполне мою мысль, изъ ложнаго сожалѣнія, не извлечь васъ изъ заблужденія; я считаю долгомъ уничтожить его навсегда. Не хочу поминуть—раздѣляла ли я вашу любовь или только уступила увлеченію; но помню борьбу, непрерывный страхъ, угрызенія совѣсти, заслуженныя мученія, терзавшія меня подъ доверчивымъ взоромъ челоуѣка, имя котораго я носила. Я носила маску, подъ которою всегла трепетала и плакала. Отъѣздъ вашъ облегчилъ эту ежеминутную пытку; тогда я всею душою привязалась къ забытымъ обязанностямъ, я хотѣла загладить свою вину, и думаю, что достигла этого, потому что мужъ мой, умирая благословлялъ меня, а вы могли подумать, что теперь, когда [овъ умеръ, я отдамъ свою руку тому, который заставилъ меня забыть мои обязанности, заставилъ пролить столько слезъ, восторженная любовь котораго сдѣлала меня клятвопреступницею, бросила меня на стезю обмана и отвратительныхъ софизмовъ.... О! не надѣйтесь, не надѣйтесь этого никогда! Вотъ почему приемъ мой былъ такъ холоденъ; вотъ почему я не думала видѣть васъ у себя безъ моего позволенія.

Въ продолженіе этой рѣчи Карнавали оставался неподвиженъ, устремивъ глаза на синьору Л^н въ вѣмомъ созерцаніи; онъ слѣдилъ за всѣми ея движеніями и за всѣми измѣненіями голоса. Когда она кончила, онъ медленно всталъ съ своего мѣста, на которое скорѣе упалъ нежели сѣлъ. Теперь онъ также, казалось, былъ спокоенъ; въ молчаніи, онъ тихо взялъ за руку синьору Л^н, продолжая глядѣть ей въ лицо; но лицо казалось безстрастнымъ, и рука была тепла. Карнавали медленно выпустилъ ее; потомъ взялъ шляпу, низко поклонился и пошелъ къ двери. Въ ту минуту когда портьера уже готова была опуститься за нимъ, онъ снова обернулся. Синьора Л^н стояла прямо и гордо.

— Извините, сударыня, сказалъ Карнавали, такимъ тихимъ и сухимъ голосомъ, что съ трудомъ можно было разслушать, прежде

да нежале я навсегда острѣнѣ вась, неугодно ли вамъ отдать мнѣ залогъ, вѣренный мною вамъ пять лѣтъ тому назадъ?

— Милѣ, милостивый государь? какой залогъ?

— Но шкатулка, сударыня, въ которой заключается все мое состояніе.

— Шкатулка! Не бредите ли вы, милостивый государь?

И глубокое удивленіе выразилось въ чертахъ лица сеньоры Л^н.

— Я очень несчастливъ, сказалъ Карнавалъ съ горечью; такъ вы рѣшительно все забыли?

— Какъ же вы хотите, чтобы я помнила то, чего не было? Какъ вы хотите, чтобы я возвратила то, чего не получала? Настойчивость съ вашей стороны была бы не только оскорбленіемъ, но низкимъ мщеніемъ, которое я презираю.

При этомъ отвѣтѣ Карнавалъ затрепеталъ и страшно поблѣднѣлъ; глаза его раскрылись до нельзя, волосы, откинутые назадъ, казалось приподнялись; онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, невѣрною рукою отъ нервической дрожи, растегнулъ жилетъ, раскрылъ грудь и вытащилъ цѣпочку, на которой висѣлъ маленький ключикъ и съ тѣмъ же лихорадочнымъ движеніемъ показалъ его сеньорѣ Л^н. Въ это самое мгновеніе, портьера опять поднимается, одна за другою входятъ гости къ прекрасной вдовѣ и съ удивленіемъ смотрятъ на происходящее. Когда Карнавалъ пришелъ въ себя, то невнятно произнесъ нѣсколько словъ, отъ которыхъ едва замѣтное безпокойство пробѣжало по лицу сеньоры Л^н. Тотчасъ же онъ замолчалъ, и видя эту толпу, окружавшую его и съ любопытствомъ ожидавшую его словъ, онъ какъ будто движимый невидимою силою и шатаясь удалился. Слишкомъ сильное горе поразило его, онъ не можетъ болѣе мыслить, въ ухахъ у него шумитъ, все кружится и вертится въ его глазахъ. Въ такомъ состояніи вышелъ онъ на улицу; разстройство его достигло высшей степени, онъ былъ мѣтъ себя; однако ему кажется, что знакомый голосъ говоритъ ему, но онъ ничего не понимаетъ; чья-та рука сжимаетъ его руку, но онъ оставляетъ эту руку, машинально слѣдуетъ по направленію, которое ему даютъ, идетъ туда, куда его ведутъ, и каждый шагъ причиняетъ ему жестокое страданіе: напрасно онъ думаетъ бороться съ этимъ новымъ мученіемъ, онъ ничего не можетъ сдѣлать, ничего не можетъ сказать. Но въ эту минуту онъ явственно слышитъ слова, провознесенныя его другомъ: «Ну то же? прекрасная вдова, ея любовь? что твой залогъ? твое боже?»

ство?... При этихъ словахъ Карнавали съ помѣшаннымъ видомъ осмотрѣлъ на того, кто говоритъ ему; потомъ падаетъ безъ чувствъ.

Гдѣ была его душа во время этой борьбы со смертию? Безъ сомнѣнія, близъ Бога, чтобы заимствоватьъ силою отъ этого божественнаго источника. Когда она возвратилась на землю, то онъ имѣлъ уже мужество, чтобы принести самую высокую и благородную жертву.

Пришедши въ себя, Карнавали услышалъ вокругъ себя рыданія и мольбы; лицо его было орошено слезами. Не открывая глазъ, онъ узналъ, что это были слезы его друга: крошки дѣтъ, жена, кроткая и благородная подруга, радость семейства, окружали его; и воспоминаніе всѣхъ горестей возстало передъ нимъ. Многіе знакомые, первые узнавшіе о его возвращеніи, сбѣжались къ нему одинъ за другимъ. На вопросы каждаго, другъ его рассказывалъ исторію о шкатулкѣ, о его посѣщеніи къ сньюоръ Л** и объ обморокѣ. Карнавали затрепеталъ, внимая этому разсказу. Онъ прибѣгнувъ опять къ своимъ воспоминаніямъ и старался убѣдить себя, что обманулся и не отдавалъ подъ сохраненіе никакого залога; онъ хотѣлъ лучше обвинить свою память, нежели ту, которую такъ много любилъ; но въ судорожномъ движеніи онъ вдругъ чувствовалъ на груди прикосновеніе маленькаго ключика: тогда жгучая скорбь овладѣвала имъ, и разсказъ друга его вновь приходившимъ знакомымъ о его любви, о шкатулкѣ и посѣщеніи сньюоры Л**, шумѣлъ въ его ушахъ какъ безконечное мученіе. Тогда онъ крѣпче закрылъ глаза, боясь быть пружденнымъ, при своемъ пробужденіи, дѣлать объясненія, которыя привели бы его въ отчаяніе, потому что этому семейству, и всему свѣту онъ долженъ бы разсказать тяжелую истину; надобно было бы признаться, что та, которую онъ такъ любилъ, была не что иное, какъ лживая и потерянная женщина, которая наемѣвшись надъ нимъ, артистомъ, поэтомъ, честнымъ человекомъ, совершила самый безчестный поступокъ. — О! нѣтъ, говорилъ самъ себѣ Карнавали, продолжая лежать съ закрытыми глазами, нѣтъ, я ничего не скажу, я ничего не открою. Я хочу, чтобы женщина, которую я столько любилъ, оставалась чистою, уважаемою, счастливою, достойною почтенія, чтобы никто не могъ сказать, что Карнавали увизилъ себя такою недостойною любовью.... Пусть ничтожество для меня, если это нужно, только бы ей была честь, уваженіе и благоговѣніе свѣта. Нѣтъ, нѣтъ! возлюбленная моего сердца, это воздушная мечта, созданная во-

ображеніемъ поэта; никакая смертная не можетъ сравниться съ нею; я никогда не былъ богатъ, никогда не зналъ снѣсь. Я ошибался, жестоко ошибался. Я не отдавалъ ей ничего надъ сохраненіе, это я солгалъ.... Я съ ума сошелъ!...

— Сумасшедшій! повторилъ онъ съ горестью; сумасшедшій! еще разъ повторилъ онъ съ благородною и твердою рѣшимостью...

— Она спасена!...

Извѣстіе о прїѣздѣ Карнавали распространилось во всей Флоренціи, толпа знакомыхъ наполняла его квартиру, но въ окнѣ пѣли прекрасную серенаду, привѣтствовали его восторженными криками и непремѣнно хотѣли его видѣть; старинные друзья, люди различныхъ состояній, все сбѣжались къ нему; каждый хотѣлъ пожать ему руку, поздравить его; едва оправившись отъ страданія, блѣдный, съ растрепанными волосами, поддерживаемый своимъ другомъ, Карнавали походилъ на статую отчаянія. Онъ устремилъ долгій взглядъ, исполненный печали, на бѣдное семейство: этотъ взглядъ походилъ на прощаніе; потомъ онъ вдругъ громко захохоталъ судорожнымъ смѣхомъ, дикимъ, прозвительнымъ, сдѣлалъ прыжокъ и убѣжалъ на улицу!

Молвія, упавшая съ неба, не произвела бы такого глубокаго удивленія и болѣе всеобщаго огорченія. Что съ нимъ?... Что это значитъ? спрашивали у его друга. — Онъ съ ума сошелъ, оти-чалъ тотъ съ горестью. — Съ ума сошелъ! повторила толпа, и долго слѣдовала за нимъ, обнаруживая знаки искренняго сожалѣнія и участія.

Многимъ, вѣроятно, случалось встрѣчать, на улицахъ и на бульварахъ челоѣка съ длинною бородою, сѣдыми волосами, блѣднымъ и печальнымъ лицомъ, въ широкихъ зеленыхъ съ желтыми полосами панталонахъ, въ длинномъ, красномъ кафтанѣ, въ шляпѣ съ вѣнкомъ искусственныхъ цвѣтовъ, въ башмакахъ съ длинными загнутыми носками, всегда съ альбомомъ въ рукахъ, вмѣсто пояса въ шарфѣ съ длинными развѣвающимися концами. Этотъ странный нарядъ, составленный изъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, часто взмѣнялся, хотя всегда съ одинаковыми условіями страннаго и шутовскаго. Вы все знавали этого челоѣка, то былъ Карнавали, Карнавали профессоръ, музыкантъ, блѣдный, безвредный безумецъ, который заставлялъ только смѣяться; для насъ же то былъ Карнавали, итальянецъ, герой, мученикъ поватій о чести и самоотверженія! въ глазахъ нашихъ онъ не былъ сумасшедшимъ, онъ никогда имъ не былъ.

Мы слѣдовали за нимъ въ его жилище на чердакѣ въ улицѣ

Ройяль-Сентъ-Онорѣ; мы видѣли его вечеромъ послѣ его дневного маскарада, и подслушали его рыданія; онъ жилъ прошедшимъ, и цѣлыя ночи просиживалъ, опустивъ голову на обѣ руки, печальный и задумчивый; сонъ, единственное благо несчастныхъ, бѣжалъ отъ его глазъ. И никогда однако жалоба или раскаяніе не сорвалось съ его губъ. Вѣнокъ изъ цвѣтовъ на его шляпѣ служилъ ему воспоминаніемъ. Что происходило въ этой душѣ, столь восторженной и поэтической? Никто этого не знаетъ, потому-что онъ вѣбрылся только одному Богу. И Господь наконецъ призвалъ его къ себѣ. Онъ умеръ въ нищетѣ. Онъ умеръ безумнымъ въ глазахъ цѣлаго міра, потому-что съ этимъ безуміемъ тѣсно была связана честь женщины, которая была единственнымъ кумиромъ всей его жизни. Рука его охолодѣла на груди; а на груди висѣлъ черный шелковый снурокъ, походившій на когда то бывшую цѣпочку; на концѣ этого снурка висѣлъ маленькій ключикъ....

ИСТОРІЯ РОЗАНА, РАЗСКАЗАННАЯ ИМЪ САМИМЪ. Родословная моего семейства теряется во мракѣ времени. Полагаютъ, что мы происходимъ отъ той розы, о шипы которой укололись Венера и Адонисъ, отсюда и красноватый отливъ нашихъ лепестковъ и быстрое воспроизведеніе нашихъ цвѣтковъ. Предки моя снабжали Грековъ и Римлянъ вѣнками, которые они надѣвали на свои великолѣпные пиры и часто были допускаемы даже къ священнымъ празднествамъ. Порода наша размножилась по всей землѣ, и вездѣ насъ чествовали.

Во всѣ времена оказывали намъ знаки симпатіи и глубокаго уваженія: великіе поэты насъ воспѣвали, а исторія упоминаетъ о нашихъ высокиихъ дѣяніяхъ; судьи украшались нашими цвѣтами на своихъ торжественныхъ засѣданіяхъ. Рыцари носили на вооруженіи наше изображеніе и украшались нашимъ цвѣтомъ. Въ Англіи мы были талисманомъ войны, а въ примѣръ нашего разнообразнаго могущества, я упомяну, что въ новѣйшее время одинъ великій живописецъ обязанъ намъ своей славой. Въ одной скромной деревенькѣ, украшаютъ нами добродѣтельную дѣвушку, которая поэтому и называется *rosière*. Наконецъ нашимъ цвѣтамъ досталась честь устилать путь торжественныхъ ходовъ.

Я хотѣлъ отдать себѣ отчетъ въ своемъ значеніи и въ нашемъ началѣ: немудрено, что послѣ этого я нѣсколько гордъ.

Однако мать моя, происходившая отъ знаменитаго куста, долго жила въ удивленіи и неизвѣстности. Рожденіе ея было дѣломъ

случая. Уже болѣе полуѣвка тону назадъ, дочь китайскаго императора прогуливалась съ своей свитой въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего лѣтняго жилища. Она сѣла подъ деревомъ; держа въ рукѣ букетъ розъ, только-что сорванныхъ въ ея саду. Вставъ съ своего мѣста, она забыла букетъ; земля была рыхлая и удобная для произрастенія розъ, такъ-что на слѣдующую весну родилась моя мать. Едва вышла она изъ земли, какъ осматрившись кругомъ увидѣла, что ничто не мѣшало ея развитію. Занимаемое ею мѣсто было совершенно дикое; низкое жилище не окружало его. Близъ нея текъ ручеекъ, такъ что она могла орошать свои корни и чувствовала какъ они движутся и растягиваются въ землѣ. Вѣтви ея росли и развивались такъ сильно и скоро, что черезъ нѣсколько времени матушка одна составила прегустой кустъ, гдѣ тысячи пахучихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ проливали свое восхитительное благоуханіе. Часто дикіе звѣри ложились подъ ея листьями и не трогали матушки. Однажды она имѣла честь видѣть, что одну изъ ея розъ сорвалъ царь лѣсовъ. Слоны, проходившіи мимо, взглянулъ съ восторгомъ на розовый кустъ и, выбравъ самую пышную розу, сорвалъ ее хоботомъ, не дотрогиваясь до окружающихъ ея распуколокъ, и что матушка втайнѣ поблагодарила благоразумное животное, которое могло однимъ движеніемъ искрошить ее въ куски.

Много лѣтъ жила матушка не зная людей, не подозревая, какими пыткамъ подвергнуть они ее современемъ. Заботясь о развитіи своихъ отраслей, она направляла ихъ во всѣ стороны, желая развитъ ихъ по составленному плану и занять довольно прѣстранное количество земли: ей желательно было увѣковѣчить свой родъ; она знала, что придетъ время, когда корни ея потеряютъ всю силу и она сама наконецъ умретъ. Она встрѣчала въ землѣ, нища себѣ пищи, большыя растенія, мертвые корни и знала объ участи растеній. Но ей не были извѣстны всякаго рода смерти и страданія, изобрѣтенныя людьми для растеній. Она воображала себя властительницей своей маленькой области и думала, что должна опасаться только зловредныхъ насѣкомыхъ.

Многочисленная семья ея процвѣтала на славу. Матушка некровителствовала всѣхъ съ равною нѣжностью, научала средствами предохранять себя отъ бѣдствій, свойственныхъ намъ природѣ, совѣтовала беречь эффектъ цвѣтенія, не спѣшить наслаженіемъ на дневный свѣтъ. «Если вы хотите цвѣсти всѣ вдругъ», говорила она распуколкамъ, вы умрете послѣ однодневнаго блеску, между-тѣмъ какъ родясь поочередно, останетесь всегда свѣ-

ни и дѣтноты. Такъ говорила матушка, когда я родился, и оттого же, что я былъ не такъ крѣпокъ, какъ мои братья, или матушка наша предвидѣла близкое несчастіе, только она окружила меня особенными попеченіями, устроила для меня мѣстечко отдѣльное отъ другихъ, такъ что я началъ быстро расти и укрѣпляться. Глаза мои безпрестанно обращивались къ матушкѣ, укрывавшей меня своей тѣнью.

Однажды солнце печально закатывалось, я разговаривалъ съ матушкой и горевалъ о томъ, что судьба приковала насъ къ землѣ, что мы должны всегда оставаться на одномъ мѣстѣ.... Матушка рассказывала мнѣ о нашемъ происхожденіи. Признаюсь, я гордился тѣмъ, что принадлежу къ великому семейству и нѣжно складывалъ вѣтви мои на матушку, когда слышалась необычайный шумъ, или скорѣе звуки, не похожіе ни на рычаніе животныхъ, досѣдывавшихъ насъ, ни на дѣвіе птицъ, очаровывавшихъ насъ каждый день, ни на шелестъ бабочки или пчелы, которыми мы открывали наши сердцевинны, позволяя поцѣловать тамъ ихъ сахарную пашу. Но это было что то разнообразіе, не такъ мелодично и болѣе шумно. Мы всѣ невольно задрожали. Матушка приказала намъ вышустить шиши и спрятать цвѣты. Мы очень испугались, и было отчего. Нашими взорами представлялись существова незвѣстныя, сидѣвшія на животныхъ, у которыхъ, какъ у буйвола, льва и слона, было четыре ноги, но наружность совсѣмъ другая. Матушка сказала, что не знаетъ этихъ существъ. Они прыгнули на землю и прямо подошли къ намъ. Мы всѣ были къ полному цвѣту; одинъ изъ нихъ вертѣлся около нашей соды съ жестами удивленія, потомъ какимъ-то острымъ инструментомъ срѣзалъ самый прелестный цвѣтокъ. Никогда еще, кромѣ слона, о которомъ я говорю, ни одинъ цвѣтокъ не былъ сорванъ съ нашего стебля. Это повѣжливое существо сорвало бутонъ и листья безъ всякаго сожалѣнія. Не знаю, до чего бы дошелъ грабежъ, если бы другой не остановилъ грабителя. Вся шайка съѣла на землю, сдѣлала букеты изъ нашихъ цвѣтовъ, долго и съ наслажденіемъ вдыхая запахъ, потомъ всѣ ушли на животныхъ.

Послѣ ихъ отъѣзда, мы осмотрѣли другъ друга.... Какъ мы перемѣнились! безъ нашего роскошнаго украшенія, мы походили на окрестные кустарники. Чтѣ я говорю! мы стали хуже ихъ, потому что лишились главной красоты, которою надѣлила насъ природа и намъ стало ужасно стыдно; матушка старалась насъ

утѣшить, увѣряя, что мы скоро опять попросимъ цвѣтани. Она съ смѣлою на то, что хорошо знаетъ нашу плодотворную натуру.

Мы слушали матушку съ уваженіемъ, но мы были молоды, а особенно я — страшный шеголь, и потеря красоты хотя временная, сильно меня огорчала. Наступила ночь, мы уснули, но пробужденіе наше было ужасно. Едва разсвѣтало, какъ увидѣли, что вдаль что-то движется, везомое двумя такими животными, на которыхъ наканунѣ сдѣлаи ограбившіе насъ. Послѣ я узналъ, что это была карета; изъ нея вышли люди (эти существа были люди) и подошли къ намъ съ инструментами, которыхъ названіе послѣ я узналъ.... О, какая это была страшная минута! Тотъ, который вчера приказалъ грабителю остановиться, подошелъ, осмотрѣлъ насъ, обрѣзалъ вѣтви на матушкѣ, причиняя ей боль со всѣхъ сторонъ; потомъ приказалъ всѣмъ приняться за работу. Какая работа, о мой Боже! насъ вырыли, одинъ за другимъ, и помѣстили въ корзины, каждого отдѣльно, обрѣзавъ ненужныя вѣтви; матушку, безъ всякаго уваженія, бросили на эту кучу зелени, которая должна была сдѣлаться ея гробницей, а я сталъ предметомъ предпочтенія того, кто казался господиномъ. Меня вырыли съ особенною предосторожною, помѣстили въ корзину побольше другихъ, и господинъ взялъ меня на руки. Но видѣ семейство наше такъ разбѣяннымъ, владѣніе опустошеннымъ, особенно видя матушку, умирающую на мѣстѣ ея рожденія, я почувствовалъ къ виновнику всѣхъ бѣдствій неумолимую ненависть и если бы ногъ вонзить ему шпы мои въ сердце, я бы сдѣлалъ это съ величайшей радостью. Окончивъ свое дѣло, грабители съ веселымъ видомъ усѣлись опять въ карету, а я тихо плакалъ объ участи моихъ братьевъ, посаженныхъ въ корзины и о бѣдной матушкѣ, съ которой такъ недостойно поступили! Во время перѣзда, продолжавшагося долго, меня иногда поливали водою. Наконецъ перенесли меня въ одно мѣсто, гдѣ нѣсколько растеній, посаженныхъ какъ я въ корзинахъ, ожидали рѣшенія своей участи. За нами ухаживалъ тотъ, кто въ роковой день вырылъ меня изъ родной почвы. Онъ останавливался передо мною, осматривалъ вѣтви, нюхалъ мои цвѣты очень осторожно и обрѣзывалъ только увядшіе. Признаюсь, когда онъ освобождалъ вѣтви мои отъ какого-нибудь слишкомъ тяжелаго цвѣтка, я чувствовалъ облегченіе и нисколько не боялся его приближенія. Однажды сторожъ мой вошелъ съ великолѣпной фарфоровой вазой, наполнивъ меня какою-то особенной водою, посадилъ въ эту крас-

вую вазу, покрылъ ихомъ, перенесъ въ великолѣпную комнату, и поставилъ на мраморномъ камнѣ съ зеркаломъ.

Въ первый разъ я увидѣлъ себя всего и признаю, что показался себѣ очень красивымъ. Я былъ высокъ, строенъ, правильно обрѣзанъ, покрытъ цвѣтами яркаго розоваго цвѣту; тысячи распуколокъ, готовыхъ распуститься, пробивались со всѣхъ сторонъ. Все это среди пышной зелени, производило чудавый эффектъ: никогда я не видалъ матушку такую красивою, да и братья мои не выдержали бы сравненія. На другихъ столикахъ громоздилось множество цвѣтовъ, но я одинъ украшалъ эту сторону гостиной и гордился, признаю. Настала ночь; я сожалѣлъ, что не могу любоваться собою въ зеркало, какъ вдругъ лакей осветилъ гостиную солнцемъ, котораго я не зналъ. Вскорѣ вошла многочисленная толпа и тутъ настало для меня торжество: каждый подходилъ мною любоваться, улыбаться мнѣ; не знаю, что говорили мнѣ, но вѣроятно очень любопытныя вещи, потому что на лицѣ говорившихъ выражалось удовольствіе. Одинъ красивый молодой человекъ подвелъ ко мнѣ дѣвушку красоты ослѣпительной, и сказалъ ей, показывая на меня: «Это портретъ вашъ, Эмелина». Тутъ я задрожалъ отъ радости и хотѣлъ бы самъ сорвать одинъ изъ цвѣтковъ моихъ, чтобы поднести его той, которой я былъ изображеніемъ. Молодой человекъ угадалъ это, потому что сорвалъ прекраснѣйшую изъ моихъ розъ. Возьмите, сказалъ онъ, похожій на васъ цвѣтокъ и назовите его вашимъ именемъ».

Дѣвушка приколола его къ сердцу, говоря: я никогда съ нимъ не разстанусь.

Никогда! о какъ я былъ счастливъ, видя, что часть меня самаго украшаетъ грудь такой прелестной дѣвушки! почувствовалъ себя выше обыкновенныхъ растений; у меня, можетъ-статься, было мнѣ самому невѣдомое предназначеніе на землѣ.

Нѣтъ, не простая случайность исторгнула меня изъ мѣста моего рожденія, гдѣ я былъ только прозябалъ; я несъ съ собою таинственный языкъ, я былъ связанъ съ мыслями любви! Эта минута рѣшила мою судьбу: я забылъ прошедшее или, скорѣе, припомнилъ мое дѣтство съ признательностью къ тому, кто вывелъ меня изъ ничтожества, сожалѣлъ о братьяхъ, особенно о матушкѣ, но говорилъ самъ себѣ, что она не была бы счастлива въ такой корзинкѣ какъ я, потому что эта красивая гостинная, гдѣ воздуху было такъ мало, не удовлетворила бы поръ ея нѣжныхъ нѣбрь. Несчастіе, котораго избѣгла матушка, тутъ

идяю мнѣ въ ее смерти; куда дѣвались братья, я не зналъ; я надѣялся, что они также счастливы какъ я, но сѣтѣхъ-горь, какъ зеркало показало мнѣ каковъ я собой, я не могъ считать ихъ предметомъ такого же восторга, какой возбуждалъ самъ. Мало-по-малу я привыкъ думать только о себѣ. Того, кто ухаживалъ за мною, звали Леономъ; онъ два раза въ день посѣщалъ меня: вечеромъ вынималъ изъ красивой вазы, служившей мнѣ днемъ убѣжищемъ, и ставилъ въ садъ подъ дерево, гдѣ я дышалъ ночью чистымъ и свѣжимъ воздухомъ; утромъ, прежде чѣмъ от-вѣсилъ въ гостиную, Леонъ занимался моимъ туалетомъ, то-есть поливалъ меня, обрѣзывалъ увядшія листья, потомъ я опять занималъ свое мѣсто на красивомъ камнѣ, въ золотомъ моемъ до-нищѣ. Отсюда я могъ любоваться, какъ искусно Леонъ ухаживалъ за мною и спокойно ожидалъ, чтобы гости воздали мнѣ почести. Молодая дѣвушка каждый день проходила мимо меня и каждый день дарила меня улыбкою. Однажды я былъ въ полномъ цвѣтѣ, съ меня можно было сорвать цвѣтковъ двадцать по-крайней-мѣ-рѣ, одинъ красивѣе другаго. Эмелина пересмотрѣла ихъ всѣхъ-перетрогала пальчиками, перецѣловала, потомъ вынула изъ груди сложенную бумажку, устремивъ взоръ на то, что было въ ней за-вернуто. «Да, вы всѣ хороши, говорила Эмелина, смотря то на цвѣты мои, то на бумажку; вы блестящи и свѣжи, запахъ вашъ упоителенъ, а я предпочитаю вамъ этотъ увядшій, выдыхшійся цвѣтокъ и люблю его, потому что онъ далъ мнѣ его», и покрывъ поцѣлуями увядшую розу, она приложила ее ко мнѣ; о, какъ я задрожалъ, узнавъ цвѣтокъ, сорванный два мѣсяца тому назадъ, съ моего стебля молодымъ человекомъ. Вотъ каковы они будутъ всѣ, подумалъ я. Эмелина задумалась.

— О чемъ ты думаешь? моя Эмелина, спросилъ вошедшій Ма-рію.

— Я думаю, сказала Эмелина, что я дала свое имя этимъ цвѣ-тамъ, а они не дали мнѣ своей восхитительной красоты: поспе-трите, вмѣсто этой розы, увядшей на моей груди, распустилась другая еще прелестнѣе: а я — сегодня свѣжа, завтра увяну, и не съдѣлаюсь тѣмъ, чѣмъ была.

— О! отвѣчалъ Марію, не думай о такомъ отдаленномъ времени, наслаждайся настоящимъ, мой ангелъ! Я люблю тебя страстно; наслаждайся этой драгоценной минутой, не будемъ думать о бу-дущемъ, станемъ обожать настоящее, которое даетъ намъ столько счастья.

— Другъ мой, сказала дѣвушка, поднимая лазурные глаза на

Маріо: если бы ты зналъ, какъ твоя любовь необходима для моей жизни, болѣе чѣмъ земля и вода этому милому кусту; если забудутъ его полить, онъ умретъ, если ты перестанешь меня любить — я также умру, Маріо. О, Маріо, подумай объ этомъ, другъ мой, моя жизнь въ тебѣ.

— Ангель! жизнь моя! говорилъ Маріо съ восторгомъ, повторилъ мнѣ это упительное слово!

— Да! отвѣчала Эммелина простодушно. Посмотри, Маріо, какъ хороша эта роза, она будетъ долго такъ красива, если не отрѣжутъ ея отъ милого деревца. Но лишь только дерзкаго рука сорветъ ее; она станеть такою какъ эта, которую я ношу на сердцѣ. Посмотри... она умерла!...

Маріо поблѣднѣлъ. — Ты сказалъ мнѣ, что я похожа на эти цвѣты, продолжала Эммелина. Ты — дерево, дающее мнѣ жизнь... если ты отдѣлишься отъ меня, о, Маріо!... твоя Эммелина!...

— Перестань!... замолчи!... сказалъ Маріо въ волненіи; мнѣ больно слушать!...

Потомъ, сорвавъ одинокъ изъ цвѣтковъ моихъ съ судорожнымъ движеніемъ, онъ бросилъ его на полъ и затопталъ ногами. Одинокъ лепестокъ отдѣлился. Дѣвушка подняла и прижала его къ губамъ.

— О! сказалъ Маріо, посмотрѣвъ на нее пламенно, твои губы розовѣе листочка, который ты прижала къ нимъ! дай мнѣ этотъ листокъ! дай!

Дѣвушка вздрогнула и поблѣднѣла. Протянувъ руку къ колокольчику, она позвонила; явился лакѣй.

— Унеси эти цвѣты, сказала она, мнѣ дурно отъ ихъ запаха.

И упавъ въ кресла, она залилась слезами.

Меня вынули изъ вазы, увезли изъ гостиной и бросили въ углу кухни, куда солнце не проникало. Люди были очень заняты, утапывая этажерку разными плодами на золоченыхъ тарелкахъ. Одинокъ изъ кухмистровъ вскричалъ: «А! вотъ что мнѣ нужно!» и вдругъ помощію острыхъ ножицъ ограбилъ все мои цвѣты, все бутоны и лучшіе листья. Въ одну минуту я былъ приведенъ къ ничтожеству и дрожалъ, что меня бросятъ на полъ вмѣстѣ съ прочею дрянью!... Леонъ проходилъ мимо; увидѣвъ меня въ рукахъ кухмистра, онъ вырвалъ меня съ крикомъ: «Просто-смертубійство! Шесть мѣсяцевъ времени не воротятъ кусту того, что онъ потерялъ. Не ужасъ ли такъ обращаться съ прекраснѣйшимъ изъ розановъ, привезенныхъ въ теченіе послѣдняго года?» Слѣдомъ, Леонъ показывалъ такую горестъ, что я бы хотѣлъ побла-

годарить его. Громкій смѣхъ тѣхъ, которые, казалось, презирали красоту мою, наполнилъ меня яростью.

— Посмотрите-ка, сказалъ Леону тотъ, кто такъ безжалостно искромсалъ меня; посмотрите-ка на эту корзинку и скажите, развѣ я дурно воспользовался розами вашего милаго кустика. Развѣ на столѣ это не будетъ восхитительно?

Я грустно смотрѣлъ на эту корзинку, которую кухмистръ показывалъ съ гордостью, и признаюсь, что цвѣты мои, смѣшанные съ плодами, производили удивительный эффектъ. Леонъ покачалъ головою съ недовольнымъ видомъ и унесъ меня. Я очутился въ теплицѣ, куда былъ поставленъ по прїѣздѣ во Францію. Бросивъ взглядъ на то мѣсто, гдѣ стояли мои братья, я увидѣлъ, что онъ было пусто.

Я тогда счелъ себя послѣдней отраслью нашей фамиліи. Леонъ ухаживалъ за мною съ особеннымъ предпочтеніемъ. Однажды онъ обрѣзалъ меня со всѣхъ сторонъ и, къ великому моему удивленію, перевесъ въ цвѣтникъ, котораго я не зналъ, вырылъ довольно большую яму и вынувъ меня изъ корзины, посадилъ на просторѣ въ этой ямѣ, прикрывъ слегка землей, и обильно поливъ. О! какъ мнѣ было хорошо! Я дышалъ свободно, протягивалъ корни безъ помѣхи и обѣщалъ себѣ осуществить на этомъ мѣстѣ боскетъ, созданный матушкой, но я не былъ властенъ распологать собой. Каждый день посѣщалъ меня Леонъ, не позволявшій мнѣ прозаять по своей волѣ. Я былъ центромъ разнообразнѣйшаго цвѣтника. Мѣсто мое было обозначено и ограничено. Я могъ распространять мои вѣтви только въ позволенномъ пространствѣ. Отъ меня отнимали все лишнее. Если одна изъ моихъ вѣтвей мѣшала тюльпанамъ и маргариткамъ, ее безжалостно уничтожали. Такъ дѣйствовалъ мой покровитель, тотъ, кто спасъ изъ этой гадкой кухни, гдѣ я бы непременно умеръ отъ жажды. Конечно, я питалъ къ Леону величайшую признательность за это, но зачѣмъ посадилъ онъ меня рядомъ съ этими тюльпанами и маргаритками? Правда, что цвѣты ихъ разнообразны, форма граціозна, но запаху никакого нѣтъ. Когда я подумалъ, что благоуханію моихъ лепестковъ обязанъ я изгнанію изъ этой красивой гостиной, гдѣ мнѣ было такъ хорошо!... изъ этой гостиной, гдѣ я былъ предметомъ всеобщаго удивленія и особеннаго предпочтенія прелестной дѣвушки, съ которою меня сравнивали, которая назвала своимъ именемъ мои цвѣтки, я спрашивалъ себя, что мнѣ повредило, что долженъ былъ я дѣлать, чтобы сохранить свое мѣсто на землѣ и свою репутацію въ свѣтѣ. Каждый

разъ, когда Леонъ отнималъ у меня вѣтви, я чувствовала страшную ярость, престокою зависть къ этимъ нитриганткамъ маргариткамъ, которымъ приносили меня въ жертву, и такія успія употреблялъ, чтобы повредить имъ, что успѣлъ истребить до полсотни въ одну ночь. На разсвѣтѣ онѣ склонили головы. Лучъ, призываемый мною изъ всѣхъ силъ, поразилъ ихъ всѣхъ смертию, и когда другъ пришелъ ихъ навѣстити, онъ вскрикнулъ съ отчаяніемъ: гадкій розанъ, это ты имъ вредилъ!

— Да, это я, вскричалъ я про себя съ неописанной радостью и общалъ себя такъ сильно распространить мои вѣтви вокругъ цвѣтника, что скоро останусь одинъ, свѣжій, блестящій, достойный почести! Цѣлая ведъля прошла въ прозѣтахъ, и даже въ дѣйствіяхъ. Но, увы! однажды Леонъ пришелъ очень рано съ заступомъ въ рукѣ, и безжалостно вырылъ меня оттуда, куда самъ посадилъ и отдалъ крестьянкѣ, которая унесла меня съ восхищеніемъ.

Въ тотъ самый день выставили меня на базаръ и сто разъ приходили торговать меня, но назначенная цѣна была такъ высока, что никто не рѣшился купить. Остановился экипажъ. Красивая госпожа вышла оттуда, положила ко мнѣ, полюбовалась и заплатила, что просили. Меня поставили на бѣлую атласную подушку.

— Какой восхитительный запахъ распространился здѣсь отъ этихъ розъ! сказала она молодому человѣку, въ которомъ я узналъ того, кто снялъ одинъ изъ лепестковъ моихъ съ губъ Эмелины. — Какъ ты милъ, что подарилъ мнѣ этотъ розанъ!

— Развѣ ты не знаешь, что тебѣ стоитъ только пожелать—и все въ твоимъ услугамъ? отвѣчалъ Маріо.

Карета остановилась; меня внесли по великолѣпной лѣстницѣ и я очутился въ небольшой комнатѣ, гдѣ стѣны были словно вылиты изъ шолку и золота. Меня поставили въ герметически закрытомъ будоарѣ въ дубовой корзинѣ, чудо съ какимъ вкусомъ обдѣланной. Госпожа моя ежеминутно обрывала лепестки моихъ розъ, жевала и бросала ихъ въ огонь. Я задыхался въ новой своей квартирѣ. Разъ вечеромъ, госпожа моя приказала горничной сдѣлать ей букетъ изъ самыхъ красивыхъ моихъ розъ, чтобы бросить ихъ ей, когда она протанцуетъ свое pas de deux. Вѣрно служанка привыкла къ этому занятію, потому что принесла кучу почти увядшихъ цвѣтовъ, всунула туда мои розы и унесла все въ картонкѣ вмѣстѣ съ нарядами, въ которыхъ госпожа ея должна была нарядиться вечеромъ. Ночью букетъ былъ привезенъ назадъ и брошенъ возлѣ меня. На другой день онъ засохъ. Мнѣ тоже нездоровилось. Къ счастью, одно неожиданное обстоятельство помѣ-

надо мнѣ умереть отъ жанды. Новая госпожа моя приказала герничной отвезти меня къ Марію отъ заниской, прилазанной къ моему кѣту. Когда Марію отвязывала се, я повсарала уколоть его своими шпцами. Проклятый розанъ! оказалъ онъ. Потому, посмотрѣвъ на меня пристально, онъ прибавилъ вполголоса, впрямь чѣмъ распечаталъ письмо.... Бѣдное дитя!.. Близъ подобнаго риза она принимала мои клаты. Да, я помню какъ она сказала, указывая мнѣ увидшую розу: Если ты перестанешь любить меня, Марію, я умру какъ она!... О! ужасное воспоминаніе, сказалъ онъ, опустить голову на обѣ руки; но нѣтъ, она утѣшится: женщины не умираютъ отъ любви.... Эмелина женщина, она поправится другому, забудетъ, что сказала и чувствовала близъ меня... она женщина, то есть существо втрѣнное, созданное для нашего мученія и нашей радости, радости эеоморной, какъ молодость и зрелость. Но посмотришь, чего хочетъ моя прелестная Зенія, и я вѣду. — Вотъ прекрасно! она вѣдетъ! — Благодарю за все, что вы для меня сдѣлали. — Кстати, вчера въ оперѣ я замѣтила дѣвушку, потерявшаю, пока я танцевала, пристально смотрѣла на васъ. Ей сдѣлаюсь дурно въ то мгновеніе, когда вы бросили мнѣ розу, которая была у васъ въ петлицѣ. Я спросила: кто это? Дочь маркиза де-Соланжа. «Великій Боже! Эмелина! Скорѣе, лошадей, закричалъ Марію вошедшему лакею. Не терять ни минуты; бѣдное дитя!»

Новый господинъ мой не обращалъ на меня вниманія. Меня поставили на балконъ, и слуга, — я долженъ отдать ему справедливость — сжался надо мною и полилъ меня. Мнѣ было не дурно на балконѣ. Я смотрѣлъ на проходящихъ, слышалъ разговоры, забавлявшіе меня, иногда даже меня осыпали похвалами. Я желалъ остаться въ такомъ положеніи и былъ радъ опять войти Марію, который былъ причиной изгнанія моего изъ гостиной, и которого я считалъ виновникомъ всѣхъ моихъ бѣдъ; я радовался, что улолю его. Жизнь моя протекла тихо нѣсколько мѣсяцевъ и, довольный своей судьбою, я распускалъ цвѣты и бутоны, ко приѣхитилъ, что становилось блѣднѣе и блѣднѣе день-отъ-дня, хотя это не вредило красотѣ моей, и достигнувъ полного цвѣту, я желалъ себѣ, чтобы господинъ мой увидалъ меня. Скоро это желаніе исполнилось, но никогда не забуду, какое впечатлѣніе произвелъ на меня его видъ.

Слуга, заботившійся обо мнѣ, однажды пришелъ за мною до россвѣту и внесъ въ комнату Марію. Онъ былъ въ траурѣ, его блѣдное и благородное лицо рѣзко отдѣлялось отъ шляпы, обшитой погребальнымъ кропомъ. Увидѣвъ меня, онъ вытолкъ изъ комна-

на, селась съ глосницею и обѣла въ карету обитую и сарушию и внутри чернымъ. Меня поставили передъ нить. Мае прѣехали въ парки, благозачебно освѣщенной; мои внесли туда; благозачебно дынь прѣятно касался моихъ перъ, пока меня не увесли изъ этого мѣста, гдѣ всѣ плакали, и снова поставили въ карету моего господина, гдѣ я былъ уже одинъ. Карота-сдѣдала подленно въ многоочисленнымъ походу. Черезъ въсильно часъ карота оставилась, слуга взялъ меня съ канинъ-то уваженіемъ и принесть въ мѣсту, окруженному желѣзной рѣшеткой. Маріе стоялъ на колѣнахъ на мѣстѣ и заливался слезами. Вавъ заступъ, онъ откинулъ землю, только что орошенную святой водою, и посадилъ меня у изголовья гробницы. Потомъ схватилъ вещьцу, завернутую въ бумажкѣ, покрылъ ее поцѣлуемъ и слезами. Какъ она, ты уверяи, моя Эмелина! вскричалъ онъ. Послеъ вынутнаго молчѣнія, онъ всталъ на колѣнахъ возлѣ меня и прошепталъ: эта роза возродится здѣсь, а ты оживешь въ небѣ! Можеть быть скоро соединюсь и съ тобой... До тѣхъ-поръ слезы мои будутъ орошать этотъ розанъ, преданный тому, который пріеялъ наши клятвы.

Онъ разсыпалъ на гробницѣ Эмелины лопестя персаго цвѣтка; раздѣвшаго на мѣ. Съ-этихъ-поръ я живу возлѣ нея однако и погруженный въ воспоминавія. За мной ухаживаютъ, берегутъ меня. Я старѣю и, въ обители смерти, жду ее спокойно и безъ страху.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильнымъ Записки Шатобриана. Часть четырнадцатая.* Изъ Гренобля Пій-Седьмой прибылъ въ Валенцію. Здѣсь испустилъ духъ Пій-Шестой; здѣсь вскричалъ онъ, когда показали его народу: «Ессе homo!» Здѣсь Пій-Шестой разлучился съ Пиемъ-Седьмымъ; усопшій, встрѣтивъ руку свою, вошелъ въ нее. До-сихъ-поръ, казалось, два папы шли рука объ руку, какъ тѣнь за предметомъ; здѣсь эта двойственность кончилась. Пій Седьмой носилъ кольцо, которое было на пальцѣ у Пія-Шестаго, въ минуту кончины: это служило знакомъ того, что Пій-Седьмой принялъ скорбь и судьбу своего предшественника.

Въ двухъ лѣтъ отъ Команы, святой Златоустъ жилъ въ дѣлѣхъ святаго Василиска; этотъ мученикъ явился ему ночью и сказалъ: «Мужайся, братъ мой, Іованъ! Завтра ны будемъ вѣдѣть.» Іованъ отвѣчалъ: «Возблагодаримъ за все Господа!» Онъ распро-стерся на землѣ и скончился.

Въ Валенціи Бенксартъ началъ пучи, съ котораго устроился

на Рейнъ. Пію Седьмому не дали даже времени поспѣть прахъ Пій-Шестаго; поспѣшию повлекли его въ Антверпенъ: это значило вести его въ малый Римъ; здѣсь онъ могъ видѣть склепъ въ подвоямелѣхъ дворца, для другаго поколѣнія нервосвященниковъ, и слышатъ голосъ древняго вѣщаннаго поэта, который призывалъ пресениковъ Святаго-Петра въ Капитолій.

Случайно, онъ очутился въ Приморскихъ Альпахъ, и достигнувъ моста на Варѣ, рѣшился перейти его пѣшкомъ; онъ встрѣтилъ народъ, раздѣленный по роду ремеслъ; духовенство въ полномъ облаченіи и десять тысячъ человекъ на колѣнахъ, въ глубокомъ молчаніи. Этрурская королева, съ двумя дѣтьми, также на колѣнахъ, ожидала святаго отца на концѣ моста. — Въ Ницѣ улицы были усыпаны цвѣтами. Комендантъ, который везъ насъ въ Савону, направилъ путь черезъ лѣса, по бесплодной дорогѣ; въ великому удивленію онъ наткнулся въ пустынѣ на иллюминацію: на каждомъ деревѣ висѣлъ шкаликъ. Мѣрской берегъ также былъ иллюминированъ; корабли издали видѣли эти маяки, зажженные почтеніемъ, любовью и скорбью при гибели узника-отшельника. Такъ ли возвращался Наполеонъ изъ Москвы? Вѣсть ли о его благодѣяніяхъ, благословеніи ли народа предшествовали ему?

Впродолженіе этого долгаго путешествія, Наполеонъ выигралъ сраженіе при Ваграмѣ и порѣшилъ бракъ съ Марією-Терезією. Тринадцать кардиналовъ, вызванные въ Парижъ, осуждены на изгнаніе, и римская коммиссія, учрежденная по распоряженію Франціи, снова провозгласила присоединеніе папскаго престола къ имперіи.

Папа, задержанный въ Савонѣ, беззаконнымъ креатурами Наполеона, издалъ эдиктъ, главнымъ виновникомъ котораго былъ кардиналъ Роверелла; этимъ эдиктомъ дозволялось отправлять конфирмаціонныя буллы вновь избраннымъ епископамъ. Императоръ не ожидалъ такой снисходительности, и отвергъ эдиктъ, потому что въ противномъ случаѣ надлежало бы возвратитъ папѣ свободу. Въ порывѣ гнѣва, онъ приказалъ, чтобы кардиналы, несогласные съ волею императора, сложили съ себя санъ; нѣкоторые изъ нихъ были заключены въ Венсеннѣ.

Ницскій префектъ писалъ Пію-Седьмому, что «ему воспрещается входить въ сношеніе съ какою бы ни было церковью въ имперіи; что нарушеніе этого повелѣнія сочтется за ослушаніе; что онъ, Пій-Седьмой, пересталъ быть орудіемъ Церкви, потому что проповѣдуетъ бунтъ, и душа ея не имъ вся наполнена желаніемъ;

что если никакія шѣры не побудятъ его дѣйствовать благоразумно, то онъ увидитъ, что у его величества довольно силы, чтобы низложить папу.»

Уже ли побѣдитель при Маренго самъ диктовалъ подобное письмо?

Наконецъ, послѣ трехъ-лѣтняго заключенія въ Савонѣ, папа потребованъ во Францію 9 Іюня 1812 года, причемъ ему приказано смѣнить одежду. Онъ отправился на Туринъ, и въ глубокую ночь прибылъ въ страннопріимный домъ на горѣ Сени. Здѣсь, почувствовавъ приближеніе смерти, онъ соборовался и успѣлъ только причаститься; ему не позволили долѣе оставаться такъ близко къ небу. Онъ не жаловался и возобновилъ примѣръ смиренія, давній мученицей Версейльской. У подошвы горы, въ минуту казни, увидя, что съ хламиды палача упала застежка, она сказала ему: «Съ плеча у тебя упала застежка; подними ее; иначе потеряешь то, что добылъ такниѣ трудомъ.»

Въ проѣздѣ черезъ Францію, Пію-Седьмому не позволили выйти изъ экипажа. Онъ кушалъ въ самой повозкѣ, когда ее ввозили въ почтовые сарай. Утромъ 20 іюня, онъ прибылъ въ Фонтенбло; спустя трое сутокъ, Бонапартъ переходилъ Нѣманъ, и начиналъ расплату за прошедшее. Привратникъ не принялъ узника, потому что повелѣніе еще не доходило до него. По полученіи этого повелѣнія, папа вошелъ въ замокъ и внесъ въ него съ собою небесное правосудіе: на томъ самомъ столѣ, на который опиралась немощная рука Пія Седьмого, Наполеонъ подписалъ актъ отреченія.

Если незаконное вторженіе въ Испанію вооружило противъ Бонапарта міръ политическій, то съ другой стороны занятіемъ Рима онъ возставилъ противъ себя міръ нравственный; безъ всякой пользы, онъ будто съ намѣреніемъ отчуждалъ отъ себя народы и алтари, человѣка и Бога. Между двухъ пропастей, изрытыхъ по краямъ его жизни, онъ узкой тропой пошелъ искать себѣ погребель въ глубинѣ Европы, будто по тому мосту, который перебросила черезъ Хаосъ Смерть при помощи Зла.

Пій-Седьмой не чуждъ этимъ «Запискамъ»: онъ первый изъ государей, при которомъ я началъ политическое вѣщаніе, такъ внезапно прерванное во время консульства. Будто теперь вижу, какъ онъ принималъ меня въ Ватиканѣ, съ раскрытымъ на столѣ «Духомъ Христіанства», въ томъ самомъ кабинетѣ, гдѣ я допущенъ былъ къ стопамъ Льва-Двѣнадцатаго и Пія-Осьмаго. Люблю вспоминать, что претерпѣлъ онъ: скорбь, которую онъ благосло-

милъ въ Римѣ, въ 1803 году, заглавнѣею мнѣею войною и побѣдою въ скорбь его, долгу благодарности.

Девятаго апрѣля 1809 года объявлена между Англією, Австріей и Испаніей пятая коалиція, подкрѣпленная неудовольствіемъ другихъ государей. Австрійцы, протестуя на нарушение договоровъ, внезапно переходятъ черезъ Иннъ, въ Браунау: ихъ удерживаютъ въ медленности, и вотъ они разбиты въ Ипполеймовѣ: эта рѣка не шла къ нимъ. Съ радостью оставивъ Испанію, Бонапартъ идетъ въ Баварію, и, не ожидая прибытія Французовъ, принимаетъ начальство надъ Баварцами: ему годится всякій солдатъ. При Абенсбергѣ, онъ разбиваетъ эрцгерцога Людовика; при Эмиль, эрцгерцога Карла; перерѣзаетъ австрійскую армию и переходитъ черезъ Зальцу.

Наполеонъ вступаетъ въ Вѣну. 21 и 22 мая происходитъ страшная битва при Эсслингенѣ. Релиція эрцгерцога Карла извѣщаетъ, что въ первый день, 288 австрійскихъ пушекъ дали 51 тысячу выстрѣловъ, и что на другой день съ обѣихъ сторонъ дѣйствовало 400 орудій. Маршалъ Ланъ смертельно раненъ. Бонапартъ промолвилъ ему слово, и потомъ забылъ.

Сраженіе при Ваграбѣ 16 іюня 1809 года, выѣщаетъ въ себя всѣ битвы, происходившія въ Германіи: здѣсь Бонапартъ развилъ весь свой геній. Полковникъ Сезарь де Лаваль, которому поручено было извѣстить его о пораженіи лѣваго крыла арміи, засталъ его на правомъ крылѣ въ ту минуту, когда онъ велъ атаку маршала Даву. Наполеонъ немедля скачетъ на лѣвое крыло и поправляетъ неудачу Массены. Тутъ-то, въ тотъ самый мигъ, когда всѣ считали сраженіе потеряннымъ, Наполеонъ, заключая противное изъ движеній непріятели, вскричалъ: «Сраженіе выиграно!» Колеблющейся побѣдѣ онъ противопоставляетъ свою волю; онъ приводитъ ее на поле битвы, какъ Цезарь за бороду увлекалъ въ бой своихъ изумленныхъ ветерановъ. Девятьсотъ орудій режутъ; равнина и поля въ пламени; села исчезаютъ; дѣло продолжается двѣнадцать часовъ. Ларистонъ ведетъ атаку на непріятели, со стѣ орудіями. Черезъ четыре дня на поляхъ находили ратниковъ, которые только-что испускали духъ при лучахъ солнца, на потоптанныхъ колосьяхъ, обгаренныхъ кровью: терни уже точили раны труповъ.

Въ мою молодость занимались чтеніемъ комментарій Фолара и Гитардта, Темпельгофа и Ллойда; изучали разные роды боеваго порядка; въ чинѣ подпоручика и я передвѣгалъ на столѣ маленькіе деревянные карѣ. Революція измѣнила военное искусство, какъ

и все прочее; Бонапартъ заобрѣлъ большую войну, идею которой далъ ему завѣданіи республики, совершенныя реквизиціонныя массы. Онъ пренебрегалъ укрѣпленными мѣстами, ограничивался одною блокадой, отважно вторгался въ земли невѣрителей и въ одинъ мигъ выигрывалъ сраженія. Онъ не заботился объ отступленіяхъ, шелъ прямо впередъ, подобно римскимъ дорогамъ, которыя, не сворачивая идутъ черезъ пропасти и горы, устремляя всѣ свои силы на одинъ пунктъ, и потомъ собирая въ полукругъ разсѣянные корпуса. Этотъ способъ войны, принадлежавшій собственно ему, согласовался съ кипучестью Французовъ; но онъ не имѣлъ успѣха при солдатахъ менѣе отважныхъ и ловкихъ. Подъ конецъ своего поприща, Наполеонъ водвалъ кавалерійскія этаки болѣе на артиллерию и бралъ линіи редуты. Что жъ вышло изъ этого? Занявъ Францію войною, онъ научалъ воевать Европу: стали думать только объ умноженіи средствъ: массы уравнились массами. Въмѣсто ста тысячъ человекъ двинули шестьсотъ тысячъ, вмѣсто ста орудій — пятьсотъ; искусство этимъ нисколько не подвинулось впередъ, увеличилось только размѣръ. Тюренцы знали не менѣе Бонапарта, но не были неограниченнымъ властителемъ и не располагали сорока милліонами человекъ. Рано или поздно придется возвратиться къ образованной войнѣ, которую звалъ еще Моръ, войнѣ, которая оставляетъ народы въ цѣлоѣ, между тѣмъ какъ небольшая горсть солдатъ исполняетъ свой долгъ; нужно возвратиться къ искусству отступленій, къ защитѣ страны посредствомъ укрѣпленій, къ терпѣливымъ маневрамъ, въ которыхъ тратится время, но оберегаются люди. Громадныя битвы Наполеона переходили за предѣлы славы; взоръ не можетъ объять этихъ провалыхъ побѣдъ, которыхъ результатъ не соответствуетъ бѣдствіямъ. Безъ особенныхъ, непредвидимыхъ событій, Европа долго не возмется за войну. Наполеонъ, преувеличивъ войну, убилъ ее: наша африканская война не что иное, какъ практическая школа для солдатъ.

Среди труповъ, на полѣ ваграмскаго сраженія, Наполеонъ показалъ свойственное ему равнодушіе, которымъ онъ старался всегда отличиться передъ другими; онъ холодно сказалъ, или лучше, повторилъ обычную поговорку въ подобныхъ случаяхъ: «Какой покой!»

Когда ему представляли объ отличіяхъ равныхъ офицеровъ, онъ отвѣчалъ: «Ихъ нѣтъ здѣсь».

Послѣ ваграмскаго сраженія положено заключить перемиріе

въ Цинциѣ. Чтѣ ни говорятъ наши бюллетени, Австрійцы ретировались въ совершенномъ порядкѣ и не оставили за собой ни одной цѣлой пушки. Бонапартъ, завладѣвъ Шёнбруномъ, помышлялъ тамъ о мирѣ.

«Тринадцатаго октября, говоритъ герцогъ кадорскій, я приѣхалъ изъ Вѣны, чтобы работать съ императоромъ. Послѣ непродолжительнаго разговора, онъ сказалъ мнѣ: «Я поѣду на смотръ, оставайтесь въ моемъ кабинетѣ; напишите эту ноту; я просмотрую ее по возвращеніи». Я остался въ его кабинетѣ съ москѣ де-Меневаллемъ, собственнымъ его секретаремъ.

Начали возставать народы; они предвѣщали Бонапарту враговъ могущественныхъ. Между-тѣмъ счастье Наполеона не хотѣло еще отъ него отворотиться. Четырнадцатаго августа 1809 года, во дворцѣ австрійскаго императора подписанъ миръ; на этотъ разъ пальмою побѣды была дочь цезарей; но Жозефина была коронована, а Марія-Луиза нѣтъ; казалось, виѣсть съ первою женою удалалась отъ триумфатора и сила божественнаго помазанія. Я могъ бы видѣть въ соборѣ Божьей Матери въ Парижѣ ту же церемонію, которую я видѣлъ въ соборѣ рейскомъ; кромѣ Наполеона, дѣйствующія лица были тѣ же.

Одинъ изъ тайныхъ двигателей, который принималъ наибольшее участіе въ этомъ дѣлѣ, былъ другъ мой, Александръ де Лабордъ, равнинный въ рядахъ эмигрантовъ и украшенный за раны крестомъ ордена Маріи Терезіи.

Одинадцатаго марта принцъ невшательскій вступилъ въ Вѣнѣ, по прокураціи, въ бракъ съ эрцгерцогинею Маріей Луизою. Она отправилась во Францію въ сопровожденіи княгини Мюрать, и прибыла 22 марта въ Страсбургъ, а 28 въ замокъ Компьеръ, гдѣ ожидалъ ее Бонапартъ. Гражданскій бракъ совершенъ въ Сенъ-Клу 1 апрѣля. Второго числа кардиналъ Фешъ далъ въ Луврѣ обоимъ супругамъ брачное благословеніе.

Теперь кажется все кончено; Бонапартъ получилъ послѣднее, чего ему не доставало: какъ Филиппъ Августъ Согоръ съ Изабелой де Генау (Hainaut), онъ сливаетъ послѣднее поколѣніе съ поколѣніемъ великихъ царей; прошедшее связуетъ съ будущимъ. Съ этихъ поръ онъ владычествуетъ въ вѣкахъ, если только остановится на высотахъ величія; но у него есть сила остановить миръ, и нѣтъ силы остановить себя: онъ будетъ идти до-тѣхъ-поръ, пока не завоюетъ послѣдняго вѣнца, который придаетъ цѣну всѣмъ прочимъ, — вѣнца несчастія.

Эрцгерцогиня Марія-Луиза 29 марта 1811 года разрѣшилась

отъ времени сыновъ. Отъ этого сына, прошедшаго на свѣтъ подобно птицѣ странъ приполюсныхъ, при солнцѣ полунощномъ, остается только нечальный вальсъ, сочиненный имъ самимъ въ Шёнбрунѣ и разыгрываемый на органахъ по улцамъ Парижа, вокругъ отцовскаго дворца.

ОХОТНИКИ НОВЫЯНАГО ВРЕМЕНИ. *Сочиненіе маркиза де-Фу-драса. Часть четвертая.* Вспоминая, сколько матеріаловъ оставилъ по себѣ осьмнадцатый вѣкъ писателямъ нашего времени, я иногда задаю себѣ вопросъ, будетъ ли писателямъ будущаго столѣтія такая же пожива отъ нашей эпохи? Подумавши хорошенько, сожалѣю отъ глубины души о романистахъ и водевиллистахъ 1945 года. Понадобится ли имъ для фельетона или сцены герой, побѣдитель въ великихъ сраженіяхъ, наши мемуары угостить ихъ маршаломъ Бюжѣ, вмѣсто Мориса Саксонскаго. Захотятъ ли они изобразить актрису, славную живостью ума, или куртизанку, имъ придется взять надмоазель Флоръ вмѣсто Соэи Арну и Дюте. Если перейти отъ лицъ къ костюмамъ и обычаямъ, разница будетъ едва ли еще не больше: нѣтъ теперь ни шитыхъ кастановъ, ни башмаковъ съ брилліантовыми пряжками, ни благоуханной пудры, ни портсезовъ, которые высаживали васъ на порогъ салона; ихъ замѣнили невзрачные пальто, толстые сапоги, сигары, которыя гасятъ въ передней, и омнибусы, которыя высаживаютъ васъ въ лужу. Сложите-же изящную, веселую комедію или прилично-скандалѣзный романъ изъ эпохи, когда прекрасная и благородная Франція старыхъ временъ превратилась въ скупую, сварливую мѣщанку, которая и влюбляется съ расчетомъ, и не рискнетъ грошекомъ, не имѣя въ виду выиграть два. Повторяю, — не угодно ли состряпать изъ этого книгу, и если она не уступитъ въ занимательности и полезности «Журналу общепользныхъ свѣдѣній», я обязываюсь прочесть ее отъ начала до конца: это обязательство показываетъ, до какой степени увѣренъ я въ истинѣ моихъ словъ.

Изъ вышесказаннаго, также какъ изъ многихъ другихъ мѣстъ въ этой книгѣ, вы, конечно, заключите, что я люблю старую Францію, хотя и знаю ее только по преданію. Эпоха, о которой я говорю и сожалѣю, кончилась за двѣнадцать лѣтъ до моего рожденія; но она еще жила въ памяти и сердцѣ моего отца и меня забавляли въ дѣтствѣ разсказами о житьѣ-бытьѣ до революціи. Не умѣю вамъ сказать, до какой степени умаскали меня эти разсказы; при сравненіи ихъ съ прошедши-

идить на моихъ дядюхъ, они назвали мнѣ чудовищныя не только воднебныхъ сказокъ моей няни. Позже мнѣ случалось не только скрывать глубокое сожалѣніе о томъ, что я не жилъ среди благороднаго и блестящаго общества прошедшаго столѣтія, но даже противорѣчить отцу. Я притворялся, что энтузіазмъ его кажется мнѣ преувеличеннымъ; тѣмъ болѣе я ему противорѣчилъ, тѣмъ менѣе показывала довѣрія, и тѣмъ горячѣе вступался (разумѣется, умышленно) за настоящую эпоху, тѣмъ болѣе припоминалъ одѣ фактовъ, и тѣмъ съ большимъ жаромъ живописалъ хорошія стороны добраго стараго времени. Онъ не ропталъ, но рассказывалъ веселыя исторіи съ самымъ престодушнымъ увлеченіемъ и самою краткою философіею. Когда отецъ уставала, начинала говорить матушка, в разсказы, въ другомъ родѣ, были столько-же интересны и придавали занимательности тому, что говорилъ отецъ. Мать моя родилась, воспитывалась и прожила до тридцати лѣтъ въ сѣверной Силезіи; она рассказывала мнѣ о жить-бытьѣ нѣмецкой аристократіи, какъ отецъ о веселой жизни французскаго дворянства. Она знала всѣхъ великихъ людей Германіи, отъ героя—основателя прусской монархіи до одного разбойничьяго атамана, которой говаривала, вспоминая о побѣдѣ глѣ при Росбахѣ: «мы, завоеватели.» Отецъ мой видѣлъ блестящій дворъ Людовика-Пятнадцатаго; мать моя лагерь Фридриха-Одннадцатаго; отецъ охотился съ собаками принца Конде въ вѣдчественныхъ лѣсахъ Шантильи; матушка часто сопутствовала своимъ братьямъ въ мрачныя дубровы Польши, на охоту за тетеревицъ; оба они ничего не забыли, и я удержалъ въ памяти видѣнное и пережитое ими. Вотъ почему я имѣлъ честь доставлять иногда удовольствіе читателямъ «Охотничьяго журнала», даи Богъ мнѣ здравствовать и размножаться!

Это отступленіе было необходимо, чтобы изяснить, какимъ образомъ я, родившійся въ 1800 году, могъ узнать всѣ подробности объ охотѣ люневильскихъ жандармовъ, распущенныхъ, кажется, въ 1784 году, во время роковаго министерства Сель-Жермена, этого великаго государственнаго человѣка, который не нашелъ другаго средства укрѣпить колеблющуюся монархію, какъ лишнить ея пяти или шести отборныхъ отрядовъ войска, готовыхъ умереть для ея защиты. Но оставимъ это, то есть приступимъ къ нашему разсказу.

Я возвратился съ охоты изъ Шаролэ; охота эта продолжалась недѣлю, и я тѣшился ею, какъ только можетъ тѣшиться двадцатилѣтній юноша, на котораго еще не находила дурь воображае-

идго разочарованія. Намъ было человекъ семь или осемь; мы собрали около сорока собакъ всякаго росту, всякихъ мастей, и, что всего хуже, всяческихъ ногъ; я находилъ эту стаю предосудною и, благопріятствуемые случаемъ, мы дѣйствительно охотились очень удачно, хотя охота всегда кончалась съ помощью *Фюзили*, какъ говаривалъ покойный графъ де-Фюссей, заимствовавшій это выраженіе у дѣда моего, маркиза де-Болоня.

Я былъ въ восторгѣ отъ нашей экспедиціи, и возвратясь домой, рассказывалъ объ ней чудеса моему отцу. Сначала онъ слушалъ меня съ удовольствіемъ, радуясь моей радости и не желая меня разочаровывать. Это подстрекнуло меня, и я началъ хвастать. Отецъ улыбнулся съ насмѣшливо-недовѣрчивою миною; а я, увлекаясь своимъ рассказомъ, сказалъ наконецъ, что экспедиція наша было навѣрно не хуже старинныхъ экспедицій люневильскихъ жандармовъ. Отецъ пожалъ плечами, отвернулся, и ушелъ насмѣхивая пѣсню: «*Va't en voir s'ils viennent, Jean*». Этими отфачалъ онъ всегда на мои возраженія, когда не хотѣлъ вступать въ споръ.

Я хотѣлъ однако же не этого: я говорилъ съ цѣлью вызвать его на рассказы о предметѣ, о которомъ онъ не говорилъ досихъ поръ подробно. Въ тотъ же день послѣ обѣда, я снова завелъ рѣчь объ охотѣ, и отецъ, догадавшись, можетъ-быть, о моемъ намѣреніи, началъ рассказывать слѣдующими словами.

— «Не въ обиду тебѣ будь сказано, — сравнивать вашу охоту съ нашею все равно, что утверждать, будто-бы лучше жить подъ вялымъ и безпокойнымъ правительствомъ конституціонной партіи, нежели подъ мощнымъ и попечительнымъ правленіемъ старой монархіи. Ты говоришь мнѣ о сорока собакахъ и пяти или шести дѣлжажачихъ, бѣдныхъ сторожахъ, прицѣпленныхъ къ рогамъ, и живающихъ чаютку въ одну экспедицію за невозможностію снабдить ихъ лошадьми. Что же это, спрашиваю я тебя, въ сравненіи съ нашими четырьмя люневильскими экипажами? Не будемъ сегодня играть въ цукетъ; я расскажу тебѣ, какъ охотился встарину мы; выслушай, и скажи самъ, чья охота лучше.

— Въ 1779 году маркизъ де-Болонъ удалился въ началѣ осени въ свое помѣстье Тиве и предоставилъ на два мѣсяца въ полное мое распоряженіе свой замокъ Эко. Я пріѣхалъ туда изъ Люневилля, гдѣ жандармы стояли гарнизономъ, съ тремя или четырьмя моими лучшими друзьями. Тамъ застали мы мою охоту и Дефеса, присланнаго мнѣ женою изъ Бургони. У меня было тогда

«орокъ арденнскихъ собакъ; теперь объ этой породѣ что-то не слышно, но я отъ роду не встрѣчалъ такихъ собакъ. Товарищи мои не были настоящими записными охотниками, но любили охоту по общему всемъ дворянамъ инстинкту, а вошедши во вкусъ, пристрастились къ ней на всю жизнь. Желая ихъ потѣшить, я измучилъ людей, собакъ и лошадей, и потомъ обратился къ маркизу де-Болоню, который великодушно подѣлился съ нами своею стаей. Между-тѣмъ двухмѣсячный срокъ приходилъ къ концу и мы должны были возвратиться въ гарнизонъ; однажды вечеромъ, когда отличный ужинъ разогрѣлъ сердца моихъ гостей, одинъ изъ нихъ, виконтъ де-ла-Туръ, сказалъ мнѣ:

— Ты угостилъ насъ на-диво, Фудрасъ; но, конечно, неумышленно, приготовилъ намъ печальную будущность. Какъ намъ жить безъ охоты, возвратившись въ Люневилль?

— Виконтъ говорить правду, сказалъ графъ де-Бланжи.

— Я самъ объ этомъ думалъ, подхватилъ маркизъ де-Мену.

— Какъ, господа, возразилъ я, вы прожили два мѣсяца безъ вашихъ любовницъ, и не можете прожить безъ моихъ собакъ?

— О, это другое дѣло! отвѣчали они.

— Мы посмѣялись этой мысли, и когда смѣхъ утихъ, я сказалъ въ утѣшеніе друзьямъ:

— На слѣдующій годъ прошу васъ опять ко мнѣ.

— Спасибо.... Но до-тѣхъ-поръ?

— Вижу, чего вамъ хочется; вы хотите, чтобы я взялъ мою охоту съ собою въ Люневилль?

— Если на то пошло — да! сказали всѣ трое разомъ.

— Это невозможно.

— Отчего?

— Это значило бы быть выскочкой, и вы, какъ добрые товарищи, не должны этого отъ меня требовать.

— Это правда.

— Да!

— Сдѣлайте вотъ что, господа, продолжалъ я. Напишите просьбу объ отсрочкѣ нашего отпуска еще на мѣсяцъ.

— Откажутъ, сказалъ Бланже.

— Какъ знать? прибавилъ Мену.

На всякій случай, продолжалъ я, обращусь къ нашему второму начальнику маркизу [д'Отишанъ; онъ мнѣ пріятель, чело-вѣкъ обязательный, и никто лучше его не пойметъ нашего положенія. Я увѣренъ, онъ сдѣлаетъ все, чтобы уговорить маршала де-Кастри. И такъ, господа, рѣшено: я сейчасъ же и-

пишу; вы поможете мнѣ сочинить письмо. Ламалль, принеси бумагу, перо и чернилъ, а потомъ оставь насъ.

«Слуга вышелъ исполнить приказаніе, и мы продолжали нашъ разговоръ.

«Я замѣтилъ, что графъ де-ла-Туръ уже нѣсколько времени принималъ въ немъ участіе какъ-то разсѣянно. Я сказалъ ему объ этомъ, и мы спросили о чемъ онъ думаетъ.

— Я обдумываю чудесный проэктъ, отвѣчалъ онъ.

— Какой?

— Вотъ вопросъ! отвѣчалъ онъ пожимая плечами. Проэктъ устройства охоты.

— Да вѣдь уже рѣшили просить отсрочки.

— Это полумѣра. Положимъ, вамъ и не откажутъ; что жъ, вы поохотитесь здѣсь еще нѣсколько разъ, и кончено. Я хочу, чтобы вы охотились вездѣ и всегда, охотились какъ не охотитесь самъ король.

«Блѣвни вскочилъ и бросился обнимать его.

«Въ эту минуту вошелъ Ламалль съ перомъ и бумагой. Виконтъ де-ла-Туръ бросился ему на встрѣчу, взялъ у него чернилицу, перо и бумагу, выбросилъ все это за окно, сѣлъ и сказалъ:

— Господа, выслушайте!

«Можешь себѣ вообразить (это говорить мой отецъ), что такое начало возбудило въ высшей степени наше любопытство. Виконтъ де-ла-Туръ былъ человѣкъ апатическій, холодный, утверждавшій, что гораздо спокойнѣе мириться со скукой, нежели бѣгать за удовольствіемъ. Видя, что онъ такъ одушевился самъ составилъ проэктъ, мы подумали, что въ немъ совершился одинъ изъ тѣхъ внезапныхъ переворотовъ, которые можно изъяснить только рожденіемъ или пробужденіемъ страсти, и приблизились къ нему, какъ будто опасаясь проронить хоть одно его словечко. Вотъ, что онъ сказалъ:

— Фудрасъ правъ, что не хочетъ брать своей охоты въ Люневиль, хоть на два мѣсяца. Товарищи, котрые бѣднѣе насъ, могутъ увидѣть въ этомъ желаніе затмить ихъ, а мы не должны нанести раны ихъ самолюбію. Мое мнѣніе то, что Фудрасу не слѣдуетъ брать своей охоты въ Люневиль.

— Такъ не мѣшай намъ писать! возрѣзли мы въ досадѣ, что онъ не сказалъ ничего новаго. Ты говоришь о томъ, что ужъ рѣшено.

— Вы торопитесь, какъ пажы, которые въ первый разъ лѣзутъ на крѣпостную стѣну, возразилъ ла-Туръ съ самымъ воз-

мутительнымъ хладнокровіемъ. Мы согласились, что сдѣлать что-нибудь одному, значитъ быть выскочкой, но не сказали, что будетъ то же самое, если это сдѣлаютъ четверо или пятеро.

— Что жъ дальше? спросили мы.

— Соберемся человекъ шесть, заведемъ каждый свою охоту, изберемъ себѣ костюмъ, который охотно согласится носить и товарища, когда мы ихъ объ этомъ попросимъ — словомъ, зачѣмъ привиллегію ассоціаціей, и ничье самолюбіе не будетъ заглохло; вы увидите, или не увидите, что черезъ полстолѣтіе будутъ еще говорить объ охотѣ люневильскихъ жандармовъ.

«Истинно гениальныя мысли поражаютъ слушателей мгновенно; мы, не разсуждая, поняли всѣ подробности и слѣдствія проекта.

«Поблагодаривши и обнявши виконта, мы положили тутъ же обо всемъ условиться, чтобы не откладывать исполненія дальше завтрашняго дня. Такъ какъ у меня была уже устроена охота на кабана, то меня исключили изъ жеребья; остальные вынули его: Мену досталось завести охоту на оленя, Бланжи на козу, ла-Туру на волка. Положили, возвратясь въ Люневиль, сообщить наше намѣреніе товарищамъ и предложить кому-нибудь изъ нихъ завести охоту на зайца. Предложеніе это принялъ графъ де-Шоазель. Прибавлю кстатѣ, что проектъ нашъ ни въ комъ не возбудилъ зависти, и заслужилъ общее одобреніе.

«Это происходило около дня Всѣхъ Святыхъ. Меньше нежели черезъ мѣсяцъ, всѣ жандармскіе офицеры, подъ начальствомъ маршала Кастри и помощника его маркиза д'Отишана, собрались въ великолѣпный люневильскій манежъ, похожій на Марсово поле, покрытое для защиты парижскихъ зѣвакъ отъ солнца. Ты знаешь, что любя старину, я не люблю хулить все настоящее, но долженъ сказать, что теперь едва ли случится увидѣть такое блестящее собраніе. Корпусъ жандармовъ, имѣвшій честь оставить сорокъ-два офицера среди англійскаго каре подъ Фонтенуа, былъ потомъ пополненъ первѣйшими именами монархій, то есть, членами фамилій, слава и доблесть которыхъ была не моложе ихъ дворянства, и которыхъ не были обязаны своею извѣстностью низости мужа или слабости жены. Старшему изъ насъ было не больше тридцати лѣтъ; не всѣ мы были одинаково богаты, но богатѣйшіе умѣли вести себя такъ, что богатство ихъ не оскорбляло бѣднѣйшихъ. Само собою разумѣется, что въ этотъ день мы сняли нашъ прекрасный алыі мундиръ и одѣлись въ охотничій костюмъ: кафтанъ изъ свѣтло голубаго сукна, обши-

чѣмъ легкимъ галуномъ по всѣмъ швамъ, замшевый жилетъ; бѣлые кожаные панталоны, толстые сапоги и французская шляпа; эти послѣднія двѣ вещи мы избрали затѣмъ, чтобы протестовать противъ англійской моды, начавшей вкрадываться въ лучшее общество. Не скажу, чтобы эта одежда была ловка, но она очень шла къ пудрѣ и бубламъ.

«Газоныя двери манежа растворились, и при звукахъ двадцати роговъ вышли наши пять стай, подъ предводительствомъ десяти доѣзжачихъ и тридцати псарей. Стая маркиза де-Мену, назначенная охотиться за благороднѣйшимъ изъ животныхъ, шла впереди; за ней моя, потомъ де-ла-Тура, потомъ Бланжи и, наконецъ, Шоазеля, выписавшаго изъ Швейцаріи шестьдесятъ собакъ новой породы, прославившейся своею способностью гонять зайца. Никогда еще не видали такихъ живыхъ, такихъ красивыхъ, такихъ чистыхъ собакъ: право, можно было подумать, что каждая изъ нихъ выросла на колыбеляхъ какой нибудь герцогини и вскормлена реймскими сухарями. Другія стаи были тоже очень хороши, особенно стая Мену, набранная въ Поату. Моя была по-видимому хуже прочихъ; но я хорошо зналъ моихъ сорокъ арденнцовъ, присоединилъ къ нимъ двадцать учениковъ хорошей породы и далъ имъ въ предводителѣ Дениса, этого единственнаго доѣзжачаго, котораго могъ бы вымѣнять принцу Конде на Шантльи.

«Окончивши смотръ, поздравивши и поблагодаривши владѣльца стай, мы отправились на завтракъ къ маршалу де-Кастри.

«Прошло полдень, когда мы встали изъ-за стола. На оленя итти было уже поздно, но еще можно было успѣть затравить зайца или двухъ; мы рѣшили, что охоту откроютъ фарфоровыя собаки графа де-Шоазеля.

«Всѣ мы любовались этими животными, но знатоки сомнѣвались въ ихъ внутреннемъ достоинствѣ и спрашивали себя съ безпокойствомъ, какъ выдержать эти бархатныя уши встрѣчу съ колючками кустовъ, какъ эти лапы, дотога тонкія, что казались прозрачными, послужать имъ въ грязи, куда должны уходить какъ булавки, или на камняхъ, о которые должны разбиться какъ стекло.

«Я сообщилъ эти опасенія маркизу д'Отишану.

— Бываешь ты на балахъ? спросилъ онъ.

— Вотъ вопросъ! Однако я не вижу, что общаго....

— А вотъ что: на балахъ ты, конечно, замѣтилъ, что меньше

шефъ устаетъ самыя шедущія женщины. Тоже самое будетъ, я думаю, и съ этими игрушками.

— Твое замѣчаніе справедливо. И такъ, продолжалъ отецъ мой, мы торжественно и съ шумомъ прошли черезъ городъ, приветствуемыя самыми любезными улыбками, и отправились на опушку лѣса за полъ-лѣе отъ города.

«Этотъ лѣсъ былъ точно весь изъ колючекъ; негдѣ было свободно пробѣжать ласочкѣ.

«Охотниковъ было много; большая часть сошли съ лошадей; каждый могъ взять по сворѣ, и шестьдесятъ собакъ были сущены разомъ.

«Не знаю, какъ могли онѣ войти въ чашу, но они уже срылись изъ виду, когда я только-что успѣлъ задать себѣ этотъ вопросъ.

«Съ четверть часа елышали мы шелестъ, все болѣе и болѣе удалявшійся. Доѣзжачіе, которымъ невозможно было углубиться въ чашу, шли опушкой и санствян. Миѣ отъ роду не случалось видѣть, чтобы большая охота началась такимъ образомъ.

«Вдругъ въ нѣкоторомъ разстояніи послышался пріятнѣйшій хоръ. Всѣ составлявшіе его голоса раздалися разомъ, удивительно дружно; тутъ были и дисканты и басы и альты. Мы переглянулись, не вѣря, что это хоръ фареоровыхъ собакъ графа де-Шоазеля.

«Вдругъ изъ лѣсу выскочилъ какъ молнія заяцъ; стан ринулась за нимъ, и хоръ продолжался въ долині съ чудесными варіаціями. Мы перестали сомнѣваться.

«Это продолжалось часа полтора съ весьма небольшими пережками, которые можно уподобить ферматамъ. Никогда и во снѣ не случилось миѣ ничего подобнаго этой охотѣ, и въ особенности этой стан, столь быстрой, красивой, дружной и гармонической. Она летѣла по полю точно стая бѣлыхъ голубей, скользила въ чашѣ точно хоръ неосязаемыхъ силъфовъ, и когда заяцъ былъ взятъ, думаешь ты, что хоть одна изъ этихъ двупыхъ собакъ захотѣла обогрнться его кровью? Фи! онѣ легли на травѣ лужайки, гдѣ проехало дѣло и ждали доѣзжачихъ въ граціозныхъ позахъ.

«Вотъ каковъ былъ нашъ дебютъ; согласись, что нельзя вообразить себѣ ничего поэтичнѣе. Шоазель былъ превознесенъ за свое открытіе до небесъ; слухъ о его собакахъ достигъ Версаля; о нихъ доложили королю, и его величество приказалъ узнать, нельзя ли достать ему пару швейцарскихъ фареоровыхъ собакъ;

это названіе осталось за ними до самаго конца, то-есть, до той эпохи, когда люневилльскіе жандармы были распущены.»

Разсказъ отца показался мнѣ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ нѣсколько фантастическимъ, но вообще мнѣ чрезвычайно понравился. Я однако же, не показалъ ему этого и, чтобы подстрекнуть рассказчика, который пожалуй вздумалъ бы на этомъ остановиться, началъ критиковать частности.

— Оно такъ, сказалъ я, да вы мнѣ рассказали только одну охоту, и я не вижу особеннаго подвига въ томъ, что шестьдесятъ собакъ затравили въ полтора часа несчастнаго зайца. Всѣмъ извѣстно, что лай стаи дѣйствуетъ на звѣря также какъ и гоньба. Заяцъ околѣлъ бы отъ страха, сидя безопасно въ бочкѣ, если бы вокругъ него лаiali шестьдесятъ собакъ.

— А дружное преслѣдованіе, — такое дружное, что въ самую горячую минуту травли ихъ можно было всѣхъ накрыть однимъ плащемъ, — что ты объ этомъ скажешь?

— Я думаю, что это можетъ случиться разъ и съ самой плохой стаей.

— А сколько разъ видѣлъ ты подобный случай? спросилъ отецъ, начиная одушевляться.

— Часто...

— Часто — это то же, что *говорять*, — то-есть, ничего не значить. Я ненавижу эти неопредѣленныя выраженія, похожія на стыдливую ложь, и ужасно люблю положительность рассказчика, который, споря о чемъ-то на счетъ службы подъ Свѣтлое Воскресенье, сказалъ: «я знаю это навѣрное; я сто разъ присутствовалъ при этой церемоніи».

— И больше вамъ нечего рассказать о люневилльской охотѣ? спросилъ я, дѣлая движеніе, какъ-будто хочу выдти.

— Нечего? съ ума ты сошелъ? Да я еще и не начиналъ.

— Это другое дѣло; а въ томъ, что вы рассказали, нѣтъ ничего необыкновеннаго.

— Я могъ бы на это отвѣчать, что реализовать такой проектъ въ два мѣсяца, не возбуждавши ни въ комъ зависти и не перессорившись между собою, — дѣло не совсѣмъ обыкновенное; но это повело бы къ скучному спору. Лучше расскажу тебѣ объ одной маленькой охотѣ на волка. Ты можешь сравнить ее, если угодно, съ твоею охотою въ Шаролэ.

Въ голосѣ отца слышалась легкая иронія. Я былъ этому радъ, потому что разсказъ его будетъ тѣмъ занимательнѣе.

Онъ вытпугуея въ своихъ креслахъ, сирѣсткѣ ногъ, вонхалъ съ разстановкою табѣку и началъ тѣмъ :

«Охоты наши были устроены уже года три или четыре. Мы дѣлали экспедиціи, равнявшіеся цѣлымъ походамъ. Однажды въ февралѣ меня посѣтилъ кузнецъ изъ окрестностей Нанси, которому я продалъ участокъ лѣса въ Шампани. Онъ не разъ приглашалъ меня къ себѣ на охоту и явился повторить свое приглашеніе. Я почти далъ ему слово пріѣхать два на два или на три кое съ кѣмъ изъ пріятелей.

«Вечеру, за ужиномъ, я объявилъ имъ объ этомъ, но никто не изъявилъ желанія сопутствовать мнѣ. Мнѣ отзывается вынхонгъ кисти; Бланжи женился недѣлю тому назадъ и былъ еще мюбленъ въ свою жену; Шоазель взялъ отпускъ и собирался ѣхать; ла Туръ бралъ уроки музыки у первой пѣвицы въ Нанси, и учился съ жаромъ новаго ученика. Я сказалъ ему, что мы можемъ взять учительницу съ собою, но онъ, казалось, плохо вѣривъ въ безкорыстіе этого предложенія, — и дѣло ла томъ и остановилось.

«Господинъ Матей, — такъ звали кузнеца, — не унывалъ, однако же, и выдумалъ наконецъ, какъ заманить насъ къ себѣ. Онъ прислалъ ко мнѣ верховаго съ запиской слѣдующаго содержанія :

«Обращаюсь къ вашему человѣколюбію, графъ; вчера вечеромъ волки загрызли бѣдную нищую и ея ребенка, въ двухъ выстрѣлахъ отъ моей кузницы.

«Честь имѣю», и прочая.

«Я положилъ эту записку въ карманъ, и пошелъ въ маленькіе прочитатъ ее товарищамъ.

«Мнѣ какъ будто волшебствомъ въ ту же минуту издѣлился отъ вывиха, ла Туръ отъ любви къ музыкѣ, Бланжи рѣшился разстаться съ женою. Мы положили ѣхать завтра же и, чтобы не обременять хозяина, взять съ собою только стаю на волка, и доѣзжачихъ вмѣсто псарей. Денисъ былъ, слѣдовательно, со мною: онъ можетъ рассказать тебѣ эту исторію.

«Посланный Матей воротился къ нему съ извѣстіемъ, что мы будемъ, и мы начали собираться въ путь.

«Нечего и говорить, что всѣ аккуратно явились на сборное мѣсто; и такъ рассказъ мой переносится въ Маревилль, деревушку, гдѣ находилась кузница Матей.

«Хозяинъ принималъ насъ чрезвычайно радушно, и къ полудню

ушица ми были очень въ духѣ. Тогда Матей простодушно признался, что истерія съ вищей была его выдумка; онъ поспѣшилъ прибавить, что въ окрестныхъ лѣсахъ дѣйствительно есть волки, но что подвиги ихъ ограничались до сихъ поръ похищеніемъ старой слѣпой козы, да и то еще неизвѣстно навѣрно, не гуляли ли ее проходившіе тутъ Цыгане.

Онъ рассказалъ все это очень кратко, подчуя насъ превосходнымъ виномъ; мы поблагодарили его за обменъ, приведшій насъ къ нему въ гости, выжили за успѣхъ предстоящей охоты, и позвали доѣзжачихъ условиться о необходимыхъ распоряженіяхъ.

Такъ какъ съ нами была только стая на волка, то и нечего было выбирать, на кого охотиться. Рѣшили облавить островъ близъ Сольсюрра, часто посѣщаемый волками изъ вѣмецкой Лотарингіи.

На другой день Матей, угостивъ насъ добрымъ завтракомъ, попросилъ позволенія остаться дома, потому что уже нѣсколько лѣтъ какъ не ѣздитъ больше верхомъ.

— Жду васъ къ ужину, сказалъ онъ, наливая намъ прощальную рюмку іоганнисберга, бывшаго уже старымъ, когда Тюренъ маневрировалъ на Рейнѣ лѣтъ сто слишкомъ тому назадъ.

Когда мы пріѣхали на сборное мѣсто, Баливо, доѣзжачій ла-Тура, извѣстилъ насъ, что онъ выслѣдилъ большаго волка въ глубинѣ гейскаго лѣса. По его мнѣнію, это былъ двухлѣтокъ, потому что приемы его показались ему робкими и невѣжливыми; впрочемъ, онъ предоставлялъ рѣшить этотъ вопросъ Денису по самымъ замѣткамъ.

Черезъ четверть часа мы были уже на мѣстѣ. Баливо указалъ бичемъ Денису на замѣтки. Денисъ наклонился къ шеѣ своего коня и сказалъ:

— Это двухлѣтокъ? Онъ былъ уже большимъ волкомъ, когда я бѣгалъ еще безъ штановъ.

— Все равно, отвѣчалъ ла-Туръ. Попробуемъ его взять. Прикажете, господа, не стрѣлять по немъ, и не будемъ стрѣлять сами.

— Согласны! отвѣчали прочіе.

— Если такъ, сказалъ Денисъ, такъ господину Матейю нечего торопиться съ своимъ ужиномъ; мы не будемъ у него ужинать.

Мы разставили подставныя своры и начали травлю съ двадцатью старыми опытыми собаками. Черезъ четверть часа волкъ былъ поднятъ. Мену, мимо котораго онъ бѣжалъ, угостилъ его звуками рога, но онъ не прибавилъ шагу.

— Это для него не новость, сказалъ Денисъ. Въ галопѣ! продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Черезъ десять минутъ мы его увидимъ.

«Волкъ между тѣмъ уходилъ легкимъ галопомъ, и намъ не трудно было заскакать ему впередъ.

«Мы были между двумя рощами въ молодомъ лѣсу; собаки гнали горячо во ста шагахъ отъ насъ и мы стояли прямо противъ нихъ. Четыре или пять изъ нихъ бросались въ чашу; онъ бѣжалъ оборотниши голову назадъ, шерсть на шеѣ и спишѣ стала у нихъ щетиной.

— Онъ потеряли его! сказалъ я Денису.

— Молчите! отвѣчалъ онъ повелительно.

«И въ ту же минуту вся стая, то-есть всѣ спущенныя собаки, вышли изъ бывшей передъ нами чащи. Я замѣтилъ, что половина изъ нихъ озиралась назадъ.

— Ну, а волкъ? спросилъ я Дениса.

— Да развѣ вы его не видите?

— Нѣтъ.

— Смотрите въ средину стан.

— Туда-то я и не догадался взглянуть, отыскивая глазами звѣря. По указанію Дениса я, къ великому моему изумленію, увидѣлъ теперь среди стан огромнѣйшаго волка, который бѣжалъ съ нимъ какъ будто въ пріятельской компаніи.

— Вотъ, что Баливо называетъ двухлѣткомъ, замѣтилъ Денисъ. Что вы на это скажете, графъ?

— Право, не знаю. Я никогда не видалъ ничего подобнаго.

— Очень старые волки всегда такъ дѣлаютъ. Они знаютъ, что среди собакъ они могутъ бѣжать какъ хотятъ, и что по нимъ неловко стрѣлять. Надо одвако же поправить дѣло, а не ? этотъ сѣрый разбойникъ подумаетъ, что его травятъ какіе-нибудь мѣщане изъ Нанси.

«Денисъ прищипорилъ лошадь, чтобы догнать собакъ, прежде нежели онъ углубится въ другой островъ. Я, разумѣется, поспкалъ за нимъ. Мнѣ очень любопытно было посмотрѣть, что будетъ.

«Вышла вещь самая простая. Денисъ сталъ впереди стан, крича: назадъ! назадъ! Отогнавши собакъ отъ волка, онъ принялся бить его кнутомъ и заставилъ бѣжать шибче. Потомъ онъ нустилъ за нимъ собакъ, и около часу охота продолжалась хорошо. Волкъ наткнулся на подставныя своры, и Мену спустил ихъ.

«Я взглянулъ на часы; было половина втораго. Погода стоам

левая и тихая, почва была очень хороша для чутья собак и ногъ лошадей, всё мы были въ духѣ и возобновили обѣтъ не стрѣлять по волку, хоть бы десять разъ представился къ тому случай.

«Волкъ бѣжалъ все впередъ, и мы неземѣтно проѣхали огромное пространство; оставалось часа два до ночи, и лошади начали скакать тяжело. Баливо продолжалъ утверждать, что волкъ молодой, а Денисъ осыпалъ его за это самыми забавными остротами; нѣкоторые изъ нихъ обратились въ пословицы.

«Лошади наши устали не столько отъ быстроты скачки, сколько отъ невозможности остановиться хоть на минуту. На обыкновенной охотѣ всегда бываютъ минуты, когда необходимо остановиться и обдумать, въ какую сторону направить путь свой. Въ этотъ день подобный отдыхъ былъ невозможенъ, потому что лай собакъ былъ слышенъ непрерывно, и гоньба шла все впередъ и впередъ. Проклятый волкъ какъ-будто зналъ, что мы зареклись стрѣлять по немъ: онъ не бралъ на себя труда хитрить и не поднималъ морды кверху, чтобы узнать, откуда дуетъ вѣтеръ. Иногда мы ускоряли скачку, чтобы пересѣчь ему дорогу и заставить его, трубя въ рогъ, воротиться назадъ. Какъ бы не такъ! Онъ съ неслыханнымъ безстыдствомъ пробѣгалъ мимо насъ и уходилъ все прямо впередъ, какъ-будто насъ вовсе не было на свѣтѣ.

«Само собою разумѣется, что если слѣдовать впередъ по одной линіи, такъ наткнемся и на ферму, и на хуторъ, и на деревню, то-есть, на мѣста, неохотно посѣщаемыя волками среди бѣла дня. Но нашъ волкъ не обращалъ на это никакого вниманія. Между прочимъ ему пришлось бѣжать черезъ длинный мостъ. Мостъ былъ зогроможденъ четырьмя или пятью повозками, вокругъ которыхъ тѣснилось огромное стадо овецъ. Извозчики могли бы, кажется, породить въ немъ опасенія, овцы навести на него дурныя мысли, — какъ ты думаешь, что онъ сдѣлалъ? Онъ не оказался ни трусомъ, ни жаднымъ, и пробѣжалъ черезъ мостъ съ спокойствіемъ героя и воздержностью философа. Отъ ролу не выдывалъ я ничего подобнаго.

«Между тѣмъ вечерѣло, и тяжело галопируя гуськомъ или рядомъ, смотря по мѣстности, мы начали совѣтоваться, не покончить ли дѣло пулею. Признаюсь, къ собственному стыду, что я былъ этого мнѣнія; но ла-Туръ, собаки котораго гнались удивительно хорошо, стоялъ за противное; краспорвѣе его увлекло

Мену и Бланжи, и мы снова рѣшили не спускаться сурра, хотя бы пришлось вѣтаться за вожокъ до края самого Меса.

«Погода, вѣспурная поутру, въ вечеру разгулялась и мы могли осмотрѣться вокругъ на очень дальное разстояніе и разчести, много ли мы проѣхали. Въ голубой, почти фантастической дали увидѣли мы горы, при подошвѣ которыхъ находилось мѣстечко Мата, и разочли что удаляясь отсюда мы на восемь или на девять. Влѣво, не много позади, изъ массы домовъ, запытыхъ сумракомъ вечера, подымалась колокольня Нюль-де-Муессона; къ права развѣвалась Мозель безконечною лентой среди холмовъ, утонувшихъ уже въ тѣни, когда на вершинахъ ихъ играло еще яркое солнце. Разумѣется мы употребили на разсматриванье этого ландшафта меньше времени, нежели я теперь на его описаніе. Собаки продолжали лаять, и шаговъ за четыреста или пятьсотъ впереди мы могли видѣть волка, съ возмутительнымъ спокойствіемъ взбѣгающаго на маленькій холмъ, ярко освѣщенный лучами заходящаго солнца.»

«Довѣзачіе проиграли ему прощанье, и Денисъ сказалъ Бланжи, закидывая рогъ свой за плечо:

— Славно бѣжать этотъ волченочекъ.

«Черезъ два часа охота все еще шла своимъ порядкомъ, не смотря на то, что стало темно какъ въ трубѣ. Лошади наши выбились изъ силъ, спотыкались на каждомъ шагу и не слушались уже шпоръ. Если бы волкъ пробѣжалъ въ эту минуту, мимо насъ съ фонаремъ на хвостѣ, мы сбѣжали бы по немъ залпъ изъ всѣхъ ружей.»

«Лошадь Мену упала и мы увидѣли бесполезность и глупость преслѣдованія, которое, въ добавокъ, становилось еще и опасно. Я взялся за рогъ и, не спрашиваясь товарищей, затрубилъ ретирату.»

Всѣ остановились. Ла-Туръ и Бланжи проворчали что-то съ неудовольствіемъ, но по голосу было слышно, что они хотятъ только выдержать характеръ. Я сказалъ имъ:

— Господа, эта охота безрасудна! Продолжайте ее, если вамъ угодно, а я удаляюсь....

— Въ свою комнату? подхватилъ со смѣхомъ Мену, подняв шій наконецъ свою лошадь.

— Въ-самомъ дѣлѣ, гдѣ мы будемъ вочевать? спросилъ Бланжи.

«Мы были въ самомъ сердцѣ лѣса. На небѣ ни звѣздычки, на землѣ ни свѣтящагося червячка, вдали ни звука.»

— Собрай собинь, сказалъ Ла-Туръ Бланжи.

— И ступай на облаву, прибавилъ Денисъ.

•Быстро ускоралъ. Ему не много стоило труда собрать собачьи бѣдняжки усталыя не меньше лошадей.

•Вдругъ Денисъ вскричалъ :

— Тамъ, господа !

•Впрочемъ, это восклицаніе было сдѣлано просто по привычкѣ; никто и рта не открывалъ.

— Что ты ? спросилъ я.

— Ничего ; даю вамъ только слово, что хорошо ли, плохо ли, а ужинать вы будете.

— Почему ты это знаешь ?

— Пахнетъ сковородой, а гдѣ сковорода, тамъ и яичница.

•Мы начали нюхать, но не чуяли ничего, кромѣ неприятнаго ночнаго вѣтра.

— Убирайся къ чорту съ твоей яичницей ! сказалъ я въ досадѣ.

— Это не мудрено, отвѣчалъ Денисъ.

— Такъ веди же насъ къ яичницѣ, потому что ты се обманилъ, сказалъ Мену, не терявшій своей веселости въ подобныхъ обстоятельствахъ.

•Мы тронулись. Лошади не чуяли можетъ-быть рядомъ съ яичницей сѣно, и не заставляли себя понюхать. Денисъ ѣхалъ напередъ.

•Черезъ четверть часа намъ показалось, что между деревьями мерцаетъ огонь.

— Вотъ яичница ! сказалъ Мену.

•Не успѣлъ онъ договорить этихъ словъ, какъ послышалось рычанье настоящей медвежьей собаки.

•Въ то же время мы замѣтили на черномъ небѣ что-то огромное и еще болѣе черное, — гигантскую кучу деревъ, или перномъ, или замокъ, или скалу.

— Пріѣхали, сказалъ Денисъ, сходя съ лошади, чтобы осмотрѣть мѣстность, и почти въ ту же минуту продолжалъ : вотъ кожаная дверь. Вотъ и колокольчикъ.

— Звони же !

•Колокольчикъ оказался цѣлымъ колоколомъ и издавалъ звонъ, разсыпавшійся чудеснымъ эхомъ по лѣсу. Собака начала рычать громче, и мы слышали чей-то голосъ, говорившій :

— Тсъ, Султанъ ! Молчи ! Злые люди не звонятъ такъ громко.

•Нѣсколько тяжелыхъ шаговъ извѣстили насъ, что идутъ отворить дверь. Щелкнулъ замокъ, и мы увидѣли за рѣшетной калитки двѣ монашескія головы, одну старую и одну молодую, обѣ очень привѣтливыя.

«Старый монахъ держалъ свѣчу, защищая ее ладонью; другой опирался ему на плечо подбородкомъ, — группа ихъ составляла изящную картину.

— *Rax vobis*, произнесъ старый монахъ. Это охотники, братъ Козьма! бьюсь объ закладъ, что они встрѣтили шалуна Жана Батиста. Добро пожаловать, господа. Братъ Козьма, отодвинь засовъ и открой объ половинки дверей, чтобы собаки не ушиблись, врываясь всѣ разомъ. Дѣло знакомое!

«Провидѣніе привело насъ къ бернардинскому аббатству, и намъ нечего было заботиться объ ужинѣ и ночлегѣ.

«Черезъ полчаса послѣ нашего вступленія подъ этотъ гостеприимной кровъ, собаки наши грѣлись у огромной печки, лошади выкопались въ солому по брюхо, а мы сидѣли за ужиномъ, состоящимъ вотъ изъ чего :

• *Остатокъ* «орелн, вѣсомъ «фунтовъ въ семь или восемь.

• Яичница — чудовище, съ сыромъ.

• Жареные валеры, какихъ лучше я не ѣдалъ.

• Раки, такой величины, что изъ далн каждаго изъ нихъ можно было принять за пузатаго кардинала.

• Швейцарскій сыръ съ мельничнымъ жерновъ, и въ заключеніе

• Яблоки, груши, орѣхи, мивдаль, изюмъ, и прочая и прочая.

«Прибавь къ этому мозельвейгъ, быстро бросившійся въ голубу.

«Отецъ келарь угощалъ насъ съ учтивостью и простодушіемъ, которые удвоили бы нашъ апетитъ, если бы это было возможно. Мы рассказали ему о нашей охотѣ, и онъ, выслушавши насъ, сказалъ то же, что и монахъ, отворявшій дверь :

— Вы должно быть встрѣтили шалуна Жана-Батиста.

«Мы попросили у него объясненія этой фразы, и узнали, что Жанъ-Батистъ назывался волкъ, уже лѣтъ пятнадцать извѣстный въ Лотарингін, Алзасѣ и трирскомъ курюршествѣ, и приводившій въ отчаянне всѣхъ охотниковъ. Его считали заговореннымъ отъ нуля; мы знали, что онъ неутомимъ.

«Не было ни одной стан на двадцать пять лье вокругъ, которой онъ не замучилъ бы; не было ни одной матери или жены охотника, которая не заказывала бы молебна объ уничтоженіи Жана Батиста.

«Мы просидѣли за столомъ до тѣхъ-поръ, пока колоколъ Гне отозвалъ монаховъ къ заутрени. Тогда мы легли въ постели, — и на какія постели!

«На другой день насъ угостили превосходнымъ завтракомъ, и

жа этотъ разъ къ намъ вышелъ самъ настоятель, и извинился лѣтани, что не принялъ насъ вчера.

«Во время завтрака Баливо вошелъ съ докладомъ, что волкъ за пять минутъ ходьбы отъ аббатства, и что лошади и собаки отдохнули.

— Такъ ѣдемъ, сказали мы всѣ разомъ. Мы окажемъ услугу всѣмъ охотникамъ, истребивши такого молодца.... Только сегодня надо будетъ уже стрѣлять.

— Если вы опять на охоту, сказалъ аббать, я дамъ вамъ письмо къ настоятелю другаго монастыря, въ которомъ вы можете сегодня переночевать. Это между Мецомъ и Тіонвиллемъ.

— Мы не заѣдемъ такъ далеко, если Жанъ-Батистъ пробѣжитъ въ девяносто шагахъ отъ меня, сказалъ Бланжи, лучший изъ насъ стрѣлокъ.

— Кто знаетъ! возразилъ аббать. Возьмите письмо на всякій случай.

«И онъ пошелъ писать.

«Мы отправились, и волкъ былъ поднятъ близъ аббатства. Бланжи и Мену выстрѣлили по немъ тотчасъ же, въ двадцати пяти шагахъ, но дали промахъ, и волкъ, видя, что съ нимъ уже не шутать, побѣжалъ прямо впередъ, по вчерашнему, только вчетверо скорѣе.

«Этотъ второй день прошелъ также какъ и первый. Два часа по заходѣнн солнца надо было собрать собакъ и искать ночлега; но мы не могли отыскать монастыря, о которомъ говорилъ настоятель, и принуждены были ночевать въ шалашѣ угольщика.

«Угольщикъ зналъ Жанъ-Батиста очень хорошо и считалъ его за оборотня.

— Впрочемъ, господа, сказалъ онъ, если вы погонитесь за нимъ еще завтра, не знаю, что изъ этого выйдетъ; за нимъ еще ни разу не охотились три дня сряду; самые сильные отказывались отъ него на второй день.

«Мы составили совѣтъ, и на немъ было рѣшено, что для чести люневильской охоты мы будемъ преслѣдовать волка до-тѣхъ-поръ, пока онъ или мы лишимся послѣднихъ силъ.

«Лошади наши были почти также свѣжи или также утомлены какъ въ первый день, и собакъ двадцать годились еще въ дѣло. Мѣсто, гдѣ мы прекратили травлю, было замѣчено, также какъ и вчера.

«Волкъ, поужинавшій въ эту ночь датскою собакою угольщи-

ка, была мнромъ поднятъ; онъ былъ такъ близко, что собаки почуяли его при самомъ выходѣ изъ шадана.

«Я видѣлъ какъ оцъ подвигаясь, и замѣтилъ въ немъ поразительную переѣну. Вмѣсто того, чтобы бѣжать легкицъ глепомъ, поднявши хвостъ кверху и поглядывая безпечно по сторонамъ, онъ улепетывалъ во всѣ лопатки, ущемивъ хвостъ между ногъ, смотрѣлъ анко, поднималъ шерсть и ослабилъ страшную пасть. Я встрѣтилъ его звукомъ рога, и онъ отпрянулъ въ сторону, чего не дѣлалъ ни вчера ни третьягодня. Собаки, тоже, можетъ-быть, замѣтившія въ немъ переѣну, погнались за нимъ съ новымъ жаромъ, какъ-будто предчувствуя, что одержатъ наконецъ побѣду послѣ упорной борьбы. Невѣроатное дѣло, сколько проскакали мы въ этотъ день; довольно тебѣ сказать, что около трехъ часовъ по полудни, когда мы переправились за собаками черезъ какую-то рѣченку, мы увидѣли столбъ, расписанный тремя красками, и возлѣ него какую-то странную фигуру съ аллебардой въ рукѣ. Фигура заслонила намъ дорогу, и свросила насъ на полуфранцузскомъ и полунѣмецкомъ діалектѣ: кто мы, откуда и куда?»

— Убирайся ко всѣмъ чертямъ! отвѣчали мы.

— Но вы на землѣ трирсакаго курфюрста.

«Труба переѣну королевства, сказалъ ла Туръ, и Балво ззтрубилъ переѣну лѣса, потому-что сочинители охотничьихъ сигналовъ не предвидѣли подобнаго случая.

Тутъ отецъ мой остановился и посмотрѣлъ на меня съ торжествующимъ видомъ. Въ продолженіе всего разсказа я хранилъ равнодушное выраженіе лица, но теперь невольно дрогнулъ. Онъ это замѣтилъ и былъ въ восторгѣ.

— Постой, сказалъ онъ. Это еще не конецъ.

«Аллебарда повторила свою фразу: вы на землѣ трирсакаго курфюрста.

— Вотъ тебѣ, сказалъ я, бросая стражу двойной лудоры; ступай, скажи его свѣтлости, что четыре офицера люновилльскихъ жандармовъ, завлеченные сюда охотой, явятся къ нему сегодня ввечеру съ почтеніемъ, если его свѣтлость не взыщеть за насъ бритыя бороды и неубранные парики.

«Языкъ двойныхъ лудоровъ хорошо извѣстенъ всѣмъ народамъ въ мірѣ. Сторожъ поклонился намъ въ поляхъ, и мы пустились подирать землю трирсакаго курфюрста.

«Жавъ-Батистъ между-тѣмъ вбѣжалъ въ лѣсъ, арпановъ же оцъ окруженный безконечною равниной.

Мы поспѣшили на противоположный конецъ, чтобы встрѣтить волка на опушкѣ; но къ великому удовольствію нашему этого не случилось; волкъ, въ первый разъ за три дня травли, оставился.

— Онь — погибъ! воскликнулъ Деннсъ, ринувшись на лошади въ дѣсь, чтобы въ послѣдній разъ постараться выгнать Жанъ-Батиста въ поле.

Трудно было ему достигнуть своей цѣли; но наконецъ мы имѣли неописанное удовольствіе видѣть, какъ бѣдный волкъ торопливо ударился въ равнину. Онь бѣжалъ еще довольно скоро, но шатался какъ пьяный, и собаки кусали его за заднія ноги съ такою силою, какой нельзя было отъ нихъ ожидать послѣ гомерической трехдневной травли.

Мы, хватаясь то за бичи, то за рога, не переставали трубить надъ ушами Жанъ-Батиста, и хлестать его по бокамъ. Пришелъ конецъ бѣднаго волка. Тутъ былъ ровъ; онъ хотѣлъ перепрыгнуть его, но передовая собака накрыла его на самомъ лету и они покатались въ ровъ; вся стая ринулась туда, и Жанъ-Батистъ былъ утопленъ въ лужѣ глубиною въ полуфута. Въ три дни мы проохотились тридцать девять часовъ.

— Это удивительно! воскликнулъ я съ большимъ увлеченіемъ.

Въ тотъ же вечеръ, продолжалъ отецъ мой, мы въѣхали въ Триръ, куда уже поспѣла вѣсть объ одержанной нами побѣдѣ. Жанъ-Батистъ слылъ тамъ за оборотня, и ему приписывались все несчастія, постигавшія страну. Жители встрѣтили насъ кликами радости и провозгласили насъ первыми охотниками въ мірѣ. Куръирстъ пригласилъ насъ къ себѣ и угостилъ насъ великолѣпно.

На другой день мы взяли мѣсто въ почтовой коляскѣ и возвратились къ Матею, который объявлялъ, что и не ждалъ насъ къ ужину. Мы провели у него еще два дня, но уже не охотились, потому что очень устали.

Когда изъ Жанъ-Батиста начали дѣлать чучелу, въ тѣлѣ его нашли столько пуль, что ими можно бы набить копчика средней величины. Мы разочли по разнымъ примѣтамъ, что ему было лѣтъ восемнадцать или двадцать отъ роду, и что онъ выдержалъ на своемъ вѣку отъ тысячи двухъ сотъ до полуторы тысячи травлей. Мы подарили его въ зоологическій кабинетъ въ Нансъ, гдѣ онъ, говорятъ, и теперѣ.

Вотъ разсказъ моего отца, и я долженъ былъ признаться, что

наша охота действительно жалка въ сравненіи съ охотою ливонскихъ жандармовъ, о которыхъ я, вѣроятно, буду еще нѣтъ случаевъ говорить.

Черезъ нѣсколько дней, влучи верхомъ по лѣсу, я встрѣтилъ стараго Дениса, тоже верхомъ. Я тотчасъ же заговорилъ съ нимъ о Жанъ-Батистѣ.

— А, славный былъ волкъ, сказалъ онъ; а этотъ дуракъ Балбо утверждалъ, что это волчевокъ.... Надо созваться, что на свѣтѣ есть ужасно ограниченные люди.

князь меттернихъ. Меттернихъ былъ счастливъ и радовался послѣдствіямъ своего повиновенія; графиня Балбо забыла скуку и огорченія политической жизни въ любви молодого человека, для завоеванія котораго нужно было ей употребить столько кокетства; она думала, что тайна ея любви и низкія заванію, подъ которыми она царствовала въ Кобленцѣ, никому не будутъ извѣстны, и въ особенности укроются отъ всезнавшаго Калонна. Но тучи уже собирались и гроза скоро должна была разразиться.

Нѣсколько уже мѣсяцевъ графа Прованскаго не было въ Кобленцѣ; по дѣламъ эмиграціи онъ часто долженъ былъ ѣздить въ Брюссель, Литтихъ, Берлинъ и Вѣну. Онъ не былъ ревнивъ, но ничего не желалъ болѣе, какъ казаться ревнивымъ. Калоннъ, ополчивъ постигшій этотъ характеръ, сталъ за нужное обратиться къ посреднику, пользовавшемуся особенною довѣренностью принца.

То былъ графъ д'Авара, повѣренный и другъ принца, оспособствовавшій его побѣгу, когда онъ рѣшился оставить Францію; графъ д'Авара пріѣхалъ въ Кобленцъ въ то самое время, когда Калоннъ составлялъ злой умыселъ противъ любви графини Балбо и молодого Меттерниха. Онъ скоро составилъ планъ нападенія, и тѣмъ не менше желалъ успѣха, что давно уже увеличивающееся аліиэ графини возбуждало зависть горделиваго министра, которому не одинъ уже разъ грозили немилостью.

Лишь только Калоннъ узналъ о пріѣздѣ графа д'Авара въ Кобленцъ, тотчасъ же отправился къ нему; при свиданіи съ графомъ, министръ представился чрезвычайно встревоженнымъ.

— Э! Боже мой, любезный другъ, сказалъ графъ, удивленный его разстроенымъ видомъ, какое новое несчастье возбудило вы намъ?

— Великое, очень великое несчастье, графъ.

И Калоннъ испустилъ глубокій вздохъ.

— Говорите, любезный другъ, говорите; я уже свикся со всеми неудачами, со всеми ударами судьбы; не бойтесь же открыться мнѣ.

— Увы! любезный графъ, по истинѣ не знаю, буду ли въ силахъ рассказать.... очень печальное извѣстіе, очень нерадостное для графа Прованскаго.... и для васъ, который такъ приверженъ къ нему....

— Вы меня пугаете, любезный Калоннъ... ахъ! избавьте отъ этой ужасной неизвѣстности, говорите, заклинаю васъ!...

Калоннъ хранилъ минутное молчаніе, какъ бы для того, чтобы собраться съ духомъ и силами, необходимыми для ужаснаго открытія.

— Узнайте же, благородный другъ мой, что графиня Бальби...

— Умерла!... о Боже!...

— Нѣтъ, нѣтъ.... но, можетъ-быть, это было бы лучше.... графиня Бальби, забывъ чѣмъ обязана своему имени, привязанности, которую имѣетъ къ ней одна особа....

— Имѣетъ любовника.... не правда ли?

Графъ д'Аварэ улыбнулся, говоря эти слова.

— Да, графъ, сказала Калоннъ, это скандальное происшествіе возбудило негодованіе всѣхъ честныхъ людей.... и его надобно прекратить.... изъ уваженія къ приву.... Если бъ онъ зналъ, что происходитъ....

— По чести, любезный Калоннъ, не я же стану ему пересказывать, это очень щекотливо.... притомъ же очень можетъ быть, что онъ уже знаетъ.... хотя, клянусь вамъ, онъ ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ.... Но кто же этотъ дерзновенный, счастливый смертный, тронувшій сердце графини?.... Знаютъ ли его? Я готовъ биться объ закладъ, что это кто-нибудь изъ нашихъ молодыхъ дворянчиковъ, воображающихъ, что могутъ здѣсь продолжать свои столичные шалости....

— О, если бы то былъ Французъ!.... не такъ ужасно было бы бесславіе.... нѣ, любезный графъ, мадамъ Бальби избрала иностранца, австрійскаго барончика, котораго зовутъ, или который называетъ себя Меттернихомъ; поведеніе его и поступки всегда казались мнѣ подозрительными.

— А! графиня Бальби избрала себѣ любовникомъ австрійскаго барона?.... А я считала ее Француженкою сердцемъ.... Ахъ! это глупо — это вопіеть о видѣніи.

Преувеличеніе этихъ словъ, притворное негодованіе графа, смутило Калонна; не было возможности продолжать ему эту коме-

дію, зачатую имъ такъ трагически; казалось, что графъ д'Аварэ не расположенъ былъ служить орудіемъ ищенія министра.

— Оставимъ шутки, любезный графъ; дѣло касается очень важныхъ предметовъ.... связь, поставляющая въ смѣшное положеніе особу графа Прованскаго, связь, возбуждающая всеобщее негодованіе въ Кобленцѣ, можетъ компрометировать всѣ наши дѣла.

— Э! Боже мой! любезный Калоннъ, вѣдь мы тутъ ничѣмъ не можемъ помочь.... къ тому же графиня, хоть я признаю ея немощи, быть можетъ не такъ виновна, какъ это кажется.... Посмотримъ, не виновенъ ли графъ передъ нею? Не забываетъ ли ее немного?....

— Но все это не даетъ ей права обманывать и безславить его соблазнительною связью съ иностранцемъ.... съ молодымъ пришлецомъ.

— А если этотъ молодой иностранецъ умѣлъ понравиться, любезный Калоннъ, если онъ достоинъ любви?.... Чортъ возьми, вы очень строги, слишкомъ строги.

Теперь Калоннъ ясно увидѣлъ, что ошибся, обратившись къ графу д'Аварэ; нища въ немъ содѣйствія противъ графини Бальби.

— Такъ вы думаете, графъ, сказалъ онъ ему голосомъ человѣка оскорбленнаго, вы думаете, что тутъ ничего не остается дѣлать?

— Это мое мнѣніе, любезный Калоннъ; повѣрьте, эта связь кончится, какъ началась.... вашъ баронъ Меттернихъ молодъ; графиня.... что вы ни говорите, уже довольно въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Принцъ же человѣкъ умный и поступитъ, какъ обыкновенно поступаютъ въ такихъ обстоятельствахъ умные люди: то-есть онъ промолчитъ..., и поступитъ хорошо.

— Графъ Прованскій совершенный философъ, я это знаю; но какъ бы то ни было, я думалъ, что исполняю долгъ свой, уведомляя о всемъ происходящемъ здѣсь его лучшаго друга, обличеннаго его довѣренностью.

— Благодарю васъ, любезный Калоннъ, поступокъ вашъ доказываетъ, что вы самый вѣрный и преданный человѣкъ. Но успокойтесь.

Философическая беззаботность и нѣсколько насмѣшливый тонъ графа д'Аварэ заставили Калонна ускорить отъѣздъ; онъ простился съ графомъ, назначивъ ему свиданіе въ Шёнборнлуустскомъ замкѣ, для переговоровъ о болѣе важныхъ дѣлахъ.

Множество различныхъ плановъ ищенія образовалось въ его головѣ, когда онъ возвратился домой; онъ считалъ себя оскорблен-

нымъ, униженнымъ, не получивъ успѣха въ содѣйствіи со стороны графа д'Аварэ; онъ все рассказалъ своему главному повѣренному, Тьебо, отъ котораго у него не было тайнъ.

— Можете ли вы представить себѣ, говорилъ онъ, д'Аварэ входить очень натуральнымъ, что графиня Бальби утѣшается въ объятіяхъ своего любовника въ отсутствіе графа Прованскаго.

— Это ни мало не удивляетъ меня, и вы можете-быть должны были ожидать отъ графа д'Аварэ этого свисхожденія къ невѣрности любовницы.

— Почему же? я не понимаю.

— Потому что графъ д'Аварэ никогда не любилъ или по крайней-мѣрѣ никто этого не зналъ. Онъ и не можетъ понять всей важности и всѣхъ послѣдствій факта, понятнаго только испытавшему это чувство. Можетъ-быть онъ и сомнѣвается въ любви принца къ графини Бальби.

— Если бъ онъ въ ней и сомнѣвался, то развѣ не долженъ чувствовать, что въ этой скандальной исторіи нарушается должное уваженіе къ принцу Прованскому?... Но если онъ равнодушно смотритъ на подобныя дѣла, то мы, искренніе друзья принца, должны предупредить его на счетъ поведенія женщины, во злю употребляющей его милости.

— Берегитесь, ваше превосходительство. Мужчины не очень любить, когда имъ оказываютъ подобнаго рода услуги.

Калоннъ пожалъ плечами.

— Неужели ты полагаешь, любезный другъ, что я буду такъ неблагодаренъ, такъ неопытенъ, чтобы рассказать принцу все, что знаю? Есть самое простое и вѣрное средство не брать на себя ответственности за опасныя открытія.... подобнаго рода слухи можно доводить до свѣдѣнія подъ именемъ неизвѣстныхъ особъ и разными путями; преумноженія и стеченія этихъ слуховъ должны наконецъ открыть глаза самому ослѣпленному человѣку....

— А, понимаю.... вы хотите сказать о безыменныхъ запискахъ....

— Я не говорю этого.... но что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Извините, ошибся.... я не нашелъ настоящаго слова, чтобы выразить вашу мысль; такъ вы рѣшились употребить это средство, дѣйствительность котораго неоспорима?

— Конечно, любезный Тьебо, и я полагаюсь на твой умъ и на твоё усердіе.

Хотя домашній секретарь въ глубинѣ души не очень желалъ

подобныхъ зачатій, но онъ не могъ отказать министру въ жено-
вой услугѣ.

Калоннъ продиктовалъ первую записку, которая должна слу-
жить образцомъ при сочиненіи другихъ; это было удивительное
письмо, въ которомъ съ неподражаемымъ искусствомъ были се-
браны главные пункты обвиненія.

На другой же день, около тридцати безыменныхъ писемъ от-
правлено было изъ кабинета Калонна на имя графа Прованскаго,
находявшагося тогда въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, и занятаго болѣе
сочиненіемъ мадригаловъ для дамы своихъ мыслей и составлені-
емъ букетовъ своей Хлорѣ, нежели приведеніемъ въ порядокъ
запутанныхъ дѣлъ эмиграціи.

Князь Кауницъ былъ вполне доволенъ поведеніемъ молодого
Меттерниха въ Кобленцѣ, гдѣ присутствіе его дѣлалось уже
безполезнымъ по случаю перемѣнъ, происшедшихъ въ распо-
ряженіяхъ вѣнскаго кабинета въ отношеніи эмиграціи, почему
первый министръ приготовилъ своему агенту награду, соразмѣр-
ную его усердію и въ особенности его преданности, и призвалъ
его обратно въ столицу.

Получивъ это приказаніе, Меттернихъ пошелъ, по обыкновенію,
къ графинѣ Бальби; тотчасъ ли онъ долженъ былъ объявить ей
это несприятное извѣстіе, или скрывать до самой послѣдней ми-
нуты отъѣзда въ Вѣну? Подъ вліяніемъ этого тягостнаго сомнѣ-
нія въ печальномъ выборѣ, онъ подходилъ къ дому графини.

Всходя по лѣстницѣ, ведшей въ комнаты графини Бальби, онъ
вдругъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Калонномъ, выходившимъ
отъ графини; они раскланялись съ холодною учтивостью; по бо-
рону показалось на лицѣ Калонна и выраженіе иронической улы-
бки; онъ все еще думалъ о томъ, когда, пройдя нѣсколько ком-
натъ, ведшихъ въ уборную графини Бальби, явился передъ нею.

Графиня держала въ рукѣ письмо, которое только-что прочла,
и, казалось, была въ сильномъ волненіи.

— Ахъ, любезный баронъ, сказала она ему съ живостью, вы
пришли очень кстати. Мнѣ нужно сообщить вамъ очень любе-
пытныя извѣстія.... Но не встрѣтили ли вы кого-нибудь изъ зна-
комыхъ прежде, нежели вошли сюда?

— Калонна....

— Да, точно.... онъ только-что былъ у меня, и очень надобно
мнѣ по благородной привычкѣ своей.

— Не разсказывалъ ли онъ вамъ что-нибудь новаго?

— О! ужъ конечно нѣтъ; онъ мнѣ много говорилъ о своихъ

талантахъ, о гениіи своенъ и даже немного о любовныхъ приключеніяхъ. Вѣдь и Калоннъ имѣеть также претензіи на побѣды! Но прощааясь, онъ вручилъ это письмо для того, чтобы я не успѣла прочесть при немъ; это заставляетъ меня предполагать, что онъ знаетъ его содержаніе.

— Предположеніе ваше, графиня, быть-можетъ очень справедливо. Но повидимому, это письмо чрезвычайно разстроило васъ....

— Меня! о, нимаго, клянусь вамъ, но ово удивило меня своею странностью....

— Я долженъ уважать ваши тайны, графиня....

— Мои тайны, ахъ! милый другъ, это письмо также къ вамъ относится; возьмите, прочтите.

Баронъ сдѣлалъ движеніе изумленія.

— Это письмо также ко мнѣ относится?... по истинѣ, не знаю могу ли я....

— Прочтите, любезный баронъ; это почти также касается васъ, какъ и меня.

Меттернихъ рѣшился взять письмо, поданное ему графиней, и пробѣгалъ его глазами.

— Читайте вслухъ, любезный баронъ; я едва успѣла пробѣжать это посланіе; по слогу оно заслуживаетъ, чтобы прочитать его.... сколько я могла судить по началу.

— Но, графиня, если нѣкоторыя оскорбительныя выраженія....

— Ахъ! я заранѣе увѣрена, что не осмѣлится этого сдѣлать; читайте же, прошу васъ.

Баронъ долженъ былъ повиноваться, и прочелъ слѣдующее:

«Отсутствующіе всегда виноваты, милая графиня, съ смиреніемъ сознаюсь въ томъ; но это уже значитъ слишкомъ жестоко наказывать, заставляя ихъ своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ страшиться совершеннаго забвенія. Если вѣрить слухамъ, которые доходятъ до меня съ разныхъ сторонъ, и большому количеству безыменныхъ писемъ, сочинители которыхъ, повидимому, чрезвычайно заботятся о сохраненіи должнаго уваженія ко мнѣ, то оставалось бы только оплакивать потерю вашей любви и жалѣть о вашей неблагодарности....»

— Его любовь! моя неблагодарность! воскликнула графиня, вдругъ прерывая чтеніе; ахъ! какъ это забавно! но продолжайте, прошу васъ.

Баронъ снова сталъ читать письмо:

«Но честью клянусь вамъ, возлюбленная графиня, вамъ, которая одна утѣждала горечь моихъ печалей, одна утѣшала меня

въ печальномъ изгнаніи, я ни на минуту не солидизался съ вашей искренней привязанности ко мнѣ; вѣрю, что вы невинны; но умоляю васъ, не подавайте предлога къ злословію, къ клеветѣ; удалите молодыхъ вѣтренниковъ, которые компрометируютъ васъ, хвастаясь, что обладаютъ тѣмъ, чтò только мнѣ одному принадлежитъ. Остерегайтесь въ особенности нѣкотораго Меттерниха....

— Вотъ это на вашу долю, любезный баронъ, сказала графиня.

И она смѣясь смотрѣла на барона, на лицѣ котораго внезапно выразилось волненіе. При чтеніи своего имени, онъ не могъ побѣдить невольнаго смущенія.

— И такъ я должна остерегаться васъ, милый другъ? прибавила она; на васъ указываютъ какъ на человѣка очень опаснаго; да это обвиненіе, доносъ въ полномъ смыслѣ; но вы невинны, не правда ли? ваша совѣсть должна совершенно успокоить васъ; теперь доканчивайте это образцовое посланіе.

Меттернихъ, немного оправившись отъ своего смущенія, продолжалъ:

«Въ особенности же остерегайтесь нѣкотораго Меттерниха, который слыветъ за очень опаснаго человѣка во многихъ отношеніяхъ; но я уже писалъ въ Вѣну, чтобы васъ избавили отъ нагубныхъ посѣщеній этого барона, и надѣюсь, что Кауницъ окажетъ вамъ эту услугу, отославши его какъ можно далѣе отъ Кобленца».

— Но это безчестно, воскликнула графиня; употреблять во зло свою власть противъ молодаго человѣка, осудить его на изгнаніе безъ доказательствъ, не позволивъ ему даже оправдаться?...

— Ахъ, графиня! это одиѣ только угрозы; надобно имѣть сходженіе къ гнѣву, который никогда не разсуждаетъ.... притомъ же князь Кауницъ очень справедливъ.

— Да, можетъ быть, но принцъ ничего не забываетъ, и никогда не остается въ долгу — я его знаю.

— Я буду умѣть оправдаться передъ первымъ министромъ; и увѣренъ, что онъ благосклонно выслушаетъ меня, и сознаніе услуги оказанныхъ отцомъ моимъ государству, будетъ служить мнѣ защитой противъ мщенія принца; однако посмотримъ конецъ письма.

«Еще одно слово, любезная графиня: повторяю, что вѣрю въ вашу невинности, но помните, что и тѣнь подозрѣнія не должна падать на благородную женщину».

Баронъ возвратилъ письмо графинѣ Бальби.

— Ну, чтò скажете, любезнѣйшій баронъ? воскликнула она.

— Что принцъ подозрителенъ и ревнивъ, какъ и всѣ влюбленные, но вѣрить вашей невинности и все васъ любить.

— Удивительное счастье для меня; но я не хочу ни уваженія, ни любви его.

— На что же вы рѣшаетесь, графиня? благоразумиѣе и лучше, я думаю, дать утихнуть грозѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу ему отвѣчать — ужъ и отвѣчу!

Графиня Бальби казалась сильно взволнованною.

— Но, графиня, подумайте о своихъ выгодахъ, сказалъ ей баронъ.

— Я думаю только объ удовольствіи отмстить тщеславному педанту, оскорбляющему меня.

Графиня Бальби тотчасъ же взяла перо; на-скоро написала нѣсколько строкъ и сказала:

— А! такъ графъ Прованскій находитъ удовольствіе писать ко мнѣ дерзкія письма и нѣмѣгъ намѣреніе изгнать особъ, которыя мнѣ нравятся!

— Но, графиня, умоляю васъ, забудьте опасность, которой я могу подвергнуться.... я могу избѣгнуть ея, предупредивъ ударъ, которымъ хотятъ меня поразить.

— Нѣтъ, баронъ, я не могу забыть оскорбительной угрозы, сдѣланной вамъ, и презрительнаго тона, съ какимъ онъ выразился на вашъ счетъ. Оскорбить васъ значитъ оскорбить меня, и отвѣтъ мой отмститъ за насъ обоихъ.

— Я согласенъ съ вами, но что бы ни было, принцъ имѣетъ право на ваше уваженіе; въ противномъ случаѣ онъ никогда не проститъ вамъ и сдѣлается вашимъ врагомъ.

— О! я не боюсь его.... но вы ошибаетесь, любезный баронъ. Хотите ли, я расскажу вамъ, что будетъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

— А вотъ что: прочитавъ мое письмо, принцъ покажетъ видъ, что чрезвычайно на меня разсердился; потомъ притворится отчаяннымъ, наконецъ успокоится; а такъ какъ онъ иногда бываетъ уменъ, то пойметъ, что разрывъ со мною подтвердитъ только нѣкоторые слухи.... въ слѣдствіе этого онъ удовольствуется тѣмъ, что напишетъ ко мнѣ письмо, въ которомъ всѣми риторическими украшеніями будетъ усиливаться доказать мнѣ.... что онъ все меня любитъ, и мы будемъ продолжать перепишку, отъ которой друзья наши приходятъ въ восторгъ.

Графъ Прованскій, разумѣется, не просилъ Кауница вызвать изъ Кобленца барона Меттерниха; подобное требованіе было бы

слишкомъ смѣшно, и заставляло бы весь австрійскій кабинетъ порядкомъ посмѣяться надъ подобными требованіями; разумеется, съ его стороны это была одна только угроза. Но эта угроза благопріятствовала намѣреніямъ барона; она возлагала на знаменитаго любовника графини Балеби отвѣтственность посѣдшаго его отъѣзда, по случаю котораго она, вѣроятно, потребовала бы объясненія отъ Меттерниха; изъ-тому же эта угроза освобождала его отъ тягостнаго прощанія и, въ случаѣ нужды, могла со-всѣмъ избавить отъ необходимости прощаться.

Баронъ, отозванный въ Вѣну письмомъ Кауницца, для оправданія своего въ незапомнѣннотъ отъѣздѣ, могъ согласиться на приказаніе министра; а графиня могла обвинять только принца въ удаленіи или скорѣе въ изгнаніи юности, искренно ею любимаго.

Меттернихъ скоро принялъ твердую рѣшимость: написалъ къ графинѣ очень лестное, очень сентиментальное письмо, въ которомъ оплакивалъ жестокою необходимостью, исторгающую его у блаженства, жаловался на жестокость министра, не оставляющаго ему времени исполнить обязанности дружбы; потомъ тайно оставилъ Кобленцъ и уѣхалъ въ Вѣну.

Баронъ предоствалъ времени утѣшить графиню, и думалъ только о наградѣ, обѣщанной ему княземъ Кауницомъ.

Онъ весь предался честолюбію и мечтамъ о счастливыхъ успѣхахъ; любви совершенно была принесена въ жертву почетямъ и знаменитости; путь къ нимъ наконецъ открытъ былъ передъ нимъ.

Но первый министръ имѣлъ другіе виды на Меттерниха; онъ призналъ въ немъ человѣка необыкновеннаго ума, ставившаго его выше всѣхъ дипломатовъ австрійскаго кабинета; онъ только и думалъ о томъ, чтобы отыскать талантливаго человѣка, способнаго замѣнить со временемъ его самого и продолжать начатое имъ дѣло преобразованія австрійской дипломатіи.

Баронъ Меттернихъ былъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, надеждъ въ будущемъ, которыхъ первый министръ наиболѣе отличалъ; но министръ имѣлъ дочь, которую обожалъ; онъ уже отказалъ многимъ женихамъ, оспаривавшимъ честь и выгоды такого союза.

Марія Елеонора Кауницъ не была красавицей, ни даже хорошецею, но была дочерью перваго австрійскаго министра, что достаточно объясняетъ это многочисленное стеченіе соперниковъ, получавшихъ отъ князя болѣе или менѣе учтивый отказъ.

Кауницъ непременно хотѣлъ выдать свою дочь за дипломата, но за дипломата, который имѣлъ бы, кромѣ знатности и богатства, другія достоинства. Кауницъ искалъ себѣ зятя, достойнаго быть посвященнымъ въ его сокровенныя намѣренія и принять довѣренность политическихъ его тайнъ, зятя, который былъ бы помощникомъ въ его трудахъ, потому что тяжелое бремя возложенныхъ на него обязанностей начинало тяготить осмидесятилѣтняго министра; и вотъ онъ обратилъ свои взоры на Меттерниха.

У Кауница было также два сына; но онъ ихъ не любилъ; въ глазахъ его они имѣли недостатокъ, котораго гордость его не могла простить имъ: они были глупы; и поэтому онъ дурно обходился съ ними, былъ къ нимъ жестокъ и несправедливъ.

Не разъ Марія-Терезія и оба ея сына, наследовавшіе одинъ другому, принуждены были прибѣгать къ своей власти, чтобы напомнить Кауницу обязанности отца и пробудить въ немъ чувства, задушаемыя гордостью и эгоизмомъ.

Но Кауницъ, избирая барона Меттерниха, и не подумалъ посоветоваться съ сердцемъ своей дочери; онъ не признавалъ этого необходимаго условія супружества, если хотять упрочить счастье обѣихъ сторонъ; любовь казалась князю Кауницу поэтическимъ бредомъ, общимъ мѣстомъ, необходимымъ для кропателей одъ и романовъ. Первый австрійскій министръ же спросилъ даже мнѣнія молодого Меттерниха, и едва только тотъ пріѣхалъ въ Вѣну, какъ онъ приказалъ ему явиться къ себѣ, для того, чтобы объявить ему свою волю.

Когда баронъ явился къ министру, то очень изумился, увидя подлѣ него молодую особу, очень просто одѣтую, дружески разговаривавшую съ Кауницемъ, который, пригласивъ Меттерниха садиться, продолжалъ разговаривать съ молодою дѣвушкой, по временамъ украдкой посматривавшую на барона; положеніе его становилось очень затруднительнымъ.

Что значилъ таинственный разговоръ, изъ котораго Меттернихъ могъ отгадать, что дѣло шло о немъ? Что значило присутствіе молодой женщины въ кабинетѣ перваго министра и при постороннемъ свидѣлѣ, призванномъ, вѣроятно, съ намѣреніемъ? Все это породило въ умѣ его тысячу различныхъ предположеній: была ли то интрижкація, устроенная министромъ для собственнаго удовольствія и развлеченія его озбоченной старости?

Во всякомъ случаѣ Меттернихъ съ обычнымъ самоотверженіемъ ожидалъ развязки маленькой комедіи, продолжавшейся болѣе

трехъ четвертей часа; наконецъ министръ всталъ, подалъ руку молодой женщинѣ и, толкнувъ небольшую дверь, выходящую въ его кабинетъ, скрылся съ нею, оставивъ барона одного съ его предположеніями и въ мучительномъ безпокойствѣ.

Черезъ десять минутъ князь Кауницъ возвратился.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, любезный Меттернихъ, сказалъ онъ съ большою любезностью; васъ, вѣроятно, удивило все происходившее здѣсь, такъ же какъ и пріемъ мой?

— Ваша свѣтлость у себя, и я не нию никакого права требовать, чтобы вы стѣснялись для меня.

— Правда, я не стѣсняю себя.... но когда вы сдѣлали тамъ, въ то время, какъ я разговаривалъ съ дочерью моею, вы уже принадлежали къ моему семейству.

Баронъ сдѣлалъ невольное движеніе удивленія.

— Да, любезный Меттернихъ, вы уже принадлежали къ моему семейству.... А! вы не понимаете!

— Ваша свѣтлость, конечно, простите меня, но эти слова загадка для меня.... если только они не выражаютъ благосклонности, которой я совсѣмъ не заслужилъ....

— Итъ, любезный другъ, дѣло не въ томъ; въ то время, о которомъ я говорю, вы уже принадлежали къ моему семейству, потому что вы мой зять.

— Зять, ваша свѣтлость?

— Ну, да, любезный другъ, вы мой зять, или скорѣе, отъ васъ только зависитъ быть моимъ зятемъ.... но я не сомнѣваюсь въ томъ.

— Чѣмъ могъ я заслужить такое великое и, въ особенности, такое неожиданное счастье?

— Это касается только меня, любезный баронъ; если я избралъ васъ мужемъ моей дочери, то, вѣроятно, потому что считаю васъ достойнымъ.

Меттернихъ думалъ, что видитъ сонъ, слушая министра, объявившаго себя тестемъ его, не спросивъ его согласія, ни согласія его семейства.

— Вы видѣли дочь мою, мою Елеонору, продолжалъ Кауницъ послѣ минутнаго молчанія. Надѣюсь, она вамъ понравилась....

— Надобно быть очень взыскательнымъ, чтобы не воздать должной справедливости такой особѣ, исполненной совершенствъ....

— Хорошо, любезный баронъ, хорошо, поберегите эти комплименты до вторичнаго свиданія съ вашею невестою....

— Но, ваша свѣтлость, позвольте мнѣ написать къ отцу объ

отличной чести, которою ваша свѣтлость желаете почтить наше семейство.

Князь Кауницъ засмѣялся.

— Отецъ вашъ, любезнѣйшій другъ, уже предувѣдомленъ; онъ уже изъявилъ мнѣ въ прекрасныхъ выраженіяхъ свою признательность и черезъ недѣлю пріѣдетъ сюда, чтобы присутствовать на свадьбѣ.

— Черезъ недѣлю!...

— Да, я хочу, чтобы черезъ недѣлю вы были женаты на моей дочери; на другой же день свадьбы вы поѣдете въ Гагу, гдѣ займете, въ качествѣ полномочнаго посланника, мѣсто графа Меттерниха, которому я назначаю другой дипломатическій постъ. Вы видите, любезный баронъ, что я довольно поспѣшно веду свадебные переговоры.

— Но, ваша свѣтлость....

— Ну, еще возраженія, замѣчанія!...

Этотъ неожиданный переворотъ, казалось, произвелъ самое тяжелое впечатлѣніе на умъ молодаго человека. Кауницъ не могъ скрыть своего нетерпѣнія, но поспѣшилъ уничтожить его содѣйствіемъ; онъ опять началъ говорить съ нимъ съ благосклонностью почти отеческою:

— Посмотримъ, любезный другъ, сказалъ онъ Меттерниху, что вы еще мнѣ скажете?

— Не знаю, смѣю ли я, ваша свѣтлость.... но благоволите простить мнѣ еще одинъ вопросъ, который можетъ показаться вамъ страннымъ.... Вы объявили мнѣ о неоптѣивномъ счастіи; однако еще не смѣю вѣрить, чтобы княжна Кауницъ....

— Согласилась выйти за молодаго Венцеслава Меттерниха.... такъ ли? Вотъ что хотѣла вы мнѣ сказать; я угадалъ вашу мысль. Но если я уже назвалъ васъ моимъ зятемъ, значитъ я призналъ склонность моей Елеоноры; ея довѣріе къ отцу по крайней мѣрѣ равняется съ любовью къ нему. Ей не нужно было видѣть васъ, чтобы повиноваться волѣ отца; но она видѣла васъ, слышала о вашихъ талантахъ.... Я на этомъ останавливаюсь, любезный баронъ, чтобы не оскорбить вашу скромность.

Выйдя изъ кабинета министра, баронъ все еще сомнѣвался въ своемъ счастіи; онъ не могъ вѣрить возможности этого супружества, составленнаго нѣкоторымъ образомъ безъ вѣдома обомъ будущихъ супруговъ, и безъ всякихъ предварительныхъ, установленныхъ общественными приличіями условій; совершенно преклоняясь предъ всемогущимъ геніемъ князя Кауница, онъ

страшнее затрудненій; онъ какъ-будто предчувствовала послѣдствіе изъ самаго равнодушія перваго министра къ симпатическому сходству нравовъ, которое обыкновенно рѣшаетъ союзы почти во всякъ классакъ общества.

На другой день онъ получилъ приглашеніе на обѣдъ къ канцлеру; онъ долженъ былъ явиться передъ новѣстою и, хотя не имѣлъ недостатка въ самоувѣренности, но мужество вышло ему въ ту минуту, когда онъ уже готовъ былъ отправиться въ домъ къ канцлеру.

Онъ будетъ цѣлью всякъ взоровъ, предметомъ злобы, которая будетъ подстерегать каждое его слово, каждое движеніе, чтобы послѣ толковать ихъ въ самомъ неблагопріятномъ смыслѣ. Извѣстіе о его предстоящемъ бракѣ съ княжною Марією-Елеонорою Кауницъ уже распространилось во всѣхъ вѣселихъ салоновъ. Спрашивали, что могло заставить князя рѣшиться одѣлать выборъ въ пользу молодого человѣка почти неизвестнаго, дня котораго стало извѣстно только по такому повзвасанному счастливному для него случаю.

Смушеніе барона было сильное и глубокое, когда Кауницъ представилъ его своей дочери, и хотя онъ зналъ, что Елеонора не была одарена плѣнительными качествами, которые ослѣпляютъ, но чувствовалъ къ ней влеченіе, которое можетъ замѣнить любовь и часто надежило ее. Елеонора имѣла отомое пріятностей и протости, была одарена такимъ умомъ — не тѣмъ умомъ, который хочетъ блистать своимъ остроуміемъ, но умомъ, который всегда правится, потому что не имѣетъ никакихъ претензій, что Меттернихъ не могъ устоять противъ вліянія ее качествъ, достойныхъ любви; онъ тотчасъ же увидѣлъ, что молодая княжна достойна искренней привязанности. И потому, когда князь отвелъ его въ сторону, желая знать о дѣйствиіи этого свиданія, баронъ съ жаромъ выразилъ свою благодарность и сколько гордости внушаетъ ему счастье быть его зятемъ.

Послѣ обѣда, къ которому были приглашены десять или двѣдцать особъ изъ друзей перваго министра, потому что онъ хотѣлъ придать этому обѣду видъ семейнаго собранія, всѣ собесѣдники перешли въ большую гостиную, украсенную картинами.

Меттернихъ былъ истинный знатокъ; онъ любилъ живопись и съ успѣхомъ занимался ею, но какъ исключительный любитель. Пока онъ осматривалъ картины, которые видѣлъ въ первый разъ, въ сопровожденіи княжны Кауницъ, онъ безъ затрудненія называлъ

художниковъ, которыхъ образцовыя произведенія принадлежали его вниманию.

Князь Кауницъ слѣдовалъ глазами за своимъ будущимъ зятемъ, и когда тотъ подошелъ въ большому ландшафту, представлявшему захожденіе солнца, онъ приблизился къ Моттернику.

— Знаете ли, кто рисовалъ эту картину? сказалъ онъ, легка ударивъ по плечу барона.

— Да, князь; это Гоббема. Не знаю, могъ ли этотъ великій художникъ нарисовать что-нибудь еще лучше. Какая истина! такая гармонія во всей картинѣ! здѣсь схвачена настоящая природа.

— А знаете ли, какой маленькій городокъ видѣется тамъ... на сраво, и котораго домны такъ хорошо размѣнены послѣдними лучами солнца?

— Я видѣлъ уже много городовъ, и мнѣ трудно было бы припомнить всѣ мѣста, которыя я встрѣчалъ.

— Это правда, милый мой; ну! такъ этотъ маленькій городъ Аустерлицъ, въ Моравіи; онъ построенъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Брунна.

— Это владѣніе, какъ мнѣ кажется, принадлежитъ вашей свѣтлости?

— Принадлежало....

— По-крайней-мѣрѣ еще очень недавно.

— Вчера еще; но съ нынѣшняго дня оно мнѣ уже не принадлежитъ.

Елеонора Кауницъ съ живостью обратилась къ нему:

— Чтѣ я слышу, пана? Аустерлицъ уже не принадлежитъ вамъ?... Вы продали помѣстье такое драгоценное, такое знаменитое для нашего семейства? О! это невозможно!... Вы шутите, пана.... вы сохраните навсегда вознагражденіе своихъ славныхъ заслугъ, залогъ благодарности Маріи-Терзій.

Кауницъ взялъ за руку дочь и съ улыбкою посмотрѣлъ на нее:

— Увы! милое дитя, надобно тебѣ отказаться отъ него; повторю тебѣ, Аустерлицъ не принадлежитъ мнѣ болѣе.... Но есть обстоятельство, которое можетъ - быть уладить горечь твоихъ сожалѣній; Аустерлицъ принадлежитъ теперь барону Моттернику.

Елеонора опустила глаза и покраснѣла.

— Да, милое дитя, вотъ новый владѣтель Аустерлица.

Говоря это, онъ указалъ своей дочери на барона.

— Ты, Елеонора, даришь ему Аустерлицъ; это приданое, которое ты прнхлещешь своему будущему мужу; теперь видишь, что

я не так виновата, как ты воображала, и меня утѣшаетъ то, что это владѣніе не выйдетъ изъ моего рода.

Елеонора бросилась на шею къ отцу, и ласки ея растрогали умилениаго старца; слезы омочили его рѣсницы.

Черезъ недѣлю баронъ Меттернихъ, владѣтель Аустерлица, поведель къ алтарю княжну Марію Елеонору Кауницъ, и вѣнскій архіепископъ далъ брачное благословеніе супругамъ въ церкви Святаго Стефана.

КИТАЕЦЪ СИНІЯ ВОРОДА ИЛИ СЕДЬМАЯ ЖЕНА. — Краше рису, гибче бамбука, Со-Сли, дочь Пу-Пу. Ножка ея не больше пальца. И потому, когда она ходитъ, поступь ея отличается ужасной качкою, такъ что она не можетъ ходить, не опираясь на тросточку или на служанку. Таковъ блескъ ея прелестей, что когда она показывается, то привлекаетъ вниманіе тотчасъ какъ соломинка, которую шанцѣйскій «вгларь» держитъ въ равновѣсіи на кончикѣ носа. Брови ея выгибаются высокою дугою, какъ нарядныя перья въ хвостѣ птицы рѣчной царицы; глаза узенькіе и остро приподняты, какъ стручки турецкихъ бобовъ, волосы тоньше нитокъ, которыя прядетъ чорный паукъ въ Шень-Си.

Великое множество жениховъ домогалось руки Со-Сли. Отецъ ея, почтенный Пу-Пу, могъ бы выбрать себѣ любого зятя изъ статскихъ или изъ военныхъ; но это былъ мудрецъ и «шлан-тронъ», прилежно искавшій причины счастья и несчастія человѣческихъ. Онъ рѣшилъ, что этотъ бракъ совершится по правиламъ, открытымъ ему наукою. Онъ составилъ себѣ на этотъ счетъ блестящую теорію, горько сожалѣя, что нашелъ ее послѣ собственнаго своего брака. Но какъ жена его умерла, то и причина къ сожалѣнію значительно уменьшилась; но по-крайней-мѣрѣ Пу-Пу обѣщалъ себѣ, что дочь его воспользуется открытіемъ, безполезнымъ для него самаго. Словомъ, онъ хотѣлъ самой Со-Сли предоставить выборъ супруга. Эти правила нашли немножко ересью въ такой странѣ какъ Китай, гдѣ въ продолженіе шести тысячъ лѣтъ никогда не справлялись съ желаніемъ невѣсты; но красота дочери оправдывала причуды отца.

Два знатные мандарина Ханъ и Синъ и нѣкоторый купецъ по имени Тинъ, послали ему богатые подарки. Краснорѣчивый Тунь-Тунъ, у котораго мы замѣтвовали весь первый параграфъ, сочинилъ десять книжекъ во славу красоты Со-Сли; но Пу-Пу любезно принимая и подарки и комплименты, отвергала предложенія, поступивъ точно такнмъ обра-

Земъ со многими другими изъ различнаго званія, мануфактуристовъ, владѣльцевъ рисовыхъ полей, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, которые, живя по сосѣдству, имѣли случай любоваться прекрасными глазами Со-Сли. Со-Сли ничего не говорила противъ Хава, Свина, Тина и Тунъ-Туна, потому-что ихъ не знала. А всѣ другіе, которыхъ она имѣла случай встрѣчать, ей не нравились. Одинъ былъ слишкомъ высокъ, другой слишкомъ низокъ, тотъ худощавъ, этотъ толстъ, у Тинъ-Тина голосъ слишкомъ тонокъ, у Динъ-Дуна слишкомъ толстъ; этотъ слишкомъ страстно любилъ владкій картофель, а Со-Сли терпѣть его не могла; этотъ недоволенъ любилъ собакъ, а она была отъ нихъ безъ ума. Дѣло въ томъ, что очень было трудно поправиться Со-Сли.

Здѣсь надо сдѣлать маленькое замѣчаніе. Градъ подарковъ, сылавшійся съ нѣкотораго времени на Пу-Пу, способствовалъ къ утвержденію его теоріи. Онъ радовался своей проникательности, и примѣръ его умножилъ число поклонниковъ его теоріи между Китайцами, у которыхъ были дочери невѣсты; но мало-по-малу влюбленные сдѣлались менѣе щедры и чтобы послать корзинку, какъ говорятъ въ Европѣ, ждали, чтобы свиданіе съ прелестной Со Сли рѣшило ихъ предложеніе. Такой опытный человѣкъ какъ Пу-Пу, долженъ былъ справедливо испугаться подобнаго признака.

Въ одномъ городѣ съ Пу Пу жилъ благородный Китаецъ, хвалявшійся родствомъ съ богдыханской фамиліей и въ-самомъ дѣлѣ онъ происходилъ отъ богдыхана, занимавшаго престолъ поднебеснаго царства полтора ста лѣтъ тому назадъ. Китайскій богдыханъ бросаетъ благосклонный взоръ на всѣхъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ, которыхъ число, по точней выпискѣ, простирается до десяти тысячъ. Смотри по степени родства, онъ жалуетъ имъ годовую пенсію.

Ванъ или самыя ближайшіе родные получаютъ около шестидесяти тысячъ гиновъ. Число это уменьшается постепенно до простыхъ наследниковъ желтаго пояса, получающихъ не менѣе трехъ гиновъ и двухъ мѣшковъ риса. Китайскій богдыханъ беретъ на себя издержки ихъ женитьбы и похоронъ ихъ женъ. Они получаютъ сто двадцать гиновъ каждый разъ, какъ женятся или овдовѣютъ.

Будучи также родственникомъ, хотя въ дальней степени, сына неба, Ху-Фи считалъ бы недостойнымъ своего чина заниматься какою-нибудь ремесломъ или промышленностью, но какъ бы его

тщеславіе и честолюбіе не согласовались съ средствами, онъ иногда долженъ былъ прибѣгать къ средствамъ, довольно любовитнымъ, чтобы, какъ говорится на дальнемъ западѣ, свести конецъ съ концемъ. Ху-Фи нѣсколько разъ слышалъ о Со-Сли; но выхвалявшіе красоту ея, говорили также и о ея капризахъ. Каждый день рассказывали новую исторію о спроваженномъ женихѣ; но Ху-Фи былъ изъ такихъ людей, которые, увѣренные въ своихъ достоинствахъ, не смотрятъ на препятствія и никогда не останавливаются опасеніемъ отъказа.

Хотя онъ былъ еще молодъ, однако уже былъ женатъ шесть разъ и каждый разъ, по той или другой причинѣ, лишался жены черезъ нѣсколько недѣль. На свадьбу и на похороны онъ получалъ въ точности сумму, определенную ему его родственникомъ сыномъ неба. Число семь считалось особенно счастливымъ и такъ какъ шесть влюбленныхъ женъ его соединились въ одной могилѣ, ему очень хотѣлось испытать счастье съ седьмой женой.

Онъ пользовался большими преимуществами, чрезвычайно способствовавшими ему въ обстоятельствахъ подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ онъ теперь находился. Это былъ то, что Китайцы называютъ краснымъ мужчиною. Ногти, отращиваемые имъ, достигли величины полтора дюйма. У него не было ни бакенбардъ ни бороды, голова выбрита совсѣмъ, съ оставленіемъ только волосянаго хохла, который у него былъ черенъ, густъ и доходилъ почти до колѣнъ. Къ тому же онъ владѣлъ непоколебимой увѣренностью и этой упорной настойчивостью, которая безпрестанно возвращается и пристаётъ къ вамъ, никогда не утомляясь и для которой *нѣтъ* не отвѣтъ. Присоедините къ этому глубину ума, приспособлявшагося ко всѣмъ характерамъ, и ловкость тотчасъ открывать слабую сторону людей. Наконецъ има знаменитаго родственника, упоминаемое имъ весьма кстати, и желтый цвѣтъ его пояса, окончательно ослѣпляли тѣхъ, которые поддались уже его сладкимъ рѣчамъ.

Принявъ намѣреніе, Ху Фи принялся за его исполненіе. Сначала успѣлъ сойтись съ философомъ Пу-Пу. Однажды, когда этотъ достопамятный мужъ торговался на рынкѣ, Ху-Фи ловко вступилъ съ нимъ въ разговоръ и посредствомъ нѣсколькихъ приятныхъ шутокъ съ купцомъ, успѣлъ уговорить его спустить цѣну для Пу-Пу. Потомъ заговорилъ о другомъ и наконецъ свелъ рѣчь удачными гастрономическими постепенностями, отъ ласточекъ до крысъ, отъ крысъ до собакъ, отъ собакъ до порослятъ, отъ порослятъ до предестныхъ Китайцевъ, отъ предестныхъ Ки-

таянокъ до блестящаго свѣтла, до Со-Сли, дочери мудреца Пу-Пу; выразилъ безграничное удивленіе къ этому знаменитому философу, очень сожалѣя, что имѣлъ счастье знать его только по известности имени. Пу Пу былъ другъ мудрости; но какой философъ можетъ устоять противъ лести; кому не пріятно слышать похвалы себѣ подъ покровомъ инкогнито, когда нельзя подозрѣвать лести? Ху-Фи уже занялъ высокое мѣсто въ умѣ тщеславнаго Пу-Пу.

Легко догадаться, что тотъ не спѣшилъ отворотить разговоръ отъ случайно принятаго имъ направленія. Не называя себя, онъ ловко вывѣдалъ мнѣніе своего поваго пріятеля о знаменитой брачной теоріи, которой былъ изобрѣтателемъ. Тутъ Ху-Фи разсыпался въ напыщенныхъ похвалахъ; жалѣлъ о невѣжествѣ и глупости Китайцевъ, которые были слѣпы для этого свѣтлаго умозрѣнія.

— Чтѣ до меня, вскричалъ онъ, между-тѣмъ какъ собесѣдникъ его съ наслажденіемъ унывался каждымъ словомъ; если вы меня спросите, кто самый великій изъ древнихъ и новѣйшихъ мудрецовъ, я отвѣчу: Пу-Пу! Если спросите, кто изобрѣлъ теорію самую полезную для счастья рода человѣческаго, я отвѣчу: Пу-Пу! Если спросите, какое слово синонимъ философіи, я отвѣчу: Пу-Пу! Я не сомнѣваюсь, что настанетъ время, когда это имя положить конецъ всѣмъ спорамъ и эти два слога: Пу-Пу будутъ заступать мѣсто безотвѣтнаго аргумента.

Хотя послѣ такой рѣчи скромность его должна была сильно страдать, философъ открылся своему восторженному почитателю. Въ этотъ день Ху-Фи обѣдалъ съ Пу-Пу.

Вкравшись въ милость отца, Ху-Фи искалъ случая добиться милостиваго расположенія дочери. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи Пу Пу и тотъ назначилъ день для свиданія.

Ху Фи пришелъ, увидалъ, побѣдилъ. Одежда его была изысканно-изящна. Онъ выбралъ любимые цвѣты Со Сли. Платье шелковое малиновое, покрытое богатыми вышивками, было таково, что могло быть съ гордостью надѣто супругой лорда; шапку шила первая пеккинская портниха, а фреза, составлявшая часть его народнаго костюма — дорогой цѣны; черный хохолъ тщательно заплетенъ и висѣлъ на спицѣ. На шеѣ жемчужное ожерелье, а въ рукѣ держалъ онъ вѣеръ, которымъ обмахивался съ особенной пріятностью.

Эта щеголеватая наружность произвела благопріятное впечатленіе на Со Сли, которая сама любила щеголять. Обыкновенно

носила она длинное, зеленое съ синимъ платье на малиновой кофѣ; панталоны ея были всегда сшиты по повѣйшему фасону. Она тратила много денегъ на красивыя трубки и хвалилась, что умѣетъ выбирать лучшей табакъ.

Ловкій Ху-Фи не пощадилъ ничего, чтобы упрочить свое торжество, расточилъ причудливой красавицѣ тысячу тонкихъ комплиментовъ, поднесъ золотую табакерку; китайскаго шуаля, и въ добавокъ сердце и руку. Со-Сли приняла и комплименты и табакерку и сердце и руку Ху-Фи.

Они женились, и Ху-Фи въ седьмой разъ получилъ свадебный подарокъ своего высокаго родственника китайскаго богдыхана. Пу-пу очень былъ доволенъ приведеніемъ въ дѣйствіе свѣтлой теоріи, которой былъ изобрѣтателемъ и тѣмъ, что нашелъ зятя, раздѣлявшаго его философскія идеи. Двѣ недѣли пролетѣли съ быстротою мгновенія. Молодая чета, въ забвеніи блаженства, не считала часовъ. Супруги занимались только стараніемъ нравиться взаимно. Если между ними поднимались споры, то только въ такомъ случаѣ, когда одинъ хотѣлъ принудить другаго взять лучшіе куски лисицы, хорька или всего, что составляло ихъ ежедневныя лакомыя обѣды.

Ху-Фи ни на минуту не могъ разстаться съ своею возлюбленною женою. Но въ одно утро рѣшился на короткую разлуку и ушелъ въ городъ. Возвратясь, онъ вынулъ изъ флисового кошелька, замѣняющаго у китайцевъ карманы, небольшую пачку чаю.

— Любезная жена, сказалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, у мужа есть другъ, отлично знающій разводить растенія; онъ успѣлъ получить бананы отъ померанцовыхъ деревьевъ и превратить ананасы въ смородину. Молодое чайное деревцо сдѣлалось предметомъ его попеченій. Посадивъ и поливая его собственными руками, онъ не щадилъ ничего, чтобы сдѣлать изъ него образцовое произведеніе садоводства. Этотъ кустикъ произвелъ только двѣ унціи чаю. Одну поднесли богдыхану, другую подарили мужу Со-Сли, а онъ отдаетъ его возлюбленной женѣ. Если жена любитъ мужа, то настоитъ и выпьетъ этотъ чай.

— Возлюбленный мужъ, отвѣчала Со-Сли, жена не приметъ плодъ такого рѣдкаго и драгоценнаго растенія, мужъ его выпьетъ самъ.... какіе любопытные листочки, прибавила она, открывъ пачку, а всего страннѣе то, что она похожи на обыкновенныя листья.... что это на нихъ за пыль?

— Это, отвѣчалъ Ху-Фи равнодушно, пушокъ, свойственный листьямъ этого рѣдкаго куста: именно это и придастъ имъ такое

достоинство. Пусть жена общается мужу, что выпьет этот чудесный чай, которой муж достал для жены. Отказ покажет, что жена пренебрегает подарками мужа.

И Ху-Фи вынул кипяток на листочки и через вѣсколько минутъ внимательный супругъ подавалъ супругѣ борфоровую чашку, старательно налитую до краевъ. Со-Сли настаивала, чтобы Ху-Фи выпилъ вмѣсто ея, но онъ упорно отказывался. Премилый споръ подвигался между ними: каждый хотѣлъ предоставить другому наслаждение такимъ чудеснымъ напиткомъ. Со-Сли сначала отказывалась положительно воспользоваться самоотверженіемъ мужа, но уступая мало-по-малу, сказала, что согласится взять одинъ глотокъ, потомъ объявила, что если мужъ выпьетъ половину, она возьметъ остальное. Это было конечно разсудительное предложеніе; но Ху-Фи упорно его отвергнувъ, требовалъ, чтобы жена выпила одна цѣлую чашку или по-крайней-мѣрѣ первый глотокъ. Этотъ милый споръ раздражался мало-по-малу; нетерпѣніе и гнѣвъ замѣнили у Ху-Фи нѣжность и шутивость.... Со-Сли встала, взяла чашку, и выплеснула ее въ открытое окно, говоря, что если этотъ чай былъ причиною ссоры, то ни тотъ ни другой не будутъ его пить....

Облако скоро разсѣялось и въ слѣдующіе дни супруги пили чай вмѣстѣ въ совершенномъ согласіи. Разъ вечеромъ, когда они занимались этимъ важнымъ дѣломъ, Ху-Фи, окончивши первую чашку, замѣтилъ, что чай былъ не такъ вкусенъ какъ обыкновенно и пожелалъ гнѣлаго корня дереву, съ котораго этотъ чай былъ собранъ.

— Какъ, вскричала Со-Сли съ коварной улыбкой, и послѣ всѣхъ трудовъ друга, послѣ всѣхъ стараній посадить, поливать его! какое жестокое желаніе!

Ху-Фи поспѣшно поставилъ чашку и поблѣднѣлъ.

— Что хочешь сказать жена? спросилъ онъ.

— Жена поклялась, сказала Со-Сли, продолжая смѣяться, что этотъ чай выпьетъ любезный мужъ одинъ; притворясь, что выплеснула его за окошко, жена вылила его въ блюдо, находившееся за окномъ. Мужъ выпилъ этотъ самый чай; жена жалѣетъ, что онъ не понравился мужу.

Ху-Фи поспѣвалъ; лицо его искривилось страшной гримасой; хохолъ подвигался отъ испугу и остался въ горизонтальномъ положеніи, ротъ разинулся, губы вздулись, выражая ужасъ и отвращеніе.

Съ минутой оставался онъ какъ человѣкъ, неспособный поше-

величаться, потому вскочивъ, громкими криками требовалъ горячей воды.

— Чтѣ такое? что съ мужемъ? спрашивала Со-Сли.

— Отравленъ! отравленъ! повторялъ Ху-Фи жалобно.

— Отравленъ! перебила Со-Сли: какъ.... этотъ чай.... развѣ пылъ, которую я замѣтила....

— Ой! ой! кричалъ Ху Фи, грудь горитъ! горитъ грудь! Ни-немъ Фу! скорѣе! рвотнаго! припарокъ! чего-нибудь.... скорѣе! скорѣе!

Послали за докторами. Съ большимъ сдѣлался бредъ, и когда рвотное истощило его, онъ впалъ на нѣсколько часовъ въ тяжелый сонъ и въ безчувственность. Когда онъ пришелъ въ себя и припомнилъ вырвавшіяся у него слова, то старался придать имъ другой смыслъ, сталъ объяснять женѣ, что этотъ чай обладаетъ чуднымъ, возбуждающимъ свойствомъ, онъ отнял у него рассудокъ скорѣе хмѣльнаго питья, перегоняемаго изъ рису. Въ бреду онъ вообразилъ, что жена влила ему ядъ.... теперь онъ признавалъ всю нелѣпность этого бреда и собрался написать большой выговоръ другу, приславшему ему эти глупые листочки.

Эти изъясненія, данныя съ чистосердечнымъ видомъ, удовлетворили Со-Сли, которая снова развеселилась. Ху-Фи, благодаря своему сложенію, избѣгнувъ дѣйствія соединенныхъ усилій трехъ китайскихъ врачей и выпитаго имъ отравленнаго снадобья.

Увы! этотъ чай точно былъ ядъ. Родственникъ Сына Неба, щедро одоряемый при каждомъ новомъ бракѣ, думалъ что ему надо пользоваться преимуществами рожденія.

По городу ходили смутные слухи на этотъ счетъ. Старый Пу-Пу ничего не зналъ о томъ, онъ до-того былъ углубленъ въ науку, что ему некогда было обращать вниманіе на дѣла міра сего. Въ его глазахъ бракъ дочери совершился по правиламъ его теорій: это было главное. Какимъ-образомъ могъ онъ не довѣрять человѣку, который имѣлъ право носить желтый цвѣтъ, человѣку, который провозглашалъ его первымъ философомъ въ мірѣ?

Къ тому же доказательствъ не было. Китайцы такіе искусные мастера на всѣ ремесла, далеко отстали отъ западныхъ въ употребленіи химическихъ реактивовъ. Они еще не умѣютъ сварить въ котлѣ отвратительную смѣсь костей, жилъ и мяса, процѣдить сквозь пропускную бумагу этотъ отваръ человечества, анализировать это жидкое сало прибавкою разныхъ кислотъ и щелочей и открыть въ ней тысячную частицу чего-то, ни на что не по-

домого и служащаго между-тѣмъ неопровержимымъ доказательствомъ чему-то такому, безъ чего нельзя быть.

Ху-Фи нѣтъ скоро удовольствіе видѣть, что смутныя опасенія Со-Сли быстро разсѣлились. Оправившись отъ непріятнаго потрясенія, онъ снова почувствовалъ потребность овдовѣть. Болѣзнь стоила ему значительныхъ издержекъ; онъ считалъ справедливымъ искать вознагражденія и началъ снова помышлять о средствахъ удачно избавиться отъ жены. Послѣ долгихъ размышленій онъ вспомнилъ, что видѣлъ въ одной знаменитой китайской трагедіи нѣчто такое, могущее принести ему пользу: тайно досталъ злую собаку и заперъ ее въ чуланѣ на другомъ концѣ дома. Потомъ купилъ матерію, похожія на тѣ, которыя обыкновенно носила Со-Сли, одѣлъ въ нихъ куклу въ натуральную величину и приучилъ собаку раздирать ее. Та скоро къ этому привыкла. Тѣло куклы было наполнено костями и говядиной. Ху-Фи постарался повторить этотъ опытъ нѣсколько разъ. Удоставившись, что собака привыкла къ своей роли, онъ пересталъ ее кормить, предоставивъ нѣсколько дней всѣмъ мученіямъ голода и жажды. Лишеніе пищи и удушающій жаръ конуры произвели свое обычное дѣйствіе. Слюна, вытекавшая изъ пасти, и глаза налитые кровью обличали поразившую пса страшную болѣзнь. Ху - Фи заботливо слѣдилъ за этими зловѣщими симптомами. Когда ему не осталось никакого сомнѣнія о свойствахъ и степени болѣзни, онъ объявилъ женѣ, что важное дѣло принуждаетъ его отлучиться на часъ или на два и сказалъ ей, что заперъ что - то въ чуланѣ на дворѣ, поручивъ смотрѣть, чтобы никто не заглянулъ туда во время его отсутствія и далъ понять, будто желаетъ, чтобы и она сама уважила его тайну.—Я буду не виноватъ, думалъ онъ, удаляясь съ радостнымъ сердцемъ; Фу мнѣ свидѣтель, что я запретилъ ей ходить туда.

Со-Сли осталась одна. Когда она окончила красить ногти, когда устала курить изъ своей длинной трубки и жевать бетель, она принялась думать о таинственномъ чуланѣ. Чтò такое могъ запереть туда ее мужъ? Какую -нибудь новую мебель, или рѣдкое растеніе? Со-Сли побилась бы объ закладъ, что Ху-Фи готовилъ ей сюрпризъ. Дождаться его возвращенія?... она умереть отъ скуки и нетерпѣнія.... варушить запрещеніе?... да вѣдь впрочемъ она не получала положительнаго запрещенія; Ху - Фи выразилъ простое желаніе, надежду, которую она вправѣ исполнить или нѣтъ.... Она ее не исполнитъ.... пойдетъ посмотрѣть собственными глазами, чтò такъ старательно скрываютъ, а если мужъ станетъ разспрашивать,

она ни въ чемъ не признается, а солжоты У-И-Фи было очень ко жгть, что онъ не могъ не знать женщины. Она хорошо рач считала: Со-Сли, рѣшившись тайно осмотрѣть чуланъ, отиравалась туда, шатаясь на своихъ маленькихъ ножкахъ. Проходя галлерей, она увидѣла любимую ворону Ху-Фи. Послѣ своего желтаго кушана, дававшего ему столько преимуществъ, онъ любилъ эту ворону больше всего на свѣтѣ, сдѣлалъ ее ручною и въ своемъ суетвѣриіи воображалъ, что счастье его связано съ жизнью этой птицы. Со-Сли до нѣкоторой степени раздѣляла это пристрастіе, также часто ходила къ этой воронѣ, разговаривала съ нею, ласкала. Мимоходомъ она взяла ворону и посадила себя на плечо.

Подойдя къ чулану, она примѣтила, что дверь была не заперта. Ключъ остался въ замкѣ; довольно было толкнуть, чтобы открыть. Побуждаема любопытствомъ и опасеніемъ быть застигнутой, Со-Сли вошла торопливо и очутилась прямо противъ собачки. Та, въ припадкѣ бѣшенства, бросилась на нее, съ раскрытой пастью, омоченной пѣной; Со-Сли откинулась назадъ и быстрые мысли схвативъ ворону, сидѣвшую у ней на рукѣ, сумела въ пасть собачки. Пока та раздирала ее зубами, Со-Сли имѣла время запереть дверь ключомъ. Все это продолжалось не долѣе одного мгновенія. Ни жива ни мертва, Со-Сли дотащила ее до своей комнаты. Она чувствовала, что избѣгнула опасности; но не подозрѣвала, какъ велика была эта опасность.

Ху-Фи воротился скорѣе, чѣмъ сказалъ. Найдя жену, спокойно сидящую на томъ же самомъ мѣстѣ, онъ не могъ удержаться отъ удивленія, постарался искусно его скрыть, и тотчасъ бросился къ чулану. Дверь была заперта, но нѣсколько перышекъ, разбросанныхъ тутъ и тамъ, показали ему принадлежавшіи его милой воронѣ. Онъ посмотрѣлъ сквозь щели и узналъ зловонные остатки своей любимой птицы, которую собака доканчивала.... Въ чрезвычайномъ волненіи вернулся онъ разсказать жену, но дочь мудраго Пу - Пу была непроницаема: она не знала, что случилось съ птицей, можетъ быть она улетѣла, или спряталась гдѣ-нибудь въ домѣ или въ саду, а Со-Сли все время сидѣла въ своей комнатѣ, старательно сторожа чуланъ, къ которому не подходилъ никто.

Ху-Фи надо было удовольствоваться этици отвѣтами и скрыть подозрѣвія. Но онъ былъ неутѣшенъ: это приключеніе предвѣщало ему большія несчастія. Ворона умерла, а Со-Сли еще жила! Это значило конечно, что отнынѣ онъ уже никогда не увидитъ жены. Но какъ онъ былъ характеру настойчиваго, то опять привал-

своей работѣ. Она оглянулась: отъ себя, которую убить или умо-
днить голодомъ и рѣшилась употребить другое средство: крѣпкое
жгучее, у которой жизнь была такая тугая, такая упряма. Од-
нажды вечеромъ Со-Сли, безмолвная и задумчивая, сидѣла на бѣ-
ноши, ее выжиливаемъ; опустить голову на работу, она размыш-
ляла о рассказанныхъ нами предшествіяхъ. Она не могла освобо-
диться отъ беспокойства: характеръ мужа пугалъ ее. Въ эту ми-
нуту Ху-Фи подошелъ къ ней и придавъ своимъ подвижнымъ чер-
тамъ выраженіе горести и испуга, вскричалъ:

— Клянусь перстомъ Конгъ-Фу-Дзы! ты страдаешь, дочь Пу-
Пу! Чѣмъ больна жена Ху-Фи? Лишь ее печально и уныло, она
находится подъ неблагоприятнымъ вліаніемъ Сатурна. Надо ей
болѣе заботиться о своемъ драгоценномъ здоровьи. Пусть она пе-
ренесется въ свою комнату и ляжетъ въ постель. Уже поздно; ве-
черняя сырость еще больше повредитъ ей. Мужъ советуетъ по-
гасить лампу, чтобы глаза жены не ослѣплялись слишкомъ жи-
выми красками. Мужъ удалится отъ присутствія жены съ сво-
имъ желтымъ кушакомъ. Ступай, о возлюбленная жена! Завтра,
если не почувствуешь себя лучше, мы призовемъ доктора, кото-
рый рѣшитъ по планетамъ, какія лекарства надо употребить.... Не
надѣемся, что мы не будемъ имѣть въ томъ нужду.

Со-Сли сначала удивила чрезырѣзная чувствительность мужа. Ко-
гда онъ простился съ нею, пожелавъ спокойной ночи, ей показа-
лась на лицѣ его дьявольская улыбка. Ядъ и запертая собака сно-
ва пришли ей на умъ. Она перетолковывала это всецело и если
страшная истина не явилась ей во всемъ своемъ свѣтѣ, по край-
ней мѣрѣ она отчасти отгадала ее. Не зная какая опасность угро-
жала ей, она вознамѣрилась быть осторожной. Съ насмѣшливымъ
характеромъ Со-Сли соединяла большое присутствие духа и рѣ-
шительность. Она поправила лампу и внимательно слушала у двери
своей комнаты. Но тамъ царствовало безмолвіе. Со-Сли рѣшилась
пойти и осмотрѣла все углы; все было спокойно, но она инстинк-
тивно чувствовала присутствіе скрытаго врага, передвинула столъ,
стулья, заглянула въ каминъ, нѣтъ ничего. Однако же была увѣ-
рена, что мужъ устроилъ для ней какую-то западню. Вдругъ ей
пришла безумная мысль: «Не натыкала ли онъ булавокъ въ мою
постель?» подумала она, откинувъ одеяло. Но вдругъ страшный
ужасъ охватилъ ее: она увидала голову и блестящіе глаза черной
эхидны и поспѣшно опустила одеяло. Она знала, что ужаленіе
этой змѣи смертельно, однако перепугалась менѣе европейской
дѣвы, если бъ та была на мѣстѣ Со-Сли.

Она привыкла къ виду этихъ змѣй, изъ которыхъ Китайцы умѣютъ готовить отличный супъ, лакомое блюдо знатоковъ. Со-Сли болѣе испугалась мысли объ опасности, отъ которой снова избавилась.

Между-тѣмъ время уходило; Ху-Фи могъ войти каждую минуту: надо было на что нибудь рѣшиться. Со-Сли призвала служанку, давнюю ей, рассказала ей все откровенно, приказавъ хранить глубокую тайну и послала выбрать одну крысу, въ бочкѣ, гдѣ Китайцы держатъ живыхъ крысъ для своей кухни. Обѣ, соединенными усилиями привязали камушекъ къ лапѣ крысы и бросили ее въ большой глиняный сосудъ, съ очень узкимъ горломъ. Увѣрившись осторожно гдѣ притаилась змѣя, они тихонько вернули сосудъ подъ одеяло, такимъ образомъ, чтобы горло пришлось, прямо передъ головой эхидны. Потомъ стали прислушиваться съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ. Скоро послышался легкій шелестъ, потомъ пронзительный крикъ крысы. Тогда, откинувъ одеяло, онѣ быстро заткнули сосудъ приготовленной для этого пробкой. Со-Сли отдала послѣднія приказанія служанкѣ и ожидала одна возвращенія мужа. Онъ пришелъ уже поздно ночью. Со-Сли встрѣтила его на порогѣ; онъ отступилъ съ изумленіемъ. — Милая Со-Сли, сказалъ онъ, придавъ выраженіе пѣжности голосу и лицу, зачѣмъ жена не легла въ постель, какъ мужъ ей совѣтывалъ? Развѣ она не хочетъ сохранить себя для супруга, который такъ любитъ ее?

— Да наградить Фу мужа за его добрыя намѣренія, отвѣчала Со-Сли; жена думала, что нездорово лежать, да къ тому же болалась демоновъ, драконовъ и колдуновъ. Зачѣмъ мужъ такъ долго въ отсутствіи?

— Мужъ былъ у доктора и совѣтывался съ нимъ о здоровьи жены. Онъ непремѣнно велѣлъ женѣ не вставать съ постели, чтобы избавиться отъ вреднаго вліянія планетъ, а мужу приказалъ собрать въ полночь травы, изъ которыхъ хочетъ составить лекарство. Мужъ опять уйдетъ. Ложись же, блистательная дочь Пу-Пу, послушайся приказанія доктора.

Со-Сли сдалась на такія убѣдительныя просьбы, но прежде настояла, чтобы мужъ отвѣдалъ чудеснаго супу, который она велѣла ему приготовить и который подкрѣпитъ его отъ вреднаго дѣйствія тумана. Она ляжетъ, говорила жена, какъ только мужъ подкрѣпитъ себя хорошимъ ужиномъ. Ху Фи вѣчего было возражать на подобное предложеніе. Побуждаемый обѣщаніемъ жены и сильными аппетитомъ, онъ сѣлъ за столъ, въ ожиданіи обѣщаннаго супа. Со-Сли сѣла противъ него, лампа стояла между ними. Скоро

супъ принесли въ мискѣ, плотно закрытой. Ху-Фи съ китайской жадностью протягивалъ уже руку къ крышкѣ, какъ вдругъ Со-Сли, вѣроятно нечаянно задѣла за лампу и уронила ее на столъ, она погасла. Со-Сли вскочила, чтобы зажечь ее; но въ поспѣшномъ своемъ движеніи опрокинула столъ и миска упала на колѣна Ху-Фи; онъ хотѣлъ подхватить ее; но тотчасъ почувствовалъ, что его что-то укусило въ палецъ и вскрикнулъ отъ удивленія и боли.

Жена знала, что онъ былъ охотникъ до супа изъ змѣи. Только забыла велѣть ее сварить и подала живьемъ.

Змѣя обвинилась около руки Ху-Фи; негодяй бѣгалъ по комнатѣ какъ сумасшедшій, усилываясь освободиться отъ врага съ криками и угрозами. Напрасно искалъ онъ глазами жену: она воспользовалась темнотою и скрылась.

Несмотря на старанія докторовъ и на многочисленныя лекарства, Ху-Фи чуть было не умеръ отъ раны. По счастью нашелся какой то цирюльникъ, знавшій вѣрное средство отъ укушенія змѣй, и спасъ больного.

Что случилось съ Со-Сли? Она убѣжала къ отцу. Страхъ придавъ ей силы бѣжать и вывести страданія этого необычайнаго упражненія.

Мудрый Пу-Пу не спалъ: онъ размышлялъ о причинахъ счастья и несчастія роду человѣческаго. Частые удары въ дверь и жалобный голосъ дочери вывели его изъ задумчивости. Пусть вообразятъ изумленіе старика. Возможно ли, чтобы такіе черные поступки совершилъ зять, любившій философію, ея восторженный почитатель, почти ея ученикъ. Онъ обратится къ самому богдыхану, будетъ просить правосудія, и Ху-Фи повѣсятъ съ его желтымъ кушакомъ.

Пу-Пу, Со-Сли, служанки и родственники первыхъ жертвъ Ху-Фи явились передъ судилищемъ. По доказаннымъ свидѣтельствамъ, Ху-Фи былъ обвиненъ въ смерти шести женъ и въ покушеніи на жизнь седьмой. Не забыли упомянуть въ приговорѣ о суммахъ, полученныхъ Ху-Фи по случаю брака и вдовства, и заключеніе этого приговора было слѣдующее: Сказанный Ху-Фи, употребившій для шести убійствъ своихъ черную змѣю, бѣшеную собаку и ядъ, имѣетъ быть затравленъ змѣями, валить ядомъ и отдать собакамъ на съѣдѣніе. Для влщаго же примѣр-десять человѣкъ ближайшихъ его родныхъ предать смертной казни. Пу-Пу же дать сто ударовъ бамбукомъ по пятамъ, послѣ чего носить ему цѣлый мѣсяцъ тяжелую колодку на шеѣ, дабы всѣ видѣли его глупость и впередъ бы онъ не смѣлъ придумывать сумазбродныхъ теорій.

ИЗЪЯВЛЯЮЩИМИ ДОБРОТЮ: Съ наступленіемъ новаго года проследить намъ всегда возмѣнить или обновить то или другое условіе жизни, окончившееся съ истиннымъ годомъ; новый годъ собственно не что иное, какъ новое платье, которое надѣвается на насъ время, и которое только тогда будетъ сидѣть на насъ ловко и спокойно, когда мы обтянемъ каждую складочку и набьемъ карманы вѣбъ, что служитъ къ удобству и улаженію нашего жизненнаго пути. Особенно должны мы во наступленіи новаго года обезпечить потребности своей духовной жизни. Благороднѣшая изъ стѣнокъ потребностей— музыка, и каждый день слышимъ мы вопросы: «что мнѣ играть? откуда мнѣ брать ноты?» — Но этому доброе дѣло сдѣлаетъ добросовѣстный фельетонистъ, который предложитъ своимъ читателямъ свое руководство.

«Что намъ играть?» — вопросъ весьма неопредѣленный. Играйте, что вамъ по силамъ и по сердцу. Если вы еще только начинающіе, держитесь этуль Крамера и Бертини; если вы уже достигли довольно значительной степени развитія и желаете познать искусство во всемъ его величіи и во всей красотѣ, играйте Гайдна, Мацарта, Бетговена и Мендельсона. Если же вы уже коротко знакомы съ твореніями этихъ классическихъ композиторовъ, и изученіемъ ихъ образовали свой вкусъ и дали тверрое направление своему сужденію, то вы имѣете уже полное право осмотрѣться на поприщѣ новѣйшей музыки. На этомъ обширномъ полѣ встрѣтите вы много прелестныхъ цвѣтковъ, подчасъ даже хорошевыкій кустикъ; но напрасно стали бы вы искать здѣсь живительной тѣни высокыхъ деревъ; желаете вы ея, такъ воротитесь къ своимъ классикамъ.

Мы представимъ здѣсь небольшой списокъ послѣдне-явившихся цвѣтковъ новѣйшей фортепианной музыки.

Prudent. «Air et marche arabes variés», op. 32; и «Farandole», op. 33.

Характеристическая черта, отличающая новѣйшую музыку отъ музыки серіозной, классической, есть стремленіе за оригинальнымъ. Мѣсто яснаго изложенія и развитія истинно прекрасной мысли заступили въ ней изысканныя сочетанія гармоніи и неожиданныя, рѣзко поражающіе диссонансы. Правда, что этимъ иногда возбуждается наше любопытство, но по большей части цѣною чувства изящнаго и всегда ко вреду истиннаго искусства. Композиторъ, избирающій этотъ путь—увѣчить свой талантъ, такъ что скоро онъ дѣлается совершенно неспособнымъ къ великимъ идеямъ и къ обилію творчества, необходимому для твореній больш-

ннхъ размѣрѣхъ, и можетъ создавать только произведенія блестящя, искусственныя, нарумяненные, какъ старая кокетка. Не менѣе вредно вліяніе этого направленія на публику; потому что истинное произведеніе искусства, всегда требуетъ нѣкотораго умственнаго напряженія, требуетъ, чтобы умъ возносился на высоту произведенія; новое же направленіе, напротивъ, стелется всегда около земли, не дозволяетъ уму возноситься надъ этими низменными предѣлами и мало-по-малу дѣлаетъ тѣхъ, которые предались ему, совершенно неспособными постигать истинно художественное произведеніе. Гораздо легче понимать острое слово, нежели слѣдить за логическимъ развитіемъ мысли. Новѣйшая фортепیانная музыка очень остроушна, замысловата, но не имѣетъ духовнаго содержанія, не смотря на патетическую личину, которую она такъ часто надѣваетъ на себя, и на возгласы: «умно, гениально!» которые она сыплетъ вокругъ себя. Поэтому должно съ чрезвычайною осмотрительностью предаваться ей и смѣтрѣть на нее какъ на яство, сильно приправленное пряностями, которое должно употреблять очень умеренно, если не хотимъ набить себя оскомину и испортить желудокъ.

Сочиненія Приюдана имѣютъ вполнѣ всѣ недостатки и достоинства новой школы; не имѣютъ никакой внутренней, духовной связи, но содержатъ по большей части со вкусомъ избранныя мелодіи — (искать тутъ самостоятельнаго изобрѣтенія было бы напраснымъ трудомъ) — и представляютъ эти мелодіи, приправленные затѣйливымъ транскрипціоннымъ соусомъ. Opus 32 содержитъ, какъ гласитъ заглавный листокъ, двѣ арабскія мелодіи, которыя, какъ и вся восточная музыка, никакъ не ладятъ съ нашею системою гармоніи и ритма. Это, однако же, довольно не смущаетъ господина Приюдана; онъ приставилъ къ нимъ гармоническій аккомпаниментъ, предоставивъ имъ мириться какъ знаютъ; по большей части онъ просто барабанитъ къ нимъ гонимыя желѣзя тѣмъ, вѣроятно, поддѣлывая подъ народный колоритъ. Сначала эта ритмическая неправильность производитъ пріятное впечатлѣніе; она подстрекаетъ любопытство и вниманіе слушателя; но послѣ тщетныхъ стараній разобрать фразы, онъ наконецъ сбивается съ толку, потесывается за ухомъ и признается, что это точно арабская, иначе тарабарская музыка.

Opus 33 уже не арабскій, а испанскій. Тутъ находимъ мы по драманіе одной народной пляскы, pendant къ многократной «Сегеднаѣ» того же композитора. Пьеса, какъ и средьиндушая, играетъ плавно, блестяща, безъ особенныхъ трудностей: слѣдовател-

но, представляеть всё самыя существенныя условія для успѣха въ гостивыхъ.

Карлъ Майеръ издалъ двѣ новыя пьесы: «Pensée variée» op. 114, и «Ballade», op. 115. Майеръ, какъ ни старался въ послѣднее время, не могъ совершенно отклониться отъ высокаго направленія, которому слѣдовалъ прежде. Хотя въ заголовкѣ многочисленныхъ повѣйшихъ его сочиненій можно бы крупными буквами написать «Тя», однако же въ сущности въ нихъ гораздо болѣе истиннаго музыкальнаго достоинства, чѣмъ во всей почти массѣ новыхъ фортепианныхъ пьесъ. Въ прекрасныхъ, пѣвучихъ мелодіяхъ ихъ всегда виденъ ученикъ Фильда, а въ разнообразномъ, обдуманномъ выборѣ пассажей — великій нѣаистъ, образовавшійся еще въ той школѣ, которая ставила выправку пальцевъ выше силы кисти, и полагала прочное художественное образованіе въ основаніе всякой виртуозности. Оба новыя сочиненія его, особенно баллада, будутъ весьма пріятнымъ явленіемъ для всѣхъ любителей пѣвучей, мелодической музыки. Онѣ написаны въ Тальберговскомъ родѣ, къ которому Майеръ преимущественно склоняется; не смотря на то, однако же, онѣ вполне сохраняють въ нихъ свою самостоятельность.

Ложать также передъ нами два произведенія Куллака, безцвѣтнаго подражателя Листа: «Идиллія» названная «Красною шапочкою» и «Баллада»; въ той и другой столько же изысканности и причудливости, какъ и въ прежнихъ сочиненіяхъ этого композитора, почему они обратять на себя вниманіе развѣ однихъ занисныхъ его почитателей.

Любопытное, но не отрадное явленіе — «Фантазія» Леопольда Майера, неизвѣстно на какомъ основаніи названная «Ніагарою». Она доказываетъ, что даже истинный талантъ не даетъ никакого плода, когда онъ не подкрѣпляется прочнымъ художественнымъ образованіемъ. Идеи этой пьесы хороши и даже возвышенны; но онѣ покоятся на такихъ ученическихъ гармоніяхъ и ритмахъ, ведены такъ ребячески, — вся пьеса, напимѣръ, хотя довольно длинная, не выходитъ изъ двухъ тоновъ h-dur и h-moll, — что, не смотря на всѣ усилія и на весь трескъ, не производитъ другаго эффекта кромѣ мимолетнаго эффекта блестящей виртуозности.

Явилось также множество любопытныхъ новостей изъ подъ пера Листа. Изъ числа любопытныхъ мы исключаемъ его «Göthesch», который, даже по исправленіи непростительной опечатки, встрѣчающейся на пятой страницѣ, въ предпоследней тактѣ

третьей строки, гдѣ въ басѣ вмѣсто *b* стоитъ *c*, нельзя назвать иначе, какъ причудливою безтолковщиною, судорожнымъ усиленіемъ истощенной фантазіи. Но истинѣ въ немъ нѣтъ и слѣда свѣтлаго, спокойнаго ума того, чье имя выставлено на заглавномъ листѣ. Зато все остальныя, лежащія передъ нами тетради истинно отрадны. Это все переложенія: Бетгоуеновыхъ «пѣсенъ», Вебера «Пѣсни Пресюзы»: *Einsam bin ich nicht alleine*; «*God save the queen*»; «*O du, mein holder Abendstern*» изъ «Тангейзеровъ» Рихарда Вагнера; Шуманина «Пѣсни любви» и двухъ мелодій изъ оперы герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго «Тони». Листа нельзя не признать, какъ пианиста, гениемъ перваго разряда; но онъ не имѣеть дара самостоятельнаго музыкальнаго творчества; онъ замѣняетъ его, однако жъ, сколько возможенъ такой замѣнъ, рѣдкимъ художественнымъ образованіемъ и еще болѣе рѣдкою тонкостью вкуса; благодаря имъ, онъ съ самостоятельнымъ и непогрѣшимымъ чутьемъ — что также талантъ въ своемъ родѣ, — постигаетъ все истинно прекрасное, и представляетъ его въ формѣ такъ удачно придуманной, какъ-будто она съ нимъ вмѣстѣ родилась. Это именно дарованіе и сдѣлало Листа первымъ и единственнымъ мастеромъ на переложенія. Прежде всего исторгъ онъ такимъ образомъ пѣсни Франца Шуберта изъ забвенія, которое уже почти овладѣло ими, и возвратилъ ихъ на заслуженное ими мѣсто въ искусствѣ; затѣмъ послѣдовали переложенія оперныхъ мелодій и пѣсень Бетгоуена, Мендельсона, Шуманина и другихъ. Большая часть этихъ переложеній были облечены въ такъ ярко вызолоченныя блестки виртуозности, что были вполне доступны только небольшому кругу пианистовъ. Но въ послѣднее время совершилась наконецъ въ Листѣ благопріятная переимѣна: онъ сдѣлался проще, и слѣдовательно общедоступнѣе. Вслѣдствіе, вѣроятно, его капельмейстерской дѣятельности при веймарскомъ дворѣ, чисто художественный элементъ взялъ въ немъ верхъ надъ виртуозностью; хотя виртуозность еще сохранилась въ немъ въ достаточной степени, однако же не доходитъ уже до такихъ чрезмѣрныхъ, почти неисполнимыхъ трудностей, какъ въ прежнихъ его произведеніяхъ, и почти постоянно является покорною рабою истинной красоты. Тѣ, которые любили въ Листѣ эксцентрика, обманутся теперь въ своихъ ожиданіяхъ; но зато истинное искусство приобрѣло новаго поборника, заслуживающаго тѣмъ болшую благодарность, что онъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ посвятилъ свои силы возвелченію и прославленію чужихъ творе-

ній посредствомъ прокресныкъ, вполнѣ соответствующихъ сущности ихъ, и изъ нея почерпнутыхъ переложеній.

Розеллошъ написалъ такъ называемую «кантату» на мотивъ изъ Майерберовой оперы «Пророкъ», которая не выходитъ изъ тона b-dur, и которую мы поэтому рекомендуемъ тѣмъ пѣвцамъ, которые питаютъ особенную любовь къ этому тону.

Ложить также передъ нами переложеніе этой оперы на фортепьяно, безъ словъ.

Оно приводитъ насъ ко второму вопросу: «гдѣ намъ брать ноты?»

На упомянутой фортепьянной аранжировкѣ оперы «Пророкъ», изданной въ Парижѣ, была первоначально выставлена цѣна десять франковъ. Но чья-то искусная рука обратила десять въ двадцать; торговое переложеніе, вслѣдствіе котораго мы должны платить ровно вдвое противъ настоящей цѣны! Въ нотахъ, издаваемыхъ въ Германіи, соблюдается то же возвышеніе цѣны; прусскій талеръ, котораго цѣнность, какъ извѣстно, равняется дважести копѣйкамъ серебромъ, считается намъ въ рубль семьдесятъ двѣ копѣйки. Если принять еще въ соображеніе, что наши музыкальные торговцы пользуются отъ всѣхъ издателей уступкою въ крайней-мѣрѣ пятидесяти процентовъ, слѣдовательно, платятъ не болѣе сорока пяти копѣекъ за талеръ, который потомъ считаютъ намъ въ рубль семьдесятъ двѣ копѣйки, то нельзя не удивляться и не спросить, на какомъ основаніи мы платимъ такую безбожную надбавку? Никакого справедливаго основанія тутъ быть не можетъ; потому что во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого промысла, въ которомъ можно бы справедливо и честно брать почти четверта часть процентовъ барыша. Притомъ книжная торговля наша, которая при меньшей уступкѣ со стороны издателей требуетъ гораздо значительнѣйшихъ расходовъ, чѣмъ нотная торговля, доказываетъ, что нѣтъ никакой надобности налагать на публику такую неслыханную подать. Правда, въ некоторые новые нотные магазины, открывшіеся въ послѣднее время, какъ напримѣръ Musée musical, въ Пассажѣ, принадлежащій господину Густаву Леви, брату нашего пианиста*, начали дѣлать покупателямъ уступку въ тридцать процентовъ; но они все-таки дѣлаютъ эту

* При этомъ магазинѣ учреждена также библіотека для чтенія нотъ, которая представляетъ своимъ абонентамъ весьма выгодныя условія. Напримѣръ каждый абонентъ получаетъ, по окончаніи года, въ собственность количество нотъ по собственному выбору, равняющееся восьмидесяти годовою платѣ за абонементъ. Эта библіотека учреждена и для иногородныхъ

уступку съ приведенной выше произвольна и безъ всякаго справедливаго основанія повышенной цѣны.

Несравненно умѣреннѣе цѣны музыкальнымъ собраніямъ, которыя являются подъ разными названіями ежемѣсячными выпусками. Они даютъ въ годъ отъ осьми сотъ до тысячи страницъ ноть за десять или за пятнадцать рублей серебромъ. Лучшее изъ этихъ повременныхъ изданій есть, безъ сомнѣнія, «Нувоелствъ», издаваемый господиномъ Бернардомъ. Тѣмъ, которые болѣе смотрятъ на количество листовъ, чѣмъ на изящество изданія и на своевременный выходъ тетрадей, можно рекомендовать другое собраніе, выходящее подъ названіемъ «Le Monde musical.» На дняхъ вышла октябрьская книжка прошлаго года.

Пора намъ, однако же, перейти отъ музыки на бумагѣ къ музыкѣ дѣйствительной, проявившейся на жизнь. Тутъ мы захватимъ истати и послѣднія явленія истекшаго года.

Осмынадцатаго декабря было послѣднее музыкальное утро господина Вьѣтана. Въ первыхъ своихъ концертахъ нынѣшняго сезона, господинъ Вьѣтанъ удѣлилъ такое огромное мѣсто новѣйшей виртуозной и модной музыкѣ, что возбудилъ неудовольствіе любителей серіозной музыки, которые уже много лѣтъ привыкли смотрѣть на него какъ на ревностнаго поборника болѣе возвышеннаго направленія въ искусствѣ. Въ послѣднемъ же онъ возвратился на прежній путь, и далъ намъ опять, при содѣйствіи господъ Альбрехтовъ и Кнехта, одно изъ тѣхъ истинныхъ квартетныхъ утръ, учрежденіемъ и постояннымъ поддержаніемъ которыхъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, онъ стяжалъ неуваждаемую славу въ петербургской лѣтописи искусства. Если мы сначала должны были роптать на артиста, который, Богъ знаетъ по какимъ ничтожнымъ причинамъ, поколебалъ свою славу дѣломъ недостойнымъ ни его имени, ни занимаемаго имъ мѣста въ искусствѣ, то послѣднее утро совершенно примирило насъ съ нимъ; потому что мы видѣли, что онъ возвращался изъ заблужденія на путь истины, а кающемуся въ своемъ заблужденіи такъ отрадно прощать его временное отпаденіе. Впрочемъ, оно не осталось вовсе безъ наказанія; старые почитатели Вьѣтана не хотѣли послѣдовать за нимъ въ его заблужденіи, да и самъ онъ, чувствуя свою вину, старался ихъ удалить; новые же друзья покинули его, какъ скоро мѣсто модныхъ фантазій вступила настоящая квартетная музыка. Такимъ-образомъ на послѣднее его музыкальное утро сошлось такое небольшое число слушателей, что комна-

та, въ которой для происхождения, — заложивши: себъ было бы грѣшно, — едва была напелена до невозможности. Впрочемъ, въ которые собрались въ ней, слыли нескончаемое счастье слышать дивныя произведенія трехъ восточныхъ городовъ инструментальной музыки.

Гдѣ идетъ рѣчь о серьезной музыкѣ, тамъ можно быть уверенымъ, что услышишь имена Гайды, Моцарта и Бетговема, эти три имени, столь знакомы языку, столь услаждающа для слуха. Кому изъ этихъ трехъ великихъ мастеровъ създается отдать предпочтение, о томъ было много жаркихъ споровъ. Старину Гайду имѣли болѣе почитателей, чѣмъ Моцарта, а въ последнее время наибольшее сочувствіе сталъ внушать Бетговема. Инструментальныя сочиненія Моцарта всегда были менѣе понятными и глубокими; а между тѣмъ, если не въ симфоніи, то по крайней мѣрѣ въ квартетахъ его не прозошелъ ни Гайда, ни Бетговема.

У Гайды есть какое-то юмористическое одушевленіе, которое дѣлаетъ его доступнымъ даже самымъ слабымъ ушамъ; онъ всегда веселъ и любитъ шутить съ слушателями, за что они конечно не могутъ не благодарить его. У Моцарта эта вкрадчивая веселость замѣняется величіемъ и глубиной; въ немъ оживаетъ Бахъ, но уже не старымъ, строгимъ контрапунктистомъ, а обогащенный опытомъ мелодиста, великимъ мелодикомъ, который вѣдетъ съ тѣмъ приносить изъ глубины могилы или съ высшей небесныхъ сферы, невѣдомая дотола гармонія, къ которымъ наша Божья планета можетъ приближнуть только съ трудомъ и много помшлы. Отсюда эта рѣзкая противоположность въ судьбахъ обоихъ мастеровъ. Одинъ былъ кумиромъ своихъ современниковъ, и донынѣ считаетъ между своими приверженцами всѣхъ образованныхъ и понимающихъ дѣло артистовъ. А между тѣмъ какъ Богъ такъ богато награждалъ гѣнца Міроданія, Моцарту выпала совсѣмъ иная участь. Свои первые шесть квартетовъ, которые онъ самъ въ посвященіи Гайдлу называетъ своими любимыми чадми, венчалъ онъ затѣмъ, чтобы воздать достойную дань своему образу и участи, поднесши ему лучшій плодъ своихъ силъ и таланта. Онъ

* Моцартъ всегда изъявлялъ особенное уваженіе къ Гайдлу. Однажды, когда благодарный поклонникъ Коцелухъ, которому гѣнцъ Гайда подарилъ гдѣль, пересчитывая ему нѣсколько величайшихъ квинтъ въ единствѣ сочиненія Гайды, онъ не жалея отъвѣчалъ: «Шварцъ и т.д., благодаритъ Коцелухъ, слыша нашь съ вами обоимъ положеніи въ тональнѣй горнѣ, и спланили влѣсть, насъ еще далеко не достало бы, чтобы

двинулся въ 1785 году, къ Вѣнѣ, у Артаріа, который санктляръ за рукопись сто первопреевъ. Но, если издатель думалъ сдѣлать имъ выгодный, торговый оборотъ, онъ очень ошибся въ расчетѣ, потому что квартеты рѣшительно не шли съ рукъ; отовсюду отсылали ихъ назадъ; изъ Италіа были даже возвращены съ выглаженными экземпляры съ замѣчаніемъ, что невозможно предлагать публикѣ изданіе, въ которомъ опечатокъ чуть ли не болѣе, чѣмъ правильныхъ нотъ. А изданіе было совершенно правильно. Мало того! одинъ венгерскій вельможа, князь Грасалковичъ, отчаянный меломанъ и знатокъ въ музыкѣ, приказалъ членамъ своей капеллы исполнить новыя квартеты; но едва онъ прослушалъ десятка два тактъ, какъ музыкальный слухъ его такъ оскорбился, что онъ въ гнѣвѣ разорвалъ ноты, жалѣя, что не могъ выместить свою досаду на самомъ Моцартѣ и на издателѣ, которые такъ гнусно обманули его. И это еще не все! Сартти, если не первый, то по крайней мѣрѣ считавшійся первымъ капельмейстеромъ своего времени, напечаталъ критическія замѣчанія на квартетъ с-dur, — тотъ самый, который былъ сдѣгранъ господиномъ Вѣтадемъ, — и заключилъ ихъ слѣдующимъ восклицаніемъ: «Si può far di più per far suonare gli professori? возможно ли сдѣлать болѣе, чтобы сбить съ толку исполнителей?» Мѣсто, къ которому преимущественно относится это восклицаніе, и которое еще въ послѣдствіи породило множество споровъ, есть дисгармоническое столкновеніе, разнотонъ

иногда есть одного Гайдна». Само со собою разумется, что этотъ отзывъ до таинствъ ему только лишній: врага Гайднъ, съ своей стороны, отдавалъ полную справедливость заслугамъ Моцарта, и всегда открыто и съ жаромъ высказывалъ свое блгоговініе къ его гению. Въ 1787 году, получивъ въ предложеніе въ Прагѣ написать оперу, онъ отвѣчалъ, что поевѣтъ составится съ великимъ Моцартемъ, и присоединилъ: «О, если бы я могъ нбигъ въ голову знатокамъ и особенно вельможамъ не сравнительныя творенія Моцарта, какъ я ихъ понимаю и чувствую, скоро бы народы сталъ бы перебивать другъ у друга такое неоцѣненное сокровище!» — Услышавъ въ первый разъ посвященные ему Моцартемъ квартеты, онъ подошелъ къ отцу и сказалъ ему торжественно: «Объявляю передъ Богомъ и какъ честный человекъ, что сынъ вашъ величайшій композиторъ, какой когда либо являлся на свѣтъ!» — Какъ великій станинъ сл Гайднъ, предшественникъ и послѣдователь Моцарта, когда видяшъ, какъ онъ старается заставить современниковъ отдать справедливость тому единственному исполниту, котораго потомство поставило выше его самого.

ныхъ нотъ въ началѣ интродукціоннаго адажіо. Но тутъ все зависитъ отъ исполнителей. Если взять а первой скрипки твердо, какъ рѣзкое противорѣчіе предшествовавшему а: алта, эфектъ выйдетъ конечно непріятный. Но если бѣ Сарти и его послѣдователи услышали, какъ господинъ Вьѣтанъ взялъ эту ноту, такъ тихо и вѣжно, что она звучала не рѣзкимъ укоромъ, а рѣзкіе только краткою поправкою; то они, вѣроятно, поняли бы, что Моцартъ зналъ что дѣлалъ, когда написалъ и даже повторилъ это дисгармоническое столкновение, и обратили бы свою мудрость на что другое.

Гайднъ, конечно, соответствовалъ самому чистому, самому образованному вкусу своего времени; но все, за что съ такимъ ожесточеніемъ упрекали Моцарта, было не иное что, какъ новизна, неслыханная дотошъ красоты, между-тѣмъ какъ все, что доставляло Гайдну такую всеобщую любовь, было скорѣе его слабою стороною, нежели истиннымъ достоинствомъ. Довыиъ еще многіе отчаянные приверженцы Гайднскихъ квартетовъ ставятъ ихъ выше Моцартовскихъ. Основанія этого предпочтенія все тѣ же, какъ и прежде: большая выпуклость пассажей, то есть склонность къ концертной музыкѣ, болѣе пѣвучія мелодіи, болѣе доступный, то есть менѣе обработанный стиль, и наконецъ болѣе общедоступныя, то-есть, менѣе возвышенныя и глубокія идеи. Приведенныхъ преимуществъ, которыя въ квартетной музыкѣ, какъ мы видѣли, скорѣе можно назвать недостатками нежели достоинствами, не находимъ мы въ Моцартѣ. Пассажи его не выступаютъ такъ рѣзко, потому-что они нераздѣльно слиты съ темами, и вмѣстѣ съ ними участвуютъ въ сочетаніяхъ, которыя производятъ фугированный стиль. Далѣе, никогда не встрѣчаемъ мы въ квартетахъ Моцарта мелодической фразы, которая напоминала бы оперу или была пригодна пѣвцу. Но эти мелодіи, которыхъ не споетъ никакой голосъ, которыхъ смыслу не передастъ въ словахъ ни одинъ языкъ въ мірѣ, какъ онѣ благородны, какъ очаровательны, какъ изящны! какая въ нихъ психологическая глубина, и какъ очевидно носятъ онѣ на себѣ печать непреходимости! Наконецъ общедоступный стиль Гайдна частенько переходитъ въ избитость, въ общія мѣста, въ чемъ никогда нельзя будетъ упрекнуть творенія Моцарта.

Но что скажемъ мы о Бетговенѣ, объ этомъ титанѣ, который, говоря стереотипнымъ языкомъ, въ орлиномъ полетѣ своемъ невольно все увлекаетъ за собою? Не выше ли онъ и Гайдна и Моцарта?

Не забудемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о квартетной музыкѣ! Если

у Моцарта стиль благороднѣе и возвышеннѣе, нежели у Гайдна, то въ идеяхъ Бетговена болѣе смѣлости и восторженности. Изобрѣтеніе, конечно, первое и важнѣйшее условіе композитора; но тѣмъ не менѣе важенъ и вкусъ, который выбираеть и распределяеть эти идеи по мѣстамъ. Только тѣсное сліянiе этихъ двухъ качествъ образуетъ истинно великаго композитора. Вкусъ Бетговена, особенно въ послѣднихъ его сочиненіяхъ, когда онъ страдалъ тѣлеснымъ и душевнымъ недугомъ, часто совращался съ пути истины. Настоящее поприще его—симфонія. Въ главѣ всѣхъ силъ оркестра, *генералиссимусъ* Бетговенъ, какъ онъ часто въ шутку величалъ себя, всегда шелъ къ несомнѣнной побѣдѣ и не могъ быть побѣжденъ. Въ квартетѣ же, гдѣ композиторъ долженъ отказаться отъ массы войска и имѣеть въ своемъ распоряженіи только четыре слабые инструмента, мы часто встрѣчаемъ у Бетговена нѣкоторую несообразность между цѣлью и средствами; чувствуемъ, что намъ тутъ представляютъ собственно не квартетныя идеи; что та вѣжвая, заунывная мелодія болѣе шла бы флейтѣ или кларнету, нежели скрипкѣ; тотъ сильный, энергичскій мотивъ требовалъ бы для полнаго выраженія своего характера всѣхъ силъ оркестра. Не приводя слишкомъ много примѣровъ, сошлемся только на первую часть четвертаго квартета, *c-moll*, и на финалъ большаго квартета *c-dur* (N 3 изъ квартетовъ, посвященныхъ графу Разумовскому). Какъ недостаточны являются въ первомъ четыре инструмента квартета, когда выступаетъ энергичскій второй мотивъ, и особенно когда первая скрипка одна беретъ свой первый аккордъ, который, не смотря на фортиссимо, производитъ слабый эффектъ. Невольно желаешь тутъ цѣлаго оркестра, съ его мѣдными и духовыми инструментами. И все расположеніе этой первой части гораздо болѣе приравливается къ оркестру, чѣмъ квартету. То же должно сказать о финалѣ *c-dur*. Тутъ сначала до конца, кажется, будто играютъ не четыре, а по крайней мѣрѣ восемь человекъ, и что пятьдесятъ человекъ было бы не слишкомъ много. Это превосходная оркестровая пьеса, которой недостаетъ только оркестра.

Другая истина, которой не нужно доказывать, потому что это дознанный фактъ, — та, что Бетговенъ, какъ контрапунктистъ, далеко уступаетъ своимъ двумъ великимъ предшественникамъ. Фугированныя части его сочиненій вообще самыя слабыя; въ нихъ часто недостаетъ благозвучія и ясности. По настоящее время случается слышать сужденія, въ которыхъ контрапунктъ мѣшается съ гармоніею. Эта ошибка порождаетъ множество не-

доразумѣній. Были искусные контрапунктисты уже въ пятнадцатомъ вѣкѣ, когда то, что мы нынѣ называемъ гармонію, вовсе не существовало, и когда никто не имѣлъ еще яснаго понятія объ аккордѣ. Бетговеиъ, столь великій въ гармоніи и въ мелодіи, занимаетъ очень невысокое мѣсто въ искусствѣ Юскина, Баха и Генделя, между тѣмъ какъ Моцартъ величайшій контрапунктистъ въ мірѣ и превосходитъ ихъ всѣхъ. Но контрапунктъ, элементъ крѣпости и прочности, является въ произведеніяхъ нашего искусства представителемъ разума; это логика музыки. И нельзя не замѣтить съ перваго взгляду, что сочиненія Бетговена не представляютъ въ такой степени, какъ сочиненія Моцарта, того характера эстетической необходимости, вслѣдствіе которой, кажется, что трудъ контрапунктиста совершился самъ собою, и не могъ совершиться иначе, какъ въ этомъ самомъ видѣ. А ни въ какомъ родѣ музыки не можетъ быть контрапунктъ такъ необходимъ, какъ въ квартетѣ, гдѣ четыре инструмента имѣютъ каждый свою индивидуальность, и ведутъ между собою бесѣду, слѣдовательно не могутъ обойтись безъ логики. Въ симфоніи, напротивъ, слово одного поглощается говоромъ всей массы; слѣдовательно восторженность идей и возвышенность стиля гораздо важнѣе обработки подробностей. Каждый гений имѣетъ свой кругъ дѣятельности, въ которомъ особенности его проявляются и развиваются самымъ благопріятнымъ образомъ. Бетговеиъ былъ рожденъ для симфоніи, и на этомъ поприщѣ никто не превзойдетъ его, хотя и въ ней Моцартъ можетъ смѣло стать рядомъ съ своимъ соперникомъ, какъ скоро удастся ему оторваться отъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ формъ, которыя встрѣчаются во всѣхъ его оркестровыхъ произведеніяхъ, и которыя слишкомъ напоминаютъ давно уже отжившее для насъ время; вспомните, напримеръ, дивный фугированный финаль его симфоніи с dur. Въ квартетѣ же первое мѣсто неоспоримо принадлежитъ Моцарту; онъ лучше всѣхъ композиторовъ предшествовавшаго и послѣдующаго времени понималъ и побуждалъ необычайныя трудности этого рода музыки, и удачнѣе всѣхъ умѣлъ избѣгать подводныхъ камней, которыми онъ повсюду усеялъ.

Скажемъ наконецъ нѣсколько словъ объ исполненіи квартетовъ на послѣднемъ музыкальномъ утрѣ господина Вьѣтана. За включеніемъ господина Кнехта, всѣ исполнители были тѣ же самые, которые успѣли такъ хорошо сыгратъся, участвуя въ этихъ музыкальныхъ утрахъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Что касается до господина Кнехта, хотя онъ не имѣетъ ни той непоколебимой

бѣйкостью, и увѣренности, происходящей изъ глубочайш. постиженія искусства, которое обладалъ Гроссъ, и, конечно, благороднаго таланту Шуберта; однако же онъ умѣлъ и опытный музыкантъ, и умѣлъ такъ искусно привариваться къ прочимъ соучастникамъ, что исполненіе вышло вполне удовлетворительно.

Вечеромъ того же дня давала концертъ дѣвица. Проще. Эта молодая пианистка обладаетъ замѣчательною силою въ кисти, и вообще очень счастливыми механическими способностями, но она далеко не дошла еще до той степени, гдѣ кончается простой шумъ, и начинается музыка; слѣдовательно она еще не созрѣла для публичныхъ концертовъ. Другой пианистъ, господинъ Лягранъ, изъ Пензы, дававшій концертъ во второй праздникъ Рождества, не имѣетъ права на присвоиваемое имъ званіе артиста, по крайней мѣрѣ у насъ, такъ часто имѣющихъ случаи слышать истинно замѣчательные и великіе таланты.

Осьмого января госпожа Конингъ дала очень пріятный и изящно составленный концертъ. Голосъ госпожи Конингъ высокій сопрано, довольно значительнаго объема, болѣе пріятный нежели сильный, и въ колоратурахъ болѣе граціозный нежели блестящій. Онъ превосходно обработанъ, и очевидно не въ школѣ старика Юганна Матезона, который въ сочиненіи своемъ «Der vollkommene Kapellmeister», не умѣлъ дать ученикамъ своего лучшаго средства для развитія силы голоса, какъ слѣдующее: «Должно», говоритъ онъ, идти въ открытое поле, выбрать уединенное мѣсто, вырыть въ землѣ небольшую, но глубокую яму, приложить къ ней ротъ и кричать такъ громко и такъ тавуть «голосъ, какъ только можно безъ чрезмѣрнаго напряженія». Такъ учили пѣнію въ Германіи въ 1739 году! а между тѣмъ въ то же время были въ Италіи преподаватели, подобные Гаспарини и Бервакки, которые учили по совѣтмъ другимъ началамъ; и въ то же время жила Фаустина, которая пѣніемъ своимъ заставляла подагриковъ покидать свои постели, и Фаринелли, который даже эмгматиковъ Англичанъ заставлялъ вскрикивать: «Одинъ Богъ, одинъ Фаринелли.» Послѣ этого не удивительно, что пѣніе въ Германіи такъ медленно идетъ впередъ! Но возвратимся къ госпожѣ Конингъ, которая бесспорно почерпала свое образованіе въ превосходной школѣ, и была бы истинно отличною пѣвицею, еслибъ имѣла болѣе силы въ голосѣ; тогда она могла бы избѣгать въ некоторыхъ неровностей интонаціи, которыя тонкое ухо, — не только очень тонкое, — слышитъ подчасъ въ мѣстахъ, требующихъ напряженія. Госпожа Конингъ прѣвѣла большую концертъ

ную арію Моцарта, со скрипкою *obligato*, которую держала господица Вьѣтанъ; потомъ съ господиномъ Тальянко концертный дуэтъ, Паэра; съ госпожиномъ Гардонн большой дуэтъ изъ «Фаворитки» Донизетти, и съ обими послѣдній тріо изъ «Роберта». Всего прекраснѣе исполнила она арію Моцарта, что служить отраднымъ свидѣтельствомъ высокаго художественнаго направленія этой пѣвицы. На большинство публки однако же дуэтъ Паэра произвелъ наибольшее впечатлѣніе; правда, что онъ былъ исполненъ съ такимъ одушевленіемъ, остроуміемъ и юморомъ, что трудно было бы не увлечься этимъ такъ весело журчащимъ ручейкомъ. Господинъ Тальянко пропѣлъ большую арію изъ Мейерберова «Пророка», зѣбскую побѣдную пѣснь Матисена, которая чрезвычайно поправилась и была потребована вторично, не смотря на непростительно дурной аккомпаниментъ фортепіано. Госпожа Меркль спѣла своимъ полнымъ и величественнымъ контральтномъ арію Россини и застольную пѣсню Маффіо изъ «Луcreціи Борджіи», и произвела такой восторгъ, вполнѣ заслуженный, что дамы и мужчины, молодые и старики, — говорятъ: даже стулья в скамейки, — все аплодировало изо всѣхъ силъ; если бъ кто вошелъ въ эту минуту въ залу, онъ могъ бы подумать, что забрелъ въ гимнастическое заведеніе или въ домъ умалишенныхъ. Господинъ Вьѣтанъ сыгралъ нѣсколько разъ слышанную уже пьесу своего сочиненія; господинъ Мартыновъ являлъ замѣчательный талантъ для дилетанта, исполнилъ нѣсколько Листовскихъ и Демеровскихъ переложеній. Господинъ Нигри, аккомпанировавшій пѣвицу на фортепіано, исполнилъ свое дѣло очень, очень неудовлетворительно.

Госпожа Конингъ собирается ѣхать въ Москву, гдѣ она, безъ сомнѣнія, будетъ такою же пріятною гостьею, какъ здѣсь.

Пятнадцатаго января былъ концертъ слѣпорожденнаго скрипача, господина Шлетынскаго. Между слѣпыми бывають перѣдко превосходные флейтисты, на скрипкѣ же имъ не удастся достигъ сколько-нибудь значительной степени искусства. Это впрочемъ очень понятно. Въ движеніяхъ слѣпаго всегда есть какая то робость, шаткость, недозволяющая ему усвоить себѣ свободный, энергическій смычекъ, безъ котораго не можетъ быть сильнаго и полнаго тону. Кромѣ того, веденію смычка можно научить только примѣромъ; слѣдовательно нѣтъ возможности передать его слѣпому; для него это недоступная тайна, если только не наведетъ его на нее счастливый музыкальный инстинктъ. Если же безъ свободы движенія нельзя достигнуть бокаго смычка,

а безъ бойкаго смычка не можетъ быть хорошаго тону, безъ хорошаго же тону не можетъ быть сколько-нибудь замѣчательной игры на скрипкѣ, то можно бы ожидать, что объ игрѣ господина Шлетынскаго мало можно сказать отраднаго. Однако же это не было бы справедливо. Господинъ Шлетынскій, конечно, имѣетъ недостатки, которые всегда будутъ камнемъ преткновенія для слѣднаго скрипача, однако же не смотря на то, онъ обладаетъ достоинствами, которыхъ мы никогда еще не встрѣчали въ такой степени у слѣднаго. Эти достоинства суть: всегда чистая интонація, значительная бойкость и увѣренность въ трудныхъ пассажахъ, и наконецъ игра, исполненная изящества и чувства. Однимъ словомъ, если бы онъ имѣлъ лучшей товъ, его безспорно можно бы причислить къ самымъ замѣчательнымъ скрипачамъ.

Какъ слышно, онъ также собирается въ непродолжительномъ времени ѣхать въ Москву.

В. ДАМКЕ.

=

КНИГИ ПО УМѢРЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петяля, № 3.)

Цѣны на серебро.

ALLETZ. Harmonies de l'intelligence humaine. Paris 1846.	2 vol. in 8.	3 rbls. 45 c.
AMBERT. Duplessis Mornay. Paris 1847.	1 vol. in-8.	2 rbls. 30 c.
BOUILLAUD. Essai sur la philosophie médicale et sur les généralités de la clinique médicale. Paris 1836.	1 vol. in-8	2 rbls.
BUREAUD-RIOFREY. Education physique des jeunes filles. Paris 1835.	1 vol. in-8.	1 rbls. 50 cop.
CHARPENTIER. Essai sur le matériel de l'artillerie de nos navires de guerre. Paris 1845.	1 vol. in-8.	1 rbl. 70 c.
COQUELIN. Essai sur la filature mécanique du lin et du chanvre. Paris 1840.	1 vol. in-8.	2 rbls.
DELAPORTE. Guide de la conversation française-arabe. Alger 1841.	1 vol. in-8 oblong.	2 rbls. 25 c.
DELECLUSE. Grégoire VII, Saint-François d'Assise, Saint-Thomas d'Aquin. Paris 1844.	2 vol. in-8.	4 rbls. 30 c.
DELESTRE. Gros et ses ouvrages. Paris 1845.	1 vol. in-8 et portrait.	2 rbls. 35 c.

- BRUXELLES.** Documents historiques ou discours, précédés d'un avertissement par Delehayot. Paris 1842. 2 vol. in-8. 4 rbls. 25 c.
- DUMENIL.** Epreuves sociales de la France, depuis Louis XIV, jusqu'à nos jours. Paris 1845. 1 vol. in-8. 1 rbl. 70 c.
- DELABRÈRES.** des jolis enfants. Paris. 1 vol. in-4 cartonné, avec gravures. 3 rbls. 50 c.
- DUMAS.** Louis XIV et son siècle; édition illustrée. Paris 1844. 2 vol. gr. in-8 reliés. 15 rbls.
- DUMONT.** De l'éducation populaire et des écoles normales primaires. Paris 1841. 1 vol. in-8. 2 rbls.
- DUPRAT.** Essai historique sur les races anciennes et modernes de l'Afrique septentrionale. Paris 1845. 1 vol. in-8. 2 rbls.
- DUREAU DE LA MALLE.** Economie politique, des Romains. Paris 1840. 2 vol. in-8. 4 rbls. 55 c.
- EBN-KHALDOUN.** Histoire de l'Afrique et de la Sicile; texte arabe accompagné d'une traduction française et des notes. Paris 1841. 1 vol. in-8. 4 rbls.
- ESPIARD DE COLONGE.** Artillerie pratique employée sous les règnes et dans les guerres de Louis XIV et Louis XV, seules tables de l'artillerie française avant Gribeauval. Paris 1816. 1 vol. in-4 avec un atlas de 68 planches. 17 rbls. 15 c.
- FANNY** ou les vrais ornements; traduits de l'anglais par Mme. Lebe-Gigou. Paris. 1 vol. in-12 cartonné, avec gravures, tranches dorées et ornements en or. 2 rbls.
- FLEURY.** Essai sur les caractères de la vérité. Paris 1844. 1 vol. in-8. 2 rbls.
- GIRAULT DUVIVIER.** Encyclopédie élémentaire de l'antiquité. Paris 1830. 4 vol. in-8. 4 rbls.
- ICONOGRAPHIE** française ou portraits des Rois et Reines de France, et des personnages les plus illustres qui ont paru en France depuis François I. jusqu'à la fin du règne de Louis XVI. Paris. 2 vol. gr. in-8 cartonnés. 14 rbls.
- MARTIN.** Histoire de la vie et de l'épiscopat de Charles Borromée, Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 rbl. 70 c.
- MARMONT.** De l'esprit des institutions militaires. Paris 1845. 1 vol. in-8. 1 rbl. 15 c.
- MINARD.** Cours de construction des ouvrages qui établissent la navigation des rivières et des canaux, Paris, 1841. 1 vol. in-4 et atlas in-4. 10 rbls. 40 c.
- Cours de construction des ouvrages hydrauliques des ports de mer. Paris 1846. 1 vol. in-4 et atlas in-4. 7 rbls. 25 c.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕВЯНОСТО-ДЕВЯТАГО ТОМА.

=

I. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Житейская школа. Оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Дѣйствіе четвертое и пятое. П. И. Григорьева 1-го.....	9	✓
Замосковная летопись о нашихъ женскихъ дѣлахъ и о другихъ. Книги вторыя. Статья вторая. Лейлы.....	93	
Женщина. Повесть. Е. М....вой.....	147	✓
Письма изъ Италіи. Салерно. Развалины Пестума. В. Яковлева.	181	
Замосковная летопись о нашихъ женскихъ дѣлахъ и о другихъ. Книги вторыя. Статья третья. Лейлы.....	213	
Rendez-vous. Повесть Л.....	262	✓

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Самуэль Титмарш и его большой гоггартіевскій алмазь. Повесть Тэкереля. Часть вторая и послѣдняя.....	1	
Валерія. Автобіографія. Сочиненіе Марріэта. Часть первая.....	85	

III. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Общій законъ появленія, существованія и исчезанія организмовъ. <i>С. Куторги</i>	1
✓ <i>Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. Статья вторая. А. Тюрина</i>	25
✓ <i>Живопись во Франціи въ осемнадцатомъ столѣтїи. Грѣзь. Д. Мацкевича</i>	57
Гораціевы возлюбленныя.....	93
✓ <i>Очеркъ новѣйшихъ историковъ Западной Европы. Ранке. Статья первая. Михаила Куторги</i>	107
✓ <i>Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. Статья третья. А. Тюрина</i>	133
✓ <i>Живопись во Франціи въ осемнадцатомъ столѣтїи. Ванло. Статья третья. Д. Мацкевича</i>	165

IV. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О разведеніи винограда и винодѣліи въ Россіи. Статья первая.	1
То же. Статья вторая.....	31

V. КРИТИКА.

1. The monuments of Niniveh, from drawings made on the spot by Austen Layard, etc. (Памятники Нинивїи, по рисункамъ, снятымъ на-мѣстѣ, изданныя Августомъ Лейардомъ, Лондонъ, 1848, folio).	
2. Monument de Ninive, découvert par P. Botta, dessiné par E. Flandin, etc. (Памятникъ нинивїйскій, открытій П. Боттою, срисованный Е. Флапденомъ. Парижъ, 1847—1848, folio).	
<i>О. И. Сенковскаго</i>	1
То же. Статья вторая.....	19

VI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОИЩЬ.

Декабрь, 1849. Новыя книги и брошюры.....	1
— — — Разныя извѣстія.....	18
Январь, 1850. Новыя книги и брошюры.....	19
— — — Разныя извѣстія.....	46

VII. СМѢСЬ.

ЯНВАРЬ.

Литературная собственность въ Англіи.....	1
Библіотека Людвига Тика.....	2
Новый будильникъ.....	3
Война съ крысами въ Парижъ.....	3
Публичныя библіотеки въ Англіи и на материкъ.....	4
Отношеніе грамотности къ преступленіямъ во Франціи.....	5
Ученое общество въ Вандименовой землѣ.....	5
Древняя статуя, отрытая въ Римѣ.....	6
Нравы и обычаи куропатокъ.....	7
Женитьба Бальзака.....	12
Похожденія медвѣжьего охотника.....	14
Бѣлая роза.....	20
Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шато- бриана. Часть тринадцатая.....	50
Новости петербургской сцены.....	83
Новыя музыкальныя сочиненія.....	111
Моды.....	120

ФЕВРАЛЬ.

Сравнительное народонаселеніе Голландіи, Бельгіи и Баваріи.....	121
Монастырскія библіотеки среднихъ вѣковъ.....	125
Леченіе глухоты у стариковъ.....	137
Растеніе, излечивающее водобоязнь.....	139
Бичующіеся.....	140
Флорентинскій безумецъ.....	142

и.

Исторія Розана, разсказанная имъ самимъ.....	151
Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шато- бриана: Часть четырнадцатая.....	164
Охотники новаго времени. Сочиненіе маркиза де-Сураса. Часть четвертая.....	167
Князь Меттернихъ.....	186
Китаецъ Синяя Борода или Седьмая жена.....	200
Музыкальныя новости.....	214
Французскія книги.....	225
Музыкальныя сочиненія.....	229
Моды.....	237

FEB 10 1937

